ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ
ӨЗБЕГИСТАН ССР-ниң МЕРКЕЗИ ДӨВЛЕТ ТАРЫХ АРХИВИ

ТҮРКМЕНИСТАНЫҢ РУССИЯ БИРИКДИРИЛМЕГИ

(АРХИВ ДОКУМЕНТЛЕРИНИҢ ЙЫГЫНДЫСЫ)

Тарых ылымларының кандидаты А. ЫЛЯСОВЫҢ редакциясы билен

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ
АШГАБАГ 1960

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН ТССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ УЗБЕКСКОЙ ССР

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИИ К РОССИИ

(СБОРНИК АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

Под редакцией кандидата исторических наук А. ИЛЬЯСОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
АШХАБАД 1960

В составлении сборника документов принимали участие младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР Х. Агаев, старший научный сотрудник того же института Г. Б. Акопов (ответственный составитель), старшие научные сотрудники Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР З. И. Агафонова, Я. С. Дзивилая, К. З. Мухсинова, старшие научные сотрудники Центрального Государственного Военно-исторического архива Р. Е. Альтшуллер, Г. Н. Дегтярева, Б. В. Филиппов и научный сотрудник Р. К. Федотова, старшие научные сотрудники Центрального государственного архива Военно-Морского Флота В. Н. Норнов, В. В. Петраш, А. И. Сафронова.

В выявлении документов принимали участие старший научный сотрудник Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР Л. К. Африкян, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР Б. Курбанов. Работой группы выявителей документов руководили от Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР профессор А. К. Каррыев, от Центрального Государственного Военно-исторического архива Е. П. Воронин (начальник отдела архива); от Центрального государственного архива Военно-Морского Флота А. А. Самаров; от Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР К. З. Мухсинова (начальник архива); от Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР А. Н. Иовидзе (начальник архива).

Списки сокращенных слов, названий фондов и хроника событий составлены младшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР Д. Довлетовым. Им же составлены указатели собственных имен и географических названий.

Большую помощь в археографической обработке материалов, полученных из Центрального Государственного исторического архива Уз.ССР, оказали старший научный сотрудник указанного архива Г. А. Волошина и младший научный сотрудник Г. П. Юн, а при подборе материалов — заведующая читальным залом Центрального Государственного Военно-исторического архива Н. П. Жуковская.

Институт истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР и Центральный Государственный исторический архив Узбекской ССР выражают признательность всем лицам и научно-исследовательским учреждениям, принимавшим участие в подборе материалов и подготовке сборника к изданию.

ВВЕДЕНИЕ

Период с конца 60-х до середины 80-х годов прошлого столетия в истории Туркменистана ознаменовался важнейшими событиями, оставившими глубокий след в жизни туркменского народа и оказавшими огромное влияние на весь ход его дальнейшего развития. В течение этого периода туркменские земли, простиравшиеся от восточного побережья Каспийского моря до реки Аму-Дарьи, были присоединены к Российской империи. В истории туркменского народа началась новая полоса развития, характеризующаяся серьезными сдвигами в хозяйственной и политической жизни, и прежде всего огромным подъемом антифеодальной и антиимпериалистической борьбы, складыванием объективных и субъективных предпосылок для социального и национального освобождения. Присоединение Туркмении к России, несмотря на жестокий колониальный гнет, принесенный сюда царизмом, имел громадное прогрессивное значение для туркменского народа.

Все это определяет огромную теоретическую и политическую значимость глубокой научной разработки вопроса о присоединении Туркмении к России, освещение всех его сторон и аспектов.

Вопрос о присоединении Средней Азии, в том числе и Туркмении, к России всегда привлекал как русских, так и иностранных авторов. К числу наиболее фундаментальных работ дореволюционного периода, посвященных этому вопросу, относятся труды Н. И. Гродекова, А. Н. Куропаткина, В. С. Эсадзе и других. Однако с классовых идейных позиций буржуазно-дворянской историографии этот вопрос не получил и не мог получить своего подлинно научного освещения. Такое действительно научное освещение стало возможным только на основе марксистско-ленинской методологии. Советскими историками проделана в изучении данной проблемы серьезная и плодотворная работа. Огромную роль в ее изучении, в преодолении имевших здесь место недостатков и извращений сыграли важнейшие партийные документы, в которых получила научную, марксистскую оценку вхождение ряда народов в состав России. В частности, исключительно большое значение имело в этом отношении Постановление ЦК КПСС, Совета Министров Союза ССР, Президиума Верховного Совета СССР о 300-летии воссоединения Украины с Россией и Тезисы ЦК КПСС по этому вопросу. Ряд узловых и принципиальных моментов этого вопроса был сформулирован на страницах журнала «Коммунист». В результате проверенных научных дискуссий, дополнительного анализа фактов и событий, относящихся к указанному периоду, усилиями советских историков созданы ценные исследования по вопросу о присоединении Средней Азии к России. В соответствующих главах сводных трудов по истории республик Средней Азии, в ряде монографических работ, а также отдельных статей, либо непосредственно посвященных данному вопросу, либо рассматривающих его в связи с общими проблемами истории Средней Азии, нашли свое научное разрешение наиболее узловые его момен-

ты, и дана единственно правильная общая оценка присоединения Средней Азии к России как важнейшего по своему прогрессивному значению исторического события в жизни среднеазиатских народов, в том числе и туркменского народа.

Огромное значение для дальнейшей разработки указанной проблемы имела проходившая в мае—июне 1959 г. в г. Ташкенте Объединенная научная сессия, специально посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России.

В работе сессии принимали участие видные ученые Москвы, Ленинграда и ряда братских республик, на ней была обобщена и подытожена многолетняя деятельность советских исследователей в области изучения данного вопроса, и на этой основе выдвинуты были перед ними новые задачи. Указано было, в частности, что одним из серьезных пробелов в научном исследовании вопроса о присоединении Средней Азии к России является далеко недостаточная еще изученность документальных материалов, о чем свидетельствует отсутствие сколько-нибудь полных сборников архивных документов[1].

Публикация настоящего издания архивных документов ставит своей целью способствовать в какой-то степени ликвидации этого серьезного пробела и тем самым помочь дальнейшему изучению советской исторической наукой указанного вопроса.

Социально-экономическое и политическое положение в Туркменистане к моменту его присоединения к России было чрезвычайно сложным. Страна не представляла собой единого политического целого — туркменские земли были раздроблены и разорваны между соседними феодальными государствами — Персией, Хивой и Бухарой. Эта разрозненность туркменских земель явилась одним из факторов, обусловивших сложный характер процесса присоединения Туркмении к России, который далеко неодинаково происходил в различных ее районах. Если Ахал-Текинский оазис был включен в состав Российской империи вооруженным путем, то районы Западного Туркменистана были присоединены к России сравнительно мирно, а юго-восточные его районы — на основе добровольности. Следует особенно подчеркнуть ту серьезную роль, которую сыграли в мирном присоединении Мервского, Иолотанского и других оазисов трудовые массы населения, сумевшие сорвать планы и замыслы антирусских элементов, направленные на развязывание кровопролитной войны с Россией. Такая сложность и неопределенность процесса присоединения к России характерна не только для Туркменистана, но и для Средней Азии в целом, что определяет собой необходимость тщательного изучения особенностей условий и конкретно исторического хода этого процесса в различных районах и у различных народов.

Первыми в составе Российского государства оказались туркмены, населявшие владения бухарского эмира[2]. Однако события, связанные с жизнью туркменских племен Бухарского ханства в этот период, их хозяйственная и политическая жизнь не получили своего достаточно прямого отражения в документации русских властей. Вот почему читатель найдет в настоящем сборнике всего лишь несколько наиболее характерных документов, непосредственно относящихся к этим районам. В то же время в целом ряде документов сборника имеется косвенное упоминание о туркменских племенах Бухарского эмирата.

1. „Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии", изданный в нескольких томах, сборник документальных материалов „Афганское разграничение. 1886 г. (в переводе на русский язык) и другие издания по своему характеру и задачам не отвечают этим требованиям. В них содержатся документы, которые скорее носят случайный характер, что же касается сборника материалов „Афганское разграничение", то он посвящен специальному вопросу, а именно—проведению государственной границы между царской Россией и Афганистаном, и в нем поэтому лишь косвенно освещается ряд моментов данной проблемы.

2. Мы не говорим в данном случае о том сравнительно небольшом количестве мангышлакских туркмен, которые приняли русское подданство в XVII—XVIII вв.

Подробные сведения об этом можно будет получить из сборника архивных документов „Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв". (до присоединения Туркмении к России, который готовится к изданию Институтом истории, археологии и этнографии АН ТССР.

Вслед за туркменами Бухарского ханства в состав России вошла компактная масса туркмен, населявших побережье Каспийского моря. Присоединение этих районов началось в 1869 г., после высадки отряда русских войск в Красноводском заливе.

Документы первого раздела настоящего сборника характеризуют общий процесс присоединения Западной Туркмении к России. В них содержатся ценные сведения о целях высадки русского военного десанта, которым командовал полковник Столетов, а также о дальнейших мерах, предпринятых царскими властями для укрепления позиций России на восточном побережье Каспийского моря.

Занятию Красноводска придавалось исключительно важное значение — он должен был служить русским войскам плацдармом для дальнейшего продвижения в глубь Туркмении, а также к Хивинскому ханству (док. №№ 1, 4, 7, 10 и др.).

К новому пункту в том же 1869 г. стали стекаться первые караваны с товарами, организованные местными купцами. Одновременно с развитием торговли осуществлялись меры по дальнейшему экономическому освоению края, разработке минеральных богатств.

В течение 1869—1870 гг. Красноводским отрядом производилась рекогносцировка путей до Кизыл-Арвата, в ходе которой был собран богатый материал военного и политического характера. В 1871—1872 гг. район рекогносцировок значительно расширился, и они велись теперь уже по трем направлениям: на северо-восток до Балхан и Сарыкамышской впадины, на юг в район Атрека и на восток до Кизыл-Арвата. В ходе этих рекогносцировок производился сбор сведений о туркменах, в частности об особенностях жизни и быта кочевников-скотоводов в районе Атрека и Гургана, о маршруте их кочевий, устанавливались связи с туркменским населением. Далеко не все эти рекогносцировки районов восточного побережья Каспийского моря прошли гладко. По мере удаления отряда от берега имели место первые стычки с туркменами. В ноябре 1872 г. была организована карательная экспедиция, которая под предлогом борьбы против «грабежей» со стороны туркмен свирепствовала в районе Топиатана.

Присоединение Туркмении к России было непосредственно связано с продвижением царизма в среднеазиатские ханства. Поэтому царское командование, помимо задач упрочения позиций России на туркменском побережье Каспийского моря, преследовало цели изучения путей и возможностей переброски отряда Кавказских войск в Хивинское ханство и притом... «с совершенно ничтожными на это расходами» (док. № 27). Этим задачам и служили прежде всего те рекогносцировки, которые предпринимались Красноводским отрядом.

Однако в подчинении Хивинского ханства, осуществленном в 1873 г., решающую роль сыграл не отряд, двигавшийся со стороны Красноводска, а Туркестанский отряд, направлявшийся со стороны Ташкента. Поскольку документы, связанные с походом этого отряда, уже опубликованы[1], сочтено было нецелесообразным включение их в настоящий сборник. Среди большого количества документов, имеющихся в нашем распоряжении, отобраны лишь те, в которых сообщаются сведения о социально-экономическом укладе туркменских племен, населявших ханство, а также о последствиях, связанных с решением так называемого «туркменского вопроса» в Хиве (док. №№ 39, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 51, 52, 57, 144 и др.).

1 Серебрянников „Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края" (Ташкент, 1908).

Заняв территорию Хивинского ханства, царские генералы приступили к жестокой расправе с туркменским населением.

Кровавые погромы генерала Головачева (док. №№ 46, 57), жестокие притеснения и гнет, которым подвергалось местное население, — все это послужило причиной стихийных восстаний и волнений хивинских туркмен (док. №№ 47, 53 и др.).

Самое крупное из этих выступлений произошло в 1876 г. Царское правительство вынуждено было пересмотреть порядок и сроки уплаты контрибуции.

Невыносимо тяжелой доле туркменского населения горячо сочувствовали трудовые массы узбекских районов (док. № 54). Узбеки укрывали у себя беженцев-туркмен. Несколько позже генерал Кауфман писал: «Солидарность узбеков с туркменами подтверждается» (док. № 56). Туркмены, населявшие территорию Хивинского ханства, представляли серьезную силу и в союзе с трудящимися узбеками постоянно угрожали без того шаткой власти хана. Учитывая, видимо, это обстоятельство, начальник Аму-Дарьинского отдела полковник Иванов предлагал предоставить хану более широкие права в вопросе о взаимоотношениях с туркменами (док. № 51).

С завершением похода на Хиву и расширением сферы непосредственного влияния России возникла необходимость пересмотра формы правления Красноводским районом. В связи с этим было решено создать административный район под начальством одного лица, в руках которого находилась бы и гражданская, и военная власть. В 1874 г. был создан Закаспийский военный отдел в составе Мангышлакского и Красноводского приставств. Создание Закаспийского военного отдела с его приставствами явилось первым серьезным шагом царизма в деле установления административной власти в Западном Туркменистане. Это был вместе с тем и один из первых экспериментов в области административно-хозяйственного управления, проводившихся царскими колонизаторами на туркменской земле. Функция приставов, как это видно из документов, носила преимущественно характер полицейского надзора за населением. Здесь мы имеем более чем убедительный пример военно-феодальной системы управления вновь присоединенной области. Судоустройство, податная система, повинности и т. д. основываются исключительно на принципах шовинистической политики и колониального грабежа трудовых масс.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, как туркменское население внутренних районов стремилось установить доброжелательные отношения с русским отрядом. Однако большинство царских военачальников своими грубыми и насильническими действиями вызвало серьезные конфликты с туркменами. Они требовали безотлагательно занять Ахалтекинский оазис. Политический курс царского правительства на вновь занятой территории и дальнейшие планы по отношению к оазису в рассматриваемый период отчетливо прослеживаются также в письме военного министра наместнику Кавказскому от 3 апреля 1875 г. (док. № 74).

Обширная переписка, которую вели туркменские ханы и старшины с русским начальством, частые посещения ими Красноводска — все это способствовало сближению местного населения с Закаспийским военным отделом и оказывало на него заметное влияние[1]. Постепенно происходила разрядка атмосферы настороженности и недоверия, и среди местного населения укреплялось миролюбивое и доброжелательное настроение. Тем самым подготавливалась почва для мирного присоединения Ахал-Текинского оазиса. В этих условиях высказывались соображения о целесообразности учредить в Ахал-Теке русское управление в виде приставства. Оно должно было послужить дополнительным фактором давления на текинцев Ахала в окончательном решении ими вопроса об избрании полновластного хана, который бы мог «...служить органом сношений между народом и начальством отдела...»[1] (док. № 85). Это было тем более важно, что среди ахал-текинцев в это время усиливалась межродовая рознь, которой, естественно, стремились воспользоваться царские власти. В июне 1876 г. начальник Закаспийского военного отдела обратился с письмом к ахал-текинским старшинам о порядке сношений ахал-текинцев с русской администрацией Закаспийской области.

На Нурберды-хана[2] возлагалась обязанность снабжать письменными документами караваны, идущие из Ахал-Текинского оазиса в Красноводск (док. № 110). Подобные примеры, которые содержатся во многих документах настоящего сборника, говорят о том, что со стороны царских властей делались попытки прямого вмешательства во внутренние дела ахал-текинцев.

Определенная связь с населением Ахал-Текинского оазиса поддерживалась также через Аму-Дарьинский отдел, поскольку ахал-текинцы обращались в этот отдел, а через него и к хивинскому хану для разрешения наиболее жизнетрепещущих вопросов. Так было, в частности, в разгар борьбы по вопросу о том, кому стать полновластным ханом Ахала, когда ряд старшин обратился в Аму-Дарьинский отдел с просьбой направить к ним хана[3], по усмотрению самого правителя Хивы (док. №№ 90, 93, 95, 97, 102 и др.). Возня с назначением правителей из Хивы более чем убедительно свидетельствует о серьезном внутриполитическом кризисе у ахал-текинцев, о резком обострении здесь в этот период социальных противоречий. Этим пытались воспользоваться политические авантюристы в интересах соседних феодальных государств. Так, например, некий Абдул Хасан[4] предлагал туркменам Ахал-Теке принять иранское подданство. С деятельностью этого авантюриста и связан выезд «депутации» текинцев в Тегеран (док. №№ 114, 117, 118, 119, 128, 129, 130 и др.).

К началу 1876 г. в обществе ахал-текинцев наблюдается дальнейшее обострение внутриполитической борьбы. Оно было вызвано главным образом внешними условиями, и прежде всего, активизацией деятельности английской разведки, усиленно распространившей при помощи других антирусских элементов слухи о готовящемся походе русских войск на Ахал.

Воинствующие политики английского империализма упорно вынашивали планы колониальных захватов в Средней Азии. Естественно поэтому, что капиталистическая Англия ревностно следила за каждым шагом, предпринимавшимся здесь царской Россией, поскольку именно Россия была основной ее соперницей в этом районе. Известная версия о «русской угрозе» Индии, которая распространялась английскими колонизаторами, преследовала цель обвинить в захватах чужих террито-

---

1 Обо всем этом сообщил Маха Магометов, специально посланный в 1875 г. для сбора сведений в Ахале. Маха Магометов, судя по документам, родом даргинец, состоял всадником при управлении Закаспийского военного отдела, неплохо владел туркменским языком, знал религиозные каноны и благодаря этому умел общаться с местным населением.

1 Имеется в виду Закаспийский военный отдел.

2 По мнению царских чиновников, Нурберды-хан считался наиболее подходящим для избрания его единовластным ханом Текинского оазиса. Дело в том, что в ряде документов имеются сведения о наличии у текинских старшин грамот на право пользования землей, жалованных им когда-то хивинскими ханами. Нурберды-хан владел одной из таких грамот, причем его владения занимали очень большую территорию, вследствие чего политическое влияние его как хана распространялось на обширный район. Именно поэтому царские власти стремились использовать его как свою опору в Ахал-Текинском оазисе.

3 Были направлены Муса Мутавайли и Вейс Ниязюзбаши.

4 Абдул Хасан-хан сын правителя Кучана. Во время своего бегства из Персии он некоторое время жил у Нурберды-хана, и ему удалось сблизиться с этим наиболее крупным туркменским феодалом.

рий Россию и, прикрываясь этой ширмой, обосновать и оправдать свои собственные планы новых колониальных завоеваний на Востоке, в том числе в Средней Азии. С подчинением Россией среднеазиатских ханств основная территория Средней Азии к 1873 г. оказалась под властью русского царизма. Однако Англия, хотя и была поставлена перед совершившимся фактом утверждения России на основной части среднеазиатской территории, тем не менее отнюдь не хотела расставаться со своими захватническими планами в этом районе. Теперь в создавшихся новых условиях определенное место в этих планах стала занимать Туркмения. В настоящий сборник включен ряд документов (№№ 14, 34, 38, 146, 153, 155, 178, 179, 195, 199 и др.), которые содержат весьма важные данные об антирусской деятельности английских разведчиков и их турецких и каджарских подручных.

Распространение многочисленных враждебных России слухов, подкуп и шантаж, восхваление могущества Англии — таков далеко неполный перечень форм и методов деятельности английской разведки, широко применявшихся ею в туркменских степях. Главная цель всей этой деятельности состояла в том, чтобы поднять местное население против русских вплоть до организации вооруженных выступлений туркмен, используя эти выступления для распространения и укрепления своего собственного влияния на территории Туркменистана. Так, например, после посещения капитаном английской службы Непиром и другими английскими разведчиками ряда пограничных с Персией туркменских поселений резко обострилась вражда между жителями так называемых «ближних» и «дальних» крепостей[1].

Для изучения общей обстановки, сложившейся в Ахал-Текинском оазисе к 1879 г. его военно-стратегического положения и рекомендованных царскому командованию мерах для более успешного продвижения в Геок-Тепе, большой интерес представляет подробное описание, составленное полковником Петрусевичем (док. № 195), посланным командованием в Хорасан с целью сбора сведений о будущей пограничной линии.

Ценность этого документа заключается в том, что в нем отражено настроение наиболее воинствующих кругов русского офицерства, требовавших безотлагательного движения к центру Ахал-Текинского оазиса. Пространные доводы, которыми Петрусевич обосновывает свои предложения, являются типично шовинистическими и целиком проникнуты колонизаторским духом. Он не останавливается перед прямыми клеветническими выпадами против туркменского народа. Основной вывод Петрусевича сводился к тому, что в создавшихся условиях возможность «мирного движения по Текинскому оазису» исключена, и поэтому остается только одно — примечить силу. Исходя из этого, он предлагал немедленно приступить к решительному и беспощадному военному погрому, который показал бы туркменам Ахал-Текинского оазиса «невозможность сопротивления». В конце «Записки», выйдя из рамки своей непосредственной задачи, полковник Петрусевич высказывает мнение о необходимости продолжить движение русских войск через Ахал-Теке в сторону Герата[2]. Он указывал при этом, что «Россия может двигаться туда по особому пути, не затрагивая Персидскую территорию».

---

1 В Ахал-Текинском оазисе насчитывалось несколько десятков крепостей (кала). „Дальними" считались те, которые прилегали к центру оазиса—Геок-Тепе. Все остальные к западу от Геок-Тепе получили условное название „ближних" крепостей. Стремление жителей этих крепостей к мирному присоединению к России было сильнее, чем в „дальних".

2 На страницах англо-индийских газет развернулась шумная кампания по поводу подобных высказываний официальных лиц царского командования. Шумиха, поднятая вокруг мнимой „угрозы" Афганистану и Индии со стороны России, преследовала те же цели—оправдать и прикрыть расширение экспансии английских империалистов на Востоке.

Окончательной целью движения в Ахал-Теке, как об этом указывается во всех без исключения документах, было присоединение Мервского оазиса к России и установление государственной границы с Персией и Афганистаном. Исходя из этого, еще задолго до организации Ахал-Текинских экспедиций осуществлялся сбор сведений о мервских туркменах и их взаимоотношениях с туркменами Ахал-Теке. С этой точки зрения представляет интерес ряд документов (док. №№ 197, 199, 206, 222), и среди них особенно отношение начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Павлова. Как видно из этих документов, еще в период Ахал-Текинских экспедиций часть населения Мерва стремилась не отделиться от основной массы туркмен и стояла за принятие подданства России.

В начале 1879 г. царское правительство приступило к осуществлению более решительных мер по овладению Ахал-Текинским оазисом. Начались приготовления к военному походу в Ахал. О целях и задачах похода, о путях, средствах и мерах его осуществления подробно говорится в докладе начальника Закаспийского военного отдела штабу Кавказского военного округа и в ряде других документов (док. №№ 201, 202, 203, 213, 240, 243 и др.).

В сборник включены документы, которые содержат весьма важные сведения об отношении персидских властей к продвижению царских войск в глубь Туркмении (док. №№ 2, 3, 207, 209 и др.).

Наступление главных сил Ахал-Текинского отряда началось в конце июля 1879 г. из Чекишляра. В начале сентября поступили сведения об авангардных боях, развернувшихся непосредственно у крепости Геок-Тепе.

Данные об обороне Геок-Тепе, которые содержатся в документах настоящего сборника, представляют чрезвычайный интерес. В них, наряду со сведениями о действиях организаторов и об отношении населения к событиям, связанным с началом серьезных боев, имеются сведения о созданной текинцами хотя и примитивной, но тщательно разработанной и продуманной системе фортификационных сооружений (док. № 231).

Первая Ахал-Текинская экспедиция 1879 г. потерпела неудачу.

Для окончательного овладения Ахал-Текинским оазисом понадобилась организация еще одной военной экспедиции. К подготовке новой экспедиции, к разработке ее детального плана царское командование приступило в 1880 г. В этом отношении представляют некоторый интерес «Записки о предстоящих военных действиях», составленные Закаспийским военным отделом (док. №№ 243, 248 и др.). В «Записках» перечисляются внешнеполитические условия, «заставившие» царскую Россию ускорить движение в Ахал-Теке, и анализируются вместе с тем причины неудачи первой экспедиции, которые, по мнению авторов этого документа, заключались главным образом в растягивании коммуникаций и отрыве от тыловых баз, что и вынудило отвести войска назад. Теперь, ведя подготовительные работы к новой экспедиции, длившиеся несколько месяцев, командование старалось учесть недостатки в организации первого окончившегося неудачей похода. На этот раз предполагалось нанесение массированного удара по Геок-Тепе.

Летом 1880 г. отряды русских войск стали концентрироваться у Кизыл-Арвата. На пути к этому пункту отряду пришлось отбить несколько атак туркменской конницы. Осенью того же 1880 г. произошли весьма серьезные столкновения уже в непосредственной близости к Геок-Тепе. Подробные сведения об этих боях встречаются в «Журналах военных действий войск...» (док. № 263, 264, 265).

Геок-Тепинская крепость подверглась длительной осаде, продолжавшейся несколько месяцев. Предпринят был ряд штурмов. И лишь 12 января 1881 г., несмотря на замечательный героизм, проявленный ее защитниками, о чем свидетельствует огромное количество документов, в том чис-

ле донесения и рапорты царского командования, крепость Геок-Тепе пала. 18 января отряд царских войск занял небольшое селение Ашхабад и вслед затем Гяурс, являющийся самым крайним пунктом Ахал-Текинского оазиса. Таким образом, вопрос об Ахал-Текинском оазисе был решен.

Весной 1881 г. царским правительством осуществлены были меры по дальнейшему совершенствованию административного устройства в Закаспии (док. №№ 261, 267, 384 и др.). В целях привлечения местной феодальной верхушки на свою сторону царские власти занялись сбором подробнейших сведений о наиболее состоятельных и влиятельных элементах оазиса. Особенно характерным с этой точки зрения является отношение царских властей к Махтумкули-хану, являвшемуся одним из организаторов и вдохновителей обороны Геок-Тепе. После падения крепости он бежал в Мерв. Царские власти неоднократно предлагали Махтумкули вернуться в Ахал, направляя к нему для этого специальных, притом весьма высокопоставленных представителей. Это было, разумеется, неслучайно. Власти учитывали, что Махтумкули-хан был крупным феодальным вождем, владения которого были расположены в Ахал-Текинском оазисе и который мог при соответствующем отношении стать надежной опорой царизма в Закаспии. С этой же целью ряд наиболее крупных представителей туркменской феодальной аристократии был направлен в Петербург, где они получили воинские звания, правительственные награды и назначения на военно-административные должности в колониальном управленческом аппарате Закаспийской области. Материалы документов (№№ 268, 269, 281, 282, 329 и др.) дают ясное и отчетливое представление о социальном неравенстве, которое имело место к этому времени среди туркмен Ахал-Текинского оазиса (док. №№ 269, 281 и др.). Тем самым эти документы разоблачают утверждения буржуазных авторов об отсутствии якобы классовой дифференциации у туркмен[1].

Осуществив план военного подчинения Ахал-Текинского оазиса, царское правительство временно приостановило дальнейшее продвижение войск в сторону Мерва. Это был своего рода маневр царизма, посредством которого он, с одной стороны, хотел «успокоить» английские политические круги, серьезно взволнованные продвижением русских, а с другой — получить возможность более тщательного изучения положения в Мерве и выработки в соответствии с этим дальнейшей тактики. Став на путь мирной и осторожной тактики в Мервском вопросе, царское правительство считало необходимым всемерное укрепление контактов с Мервом как по линии хозяйственной, так и по линии политической и административной. С родоплеменными вождями Мервского оазиса велась оживленная переписка. В этих письмах нашли свое отражение не только тенденция самой родо-племенной верхушки к установлению личных контактов с царскими властями, но и общая тяга населения Мерва к принятию русского подданства. Одновременно с этим в них сообщались важные сведения о положении в Мерве (док. №№ 333, 343, 344, 345 и др.). Весьма показательна, с точки зрения налаживания отношений с Мервом, включенная в сборник копия договора, заключенного между царским командованием и мервскими старшинами (док. № 322). Сбору сведений о мервских, атекских и пендинских туркменах царские власти придавали исключительно большое значение. Поэтому, не ограничиваясь только данными, которые имелись в письмах родо-племенных старшин, русская администрация направляла для сбора подобных сведений и других документов специальных людей. В этом отношении представляют интерес сведе-

1 Мак-Гахан.—Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875, стр. 247.

ния, собранные Джаббаркули Худайкуловым[1], Тыкма-сардаром и др. (док. 308, 333).

Еще более важные сведения о Мерве были собраны участниками торгового каравана, отправленного в Мерв в начале 1882 г. (док. №№ 343, 341, 342, 358, 371 и др.). Это было началом вовлечения Мервского оазиса в систему общероссийского рынка. Поэтому среди данных, собранных участниками торгового каравана, особое место занимают представляющие большую ценность сведения о торговом значении Мерва, характерном для него покупательном спросе, о возможностях развития товарного хлопководства в долине реки Мургаб, о положении в Атекском и Теджанском оазисах и т. п. Материалы, полученные в результате посылки этого каравана, со всей определенностью выявили возможности мирного присоединения Мерва.

Сложность и острота внутреннего положения в Мерве, как и раньше в Ахал-Текинском оазисе, усугублялись происками английских военно-политических разведчиков. В самом Мерве в 1881 г. орудовал, в частности, «корреспондент» английской газеты О'Донован (док. №№ 277, 310, 311, 334, 335). О деятельности ряда других английских агентов в сопредельных с Мервом районах не менее интересные сведения приводятся в донесениях русских начальников, а также в письмах местных жителей (док. №№ 324, 348, 349, 375 и др.). Большой интерес в этом отношении представляют письма канонира Кидяева, находившегося в начале 80-х годов в плену у мервских туркмен (док. № 270).

Целая группа английских агентов действовала под видом «дервишей». Возглавлял ее Сиях-Пуш. После присоединения Мерва вся эта группа попала в руки русских властей. По делу ее было организовано следствие. Наиболее характерные документы его включены в сборник (док. №№ 377, 382, 408, 411, 423 и др.). Ряд важных данных о положении в Мерве имеется в «Журнале» особого совещания, проходившего 25 августа 1883 г. (док. № 373), и в докладной записке генерала Гродекова Главному штабу (док. № 368) и в других документах. В этих же документах приводятся и соображения о дальнейших мерах по овладению оазисом.

К концу 1883 г. отряд русских войск стоял у селения Карры-Бент на реке Теджен. 1 января 1884 г. мервский «Генгеш»[2] вынес решение о добровольном принятии русского подданства и о посылке с этой целью специальной депутации в Ашхабад (док. №№ 382, 383, 384, 385, 386, 388, 389, 390, 391, 394, 395, 398, 401 и др.). В сборнике помещено «Клятвенное обещание», подписанное депутацией (док. 399).

Ряд документов показывает, как происходила организация во вновь присоединенном оазисе специального административного района, являвшегося частью Закаспийской области (док. №№ 384, 389, 390, 392, 394, 436, 449 и др.).

С решением вопроса о Мерве тесно связан вопрос об Атекском предгорье. Чрезвычайный интерес представляют с этой точки зрения путевые заметки русского инженера П. М. Лессара, в которых приводятся многочисленные данные о произволе и притеснениях по отношению к туркменскому населению со стороны персидских властей (док. №№ 283, 312, 367 и др.). В сборник включено большое количество писем сарыкских и атекских старшин на имя царских начальников с изъявлением положений о принятии их в русское подданство (док. №№ 292, 322, 356, 372, 374, 410 и др.).

Вслед за добровольным присоединением Мерва последовал целый поток просьб со стороны жителей еще не присоединенных оазисов о

1 Джаббар-кули Худайкулов, житель Шахрисябза, был командирован в Мерв туркестанскими властями.

2. Собрание старшин.

принятии их в русское подданство (док. 410, 411, 415, 419, 437, 445, 447 и др.). Вопрос о присоединении Иолотанского оазиса был решен сразу. Что же касается присоединения Атекского и Пендинского оазисов, то оно задержалось до окончательного определения русско-афганской границы.

Множество документов, составляющих последний раздел сборника, характеризует работу русско-афганской разграничительной комиссии. Афганскую сторону в этой комиссии представляли главным образом английские «специалисты», которые использовали свое положение для организации пограничных стычек и других провокационных действий, направленных против России.

18 марта 1885 г. у местечка Таш-Кепри произошло вооруженное столкновение между русским и афганским отрядами, явившееся в значительной степени результатом этих провокационных действий со стороны англичан, которые и руководили афганскими отрядами. Сражение закончилось победой русских и занятием ими Пендинского оазиса.

Так завершилось присоединение Туркмении к России. На основе Соглашения, подписанного в сентябре 1885 г. в Петербурге, и Лондонского Протокола, подписанного в 1887 г., была проведена граница между Россией и Афганистаном. Она по существу составляла продолжение границы с Персией, установленной конвенцией от 9 декабря 1881 г.

Весь последующий ход исторического развития показал, насколько плодотворным, с точки зрения социального прогресса, явилось для туркменского народа вхождение Туркмении в состав России. Прошло всего три десятилетия, и освободительный гром Великого Октября возвестил начало новой эры в истории человечества — эры социализма. Навсегда освобожденный от гнета и «своих», и «чужих» эксплуататоров туркменский народ, как и другие народы бывших колониальных окраин, уверенно пошел под руководством Коммунистической партии по пути строительства нового мира. В результате последовательного претворения в жизнь ленинской политики туркменский народ совершил при братской помощи русского народа великий всемирно-исторический скачок от патриархально-феодальной отсталости к вершинам общественного прогресса, став цветущей социалистической республикой Советского Востока и миновав при этом мучительную стадию капиталистического развития. Ныне равный среди равных в братской семье социалистических наций, туркменский народ идет развернутым фронтом к вершинам коммунистического общества.

* * *

Выявление документальных материалов для настоящего издания производилось в Центральном государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном архиве Военно-Морского флота, Центральном государственном историческом архиве СССР, Центральном государственном архиве Туркменской ССР, Центральных государственных исторических архивах Грузинской и Узбекской ССР. Работа по выявлению документов велась совместно с сотрудниками этих архивов.

Для составления настоящего сборника из фондов указанных архивов отобраны наиболее важные и ценные документы, большинство из которых публикуется впервые. В этом отношении наибольший интерес представляют материалы фондов Государственных исторических архивов Грузинской ССР и Узбекской ССР. Циркуляры из Петербурга, распоряжения главнокомандующих войсками, донесения начальников низших инстанций, депеши, телеграммы — все это проходило главным образом через Кавказские и Туркестанские военно-административные ведомства.

Большинство этих документов хранится в подлинниках в фондах Государственных исторических архивов Грузинской ССР и Узбекской ССР. В изданном в 1946 г. сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.»

(составители проф. А. Г. Соловьев и А. А. Сенников) документы этих двух архивов почти не были представлены, хотя в основном этот сборник посвящен вопросу присоединения Туркмении к России. Сравнительно небольшой по объему, он почти полностью был построен на материалах Центрального государственного военно-исторического архива. Тем не менее следует отметить, что выход в свет указанного сборника сыграл в свое время известную положительную роль, введя в научный оборот ряд важных и неизвестных до того документальных материалов.

В настоящем сборнике помещены документы из фонда № 400, Азиатская часть, ф. ВУА, ф. 1396 Центрального государственного военно-исторического архива; фондов 545, 521, 210, 1087, 5 Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР; ф. 1, ф. 715 Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР; ф. 1 Центрального государственного архива Союза ССР; ф. 17 и ф. 410 Центрального государственного архива Военно-Морского флота и несколько документов из ф. № 6, Государственного архива Оренбургской области. Документальные материалы этих фондов взаимно дополняют друг друга и дают представление о всех этапах присоединения Туркмении к России и способствуют уяснению отдельных деталей.

Однако в ряде случаев сведения, сообщаемые в документах, страдают тенденциозностью и односторонностью. С особенной резкостью эта тенденциозность и однобокость сказываются в тех документах, где речь идет о военно-стратегических и колонизаторских планах царизма в Закаспии. Явное в ряде случаев преувеличение и даже грубое искажение фактов, отдельные беспочвенные выводы и пренебрежительный тон авторов, а подчас и прямая клевета на местное население — все эти и им подобные пороки так или иначе наложили свой отпечаток на известную часть приводимых в сборнике материалов. Однако это ни в коей мере не должно порождать огульно нигилистического отношения к документам. При всей имеющей место тенденциозности они в основной своей части отражают те действительные факты, которые имели место в истории, хотя и дают нередко предвзятое их толкование. Отсюда важнейшей задачей советских исследователей данного исторического периода является тщательный и всесторонний анализ изучаемых фактов и объективная научная их оценка путем умелого отделения исторической истины от лживых наслоений.

Отбор документальных материалов для настоящего издания произведен с учетом необходимости облегчить работу читателя и дать ему возможность убедиться в достоверности того или иного факта путем сопоставления ряда документов. Дело в том, что сплошь и рядом одни и те же факты находят свое изложение сразу в нескольких документах. Объясняется это характером и особенностями канцелярской переписки царских чиновников. Об одном и том же, иногда даже незначительном событии соответственно по инстанциям сообщается в нескольких донесениях. Кроме того, в целях сбора более подробных сведений и установления их достоверности царские власти практиковали командирование в места событий указанных в документах людей из числа местных жителей.

По возвращению этих людей из Мерва русские власти составляли с их слов соответствующие записки. Некоторые из них включены в настоящий сборник. Ценность их состоит в том, что они хотя и не всегда отличаются достаточной точностью, но во многом способствуют уяснению отдельных деталей событий изучаемого периода и помогают установить обстановку, сложившуюся в крае. Научно-критическое изучение всех указанных материалов дает общее представление о социальном неравенстве, господствовавшем в туркменском ауле, а также о позициях, занимаемых различными слоями местного населения в вопросе о присоединении Туркмении к России.

A.51666

В переводе на русский язык в настоящее издание включено несколько писем туркменских ханов и старшин. Они написаны в разное время, адресованы на имя царских чиновников и способствуют уточнению моментов исследуемого вопроса.

Сборник состоит из пяти разделов.

Первый раздел содержит документы, относящиеся к вопросу установления и упрочения позиций России на восточном побережье Каспийского моря.

Во второй раздел включены документы, относящиеся к периоду распространения русского влияния в Западном Туркменистане. В этом же разделе помещены и материалы о волнениях в туркменских районах Хивы, вызванных непомерной контрибуцией и страшными погромами, учиненными царскими войсками. Данный раздел содержит также сведения о взаимоотношениях между царскими властями и населением Южной Туркмении. Ряд документов характеризует антирусские происки английских и каджарских агентов.

В третий раздел включены документы, относящиеся к периоду первой и второй Ахал Текинских экспедиций.

Материалы связанные с присоединением Мервского оазиса к России, помещены в четвертом разделе сборника. Наконец, пятый, последний раздел охватывает завершающий этап присоединения Туркмении к России. Этот этап характеризуется добровольным принятием подданства туркменами Пендинского и Атекского оазисов русского подданства.

Археографическая обработка текста производилась в соответствии с Правилами издания исторических документов (изд. 2, М., 1956), разработанными Институтом истории АН СССР, Московским государственным историко-архивным институтом и Главным архивным управлением.

В состав данного сборника включены также материалы, напечатанные ранее в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.», о котором говорилось выше. Все документы, публикуемые вторично, печатаются после новой сверки их с подлинниками и даются в новой шифровке.

В настоящем издании есть небольшое количество документов, которые не имеют даты. Это преимущественно письма местных жителей на имя царских чиновников или же черновые наброски деловых бумаг. В таких случаях даты документов устанавливаются по их содержанию или путем сопоставления с другими материалами. В подстрочных примечаниях об этом имеются оговорки и приводится соответствующее обоснование.

Обработка текста телеграмм производилась на основе общепринятых правил археографической обработки. Так же обстоит дело и с цитированием документов с купюрами в примечаниях. Резолюции на документах и деловые пометки, как правило, сохранены и воспроизводятся соответственно требованиям указанных выше «Правил».

Сокращения текста оговорены в подстрочных примечаниях. Звездочками отмечены примечания, содержащиеся в самих документах. Названия родов и племен, а также местностей воспроизведены, как правило, в современной транскрипции. Исключение составляют те термины, в отношении которых еще не выработано единого написания. В этих случаях либо приводится несколько написаний, либо такое, которое наиболее близко к туркменскому произношению.

Сборник снабжен хроникой событий, списками сокращенных слов и названий фондов, указателем имен и географическим указателем.

А. ИЛЬЯСОВ.

Глава I

УПРОЧЕНИЕ РОССИИ В ЗАПАДНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ (1869—1874 гг.)

ВЫСАДКА РУССКИХ ВОЙСК В ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ. «ТУРКМЕНСКИЙ ВОПРОС» В ХИВЕ. ОБРАЗОВАНИЕ ЗАКАСПИЙСКОГО ВОЕННОГО ОТДЕЛА

№ 1

Отношение министра иностранных дел А. М. Горчакова управляющему Морским министерством Н. К. Краббе о предстоящем занятии Красноводского залива и его значении

15 октября 1869 г.

В конце 1864 г. в Министерстве иностранных дел была составлена обстоятельная записка с изложением исторического хода вопроса о юго-восточном береге Каспийского моря[1]. Означенная записка, разъяснив современные требования, истекающие из положения нашего в тех водах, привела вместе с тем к некоторым заключениям, которые по высочайшему повелению были рассмотрены в особом комитете с участием в оном и Вашего высокопревосходительства. Мнение комитета, удостоившееся высочайшего утверждения 10 февраля 1865 г., главным образом основывалось на убеждении в необходимости упрочения нашего влияния в Каспийском море и обеспечения торговых путей на его восточном прибрежьи посредством занятия Красноводского залива и устройства там укрепленной фактории.

Предположения комитета не могли, однако, получить немедленного осуществления вследствие усложнившихся в то время политических обстоятельств в южной части наших среднеазиатских владений на границе Бухарского и Кокандского

[1] Документ обнаружен в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл. 12—15; ввиду того, что вопрос этот выходит за хронологические рамки настоящего сборника документ не публикуется. Кроме этого документа, историю вопроса освоения Россией юго-восточного берега Каспия см. также в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 190, лл. 13—21 и ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1708, лл. 307—308.

ханств[1]. Вопрос об экспедиции на восточный берег Каспийского моря оставался без движения до последнего времени, когда волнения в Киргизской степи[2] и слухи о непосредственном участии в оных хивинского хана[3] заставили правительство наше обратить особенное внимание на обеспечение путей, ведущих от Каспийского моря в глубь Средней Азии, и снова возбудить вопрос о занятии выгодной местности на юго-восточном берегу этого моря. Экспедиция в Красноводский залив, которая, по первоначальному предложению, должна была отправиться только в будущем году[4], ныне по высочайшему повелению, последовавшему вследствие представления его императорского величества наместника кавказского, будет снаряжена во второй половине наступившего октября месяца из Петровска. При этом главная цель экспедиции будет заключаться в том, чтобы посредством высадки небольшого отряда[5] от 2 до 4 рот пехоты с 30 до 50 конными казаками и соответствующим числом орудий[6] заблаговременно познакомиться с местными условиями и

[1] Об этом см. в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл. 29—30; одной из причин, заставивших отложить Красноводскую экспедицию, было обострение русско-английских отношений (там же, л. 34).

[2] Так называемые «волнения» в Киргизской степи явились одним из поводов Красноводской экспедиции. Касаясь этого, будущий начальник Красноводского отряда полковник Столетов еще в июне 1869 г. писал: «Исключительно в видах скорейшего успокоения (Киргизской) степи (оставляю в стороне настоящее положение дел в Средней Азии, необходимость наказания Хивы, политическую и торговую важность занятия Красноводского залива) необходимо немедленно занять, хотя (бы) временно, самым незначительным отрядом пункт на берегу Красноводского залива». (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6814, л. 891).

[3] Эти слухи подтверждаются данными архивных документов, неопубликуемых, впрочем, ввиду того, что они выходят за хронологические рамки сборника.

[4] Копию утвержденного царем протокола Особого совещания об отмене Красноводской экспедиции в 1869 г. см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6814, л. 112.

[5] Исходя из предложений, что отряд этот двинется на Хиву и оттуда вверх по Аму-Дарье до Чарджоу на соединение с войсками Туркестанского военного округа, туркестанский генерал-губернатор фон-Кауфман в своем письме военному министру Д. И. Милютину от 22 мая 1869 г. считал необходимым иметь в составе Красноводского отряда: 6—8 батальонов, от 10 до 20 сотен казаков, одной пешей и одной конной батареи. Определяя цели экспедиции, он писал, что она «должна бы состоять в том, чтобы, прежде всего, привлечь на свою сторону туркмен, большая часть которых из прикаспийских весьма к тому расположены»; но при этом он предупреждал: «Туркмен ни в коем случае не приурочивать к войскам, не формировать милиции, и избрать из них небольшую команду охотников-вожаков». (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6814, лл. 2—3).

[6] Касаясь состава отряда, управляющий Морским министерством Краббе в предписании командиру Бакинского порта от 12 сентября 1869 г. писал: «Десантный отряд под начальством полковника Генерального штаба Столетова составляется из одного батальона пехоты, команды казаков и двух горных орудий; самую высадку предположено произвести в начале октября» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, л. 50).

средствами страны, войти в дружеские сношения с туркменами и вообще собрать точные и верные данные для будущих соображений при наших действиях как в политическом, так и в торговом отношениях.

Как Вашему превосходительству известно, уже при первоначальном обсуждении вопроса о Красноводском заливе, Министерство иностранных дел заявило о том, что в случае занятия этого залива нам придется, вероятно, сообразно с новым положением нашим, подвергнуть некоторым преобразованиям морскую силу, пребывавшую постоянно на юго-восточном побережьи Каспийского моря. Ближайшее обсуждение этого важного вопроса принадлежит Морскому министерству, а потому я позволю себе только сообщить некоторые политические соображения, касающиеся сего предмета.

При первоначальном учреждении станции и постоянного крейсерства в Астрабадском заливе правительство имело в виду двоякую цель: с одной стороны, присутствие военных судов в ближайшем соседстве к персидскому берегу должно было напоминать правительству шаха об исключительном владычестве русской военной силы в водах Каспийского моря и, в случае надобности, предупреждать всякие попытки, которые клонились бы к нарушению статьи VIII Туркменчайского трактата. Известно, что в прежние времена персияне не раз пытались заводить вооруженные лодки, а в 1841 г. явилось даже с их стороны предположение о постройке укрепления на острове Челекен.

Вторым существенным поводом к учреждению станции послужили постоянные хищнические набеги и разбои туркменских племен, отзывавшиеся самым вредным образом как на русской, так и на персидской торговле и промышленности[1]. Принятие мер к водворению строгого политического надзора в тех водах было следовательно, так сказать, ответом на неоднократные домогательства персидского правительства, которое само было лишено возможности защищать себя от набегов туркмен.

После тридцатилетнего почти существования Астрабадской станции, мы в настоящее время имеем, как кажется, достаточное количество данных, чтобы судить, насколько станция вообще отвечала тому политическому значению, на которое Россия имеет право на всем пространстве Каспийского моря, а также уяснить себе невыгодные стороны этой станции.

[1] Не останавливаясь на обычных для царских колонизаторов шовинистических выпадах против туркменского народа, отметим, что эти набеги организовывались обычно феодально-байской верхушкой; что в них были повинны, как это будет видно из публикуемых нами ниже документов, не только и не столько сами туркмены, сколько иранские феодалы пограничных с Туркменией областей, извлекавшие из них немалые экономические и политические выгоды.

Положение Ашур-Аде почти на самой границе, отделяющей владения Персии от местностей, населенных туркменами, подчинило этих последних нашему влиянию и дало возможность оказывать действительную защиту прикаспийским областям Персии от разбойничьих покушений приморских племен, главные притоны коих находятся на устье реки Атрека. В этом отношении нельзя не согласиться, что местность для станции была выбрана вполне удачно и именно там, где всего более следовало опасаться морских разбоев, где берег, поросший камышами, представляет туркменским хищникам, редко пускающимся в открытое море, наиболее безопасности и средств укрыться от преследования крейсеров.

С другой стороны, станция позволяла нам оказывать надлежащее покровительство нашим торговцам и рыбопромышленникам, посещающим берега Персии и туркменской земли, в особенности же Астрабадский залив, через который направляется значительнейшая часть нашей торговли с восточными областями Персии, с Шахрудом, Хорасаном, Иездом и т. д.

Вышеизложенная оценка услуг, оказанных Астрабадской станцией, не исключает одного — основательности следующих замечаний.

В отношении политическом главная выгода станции заключается в том, что нахождение её на острове, бесспорно принадлежащем Персии, постоянно внушало правительству шаха опасения, хотя и совершенно неосновательные, относительно наших замыслов на южные туркменские земли и в особенности на прилегающие к оным северо-восточные пределы Персии. Само собою разумеется, что существование подобных опасений должно было иметь неблагоприятное влияние вообще на отношения наши к персидскому правительству, тем более, что английские агенты не упускали случая, чтобы объяснить этому правительству, в самых преувеличенных размерах, значение и цель нашей станции на острове Ашур-Аде. Такое положение дел отзывалось в особенности на нашей торговле. К развитию нашей торговой предприимчивости в Северной Персии тамошние власти не переставали относиться самым враждебным образом и преимущественно потому, что все дела в этом расширении нашего влияния, которое ближе всего могло способствовать достижению наших честолюбивых замыслов. При этом покровительство, оказываемое нашей станцией торговым судам как русским, так и персидским, должно естественно ограничиться морем, следовательно, как бы покровительство это и не было действительно, но оно утрачивает почти всё своё значение тем, что ни в коем случае не может перейти за известные, весьма тесные пределы. А между тем при нынешнем положении дел для нас было бы весьма затруднительно домогаться у персиян каких-либо больших коммерческих прав, например, по отно-

шению к входу наших судов в другие внутренние заливы южного Каспийского берега. Эти же самые облегчения для нашей торговли было бы несравненно легче выговорить, если бы существование Астрабадской станции не служило для правительства шаха поводом к постоянному недоверию относительно заявляемых нами предложений.

Последнее, наконец, обстоятельство, говорящее не в пользу Астрабадской станции, имеет более второстепенное значение, а именно — крайне нездоровый климат местности Ашур-Аде[1].

Принимая во внимание все вышеизложенное и ввиду предстоящего занятия нового пункта на восточном берегу Каспийского моря, в ближайшем соседстве к туркменским землям, Министерство иностранных дел считает долгом обратиться в Морское министерство с покорнейшей просьбой о сообщении своих ближайших соображений о том, не будет ли со стороны морского ведомства признано необходимым приступить к каким-либо преобразованиям относительно состава или местопребывания нашей Каспийской станции, вслед за окончательным утверждением нашим в Красноводском заливе[2]. При этом главным образом предстоит к разрешению вопрос, окажется ли возможным и удобным ныне же приступить к переведению в Красноводск станции, находящейся в Астрабадском заливе, или же совершить это постепенно, оставив, по крайней мере, на первое время небольшой пост на острове Ашур-Аде[3]. Само собой разумеется, что даже в случае, если будет принято окончательное решение упразднить станцию в её теперешнем местопребывании, то через это нисколько не должен прекратиться надзор русской военной силы для водворения порядка

---

[1] В своем ответе Горчакову от 12 ноября 1869 г. Краббе отмечал, что «крайне нездоровый климат на Ашур-Аде не может иметь такого же значения (т. е. второстепенного — Г. А.) в глазах Морского министерства, и чрезвычайно значительное заболевание людей лихорадкой, от губительного влияния которого почти никто не освобождается на острове, заболевание, имеющее нередко губительный исход, составляет постоянный и самый чувствительный предмет заботы для морского ведомства. Поэтому наша дипломатия не отступит от истины, если, в случае надобности, будет заявлять в своих сношениях с иностранными державами об искреннем желании морского ведомства покинуть столь негостеприимную и неудобную для морской администрации местность на Каспийском море» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471, лл. 181—183).

[2] Отвечая на этот вопрос, начальник Астрабадской станции капитан 2-го ранга Л. А. Ухтомский в письме от 12 января 1870 г. на имя Краббе отмечал, что при надлежащих мероприятиях в Красноводске «владение наше островом Ашур-Аде кажется бесполезным и даже обременительным» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471, лл. 11—12).

[3] В ответ на это Краббе писал Горчакову, что «оставление Ашур-Аде входит в планы Морского министерства. Но будет осторожнее сделать это постепенно, когда лучше выяснится значение занятия нами Красноводского залива и влияние этого события на ход наших дел в Каспийском море». (ЦГАВМФ, ф. 410, д. 3471, лл. 181—183 об.).

на туркменском и персидском побережьи. Мы по-прежнему остаемся на основании Туркменчайского трактата исключительными владельцами каспийских вод и вследствие сего не можем отказаться от обязанности охранять берега Персии и существующего около них торговое движение. А поэтому новая Красноводская станция, состав которой по необходимости придется увеличить, должна будет командировать крейсеры как в Астрабадский залив, так и в другие места на южных берегах Каспийского моря. Крейсеры эти могут заходить и на Челекен, и, таким образом, не будет уже предстоять надобности назначать особое военное судно для наблюдения за туркменами на этом острове и их нефтяными промыслами, о чём существовало предположение.

Вообще по первоначальной мысли Министерства иностранных дел, все предполагаемые преобразования в каспийских водах имеют главным образом двоякую цель: с одной стороны, они будут содействовать к открытию новых путей и способов для нашей среднеазиатской торговли, с другой, они должны послужить распространению круга действий нашей военной силы в этих водах с предоставлением оной больших средств и более удобного сборного пункта как в морском, так и в климатическом отношениях[1].

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471 лл. 176—180 об.[2].

№ 2

Донесение российского посланника в Иране Бегера товарищу министра иностранных дел об отношении каджарского правительства к занятию русскими войсками Красноводска

13 ноября 1869 г.

Красноводская экспедиция продолжает озабочивать персидское правительство. При новом свидании, которое я имел по сему предмету с персидским министром иностранных дел, он мне говорил, что шах сильно беспокоится и что следовало бы сделать какое-нибудь письменное соглашение, в котором права персидского правительства были бы более определены и обеспечены. Я отвечал, что заявление, сделанное мною по поручению императорского правительства, я нахожу вполне достаточным, но что для большего успокоения его величества я готов повторить оное самому шаху. Желая, однако, продлить

[1] Документ без подписи.
[2] Копию документа см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, д. 613, лл. 18—22.

переговоры и тем ослабить невыгодное впечатление, произведенное на персиян, я прибавил, что нам не следует торопиться, и что, обдумав еще раз все обстоятельства сего дела, мы можем вновь переговорить о нем.

Через два дня я испросил аудиенцию у шаха для представления кол. сов. Зиновьева, который отправляется в Россию. Избегая, вероятно, объяснений, для него затруднительных, его величество не счел удобным говорить мне о занятии Красноводска. Но в тот же день Мирза Сеид-хан пригласил меня вновь к себе и объяснился со мною уже более определенно. Не предъявляя уже никаких притязаний по случаю экспедиции в Красноводске, он дал мне понять, что подобные занятия могут повториться, что мы можем подвинуться и далее, что наши тесные сношения с туркменами по торговле могут нас привести в столкновение даже с туркменами, кочующими за Атреком и на Гургане, куда персияне делали частые экспедиции и где права Персии никем и никогда не были оспариваемы. «И потому, — присовокупил Мирза Сеид-хан, — было бы желательно, чтобы к заявлению, которое Вы сделали по случаю занятия Красноводска, Вы бы присовокупили признание и некоторых прав Персии на туркменские племена». Я отвечал, что Россия, заняв Красноводск, нисколько не нарушила прав Персии, а потому и не обязана давать никаких гарантий. К тому же сделаемое нами заявление должно служить персидскому правительству лучшей гарантией нашего дружеского расположения, но что тем не менее предложения и соображения Мирзы Сеид-хана, касающиеся вообще дотуркменского вопроса, будут доведены мною до сведения императорского правительства. Видя, что я уклонился дать ему объяснения, министр иностранных дел изъявил желание написать мне ноту по случаю занятия Красноводска. Я отвечал ему, что я не вижу ни малейшего затруднения повторить письменно то, что я уже сказал, но что, так как мое заявление сделано мною официально, то я нахожу всякую переписку излишнею. Мирза Сеид-хан согласился, наконец, со мной и тем окончились наши пока переговоры о сем предмете.

В день отправления курьера он сообщил мне только, что обо всем вышеизложенном он напишет также персидскому посланнику в С.-Петербурге.

Не могу жаловаться на настойчивость притязаний персидского правительства, но не смею еще решить теперь, происходит ли это из опасения нарушить с нами дружеские отношения или от выжидания советов европейских держав. Не имея особенных данных касательно сего последнего предположения, я должен упомянуть только, что на другой день после получения известия о Красноводской экспедиции, французский посланник и английский поверенный в делах были у Мирзы Се-

ид-хана. К сему нужно присовокупить, что известие о занятии нами Красноводска держится у персидских министров до сих пор в тайне. В городе и на базаре о нем также еще не говорят. Как бы то ни было, я смею думать, что отклонив письменный протест и вообще протянув переговоры об этом деле, мы ослабим самое впечатление и самую важность сего события в глазах персиян.

Замечания персидского министра иностранных дел относительно положения туркмен свидетельствуют о желании персидского правительства вступить с нами в соглашение по сему предмету. Если императорское министерство найдет полезным таковое соглашение, то в настоящее время представляется удобный случай приступить к переговорам, и, если нельзя надеяться окончательно решить туркменский вопрос, то по крайней мере можно будет обменяться мнениями и приготовить несколько персиян к нашему образу воззрения.

Представляя эти соображения на благоусмотрение Вашего превосходительства, я покорнейше прошу сообщить мне мнение императорского правительства по сему делу, а также и надлежащие указания на случай, если персидское правительство будет вновь настаивать на определении своих прав на Туркменскую степь.

С отличным уважением и пр.[1]

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, д. 613, лл. 15—17.

№ 3

Рапорт начальника Астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране о высадке войск в Красноводском заливе и дружеском к ним отношении туркмен

17 ноября 1869 г.

С возвращением из Красноводска зав. шхуны «Хивинец»[2], на смену которой я послал шхуну «Персиянин», получены мною оттуда известия. Перевозка войск замедлилась двумя неделями. Первое судно с войсками пришло 1 ноября, а последнее 7, так что высадка окончена только 10 ноября[3]. Войска высажены в Муравьевской бухте (по туркменски: Шагадам), потому что тут есть единственный на всем берегу колодец. Начальник отряда извещает меня, что полагает поискать воды в Соймовской бухте, находя ее более для себя удобною. Шхуна «Хивинец» находилась в Красноводском зал[иве] с 12 октября, по его прибытии, когда туркмены племени огурджалинцев и караканджик узнали, что она останется надолго, начали перекочевывать ближе к берегу и сношения их с нашими были самые дружественные.

При отправлении шхуны «Персиянин» несколько персидских торговцев просили меня разрешить им отправиться в Красновод[ский] зал[ив] с товарами, но я не решился дозволить это, дабы через них астрабадские власти не могли получить каких-либо преувеличенных известий. В настоящее время они пока находятся в полном неведении о происходящем в Красновод[ском] заливе[1].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 64.

№ 4

Из рапорта начальника Красноводского отряда главнокомандующему кавказской армией вел. кн. Михаилу о рекогносцировке на Балханы, планах на будущее и откликах на высадку отряда[2]

8 декабря 1869 г.

...Касательно предположений на будущее беру смелость повергнуть на благоусмотрение Вашего императорского величества нижеследующее:

Раннею весною будущего года нам необходимо занять Балханы. Устроившись там, будем в здоровом климате, имея под рукой воду, топливо и подножный корм. Все туземцы, с которыми мне приходилось разговаривать, единодушно уверяют, что на Балханских горах много растительности (деревья инжировые и кипарисные достигают громадных размеров), обилие родников отличной, всегда холодной воды (40 имен родников мне перечислены). Дальше по тем же известиям, на Балханах находятся развалины 5-ти крепостей, оставшихся, вероятно, со времени глубокой древности. Из этих крепостей, го-

---

[1] Документ без подписи.

[2] Так в тексте; видимо, следует читать: «С возвращением из Красноводского залива шхуны...».

[3] В письме туркестанскому генерал-губернатору фон-Кауфману от 3 декабря 1869 г. начальник Красноводского отряда полковник Столетов отмечал: «5 ноября сего 1869 г. вверенный мне отряд высадился на берегу Муравьевской бухты Красноводского залива...» (ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 71—73).

[1] Документ без подписи.

[2] Начало документа, посвященное описанию снаряжения отряда, его движения и тяжести климатических условий, ввиду сугубо военного характера нами не публикуется.

ворят особенно об одной, носящей название Арбат-Кала, а именно, что она и теперь как нельзя лучше будет пригодна для расположения там части наших войск, близ ее есть обильный родник и лес для топлива. После этих, так сказать, хозяйственных выгод, нельзя не отметить и политической важности нашего в Балханах расположения; находясь там в сосредоточении летнего местопребывания номудского племени, мы нашим одним расположением прикроем заливы Балханский и Красноводский; караванное движение от Балхан к Красноводску будет совершенно безопасно; став на Балханах и начав рекогносцировку старого русла р. Аму (Балханы состоят из двух групп северной и южной, река Аму прорывалась к морю между ними), мы будем угрожать Хиве, а держав в почтении Хиву и в постоянном страхе номудов, мы обезопасим караванное торговое движение на всем пространстве между Каспийским морем и р. Аму. Что касается до распределения торговых пунктов, то, я полагаю, их будет два: один на месте высадки — здесь будет оптовая торговля и месторасположение наших коммерческих контор, с юга будут проходить среднеазиатские караваны (торговое движение от р. Аму из ханства Хивинского пройдет мимо Балхан, оставляя их на юге по кратчайшим дорогам. На вопросы мои, почему караваны не направляются по старому руслу р. Аму, где более воды, — постоянно отвечают, что там путь кружнее); другой пункт на Балханах, у места постоянного расположения наших войск, будет рынком преимущественно мелочной торговли с туркменами. При расположении отряда на Балханах, для охраны настоящего места высадки (где, кроме коммерческих складов, будут и склады военного ведомства) вполне достаточно двух рот усиленного мирного состава, с двумя крепостными орудиями среднего калибра и командой артиллеристов. Орудия поместить на верху двух каменных башен, где, кроме артиллерийской прислуги, в каждой должно быть помещено на команду 15—20 чел. пехоты. Роты расположить в деревянных казармах...[1].

При нас приходили сюда два маленькие каравана из Хивы (верблюдов по 15) с сушеными фруктами, рисом и пр., может быть посланные посмотреть на русских[2]. Хивинцы говорят, что

[1] Далее следует не представляющее интереса изложение плана расположения отряда, организации связи, занятий войск и намерений в январе-феврале провести рекогносцировку в направлении Балханских гор.

[2] Еще до высадки Красноводского отряда, ввиду «волнений» казахов, торговля Хивы начала обнаруживать тяготение к красноводскому пути. Касаясь прибытия в июне 1869 г. хивинских караванов в Гасан-Гули, начальник Астрабадской станции в рапорте от 7 октября 1869 г. российскому посланнику в Иране доносил, что хивинские купцы, убедившись в том, что русские власти не будут чинить им препятствий в торговле с Россией

весною купцы их собираются привезти в Красноводск много хлопка, чтобы продать здесь или вести в Астрахань. Хивинский хан, говорят, узнав о высадке, сильно этим озабочен и боится наказания за свои действия во время беспокойств в Киргизских степях, так как все, что имел счастье докладывать Вашему императорскому высочеству по приезде из С.-Петербурга, об участии хивинцев, расспросами разных лиц совершенно подтверждается до самых подробностей.

Слышал также, что хивинский хан думает послать посольство, чтобы жить в дружбе с русскими. Куда он думает послать это посольство, когда и кого, еще не знаю.

Имею здесь людей, которые сообщают мне по всему этому более обстоятельные и верные сведения.

Н. Столетов.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6819, лл. 3—9, об. Копия.

№ 5

Из донесения начальника Красноводского отряда военному министру Д. И. Милютину о взаимоотношениях войск отряда с туркменами[1]

8 декабря 1869 г.

...Ко мне приходили с Балхан несколько номудских старшин и между ними сын 80-летнего старика Мамед Нияз-муллы, который считается главным и более всех влиятельным у номудов. Все они приходили, видимо, из любопытства посмотреть на нас. Если, как мне кажется, в выражениях их лиц нельзя прочесть радости и удовольствия от нашего прибытия, то есть сознание, что это уже судьба и не их силами оказывать нам какое-либо сопротивление. Артиллерийские орудия, земляные работы, а теперь еще более привоз леса для лазаретных бараков убедили туркмен, что мы пришли навсегда. Я на первое время считаю нужным их щедро одарить и раздарил почти все сукно, взятое для подарков. Очень желал бы, чтобы

морем, впредь «непременно пойдут этим путем, а ещё лучше, если им дозволят к Красноводскому заливу...». И далее: «Я уверил хивинских купцов, что они могут свободно ходить этим путем и начал приглашать туркмен помогать караванам... все они очень расположены к торговле, охотно будут помогать ей...». Отметим кстати, что в цитированном документе имеются интересные данные о быте прибрежных туркмен, которые мы, к сожалению, не имеем возможности публиковать в настоящем сборнике (См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6814, лл. 281—284).

[1] Начало документа, ввиду исключительного военного характера, не публикуется.

мне прислали еще кусков 9 сукна (синего, красного, коричневого — по 3 куска каждого цвета), дешевого, но прочного и порядочного, а также побольше дешевого чая, который разваривается у меня с быстротой неимоверной.

Гостил у меня очень замечательный хивинец Ата Мурад-хан, старшина живущих в Хиве иомудов. Он при оренбургском генерал-губернаторе Катенине, играя важную роль в Хиве, задумал, как уверяет, с ведома и соизволения генерал-адъютанта Катенина, низложить хана и восстал в надежде на русскую помощь. Держался года 3, наконец, племя его оставило с упреками, что он разорил их, обманув русской помощью[1]. Тогда Ата Мурад бежал на Балханы, жил также на Челекене, раза четыре посылал посланцев в Оренбург — ответа не было. Прийдя ко мне, старик заплакал, говоря, что наконец-то исполнились его задушевные надежды. Он думает, что мы пришли вследствие его прежних ходатайств. Теперь он живет в Балханах, пользуется гостеприимством старшины Мамед Нияз-муллы, говорит, что опять возвратит себе прежнее значение и кредит. Он обещал сообщить все хивинские новости. Еще был у меня очень умный и при случае могущий быть полезным туркмен, старшина племени игдыр, живущего теперь на Карабугазе и вступившего в подданство России при генерал-губернаторе Безаки. Этот старшина, между прочим, просил меня по делу такого рода. Будучи приняты в русское подданство, они платили в продолжении семи лет по $1^1/_2$ рубля с кибитки, теперь они знают, что киргизы адаевского рода, прикочевавшие к ним в соседство на зиму, должны платить по $3^1/_2$ руб. сер[ебром] с кибитки, и хотя им (туркменам) еще ничего о новом налоге не объявлено, но они слышат, что с будущего года и им приказано будет платить по $3^1/_2$ руб., как и киргизам[2]. Мамед Софи (помянутый старшина) просил моего ходатайства, чтобы их не сравнивали с киргизами. Не обещая ему ничего, я говорил, что это заявление доведу до сведения своего начальства. Здесь решаюсь доложить Вашему сиятельству, что, по моему мнению, на некоторое время, особенно теперь, когда мы хотим открыть дружественные сношения с туркменскими племенами, полезно было бы оставить этих туркмен при прежнем положении тем более, что правительство на них ничего не жертвует; по расспросам, у них нет никакого управления, и они ни за чем, кроме уплаты подати, ни к кому не обращают-

[1] Об Ата Мурад-хане — крупном иомудском предводителе, одном из руководителей выступлений хивинских туркмен против ханской власти, непримиримом враге хивинского хана и сторонике русской ориентации подробно см. в архивных документах середины XIX в., а также в «Истории Туркменской ССР», т. I, кн. 2, изд. АН ТССР, 1957, стр. 89.

[2] Речь идет о казахах.

ся. Эта мера, может быть, была бы полезна и тем, что отделяла бы туркмен от киргиз. Поместить это мое мнение в письме к его высочеству князю я не решился, докладываю на благоусмотрение вашего сиятельства, будучи глубоко убежден, что для нас теперь это дело первой важности и обратить на него внимание необходимо. Что касается до введения у этих туркмен какого-либо управления, то, по-моему, этим торопиться до общего разъяснения здешних дел решительно не следует, а просто оставить их жить, как жили они до сих пор...[1]

Н. Столетов.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6819, лл. 10—13. Копия.

№ 6

Нота российского посланника в Иране иранскому министру иностранных дел о целях занятия русскими войсками Красноводска

13 декабря 1869 г.[2]

В переданной 4 декабря (12 рамазана) нижеподписавшемуся российскому императорскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском собственноручной записке е. в. шах изъявил желание иметь со стороны импер[аторско]го правительства уверение, что, воздвигая укрепления в Красноводске, оно не имеет никакого другого намерения, кроме развития торговли с Туркестаном, равно и в том, что оно не будет входить в дела иомудов, кочующих по берегам рек Гургана и Атрека, и что оно не будет строить укреплений по берегам или при устье этих рек и персидское правительство будет по-прежнему владычествовать над туркменскими племенами, живущими по тем рекам и распоряжаться ими с неограниченною властью.

Во исполнение желания его шахского величества нижеподписавшийся поспешил обратиться по телеграфу по этому вопросу к императорскому министерству и ныне, получив ответ, — честь имеет уведомить с особенным удовольствием персид-

[1] Далее следуют не представляющие интереса сведения о туркменских лошадях и невозможности их приобретения для нужд войск, а также соображения о возможности их замены верблюдами. Об этом же см. рапорт Столетова в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6819, лл. 3—9.

[2] Документ имеет вторую дату, соответствующую этой — 21 рамазана 1286 г.

ское правительство, что императорское правительство признает владычество Персии до Атрека, и, следовательно, не имеет в виду никаких укреплений в этой местности.

Покорнейше прося его превосходительство Мирзу Саид-хана, шахского министра иностранных дел, довести до сведения его шахского величества такое благоприятное и дружеское заявление, нижеподписавшийся надеется, что оное послужит в глазах его величества новым доказательством непоколебимой дружбы и согласия существующих между двумя высокими державами[1].

Нижеподписавшийся пользуется сим случаем, чтобы возобновить и проч.[2].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 61. Копия заверенная.

№ 7

Из записки Министерства иностранных дел «О значении Каспийского моря в политическом и экономическом отношениях»[3]

20 декабря 1869 г.

...Занятие Красноводска. Слухи о готовящемся будто бы союзе азиатских владетелей против нас, а также смуты в Киргизской степи, приписываемые отчасти подстрекательству хивинского хана и скрывающихся там наших недоброжелателей, побудили наше правительство вновь заняться вопросом, который уже прежде был неоднократно обсуждаем, насчет необходимости занять пункт на юго-восточном берегу Каспийского моря с целью:

1) препятствовать выходящим из Хивы хищническим шайкам проникать в наши пределы и возбуждать волнения в степи, и

2) в случае надобности иметь возможность скоро и удобно увеличить наши силы в Средней Азии.

---

[1] Эти уверения «произвели, как отмечал директор Азиатского департамента МИД Стремоухов в своем отношении начальнику Главного штаба от 16 марта 1870 г., самое выгодное для нас впечатление на правительство шаха и при благоприятных и осторожных действиях со стороны начальника Красноводского отряда туркменский вопрос едва ли может в настоящее время послужить поводом какого-либо затруднения на юго-восточном берегу Каспийского моря» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 81—83).

[2] Документ без подписи.

[3] Начало документа, посвященное истории проникновения России на восточный берег Каспия, выходит за хронологические рамки сборника.

Для сего избран был Красноводский залив, имевшийся давно в виду для устройства в оном укрепленной торговой фактории и морской станции[1].

Почти одновременно с принятием нашим правительством решения занять Красноводск, в русском торговом мире возникла мысль об отыскании нового, более удобного пути для торговли с Средней Азией. Изучение имевшихся сведений и разносторонние обсуждения привели к предположению, что наиболее удобный путь пролегал бы по местности, где находится старое русло Аму-Дарьи. Правильность этого предположения получила как бы фактическое подтверждение: еще до занятия нами Красноводска туда прибыл караван с товарами, назначенными к отправлению в Россию. Прибытие этого каравана к Красноводскому заливу вызвано было приостановлением отправлений караванов через степь вследствие бывших там в нынешнем году беспокойств: из полученных сведений оказывается, что караван этот сначала предполагалось направить на Астрабад, но потом владельцы его, предполагая найти в Красноводском заливе русские рыболовные суда, отправили его туда, так как Красноводский залив на 15 дней караванного пути ближе Астрабадского залива.

В настоящее время Красноводск занят. Таким образом, непосредственное участие Каспийского моря в делах среднеазиатских осуществилось.

Значение Красноводска в военном отношении. Общая цель занятия Красноводска в военном отношении уже высказана, теперь предстоит только решить, желает ли наше правительство, чтобы Красноводск сделался исходным пунктом дальнейшего распространения наших владений в Средней Азии, или же, чтобы, не проникая в глубь страны без крайней в том необходимости, мы ограничились посылкою, когда понадобится, летучих отрядов по направлению к Аральскому морю для предупреждения прохода в нашу степь хивинских скопищ; в последнем случае задачею торговой предприимчивости было бы делать попытки к установлению нового торгового пути посредством миролюбивых соглашений с туркменскими племенами, из которых собственно южные отличаются особенной склонностью к грабежам, тогда как те, которые проживают в местности между Красноводском и Хивою, напротив того, высказывают расположение к мирным занятиям и промыслам.

Без сомнения, установление такого нового торгового пути состоялось бы быстрее в случае занятия нами какого-либо пункта на Аму-Дарье и присоединения всего этого края к пределам империи, но едва ли не благотворнее были бы результа-

---

[1] О причинах Красноводской экспедиции см. также в документе 1.

ты мирного распространения торговых сношений, которые неминуемо отзовутся увеличением местного населения, не внушая в нем враждебности к России, избежать чего довольно трудно при подчинении свободных племен посредством оружия.

Относительно туркменского вопроса. Казалось бы наиболее соответственным с действительными выгодами нашими в тех краях придерживаться в отношении туркмен того образа действий, которого мы придерживались относительно их в Астрабаде, т. е., чтобы они видели в нас не врагов, а покровителей, чтобы они убедились, что сношения их с нами для них выгодны, и что лишь запрещаемые нами разбои и грабежи влекут за собой неизбежное наказание виновных. Этим путем владычество наше укрепится прочнее, чем более или менее номинальным порабощением кочующего в тех местностях населения.

В отношении к Хиве едва ли в настоящее время с достоверностью можно сказать, что придется ли нам сделать туда военную экспедицию; казалось бы желательнее избежать подобной экспедиции пока она не сделается совершенно неизбежной; во всяком случае, предприятие экспедиции будет зависеть от обстоятельств и событий будущего времени.

Красноводск — торговая фактория. В настоящее же время в отношении к материку Красноводскому должен быть придан характер преимущественно торговой фактории, в которой товары находились бы в безопасности от какого-либо нападения хищников, задача этой укрепленной фактории вселить доверие и преданность к русским со стороны местного населения, развить в нем понятие о гражданственности и о преимуществах занятия мирными промыслами и торговлей[1].

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471, лл. 102—151 об.

№ 8

Из докладной состоящего при Главном штабе генерала Иванина военному министру о туркменах Каспийского побережья и мерах улучшения отношений русских властей к ним[2]

31 декабря 1869 г.

...5) В начале нынешнего столетия туркмены отделений: абдал, бузачи, чаудор, игдыр и бурунджук занимали весь Мангышлакский полуостров и полуостров Бузачи, но киргизы при помощи хивинцев вытеснили туркмен с полуострова Бузачи и с северной части Мангышлака, а с 1847 г., после занятия нами Тюб-Караганского залива, киргизы, пользуясь нашим бездействием, оттеснили туркмен за Кинерлинский залив.

Туркмены показанных отделений, во время владения ими Мангышлакским полуостров[ом], занимались, кроме скотоводства, торговлей, хлебопашеством и даже посадкой шелковичных деревьев; по развитию своему они выше киргизов *, и я полагаю, что эти туркмены заслуживают нашего покровительства и защиты. Улучшением положения их, мы приобретаем полезное для нас влияние и на туркмен, кочующих в окрестностях Красноводского залива. Посему следует на месте узнать настоящее положение кочующих на восточной стороне Каспийского моря племен, отношений их между собою, нужды и потребности их, чтобы решить, какой политики держаться в отношении двух враждующих племен, которых взаимные грабежи были главной причиной, что движение караванов из Хивы к Тюб-Караганскому заливу и обратно в последнее время прекратилось. Для предупреждения же враждебных столкновений между этими племенами, я полагаю необходимым высылать из П.-Александровского укр. на все летнее время легкий отряд к горам Каратау или куда потребуется для наблюдения за этими племенами. Вместе с тем начальнику этого отряда следует поручить разведать, кому принадлежит и какими способами возделывается в горах Каратау удобная к орошению земля (примерно до 10000 десятин), на которой, кроме хлебных растений, можно собирать до 50000 пудов клевера, чтобы знать, можно ли будет приобретать его, на случай надобности в нем, нашим отрядам.

Генерал-лейтенант Иванин.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6818, лл. 1—3 об. Рукопись.

№ 9

Из записки министра путей сообщения о мерах развития среднеазиатской торговли и месте Красноводска в ней[1]

15 января 1870 г.

...Характеристика среднеазиатских рынков. Из знакомства с среднеазиатскою торговлею прежде всего слагается убежде-

[1] Далее следует не представляющее особого интереса описание истории освоения русскими властями восточного берега Каспия и его значения в планах России; об этом см. документ 1.

[2] Начало документа — сведения из истории проникновения царской России на восточный берег Каспия.

* Вероятно, эти туркмены—потомки тех туркмен, которые жили прежде на старом русле Аму-Дарьи, когда оно текло в Каспийское море.

[1] Начало документа, посвященное общим соображениям о значении среднеазиатских рынков для русского производства, выходит за рамки настоящего сборника; не лишены интереса «замечания» наместника кавказского на эту «записку» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471, лл. 59—70 об.).

ние, что Средняя Азия распадается на три самостоятельных рынка: Ташкентско-Кокандский, Бухарский и Хивинский.

Ташкентско-Кокандский рынок с центром в городе Ташкенте, географическое положение которого обуславливает его торговое значение. Ни один караван, идущий из Кокандского ханства и Китайского Туркестана в Россию и обратно, равно как из Западного Китая в Среднюю Азию, не может миновать его. Собирая, таким образом, товар, предназначенный из окрестных стран в Россию, или русский товар, отправляемый в Кокандское ханство или Китайский Туркестан, Ташкент рассылает эти товары по назначению. Почти все операции по обмену товаров, с одной стороны, между густым населением верхнего течения Сыр-Дарьи и Китайским Туркестаном, а с другой — с русскими городами, производятся непосредственно ташкентскими купцами.

Бухарский рынок, совершенно независимый от предыдущего, имеет другое значение. Ежегодно из Ост-Индии идет сюда значительная масса товаров английского изделия, а Бухарское ханство, лежащее на перепутьи кратчайшей дороги между верхним Индом и Средней Азией, рассылает пешаварские товары на запад в Хиву, а на восток в Ташкент, Кокандское ханство и Китайский Туркестан. Товар, посылаемый из Средней Азии в Индию, равно как русские товары, предназначенные к отправлению за р. Аму-Дарью, должны пройти через бухарскую территорию. Независимо от того, бухарский рынок отправляет во все стороны свои шелковые, полушелковые и бумажные материи, пользующиеся у среднеазиатцев особенною репутацией.

Служа, таким образом, посредницею между Индией и Средней Азией, Бухара ведет торговлю с Россией непосредственно.

Наконец, хивинский рынок лежит в стороне от больших путей, ведущих в Среднюю Азию из России, Ост-Индии и Китая. Этот рынок живет самостоятельною жизнью и ведет незначительную торговлю с Россией, отправляя туда караваны по восточному, а иногда и по западному берегам Аральского моря, и с Индией через Бухару.

Имея в виду то значение, которое может иметь в будущем Красноводск, можно упомянуть также про торговлю, которую до сих пор вела Хива с каспийскими прибрежьями в самых, впрочем, незначительных размерах.

Европейская торговля в Средней Азии. Европейские товары привозятся в Среднюю Азию Россией и Англией. Русская торговля со среднеазиатскими рынками находится в полной зависимости от Нижегородской ярмарки. Из Нижнего Новгорода товар отправляется либо Волгою до Самары, Оренбурга и далее в Ташкент, Бухару и Хиву, либо по Каме на Троицк и Петропавловск, в Киргизские степи или Ташкент. Дороговизна

и продолжительность доставки наших товаров (купец, торгующий в Средней Азии, может обернуть свой капитал не более раза в год), возвышая стоимость наших товаров до двойных, тройных и более цен, по сравнению с ценами на мануфактурах, останавливает желаемое развитие нашей торговли в Средней Азии.

Дороговизна фрахта, усиливаясь по мере того, как русские товары проникают далее на юг, делает в настоящее время почти невозможным успешное распространение наших товаров южнее реки Аму-Дарьи.

Английская. Английские товары проникают в Среднюю Азию из Бомбея, откуда они везутся по Инду до Аттока и далее из Пешавара, главного складочного пункта для Средней Азии, направляются через Кабул и Балх к Аму-Дарье и Бухаре. Цены провоза английских товаров гораздо значительнее нашего фрахта, потому что индийским караванам приходится переваливать через высокие горные хребты и проходить по странам, обитатели которых известны своею склонностью к грабежам. При этих неблагоприятных для английской торговли условиях, пешаварские товары, дойдя до Бухары, уже так возвышаются в цене, что здесь она сравнивается с ценами на русские товары.

Пешаварские караваны могут обернуться не более одного раза в год.

Кроме ост-индийской торговли, существует еще другой путь из Мешхеда, по которому в небольшом количестве проходят в Среднюю Азию западно-европейские товары. Прежде мешхедская торговля была весьма значительна, но с 1862 г., когда туркмены уничтожили персидскую армию под Мервом[1], систематические грабежи на пространстве между Мешхедом и Бухарой совершенно убили торговлю этого города. Кроме того, путь между Мешхедом и Бухарой на расстоянии двух дней пути не имеет совершенно воды, а на остальном своем протяжении имеет ее в значительном количестве[2]. В настоящее время товар, направляющийся из Мешхеда, никогда не идет прямо на Бухару через Мерв, а собирается предварительно в воз-

[1] Об этом см. Историю Туркменской ССР, т. I, кн. 2, изд. АН ТССР, 1957, стр. 91—92.

[2] Выражение автора «совершенно убили торговлю этого города» с Туркменией и вообще со среднеазиатскими ханствами следует воспринимать весьма условно. В последующем, с присоединением Туркмении к России и особенно после того, как была построена Закаспийская железная дорога, торговля Хорасана с Туркменией достигла, несмотря на противодействие английских торговых компаний, таких размеров, что породила план строительства, наряду с традиционными караванными путями и шоссейной дорогой Ашхабад—Мешхед, специального ответвления от Закаспийской железной дороги на Мешхед. Этот вопрос подробно нами рассмотрен в «Трудах Института истории, археологии и этнографии АН ТССР», вып. IV, 1958, стр. 88—110.

можно большой караван, который под прикрытием вооруженных людей поворачивает на юго-восток и, через Герат и Маймене, выходит у Балха на большой караванный путь из Индии в Бухару; оттого мешхедская торговля в последнее время не имеет особенного значения*.

В окрестностях острова Ашур (близ Астрабада) у Серебряного бугра продается также незначительное количество западноевропейских товаров двум или трем небольшим караванам, приходящим сюда ежегодно из Хивы.

На основе сказанного, из всех путей, которыми западноевропейские товары проникают в Среднюю Азию, один только путь опасен развитию там русской торговли — пешаварский.

Значение фрахта в Среднюю Азию. В настоящее время река Аму может быть принята за черту, у которой сталкиваются товары двух держав, оспаривающих первенство на среднеазиатских рынках. К северу от этой реки, при мерах поощрения со стороны правительства, для русских изделий не опасна английская конкуренция; к югу от нее нам трудно вытеснить товары, идущие из Индии. Но стоило бы России изыскать способ к удешевлению или ускорению фрахта для наших произведений и тогда они нашли бы сбыт в Афганистане до той черты, у которой цена провоза снова возвысила бы стоимость русских товаров до цен, там же продаваемых английских изделий.

Вероятно, при занятии Красноводского залива, помимо политических соображений, имелось в виду открыть новый путь, более дешевый и скорый, который дал бы в Средней Азии преимущество отечественной торговле перед английской. Это, кажется, тем более необходимо, что единственный рынок, где обеспечен сбыт наших произведений, есть Средняя Азия, и что потому русская промышленность имеет право на то, чтобы правительство не только ревниво охраняло бы этот рынок, но и содействовало бы победе над иностранной торговлей.

Владимир Бобринский.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471, лл. 25—45 об.[1]

№ 10

Журнал особого комитета о военно-административном управлении Красноводском и планах его превращения в опорный пункт русского проникновения в Среднюю Азию

16 января 1870 г.

1870 г. января 16-го дня, во исполнение высочайшего повеления происходило под председательством его императорского

* Очерк внутренней торговли Киргизской степи А. Н. Тетеревникова 1867 г. и записка, поданная мне генерал-майором Гейнсом.

[1] Дубликат документов см. ЦГИА Груз.ССР, ф. 1087, д. 613, лл. 81—97.

высочества генерал-адмирала заседание комитета по делам, касающимся Каспийского моря, в котором присутствовали: его императорское высочество наместник кавказский, государственный канцлер, военный министр, управляющий Морским министерством, министр финансов, министр внутренних дел и управляющий Министерством путей сообщения.

Его императорским высочеством генерал-адмиралом были предложены и комитетом разрешены следующие вопросы:

1. Какую организацию следует дать Красноводску в отношениях военном, морском, административном и торговом?

Согласно с предложением командующего Красноводским отрядом полковника Столетова, в Муравьевском порту учредить главную пристань, порт и склад товаров, с возведением тут некоторых оборонительных работ и с оставлением небольшого гарнизона. В двух промежуточных пунктах вдоль Балханского залива построить башни, вооруженные орудиями, а главным местопребыванием для нашего отряда и для фактории избрать удобное место в Балханских горах; для поддержания сообщений между этими пунктами иметь неглубокосидящее военное паровое судно и мелкие суда; для обеспечения отрядов и торговцев водою доставить потребное количество опреснительных аппаратов для перегонки морской воды. Усиление отряда людьми, лошадьми и орудиями предоставляется главному кавказскому начальству, которое озаботится также по сношению с Морским министерством доставлением опреснительных аппаратов и судов, с отнесением издержек на сумму в 400 тысяч рублей серебром, ассигнованную по смете кавказского интендантства на непредвиденные расходы, и с представлением, в случае недостатка этой суммы, войти с особым ходатайством о пополнении денежных средств на этот предмет.

Так как в настоящее время к занятым нами вновь пунктам не присоединяется никакого округа, и еще никакого гражданского населения там не имеется, то на первое время главным начальником занятых пунктов остается начальник военного отряда и на его обязанность возлагается заботиться о безопасности как отряда, так и торговцев русских и иностранных, а равно и рабочих и поселенцев (когда таковые прибудут) в занятых нами пунктах; на обязанности начальника морской станции будет лежать поддержание безопасности и порядка в порту и на всем прибрежьи; а для развития торговых сношений, для разрешения споров между торгующими и для привлечения к участию в торговом движении туркменского населения будет назначен агент от Министерства финансов, снабженный особой инструкцией[1]; от купечества же не могут быть назначены та-

[1] Документы, связанные с назначением агента Министерства финансов и инструкциями ему, см. в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6819, лл. 168—173; первым таким агентом был кол. ас. Тетерников (там же, л. 160).

же выборные уполномоченные представители. Начальникам военному и морскому, а равно и агенту Министерства финансов будет предложено в течение текущего года представить свои соображения относительно будущего административного устройства вновь занятых нами пунктов на восточном берегу Каспийского моря.

2. Не признано ли будет необходимым начертать программу отношений, в которых Красноводск должен находиться к кавказскому начальству, к туркестанскому и оренбургскому генерал-губернаторам, к миссии нашей в Тегеране и к астраханским властям?

Командир военного отряда и начальник морской станции находятся в ведении наместника кавказского; обо всем доносят его императорскому высочеству и от него получают все указания; в случае нужды они сносятся с местными властями империи, а начальник морской станции на прежних основаниях — с Морским министерством и собственно по вопросам, касающимся крейсерства у персидского прибрежья, с нашей миссией и консульствами в Персии. Коммерческий агент, завися прямо от Министерства финансов, доносит обо всем министерству и получает от него приказания (входя при том, по мере надобности, в сношения с кавказским начальством, миссией и консульствами нашими в Персии, с начальством туркестанским, оренбургским и астраханским; к начальникам военному и морскому он обращается за содействием по всем вопросам, касающимся развития дела торгового и промышленного).

3. Равным образом определить программу действий наших из Красноводска по отношению к туркменам и к Хиве.

В инструкции военному начальнику должно быть ясно и положительно выражено: 1) цель правительства при занятии пункта на восточном берегу Каспийского моря есть исключительно открытие нового торгового пути в Среднюю Азию и доставление на этом пункте торговцам безопасности и возможных удобств; 2) ограждая безопасность и порядок в занятом пункте, отнюдь не следует ни давать отрядов для сопровождения караванов в степи, ни занимать далее на восток промежуточных пунктов; 3) всякое наступательное движение против Хивы или без крайней необходимости против туркмен совершенно противоречило бы высочайшей воле его императорского величества; 4) тщательно изучая быт и положение туркмен, отнюдь не следует делать попыток к введению между ними нашего управления или каких бы то ни было податей или сборов; но всеми мерами необходимо стараться заинтересовать их в торговом движении и снискать их доверие и дружелюбие; 5) прибывающим с товарами хивинцам оказывать покровительство и радушие и внушать им выгодность для них правильного и обширного развития мирных сношений с нами,

6) вообще главная и истинная заслуга военного начальника будет заключаться не в удачных экспедициях или набегах, а в усердном содействии отечественной торговле, в привлечении к ней туркмен и в предупреждении всяких столкновений.

Преимущественно от заботливости коммерческого агента будет зависеть наблюдение за возможной добросовестностью сделок между нашими, особенно мелкими, торговцами и хивинцами, и туркменами и за устранением притеснений и обманов[1].

4. Не следует ли ныне же принять меры для устройства правильных пароходных сообщений с Красноводском из Астрахани и с Кавказского берега?

Предоставить министерствам морскому и финансов войти в соглашение с обществом «Кавказ и Меркурий» относительно устройства правильной срочной линии к Красноводску и будет возможно назначение высшей таксы для перевозки туда и обратно товаров для упреждения непомерного и произвольного возвышения фрахтовых цен.

5. Не признано ли будет полезным установить по отношению к Красноводску правила для колонизации края, для приобретения прав поземельной собственности, для разработки минеральных богатств и т. д.?

Поручив военному начальнику и коммерческому агенту представить свои соображения, основанные на подробном изучении местных условий, предоставить Министерству финансов, по соглашению с его императорским высочеством наместником кавказским, применяясь к общим основаниям, начертать правила относительно разработки минеральных богатств; для определения размера таковых концессий, приобретения от туркменских родов, семейств или отдельных лиц таковых местностей в аренду или в собственность как на восточном берегу, так и на острове Челекен. Как разработка минеральных богатств, так и приобретение недвижимой собственности, могут быть представляемы лишь исключительно русским подданным. Соображения по сему предмету будут также составлены кавказским начальством на основании имеющихся уже сведений и донесений, находящегося при Красноводском отряде горного инженера Кошкуля. Весьма важно будет собрать достоверные

---

[1] Инструкция агенту Министерства финансов в Красноводске была одобрена царем 24 апреля 1870 г.; она предписывала агенту: «Для содействия развитию торговых сношений во вновь занятых пунктах на восточном берегу Каспийского моря и для привлечения к участию в торговом движении туркменского населения» разбирать споры, содействовать развитию торговли, заверять акты, пресекать контрабанду, взыскивать таможенные пошлины и собирать сведения «о местных условиях и производительных силах края» (ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, д. 6819, 1870 г., л. 227).

сведения о правах, основанных на обычаях и преданиях[1], на разные местности туркменских родов, чтобы не нарушить прав собственности без добровольного соглашения.

6. Какая будет граница к северу Красноводского управления?

За воспрещением вводить администрацию между туркменами и предпринимать военные экспедиции в степь, собственно Красноводское управление ограничится занятыми пунктами, но внимание военного начальника должно быть также обращено на острова Челекен и Огурчинский для поддержания там тишины и порядка и для включения сведений и предположений об их представлении обо всем этом крае, что должно быть также поручено агенту Министерства финансов. Хозяйственные потребности могут вызывать отправление небольших партий в окружные земли для собирания топлива, фуража и прочего, причем должно только всеми мерами стараться сохранить мирные отношения к кочевому населению.

7. В зависимости от этого будет находиться вообще вопрос об административном подчинении всего восточного берега Каспийского моря.

Отделить от Оренбургского генерал-губернаторства нынешний Мангышлакский уезд с фортом Александровским так, чтобы граница Оренбургского края шла от залива Мертвого Култука к Аральскому морю по северной окраине Усть-Урта. Мангышлакский уезд с фортом Александровским поставить в прямую зависимость от наместника кавказского, в ведение которого поступит весь восточный берег Каспийского моря. Гарнизон форта Александровского будет состоять из войск Кавказского военного округа. Как относительно передачи Мангышлакского уезда, определения границы, так и о замене гарнизона форта его императорское высочество вступит в соглашение с оренбургским генерал-губернатором.

8. Какие меры принять по отношению к Астрабадской морской станции?

9. Какие установить отношения между этой станцией и Красноводском?

[1] Особого интереса в этом отношении заслуживает не публикуемый нами ввиду специального интереса написанный во исполнение этого решения отчёт горного инженера фон-Кошкуля об отношениях собственности на промысловые земли в районе Красноводского залива и возможных формах их аренды за 1869—1870 гг. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 2885, лл. 7—14), а также отзыв начальника Кавказского горского управления В. Франкини об условиях аренды и эксплуатации нефтеносных участков на Челекене и на Балханах (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 2, лл. 3—10), равно как и прошение предпринимателя Письменного о промыслах на Челекене и формах владения ими местным населением, его этническом составе, общественно-экономических отношениях и т. д. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 145, д. 2215, лл. 80—96).

Ввиду более центрального положения Красноводска и его более выгодных климатических условий перевести туда с острова Ашура всю главную оседлость Каспийского крейсерства и морской станции, равно как и местопребывание начальника станции. Обязанностью этого начальника будет наблюдать за безопасностью и порядком в будущем Красноводском порту и в Балханском заливе, поддерживать постоянные сношения с нашим постом в Балханских горах и содержать крейсерство вдоль всего восточного берега. В астрабадском же заливе будет всегда находиться очередной стационар с необходимым количеством мелких судов, сборный пункт которых будет по-прежнему на острове Ашуре. От усмотрения начальника станции будет зависеть, в случае нужды, командировать к Ашуру и более значительные силы с целью поддержания спокойствия, укрощения набегов туркмен и охранения персидских берегов, рыболовства и торговли; он будет по-прежнему сноситься с миссией нашей в Тегеране и получать от нее надлежащие указания[1].

Константин, Михаил, князь Горчаков, Д. Милютин, А. Тимашев, Н. Краббе, М. Рейтерн, граф В. Бобринский.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 347[1], лл. 298—304[2].

№ 11

Рапорт туркестанского генерал-губернатора военному министру об антирусских действиях хивинского хана[3].

18 января 1870 г.

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич![4].

Имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству копию с письма моего к хивинскому хану от [?] сего января[5], написанного по поводу высадки в Красноводском

[1] На документе резолюция Александра II: «Исполнить С.-Петербург, 2 февраля 1870 г.»

[2] Копию документов см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6819, лл. 90—96 и ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, д. 613, лл. 129—137.

[3] Аналогичное письмо с рассмотрением вопроса о взаимоотношении с Хивой было направлено директору Азиатского департамента тайному советнику П. Н. Стремоухову, документ не публикуется ввиду того, что в основном касается вопроса русско-хивинских отношений (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 70—71).

[4] Д. А. Милютин. Документ без подписи.

[5] Дата не указана, проект этого письма, датированного 11 январем 1870 г. см. ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 13, лл. 45—46; документ не публикуется.

заливе. Официального уведомления я по сие время еще не получил из Красноводска и полагаю, что посланные полковником Столетовым с донесением в Казалинск были перехвачены хивинцами на дороге. Узнав об осуществлении высадки из «Русского инвалида», я счел нужным, не откладывая далее, сообщить об этом хивинскому хану; он поймет тогда, и это весьма важно, что Красноводская экспедиция находится в зависимости от меня и в тесной связи с действиями, из Ташкента происходящими.

С другой стороны, я этим письмом даю ему возможность поправить дело, хотя и предвещаю ему гибельный разрыв с Россией, если он не удовлетворит законным моим требованиям относительно наказания разбойников, удовлетворения ограбленных караванов, немедленного возвращения трех русских приказчиков, увезенных минувшим летом из Оренбургской степи в Хиву и, наконец, признания за нашими купцами права свободной торговли в хивинских владениях[1]. Получив от него ответ в смысле примирительном, я могу протянуть еще на некоторое время настоящее мирное положение дела и выждать исполнение его обещаний. Мы нуждаемся в мире для устройства края, в этом нет сомнения. Но рано или поздно нам, по-видимому, все-таки придется идти на Хиву; не испытав силу нашего оружия, хан вряд ли согласится на полную свободу торговли для наших купцов, и безопасность наших караванов ничем не будет гарантирована, а эти два условия должны быть непременно достигнуты[2].

По последним известиям, хан задержал наших киргизов, посланных из Казалинска с моим письмом от 20 сентября. Он отправил посольство к бухарскому эмиру, как говорят, с тем, чтобы уговорить его идти на нас войною в одно время с хивинцами.

---

[1] Интересно отметить ультимативный характер этого письма, изложив свои требования, Кауфман писал: «Вот мои требования, они законны и должны быть во всей точности исполнены». И далее, касаясь, что хан не ответил на три его письма и задержал его посланцев, Кауфман в конце письма отмечал: «если я не получу удовлетворительного ответа, то возьму его» (там же).

[2] В письме туркестанскому генерал-губернатору от 13 марта 1870 г. военный министр отмечал, что все эти взгляды Кауфмана «совершенно сходны с видами государя императора относительно образа действий и управления во вверенном Вам крае». Указывая на необходимость «избегнуть возобновления военных действий, которые даже при совершении успеха обещают гораздо менее для нас в Средней Азии положения», он одновременно добавлял, что если все попытки урегулировать отношения с Хивинским ханством не дадут желаемого результата, то в этом случае «угрожать Хиве и со стороны Сыр-Дарьи, и со стороны Красноводска, используя для этого подкрепления из Дагестана, где для этой цели положено иметь всегда в готовности несколько батальонов и орудий» (ЦГИА, Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 13, лл. 84—85).

Не думаю, чтобы эмир мог возмечтать о возобновлении против нас военных действий; но должен сознаться, что он в последнее время опять ведет себя не благоразумно.

Недавние успехи его войск в Гиссаре и Каратегине, быть может, вскружили ему голову; купцы наши, возвращающиеся из Бухары, жалуются на притеснения со стороны местных властей и на незаконный и неправильный сбор зекята.

С истин[ным] почт[ением] и пред[анностью][1].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 68—69. Черновик, рукопись.

№ 12

Из рапорта начальника Астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране о подстрекательствах хивинским ханом туркмен к выступлениям против русских[2]

3 февраля 1870 г.

...Туркмены, являющиеся на станцию, объясняют нападение атрекских разбойников так: они очень боялись, когда узнали о высадке войск в Красноводске и два месяца сидели смирно, но приехал один из туркмен и рассказывал, что русских очень мало, не больше 200 человек, то они опять ободрились и говорят, что им нечего бояться.

При свидании с начальником Красноводского отряда я передал ему полученное мною недавно через туркмен известие, что хивинский хан прислал письмо к племени и приглашает его воевать с русскими, пришедшими в Красноводск. Текинцы приняли приглашение и послали письмо к атабаевцам и джафарбаям.

Первые также согласились, но последние отказались, говоря, что находятся в постоянных сношениях с русскими и не хотят ссориться. Между текинцами и атабаевцами условлено, как только наступит тепло, прикочевать ближе к Красноводску и начать неприязненные действия. Теперь в аулах много разговоров об этом...[3].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 34., д. 45, лл. 86—88.

---

[1] Документ без подписи.

[2] Начало документа, посвященное описанию нападения 12 туркмен на русское купеческое судно, интереса не представляет; об этом нападении см. в последующих документах.

[3] Далее следует не представляющее интереса сообщение о передаче в распоряжение начальника Красноводского отряда четырех судов; документ без подписи.

№ 13

Отношение Главного штаба директору Азиатского департамента об антирусских демонстрациях каджарских властей, ответных действиях Красноводского отряда и положении в Западной Туркмении

12 марта 1870 г.

Из полученных из Красноводска донесений видно, что поездка персидского шаха в Энзели и требование им наших судов к себе произвели между туркменами юго-восточного прибрежья Каспийского моря разные нелепые заключения до того, что начальник отряда полковник Столетов должен был обратить особое внимание на уничтожение возникших у туземцев слухов. Чтобы показать туркменам самостоятельность наших действий и поддержать то впечатление, которое произвело на них наше утверждение на восточном берегу Каспийского моря, полковник Столетов признал необходимым ускорить приготовления для рекогносцировки Балханских гор.

По мнению этого штаб-офицера, поездка шаха, предпринятая в столь необычное время — зимою, когда проходы через хребет Эльбрус в Мазандеране и Гиляне бывают по целым неделям завалены снегом, по всей вероятности, есть плод внушений иностранных представителей в Тегеране, имевших в виду произвести невыгодное для нас настроение между туркменами[1]. Еще в декабре полковник Столетов имел сведения от астрабадского консула, что астрабадский губернатор Сулейман-хан поехал за р. Гурган в такие места, куда прежде персы не отваживались отправляться добровольно.

Ныне имеется сведение, что шайка туркменских разбойников из разных племен направилась от р. Атрека к северу, может быть с расчетом захватить несколько пленных, отвести на Атрек, где бы они были освобождены шахом. Полковник Столетов надеется, что рекогносцировка Балханских гор, предпринятая одновременно с путешествием шаха Наср-Эддина, парализует всякое неблагоприятное для нас впечатление.

Проведение в исполнение этой рекогносцировки начато было еще в конце января, когда 28-го числа высажена была часть рекогносцировочной партии у оконечности Михайловского залива (лежащего против острова Челекен), откуда до Балхан всего 50—60 верст.

[1] В своем отношении начальнику Главного штаба от 16 марта 1870 г. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Стремоухов отмечал, что «поездка шаха в одну из северных провинций Персии не имеет никакого отношения к делам на восточном берегу Каспийского моря», а предпринята с целью «осмотреть местности, пострадавшие от сильно развившейся в Персии болезни шелковичных червей» [!?] (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 81—83).

Однако ж, внезапно наступившие затем холода и недостаток запаса угля на наших судах вынудили повременить с перевозкою остальной части отряда, причем дальнейшее движение предполагалось произвести во второй половине февраля так, чтобы к половине марта окончить обход Балханов.

По слухам, хивинский хан посылает в Красноводск посланца, но в то же время он будто бы побуждает туркмен—теке и номудов не оставлять нас в покое. Из Ашур-Аде получена просьба освободить трех русских, захваченных туркменами[1] у персидского берега, что полковник Столетов и надеется исполнить через посредство туркменских старшин.

О вышеизложенном имею честь сообщить Вашему превосходительству для сведения Министерства иностранных дел[2].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 79—80. Копия, рукопись.

№ 14

Отношение оренбургского генерал-губернатора туркестанскому генерал-губернатору о приготовлениях хивинского хана против России и антирусских происках турецкой агентуры в Средней Азии

13 марта 1870 г.

Военный губернатор Уральской области, с донесения начальника Эмбенского уезда, доводит до моего сведения, что прибывшие с Усть-Урта в Оренбург бии: Сары Чулаков, Ахмед Бсурманов, Джантеке Джуламанов и другие киргизы сообщили, как верные, слышанные от очевидцев киргизов, ездивших в Хиву, следующие сведения:

1. В Хиве выстроена вновь цитадель в виде башни, с 20 орудиями. Хан воздвиг ее, получивший сведения о намерении будто бы русских идти в Хиву.

2. Главное русло р. Аму-Дарьи Талдык отведено в мелководный Айбугирский залив и разветвлено по приказанию хана на несколько мелких каналов для уничтожения возможности движения русских пароходов.

3. Главные бунтовщики из киргиз в числе 25 человек находятся в Хиве и распукают слухи, что весною они едут походом на русских, в подтверждение чего делают приго-

[1] Об этом см. донесение российского консула в Астрабаде российскому посланнику в Иране от 12 февраля 1870 г. (ЦГИА Уз. СССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 89).

[2] Документ без подписи.

товления; но со стороны хана никакого содействия им не оказывается, хотя хан и не принимает мер к прекращению делаемых ими приготовлений.

4. Хан, собрав означенных киргизов, показал им уполномоченного, будто бы турецким правительством снабженного фирманом эфенди, который объявил себя членом турецкого посольства в Бухару и предлагает хану содействие и помощь султана, намеренного будто бы объявить войну России, если Хива, Бухара и пр. среднеазиатские государства сделают то же и если Россия не выведет из Средней Азии свои войска. Означенное посольство будто бы следовало в Бухару через Персию. Об этом имею честь уведомить Ваше превосходительство.

Генерал-адъютант Кржижановский

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 13, л. 83 об. Подлинник, рукопись.

№ 15

Рапорт начальника Астрабадской морской станции русскому посланнику в Иране о безуспешных попытках хивинского хана организовать выступления туркмен против русских

24 марта 1870 г.

Паровая шхуна «Персиянин» и парусная баржа «Баклан» возвратились к вверенной мне станции из Красноводского залива, где они находились при перевозке войск для рекогносцировки у Балханских гор. Войска двинулись от пристани в залив Кейсесу 17 февраля, а возвратились 25-го числа. Полковник Столетов, по неизвестным мне обстоятельствам, сократил пространство, которое предполагал осмотреть, как видно из инструкции, данной им командиру шхуны «Персиянин», поэтому все войска были обратно перевезены в бухту Муравьева к 3 марта[1]. Вероятно, также по каким-либо уважительным причинам, он не задержал родственников атрекских разбойников, взявших в плен русских, о чем я просил его, хотя они и были все при его отряде. Я не имею от него никакого известия по случаю отъезда его в Тифлис.

Расположение умов между ближайшими к нам по сношениям туркменами племени джафарбай в нашу пользу. Было много совещаний между ними и атабаевцами по случаю призыва хивинского хана вооружиться против русских, но джафарбаи решительно отказались. Один из уважаемых ими старейшин Миришбай объявил атабаевцам от своего племени, что хотя они и уважают хивинского хана и охотно готовы были бы ему повиноваться, но так как все места, где они кочуют, заняты уже русскими, то они должны им покориться, а не ссориться, если же эти места хивинский хан возьмет себе, то они ему с большим удовольствием будут повиноваться как своему одноверцу, а до тех пор будут считать своими врагами всех тех, кто будет действовать против русских. Речь эта произвела глубокое впечатление и слухи о приготовлениях для нападений на Красноводский отряд притихли.

Относительно торговли сведения менее благоприятны. Приезжающие из Хивы туркмены говорят, что хан положительно запретил идти караванам на Оренбург и Красноводск, а только дозволяет в Астрабад, т. е. в Персию. Полагают, что хивинские купцы воспользуются этим дозволением и приведут караваны в Гасан-Гули, потому что в Хиве не знают этого разделения и считают все Астрабадом. Я обещал, если караваны придут, дозволить нашим купеческим судам идти в Гасан-Гули и грузиться там под охраной военного судна. Я полагаю, что упрямство хивинского хана относительно недозволения караванам идти в Красноводск может продолжаться года два и более, а потому на это время полезно было бы направить торговлю хотя через Гасан-Гули, а иначе, не имея исхода, она направится через Персию. Переменить же путь вместо Гасан-Гули в Красноводский залив купцы согласятся всегда охотно, там ближе, лишь бы они хорошо ознакомились с отправкой своих товаров на каспийских купеческих судах, которая мало им известна и потому пугает их.

Капитан-лейтенант К. Петрученко.

ЦГАВФМ, ф. 410, оп. 2, д. 3426, лл. 44—46 об. Заверенная автором[1] копия.

[1] Документов, освещающих ход рекогносцировки на Балханы, не обнаружено. Из полученной в Главном штабе телеграммы из Тифлиса от 10 марта 1870 г. известно лишь, что «Столетов благополучно окончил предпринятую им рекогносцировку» на Балханы (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 75—78).

[1] Дубликат документа см. ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 93 или ГАОО, ф. 6, оп. 17, 1870 г., лл. 2—3.

№ 16

Донесение управляющего Российским консульством в Астрабаде российскому посланнику в Иране о взаимоотношениях Красноводского отряда с туркменами и слухах о нападении туркмен на русский лагерь

21 ноября 1870 г.

Здесь не проходит недели, чтобы не было известий о положении нашего отряда, занявшего Красноводск. Малейшее передвижение лагеря дает пищу самым разнообразным и неправдоподобным толкам и предположениям. Любопытство астрабадцев удовлетворяется в этом случае сведениями, доставляемыми сюда степными торговцами, которые часто посещают туркменские аулы, а также и самими туркменами.

Полагая, что разговоры и толки астрабадских жителей заслужат внимание императорской миссии, которая может судить по ним об интересе, с коим персияне следят за нашим отрядом, так и об опасениях их, чтобы мы не перешли Атрек, я считаю своим долгом представить на благоусмотрение Вашего превосходительства содержание всех этих рассказов.

Красноводский отряд, состоящий из 3000 человек, построив укрепления в самом Красноводске и по дороге к Балханским горам, перешел ныне в сей последний пункт, где занимается тоже устройством укрепленного лагеря. Рабсты сии и сопряженные с оными передвижения внушили туркменам сильные опасения. Иомуды с трудом решались сначала вступить в какие-либо сношения с отрядом и только впоследствии, убедясь в нашей искренности и дружеском с ними обхождении, стали мало по малу приезжать в лагерь и предлагать свои посильные услуги. В искренности нашей и приязненных отношениях более всего убедила туркмен строгость, выказанная начальником отряда по поводу убийства одного иомуда, совершенно нечаянно в азартном споре с солдатом отряда.

Неминуемым последствием уверенности этой был наплыв в наш лагерь, как я уже сказал, туркмен, которые занимаются перевозкой тяжестей из Красноводска в Балханы и продажа этими последними в отряд до 200 верблюдов,

В последнее время, приязненное отношение к нам некоторых туркмен охладело, вследствие одного обстоятельства, которое они сочли за личную обиду. Дело в том, что несколько человек иомудов из рода джафарбаев были уличены в воровстве, за что трое из них, по приказанию полковника Столетова, повешены. Туркмены же, со своей стороны, находят, что наказание было не справедливо, так как, говорят они, преступники успели скрыться, а повесили люди ни в чем невиновных. Партия недовольных сговаривается даже, как мне сказывали, подать по сему предмету просьбу Вашему превосходительству.

Иомуды, большую часть года кочующие по степи, не имеют оседлости и потому мало понимают выгоду мирных сношений, предпочитая оным свои набеги и разбои. В силу такого воззрения, число кочевников, посещающих наш отряд, весьма незначительно, большинство же постоянно относилось и относится к нам враждебно.

Не будучи в силах противостоять нам, туркмены стараются своими лживыми рассказами о намерениях и движениях Красноводского отряда поселить в астрабадских властях опасения и недоверие. Так, недавно они распустили слух, что войско русское предполагает идти не на Хиву, как говорили здесь прежде, а на укрепление Кара-Кала, лежащее на северо-восток от Астрабада, на границе Буджнурдской провинции и причисляемое к своим владениям персиянами. Видя, что уловка не имела своего действия, туркмены вдруг стали настойчиво утверждать, что весь Красноводский отряд двинулся на аул Гумюш-Тепе (Серебряный бугор) и что будто бы расположился лагерем недалеко от Атрека.

Для придания более правдоподобности сему последнему слуху, туркмены иомудского племени обратились к губернатору Астрабада, находившемуся в то время в степи на охоте, с запросом, что им делать, так как русские подходят к Атреку, направляясь на Гумюш-Тепе, где хотят строить укрепление.

Губернатор, хотя и отвечал им в успокоительном тоне, тем не менее нашел нужным допросить каждого из сопровождавших его ханов относительно предъявленного туркменами запроса. Большинство было мнения Сулейман-хана, т. е. что опасения иомудов не основательны, но один из начальников астрабадских булюков (уезд) выразил предположение, что опасения эти кажутся ему не совсем-то безосновательными, так как русское правительство, говорил он, перейдя Атрек, может сослаться на то, что прежде оно считало возможным признать Атрек границею, но ныне же, ввиду изменившихся обстоятельств, а также и набегов туркмен, видит себя в необходимости изменить прежнее постановление. Поселяя опасения в астрабадцах, туркмены в то же время не упускают случая нападать большими скопищами на наш отряд. Несколько недель тому назад иомуды отправляли депутатов к Коушут-хану Текинскому и кочующим в окрестностях Бал-

хан киргизам, прося их помочь в предполагаемом набеге на русский лагерь. Коушут-хан, из опасения буджнурдских курдов, сначала было отказался от участия, но потом, вследствие настоятельных просьб иомудов, принял предложение. Что же касается киргизов, то ответ их неизвестен и, должно полагать, что они остались не причастными этому делу.

День нападения, в коем участвовало туркмен до 2000 чел. под предводительством своих ханов, как-то: Коушут-хана, Нургельди-хана, Ходжа Кули-хана, Ораз Магомет-хана, Софи-хана и Овез Мурад-хана-сардара, точно неизвестен. О результатах стычки говорят различно: по одним выходит, что будто бы туркмены, потеряв от 20 до 30 человек, успели отбить у отряда до 100 верблюдов, причем у сего последнего выбыло из строя убитыми и ранеными до 80 чел. По другим же известиям, что подтвердил мне и здешний Балиуз Неджеф Кули-ага, у нас всего только 5 человек раненых[1].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 99—102, Копия, рукопись.

№ 17

Из донесения начальника Астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране о нападении текинцев на Красноводский отряд, тяге прибрежных туркмен к оседлости и влиянии отряда на образ их жизни

1 декабря 1870 г.

Перед рассветом с 19 на 20 октября туркмены племени теке сделали нападение на часть сухопутного отряда полковника Столетова, расположенную у пристани, в заливе Кайсесу (Михайловском). В нападении участвовали 16 иомудов, по принуждению согласившихся быть проводниками. Встретив сильный огонь игольчатых ружей, текинцы быстро отступили и потом завязали ссору с иомудами за то, что они им не помогли всеми силами, произошла драка, в которой убит один текинец и один взят в плен и привезен на Серебряный бугор.

По слухам, через Персию, известно, что персияне, воспользовавшись отсутствием войска текинцев, напали на их селения и сожгли их[2]. Полагаю, однако ж, что слухи эти преувеличены. Туркмены не вполне подтверждают их. Предназначенное полковником Столетовым движение на Атрек еще не состоялось...[1]. Кроме того, туркмены, кочующие у Серебряного бугра, начали уже обзаводиться оседлостью и построили три каменных магазина для склада товаров, привозимых из Астрахани. Через это обстоятельство они самые покорные слуги станции и на них, более чем на других аулах, заметны успехи некоторой цивилизации от сношений с русскими. Дорога от Серебряного бугра вдоль морского берега к Атреку и далее в степь, к бывшей крепости гёкленов Карры-Кала, хороша и по ней удобно могут ходить караваны для снабжения отряда провиантом. Хотя Серебряный бугор и находится по южную сторону сухого русла реки Атрек, но местность эту даже номинально туркмены не считают принадлежащею Персии и никогда войска ее не доходили до нее.

После выдачи русских пленных, выбора нового хана и обещания не ходить на разбой морем, о чем я доносил Вашему превосходительству, приморские племена спокойны; неделю назад 10 человек отправились было за персиянами на кулазах, но Нургельды-хан, собрав своих сардарей, догнал их и воротил, отобрав кулазы, которые прислал ко мне.

В настоящее время я озабочиваюсь всеми зависящими от меня мерами, дать средства честным трудом заработать хлеб сотне атрекцев, которые всю жизнь занимались ловлею персиян, а ныне перекочевали к Серебряному бугру и просят меня дать им способы приобретать средства к жизни без захвата пленных[2].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 96—98.

№ 18

Донесение управляющего Российским консульством в Астрабаде российскому посланнику в Иране об антирусских приготовлениях текинцев

31 января 1871 г.

Ложный слух, распущенный туркменами о движении Красноводского отряда на Атрек и Гумюш-Тепе, о котором я уже имел честь доводить до сведения Вашего превосходи-

[1] Документ без подписи.

[2] Донося об этом нападении буджнурдского ильхана Хейдар Кули-хана на текинцев, управляющий Российским консульством в Астрабаде отмечал в рапорте посланнику в Иране от 2 декабря 1870 г., что эта «экспедиция удалась вполне. Три аула уничтожены до тла и взято до 50 пленных» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 103).

[1] Далее следует не представляющее интереса описание водного режима в Астрабадском заливе и в реках Атрек и Гурган.

[2] Документ без подписи.

тельства донесением от 21 ноября минувшего года (№ 412), имел основанием, как я узнал впоследствии, предполагавшуюся, но затем отложенную рекогносцировку на Атрек.

Вместо движения этого, полковник Столетов произвел в декабре минувшего года рекогносцировку в сторону земель, обитаемых туркменами текинского племени, по каковому направлению он подходил даже на один переход до первой крепости, называемой Кизыл-Арват.

Отсюда г. Столетов посылал, как рассказывал один туркмен, письмо к текинскому хану, в коем, будто бы, предлагал ему высказаться откровенно, желает ли он находиться в дружеских с нами отношениях, или же считает себя врагом русских. На это, продолжает рассказчик, хан отвечал, что в дружеских отношениях с русскими он не видит никакой пользы, что же касается враждебных чувств своих, то он их покажет на деле с открытием весны и наступлением теплой погоды.

Предположив даже, что рассказ о письме и вымышлен, тем не менее нельзя не видеть в нем выражения неприязни, которую питает к Красноводскому отряду большинство туркмен, а в особенности же текинцев.

Обстоятельство это подтверждается тем, что даже несмотря на неудачу, постигшую текинских всадников при нападении их на наш отряд в Михайловской бухте, они намеревались было, несколько время спустя после того, снова повторить нападение[1] и только сильные холода в окрестностях Балхан принудили их вернуться в свои кочевья[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 82—83. Копия

№ 19

Рапорт начальника Астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране об антирусских провокациях хивинских властей и ограблении туркмен

14 апреля 1871 г.

Из чарвы (степных туркмен), которая всегда перекочевывает на зимнее время от Балханских гор к Атреку, в прошлом году оставался на месте небольшой аул, кибиток около 200, племени каранджик. В феврале хивинский хан прислал несколько сотен своей конницы ограбить этот аул в наказание, что каранджики служили и давали верблюдов нашему Красноводскому отряду. Посланные хивинцы объявили ограбленным, что они на первый раз отбирают у них только скот и верблюдов, но если они останутся все-таки на этом месте и будут служить русским, то придут опять и ограбят все имущество. Когда известие об этом распространилось по степи, то вся чарва, которая готовилась уже кочевать, двинулась уже не к Балханским горам, а к востоку или к пределам текинцев, или к Хиве, туда же откочевал и ограбленный аул каранджиков. Не доходя до места кочевок, старшины джафарбайцев отправились к хивинскому хану просить возвратить ограбленный скот и верблюдов, так как все они ушли от русских. Хан однако ж не возвратил ничего, а объявил, что считает их виновными в том, что они допустили русских выйти на берег и потом помогли пройти в степь. Вследствие этого произошел разрыв между иомудами и хивинцами; вся чарва обратилась назад и в настоящее время расположилась в двухдневном переходе от Атрека, а старшины отправились в Красноводск просить наставления начальника отряда, что им делать.

Излагая совершившиеся факты, я считаю необходимым присовокупить, что все иомуды в настоящее время в затруднительном положении. Поссорившись с хивинцами, они ежеминутно должны ожидать их нападения, а также и гёкленов, с которыми враги; с текинцами же, хотя ссоры еще нет, но опасаются, что хивинский хан успеет и их вооружить против иомудов, они, как заметно, охотно отдались бы под покровительство наше, если бы убедились, что это даст им защиту от хивинцев.

Я еще не имея сведения как поступил полковник Столетов, но полагаю, что он воспользуется затруднительным положением степных иомудов, чтобы подчинить их нашему влиянию. Это тем более необходимо, что вследствие разрыва хивинские купцы не решатся идти с караванами, боясь быть ограбленными иомудами, что уже и случилось с небольшим хивинским караваном, шедшим в аул Гасан-Гули.

Капитан 2-го ранга К. Петриченко

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3426 лл. 70—71 об. Заверенная автором копия.

[1] Данное утверждение опровергает выраженное в рапорте этого же управляющего консульством посланнику в Иране от 2 декабря 1870 г. мнение, что «двойное поражение, понесенное туркменами как от Красноводского отряда, так и от персиян, послужит им довольно внушительным уроком, должно полагать, что на будущее время они воздержатся от каких бы то ни было неприязненных действий» против войск Красноводского отряда (ЦГИА, Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 103).

[2] Доукмент без подписи.

№ 20

Донесение и. д. российского консула в Астрабаде российскому посланнику в Иране о подготовке туркмен к нападению на Красноводский отряд

5 августа 1871 г.

В последнее время между жителями Астрабада, имеющими торговые сношения с туркменами, распространился слух о предполагаемом нападении последних с наступлением осени на наш отряд в Красноводске[1].

Определеннее сообщил мне об этих слухах астрабадский губернатор Сааб-ихтиар Сулейман-хан, который, как говорил, получил секретно сведения о предполагаемом нападении от туркменских старшин, приезжавших из степи в Астрабад.

В общем, все имеющиеся в Астрабаде сведения сводятся к тому, что хивинский хан предложил свою помощь ездившим в Хиву иомудам с ходатайством о возвращении угнанных верблюдов, как я имел честь доводить о том до сведения Вашего превосходительства донесением от 12 июля за № 189[2].

Помощь хивинского хана, по рассказам туркменских старшин, а с их слов и Сулейман-хана, должна состояться из всадников в числе от двух до трех тысяч при нескольких отрядах, которые с наступлением холодов отправятся в Ахал, местность, лежащая близ Балханских гор, на соединение с Нурберды-ханом теке, и затем, общими силами, вместе с иомудами, кочующими у Балханских гор, сделают нападение на наш отряд.

Будучи не вполне уверен в участии, которое примут в предполагаемом нападении иомуды, хивинский хан будто бы приказал уплатить стоимость лишь только части отогнанных верблюдов, надеясь, удержав остальных, обеспечить тем за собою союз иомудов.

Без предварительной проверки означенных сведений я не решался доводить о них до сведения Вашего превосходительства, так как можно было бы допустить, что Сулейман-хан может быть даже намеренно распространяет преувеличенные слухи о предполагаемом нападении в надежде, что подобное сообщение может вызвать со стороны нашего отряда какое-либо предупредительное движение во вред иомудам, к удалению которых из ближайших к Астрабадской провинции местностей направлены все усилия Сааб-ихтиара, не останавливающегося для достижения этой цели ни пред какими средствами[1].

А потому я счел долгом предварительно собрать возможно точные сведения о степени справедливости сказанных слухов.

Астрабадские купцы, торгующие с Хивою и поддерживающие с ней сношения через своих корреспондентов непосредственно из Хивы, не имеют сведений о предполагаемом нападении, но не отрицают его возможности, на основании известий, имеющихся у них также от туркмен; сомневаясь лишь в прочности союза хивинцев с иомудами, готовыми в решительную минуту отложиться от участия, как уже было при первом нападении на наш отряд скопищ туркмен-теке[2].

Между тем вышеупомянутые слухи подтвердились, если не во всех подробностях, то по крайней мере в общих чертах, сведениями, полученными от прибрежных туркмен г. начальником Астрабадской морской станции, которому я при личном свидании сообщил обо всем вышеизложенном.

Туркмены действительно делают приготовления к нападению и снаряжают будто бы караван в Хиву, для прикрытия которого отправится значительное скопище конных, которые в соединении с теке, оставив караван, должны произвести нападение на наш отряд[3], но доля участия, приписываемого хивинскому хану уже не так значительна, так же как и размеры обещанной их помощи.

Таким образом, изо всех вышеизложенных сведений можно заключить, что действительно намерение напасть осенью на наш отряд существует у туркмен, рассчитывающих на помощь теке и возможное содействие хивинского хана, намерение, которое с наступлением холодов легко может быть приведено в исполнение, если не будет расстроено какими-либо непредвиденными случайностями.

Обо всем вышеизложенном я счел долгом почтительнейше довести до сведения Вашего превосходительства[4].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 190—193. Копия.

---

[1] О подготовке к нападению на Красноводский отряд доносил в рапорте от 5 августа 1871 г. и начальник Астрабадской морской станции (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 187— 189).

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 200—202.

[1] Об этом см. донесение и. д. консула в Астрабаде российскому посланнику в Иране от 12 июля 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 200—202).

[2] Документ 17.

[3] Об этом см. рапорт начальника Астрабадской станции российскому посланнику в Иране от 5 августа 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 187—189).

[4] Документ без подписи.

№ 21

Из донесения и. д. российского консула в Астрабаде российскому посланнику в Иране о тяготении астрабадских туркмен к Хиве и необходимости обеспечения их хлебом[1]

7 сентября 1871 г.

...Вообще между туркменами можно заметить влечение к единоверной с ними Хиве, на поддержку которой они рассчитывают в таких случаях как голод или притеснения персиян, надеясь, сообразно с обстоятельствами найти или помощь или убежище, как было с гёкленами, которые в июле в числе более 200 кибиток, вследствие несправедливого увеличения малиата,[2] взыскание которого людьми буджнурдского ильхани Хейдар Кули-хана сопровождалось различными злоупотреблениями[3], откочевали в Хиву, причем их примеру, в случае продолжения притеснений, прочат последовать остальные недовольные.

Чарва, отправляя верблюдов в Хиву за хлебом, избрали своим посланным одного из приморских старшин, Ильгельды, который, как говорят, имеет доступ к хану; ему были поручены деньги, собранные с туркмен для покупки лошади, предназначавшейся в подарок хивинскому хану, но, как сообщил мне Сулейман-хан, посольство Ильгельды не состоялось, так как он будто бы был приглашен г-м начальником Астрабадской станции на Ашур-Аде и оттуда отправлен в Красноводск.

Прибыв в Астрабад, г. Петриченко подтвердил справедливость слов Сулейман-хана, объясняя приглашение Ильгельды приехать на станцию именно желанием отвлечь туркмен от ухода за хлебом в Хиву, указывая им возможность приобрести его в прибрежных аулах, куда пшеница легко может быть доставлена нашими торговцами на парусных судах.

Допуская возможность того, что хлеба, доставленного из Хивы, будет недостаточно для чарвы, — с возвращением на Серебряный бугор, туркменам, по примеру прошлого года, придется покупать пшеницу у наших торговцев, причем в случае необходимости разрешение им вывоза пшеницы из Ленкорани и других местностей без всяких стеснительных мер и ограничений могло бы показать туркменам принимаемое нами участие в их бедственном положении, встречающее сочувствие не только в одной Хиве.[1]

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 203—204. Копия.

[1] Начало документа, посвященное откочевки туркмен из Астрабада к Бугдайли, интереса не представляет.

[2] Налог, в основном натуральный.

[3] Об этом см. донесение и. д. российского консула в Астрабаде российскому посланнику в Иране от 7 сентября 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 3, д. 1824, лл. 183—186).

№ 22

Рапорт начальника Астрабадской морской станции посланнику в Иране об отношении туркмен к Хиве, Ирану и России

14 сентября 1871 г.

В дополнение донесения моего Вашему превосходительству за № 832[2] имею честь присоединить следующее:

Посланный от меня к чарве с письмом нашел ее на пути к хивинским владениям. Деньги для подарка хивинскому хану были уже собраны и вручены Ильгельды, чтобы купить для этой цели коня.

Получив мой призыв, Ильгельды, по совету Ерали-Казы, отказался, несмотря на многие просьбы, ехать в Хиву с подарком и, раздав собранные деньги, приехал в Гасан-Гули, а оттуда на Ашур-Аде. Ерали-Казы сам не приехал по болезни, но письмом заявил полную свою готовность служить нашим интересам и уведомил, что чарва только налегке пойдет в Хиву для покупки пшеницы, которая там очень дешева, но что в половине сентября вся возвратится кочевать зимою по Атреку. Ильгельды на мое предложение собрать конный отряд из степных туркмен для провожания подполковника Маркозова[3] во время рекогносцировки в степь согласился; тогда я, взявший его, хана Нургельды и одного из старшин чарва Гаганджана, пошел на канонирской лодке («Тюлень») в Красноводский залив для свидания с подполковником Маркозовым и, по совещании с ним, поручил Ильгельды собрать конный отряд в 10 человек (столько потребовал подполковник Маркозов, а туркмены могли дать гораздо более) и идти к Таш-Арват-Кала на соединение с подполковником Маркозовым.

[1] Документ без подписи.

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 187—189.

[3] Назначенного вместо полковника Столетова на должность начальника Красноводского отряда (см. док. 25).

В настоящее время этот отряд уже отправился, так как предположено выступить на рекогносцировку в начале сентября. А по возвращении из Красноводска туркмены известили меня, что старшина племени тешач Мамед Яр-хан, служивший ханом при Астрабадском губернаторе, арестован им в городе с 10 другими старшинами и посажен в тюрьму. Известие это частным образом подтвердил астрабадский консул г. Бакулин, который также сообщил мне, что губернатор имеет непременное намерение отрезать головы Яр-хану и арестованным старшинам[1].

Принимая в соображение, что Мамед Яр-хан и арестованные старшины имеют много родных между примерными туркменами, которые, без сомнения, захотят мстить за кровь, начнут грабить берега и уводить пленников, оправдываясь передо мной тем, что они дали обещание не ходить на грабеж с целью выгоды, а за кровь должны мстить по закону, я немедленно решился сам поехать в Астрабад под предлогом отдать визит консулу и там в частном разговоре с губернатором постарался убедить его отменить казнь. К заступничеству за Мамед Яр-хана побуждало меня еще и то обстоятельство, что он несколько раз высказывал перед туркменами о своем желании перейти с племенем под покровительство русских и прошлою весною даже писал об этом моему переводчику Ездиаеву. Хотя я отклонил желание Мамед Яр-хана, так как он желал покровительства, оставаясь на персидской земле по причине больших табунов[2], но, вероятно, губернатор знал об этом. Я имел свидание с губернатором в консульстве. Последствием этого свидания, хотя и не было со стороны губернатора положительного обещания не казнить туркмен, но он согласился не спешить этою казнью и до сих пор держит обещание. Приморские племена выжидают, но грабежи берегом усилились и всех пленных персиян передают в распоряжение семейства Мамед Яр-хана, дабы принести их в жертву тотчас, как получится известие, что он казнен[3].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 217—218. Копия.

[1] Об этом см. донесение российского консула в Астрабаде от 7 сентября 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 194—199).
[2] Так в тексте.
[3] Документ без подписи.

№ 23

Отношение российского посланника в Иране азиатскому департаменту о положении в прикаспийских районах Туркмении и отношении туркмен к русским войскам

24 сентября 1871 г.

Посланник сообщает сведения о туркменах[1]: отношение различных племен между собою и персиян к ним.

Племя иомудов состоит главным образом из чомуров и чарва: первые оседлые, вторые ведут жизнь кочевую, производят грабежи и разбои. Два раза в год чарва перекочевывает к Астрабаду — в начале весны и осенью. После жатвы они обыкновенно удаляются к Балханским горам. В настоящем году, по случаю неурожая, чарва решилась остаться долее прежних лет в окрестностях Астрабада, что повлечет значительный вывоз хлеба к ним из ближайших местностей Персии. Жители Астрабада получают большие выгоды от продажи хлеба чарве, и ввиду неурожая вообще в Персии астрабадский губернатор Сулейман-хан запретил вывоз его, думая этою мерою вместе с тем и удалить чарву от границы. Действительно, мера удалась — чарва откочевала к владениям хана хивинского.[2]

В продолжение последней кочевки в окрестностях Астрабада чарва успела произвести несколько нападений на персиян и взять в плен около 20 человек. Дабы оградить свою провинцию от хищников Сулейман-хан старается поселить вражду между племенами джафарбай и атабай[3] и для охраны города призван из Шахруда полк сарбазов, заменивший бывшее там конное войско.

Урожай пшеницы в Хиве делает кочевку чарва вблизи ее границы весьма удобною и для вызова оттуда хлеба снаряжается ими караван в 1000 верблюдов. Караван в 140 верблю-

[1] Эти «сведения» составлены на основании данных донесений консула в Астрабаде в период от июля до сентября 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824); копии некоторых из этих донесений см. ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 12.
[2] Документ без подписи и не заверен. По характеру других документов этого дела можно предполагать, что это донесение российского посла в Иране в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, копия с которой для сведения была направлена чиновнику особых поручений по дипломатической части при Туркестанском генерал-губернаторе К. В. Струве.
[3] Об этом см. донесения российского консула в Астрабаде от 12 июня 1871 г. и от 11 сентября 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 6, д. 1824, лл. 194—199).

дов уже доставил пшеницу туркменам. Хивинское правительство с своей стороны готово пользоваться случаем, чтобы восстановить дружеские сношения с иомудами. Хан обещал даже вознаградить их за отнятых у них подвластными ему туркменами верблюдов. При этом хан подал им надежду на помощь, если бы они решились сделать нападение на Красноводск. Слух об этом нападении очень был распространен в Астрабаде, и губернатор сообщил управляющему нашим консульством полученные им по этому поводу сведения.[1]

Обещанная хивинским ханом помощь состоит в снаряжении 3000 всадников при нескольких орудиях. Отряд предполагается отправить в Ахал, вблизи Балханских гор, и двинуть оттуда на Красноводск на соединение с начальником племени теке, Нурберды-ханом.[2] Союзу этому, без сомнения, не следует давать большого значения, так как при первой неудаче он легко расстраивается. Во вяском случае, однако ж, туркмены весьма расположены к Хиве и рассчитывают на ее поддержку при неурожае в Персии и при притеснениях со стороны шахских властей. При караване туркмены-чарва намерены были послать в Хиву своего старшину Ильгельды, который пользуется милостью хана и имеет к нему доступ. Посольство это, однако, не состоялось. Старшина был приглашен на нашу морскую станцию в Ашур-Аде, начальник которой объяснил ему, что хлеб туркмены могут получать и из России. Разрешение с нашей стороны вывоза хлеба из Ленкорани и других местностей могло бы послужить лучшим доказательством для туркмен, что мы принимаем участие в их бедственном положении.

Два племени иомудов-туркмен—атабай и джафарбай—постоянно кочуют вблизи пределов Персии и находятся к правительству шаха в вассальных отношениях. Ханы обоих племен назначаются персиянами.

В последнее время ханом атабаев определен Керим и джафарбаев—Мамед-Яр. Племена эти враждуют между собою, а астрабадский губернатор старается поддерживать эту вражду, видя в этом залог спокойствия для своей провинции. Керим-хан пользуется благосклонностью губернатора, что весьма оскорбляет Мамед-Яра. При доверии со стороны губернатора Керим-хану нетрудно оклеветать начальника племени джафарбай и он успел убедить Сулейман-хана, что только тогда могло бы быть покойно в степи, когда бы Мамед-Яр был лишен ханского достоинства и даже казнен.

[1] Об этом см. донесение начальника Астрабадской морской станции (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 187—189).

[2] Об этом см. донесение российского консула в Астрабаде от 14 июня 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 167—168).

Сознавая шаткость своего положения Мамед Яр-хан, хотя его и поддерживает заведывающий иностранными делами в Астрабаде, искал покровительства нашей морской станции, в чем по отдаленности его кочевников было ему отказано. Переговоры эти с морской станцией были доведены до сведения астрабадского губернатора и Мамед-Яр получил приказание явиться к Сулейман-хану. Долго, под разными предлогами, он отклонял свою поездку в Астрабад, но, наконец, явился к губернатору. Ему сделали ласковый прием. На другой день своего пребывания в Астрабаде, Мамед Яр-хан был арестован и закован в цепи[1].

Казнь для него была неминуема, только благодаря осторожному и ловкому вмешательству начальника нашей морской станции Мамед Яр-хан не лишился жизни.

В последнее время туркмены племени теке сделали сильный набег на Хорасан, произвели грабеж и захватили в плен очень много женщин[2]. Хороший урожай настоящего года привлек туда хищников...[3]

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 166.
лл. 14—15. Копия, рукопись[4].

№ 24

Из рапорта начальника астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране о рекогносцировке Красноводского отряда и отношении туркмен к русским войскам и хивинскому ханству[5]

12 ноября 1871 г.

...По последним известиям из Красноводского залива, часть отряда бывшего с подполковником Маркозовым в степи уже возвратилась, и сам он с остальною частью пошел вок-

[1] Об этом см. донесение российского консула в Астрабаде от 7 сентября 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, д. 1824, лл. 184—199).

[2] Об этом см. второе донесение российского консула в Астрабаде от 7 сентября 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 194—199). Небезынтересно в связи с вопросом о захвате туркменами в Иране пленных привести свидетельство российского консула в Астрабаде в рапорте от 31 января 1871 г. о том, что «некоторые из жителей Астрабада со свойственною всем персиянам алчностью приобретать деньги каким бы то ни было путем, открыли новый способ обогащать себя за счет ближнего: это продажа туркменам в рабство пришельцев из других персидских провинций» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 1824, лл. 80—81).

[3] Документ без подписи.

[4] Дубликат документа см. ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3426, лл. 83—85.

[5] Начало документа, посвященное описанию казни трех туркменских старшин каджарскими властями, интереса не представляет.

руг Балханских гор и прибудет в Молла-Кара 15 ноября, откуда, после нескольких дней отдыха, двинется к Атреку. Я ожидаю прихода его в первых числах будущего месяца к аулу Чекишляр. Часть провизии, назначенной для продовольствия отряда, уже привезена ко мне из Красноводска на барже «Чайка», а за остальными тяжестями я отправил транспорт «Аист». Отряд подполковника Маркозова доходил до урочища Сары-Камыш; ни о каких столкновениях с хивинцами или степными туркменами не было слышно, только туркмены рассказывают, что двое из иомудов, из числа сопровождавших наш отряд, были поставлены в Сары-Камыш для охранения колодцев и там убиты хивинцами.

Отношение иомудов к хивинцам по-прежнему неприязненное. Недавно возвратился из Хивы караван от чарвы, ходивший в Хиву за пшеницей, и туркмены говорят, что хан очень сердится на них за службу русским и не приказал в другой раз приходить в Хиву, но, однако, не задержал караван, хотя и был предлог, потому что один из иомудов убил в ссоре какого-то узбека, любимца хана. Причину этого, как я полагаю, только и можно объяснить тем, что и в это самое время войска наши находились в Сары-Камыше и иомуды-чарвы служат при нашем отряде[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 11—14. Копия[2].

№ 25

Из рапорта пом. главнокомандующего кавказской армией военному министру о рекогносцировке Красноводского отряда на Атрек и к Сары-Камышу

3 января 1872 г.

Отзывом от 9/11 августа сего года № 13[3] его императорское высочество главнокомандующий армией сообщил Вашему высокопревосходительству о назначении начальником Красноводского отряда вместо полковника Столетова Генерального штаба подполковника Маркозова и о тех указаниях, которые даны сему последнему — немедленно, по спадении летней жары предпринять рекогносцировку по направлению к Сары-Камышу и по окончании этой рекогносцировки,

[1] Документ без подписи.
[2] Дубликат копии в ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 166, лл. 7—9.
[3] Так в документе; видимо, речь идет о 1871 г.; к сожалению, этот отзыв о назначении Маркозова начальником Красноводского отряда, равно как и данные ему инструкции, не обнаружены.

долженствовавшей доставить самые точные данные о проходимости т. н. Муравьевского пути, произвести другое, предполагавшееся еще в прошлом году движение на юг, к нижнему течению Атрека.

Из полученных ныне от подполковника Маркозова донесений видно, что возложенные на него рекогносцировки окончены, и потому имею честь представить Вашему высокопревосходительству для доклада государю императору как отчет об этих рекогносцировках, так и вообще сведения о положении дел в отряде по 12 декабря.

По составленному подполковником Маркозовым и одобренному его императорским высочеством предположению, он должен был для исследования т. н. Муравьевского пути выступить с отрядом, разделенным на несколько эшелонов, из которого головной, прибыв на известный, ранее приблизительно указанный пункт (колодцы, достаточно изобилующие водою), должен был выступить далее не ранее, как по смене его следующим эшелоном, который в свою очередь, составив гарнизон означенного пункта и возведя на оном временное укрепление с одним или двумя орудиями на вооружении, мог двинуться вперед не ранее как по смене следующим эшелоном.

Такие укрепленные опорные пункты по пути следования имелось в виду возвести при трех-четырех группах колодцев; головной же колонне, пройдя от последнего опорного пункта 100 или более верст, достигнуть, если возможно, колодцев Сары-Камыш верстах в 200 расстояния от Кунграда, от которых путь к низовьям Аму-Дарьи пролегает по пространству, уже не терпящему недостатка в воде.

Устройство означенных опорных пунктов было вполне необходимо: оно имело целью поддерживать непрерывную связь рекогносцировочных частей с Молла-Кара, давать возможность с углублением в степь постепенно уменьшать численность головного отряда, облегчать его от тяжестей, быстро передвигаться от одного пункта к другому, смело углубляться в степь, не опасаясь нападения сильного противника, так как отступая к своим резервам, отряд получал подкрепления и постоянно усиливался. Кроме того, такое расположение резервов головного отряда вполне обеспечивало его от недостатка продовольствия и главное от недостатка воды, ибо если бы в пункте, назначенном для исследования, воды не оказалось, он всегда мог отступить к ближайшему резерву и получить от него все необходимое. Для этого опорные пункты предполагалось выбирать у колодцев, обильных водою, и оставляемые на них войска снабжать продо-

вольствием, достаточным не только для обеспечения себя, но и впереди идущих частей как на время, необходимое для достижения предположенной для осмотра местности, так и на время обратного движения до следующего опорного пункта.

Приготовления отряда к движению представили большие затруднения, чем первоначально можно было ожидать, так как кочующие в окрестностях Балхан туркмены, обещавшие доставить верблюдов в потребном количестве, стали потом от этого уклоняться и даже начали откочевывать от Балхан. Хотя от живущих на Атреке приморских туркмен легко можно было добыть до 1000 и более верблюдов, но так как доставка их оттуда повлекла бы за собой потери до двух недель времени и обошлась бы очень дорого, а уклонение окрестных аулов от исполнения данного ими обещания могло бы послужить вредным примером в будущем,—то подполковник Маркозов решился взять от означенных ближайших аулов верблюдов силою, что и было исполнено после нескольких угроз от посланных для сего мелких казачьих команд. Таким образом, удалось, однако, добыть не более 500 верблюдов и для снаряжения отряда пришлось к ним присоединить всех свободных казенных (числом менее 100). По причине позднего времени года откладывать выступление для дальнейшего сбора верблюдов было бы крайне неудобно. Забрав же от отряда все перевозочные средства, подполковник Маркозов поставлен был в необходимость притянуть оставшуюся в Таш-Арват-Кале часть его к Молла-Кара, так как сухопутная перевозка предметов продовольствия и к тому пункту оказалась затруднительною. Доставка же их в Таш-Арват сделалась совершенно невозможною.

К 8 сентября на посту молла-каринском собраны были предназначенные для рекогносцировки войска: $3^1/_2$ роты 82 пехотного Дагестанского его императорского высочества великого князя Николая Михайловича полка, 25 сапер, 24 конных и 45 пеших казаков, 2 полевых и 4 горных орудий, разделенные на 4 колонны. Кроме сего, на этом же посту находились 140 конных казаков, предназначенных преимущественно для конвоирования от колонны к колонне вербюжьих транспортов.

Движение было произведено от молла-каринского поста поэшелонно...[1]

[1] Далее следуют не представляющие интереса данные военного характера: описание плана «поэшелонного» движения отряда мы привели для иллюстрации «осторожности» этого карателя, который, идя в поход, думал не о движении вперед, а о том, чтобы обеспечить свое отступление.

Встреч с хивинцами не было. Только у Сары-Камыша поймали одного хивинца, привезшего продовольствие четырем своим соотечественникам, отправленных ханом с поручением удостовериться: справедливы ли дошедшие до него слухи о том, что большинство русских перемерло от холеры и что на зиму нами оставлен Таш-Арват-Кала. Кроме того, казаки захватили около Декча одного охотника. Люди эти были отпущены, как только войска повернули в обратный путь.

Из Гезли-Ата подполковник Маркозов пошел по вторую рекогносцировку к Топиатану. Это последнее название, как оказалось, носит значительная часть Узбоя, переполненная множеством небольших пресноводных озер, образовавшихся от изобилия родников. Топиатан есть пункт весьма важный, так как он лежит на большом пути от Атрека в Хиву.

1 ноября колонна спустилась на Узбой и остановилась у родников Тохлу, а 3-го на рассвете к цепи нашей приблизился караван из 350 верблюдов, нагруженных различными хивинскими товарами и частью пшеницей и мелким зеленым горохом. Заметив наши войска, караванщики, которых было 77 человек, хотели было уйти и стали отгонять верблюдов в сторону, но, казаки, поскакавшие за караваном, повернули его в лагерь без выстрела, так как караванщики, которым выехавшие с казаками наши туркмены передали о многочисленности наших сил, сочли излишним сопротивляться.

Предварительно объяснения о том, как поступил подполковник Маркозов с захваченным караваном, необходимо заметить, что, по весьма распространенным в степи слухам, Нурберды-хан Текинский весьма недавно получил от хивинского хана 5000 туманов, обязавшись за то напасть на русских и постоянно грабить служащих нам туркмен, а также и то обстоятельство, что хивинцы вместе с текинцами и атабаями не очень давно угнали у наших туркмен 600 верблюдов-маток. Кроме того, необходимо заметить также, что во время рекогносцировки к Сары-Камышу два преданнейших нам туркмена (Анна Таган и Курбан Назар) отделились в Декча от отряда и поехали впереди с намерением отбить своих верблюдов, но как стало известно от пленных персиян, находившихся в караване, туркмены эти были пойманы хивинцами и, по приказанию хана, обезглавлены. Все это ставило подполковника Маркозова в некоторую обязанность оградить наших туркмен от грозящих им неприятностей, а это, по понятиям туземцев, только и возможно, напугав хорошенько враждебно к ним относящихся людей. Караван был приведен в лагерь и подполковник Маркозов распорядился с ним следующим образом: 13 человек пленных пер-

сиян были освобождены, и им отдано имущество, которое, по показанию их самих, им принадлежало. Затем приказано было стать отдельно хивинцам, атабаям и атрекским джафарбаям и вместе с тем объявлено им, что этих последних мы считаем за преданность к нам своими.

После такой сортировки оказалось 12 атабаевцев и только 8 хивинцев, в числе которых было несколько участников в угоне верблюдов у наших туркмен и даже один из предводителей шайки, Ата Мурад-хан Атабайский, агент хивинского хана. У этих 20 человек было в караване всего 44 верблюда. Из этого числа подполковник Маркозов приказал 10 штук отдать отцу Курбан Назара в вознаграждение за смерть сына и столько же братьям Анна Тагана. Все деньги и лучшие халаты с атабаев и хивинцев отданы тем же в цену кражи, все вьюки с 44 верблюдов и остальные 24 верблюда приведены в Молла-Кара и розданы беднейшим и наиболее потерпевшим от угона верблюдов нашим туркменам.

Что же касается лично хивинцев и атабаев, то из них был арестован только Ата Мурад-хан, остальные же, получив на 10 дней провизии, были немедленно отпущены. При этом им объявлено, чтобы они предупредили своих, что еще не то угрожает тем, которые будут относиться к нам недоброжелательно. К сему необходимо присовокупить, что подполковник Маркозов потому поторопился отпустить караванщиков, чтобы они успели предупредить шедший, по их показаниям в одном переходе за ними, другой текинский караван в 500 верблюдов* о том, что наш отряд на Узбое, дабы караван этот мог избежать расправы, которая была учинена с хивинским караваном.

Джафарбаям было объявлено, что так как они нам преданы, то мы их не тронем, но чтобы и атрекские джафарбаи послужили нам, как послужили их родичи — джафарбаи балханские и что потому отряд оставляет у себя 120 принадлежащих им верблюдов. Распоряжение это было вызвано необходимостью обеспечить Красноводский отряд перевозочными средствами для предположенного движения к Атреку..[1].

Выбрав немедленно место для укрепления, отряд расположился на бивуаках, и хотя были приняты все должные меры к обеспечению от нечаянных нападений, но в 11 часов ночи было сделано в лагерь три выстрела, от которых один ранил навылет в руку одного рядового.

* Накануне прихода нашей колонны в Топиатан прошли в Хиву еще 400 порожних атабаевских верблюдов.

[1] Далее следуют не представляющие интереса сведения о дальнейшей рекогносцировке по Узбою и через Балханы к Молла-Кара, во время которой отряд в общей сложности прошел 1654 верст и вышел в район Чекишляра.

В одно мгновенье отряд стал в ружье и цепь была усилена, но тем все и кончилось, так как до выяснения обстоятельств и за совершенною темнотою признавалось бесполезным и даже вредным отвечать по направлению виденного огня, а нападения никто не делал[1]. Вследствие этого случая, с рассветом 25 числа были отправлены служащие нам ханы за Атрек и к Серебряному бугру, где в то время сосредоточено было до 10 тыс. туркменских кибиток, с приказанием не позже как через трое суток разведать и дать знать одновременно на Ашур-Аде и в Чекишляр, кто именно были стрелявшие в лагерь. Ханы и все вообще туркмены, бывшие при отряде, решительно не сочувствуя выходке своих одноплеменников, с большою готовностью взялись выполнять приказание и к утру 27 ноября принесли точные сведения и назвали имена стрелявших. Оказалось, что это были атрекские разбойники из кочевой части племени кельте. И хотя ханы и уверяли, что случай этот, компрометирующий их и всех честных туркмен, одинаково неприятен им, как и нам, и что все туркменские старшины просят позволения немедленно явиться с повинною и выслушать наше решение, тем не менее начальник Красноводского отряда признал полезным пройти своими средствами, без пособия верблюдами со стороны туркмен, к Атреку, зная, по достоверным слухам, что в прежнее время на угрозы. Астрабадской станции разгромить кочевья атрекских разбойников, последние имели обыкновение иронически отвечать, что русские на Атрек никогда не придут. Укрепление уже было готово, а потому, оставив в нем одну Кабардинскую роту, подполковник Маркозов взял с собой остальных с двумя орудиями, запряженных казачьими лошадьми, и в 4 часа пополудни 27 числа двинулся из Чекишляра, а к полуночи, прошедший 30 верст, был уже у берегов реки. Начальник отряда имел в виду застигнуть какой-нибудь кочевой аул племени кельте и сжечь с полсотни кибиток*, но обстоятельства этому помешали. Ни одного такого аула на правом берегу Атрека не оказалось, а переходить на левый его берег он считал бесполезным, потому что еще ночью войска наши были открыты, а туркменам достаточно 10 минут, чтобы снять аул.

Переправляться же ночью на другой берег реки признавалось рискованным, так как Атрек оказался в разливе, тем более, что еще с 20-й версты люди шли почти по колено

[1] Об этом инциденте и последовавшей впоследствии него карательной экспедиции см. донесение российского консула в Астрабаде от 22 декабря 1871 г. (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 166, лл. 10—12).

* По туземному обыкновению, это не считалось бы между ними даже несправедливостью, не только жестокостью.

в воде, а потому в ожидании рассвета, оставаясь у берега реки, начальник отряда нашел необходимым позволить развести костры, чтобы дать людям осушиться и согреться чаем. Густо растущие у берегов Атрека камыши не скрыли наших огней, а со светом отряд заметил на противоположном берегу такую суету, что не оставалось сомнения в том, что переходить Атрек нет уже более причин. Да и это было крайне затруднительно. Никаких приспособлений для безопасной переправы у нас не имелось, а река была так глубока, что лошади с места почти шли вплавь. Оставалось отказаться от желания наказать виновных и удовольствоваться лишь тем, что туркмены видели русских на Атреке.

После непродолжительного отдыха отряд с целью осмотреть берег двинулся по течению реки к аулу Гасан-Гули, куда и прибыл 28 числа к 3-м часам пополудни, пройдя еще 26 верст без отсталых. Таким образом, менее чем в сутки, отряд прошел 56 верст.

Гасан-гулийцы приняли войска наши радушно и вдоволь угостили людей рыбою, а заатрекские туркмены, вообразив, что мы пришли в Гасан-Гули, чтобы переплыть залив на лодках, принадлежащих аулу, и идти к ним, прислали депутатов еще раз удостоверить, что они решительно не сочувствуют случаю, бывшему в ночь с 24 на 25; что стреляли разбойники; которые одинаково вредят и им, и что они просят приказать им что угодно, только не наказывать невинных. Затем, переночевав в Гасан-Гули, отряд 29 ноября вернулся в Чекишляр.

1 декабря отряд ходил к Белому бугру, до которого от нашего укрепления 16 верст и этим движением закончил третью рекогносцировку.

7 декабря было посвящено на посадку стрелковой роты Дагестанского полка и 15 казаков с их лошадьми на транспорт «Аист», который, буксируемый пароходом «Кура», снялся с Чекишлярского рейда около полудня 8-го числа.

10 декабря означенная рота благополучно вернулась в Красноводск.

Вслед за окончанием рекогносцировки на Атреке, его императорское высочество главнокомандующий армией признал необходимым командировать подполковника Маркозова в Тегеран с целью узнать точнее от посланника нашего при персидском дворе взгляды персидского правительства на действия наши в юго-восточном Закаспийском побережье. Только с возвращением подполковника Маркозова в Тифлис, ожидаемом в непродолжительном времени, я могу представить Вашему высокопревосходительству результаты произведенных рекогносцировок и только тогда окончательно выяс-

нится, насколько они послужили к решению вопросов о возможности содействия кавказских войск войскам Туркестанского военного округа, в случае решительных военных действий против Хивы и о постоянном составе наших военных сил на восточном берегу Каспийского моря, дислокации их и вероятного круга действия.

В настоящее же время из числа войск Красноводского отряда спущены все казаки и саперы и сделано распоряжение, чтобы отправляемых в лечебные заведения на западный берег Каспия больных нижних чинов батальона Дагестанского полка по выздоравливании не перевозить в Красноводск, а отправлять в свою штаб-квартиру*. Затем на восточном берегу Каспийского моря остаются: батальон 82 пехотного Дагестанского полка и 8 полевых орудий в Красноводске и две роты 80 пехотного Кабардинского полка и 4 горных орудий в Чекишляре.

Из этих войск предполагалось теперь же для смены спустить 2 роты дагестанцев, и хотя замерзание Петровской гавани не позволило привести предположение это в исполнение теперь же, но с открытием в феврале сообщения, роты эти будут перевезены в Петровск.

За отсутствием главнокомандующего
Кавказской армией помощник его
генерал-адъютант князь Святополк-Мирский.

ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО,
оп. 2, д. 68, лл. 102—119 об.

№ 26

Рапорт начальника Мангышлакского отряда начальнику Дагестанской области о положении в Хивинском ханстве

20 января 1872 г.

На прошлой неделе прибыл из Хивы из туркменских старшин абадальского рода Арчак Худай Назаров, пользующийся здесь общим уважением и доверием как между туркменами, так и между купцами, который привез письма от находящихся в Хиве наших пленных казаков и поселян (ничего особенного не заключающее) и сообщил следующие интересные известия о выдаче будто бы ханом наших пленных.

После движения Красноводского отряда к озеру Сары-Ка-

* Так как по имеющимся сведениям о состоянии отряда в отношении здоровья людей и снаряжения его во всяком случае весьма полезно в течение зимы или раннею весною сменить его другою частью войск.

мыш и волнения между хивинскими иомудами (которые теперь, впрочем, совершенно успокоились и прекратили грабежи и разбой), хан вполне уверенный, что русские скоро снова придут в самую Хиву, пришел в большое уныние, собрал старшин от всех живущих в Хиве племен и спрашивал их совета, что ему делать, если русские придут в Хиву. Большинство старшин отозвалось, что безрассудно и думать о каком-либо сопротивлении русским, что при первом появлении их все туркмены: чаудорцы, игдырцы, ходжинцы и иомуды перейдут на сторону русских; сарты же, узбеки и каракалпаки, хотя и непрочь оказать русским сопротивление, но хан не имеет средств, чтобы обеспечить на долгое время продовольствием собранное из них войско, которое должно быть весьма значительно, чтобы поставить оное даже против самого слабого русского отряда.

Бывший на этом совещании один из туркменских старшин Хаджи Маммет предложил хану пригласить на совещание нашего престарелого ишана[1], который поехал в Хиву за своим имуществом и семейством, с которым намерен летом отправиться в Мекку.

Когда ишан был призван к хану, у него был Арчак, которого ишан взял с собой.

Хан принял ишана весьма милостиво, обнял его и попенял, что до сих пор не был у него, что настоящий приезд его в Хиву особенно интересен, так как он только что вернулся из-за моря, был в Черкесии, представлялся великому князю наместнику кавказскому и государю императору,[2] а как вслед за тем, русские приходили к Хиве, то вероятно, ему известно что-нибудь о намерениях русских.

Ишан ответил хану, что с 1867 г. он каждый год приезжал в Хиву и каждый раз много говорил с его диванбеком о том положении, которое следовало принять хану в отношении его могущественного соседа. Ему известно, что каждый раз хану докладывали о том, что он советовал ему, но хан смеялся над ним; ни разу до сих пор не приглашал его к себе, продолжал укрывать у себя и давать пристанище всем бежавшим из России ворам, разбойникам и грабителям, покупать пленных и даже платить деньги и награждать за доставленные ему головы русских и содранную с их голов

[1] Речь идет о Нурмухаммед-ишане, давнем сторонике русской ориентации (см. ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 825, лл. 1—2, 37—48 об и др.).

[2] В письме генералу Ломакину (документ не публикуется) ишан отмечал, что он действительно бывал на Кавказе и в числе других был представлен царю и наместнику кавказскому (ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1872 г., лл. 24—41). За свою верность России Нурмухаммед-ишан был награжден какой-то русской медалью.

кожу. Что де случилось такое теперь, что, он, наконец, решился призвать его к себе.

«Хочу знать, что ты посоветуешь нам делать теперь. Твой отец был всегда лучший советник моего отца, надеюсь и ты дашь мне хороший совет».

«Могу ли я дать себе совет лучше твоего диванбека, которого одного только ты до сих пор и слушал. Поздно уже теперь».

«Многие десятки лет могущественный змей (дракон), могущий поглотить весь мир, лежал к нам хвостом; голова же его была далеко на западе за морем. Что же вы делали за это время? Вы едва заметная простым глазом мошка, вы. пользуясь тем, что змей в величии своем, не обращал на вас никакого внимания, продолжали от времени до времени, как моль, точить перья на его хвосте и даже дерзнули держать в неволе его детей. Много слов за это время я бросил на воздух, чтобы вразумить вас тогда, но вы не хотели меня слушать. Теперь же, когда могучий гигант обратил к вам свою грозную пасть и, когда одного его дыхания достаточно, чтобы поглотить вас всех,—вы спрашиваете меня, что вам делать? Поздно уже. Продолжайте слушать своего диванбека»*.

Арчак был свидетелем того глубокого впечатления, какое произвела на всех речь ишана. Хан приказал ему выдать всех русских пленных, чтобы он отвез их русским[1]. Вслед за

* Маградит-хан Хивинский (речь идет о Сеид Мухаммед Рахим-хане (1765—1810 гг.) Хивинском—Г. А.), молодой человек, лет 22, проводит все время за соколиной охотой и в гареме, делами управляет диванбек, Мамед Мурад, большой фанатик.

[1] В упомянутом письме Ломакину Нурмухаммед-ишан так раскрывает о своем ответе хану: «русские войска необычайно сильны и могучи, как раздраженный лев, и никто не может противостоять им. Я полагаю, что для вас будет самое лучшее, если вы выйдете с миром в этом деле». Хан ответил—«я сам так думаю, но не знаю, примут ли русские моего посланника, если я его пошлю к ним с самыми мирными и дружественными предложениями». Я сказал: «мне кажется, что великий государь император не отвергнет Ваших добрых предложений»... Четыре дня спустя, мехтер и есаул-баши хана объявили мне, что хан просит меня быть его посланником; и спрашивали, соглашусь ли я принять на себя это дело, я ответил, что с своей стороны готов сделать все, чтобы установить согласие между обеими сторонами, но только для этого необходимо, чтобы хан особо назначил от себя какого-нибудь почетного человека. Тогда хан и все его советники единогласно выбрали для этого пользующегося большим и общим уважением всех хивинцев, главного хивинского ишана, Магомед-Алия, причем предложили нам в особом запечатанном ящике грамоту хана для представления его высочеству великому князю наместнику, а также на первый раз одного пленного, причем хан объявил, что и всех остальных пленных он собрал в одном месте, чтоб освободить их» (ЦГВИАЛ, ф. 400, д. 13, 1872 г., лл. 24—71).

тем, Арчак выехал из Хивы и слышал от самого ишана, что он собирается скоро выехать оттуда с русскими пленными. Сам он, ишан, очень желает сдать их мангышлакскому начальству, но хан уговаривает его отвезти их в Красноводск, так как оттуда приходил отряд и угрожает ему наибольшая опасность.

Прошедшие после Арчака из Хивы один байбуловец и один чегемовец говорят, что будто бы они уже видели ишана выехавшим из Хивы и при нем четырех русских пленных, но едет ли ишан с ними на Красноводск или сюда, не знают.

Известие это, требующее еще подтверждения, во всяком случае наделало здесь много шума и между адаевцами и туркменами, большинство, по-видимому, весьма рады этому.

При Арчаке же приезжал к хану посланник бухарского эмира, который будто бы прислал хану ультиматум, чтобы тот освободил всех персидских и русских пленных, иначе он объявит ему войну...[1]

Верно: за старшего адъютанта подполковник Гродеков.

ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1872 г., лл.18—21.

№ 27

Рапорт пом. главнокомандующего Кавказской армией военному министру о необходимости создания на Атреке опорного пункта для дальнейшего распространения русского влияния на туркмен и давления на Хиву

3—4 февраля 1872 г.

Из сведений, доставленных его императорским высочеством главнокомандующим армией Вашему высокопревосходительству, известно, что назначенному в июле прошлого года начальником Красноводского отряда Генерального штаба подполковнику Маркозову предложено было произвести несколько рекогносцировок, которые могли бы способствовать к составлению точных предположений и соображений:

а) Насколько возможно удобно участие кавказских войск в экспедиции в Хиву, если бы таковая была бы когда-либо решена.

б) В какой мере занятием пункта у Балханских гор достигаются выгоды, имевшиеся в виду при первоначальном расположении в Таш-Арват-Кала части Красноводского отряда, и

[1] Далее следуют не относящиеся к теме настоящего сборника сведения о введении в Арка какого-то «нового почтового налога» и желании недовольных этим переселиться на полуостров Мангышлак.

в) В зависимости от первых двух вопросов и на основании более полных сведений о стране,—о постоянном составе Красноводского отряда.

Ныне, как Вашему превосходительству известно из рапорта моего от 3 января за № 1, подполковник Маркозов окончил рекогносцировки, кои государю великому князю угодно было приказать ему произвести; с возвращением же названного штаб-офицера в Тифлис и после словесного доклада его, послужившего дополнением письменных его донесений, я пришел к нижеследующим заключениям:

1) Войска Кавказской армии не только могут участвовать в движении на Хиву, но дело может быть даже возложено всецело на них, т. к. опыт показал, что степные пути между восточным берегом Каспия и Хивинским оазисом легко проходимы. К такому выводу приводит еще и то обстоятельство, что, по довольно точному расчету, для достижения окончательных результатов потребуются весьма незначительные расходы и не более 4-х месяцев времени, считая со дня получения на этот счет окончательного распоряжения в Тифлисе.

2) Обращаясь затем к вопросу о влиянии постоянного пребывания части Красноводского отряда в Таш-Арват-Кала на ход дела наших в Средней Азии...[1]

В особой записке о среднеазиатских делах, составленной начальником штаба Кавказского военного округа и известной Вашему высокопревосходительству, было, между прочим, высказано, что наиболее действительным средством влияния нашего на кочующие в Каспийско-Аральской степи племена было бы отыскание в этой степи таких оазисов, которые, питая население, вместе с тем были бы во всякое время доступны отрядам наших войск. Положение это, выведенное чисто теоретически, на основании одних только логических соображений, вполне подтвердились ныне собранными подполковником Маркозовым фактическими данными. Оказывается, что подобным оазисом, питающим население и вполне доступным для наших войск, представляется именно страна по течению рек Атрека и Гургана на довольно значительном от моря

[1] Далее следуют не представляющие интереса соображения о невыгодности создания опорного пункта на Балханах ввиду того, что это ведет к расчленению войск и угрозе того, что войска могут остаться без продовольствия и воды, о трудности судоходства как вследствие засорения котлов, так и изменения уровня воды; автор свидетельствует, что занятие Балханских гор «никогда не имело и не могло иметь никакого полезного для нас влияния на достижение целей, преследуемых нами в Средней Азии»; что Балханы «не только не имеют теперь, но не будут иметь и в будущем никакого значения ни для торговли, ни для военных целей».

пространстве. Туркменское племя иомудов-джафарбай, части которого находились в ближайших сношениях с нашим отрядом, по летнему жительству своему близ Балхан,—разделяется на две почти равные по числу кибиток части; оседлую (чомур) и кочующую (чарва). Последняя, занимаясь преимущественно скотоводством и откочевывая на лето на правый берег Атрека, зимою опять втискивается в полосу между названной рекой и Гурганом, где оседлый чомур заготовляет для себя и чарвы запасы хлеба, частью через посевы зерна в пространстве между означенными реками, а также к северу и югу от них, частью через меновую торговлю с Персией и Россией, под наблюдением нашей Астрабадской станции, и Хивою; причем предметами сбыта для туркмен служат преимущественно продукты рыбной ловли, нефть и соль. Между чомуром и чарвою существует, как видно, неразрывная связь, так что из двух братьев одного семейства один обязательно идет в чомур, другой—в чарву, и вследствие этого владеющий чомуром вместе с тем приобретает неотразимое влияние на чарву.

Торговые караваны, как оказывается, действительно направлялись из Хивы прямым путем в юго-восточный угол Каспийского моря, но не в Красноводск, а к Серебряному бугру, и при благоприятных условиях движение это, по всей вероятности, возобновится. Если же мы сумели бы доставлением на Атрек русского хлеба на выгодных для туркмен условиях вытеснить из этого края хлеб хивинский, то этим самым действительнее всего парализовали бы и влияние на них Хивы.

Торговля прибрежных атрекских туркмен и теперь уже находится в полной зависимости от нашей Астрабадской станции, имеющей полную возможность воспретить им заниматься рыболовством, перевозкою нефти, соли и вообще каботажным плаванием. Вследствие сего старшие ханы прибрежных чомуров и теперь ставятся не иначе как с утверждения начальника станции капитана 2-го ранга Петриченко; если же рука об руку со станцией стал бы действовать отряд наш, поставленный при устье Гургана или даже Атрека, то влияние наше на иомудский чомур, а через нее и на чарву окончательно упрочилось бы. На том же оазисе между упомянутыми реками живет, хотя и немногочисленное, но оседлое и пользующееся относительным достатком племя туркмен-гёкленов; наконец по Атреку же пролегает наиболее удобный путь на Кизыл-Арват к владениям племени теке, которое, при распространении на него нашего влияния, может стать грозою для хивинцев.

Таким образом, господство на Атреке представляется ключом или исходною точкою господства и во всей южной части Закаспийской степи; содержание же части отряда при устье

Атрека, благодаря близости нашей Астрабадской морской станции и при содействии оной, обойдется несравненно дешевле, чем в Балханах, тем более, что на Атреке придется занимать один лишь прибрежный пункт и что для этого самый состав отряда может быть гораздо малочисленнее, чем для занятия Таш-Арват—Молла-Кара и Михайловского. Без малейшей натяжки можно сказать, что оставление Балхан с одновременным занятием пункта на Атреке составляет лишь разумную, под влиянием обстановки, перемену базы и операционной линии действий наших с Кавказа в Закаспийской степи.

В таком смысле, сколько можно судить из личных докладов Генерального штаба подполковника Маркозова и начальника Астрабадской морской станции капитана 2 ранга Петриченко, вызванного мною для сего в Тифлис, и понято всеми племенами, населяющими степь, утверждение наше в Чекишляре и устройство в нем укрепления; в таком же смысле, надо полагать, будет понято дело это и среднеазиатскими владетелями. Г. Петриченко положительно утверждает, что во все время продолжительного служения его в крае влияние русских никогда не обнаруживалось так сильно между туркменами, как после движения подполковника Маркозова к Сары-Камышу и Атреку и занятия поста близ устьев этой реки. Влияние это, по мнению его же, разделяемому мною вполне, в особенности увеличилось бы, если бы с наступлением весны была произведена еще одна рекогносцировка вдоль правого берега Атрека и в текинские земли для утверждения туземцев в составившемся в настоящее время у них убеждении о полнейшей доступности для всех, даже и самых отдаленных уголков степи.

3) Вопрос о постоянном составе Красноводского отряда после всего изложенного, конечно, находится в полной зависимости от того образа действий, который угодно будет указать отряду в будущем; но если вышеприведенный взгляд на вещи Ваше высокопревосходительство изволите разделять и государю императору угодно будет приказать привести его в исполнение, то Красноводский гарнизон, я полагаю, ограничить частью приблизительно двухротного состава с соответствующим числом артиллерии.

Таковой состав оного вполне достаточен для исполнения необходимых в Красноводске работ, равно для сохранения этого пункта, с долженствующими сберегаться в нем, как в складочном месте, запасами. С настоящего же времени можно считать вполне выясненным, что собственно в военном отношении Красноводск и не должен быть ничем более, как

складочным местом боевых и продовольственных запасов, необходимых на случай возможных движений и действий наших войск в Закаспийском крае по направлению к Аральскому морю и нижнему течению реки Аму-Дарьи, т. к. в случае надобности подобного движения не может встретиться никакого затруднения для перевозки туда с западного кавказского берега в весьма непродолжительный срок числа войск, достаточного даже для самой крупной операции и достижения с сими войсками той местности, которая, сообразно обстоятельствам, должна будет составить цель наших действий. Такая перевозка, если бы даже пришлось произвести её несколько раз в год, как показывает опыт, обойдется гораздо дешевле, чем постоянное содержание в Закаспийском крае равносильных боевых частей, не говоря уже о крайне неблагоприятном влиянии последнего на нравственное состояние командируемых в сей отдаленный край войск, обучение их и нарушение связи и единства тактических единиц, от которых были бы отделены части на продолжительный срок. Что же касается влияния нашего на окрестные кочующие племена, то при вполне ныне дознанной и фактически доказанной туземцам способности наших войск быстро перерезывать степь по всем существующим путям, для поддержания оного достаточно будет пребывание на восточном берегу в качестве постоянных гарнизонов даже и самых незначительных наших отрядов.

Засим в отношении окончательного решения вопроса о постоянном расположении части наших войск близ устьев реки Атрека, выборы для сего пункта, а также наивыгоднейшего состава гарнизона этой местности, наиболее правильный вывод мог быть сделан по исполнении весенней рекогносцировки по Атреку, если бы таковая была одобрена; до того же времени, как донес я Вашему высокопревосходительству в рапорте № 1, в Чекишлярском укреплении оставлены 2 роты 80 пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка при дивизионе горной артиллерии от 21 артиллерийской бригады.

В заключении не лишним считаю доложить, что от проектируемой рекогносцировки можно ожидать настолько благоприятного для нас оборота, что если бы одновременно с нею было сделано хивинскому хану предложение не задерживать более движение караванов, намеревающихся идти к берегам Каспия, и не грабить предавшихся нам иомудов, то надобно думать, подобное предложение не осталось бы без выгодных последствий; так как этим самым хану была бы дана возможность без ущерба самолюбию выйти из того неловкого перед своими подданными и туркменами положения, в которое он

поставил себя неудачным относительно нас образом действий и неоправдавшимся, гласно заявленным им после высадки наших войск в Красноводске, убеждением, что начальник отряда пришлет к нему человека уговориться насчет движения караванов. Быть может, путем этим отстраниться вовсе в ближайшем будущем необходимость утверждения в Хиве влияния нашего силою оружия и не замедлит установиться между Россией и названным ханством желаемые обоюдовыгодные отношения. Наконец, если бы результата этого не удалось достигнуть с первого раза предполагаемою весенней рекогносцировкою, то быть может установление и поддержание сильного влияния нашего в текинской земле все-таки призвано будет наивыгоднейшим способом действий с целью понуждения Хивинского ханства к исполнению наших требований.

Донося обо всем этом Вашему высокопревосходительству для представления на высочайшее государя императора благоусмотрение, и командируя вместе с сим в Петербург начальника Красноводского отряда для подробного доклада дела его императорскому высочеству главнокомандующему, равно для представления Вам, если бы призналось нужным личных каких-либо объяснений о современном положении дел в степи, вошедшей в район операций названного отряда,—присовокупляю, что буде для всестороннего обсуждения дальнейшего образа действий в Средней Азии теперь же потребуется полное соображение о военном движении в Хиву со стороны Кавказа, которое, как выше сказано, может быть легко произведено одинаково и в настоящем году и всегда в будущем исключительно кавказскими войсками, притом в самый короткий срок и с совершенно ничтожными на это расходами, то таковое соображение может быть представлено Вашему высокопревосходительству немедленно по востребованию.

Генерал-адъютант князь Святополк-Мирский

ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 68, лл. 122—138 об.

№ 28

Из донесения начальника астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране об отношении прибрежных туркмен к войскам Красноводского отряда

17 марта 1872 г.

...Небольшой отряд наших войск, пришедший в ноябре прошлого года к аулу Чекишляр[1], находится все там же. От-

[1] Начало документа посвящено описанию действий начальника Астрабадской станции по возвращению иранцам угнанного туркменами скота. В ряду не представляющих интереса данных имеется сообщение о поездке Нургельды-хана в январе 1872 г. в Тифлис.

ряд этот, за отсутствием подполковника Маркозова, по приказанию командующего Кавказской армией генерал-адъютанта князя Святополк-Мирского, подчинен мне во всех своих действиях. Между туркменами и отрядом отношения мирные, жалоб ни с какой стороны нет. Чарва откочевала вся на восток к землям теке, где нашла хороший корм. Перед началом движения чарвы явился ко мне Ерали-Казы с двумя старшинами из чарвы уверить, что не только джафарбаи, но и атабаи просят считать их слугами русских и готовы на всякую услугу, какую от них потребуют[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 52—53. Копия[2];

№ 29

Из рапорта начальника астрабадской морской станции начальнику штаба кавказского военного округа об отношении туркмен к русским войскам[3]

20 апреля 1872 г.

...Еще до прибытия нашего отряда в Чекишляр, когда я уже верно узнал, что он действительно придет, особыми письмами к казиям и ахунам, прочитанным в мечетях, я известил туркмен о прибытии наших войск, приглашая их оставаться на своих местах и не бояться, потому что за туркменами нет вины[4]. Значительная часть чарвы находилась в это время между истоком Гургана (у Серебряного бугра) и Атреком. Никто не тронулся с места, кроме атабаев, которые узнав от своих одноплеменников, возвратившихся из каравана, оставленного в степи полковником Маркозовым, что полковник сердится на атабаев за недоставку верблюдов и обман, начали откочевывать в степь. По прибытии к Чекишляру нашего отряда, когда был ночью ранен солдат, вышедший из лагеря, и полковник Маркозов, по моей просьбе, двинулся к Атреку, действительно все одноплеменники и родственники двух туркмен, сделавших выстрелы, начали уходить в степь к теке[1]. В это же время между туркменами разнесся слух, что выстрелы сделали два туркмена, по наущению атабайского старшины, большого друга астрабадского губернатора Мамед Керим-хана; атабаи его племени испугались и уверенные по своему убеждению, что русские непременно будут мстить всему их племени, бросились под защиту астрабадского губернатора Сулейман-хана, прося его позволения прикочевать ближе к городу Астрабаду, что он и дозволил[2].

Я должен откровенно доложить Вашему превосходительству, что, зная нравы и обычаи туркмен, нарочно вызвал этот переполох, считая крайне необходимым, после ночного выстрела в солдата, испугать туркмен быстрою подвижностью наших войск и тем упрочить наше влияние на этот полудикий народ, признающий силу выше всех добродетелей, Я считаю себя счастливым, что имел дело с достойным начальником сухопутного отряда, полковником Маркозовым, который скоро усвоил себе ту политику, какую мы должны иметь с туркменами, и действительно помог мне. С того времени влияние наше в степи утверждается все более и более.

Не более как через месяц после движения к Атреку все успокоились и племя чарвы, уверенное своими казиями, которые являлись ко мне, что русские не имеют намерения мстить невинным, возвратились на свои кочевья к берегам моря.

Появление шаек гёкленов, о которых упоминает в своем донесении управляющий консульством[3], не имеет связи с испугом туркмен. Это явление обыкновенное и повторяется каждую зиму. Гёклены, по словам иомудов, всегда нападают врасплох, чтобы угнать скот или захватить девушек, а потом продают родным, и сели иомуды, заявляя о своей преданности России, просят защитить их, то только от хивинского хана и текинцев[4]. Последних они, впрочем, уже начали менее опасаться,

---

[1] Документ без подписи.

[2] Документ имеет дубликат (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 182, лл. 7—8).

[3] Начало документа—канцелярская переписка, интереса не представляет.

[4] Об этом см. рапорт начальника Астрабадской станции российскому посланнику в Иране от 12 ноября 1871 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 12241, лл. 11—14) или его дубликат (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 166, лл. 7—9).

[1] В донесении российскому посланнику от 5 февраля 1872 г. астрабадский консул отмечал, что туркмены бежали частью в направлении Ахала, частью в хивинские пределы, но по дороге «неожиданно столкнулись с разбойничьими шайками гёкленов» и были ограблены ими (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 27—28).

[2] Касаясь причин этого, астрабадский консул в цитированном донесении писал,—что «уход чарвы возбудил неудовольствие астрабадских властей», ибо это лишило их налога за выпас скота (там же, л. 23).

[3] Речь идет о донесении российскому посланнику в Иране от 5 февраля 1872 (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 27—31).

[4] Отмечая «некоторую перемену» в отношении туркмен к каджарским властям, автор упомянутого донесения отмечал, что находившийся на жаловании астрабадского губернатора Клыч-хан джафарбай отказался служить ему и заявил о своей «готовности верно служить русским властям» (там же, л. 28).

потому что недавно передавали мне полученное известие, что хивинский хан уговаривал Нурберды-хана Текинского напасть на них, но он ответил, что готов помогать, если хан с своим войском нападет первым, а иначе, когда русские придут опять, то его же и накажут за иомудов. Так совет и распустился, прибавляют иомуды. Относительно неудавшегося сбора губернатором подати с туркмен, о чем также упоминает управляющий консульством в своем донесении, я должен сказать, что это также случалось нередко и прежде. В настоящее время астрабадский губернатор с двумя полками стоит в туркменской степи лагерем для сбора подати и не может собрать ничего, потому что все туркмены, даже кочующие на персидской земле, перешли за Гурган, а перейти эту реку войско персидское никогда еще не решалось, хотя правительство персидское и считает землю между Гурганом и Атреком своею. Туркмены только пожелали узнать, будет ли наше войско помогать губернатору собирать подать, и когда я отвечал отрицательно, то и не хотят платить.

Вообще я могу уверить, что со времени прибытия наших войск в Чекишляр действия их были таковы, что персидское правительство, склонное к тому, чтобы воспользоваться малейшим нарушением с нашей стороны трактатов, официально не могла заявить ни одного протеста.

Что касается до отношений туркмен с нашим войском, я должен сказать, что в такой небольшой промежуток времени невозможно желать лучшего. Туркмены спокойно, без всякого опасения переменяют свои кочевки и верят, что русские справедливы и не наказывают невинных. Ни одной жалобы, даже малейшей, не заявлено мне ни от туркмен, ни от гарнизона; при малейшем требовании воинского начальника Чекишлярского гарнизона посланным в ближайший аул Гасан-Гули, чтобы туркмены приходили на лодках помогать выгружать приходящие суда, они являются охотно, зная, что их вознаградят за труд. Есть еще некоторое опасение у туркмен, мешающее им кочевать около укрепления, но и оно со временем изгладится. Обыкновенно весною значительная часть аула от Серебряного бугра переходила в Чекишляр, но ныне не идут.

Когда я спросил их о причине и настаивал, чтобы они переходили, туркмены отвечали, что боятся еще, чтобы не отвечать первым, если кто-нибудь из дальних туркмен нанесет какой-либо вред отряду, как это случилось, когда ранили солдата, и просили меня не принуждать их, а дать свободу кочевать, где пожелают. Конечно, я уже не настаивал, предоставив все времени.

Получив по телеграфу разрешение Вашего превосходительства продавать туркменам казенную муку, я приказал отпускать ее из склада, находящегося в Чекишляре, а не на Ашур-Аде, чтобы понемногу сближать туркмен с сухопутными войсками, которых они еще мало знают. Туркмены сначала не решались идти, но теперь уже начали ходить в Чекишляр и искренно благодарят его императорское высочество за эту помощь, называя себя его детьми, и что он, как отец, спасает их от голода.

ЦГИА Груз ССР, ф. 521, оп. 1, д. 182, лл. 1—4. Подлинник.

Капитан 1-го ранга К. Петриченко.

№ 30

Из рапорта начальника мангышлакского отряда наместнику кавказскому о положении в Хивинском ханстве и истинных целях хивинского посольства[1]

18 июля 1872 г.

В рапорте от 26 марта сего года за № 318-м, при отправлении в Шуру хивинского посольства я, между прочим, докладывал Вашему сиятельству, на основании секретных сведений, полученных мной тогда от нашего ишана и других лиц, о том, как мало можно иметь доверия к заявлениям хана, выраженным его посланцами и сделанным единственно под впечатлением движения наших отрядов с целью протянуть время, успокоить нас и хоть на время удалить опасность. Но первый страх прошел и хан вступил на прежнюю дорогу. Характер азиатских правителей везде одинаков: пока опасность близка, готовы на всевозможные уступки, но

[1] Данные о хивинском посольстве см. в отношении наместника кавказского государственному канцлеру от 17 февраля 1872 г. (ЦГВИА ф. 400, д. 19, 1872, лл. 1—3) и ответ последнего от 29 февраля 1872 г. (ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1872, лл. 6—8), в котором, наряду с другими сведениями, имеется распоряжение о том, что введение дипломатических сношений с Хивой возлагается на кавказское начальство с тем, однако условием, «чтобы вообще было сохранено единство» кавказского и туркменского начальств. О хивинском посольстве см. также в рапорте начальника Дагестанской области наместнику кавказскому от 11 марта 1872 (ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1872, лл. 24—39) и другие документы того же дела (например, лл. 116—120). Часть документов о хивинском посольстве опубликовано в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.», ТФАН СССР, Ашхабад, 1946.

лишь опасность миновала, они всячески, до последней крайности будут отклонять неприятное для них событие, употребляя для сего обычные в таких случаях (обман, изворотливость, недоверие). Поэтому-то для скорейшего освобождения наших несчастных пленных (пленных могущественнейшей в мире державы), томящихся уже несколько лет в неволе в ничтожнейшей Хиве, я и полагал в том же рапорте за № 318 необходимым поддерживать в Хиве впечатление, произведенное прошлогодними рекогносцировками наших отрядов.

В полученной затем, при предписании Вашего сиятельства от 8 апреля за № 2748 копии с предписаниями его императорского высочества главнокомандующего Кавказской армией от 30 марта 1872 г. за № 1159 выражено было, между прочим, следующее мнение его сиятельства государственного канцлера: «из долголетнего опыта известно, что переговоры с подобными среднеазиатскими посланцами не приводят ни к какому положительному результату. Хивинский хан, очевидно, желает выиграть время и прибегает к обыкновенной в таких случаях уловке, т. е. высылает посланца для переговоров, между тем, мы не имеем никакого основания давать веру обещаниям хана»[1].

Все это вполне подтвердилось полученными мной теперь известиями из Хивы...[2]

[1] Отправляя сразу три посольства к туркестанскому, кавказскому и оренбургскому начальствам, хан, видимо, действительно имел целью выиграть время. Вместе с тем, как доносили в своем письме князю Меликову от 7 июня 1872 г. сыновья ишана—члены хивинского посольства, ханом был отправлен «в Кабулистан к англичанам с многочисленными подарками посланник». Недовольствуясь этим, хивинские власти деятельно готовились к набегам на казахов и вообще провокациям в зоне влияния России и собирали силы для открытых военных действий против русских войск (ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1872, лл. 119—120). В этом плане не удивительно, что хан не только не удовлетворил требования русских, но и оттягивал решение вопроса о русских пленных, приписывая царским властям «другие мысли» и требовал от своего посольства вернуться «к покровителю и защитнику исламизма» (там же, л. 116).

[2] Небезынтересно, что именно с целью предупредить движение русских войск в Хиву хан отправил письмо Туркестанскому генерал-губернатору (ЦГВИА, ф. 1393, оп. 1, д. 25, лл. 4—5), а также целое посольство вместе с 21 освобожденным русским пленным (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 193, лл, 31—35). В рапорте туркестанского генерал-губернатора от 4 апреля 1873 г.—интересные данные о положении русских пленных в Хивинском ханстве. (Документы о движении войск Кавказского отряда в Хиву см. ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 193, лл. 14—30).

Далее следуют не представляющие особого интереса подробности о том, как хан оттягивал переговоры и его отношения к вернувшимся в Хиву членам хивинского посольства.

Мамед Мурад внушил хану, как об этом все говорят: 1) что для того, чтобы поддержать свое достоинство, ему необходимо отказать требованию русских, иначе немедленное и точное исполнение этих требований и возвращение всех пленных русские примут за раболепство, потеряют к хану всякое уважение, скажут, что он струсил, и все более и более будут требовательны в своих сношениях с Хивой.

2) Что в настоящее время ни откуда опасность Хиве не угрожает, Красноводский отряд уменьшен*, пленных же необходимо содержать в залог, пока не представится действительная и серьезная опасность, так как только этим и можно будет задерживать русских.

3) Хан вполне может рассчитывать в настоящее время на преданность и помощь текинцев, иомудов и других туркмен[1].

4) Если опасность будет действительно близка, тогда во всякое время они успеют послать нам навстречу наших пленных и тем предотвратить дальнейшую опасность.

Эти соображения, по крайней мере, неоднократно высказывали люди, довольно близкие к диванбеку и хану. Другие же убеждены, что в этом деле много действовала интрига против нашего ишана, главного начальника всех хивинских туркмен, Хаджи-Маммета, который будто бы ждет только известия от нас, чтобы привезти нам всех наших пленных, надеясь на большую за это награду (вместо ишана) и уверенный вполне, что он успеет это сделать, так как иначе он может поднять против хана всех хивинских туркмен, составляющих большую часть населения Хивы, и заставить хана исполнить его просьбу.

При этом Дурдыклыч сообщил:

1) Что посольство, отправленное ханом к туркестанскому генерал-губернатору, доехало только до Бухары, хан бухарский не пустил его далее, бумага, отправленная посланцами из Бухары туркестанскому начальнику, возвращена была нераспечатанной с уведомлением, будто бы, что он скоро сам приедет в Хиву и там будет вести переговоры и

2) Что другому посольству, ездившему в Оренбург, там ответили, что у нас государь император один и не принято, чтобы из одного и того же места к нему с разных сторон

* Тогда там еще не могло быть сведений о настоящем усилении этого отряда.

[1] Интересно отметить, что, готовясь к войне с Россией, хивинские власти организовали широкую кампанию по заготовке военных материалов, в том числе и в России, где они, в частности, закупали железо и селитру, что вынудило русские власти запретить ввоз этих товаров в Хивинское ханство (об этом см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 827, лл. 2—3).

посылалось посольство, а как хан отправил уже посольство к кавказскому начальству, то оттуда и должен ждать ответа. Поэтому в Оренбурге это посольство тоже было не принято и на третий день возвращено.[1] При этом говорят, что будто бы при возвращении этого посольства у него на Усть-Урте киргизы ограбили лошадей и в том числе аргамаков, которые были с этим посольством посланы ханом в подарки.

Во всяком случае, все эти обстоятельства (равно как и в феврале прибытие сюда посольства) не могли не иметь заметного влияния на наших адаевцев,[2] вообще весьма чутких ко всем известиям из Хивы. С одной стороны, известия, что хан, отказав нам в возврате пленных, становится этим снова некоторым образом во враждебное отношение к нам, а с другой—известиях об усилении Красноводского отряда и больших военных приготовлениях там, для которых потребуется много верблюдов,—сильно тревожат и пугают наших людей. Они боятся, что с них также потребуют верблюдов для Красноводска.

Впрочем, в крае все совершенно благополучно и я о том всегда имею самые успокоительные известия. Но чтобы вполне успокоить народ и отвлечь его внимание от Хивы, я нахожу более чем когда-нибудь необходимым совершить в начале осени, как только спадет жара, разрешенное мне этой весной движение к Бишь-Акты и Усть-Урту и потом на Бузачи. Только тогда народ здешний будет больше обращать внимание на нас, а не на Хиву, тогда, возможно, будет чаще видеть нас среди своих кочевок, а не в форте только. Я надеюсь, что этим движением можно будет успокоить напуганный народ, который увидит тогда, что ему нечего бояться каких-либо движений из Хивы, и будет больше обращать внимания на себя и на нас, а не исключительно на Хиву, как было до сих пор...[3].

Верно: *за нач. штаба Кавказского военного округа подполковник Золотарев.*

ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1872 г., лл. 107—115. Копия заверенная.

---

[1] Об этом см. рапорт оренбургского генерал-губернатора от 27 апреля 1872 г. (ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1872 г., лл. 75—76).

[2] Имеются в виду казахи одданского племени.

[3] Далее следуют не представляющие интереса данные о Нурмухаммед-ишане.

№ 31

Донесение и. д. российского консула в Астрабаде российскому посланнику в Иране о ходе движения Красноводского отряда к Хиве и антирусских действиях текинцев и хивинцев

26 октября 1872 г.

После выступления Красноводского отряда с пути следования его к соединительному пункту, колодцам Топиатан, были получены известия, которые передавались приморскими туркменами, а также в виде слухов сообщались местными астрабадскими властями.

Подобные известия, иногда преувеличенные искажением мелких подробностей, в основании своем не менее были справедливы и подтверждались известиями, получаемыми на нашей Астрабадской морской станции.

Так, первые известия были получены о том, что отряд, двигаясь от Чекишляра к местности Чукур-кую и встретив стада баранов до 5000 голов, принадлежащие враждебным нам туркменам (племя неизвестно), отобрал для своего продовольствия до 1000 голов и затем близ места Айдын столкнулся с туркменским караваном, возвращавшимся из Хивы с запасами зернового хлеба.

Верблюды были отобраны, доставив отряду возможность увеличить число необходимых для него вьючных животных, но затем другие караваны, следовавшие за сказанным, направились окольными путями, стараясь избегнуть встречи с войсками, в чем и успели, так как следующие два каравана пришли, не видав отряда.

Около 5 или 6 октября войска собрались к сборному пункту, колодцам Топиатан и оттуда последовательно тремя колоннами двинулись к Джемала (Джемал-Тогалак), но на переходе были атакованы партией теке под предводительством Софи-хана, кочующего у Кизыл-Арвата близ Балхана и прежде бывшего в сношениях с нашим отрядом. Попытка теке отогнать у нас верблюдов окончилась неудачей и значительным уроном, который понесли нападавшие.

Означенная шайка составляла часть значительного сборища, сделанного туркменами-теке с целью нападения на наш отряд; партия эта отделилась от прочих, намереваясь попытаться отбить, отогнать что удастся, вообще с целью грабежа. Остальное сборище теке, как говорят, готовится защитить свою территорию, а по другим слухам — намеревается перейти к наступательным действиям по отношению к нашему отряду.

Последняя колонна, выступая из Топиатана к Джемала, к сожалению, лишилась более 100 верблюдов, отогнанных уже хивинцами, сделавшими это воровство, пользуясь знанием местности, весьма неровной и покрытой песчаными буграми.

Вышеизложенными известиями, полученными 24 октября, ограничиваются сведения из отряда, который, держась обыкновенно караванного пути в Хиву, должен идти на Орта-кую. Сколько можно заключить из рассказов туркмен, отряд наш должен встретить сопротивление как от ближайших к Хиве иомудов, так и со стороны хивинцев, решившихся будто бы защищаться[1]. При этом нельзя не заметить, что между туркменами ходит слух, хотя, правда, весьма неопределенный о том, что англичане снабдили хивинцев в достаточном количестве новыми ружьями[2]. Весьма затруднительно сказать, насколько справедливы эти известия, но слух о новых ружьях, как-то наиболее упорно и согласно поддерживается туркменами[3].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 327—329. Копия.

№ 32

Донесение начальника Астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране о нападении текинцев на Красноводский отряд и карательной экспедиции в Ахал

12 ноября 1872 г.

По достоверным известиям, полученным мною, сухопутный отряд под начальством полковника Маркозова, достигнув границы безводного пространства на пути к Хиве, 18 числа октября поворотил к земле племени теке. Во время движения к Хиве части отряда, находившиеся одна у озера Топиатан, а другая у колодцев Джемал-Тогалак, выдержали нападение первая от партии хивинцев в 500 человек, а вторая от партии текинцев в 250 чел.; первые, напав на верблюдов, успели отогнать их 149 голов, а вторые отступили с большой потерей убитыми, ранеными и взятыми в плен. Спустя несколько времени после нападения, старшины теке явились к полковнику Маркозову с извинением за нападение, сделанное их шайкою, просили отдать им пленных и обещали за это в назначенный срок доставить для отряда сколько нужно верблюдов. Согласившись на это полковник Маркозов отпустил пленных, но текинцы обманули его и не привели верблюдов, полагая, что верблюды при отряде так изнурены, что нашему отряду никуда с ними двинуться нельзя.

Выждав окончания назначенного срока для сбора верблюдов, чтобы наказать текинцев за двойное вероломство полковник Маркозов быстро двинулся к их крепости Кизыл-Арват и 19 октября занял ее. Оттуда он пошел вдоль хребта Кюрен-Даг и взял еще 3 укрепления текинцев[1] и истребил брошенные ими кибитки и имущество, которые они оставили и бежали, не оказывая никакого сопротивления. Паника между текинцами была всеобщая; это воинственное племя, считаемое непобедимым между туркменами, иомудами, хивинцами и персиянами, потеряло в этой борьбе свою военную славу. В преданиях текинцев даже нет рассказов о том, чтобы когда-нибудь чужие войска приходили к ним и истребляли их жилище, поэтому можно надеяться, что урок, данный текинцам, произведет самое лучшее впечатление в степи в пользу нашу.

Возвращение отряда полковника Маркозова из рекогносцировки к укреплению Чекишляр я ожидаю в половине декабря. О дальнейших распоряжениях, какие будут даны из Кавказского окружного штаба, еще неизвестно[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 322—323. Копия.[3]

№ 33

Рапорт начальника Астрабадской морской станции российскому поверенному в делах в Иране об ухудшении отношений туркмен к царским войскам и действиях Красноводского отряда

10 января 1873 г.

Рекогносцирующий сухопутный отряд под начальством полковника Генерального штаба Маркозова 18 числа прошлого

[1] Данные о направленной из Хивы навстречу русским войскам отряда в две тысячи конницы имеются в донесении российского консула в Астрабаде от 23 ноября 1872 г. (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 12, лл. 129—131).

[2] В рапорте российскому посланнику в Иране от 21 ноября 1872 г. астрабадский консул, ссылаясь на свидетельство одного нухинского купца, отмечает, что «нет в Хиве ни одного англичанина, и о провозе ими ружей никто ничего не знает и не слыхал, но известие об отправлении хивинским ханом посольства в великобританские владения в Индии вполне справедливы, хотя цель посольства, которое еще не вернулось неизвестно». (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, л. 19).

[3] Документ без подписи.

[1] В рапорте российскому посланнику в Иране от 21 ноября 1872 г. астрабадский консул называет крепости Бами, Зау и Беурме («Бурмен») (ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 319—324) или его дубликат (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 12, лл. 129—131).

[2] Документ без подписи.

[3] Дубликат копий в ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 12, лл. 127—128.

декабря пришел в Чекишляр в полном своем составе, т. е. около 1500 человек, так что в настоящее время всего войска в Чекишляре 1850 человек, в том числе одна сотня казаков. Сам полковник Маркозов немедленно вызван в Тифлис, а весь отряд оставлен зимовать в Чекишляре, потому что в начале марта предположено движение наших войск в Хиву.

Насколько мне известно, около половины настоящего месяца часть наших войск должна будет двинуться вверх по правому берегу р. Атрека и занять несколько пунктов. Цель этого занятия заключается в том, чтобы не допустить туркменскую чарву, которая в настоящее время вся собралась на пространстве между Атреком и Гурганом, в начале весны перекочевывать к северу, как они это делают ежегодно, и тем принудить их дать нашему отряду требуемое количество верблюдов. Я не могу скрыть, что в настоящее время расположение умов в туркменской чарве несколько враждебно для нас. На совещаниях, бывших между туркменами, положено не идти кочевать за Атрек, пока русские будут в степи, а просить персидское правительство позволить им остаться между Атреком и Гурганом, а в случае перехода русскими Атрека, удалиться за Гурган. Без сомнения, астрабадский губернатор охотно принял эту просьбу и обещал свое покровительство, за что туркмены обязались выдать ему персидских пленных и уплачивать подать.

Несмотря на это решение, туркмены не могут не сознавать, что с наступлением жары им будет тесно оставаться на таком малом пространстве и под обманчивым покровительством персидского правительства, а потому, я полагаю, они охотно покорятся нам, если увидят выгоды от отдачи в наем или продажи своих верблюдов в будущем и получат плату за всех верблюдов, которые пали во время нахождения при нашем отряде в прошлом году. Полковник Маркозов обещал им это, и потому все ожидают его возвращения.

Последнее движение наших войск в декабре прошлого года началось к Чекишляру от текинской крепости Кизыл-Арват. Оттуда, перейдя хребет Кюрен-Даг, войска шли по возделанным землям атабаев до речки Сумбар, впадающей в Атрек с правой стороны. Перешедший Сумбар отряд приблизился к берегу Атрека и шел вдоль его к морю. Туркменская крепость Карры-Кала, стоящая на притоке Сумбара Чандыре, осталась далеко в правой стороне. Отряд в нее не заходил, а только небольшая часть его с топографом, который делал съемку, но не оставлено никакого гарнизона. Вашему сиятельству желательно знать некоторые подробности об этой крепости, вот что я могу сообщить: крепость Карры-Кала принадлежала племени гёкленов и земли около нее называются туркменами гёкленски-

ми. Крепость эта брошена и гёкленами после нескольких нападений персидских войск в конце пятидесятых годов и ныне никем не занята. Земли гёкленов и атабаев Персия действительно причисляет к Буджнурдскому округу, но все они находятся по правую сторону р. Атрека, и, ежели считать границей эту реку, то на нашей стороне будут хорошие земли, населенные полуоседлыми племенами туркмен, уже занимающихся земледелием. Полковник Маркозов, следуя по правую сторону Атрека между этой рекой и крепостью Карры-Кала, неминуемо должен был пройти землями, которые Персия считает подвластными ей, хотя и не имеет на оных никаких укреплений. Легко быть может, что и при движении к Хиве, предполагаемом нынешней весной, он изберет этот же путь, как лучший по своей растительности и изобилии в воде, против пути от Чекишляра на Топиатан, который пролегает по совершенно бесплодной степи.

Капитан 1-го ранга Петриченко.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3617, лл. 9—11 об.[1]

№ 34

Отношение российского посланника в Турции генерал-адъютанта Игнатьева директору Азиатского департамента об антирусских происках турецкой агентуры в Средней Азии

25 января 1873 г.

Вашему превосходительству известно из прежней переписки с императорским министерством о пребывании в Константинополе бухарского посланца Мирзы Гисамеддин Мирахура[2]. Он выехал отсюда обратно в Бухару через Египет и Индию в начале сентября. Поведение бывшего великого визиря Махмуд-паши и прежнего министра иностранных дел Сервер-паши постоянно отличалось относительно его похвальною осторожностью. К сожалению, Мирза Мирахур остался в Константинополе и несколько дней после падения Махмуда — при Мид-

[1] Копию документа см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 2, лл. 62—69.

[2] Интересно отметить, что Мирза Гисамеддин Мирахур, как это явствует из рапорта туркестанского генерал-губернатора от 22 марта 1873 г. государственному канцлеру, находился впоследствии при Туркестанском отряде при его движении на Хиву (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 193, лл. 21—23).

хате[1]. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы совершенно изменить характер его сношений с Портою.

«Юная Турция»[2] употребила все свои усилия, чтобы убедить Мирзу Мирахура в необходимости содействовать распространению «просвещения» в бухарском народе посредством турецких книг и даже газет. При отъезде он был снабжен разными изданиями.

На первых порах турецкая литературная пропаганда, конечно, ограничится препровождением сочинений, подходящих под уровень духовного и нравственного развития бухарцев. Но истинная цель ее, разумеется, приучать бухарских фанатиков к излияниям здешней мусульманской и западной печати. «Юная Турция», равно и английские агенты надеятся мало-помалу возбудить враждебные к нам чувства в Средней Азии, пользуясь местным неудовольствием. Нет сомнения, что англо-турецким пропагандистам легко удастся со временем нарушить внутреннее спокойствие страны и даже поколебать власть бухарского эмира и кокандского хана, если они не подчинятся их влиянию.

Долгом считаю довести о вышеизложенном до сведения Вашего превосходительства на тот случай, если бы Вы нашли полезным сообщить данные эти генерал-губернатору нашему в Ташкенте, так как местным властям нашим небесполезно следить за проявлениями литературной англо-турецкой пропаганды не только в наших владениях, но и у ближайших соседей наших.

Хорошие отношения, существующие с Бухарою, легко дозволят генерал-адъютанту Кауфману при благоприятном случае

---

[1] Речь идет о крупном политическом деятеле Турции, выразителе интересов нарождающейся турецкой буржуазии и либеральных помещиков, выступавших против сторонника России Махмуд Недима и султана, — но не с целью свержения самодержавия, а во имя предотвращения гибели Османской империи. Заняв в 1876 г. пост великого визиря, Мидхат пытался провести некоторые реформы, получившие название «конституции Мидхата», которая, ограничивая власть султана, должна была в то же время укрепить власть турок над угнетенными национальностями империи. Несмотря на всю свою половинчатость, конституция эта успеха не имела, — она была ликвидирована Абдул-Хамидом, а сам Мидхат-паша выслан был из Турецкой империи.

[2] Видимо, речь идет о движении «новых османов» или как их называли иначе «младотурок», — буржуазно-либеральном движении против султанского абсолютизма за конституционную монархию. Младотурки считали, что султан должен «царствовать, а не управлять» и ориентировались на Англию, которая немало их использовала в своих колонизаторских целях. Выступая против царской России, с помощью которой их противники т. н. «старотурки» надеялись укрепить феодально-монархический строй, младотурки не выдвигали никаких радикальных требований общественно-политического порядка, а лишь содействовали укреплению позиции английских колонизаторов в Турецкой империи.

указать эмиру на вред, который может причинить турецкая пропаганда собственной власти, и побудить его таким образом принять надлежащие меры против распространения произведений турецкой печати в Средней Азии.

Примите увер...[1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6853, лл. 15—16.
Копия.

№ 35

Из рапорта российского военного атташе в США военному министру об отношении американских властей к политике царского правительства в Средней Азии

2/14 февраля 1873 г.

Милостивый государь, Дмитрий Алексеевич![2]

В последнее время вопрос о русских военных движениях в Средней Азии стал чрезвычайно занимать и возбуждать умы в Соединенных Северо-Американских Штатах. При незнании в американском обществе почти никаких других языков, кроме английского, американцы черпают сведения о ходе дел в Средней Азии почти исключительно из английских газет, весьма враждебных нашим интересам, и, кроме того, не будучи в состоянии проверить эти сведения, по причине крайнего неразвития в Америке географических познаний и совершенного отсутствия данных относительно Средней Азии, — они натурально повторяют то, что утверждают англичане. Таким образом, пресса в Америке постепенно приняла не совсем дружелюбное для России направление и рассматривает русские движения в Средней Азии, как стремление к завоеваниям, имеющее конечною целью нападение на английские владения в Индии.

Во время моего пребывания в Вашингтоне на новый год, посещая некоторые высшие лица в военном и других управлениях, я постоянно подвергался вопросам относительно хода и значения дел в Средней Азии.

Избегая по возможности всякого политического характера в разговоре и не делая никаких замечаний относительно Англии, мне не трудно, однако, было в коротких словах показать (по совершенно положительным данным*), как неизбежно бы-

---

[1] Документ без подписи.

[2] Военный министр Милютин.

* Именно по имеющимся у меня статьям по этому предмету в «Военном сборнике», различным брошюрам, изданным как нашими офицерами Генерального штаба, так и различными учеными обществами, и, наконец, по статьям газеты «Туркестанские ведомости».

ло это движение и как возвышены и великодушны действия русского правительства. Особенно полезна была при этом новейшая русская карта Средней Азии: одно указание на положение Российской границы и соприкасающихся с ней народностей делало совершенно ясным необходимость распространить между этими народностями русское влияние и водворить там мир и порядок.

Главнокомандующий американской армией генерал Шерман и начальник инженерного управления генерал Хумфрейс просили меня о сообщении им, если возможно, по одному экземпляру таковых карт. Имея у себя несколько экземпляров карт Средней Азии*, я счел полезным вручить сказанным генералам по одному экземпляру этой карты. Так как названия мест на этих картах написаны по-русски, то условлено было, что один из здешних чертежников, по моим указаниям, надпишет все эти названия по-английски.

Недавно по поводу этой карты, я получил от главнокомандующего армией письмо, в котором он между прочим, выражает свое мнение, что распространение русского владычества в этих диких странах есть заслуга для человечества и залог водворения там порядка[1].

Полагая, что таковой отзыв столь важного в Америке лица, как генерал Шерман, не лишен интереса для Вашего высокопревосходительства, — я счел долгом представить у сего самое письмо в оригинале и переводе...[2].

Письмо это было сообщено посланнику нашему в Соединенных Штатах и одобрено им. Г-ну посланнику также была передана одна копия с письма генерала Шермана.

С глубочайшим уважением и преданностью имею честь быть Вашего высокопревосходительства всепокорным слугою
Александр Горлов.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6853, лл. 22—24.
Подлинник рукописный.

* Напечатанных в Картографическом заведении Ильина.

[1] Касаясь этого, Шерман в своем письме Горлову от 25 января 1873 г. писал: «Из того, что я видел на Кавказе, я знаю, что интересы человечества и хорошего управления будут подвинуты Россией через распространение своего владычества на эти кочующие племена» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6853, л. 25).

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6853, л. 25; далее следует не представляющее интереса сообщение о продаже Шерману «ругулярной мишени» для проверки того, «насколько меткость пистолетов русского образца превосходит меткость пистолетов, изготовляемых здесь же для американской армии» (там же).

№ 36

Из донесения и. д. российского консула в Астрабаде о действиях Красноводского отряда против туркмен[1]

2 апреля 1873 г.

...1) 1-го минувшего года марта незначительная часть отряда, придя к холму Хаджи-Кара и задержав Керим-хана с родственником его Курбан Суки, завладела пасшимися близ Хаджи-Кара верблюдами в числе 450, принадлежавшими джафарбаям. На следующий день другая часть отряда, еще менее значительная, чем первая, приходила в самое кочевье Керим-хана, останавливалась в его доме, взяла несколько лошадей, и затем, вместе с первою, перейдя Гурган, соединилась с отрядом г. Маркозова, расположившимся выше кочевьев племен деведжи и бадураж, граничащих с округом Кетулем (на с. в. от Астрабада), откуда войска двинулись далее к Гумбеди-Кабус на левом берегу Гургана.

2) По доставлении Керим-хана в отряд он был обласкан г. Маркозовым, который предложил ему послать к чарве за верблюдами, с предложением платы по 5 тум. за каждого верблюда, данного в наймы, и вознаграждения в 17 тум. в случае, если животное падет дорогою.

Посланные из отряда туркмены с предложением от Керим-хана возвратились, недоставив верблюдов потому, что чарва уже успела бежать и только лишь одно племя кер дало до ста верблюдов, получив за них в вознаграждение около 250 тум.

Керим-хан был оставлен при отряде[2], который отправился преследовать откочевавшую чарву и, нагнав ее, взял до 2000 верблюдов, принадлежащих различным племенам иомудов, джафарбаям (даз на В. от Астрабада, деведжи в окрестностях Кетуля, по берегам Гургана) и атабаям (племени таанэ).

Возвратясь в Чекишляр, г. Маркозов отпустил Керим-хана, наградив как его, так Курбан Суки деньгами и обычными подарками, халатом и проч.

3) Из рассказа видно, что отряд был разделен и действовал по частям. Так, одна часть его двинулась по направлению к кочевьям гёкленов, расположенным в долинах Гургана. Старшина одного из гёкленских племен кырых, [ввиду] постоянно существующей вражды между племенами иомудов и

[1] Начало документа, посвященное слухам о причинах ареста Маркозовым туркменского старшины Керим-хана, интереса не представляет и не публикуется.

[2] Каджарские власти сочли это достаточным основанием для вручения русским представителям ноты протеста на «арест» Маркозовым их, якобы, подданного (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6853, лл. 67—68).

гёкленов, присоединился к отряду для преследования чарвы иомудов-атабаев, которая, однако, названною частью отряда не могла быть настигнута. Гёклены возвратились, завладев имуществом чарвы, оставленным ею при побеге.

4) Наконец еще одна часть отряда преследовала племя ак (атабаи-иомуды), также обратившееся в бегство, с которым она имела перестрелки.

На этом ограничивается сообщенное Керим-ханом. Легко может быть неточное; что касается до подробностей, то тождественное со всеми бывшими слухами относительно результата движения за Атрек — завладение верблюдами в числе до 3 тысяч[1].

Ко всему вышеизложенному долгом считаю присовокупить, что согласно сведениям, полученным мною с Ашур-Аде, отряд 27 минувшего марта выступил из Чекишляра.

Первоначальный состав его: двадцать рот пехоты, двадцать орудий и 600 человек казачьей кавалерии оказалось необходимым уменьшить по причине недостатка вьючных животных, вследствие чего восемь рот будут перевезены на судах общества «Кавказ и Меркурий» в залив Киндерли (севернее Карабугазского залива), где заготовлено 1000 верблюдов, доставить которых в Чекишляр оказалось невозможным[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 2,
лл. 161—165. Копия рукописная.

№ 37

Из донесения российского консула в Астрабаде российскому посланнику в Иране об антирусских приготовлениях в Хиве, действиях Красноводского отряда и его возвращении в Красноводск[3]

29 мая 1873 г.

...Туркмены рассказывали, что отряд, не доходя до колодцев Игды, встретил на пути шесть аулов, прежде от него бежавшей чарвы из племен: коджук, татар, даз, деведжи, каррун и бехлеке, уничтожив которые совершенно и завладев принадлежащими кочевникам верблюдами, продолжал следование далее к колодцам Орта-куи, последним отделяемым пятидневным переходом от хивинских владений.

Придя к означенным колодцам, отряд нашел их отравленными, так как лошади, напоенные из них, пали, а люди, употреблявшие ту же воду, умерли. Таким образом, вследствие неимения воды для предстоящего пятидневного перехода, отряд будто бы возвратился в Красноводск...[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 2,
лл. 183—186. Копия рукописная.

№ 38

Донесение российского консула в Астрабаде посланнику в Иране о попытке проникновения английской агентуры в Туркменские степи

29 мая 1873 г.

В последнее время в Астрабад приезжало несколько путешественников, цель поездки которых в эти края заслуживает внимания.

В начале текущего месяца агент вверенного мне консульства на Гязском берегу доставил через мое посредство губернатору Астрабада письмо от некоего индийца, дервиша, Надир Хусейн-шах Митани, приехавшего на берег из Мазандарана.

Сулейман-хан по получении означенного письма тотчас же прислал его ко мне для прочтения, присовокупляя, что не желает исполнить ни одной заключавшейся в нем просьбы.

Надир Хусейн-шах просил Сааб-ихтиара спросить по телеграфу сертипа Джагангир-хана в Тегеране, получены ли великобританским посланником отправленные для него Надир-Хусейном из Шахруда вещи.

Вторая просьба дервиша состояла в том, чтобы немедленно по приезде его в Астрабад губернатор за поручительством кого-либо из влиятельных туркменских старшин представил ему

---

[1] Далее следует не представляющее интереса повторение слухов о движении Красноводского отряда к Атреку и Гургану и объяснения консула по этому вопросу с чиновником по иностранным делам при иранском губернаторе Астрабада.

[2] Документ без подписи.

[3] Начало документа, посвященное слухам, о том, что хан собрал всех русских пленных, чтобы возвратить их русскому командованию с целью предупредить наступательные действия войск хивинской экспедиции; что, получив отказ, он выслал против русских войск отряд в 15 тыс. чел. и спровоцировал восстание казахов Мангышлака, которые убили 200 русских; что он отклонил предложение хивинских туркмен участвовать в походе против русских, что объясняется «недостатком доверия хана к означенным туркменам-иомудам; слухам о казне ханом диванбеги; рассуждениям о причинах падежа верблюдов и возвращении 14 мая отряда в Красноводск и т. д., — не публикуется.

[1] Далее следует не представляющее интереса варианты слухов об отравлении колодцев, возвращении отряда в Красноводск, в том числе и Ильгельды-хана, высланного вперед «для подвоза войскам продовольствия и воды»; слух о занятии русскими войсками Бухары и Балха. Документ без подписи.

возможность отправиться в Хиву и Ургенч, куда путешествие его должно продолжиться около года.

По приезде в Астрабад Надир Хусейн-шах остановился в доме находящегося здесь английского агента и поздно вечером пришел в консульство, желая видеться со мною.

На заявление дервиша о желании видеть меня непременно ночью, я поручил передать ему в обоих случаях, желает ли он просто видеться со мною или по делу, принять его ночью, придавая тем свиданию характер таинственности, я не согласен, придти же ко мне днем он не пожелал.

На другой день Надир Хусейн был у губернатора, который принял его весьма холодно и положительно отказал дать средства для поездки в степь, поставив на вид как все опасности подобного путешествия, так и неимение между туркменами надежных старшин, которым можно было бы доверить путешественника.

Вместе с тем губернатор строго приказал туркменам дать знать ему немедленно в случае, если бы дервиш без его ведома пожелал отправиться в степь. Я, с своей стороны, при свидании с Сулейман-ханом в разговоре о Надир Хусейне заметил Сааб-ихтиару, что присутствие между туркменами подобных личностей может иметь весьма неблагоприятное влияние на кочевников, указав на восстание туркмен в 1857 г., произведенное подобными же странствующими дервишами из Афганистана.

В то же время я написал г. заведующему Астрабадской морскою станцией капитану 2-го ранга Сидорову о воспрепятствовании Надир Хусейну, на случай приезда его на о. Ашур-Аде, отправиться в приморские аулы, где пребывание подобных личностей причиняет беспорядки между весьма легковерными туркменами, как и были уже тому примеры.

В бытность свою в Шахруде Надир Хусейн рассказывал нашим торговцам, что он имеет большое влияние на афганского эмира и тем может быть полезен России, несколько раз изменял свои планы на счет дальнейшего путешествия, предполагая ехать то в Россию, то в Тегеран, и даже говорил, что намерен отправиться в Гилян с целью представиться е. в. шаху.

Встретив в Астрабаде полную неудачу для проведения в исполнение задуманной поездки в Хиву, Надир Хусейн-шах отправился в Мазандаран, до границы которого, по распоряжению Сулейман-хана, за ним следили старшины деревень, расположенных по дороге на о. Ашур-Аде, а также и между туркменами он не был[1].

[1] Так в тексте.

25-го текущего месяца приехали в Астрабад английские путешественники: полковник Baker, капитан Clayton и лейтенант Gill с рекомендательным письмом ко мне от г. бакинского губернатора, который, вследствие расположений статс-секретаря барона Николаи и генерал-адъютанта князя Святополк-Мирского, просил оказать им полное внимание и содействие.

Г. Старосельский пишет, что полковник и его товарищи, прибывшие в Тифлис с письмом государю великому князю наместнику от наследнего принца английского, были приняты его высочеством наместником с большою благосклонностью. Цель же путешествия их есть осмотреть берега Каспийского моря, между прочим, и о. Ашур-Аде, приехать на Атрек под видом простых туристов и любителей охоты.

Высшее кавказское начальство, согласно тому же письму г. Старосельского, нашло, что нет никакого основания скрывать что-либо от путешественников, и в некоторых случаях, напротив, даже было бы желательно, как например, при поездке их на Атрек, предоставить им возможность убедиться в преувеличенности составленных за границею мнений об этих местностях.

Поместив названных путешественников в консульство, я старался, насколько предоставлялось к тому возможность, доставить им средства охотиться поблизости города, но как можно было видеть, главная цель их путешествия — охота весьма мало их интересовала.

Полковник Вакеч говорил мне, что желал бы видеть Гурган, Атрек, чтобы самому оценить справедливость всех толков английской прессы насчет судоходности сказанных рек, а вместе с тем и посмотреть вблизи на интересующих его туркмен. Но для поездки его из города в степь встретилось препятствие со стороны астрабадского губернатора, которого посетили путешественники вместе со мною; так как он отложил на неопределенное время выступление на Гурган.

Вернее же Сааб-ихтиар просто не желал показать английским офицерам укрепление Ак-Кала, кочевья ближайших к городу туркмен и войска, потому что предупрежденный мною о желании полковника и его товарищей, Сулейман-хан поручил мне сказать, что находит просьбу их неудобоисполнимою и то же дал понять им при свидании.

По возвращении из Астрабада на Ашур-Аде полковник предполагал на одном из судов нашей станции пройти вдоль туркменского берега, причем на берег, как пишет мне г. Сидоров, путешественники свозимы не будут.

Так как г. Сидоров желал знать мое мнение о предполагаемой англичанами морской прогулке, то я написал ему, что, вероятно, станция при поездке путешественников в такие аулы, как Атрекский, где англичане предполагали даже охо-

титься, найдет затруднительным для себя гарантировать их безопасность на суше, что же касается осмотра берегов с моря, то если оно возможно при настоящих средствах станции, т. е. если есть свободные суда, я полагал, что нет причин ему препятствовать, чтобы не дать повода говорить о делаемых с нашей стороны затруднениях осмотреть туркменские берега даже издали.

Пробыв два дня в Астрабаде, полковник и его товарищи отправились на о. Ашур-Аде, а с параходом 31-го сего мая имели намерение ехать в Решт и оттуда далее в Тегеран[1].

ЦГИА, Груз. ССР, ф. 15, д. 2, лл. 192—196. Копия рукописная.

№ 39

Из рапорта полковника Глуховского[2] начальнику главного штаба о туркменском вопросе в Хивинском ханстве и возможностях его разрешения[3]

14 июня 1873 г.

...В Хиве собственно не существует хивинского вопроса, а есть только туркменский вопрос[4], от решения которого и зависят все будущие отношения Хивы к России, что если Россия желает водворить порядок в ханстве и обеспечить свои интересы на р. Аму-Дарье, необходимо установить в Хиве сильное правительство, что хан, сидевший в Хиве до занятия ее, нелюбимый народом, возненавидившем его еще более после бедствий настоящей войны, будет менее, чем всякий другой хан в состоянии водворить порядок в ханстве и исполнять принятые на себя обязательства; что г. Мерв на р. Мургаб, расположенный на главном торговом пути из Персии в Среднюю Азию, есть главный ключ к господству в Туркменских степях, играя в них первенствующее значение в торговом, политическом и стратегическом отношениях. Особенно важное значение приобретает г. Мерв и р. Мургаб в настоящее время, когда Афганистану уступлен не только весь левый берег р. Аму-Дарьи, но даже ханство Маймене, граничащее с р. Мургабом. Если Афганистан первый займет г. Мерв, то степень спокойствия в Туркменских степях совершенно будет зависеть от него в России, тогда не легко будет обеспечить безопасность и предотвратить возможность направления европейской торговли через Персию и Мерв в Среднюю Азию, во вред развитию нашей торговли и наших закаспийских владений...

Как прежде, так и теперь, в судьбе ханства будут играть важную роль туркмены. Было бы величайшим бедствием для хивинского ханства, если бы они откочевали в пределы Персии. Тогда вся западная часть ханства немедленно запустела бы, каналы её засорились бы и она обратилась бы в песчаную степь, наподобие местностей некогда заселенных, а ныне пустынных по берегам старого русла реки Аму-Дарьи. В настоящем хивинском ханстве западная её часть есть для России самая важная часть в политическом, военном и стратегическом отношениях. Один взгляд на положение ханства относительно владений России, окружающих её со всех сторон, указывает, что держать фактически в руках Хивинского ханства или, иначе сказать, туркмен, возможно только со стороны Закаспийского военного отдела. Действуя со стороны Аму-Дарьинского округа, мы действуем с фронта и оставляем всегда неприятелям-туркменам свободный путь отступления в степь. Обыкновенно наши войска могут их преследовать и там, но главная задача в Хивинском ханстве и должна заключаться в том, чтобы не выгонять туркмен из ханства, но напротив, водворить их там прочно навсегда и ни в коем случае не допускать удаления их в пределы Персии. Достигнуть же этой цели можно только владея путем их отступлений, который ныне находится в ведении Закаспийского военного отдела. При этом нельзя умолчать, что договор, заключенный с хивинским ханом, удовлетворяя только интересам и выгодам Туркестанского военного округа, оставил в стороне как интересы Оренбургского и Кавказ-

---

[1] Документ без подписи.

[2] А. Глуховский — полковник Генерального штаба распоряжением царя от 8 марта 1873 г. направлен был в Среднюю Азию для изучения мер к «упрочению и развитию наших (российских — Г. А.) сношений с персидско-среднеазиатским рынком» (ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1873, л. 99 об).

[3] Документ в более полном виде опубликован в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.», Ашхабад, 1946.

[4] Докладную Глуховского туркестанскому генерал-губернатору о туркменском вопросе в Хиве от 9 июня 1873 г. см ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1873, лл. 17—35. Интересны положения этой докладной о том, что «туркмены составляют (по своей воинственности —Г. А.) господствующий класс в ханстве»; что «сила и значение туркмен до того велики, что сам хан и его родственники не могут отъехать от столицы на десятки верст без значительного прикрытия»; что сопротивление русским войскам собственно оказывали только туркмены, «которые при том были весьма плохо вооружены. Нужно было видеть отвагу и дерзость, с которыми туркмены нападали на наш отряд, чтобы поверить возможности разбития ими целых персидских армий» и понять, «почему Персия, несмотря на свою сравнительную силу, никогда не могла подчинить себе туркмен»; что по всему этому необходимо окончательное разрешение туркменского вопроса, чтобы вскоре опять не оказаться перед необходимостью новых экспедиций против туркмен, которые России будут стоить «в несколько раз больших, чем в настоящую (имеется в виду хивинскую — Г. А.) кампанию» жертв и материальных расходов.

ского военных округов, так и насущные потребности туркмен, которые постоянно крайне нуждаются в воде, бывшей часто причиною кровавых и опустошительных междоусобий в ханстве. Таким образом, вышло то, что владения России, охватывающие Хиву почти со всех сторон не соединены между собою, а разделены. Если бы при заключении договора Кунградская область была присоединена к России, то тогда не только был бы устранен этот важный недостаток, но положение туркмен значительно улучшилось бы и они бы не имели больших поводов к неудовольствию против хана. Если до сих пор туркмены, живущие близ старых русел Аму-Дарьи, крайне нуждались в воде, теперь, когда ханство обезлюдело вследствие переселения каракалпаков на правый наш берег, каналы её начнут засоряться и туркмены еще более начнут бедствовать от недостатка воды. Явится не только новый повод, но даже необходимость к волнению в ханстве против хана. Если бы дельта левого берега Аму-Дарьи и Кунграда до Лаудана и далее на запад по старому руслу р. Аму-Дарьи была присоединена к России, то заботы её о правильном распределении воды касались бы не одного только правого берега, но также и левого берега р. Аму-Дарьи. Тогда ханство было бы предохранено как от многих волнений, так и от запустения и занесения западной её части песками, которые год от году постепенно, более и более врываются в самую средину ханства. Устранение подобной катастрофы, а также обеспечение улучшения быта туркмен зависит единственно от безотлагательного пропуска воды по старому руслу р. Аму-Дарьи по направлению к озеру Сары-Камышу и далее. Тогда вся эта местность, недавно еще хорошо обработанная и густо населенная туркменами всех родов, опять оживилась бы и представила бы все необходимые средства для спасения ханства от песков, дав возможность на своих берегах развиваться оседлости, земледелию и древесной растительности. От этого зависит также скорейшее решение всего туркменского вопроса и успокоение Туркменских степей. Чтобы обуздать и усмирить туркмен, недостаточно разбивать их. Прежде всего кочевника надо сделать более достаточным и более оседлым жителем, дав ему возможность зарабатывать себе пропитание более легким трудом, более честным образом, чем разбои, грабежи и торговля невольниками. Подобной перемене более всего может служить направление среднеазиатской торговли по Каспийско—Аму-Дарьинскому пути и орошение Туркменской степи водою. Вообще мнение хивинских туркмен то, что лишь появится вода в старом русле, как туркмены с р. Атрека и других частей Туркменской степи двинутся и поселятся там. Раз туркмены будут жить в довольстве, то они не будут легко рисковать потерею своего имущества, имея в виду

еще перспективу быть истребленными в случае неповиновения. Орошение Туркменской степи водою представит тогда все удобства... ибо наши войска свободно будут в состоянии двигаться по всем направлениям. В Средней Азии страшен не оседлый житель, а номад, которому нечего терять, и который добывает себе пропитание разбоями и грабежами...

Генерального штаба полковник Глуховский.

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1873, лл. 83— 128.

№ 40

Из анонимного доклада наместнику кавказскому о причинах неудач Красноводского отряда в походе на Хивинское ханство[1]

22 июня 1873 г.

...Из вполне чистых побуждений, но до величайшей и самой печальной по последствиям крайности, доводил заботу о возможно меньшем израсходовании казенных сумм. По этому побуждению он[2] не платил туркменам жалованья и скупо оплачивал вообще их услуги; мало того, весьма скудно платил или при малейших поводах к неудовольствию не платил вовсе жителям за проводимых в отряд и даже за павших от изнурения верблюдов и пр.

С другой стороны, так как подобный способ действий менее всего способен был вселить туркменам охоту оказывать нам содействие и они явно уклонялись и от личной службы и от привода верблюдов, то отряд прибегал к насильственному отнятию не только верблюдов, нужных как перевозочные средства, но и другого имущества, напр. баранов[3].

К сожалению, такими мерами мы достигли результатов явно противоположных тем, каких должны были добиваться в степи в смысле водворения там нашего цивилизующего влияния[4].

---

[1] Документ обнаружен в россыпи, где, видимо, было утеряно его начало; сохранились лишь последние 5 листов.

[2] Речь идет, видимо, о подполковнике Маркозове.

[3] На полях помета: «Выражение странное: другого имущества на пр.»;

[4] На полях помета: «Зато на Мангышлаке, где действовали по систе»е е[го] п[ревосходительст]ва, совершенно достигли желаемого».

Чувства, которые питает к нам в настоящее время сплошь все кочевое население степи, — самые неприязненные, какими однако ж они еще недавно не были. По общим отзывам, это не чувства страха и уважения к силе, а чувства страха и ненависти к несправедливости и насилию[1]. Неприязнь населения к нам выражается ясно действиями, подобными, напр. разорению имущества и уводу в плен семейств тех немногих лиц, которые по обстоятельствам должны были связать свою участь с делом отряда, преследованию заднего эшелона отряда по ночам постоянными выстрелами при отступлении к Красноводску, учащению появлений хищнических партий возле Красноводска со времени возвращения отряда и т. п., яснее всего, наконец, отношения к нам кочевников характеризуются старанием их скрыться и скрыть свое имущество при всяком появлении русских.

При таких отношениях, весьма естественно, отряд не мог рассчитывать ни при каком случае на добровольную помощь со стороны населения, а, напротив, всегда мог ожидать от него только противодействия и препятствия. И в данном случае, эти отношения, конечно, не мало усложняли положение отряда, который, не будь этого, мог бы, нужно полагать, без особого труда добыть себе в критическую минуту и свежих верблюдов и посуду для воды, так как кочевники, по всей вероятности, не считали бы нужным бояться и избегать появления отряда[2].

По всем вышесказанным соображениям, я и считаю, что к числу причин, косвенно обусловивших неудачу последнего похода Красноводского отряда, нужно прибавить и две, только что повергнутые на воззрение Вашего императорского высочества, именно: а) доведенную до крайности и обратившуюся в ущерб государственным интересам заботу начальника Красноводского отряда о достижении экономии и б) враждебные отношения к нам кочевого населения Туркменских степей.

Первая из этих причин имела между прочим значение в важнейшем вопросе заготовления водяной посуды[3], так как по-видимому, только благодаря ей, как Вашему императорскому высочеству уже известно, не мог состояться предполагавшийся заказ бурдюков для казачьих сотен.

---

[1] На полях помета: «Если бы его пр[евосходительст]во, хотя сколько-нибудь был знаком с нравами туркмен, обошелся бы и без обвинений» (той же рукой).

[2] На полях помета: «Нужно полагать тем более, что в Бакинской губерн это так» (той же рукой).

[3] Так в тексте.

Затем к числу обстоятельств, осложнявших положение отряда, нужно присоединить еще относительную недостаточность продовольственных запасов и неудовлетворительность перевозочных средств...[1].

Генерал-майор[2].

ЦГИА Груз.ССР, ф. 5, д. 3096, лл. 67—72. Подлинник.

№ 41

Из рапорта командующего войсками хивинской экспедиции военному министру об организации управления хивинским ханством, отношений его населения к русским и мерах разрешения туркменского вопроса в Хиве

29 июня 1873 г.

...Третий стоящий на очереди вопрос — туркменский, или тесно связанный с ним вопрос о взыскании с них части контрибуций, пока не тронут и на обсуждение Совета управления мною еще не предлагался.

Как изволите Ваше высокопревосходительство усмотреть из всеподданнейшей записки моей, копию с которой я имел честь представить при письме от 16 сего июня, из 2-х миллионов контрибуции я полагал бы известную часть взыскать те-

---

[1] Далее следует не представляющее интереса рассуждения о том, как бы отразилось на действиях отряда надлежащее его обеспечение продовольствием и заверения о том, что чины «предводимой вами армии и в настоящем, хотя не успешном, но трудном походе показали себя вполне достойными старых славных ея преданий», против которой—помета: «Это меня особенно радует».

[2] Расшифровать фамилию автора не удалось. При редактировании книги А. Каррыева и А. Рослякова «Краткий очерк истории Туркменистана» (Ашхабад 1956 г., стр. 41) эта подпись нами предположительно была расшифрована как Тарасов. Однако в списках войск Кавказского военного округа рассматриваемого периода генерала Тарасова не было; известно лишь, что доклад написан в Баку.

[3] Начало документа, посвященное описанию санитарного состояния войск хивинской экспедиции в тяжелых климатических условиях ханства, рассуждением о личности хана, деятельности дивана, «в котором заседают три члена от туземцев и четверо назначенных мною русских чинов», мерам по обеспечению **войск продовольствием, а** также об иранцах-рабах (о них см. также ЦГВИА, ф. 1393, оп. 1, д. 25, лл. 1 об, 19—22 и ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 553, лл. 19—25; д. 490, лл. 7—12; д. 194, лл. 2—3 и др.), не публикуется. Интересно лишь свидетельство, что «между населением ханства полное спокойствие; оседлое население относится к нам с доверием; кочевники-туркмены ведут себя сдержанно, но особого доверия к нам между ними не заметно; «что среди жителей некоторых местностей и городов, населенных торговыми людьми, заметно не только полное доверие, но и уважение и особая приветливость к нам».

перь же с туркмен. Чтобы точно и верно определить какую именно сумму можно и должно на них наложить, необходимо было предварительно собрать сведения о числе кибиток туркмен Хивинского ханства вообще и по родам отдельно*. Часть собирается, и затем, когда пополнятся данные о кочевьях туркмен, о числе их кибиток и когда на основании этих сведений можно будет уже выяснить себе цифру денежного взыскания, которое следует наложить на иомудов, чаудоров, чекменов, имрэли и на прочие туркменские роды, когда вместе с тем окончится пополнение 12-дневного запаса сухарей в войсках Туркестанского и Кавказского отрядов, тогда я полагаю объявить от имени хана, через Совет Управления о том, чтобы отдельные роды туркмен внесли каждый определенную с них денежную плату, а для поддержания такого нашего требования я полагал выслать в среду туркменских кочевьев с одной стороны от Хивы кавалерию Кавказского и Туркестанского отрядов (3 кавказских сотни и 6 туркестанских) при 8 ракетных станках, поддержанную 6 или 8 ротами при 8 орудиях от Туркестанского отряда; с другой стороны — от Куня-Ургенча в полном составе Оренбургский отряд (5 сотен и 7 рот, при 8 орудиях). Отчасти с этой целью, а также для собрания сведений на месте о кочевьях туркмен, равно как и для разных научных исследований по географии, статистике, этнографии и для топографических работ, я командировал из лагеря под Хивою к Куня-Ургенчу Оренбургский отряд и при нем для вышеуказанных работ нескольких из состоящих при мне лиц**, командированного по высочайшему повелению Генерального штаба полковника Глуховского и съемочные партии. Оренбургский отряд выступил сюда 19 июня и к 23 числу, как доносит полковник Саранычев, благополучно прибыл в Ташкент...[1].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 193, лл. 42—50. Копия, рукопись.

---

* Сведения эти были собраны во время следования Оренбургского отряда от Ходжейли к Хиве Генер. штаба капитаном Ивановым и представлены им г.-л. Веревкину, который увез бесследно с собою в Уральск, не представив мне даже копий с них.

** Генерального штаба полковник Жилинский, подполковник барон Кауль барс, колдеж. ассесор Кун, магистр зоологии Багданов и ботаник Краузе.

[1] Далее следует не представляющее интереса перечисление распоряжений по топографическому изучению Хивинского ханства и военно-административных пометок.

№ 42

Письмо начальника Туркестанского отряда туркменским старшинам об обложении их контрибуцией

13 июля 1873 г.

На письмо Ваше, писанное к генерал-губернатору и привезенное ко мне Куккузом, уведомляю Вас, что Вы должны непременно внести первые 100 тыс. рублей ко мне во вторник; ежели я узнаю, что Вы с сегодняшнего дня не начнете сбора денег и иомудские старшины не явятся ко мне завтра должно о начале сбора денег, то я поступлю с иомудами, как с ослушниками приказания генерал-губернатора.

Письмо Ваше я отправляю сегодня к генерал-губернатору и ответ его сообщу Вам.

До меня доходят жалобы, что туркмены делают разбой по узбекским полям; прошу старшин внушить народу, что за всякое злодеяние придется им отвечать.

Начальник Туркестанского отряда генерал-майор Головачев.

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 29, лл. 33—33 об. Копия заверенная.

№ 43

Рапорт начальника Туркестанского отряда командующему войсками, действующими против Хивы, о столкновении отряда с туркменами

14 июля 1873 г.

Вчерашнего числа в 3 часа пополудни я получил донесение с пикетов, что с правой стороны лагеря появилась значительная партия туркмен. Предполагая, что туркмены намерены произвести нападение на лагерь и желая предупредить его, я немедленно командировал две роты 3 стрелкового батальона, две роты 8 линейного батальона, взвод скорострельных пушек вперед, — в правую сторону лагеря под начальством полковника Новомлинского, дабы он, расположившись в боевом порядке в удобном для того месте, принял на себя и отразил нападение.

Выбор места и расположение названных частей я поручил начальнику отрядного штаба подполковнику Фриде. Только

что отряд стал располагаться в боевом порядке на первой сухой канаве, как туркмены появились в больших массах сначала впереди лагеря, а потом с правой и с левой стороны его, о чем подполковник Фриде тотчас же прислал ко мне донести поручика Рыбушкина. Приказав войскам в лагере встать в ружье по тревоге, я выдвинул в левую сторону лагеря 6 сотен кавалерии с ракетной батареей, приказав им двинуться вперед уступами подивизионно с правого фланга; сам же выехал к отряду полковника Новомлинского, поручив командование оставшимися в лагере войсками в составе 4 рот пехоты, 2 сотен и 8 орудий* полковнику Оменьяновичу.

Между тем, туркмены, как только появились впереди лагеря, тотчас же бросились в атаку на отряд полковника Новомлинского и пошли в обход северной и южной стороны лагеря. Фронтальная атака туркмен была отбита с большим для них уроном огнем стрелков 3 стрелкового батальона, людей 8 линейного батальона и выстрелами скорострельных пушек.

Неприятель, бросившись в обход правой стороны лагеря, скрываясь в прилежащих садах, стремительно бросился из таковых на последних (задних) верблюдов, которых в это время убирали в лагерь и, не взирая на меткий огонь роты 2 стрелкового батальона и прикрытия верблюдов, успел порубить двух верблюдов купца Громова, одного отрядного штаба и захватить верблюдов подполковника Ширкова, поручика Янушева и 3 купца Громова, итого 5. Туркмены дорого поплатились за это нападение; не выдержав огня 2 стрелкового батальона и людей прикрытия, они бросились бежать назад, но тут были встречены на пути огнем стрелков 2 роты 3 стрелкового батальона, так как полковник Новомлинский, заметив движение туркмен в правую сторону лагеря, перевел эту роту к стенке и далее—в сады по пути отступления туркмен. Последние потеряли много убитыми и ранеными, а также захваченных ими верблюдов подполковника Ширкова, поручика Янушева и купца Громова; впрочем часть верблюдов этих была приведена в лагерь сильно ранеными, а остальные убиты.

Нападение туркмен на левую сторону лагеря повлекло за собой следующий печальный случай. Наш казачий пикет, высланный от 1 Уральской сотни и стоявший с этой стороны лагеря, шагах в 800 от него, заметил вдали в песках появление туркмен, стал отступать на лагерь, отстреливаясь. Прапорщик Каменецкий, бывший в этот день дежурным по кавалерии, только что перед этим выехал проверять посты и как

* Две роты 2 стрелкового батальона, 2 роты 4 стрелкового батальона, дивизион конной батареи, 2 дивизион 2 батареи и 8 и 12 оренбургские сотни.

раз направился к означенному пикету; встретив последний, он вместо того, чтобы приказать продолжать отступление, повернул его назад и, выхватив шашку, бросился на бывшую впереди небольшую кучку туркмен, но внезапно наткнулся на партию, по крайней мере, в 100 человек, которая была скрытно расположена в овраге.

Как в лагере, так и в отряде полковника Новомлинского, тотчас же заметили это нападение пикета. Из лагеря немедленно была выдвинута в карьер полусотня под начальством сотника Лобова и полувзвод стрелков 4 стрелкового батальона, а из отряда полковника Новомлинского бегом бросился вперед полувзвод 4 роты 3 стрелкового батальона, но, к несчастью, по дальности расстояния люди эти опоздали: они только подобрали тела убитых прапорщика Каменецкого, 3 казаков и 1 Уральской сотни, 1 казака 3 Уральской сотни, а также тяжело раненого казака 1 Уральской сотни.

Туркмены же, видя наступление всей нашей кавалерии и преследуемые огнем высланных пехотных частей, поспешно отступали к товарищам, нападавшим с фронта. Во время вышеозначенных нападений на правую и левую стороны лагеря туркмены неоднократно возобновляли свои атаки на роты полковника Новомлинского, но все их попытки были тщетны и они каждый раз отбрасывались с большим уроном. Между тем кавалерия наша, двигаясь, как я уже докладывал, уступами вперед и поражая неприятеля огнем ракет, чрезвычайно метко и успешно действовав огнем, подошла к пехотным частям полковника Новомлинского. Туркмены стали отступать, — тогда я двинул всю кавалерию вперед и в поддержку ей направил роты полковника Новомлинского и скорострельные орудия, отослав, впрочем, 1 роту 8 батальона обратно в лагерь. Преследование продолжалось на расстоянии 3 1/2 верст. Валявшиеся на дороге трупы людей, которые туркмены, несмотря на обычай, не успели подобрать, убитые и раненые лошади свидетельствовали о большой потере, которую они понесли, и о поспешном их бегстве.

К 7 часам вечера я возвратился со всеми войсками в лагерь. В пехоте и артиллерии потерь нет; в кавалерии же, как я доносил выше, убиты: 1 офицер, 4 казака и 1 казак тяжело ранен и [убита] одна лошадь в 5 Семиреченской сотне.

Число нападавших туркмен, по крайней мере, было до 3 тысяч человек.

Донося о вышеизложенном Вашему превосходительству, я считаю долгом свидетельствовать об особых распорядительности и отличии, оказанных полковником Новомлинским и Блоком, подполковниками Фриде и Гловацким, командовавшим дивизионом его императорского высочества герцога Лейхтенбергского, и командующим Сунженской сотней сот-

ником Афанасьевым и покорно просил бы о назначении знаков отличия военного ордена в части, бывшие в бою.

Имея в виду действия туркмен, явно нам враждебные, я полагаю, что они заслуживают совершенного истребления, для чего считаю необходимыми совокупные действия обоих отрядов: Оренбургского и Туркестанского, потому сегодняшний день я остаюсь на месте, завтра же, 15 июня, в полночь предполагаю выступить с 6 ротами и всеми орудиями, кроме скорострельных пушек, — (одна из них испортилась) и всею кавалерией для истребления туркмен, так как к этому времени Оренбургский отряд, вероятно, подойдет со стороны Ургенча. О прибытии вверенного мне отряда в Чандыр и о нападении на меня вчерашнего числа туркмен, я вчера уже сообщил полковнику Саратову.

Начальник отряда генерал-майор Головачев.

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 29, лл. 38—39 об. Подлинник рукописный.

№ 44

Рапорт начальника Туркестанского отряда командующему войсками, действующими против Хивы, о столкновении с туркменами

15 июля 1873 г.

Согласно донесений моего от 14 числа сего месяца, я выступил сего числа к кочевке иомудов по направлению к Кизыл-Такыру, но на рассвете, а не ночью, как я предполагал, потому что к 10 часу ночи было произведено нападение на один из пикетов цепи, а подполковник Омельянович и майор Дрешеров, которым было поручено наблюдать за тем — нет ли в окрестностях лагеря туркмен, доложили мне в 1 часу ночи, что вблизи лагеря, в недалеком расстоянии от передовых постов, слышно было фырканье лошадей, а иногда появлялись огни.

Часть ночи была употреблена на устройство вагенбурга, в котором я оставил 2 роты 4 стрелкового батальона, 2 стальных нарезных орудия и 2 скорострельные пушки. Лишь только войска начали выдвигаться и 4 сотни, и ракетная команда успели выйти из лагеря, туркмены гиком возвестили о намерении сделать нападение и, лишь только выведенные сотни стали в боевой порядок, стремительно бросились на казаков, на лагерное место и на вагенбург. Я в это время находился у вагенбурга и повел две роты 2 стрелкового батальона к вышедшим из лагеря казакам. Роты эти подошли в момент нападения и меткими выстрелами и штыками отбили неприятельскую атаку, причем нанесли ему громадную потерю. Находясь при этих ротах, я был легко ранен саблею в руку. Вслед за сим и остальные войска заняли свои места в боевом порядке, в том числе и 3-й стрелковый батальон, который отбил дерзкую со стороны туркмен атаку, причем несколько иомудов было исколото штыками в самих рядах роты и один солдат этого батальона был проколот пикой.

Артиллерия картечным огнем нанесла огромную потерю неприятелю, который был отбит на всех пунктах с потерею убитыми до 600 человек.

Во время этого горячего боя убиты: подполковник Есипов пулею навылет и нижних чинов трое; ранены: полковник Мейер, подполковник Фриде, капитан Маев и сотник Иванов — все сабельными ударами легко, все они остались при своих обязанностях, кроме полковника Мейера, который остался в вагенбурге. Нижних чинов ранено 25 чел.

Считаю долгом засвидетельствовать, что вверенные Вашему превосходительству войска Туркестанского отряда как начальники, так и нижние чины, вели себя с примерным мужеством.

Без преувеличения можно полагать, что нападение было произведено числом до 10 тыс. человек*. Так как[1] здоровье мое позволяло мне продолжать командование войсками, то согласно предположения, я через полтора часа, которые нужны были для пополнения снарядами и патронами и уборки раненых, выступил через Ильялы по направлению к Кизыл-Такыру и дошел до арыка Анна Мурад-бая.

Начиная от места вступления в землю туркмен, я двигался с боем и нигде не встречал иомудских кочевок. Подходя к

---

* По показаниям персиян, в нападении участвовала 1/2 всех наличных туркмен, сосредоточившихся в лагерях по арыкам. А там собраны почти все роды туркмен. В деле участвовало 6 тыс. конных и 4 тыс. пеших туркмен.

[1] Интересно отметить, что командир 4 Туркестанского стрелкового батальона подполковник Омельянович в рапорте командующему войсками Хивинской экспедиции от 14 июля 1873 г., «развивая» своего начальника, отмечал, что отряд имел дело «с десятками тысяч» туркмен (ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. штаб ТуркВО, оп. 1, д. 29, лл. 57 — 58 об.). Не публикуя этот документ, отметим констатируемый в нем факт, что прибывший в лагерь «аксакал с тремя жителями гор. Ильялы» сообщил, что «отряды Туркестанский и Оренбургский объединились, что туркмены разбиты нашими отрядами и, употребив последние усилия, чтобы разбить наши войска разбежались в разные стороны, захватив все с собой, что было для них более ценно. Мимо нас к Змукширу прошло их немало. Весьма много вероятия, что нападавшие были знакомы с нашим лагерем и имели в виду генерала...».

арыку Анна Мурад-бай, я нашел необходимым дать отдых войскам. Когда войска остановились на привал, то я заметил, что иомуды массами направлялись в левую сторону дороги, как бы успокаиваясь насчет цели моего движения к их кочевкам.

Во время следования я не имел у кого справиться относительно расположений места кочевок иомудов, так как все проводники во время нападения туркмен убежали и только после полуторачасового пребывания на привале я отыскал в отряде хивинского пленного грузина, только что возвратившегося из иомудских кочевок. От грузина я узнал, что туркмены находятся на низовьях Анна Мурад-бая и Куляны и что для достижения этого места надобно было возвращаться около 3-х верст по пройденному уже пути и еще идти до 5 верст в сторону от дороги. А так как путь этот пришлось бы пройти с боем, то я нашел, что уже было поздно и что не успел бы окончить все дело до темноты, а потому, выбрав позицию, я расположился здесь на ночлег.

Сейчас я получил извещение от полковника Саранычева о прибытии его сегодня на Кизыл-Такыр, верстах в 6-ти от моего расположения. В отзыве своем полковник Саранычев просит моего указания, как бы он мог оказать мне помощь при дальнейших моих действиях против туркмен. Вследствие этого, я вместе с сим пишу ему, что я полагал бы полезным присоединение его отряда ко мне. Тем не менее, не ожидая его прибытия, я полагаю завтра утром выступить к месту расположения собранных туркмен. Так как правая моя рука забинтована, то донесение это я поручаю подписать подполковнику Фриде.

Подробное донесение будет представлено вслед за сим.

Начальник штаба Генерального штаба
подполковник Фриде

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 29, лл. 44—46. Подлинник рукописный.

№ 45

Из предписания командующего войсками Хивинской экспедиции начальника Оренбургского и Туркестанского отрядов об обложении туркмен контрибуцией и порядке ее взимания

21 июля 1873 г.

Я наложил контрибуцию на туркмен в следующем размере:

На род имрали, считая их 2500 кибиток по 15 тилль — 37500 тилль

„	чаудоров	„ 3500	„ по 15 „	— 52500
„	карадашлы	„ 1500	„ „ 20 „	— 30000
„	алиэли	„ 1500	„ „ 15 „	— 22500
„	гёкленов			

Итого: 172500 тилль или 310500 рублей[1]

Половину контрибуций я разрешаю туркменам внести деньгами, другую половину — верблюдами. В сем случае контрибуция выразится в цифрах:

86250 тилль или 155250 руб.+3881 верблюдов.

В счет денег можно принимать серебро и золото, 4 руб. 40 коп. за золотник. Верблюдов принимать только здоровых, зрелых, не иначе как с чомами или седлами. За верблюдов рассчитывать 40 руб. за каждого.

Срок уплаты я назначаю следующий: первая половина контрибуций должна быть внесена в шесть дней с 22-го сего июля, т. е. в пятницу 25 числа. Другая половина в следующие за тем шесть дней, т. е. окончательный срок уплаты всей контрибуции должен быть 2-го будущего августа[2]. Деньги, металл и верблюдов дозволяется представлять ежедневно. На верблюдов тотчас же по приеме их должно накладываться на щеке тавро Т. Для приема контрибуций в отрядах должны быть сформированы приемные комиссии. Туркмены вносят контрибуции или в Оренбургский, или в Туркменский отряды, по их желанию...[3].

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 26, лл. 11—11 об, 18—18 об.

[1] В своем отношении министру финансов от 15 апреля 1874 г. командующий войсками Туркестанского военного округа размер положенный им на туркмен пений определял в 610.500 руб. (ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. штаб ТуркВО, оп. 1, д. 26, лл. 177—178 об.).

[2] Небезынтересно отметить, что установленные сроки не учитывали ни размер пений, ни положения туркмен, и неудивительно, что к 15 апреля 1874 г. с них было собрано всего на 72 тыс. 588 руб. пении. Впрочем, некоторые чиновники (см. ниже), равно как и сам Кауфман, видели, что туркмены не в силах внести пений в полном размере и в срок. Так, касаясь того, что срок взноса пений «уже давно прошел и не было никакой возможности настаивать на окончательной уплате туркменами всей пении», в своем отношении министру финансов Кауфман писал, что он «и теперь (15 апреля 1874 г.—Г. А.) не уверен, что они заплатят ее всю» и что, видимо, придется сложить остатки». Но вместе с тем он отмечал, что этого делать он не хочет из тех соображений, чтобы «сохранить право свое на увеличение пений, на сокращение и продление срока уплаты таковой, как средство умиротворять туркмен теми или иными способами» (ЦГВИА, ф. 1393, Полев. поход. штаб ТуркВО, оп. 1, д. 26, лл. 177—178-об).

[3] Далее следует не представляющая интереса детализация порядка взимания и оформления полученной контрибуции.

№ 46

Из распоряжения начальника полевого штаба Хивинской экспедиции командиру 4-го Туркестанского линейного батальона полковнику Чайковскому об обложении туркмен контрибуцией, посылке против них карательного отряда и столкновениях его с туркменами.

22 июля 1873 г.

По поручению командующего войсками для сведения Вашего высокоблагородия имею честь сообщить Вам о положении дел в ханстве следующее: командующий войсками определил взыскать контрибуцию с туркмен в 600 тыс. рублей. Половину из этого числа 300 тыс. руб. должны были уплатить туркмены рода иомудов, кочевья которых расположены по Хазаватскому каналу от Хазавата до Змукширы, другую половину — остальные роды туркмен: карадашлы, имрэли, чаудоры, алиэли, гёклены и караджингельды.

Объявлена контрибуция сперва была только одним иомудам 6 июля.

Для наблюдения за сбором контрибуции с иомудов командующий войсками изволил командировать из Хивы 7 июля к г. Хазавату отряд, в составе 8 рот*, 10 орудий** (в том числе две картечницы), 8 сотен кавалерии*** и ракетной батареи под начальством генерал-майора Головачева. На другой же день по прибытии к г. Хазавату генерал-майор Головачев получил сведение, что иомуды не только уклоняются от уплаты контрибуции, а подымаются с своих кочевьев и собираются или откочевать, или дать нашему отряду вооруженный отпор. На неоднократно повторенные генерал-майором Головачевым предложения выполнить требование командующего войсками, иомуды дали уклончивые ответы, а вместе с тем продолжали собираться и вооружаться.

Тогда наш отряд, во исполнение предписания командующего войсками, двинулся от г. Хазавата вниз по левому берегу Хазаватского канала в направлении к Змукширу для наказания иомудов. Дома их, имущество, хлеб и прочие запасы, — все было предано пламени, а в настигнутом нашей кавалерией, под начальством полковника Блока, караване откочевывавших отделений иомудов много людей было перебито и потоплено в озерах, у которых наши казаки нагнали караван.

* Роты 2 стрелкового батальона, 2 роты 4 стрелкового батальона, 2 роты 8 линейного батальона и 2 роты 3 стрелкового батальона.

** 4 конных, 4 стальных орудий.

*** 6 сотен кавалерии Туркестанского и 2 сотни Кавказского отрядов.

Тем не менее, большая часть иомудов успела спастись от нашего отряда и с семьями, скотом и имуществом перешла к своим сородичам, туркменам же, кочевья которых расположены около Ильялы по Шах-Абадскому каналу. Здесь иомуды успели убедить прочие роды и преимущественно имрэли и карадашлы принять участие в общем деле и вооружиться против нашего отряда...[1].

Начальник штаба свиты его величества Генерального штаба генерал-майор Трощкий.

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 29, лл. 70—74 об. Копия заверенная.

№ 47

Рапорт командующего войсками Хивинской экспедиции о положении туркмен в Хивинском ханстве, обложении их контрибуцией и их сопротивлении.

25 июля 1873 г.

Ближе, подробнее ознакомясь с положением дел в ханстве, я пришел к убеждению, что для того, чтобы поставить ханское правительство в возможность исполнять в будущем наши требования и подчиниться условиям мирного договора, которые вскоре я имею в виду предложить хану, — необходимо изменить те отношения, которые установились и существуют здесь между туркменами и правительством хивинского хана. Теперь уже очевидно, что власть хана над туркменами, живущими на Хивинском оазисе, была только номинальная и, наоборот, эти последние пользовались авторитетом хана исключительно для своих выгод и своих целей.

Не хан властвовал и распоряжался в среде туркмен-полукочевников, а они держали его постоянно в своих руках. Сильное количеством, в числе до 50 тыс. кибиток, население туркмен представляет собой грозный для хивинского правительства элемент еще более тем, что племя это весьма воинственное и до крайности своевольное и разбойническое; оно может выставить по одному человеку с кибитки до 30 тыс.

[1] Далее следует описание столкновения царских войск с туркменами 13 и 15 июля у Чандыря; как новое, сообщается лишь, что при преследовании кавалерией 17 июля около Кок-тохума войска отбили у туркмен «до 6 тыс. голов разного скота и большое число арб с имуществом туркмен, последнее сожжено на месте» (об этом см. док. 47).

вооруженных воинов, чрезвычайно смелых, дерзких, хищнических, на прекрасных, быстрых выносливых лошадях.

Управляемые в своей среде на общинном начале туркмены не привыкли и совершенно не подчиняются никакому авторитету власти и не исполняют никаких требований хана и его правительства. Не внося в ханскую казну никаких податей, туркмены номинально только обязаны перед ханским правительством выставкой для защиты территории ханства определенного числа воинов. Они выполняли и эту повинность не так, как приказывал им хан, а как они находили это для себя более удобным; число воинов ими выставлялось не то, которое было указываемо ханом, а в мере возможности и по их собственному усмотрению...[1].

Даже занятие правого берега Аму-Дарьи, о котором я имел честь представить Вашему высокопревосходительству, если таковое будет одобрено его величеством, не представляет в данном случае достаточной гарантии к изменению указанного выше существующего в ханстве [не]нормального порядка отношений хана к подвластному ему населению.

Хан при всем его искреннем желании, в чем почти можно уже теперь не сомневаться, выполнять наши требования, — не в состоянии будет этого сделать. Туркмены не дадут ему возможности, не позволят подчиниться условиям нашего мирного тракта с ханом.

Одно только средство могло бы быть в этом случае действительным — оставить в разных пунктах Хивинского оазиса наши сильные гарнизоны; но таковая мера не соответствует сделанным мне его величеством указаниям.

Ввиду всего изложенного, я остановлюсь на мысли, что мы, пользуясь настоящим пребыванием наших войск в ханстве, можем до некоторой степени изменить указанный выше порядок вещей, ослабив туркмен материально и нравственно, сломив их кичливость и необузданность. В этих видах я и определил взыскать с туркмен пеню и начать ее сбор с более многочисленного, сильного и беспокойного рода туркмен — иомудов байрам-шалы. Я назначил с них пеню в 300 тыс. руб., цифра которая могла быть ими уплачена, так как по расчету 15 тыс. кибиток иомудов, с каждой кибитки приходилось внести нам всего 20 рублей.

Для объявления о наложении этой пени, определения условий взноса денег и срока уплаты я еще в конце прошлого

[1] Далее следуют обычные для царских чиновников разглагольствования о «разбойничьих наклонностях» туркмен с обязательным выводом о том, что «позволить господствовать таким образом и распоряжаться в ханстве и на будущее время этому необузданному племени никоим образом не может входить в программу наших действий по отношению к Хиве».

июня потребовал к себе в Хиву старшин отделений иомудов. Только к 5 июля и то далеко не все собрались ко мне старшины: это может служить новым доказательством того, до какой степени туркменам страшно и не понятно повиновение и исполнение чьих бы то ни было требований и приказаний.

На заявление мое о контрибуции явившиеся старшины объявили, после некоторого колебания при мне же, что такая будет уплачена. Тогда я отпустил домой пятерых старшин, по одному от каждого отделения*, приказав им объявить народу мое решение и распорядиться сбором денег. Остальных старшин, в числе 12 человек, я оставил заложниками в лагере наших войск с тем, что если я получу сведения, что иомуды начинают уплачивать пеню, то я их тотчас же отпущу по домам...[1].

Как только туркмены открыли враждебные действия против отряда генерал-майора Головачева, шайки их показались на путях к Хиве и прервали на время сообщение с отрядами Туркменским и Оренбургским.

Не получая в продолжении трех суток, с 9-го по 14-е число, никаких известий от генерал-майора Головачева и предполагая, что он двинулся вперед, я решился предпринять движение на театр действий и к вечеру 15 июля выступил из Хивы с отрядом в составе 10 рот, 8 орудий и моей конвойной сотни. К этому я побуждался еще и тем, что до меня дошли темные слухи о том, что все туркмены, не одни иомуды, собираются на Кизыл-Такыр, что впоследствии оправдалось, и мне стало ясно, что прибытие мое на место может окончательно решить столь озадачивающий меня туркменский вопрос в ханстве или смирением туркмен, или совершенным их уничтожением. В Хиве при наших интендантских складах, разных запасах и при лазарете остались 6 рот, 2 орудия, 1/2 сотни казаков и команды хлебопеков, сапожников и других чинов от всех частей, ушедших в поход. Войска эти под начальством подполковника Буемского расположены под Хивой, в ограде сада бывшего лагеря Туркестанского отряда.

Я следовал за отрядом на Хазават и оттуда к Змукширу

* Туркмены-иомуды, живущие в Хивинском оазисе, разделяются на две группы. Одни называются байрам-шалы, они имеют свои поселения по Хазаватскому каналу, по обеим его сторонам, вниз по каналу, начиная от г. Хазавата до Змукшира. Байрам-шалы разделяются на пять отделений: салак, кожук, урускущи, уныд и ушак. Другая группа — карачоха живет в окрестностях Куня-Ургенча; эти последние более смирные, тогда как байрам-шалы считаются самыми воинственными и самыми злыми.

[1] Далее следует описание уже известных столкновений между иомудами и царскими войсками у Чандыря и диферамбы по поводу «военных способностей, мужества, спокойствия и хладнокровия» карателя — генерала Головачева.

по кочевьям иомудов, но не той дорогой, которой шел отряд генерал-майора Головачева, а по пути, пролегающему по правому берегу Хазаватского канала. Поселения иомудов в этих местах превосходные; они представляют такие же тщательно обработанные богатые пашни, сады и поля, как и между узбекскими и прочим оседлым поселением ханства.

Все это мы нашли брошенным, поля неубранными; в домах и саклях — повсюду видны были следы поспешного оставления иомудами своих жилищ. Из Змукшира утром 19 июля я прибыл в Ильялы, где и нашел оба отряда, Туркестанский и Оренбургский, расположенными верстах в двух один от другого по обе стороны р. Ильялы.

Погром, произведенный нашими войсками между иомудами, весьма значителен. Они потеряли много убитыми, ранеными; скота отбито у них до 9 тыс. голов; жилища, хлеб, разные запасы по пути движения отряда генерал-майора Головачева от Хазавата до Змукшира — все предано пламени; разновременно войсками уничтожено и сожжено до 3 тыс. арб с имуществом иомудов.

Ослабленные материально и пораженные нравственно иомуды разбрелись в разные стороны; но куда именно — сведения до сих пор мною имеемые крайне сбивчивы и разноречивы. 22 и 23 июля, однако, ко мне начали являться уже депутации по несколько человек от трех отделений иомудов: ушак, салах и урускущи с просьбами о пощаде и о разрешении им вернуться и сесть на свои места, так как укрывательство их от наших войск в безводных песках может повести к окончательной их гибели и к утрате уцелевшего и оставшегося еще при них скота. Я объявил депутатам, что они могут селиться на своих прежних местах. Если они действительно возвратятся, то я предполагаю во всяком случае взыскать с них еще, хотя часть пени, сообразно со средствами, какие по дознанию у них еще останутся...[1].

Чтобы завершить туркменский вопрос в ханстве, я собрал 21 июля в лагере под г. Ильялы старшин остальных родов туркмен:* чаудоров, имрэли, карадашлы, алиэли, гёкленов и кара джиланды** и объявил им, что я требую с них уплаты в 12-ти дневный срок пени в размере 310 тыс. рублей. Половину этой суммы, имея в виду, что наличных денег у туркмен

[1] Далее следует свидетельство, что хан направил Кауфману письмо, в котором поздравлял его «с поражением иомудов» и заявлял, «что теперь не скоро они оправятся» от учиненного над ними погрома».

* Все они по прибытию моем в Ильялы разошлись по своим местам жительства.

** Иомуды: кара-чоха, живущие за Куня-Ургенчем, не участвовали в общем вооружении туркмен и потому освобождены мною от уплаты пени.

очень мало, я предложил им вносить деньгами, половину, если желают,— верблюдами. Старшины обещали мне, что пеня будет уплачена. Для наблюдения за сбором ее я с войсками Туркестанского и части Кавказского отряда остаюсь пока в лагере у Ильялы; Оренбургский же отряд мною передвинут от Ильялы к Кизыл-Такыру, около которого сосредоточены кочевья чаудоров, гёкленов и алиэли; вокруг же Ильялы расположены кочевья имрэли и карадашлы. Есть некоторое основание рассчитывать, что ввиду общего их поражения и в особенности наказания, понесенного иомудами, остальные роды туркмен исполнят мое требование и внесут пеню; сегодня третий день определенного им 12-ти дневного срока; все роды приступили ко внесению пени, — и вчера по донесению полковника Саранычева к нему доставлено было от ближайших родов до 5 тыс. тилль или 9 тыс. рублей.

Командующий войсками генерал-адъютант фон-Кауфман.

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 29, лл. 85—94 об. Подлинник, черновик.

№ 48

Рапорт начальника экспедиционного отряда Оренбургского военного округа командующему войсками Хивинской экспедиции о необходимости облегчить условия взыскания с туркменских племен контрибуции

25 июля 1873 г.

Имею честь представить при сем ведомость о сборе контрибуции за 25 июля. Нынешнего числа сбор идет успешно с раннего утра, и есть надежда принять не менее 10000 руб. сер.

Несмотря на успешный сравнительно сбор, нельзя не придти к заключению, что к истекающему завтрашнего числа срока для уплаты первой половины контрибуции не будет внесено и четвертой ее части. Видеть в этом желание туркмен уклониться от уплаты я не вижу ни малейшей возможности: они усердствуют самым очевидным образом, — приносят женские уборы, серебряные украшения с оружья и сбруи, ковры[1], пригоняют на продажу скот, даже собак, сдают, к

[1] Еще в рапорте Кауфману от 24 июля 1873 г., отмечая, что туркмены пригоняют в счет контрибуции лошадей, сдают ковры; автор документа писал, что у них нет «наличности для уплаты налога и я начинаю опасаться удастся ли нам [собрать] потребное количество денег и не окажется ли необходимым принимать в конце концов ковры, лошадей и скот в уплату налога» (там же, лл. 19—20 об).

очевидной для себя невыгоды, верблюжьих самок от детей, словом, отдают все, что у них есть. Очевидно, платить им нечем, а что и есть, то собирается с большими затруднениями по отсутствию между ними всякого порядка. Особенно затруднительна уплата для чаудоров, сравнительно очень бедных, и для имрэлинцев, которых, как оказывается, осталось гораздо меньше предложенной цифры 2 1/2 тыс.

Ввиду этого возникает вопрос — как поступить с туркменами в том вероятном случае, если уплата не будет окончена к назначенному сроку, а между тем очевидного уклонения от оной замечено не будет. Предавать их за это истреблению и разорению, кроме нарушения законов человеколюбия, невозможности отличить правых от виноватых и неизбежной деморализации войск, смею думать, было бы совершенно бесполезно, так как в результате в руках отрядов оказалась лишь масса скота, который за невозможностью сбыта, обречен бы был на неминуемую гибель при обратном походе. Кроме того, это повело бы к возбуждению в туркменах ненависти к русскому имени, а в конечном результате имело бы возникновение совершенной анархии в ханстве после нашего ухода, так как туркмены, без всякого сомнения, захотели бы вознаградить свои потери на счет узбекского населения и самого хана, признаваемого ими почему-то главным виновником своих бедствий.

Ввиду такого положения дел, беру на себя смелость высказать свой взгляд на невыгоднейшее, по моему крайнему убеждению, решение этого вопроса. Во-первых, ввиду того, что туркмены фактически заявили готовность исполнить распоряжение Вашего превосходительства об уплате контрибуции, я бы полагал справедливым облегчить им взнос оной на сколько возможно, возвысив цену на поставляемых ими верблюдов[1], сложив часть налога с чаудоров и имрэлинцев, как самых беднейших, и продолжив прием контрибуции до выхода войск из ханства с тем, что остальная, неуплаченная ими сумма останется за ними в долгу и должна быть внесена рассрочками начальнику оккупационного отряда. Так как туркмены ознакомились уже с силой русского оружия и убедились в возможности нашего к ним прихода, то я убежден, они уплатят свой долг, по крайней мере, с такой же аккуратностью, как это будет сделано ханским правительством. Кроме того, не разделавшись еще с нами, они не так легко позволят себе насилия против хана, если им это будет запреще-

[1] Отметим кстати, что в своем рапорте командующему экспедицией от 24 июля 1873 г. начальник Оренбургского отряда полковник Саранычев доносил, что большинство сдаваемых туркменами в счет контрибуции верблюдов стоили намного дороже 40 руб (ЦГВИА, ф. 1395, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 26, лл. 19—20 об.).

но. Во-вторых, для того, чтобы облечь в законную форму неминуемое возвращение иомудов в ханство, я бы считал весьма полезным, если бы им теперь же дано было на это разрешение Вашего превосходительства, ввиду понесенного уже ими весьма чувствительного наказания и под условием уплаты впоследствии причитающейся доли контрибуции. Такая мера примирила бы их до некоторой степени с нами, уменьшила бы враждебность их отношений к ханскому правительству и, главное, упростило бы положение отряда, который оставлен будет здесь до окончательного взноса контрибуции, и который, в противном случае, поставлен был бы, по всей вероятности, в необходимость немедленного же после нашего ухода открыть военные действия в защиту хана.

Туркмены, между прочим, обратились ко мне с заявлением, что возможность приобретения денег для них уменьшилась вследствие закрытия базара в г. Ильялы по случаю расположения здесь отряда и в устранение возможности насилия со стороны нижних чинов. Если заявление их справедливо, то не изволите ли Ваше превосходительство признать возможным разрешить открытие базара в Ильялы.

Имею честь просить указания, каким порядком будет произведена сдача денег и верблюдов, принятых во вверенном мне отряде. Я признавал бы наиболее удобным своевременное командирование сюда с приличным конвоем доверенного лица из Туркестанского отряда, так как необходимо, чтобы сдача всего принятого была произведена приемной комиссией, отправление же их с этой целью в Ильялы вызвало бы прекращение приемки на несколько дней.

Нынешнего числа в отряд прибыл совершенно благополучно транспорт с продовольствием под конвоем роты и сотни, высланных к нему навстречу, а также 3 Уральской и 3 Дагестанской сотен, следовавших с ним из Кунграда; последняя будет отправлена в Ильялы одновременно с контрибуцией. По заявлению начальника транспорта, дороги от Кунграда в Куня-Ургенч и Ходжа-Или сильно наводнены, так что часть продовольствия подмочена. Транспорт в дороге сопровождали туркменские старшины (кара-чоха), по распоряжению которых был устранен мост на кан[ал] Шамрат. Во время ночлега на последнем в транспорте произошла тревога, вследствие приближения нескольких вооруженных людей, быть может, местных жителей, показавшихся подозрительными.

Старшины иомудов кара-чоха обратились ко мне с просьбой — не будет ли им разрешено представить Вашему превосходительству в виде подарка нескольких туркменских жеребцов. Так как мне известно желание Вашего превосходительства вывести для завода в Ташкент кровных производи-

телей, то я изъявил им согласие от имени Вашего, и если Ваше превосходительство изволите одобрить мое распоряжение, то жеребцы, по их доставке, будут представлены в Туркестанский отряд.

Начальник отряда Генерального штаба,
полковник Саранычев.

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 26, лл. 32—33 об. Подлинник.

№ 49

Ответ командующего войсками Хивинской экспедиции начальнику Оренбургского отряда о дальнейшем взыскании контрибуции с туркмен[1]

27 июля 1873 г.

Общий взгляд Вашего высокоблагородия на дело о затруднительности взноса туркменами наложенной на них пени в определенный 12-ти дневый срок я разделяю вполне. Такое же впечатление производит на меня то, что могу видеть здесь, как свозят туркмены карадашлы и частно чаудоры свои имущества в отряд, здесь расположенный. Очевидно, что карать их за невзнос всей требуемой суммы в первую половину срока было бы несправедливо, жестоко, а по последствиям, быть может, и вредно. Но уменьшить назначенную мною цифру не могу. И поэтому остается одна возможность облегчить уплату пени, — это раскладке ее на более продолжительный срок. Цену на верблюдов я поднял уже до 50 руб. и более этой цены возвысить не могу. Вместе с сим я рассылаю объявление мое по всем туркменским родам, в котором заявляется, что усмотрев из того, как вносится в приемные комиссии пени, желание туркмен расплатиться, я продолжаю им срок уплаты первой половины контрибуции и меры наказания приму против тех родов, у коих я увижу, что вместо ежедневного взноса до полной расплаты явится уменьшение взноса денег и привод верблюдов. Я выражаю в конце объявления желание, чтобы туркмены не довели меня до необходимости разорить их совершенно и тем сберегли и спасли бы себя от гибели. Шесть экземпляров означенных объявлений на туркменском языке, при сем препровожденных, прошу Ваше превосходительство приказать немедленно разослать во все роды туркмен.

[1] Некоторые данные о ходе сбора контрибуции см. ЦГВИА, ф. 1393 Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 26, лл. 55—56, 68—69 и др.

Я не могу согласиться с мнением Вашим о сложении части налога с чаудоров и имрэлинцев, как самых беднейших, потому, во-первых, что, уменьшив пеню одним, не будет основания отказать сбавить ее для других, а во-вторых, какие мы можем иметь данные для правильного, справедливого определения, на какую именно цифру нужно уменьшить взыскание с чаудоров и какую часть сложить из налога на имрэлинцев.

Я уверен, что подобные исключения для одних возбудит неудовольствие между прочими родами и еще более усложнит дело.

Базар в г. Ильялы никогда не закрывался; заявление Вам об этом туркмен — неверно. Базар по-прежнему открыт и бывает большой, по обыкновению, по понедельникам и пятницам. Временно он был действительно пустой; но это во время военных действий и событий, недавно разыгравшихся в окрестностях Ильялы; теперь, когда все успокоилось, базар принял свой прежний, обычный характер; только нижних чинов из отряда не пускают.

Для приема из вверенного Вам отряда уплаченной туркменами пени, я сделаю своевременно распоряжение о командировании в Кизыл-Такыр с приличным конвоем доверенного от меня лица.

Я совершенно согласен на представление мне старшинами иомудами кара-чоха нескольких туркменских жеребцов, если они хороши, и прошу Вашего высокоблагородия предложить старшинам, по доставке их, направить ко мне в Ильялы[1].

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 26, лл. 44 — 45. Подлинник, рукопись

№ 50

Рапорт полковника Генерального штаба А. Проценко начальнику главного штаба генерал-адъютанту Ф. Л. Гейдену о ненормальности существующего административного деления восточного побережья Каспия и необходимости объединения Красноводска и Мангышлака в один отдел.

18 октября 1873 г.

В рапорте от 18 октября за № 5[2] я имел честь донести Вашему сиятельству о порядке исполнения возложенного на ме

[1] Документ без подписи.
[2] ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, оп. 258/908, 1873 г., д. 13, лл. 17—23.

ия поручения касательно устройства управления на Мангышлаке. При этом я довел до сведения Вашего о тех предположениях, которые возникли при объяснении по этому делу с начальником Дагестанской области генерал-адъютантом князем Меликовым и начальником Мангышлакского отряда генерал-майором Ломакиным.

Главнейшее из них, конечно, заключается в мысли образования из всего Закаспийского края, от Мертвого Култука до Атрека, одного административного района, под названием Закаспийского военного отдела, управление которым как в военном, так и в гражданском отношении, было бы вверено одному лицу.

Мысль эта не принадлежит мне одному. Её высказал и князь Меликов, который мне сообщил, что он имел уже случай доложить великому князю главнокомандующему Кавказской армией о затруднении управлять Мангышлаком из Дагестанской области. Подобное же соображение выражено совершенно независимо и генерал-майором Ломакиным в рапорте его князю Меликову от 19 сентября за № 499. Такое одновременное заявление трех разных лиц, быть может, в состоянии обратить внимание на эту идею.

В самом деле, в настоящее время территория восточного берега Каспийского моря находится в руках двух ведомств: северная половина — Мангышлакский район — заведывается начальником Мангышлакского отряда и состоящего при нем управления; южная половина — Красноводский район — ведается непосредственно штабом Кавказского военного округа, к которому прямо относится начальник Красноводского отряда. В северном районе меры начальства устремлены были к устройству мирными средствами порядка среди мангышлакского населения; в южном же все действия отрядного начальника ограничивались исключительно военными мерами, без особых усилий достигнуть сближения с туземным населением. Оба эти района действовали совершенно независимо. Даже в таком важном случае, как подготовление Хивинской экспедиции, самостоятельность обеих частей сохранялась вполне, и это отразилось невыгодно на снаряжении и действии отрядов со стороны восточного берега Каспийского моря. Быть может, если бы весь этот берег имел одного местного хозяина, то вместо двух отрядов, которые снаряжались в Хиву, сформирован был бы один; снаряжение его было бы произведено с большею легкостью; путь для его движения был бы избран удачнее и так далее. Быть может, много сбереглось бы тогда и денег. Сколько мне известно, полковник Маркозов, между прочим, упрекает мангышлакское начальство за неоказание ему содействия и недоставление его отряду верблюдов; в свою очередь генерал-майор Ломакин ссылается на способ обращения полковника

Маркозова с туземцами и на слишком скупое вознаграждение им поставщиков верблюдов как на причины, оттолкнувшие от нас ордынцев и неблагоприятно действовавшие на успех добычи верблюдов и на Мангышлаке. Подобные пререкания могут повториться и в будущем, если останутся два независимых начальства на восточном берегу Каспийского моря.

Между тем на этом побережье много есть таких вопросов, которые желательно было бы разрешить в одном духе и сообразно общим интересам государства. Так: какой путь избрать для постоянных сношений с азиатскими рынками со стороны Каспийского моря; какие меры принять для охранения этого пути; какой прибрежный пункт сделать главным складочным пунктом для торговли с Средней Азией; наконец, в военном отношении, как подготовить военное содействие со стороны Кавказа операциям в Туркестане на случай каких-либо новых усложнений в Средней Азии[1]. Все это не потребует ли постоянных сношений между местными начальствами на Мангышлаке и в Красноводске. Не произведет ли эта переписка напрасной проволочки времени и не потерпит ли самое дело от такого порядка. Наконец, будет ли удобным сноситься и начальнику Аму-Дарьинского нашего нового округа с двумя независимыми начальниками на восточном берегу Каспийского моря.

По моему крайнему разумению, ныне же настало время поставить Закаспийский край в более определенное административное положение, соединив его управление в одних руках. Это вызывается всем положением дел на восточном берегу Каспийского моря, всеми интересами края и всем предшествовавшим ходом военных и административных мер в этой окраине.

Обширность территории едва ли может служить препятствием осуществлению сего предположения, так как пространство Закаспийского края уступает пространству некоторых степных областей, например, Уральской, и так как сообщение между береговыми главными пунктами края может с удобством совершаться помощью паровых судов общества «Кавказ и Меркурий» и военной Каспийской флотилией.

Самая сущность предположения, составленного по соглашению с генерал-адъютантом князем Меликовым, заключается в следующем:

Закаспийский край образует особый военный отдел, подчиненный непосредственно главнокомандующему Кавказской армией, подобно Сухумскому военному отделу. Местопребывание начальника Закаспийского отдела назначается в Красно-

[1] Некоторые из этих вопросов освещены в неопубликуемой нами, ввиду специального интереса, докладной записке Глуховского об учреждении торговой фактории на левом берегу Аму-Дарьи от 1 августа 1873 г. (ЦГВИА, д. 400, Аз. ч., оп. 258/908, 1873 г., д. 8, лл. 50—55).

водске. Отдел разделяется на два приставства: Мангышлакское и Красноводское. Управление Красноводским районом непосредственно вверяется начальнику отдела. Мангышлакский пристав снабжается особым управлением. Штаты всех управлений проектируются самые ограниченные, так что издержки на администрацию края должны покрыться доходами с одного Мангышлака и отчасти Красноводска[1].

О предположении этом считаю долгом довести до сведения Вашего сиятельства заблаговременно, еще до доклада о нем его императорскому высочеству главнокомандующему Кавказской армией.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга
А. Проценко.

ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, оп. 258/908, 1873 г., д. 13, лл. 24—27

№ 51

Письмо начальника Аму-Дарьинского округа хивинскому хану о представлении ему свободы действий против туркмен

1 января 1874 г.

Мудрое письмо Вашего высокостепенства, посланное с Муртазали-бием, я получил в добрый час и очень был рад, прочитав в нем изложенное. Слова Вашего высокостепенства я сообщу генерал-губернатору и надеюсь, что го высокопревосходительство останется ими доволен.

Ваше высокостепенство спрашиваете моего совета относительно туркмен: сообщая мне, что между туркменами больше дурных, чем хороших людей, и что дурные люди не хотят слушать совета своих старшин, Ваше высокостепенство желаете знать мое мнение, как поступить с этими дурными людьми. Мой совет Вам — дурных людей наказывать: Вы — хан, туркмены — Ваши подданные, Ваши дети; если они не слушают добрых слов, накажите их теми средствами, которыми Вы располагаете. Если прежде при непослушании туркмен Вы не давали им воды, не пускали их на базары, делайте это и теперь; пусть туркмены поймут, что Вы, их законный хан, недовольны ими.

Что касается Ваших слов в письме, что будто бы туркмены думали делать набеги на правый берег реки и беспокоить население великого белого царя, то должен сказать Вашему высокостепенству, что этим поступком туркмены призовут на свою голову ещё большего наказания, чем то, которое им грозит теперь; за несколько своих дурных людей туркмены ответят все без исключения, от них требуется только, чтобы они сами тихо повиновались Вам, уплатили деньги, наложенные на них, возвратили ограбленное у персиян и киргизов; тогда, т. е. если они станут делать набеги на правый берег, белый царь будет смотреть на туркмен, как на разбойников, а с разбойниками у нас разговоры коротки.

Желаю добра туркменам и прошу Ваше высокостепенство объявить мои им последние слова и прислать мне ответ в Нукус, где я в настоящее время нахожусь с отрядом. Для сведения Вашего высокостепенства сообщаю, что на днях ко мне придет ещё большой отряд.

Желаю здоровья и благополучия Вашему высокостепенству.
Иванов.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, лл. 41—42. Копия.

№ 52

Из донесения начальника Аму-Дарьинского округа туркестанскому генерал-губернатору о карательной экспедиции против туркмен

7 января 1874 г.

Полковник Колмаков, с которым я отправил к Вашему высокопревосходительству свое донесение от 1 января за № 5[1], выехал из отряда 2-го числа, по утру до его отъезда, хотя ходили слухи тревожные о предположении туркмен переправиться на правый берег, но осуществление этих слухов не было.

3-го числа было получено известие о появлении сильной шайки в окрестностях озера Ходжа-Куль, а между киргизами про-

[1] О дальнейшем ходе этого вопроса см. рапорты полковника Проценко начальнику Главного штаба от 18 октября 1873 г. и от 13 ноября 1873 г. (ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/909, 1873 г., д. 13, лл. 17—23 и 30—33), в которых дается отчет об Особом совещании по этому вопросу наместника Кавказского, а также в письме наместника военному министру от 29 сентября 1873 г. (там же, д. 28, лл. 1—5).

[1] Документ не публикуется.

шел слух о намерении туркмен прорваться мимо нашего отряда в кочевья даукаринских киргизов.

4 января киргизские баи, сидящие в окрестностях Бай-Базара, прислали уведомление о нападении шайки туркмен в 300 человек на Курган-Махмуд-Кала, находящийся между Бай-Базаром и горами Султан-Вейс, так как Курган имеет довольно сильный профиль, хороший ров, то туркмены не были в состоянии взять его, а узнав о выступлении нового отряда из укрепления отошли от Кургана и направились к Киштаку, уничтожив на пути кибитки, выставленные населением для нашего отряда на Хоктау и сожгли заготовленный там клевер.

Джигиты, привезшие это известие, едва успели пробраться сквозь сильные партии туркмен, рассыпавшихся по всему правому берегу между горами Султан-Вейс и окрестностями Нукуса.

В окрестностях расположения отряда все было спокойно; вблизи лагеря ни на правом, ни на левом берегу никого видно не было. Лазутчики, беспрестанно посылаемые на левый берег, привозили известия чрезвычайно схожие одно с другим. По этим известиям выходит, что в окрестностях Лаудана и на всем протяжении от этого притока до Кипчака собралось их до 6 000 пеших и конных туркмен из всех родов; сборы продолжаются; цель туркмен грабить население правого берега и померяться силами с нашим отрядом. В числе собравшихся туркмен, говорят, есть и узбеки. Начальниками собравшихся скопищ называли старшину туркмен рода коранивгеллы Казы-Мурада и киргиза Досана[1]. Прочие старшины, хотя и не принимают явного участия, но позволяют своим людям приставать к сброду; относительно узбеков и хивинского правительства сведения сомнительные.

В ночь с 5 на 6 число лазутчики привезли известия об отправлении шайки в 1 000 человек в даукаринские кочевья. По рассказу лазутчика, он сам видел, как партия эта, переправившись около Кипчака, отправилась прямо дорогою в пески...[2].

Полковник Иванов.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, лл. 52—55. Копия.

---

[1] В своем донесении командующему войсками Туркестанского военного округа от 3 января 1874 г. начальник Петро-Александровского укрепления Омельянович сообщал: «Отношение хана к движениям туркмен не выяснилось;.. что касается узбеков, то известно, что... Ильялы, Газават и некоторые другие солидарны с туркменами» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, лл. 45—46).

[2] Далее следуют не представляющие интереса описание передвижений войск и рассуждения о видах на ближайшее будущее.

№ 53

Донесение начальника Аму-Дарьинского округа туркестанскому генерал-губернатору о погроме туркмен окрестностей Губа-Даг и изъявлении покорности чаудорами и имрэлинцами

18 января 1874 г.

Имею честь Вашему Высокопревосходительству донести, что вверенный мне отряд уничтожил кочевья старшины Казы-Мурада и туркмен рода кульчар, сидевших в окрестностях Губа-Даг. Так как чаудоры заявили покорность, то отряд пришел их кочевьями до Порсу, но кочевий не уничтожал, я только требовал, чтобы чаудоры доставляли для отряда топливо, фураж и мясо безденежно, что ими исполнено. Чаудоры и имрэли начинают вносить контрибуцию, подробно буду иметь честь донести впоследствии.

Отряд ведет себя великолепно, больных нет. Тороплюсь переправою на правый берег, так как лед становится совсем ненадежен.

Полковник Иванов.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, л. 92. Копия.

№ 54

Донесение российского посланника в Иране наместнику кавказскому о мотивах желания каджарского правительства участвовать в действиях русских войск против текинцев

23 января 1874 г.

Ваше императорское величество, Насреддин-шах, ссылаясь на разговор, который он имел с Вашим императорским высочеством во время проезда его через Тифлис, поручил мне сообщить Вашему высочеству, что ему было бы весьма приятным знать мнение государя императора касательно совместного действия русских и персидских войск против туркменского племени теке. По словам шаха, мера эта предположенная им, была одобрена Вашим императорским высочеством[1]. Шах обуславливал своё желание тем обстоятельством, что в случае, если бы Россия вознамерилась предпринять экспеди-

цию против туркмен, то Персия может содействовать русским войскам, только лишь зная заранее об этом намерении и приготовившись вовремя.

Я отвечал Мирза Хусейн-хану, сообщившему мне поручение шаха, что я сочту долгом довести об этом до сведения Вашего высочества. При сем я заметил персидскому министру иностранных дел, что сколько мне известно, Ваше императорское высочество изволили говорить о номудском племени и вообще о туркменах, находящихся в некоторой, хотя только номинальной, зависимости от Персии, а не от племени теке, подавшейся в последнее время к Хиве, нарушающем спокойствие этого ханства.

Донося об этом вышеизложенном Вашему императорскому высочеству, я считаю долгом присовокупить, что вопрос вновь возбужденный шахом о совместном действии России и Персии против туркмен вызван, по всей вероятности, шахским министром иностранных дел, который, как он сам мне говорил, получил на днях сведения от персидского посланника в С.-Петербурге о предстоящей будто бы в непродолжительном времени экспедиции войск Кавказской армии против туркмен. Домогательства же персидского правительства содействовать нам можно объяснить желанием надежно упрочить, благодаря нашим успехам, свое влияние между туркменами, а также и желанием заявить нам свои притязания на племя теке, которое никогда не покорялось Персии и было всегда грозой на её хорасанской границе. Кроме этого, Мирза Хусейн-хан добивается, если я не ошибаюсь, заручиться нашим согласием на участие персидского правительства во всех делах и столкновениях наших с туркменами[2].

С глубоким уважением и беспредельною преданностью имею честь быть Вашего императорского высочества покорнейший слуга

А. Бегер.

ЦГИА Уз ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, лл. 101—102. Копия.

[1] Документ от 3 марта 1874 г.

[2] Об этом же см. неофициальное письмо российского посланника в Иране директору Азиатского департамента от 23 января 1874 г. (ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, л. 103).

№ 55

Донесение начальника Аму-Дарьинского округа туркестанскому генерал-губернатору о ходе карательной экспедиции против туркмен.

25 января 1874 г.

По сведениям, собранным на левом берегу, и по показаниям некоторых из туркмен, переправу через Дарью защищало до шести тысяч человек, кроме того, до двух тысяч были собраны на Лаудане, к Кизыл-Такыру стягивался сброд разных туркмен, намеревавшихся принять участие в нападениях на правый берег и русский отряд. Потерю неприятеля во время перестрелок определяют до 100 человек.

В день переправки на левый берег отряда вблизи лагеря неприятеля видно не было; кавалерийские разъезды видели неприятельские пикеты не ближе двух верст от лагеря; хотя по сведениям лазутчиков, скопища туркмен не разбежались, но отряд спокойно переночевал на занятой позиции; с рассветом 13 января двинулись прямою дорогою к кочевьям Казы-Мурада, оставляя город Кипчак и узбекские поселения влево от себя. Первые версты пути отряд видел перед собою туркменские пикеты, но при дальнейшем движении по сторонам заметны были только одиночные люди, которые следили за тем направлением, которое принимал отряд. Не доходя верст четырех от названных выше кочевьев, я выслал вперед кавалерию с ракетным взводом и приказал уничтожить все постройки и запасы дров и клевера.

Быстро пронеслась кавалерия и немедленно взвившиеся столбы дыма и языки огня возвестили населению, что отряд пришел с целью наказания туркмен; когда остальной отряд стянулся на привал к этой местности, от всех жилищ остались только груды дымящихся развалин. Кочевья оказались пусты; все имущество вывезено, кавалерия захватила двух стариков, одного мальчика, которых я немедленно отпустил...[1].

Пройдя от Мангыта верст 6, отряд подошел к горам Куба-Тау и приступил к уничтожению зимовок Кульчар; пехотные команды сжигали сакли близ дороги, кавалерия уничтожала их по сторонам.

В Мангыте я получил письмо от хана, который сообщил мне, что газаватские номуды заявляют покорность; ответив хану, что хотя я не вполне верю в раскаянии номудов, но

[1] Далее следуют не представляющие интереса сведения о движении отряда, интересно лишь свидетельство, что «туркмены прорвали запруды и затопили всю северо-восточную часть Кара-Тау», чтобы не дать царским войскам выйти к их кочевьям.

тем не менее полагая, что они желают исправиться, я в настоящее время не пойду в землю иомудов, а, пройдя землями чаудоров, вернусь на правый берег.

Едва только запылали кочевья у Кульчар, как ко мне явились несколько чаудорских старшин с изъявлением раскаяния и покорности. Объявив им, что на другой день я иду с отрядом в их землю, я предупредил, что если они хотят спасти свои жилища от уничтожения, то пусть немедленно платят деньги, наложенные на них Вашим высокопревосходительством, и возвращают всё ограбленное.

Уничтожив кочевья Кульчар, я расположил отряд лагерем на озере Чагат, в северо-западной стороне Куба-Тау. В ночь с 14 на 15 приехали чаудорские старшины с частью контрибуции и просьбою пощадить их кочевья и не ходить в их землю. Отказав в последнем, я объявил, что если чаудоры исполнят мои требования, то все их зимовки останутся целыми; в 8 часов 15 числа января отряд перешел на ночлег в первый чаудорский кишлак и расположился на колодцах местности Игдыр. Кишлаки были пусты, но склады клевера, джугары, кибитки были на местах[1].

Согласно данного мною обещания, отряд ничего не тронул; к вечеру 15 подвезли ещё часть контрибуции и прислали женщину и трех детей, захваченных на Дау-Кара, в последний набег на эту местность туркмен.

16-й отряд перешел к Порсу и остановился на ночлег у озера Лар. Как и накануне, отряд шел по кишлакам чаудоров, не уничтожая ничего: жители, уверившиеся в твердости данного мною обещания, уже частью не разбежались, а встречали отряд с хлебом и солью. На ночлег явились с изъявлением покорности старшины от родов имрэли, кара-дашли и карайльялы и привезли часть контрибуции.

Дав отряду дневку на озере Лар, на другой день 17 января я с ротою пехоты, двумя сотнями казаков и взводом стальных орудий посетил старый Порсу, находящийся в 7 верстах расстояния от места ночлега.

Старое Порсу, в котором, по преданию, изменнически умерщвлен и похоронен отряд Бековича-Черкасского, представляет в настоящее время груду глиняных развалин; никаких холмов, никаких кладбищ, которые бы напоминали собою грустный эпизод из истории наших военных действий с Хивой, нет...[2].

[1] Об этих операциях см. донесение начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору от 18 января 1874 г. (ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, л. 92).

[2] Далее следуют не представляющие интереса сведения о ходе движения русского отряда.

Настоящее движение Аму-Дарьинского отряда на левый берег, негромкое военными делами, принесло тем не менее весьма важный результат. После экспедиции 1873 г., когда в ханстве действовало до 12 000 русских войск, не только туркмены, но и вообще население как правого берега, так и левого, смотрели на оставленные в Аму-Дарьинском округе военные силы, как на крайне слабые, которые не посмеют не только переправиться на левый берег, но даже выйти из укрепления.

В силу сложившихся подобным образом понятий, на все заявления, которые мною делались туркменам, не обращалось никакого внимания. Туркмены не могли допустить мысли, что русские снова к нам придут, они не верили возможности переправы даже до последнего времени и, несмотря на то, что отряд уже вышел из укрепления, на глазах у него высылали сильные партии для грабежа населения и для дерзких нападений на отряд.

В силе туркмен и нашем бессилии было уверено не только население, но даже более или менее важные лица ханства, которые допускали узбеков присоединиться к туркменским скопищам. Я не могу назвать хана участником в настоящем волнении, но должен заявить, что, по всем данным, он также сильно колебался: из Хивы один только инак Иртазали все время и постоянно писал о приготовлениях и событиях туркмен и глухо сообщал: «чтобы мы ждали врагов оттуда, откуда, вероятно, никак не ожидаем».

В том, что узбеки были вместе с туркменами, в этом убеждают не только сведения, доставлявшиеся лазутчиками, но поимка трех узбеков в числе туркменской шайки, грабившей Дау-Кара, и стрельба из ружей и фальконетов по отряду из-за стен Кипчака, что я видел своими глазами.

Решительный переход отряда на левый берег, не дав развиться волнению[1], распространил сильную панику не только между туркменами, но и по всему ханству. Напуганные прошлогодним погромом, причиненным русскими войсками, все туркменские скопища, видя, что отряд двигается в их кочевья, мгновенно рассеялись спасать свое имущество и семейства. В Хиве также проявилась оживленная деятельность. Во все рода туркмен были посланы из Хивы особые люди с требованием исполнения всех заявлений русских; переписка с ханом казалась самая частая.

Произведенное впечатление я счел на первый раз совершенно достаточным. Уничтожив кочевья Казы-Мурата и

[1] Об этой операции подробно см. донесение начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору от 12 января 1874 г. (ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, лл. 67—72).

Кульчар, отряд гордо прошел землями чаудоров, ничего не трогая, но требуя для своего содержания фураж, топливо, мяса, что и доставлялось беспрекословно и безденежно. Вернувшись спокойно к Кипчаку, отряд во время дневок ни в чем не терпел недостатка. Я потребовал от хана смены кипчакского бия, это исполнено. Захваченных узбеков и туркмен отправил для наказания к хану.

Вернувшись к Кипчаку, я посылал 20 января три сотни казаков вниз по реке до Лаудана для того, чтобы снять на план эту часть местности, не заснятую в экспедицию 1873 года. Аму-Дарьинская кавалерия, привыкшая к большим переходам, вернулась к отряду в тот же день, сделав в оба пути более 80 верст.

Контрибуция до настоящего дня подвозится, хотя и мелкими кушами; в платеже участвуют чаудоры, газаватские иомуды и имрэли, всего внесено до девяти тысяч рублей; возвращено 10 киргизских семей, захваченных на Дау-Кара в последний набег туркмен, представлена часть каравана, ограбленного на правом берегу, принадлежащего, по слухам, ургенчским жителям. Не только на правом, но и на левом берегу, по сведениям, нет ни одной шайки.

Представляя Вашему высокопревосходительству в копиях всю переписку с хивинским ханом за время последнего движения и дубликата моих к Вам донесений, я, кроме того, прилагаю копию последнего моего письма хану, отправленного уже с правого берега. В этом письме, как Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, я требую от хана представления денег в возврат расходов по настоящей экспедиции, предлагая ему взыскать таковые с тех из его подданных, которые своими поступками вызвали приход русского отряда на левый берег Аму-Дарьи.

Требуя эти деньги, я руководствовался, во-первых, тем, что хан, вероятно, деньги эти из своей казны не заплатит, а постарается взыскать их с туркмен, через что тяжесть нашего перехода на левый берег для этих последних увеличится, а во-вторых, уплата этих денег подвинет хана к большей самодеятельности; она покажет ему, что он должен сам, своими средствами, приводить к порядку туркмен, и что каждая диверсия русских войск на левый берег вызовет расходы, которые должно платить ханство.

В последнем письме я прошу также хана назначить во все рода туркмен своих людей, которые бы смотрели за ними.

Якуб-бек настоящий туркменский бек и стар и не в силах один справиться со всеми.

Настоящее движение Аму-Дарьинского отряда на левый берег, хотя и дало важные результаты, так сказать надломило туркменский вопрос, тем не менее не исключает необходимости, по моему крайнему мнению[1], должна быть начата не позднее будущего апреля и окончена только тогда, когда туркмены заявят полную покорность, уплатят все деньги, возвратят все ограбленное и кончат все счёты с киргизами.

Представляя все вышеизложенное усмотрению Вашего высокопревосходительства, я буду ожидать приказаний.

С настоящим донесением я посылаю к Вашему высокопревосходительству Туркестанской саперной роты поручика барона Роппа; офицер этот, все время экспедиции состоявший при мне, может лично доложить все подробности движения и действий отряда. Кроме того, я поручаю барону Роппу испросить Вашего высокопревосходительства некоторые указания, касающиеся его специального назначения в Аму-Дарьинском округе.

В заключение настоящего донесения, я льщу себя надеждою, что Ваше высокопревосходительство милостиво взгляните на службу войск Аму-Дарьинского отряда. Зима 73—74 годов тяжело досталась аму-дарьинцам, хотя она и была непродолжительна, одной части отряда пришлось бивуакировать на открытом воздухе, в морозы и непогоду, другой, оставленной в гарнизоне Петро-Александровского, — нести усиленную тяжелую службу в укреплении. Весело переносили аму-дарьинцы все невзгоды, не слушая никаких тревожных слухов, песни и на стоянках и на переходах не прекращались.

Я не могу отдать предпочтение ни одной части войск, все — молодцы.

Полковник Иванов.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, лл. 110—117. Копия.

№ 56

Донесение туркестанского генерал-губернатора военному министру о ходе карательной экспедиции и росте антирусских настроений в Туркмении

9 февраля 1874.

Имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству полученные мною телеграфические известия с берегов Аму-Дарьи.

Г.-м. Колпаковский телеграфирует из Ташкента от 6 сего февраля; получена копия с рапорта полковника Иванова от

[1] Так в тексте; Видимо пропущено: «в новой экспедиции, которая» (далее по тексту).

9 января «300 туркмен 3 января напали на курган Мамуткул[а] вреда не сделали; отступая, уничтожили кибитки, приготовленные отряду; 6 января 1000 человек отправились грабить аул в песках; джигиты, возвращавшиеся к отряду, ограблены. Солидарность узбеков с туркменами подтверждается. Хан перестал писать полковнику Иванову; туркменские старшины часто ездят в Хиву; двое текинских старшин с Ахала приезжали к хану. Полковник Иванов не намерен значительно удаляться внутрь страны; он имеет десятидневный запас, кухни, кошмы, шубы».

Вслед за тем, получена мною телеграмма из Орска от 7 сего февраля, поданная там ш[табс]-к[апитаном] бароном Роп-пом, едущим сюда курьером из Аму-Дарьинского округа, следующего содержания: «Аму-Дарьинский отряд благополучно вернулся на правый берег 24 января».

Генерал-адъютант фон-Кауфман I

ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, л. 148. Копия.

№ 57

Донесение вр. командующего войсками Туркестанского округа туркестанскому генерал-губернатору об усмирении волнений туркмен и взносе ими контрибуций[1]

12 февраля 1874 г.

Аму-дарьинские войска, усмирив волнение, переправились 24 января в лодках на правый берег; чаудоры, газаватские иомуды, имрэли начали платить контрибуцию и продолжают привозить её на правый берег, но тихо; до 25 января заплачено до 9000 руб.; переписка с ханом возобновилась; на левом берегу войска не терпели лишений. Подробное донесение везет Туркестанской саперной роты штабс-капитан Ропп.

Генерал-лейтенант Колпаковский.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 59, л. 151.

[1] Телеграмма направлена Кауфману в Петербург 12 января 1874 г.

№ 58

Из отношения главнокомандующего Кавказской армией военному министру об образовании Закаспийского отдела и распространении русского влияния в Туркмении[1]

22 февраля 1874 г.

...Вместе с тем предназначенному в должность начальника Закаспийского отдела генерал-майору Ломакину, при отправлении его в декабре на восточный берег, вменено было в обязанность через постепенное сближение с местным населением и привлечение его к торговым с нами сделкам, выгоды коих для самих туземцев не замедлят выясниться, постараться шаг за шагом мирным путем распространить и утвердить наше влияние в крае от берегов Каспийского моря до пределов Хивинского ханства и вновь образуемого Аму-Дарьинского округа, обратив особое внимание на изыскание способов к возможно скорейшему установлению с сим последним прямого сообщения...[2].

С точки зрения местной администрации Закаспийского отдела, т. е. как объяснено выше, для поддержания спокойствия и нашей власти в местностях этого края, где введено уже наше управление для распространения нашего влияния на закаспийских кочевников путем мирного с ними сближения и торговли, проектированных мною к постоянному содержанию на восточном берегу моря, означенных выше военных сил, по-видимому, совершенно достаточно тем более, что с установлением правильных морских сообщений восточного берега с западным (что безусловно необходимо), в случаях экстренных, потребная помощь собственно для прибрежных местностей Закаспийского края может быть весьма быстро подана с Кавказа.

При благоразумных действиях со стороны администрации названного края, при осторожном ведении ею дела, без всякого форсирования оным, при заявлении местному населению таких лишь требований, к исполнению коих оно достаточно перед тем будет подготовлено, можно надеяться, что без всяких военных мероприятий население это станет мало-помалу сближаться с нами, подпадать под наше влияние, осознает выгоду для него самого, если не совершенного подчинения нашей власти, то по крайней мере нашего покровительства, и что с большим из года в год развитием торговых сделок Средней

[1] Начало документа, посвященное рассуждениям о количестве войск в Закаспийском отделе и связей его начальника с начальником Аму-Дарьинского отдела, интереса не представляет.

[2] Далее следуют не представляющие интереса соображения о связях Закаспийского и Аму-Дарьинского отделов.

Азии с Россией, через Каспийское море, установится постоянное движение торговых караванов из Хивы и Бухары к Красноводску и Александровскому форту, а с тем вместе упрочится и предполагаемый ныне к открытию путь прямых сношений местных управлений Закаспийского отдела и Аму-Дарьинского округа.

Нельзя, однако, не заметить, что этот, хотя, по-видимому, верный и недорогой, но постепенный и, может быть, слишком медленный способ действия в Закаспийском крае, едва ли будет соответствовать общим видам правительства при том положении, в которое ныне стали мы на Аму-Дарье.

При самом занятии нами Красноводска в 1869 г. одним из главных к этому поводов выставлена была необходимость влияния нашего на среднеазиатские ханства, так сказать, постоянной им угрозы от берегов Каспийского моря и возможность поддержания действий наших на Аму-Дарье со стороны богатого войсками и военными средствами Кавказа. В этом, по моему мнению, заключается существенная, можно сказать, основная идея водворения нашего на восточном берегу Каспия, так как, вне этой цели, само по себе занятие названного берега, очевидно, никакой выгоды представить для России не может. С присоединением же к империи правого берега Аму-Дарьи и поставлением в вассальные к нам отношения Хивинского ханства возможность скорого и во всякое время подания со стороны Кавказа помощи войскам нашим, действующим у пределов названного ханства, удержание администрацией Закаспийского отдела в полном повиновении туркменских племен, которые могли бы с враждебными против видов наших намерениями появиться в Хиве или в Бухаре, и немедленное установление вполне обеспеченного, прямого и постоянного сообщения между отрядами нашими у Каспийского и Аральского морей, приобретают, несомненно, еще большее значение. Выражением этой мысли, сколько понимаю я, отчасти служит и письмо Вашего высокопревосходительства от 25 минувшего января, № 37.

Если же задача наша в Закаспийском крае будет выражена и окончательно постановлена в таком именно смысле, то действия в названном крае со стороны Кавказа, очевидно, не смогут сохранить объясненный выше исключительно мирный характер. Напротив, вероятно в скором времени обнаружится необходимость военных действий в значительном от берега расстоянии, а следовательно и содержания в Закаспийском отделе значительно большего числа войск, против ныне проектированного. Прежде всего, как указано и Вашим высокопревосходительством в упомянутом письме, необходимо установление периодического, огражденного от всяких случайностей, обмена сведений между Закаспийским военным отделом и Аму-

Дарьинским округом. Каким способом установится это сообщение — разумеется, будет зависеть от ближайшего усмотрения местной администрации; генерал-майор Ломакин в одном из предыдущих своих донесений выражает мысль о возможности возложить содержание этого сообщения в виде повинности или службы на подчинившееся нашей власти местное население, но во всяком случае, какой бы для сего не был избран способ, едва ли путь этот можно будет считать совершенно обеспеченным и для верной пересылки по оному сведений и для движения во всякое время военных отрядов от Каспийского моря к Аральскому, пока не смирятся перед нами, подчинившись вполне нашей власти, еще не изведавшие на себе нашей силы туркменские племена, во главе которых стоит, сколько известно, наиболее воинственное и влиятельное в этой местности племя теке. Таким образом, экспедиция в текинские земли, по всей вероятности, очень скоро окажется необходимой, а вслед за тем, может быть, признается нужным, не ограничиваясь содержанием в Закаспийском отделе отрядов только на берегу моря, выдвинуть таковые и в глубь страны для поддержания влияния нашего на племена, более отдаленные от берега.

В какое именно время, в каких силах, откуда и к каким именно пунктам должна будет направиться эта экспедиция; нужно ли будет потом и в какие именно местности выдвинуть передовые отряды для постоянного их занятия; по какому именно пути установится правильное военное и административное сообщение от Каспийского моря к бассейну Аральского — все это выяснится впоследствии ближайшими соображениями местной администрации в зависимости от сведений, которые будут ею собраны по устройству управления Закаспийским отделом и от дальнейшего хода дел в крае. В настоящее же время мне **совершенно необходимо** сообщение Вашим превосходительством указаний относительно основной задачи и общей системы предполагаемых действий в Закаспийском крае, указаний, которые, отнюдь не составляя дела местного управления, должны определиться соображениями высшего правительства в зависимости преимущественно от положения дел на Аму-Дарье, равно как и от совокупности политических условий.

Только по получении подобных основных указаний я могу потребовать от местного в Закаспийском крае управления соображений о подробностях проведения тех или других видов в исполнение...[1]

ЦГВИА, ф. 1393, Полев, походн., шт. ТуркВО, оп. 1, д. 47, лл. 44—15

[1] Далее следует не представляющее интереса рассуждение о количестве войск для расквартирования в Туркмении и возможности их усиления в случае надобности.

№ 59

Докладная и. о. начальника главного штаба военному министру по поводу заключения министра финансов и директора Азиатского департамента на проект административного устройства Закаспия

27 февраля 1874 г.

Доставленный кавказским начальством проект устройства управления Закаспийским краем препровожден был на заключение Министерства финансов и иностранных дел.

Статс-секретарь Рейтерн сообщил, что с его стороны не встречается препятствий ко введению нового управления в Закаспийском крае и к испрошению высочайшего повеления на принятие проектированного штата Закаспийского военного отдела в виде опыта на три года, за исключением 9000 руб., предположенных по штату в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией. Деньги эти предназначены на потребности Закаспийского края, как-то: на пособие школам, распространение между туземцами лечения, устройство сообщений внутри края, поддержание пристаней и ярмарок и пр.

Имея в виду, что подобного рода расходы по свойству своему относятся к потребностям самого населения края, с которого и предполагается взимать, кроме подати, еще особый так называемый земский сбор; что в распоряжении начальника Закаспийского отдела назначается по штату особая сумма в 2500 руб. на экстраординарные расходы и для таких же расходов ассигнуется по смете Военного министерства в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией кредит в 400 тыс. руб., министр финансов полагал бы означенные 9000 руб. из штата Закаспийского отдела исключить, относя предположенные на счет их расходы или на обязанность самих ордынцев, или же, в случае невозможности сего, на указанные экстраординарные суммы.

Рассмотрев тот же проект в связи с нынешним политическим положением Закаспийского края Азиатский департамент остановился на следующих соображениях:

По занятии нами Красноводска в 1870 г. был образован, согласно высочайшему повелению, Комитет, который в заседании 16 января постановил между прочим:

«начальникам военному и морскому, равно и агенту Министерства финансов, будет предложено в течение текущего года представить свои соображения насчет будущего административного устройства вновь занятых нами пунктов на восточном берегу Каспийского моря».

Вместе с тем было постановлено Комитетом:

«тщательно изучая быт и положение туркмен, не делать попыток к введению между ними нашего управления или каких бы ни было податей или сборов; но всеми мерами стараться заинтересовать их в торговом движении и снискать их доверие и дружелюбие».

Из вышеприведенных выписок из высочайше утвержденного журнала Комитета оказывается, что правительство, заняв Красноводск, имело, главным образом, в виду проложение торгового пути от Каспия в Хиву и нисколько не желало водворять нашу администрацию в Закаспийском крае.

Теперь, со времени подчинения Хивы нашему влиянию, первоначальное предположение правительства весьма близко к своему осуществлению. Вместе с тем представляется возможность не уклоняться от первоначальной программы действий по отношению к туркменам.

Опыт последних лет, а в особенности экспедиции, предпринимавшиеся из Красноводска, а также действия наших войск против туркмен после взятия Хивы, показали нам, с какими затруднениями сопряжены сношения наши с этим кочевым народом. Нет сомнения, что наше положение будет еще затруднительнее в том случае, когда властям нашим придется вводить между туркменами новые административные порядки, определенные проектом положения. Взыскание податей, преследование преступников и вообще виновных в ослушании, — все подобные случаи неизбежно заставят пограничное начальство предпринять экспедиции, которые могут завлечь очень далеко и причинить разные политические усложнения. Проект положения, не определяя границ края к юго-востоку и востоку, тем самым дает полный простор предприимчивости наших тамошних военных властей.

Таким образом, не касаясь Мангышлакского приставства, которое могло бы продолжать свое существование на прежних основаниях, Азиатский департамент считает долгом заявить, что положение дел в местностях между Красноводском, Хивою и Атреком в настоящее время далеко еще не выяснилось и что нет пока еще достаточных причин, чтобы изменить порядок, основанный на высочайше утвержденном положении комитета 16 января 1870 г. и что введение нового положения, по крайней мере, преждевременно.

Сообщая таковое заключение, тайный советник Стремоухов присовокупляет, что при надлежащем содействии наших военных властей в Закаспийском крае существующему там агенту Министерства финансов, действующему на основании высочайше утвержденной инструкции, эта должность могла бы во многих отношениях удовлетворять весьма многим и простым требо-

вапиям администрации, главная задача которой, по мнению его, заключается в развитии торговых отношений туземцев как с нами[1], так и с прилежащими независимыми владениями...[2].

Генерал-лейтенант Мещеринов

ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть (оп. 258) 903, 1873 г., д. 28, лл. 57—66. Подлинник.

№ 60

Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае[3]

6 марта 1874 г.[4]

Пределы Закаспийского военного отдела и принадлежность отдела по управлению.

§ 1. Закаспийский край в пределах от Мертвого Култука на юг до реки Атрек (границы России с Персией) и от восточного берега Каспийского моря до западной границы Хивинского ханства составляет в военном и административном смысле Закаспийский военный отдел. К отделу этому причисляются и острова, лежащие вблизи его берегов и полуостровов Бузачи и Мангышлак (острова: Кулалы, Святой, Подгорный, Кирел, Долгий и др.) и юго-восточного прибрежья (острова: Челекен, Огурчинский и др.).

Примечание. Подробное разграничение Отдела с Уральской областью и Хивинским ханством устанавливается по соглашению главнокомандующего Кавказской армией с генерал-губернатором Оренбургским и Туркестанским.

§ 2. Закаспийский военный отдел причисляется к Кавказскому военному округу и подчиняется главнокомандующему Кавказской армией как в военном, так и в административном отношении.

[1] Ниже, в непубликуемой нами части документа отмечается: «Как показал четырехлетний опыт, пребывание агента в Красноводске не успело еще принести никакой пользы, ибо торговых сношений с туркменами и среднеазиатскими ханствами не удалось нам завести и в самом Красноводске не поселилось даже и торговцев в настоящем смысле этого слова, так что существование этой должности едва ли оправдывает израсходованные 24 тыс. руб. на ее содержание в истекшие 4 года».

[2] Далее следуют пространные «соображения» автора, являющиеся или повторением положений других документов аналогичного характера, или основанными на них общими рассуждениями.

[3] Заголовок документа.

[4] Документ в сб. «Россия и Туркмения в XIX в.» (стр. 91—99) ошибочно датирован по резолюции военного министра—9 марта 1874 г., в то время, как, служа приложением к докладу Мещеринова от 6 марта 1874 г. (ЦГВИА, ф. 1393, оп. 1, д. 47, лл. 60—70), он должен быть датирован 6 марта 1874 г.

Назначение, обязанности и права начальника Закаспийского военного отдела

§ 3. Местное управление Закаспийским военным отделом сосредоточивается в лице начальника Закаспийского военного отдела. По военной части начальник Отдела действует как командующий войсками, в Отделе находящимися, руководствуясь особым положением о военном управлении в Закаспийском военном отделе. Действия же начальника Отдела по административной части и вообще устройства края определяются настоящим положением.

§ 4. Начальник Закаспийского военного отдела определяется на должность и увольняется от нее высочайшими приказами.

§ 5. При начальнике Закаспийского военного отдела состоит управление, состав которого определяется прилагаемым штатом.

§ 6. Обязанности начальника Закаспийского военного отдела состоят: в заведывании местным населением во всех отношениях; в принятии мер к обеспечению спокойствия его и безопасности, в покровительстве торговле и всякого рода промышленности в пределах края и изыскании способов к развитию благосостояния края; в точном приведении в исполнение распоряжений правительства и наблюдении за исполнением законов и распоряжений другими учреждениями и лицами, во вверенном ему крае находящимися; в руководстве действиями этих учреждений и производстве им ревизий.

Начальник Отдела обязан следить за состоянием умов населения и за благонадежностью установленных туземных властей. О всех случаях, имеющих важность или характеризующих положение дел, начальник Отдела должен доносить главнокомандующему Кавказской армией, испрашивая в нужных случаях его указания и представляя ему ежегодный отчет о состоянии края.

Другие обязанности начальника Закаспийского отдела определяются обязанностями губернаторов по общим учреждениям империи, насколько они применимы к особым условиям края.

§ 7. Начальнику Закаспийского военного отдела относительно подведомственных ему управлений и должностных лиц предоставляются права губернатора по общим учреждениям империи. Относительно же лиц туземного народного управления начальник Отдела имеет право: избирать туземцев для занятия должностей волостных управителей, представляя их для утверждения в должности главнокомандующему; временно отстранять этих лиц от должности до утверждения этой меры главнокомандующим; сменять всех других лиц туземного

управления. Подвергать всех должностных лиц дисциплинарным взысканиям и аресту не свыше 3-месячного срока и предавать их за преступления суду. Ему предоставляется право представлять к наградам, кроме должностных лиц, и туземцев, оказавших услуги правительству или принесших действиями своими пользу краю.

§ 8. Пребывание начальника Закаспийского военного отдела назначается в Красноводске.

§ 9. В случае болезни или отсутствия начальника Закаспийского военного отдела временное исполнение его обязанностей переходит к лицу заранее указанному главнокомандующим Кавказской армией, а в случае неимения такого указания—к старшему в чине военному лицу, впредь до распоряжения высшего начальства.

Разделение отдела на приставства и состав приставских управлений.

§ 10. Закаспийский военный отдел разделяется на два приставства: Мангышлакское и Красноводское.

Разграничительная черта между ними утверждается главнокомандующим Кавказской армией.

§ 11. Управление Мангышлакского приставства образуется по прилагаемому штату. Пребывание управления назначается в форте Александровском.

§ 12. Управление Красноводским приставством остается в непосредственном ведении начальника Закаспийского отдела. Дополнительные чины этого управления указаны в штате.

Обязанности и права пристава.

§ 13. Обязанности пристава состоят в общих чертах в следующем: он следит за спокойствием и порядком в местном населении и состоянием умов населения; в случае нарушения порядка немедленно принимает меры к его восстановлению; наблюдает за точным исполнением низшими властями своих обязанностей, надзирает за правильным поступлением узаконенных податей и сборов и правильной их раскладкой; за счислением населения и порядком кочевания; затем, чтобы суд и расправа у туземцев отправлялись согласно народным обычаям и установленным для сего правилам; следит за пребыванием в аулах неблагонадежных людей и неукрывательством в аулах лиц, преследуемых законом. Вообще же пристав несет и другие обязанности, возложенные на уездных исправников в империи на основании общих для уездной полиции правил, насколько оные применимы к местным условиям.

О всех важнейших случаях пристав обязан доносить начальнику Отдела, испрашивая в случае надобности его указаний. Подробности действий пристава определяются инструкцией, утвержденной главнокомандующим Кавказской армией.

§ 14. Отношения пристава к войскам, находящимся во вверенном ему районе, определяются положением о военном управлении в Закаспийском военном отделе.

§ 15. Права пристава относительно чинов подведомственного ему управления определяются общими правилами, установленными для уездных исправников в империи. Что же касается лиц туземного народного управления, то приставу предоставляется:

а) избирать лиц для заведывания аулами в волостях, представляя их для утверждения в должности начальнику отдела;

б) временно отстранять от должности аульных старост, испрашивая утверждения этой меры у начальника Отдела;

в) подвергать должностных лиц взысканиям и аресту не свыше месячного срока, и

г) представлять начальнику Отдела о награждении подчиненных ему лиц и туземцев, отличившихся усердием или принесших пользу краю.

§ 16. В случае болезни или отсутствия пристава, исполнение его обязанностей переходит к помощнику его, если не последует особого распоряжения.

Местное управление русским населением.

§ 17. Местное управление русским населением, пребывающем в Закаспийском крае, устраивается на основании общих законов и порядков, существующих в империи, насколько оные могут быть применены к условиям края и тому исключительному положению, в котором край находится по военным, политическим и экономическим причинам.

§ 18. Поселениям, находящимся около форта Александровского и Красноводского укрепления, присваиваются права городов с льготами и преимуществами, допущенными для городских поселений в степных областях Оренбургского и Туркестанского генерал-губернаторств.

§ 19. Полицейский надзор в поселениях Красноводском и около форта Александровского, наблюдение за хозяйственной их частью, а равно приписка к этим поселениям новых лиц и выдача местным жителям установленных документов возлагаются на приставские управления.

§ 20. Находящаяся около Тюб-Караганского залива Николаевская станица обращается в гражданское ведомство с сохранением жителям ее присвоенных льгот относительно податей, рыболовства, добычи соли и пр. Управление в ней устанавливается согласно § 17 сего положения.

Местное управление кочевым населением

§ 21. Кочевое население для управления оным разделяется на волости и аулы. Распределение кочевников по волостям и аулам соображается с местными удобствами для заведывания населением, порядком кочевания населения или пользования им земельными угодьями, а где необходимо, и с родовым его разделением.

§ 22. Определение числа волостей и указание границ между зимовыми их стойбищами утверждается главнокомандующим Кавказской армией.

Примечание. Порядок кочевания остается согласно обычаям.

§ 23. Волость заведывается волостным управителем, аул — аульным старшиной.

§ 24. Волостные управители и аульные старшины назначаются из туземцев по выбору начальства. На эти должности избираются лица благонадежные, распорядительные, и, по преимуществу, имеющие между ордынцами влияние.

§ 25. Волостные управители утверждаются в должности главнокомандующим Кавказской армией, аульные старшины — начальником Закаспийского военного отдела.

§ 26. Волостным управителям и аульным старшинам присваиваются особые знаки, которые они обязаны надевать при исполнении своих обязанностей, и печати, для прикладывания вместо подписи к исходящим бумагам. Означенные знаки и печати выдаются приставским управлением; форма их утверждается главнокомандующим армией; заготовление их производится за счет казны.

При оставлении должности или в случае смерти должностного лица, знак и печати возвращаются приставу для передачи преемнику.

§ 27. Главнейшие обязанности волостных управителей состоят в следующем: они наблюдают за сохранением спокойствия и порядка в ауле, прекращая немедленно всякие буйства и драки; за порядком кочевания; за исполнением законов и приказаний начальства; за пребыванием в аулах подозрительных личностей; они собирают подати, представляя деньги в приставские управления; следят за исполнением установленных натуральных повинностей, ведут исчисление кибиток в аулах, надзирают за действиями аульных старшин, и, вообще, сосредоточивают в себе полицейскую и распорядительную власть в волости.

О важнейших случаях они обязаны немедленно доносить приставу.

§ 28. Волостным управителям предоставляется право за неисполнение законных требований и маловажные проступки, как например, драки и буйства, подвергать виновных в пределах вверенных им аулов, собственной властью, аресту до 3-х дней и денежному штрафу до 3-х рублей, кроме лиц, имеющих чины и ордена и проживающих в аулах; о сих последних они представляют приставу.

Примечание. Означенные штрафы представляются в приставские управления и употребляются, по указанию главнокомандующего Кавказской армией, на какие-либо общественные надобности.

§ 29. Аульный старшина, находясь в непосредственном подчинении волостному управлению, несет в ауле те же обязанности, которые возложены на волостного управителя.

§ 30. Аульный старшина о лицах, не исполнивших его приказания или совершивших проступок, представляет на распоряжение волостного управителя. В важных случаях аульный старшина имеет право немедленно арестовать буйствующего или производящего беспорядок и препроводить его к волостному управителю.

Примечание. Более подробное указание обязанностей и порядка действий волостных управителей и аульных старшин излагается в инструкциях, которые они получают от ближайшего своего начальства.

§ 31. Волостным управителям производится жалование из земского сбора. Размер жалованья утверждается главнокомандующим Кавказской армией.

§ 32. Аульным старшинам жалованья не полагается, но общество обязано доставлять им средства для исполнения своих обязанностей, снабжением их лошадьми для разъездов, нарядом людей для посылок и пр.

§ 33. Волостным управителям полагается иметь письмоводителя для переписки и рассыльных, в определенном начальством числе. Письмоводитель и рассыльные содержатся на счет земского сбора.

§ 34. В случае перекочевки, с разрешения начальства, из пределов Закаспийского военного отдела в местности другого ведомства, ордынцы подчиняются в полицейском отношении начальствам той местности во все время кочевания в ней.

Устройство суда у туземцев

§ 35. Кочующие в пределах Закаспийского края ордынцы судятся военным судом за следующие преступления: за измену, явное сопротивление властям, возбуждение к неповиновению правительству; нападение на почты, казенные транспорты и купеческие караваны; убийства русских и лиц из других народностей; разбой, грабеж, поджог, делание и перевод фальшивой монеты и похищение казенного имущества.

§ 36. Преступления, подлежащие военному суду, судятся в военно-судных комиссиях, образуемых порядком, указанным в Своде военных постановлений, впредь до введения военного суд. допроизводства в Закаспийском крае на новых основаниях.

§ 37. Преступления должностных лиц из туземцев по исполнению ими служебных обязанностей, равно все дела ордынцев с русскими и лицами других народностей как уголовные, так и гражданские, разбираются судом по общим законам империи.

§ 38. Дела, подлежащие суду по общим законам империи и возникающие в пределах Мангышлакского приставства, рассматриваются в подлежащих учреждениях Астраханской губернии, впредь до введения новых судебных учреждений в Дагестанской области. Таковые же дела, возникающие в Красноводском районе, рассматриваются в учреждениях Бакинской губернии.

§ 39. Следствия по преступлениям, поименованным в §§ 35 и 37, производятся по представлению подлежащих административных властей. Следствия эти представляются начальнику Закаспийского военного отдела, который немедленно делает распоряжение о дальнейшем направлении дела согласно закону.

§ 40. Все прочие преступления ордынцев, не подлежащие суду военному и по общим законам империи, равно как все взаимные их иски и тяжбы, разбираются народным судом.

§ 41. Для производства народного суда в каждом ауле избираются три бия или судьи, которые образуют аульный суд. Лица эти утверждаются в должности начальником отдела.

§ 42. Аульные судьи особого содержания не получают, но им предоставляется право в тех случаях, когда по обычаю полагается особый штраф с виновного в пользу судей (бийлык), приговорить этот взнос, не назначая его, однако ж, выше 10% стоимости иска.

§ 43. Аульный суд решает окончательно дела и иски стоимостью не выше 100 рублей, но он может принимать к своему рассмотрению дела на всякую сумму с правом апелляции на его решение.

§ 44. Суд аульных биев производится гласно и публично по народным обычаям. Время собрания аульного суда определяется инструкцией начальника Отдела.

§ 45. Дела и иски, превышающие 100 рублей, а равно жалобы на решение аульного суда разбираются в судебном съезде биев приставства. Съезд этот составляется из судей, выбранных по одному от каждой волости; на случай выбытия или болезни судьи в каждой волости выбираются и кандидаты. Все эти лица утверждаются в должности главнокомандующим Кавказской армией.

§ 46. Председательство на судебном съезде биев возлагается на пристава; в случае невозможности присутствовать на съезде по служебным обязанностям или по болезни пристав поручает председательствовать на съезде своему помощнику.

§ 47. Судебный съезд биев собирается в сроки, определенные начальником Отдела.

§ 48. Бии судебного съезда, за время занятия в суде, получают вознаграждение из земского сбора в размере, определенном главнокомандующим Кавказской армией.

§ 49. Судебный съезд биев разбирает дела на всякую сумму; но решение его окончательно только по делам до 300 рублей.

§ 50. Ордынцы приносят свои жалобы и заявляют иски или прямо надлежащему суду, или ближайшим административным властям; эти последние без задержания передают дело в подлежащий суд.

§ 51. Недовольные решением аульного суда подают свои жалобы в судебный съезд биев через ближайшее свое начальство.

§ 52. Недовольные решением судебного съезда биев подают жалобу на имя начальника Закаспийского отдела, который или кладет свою резолюцию по делу или утверждает решение судебного съезда. Решение начальника Закаспийского отдела окончательно на сумму до 3000 рублей.

§ 53. По делам, стоимостью превышающим 3000 руб., апелляции восходят до главнокомандующего Кавказской армией, резолюция главнокомандующего решает окончательно дела на всякую сумму.

§ 54. Все жалобы и апелляции по судебным решениям должны быть подаваемы ближайшему начальству не позже двухнедельного срока со дня объявления решения ответчику. По истечении сего срока решение вступает в силу.

§ 55. Наблюдение за приведением в исполнение судебных решений возлагается на подлежащие судебные власти. На обязанности этих властей лежит также доставление ответчиков суду, представление свидетелей и, вообще, оказание всякого содействия распоряжениям суда.

§ 56. Во всех решениях народного суда должны быть исключены наказания жестокие и бесчеловечные, как-то: истязания, отсечение руки и других членов, отдача в рабство и тому подобное. Наблюдение за исполнением сего возлагается на административную власть.

Примечание. Ближайшее определение, какие наказания и штрафы не должны быть употребляемы в решениях народного суда, возлагается на начальника Отдела.

Подати, сборы и натуральные повинности

§ 57. Кочующие в пределах Закаспийского военного отдела ордынцы вносят в государственную казну кибиточную подать: киргизы Мангышлакского приставства — адаевцы и другие — по три рубля с кибитки в год; туркмены этого приставства — по 1 руб. 50 коп. с кибитки. На кочевников Красноводского приставства подать налагается по мере подчинения их русскому покровительству и власти.

§ 58. Кибиточная подать собирается волостными управителями и представляется в приставские управления, откуда она препровождается в подлежащие кассы, по указанию высшего начальства.

§ 59. Сверх кибиточной подати, ордынцы вносят на содержание народного управления, т. е. волостных управителей с их письмоводителями, членов судебного съезда и рассыльных, особый сбор, именуемый земским, в размере утвержденном правительством. Сбор этот взыскивается одновременно с кибиточной податью и представляется в приставские управления, где ему ведется особый счет. Выдача из него установленного содержания туземным должностным лицам и рассыльным производится порядком, какой будет указан главнокомандующим Кавказской армией.

§ 60. Кибиточная подать и земский сбор могут быть раскладываемы в аулах по кибиткам, сообразно достатку кибиткователей, по взаимному соглашению между хозяевами.

§ 61. Ордынцы Закаспийского края исполняют следующие натуральные повинности: исправляют дороги и мосты в местностях их кочевания; выдают для проезда должностных лиц лошадей и вьючные средства за плату, какая будет назначена главнокомандующим Кавказской армией; выставляют в аулах кибитки для ночлега командированных начальством должностных лиц; и в случае надобности, выставляют для войск верблюдов и лошадей за плату, установленную главнокомандующим Кавказской армией.

§ 62. Всякие сборы и повинности, не утвержденные правительством, строго воспрещаются.

Права ордынцев

§ 63. Ордынцы Закаспийского края сохраняют свой внутренний быт согласно обычаям.

§ 64. По делам, касающимся хозяйственных нужд, порядка кочевания, пользования земельными угодьями, раскладки государственной подати и исполнения натуральных повинностей, ордынцам представляется составлять общественные приговоры, которые представляются подлежащим начальствам и принимают силу лишь по утверждении сих начальств.

§ 65. Ордынцы могут достигать прав и преимуществ, присвоенных сословиям империи, на основании общих законов.

§ 66. Религия туземцев Закаспийского края пользуется охраной правительства, подобно другим инородческим вероисповеданиям.

§ 67. Ордынцы имеют право обращаться за медицинской помощью к врачам, указанным в штатах управлений и которые пользуют их больных бесплатно.

В случае надобности, ордынцы могут быть принимаемы в казенные больницы и лазареты, на основании установленных правил.

§ 68. Изложенные в §§ 21—67 постановления могут быть применены и к тем кочевникам Красноводского приставства, которые признают уже нашу власть. Относительно же остальных ордынцев, кочующих между Красноводском, хивинскими границами и рекою Атреком, местная администрация Закаспийского военного отдела в действиях своих руководствуется особою инструкцией[1].

ЦГВИА, ф. 400, Аз часть, оп. 258/908, 1873 г., д. 28, лл. 82—99, об.[2].

[1] На документе помета военного министра: «высочайше утверждено в виде опыта в С.-Петербурге. Военный министр генерал-адъютант Милютин, 9 марта 1874 г.». Приказ военного министра о введении «Временного положения» датирован 15 марта 1874 г.

[2] Дубликат документа см. ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 2, д. 2057, лл. 6—12.

Глава II

ТУРКМЕНИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ПЕРВОЙ АХАЛ-ТЕКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И ДАЛЬНЕЙШЕГО ОБОСТРЕНИЯ АНГЛО-РУССКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1874—1878 гг.)

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В АХАЛЕ. ТУРЕЦКО-КАДЖАРСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ПРОИСКИ В ТУРКМЕНИИ. ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-ТЕКИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

№ 61

Обращение начальника Закаспийского отдела текинским ханам и старшинам с требованием сохранения в крае спокойствия и высылки к нему депутации для переговоров

2 апреля 1874 г.

Высокостепенным ханам и старшинам текинского племени: Нурберды-хану, Ата Назар-баю, Овез Мурад Тыкма-сардару, Махмуд-ишану, Худайберды-баю, Софи-хану и другим почетным старшинам этого рода.

Да сохранит и да просветит вас господь и да пошлет вам добрую волю и ясный разум вникнуть в то, что я буду вам писать.

Государь великий князь, главнокомандующий Кавказской армией, брат великого ак-падишаха изволил меня назначить начальником края по эту сторону моря от Бузачей до Атрека. Вследствие чего я прибыл в Красноводск и вступил в управление.

Мне приказано при этом объявить всем здешним кочевникам о миролюбивых и доброжелательных намерениях и требованиях нашего правительства, клонящихся исключительно к водворению спокойствия и безопасности в здешних степях, отделяющих нас от занятого нашими войсками Аму-Дарьинского округа.

Нам необходимо, чтобы по этим степям свободно ходили отсюда в Хиву и обратно наши торговые и другие караваны и беспрепятственно следовали наши чапары, посылаемые с бумагами как туда, так и обратно.

Спокойствие и безопасность в здешних степях для вас еще более необходимы, чем для нас; потому что только тогда стада ваши будут свободно пастись повсюду и размножаться, тогда только ваши аулы могут свободно кочевать, где им будет угодно; ваши караваны беспрепятственно и повсюду будут ходить для вашей пользы и выгоды; тогда начнет развиваться торговля и народ будет богатеть и благоденствовать.

Словом, и для нас, и для вас весьма полезно и даже необходимо жить постоянно в дружбе и в добром согласии; необходимо восстановить полное доверие и искренность в наших отношениях.

Но для этого нам необходимо с вами посоветоваться и условиться, как лучше выполнить высочайшую волю о водворении спокойствия и безопасности в здешних степях. Приезжайте ко мне сами или пришлите от себя хороших доверенных людей, которым я мог бы лично и подробно объяснить благие виды и намерения нашего правительства; и условившись с ними, установить по обоюдному соглашению на будущее время такие отношения между нами, чтобы и вы, и мы были довольны и могли бы оставаться навсегда добрыми друзьями.

Итак, вы видите, первое мое слово к вам есть слово мира, дружбы и доброго совета.

Воспользуйтесь им, чтобы восстановить на будущее время между нами лучшие отношения, чем были до сего времени.

А что было до сего времени, мы все забываем, чтоб начать новую жизнь и лучшие отношения для общей нашей пользы.

Вышлите от себя скорее несколько депутатов и доверенных людей. Они встретят у меня самый радушный, дружественный приём и, надеюсь, останутся довольны, уверен, что мы придем наконец к доброму соглашению.

Кончаю это письмо тем же, чем и начал: да пошлет вам господь добрую волю и ясный разум хорошо вникнуть и понять написанное здесь[1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, лл. 161—162.

[1] Документ без подписи.

№ 62

Ответное письмо текинских старшин и ханов начальнику Закаспийского отдела[1]

От всего нашего текинского общества мы пишем Вам, что до получении благосклонного и милостивого Вашего письма, которое прочитав, осведомились о содержании оного; высокочтимые Ваши слова о мире и добром согласии были нами приняты как святыня, которая открыла нам наши глаза, а потому мы сочли нужным сим письмом ответить Вам. Вы пишите нам для нашей общей пользы великое наставление, — это мы приняли; в доказательство нашей искренности отправляем к Вам вместе с Вашими посланными наших людей. Все, что приказано Вашею высокою особою относительно мира и сношения между нами исполнено; между Вами и нами у нас теперь не существует более раздельности, мы готовы служить всем.

Желаю навсегда в этом мире твердо держать наше общество в единстве и порядке, мы готовы именно по этой причине исполнять всякое распоряжение и приказание Вашего превосходительства. При том, если отправленные к Вам наши люди милостиво и благополучно от Вас возвратятся к нам, то все приказания Ваши, полученные нами через сих людей, с помощью высочайшего бога будут исполнены.

Затем, да будут навсегда наши слова благословенны богом! Софи-хан, Овез Мурад-сердар и Караджа-хан.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, лл. 163—164.

№ 63

Распоряжение начальника Красноводского отряда старшинам иомудской чарвы явиться в Чекишляр для получения приказаний[2]

9 рамазана[3]:

Да будет известно всем старшинам (кетхудам) верхней чарвы, что, вернувшись из Шагадама, я сообщу вам те приказания, кои имею вам дать. Знайте, что мне следует идти. Се-

[1] Документ не датирован.

[2] Интересно отметить, что ни Главный штаб, ни кавказское начальство, ни Министерство иностранных дел не имели данных о причинах, побудивших начальника Красноводского отряда дать это распоряжение (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, л. 64).

[3] Документ датирован так; ввиду отсутствия года датировки перевести на европейское летоисчисление не представляется возможности. Впрочем, из документа 65 следует, что он датирован 2 апреля 1874 г.

годня 9-го рамазана, если угодно будет всевышнему богу, мы прибудем в Чекишляр 11-го. Теперь все вы из племени чарвы считая себя нашими, соберитесь и приходите в Чекишляр. Небрежность не будет принята за отговорку; выслушайте[1], что будет вам приказано и исполните[2].

Губернатор казахов и туркмен и начальник войск,

Генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, л. 66. Копия.

№ 64

Рапорт начальника Закаспийского отдела начальнику Кавказского горского управления о принятии прибрежными туркменами русского подданства и значении установления дружеских отношений с текинцами для обеспечения спокойствия в Закаспийском крае

8 апреля 1874 г.

В рапорте от 11 декабря прошлого года за № 1001 о результатах поездки моей в Красноводск, я доносил Вашему превосходительству через командующего войсками Дагестанской области, что ко мне явились тогда в числе 21 человека старшины близ кочующих туркмен, которых я старался успокоить, обласкать и, по возможности, внушить доверие к нам; причем они мне тогда же выразили надежду, что с раннею весною явятся ко мне в Красноводске старшины и почетные люди от всех закаспийских иомудов и будут просить высокого и милостивого покровительства его высочества.

---

[1] Это место, видимо, при снятии копии перепутано; надо полагать, что его нужно читать не как «вы слушайте», а «выслушайте».

[2] Настоящее распоряжение Ломакина вызвало тревогу каджарских властей. Так, в рескрипте шаха премьер-министру отмечается, что он «очень удивился тому, что... Ломакин пишет подобного рода предписания иомудам персидскоподданным и требует их к себе» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 154, л. 65).

Определяя причины «неудовольствия» каджарского правительства российский посланник в Иране отмечал, что оно вызвано «не содержанием приказания г. Ломакина, а самочинного обращения начальника» к туркменам. Важно отметить, что каджарские власти пытались объяснить причины недовольства туркмен астрабадским губернатором этим распоряжением Ломакина. Однако в переговорах по данному вопросу российский посланник в Иране вынудил каджарского министра иностранных дел признать, что беспорядки в Астрабадской провинции — «от дурной администрации астрабадского губернатора..., который раздражал против себя не только туркмен, но и большинство персидского населения» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 67—70).

Вследствие чего я разослал тогда из Красноводска ко всем иомудским старшинам письма, приглашая их прибыть в Красноводск ко времени моего приезда сюда. Затем, устроив сухопутное почтовое сообщение с Мангышлаком в две недели раз, весьма исправно и аккуратно поддерживаемое всю зиму здешними и мангышлакскими туркменами*, я отправился в форт Александровский, куда и прибыл 8 января.

Последствия командирования меня минувшею зимою в Красноводск не замедлили обнаружиться вскоре после моего отъезда отсюда: первым же письмом заведывавший здешним отрядом полковник Клугень уведомил меня, что туркмены из-за Атрека с полным доверием стали пригонять в Красноводск для продажи верблюдов и отвозить их для сего на срочных шхунах в Баку[1], причем пригласили даже в свои аулы за Атрек трех бакинских купцов—двух армян и одного персиянина с товаром, которые и по сие время находятся там в полной безопасности, вполне удачно ведут меновую торговлю. Это стремление самих туркмен к вступлению в торговые с нами сношения, надеюсь, принесет нам немалую пользу. Письмом от 10 февраля полковник Клугень сообщил мне, что из-за Атрека начали уже съезжаться в Красноводск в ожидании моего приезда почетные старшины иомудов и что из слов их он убедился, что наши письма и обращение к ним произвели за Атреком вполне благоприятное и желанное впечатление.

В письме же от 3 марта я получил от него известие 10-го числа того месяца, что здесь собрались уже до 70 почетных туркмен, чтоб представиться мне и что они прибыли для сего из-за Атрека морем. Вследствие чего я тогда же донес о сем Вашему превосходительству депешей через командующего войсками Дагестанской области, прося надлежащих по сему предмету инструкций и распоряжений, в то же время сообщил депешей через Баку полковнику Клугеню, что если не успею быть в Красноводске с пароходом 15-го числа, чтоб задержать здесь представителей иомудов до конца марта.

30 марта, прибыв в Красноводск, я вступил в управление отделом.

Народ, купцы и до 70 представителей иомудов (список коим при сем представляется) встретили меня на пристани приветом, хлебом и солью, желанием доброго успеха. Причем, некоторые из заатрекских иомудов, перед тем как встретили меня, устлали путь с парохода на пристань и по пристани коврами. После заутрени в светлое христово воскресение вслед за

---

* Письмо и бумаги из Красноводска в форт (600 верст) аккуратно получались на 9-й день.

[1] С декабря по апрель отправлено отсюда в Баку для продажи полтораста верблюдов.

приемом собравшихся ко мне с поздравлением служащих здесь офицеров и чиновников, явились ко мне поздравить с праздником и все прибывшие сюда номуды; поблагодарив их, я согласно депеши Вашего превосходительства [от] 11 марта объявил им о миролюбивых и вполне доброжелательных им намерениях и требованиях нашего правительства, клонящихся исключительно к водворению спокойствия и безопасности в здешних степях, отделяющих нас от занятого нами Аму-Дарьинского округа, добавив (согласно предписания начальника окружного штаба от 19 марта № 437), что спокойствие и безопасность этих степей нам необходимы в видах установления правильного сообщения с нашими войсками, занимающими названный округ, но что таковое спокойствие и безопасность еще более необходимы для них самих, потому что только тогда они в состоянии будут спокойно кочевать, где пожелают, стада их могут свободно тогда пастись и будут размножаться, караваны их будут везде ходить беспрепятственно, оживится торговля и народ будет богатеть и благоденствовать.

На это представители номудов, поколений джафарбай и ак-атабай (атабай), кочующих в числе до 15000 кибиток зимою между Атреком и Гурганом, а летом в Балханских горах и по Узбою, — заявили мне следующее. «Мы, аксакалы джафарбаев и ак-атабаев прибыли сюда, чтобы приветствовать Вас от лица всего нашего народа с приездом в наш край, со вступлением в управление оным и пожелать Вам во всем благополучия и доброго успеха для пользы и счастья здешнего народа. Мы уполномочены заявить Вам, что все наши люди отлично понимают и сознают, что русские, особенно теперь, с введением здесь правильного управления навсегда и прочно утвердились в этом крае и не оставят уже его; наши люди при этом сознают, что против русских им стоять невозможно, что уйти им некуда, что без здешних земель они существовать не могут и что только при безусловной покорности русским они могут быть покойны, довольны и счастливы.

Поэтому все наши люди с полною готовностью желают всегда усердно Вам служить, во всем подчиняться Вашим распоряжениям и беспрекословно исполнять все Ваши приказания. Они просят государя великого князя главнокомандующего Кавказской армией, брата великого ак-падишаха принять их в подданство России и не оставить своим высоким и милостивым покровительством. Но Вам известно, сказали они, что мы кочуем постоянно подле и почти с нашими сильными и беспокойными соседями-текинцами, которых наши люди очень боятся. Если они будут с Вами в мире и придут к Вам, как пришли и мы, можно быть уверенным, что наши люди, как верные русские подданные, будут постоянно пользоваться бла-

годенствием, как и все подданные великого ак-падишаха. Если же они будут по-прежнему во вражде с Вами, нам будет плохо; тогда они будут нас, как преданных Вам людей, грабить, разорять, угонять наш скот, уводить в неволю наших жен и детей. Мы просим не оставить нас тогда без помощи и защиты, так как сами себя мы защитить не в состоянии.

При этом мы просим еще Вас представить на милостивое воззрение государя великого князя следующую нашу всеподданнейшую просьбу: куда русские не приходили, везде освобождали рабов и невольников: так, первым их делом в Хиве было освобождение всех пленных, рабов и невольников, преимущественно персиян; в настоящее время ни у кого из нас нет ни одного раба-перса; между тем до 500 наших братьев и родственников томятся в неволе у персидских подданных курдов, гёкленов и даже в самом Иране; вследствие чего мы, как русские подданные, убедительно просим его высочество оказать содействие к освобождению персидскоподданных, находящихся у них в неволе наших родственников, причем уверены вполне, что во внимание того, что русские освободили из Хивы так много персидских пленных, и шах персидский по слову государя великого князя признает справедливым повелеть даровать свободу нашим пленным.

В то же время депутаты от кочующих постоянно с 1869 г. под покровительством и защитой Красноводского отряда челекенцев на острове Челекене и шихцев (шихлар) на косе Бековича (всего от 800 до 900 кибиток) заявили, что с тех пор как русские сюда пришли, они начали другую жизнь, никто теперь не разоряет, не грабит; люди их, благодаря русским, всем теперь довольны, счастливы, спокойно занимаются рыбным и нефтяным промыслами и с каждым годом более и более богатеют; прежде же они не знали ни одного дня спокойного. Предки наши, сказали они, всегда верою и правдою служили русскому правительству; по примеру их, будем всегда служить также и мы, и наши дети, почему просим государя великого князя считать нас верными русскими подданными и не оставить своим покровительством.

Просим также его высочество, не лишить нас единственного нашего достояния и богатства, состоящего в нефтяном, соляном и рыбном промыслах, которыми пользовались всегда на праве полной собственности наши деды и отцы, владея для сего каждый особым участком земли и воды.

Как представителям номудов, так и шихцев и челекенцев, я приказал обо всем сказанном ими мне подать письменные заявления, каковые в подлиннике с переводом при сем представляются за подлежащею окрепою, печатями, подписями и приложением руки всех собравшихся здесь представителей и аксакалов от тех и от других. Одновременно с этим, я обра-

тился и к текинцам со словом мира, дружбы и доброго совета. Письма к текинским ханам, аксакалам и почетным людям, копию с коих при сем с переводом представляю, повезли 2 числа этого месяца в Теке три надежных и верных иомуда из самых почетных и влиятельных людей и один здешний ишан, уважаемый и между текинцами. Им перед отправлением сделаны были надлежащие наставления и внушения и они обещались употребить все усилия, чтоб склонить текинских ханов и аксакалов приехать ко мне самим или выслать от себя доверенных людей. Через месяц они рассчитывали вернуться из Теке. В этих письмах я сообщаю текинским ханам и аксакалам о назначении меня начальником здешнего края и о миролюбивых, вполне доброжелательных здешним кочевникам намерениях и видах нашего правительства, клонящихся исключительно к водворению спокойствия и безопасности в здешних степях. Посланные мною люди постараются при этом подробно им внушить, насколько все это важно и полезно для них самих и насколько им необходимо воспользоваться скорее нашими миролюбивыми предложениями, чтоб предупредить дальнейшие последствия их прежнего недоброжелательства и враждебных отношений к нам, которые мы теперь готовы забыть для того, чтоб восстановить новые лучшие отношения, основанные на добром согласии и обоюдном доверии. Для этого-то собственно пишу я текинцам; мне и необходимо видеться с их почетными и влиятельными людьми, дабы, переговоря и условившись с ними, мы могли бы по обоюдному соглашению установить на будущее время такие сношения между собою, чтоб жить нам постоянно в добром согласии, в мире и дружбе и чтобы высочайшая воля о водворении спокойствия и безопасности в здешних степях была исполняема всегда в точности. По многим причинам можно надеяться, что текинцы сочувственно отнесутся к нашим миролюбивым заявлениям, в чем отчасти убеждены и находящиеся здесь теперь представители иомудов. Во-первых, текинцы, если и не испытали еще на себе силы нашего оружия, то во всяком случае знают о том хорошо по примеру Хивы, Бухары и особенно хивинских иомудов; во-вторых, они будут опасаться продолжать прежние отношения к нам, зная, что мы их тогда не оставим в покое и безнаказанно; и в-третьих, я получил недавно сведения из Хивы, что тамошние иомуды после нанесенного им погрома и разорения пришли, наконец, к убеждению, что им невыгодно враждовать с русскими и потому они решились сами и советовали текинцам жить с русскими в мире. Но в то же время нельзя не иметь в виду, что здешние текинцы сильно всегда надеялись на Мерв и уверены в поддержке текинцев мервских, влияние коих может удерживать их от миролюбивых отношений к нам. Таким образом, все зависит теперь в здешнем кра-

от того, как отнесутся к нашим миролюбивым заявлениям текинцы, как ответят они на мои дружественные письма.

С нашей стороны, по крайней мере, сделано все, чтоб окончить это дело мирным путем; все зависит теперь от них самих. Если они придут к нам теперь, вышлют своих почетных доверенных людей, можно надеяться, что тогда удастся установить нам, по обоюдному соглашению с ними, такие отношения между собою, при коих спокойствие и безопасность в здешних степях, отделяющих нас от Аму-Дарьинского бассейна, и правильное сообщение с оными будут вполне обеспечены, и тогда всех здешних иомудов, согласно поданного ими заявления, мы действительно можем считать нашими верноподданными и вопрос об обложении их податью будет вопрос времени, необходимого лишь для преподавателей[?], постоянной подготовки их к тому. Если же текинцы отвергнут теперь наши мирные предложения и будут оставаться по-прежнему враждебны к нам, тогда и безопасность здешних степей и установление правильного сообщения с Хивой, и подданство здешних иомудов будут весьма сомнительны. Последние в таком случае в отношении их будут совершенно в том же положении, в каком были и адаевцы к Хиве до решения вопроса: при всем искреннем желании быть постоянно нашими верными подданными, служить нам и исполнять беспрекословно наши приказания, — они часто не в состоянии будут исполнить этого под гнетом влияния, угроз и подстрекательства своих сильных, сравнительно с ними, соседей, которые будут постоянно враждебно относиться ко всем нашим распоряжениям.

И тогда, рано или поздно, но движение наше в Теке в видах утверждения спокойствия и безопасности в здешних степях, установления правильного, безопасного и беспрепятственного сообщения с Аму-Дарьинским бассейном и удержания в подданстве здешних иомудов будут неизбежны и неотразимы. И чем это, в таком случае, произойдет раньше, тем будет лучше; иначе мы дадим только текинцам время еще более сплотиться, организоваться и вооружить свою почти безоружную теперь и беспорядочную орду. Чем больше мы в таком случае будем медлить, тем больше будем создавать себе затруднений и усилий в последствии; так как ничтожных сравнительно средств и усилий, достаточных для сего в настоящее время, будет уже крайне недостаточно года через два—три. А рано или поздно, но если не удается окончить нам теперь с текинцами мирным путем, движение к ним будет решительно необходимо.

При этом имею честь представить при сем на благоусмотрение Вашего превосходительства копию с рапорта моего начальнику окружного штаба Кавказского военного округа от сего 8 числа за № 10, в ответ на предписание его превосходи-

тельства № 437 об установлении правильного срочного сообщения между вверенным мне ответом и Аму-Дарьинским округом[1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, лл. 105—114.

№ 65

Из рапорта начальника Астрабадской станции российскому посланнику в Иране о взаимоотношениях русских властей с туркменами[2]

23 мая 1874 г.

...Разграбление каравана текинцами замечательно на этот раз тем обстоятельством, что оно случилось в то время, когда два депутата этого племени находились в Красноводске по призыву особой прокламацией начальника Закаспийского военного отдела генерал-майора Ломакина и, вероятно, заявляли при этом покорность своего народа русскому правительству.

Наш консул в Астрабаде г. Бакулин в неофициальных письмах своих сообщает мне, что письменное обращение генерала Ломакина к заатрекским туркменам, помеченное вторым числом апреля, о котором не было, впрочем, мне известно, и в особенности словесное обращение его к ним же, о котором я имел честь доносить Вашему превосходительству рапортом моим за № 424, наделали в астрабадской администрации большую тревогу и вызвали оживленный обмен депеш между астрабадским губернатором и тегеранским правительством, и что губернатор выступил в степь в укрепление Ян-Кала, как надо предполагать, с целью руководить туркменами в сношениях с нами. Вследствие чего я долгом считаю сообщить Вашему превосходительству о том, что в словах генералов Франкини и Ломакина к заатрекским туркменам, сказанных в бытность их на Ашур-Аде, не было ничего, что можно бы навести на мысль о нарушении прав Персии на заатрекские местности, а что ввиду переселения чарвы заатрекских туркмен, совершающегося обыкновенно на летнее время в большом числе кибиток на земли, принадлежащие России, где она ищет для скота пастбищ, кочевники эти предупреждены были гг. Франкини и Ломакиным о миролюбивых и доброжелательных намерениях и требованиях нашего правительства, клонящихся исключительно к водворению спокойствия и безопасности в

[1] Документ без подписи.

[2] Начало документа, посвященное подробностям разграбления каравана, интереса не представляет.

степях, отделяющих нас на Каспийском море от занятого нашими войсками Аму-Дарьинского округа, и именно в тех степях, где она, чарва, большую часть года кочует. Объявлено было им, кочевникам, что между Красноводском и Хивою учреждено уже нами правильное сообщение, причем они были приглашены помогать сообщению этому своими перевозочными средствами; объявлено им также покровительство русского правительства в их мирных и торговых занятиях.

Об окончательном выборе генерал-майором Ломакиным на Атреке места укрепления, о численности гарнизона и о том пути, по которому будет снабжаться укрепление продовольственными и другими предметами, я буду иметь честь доносить Вашему превосходительству своевременно. В настоящее же время могу только сообщить, что силу укрепления хотят ограничить самым необходимым числом людей, таким образом, чтобы пост не имел никакого наступательного характера.

О чем Вашему превосходительству имею честь донести.

Капитан 1-го ранга Зайкин.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3659, лл. 10—12 об.

№ 66

Рапорт начальника Астрабадской станции П. М. Зиновьеву о взаимоотношениях русских властей с туркменами и предполагаемой организации поста в Баят-Хаджи

11 июля 1874 г.

Около половины прошлого июня начальник Закаспийского военного отдела генерал-майор Ломакин на военной винтовой шхуне «Бухарец» посетил Астрабадскую станцию, чтобы здесь видеться и переговорить заблаговременно с представителями чарвы племен атабаев и джафарбаев, имеющей тогда в скором времени вкочевать в наши пределы, дабы передать им надлежащие распоряжения и правила как о порядке кочевания, так и о предупреждении и прекращении грабежей и насилия, пока они не разберутся на огромном пространстве степей по северную сторону реки Атрек. Представителей от чарвы в то время собралось на станции до сорока человек.

После переговоров с туркменами генерал Ломакин ездил в Астрабад для свидания с губернатором, чтобы иметь случай лично объясниться с ним относительно той тревоги, которая была вызвана в астрабадской администрации письменным об-

ращением генерала Ломакина весной этого года к заатрекским туркменам и о которой я имел уже честь, между прочим, доносить Вашему превосходительству рапортом от 23 мая сего года за № 492.

Генерал Ломакин передал мне, что он в настоящее время ждет разрешения его высочества наместника Кавказского, чтобы занять нашими войсками пост в 70 верстах от устья реки Атрек на правом его берегу при Баят-Хаджи. Пункт этот во многих отношениях весьма удобен для нас, — он составляет как бы узел всех главных дорог, идущих в Хиву от Серебряного бугра, Ходжа Нефеса, Гасан-Гули, Чекишляра, от атабаев, джафарбаев, гёкленов, — подле главных зимовок коих он находится в самом близком расстоянии. Отсюда к племени теке также идет отличная водная и тщательно исследованная нами дорога. Последнее обстоятельство весьма важно ввиду необходимой в скором будущем экспедиции в Теке для приведения в покорность этого воинственного и хищнического племени, до сих пор явно к нам враждебного и высылающего по временам в наши степи конные свои шайки до 2000 всадников, чтобы грабить там покорных нам туркмен и при случае беспокоить наше установившееся сообщение Красноводска с Хивой.

На первое время, пока не устроятся в Баят-Хаджи укрепление и правильное сообщение с берегом, пункт этот предположено занять четырьмя ротами пехоты при четырех орудиях.

О способе снабжения гарнизона исключительно предметами продовольствия (не военными предметами) предположено сделать складочный пункт тем предметам на острове Ашур-Аде, откуда они будут доставляться на туркменских лодках по Серебряному бугру под прикрытием военного парового барказа или другого какого-либо военного судна, а доставку провианта от Серебряного бугра к Баят-Хаджи хотят возложить за условленную плату на самих кочующих подле туркмен. Таким образом, доставка провианта сухопутно, в этом случае, будет производиться по землям южнее реки Атрека. Позволю себе обратить особенно на последнее обстоятельство внимание Вашего превосходительства на тот случай, если Вам угодно будет снабдить меня по этому предмету какими-либо указаниями.

Предписанием от 4 июня за № 187 Ваше превосходительство изволите указывать мне сообразоваться с действиями моих предместников по сношению станции с персидскими властями и прибрежными туркменами, на это имею честь сообщить Вашему превосходительству, что я со дня вступления моего в настоящую обязанность начал изучать предмет этот и изучил его доле настолько, насколько то возможно сделать, руководствуясь единственно письменными делами, оставшимися при станции от прежнего времени; и за всем тем я буду по-

корнейше просить Вашего благосклонного снисхождения ко мне, если по несовершенному еще знакомству с делом на первых порах, в некоторых случаях, я поступлю ошибочно независимо [от] моего желания.

В водах подчинения Астрабадской станции все благополучно.

Капитан 1-го ранга Зайкин.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3659, лл. 14—16 об.

№ 67

Журнал обсуждения Особым комитетом вопросов укрепления политических и торговых связей с туркменами

27 июля 1874 г.

1874 г. июля 27-го дня во исполнение высочайшего повеления происходило под председательством его императорского высочества генерал-адмирала совещание по делам, касающимся Закаспийского края, причем присутствовали: его императорское высочество главнокомандующий Кавказской армией, военный министр, управляющий Министерством иностранных дел, временно-управляющий Морским министерством, управляющий Азиатским департаментом и начальник Кавказского горского управления.

На этом совещании обсуждены и разрешены следующие вопросы, возбужденные кавказским начальством.

1. Как поступить относительно заатрекских туркмен, прикочевывающих в пределы Закаспийского военного отдела?

В высочайше утвержденном 9 марта сего года положении о Закаспийском военном отделе указаны обязанности и порядок действий местной администрации отдела относительно туземного населения, занимающего Мангышлак и Уст-Урт и давно признающего нашу власть, причем определенно и самое устройство внутреннего управления этого населения. По отношению же к кочевникам, находящимся в южной половине Закаспийского края между Красноводском, хивинскими границами и рекой Атреком, и среди которых влияние наше только что устанавливается, определено (§ 68), чтобы местная администрация не применяла к ним утвержденного для других частей края порядка управления, а руководствовалась особой инструкцией или указаниями, которые предполагалось, по при-

меру прежних лет, давать по соглашению Министерств иностранных дел и военного и главного кавказского начальства сообразно общим видам правительства в Средней Азии.

Подобный осторожный образ действий в Закаспийском крае особенно необходим относительно тех туркменских племен, которые, имея свои зимовые стойбища и отчасти даже полуоседлости в пространстве между Атреком и Гурганом, т. е. в персидской территории, перекочевывают в летнее время на северную сторону Атрека и затем в течение 8 месяцев в году держатся в наших пределах. Таковых туркмен насчитывается до 15 тысяч кибиток (около 75 тысяч душ). Кочевники эти не признают над собой власти персидского правительства, и район их зимнего кочевания — вышеозначенная полоса земли — лишь номинально причисляется к владениям Персии, которая до сих пор не в состоянии утвердить свое господство среди приатрекских туркмен, а, напротив, сама страдает от их набегов. Между тем, приходя на продолжительное время в пределы Закаспийского военного отдела, ордынцы эти располагаются нередко в соседстве с аулами, признающими нашу власть, или в соседстве путей движения караванов, направляющихся из портов Каспийского моря в Хиву. Если оставить их вне всякого нашего влияния и не принять мер к наблюдению за их образом жизни и предприятиями, то они будут делать нападения на мирных жителей и караваны, прерывать почтовые и торговые сношения Красноводска с Аму-Дарьинским краем и вообще производить смуты и беспорядки в Закаспийском крае. Подобное положение дел, конечно, не может быть терпимо.

В видах предупреждения таких происшествий и с целью установить спокойствие и порядок в крае, столь необходимые для развития торговых сношений наших с Средней Азией, начальник Закаспийского военного отдела генерал-майор Ломакин по вступлении своем в должность счел полезным весной сего года, еще до начала движения заатрекских туркмен в наши пределы, обратиться к ним с приглашением вступить в искренние дружественные с нами сношения, обещая им за то беспрепятственное и спокойное кочевание в наших землях. Вслед за тем генерал-майор Ломакин вошел в ближайшее соглашение с старшинами тех туркмен и при этом предложил для их аулов следующие правила[1]:

1) Перед вкочеванием в пределы Закаспийского края каждое отдельное поколение должно избрать одного хана, которому, по утверждению его начальником края, и обязано будет повиноваться во время кочевания в наших землях. Затем каждый аул также должен иметь своего старшину.

[1] Об этих правилах подробно см. в ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1891, лл. 143—144.

2) Приговоры об избрании означенных ханов и старшин должны быть представлены в управление Закаспийского отдела до перехода на северную сторону Атрека.

3) Ханы должны находиться при начальнике отдела для непосредственных сношений с подчиненными им аулами и передачи приказаний; с какой целью они и должны кочевать подле Красноводска и потом несколько раз в течение лета обязаны объезжать свои аулы.

4) Перед вступлением в русские пределы хан выдает каждому аулу особые печатные билеты за подписью и печатью начальника отдела на право кочевания; в билете должно быть прописано число кибиток в ауле, колодцы, у которых аул будет кочевать, и имя аульного старшины. О всех выданных билетах с показанием всех помещаемых в оных сведений хан доносит управлению отдела.

5) Аульные старшины обязаны следить за порядком и спокойствием в аулах и заботиться о предупреждении грабежей и насилий. О всех подобных случаях они извещают хана, а этот последний должен доносить начальнику отдела. Злонамеренных людей, грабителей, буде возможно, туземные власти обязаны задерживать.

6) Если грабежи и насилия будут произведены людьми какого-либо аула, или подле оного, или о сборах и об отправлении кого-либо на грабеж было известно в ауле и их от этого не удержали, то ответственность за таковой грабеж падет на весь аул и более всего на аульного старшину.

7) Только желающим подчиниться беспрекословно этим правилам будет разрешено переходить на летовку в наши пределы. Неподчиняющиеся же правилам будут не допускаемы.

Правила эти, как предполагает начальник Закаспийского отдела, будут применяемы исподволь и по мере возможности с тем, чтобы постепенно приучать туземцев к порядку.

При подробном рассмотрении вопроса об отношениях наших к заатрекским туркменам, присутствовавшие на совещании полагали бы необходимым вменить местной администрации Закаспийского края в обязанность действовать в этом деле с крайней осторожностью, избегая всяких насильственных мер к введению наших порядков среди туркменских аулов. Водворение наше в Закаспийском крае совершилось так еще недавно, что, конечно, туземцы лишь постепенно могут быть приучены к нашей власти и к исполнению наших требований, которые по самому существу своему не должны идти далее крайней необходимости. Неосторожность в тех или других мерах относительно ордынцев, еще недавно не признававших ничьей над собой власти и привыкших к своеволию, может повести к напрасным столкновениям с ними и даже к военным экспедициям, что не согласовалось бы с главной целью водво-

рения нашего на восточном берегу Каспийского моря—развития торговых сношений наших с Средней Азией мирными путями.

Сообразно этому, одобрив вышеизложенные правила, преподанные генерал-майором Ломакиным заатрекским туркменам, присутствовавшие на совещании полагали бы на этом и остановиться, не делая попыток к введению среди туземцев каких-либо податей и сборов. В то же время местная администрация Закаспийского края должна избегать всего того, что могло бы подать повод персидскому правительству вступать с нами в объяснения относительно обращения нашего с кочевниками, переходящими условную границу с Персией — реку Атрек. Мы в полном праве принимать все меры, какие признаем за лучшие относительно этих ордынцев во все время кочевания их на север от этой реки в наших пределах; но как только население это возвращается в свои кочевья между Атреком и Гурганом, то, казалось бы, лучше не вмешиваться в его внутренние дела*.

Равным образом, несмотря на то, что заатрекские туркмены кочуют большую часть года в наших пределах и лишь 4 месяца на персидской территории, осторожнее было бы не возбуждать ныне вопроса о том, чьими подданными должны считаться эти кочевники в видах предупреждения возможных усложнений.

II. В каких взаимных отношениях должны находиться начальник Закаспийского военного отдела, начальник Астрабадской морской станции и посланник наш в Тегеране?

По установившемуся издавна порядку, начальник Астрабадской морской станции, будучи единственным представителем силы и власти России в юго-восточной части Каспийского моря, пользуется значительной самостоятельностью в действиях своих по отношению к заатрекским туркменам. Он избирает особого старшину или хана для сношений с этими кочевниками и передачи им своих приказаний, платит ему жалованье, преследует виновных в грабежах и вообще имеет большое влияние среди этого населения. В порядке действий своих он сообразуется лишь с инструкциями посланника нашего в Тегеране и доносит ему о всех случаях столкновений с туркменами.

По образовании управления Закаспийского военного отдела действия Астрабадской морской станции во многом должны собразоваться с мерами, принимаемыми в Закаспийском крае, куда, как сказано выше, большинство заатрекских турк-

* За исключением тех случаев, которые входят в круг действий начальника морской станции

мен прикочевывает на лето. Поэтому ныне необходимо установить полное согласие и единство в действиях обоих начальников относительно названных туземцев, иначе может случиться, что распоряжения начальника отдела пойдут в разрез с распоряжениями, делаемыми посланником в Тегеране и приводимыми в исполнение начальником морской станции без ведома начальника отдела, отчего могут произойти недоразумения. Для обеспечения желаемого единства действий в этом районе, по мнению членов совещания, необходимо разграничить предметы ведения упомянутых начальников и установить взаимные отношения следующим образом:

1) По всем предметам, касающимся управления заатрекскими туркменами и вообще интересов Закаспийского края, особенно же по делам, относящимся до той части населения, которая переходит периодически в пределы Закаспийского отдела, начальник Астрабадской морской станции действует не иначе как по указаниям начальника Закаспийского военного отдела, который должен быть единственным распорядителем и ответственным лицом по административным делам в крае. Поэтому начальник морской станции обязывается сообщать начальнику отдела сведения о положении дел в южной части Каспийского моря и о сношениях своих с прибрежным населением.

[2] По делам же, касающимся отношений прибрежных туркмен к персидским подданным других частей Персии, и вообще по всем предметам, касающимся интересов Персии, начальник Астрабадской морской станции остается, как и ныне, в подчинении посланнику нашему в Тегеране и действует сообразно его указаниям. Вообще влияние нашей Тегеранской миссии на действия Астрабадской морской станции, — поскольку они касаются охранения персидского прибрежья от грабежей туркмен, преследования на море пиратов, — и во всех случаях политического характера должно остаться в полной своей силе. Равным образом не должен быть изменен и самый способ исполнения станцией своих обязанностей, так как значение станции по месту ее расположения и по назначению приобретает при нынешних обстоятельствах еще большую, против прежнего, важность.

3) Для поддержания единства в направлении действий морской станции и начальства Закаспийского отдела относительно приатрекского населения и для предупреждения каких-либо недоразумений, посланник в Тегеране и начальник Закаспийского военного отдела сносятся между собою возможно чаще и сообщают друг другу сведения о положении дел в Прикаспийских степях и в соседних провинциях Персии.

4) Независимо [от] поименованных обязанностей, начальник Астрабадской морской станции должен представить через ко-

мандира Бакинского порта главнокомандующему Кавказской армией донесение о положении дел в юго-восточном прибрежье Каспийского моря.

III. Не следует ли в видах лучшего обеспечения спокойствия в Закаспийском крае и для ближайшего наблюдения заатрекскими туркменами занять какой-либо пункт на Атреке постоянным укреплением?

В настоящее время южная граница Закаспийского военного отдела совершенно открыта и через нее свободно перекочевывают в наши пределы многочисленные аулы номудов, тёкленов и других заатрекских племен. Находившийся близ Атрека на берегу моря Чекишлярский пост очищен был в прошлом году при выступлении Красноводского отряда в Хивинский поход. Между тем, наблюдение за этим пространством, в котором держатся племена, отличающиеся буйным и своевольным характером и привыкшие к грабежам и насилиям и притом приходящие на столь продолжительное время в наши пределы, совершенно необходимо как для предупреждения всякого рода бесчинств туркмен, так и в видах фактического подтверждения принадлежности этой местности России. В этом соображении в марте сего года при обсуждении программы действий наших в Закаспийском крае на текущее лето было признано полезным возобновить пост при Чекишляре.

Ныне кавказское начальство положительно заявляет, что пока мы не утвердимся на берегах реки Атрека и не поставим под ближайший надзор окрестное его население, трудно будет нам поддерживать спокойствие и порядок в Закаспийском крае и охранять торговые пути, пролегающие от Каспийского моря в Среднюю Азию. В то же время, сообщая о неудобстве Чекишляра в хозяйственном и гигиеническом отношении и о трудности морского сообщения с ним, кавказское начальство предлагает, взамен Чекишляра, занять достаточным отрядом пункт на правом берегу Атрека, в 80 верстах от моря, при переправе Баят Хаджи-Олум, где сходятся важнейшие кочевые дороги Атрек-Гурганского края и где, ставший твердой ногой, мы в состоянии будем закрыть с юга весь Закаспийский край.

По поводу этого предложения на совещании были высказаны следующие соображения: занятие Баят Хаджи-Олума значительным отрядом может придать всему делу утверждения нашего на Атреке более серьезный характер и значение, какие не имелись в виду при решении вопроса о возобновлении Чекишлярского поста, ибо эту последнюю меру полагалось исполнить в самых ограниченных размерах в виде небольшого наблюдательного поста без всякого наступательного характера. В таких пределах желательно было бы остаться нам и ныне. Притом устройство и содержание укрепления на Баят Хаджи-Олуме будет делом нелегким по затруднительности сообщений с ним, ибо перевозка продовольствия и других предметов снаряжения войск через Ашур-Аде и Сеебряный бугор по персидской территории будет неудобна по политическим причинам; транспортирование грузов через Гасан-Кулинский залив или Чекишляр крайне затруднительно по мелководью прибрежья, а доставка тяжестей из Красноводска сухопутьем, хотя и возможна, но может обойтись дорого. Кроме того, хозяйственные свойства Баят Хаджи-Олума мало исследованы; может случиться, что пункт этот не оправдает надежд на него и не представит достаточных удобств для стоянии войск. Наконец, движение на Баят Хаджи-Олум, исполненное хотя и в бесспорно наших пределах, но в значительных размерах, не будет ли в некотором противоречии с высочайше утвержденной 9 марта сего года программой действий наших в Закаспийском крае, по которой определено не предпринимать в течение сего года никаких военных экспедиций внутрь страны.

По всем этим соображениям присутствовавшие на совещании полагали бы более осторожным не предрешать ныне занятия Баят Хаджи-Олума. Но принимая во внимание, что обстоятельства края могут впоследствии или даже в близком будущем вынудить нас на предлагаемую ныне кавказским начальством меру и поставить нас в необходимость занять на правом берегу Атрека пункт с чисто охранительной целью, присутствовавшие на совещании полагали бы возможным предоставить местному начальству Закаспийского края собрать обстоятельные сведения о прибрежьи Атрека и в этих видах произвести осенью сего года осмотр Атрека и его окрестностей. Если при этом подтвердится возможность и польза занятия какого-либо пункта на этой реке, то в будущем году полезно было бы выставить на нем некоторый отряд войск для испытания степени удобств его в хозяйственном отношении и вместе с тем и для установления порядка вкочевания туркмен в наши пределы, согласно предположенным правилам.

Затем на основании сделанного уже опыта кавказское начальство должно представить окончательное соображение по вопросу о занятии пункта при Чекишляре или на Атреке[1].

Генерал-адмирал Константин, главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдцейхмейстер Михаил, генерал-адъютант Милютин, Владимир Вестман, Степан Лесовский, Федор Остен-Сакен, генерал-майор Виктор Франкини.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471, лл. 378—387 об.[2].

[1] На документе резолюция Александра II: «Исполнить. 13 августа 1879 г.».

[2] Копию документа см. в ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 29, д. 97, лл. 2—13, об. и в ЦГИА, ф. 1393, оп. 1, д. 71, лл, 2—13,

№ 68

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа о рекогносцировке на Атрек и Малые Балханы

16 августа 1874 г.

За отсутствием Вашего превосходительства, полковник Золотарев от 17 июля за № 1296 уведомил меня, что командующий армией по поводу представленного мною Вашему превосходительству в рапорте от 11-го минувшего мая за № 111 предположения о необходимости занятия укрепленного пункта на Атреке подле переправы Баят Хаджи-Олума ожидает от меня более подробных соображений по осмотре местности по течению этой реки, так как пункт этот должен иметь вполне обеспеченное сообщение с морем и верный путь для снабжения гарнизона, что его сиятельство предоставляет мне произвести таковой осмотр в то время, когда найдется возможным исполнить это без возбуждения каких-либо столкновений и, во всяком случае, выбору означенного пункта должны предшествовать личный осмотр мною приатрекской местности.

Одновременно с этим представляется и другой, не менее важный для края, вопрос о необходимости подробного и самого тщательного осмотра гор Малого Балхана, расположенных вблизи заливов Михайловского и Узун-Су, для исследования находящихся там богатых и обширных залежей озокерита (45% парафина), серы (48%), кировой земли (пластичной шиферной глины), черной краски кара-бояг и нефтяного песчаника, а главное обильных нефтяных источников и ключей с богатейшим удельным весом 0,920.

Богатства эти, составляя безусловно государственное достояние, так как места эти никому собственно не принадлежат и никем не эксплуатируются, имеют чрезвычайно важное значение для края, а потому, по данному мне прошению представителем значительной Тифлисской нефтепромышленной компании титулярным советником Письменным[1] об оказании ему на основании ст. 1481 горного устава т. VII Св. зак. содействия назначением надлежащего прикрытия при производстве им разведок и исследований в Малых Балханах, необходимо и в видах интересов края и государственной поль-

[1] ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 2, лл. 52—54.

зы оказать ему с нашей стороны все возможное, скорейшее и самое энергичное содействие,..[1].

Настоящее положение дел в крае и видимое расположение к нам номудов могут служить достаточным ручательством, что оба эти движения нам удастся совершить, согласно воли его сиятельства командующего армией, без возбуждения оными каких-либо столкновений.

Независимо [от] той очевидной и большой пользы для края, какую мы можем иметь вследствие этих небольших рекогносцировок по отношению к главной специальной их цели: ближайшему ознакомлению и подробному осмотру важных для нас местностей по Атреку и в Малых Балханах, оба эти движения, несмотря на их кратковременность, вследствие быстроты и неожиданности оных, должны иметь еще особое для нас значение и не останутся без влияния на здешних кочевников.

Номудам (чарве) мы покажем, что во время нахождения их на обычных летовках в наших пределах, без коих они обойтись не могут, не рискуя потерять летом весь свой скот за Атреком, мы во всякое время имеем возможность быстро и неожиданно охватить их аулы одновременно с двух сторон и заставить исполнить все наши требования и что они поэтому уже не номинально по одним только своим заявлениям, а действительно должны быть нам подвластны и покорны.

На текинцев же столь внезапное появление наших войск с одной стороны в 100, а с другой в 120 верстах от их крепостей тоже не останется без влияния: они увидят через это, что мы выходим уже из того пассивного положения, которое занимали здесь с лета прошлого года и которое придавало им так много смелости и отваги; увидят, что мы также быстро, легко и неожиданно можем очутиться и среди их крепостей в случае какого-либо враждебного нам движения. А ничто так не ободряет и не возбуждает этих дикарей и не придает им так много смелости и отваги, как уверенность в нашем пассивном положении.

Между тем, оба эти движения я имею возможность произвести без всяких особых расходов казны—одними только теми средствами, какие находятся в моем распоряжении, если только мне разрешено будет задержать здесь на две недели находящиеся теперь в Красноводске три роты по прибытии на смену их других рот, на что и испрашиваю разрешения его сиятельства командующего армией.

[1] Далее следует не представляющее интереса описание затруднений, испытываемых начальством отдела из-за малочисленности находящихся под его командованием войск.

При этом считаю крайне необходимым произвести тщательную съемку местности, которая будет избрана под укрепление на Атреке, а также и мест на Балханах, наиболее богатых нефтяными продуктами; я имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего превосходительства о командировании сюда, если не обоих, положенных по штату Управления отдела, топографов (офицера Корпуса топографов и топографа, о назначении которых я уже входил с представлением к Вашему превосходительству от 6 июня за № 114), то хотя одного из них для съемки местности, которая будет избрана под укрепленный пункт на Атреке с тем, чтобы командированный офицер или топограф был послан курьером и мог прибыть в Баку не позже, как к 12 сентября, т. е. ко времени отхода шхуны в Красноводск.

О распоряжении, какое последует по настоящему моему представлению, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не оставить уведомить меня телеграммой, которую бы я мог получить здесь со шхуной 14 сентября, если признано будет невозможным в столь короткое время командировать сюда топографа, который бы мог доставить мне распоряжение Вашего превосходительства по этому предмету.

Генерал-майор Ломакин

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 71, лл. 16—21 об. Заверенная копия.

№ 69

Телеграмма начальника Кавказского горского управления пом. главнокомандующего Кавказской армией о результатах рекогносцировок на р. Атрек

7 декабря 1874 г.

По приказанию его высочества доношу Вашему сиятельству, что 2-го числа Атрекский отряд вернулся в Красноводск совершенно благополучно, достигнув самых благоприятных результатов. Все иомуды совершенно покорны, служба их в отряде была примерна, они просят ввести в действие высочайше утвержденные 13 августа Правила на время кочевания их в наших пределах, для этого атабаевцы и джафарбаевцы избрали двух ханов, утвержденных генералом Ломакиным, текинцы возвратили 32 пленных, захваченных в Кабиле,

прислали торговый караван и трех своих старшин; в конце этого месяца обещают выслать остальных пленных, отправить другой караван и всех главных старшин с изъявлением покорности, наилучшее место для укрепления Дуз-Олум, в лазарет по возвращении отряда поступил один больной.

Генерал Франкини

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 71, лл. 46—46 об. Копия.

№ 70

Личное письмо наместника кавказского[1] военному министру о результатах действий русских войск в Туркмении[2]

Дмитрий Алексеевич!

Из копии с последнего донесения генерал-майора Ломакина, которую вместе с сим приказываю препроводить в Главный штаб, Ваше высокопревосходительство усмотрите, что первая часть поручения, возложенного на кавказское начальство высочайше утвержденным 13 минувшего августа протоколом, выполнена. Неизвестная нам доселе пограничная полоса ныне сколько-нибудь обследована, собраны интересные сведения, хотя и распространенные, о верховьях Атрека, принадлежность империи правого берега сей реки освящена временным, но беспрекословным занятием, наконец, высокое миролюбивое слово государя разглашено по всем пограничным племенам, и нравственное наше влияние под покровительством небольшого нашего отряда признано и текинцами, и персидскими властями.

Эти благоприятные результаты достигнуты при весьма удовлетворительном сбережении здоровья людей и незначительном расходе.

Присутствие на правом берегу Атрека многочисленного курдского населения, признающего власть шаха, составляет, по моему мнению, драгоценный залог, подающий повод надеяться, что со временем, когда окончательно ознакомимся с местными условиями, можно будет миролюбивым соглашением с персидским правительством и по его же инициативе изменить невыгодное нынешнее очертание нашей границы. Из сведений, сообщенных мне посланником нашим в Тегеране,

[1] Фамилия автора на документе отсутствует, но, судя по тону и содержанию документа, он написан наместником кавказским великим князем Михаилом.

[2] Документ не датирован.

усматриваю, что правительство шаха озабочено этим обстоятельством и стремится к извращению точного смысла конвенции 1869 г. об Атреке. Мы, конечно, не имели тогда в виду отобрать от Персии подвластное ему население; но когда, не далее как в минувшую весну, персидское правительство так резко восставало против вкравшегося в послание генерал-майора Ломакина неточного выражения, казалось бы, что уступка должна обусловиться уступкою же; и если иметь в виду на переговорах, которые рано или поздно возникнут по сему предмету, чтобы новая пограничная линия прошла по границам земель, занимаемых племенами, признающими и не признающими власти шаха, нам, может быть, удастся освоить прибрежную полосу Атрек-Гурганского края, что составит для нас весьма выгодное приобретение.

Движение генерал-майора Ломакина отозвалось и на текинцев. Грустное впечатление, произведенное дерзким нападением их на аул, расположенный вблизи от Красноводска, вначале минувшего ноября мало по малу изглаживается. Эти дикари возвращают пленных, высылают с повинною обоих[1] старшин, снаряжают к нам караваны, и, можно надяться, что окончательное занятие обрекогносцированного пункта в их соседстве послужит к более и более успешному их умирению. Через привлечение же их к содействию торговому движению облегчится мирным путем водворение спокойствия в Закаспийских степях. В этом отношении настроение хивинских иомудов, встревоженных наложенной на них контрибуцией, и бессилие хивинского хана, на которого возложено взыскание оной, составляет более серьезное препятствие к умиротворению края.

Пользуясь успехом нынешней рекогносцировки и придерживаясь той рамки, которая начертана мне высочайшею волею, я с наступлением весны выставлю снова на Атреке подобный отряд для решительного выяснения преимуществ выбранного генерал-майором Ломакиным пункта в климатическом и хозяйственном отношениях; причем обстоятельства покажут, можно ли будет назначить для этой цели полевые роты, расположенные в Красноводске, или же нужно будет перевезти один батальон с западного берега. Затем, по снятии к концу осени отряда и по подтверждении более продолжительною стоянкою благоприятных свойств местности, я сообщу Вашему высокопревосходительству мои соображения об условиях настоящего ее занятия[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 153—155. Отпуск.

[1] Так в тексте; следует, видимо, читать «своих».
[2] Документ без подписи.

№ 71

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела о тяжести положения туркмен, сборе с них контрибуции, поддержке царскими властями влияния хивинского хана

25 января 1875 г.

24 января отряд сделал дневку в Ильялы и 25-го перешел на постоянную позицию в кочевья иомудов байрам-шалы; отделения салах, ушак и коджук выслали своих старшин и заявили покорность, окузы же и урускущи, сидящие по южную сторону Хазаватского арыка, по тому пути, которым в 1873 г. шел отряд генерал-майора Головачева, бросили свои кочевья и ушли в пески.

Заключая из сего, что эти два отделения смириться не хотят, несмотря на данный им уже урок, отряд завтрашний день двинется к кочевьям Бедиркент и, если старшины родов окуз и урускущи не выедут и не представят часть денег как залог покорности, отряд уничтожит их кочевья, а если представится возможность, то сделаем поиск в пески. С Бедиркента еще неизвестно, какое направление будет принято отрядом, очень может быть, что ему придется пройти еще северною стороной Хазаватского арыка.

К настоящему времени всеми туркменами внесено в отрядную кассу до 10 тыс. контрибуции; едва ли можно рассчитывать на большую сумму, потому что, во-первых, туркмены действительно бедны, а, во-вторых, при их разобщенности при условии, что значительная часть некоторых родов, например, гёкленов и алили еще в 73 г. откочевали к Гургану, им и нелегко уплатить остающуюся за ними сумму, которая вобщем простирается до 230 тыс. рублей.

Можно рассчитывать, что еще много лет потребуется на то, чтобы получить с туркмен все деньги; достаточно уйти с левого берега, чтобы уплата снова затянулась, между тем, при условии тяготения над туркменами русской контрибуции, хан не может обложить их поземельной податью, к чему он стремится, но по заявлению его сановников, считает неудобным приступить впредь до того, пока туркмены не выплатят денег нам. Допустив даже, что это отчасти ложный взгляд, нельзя не согласиться, что уплата туркменами всей контрибуции при настоящем их положении нелегка им. Вывод из всего получается такой: туркмены контрибуции не платят потому, что им трудно это сделать, не платя же податей хану, они стоят к нему в отношениях особенных, сравнитель-

но с прочими подданными его и тем умаляют его достоинство в глазах остального населения.

Значение туркмен в населении было сильно поколеблено походами 73 и 74 гг., движение настоящее наносит, вероятно, последний удар их величию; прежде туркмены еще пробовали защищаться, теперь же или заявляют покорность, или бегут. Таким образом, настоящая экспедиция, кроме влияния на туркмен, которое не может не отозваться благодетельно на оседлом населении обеих берегов Аму-Дарьи, должно неминуемо оказать добрую помощь укреплению власти хана, так как и туркмены, и остальное население увидят, что хан и ханство не остаются беззащитными и что в случае надобности русские войска могут снова появиться в здешних степях. И хан, и его сановники, да и прочее население отлично понимают это значение настоящего движения и при каждом случае наперебой высказывают благодарность командующему войсками, разрешившему отряду сделать движение на левом берегу.

Вчерашний день в отряд приехали посланцы хана с новым заявлением благодарности и с просьбой от хана разрешить ему приехать в отряд. Находя неудобным допустить хана до этого шага, так как это слишком ясно докажет населению, что он находится под нашим влиянием, я поручил передать хану, что лично с ним повидаюсь, для чего обратным движением к Петро-Александровску пройду мимо Хивы. Свидание с ханом не будет бесполезно; есть немало вопросов, о которых нужно переговорить с ним; кроме того, нужно лично ему посоветовать, как вести дальнейшие дела с туркменами.

Рассчитываю быть около Хивы с отрядом около 30-го числа.

Погода благоприятствует движению: дни очень хороши и дороги сухи; по ночам довольно холодно, но люди, имея кошмы и шубы, спят отлично, достается только более или менее сторожевой цепи. Здоровье людей очень хорошее.

Недостатка ни в фураже, ни в топливе отряд не встречает[1].

ЦГВИА, ф 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, ед. хр. 79, лл. 16—19 об. Заверенная копия.

[1] Документ без подписи, заверен капитаном Ефремовым—правителем канцелярии начальника Аму-Дарьинского отдела.

№ 72

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о поездке хивинского хана по туркменским кочевьям и ходе взыскания контрибуции

25 февраля 1875 г.

За последнюю неделю от хана хивинского прислано в счет контрибуции с туркмен, как Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемой ведомости, 3948 руб. 40 коп. По заявлению хана и по сведениям, полученным от лазутчиков, на левом берегу повсеместно полное спокойствие, туркмены сидят на местах и понемногу уплачивают все деньги.

Поездка хана по туркменским кочевьям состоялась; он выехал из Хивы 22-го числа к Хазавату; предположение выехать 20-го числа отменено,—ибо, как пишет хан в своем письме ко мне, 27-й день месяца мухарама, по исчислению, день несчастливый для поездки на запад; с ханом отправились мехтер, кушбеги, все его родственники, за исключением брата хана[1], оставленного в Хиве; вся свита до 2 тыс. человек, в составе конвоя две пушки и 200 человек стрелков; из них—100 пеших и 100 конных.

По сведениям, лично хан хорошо настроен, но его свита и конвой трусят, туземные сплетники толкуют, что достаточно 200—300 туркмен, чтобы все лица, сопровождающие хана, разбежались, но вместе с тем уверяют, что ничего подобного не случится, так как впечатление страха прихода нашего отряда между туркменами велико...[2].

Начальник отдела артиллерии полковник Иванов

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 79, лл. 103—103 об и 125. Подлинник.

[1] В своем донесении начальнику Кавказского горского управления от 21 июля 1874 г. начальник Закаспийского отдела доносил о ходатайстве брата хивинского хана Атаджан-тюре разрешить ему поездку в Европу. Докладывая о необходимости отказать ему в этом, Ломакин отмечал, что «несомненная цель этой поездки—пробраться в Турцию, где он и в первую свою поездку достаточно успел уже нафанатизироваться, при теперешнем же положении дел его приездом... могут воспользоваться, чтобы поставить его... во главе враждебного нам движения в здешних степях» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 43—44).

[2] Далее следуют не представляющие интереса данные о погоде.

№ 73

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о поездке хивинского хана по туркменским кочевьям и обложения их податью

28 февраля 1875 г.

Путешествие хана хивинского по земле туркмен, о котором я имел честь доносить Вашему превосходительству в рапорте № 397, идет благополучно и, если дело будет также продолжаться и дальше, можно надеяться на весьма полезные результаты. Пока хан держит себя весьма прилично и толково. Кроме сведений, частно мною имеемых о поездке, Сеид Мухаммед Рахим прислал мне 26 числа этого месяца письмо из Исмамут-Ата, в котором он остановился на два дня, поставив их на окончание разных дел между иомудами хазаватскими. Хан объявил туркменам, получающим воду из Хазаватского арыка, что с настоящего года он накладывает на них салгыт по примеру того, как таковой уплачивается узбекским населением ханства; туркмены, покорно выслушав заявление, просили обратить внимание на их положение, говоря, что им, обремененным большими долгами, трудно будет в первое время платить значительные подати, а потому, снисходя к их просьбе, хан наложил на хазаватских иомудов, обрабатывающих, по заявлению самих же туркмен, до 30 тыс. танапов земли, в салгыт 10 тыс. тиллей в год, из которых 2 тыс. они должны внести немедленно, а остальные — к тому времени,когда салгытная подать уплачивается узбекским населением. Кроме того, взамен рабочих по очистке арыков (казучи), туркмены за каждого рабочего, который понадобится, обязались платить по 2 тилли. Салгытную подать в 10000 тиллей хан установил на три года и затем предварил туркмен, что в последующее время он наложит подать иначе...[1]

Опасаясь, чтобы безусловная покорность туркмен не вскружила головы самому хану и чтобы он, уверившись в своей силе, не вздумал прибегать к каким-либо крутым мерам с туркменами, что совершенно в духе и характере азиатцев, я в ответе своем на его письмо нашел необходимым снова написать о мерах кротости; копию с моего письма при этом для сведения Вашего превосходительства представляю.

---

[1] Далее следуют не представляющие особого интереса сведения о взаимоотношениях туркменских старшин и хивинского хана.

Кроме этого, я нашел полезным одного из доверенных мне туземцев послать к хану, дабы он состоял при нем во все время ханского путешествия и сообщал мне всякие подробности. Затем, что будет дальше, буду иметь честь Вашему превосходительству донести.

Начальник отдела артиллерии полковник Иванов.

ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 79, лл. 109—111. Подлинник.

№ 74

Отношение военного министра наместнику кавказскому о распоряжении царя не предпринимать дальнейших наступательных действий в глубь Туркмении

3 апреля 1875 г.

Ваше императорское высочество.

Государю императору угодно воспользоваться пребыванием здесь посла нашего в Лондоне генерал-адъютанта графа Шувалова, а также и помощника Вашего генерал-адъютанта князя Святополк-Мирского и главного начальника Туркестанского военного округа генерал-адъютанта фон-Кауфмана I, чтобы лично разъяснить некоторые вопросы, относящиеся к положению нашему в Средней Азии, и привести к полному единству действия Министерства иностранных дел и военного по этим вопросам.

Вашему императорскому высочеству известно, с какою ревнивою подозрительностью Англия следит за каждым нашим шагом в Средней Азии. Несмотря на последовавшие формальные соглашения с великобританским правительством относительно установления промежуточной зоны и точного назначения, по указанию самих же англичан, северной границы этой зоны, — границы, которую мы обязались не переступать,—правительство это, однако же, не может спокойно смотреть на успехи наши и вне условленной промежуточной зоны. Самое же чувствительное для них место условленной демаркационной линии есть Мерв как пункт, лежащий на кратчайшем и удобнейшем пути от берегов Каспийского моря к северным пределам Афганистана. Английский министр иностранных дел прямо выразился в разговоре с послом нашим, что движение наше к Мерву заставит Англию, с своей сторо-

ны, сделать движение вперед для ограждения неприкосновенности владений Ширали-хана.

Хотя такие притязания великобританского правительства не имеют никакого законного основания и не вытекают из предшествующих дипломатических соглашений, однако же государь император изволил положительно выразить высочайшую волю, чтобы отнюдь не подавать с нашей стороны повода к нарушению существующих дружественных отношений России с Англией.

Его величеству угодно, чтобы пограничные наши начальники как со стороны Кавказского военного округа, так и Туркестанского, поставили себе задачей избегать сколь возможно наступательного образа действий и не переступать без крайности наших границ там, где они в последнее время установились.

В Закаспийском крае до сих пор определена только граница наша с Персией на низовьях Атрека; далее к востоку не существует никакой черты, ограничивающей наши закаспийские владения со стороны туркменских родов. Поэтому здесь еще более, чем в других частях нашей азиатской окраины, местным начальникам необходимо соблюдать крайнюю осторожность в своих предприятиях и избегать сколь возможно всяких наступательных действий, которые могли бы завлечь нас далее того, чего мы сами желали. В этом смысле уже неоднократно была выражена высочайшая воля и, согласно сему, давались инструкции местным начальникам. Донесения генерал-майора Ломакина за последнее время показывают, что он вполне усвоил себе этот взгляд высшего правительства на образ действий наших и в тех краях, и его величеству было весьма приятно видеть старания его завести мирные, торговые сношения с туркменами. Остается лишь желать, чтобы он и впредь продолжал неотступно следовать той же системе действий, стараясь, сколь возможно, не прибегать к оружию. Я имел уже честь довести до сведения Вашего императорского высочества повеление государя императора о том, чтобы отметить предположенное занятие нового пункта в долине Атрека, причем, однако же, присовокупили, что его величество не воспрещает предпринимать по временам рекогносцировки, подобные той, которую совершил в недавнее время генерал-майор Ломакин. Но движения эти следует производить с крайнею осмотрительностью и так, чтобы они отнюдь не могли вовлечь нас без крайней необходимости в открытое столкновение с туркменами. Во всяком случае, государь император не дозволяет положительно никакого предприятия, которое могло бы быть принято за наступательное движение к Мерву. По этому предмету его величеству угодно было мне повелеть объявить положительную высочайшую волю.

Исполняя сим возложенное на меня поручение, смею вновь выразить чувства глубочайшего высокопочитания, с коим имею честь быть Вашего императорского высочества всепокорнейший и преданнейший слуга.

Генерал-адъютант Милютин[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 5—8. Копия заверенная.

№ 75

Инструкция начальника Кавказского горского управления начальнику Закаспийского военного отдела о дальнейших его действиях в Туркмении

22 апреля 1875 г.

Я препроводил к Вам при официальном отзыве для руководства выписку из письма военного министра за № 57 к главнокомандующему Кавказской армией.

Независимо сего, государю великому князю благоугодно было приказать для полного ознакомления с видами нашего правительства сообщить Вам для личного Вашего сведения копию со всего означенного письма, которую при сем препровождаю, и из которой Вы усмотрите, какие политические соображения подали повод к тем указаниям, исполнение коих вменяется Вам в строгую обязанность.

Его императорскому высочеству весьма приятно было видеть, что распоряжения и действия Ваши в Закаспийском отделе удостоились высочайшего одобрения. Государь великий князь остается в полной уверенности, что Вы и впредь будете заслуживать подобного похвального отзыва и что разрешенное Вам в нынешнем году движение, благодаря Вашей умеренности и опытности, будет исполнено столь же удачно и покойно, как и в минувшем году.

С своей стороны я считаю долгом напомнить Вам разговоры наши при личном нашем свидании здесь о значении, которое приобретает для нас граница по Атреку с тех пор, как достоверно известно, что на правом берегу его расположено многочисленное оседлое курдское население, признающее власть шаха. Вы мне сообщили, что в минувшем

[1] На документе надпись: «Резолюция его императорского высочества: «К строгому и неуклонному руководству». Верно: за отсутствием старшего адъютанта окружного штаба, майор... (подпись)».

году персидские чиновники неоднократно намекали Вам, что персидскому правительству не будет неприятно, если для наказания хищников, с которыми он сам справиться не может,—Вы будете переходить на левый берег. Я Вам разъяснил истинный смысл этих намеков, клонящихся к тому, чтобы умалить значение переговоров 1869 г. о настоящей границе и довести нас, через нарушение конвенции, к пересмотру невыгодного для Персии условия. Обращаю вновь Ваше внимание на ту безусловную неприкосновенность, которую должна иметь для нас при нынешней постановке вопроса условленная пограничная черта. Она для нас слишком выгодна, чтобы подать Персии право оспаривать ее, а посему на левый берег Атрека Вы отнюдь переходить не должны, даже в том случае, если Вам пришлось бы отразить нападение гёкленов и курдов.

От Дуз-Олума, в продолжение стоянки Вашей на Атреке, Вы, может быть, поднимитесь до границы занимаемых персидскими курдами земель. Хотя эта территория, по конвенции, принадлежит нам, но о занимаемом ее населении тогда упоминаемо не было, и отношения Ваши к нему будут весьма щекотливы. Все будет зависеть от его настроения и расположения к нам. Но и тут Вы должны руководствоваться не правом, предоставляемом нам смыслом конвенции, но теми указаниями, которые Вам даны, и при малейшем недоброжелательстве со стороны курдов переступать за их границу не следует. Вообще же Вы должны избегать всякого столкновения и с местным населением, и с персидскими властями и помнить, что настоящее Ваше движение рекогносцировки, а не экспедиции.

Примите, милостивый государь, уверение в искреннем моем к Вам уважении и преданности.

Генерал-майор В. Франкини

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 11—12. Копия заверенная.

№ 76

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахале и взаимоотношениях с текинцами

22 июня 1875 г.

В рапорте от 4 мая за № 866 я представил на благоусмотрение Вашего превосходительства последние сведения о положении дел в Ахал-Теке[1]. С тех пор там произошло много перемен самых благоприятных для нас; с прибытием туда из Мерва Нурберды-хана, бывшего полновластного хана всего Ахал-Теке. Человек этот пользуется у текинцев громадным влиянием и почетом, при этом он во вражде с Коушут-ханом Мервским, будучи даже и в Мерве его опасным соперником.

С прибытием его мервская партия присмотрела, и все прибывшие оттуда подстрекать текинцев против нас должны были немедленно удалиться.

Остался только брат его Худайберды-хан, о коем доносил в означенном выше рапорте, и которого теперь народ, между тем, избрал главным ханом в Беш-Кала, т. е. в ближайших к нам крепостях*.

Таковая перемена в положении дел в Ахал-Теке не замедлила выразиться высылкою ко мне в Красноводск еще 10 пленных иомудов и присылкою писем от Софи-хана, Караджа-хана и от других бывших у меня ханов. Прибывшие с этими пленными и письмами текинцы сообщили мне, во-первых, что Худайберды-хан желает сближения с нами, а, во-вторых, что в Ахал-Теке все сильно встревожены предстоящим движением нашего отряда, что там убеждены, что я иду в Теке, и потому там, с одной стороны, идут деятельные военные приготовления и большие сборы, а с другой—все прячут в пески имущество и собираются бежать. В это самое время прибыли в Красноводск из Хивы два больших каравана, о коих я уже доносил Вашему превосходительству, и с одним из них хивинский хан, по моей просьбе, прислал ко мне трех пленных текинцев—детей лет 10-ти, родственников Нурберды-ишана[1]. Я приказал этих детей одеть и, одарив их, отправил в Теке с прибывшими ко мне текинцами, вручив им письмо к четырем главным текинцам ханам-правителям Ахал-Теке. Копию с этого письма имею честь представить при сем. Письмо это, а главное настоящее движение отряда по Узбою,—причем мы находились постоянно в двух-трех переходах от Теке и в одном переходе от песков, где в это время находился весь скот текинцев,—произвело желаемое действие.

Немедленно были разосланы повсюду гонцы, чтобы все кетхуды и старшины от всех ахал-текинских обществ и крепостей собирались в Геок-Тепе, резиденцию четырех ханов-правителей и главного ишана Курбан Мурада.

[1] Документ не обнаружен.

* Он и прежде, при общем управлении всеми текинцами Нурберды-хана, был главным ханом; потом попался в плен к курдам, откуда недавно бежал и жил в Мерве; это весьма влиятельный и любимый народом старик.

[1] Видимо, Нурберды ошибочно назван «ишаном».

На этом чрезвычайном собрании народа поставлено немедленно возвратить нам всех остальных пленных иомудов, захваченных в прошлом году в ауле Халлы-сардара; возвратить присланному от хивинского хана юзбаши всех пленных и имущество хивинских иомудов, захваченных в этом году подле Сары-Камыша; избрать от каждого из четырех отдельных текинских обществ* по два уполномоченных ханов или кетхуд и четырех от них послать ко мне, а четырех—к хивинскому хану с изъявлением полной покорности от всего ахал-текинского общества и с заверением, что все текинцы эти, даже утамышцы, склоняющиеся доселе на сторону Мерва, всегда готовы будут исполнять наши приказания и что кто осмелится нападать на иомудов наших или хивинских, или на караваны, следующие между Хивой, Красноводском и Атреком, и грабить их, тот будет казнен. При этом избрано было сорок феррашей, которым и поручено следить за исполнением всего этого.

Между тем, как это происходило в Геок-Тепе, все без исключения главные ханы от всех крепостей до Арчмана явились ко мне в Игды 10 июня с самыми миролюбивыми заявлениями, с предложением покорности и преданности. В то же время прибыли ко мне с письмами от Тыкма-сардара, главного текинского военного начальника, хана утамышской крепости Беурма и от Назар-бека, хана всей текинской чарвы, их ближайшие родственники, — также с изъявлением безусловной покорности.

21 июня, на обратном пути из Игдов, у колодца Арват, приехало с Софи-ханом (последний прибыл в отряд уже другой раз за эту рекогносцировку) еще несколько ханов с такими же заявлениями. Они привезли в отряд 10 человек остальных пленных, освобожденных в силу приведенного выше постановления народного собрания, и для продажи—ковры, паласы, муку, масло, ячмень; фрукты и лошадей; при отряде открылся настоящий базар, и в первый же день продано было тысячи на полторы. Так начались наши торговые сношения с текинцами[1].

* Общества эти делятся на два племени: тохтамыш, состоящее из отделения бег и векиль, утамыш—из отделений сычмаз и даш-аяк.

[1] Интересно отметить, что в объявлении об открытии 15 апреля 1875 г. в Красноводске ярмарки отмечалось, что туркмены будут доставлять на нее «шерсть, кожу, меха, войлоки, ковры, ковровые половики, хурджины, калийную, соль, нефть, нефтагиль, бараны, верблюды и пр.» в обмен на «ситцы ярких цветов, бязь, миткаль, коленкор, сукна цветные галуны, платки, кумач гладкий и с узором, чашки, посуда, самовары, котлы, таганы, зеркала, сундуки, коришз, сандал, гребни, сахар, чай и прочее» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 7249, л. 24).

22-го числа снова прибыло в отряд несколько ханов — родственников Тыкма-сардара; полученное от него письмо при сем представляю. Они тоже привезли для продажи ковры. Список всех текинских ханов и старшин, бывших у меня с изъявлением покорности 10, 12 и 22 июня, при сем представляется. Завтра с прочими ханами должны прибыть к отряду в Джемала означенные выше уполномоченные доверенные хана и кетхуды от всего Ахал-Теке.

Таким образом, настоящая рекогносцировка в деле успокоения и умиротворения этого края сделала более, чем могли бы сделать несколько экспедиций во внутрь Теке.

Отныне можно надеяться, что беспрепятственное и безопасное движение между Красноводском и Хивой будет обеспечено и, таким образом, священная воля государя императора в отношении этого края исполнена в точности одними мирными путями,—в крае, столь еще диком и еще недавно нам так враждебном, достигнуты столь благие результаты. Никогда еще в здешних степях не было так смирно и так спокойно, как теперь; несколько моих нарочных ездили в Красноводск, в Хиву и обратно, встречались с текинцами и мирно расходились, проезжали даже через Теке; через Текинский же оазис, против Геок-Тепе, прошла на родину целая партия в 500 человек, освобожденных недавно от хивинских иомудов пленных персиян, а к нам в отряд в Арвате два иомудских безоружных пастуха пригнали целое стадо баранов для довольствия войск, хотя по пути и встречались текинцы.

Генерал-майор Ломакин

ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, лл. 243—246. Копия.

№ 77

Отношение начальника Закаспийского военного отдела начальнику Аму-Дарьинского отдела о просьбе ахал-текинцами покровительства

26 июня 1875 г.

Имею честь препроводить при сем к Вашему высокоблагородию для сведения копии с рапортов моих к начальнику Кавказского горского управления от 23 июня за №№ 37 и 38 и с письма моего хивинскому хану Сеид Мухаммед

Рахим-хану от 26-го сего же июня о ходе настоящей рекогносцировки и о положении дел в Теке.

При этом необходимым считаю присовокупить, что после отправления из отряда донесения моего за № 37 о положении дел в Теке прибыли ко мне в Джемала 23 июня четыре текинских кетхуда, уполномоченные и доверенные депутаты от всех 4-х отдельных обществ Ахал-Теке*.

Они привезли заявление, присланное на имя мое от четырех главных текинских ханов-правителей: Овез Дурды-хана, Кардыон-деш[1], Ораз Мамед-хана и Хезрет Кули-сардара, от 20 июня находящихся в Геок-Тепе. Заявление это, основанное на постановлении бывшего в Геок-Тепе чрезвычайного собрания текинского народа, причем в переводе к Вам препровождаю, а также и письмо мое к этим ханам, послужившее поводом к этим заявлениям.

Сущность заявления явившихся ко мне теперь депутатов всего ахал-текинского народа, имена коих Мухаммед Али-кази, Ата Блидж-сардар (тохтамышцы), Дервиш-ишан и Кара-сардар (утамышцы)**, заключается в следующем:

1) Из окружающих нашу землю владений: Хивы, Бухары, Афганистана, Курдистана и Персии, каждое давно уже домогается присоединить наше маленькое общество к своим владениям; но [так] как им это не удается, то они нас постоянно разоряют и грабят, мы отвечаем им тем же. Мы рассудили, что единственное средство прекратить это тяжелое для нас положение и избавиться от всех подобных притязаний,—это покориться великому русскому ак-падишаху, как сильнейшему и могущественнейшему из всех царей, и просить его принять наш народ под его высокое и милостивое покровительство. Мы всегда готовы ему служить верою и правдою, и так как наши люди почти все воины, то в случае надобности, по первому слову ак-падишаха, они охотно выставят несколько тысяч отличных всадников и с радостью пойдут на войну, куда он укажет. Так пользовались не раз службой текинцев и Чингис-хан, и Надир-шах, и текинцы, как сказано в наших книгах, всегда отлично им служили.

---

* Названия этих отдельных обществ приведены в прилагаемой копии с моего рапорта.

[1] Так в тексте, видимо, Караджа-хан.

** С ними прибыли Караджа-хан (один из главных текинских ханов), еще два хана и до 20 старшин

2) Более 100 лет тому назад предки хивинских ханов покорили текинцев, а как теперешний хивинский хан—покорный и преданный слуга ак-падишаха, то и текинцы, желая быть отныне верными слугами того же великого ак-падишаха, желают оставаться в прежних подвластных отношениях к хивинскому хану.

3) От бывших властелинов текинской земли (Чингис-хана, Надир-шаха и др.) текинцы имеют несколько жалованных грамот, утверждающих их личные и поземельные права; они просят теперь подтверждения этих грамот и прав русским правительством.

Я передал им на это, чтобы они означенные грамоты предъявили мне для представления таковых на милостивое воззрение его императорского величества.

4) Ахал-текинцы обязываются отныне всякие враждебные действия и отношения с иомудами как с нашими, так и с хивинскими, прекратить, прося не оставлять без наказания тех из иомудов, которые будут грабить и разорять их.

Торговые караваны, следующие из Хивы в Красноводск, на Атрек и обратно, они не только что не будут трогать и грабить, но даже будут содействовать и помогать этому караванному торговому движению. Они избрали из среды себя до 100 феррашей, которые обязаны следить, чтобы не было грабежей, грабителей же будут преследовать и по приказанию ханов-правителей казнить. Так, за последнее время уже казнено 6 разбойников.

5) Торговые люди, кто бы они не были, могут приезжать в Теке и заниматься своими делами, в чем им никакого препятствия не будет и они на свою безопасность, находясь в Теке, могут вполне рассчитывать.

Со своей же стороны текинцы просят, чтобы и их торговые люди имели бы покровительство и защиту во время пребывания их в Красноводске, на Атреке, в Баку и других местах.

Ко всем вышеизложенным заявлениям безусловно присоединились и другие текинские общества, которые, хотя и входят в состав главных четырех обществ, от коих присланы уполномоченные, но пользуются особым самоуправлением, имея своих особых ханов, как-то: крепости от Кизыл-Арвата до Беурмы, называемые Беш-Кала и находящиеся под управлением Худайберды-хана; креп. Беурма под управлением Тыкма-сардара и крепости от Арчмана до Яраджи, составляющие собственно удел Нурберды-хана и находящегося под управлением сына его Берды Мурад-хана. От этих крепостей, хан-правитель Беш-Кала сам был у меня в Игдах с 17 другими ханами; правитель Беурмы—Тыкма-

сардар прислал своего старшего брата Рахт-сардара, а от удела Нурберды-хана прибыл брат его Караджа-хан с письмом от сына Нурберды-хана Берды Мурад-хана. Все они безусловно подтвердили и присоединяются к заявлению 4-х текинских уполномоченных кетхудов.

Без сомнения, только время покажет, насколько все это прочно и насколько можно полагаться на эти заявления; но что они в настоящее время вполне искренни и имеют важное для разделяющих нас степей значение, в этом я убеждаюсь уже теми результатами, о коих упомянул в прилагаемом моем рапорте № 37.

При этом весьма важно, чтобы хивинский хан принял и со своей стороны деятельные меры, чтобы его иомуды прекратили грабежи в Теке и чтобы он, пользуясь настоящим обаянием его власти, после Вашего движения, строго бы наказал тех грабителей, на коих я ему указал в письме к нему; на что и имею честь покорнейше просить не оставить Вашим содействием и советами хану.

Из прилагаемого рапорта моего к начальнику Кавказского горского управления за № 38 Ваше высокоблагородие изволите усмотреть, что я с вверенным мне отрядом возвращаюсь уже в Молла-Кара, куда рассчитываю прибыть 4 июля. Из Молла-Кара я отправляюсь в Красноводск 5-го числа недели на три, а отряд оставлю на это время в Молла-Кара для отдыха, в котором они крайне нуждаются после 635-верстного тяжелого похода до Игдов и обратно.

После трехнедельного пребывания в Красноводске и обеспечения тем временем отряда продовольствием на дальнейшее время, я передвинусь с отрядом к Атреку в начале августа; к тому времени там должны собраться старшины всех наших иомудов, которым я объявлю о настоящем обороте дел в Теке и строжайше внушу, чтобы иомуды впредь жили с текинцами мирно и прекратили бы всякие враждебные отношения с ними под опасением строжайшей ответственности.

Таким образом, при содействии хана надеюсь с божиею помощью водворить в здешних степях желаемое спокойствие.

Начальник отдела генерал-майор Ломакин.

ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, лл. 233—237. Заверенная копия.

№ 78

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о рекогносцировке на Атрек[1] и торговых отношениях с текинцами[2]

27 июля 1875 г.

...Текинские старшины и ханы продолжают нас посещать, привозят для продажи ковры и лошадей. С сегодняшнею шхуной отправляется в Баку партия текинцев; первые же вернулись оттуда в восторге от всего виденного там[3].

ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, лл. 269—271 об.

№ 79

Телеграмма начальника Закаспийского военного отдела о положении в Ахале и торговле с Хивой[4]

На этих днях снова прибыли ко мне [из] Теке аксакалы с известием относительно [возвра]щения[5] имущества, ограбленного в Кум-Се[бшене] из караавна Глуховского. Для по-

[1] Этой рекогносцировке предшествовала рекогносцировка на Узбой, ход которой освещен в рапортах начальника Аму-Дарьинского военного отдела от 28 апреля 1875 г. (ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, лл. 167—168), начальника Закаспийского военного отдела от 18 июня 1875 г. (Там же, лл. 247—252 об); от 10 июля 1875 г. (там же, лл. 261—263 об) и в его же рапорте от 12 июля 1875 г. (там же, лл. 264—268 об); документы эти, ввиду их специального, не относящегося к теме настоящего сборника интереса, нами не публикуются. В этой рекогносцировке заслуживают упоминания лишь два обстоятельства: во-первых, участие в ней туркмен, в том числе «всадников туркменской милиции» и упомянутого в документе в связи с его оппозицией к хивинскому хану Молла-Дундара и Ильгельды-хана и, во-вторых, констатация того факта, что установившиеся с текинцами мирные отношения обеспечили движение из Красноводска в Хиву 4-х «больших караванов, слишком на 200 верблюдах».

[2] Начало документа, посвященное описанию подготовки к рекогносцировке и движения рекогносцировочного отряда, интереса не представляет. Обращают на себя внимание лишь сведения о том, что население, прикочевавшее из Атрек-Гурганского района на территории отдела, как писал Ломакин, ожидает прихода русского отряда «и готовится к его встрече,—всюду выставляются кибитки, очищаются колодцы, приготовляются для войск бараны и топливо» (ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, л. 269).

[3] Документ без подписи.

[4] Документ не датирован.

[5] Некоторые места документа сильно повреждены.

лучения имущества прибыли в Теке из Хивы [и Хорасана] два юзбаши. Караванное торговое движение с Хивой продолжается весьма деятельно. В крае все благополучно, [состояние] войск хорошее.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз ССР, ф. 545, д. 1251, л. 4.

№ 80

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа об Атрекской рекогносцировке, развитии торговли, положении в Ахале, взаимоотношениях туркмен с хивинским ханом и просьбе хивинских гёкленов о русском покровительстве

11 ноября 1875 г.

В дополнение рапорта моего [от] 22 сентября за № 2788 имею честь донести Вашему высокопревосходительству, что из копий с донесений генерал-майора Ломакина начальнику Кавказского горского управления, полученных мною с джигитом 30 числа прошлого месяца, видно, что отряд, прибыв в Баят Хаджи 4 сентября, расположился лагерем на берегу Атрека у бывшего нашего временного укрепления.

Здесь, как и раньше по пути, генерал Ломакин встретил полное радушие со стороны населения, склонность его мирным торговым сношениям и нашел, что туркмены, бывшие не раз в Астрахани и Нижнем, правду говорили ему, что если в Баят Хаджи будет постоянное укрепление, то этот пункт может скоро обратиться в другой «Макарьев».

Здесь, пишет генерал Ломакин в донесении,—такая бездна народа и такое огромное количество разных сырых продуктов, не имеющих никакого сбыта и пропадающих даром, что в этом и сомневаться невозможно. При этом климат весьма здоровый, подле есть хорошие покосы и отличный корм для скота; кроме того, за этот пункт много говорит также хорошая всего 70-верстная возная дорога к морю и довольно удобный там рейд, совершенно безопасный для стоянки во всякое время мелких судов.

За время этой экспедиции отряду удалось посетить все без исключения аулы нашей чарвы как западной, так и восточной,—до 7 тыс. кибиток, и благодаря бывшим при этом сношениям с кочующими генерал Ломакин надеется на самые желательные результаты, и что подобные мирные сно-

шения должны будут, без сомнения, иметь надлежащее влияние и весьма внушительное значение даже и на Мерв, не говоря уже про Ахал-Теке, где снова произошла, была, междоусобица, вследствие ссоры их ханов, окончившаяся, впрочем, без дурных последствий.

Нарушенные было благодаря этому торговые и другие сношения между текинцами и приатрекскими иомудами, по-видимому, восстановились и заметно учащаются; и хоть за это последнее время и было с той и другой стороны обоюдно два-три случая мелкого воровства, но уже о крупных грабежах, насилии и нападении партиями друг на друга и на караваны уже более года не слышно*.

Между прочим, прибывший к генералу Ломакину Ильгельды-хан сообщил, что ахал-текинцы возвратили присланному к ним от хивинского хана юзбаши всех пленных, захваченных ими в начале этого года между Сары-Камышом и Ургенчем, и обязались взамен прежней подати ему по верблюду от каждой крепости платить ежегодно по двенадцати руб. от каждой их канавы**.

С Ильгельды-ханом прибыли также четыре депутата от хивинских гёкленов[1], кочующих в верховьях Сумбара и Чандыра, подле развалин кр. Карры-Кала. Они просят о принятии их народа под покровительство России.

16 сентября была предпринята рекогносцировка из Баят-Хаджи к Чату и оттуда вверх по Сумбару с четырьмя ротами, взводом полевых орудий и сотнею казаков при ракетном дивизионе. Остальные же четыре роты и горные орудия оставались на время рекогносцировки в Баят-Хаджи в прикрытие вагенбурга.

Во время этого движения отряду встретился текинский караван, шедший на Атрек с хлебом, зеленью (лук и чеснок) и с разным товаром и имевший в прикрытие до 60 человек. Бывшие при этом караване люди сообщили, что в Теке пока спокойно, но между Нурберды-ханом и четырьмя ханами-правителями дальнего Ахал-Теке снова началась вражда[2], для прекращения коей Нурберды-хан даже сам ездил в Геок-Тепе, прожил там несколько дней у Курбан Мурад-ишана (главного в Теке), виделся там несколько раз

---

* Как видно, генералу Ломакину не было еще известно о разграблении каравана на колод. Кум-Себшен, рапорт мой № 3164.

** Насколько мне известно, подобных обязательств не заявлено хану.

[1] Видимо, речь идет о гёкленах, переселившихся из Хивы в Карры-Кала.

[2] Объясняя причины этой вражды, российский консул в Астрабаде Бакунин в своем отношении Ломакину от 12 января 1878 г. отмечал, что причиной столкновения было неудовольствие дальних туркмен-теке на ближайших за отношение их с русскими (ЦГИА Груз ССР, ф. 546, д. 7251, лл. 4223).

с этими четырьмя ханами, но под конец еще больше поссорился с ними. Дело, кажется, все в том; что в массе всего ахал-текинского народа; в среде всех влиятельных и здравомыслящих людей в этом крае все более и более выражается мнение о необходимости, чтоб Нурберды-хан по-прежнему был одним полновластным ханом над всем сопредельным нам Текинским оазисом, что и вооружает против него означенных четырех ханов-правителей дальнего Ахал-Теке, которые должны будут потерять тогда всякую власть и значение в народе.

25 сентября рекогносцировочный отряд вернулся в Бият-Хаджи, где генерал Ломакин полагает остаться до конца того же месяца и затем пойдет вниз по Атреку, дабы иметь возможность еще раз посетить аулы нашей чарвы, расположившиеся пока по правому берегу этой реки, в низовьях оной.

Начальник отдела полковник Иванов

ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, лл. 331—334.

№ 81

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о положении в туркменских районах

18 ноября 1875 г.

Старшины и другие посланцы из Ахала, приехавшие в Хиву (рапорт за № 3310), как пишет мне хан хивинский, возвращаются домой. Они берут с собою назначенных ханом людей для управления текинцами: Мусу Мутавайли и Ванс Ниязюзбаши, обещаясь водворить спокойствие в народе, прекратить грабежи караванов и возвратить все ограбленное до сего времени.

В то время, когда людьми, приехавшими в Хиву, даются такие обещания, их родичи на местности Тамлы, в десяти переходах от Змукшира, произвели новый крупный грабеж. Разграбили довольно большой иомудский караван и шедших при нем на родину 60 человек персиян, бывших рабов. Какая участь постигла этих последних — неизвестно*. Таким обра-

* Этот грабеж произведен текинцами, вышедшими от Мерва (рапорт полк. Иванова № 3575).

зом, несмотря на все хлопоты и старания водворить мирным путем спокойствие и порядок между Ахал-Теке, ничего сделать не удается, и путь между Аму и Каспием закрыт для движения торговли. С наступлением осенних холодов текинцы из Мерва начинают, по обыкновению, свои шалости. Около недели тому назад маленькая партия их разграбила на кр. Кукертли, на правом берегу Аму-Дарьи в Бухарских пределах небольшой караван угольщиков. Так как одновременно были получены слухи о появлении на высоте Уч-Учака других шаек тех же теке, то я нашел полезным послать вверх по Аму-Дарье до высоты Уч-Учака разъезд из сотни казаков, предложив одновременно хану хивинскому двинуть вверх по Аму параллельно движению нашей сотни и своих нукеров, стоящих на высоте Питняка; эти движения должны отозваться полезно на спокойствии в данной местности, чего особенно интересно желать ввиду значительного числа караванов, двигающихся по обыкновению в это время между Бухарою и Хивою.

Туркмены хивинские ведут себя очень хорошо; иомуды окончили уплату ханского салгыта и по первому приказанию хана, как мне пишут из Хивы, возвратили ахал-текинцам всех пленных, которые еще у них были. Уплату остатков контрибуции, наложенной на туркмен Вашим превосходительством, туркмены обещают также вскоре окончить. Вообще в Хивинском оазисе спокойно и благополучно.

О всем вышеизложенном до сведения Вашего высокопревосходительства почтительно довести честь имею.

Начальник отдела артиллерии полковник Иванов.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 22 — 23. Копия заверенная.

№ 82

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела о положении в Ахале, развитии торговли и открытии залежей нефтогиля[1]

В крае все спокойно, здоровье войск превосходно. Красноводск встретил текинских ханов. Нурберды-хан избран главным текинским ханом Ахал-Теке, пока все его слушают, подчиняются ему безусловно. Первого отправляется [в] Хиву караван [в] двести верблюдов, пришедший перед тем из Хивы. Бакинское нефтяное общество открывает большой склад фотогена [в] Хиве, Ташкенте на десятки тысяч пудов. Агент общест-

[1] Документ не датирован.

ва и первый большой транспорт фотогена на днях отправляются [в] Хиву. Вообще запрос на фотоген с бассейнов Сыра и Аму ограниченный. На участке Нобеля—Челекене—открыты значительные залежи нефтогиля. Полковник Иванов опасается серьезных беспорядков между казаками, выселенными из Уральской области.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 32 — 33.

№ 83

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахале и торговле с Хивой

30 ноября 1875 г.

За последние две недели со времени представления Вашему превосходительству с прошлою почтою донесения о положении дел во вверенном мне крае, здесь все было спокойно и благополучно.

Хотя из Теке я за это время еще не имел никаких новых сведений и известий, но по пути между Красноводском и Хивой, по-видимому, по-прежнему довольно спокойно и безопасно: за это время по этому пути благополучно проследовали две наши хивинские почты, прошли три каравана отсюда в Хиву, оттуда тоже пришел один караван и прикочевал сюда один аул. Так что случай в Кум-Себшене, по-видимому, не имел особенного влияния на караванное торговое движение по этому пути.

Вследствие этого и брат хивинского хана Атаджан-тюря (рапорт мой № 2107) обратился ко мне с убедительною просьбою ввиду наступающего холодного зимнего времени разрешить ему отправиться теперь же в Хиву. Хотя я ему снова указал на настоящее смутное положение дел в Теке и советовал выждать разъяснения полученных мною последних сведений оттуда, но он объявил, что ждать более не может и с конвоем из 15 человек вполне благонадежных иомудов и лучших джигитов, выехал отсюда по Северной Карабугазской дороге 26 числа этого месяца.

Хана хивинского и полковника Иванова о выезде отсюда в Хиву Атаджана-тюря я предупредил.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 10—11.

№ 84

Докладная начальника Кавказского горского управления главнокомандующему Кавказскою армиею о мерах укрепления русского влияния среди туркмен-текинцев Ахала

14 января 1876 г.

Рекогносцировка по Узбою и р. Атрек, совершенная летом минувшего года войсками Закаспийского отдела под начальством генерал-майора Ломакина, принесла существенные результаты. Население доверчивее относится к администрации, бытовые порядки кочевников точнее изучены и урегулированы, топография местности обследована, наше нравственное влияние настолько усугубилось, что вполне независимое и враждебное нам племя теке выслало своих старшин и ханов с изъявлением покорности и просьбою принять их под покровительство России, или же подчинить их покорному русскому царю хивинскому хану. Первое из сих заявлений было сделано, как доносит генерал-майор Ломакин, одним из влиятельных текинских ханов—Нурберды-ханом, к которому примкнула большая часть правителей сего племени; второе же—незначительным меньшинством, предпочитающим главенство расслабленного и бессильного властелина строгому надзору русской власти.

Водворение спокойствия в наших Закаспийских степях зависит исключительно от устройства текинского племени. Без прекращения хищнических набегов и междоусобных раздоров текинцев мирное управление нашими кочевниками и безопасное следование наших караванов немыслимо[1]. Рано или поздно, но придется подчинить это племя ответственному надзору, а потому представленные письменные заявления о покорности имеют для нас весьма важное значение. Влиятельные лица этого племени проникнуты теперь убеждением, что настал конец неурядиц безначалий и что необходимо им переменить и род жизни, и внутренний строй. Не воспользоваться этим настроением и отказать текинцам в их просьбе значило бы отказаться от всякого влияния на их дела, возбудить неудовольствие той партии, которая искренно желает сблизиться с нами и надолго остановить развитие порядка и благоустройства в наших Закаспийских степях. Нельзя даже

[1] Еще 26 октября 1879 г. Письменный, ходатайствуя о предоставлении ему прав на аренду нефтеносных земель на Челекене и Балханах, отмечал, что безопасность эксплуатации «сих земель может быть гарантирована лишь занятием поста Беурме в местности, обитаемой племенем теке» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 2885, лл. 80—97).

ручаться, что, отстраняя себя от всякого вмешательства в их внутреннее переустройство, мы не подадим повода некоторым выдающимся личностям для удовлетворения своих собственных видов обратиться с подобным же заявлением к персидскому правительству, что создаст для нас новое ложение[1].

Но так [как] от вопроса: подчинить ли Ахал-Теке хивинскому хану или же присоединить его к Закаспийскому отделу, зависят не только наши дальнейшие отношения к этому воинственному племени, но вообще и характер наших действий на Закаспийской окраине, то необходимо обсудить выгоды и невыгоды, вытекающие из того или другого решения его.

Текинский оазис тянется от северо-востока к северо-западу на протяжении около 300 верст; хребет Копет-Даг, ограждающий его с запада, соединяется с Балханскими горами. Крайняя крепостица к северу (Кизыл-Арват) отстоит от Красноводска или Михайловского залива от 150 до 160 верст, дорога туда нами уже пройдена и оказывается удобною. Далее к северу текинская территория сопредельна с кочевьями номудов, подчиняющихся власти хивинского хана только благодаря поддержке русского оружия; к тому же крайний северный пункт ее находится от Аму-Дарьинского отдела и Хивы на расстоянии от 450 до 500 верст и пути между ними не известны, и едва ли удобны. Затем земля текинцев граничит с Мервом, население которого относится до сих пор к нам враждебно, между тем, как оно связано непрерывными сношениями с мелкими пограничными ханствами, над которыми официально признана нами власть кабульского эмира. Наконец, к югу племя теке соприкасается со стойбищами персидских курдов и гёкленов, с коими текинцы ведут постоянную войну[2], и персидское правительство, которое по наущению наших недоброжелателей, не прочь от того, чтобы заявить какие-то права на текинское племя, не только не в состоянии оградить свои пределы от набегов текинцев, но не

[1] Рассказывая об одном из таких случаев, консул Бакулин в донесении поверенному в делах в Иране от 7 октября 1875 г. сообщал «что сын Коушут-хана Теке из Мерва вместе с несколькими текинскими старшинами приезжал к правителю Хорасана Хаджи Захир уд-Довле, ходатайствуя о снабжении их продовольствием и дозволении поселиться в Новруз-Абаде в пределах Хорасана»... (см.. ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, л. 18).

[2] Это, однако, не мешало тому, что в восстаниях против каджарских властей одни оказывали помощь другим. Типичным в этом отношении является та связь, которая существовала между ними, как назвал его в донесении послу от 7 декабря 1875 г. консул Бакулин, «мятежным Абуль Хасан-ханом, сыном правителя Хорасана Шуджа уд-Довле с текинцами Ахала» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, л. 1251, л. 18).

может даже установить какой-либо порядок между курдами и гёкленами.

Нет никакого сомнения, что, если принять в расчет лишь интересы нашей внутренней и внешней торговли, следовало бы теперь же принять текинцев под непосредственное наше управление. Выше сказано, что свободное движение наших караванов по Закаспийским степям обусловливается исключительно настроением текинцев. С другой стороны, граница империи от устьев Атрека до верховьев Аму-Дарьи или совершенно открыта, или еще не определена и по мере того, как спокойствие будет все более и более устанавливаться в степях, вследствие наших рекогносцировок и сношений с кочевниками, ввоз иностранных товаров через Персию и Афганистан будет встречать все менее препятствий и, таким образом, усилия наши по прекращению хищничества будут обращаться в пользу иностранной торговли, что доказывается уже тем, что в продолжение одного минувшего лета проследовало до 1000 верблюдов из Персии через переправы на Нижнем Атреке в Хиву, т. е. по такому направлению, по которому в прежнее время караваны ходили в незначительном числе и с большою осторожностью; обложение же текинцев податью, наравне с нашими мангышлакскими киргизами; покрыло бы расходы по содержанию управления. К тому же, прибрав ахал-текинцев к рукам, мы имели бы возможность наблюдать за Мервом, откуда разбойничьи шайки направляют свои набеги до низовьев Аму-Дарьи и который в последнее время стал обращаться в складочное место иностранных товаров и в средоточие неприязненных нам замыслов.

Но прочное устройство управления между ахал-текинцами может быть достигнуто не иначе, как фактическим занятием какого-либо пункта на их территории, что обуславливается ассигнованием необходимых для этого средств.

Не менее того и официальное подчинение текинского племени власти хивинского хана едва ли может быть признано целесообразным, так как подобная мера, расширяя его территорию, поднимет нравственное значение его и превратит ханство из внутреннего государства в пограничное, которое будет прикасаться к племенам, расположенным вне района нашего влияния. Вместе с тем можно положительно сказать, что этим мы не избегнем употребления оружия, ибо сам по себе бессильный хан не в состоянии обуздать своеволие текинцев; посланный им сановник для управления этим племенем скорее всего будет причиной раздоров, неповиновения и неурядицы, и так как всякое брожение между текинцами непосредственно отражается на наших кочевниках, а водворенный нами в Теке хивинский хан будет иметь право обращаться к

нам за помощью,—в самом непродолжительном времени придется Красноводскому отряду приводить текинцев к повиновению хивинскому хану силою оружия по примеру того, как еще недавно распоряжался полковник Иванов на левом берегу Аму относительно хивинских иомудов.

Таким образом, если присоединение Ахал-Теке в настоящую минуту к Закаспийскому отделу имеет свои неудобства, то и подчинение их Хиве невыгодно, так как оно не избавит нас от вооруженного вмешательства, а напротив, ускорит его.

А потому при нынешних обстоятельствах казалось бы более практичным, не предрешая категорически вопроса о будущей судьбе текинского племени,—установить такой порядок, который обеспечивал бы наше нравственное влияние над ними, не обязывая прибегать к крутым мерам и к употреблению оружия.

Цель эта может быть достигнута, если предложить народу выбрать из среды себя одного уполномоченного, который служил бы единственным органом сношений всего племени с начальством Закаспийского отдела и был бы перед ним ответственным лицом за грабежи и вообще беспорядки, учиняемые текинцами и представителем за убытки и обиды, претерпеваемые ими от соседей. Такое предложение, после сделанных уже заявлений и при том убеждении, которым проникнуты ахал-текинцы, что мы теперь можем добраться до них, как только захотим,—будет, без сомнения, исполнено. Ханы-правители, которые дорожат своим имуществом и понимают, что торговля и сбыт своих продуктов могут доставить им значительные барыши, сгруппируются около этого лица и будут сами унимать своих подвластных, занимающихся воровством и грабежами; народ, исподволь свыкаясь с повиновением и с уважением собственности, будет обращаться к труду и заработкам и мы сделаем шаг к водворению среди этого племени порядка, не затрагивая его независимости, не связываясь никакими обязательствами и предоставляя времени и событиям указать дальнейший характер наших действий по окончательному его устройству.

Из последних донесений генерал-майора Ломакина видно, что в минувшее лето много сделано даже относительно водворения в Теке единства власти. Нурберды-хан, один из влиятельнейших правителей, явный приверженец России и враг Коушут-хана Мервского, был избран главою большинством народа. Нет сомнения, что установившиеся уже между ним и начальником Отдела сношения склонят народ его-то и выбрать в уполномоченные перед русской властью, что вполне обеспечит пока над всем племенем наше нравственное влияние.

Если же при этом дозволено будет возобновить ходатайство о постоянном занятии одной из важнейших переправ на нижнем течении Атрека, между многими благоприятными последствиями которых можно ожидать от этой меры, будет и то, что ахал-текинцы, поставленные между двух огней, будут беспрекословно повиноваться требованиям русского начальства, не дожидаясь появления наших войск среди себя.

Представляя эти соображения на благоусмотрение Вашего императорского высочества и испрашивая указаний по сему вопросу, считаю вместе с тем долгом доложить об одном обстоятельстве, которое, если будет повторяться, может подать повод к немаловажным затруднениям и поставит степное население в недоразумение относительно общих видов нашей администрации. Получив заявление некоторых текинских старшин о желании их подчиниться хивинскому хану, начальник Аму-Дарьинского отдела полковник Иванов, не снесясь предварительно с кавказским начальством, обратился тотчас к хану с советом отправить в Ахал-Теке своего правителя и оставить при себе в Хиве нескольких из их депутатов, которые служили как бы залогом их покорности. Подобные распоряжения, касающиеся племени, явно входящего в район деятельности Закаспийского отдела, могут идти в разрез с видами кавказского начальства. Когда в минувшем году хивинские иомуды обращались к Вашему императорскому высочеству с просьбой предстательствовать перед государем императором о сложении с них контрибуции, Ваше высочество изволили приказать отправить их прошения и депутатов к полковнику Иванову. Казалось, бы что ему-дарьинское начальство не должно принимать такого резкого участия в вопросе, который только что обсуждается и предрешать его помимо непосредственно ответственного начальства. К тому же подобные меры, как оставление аманатов в Хиве, противореча общему характеру сношений и обхождения генерал-майора Ломакина с нашими кочевниками, могут породить вредные в их настроении колебания и затормозить успех принятой начальником Закаспийского отдела и одобренной Вашим императорским высочеством системы действий.

Генерал-майор Франкини

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 19—25.

№ 85

Из рескрипта главнокомандующего Кавказской армией военному министру о необходимости упрочения русского влияния в Ахале и присоединения текинцев к России

24 января 1876 г.

Дмитрий Алексеевич!

В числе благоприятных последствий рекогносцировки, произведенной в минувшее лето Красноводским отрядом, первое место занимает, бесспорно, переворот, совершившийся в расположении к нам ахал-текинского племени. Встревоженные движением отряда на Игды, откуда легко было ему свернуть на Кизыл-Арват, да еще в такое время, когда посевы не убраны, ханы и старшины сего племени вышли к генерал-майору Ломакину с повинною. Они обещали прекратить хищничество, возвратить захваченное в последнее время имущество и пленных и между прочими заявлениями были и такие, которые, в обеспечение будущего, касались и согласия их признать над собою какую-либо ответственную власть. Большинство ханов, как доносит генерал-майор Ломакин, выразило желание подчиниться непосредственно русскому начальству. Другие, ввиду прежних своих отношений к хивинскому хану и ссылаясь на то, что он теперь покорен русскому царю и пользуется его покровительством, выразились в смысле передачи ахал-текинской территории в его ведение. Эти заявления были сделаны на основании состоявшегося перед тем народного собрания. Затем, вследствие сношений генерал-майора Ломакина с влиятельными лицами сего племени, большая часть правителей согласилась признать главенство одного из них, Нурберды-хана, считающегося между ними предводителем партии, стремящейся к сближению с нами.

Обещание возвратить добычу и пленных ахал-текинцы исполняют исправно, чему не было до сих пор примера, и некоторые из них вошли уже с нами в торговые сношения и ездили даже в Баку.

Конечно, нельзя придать безусловного значения обещаниям текинцев положить конец буйству и хищничеству; нельзя ручаться, чтобы и впредь не возникали между ними междоусобицы и распри и не обнаруживались частные проявления разбойничьего духа, вкорененного в них веками. Нельзя надеяться, чтобы народ, который привык к безначалию и так долго жил в своеволии, подчинился сразу

нравственным началам, составляющим достояние благоустроенных обществ, но достоверно то, что упорство текинцев, по всем признакам сильно поколеблено и нельзя не придти к заключению, что представляется в настоящую минуту возможность сделать шаг к умиротворению и устройству юного и самого веского элемента степного нашего населения.

Этим случаем мы должны воспользоваться, того требуют те побуждения, которые завлекли нас в глубь Азии — наши торговые и политические интересы. Мы не можем упустить из виду, что на этой окраине мы сооружаем новую границу государству и что текинское племя по воинственному своему духу, по многочисленности и, наконец, по географическому своему положению имеет для нас весьма важное значение.

Но если, с одной стороны, нельзя оставить без внимания проявляющихся между текинцами стремлений к повиновению и благоустройству, с другой, изъявленный ими вследствие наших внушений,—отказ от хищничества и самоуправства, обязывает нас к более близкому попечению и надзору, что сопряжено с расширением круга фактической нашей деятельности.

Таким образом, возникает теперь же для нас вопрос: какую форму придать устанавливающимся с этим племенем сношениям и в какую более или менее широкую рамку облечь надзор наш над ними.

Считаю излишним распространяться о том, что в районе территории, занимаемой текинским племенем, мы никакой чужой власти допустить не можем и, исходя из этой точки, нет сомнения, что самый действительный образ действий состоял бы в том, чтобы водворить ныне же в Ахал-Текинском оазисе русское правление и оказать той части народа, которая расположена к нам, материальную помощь. Устройство в Ахал-Теке управления по образцу Мангышлакского приставства, по всем вероятиям, не встретит сильного сопротивления по сочувствию, оказываемому нам большею частью правителей, и оно может быть обеспечено местными сборами, без новых затрат для казны ввиду того, что относительно оседлого ахал-текинского племени мы не можем считать себя связанными теми соображениями, которые обусловливают наши отношения к атрек-гурганским кочевникам. Необходимость сомкнуть нашу границу и оградить нашу промышленность и нашу торговлю приведет нас в более или менее отдаленном будущем к принятию подобной меры. Но вместе с тем нужно иметь в виду, что расширение нашей административной сети повлечет неминуемо за собою и необходимость выдвинуть в степи наши военные посты и расположить постоянные гарнизоны на известных пунктах, что не обой-

дется без сверхместных расходов и людей и денег. Только тогда, между прочим, и можно будет прекратить те рекогносцировки, которые с разрешения государя императора, выраженного в рапорте Вашего высокопревосходительства ко мне от 27 марта 1875 г. № 6, приходится производить от времени до времени для поддержания нашего влияния и которые к тому все-таки требуют некоторых затрат. Этот предмет был уже затронут в минувшем году, но решение его отложено по недостаточной разработке вопроса о приискании средств. Очевидно, что здесь частные расчеты сталкиваются с общими государственными интересами, но по мере того, как яснее обрисовываются успехи наши по умиротворению степного населения и водворению в нем порядка, нельзя не признать, что общие экономические соображения приобретают все больший перевес над частными.

Задача устройства ахал-текинского племени, которая стоит теперь на очереди, может принять троякое решение. Мы можем, согласно заявлению некоторых ханов, подчинить ахал-текинскую территорию власти хивинского хана или образовать из неё особое приставство в ведении начальника Закаспийского военного отдела на основаниях, принятых для Мангышлака, или, наконец, устроить пока там что-то вроде народного управления, не предрешая вопроса об окончательной организации населения.

По соображениям, изложенным в докладе начальника Горского управления, копия с коего при сем прилагается, я считаю признание власти хивинского хана над ахал-текинским племенем крайне неудобным. Независимо от того, что оно не обойдется без вооруженного с нашей стороны вмешательства, то обстоятельство, что через это хивинский хан приобретает возможность входить без нашего ведома в сношения с заграничными властями до того важно, что мысль о водворении его в Ахал-Теке должна, по моему мнению, быть отвергнута.

Образование из текинских территорий особого приставства в ведении начальника Закаспийского отдела сопряжено с устройством новых военных постов. Подобное решение составляет неизбежное последствие всей деятельности нашей в Закаспийских степях; оно одно может остановить развивающуюся заграничную контрабанду и вполне обеспечить сообщение Кавказского округа с правым берегом Аму-Дарьи, что имелось в виду при покорениях Хивы. Целесообразность такой меры побуждает меня просить Ваше высокопревосходительство повергнуть её на всемилостивейшее государя императора воззрение и уведомить меня, не признается ли возможным привести оную в исполнение.

В случае, если по особым соображениям окажется более удобным ограничиться теперь временными, менее сложными распоряжениями, тогда остается одно: учредить над текинским племенем надзор через выборного, который будет признан нами ответственным лицом за предосудительные действия народа и который будет принимать и передавать указания начальника отдела. Не вдаваясь в точное определение прав и обязанностей сего лица, мы этим избегнем пока резкого вмешательства во внутренние дела племени и можем надеяться обуздать до некоторой степени своеволие правителей, подготовляя вместе с тем народ к более правильной дальнейшей организации.

Если государю императору благоугодно будет, по примеру двух последних лет, разрешить мне снарядить и в будущую весну рекогносцировку в степь — что я считаю во всяком случае в высшей степени полезным, — предполагаемому образу действий можно будет придать более действительный и торжественный характер. Для этого я полагал бы направить отряд через Кизыл-Арват в центр ахал-текинской территории к Асхабаду и поручить генерал-майору Ломакину собрать там всех влиятельных лиц, ханов и аксакалов и предложить им выбрать из среды себя лицо, которое будет служить органом сношений между народом и начальством отдела, с предоставлением им принять все те меры, которые будут признаны ими необходимыми для прекращения хищничества. Таким образом, возникнут впервые непосредственные более или менее правильные сношения между этими дикарями и центром нашего управления и разовьются между ними понятия об ответственности и зависимости.

Нет сомнения, что появление и временное пребывание отряда на их территории сильно подействуют на умы текинцев, упрочат наше влияние над ними и подвинут дело умиротворения наших степей.

В случае, если воспоследует высочайшее соизволение на производство рекогносцировки войскам, для сего назначенным, можно будет поручить и другую задачу, не менее важную. Из Асхабада отряд мог бы выйти, огибая последние текинские крепости, к верховьям Атрека и, держась правого берега, обрекогносцировать пространство, лежащее между источниками сей реки и переправою Чат, докуда доходила рекогносцировка минувшего года, т. е. пространство, которое принадлежит нам по конвенции 1869 г., но которое нами еще никогда не пройдено.

Движение отряда по сему направлению дало бы нам, между прочим, возможность устроить тех гёкленов, которые, в числе до 3 тыс. кибиток, вышли в минувшем году из хивин-

ских пределов и поселились на свободных землях около Каррры-Кала, между источниками Чандыра и Сумбара—северных притоков Атрека, так как они уже обращались с подобною просьбою к генерал-майору Ломакину, а в отношении к этому отделению гёкленского племени, расположенному и летом и зимою в бесспорных наших пределах, никакого недоразумения ожидать нельзя...[1]

Михаил

ЦГИА Груз.ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 33 — 44. Копия заверенная, рукопись.

№ 86

Перевод письма текинских старшин: Ханмамед-аталыка, Овез Дурды-хана и Ходжа-хана начальнику Закаспийского военного отдела о назначении ханом Ахала правителя Хивы

3 февраля 1876 г.

Имею честь уведомить Вас, что я был у хивинского хана Мухаммед Рахим-хана, который просил меня переговорить с иомудами (о последних неурядицах между текинцами и иомудами), но я сказал хану, что зачем мне говорить с иомудами, когда я могу говорить с Вами; но хан на это ничего не сказал. Тогда я просил у него переговорить об этом с полковником Ивановым, который в заключение разговора сказал мне: как же вы, считая себя верными слугами Мухаммед Рахим-хана, постоянно грабите его иомудов. На это я ему ответил, что мы не грабим, а если случается, то это делает находящееся между ними небольшое количество воров и разбойников. Полковник Иванов сказал, что текинцы сами собрали отовсюду этих воров и разбойников. У ответил, что мы все слуги Мухаммед Рахим-хана, а все иомуды Ваши.

Поэтому полковник Иванов приказал Мухаммед Рахим-хану выбрать из хивинцев одного хорошего, почетного человека и послать в Теке: хан назначил Муса Мутавайли.

На прощание Иванов нам сказал; помиритесь с иомудами и живите с ними мирно и спокойно; мы на это вполне согласны, если есть воля государя; потом сказал: «спасибо, — ты умный человек», что подтвердил и Мухаммед Рахим-хан, чем

[1] Далее следуют встречавшиеся в предыдущем документе рассуждения о разграничении ролей начальников Закаспийского и Аму-Дарьинского военных отделов в делах Туркмении.

я остался очень доволен. После этого я с Мутавайли отправился в Ахал-Теке. В настоящее время Мутавайли находится у текинского племени сычмаз, которое, освободив находящихся между ними пленных иомудов, отправило их в Хиву.

Со всех крепостей, начиная от Кизыл-Арвата до крепости Анау, собрались все кетхуды, ханы и народ на народное совещание, на котором определили местопребыванием Мутавайли назначить крепость Анау и в помощь ему дать 200 человек феррашей. После чего Мутавайли отправился в крепость Анау с феррашами и несколько почетными кетхудами, где должна быть определена между ними плата феррашам, так как кетхуды и общество желают, чтоб плата эта была бы на счёт Мухаммед Рахим-хана.

Если этим феррашам будут платить исправно, то и дело пойдет исправно; в противном случае не ручаемся за порядок и спокойствие в Теке.

Поэтому, если феррашам не будут платить исправно, то мы решили всем племенем сычмаз обратиться к Вам, чтобы Вы установили между нами порядок и спокойствие.

Мы были в Хиве и это считаем, что были у Вас, потому что хивинский хан также Ваш.

Чем кончится дело феррашей, я сообщу Вашему превосходительству.[1]

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 104 — 105.

№ 87

Отношение военного министра кавказскому наместнику о запрещении царем экспедиции в Ахал-Теке

19 февраля 1876 г.

Предположения Вашего императорского высочества, изложенные в рескрипте от 24 минувшего января за № 289, относительно установления между ахал-текинцами определенного порядка управления с помощью военного движения к Асхабаду, я имел счастье докладывать государю императору.

Его величество, признавая всю целесообразность предлагаемых Вашим высочеством мер к установлению более правильных отношений к соседним нам туркменам-текинцам, изволит, однако, находить, что осуществление их в настоящее

[1] К документу приложены печати названных в заголовке документа текинских ханов.

время посредством направления нашего отряда в центр ахал-текинского населения, к Асхабаду, представляется не в полне удобным и, сколько можно судить по последним известиям о положении дел в Закаспийском крае, не вызывается крайней необходимостью.

Рассматривая движение в текинские земли с военной точки зрения, нельзя не заметить, что оно представляется предприятием гораздо более сложным, чем предпринимавшиеся доселе рекогносцировками в Закаспийских степях. Ввиду отдаленности Асхабада от Красноводска слишком на 600 верст, пришлось бы направляемому туда отряду дать сильный самостоятельный состав тем более, что мы не можем быть уверены в сохранении ахал-текинцами миролюбивого к нам настроения даже тогда, когда наша вооруженная сила появится в центре их населения. Кроме того, нельзя было не предвидеть и того случая, если бы соседние с ахальцами мервские туркмены, приняв наше движение за враждебные против них намерения, открыли неприязненные против нас действия. Снаряжение же такого отряда, который, будучи значительно удален от своей операционной базы, мог бы в самом себе находить все средства для парирования возможных случайностей, вызвало бы, без сомнения, большие денежные затраты, сопряженные с сверхсметными ассигнованиями.

С другой стороны, с предложенным движением к Асхабаду связаны и немаловажные политические неудобства. Пункт этот лежит всего в 360 верстах от Мерва, этого больного места новейшей среднеазиатской политики Великобритании. Какое-нибудь пустое столкновение мервских текинцев с нашим отрядом может вызвать преследование их далее, чем это входит в виды правительства; откочевка же или бегство части текинских аулов на юго-восток к пределам Афганистана породит, конечно, большие замешательства и беспокойство в этой стране. Наконец, следствием всего этого могут быть неизбежные в подобных случаях объяснения с английским правительством, которых, при настоящих отношениях к лондонскому кабинету, желательно было бы избегнуть.

Ввиду этих соображений государю императору угодно, чтобы действия наши в Закаспийском крае и в настоящем году не выходили за пределы тех высочайших указаний, о которых я имел честь сообщить Вашему императорскому высочеству в письме от 3 апреля прошлого года за № 57, так как выраженная его величеством воля—не вдаваться ни в какое предприятие, которое могло бы быть принято за наступательное движение к Мерву,—остается и поныне неизменной.

В настоящее время нам достаточно ограничиться теми мирными отношениями к ахал-текинцам, которые удалось установить генерал-майору Ломакину, и лишь пользоваться этим для постепенного упрочения нашего нравственного влияния над этими туркменами. Вводить же сразу какое-либо административное устройство среди кочевников, которые веками привыкли к совершенно иному строю жизни, значило бы ускорить без крайней необходимости ход дел на азиатских наших окраинах и, быть может, создавать себе нежелательные усложнения. Необходимо созреть плодам наших усилий, направляемых к поддержанию среди закаспийских кочевников миролюбивого к нам настроения, и тогда, само собою, наступит время, когда выяснившиеся обстоятельства могут побудить нас принять более деятельные меры к устройству судьбы текинского населения.

Что же касается указанных в рескрипте Вашего высочества неудобств, происходящих от неопределенности круга действий кавказского и туркестанского начальств в распоряжениях их по отношению к туркменам, населяющим пространство между Аму-Дарьей и Каспийским морем, то я не премину предложить туркестанскому генерал-губернатору снабдить начальника Аму-Дарьинского отдела инструкцией в том смысле, чтобы он в своих сношениях с хивинским ханом избегал прямого вмешательства в отношения его к южным туркменским племенам, входящим в район влияния закаспийского начальства и, во всяком случае, не давал бы хану предполагать, что мы признаем его фиктивную власть над независимыми текинцами.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего императорского высочества, беру смелость выразить чувства глубочайшего высокопочтения, с коим имею честь быть Вашего императорского высочества всепокорнейший и преданнейший слуга

Д. Милютин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 74—78. Подлинник.

№ 88

Личное письмо начальника Закаспийского военного отдела Нурберды-хану с обещанием помощи в укреплении его власти над ахал-текинцами

Не позже 20 февраля 1876 г.[1]

Высокостепенный, достойнейший Нурберды-хан Текинский.

Караджа-хан, недавно посетивший меня, сообщил мне, что ты избран главным ханом в Ахал-Теке. Это меня весьма обра-

[1] Документ не датирован: датируется по документу № 89.

довало, так как и я сам давно уже желал и хлопотал об этом. Если это правда, то этим будет доволен и брат нашего великого ак-падишаха, великий князь наместник кавказский, главнокомандующий Кавказской армией, которого я имел счастье недавно видеть.

Пора, чтоб у вас восстановились, наконец, спокойствие и порядок, чтоб ваши люди бросили грабежи. У нас одно желание, как я уже не раз внушал вам: чтоб путь между Красноводском и Хивой был вполне безопасен и караваны ходили бы по этому пути беспрепятственно. А этого мы можем достигнуть тогда только, когда у вас будет одна голова, один хан, которого народ уважал бы, слушал и боялся. Этому ты действительно удовлетворяешь более других и потому, приветствуя твой выбор в ханы Ахал-Теке, молю бога, чтобы он поскорее помог тебе восстановить в Теке порядок и спокойствие. И, если ты при этом будешь постоянно предан нам, как недавно писал мне, то мы с своей стороны употребим все зависящие от нас средства, чтоб укрепить и поддержать тебя, чтоб ты всегда был ханом твердым, сильным, могучим, дабы весь народ слушался тебя беспрекословно и под твоим управлением все добрые люди благоденствовали бы, а дурные трепетали и страшились бы возбудить твой справедливый гнев. Это единственное наше желание, необходимое для исполнения означенной выше высочайшей воли нашего великого ак-падишаха относительно вашего народа.

Письмо это можешь объявить в народе всем и сообщи мне о последующем.

Начальник отдела, генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 72 — 73. Копия рукописная, заверенная.

№ 89

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахале и необходимости ввода туда русских войск

21 февраля 1876 г.

Депешей от 8 числа сего месяца я имел честь донести Вашему превосходительству, что по возвращении в Красноводск

я застал здесь текинских ханов и старшин,* которые сообщили мне весьма важное известие о вторичном избрании в главные ханы Ахал-Теке Нурберды-хана, вместо бывших там до сего времени четырех ханов и ишана.

Еще во время последнего игдинского похода, когда [ко] мне явились с изъявлением покорности и преданности текинские ханы и уполномоченные от всех ахал-текинских обществ, я старался им внушить, что в видах нашего правительства необходимо водворение полного порядка и спокойствия в степях между Красноводском и Хивой для правильного и беспрепятственного торгового караванного движения, но что этого возможно будет достигнуть лишь тогда, когда в Ахал-Теке будет один хан, которого весь народ будет уважать, бояться и слушать и который поймет благие виды нашего правительства, клонящиеся к их же пользе.

После того из Баят Хаджи я с этою же целью посылал в Теке известного во всех здешних степях почетного аксакала Велибая, которому, как я уже доносил Вашему превосходительству № 152, удалось тогда же, по моему внушению, убедить ахал-текинцев избрать главным своим ханом по-прежнему Нурберды-хана, во всех отношениях более других соответствующего при этом и нашим интересам.

Прежние же четыре хана и ишан, хотя, по-видимому, сначала и подчинились этому, но вслед за тем, из-за главенства в Ахал-Теке, между ними и Нурберды-ханом возгорелась междоусобная борьба, продолжавшаяся до последнего времени, чем и воспользовались дурные люди, которые по внушению бежавшего из Хивы разбойника Аймангеля, принявшись снова за грабежи и разбои, ограбили, между прочим, в конце сентября у колодца Кум-Себшен и наш небольшой караван[1].

В настоящее же время ахал-текинцы; как и надо полагать, тяготясь, с одной стороны, продолжительной внутренней междоусобицей, а с другой стороны, с приближением весны опасаясь, как и в прошлом году, нашего движения к ним, заставили четырех ханов и ишана смириться перед Нурберды-ханом и передать ему управление народом. С этой целью, как слышно, эти четыре хана сами приезжали с повинною к Нурберды-хану, и затем вместе с ним поехали к Курбан Мурад-ишану в Геок-Тепе (подле Асхабада), куда собрались по этому случаю представители от всего ахал-текинского народа.

---

* Караджа-хана, Назар-батыра и трех других.

[1] Об этих грабежах см. рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела от 6 февраля 1876 (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 83—86).

Что там было,—мне на днях сообщит Софи-хан, тоже вызванный для этого в Геок-Тепе, откуда он обещал приехать прямо в Красноводск.

Последствием этого выбора Нурберды-хана в главные ханы Ахал-Теке, по словам прибывших ко мне из Хивы последних нарочных с почтой, было следующее:

1) Ахал-текинцы изъявили согласие за все ограбленное их дурными людьми за последнее время у Кум-Себшена и в других местах уплатить 3 тыс. тилля (до 6 тыс. рублей). Об этом будто бы писал хану хивинскому и посланный им в Теке мутавали[1].

2) Возвратили свободу всем захваченным в плен иомудам у Исмамут-Ата и в других местах*. Эти пленные, по словам означенных нарочных, уже прибыли в Хиву; и

3) Нурберды-хан со своими феррашами возвратил с дороги и разогнал большую партию текинцев, отправившуюся уже на грабежи. Сообщают также, что 300 феррашей, по его приказанию, производят постоянные разъезды с целью удержать дурных людей от грабежей и разбоев.

Все эти сведения и обстоятельства, если только они подтвердятся, без сомнения, будут иметь весьма важное для нас значение при исполнении последних предначертаний его высочества, клонящихся к устройству дел в Ахал-Теке и вызывающих необходимость предложенного его высочеством движения нашего отряда в этот оазис.

Но, во всяком случае, кто был в Ахал-Теке ни был избран ханом и как бы избрание это ни было искренно,—нельзя ручаться за прочное водворение в этом крае порядка и спокойствия (чем только и может быть обусловлено и обеспечено беспрепятственное и правильное караванное торговое движение в этих степях), пока наши войска не пройдут весь Ахал-Текинский оазис, пока текинцы не увидят их у себя и пока мы не утвердим и не укрепим их главного хана, сделав его вместе с тем ответственным перед нами лицом: Я еще в прошлом году имел честь представить Вашему превосходительству письмо Софи хана, в котором он писал: «пока знамя велико ак-падишаха не будет развеваться[2] в Теке, до тех пор порядка и спокойствия в этих степях не будет и грабежи не прекратятся».

[1] Речь идет о Муса Мутавайли; «мутавали» — дословно «наместник», назначенный в правители.

* Последний отзыв полковника Иванова № 438. Упоминаемые же в этом отзыве мелкие грабежи текинцев подле Сары-Камыша и в хивинских пределах произведены были, как сообщили мне те же нарочные, шайкою Айманrеля, в коей, кроме его, 4 байрам-шалинца, 4 емрелинца, 4 текинца.

[2] В документе: «развиваться».

Копию с письма моего к Нурберды-хану при сем представить честь имею.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 69—71. Подлинник рукописный.

№ 90

Отношение начальника Закаспийского военного отдела начальнику Аму-Дарьинского отдела о положении в Ахале и нежелательности укрепления там влияния Хивы

25 февраля 1876 г.

При последнем отзыве от 21 сего февраля за № 418[1] я сообщил Вашему высокоблагородию сведения о положении дел в Ахал-Теке (относящиеся к половине прошлого месяца), сообщенные мне прибывшими в Красноводск в начале февраля из Теке ханами и подтвержденные последними хивинскими нарочными.

Сегодня прибыл сюда из Теке первый значительный текинский караван до 40 верблюдов*. С караваном этим приехали: Софи-хан, Рахт-сардар, Караджа-аксакал и все старшины и кетхуды, в числе 22 от 10 ближайших текинских крепостей г Беш-Кала и Тыкма-Каласы.

Все они приехали ко мне прямо с народного собрания, продолжавшегося в Геок-Тепе около 3-х недель и состоявшегося, как я уже писал Вам в отзыве № 418, вследствие признания Нурберды-хана главным текинским ханом.

На это собрание, между прочим, прибыли и посланные хивинским ханом в Теке для сбора ограбленного в Кум-Себшене юзбаши и Муса Мутавайли.

Последний, за все время пребывания своего в Теке, около трех месяцев держал себя величайшим святошей и, проводя дни и ночи в беспрерывной молитве и строгом посте, едва ли удостоил кого единым взглядом и словом,—без сомнения, с целью привлечь внимание народа и возбудить наивящее к своей особе сочувствие и почтение.

На этом собрании Ханмамед-Аталык—известный друг и приверженец хивинского хана, бывший недавно у него и у

[1] Речь идет о направленной начальнику Аму-Дарьинского отдела копии предыдущего документа.

* Привезли для продажи масло, мед, шерсть мерлушки, лисьи шкурки, ковры, войлоки и проч.

Вас ,—сказал, что так как в Теке четыре отделения, то если главный текинский хан будет от одного из этих отделений, то другие отделения его не будут слушать и лучше, чтоб или было по-прежнему четыре хана или один, но совершенно посторонний, не текинец, и указал при этом на Муса Мутавайли. Отделение и род Ханмамед-Аталыка и вообще все приверженцы хивинского хана, так называемая хивинская партия стали тогда упрашивать Муса Мутавайли быть их ханом. Тот сначала, с подобающим смирением, долго отказывался, но, наконец, сказал: я раб хана, и если он мне прикажет быть вашим ханом, я им и буду; напишите ему об этом, я тоже напишу.

Комедия была разыграна как следует.

Нурбеды-хан обиделся и оставил собрание сказав: «если я не буду вашим ханом, то никто им и не будет». Главный текинский ишан Курбан Мурад-ишан, стоявший доселе во главе прежнего правления четырех ханов, вовсе не прибыл на это собрание равно, как и текинский военачальник Тыкма-сардар*. Четыре хана, бывшие правители, продолжающие питать тайную вражду к Нурберды-хану, остались, видимо, довольны этими результатами, говоря, что лучше передать власть ничтожному человеку, которого, без сомнения, никто не будет слушать, чем кому-либо другому. Все же прочие, менее влиятельные в Ахал-Теке лица, вообще отнеслись к этому делу совершенно безучастно.

Но как бы то ни было, Ханмамед-Аталык перед выездом ко мне Софи-хана и других прибывших с ним старшин набирал уже в Ахал-Теке депутацию для посылки к хивинскому хану с просьбой о назначении Муса Мутавайли текинским ханом.

Поэтому то я счел необходимым предварительно указать здесь со всей подробностью на истинный смысл и значение последнего текинского собрания в Геок-Тепе, результатом которого, по-видимому, представляется избрание хивинца Муса Мутавайли в текинские ханы, а действительным же результатом без сомнения будет полнейшая анархия и неурядица в Теке и ничем уже не сдерживаемые грабежи и насилия в разделяющих нас степях и прекращение по оным едва устанавливающегося теперь караванного торгового движения. Прежде в Теке была хоть какая-нибудь власть, хоть призрак власти; теперь же не будет никакой.

Прибывшие ко мне теперь текинские старшины и ханы заявили, что все текинцы искренне желают восстановления у них

* Он мне пишет, что на днях приедет в Красноводск, брат его Рахт-сардар заявил мне, по секрету, что Тыкма сам желает быть ханом.

порядка и спокойствия, знают хорошо, что этого можно будет достигнуть лишь тогда, когда у них будет одна голова, один хан, которого весь народ слушал бы и уважал; но все убеждены и особенно после последнего собрания в Геок-Тепе, что текинцы никогда не выберут себе хана; разлад и неурядица общие: один желает одного, другой—другого. Споры и препирательства, продолжавшиеся недавно в Геок-Тепе изо дня в день три недели, окончились теперь лишь потому (остановившись на самом дурном выборе), что всем надоело спорить, да и нечего было, наконец, есть, при первом же случае споры эти возобновятся. Пока русские не придут к нам, прибавили они, и не назначат нам хана, до тех пор его у нас не будет и не может быть, а беспорядки, грабежи, разбои и насилие будут продолжаться еще хуже, чем прежде.

Вследствие изложенных выше обстоятельств и весьма возможного осуществления означенного предположения о избрании хивинца Муса Мутавайли в текинские ханы, так как это без сомнения сделано было единственно по внушению хивинского хана, которому Вы рекомендовали эту меру (отзыв Ваш № 3321), я считаю необходимым, в видах предупреждения недоразумений, могущих от сего последовать, и установления единства в наших действиях по этому важному предмету, изложить здесь теперь же наш взгляд на этот предмет.

Власть хивинского хана в Теке и прежде была весьма призрачна и номинальна; влияние его над текинцами было еще слабее и ничтожнее, чем даже среди киргизов до хивинского похода, которых, однако, хан тоже не переставал до этого считать своими подданными. Если власть хивинского хана и теперь ничтожна даже в самой Хиве, и особенно между тамошними иомудами и держится единственно лишь Вами и Вашим отрядом, то чего же можно ожидать будет от этой власти в отдаленном Теке и среди народа еще более дикого и воинственного, чем хивинские иомуды. Ясно, что как его, так и посланных от него чиновников там никто не будет слушать и нам придется периодически предпринимать с отрядами движения в Теке для поддержания там ханских чиновников и порядка подобно тому, как на это недавно вынуждены были и Вы в хивинских пределах.

В настоящее же время, когда ханство хивинское стало как бы внутренней нашей провинцией, возможно ли желать столь значительного расширения пределов этого владения, которое тогда обратится, так сказать, во внешнее, пограничное и самостоятельное владение, начнутся непосредственные сношения и связи с Мервом, Афганистаном, курдами и с другими неблагоприятствующими нам в этих степях элементами; начнутся также непосредственные отношения и с Персией, и с нашими

хивинскими. Возможно ли в этих видах желать усиления влияния, власти и значения хивинского хана в Текинском оазисе?

Но тут представляется и еще один, чрезвычайно важный вопрос, преследуемый Россией и в Средней Азии чуть не со времен Петра I,—это старание о неводворении там иностранных товаров. И теперь уже, когда караванное торговое движение в этих степях едва начинается, многие хивинские и персидские купцы сообразили, что так как в Красноводске товары эти оплачиваются положенным таможенным сбором, то они, вывозя эти товары из Константинополя закавказским транзитом в Баку, направляют их оттуда в Хиву не кратчайшим путем через Красноводск, а направляют на Ашир, выгружают их там на персидском Гязском берегу и затем уже через Атрек-Гурган отправляют их далее через эти же степи на туркменских верблюдах в Хиву; так в прошлом году прошло с подобным товаром от Атрека в Хиву до 100 верблюдов. Если же Теке будет подчинено Хиве, то тогда можно опасаться, что в скором времени через это владение весь бассейн Аму-Дарьи и даже далее будет наводняться со стороны Персии иностранным товаром в ущерб нашим самым существенным здесь интересам промышленным, торговым и даже государственным.

Его императорское высочество государь великий князь главнокомандующий Кавказской армией в представленных им на высочайшее воззрение соображениях о необходимости устройства дел в Ахал-Теке, в видах водворения в этих степях порядка и спокойствия и установления правильного караванного торгового движения, считает совершенно неудобным подчинение этого оазиса влиянию и власти хивинского хана.

Поэтому и ввиду этого предложенного ходатайства некоторых текинцев (Ханмамед-Аталыка и его хивинской партии) перед Сеид Мухаммед Рахим-ханом о назначении посланного им в Теке Муса Мутавайли текинским ханом я счел необходимым сообщить эти обстоятельства Вашему высокоблагородию для сведения и покорнейше просить, не признаете ли возможным внушить хивинскому хану, что если к нему прибудет по этому делу текинская депутация,—то не признает ли он за лучшее отклонить до времени это ходатайство, так как вопрос о возможно лучшем устройстве дел в Теке представлен* уже на высочайшее государя императора воззрение и в непродолжительном времени можно будет ожидать по оному высочайших инструкций и указаний. И это тем более удобнее будет хану сделать, что, как изволите усмотреть из прилагаемого при сем письма ко мне Ханмамед-Аталыка, выбор текинцами Муса Мутавайли в ханы обусловлен тем, якобы хан хивинский принял бы на себя содержание 200 феррашей, коих предположено собрать для Мусы Мутавайли, а это обойдется ему до 30 000 руб. (каждый ферраш получает до 150 руб.).

Я счел необходимым немедленно теперь же и с особым нарочным сообщить Вашему высокоблагородию все эти сведения, так как в случае, если хан хивинский назначит и утвердит своего чиновника текинским ханом, а между тем воспоследует по этому делу высочайшее соизволение в сумме предпринятого его высочеством ходатайства, то можно будет ожидать через то значительных усложнений и недоразумений[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 96—103. Копия рукописная, заверенная[2].

* Кем именно, полагаю ему пока не надо знать.

№ 91

Отношение начальника Аму-Дарьинского отдела начальнику Закаспийского военного отдела о номинальности власти хивинского хана над ахал-текинцами

19 марта 1876 г.

Отношение Вашего превосходительства от 25 февраля за № 437 не застало меня в Петро-Александровске и должно было разыскивать в дельте Аму-Дарьи, где я путешествую уже третью неделю. В силу этого ответ мой придет к Вам не так скоро, как Вы бы того желали, и, кроме того, я не имею под рукою всех справок, нужных для ответа.

Все изложенное Вашим превосходительством в отзыве № 437 по поводу происходящих неурядиц между ахал-теке есть повторение старых историй; сборища народа для выбора себе правителей были и прежде, будут и потом, разные враждебные партии будут выставлять своих кандидатов в правители Теке; пожалуй, кандидаты эти будут некоторое время номинальными правителями народа; потом начнутся происки новых партий и дело все-таки сведется ни к чему, ибо твердой власти из среды туркмен не в состоянии выработать. Я признаю совершенно разумными, смотря беспристрастно на дело, слова текинца Мамед-Аталыка[3], сообщенные мне в последнем Вашем отношении: «у нас, текинцев, четыре отделения, и если старший хан будет из одного отделения, то другие не будут его слушать». Против этих слов ничего нельзя сказать, зная азиатцев, и я вполне уверен, что Ваше превосходительство не может не согласиться в этом со мною; выбрали ли бы текинцы четырех ханов правителей, как уже было, избрали ли бы од-

[1] Документ без подписи.
[2] Дубликат документа в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 82—87.
[3] Речь идет о Ханмамед-Аталыке.

ного; хотя бы Нурберды, — результат был бы один: полная анархия и неурядица.

Что я и прежде смотрел на это дело и единственным исходом находил русское вмешательство во внутренние дела текинцев, установление там какого-либо управления с нашей поддержкой,—Вы могли видеть из моего рапорта к командующему войсками Туркестанского военного округа № 3310, копия с которого отослана к Вам при отношении № 3321. Этот взгляд остается при мне и теперь, хотя высшим правительством он и не разделяется, как Вы усмотрите из прилагаемой при этом копии с предписания ко мне генерал-адъютанта фон-Кауфмана от 23 января № 47.

Дела между ахал-теке с выбором в ханы хивинца Мусы Мутавайли не улучшатся и не ухудшатся; Муса, личность бесцветная и немедленно подпадет влиянию какой-либо партии; сам он очень бедный человек и своей партии не соберет; хан хивинский деньгами его не поддержит потому, что у самого ничего нет; да, наконец, Сеид Мухаммед Рахим—хивинский хан, очень неглуп и отлично понимает, что если текинцы и величают его своим господином, то просто от нечего делать и что слова эти пустой звук. Поддерживать в среде ахал-теке свое влияние и значение, хотя бы только с затратою небольших денег, я ручаюсь Вашему превосходительству,—хан не будет. Хивинский хан знает, что в среде туркмен власть и значение поддерживается силой в роде русских штыков и что в своем ханстве он сам держится и водворяет порядок только благодаря поддержке этой силы.

Если Муса Мутавайли и будет выбран в ханы—правители теке, то поверьте не надолго, и этот выбор, в случае его признания ханом хивинским, послужит только к уменьшению значения этого последнего в глазах ахал-текинского народа, а отнюдь не к увеличению. Постараюсь внушить это Сеид Мухаммед Рахим-хану, если он обратится ко мне по этому поводу за советом, что будет согласовано и с Вашим желанием; но предупреждать его считаю неудобным, да и излишним, так как ввиду всего вышеизложенного твердо верю, что никаких усложнений в текинских делах от выбора Мусы в правители быть не может. Прочитав еще раз мой рапорт командующему войсками округа № 3310, Ваше превосходительство увидите причины посылки в Ахал-Теке Мусы Мутавайли. Эта посылка могла служить только мерой к водворению спокойствия, которого и я, и Вы, и хан хивинский так давно добиваемся; посылка Мусы должна была помочь текинцам покончить счеты с здешними иомудами, удержать первых от грабежей последних, обезопасить торговый путь и т. д. Если администрация Кавказа выработала какой-либо новый путь, более рациональный к достижению этих желанных результатов, то, вероятно, Ваше превосходительство не откажите мне его сообщить; до тех пор я могу в своих сношениях по этому поводу с ханом хивинским руководствоваться только теми указаниями, которые мне преподаны главным начальником Туркестанского края.

В заключение считаю нелишним напомнить Вашему превосходительству, что признание текинцами хана хивинского своим сюзереном (на словах) дело очень старое и всем известное, как это видно и из Ваших прежних ко мне сообщений. Посылка ханом к теке Мусы и даже избрание его ханом-правителем сюзеренных прав Сеид Мухаммед Рахим-хана над ахал-текинцами не усиливает; но если бы, паче чаяния, такое и воспоследовало, то нарушить эти права (номинальные) всегда во власти русского правительства.

Начальник отдела полковник Иванов.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 454, д. 1251, лл. 163 — 168. Подлинник, рукописный[1].

№ 92

Отношение военного министра наместнику кавказскому о воспрещении царем движения войск в Ахал-Теке

27 марта 1876 г.

После неоднократных объяснений с генерал-майором Франкини относительно предполагавшегося в предстоящее лето движения Красноводского отряда к земле ахал-текинцев, я счел долгом подвергнуть все слышанное мною на высочайшее благоусмотрение.

Несмотря на все доводы генерал-майора Франкини, государь император изволил остаться при своем прежнем решении и повелел мне довести до сведения Вашего высочества непременную волю его величества, чтоб войскам Закаспийского края не было разрешаемо ни под каким предлогом предпринимать движения к верховьям Атрека и в земли ахал-текинцев по направлению к Асхабаду. Взамен сего его величество изволит признавать весьма полезным обратить внимание на пути, ведущие от Красноводска к Сары-Камышу с той

[1] Копия документа см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 90—92.

целью, чтоб окончательно обеспечить сообщение и торговое движение караванов от берегов Каспийского моря к Аральскому бассейну и Туркестанскому краю[1].

В стране же, лежащей южнее Узбоя, расположенные войска наши должны оставаться в наблюдательном положении, исключительно для охранения спокойствия в ближайшей к берегу Каспийского моря части степи. Движения в глубь ее ни в каком случае не должны быть допускаемы далее Кизыл-Арвата и р. Сумбара.

О таковой высочайшей воле имею честь почтительнейше довести до сведения Вашего императорского высочества, считая излишним входить в подробные объяснения по каким причинам признается крайне необходимым избегать всякого вида наступательных с нашей стороны предприятий в южной окраине Туркменских степей, т. е. к стороне Мерва. Соображения эти известны Вашему высочеству из копий с дипломатических депеш, сообщаемых Вам государственным канцлером. В дополнение к этим сведениям генерал-майор Франкини доложит Вашему высочеству все слышанное им лично от князя Александра Михайловича Горчакова, равно как и от самого государя императора.

С глубочайшим высокопочтением имею честь быть Вашего императорского высочества всепокорнейший и преданнейший слуга.

Д. Милютин.

ЦГИА Груз.ССР. ф. 545, д. 1154, лл. 81 — 82. Подлинник.

№ 93

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахале и других районах Туркмении

5 апреля 1876 г.

В дополнение последних сведений о положении дел в Теке (рапорт мой от 7 марта за № 525) имею честь представить Вашему превосходительству полученные мною 23 марта шесть писем с переводом от текинских ханов и старшин и от Муса Мутавайли хивинского.

[1] Дальнейшие распоряжения о действиях войск Закаспийского военного отдела см. конфедициальное предписание начальника Кавказского горского управления начальнику Закаспийского военного отдела от 16 апреля 1876 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 83—84).

Из писем Муса Мутавайли и Нурберды-хана Ваше превосходительство изволите усмотреть, что из текинцев одна часть желает избрать в ханы Муса Мутавайли, другая—Нурберды-хана, а третья не признает над собою никакой власти, вследствие чего раздоры и неурядица в Текинском оазисе усиливаются, караванное движение между Хивой и Красноводском почти прекратилось, и наши иомуды находятся в тревожном состоянии, выставляя для предупреждения разбоев и грабежей караулы[1] в разных местах: против острова Челекен, у озера Бугдайлы, Шаирды, у колодцев Сюльмен и в Карабугазе, чарва же из опасения грабежей и разбоя текинцев не решается даже переходить от Атрека на север на обычные свои летовки.

Генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз.ССР, ф. 545, д. 1251, л. 107. Подлинник рукописный.

№ 94

Перевод письма Нурберды-хана начальнику Закаспийского военного отдела о положении дел в Ахал-Теке

Не ранее апреля 1876 г[2].

Ахал-текинцы подчинялись и служили прежде хивинскому хану. Но так как он покорен теперь вполне первому в свете великому ак-падишаху, то и мы готовы также во всем ему покоряться и служить.

Между нами были и есть дурные люди, которые никого не слушаются и занимаются грабежами. До сих пор их никто не мог остановить и наказать, потому что это—народ степной, дикий, порядка не знает. В настоящее время прибыли к нам от хивинского хана: Муса Мутавайли-ишан и Ваис Нияз-юзбаши, которые собрали народ от крепости Кизыл-Арват до Ашау и объявили прибывшим старшинам и аксакалам причину своего приезда.

Некоторые из старшин и кетхудов не согласились с Мутавайли и, отказавшись ему повиноваться, удалились. Остальные же старшины с народом дали обещание повиноваться

[1] Об этом см. рапорт начальника Закаспийского военного отдела от 19 марта 1876 (ЦГИА Груз. ССР).

[2] Документ не датирован.

Мутавайли и содействовать ему во всем, чтобы он был ими доволен: эти последние (старшины) сами пишут Вам. Я же взял на себя обязательство собрать с племен ахал-юсуф-яби и демисен[1], расположенных в крепостях Келат, Кяриз, Перлав и Ак-Тепе, все что у них было из ограбленного каравана. Эти племена признали Мутавайли своим ханом и во всем ему повинуются. Надеюсь, что об этом Вам сообщит сам Мутавайли.

Письмо Ваше, посланное с Караджа-ханом, я получил, уведомляю Вас, что об избрании меня в ханы Караджа-хан сказал Вам правду. Это было так: в прошлое лето наш Пир-ишан* собрал народ, объявил всем, что «я Вам падишах» и назначил от себя четырех пастухов** наибами, а с народом начал обращаться так непристойно, что это было противно нашему шариату. Вследствие чего народ, обиженный ишаном, осенью обратился ко мне с просьбою, чтобы я был их ханом, назначено было народное собрание, на котором должны были меня избрать в ханы теке, как неожиданно приехал Мутавайли и юзбаши.

С приездом Мутавайли часть старшин и кетхудов по своему желанию выбрали его ханом, обещав служить ему и ак-падишаху верно[2] и взяли на себя обязательство выручить имущество разграбленного каравана, часть которого уже вручили Мутавайли. Я тоже принимал участие в этом и от бывших в этой шайке трех разбойников отобрал трех верблюдов, которых и вручил Мутавайли. Надеюсь на бога, что все будет вручено и возвращено. С письмом этим посылаю к Вам Овез-бая, Курбан Иланчи, Батыра и Сары-батыра, через которых ожидаю от Вас ответ, если можно, то возвратите посланных скорее.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 108—111.

---

[1] Так в тексте.

* Курбан Мурад-ишан, с которым Нурберды-хан во вражде.

** Четырех ханов-правителей.

[2] Об отношении различных родоплеменных подразделений ахал-текинцев к Мутавайли см. его письмо начальнику Закаспийского военного отдела (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 112—115).

№ 95

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о положении в Хиве и Ахале[1]

13 апреля 1876 г.

...Со стороны Ахала известия более подробны: Муса Мутавайли, которого хан хивинский посылал к ахал-текинцам (донесение № 3490, 1875 г.), 2 апреля вернулся в Хиву; с ним приехало несколько человек с письмами к хану от старшин и привезено пять иомудских женщин, содержавшихся в плену, и несколько верблюдов в счет уплаты за разные грабежи. Больше Мусе ничего сделать не удалось, так что его миссию в Ахал можно считать неудачной; впрочем, на что-либо другое и рассчитывать было трудно. По точным сведениям оказывается, что даже намека на выбор Мусы в текинские старшие ханы, как сообщал мне генерал Ломакин в своем отзыве № 437, представленном мною при рапорте № 1221, 1876 г. к Вашему высокопревосходительству, не было. Совещание, бывшее в Геок-Тепе, никаких результатов не дало и между текинцами та же неурядица, какая была и прежде. По заявлению Мусы, положение отчасти стало несколько хуже либо, кроме бывших старшин и ханов, явилось немало новых, которые, не имея ни власти, ни значения в народе, кичатся полученными ими бумагами и наградами от русских начальников и вследствие этого считают себя и уверяют других, что они действительно старшины. Более всех по богатству, значению и силе между ахалами Муса называет известного Нурберды, который на звание хана уже лет десять тому получил ярлык от хана хивинского. Более ⅔ населения ахалов на стороне Нурберды и только немногие не соглашаются признать его старшим; в особенности против признания Нурберды стоит Курбан Мурад-ишан, который даже не явился на совещание в Геок-Тепе, а напротив, с 200 кибиток окопался в кургане, невдалеке от Геок-Тепе.

Кроме Нурберды-хана, более уважаемыми людьми между ахал-текинцами Муса называет Овез Мурад-сардара, Ораз Мухаммед-хана, Хал Мухаммед-хана, Софи-хана и Ата Назар-бека.

По мнению Мусы, человека весьма неглупого, бывшего прежде и прожившего теперь довольно долго между аха-

---

[1] Начало документа, посвященное описанию нескольких случаев разбоя на территории Хивинского ханства, интереса не представляет.

лами, единственное средство успокоить теке и привести их к согласию—это поддержать Нурберды-хана. При этом условии еще может быть можно рассчитывать на умиротворение текинцев. Всякий другой выбор хана, по мнению Мусы, не возможен. Поддержать Нурберды-хана можно, но, как думает Муса, в глазах текинского народа обновлением ярлыка, данного ему ханом хивинским и признанием Нурберды старшим ханом как мною, так и из Красноводска.

Весьма может быть, что вывод Мусы довольно правилен, но я не решаюсь дать каких-либо советов по этому поводу хану хивинскому, имея данные из отзывов ко мне генерала Ломакина предполагать, что на Кавказе вырабатывается особая программа отношений к ахал-текинцам, о которой, как Вашему высокопревосходительству известно из копий моего отзыва к начальнику Закаспийского отдела № 1211, я прошу его превосходительство мне сообщить.

Возвращение в Хиву Мусы Мутавайли, не исполнившим тех надежд, которые на него возлагались и не покончившего самого главного—примирения здешних иомудов с текинцами,—подействовало на хивинских туркмен крайне неприятно. Я имею частные сведения, что туркмены требуют от своих старшин исходатайствовать им у хивинского хана разрешение на грабежи в Ахале, так как они не видят другого исхода покончить свои затянувшиеся счеты. Не думаю, чтобы хан дал разрешение; впрочем, я успел предупредить его по этому поводу, но сильно сомневаюсь, чтобы ханское запрещение имело силу, и тогда раз хотя одна партия иомудов съездит к Теке—с начатками спокойствия на пространстве между Каспием и Аму-Дарьей нужно будет проститься. И теперь караваны ходят с риском, тогда же движение их будет еще более затруднено[1].

Изложив в предыдущем очерке положение дел на окраинах ханства, считаю не лишним в заключение настоящего донесения высказать Вашему высокопревосходительству, что, по имеемым мною сведениям, узбекское население ханства, и особенно торговый класс, в последнее время не особенно доволен ханом. Главной причиной недовольства, по слухам, служит отдача ханом в аренду зякетного сбора с караванов, идущих в Бухару и Россию, а равно и базарных сборов по высокой цене. Арендаторы, чтобы выручить уплоченное, не столько строго, сколько придирчиво относятся к делу сборов

[1] Далее следуют не представляющие особого интереса сообщения о том, что хивинский хан не имеет возможность выставить на Сары-Камыше пост для ограждения караванов от разбоев.

и сильно злоупотребляют этим; недовольны, по слухам, ханом и туркмены, во-первых, за то, что он не позволяет им ездить на грабежи в Ахал, а во-вторых, за настаивание в уплатах денег как следующих нам в счет остатков контрибуции, так и в подати самому хану. При взыскании с туркмен денег немало плутуют старшины и, как можно судить, счеты по остаткам контрибуции сильно запутались. Есть сведения, что часть коджуков с Шамурата и емрели намерены откочевать на Гурган; до 100 кибиток човдуров просила у меня разрешения перейти на правый берег, но родственники уговорили их остаться...[1].

Главную и заметную роль в ханстве играет Полван Мирза-баши, личность не глупая, но хитрая и не особенно надежная.

Полковник Иванов

ЦГИА Груз ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 170—171. Копия рукописная.

№ 96

Из «Записки» начальника Закаспийского военного отдела об устройстве Красноводско-Аму-Дарьинского пути, о развитии торговли и положении в Туркменских степях[1]

29 апреля 1876 г.

...До сих пор, пока текинцы не будут окончательно обузданы и усмирены, пока мы не водворим у них надлежащего порядка и спокойствия и не образуем у них нашего управления,—до тех пор грабежи, разбои и насилие в здешних степях не только что не прекратятся, но с каждым годом будут усиливаться более и более. Теперь текинцев еще сколько-нибудь пугает и сдерживает опасение нашего движения к ним, а также домашние их раздоры и вообще плохое вооружение. Но с каждым годом сие последнее заметно улучшается и теперь уже у редкого из приезжающих сюда текинцев не было одной и даже двух английских двухстволок; и если им удастся при этом хоть немного сплотиться, то, без сомнения,

[1] Далее следуют не представляющие интереса сообщения о деятельности хана.

[2] Начало документа, посвященное описанию путей от Красноводска до Хивы, особого интереса не представляет; к «Записке» приложен ориентировочный маршрут движения от Красноводска к Куня-Ургенчу через Кум-Себшен и Сары-Камыш с числом переходов, их протяженности, названиями колодцев, их глубины, количеством и качеством воды и т. д. (Об этом см. также ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1253, л. 43).

мы создадим себе тогда в будущем большие затруднения; то чего можно бы было достигнуть теперь без выстрела, едва ли со временем обойдется без значительных жертв...[1].

Начальник Закаспийского военного отдела
генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 2253, лл. 20 — 42.

№ 97

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахале и мерах водворения там порядка

6 мая 1876 г.

С последней почтой из Петро-Александровска (при сем представляемой) получены, между прочим, от полковника (ныне генерал-майора) Иванова от 19 марта за № 1211 ответ на отзыв мой ему № 437, представленный в Горское управление 7 марта за № 525 и копия с рапорта его командующему войсками Туркестанского военного округа от 13 апреля за № 1347, представленного им уже после возвращения в Хиву из Теке известного Вашему превосходительству из моих донесений Муса Мутавайли—хивинского кандидата в текинские ханы.

Сведения, сообщенные Муса Мутавайли относительно возможного устройства дел в Ахал-Теке (№ 1347), вполне подтвердили, как пишет генерал Иванов, мои прежние донесения Вашему превосходительству по этому предмету, а именно:

«Более всех по богатству, значению и силе между ахалами Муса называет Нурберды-хана, который на звание хана уже лет десять тому назад получил ярлык от хана хивинского. Более ⅔ населения ахалов на стороне Нурберды-хана и только немногие не соглашаются признать его старшиной; в особенности против него стоит Курбан Мурад-ишан.

По мнению Мусы, единственное средство успокоить теке и привести их к единогласию—это поддержать Нурберды-хана. Всякий другой выбор хана не возможен.

Поддерживать же Нурберды-хана можно обновлением ярлыка, данного ему ханом хивинским, и признанием его старшим ханом как мною (т. е. генералом Ивановым), так и из Красноводска».

По этому последнему обстоятельству генерал Иванов, хотя и допускает, что этот вывод Мусы может быть довольно правилен, не решается, однако, дать «каких-либо советов хану хивинскому» до получения моего сообщения о «вырабатываемой» на Кавказе программе отношений к ахал-текинцам*, вследствие чего я и счел необходимым предварительно представить здесь следующие соображения:

Нурберды-хан, как я уже доносил Вашему превосходительству, действительно более других соответствует нашим видам, так как он пользуется наибольшим влиянием и значением в Ахал-Теке и всегда старался поддерживать мирные, приязненные сношения с соседями. Обновление его ярлыка в Хиве и признание его нами старшим ханом в Теке как из Петро-Александровска, так и из Красноводска, действительно могло бы поднять его в глазах народа, и тем могло бы оказать ему сильную нравственную поддержку в усилиях его восстановить порядок и спокойствие в Теке. А так как при этом и посторонняя кандидатура (Мусы Мутавайли) «не удалась вполне» вследствие того, что хан хивинский не мог принять на себя уплату жалованья феррашам (рапорт мой № 525)**, то в Ахал-Теке предстоит теперь одно из двух: или полнейшая анархия, неурядица и усиление через то грабежей и разбоев, что уже и началось, или же усиление в Теке, тем или другим путем все равно, власти и значения Нурберды-хана.

Тут представляется два вопроса: во-первых, советуя хивинскому хану обновить ярлык Нурберды-хана, не подтверждаем ли мы тем, хотя и косвенно, прежних «сюзеренных прав Сеид Мухаммед Рахим-хана над текинцами» (отзыв

[1] Далее следуют не представляющие особого интереса рассуждения о мерах обеспечения Каспийско-Хивинской военной торговой дороги. Интереса заслуживает лишь сведение о том, что туркменская милиция может принести пользу, и что наем милиционеров дает возможность сократить число казаков в форте. Констатируя, что пока русские войска не займут Ахал-Теке, автор отмечает, что «ни один аул иомудов не пойдет кочевать» к Узбою. Далее он сообщает интересные сведения о порядке кочевания иомудов: «опасаясь постоянного нападения текинцев, иомуды не могут кочевать мелкими аулами, а кочуя большими аулами, они должны распускать своих верблюдов для пастьбы на несколько десятков верст, причем охранять их на таком громадном пространстве от набегов текинцев они не в состоянии... аулы их не могут также оставаться долго на одном месте и как только верблюды вытравят корм на одном месте, они должны переходить на другое, верст 70—100».

* Заключая о том, вероятно, лишь по отзыву моему № 437.

** Хотя генерал Иванов и пишет (в № 1347), что по точным сведениям даже и намека на выбор Мусы в текинские ханы не было; но что может быть точнее об этом подлинных писем текинских ханов, представленных мною в Горское управление (№ 773).

генерала Иванова № 1211); и, во-вторых, признание нами ханом в Теке Нурберды-хана не возлагает ли на нас также обязательства и поддерживать его не только нравственно, но и фактически на деле.

Если, как изложено в заключении означенного отзыва генерала Иванова № 1211, это обстоятельство ни мало «не усиливает сюзеренных прав хивинского хана над текинцами и нарушить таковые права (номинальные, существующие лишь на словах) всегда во власти русского правительства», а, с другой стороны, если это и на нас не возлагает никаких действительных обязательств по отношению к Нурберды-хану, то мне кажется, что при настоящих обстоятельствах, когда мы не можем переходить далее Кизыл-Арвата и Сумбара и не должны вмешиваться фактически в дела текинцев, для нас остается одно: признать Нурберды-хана старшим ханом в Теке и допустить обновление его ярлыка хивинским ханом. Этим мы окажем ему хотя нравственную поддержку за невозможностью оказать другой, более существенной и действительной.

О последующем по сему буду ожидать указаний Вашего превосходительства, чтобы дать надлежащий ответ генералу Иванову.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 160 — 162. Подлинник рукописный[1].

№ 98

Перевод письма Нурберды-хана хивинскому хану об отношении ахал-текинцев к предлагаемому движению русских войск в Ахале

По отъезде отсюда Мусы Мутавайли некоторые жители, желая поставить себя на хороший счет, приготовили своих старшин для изъявления покорности*.

Когда приехали люди Мутавайли, посланные к генерал-майору Ломакину, и сообщили о том, что они видели и слышали, то народ понял, что сюда приедут русские войска, сильно перепугались и ничего не можем придумать. Если этот отряд пройдет, то народ не знает что делать, встретить ли с покорностью или собраться и драться, или бежать: все это обдумывают.

Чтобы известить Вас об этом, я посылаю Вам настоящую мою просьбу и справедливого человека, родственника сво-его Нурнепеса вместе с Дервишем-ишаном, дабы они под-несли Вам нашу просьбу.

Ваши приказания мы будем исполнять с большим усер-дием.

На подлинном печать *Нурберды-хана*[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 20.

№ 99

Отношение начальника Аму-Дарьинского отдела хивинскому хану о мирных целях движения русских войск в Ахал

7 мая 1876 г.

Ваше высокостепенство прислали мне с Полваном Мирза-баши письмо, полученное из Ахала от Нурберды-хана, и просите моего совета, какой дать ответ присланным людям[1]. Исполняя желание Вашего высокостепенства, сообщаю, что ни о каком движении кавказских войск в Ахал-Теке я све-дений не имею, и весьма возможно, что слухи, полученные Нурберды, не основательны, но если войска, вверенные ге-нералу Ломакину, нынешним летом, по примеру прошлого года, и сделают какое-либо движение в глубь степей, то и в таком случае текинцы не должны бояться прихода русских, если они соглашаются быть смирными и покорными, как пишет Вам Нурберды-хан.

Прошу Ваше высокостепенство не забывать, что как туркестанские, так и кавказские войска—войска русского государя; воля же белого царя в отношении здешней ме-стности одна: водворить спокойствие и порядок, прекратить грабежи и дать свободу и безопасность торговле; если слух о движении кавказского отряда и оправдается; то и это движение будет сделано только в видах исполнения воли его величества императора, а затем встретят ли текинцы рус-ские войска с покорностью, или вздумают драться—все рав-но; солдаты белого царя всегда сумеют исполнить его волю

---

[1] Копия документа в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 176—177.

* Должно полагать, народ хотел послать старшин для заявления хану хивинскому покорности.

[1] В письме начальнику Аму-Дарьинского военного отдела хивин-ский хан пишет, что текинцы «пришли к одному заключению и согла-сию быть по-прежнему смирными» и, согласившись исполнять все при-казания хивинского хана, просят «позаботиться об них» (ЦГИА Груз.ССР, ф. 545, д. 1252, л. 21).

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1254, л. 21.

Сообщая Вашему высокостепенству мое мнение, пользуюсь случаем пожелать Вам доброго здоровья.

Полковник Иванов.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 18 — 19.

№ 100

Отношение российского консула в Астрабаде начальству Закаспийского военного отдела о положении в Туркменской степи и роли русских войск в охране спокойствия

9 мая 1876 г.

Из обзора случившегося в Астрабаде и Хорасане нельзя сказать, чтобы положение дел в этих краях было вообще удовлетворительно, в особенности же у нас. Высказанное мною однажды мнение подтверждается касательно того, что только присутствие наших войск в степи спасало провинцию от туркмен и поддерживало между последними спокойствие. Настоящие обстоятельства служат лучшим этому доказательством. С отсутствием войск грабежи делаются явлением довольно частым, а в среде самих туркмен возникает усобица, которую нельзя еще считать вполне оконченной. Таким образом, относительным спокойствием и безопасностью в предшествующие шесть лет управления Саад-Ихтиара провинция оказывается обязанною не вполне ему, а тому обстоятельству, что со временем управления его совпадали все наши движения, начиная с занятия Красноводска. В настоящее время образ действий того же Саад-Ихтиара оказывается бесплодным, чтобы положить конец беспорядкам, от которых особенно страдают восточные округа провинции Фендереск и Кетуль..[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, лл. 193 — 195.

---

[1] Документ без подписи; далее следуют не представляющие интереса данные о попытках примирения джафарбаев и атабаев Астрабада с Клыч-ханом и ро российского консульства в этом.

№ 101

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о положении в районах Туркмении[2]

10 мая 1876 г.

...Туркмены оазиса[2] также занимаются хлебопашеством и ведут себя скромно, хотя и выделяют мелких воров для грабежей по дорогам. Арыки для туркмен приготовлены и очищены узбекским населением ханства, за что хан по условию, заключенному им в прошлом году с туркменами, взыскивает с них в свою пользу две тилли за каждого рабочего; как эти деньги, так и все прочие платежи вместе с остатками контрибуции, наложенной Вашим высокопревосходительством, туркмены почти не выносят, хотя платить и не отказываются. За последний месяц в кассу отдела платежей в счет контрибуции совершено не было.

Объяснением этому служит бедность туркмен, а главным образом запутанность денежных счетов с ханскими чиновниками, производящими сбор денег. Туркмены заявляют, что они уплатили денег больше, чем сборщики передали хану, сборщики же в свою очередь доказывают, что деньги ими не получены. Чтобы поправить эти недоразумения, хан к каждому из своих чиновников, заведующих туркменами, назначил особых мирз, без которых не должно быть разбираемо никаких денежных споров. Насколько поможет подобная мера, судить трудно, но последствием своим она уже имеет недовольство ханом его старших сановников—кушбеги и мехтера, из которых первый заведует иомудами, а другой—човдурами.

Об отправлении туркменами партий на грабежи в Ахал-Теке пока ничего не слышно; люди, приехавшие из Ахала с письмами в Хиву, еще не возвращены обратно. Доставленные ими письма к хану мне удалось достать и переводы с них я считаю не лишним представить Вашему высокопревосходительству. Письма эти с печатями более важных текинских старшин, в том числе и Нурберды-хана, доказывают, во-первых, солидарность, которая существует между ханством и текинцами Ахала; во-вторых, страх последних перед русскими и опасение нашего к ним прихода. Какой будет дан ответ текинским посланцам, постараюсь узнать; хан же, между прочим, ничего мне по этому поводу не сообщал. Послед-

---

[1] Начало документа—данные о начале сельскохозяйственных работ в узбекских районах Хивы не относятся к теме сборника.

[2] Речь идет о Хивинском оазисе .

ние известия из Закаспийского военного отдела имею от апреля. По сообщению генерала Ломакина, там совершенно покойно, сношения с ахал-текинцами, имеющие целью умиротворение последних, идут успешно.

Со стороны Мерва, кроме известий о голоде и о плохих надеждах на урожай в настоящем году, вследствие недостатка воды в Мургабе, нового ничего; грабежи в окрестностях Мерва очень сильные; из соседей от туркмен преимущественно страдает Персия, куда направляются из Мерва на грабежи и пешие, и конные партии. Есть слух будто персидское правительство на восточной своей границе собирает войска для занятия Мерва; впрочем слух этот требует больших подтверждений.

Хива, снабжающая Мерв хлебом, караваны для покупки которого приходят очень часто, за последний год почти не видала на южной своей границе текинских шаек, как равно не было их и на правом берегу Аму-Дарьи от бухарских населенных пунктов до нашей границы; караваны из Бухары в Хиву и обратно ходят совершенно благополучно, и торговля заметно расширяется. Нельзя не согласиться, что подобным результатом мы обязаны настоянию Вашего высокопревосходительства о постановке бухарским эмиром кургана на Кабанлы...[1].

Начальник отдела полковник Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 7—11.

№ 102

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о взаимоотношениях ахал-текинцев с Хивой

12 мая 1876 г.

7-го ко мне прибыл посланец от хана хивинского с письмом, только что полученным в Хиве из Ахала от Нурберды-хана; переводы с письма хана и Нурберды, а равно и ответного моего письма к Сеид Мухаммед Рахиму при этом имею честь представить. Посланец хана Полван Мирза-баши передал словесно, что Сеид Мухаммед Рахим покорно просит указать ему, какой дать ответ текинцам, что он вообще затрудняется в сно-

[1] Далее следует не представляющее интереса описание мер обеспечения безопасности движения торговых караванов.

шениях с ними, ибо они, называя его своим ханом и повелителем, вместе с тем не исполняют его требований; что поездка Мусы Мутавайли, произведенная по желанию текинского народа, пользы не принесла: споры с иомудами не окончились и иомуды, не видя удовлетворения, собираются послать партии в Ахал, и что уже две партии в 12 человек каждая иомудами отправлены, несмотря на строгое приказание хана не ездить.

Ввиду такого прямого и настоятельного вопроса по отношению к туркменам-теке я счел возможным разъяснить Сеид Мухаммед Рахиму через его посланца, руководствуясь предписанием Вашего высокопревосходительства от 22 марта № 549, только что в этот день полученным, всю ложность его положения от признавания текинцами, на словах, его, как хана хивинского, своим господином и на ту ответственность, которой он может себя подвергнуть, если станет действительно считать текинский народ за подведомственный себе. В ответ Палван Мирза-баши доложил мне, что хан хивинский отнюдь и не считает себя ханом Ахала и был бы очень рад, если бы текинцы этой местности и совсем не обращались к нему ни с какими заявлениями, ибо он достаточно хорошо знает, что он не может иметь на них из Хивы никакого влияния и заставить слушать и исполнять свои приказания; далее Палван Мирза-баши заявил, что хан посылал Мутавайли, принимал приезжающих из Ахала людей исключительно только затем, чтобы постараться примирить своих иомудов с текинцами и что никакой другой мысли не имел...[1]

Начальник отдела генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 14—17.

№ 103

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о положении в Хивинском ханстве и ходе сбора контрибуции с туркмен

17 мая 1876 г.

Хан хивинский письмом от 13 мая сообщил мне, что уплата туркменами денег в счет остатков контрибуции, наложен-

[1] Далее следуют не представляющие интереса заверения о том, что он, Иванов, всегда и во всем придерживался предписанного ему «образа действий» в текинских делах.

ной на них Вашим высокопревосходительством, совершенно остановилась; туркмены также не платят хану и оставшийся за ним земельный салгыт. Точного объяснения этой остановки из письма хана не видно, но насколько можно судить човдуры желают отложить уплату до сбора урожая хлебов, иомуды же считают, что они уплату окончили полностью; из последнего рода двое старшин совсем не явились к кушбеги, когда он посылал за ними для проверки счетов; эти двое — старшины отделений урускущи и салах (Таджи-бек и Атавекиль), которые и прежде отличались духом неповиновения; Сеид Мухаммед Рахим, как он сообщает мне, послал названным старшинам приказание немедленно явиться к кушбеги.

Настоящее письмо хана мной оставлено без ответа, потому что до времени и выяснения обстоятельств трудно дать ответ. Совершенно верно, что расчеты по контрибуции весьма запутаны и туркмены не могут свести счет, но тем не менее, так или иначе нужно, мне кажется, стараться, чтобы вся контрибуция, наложенная Вашим высокопревосходительством, была туркменами уплачена хотя [бы] медленно и постепенно. Простить остатки преждевременно и сделать это, по моему мнению, можно будет только тогда, когда мы вполне уверимся, что то спокойствие, которое существует в последнее время между туркменами, установилось прочно.

В настоящее время внутри ханства тихо и покойно, но снаряжение и отправление разбойничьих партий в Ахал-Теке продолжается; на днях к иомудам, по слухам, пригнали баранту около 300 голов скота, отнятого у текинцев. Неоконченность счетов иомудов с текинцами и потеря надежд получить удовлетворение посредством сношения через хивинского хана неминуемым последствием будет иметь возникновение взаимной баранты, а с тем вместе и нарушение возрождавшегося было спокойствия на торговом пути от ханства в Каспийское море.

Из Мерва снова пришли в Хиву верблюды за хлебом и пригнано для продажи несколько стад баранов; в Мерве цена на хлеб поднялась до очень высокой цифры, именно, как говорят, до 1 р. 40 к. за пуд; урожай и в настоящем году, как я доносил уже, в Мерве не предвидится, да и в Хивинском оазисе урожай нынешнего года должен быть значительно слабее по причине низкого уровня воды в реке и плохой очистки арыков. Бывшие пять дней сряду в начале мая дожди также пугают жителей, так как следствием дождей в подобное время является будто бы зарождение на растениях особого рода червя.

Начальник отдела, генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 24—25.

№ 104

Из рапорта начальника Астрабадской станции российскому посланнику в Иране о бесчинствах и грабежах каджарских властей на территории туркмен

18 мая 1876 г.

Считаю долгом довести до сведения Вашего высокобла-городия о некоторых происшествиях в Заатрекской степи за последнее время и о возникшей у туркмен междоусобице, так как события эти касаются несколько и до вверенной мне станции.

Еще в конце февраля настоящего года астрабадский губернатор Сааб-Ихтиар Сулейман-хан, выступив из города в степь во главе одной тысячи своего войска для сбора с туркмен весенних податей, начал эту операцию с того, что, расположившись лагерем в 9—10 верстах от Ходжа Нефеса, казнил предательским образом доверившихся ему ни в чем не повинных трех туркмен из племени тумач: Вели Курбана, Мамед Назара и Нуралия. Казнь эта никого из туркмен не устрашила, а напротив разожгла еще более страсти этого народа, и ненависть, существовавшая у туркмен к персиянам во всякое время, последним неуместным поступком губернатора усилилась намного, а результаты такого явления и не заставили себя долго ждать.

Так, когда множеству родственников казненных стало известно потому, что астрабадский губернатор, прибегая к такой крутой мере как одновременно убийство трех их родственников и заарестование четвертого Бекджан-хана, находился под влиянием прежде служившего ему джафарбайского Клыч-хана, и что последний, обусловливая возобновление своих услуг губернатору на будущее время, указал ему поименно на эти четыре личности, как на враждебные ему и готовые во всякое время сильно тормозить все его действия, и затем дал понять губернатору, что он может купить услуги его, Клыч-хана, между прочим, и ценою жизни всех указанных им четырех туркмен. Тогда, они, родственники казненных, начали возбуждать вражду против Клыч-хана яралинцев-джафарбаев с Гуз-сардаром во главе (к этому племени принадлежали и казненные) и атабаев с Мусаханом во главе, и составив, таким образом, союз и набрав до 800 всадников, недели три тому назад окружили аул Клыч-хана с целью умертвить последнего. Этот с своей стороны, не имея возможности с успехом сопротивляться столь значительной шайке своих неприятелей, обратился за

помощью к своим родственникам, нуралинцам-джафарбаям. Не подавая Клыч-хану никакой материальной помощи, родственники его приняли на себя однако ж примирительную роль и, выговорив у его врагов несколько дней ему срока, поручились за Клыч-хана, что он к концу срока возвратит туркменам, если не натурой, то деньгами все награбленное и уведенное у них им во все время прежнего служения своего астрабадскому губернатору и что находящийся тогда в Астрабаде арестованный Бекджан-хан будет освобожден и возвращен в свою степь.

Пока неизвестно, до какой степени будет выполнена Клыч-ханом первая половина его обязательств; что же касается до второй, то в настоящее время Бекджан-хан уже освобожден астрабадским губернатором и находится в своем ауле.

Помирившись до поры до времени с Клыч-ханом, яралинцы не помирились, однако ж, с астрабадским губернатором, и вот в отмщение ему на днях они сделали нападение на пограничные персидские деревни и увели оттуда до 150 штук скота; ни убитых, ни пленных при этом не было.

Есть слухи, что Муса-хан Атабаевский старается теперь согласить только что возвратившихся с набега яралинцев действовать на будущее время сообща с атабаями против персиян.

Ничего нет невероятного, если туркмены-яралинцы, чтобы как можно более напакостить персиянам, примут намерение расширить круг своих на Персию набегов и для этого вышлют из среды своей смельчаков, чтобы предварительно силой отнять у приморских туркмен куласы и потом отправиться на них в Астрабадский залив грабить по берегам его. Примеры этому уже бывали и при подобных же нынешним обстоятельствах. Степные туркмены очень хорошо понимают, что они всегда обеспечены от преследования со стороны станции, если, конечно, не попадутся ей на месте преступления, и что за них поплатиться могут только приморские их родственники, привязанные всеми своими интересами к берегам, весьма доступным станции, и которых в чрезвычайных обстоятельствах степные туркмены не задумывались никогда приносить в жертву.

В отстранение подобных поползновений степных туркмен на непринадлежащие им куласы я принимаю уже меры, увеличил число лазутчиков по туркменскому берегу и усиливаю разъезды по заливу...[1]

[1] Далее следует не представляющее интереса описание подъема уровня воды на Ашур-Аде и лихорадки среди личного состава станции.

На днях в здешних водах прекратился лов рыбы 1875/6 года, и туркмены-ловцы на лето обратятся к другим занятиям. Рыбопромышленник астраханский 2-й гильдии купец Петр Жуков, занимающийся промыслом как раз по соседству с местностью персидского откупа, а именно в гасангулинских водах, хотя и небогатый человек, но конкурируя по возможности и средствами своими с богатыми, откупом не давал падать цене на рыбу, чем я чрезвычайно доволен, замечая хорошие результаты этого на благосостояние туркмен, занимающихся ловом рыбы.

О всем вышеизложенном имею честь донести Вашему высокоблагородию.

Капитан 1-го ранга Зайкин

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3728, лл. 5—8.

№ 105

Отношение начальника Аму-Дарьинского отдела хану хивинскому о необходимости урегулирования отношений с туркменами

25 мая 1876 г.

Из последнего письма Вашего высокостепенства видно, что не все старшины иомудов заявляют претензию на кушбеги; с другой стороны, я усматриваю, что кушбеги, собирая деньги за разграбленных у бухарцев баранов, не все собранные деньги представил; значит, если допускать, что иомуды приносят не совсем справедливую жалобу, то можно думать, что и почтенный Худояр кушбеги не совсем прав. От справедливого решения и разбора Вашего высокостепенства зависит это дело, совет в данном случае дать трудно. Что же касается до того обстоятельства, что Атавакиль и другие старшины приехали к Вам в сопровождении значительного числа вооруженных людей, то за это следует Вам сделать им выговор и запретить так поступать на будущее время; туркмены, как и все прочие подданные Вашего высокостепенства, должны обращаться к Вам, как к своему хану, с полной доверчивостью, и к этому их нужно приучить. Справедливым разбором и решением разных дел, с которыми к Вам туркмены обращаются, бог поможет Вашему высокостепенству это достигнуть.

ЦГИА Груз.ССР, ф. 545, д. 1252, л 45.

№ 106

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела командующему войсками Туркестанского военного округа о взаимоотношениях хивинского хана с туркменами и сведениях об английских происках в Юго-Восточной Туркмении

25 мая 1876 г.

В своих прежних донесениях я имел честь доводить до сведения Вашего высокопревосходительства, что сбор различных поступлений с туркмен в счет уплаты остатков контрибуции, в счет земельного салгыта, наложенного ханом за разграбленное в разное время туркменами у киргизов и узбеков имущество и т. п., в последнее время идет очень туго. Туркмены заявляют, что они уже все уплатили: сановники хана, которым поручен сбор денег, от этого отказываются; вообще все счета весьма запутаны. Первая запутанность вышла в платежах човдуров еще в прошлом году; хан разобрал это дело, устранил от човдуров есаул-баши Махмуда и назначил для заведывания ими мехтера ханского: теперь и потому же поводу поднят вопрос иомудами.

22 мая я получил письмо от хана хивинского, в котором он пишет мне, что Атавакиль и двое других старшин, собрав до 500 всадников, подъехали к Хиве и, остановившись на ур. Сарджали в 4-х верстах от Хивы, просили дать им расчет с кушбеги, но для расчета ехать в город не соглашались, а просили выслать к ним для этой цели за город кого-либо из старших сановников. Приезд к Хиве такого количества вооруженных туркмен сильно напугал население: узбеки из Сарджали и других близких мест поторопились уйти в город; хан немедленно прислал мне об этом сообщить и просил совета, как ему поступить. Я ответил хану, что пока не знаю намерений приехавших к Хиве туркмен, я затрудняюсь дать ему ответ, но что во всяком случае думаю, что на приезд туркмен нельзя смотреть, как на вызов на вражду, а что, вероятно, они приехали к нему, как к своему хану, с просьбой окончить их расчеты с кушбеги.

Действительно, по дальнейшим известиям оказалось, что приехавшие туркмены никого не тронули, и когда старшины их на предложение посланного к ним от хана родственника последнего, Ибрагима-Хаджи, выехать в Хиву согласились это сделать, то большая часть приехавших туркмен разошлась по домам.

По поводу разбора счетов иомудов с кушбеги хан хивинский прислал мне сегодня новое письмо, копию с которого, а равно и моего к нему ответа, при этом имею честь представить. Полагаю, что все недоразумения окончатся благополучно, если хан не будет пристрастен к кушбеги в ущерб иомудам.

Со стороны Ахала и Мерва сведений особенных нет, по слухам, везде покойно. Из Мерва в Хиву прислано на продажу несколько стад баранов. Приехавшие люди говорят, что в Мерве цена на хлеб начала падать, так как значительный привоз его из Хивы и из Персии увеличил запас.

В последние дни распространилось и сильно поддерживается известие будто бы Ширали-эмир афганский занял Керки и намерен двинуться к Чарджоу. Справедливость известия пока не подтверждена более точным образом, но досужий народ толкует, будто бы это движение Ширали сделано по соглашению с эмиром бухарским с целью совместного действия против русских. Началом всего народ указывает подстрекательство Англии.

Начальник отдела генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 42—47. Копия заверенная.

№ 107

Отношение российского консула в Астрабаде начальнику Закаспийского военного отдела о взаимоотношениях каджарских властей с туркменами

13 июня 1876 г.

С начала текущего месяца в Астрабаде было известно о приготовлениях губернатора к нападению на туркмен-джафарбаев с целью наказания их за последние грабежи. Приготовления эти делались настолько явно, что туркмены не могли знать о них.

В ночь с 6 на 7 текущего июня Сулейман-хан Сааб-Ихтиар выступил из Астрабада в одну из деревень ближайших к городу, расположенную на с.-з., называемую Тахт-Мухаммед, имея с собой до 600 всадников и 150 пеших вооруженных поселян. Туркмены племени тумач встретили наступавших выстрелами, а прибывшие к ним новые, незначительные партии конных, как говорят, из чарвы атабаев старались обойти персиян, которые поддерживая перестрелку, решились отступать, несмотря на численное превосходство над туркменами, имевшими не более ста всадников.

Персидский отряд первоначально спеша пододвинуться к аулу Керим-хана и кочевью атабаев изменил направление с целью скорее выйти из степи, пошел через поросшее камыша-

ми болото, где, не найдя брода, был настигнут туркменами, воспользовавшимися удобствами местности. Действуя холодным оружием, они обратили в бегство персиян, лишившихся до 100 человек. Паника распространилась в городе и по деревням, население которых, не имея никаких средств к защите, оставляет свои жилища, ища безопасного убежища. Губернатор с остатками разбитого отряда поспешил в город, а туркмены начали ряд грабежей, сопровождающихся уводом пленных и угоном скота[1].

Сколько известно до сих пор, персидское правительство готовится выслать из Тегерана в Астрабад два полка пехоты и отряд кавалерии, предписав губернатору озаботиться охраной у кр. Ак-Кала.

По известиям из Хорасана, буджнурдский ильхани Яр Мамед-хан, предуведомленный в последних числах минувшего мая о появлении на границе значительной разбойничьей партии теке, числом до 1500 человек, нанес ей полное поражение, и отправлено в Тегеран до ста туркменских голов.

Консул Астрабада Бакулин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 30—31.

№ 108

Телеграмма российского поверенного в делах в Иране консулу в Астрабаде о намерении с целью разведки английского консула посетить Красноводск

13 июня 1876 г.

Английский консул Черчель собирается в Красноводск, вероятно, с намерением разведать наши дела и положение[2].

Сообщение об этом Ломакину и Зайкину для принятия надлежащих мер.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 33

---

[1] О последствиях этого разгрома см. отношение российского консула в Астрабаде начальнику Закаспийского отдела от 19 июня 1876 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 38—39); а также рапорт начальника Астрабадской станции от 25 июня 1876 г. /там же, лл. 43—51/ в документе сообщается, что, узнав о высылке из Тегерана в Астрабад двух полков пехоты и отряда кавалерии, туркмены решили «переселиться на вечные времена в „Закаспийский край»; речь идет о номадах шараф-ярали Астрабада.

[2] В своем письме начальнику Закаспийского отдела от 19 июня 1876 г. консул Бакулин отмечал, что «Черчель знает по-русски, почему если не все, то многое из сказанного при нем ему будет понятно. На это обстоятельство.. необходимо обратить внимание». (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545; д. 1252, лл. 38—39).

№ 109

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахал-Теке

14 июня 1876 г.

Последняя хивинская почта, полученная 6-го числа сего месяца и представленная при сем на благоусмотрение Вашего превосходительства, содержит, между прочим, копию с предписания командующего войсками Туркестанского военного округа к начальнику Аму-Дарьинского отдела от 22 марта № 549 по поводу заявления Вашего превосходительства о неудобствах, проистекающих от неопределенности круга действий пограничных начальств Туркестанского и Кавказского округов в распоряжениях по отношению к туркменам, населяющим пространство к югу от Хивинского ханства между Аму и Каспием, а также и несколько сведений о том впечатлении, какое произвели в Теке слухи о предполагавшемся туда движении кавказских войск. Слухи эти, как оказалось, распустил в Теке возвратившийся туда в марте из Мекки и Константинополя Керимберды-ишан, который перед тем несколько месяцев прожил в Тифлисе и Баку. При нем отправлены были сюда из Баку для смены на двух пароходах Лабинские казаки, а также люди на усиление здешних батальонов; и на основании этого, возвратясь в Теке, он старался уверить всех, что русские идут в Теке, что он сам видел отправлявшихся в Красноводск из Баку войска, причем, пользуясь впечатлением, произведенным распущенными им слухами, старался проповедывать в народе «газават» и возбуждать всех к священной против нас войне. Во всяком случае, по словам бывшего у меня Софи-хана, слухи эти произвели в Теке большой переполох: с начала все хотели соединиться и выбрать одного хана, но по обыкновению, перессорились при этом еще хуже и разошлись; одни решились бежать в Мерв, другие полагали удалиться в здешние степи, третьи решились драться с русскими, чтоб умереть там, где покоятся их деды и отцы. Ближайшие же к нам текинские крепости прислали ко мне Софи-хана спросить, что им делать, что остаются вполне нам покорны и ожидают от меня приказаний. Интересна при этом также просьба Нурберды-хана замедлить движение нашего отряда в Теке хоть на несколько месяцев.

Генерал-майор Ломакин

ЦИГА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 1, Подлинник.

№ 110

Рапорт начальника Кавказского горского управления начальнику главного штаба о мерах распространения русского влияния на ахал-текинцев

17 июня 1876 г.

С целью устранения неудобств, происшедших в распоряжениях по отношению к туркменам, кочующим к югу от пределов Хивинского ханства, начальник Закаспийского военного отдела входил в сношения с начальником Аму-Дарьинского отдела и так как из обмена взглядов по сему предмету выяснилось, что посланный хивинским ханом к текинцам Муса Мутавайли вернулся обратно в Хиву, потерпев полную неудачу в порученном ему деле, то генерал-майору Ломакину ввиду высочайшей воли, выраженной в письме военного министра к главнокомандующему Кавказской армией от 19 февраля сего года № 9, предложено руководствоваться в отношении текинцев тем образом действий, посредством которого мы поддерживали свои к ним отношения до возникновения последних недоразумений, ограничиваясь одним нравственным влиянием[1].

В видах же поддержания и утверждения между текинцами власти Нурберды-хана, неоднократно доказавшего нам свою преданность и желающего установить правильные торговые сношения с Красноводском, генералу Ломакину поручено объявить текинским племенам, что всякие сношения их с Закаспийской администрацией должны производиться исключительно через Нурберды-хана и что в снаряжаемом и отправляемом текинцами караванам тогда только будет оказываема наша поддержка и заботливость, когда караваны эти будут снабже-

[1] Речь идет о том, что в противовес Ломакину, считавшего, что для укрепления русского влияния в Ахале нужно ориентироваться на Нурберды-хана, генерал Иванов настаивал на возможности достигнуть этого через распространение власти хивинского хана на ахал-текинцев и выступил одним из инициаторов посылки к ним Муса Мутавайли. Когда же миссия этого хивинского ставленника в Ахале провалилась, Военное министерство в письме туркестанскому генерал-губернатору от 21 мая 1876 г. нашло, что «нам никоим образом нельзя признавать власть хивинского хана над южными туркменами, власть, которая никогда и в прежнее время не была действительной и что поэтому местному начальству Аму-Дарьинского отдела следовало бы удержать хивинского хана от вмешательства в текинские дела» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 93—94). Следует отметить, что и после всего этого царские власти не оставили мысли о возможности использования хивинского хана в распространении своего влияния на туркмен, и это служило одним из оправданий сохранения его реакционной власти над туркменами-текинцами.

ны письменными [видами] за подписью Нурберды-хана; такой же точно порядок должен быть принят и в отношении частных личностей.

Во исполнение такого приказания за отсутствием главнокомандующего Кавказской армией, помощника его, — генерал Ломакин дал знать от себя об изложенном генерал-майору Иванову и, воспользовавшись приездом в Красноводск Худайберды-хана, дяди Нурберды-хана Текинского,—отправил с ним в Теке письменное объяснение ханам и старшинам, а также и письмо к самому Нурберды-хану в смысле полученных указаний.

О вышеизложенном, по приказанию генерал-адъютанта князя Святополк-Мирского, имею честь довести до сведения Главного штаба[1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 118—118 об.

№ 111

Обращение начальника Закаспийского военного отдела к ахал-текинским старшинам о порядке сношений ахал-текинцев с русской администрацией Закаспия

22 июня 1876 г.

Всем текинским ханам, старшинам, кетхудам, аксакалам и другим большим и малым четырех текинских племен, сидящих в Ахале, от Кизыл-Арвата до Анау—привет.

Многие из вас обращались и обращаются ко мне по разным делам, присылают сюда караваны, просят дать им билеты для поездки на богомолье в Мекку или по торговым делам в Астрахань, Макарьев и Баку. Всем я оказывал постоянно полное покровительство и содействие.

Теперь мы считаем необходимым установить в сношениях ваших с нами некоторый порядок.

Всем известно, что между текинским народом наибольшим уважением и влиянием пользовался всегда и пользуется в настоящее время Нурберды-хан, которого все текинцы готовы и теперь слушать более, чем других ханов и старшин; при этом он и прежде много лет был главным ханом в Теке и хорошо управлял народом; можно надеяться, что он и теперь сумеет восстановить надлежащий порядок и спокойствие в Теке для пользы и блага всего народа.

[1] Документ без подписи.

По повелению высшего Кавказского начальства, объявляю вам и требую, чтобы отныне все заявления и просьбы со стороны текинцев поступали ко мне не иначе как через Нурберды-хана; чтобы все снаряжаемые и отправляемые в Красноводск текинцами караваны были снабжаемы Нурберды-ханом письменными видами, и только по оным будет оказываема этим караванам наша поддержка и заботливость. Точно так же тем из текинцев, отправляющимся на богомолье в Мекку или по торговым делам в Баку, Астрахань и Макарьев, о коих мне будет писать Нурберды-хан, будет оказываемо нами всевозможное покровительство—им будут выдаваемы особые билеты и они будут принимаемы беспрепятственно для переезда на пароходах; да и вообще по всем прочим делам обращающимся к нам текинцам будет оказываемо от нас полное действие и помощь в таком только случае, если о них будет писать мне Нурберды-хан. Те же, кои будут обращаться к нам по каким-либо делам без письменного удостоверения об их личности Нурберды-хана, а также если будут приходить сюда караваны без письменных его видов, то все таковые будут немедленно удаляемы отсюда обратно без всякого удостоверения*.

Обо всем этом я с ним вместе пишу Нурберды-хану и прошу его принять на себя этот труд для блага и пользы своего народа.

Сообщаю также вам, что через полтора месяца я пойду с отрядом к Хиве на Кум-Себшен и Узун-Кую с тем, чтобы устроить и обезопасить эту дорогу и делать ее водной, чтобы караваны во всякое время могли ходить по ней свободно и спокойно. Для этого же, избрав где-либо удобное место между Сары-Камышом и Куня-Ургенчем, поставим там крепость. Скажите всем вашим дурным людям, что если они не желают навлечь несчастья на весь ваш народ и край, чтобы не смели теперь выходить для грабежей и насилий на эту дорогу, состоящую под покровительством великого ак-падишаха (Падишах-Ел). Старайтесь всячески удерживать их от этого, иначе из-за нескольких дурных людей могут пострадать многие.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, 1252, л. 55.

* Это не касается, впрочем, текинцев ближайших к нам крепостей Беш-Кала, о них достаточно заявление преданных нам их ханов.

№ 112

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о его отношении к возможному переселению туркмен из Ирана в русские пределы

30 июня 1876 г.

Начальник Астрабадской морской станции, сообщив мне в представляемом при сем рапорте № 265 о поражении, нанесенном 8 июня на Черной речке (Кара-Су) атрек-гурганскими туркменами, племени шараф-ярали (джафарбаевцами) значительному персидскому отряду (более 1000 человек), бывшему под начальством самого Сааб Ихтиара, астрабадского губернатора[1], просит (с особо присланным им для сего паровым судном снабдить его надлежащими указаниями по поводу намерения означенных туркмен переселиться в Закаспийский край ввиду следующих из Тегерана значительных подкреплений астрабадскому губернатору для наказания этих туркмен.

С тем вместе в частном письме от 26 июня начальник Астрабадской станции пишет мне:

«Туркмены, задумавшие переселиться в наши пределы, ставят следующие вопросы: 1) может ли астрабадский губернатор преследовать их севернее Атрека. Я (т. е. начальник станции) отвечал, что нет; 2) выдадите ли Ваше превосходительство их персидским властям, если последние обратятся к Вам за этим. Я отвечал, что об этом надо спросить Ваше превосходительство. Ничего нет мудреного, если туркмены свои семейства, т. е. женщин и детей, вздумают перевести на лодках, например, в Гасан-Гули, а сами останутся на месте, чтоб встретить персидский отряд, усиленный тегеранскими войсками. Можно ли позволить им сделать это свободно, игнорируя их отношения к персидским властям. Вот вопрос, разрешения которого я ожидаю от Вашего превосходительства».

На это я ответил: 1) что все атрек-гурганские туркмены как чони, так и шараф, как чарва, так и чомуры*, до сих пор постоянно имели полное право кочевать севернее

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 49—51.

* Эти последние непостоянно живут оседло: один год они чомуры, другой—чарвы (по тексту).

Атрека и я не нахожу никаких оснований препятствовать им пользоваться этим их правом и теперь, пока не воспоследует по сему какого-либо особого распоряжения высшего начальства, о чем я им своевременно и сообщу; 2) что так как Атрек считается нашей границей, то без сомнения, Сааб-Ихтиар севернее этой реки преследовать никого не может, и 3) точно так же персидские власти не могут непосредственно обращаться ко мне с просьбой о выдаче какого-либо из подобных кочующих в наших пределах туркмен, понимая вполне, что я этого ни в каком случае сделать не могу, без особенного повеления свыше.

Донося об этом Вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить и с своей стороны указаний Ваших по означенным вопросам, возбуждаемым рапортом начальника Астрабадской станции № 526.

К этому имею честь присовокупить, что в то время как джафарбаевцы, мстя за казнь трех своих родичей (рапорт мой № 526), ведут ожесточенную борьбу с персиянами, грабят и разоряют несчастную Астрабадскую провинцию, они по первому же моему заявлению обязались охотно выставить потребное нам для похода число верблюдов.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 48—52.

№ 113

Из рапорта туркестанского генерал-губернатора военному министру о необходимости репрессий против текинцев для обеспечения Красноводско-Хивинского военного пути[1]

5 июля 1876 г.

...Но если бы, несмотря на это занятие пути, все же ахал-текинцы продолжали бы обеспечить этот путь, тогда нет, по-моему, другого средства помочь этому делу, как разрешить Закаспийскому отделу систему репрессий в земли Ахал-Теке[2] по примеру того, как это разрешение Аму-Дарьинскому отряду в отношении туркмен Хивинского оазиса. Разумно и

[1] Начало документа с рассуждениями о мерах обеспечения Красноводско-Хивинского военно-торгового пути интереса не представляет.

[2] «Ахал-Теке» подчеркнуто.

вовремя предпринятое заведение должно водворить спокойствие между ахалами и отучить их от посылки шаек грабителей, как мы достигли этих результатов в отношении собственно Хивинского района.

Район действий Красноводского отряда должен быть строго определен и нам нечего бояться вызвать этим со стороны Англии опасения о нашем близком движении к Мерву. Я говорю о разрешении Красноводскому отряду движений собственно в земли Ахал-Теке, которых отнюдь не должно смешивать с текинцами Мерва; живя в Балханах и окрестностях этих гор, ахал-текинцы не имеют, кроме происхождения, ничего общего с текинцами Мерва и, главным образом, группируются около Карыза; если этим пунктом ограничить район действий в глубь степей со стороны Красноводского отряда, то, я думаю, мы достигнем полного спокойствия на пути от Красноводска к Хиве и избавимся нареканий в предполагаемой англичанами оккупации нами Мерва как базы для наших наступательных действий в Среднюю Азию...[1]

К. фон-Кауфман

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 100—108. Копия заверенная.

№ 114

Аннотация писем текинских ханов Худайберды-хана, Каджар-хана и Софи-хана начальнику Закаспийского отдела об отношении ахал-текинцев к Хиве, каджарам и русским властям

18 августа 1876 г.

Письма Вашего превосходительства: одно к Нурберды-хану, а другое к текинскому народу мы передали.* По прочтении коих многие из текинцев объявили, что они принимают подданство Персии. Нурберды-хан же с удовольствием принял Ваше предложение и даже вместе с нами уговаривал народ не принимать подданства Персии. Труды как его, так и наши, оста-

[1] Далее следуют не представляющие особого интереса рассуждения о взаимоотношениях Красноводского и Аму-Дарьинского военного отделов в обеспечении Красноводско-Хивинского военно-торгового пути.

* Копии с этих писем были представлены начальнику Кавказского горского управления при рапорте от 30 июня 1876 г. № 1544.

лись без последствий, и вскоре Нурберды-хан был избран старшим ханом. Текинцы и нам предлагали принять подданство Персии, но мы положительно отказались. Текинцами нанято 200 феррашей и назначены четыре хана, в том числе старшим Нурберды-хан. Феррашам, ханам и кедхудам выдано 1500 туманов от персидского правительства; упомянутая сумма будет выдаваться ежемесячно для этой цели[1]. Когда мы уговаривали народ, то Абдул Хасан-хан сказал, что принимайте наше подданство, так как вы с русскими никакого дела иметь не будете ; но, несмотря на его предложение, мы остались навсегда верными ак-падишаху. 50 кетхудов и старшин поехали к шаху в Тегеран. Пленного Нияз Мамед-ага мы освободили и купили ему лошадь. Посылаем к Вам Карлы-батыра, который вполне заменяет нас; за нанятую лошадь Карлы-батыра заплачено 50 кранов: Карлы-батыр, если Вас понравится, то сумеет оправдать Ваше доверие в выполнении Ваших приказаний. Вышесказанное распоряжение персидского правительства, по моему мнению, не будет иметь никакого значения[2].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 259—260

---

[1] В своем письме Ломакину от 15 августа 1876 г. текинские ханы и старшины писали, что Муса Мутавайли не смог обеспечить спокойствие в Ахале и поэтому они «помирились с Абдул Хасан-ханом». Кроме того, если просили оказать содействие в урегулировании вопроса о возврате имущества, отнятого у них иомудами. Особого интереса в этом письме заслуживает то место, где речь идет о причинах тяготения туркмен к России, а именно —сведение о том, как «Атаджан-тюре дал им прежде в Хиве земли на 400 танабов и как хан хивинский выслал их в Ахал, а потом отнял у них эту землю». Теперь,—писали они,—когда дошло до нас сведение, что Хива передана под ведомство Вашего превосходительства, имеем честь покорнейше просить о возвращении нам означенной земли (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 257—258). В публикуемых документах фактов, аналогичных этому, множество, и все они говорят о том, как среди туркмен Ахал-Текинского оазиса укоренилось понятие о мнимых гарантиях хана Хивы на право пользования землей.

[2] Дается лишь письмо Худайберды-хана; письма Караджа-хана и Софи-хана не публикуются ввиду идентичности их содержания. Интересно лишь, что и Караджа-хан свидетельствует, что обращение текинцев к каджарам «в последствии не будет иметь никакого значения, и в конце концов из этого выйдет обман». И далее: «Просили и нас принять подданство Персии, но мы отказались; потому что мы и Хива Ваши. Как мы знаем, Хива поручена Вам, мы, кроме Вас, никого не знаем и не будем знать. Верно ли «говорим или нет,—об этом хорошо знают иомуды и хивинцы...»

№ 115

Обращение иомудских старшин к начальнику Аму-Дарьинского отдела о тяжести их положения в Хивинском ханстве[1]

27 августа 1876 г.

Мы издавна слыхали, что никому из людей, состоящих в ведении белого царя, не делается вреда, но эти слухи оказались ложными, и мы не знаем от сартов ли это происходит или от Вас. Мы переносим много вреда. Генерал-губернатор назначил Вас нашим начальником, но Вы о нас не справляетесь. Мы не будем терпеть этого вреда. Мы рассчитывались с купцами и вывели его воровство на 30 000 тиллей, из которых получили 1 000 тилей без Вашего позволения и (сознаем), что сделали это по неопытности. После этого нам пришла мысль испросить Ваше позволение, а за неопытность — прощение. Если наш бедняк возьмет скотину, то Вам сообщают, что все иомуды занимаются воровством, а бедняка этого берут от нас и предают смертной казни; мы же открыли воровство на 30 000 тиллей и никто на это не обратил внимания. Теперь мы не верим этим сартам: один день они говорят, что русские ушли, а другой день говорят, что русские наложили на нас деньги; мы не знаем, что делать, с состоятельных людей берут (деньги), а бедных заставляют продавать детей. От сартов ли происходит этот вред или от белого царя? Положение нас, бедняков, сделалось трудное. Пошлите к нам человека, который дошел бы до истины нашей просьбы, а если не сделаете этого, то попросите нам от белого царя позволение, и тогда мы — все туркмены — укочуем отсюда; если мы не укочуем, то другого исхода нам нет, если вы не будете смотреть на нас. Когда увезли наших старшин, то мы сильно горевали, а когда их отпустили, то мы обрадовались, говоря, что белый царь справедлив. Когда старшины наши возвратились, то мы согласились остаться здесь на счастье и теперь переносим от сартов притеснение. Если бы старшины наши не возвратились, то мы намерены были укочевать; эта справедливость белого царя в конце обратилась нам во вред. По всем делам, касающимся нас, просим обращаться прямо к нам через наших людей, чтобы не было (на нас) нареканий и дайте нам позволение ездить к Вам.

К подлинному прошению приложили печати: Тяджмухаммед-бек, Халмухаммед-вакиль, Атамурад, Белям-аталык, Ишбай.

Куль-батыр, Палван-кули, Кульмурад.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1254, лл. 43—44.

---

[1] Документ датируется по дате его подачи Иванову и дается в старом переводе.

№ 116

Ходатайство старшин, живущих в Хивинском ханстве, номудов, емрелинцев и других туркменских племен, начальнику Аму-Дарьинского отдела с просьбой принять их в русское подданство или разрешить откочевать из ханства ввиду притеснений их ханскими властями[1]

27 августа 1876 г.

Четыре года назад Вы покормили Хивинское ханство и после этого нас сделали подданными хивинского хана; в течение этих четырех лет (хан) сделал нам бесчисленное множество вреда. Он назначил начальником нашим кушбеги, который, кроме подлежащих к сбору денег, взыскал с нас безвинно 30000 тиллей. По сделанному с ним счету, он должен был возвратить нам 30000 тиллей, но возвратили только 1000 тиллей, а остальные 29000 тиллей не возвращает.

Если Вы не выслушаете нашей просьбы и не дойдете до ее истины, то мы не уживемся в ведении Хивинского хана. Поэтому или дайте нам разрешение укочевать в другое место или подчините нас себе[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1254, л. 42.

№ 117

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о неожиданном принятии ахал-текинцами каджарского подданства и причинах этого

10 сентября 1876 г.

Еще перед выступлением отряда из Красноводска ко мне прибыл из Теке от Тыкма-сардара брат его Рахт-сардар, который сообщил столь странное известие, что я и не придавал ему сначала никакого значения; а именно: что текинцы будто бы намерены признать себя подданными Персии, что для переговоров об этом прибыл в Теке правитель Кучана Абдул Хасан-хан, к которому и отправились все их старшины, за исключением лишь старшин ближайших к нам крепостей Бец-Кала, а также крепостей Тыкма-сардара, остающихся верными русским.

Но теперь к большому прискорбию этот слух подтвердился, о чем хан и генерал Иванов имеют также положительные сведения.

[1] Документ датируется по дате получения его генералом Ивановым.
[2] Документ без подписи.

Оказывается, что текинцы до самого последнего времени были убеждены, что мы идем к ним, и дабы избавиться от нас вздумали прикрыться подданством Персии. Пример атрек-гурганских туркмен был слишком близок, почти перед глазами у них и слишком соблазнителен, чтоб не воспользоваться им: сегодня они подданные русские, завтра — персидские, смотря по тому, что для них выгоднее.

Персидское правительство обязалось ежегодно платить своим новым верноподданным текинцам по 6 тыс. руб. на содержание феррашей; каковые деньги за этот год уже и уплачены. Сверх того, Абдул Хасан-хан роздал старшинам и феррашам до 200 халатов. Текинцы обещали не грабить курдов и персиян и признавать шаха своим сюзереном. Говорят, что депутация из 40 текинских ханов и старшин уже отправилась с этим предложением в Тегеран*.

Этот неприятный результат нашей выжидательной нейтральной системы действий в этих степях может иметь весьма прискорбные дальнейшие последствия, и это обстоятельство не столько важно для нас, что может быть Ваше превосходительство признаете нужным запросить об этом официально нашу тегеранскую миссию, так как текинцы никогда подданными персиян не были, заселяя Текинский оазис в районе Закаспийского военного отдела, далеко севернее Атрека[1].

ЦГИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 210—211.
Копия заверенная.

№ 118

Донесение российского поверенного в делах в Иране государственному канцлеру о происках каджарских властей в Туркмении с целью установления своей власти над туркменами Ахала и Теджена

20 сентября 1876 г.

Несколько дней тому назад прибыл в Тегеран Абдул Хасан-хан, сын правителя Кучанского округа Шуджа уд-Довле и привел с собой сто человек всадников туркменского племени Ахал-Теке для представления их е. в. шаху[2].

Донесениями моими от 16 июня 1875 г. № 39 и от 4 августа того же года № 48 я имел честь довести до сведения импе-

* Есть слухи, что все это устроено не без участия английских агентов, которые будто бы дали и деньги Абдул Хасан-хану.
[1] Документ без подписи.
[2] В донесении российского консула в Астрабаде поверенному в делах России в Иране от 12 сентября 1876 г. число сопровождавших Абдул Хасан-хана туркмен 57 человек (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 12).

раторского министерства о беспорядках, происходивших в Кучане, и о пребывании Абдул Хасан-хана у туркмен Теке, которых он подговаривал делать набеги на Хорасанскую провинцию. Для прекращения этих беспорядков персидское правительство было вынуждено тогда освободить отца Абдул Хасан-хана, Шуджа уд-Довле, из-под ареста в Тегеране и вновь назначить его правителем Кучана. Находясь в родственных связях с туркменами Теке и в постоянных с ними сношениях Абдул Хасан-хан, чтобы загладить свое прежнее поведение и выслужиться у шаха, старался в последнее время склонить соседних с Кучаном туркмен к признанию себя в зависимости от Персии. Полагают, что число туркмен, принявших предложение Абдул Хасан-хана, простирается до 40 тысяч семейств; туркмены эти принадлежат по большей части к кочевьям, расположенным по р. Теджену, а также и в пределах Ахал-Текинского оазиса. Кроме того, Абдул Хасан-хан получил, говорят, от этих туркмен обещание выставлять тысячу всадников, которые будут служить персидскому правительству.

При последнем свидании моем с персидским министром иностранных дел, Мирза Гусейн-хан уклонялся от сообщения мне каких бы то ни было подробностей о пребывании Абдул Хасан-хана и туркмен Теке в Тегеране. Мушир уд-Довле ограничился лишь тем, что сказал мне: «туркмены эти, желая в настоящее время жить в мире с Персией, приехали сюда для того, чтобы заявить шаху о своих миролюбивых намерениях».

По дошедшим до меня сведениям, на совещании, которое ахал-текинцы имели с Абдул-ханом в окрестностях Кучана, до поездки его в Тегеран ими решено было избрать от себя четырех ханов правителей, главенство над которыми предоставить Нурберды-хану. Решение это сходится с предположениями, которые высказал начальник Закаспийского военного отдела в рапорте своем к начальнику Кавказского горского управления от 6 мая 1876 г., копию с коего я имел честь представить императорскому министерству при донесении моем от 28 июня 1876 г. № 40. Не имея пока никаких сведений о том, в каких отношениях находятся главные представители ахал-текинцев, в особенности Нурберды-хан, к предложениям, сделанным Абдул Хасан-ханом, трудно определить в какой мере решения, принятые туркменами, могут осуществиться на деле[1].

[1] В указанном донесении российский консул в Астрабаде отмечал, что происки Шуджа уд-Довле против своего сына приведут в конечном итоге к тому, что «дело подчинения Персии туркмен-теке, успешно начатое Абдул Хасан-ханом, может расстроиться, потому что признание Шуджа уд-Довле правителем Кучана не замедлит вызвать неудовольствие в его сыне, который, будучи в родственных связях с туркменами-теке, найдет себе в них, как и прежде, сторонников...» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 121).

Во всяком случае мне кажется, что влияние Персии в тех местностях так незначительно, что если даже цифра туркмен, признавших зависимость свою от Персии и не преувеличена, то подобное номинальное подчинение едва ли может быть прочно[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 111.

№ 119

Из донесения начальника Аму-Дарьинского военного отдела туркестанскому генерал-губернатору об отношении туркмен к хивинскому хану, каджарским властям и антирусских подстрекательствах англичан[2]

21 сентября 1876 г.

Хан хивинский был встревожен и относился подозрительно как к приходу Кавказского отряда, так и к вопросам по постройке укрепления и к пропуску воды; на сколько можно было и я, и генерал Ломакин отправились его успокоить, и, кажется, в отношении лично хана достигли успешных результатов.

Население к приходу отряда отнеслось равнодушно, к вопросу же пропуска воды — с боязнью, ибо, действительно, если этим делом поспешить, не изучив обстоятельно и всесторонне реку и всю канализацию[3] ханства, можно сделать пропуском воды большой переворот в земледелии оазиса. В населении настойчиво бродит слух, что ханство вскоре должно быть занято нами; когда приезжал в августе ко мне на пароход, говорили, что я его увезу на пароходе в Россию, теперь, когда хан выезжал в Куня-Ургенч, рассказывают, что Кавказский отряд возьмет его с собою; эти слухи рассказывались и рассказываются почти с сочувствием, ибо желание ханства, даже

[1] Документ без подписи.

[2] Документ является «выпиской» из донесения начальника Аму-Дарьинского военного отдела за подписью начальника канцелярии Отдела майора Ефремова; документ полностью см. в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 280—287 или ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 110—119, ввиду преимущественного интереса к вопросам движения войск Кавказского и Туркестанского отрядов к Хиве, отношения к ним хана и т. д. документ не публикуется. Представляет интерес свидетельство Иванова о том, как на пути из Куня-Ургенча на Гурган туркменское население встретило его радушно и приветливо, и как он проезжал по их кочевьям (там же, л. 115).

[3] Так в тексте; выводя это слово от слова «канал», автор придаёт ему смысл ирригационной системы ханства.

туркмены, не прочь избавиться от владычества хана, а так как его сановники ведут себя совсем не безукоризненно. Приехав в Куня-Ургенч, хан, пользуясь пребыванием вблизи Кавказского отряда, занимается сбором с туркмен разных денег как себе в салгытную подать, так и в счет уплаты оставшейся на них контрибуции. Расчеты как по тому, так и по другому очень запутаны и, как известно, люди хана, разъезжая и собирая деньги, пугают перед русскими войсками, объясняя, что Кавказский отряд пришел сюда только с целью наказать туркмен за повиновение хану.

При свидании с ханом в Куня-Ургенче, я говорил ему, чтобы он обратил внимание на своих людей, удерживал их от несправедливых поступков и старался проверять все жалобы, которые поступают от туркмен на его сановников. При этом заявил ему и про жалобу иомудов, поданную мне на то будто бы кушбеги взыскал с ним лишних 30 тыс. тиллей. В ответ хан уверял, что он принимает все меры, но что сами туркмены мешают ему покончить расчеты; так некоторые старшины иомудов, жалуясь на кушбеги в переборе денег, не хотят приехать к нему разобраться вместе с другими старшинами тех же иомудов, которые претензии на кушбеги не заявили; чтобы покончить это дело, хан просил меня написать письмо иомудским старшинам, дабы они все вместе собрались к нему в Хиву, где он лично разберет и решит дело. Ожидая от подобного письма только пользы, я не отказал хану и дал ему просимое письмо, которое к копии при этом представляю.

Обращаясь к секретному моему письму к Вашему превосходительству от 1 сентября за № 3305, я ожидаю по вопросам, изложенным в нем[1], указаний и выражений взглядов верхов-

[1] Речь идет о поднятом в этом письме, равно как и в рапорте от 30 августа 1876 г., вопросе о кризисе Хивинского ханства, в результате которого «весьма вероятно ожидать в скором времени или какой-нибудь катастрофы..., или заявлений с различных сторон о принятии ханства в русское подданство». Донося о своей беседе с ханом, Иванов отмечал, что хан «ценит ту милость, которая ему была сделана, когда после того, как он убежал из Хивы в 1873 г., ...не только вызвали его назад и обласкали но и оставили владетелем ханства, поддержнвая его власть и значение силою оружия войск...» Но вместе с тем хан отмечал и «своё бессилие как хана держать в порядке ханство, заявляя, что туркмены, особенно иомуды, его не слушают, делают ему дерзости, не платят» никаких податей, а «у него нет средств, чтобы заставить туркмен слушать себя, нет денег, чтобы иметь нужное количество войска, с помощью которого он мог бы усмирить и подчинить себе туркмен». Далее он просил, чтобы, «в ханстве держали постоянно русские войска, которыми бы он мог наказывать туркмен» или, чтобы ему дали денег для той же цели» или чтобы царское правительство взяло ханство» в свою полную власть, а ему, хану, с его семейством назначило содержание». И далее: «Вышеприведенный разговор с ханом и заявлении в письмах туркмен, хотя весьма различны между собой по тону имеют тем не менее большую связь и общность; и с той и с дру-

ного правительства. Положение ханства ненормально и наше отношение к нему и его населению совершенно фальшивое; положение наше еще более ухудшается близким соприкосновением с населением, через нахождение внутри* ханства Кавказского отряда, к которому неминуемо станут обращаться и власти Хивы, и население с разными жалобами и претензиями друг от друга[1].

В то время как Кавказский отряд занимается устройством военно-торговой дороги, в Ахал-Теке происходят советы, заслуживающие серьезного внимания. По полученным слухам и по письму ко мне ахальских старшин видно, что они помирились с персиянами, ездят к Абдул Хасан-хану, губернатору Хорасана, принимают от него подарки и деньги на содержание феррашей. Извещая меня об этом, текинские старшины принимают в письме весьма развязный тон и, жалуясь на то, что хивинские иомуды присылают шайки воров грабить их, пишут, что если мы не примем мер к удержанию иомудов от посылки шаек, то «мы сами отправимся к иомудам, так как они такие же туркмены, как и мы». По частным известиям, текинцы Ахала, ожидая к себе нынешней весной прихода Красноводского отряда, в видах безопасности задумали принять подданство Персии, что, как можно судить по всем данным, ими уже приводится в исполнение. Само собою понятно, что подданство текинцев шаху будет только фиктивное, но нельзя не заметить, что обстоятельства эти значительно усложняют текинский вопрос и решить его теперь удовлетворительным для нас образом будет далеко труднее, чем было до сего времени, так как не подлежит сомнению, что руководителями и Персии, и текетуркмен в данном случае были английские агенты, постоянно проживавшие и путешествующие по восточным и северным провинциям Персии. Генерал Ломакин, как он меня часто из-

гой стороны высказывается мысль одна: присоединение ханства к России; не следует ли воспользоваться этим обстоятельством и теперь же поршить этот вопрос, т. е. присоединить ханство к империи...». И далее интересное свидетельство: «наши войска, являясь в ханстве защитниками хивинского правительства, которое туркмены ненавидят, волей неволею озлобляют их против нас, — нас, которых они сами охотно... желают и готовы подчиниться.

* Т. е. у пределов.

[1] Интересно отметить, что во всем этом фон-Кауфман видел не кризис ханства, а «возбужденное состояние хивинского хана», вызванное занятием отрядом войск Закаспийского отдела укрепленного пункта на территории ханства. Поэтому он высказывался против присоединения Хивы к России, аргументируя это соображениями финансоваго порядка и тем, что пока существует Хивинское ханство, «туркменский вопрос имеет для нас второстепенное значение, тогда как с занятием территории ханства мы будем поставлены в необходимость стать в прямое и непосредственное соприкосновение с этим вопросом...» (ЦГИА, Груз. ССР, ф. 545, л. 1439, лл. 134—136).

вещает, также получил подобные неутешительные сведения из Ахал-Теке[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1255, лл. 1—4. Выписка заверенная.

№ 120

Обращение туркмен-иомудов к човдурам с призывом отказаться от уплаты хивинскому хану «нукерских денег» и объединиться для совместных действий

Бесчисленное множество дружеских поклонов от иомудских старшин братьям, друзьям и того, и другого света, дорогим как душа, любимым родственникам, терпеливы подобно Аюбу (пророк), умный, подобно Аплатону, красноречивым, подобно Давиду, на поле битвы подобным Рустему, хорошим старшинам и хорошим людям слова следующие: мы, все туркмены должны сделать единогласие, а если не сделаем единогласия, то понесем много вреда, мы, иомудские старшины, просили отсрочку на уплату нукерских денег, но таковой не дали, говоря, что взыщут деньги, не позволив встать с места. Русские деньги и зекет уплатим, а из нукерских денег не давайте ни одного кокона. Если иомудов признаете старшими, то мы начинаем, остальное сами знаете.

Печати: *Балям-Аталыка, Мухаммед-батыра, Палванкулы и Эсенбая*[2]

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 140.

№ 121

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о каджарских и английских происках в Ахал-Теке и необходимости занятия в нем опорного пункта

23 сентября 1876 г.

Последние сведения о положении дел в Ахал-Теке, о коих я доносил Вашему превосходительству с прошлой почтой и представляю теперь дополнительное донесение при рапорте № 45, слишком серьезны, — и если мы не постараемся теперь же воспрепятствовать всеми мерами этой новой ловкой выходке английских агентов в Хорасане*, то в самом непродолжительном времени создадим себе крайние затруднения.

[1] Документ без подписи.
[2] К документу печать Балям-Аталыка приложена дважды.
* Весьма вероятные слухи в Хиве из Теке.

Тогда мы должны будем уже окончательно отказаться от самой мысли водворить когда-либо порядок и спокойствие в здешних степях, тогда не будет уже никакой возможности устроить беспрепятственное правильное сообщение между Каспием и бассейном Аму-Дарьи и обеспечить когда-либо спокойствие и безопасность на нашей вновь предполагаемой дороге со Средней Азией, тогда уже нечего и думать привлечь на эту дорогу прежних многочисленных кочевников и сделать ее людной и водной (рапорт мой № 4), тогда текинцы будут уже беспрепятственно грабить и разорять повсюду—нападать на наши караваны и транспорты, портить наши колодцы, рассчитывая, что мы к ним не придем, не решимся вступить на территорию персидских подданных так же, как и теперь не переходим за Атрек сами же. Персияне не слишком ничтожны для них: если они не смеют даже подойти близко к Гургану, к другим своим таким же верноподданным туркменам, которые безнаказанно нападают на них и обращают в бегство их регулярные войска, то тем более они не решатся никогда придти к текинцам. Словом, всё это может совершенно парализовать тогда все благие намерения и виды нашего правительства, клонящиеся к устройству этого края.

Для текинцев же тут расчёт был совершенно верен: с одной стороны, это подданство Персии избавляет их от русских, а с другой, дает им полную свободу предаваться безнаказанно их диким инстинктам и вкоренившейся в них страсти к грабежам и насилию, чем персияне уже никоим образом воспрепятствовать не могут.

По моему крайнему убеждению, мы должны воспрепятствовать этому, если же это не будет сделано, то нечего нам тогда и приступать теперь к устройству нашей военно-торговой дороги и к обводнению оной, так как первое условие для этого должно быть полное спокойствие и безопасность в крае, без чего успех этого дела немыслим, невозможен. Я уже докладывал Вашему превосходительству, что для этого нам следовало бы начать с Теке, и убежден вполне, что чем более мы будем откладывать это дело, тем более будем о том сожалеть и раскаиваться в последствии. Немыслимо будет также при этом без высылки опять отряда и продолжение дальнейших работ по исследованию Узбоя — по проводу воды в оной, по устройству вообще дел в Хиве (где события тоже не ждут), а также и по другим важным задачам этого края. Нам остается тогда занять лишь самое пассивное положение в Красноводске и Петро-Александровске, и любоваться как на наших глазах текинцы будут все более и более неистовствовать под крылышком Персии.

Но при этом нужно ещё иметь в виду и следующее важ-

ное обстоятельство: вопрос о Мерве есть вопрос времени, а от Каспийского моря ближайшая кратчайшая и удобнейшая водная дорога к Мерву и Афганистану идет через Ахал-Текинский оазис, поэтому нам никак не следует упускать теперь из рук этот оазис, который почти что был уже в наших руках, и допускать, чтоб тут стала нам на пути Персия с враждебным нам английским влиянием[1].

Из представляемых теперь при рапорте № 45 писем ко мне почти от всех главных текинских ханов и старшин Ваше превосходительство изволите усмотреть, что часть их из ближайших к нам крепостей (от Кизыл-Арвата до Беурмы), извещая меня о подданстве прочих ханов из дальнейших крепостей, заверяют, что они сами остаются верными ак-падишаху и желают служить только ему одному; но и все прочие ханы, как видно из их письма и из заявлений их посланных, как бы сами стыдятся этого подданства и стараются заверить меня, что они только помирились с Персией, хотя этому явно и противоречит назначенное от Персии всем служащим жалование: ферращам 6 тыс., Нурберды-хану до 3 тыс. и прочим старшинам тоже около 5 тыс. руб., и отправление 40 почетных ханов и старшин во главе с Нурберды-ханом в Тегеран на поклон своему сюзерену*

Поэтому и вследствие всех вышеизложенных обстоятельств мне кажется, для нас представляется теперь достаточно оснований и побудительных причин стараться всеми силами склонить теперь Персию отказаться от этих новых своих верноподданных в предупреждение весьма возможных и неизбежных через них недоразумений и усложнений в наших обоюдных сношениях.

Затем, в тех же видах, я полагаю, было бы уже вполне своевременно и даже необходимо возбудить и вопрос о пересмотре нашей южной границы с Персией, то есть атрекский вопрос, иначе подобным недоразумением из-за неопределенности этой нашей границы и конца не будет.

Наконец, в тех же видах и во внимание тех же изложенных выше обстоятельств, — не касаясь уже тех веских доводов, кои были изложены в докладе Вашего превосходительства и в рескрипте его высочества военному министру, — я полагаю нам

[1] Отвечая на требование наместника кавказского Министерства иностранных дел, как о том сообщалось в отношении Азиатского департамента от 6 ноября 1876 г. начальнику Главного штаба, дало указание российскому посланнику в Иране заявить каджарским властям, «что стремление шахского правительства подчинить своему влиянию ахал-текинцев поставить нас в необходимость противодействовать ему всеми мерами, так как ахал-текинцы, кочуя на правом берегу Атрека, входят в район деятельности и наблюдения нашего Закаспийского военного отдела» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, л. 223).

* Откуда Абдул Хасан-хан, да и Персия даже, достали бы столько денег, если бы это не было дело английских агентов, — тем более, что по другим сведениям, Персия объявилась даже платить текинцам 4500 червонцев в м-ц., т. е. 54 тыс руб. в год.

необходимо возвратиться теперь снова к возбужденному уже Вашим превосходительством в начале этого года вопросу о движении в Теке и занятии там какого-либо пункта, хотя среди покорных нам ближайших к нам крепостей, хотя даже в Кизыл-Арвате, куда нам разрешено ходить[1], так как из Кизыл-Арвата мы тоже в состоянии будем держать в страхе текинцев и обуздывать их оттуда; причем так как Кизыл-Арват отстоит от Михайловского залива всего в 150—200 вер., то нам и будет довольно удобно содержать там гарнизон. Тогда только и возможно будет принять должные меры к водворению порядка и спокойствия здесь и в Хиве к обеспечению безопасности нашей военно-торговой дороги, к устройству оной и к другим важным задачам по этому краю.

Генерал Иванов, перед свиданием со мной, только что вернулся из Ташкента, где он подробно доложил генерал-адъютанту Кауфману о настоящем положении нашего текинского вопроса, выразив при том удивление, что в Петербурге не согласились на наш поход в Теке, тогда как только этим и возможно было достигнуть желаемых правительством в этом крае результатов. На это генерал-адъютант Кауфман сообщил, что в Петербурге полагают (в чем даже и он сам до этого последнего объяснения с генералом Ивановым был убежден), что Ахал-Теке имеет тесную связь с Мерв-Теке. Между тем как между ними нет решительно ничего общего; их разделяет большое пространство, занятое курдскими крепостями, и между населениями обоих оазисов не только нет ни малейшей солидарности, но даже они враждебно относятся друг к другу, потому что подле Мерва, вследствие уменьшения воды в Мургабе, культурных земель теперь весьма немного и мервские текинцы не пускают к себе других туркмен, избегая с ними всяких сношений. Таким образом, занятие нами какого-либо пункта в Ахал-Теке отнюдь не может вынудить нас на столкновение с мервскими текинцами.

Ваше превосходительство в письме ко мне от 14 мая, между прочим, изволили выразить: «Я с вами совершенно согласен в том, что спокойствия в наших степях и обеспечения нашего Красноводского пути мы только тогда и достигнем, когда при-

[1] Возбуждая вопрос об экспедиции в Ахал, наместник кавказский в письме военному министру от 20 октября 1876 г. отмечал, что «хотя это движение и входит в рамку, предначертанную высочайшей волей... и, следовательно, могло бы быть мною разрешено без дальнейших указаний, но, имея в виду нынешнее политическое настроение Европы, я затрудняюсь дать свое согласие, так как подобное движение может уже не соответствовать настоящим видам правительства». Признавая важность вопросов «устройства Красноводско-Хивинского пути и вообще распространения и упрочения нашей власти в законных наших пределах», великий князь Михаил нашел необходимым командировать в Ливадию генерала Обручева для доклада и получения инструкции по всем этим вопросам (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 220—221).

берем к рукам текинцев. Это ещё желательно и в экономическом отношении, так как устройство этих работников будет дешевле нам стоить, нежели конвоирование транспортов, или постановка постов. Но пока они сами не подадут повода к вмешательству в их дела какими-либо резкими дерзостями, — нам приходится терпеть и выжидать случая».

Но Вашему превосходительству хорошо известно, что независимо их дерзкого нападения на бывшее наше Михайловское укрепление (при полковнике Столетове) и наш табун верблюдов в Джемалах (при полковнике Маркозове), они в конце 1874 г. истребили подле Красноводска целый аул преданных и покорных нам туркмен; мужчин перебили всех до одного, а женщин и скот захватили; в прошлом году ограбили в Кум-Себшене наш караван полковника Глуховского; в том же году они были уже до того дерзки, что проникли даже за Карабугаз и там захватили аул наших верноподданых туркмен.

Всё это прошло им совершенно безнаказанно, и до сих пор они ещё не оказали должного удовлетворения пострадавшим при этих грабежах, несмотря на все наши внушения.

Наконец, ещё только в прошлом году они выслали к нам своих уполномоченных с изъявлением покорности и преданности ак-падишаху, а теперь обращаются с тем же к шаху.

Но самое главное с чем и Ваше превосходительство извлите соглашаться — вмешательство наше в их дела необходимо уже потому, что без этого мы не можем предпринять ничего для благоустройства здешнего края и для приведения в оном в исполнение тех важных задач, кои преподаны уже нам высочайшей волей.

Затем, каких же еще более резких дерзостей с их стороны, каких ещё поводов нам остается ожидать от них, после только что приведенных. Они, видимо, пользуются нашим долготерпением — и дерзости их с каждым днем растут все более и более. Но если это ещё было до персидского подданства, когда их пугало постоянно наше движение к ним, то чего же можно ожидать от них теперь, когда они будут под кровом Персии и Англии,—нежели нападения на Красноводск или истребления какой-либо нашей команды.

Итак, для того, чтобы расстроить интриги этих двух дружественных нам наций и вместе с тем привести в исполнение высочайшее повеление касательно устройства этого края,—нам ничего не остается, как занять скорее какой-либо пункт в этом [illegible] бойничьем гнезде или хотя, по крайней мере, подле него у Кызыл-Арвата, и чем скорее это будет сделано, тем лучше, иначе немыслимо ни обеспечения безопасности на нашей дороге с Хивой, ни утверждения порядка и спокойствия в здешних степях и в Хиве, ибо возможно ли будет требовать, чтоб наши и хивинские иомуды были спокойны, когда текинцы будут продол-

жать грабить их и разорять. С занятием же нами какого-либо пункта в Теке сами собою прекратятся и все эти интриги Персии, все эти беспорядки, да и самая безопасность на нашей военно-торговой дороге с Хивой будет уже обеспечена тогда вполне.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 248—256. Копия заверенная.

№ 122

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору об английских провокациях на территории Туркмении[1]

14 октября 1876 г.

...Со стороны Ахала и Мерва сведений особых непосредственно не имею, но генерал Ломакин передал мне, что по сообщению нашего консула в Астрабаде Бакулина, Афганистан имеет виды на Мерв* и Ширали, предполагает будто бы занять его. Эти сведения не могут быть названы неверными ввиду совершившегося уже занятия Меймене и Андхоя. Из наступательного движения Афганистана на Мургаб, из признания ахал-текинцами персидского шаха своим главой, нетрудно вывести заключение, что оба эти события приводятся в исполнение по одной общей инициативе.

Начальник отдела генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз.ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 130—132.

№ 123

Отношение начальника Аму-Дарьинского отдела хивинскому хану о разорении хивинским кушбеги рядовых туркмен ханства

19 октября 1876 г.

Вчерашний день явился ко мне иомудский старшина Балямбатыр[2] и заявил, что вслед за ним едут ко мне до тысячи человек иомудов с просьбой разобрать их жалобу на кушбеги

[1] Начало документа, посвященное вопросу выделения от Аму-Дарьинского отряда команды для охраны Урун-Дарьинской экспедиции, геологических исследований и мелких не представляющих интереса событий в Хивинском ханстве, нами не публикуется.

* Что подтверждается и показанием прибывшего ко мне из Мерва Салара (рапорт мой № 88).

[2] Речь идет о Балям-Аталыке.

Вашего высокостепенства, который вконец разорил их, требуя различных уплат по таким платежам[1], которые не только давно иомудами окончены, но даже кушбеги перебрано 29 тыс. тиллей; что все жалобы, которые приносятся по этому поводу Вашему высокостепенству, остаются без последствий, что большинство старшин действуют за одно с кушбеги в ущерб народу и что народ не знает, что ему предпринять.

Мне неизвестно, чем окончился разбор жалобы по этому поводу, о котором в прошлом ещё месяце я писал Вашему высокостепенству, но из приезда ко мне Баляма с таким большим числом иомудских жителей вижу, что дело не окончено и народ не удовлетворен.

Я не могу входить в разбор жалоб туркмен на Ваших людей, а потому, приказав Балям-батыру не переправлять приехавших к ним иомудов на правый берег, посылаю его вместе с людьми к Вашему высокостепенству[2].

Считаю нужным обратить внимание Вашего высокостепенства на эту жалобу иомудов, которую они так настойчиво поддерживают, не могу судить насколько она справедлива, но оставлять её без разбора нельзя.

Генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 139.

№ 124

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о положении в Мерве и намерении салоров перекочевать оттуда на территорию Аму-Дарьинского отдела

20 октября 1876 г.

Вчерашний день явился сюда туркмен рода салор из числа кочующих в окрестностях Мерва по имени Сеид Мухаммед Ураков. Цель приезда, по его объяснению, просить разрешения старшинам салоров приехать сюда и, если будет найдена свободная земля, позволить прикочевать из-под Мерва 1½ тыс. кибиток салоров, которые на Мургабе не имеют средств содержать себя, так как вся годная к посевам хлеба земля занята более сильными родами теке и сарыков. Генерал Ломакин, в отряде которого названный салор был 15-го числа, предполагает в нем шпиона от ахал-текинцев, но едва ли это справедливо, так как я проследил его дорогу и узнал, что Ураков ехал в ближний оазис через Чарджуй. Во всяком случае шпион ли Ураков или действительно посланец от своих родовичей, я счёл полезным обласкать его и дав ему кое-какие денежные средства, разрешил передать старшинам салоров, что буду очень рад их видеть и что, если найду свободную землю, с удовольствием позволю поселиться в Отделе с условием, что они будут жить совершенно тихо и перестанут заниматься грабежами, к которым они так привыкли в Мерве.

Ураков передал мне, что в Мерве по-прежнему неурядица; номинально главным старшиной считается Коушут-хан, но его мало слушают; шайки воров постоянно ходят, и с успехом, на грабежи в Персию и в северные провинции Афганистана; собираются будто бы послать партию и к Хиве. Афганский эмир присылал будто бы своих людей в Мерв склонить туркмен признать себя его подданными, но что туркмены не согласились и люди Ширали уехали обратно. Урожай хлеба в нынешнем году лучше, чем в предшествовавший, но тем не менее цена на хлеб высока.

О нашем пленном рядовом Кидяеве[1] Ураков сообщил, называя его тюрею, что он живет на свободе, выучился хорошо говорить по-туркменски. На мою просьбу постараться освободить Кидяева и привести ко мне, Ураков положительно отказался, но обещал, вернувшись домой, подыскать для этого надежного и ловкого человека...[2].

Генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 134—138.

---

[1] Интересно отметить, что в сборе денег с туркмен хивинским властям немалое содействие оказывало нахождение русских войск на территории ханства Донося об этом начальнику Кавказского горского управления, начальник Закаспийского отдела в своем рапорте от 9 октября 1876 г. писал, что хан хивинский с туркмен «весьма успешно собрал подать и контрибуцию. Сами его сановники говорят..., что если бы не наш отряд, хану не удалось бы собрать того, что он собрал теперь» и далее: «Между тем, каким тяжелым гнетом легла эта поездка хана на те города, коих он осчастливил своим посещением. Теперь оказалось, что с ним было не 500, а от 2 до 3 тысяч нукеров, продовольствие коих лежало на местном населении». (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1254, лл. 57—61).

[2] В своем письме хану Балям-Аталык писал, что он, хан Хивы, «склонившись на сторону пяти иомудских негодяев...» лишился тысячи кибиток иомудов и угрожал ему прибытием 12 тысяч всадников и, обращаясь к хану словами «отдай мои недоимки» или «дай содержание войскам», Балям требовал от имени своих соплеменников установления надлежащего порядка в вопросе об уплате контрибуции и податей. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 141).

[1] Речь идет о захваченном текинцами в плен канонире Кидяеве, сыгравшем в последующем немалую роль в присоединении Мерва к России; сведения о нем см. в документах 1881—1882 гг.

[2] Далее следует не представляющий интереса сообщение о разграблении мары-текинцами бухарских владений.

№ 125

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахале и происках англичан в Мерве[1]

20 октября 1876 г.

...В заключение имею честь представить на усмотрение Вашего превосходительства последние сведения о положении дел в Хиве и сопредельных степях.

1) Иомуды здешние сильно раздражены на хана и его сановников, вследствие сбора с них в излишнем количестве податей и контрибуции, а также казни одного из людей Ата-векиля, о чем я доносил Вашему превосходительству в прошлом рапорте № 83,—они решились отомстить хану как только уйдет отсюда наш отряд, и теперь уже не пропускают через свои земли никого из узбеков и киргизов: грабят их караваны и убивают их.

2) Слухи о большом сборе в Ахал-Теке конных и пеших вооруженных людей с продовольствием на 1,5 месяца (по одному верблюду на каждого человека) подтвердились; по куда именно полагает направиться, если уже не направилась эта огромная, как здесь все говорят, партия текинцев, этих новых подданных Персии, только что обязавшихся сидеть спокойно и не трогать никого из соседей, — положительно еще не известно: одни говорят на атрек-гурганских туркмен, другие—на наших красноводских туркмен, третьи—на наш отряд, а четвертые—на Чарджуй (бухарский город на Аму-Дарье). Состоящий же при мне сановник хана сообщил, что текинцы на днях ограбили выше г. Питняк целое судно, следовавшее с товарами вверх по Аму, но и это положительно еще не подтвердилось и неизвестно даже какие именно были при этом текинцы: из Ахала или из Мерва.

3) Перед выходом отряда из Ушак-Бента ко мне явился из Мерва выдающий себя за одного из аксакалов сидящего там племени салор Сеид Мамед Уразов[2], который заявил, что его соплеменники салоры, теснимые двумя другими племенами мервских туркмен: текинцами и сарыками — узнав, что вверенный мне отряд скоро должен придти туда, послали его ко мне по секрету просить защиты и покровительства ак-падишаха, для чего все они намерены при нашем появлении пе-

[1] Начало документа, посвященное описанию поездок Ломакина в Хивинское ханство и встречи с Ивановым, интереса не представляет и не публикуется.

[2] В ряде документов Сеид Мукаммед Ураков.

рейти на нашу сторону. Он же сообщил мне, что недавно Ширали, хан афганистанский, присылал посольство к Коушут-хану Мервскому с целью заключить с ним союз и быть вместе под покровительством Англии. Коушут-хан по приглашению Ширали не поехал к нему, но послал двух своих туркменских старшин.

На этом обратном нашем походе из Хивы в Красноводск нас опять сопровождают до 10 персиян, бывших в плену в Хиве, несколько хаджи и торговый караван до 300 верблюдов.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1255, лл. 10—14. Подлинник.

№ 126

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о тяжести положения туркмен в Хивинском ханстве, их недоверии к ханским властям и их тяге к покровительству русских властей

28 октября 1876 г.

В дополнение моих рапортов к Вашему высокопревосходительству от 19 и 20 октября за №№ 4064 и 4148 имею честь доложить, что в ответ на мои письма, посланные хану, согласно сделанных мне туркменами родов номуд и емрели заявлений, хивинский хан 25 октября уведомил меня, что он признает все жалобы туркмен ложными,[1] что иомудские старшины, вызывавшиеся в Хиву, дали подписку в том, что они и их население не имеют никаких прентензий на кушбеги, что жалоба емрелинцев также не основательна.

26 числа хан прислал ко мне Полвана Мирза-баши с 90 тыс. рублей контрибуции (рапорт № 4028)[2], а 27-го прискакал от него новый нарочный с письмом, копию с которого при этом прилагаю. Хан в большой тревоге; к Хиве приехало до 2-х тысяч иомудов с требованием расчета по разным переборам денег; из главных старшин которых народ считает подкупленными ханом, с приехавшими иомудами нет ни-

[1] Эту переписку см. в ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 142—143 и др.

[2] Данные о ходе сбора контрибуции см. в рапорте Иванова от 5 октября 1876 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 125, лл. 126—128).

кого, во главе их стоит Балям-Аталык, приехавший в последнее время ко мне (рапорт № 4064); вместе с письмом хан препроводил ко мне письмо к нему Баляма, а равно письмо иомудских старшин к човдурам, копии с переводов того и другого, как они безграмотно ни написаны, считаю не лишним Вашему высокопревосходительству представить.

Судя по всем данным, туркменам действительно тяжело досталось и достается от ханских людей, в разных платежах сильная путаница; брали без всякого контроля, квитанций не давали. Народ больше, чем на хана, жалуется на своих старшин; расписка, данная иомудскими старшинами хану, о которой я выше упоминал, действительно подозрительна и иомуды считают, что расписка эта добыта подкупом, этому можно верить.

Никакого другого совета хану, по его просьбе, кроме справедливого отношения к делу, я дать не мог; копию с моего ответного письма представляю.

Что будет дальше, своевременно донесу[1], может быть дело и устроится, но во всяком случае, в силу письма Вашего высокопревосходительства от 25 сентября № 673, полученного мной с последней почтой, постараюсь не допустить в ханстве развиться большим беспорядкам[2].

Не могу не обратить внимания Вашего высокопревосходительства на приложения к последнему письму хана; в них видна полная неприязнь к ханскому правительству и вместе доверчивость и уважение к русской власти. Балям, дерзко требуя от хана расчеты, вместе приглашает его ехать разбираться ко мне; иомуды подговаривая човдуров не платить хану нукерских денег, в то же время советуют «русские» деньги платить.

Генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 144—146.

[1] В своем отношении начальнику Закаспийского военнаго отдела от 13 ноября 1876 г. начальник Аму-Дарьинского отдела отмечал, что «иомуды, свои претензии заявляя на хана, разъехались, во вверенном мне отделе все обстоит благополучно» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 159).

[2] О дальнейшем ходе этих выступлений иомудов см. рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору от 16 ноября 1876 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 32—34).

№ 127

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о ходе тяжбы хивинского хана с иомудами

16 ноября 1876 г.

Большое скопище иомудов, бывшее под Хивой, о котором я доносил Вашему высокопревосходительству в рапорте № 4253 и которое так напугало хана и его подданных, мне удалось заставить разойтись по домам. 6 ноября вся толпа, до 2-х тысяч человек, разошлась по своим кочевьям.

После долгих пререканий с ханом иомуды 1 ноября вздумали было всем сборищем идти ко мне, чтобы настоять у меня вытребовать от хана возвращения перебранных будто бы денег, без всякого предварительного разбора; между тем, мне было уже известно, что хан предлагал туркменам разобрать их просьбы с тем, что если последние окажутся справедливыми, то и удовлетворит их. Балям и остальные приехавшие с ним иомуды на подобный исход дела согласия не дали.

Узнав, что вся толпа иомудов намеревается переправиться на правый берег, я послал им запрещение делать это и разрешил приехать ко мне только Баляму с несколькими выбранными. Так и было сделано; я разъяснил приехавшим всю неправильность их поступков и строго приказал, чтобы те из толпы, которые имеют действительные иски, ехали к хану и ожидали его разбора и решения, остальная же толпа, приехавшая без дела, чтобы тотчас же разошлась по домам и не пугала, и не беспокоила жителей. Возвратившись к Хиве, иомуды послали было к хану 50 человек, но эти последние не могли ничем доказать своего иска, и после этого все иомуды разъехались.

Тем это дело пока и кончилось. Во время почти двухнедельного пребывания иомудского скопища под Хивой особенных обид жителям причинено не было; потравлено немного хлеба и произведено два незначительных грабежа; но страха в Хиве натерпелись большого, и хан,—как писал ко мне,—начал было сзывать нукеров из ближних узбекских городов, чтобы охранять свою столицу.

Трудно решить, справедливы ли вполне были заявления иомудов на кушбеги, но хан в данном вопросе, по моему мнению, поступил как следует и представлял иомудам все данные доказать и подтвердить свой иск...[1]

Генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 32—34. Копия заверенная.

[1] Далее следует не представляющее интереса описание мелких грабежей в Хивинском ханстве и прочих незначительных событий.

№ 128

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о подробностях признания ахал-текинскими старшинами каджарского подданства, его иллюзорности и развитии взаимоотношений русских властей с текинцами

25 ноября 1876 г.

По возвращении отряда в Красноводск ко мне прибыли сюда из Ахал-Теке сначала Софи-хан и несколько других старшин ближайших к нам крепостей; а затем от Тыкма-сардара (он же Овез Мурад-сардар—главный предводитель текинских партий)[1] родственник его, Яйлым-сардар, и от Ата Назар-бека, заведывающего текинской чарвой (кочевниками)[2], один из тамошних купцов Гельды-совдагар.

Последний передал мне пленных туркмен-иомудов, захваченных текинцами в июле этого года за Карабугазом, которых Ата Назар-бек (один из почетнейших в Теке стариков), по моему письму, отнял у разбойников и до моего возвращения из похода содержал у означенного Гельды-совдагара.

От прибывших текинцев мы имеем теперь положительные сведения о положении дел в Теке за последнее время.

Из прошлогодних донесений моих и сообщений Астрабадского консула Вашему превосходительству известно, что в прошлом году долго проживал в Ахал-Теке сын правителя Кучана, Абдул Хасан-хан, бежавший туда от преследования персидских властей. Там он сошелся с Нурберды-ханом, жил в его доме и женился даже, кажется, на его родственнице. Разбои и грабежи, производимые Абдул Хасан-ханом с текинцами в землях курдов и Хорасане, навели такой страх на персиян, что Абдул Хасан-хан не только что вскоре был помилован, но даже назначен вместо отца правителем Кучана.

Деятельность Абдул Хасан-хана на этом вновь вверенном ему посту выразилась известным уже Вашему превосходительству событием—подданством текинцев Персии. Это случилось так:

Абдул Хасан-хан, пользуясь дружбой Нурберды-хана и других текинских старшин, с которыми вместе в прошлом году разбойничал и грабил курдов и хорасанцев, пригласил к себе в Перуаз (пограничная крепость курдов с Теке) на

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, л. 152.
[2] Там же, л. 156.

скачку всех текинских ханов и старшин. Это было именно в то время, когда текинцы, ожидая к себе прихода русских (перед походом вверенного мне отряда к хивинским пределам), были вообще в сильном переполохе. Абдул Хасан-хан старался успокоить их, уверяя, что он удержит русских от движения в Теке, если только текинцы покорятся шаху.

Когда же он, по требованию текинских старшин, принял присягу на коране, что русские никогда не придут в Ахал-Теке, и что шах возвратит всех пленных текинцев, тогда и текинские старшины приняли присягу, что в таком случае они будут покорны и верны шаху.

При этом Абдул Хасан-хан выдал кетхудам собравшимся в числе до 200 человек по 40 кран, т. е. по 12 руб. каждому, а также и набранным тут же 200 феррашам по 20 кран, по 6 руб. каждому—всего 3600 руб. Феррашам обещано было ежемесячно платить каждому по 12 руб., что без сомнения не было и не будет исполнено.

Но главная тут цель Абдул Хасан-хана не удалась: он хотел склонить текинцев признать главным своим ханом Нурберды-хана; старшины же текинские наотрез ему в том отказали и пожелали, чтоб у них по-прежнему от каждого отделения было по одному хану. Эти новые четыре хана тут же и были избраны, от племени утамыш Овез Дурды-хан и Хезрет Кули-хан, а от племени тохтамыш—Ураз Мамед-хан и Нурберды-хан.

Затем Абдул Хасан-хан пригласил 50—60 текинских кетхудов поехать с ним в Тегеран для изъявления покорности шаху и с просьбой о возврате своих пленных. Кетхуды эти и до сих пор не вернулись еще из Тегерана, хотя и прошло уже 4 месяца, как они туда уехали. Текинцы боятся, что их задержали там заложниками и просили меня узнать, что с ними случилось.

Ханы ближайших к нам крепостей в Беш-Кала, а также Тыкма-сардар и Ата Назар-бек отнеслись к этому делу, как слышно со всех сторон, с полным недоверием и ответили, будто бы, Абдул Хасан-хану, что у них есть уже свой высокий покровитель и защитник ак-падишах, которому они и будут покорны, верны и преданы навсегда.

Все они или явились ко мне тотчас же по возвращении моем из Хивы, или прислали от себя с своими доверенными людьми письма с выражением их преданности и покорности нам; причем Ата Назар-бек выслал даже выкупленных им, по моей просьбе, пленных, захваченных текинцами в июле за Карабугазом. Письма эти, с переводом при сем, представляются на благоусмотрение Вашего превосходительства.

Тыкма-сардар до сих пор еще не был у меня, хотя уже несколько раз и писал, что желает приехать ко мне, имея сообщить какое-то важное и секретное дело. Он считает себя самым главным и почетным ханом в Теке и потому полагает, что ему самому приехать сюда неудобно. Вследствие чего он просил меня и до похода, и теперь прислать за ним кого-либо из служащих при мне лиц, указывая при этом на Мулла Мамеда. Этот последний считается всадником при вверенном мне Управлении; он из жителей Даргинского округа, сел. Кутиши, вполне нам верен и предан. В прошлом году я уже посылал его в Теке, где он и познакомился с Тыкма-сардаром. Его настоящее имя Маха Магаметов; когда он был в прошлом году в Ахал-Теке, его сначала все звали там солдат и гяур; но когда он пристыдил всех текинских кадиев и мулл, что они не умеют как следует молиться и не знают необходимых при этом молитв, народ стал его уважать и назвал Мулла Мамед.

Теперь этот Маха или Мулла Мамед сам пожелал съездить в Теке, и потому не было причин отказать ему и Тыкма-сардару в их общей просьбе об этом. Опасности и риска, по-видимому, тут не может быть, так как Софи-хан взял этого всадника с собой и объявил мне, что он головой отвечает за его безопасность, а между тем, если Тыкма-сардар приедет сюда, это может быть весьма важно для нас, так как почти весь народ смотрит на него, не говоря уже про то, что через это мы имеем возможность исследовать отчасти и весь Ахал-Текинский оазис от Кизыл-Арвата до Арчмана, ибо Маха человек вообще довольно разумный, сведущий и грамотный. Поэтому 23 числа сего месяца, я отпустил его в Теке с Софи-ханом, Яйлым-сардаром и с другими текинскими ханами и старшинами.

Последние происшествия в Теке, о коих я имел честь доложить Вашему превосходительству выше, по-видимому, на массу населения Ахал-Теке не имели никакого влияния: грабежи и разбои продолжаются по-прежнему, и по-прежнему персиян захватывают в плен и десятками приводят в Теке.

Еще в бытность у хивинских пределов я доносил Вашему превосходительству, что в Теке были тогда большие сборы (аламан). Действительно собралось, говорят, до пяти тысяч пеших и конных с продовольствием на месяц. Одна партия под начальством Овез Кули-сардара направилась к Чарджую, другая под начальством Аман Али Карга пошла в Хиву. Обе партии потом соединились, угнали от Чарджуя несколько тысяч баранов, разбили преследовавших их бухарцев, уничто-

жили подле Чарджуя целую деревню, а людей из оной (со всем их имуществом) перевезли в Теке. Эти последние слухи, впрочем, нуждаются в подтверждении.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 147—151.

№ 129

Отношение текинского хана Овез Мурад-сардара[1] начальнику Закаспийского военного отдела о положении в Ахал-Теке

Я долго не мог писать Вам потому, что лежал больным; болезнь, которой я страдал, была весьма опасна, но с божьей помощью выздоровел. По возвращении Рахт-сардара, я отправил к Вашему превосходительству Караджа-аксакала, от которого мы услышали, что Вы изволили выехать к пределам Хивинского ханства. Письмо, которое привез от Вас Рахт-сардар, очень меня обрадовало.

Абдул Хасан-хан привлек к себе текинцев, которые приняли подданство Персии; я был также вызван текинцами, но никак не Абдул Хасан-ханом. Я не поверил его словам, я ему прямо высказал, что у меня есть уже высокий защитник и покровитель (ак-падишах), которому я и предан. Несколько кетхудов поехали к Насреддин-шаху для освобождения своих пленных, находящихся в Персии. Вы писали мне, что у моего брата Бабали имеется пленный, которого и просили выслать к Вам, между тем я с Бабалием не имею никакого родства и даже во вражде с ним.

Имею большое желание видеться с Вами, виноват что до сих пор не мог еще быть у Вас. Прошу Вас выслать ко мне Молла Мамеда с Яйлом-сардаром, и какие будете иметь приказания также напишите мне. Со мной видеться или с Яйлым-сардаром — это все равно. По возвращении Яйлым-сардара я приеду к Вам.

Прошу выслать мне горшок имбирного варенья. С Яйлым-сардаром отправил к Вам Сагада. Слова одного достаточно для сведущего человека, — что расскажет Вашему превосходительству Яйлым-сардар, поверьте ему.

Прапорщик Амирджанов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 153—156.

[1] Он более известен под именем Тыкма (точнее: Дыкма)-сардара.

№ 130

Письмо текинских ханов: Овез Дурды-хана, Ханмамед-Аталыка, Аман Гельды Вани и Берды-батыра* начальнику Закаспийского военного отдела о положении в Ахал-Теке

1 декабря 1876 г.

Письмо Вашего превосходительства мы получили и, узнав из оного, что Вы здоровы, весьма тому обрадовались.

Вы писали нам, чтобы доставить Вам подробные и достоверные сведения о том, что происходило за последнее время в Ахал-Теке, вследствие чего и сообщаем Вам следующее: Ахал-Теке состоит из 32 племен и каждое из них получило от Абдул-хана по письму с приглашением выслать к нему на совещание почетных старшин.

По приглашению этому собрались в Безмеин: из Кизыл-Арвата—Худайберды-хан, из Бами—Тюря-Конгур, из Беурмы—Овез Мурад-сардар (Тыкма-сардар), из Арчмана—Нур Мамед-сардар, а также и все старшины из прочих текинских крепостей. После этого приехал в Геок-Тепе Нурберды-хан, по просьбе которого все приглашенные переехали в Науриз[1] (курдская крепость). Там Тюря Конгур, Ораз Мамед-хан и Курбан Мурад-ишан начали уговаривать нас принять подданство Персии, но мы с Нурберды-ханом наотрез отказались от этого и сказали, что этого никогда быть не может; на сделанный же нам вопрос — почему? — ответили, что если Хива, существовавшая самостоятельно столько лет, должна была, наконец, вступить во владение ак-падишаха, то и Ахал-Теке, уже 11 лет подвластный хивинским ханам, должен быть подчинен также ак-падишаху, что в чьих руках находится Хива, в тех же руках должен быть и Ахал.

После того, они начали упрашивать нас, хоть ради наших пленных, находящихся в Персии, уладить это дело, на что мы и согласились.

В Науризе Нурберды-хан, Хезреткули-хан, Овез Мамед-хан и я (Ханмамед-Аталык) пришли к Абдул Хасан-хану, сговорившись предварительно с Нурберды-ханом, просить у Абдул Хасан-хана денег на наем 1400 человек ферраш, кетхудов и караульных с тем, что если он не согласится на это, то мы возвратимся назад. Абдул Хасан-хан, как только мы пришли, начал расспрашивать, какие у нас новости. Мы ответили, что так как Вы приехали в Теке, то новости должны быть у Вас, а не у нас. Абдул Хасан-хан сказал, что он был в Тегеране у шаха, который, после служебных разговоров, повелел ему возвратиться на родину; тот ответил шаху, что он не возвратится, пока не получит Ахал-Теке, где его родина. Шах спросил его: кому прежде был подчинен Ахал; Абдул Хасан-хан ответил, что Ахал принадлежал прежде Хиве, которая завоевана русскими, а теперь никому не принадлежит, и он желает вступить во владение им. Шах повелел ему обратиться к военному министру (садр-азаму), который после объяснения Абдул Хасан-хана о цели своего посещения, по повелению шаха попросил к себе русского посланника (визир-мухтара) и передал ему все то, что рассказал Абдул Хасан-хан. Посланник на это сказал, что Ахал подчинен Хиве, а Хива взята ак-падишахом, стало быть Ахал должен принадлежать тому лицу, в управлении которого находится Хива; но в настоящее время Ахал не принадлежит ни Хиве, ни России, и если кто вступит в управление им, то тот не рад будет этому, потому что народ в Теке беспокойного характера, постоянно занимающийся грабежами и разбоями, а, следовательно, много стоит труда, чтобы восстановить в нем порядок и спокойствие. После того садр-азам просил визиря-мухтара оставить это дело до осени, впредь пока не будет послан кто-либо для собрания более положительных сведений о Теке; на этом они и остановились.

Кончивший свой рассказ, Абдул Хасан-хан обратился к нам со словами: «я просил вас сюда еще по одному обстоятельству, которое заключается в том, чтобы вы прислали к шаху своих кетхудов для заключения мира, чтобы вы не трогали Хорасана, что взамен того, все ваши пленные будут возвращены и что он, Абдул Хасан-хан, для этой именно цели и ездил в Тегеран, а теперь снова поедет и потому просит избрать для поездки с ним 40 кетхудов». На эти слова Ханмамед-Аталык ответил, что Ахал-Теке покорен хивинским ханом 111 лет тому назад. Где же вы были? В то время существовали и каджары и вы; почему же до сих пор Ахал не принадлежал вам? В настоящее время Ахал-Теке принадлежит ак-падишаху и мы не можем допустить мысли, чтобы русские были слабее узбеков, чтоб уступить Ахал другим. Абдул Хасан-хан сказал, что он тогда никакого дела не имел с каджарами, а теперь как верноподданный шаха получил повеление его взять свою землю; на это мы ответили: а мы верноподданные ак-падишаха, и Теке принадлежит ему; почему без воли его ничего не можем сделать; после того Абдул Хасан-хан сказал, что шах попросит ак-падишаха уступить ему Ахал-Теке; а если этого сделать окажется невоз-

* Из-под Асхабада в дальнем Ахал-Теке.

[1] В другом документе Поуриз.

можным, то тогда и он не будет иметь своих притязаний на Ахал.

Затем Абдул Хасан-хан начал снова уговаривать нас дать ему 40 кетхудов для поездки в Тегеран к шаху, чтобы заключить мир и возвратить им пленных из Персии, при условии не трогать больше Хорасан. Нурберды-хан ответил, что они не могут, безусловно, остановить своих людей от разбоев и грабежей и согласятся на это в таком случае, если он даст жалованье на 1400 человек с тем, что из них будут 200 человек кетхудов, 200 человек феррашей, а остальные 1000 человек караульные. После продолжавшихся по этому поводу рассуждений Абдул Хасан-хан заявил, что он определит жалованье в месяц каждому кетхуду по 20 кранов (кран равен 30 коп.), каждому феррашу по 40 кранов, а остальным 1000 человек он не может определить жалованье, пока не будет иметь свидание с шахом; причем сказал, что на 400 человек он теперь же отпустит деньги, но по возвращении его из Тегерана просит, чтобы означенные 1000 человек смотрели за беспокойными людьми, чтобы они не трогали ни Хорасан, ни Хиву, ни Красноводскую дорогу. На это Нурберды-хан ответил, что если деньги на всех людей будут отпускаться ежемесячно, то все это будет исполнено, в противном же случае не может ручаться за безопасность и не может считать себя в том виновным. После этих совещаний все собравшиеся в Наувризе разъехались по своим аулам, назначив и поручив Абдул-хану 40 кетхудов для поездки в Тегеран.

Вслед за тем четыре человека с Амангельды привезли 5000 кранов, из коих 1500 кранов были отданы феррашам племени сычмаз, 1500 кранов феррашам племени якши-даяк, 1000 кранов феррашам племени векиль (Нурберды-хан) и 1000 кранов феррашам племени бек (Ораз Мамед-хана). Следуемые деньги кетхудам и остальным феррашам Абдул Хасан-хан обещался выслать из Кучана. Кроме полученных и розданных по принадлежности кранов, мы других обещанных денег больше от него не получали, а вследствие того и составленный им план не осуществился: мы после того по-прежнему грабим персиян, а они в свою очередь грабят нас.

Доносим Вашему превосходительству обо всем вышеизложенном верно, и если кто-либо пришлет другое донесение, не согласное с нашим, то просим не верить.

Мы потому только согласились на предложение Абдул Хасан-хана, что в Персии находятся наши пленные, которых мы желали освободить от персиян. На самом же деле мы и наша земля—Ваши, мы принадлежим и служим хивинскому

хану, а это равносильно тому, что мы служим Вам, так как хан хивинский не мог управляться сам собой, а нами и подавно. Мы, туркмены, простые люди, и будем исполнять Ваши приказания. Дальнейшие распоряжения зависят от Вас:

Вы писали, чтобы взятых в плен из Карабугаза и ограбленное там имущество возвратить: на это требование уведомляем, что трое из пленных бежали на свою родину, а троих мы поручили Ата Назар-беку, который и отправил их на родину.

Нияз Мурад мне сообщил, что по просьбе моей относительно собственной моей земли Вы обещались переговорить с хивинским ханом и уведомить нас. Хан хивинский, узнав о том, что я жаловался Вам на него насчет означенной земли, —рассердился на меня и землю эту, купленную мною на мои собственные деньги и находящуюся на западе крепости, в количестве 13 танаб, отдал своему сыну. Теперь, как нам известно, Ахал-Теке и Хива принадлежат Вам*; каким путем Вы возвратите мне землю, зависит от Вас. Буду ли я удовлетворен по шариату или же по законам ак-падишаха—дело Ваше. Мы навсегда покорны Вам и готовы исполнять все приказания Ваши.

Вместе с этим отправили к Вам сына нашего Мамед Амана, Батыр-хана и еще брата нашего Атабая, которым вполне доверяем. Друзья останутся этим довольны, а враги упадут духом. Брата Аман Гельды, которого зовут Адина Батыр, Нагдав-хана, Джабар Кулия и Караджа-аксакала также отправили к Вам.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 10—15. Перевод рукописный[1].

№ 131

Донесение иомудского старшины Балям-Аталыка начальнику Аму-Дарьинского отдела о тяжести положения иомудов и их ходатайстве о приеме в русское подданство[2]

Начальнику Аму-Дарьинского отдела генералу Иванову от иомудских жителей просьба: признавая Вас старшим начальником, мы, в числе 10 тысяч человек, послали Вам с левого берега заявление о подданстве; кроме того, послали Вам от

* Эти пустые слухи, о коих текинские ханы писали мне еще в августе (прилож. к письму моему Вашему превосходительству № 44), ходили в Хиве еще до нашего прихода туда и оттуда распространились в Теке.

[1] Дубликат документа см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6899, лл. 8—13.

[2] Документ не датирован.

каждого рода по одному человеку заявить просьбу, что жители плачут от пяти старшин. Вы приказали хану рассчитаться с плачущими жителями: по Вашему приказанию мы ездили, но нас прогнали; по Вашему приказанию мы никого не тронули, разъехались по делам и живем.

Будет нам разбор или нет? Если нет, то дайте нам позволение послать просьбу к белому царю.

Печать *Балям-Аталыка*.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, л. 64. Копия заверенная.

№ 132

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о положении туркмен Хивы, Ахал-Теке и Мерва и их отношениях к Хивинскому хану, каджарским властям и Афганистану

8 декабря 1876 г.

После донесения от 16 ноября за № 4610 я ничего не доносил Вашему высокопревосходительству о положении дел в крае, не доносил потому, что особенно резких перемен и изменений ни в чем не произошло. Отношения туркмен к хану и наоборот весьма натянуты; партия недовольных становится все больше и больше и группируется около известного, упоминавшегося в прежних моих донесениях Баляма-Аталыка. Балям поддерживает и увеличивает свою партию, распуская нелепые слухи, что в бытность здесь у меня он достоверно узнал, что Ваше высокопревосходительство наложили на иомудов не 60 тысяч тиллей, а 60 тысяч рублей, кроме того, что туркмены в течение 20 лет не должны платить хану никаких податей и повинностей. Так как россказни Баляма приятны народу, то большее число иомудов верит россказням Баляма. Чтобы разубедить туркмен, я нашел полезным написать письмо хану, в котором изложил неверность распускаемых Балямом слухов и приложил хану письмо мое предъявить туркменам[1].

Несмотря на подобные отношения к хивинскому правительству в отношении населения, иомуды держат себя весьма хорошо: не только не грабят и не обижают узбеков, но даже по границе своих земель с узбекскими поставили караулы, на обязанность которых возложено следить, чтобы воры иомудов отнюдь не ездили на грабежи к узбекам. Старшины туркмен

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, л. 63.

ведут себя двусмысленно: ездят в Хиву и, кланяясь хану, заявляют свою преданность и вместе стараются заискать милость народа. Туркмены других родов смотрят на иомудов, как на старший род, и поступают согласно с ними. В ханстве особенных беспорядков нет, но местами преимущественно к северу и в средней части оазиса, случаются нередко мелкие грабежи. В отношении оренбургских киргизов, сделавших беспорядки в Кунграде, я уже доносил Вашему высокопревосходительству и теперь в особом рапорте докладываю о том, что удалось беспорядки эти покончить.

В отношении туркмен хан хивинский недоумевает, какие предпринять ему меры; заставить подчиниться себе во всем не может, а между тем, они действительно не платят ему никаких повинностей, ни за настоящий, ни за прошлый год. Говорят, что он хочет высказать туркменам свою немилость и сделать распоряжение, чтобы для туркмен были закрыты все базары ханства и вместе, чтобы убекские торговцы не посещали туркменских базаров. К чему приведет эта мера, если она исполнится, трудно сказать; может быть вместе с моим письмом, о котором я упоминал выше, и приведет туркмен к повиновению хану.

Окрестности Хивы изредка посещаются партиями текинцев. Дней около десяти тому назад партия ахал-теке около Исмамут-ата отбила и угнала у иомудов до 20 верблюдов и дней 15 назад человек 40 теке из Мерва напали на дроворубов верстах в 12 от Хивы к югу. Этой последней партии не посчастливилось; бывший недалеко хивинский разъезд выручил дроворубов и прогнал партию, ранив из них 2 человека и убив одного.

От генерала Ломакина сведений о положении дел в Ахал-Теке давно не имею, но приехавший оттуда недавно один из мелких текинских старшин передает, что сношения туркмен с персидским правительством продолжаются и установились прочно; четыре из старшин туркменских ханов ездили в Тегеран и возвратились обласканными и одаренными шахом; через местного персидского губернатора им выдается постоянно жалованье, а также деньги на содержание 200 всадников; цель этих последних оберегать персидские границы от набегов бродячих шаек туркмен и курдов.

По примеру того, как Ахал-Теке подчинились Персии, по сведениям, туркмены Мерва заискивают расположение Афганистана; в последнее время, когда кабульский эмир занял Маймене и Андхой, он начал, будто бы, распускать слух о намерении продолжать свое движение к Мерву; этот слух подействовал, и старшины туркмен, чтобы предупредить

движение, отправились с поклоном. Грабежи свои текинцы Мерва в последнее время по преимуществу направили на ата-туркмен бухарского ведения, сидящих несколько выше Чарджуя.

Генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 44—47. Копия заверенная, рукописная.

№ 133

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о взаимоотношениях с текинцами

23 декабря 1876 г.

Рапортом от 25 минувшего ноября за № 2488 я доносил Вашему превосходительству о прибытии в Красноводск первой партии текинских ханов и старшин и о посылке мною с ними в Ахал-Теке служащего при вверенном мне управлении всадником даргинского жителя, юнкера милиции Маха Магометова.

Посылая этого всадника в Ахал-Теке, я преимущественно имел в виду предстоящее нам движение к Кизыл-Арвату, стараясь, согласно данной мне на сей предмет инструкции (предписание Вашего превосходительства 6 ноября № 28) «подготовить это движение таким образом, чтобы местное население не удалялось при приближении наших войск, и вообще, чтобы пребывание наше там послужило бы к выяснению и упрочению нравственного влияния нашего над текинским народом, не прибегая к оружию».

Юнкер Маха Магометов превосходно исполнил возложенное на него это трудное и весьма рискованное поручение: пользуясь уважением между текинцами как хороший мулла (хотя таковым он никогда не был) Муха объехал и тщательно осмотрел всю местность Ахал-Текинского оазиса до Арчмана, везде его хорошо принимали; везде он старался проводить наши идеи и виды, успокаивал народ, старался внушить доверие к нам и затем, в сопровождении 45 главных и почетных текинских ханов и старшин, не только из ближайших, но и от самых отдаленных текинских крепостей, благополучно возвратился в Красноводск 9-го числа сего месяца.

С ним прибыли сюда: от Беурмы и Арчмана—известный уже Вашему превосходительству из прежних моих донесений Овез Мурад-сардар (Тыкма-сардар) с одним из хивинских своих родственников Сеид-батыром и с несколькими старшинами и аксакалами; от Бами прибыл Шейхим-хан, от Бешкала—Софи-хан и Караджа-хан, от текинской чарвы—один из ближайших родственников заведывающего оною Анна-Назар-бек, от дальних текинцев, живущих у Асхабада и Геок-Тепе—брат и сын Ханмамед-Аталыка, Караджа-аксакал, а также по одному аксакалу от прочих тамошних ханов: от Овез Дурды-хана (одного из четырех ханов правителей), от Аман Гельды Вани, Берды-хан Батыра и Аман Али-сардара (Аман Али-Карга—предводитель почти всех разбойничьих текинских шаек за последнее время).

И на словах, и в представляемом при сем на усмотрение Вашего превосходительства весьма интересном письме ко мне главных текинских ханов, все они стараются уверить меня в безусловной покорности и преданности их одному лишь великому ак-падишаху и что все последние сношения их с Персией имели бы в виду одну только цель—возвращение их пленных, находящихся в Персии. На самом же деле, они с своей стороны сделали все, чтобы избавиться от неизбежного для них нашего влияния: обращались и к Хиве, и к Персии, и только убедившись, что и под кровом как той, так и другой мы все равно не можем дозволить им продолжать безнаказанно прежние грабежи и разбои, они решились снова обратиться к нам.

Все текинские ханы, приславшие теперь ко мне своих аксакалов, просили позволить им прибыть сюда и назначить для сего время. Таким образом, из всех значительных текинских ханов у меня еще не были и не обращались еще с просьбой о разрешении приехать сюда только четверо: Нурберды-хан, Ораз Мамед-хан, Хезреткули-хан (правители) и Курбан Мурад-ишан. Но первый, несмотря на дружбу и родство с Абдул Хасан-ханом (Курдским), продолжает деятельно поддерживать и со мной переписку, и как только убедится, что все интересы Абдул Хасан-хана ни к чему не поведут, наверное оставит его; прочие же смотря на Тыкма-сардара, Ханмамед-Аталыка, Овез Дурды-хана и других правителей не замедлят последовать их примеру.

Тыкма-сардар личность весьма интересная: из всех здешних туркмен он резко выделяется по своему уму, уменью держать себя и говорить, между своими соплеменниками он пользуется репутацией одного из самых умных, дельных и энергичных ханов, почему и имеет огромное влияние в народе,

который постоянно прежде избирал его своим главным предводителем во всех больших походах и набегах. Будучи умнее других, Тыкма-сардар и раньше других понял, что только при полной покорности и преданности нашему правительству и с прекращением грабежей и разбоев текинцы могут свободно оставаться в своем богатом оазисе и пользоваться беспрепятственно своими роскошными пашнями, пастбищами, садами и лесами, и потому после первого же нашего хивинского похода Тыкма-сардар ни разу не предводительствовал текинскими партиями, а искал сближения с нами. Привлечь такого человека нам необходимо, и если сделанные им мне заявления искренни, он может быть нам весьма полезен.

Как он, так и прочие прибывшие с ним ханы, сами обратились теперь ко мне со следующим предложением: «текинцы народ дикий, своенравный, и если Вы желаете прекратить с их стороны грабежи и разбои, приходите в Теке и наймите фершей, иначе порядка между нами не может быть».

К предполагаемому занятию Кизыл-Арвата они отнеслись, по-видимому, весьма сочувственно, понимая, что вреда им от этого не может быть никакого, а польза будет огромная, так как тогда свободно и беспрепятственно они будут заниматься торговлей и сбывать нам свои ковры, войлоки, шерсть, масло, баранов, лошадей и проч. взамен наших красных и других мануфактурных товаров[1]. При этом они старались заверить меня, что при нашем приближении их аулы не тронутся с места, но за всех текинцев в этом они поручиться не могут. Быть может найдутся между ними такие, которые будут относиться к нам вполне неприязненно и, пользуясь всяким удобным случаем, будут стараться причинять нам вред; эти успокоятся лишь тогда, когда испытают силу нашего оружия.

В заключение этого донесения и в дополнение сведений о положении дел в Ахал-Теке за последнее время, представляемых на усмотрение Вашего превосходительства в прилагаемом при сем письме ко мне текинских ханов, имею честь доложить Вашему превосходительству, что мною только теперь получено известие о результате поездки в Тегеран 40 текинских старшин с Абдул Хасан-ханом.

Шах, говорят, принял их сначала довольно милостиво, но вскоре получилось по этому делу донесение от шахзаде — Рукн уд-Довле, наместника Хорасана,—который писал, что Абдул Хасан-хан в этом случае обманывает персидское правительство, что текинцы и не думают признавать себя подданными Персии, продолжая по-прежнему грабить Хорасан и курдов, что прибывшие в Тегеран с Абдул Хасан-ханом текинцы вовсе и не кетхуды, а простые пастухи, и что поэтому он распорядился назначить ханом Кучана, вместо Абдул Хасан-хана, его отца. Вследствие чего и для расследования этого дела Абдул Хасан-хан и прибывшие с ним текинские кетхуды (которым не только не возвратили пленных, но даже у многих отняли их лошадей), — отправлены были в Мешхед на дальнейшее распоряжение шахзаде. Только трем или четырем из них удалось уйти домой и сообщить текинам о неудаче их тегеранской депутации. Это происшествие, вероятно, и было причиной, что текинцы обратились теперь снова к нам. Время покажет, насколько это искренне; но во всяком случае, предстоящее занятие Кизыл-Арвата будет, несомненно, иметь первенствующее значение и влияние на дальнейшие отношения текинцев как к нам, так и к прочим их соседям.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 4—9. Подлинник рукописный[1].

[1] Отмечая, что хивинские купцы очень обрадовались намечаемому движению царских войск в Ахал, хивинский караванбаши в своем письме красноводскому воинскому начальнику от 20 января 1877 г. сообщал, что приехавшие в Хиву за пшеницей текинские купцы заявили, что «положение их будет весьма затруднительным и что им придется разъезжаться по разным местам». И далее он отмечал, что уверен, что текинцы «не будут вооружаться против вас, но напротив, сами добровольно сдадутся». (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 68—71).

№ 134

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о положении в Хивинском ханстве, Ахале и Мерве[2]

5 января 1877 г.

...Туркмены в общем сидят покойно: на базарах уплачивают ханским людям установленные базарные сборы, по расчет расчетов с ханом по остаткам контрибуции и по уплате наложенного на них ханским правительством поземельного салгыта, дело не подвигается, хотя народ и верит вполне, что все рассказы Баляма по этим вопросам должны (рапорт № 4928, 876), но тем не менее он не любит своих старшин и думает, что они его обманывают в угоду хана. Между Баля-

[1] Копию документа см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6899, лл. 2—7.

[2] Начало документа, посвященное описанию грабежей, интереса не представляет.

мом и другими старшинами отношения очень натянуты и между людьми их иногда бывают ссоры и даже драки.

Хивинский хан в отношении туркмен, да и вообще дел в ханстве вполне бездействует; рассказывают, что даже на обыденные приемы просьб он не всегда является, а поручает и это дело своим приближенным, из которых главную роль, благодаря доверию хана, играет известный Вашему высокопревосходительству Палван Мирза-баши[1].

О положении дел в Ахал-Теке Вашему высокопревосходительству известно из представленных мною при рапорте № 220 отношений начальника Закаспийского отдела. Сведения об этой местности, у меня имеемые, подтверждают таковые же генерала Ломакина; неурядица у текинцев продолжается сильная, но теперь, когда туркменам стало известно о предстоящем занятии нашими войсками Кизыл-Арвата, все старшины их сходятся на одном: необходимости подчинения русской власти. От занятия Кизыл-Арвата можно ожидать хороших последствий в смысле обезопасения дорог, идущих от Каспийского моря к Аму-Дарье, в особенности, если расположенному там отряду будет разрешено производить более или менее далекие движения по оазису Ахала.

Из Мерва особенных сведений нет; шаек оттуда к хивинскому ханству и к Аму-Дарье уже давно не посылается; караванное движение из Бухары к Хиве производится свободно. В одном из своих прежних донесений я имел честь доводить до сведения Вашего высокопревосходительства о том, что мервские теке-туркмены сильно разграбили окрестности Чарджуя и захватили много женщин и детей в плен; теперь говорят, что для того, чтобы выручить пленных бухарский эмир распорядился задерживать караваны, идущие из Мерва. По слухам, мера эта оказалась действительной, захваченных пленных собирают и намерены возвратить в Чарджуй.

Генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 98—101. Копия заверенная.

[1] Далее следует описание не относящихся к теме настоящего сборника сведений о взаимоотношениях казахов и хивинских властей.

№ 135

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о положении туркмен в Хивинском ханстве и их отношении к русским властям[1]

21 января 1877 г.

...Что туркмены ничего не имеют собственно против русских служит ясным доказательством то обстоятельство, что полковник Петрусевич с самым незначительным конвоем, в самое время появления шаек на правом берегу, был на Лаудане и ничего подозрительного не встретил.

Корень всего зла — хивинское правительство, которое своей апатией и жадностью к деньгам вооружает против себя население и, вместе с тем, боясь последнего, смотрит сквозь пальцы на все грабежи и беспорядки в ханстве.

Мне передают за верное, что ханские нукеры, которых посылают ловить воров, сами везде грабят, сваливая вину на туркмен.

Думаю, что переход отряда в ханство очень понравится хану[2], так как это поддержит его значение и силу и так как он понимает, что ему весьма удобно ханствовать за нашей поддержкой, но на туркмен особенно, если с ними придется употребить крутые меры,—появление отряда произведет впечатление для нас не особенно выгодное, ввиду бывших заявлений о поступлении под русское подданство.

Во всяком случае, идти нужно, и отряд выступит; о последующем буду своевременно Вашему высокопревосходительству доносить, поручая делать то же и полковнику Гротенгельму.

Начальник отдела генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 102—105. Копия заверенная.

[1] Начало документа, посвященное описанию грабежей, интереса не представляет.

[2] Выше отмечается: «факт прихода отряда, как сказать, встряхнет и туркмен, подействует и на хана».

№ 136

Из отношения хана хивинского начальнику Аму-Дарьинского отдела о своем намерении использовать приход русских войск в ханство для репрессий против туркмен

30 января 1877 г.[1]

Из письма Вашего от 29 января сего 1877 г.[2] я усмотрел, что Вы переходите на эту сторону для наказания туркмен, весьма обрадовался и выражаю Вам мою благодарность. По получении от Вас первого письма я послал к туркменам людей, а по получении последнего письма (опять) послал людей. Полагаю, что с помощью бога в настоящий Ваш приход я взыщу все деньги, числящиеся за туркменами, и постараюсь воспользоваться случаем устранить все беспорядки в населении и наказать дурных людей. Да поможет бог настоящему Вашему путешествию...[3].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, л. 130.

№ 137

Письмо иомудов начальнику Аму-Дарьинского отдела с просьбой оградить их от бесчинств ханских властей Хивы

4 февраля 1877 г.

Просьба иомудского народа к начальнику, поставленному от белого царя следующая: наш царь (хан) сделался подобен тигру, сановники подобно свиньям и старшины подобно волкам. Будьте защитником бедных жителей, подобных баранам; избавьте их от этих взяточников и хитрых людей, за что будете пользоваться любовью и уважением народа. Все

[1] На документе дата: 7 мухаррама.

[2] Документ интереса не представляет и не публикуется; интересно лишь заявление начальника Аму-Дарьинского отдела о том, что хан постоянно заявлял ему, что не имеет возможности «справиться с туркменами». я силою теперь здесь,—писал далее Иванов хану, и вы должны пользоваться случаем привести к порядку ваших подданных и покончить все расчеты». Далее следует предупреждение, что если хан и в этом случае не сумеет принять «нужных мер», то все выплаты будут обращены на него, хана (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, л. 129).

[3] Далее следует не представляющее интереса сообщение о высылке тысячи рублей в счет возмещения убытков от грабежей в Султан Вейне, к документу приложена печать Сеид Мухаммед Рахим-хана.

старые и малые, сироты и вдовы не имеют места, куда бы убежать и не имеют другой защиты, кроме Вас. Боясь Вашего (наказания), мы дрожим подобно камышу и не можем найти покоя; просим Вас оказать нам справедливую милость и тогда мы, бедняки, будем рады, и мысли наши будут как птица, летающие на крыльях.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, л. 131.

№ 138

Обращение туркмен-эрсари туркестанскому генерал-губернатору об их положении в Бухарском эмирате и просьбе об их принятии в русское подданство

4 февраля 1877 г.

Туркмены рода эрсари, живущие на левом берегу Аму-Дарьи между Чарджуем и Керки на урочище Лебабе, числом до 60 тыс. кибиток прислали к Вашему высокопревосходительству туркмена своего рода Гельды-бая с письмом, в котором просят они принять их в подданство России.

Посланный выехал с места 15-го сего января и ехал сюда через Чарджуй, Бухару и Самарканд. Он рассказывает, что туркмены-эрсари до сих пор считали себя подданными бухарского эмира, но более не желают оставаться в подчинении Бухары, потому что терпят они большие обиды и притеснения со стороны бухарских властей, например, бухарский эмир в последний год совершенно безвинно повесил 17 человек из знатных туркмен и в настоящее время под арестом содержатся в Бухаре туркмены: Султан Мурад Яджима Мирахур, в Чарджуе — Акберды Мирахур, Джумагельды Караул-беги, Анна Гельды и Акки. Туркмены родов: теке, сарык и салор, кочующие на Мерве[1], ведут в настоящее время войну с афганцами и они, по словам прибывшего, желают принять подданство России, но пока остались ожидать возвращения Гельды-бая.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 2, д. 222, л. 1 об. Копия, рукопись.

[1] Так в тексте; речь идет о Мургабе.

№ 139

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахал-Теке

10 февраля 1877 г.

В бытность мою в гор. Тифлисе, в прошлом январе месяце, прибыли в Красноводск из ближайших к нам текинских крепостей две небольшие партии текинцев. Они доставили сюда письма на имя мое от Софи-хана, Тыкма-сардара, Худайберды-хана и Шеим-хана. Из писем этих видно, что отправившийся из Ахал-Теке в Тегеран с Абдул Хасан-ханом Курдским 40 кетхудов возвратились в Кучан с двумя назначенными к ним шахом доверенными лицами; что после того в Ахале было новое собрание народа, на котором были избраны четыре аксакала для отправления их в Персию на соглашения по вопросу о подданстве Ахал-Теке шаху и что за состоявшимся в Ахале собранием ханы намеревались нанять феррашей для обеспечения спокойствия в их стране.

О чем донести честь имею *генерал-майор Ломакин*

ЦГИА Груз. ССР. ф. 545, д. 1239,
л. 83. Подлинник.

№ 140

Телеграмма военного министра наместнику кавказскому о попытках английской агентуры пробраться в мервский оазис

10 февраля 1877 г.[1]

Возвратившийся в Персию капитан английской службы Непир выехал [в] Мешхед с целью пробраться оттуда к мервским туркменам.

Милютин

ЦГИА Груз. ССР. ф. 545, д. 1154,
л. 152. Перевод шифра.

---

[1] В датировке месяц не указан; на основе данных других документов можно полагать, что речь идет о феврале.

№ 141

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о прибытии в Красноводск текинского каравана и положении в Ахал-Теке

11 февраля 1877 г.

Вчерашнего числа прибыл в Красноводск из Ахал-Теке довольно большой торговый караван на 30 верблюдах[1]. Говорят, что собирался караван до 500 верблюдов, даже от самых дальних текинских крепостей, но перед самым выступлением оного, разнесся в Теке слух, что собирается большая партия иомудов-джафарбаев, намеревающихся напасть на этот караван, почему большая часть купцов осталась в Теке до разъяснения этих тревожных слухов, оказавшихся теперь совершенно ложными.

Текинские старшины и ханы, избранные для посылки в Тегеран для переговоров о подданстве ахал-текинцев шаху, еще не выехали из Теке.

О чем Вашему превосходительству донести честь имею.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439,
л. 84. Подлинник.

№ 142

Выписка из письма российского консула в Астрабаде начальнику Закаспийского военного отдела о попытках каджарских властей установить свое господство над ахал-текинцами и роли английской агентуры в этом

15 февраля 1877 г.

Все сведения, полученные из Хорасана, разнясь в частностях, оказываются тождественными относительно возобновления персиянами попыток склонить туркмен Ахал-Теке к признанию себя в зависимости от Персии. Попытки эти не увенчались еще успехом, но в связи с ними стоит поездка на окраины Хорасана г. Непира, сумевшего проникнуть весьма далеко и видевшегося с буджнурдским ильхани и Шуджа уд-Довле (правитель Кучана), которые заявили[2] уже себя

---

[1] Привезли масло, мед, изюм, муку, ковры, войлоки и куний мех.
[2] Так в тексте.

участием в переговорах с Ахал-Теке. Я особенно озаботился собрать сведения о пути, пройденном г. Непиром. Если цель его поездки остается неизвестной, но из сопоставления всего полученного мною из разных источников оказывается, что в виду имелись посещение и осмотр с.-в. окраины Хорасана и местностей, ближайших к кочевьям туркмен Ахал-Теке. Из Карры-Кала, по близости ее к Кизыл-Арвату, г. Непиру всего удобнее было собрать сведения о Беш-Кала, а из Фирузы — о крепостях, ближайших к Асхабаду.

Приехавший в Астрабад на несколько дней из лагеря под Ак-Кала, астрабадский губернатор шахзаде Джансуз-мирза подтвердил справедливость известий о поездке буджнурского ильхани на свидание с правителем Кучана Шуджа уд-Довле для переговоров с Ахал-Теке. Шахзаде в разговоре заметил, что из Красноводска посылали не особенно давно также к Ахал-Теке какого-то лезгина*, установившего отношения с Тыкма-сардаром и другими. Я сказал, что не имею сведений о подобной командировке кого-либо из Красноводска[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 86—87. Копия заверенная.

№ 143

Обращение начальника Закаспийского военного отдела к иомудам-джафарбаевцам о целях похода русских войск на Кизыл-Арват и предоставлении ими для этого похода верблюдов

25 февраля 1877 г.[2]

Обращаюсь ко всем ханам, старшинам, кетхудам, аксакалам, ко всем большим и малым, принадлежащим к чарве туркмен-иомудов, племени джафарбай, кочующим большую часть года севернее Атрека на русской земле.

Вам известно, что текинцы постоянно грабят и разоряют иомудов как кочующих здесь, так и в Хиве. Убивают ваших людей, держат у себя их в неволе, в плену ваших жен и детей, пользуются вашим имуществом, скотом, баранами.

Все эти разбои и грабежи производятся большею частью на нашей земле, и, по вновь устраиваемой нами дороге с Хивой.

До сих пор я всячески старался убедить текинцев, чтобы они не трогали туркмен, которые кочуют на русской земле. Я старался им внушить, что все эти туркмены как кочующие на русской территории состоят под покровительством ак-падишаха, и потому мы не можем допустить, чтобы их грабили и разоряли; напротив, мы всячески стараемся, чтобы они жили на своих местах спокойно и мирно, и чтобы их, равно как и караваны, следующие по этим степям, никто не смел трогать.

Но несмотря на все мои старания, и на все мои добрые внушения, я не мог удержать текинцев от этого; они, не послушав моего доброго совета, продолжают по-прежнему грабить и разорять нас и других соседей.

Ныне я получил приказание великого ак-падишаха выступить с войском в Теке и устроить в Кизыл-Арвате крепость, где и оставлю часть вверенных мне войск.

При сем посылаю к вам служащих при мне ханов и кетхудов. Они разъяснят вам чего я от вас желаю теперь. В Кизыл-Арвате устраивается мною крепость, собственно для вашей же пользы и спокойствия вашего, так как тогда никто не посмеет трогать нас. Поэтому я вас прошу дать присланным мною ханам и кетхудам, для выступающего со мною в Теке отряда, в наем до пятисот верблюдов, собственно от вас (пятьсот же верблюдов прошу от ак-атабаев). Условия найма вам известны из прежних моих походов: за каждого верблюда плата в сутки 50 коп., вожаку также в сутки 50 коп., на 6 верблюдов один вожак; конному жалованья в месяц 10 руб.

В прошлом году вы уже оказали нам услугу, дав для отряда верблюдов; надеюсь, что и теперь не откажите; означенная плата настолько удовлетворительна, что в прошлом году, как вам известно, многие на полученные деньги могли купить столько же новых верблюдов, сколько дали в наем. Верблюды должны быть у Михайловского залива или у Кара-Дашлы к концу марта.

При этом предупреждаю: если кто окажет мне в этом деле помощь, того буду считать нашим другом, желающим служить великому ак-падишаху, пользоваться его великими ми-

---

* Состоящий при Управлении Закаспийского военного отдела всадник юнкер милиции Маха Магометов, о командировании которого в Теке было донесено начальнику Кавказского горского управления 23 декабря 1876 г. № 2828 и сообщено нашему посланнику в Тегеране 23 декабря за № 2823.

[1] Документ без подписи; обнаружен в виде «выписок», заверенных начальником канцелярии Закаспийского отдела майора Попова.

[2] Документ не датирован; датируется по дате ее препровождения начальнику Кавказского горского управления «в видах предупреждения недоразумений, неоднократно возникавших в прежнее время вследствие искажения персидскими чиновниками смысла писем моих к чарве туркмен-иомудов...» (ЦГИА Груз. ССР, ф 545, д. 5342, л. 5).

лостями и кочевать спокойно на его землях. Кто же откажет мне теперь в этом, тот значит сам не желает пользоваться этими милостями, и тому я никогда уже не позволю кочевать на нашей земле Северного Атрека. Для чего по занятии Кизыл-Арвата полагаю быть на Атреке, и приму там меры к удалению этих недоброжелательных (как нам, так и себе самим) людей из наших пределов, и, чтоб они никогда уже и в будущем не смели вкочевывать в эти пределы[1].

Начальник Закаспийского военного отдела
генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439,
лл. 107—108. Копия заверенная.

№ 144

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о взаимоотношениях между хивинскими властями и туркменами и их отношении к русским

28 февраля 1877 г.

Вопреки ожиданиям, после движения экспедиционного отряда по кочевьям туркмен, дела[2] в Хивинском ханстве идут далеко удовлетворительнее, чем я мог это предполагать[3]...

Хивинский хан продолжает жить в Ташаузе, вытребовав к себе из Хивы одну пушку и из южных городов ханства пеших стрелков. По слухам, хан рассчитывает пробыть в Ташаузе еще недели две и затем возвратиться в Хиву; чем дольше он проживет в Ташаузе, тем полезнее для дела, так как город этот действительно удобен по своей центральности

[1] В конце документа—приписка: «Письмо к ак-атабаям написано в таком же содержании, как и настоящее», т. е., что аналогичное письмо направлено было и ак-атабаевцам.

[2] Эта экспедиция имела целью упрочить положение хивинского хана среди туркмен. Касаясь результата экспедиции, генерал Иванов отмечал, что «хотя я и старался усилить влияние и значение хана, поднять его авторитет и приобрести ему симпатию туркмен, но результаты моих стараний едва ли велики. В то время, когда отряд был в ханстве, все примирело..., туркмены выразили хану свою покорность..., но достаточно было отряду уйти обратно, чтобы все началось по-прежнему». О ходе этой экспедиции подробно см. рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору от 17 февраля 1877 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 112—128).

[3] Далее следует не представляющее интереса описание трех случаев грабежа, в том числе ограбление иомудами «людей кушбеги».

между туркменскими землями. Я по возможности стараюсь убедить хана подольше не возвращаться в Хиву, так как там он опять обленится и бросит дело, теперь же, хотя и понемногу, но дело делается. Назначенные ханом люди живут между туркменами и собирают деньги как в остатки контрибуции, так и по грабежам, а равно и в ханский салгыт. В уплату контрибуции собрано ханом с туркмен и прислано ко мне 4994 руб. 30 коп.; на удовлетворение последних грабежей на правом берегу, кроме той 1 тыс. руб., о которой я доносил Вашему высокопревосходительству в рапорте № 727, еще 2 тыс. руб.

Хан сообщает мне, что он повесил двух туркмен, пойманных и обвиняемых в разбое, и держит под присмотром родственников туркменских воров, которые разъезжались из населения в пески. Частно мне известно, что хан повесил еще 2-х узбеков, пойманных и уличенных в воровстве, и что за поимку и представление к нему грабителей хан уплачивает награды по 50 тиллей.

Все туркмены, по заявлению хана и по словам приезжающих из ханства людей, слушаются хана и уплачивают деньги безотговорочно; с одними иомудами дело не клеится; там снова фигурирует Балям-Аталык, о котором я не раз упоминал в своих прежних донесениях Вашему высокопревосходительству. Балям—любимец иомудов и представитель народных интересов; его не терпят ханские чиновники и остальные туркменские старшины, так как он громко кричит о всех злоупотреблениях и один из первых являлся ко мне с просьбой от иомудов принять туркмен в русское подданство. В бытность мою на левом берегу, хотя я и вызывал Баляма к себе—он не явился, очевидно, опасаясь, так как я с отрядом в глазах населения выступил явным сторонником интересов хана. Когда отряд вернулся, Балям снова явился в население. Поймать хану Баляма едва ли удастся и кажется хан хорошо сделал, что поторопился объявить прощение Баляму, если он явится с покорностью и перестанет агитировать народ.

С наступлением весны начинаются хлопоты по очистке арыков и по пропуску воды из Аму-Дарьи. Оставаясь в Ташаузе, хан намерен лично наблюдать за очисткой арыков Шавата и Клычбай, дабы постараться устранить злоупотребления надсмотрщиков над рабочими, которые всегда имеют место; по приезде в Хиву, хан думает лично смотреть за работами по каналам Хазават и Полван-Ата. Вопрос о пропуске воды очень важный вопрос для туркмен, а потому можно наверное рассчитывать, что теперь туркмены постара-

ются поддерживать свои хорошие отношения к хану, а следовательно и в ханстве в течение весны и лета будет покойно, что для нас очень важно ввиду имеющих начаться с марта работ Уруп-Дарьинской ученой комиссии.

Начальник отдела генерал-майор Иванов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439, лл. 142—144. Копия заверенная.

№ 145

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о происках английской агентуры в Туркмении, провале попыток каджарских властей установить свою власть над Ахалом и положении в Ахал-Теке

2 марта 1877 г.

На прошлой неделе прибыли ко мне с изъявлением покорности и предложением услуг еще 9 ахал-текинских ханов и старшин из Геок-Тепе и других дальних текинских крепостей, расположенных вблизи Асхабада.

Во главе их прибыл с братом своим и известный Ханмамед-Аталык, один из самых значительных и влиятельных текинских ханов. Почетный титул аталыка (отец народа) дан был хивинским ханом еще его отцу и потом утвержден и за ним. С тем вместе им обоим поручено было ханом хивинским и управление ахал-текинцами, с предоставлением в их пользование в виде вознаграждения за это значительного участка земли в хивинских пределах. Но, впрочем, настоящий хивинский хан, недовольный на Ханмамед-Аталыка за преданность его Атаджану-тюря, приказал отобрать от него (еще до прихода русских в Хиву) фирман на этот титул и лишить права пользования пожалованной землей.

Поэтому-то, Ханмамед-Аталык, желая вернуть прежние милости хана, так усердно и деятельно хлопотал в 1875 г., как я доносил тогда Вашему превосходительству, чтоб ахал-текинцы были подчинены непосредственно хивинскому хану и чтоб ими управлял присланный для сего от хана чиновник Муса Мутавайли.

Затем Ханмамед-Аталык во всех народных текинских собраниях, совещаниях и решениях занимает, обыкновенно, первенствующую роль как ближайший родственник главного ишана и двух ханов-правителей в Ахал-Теке и как первый

оратор и политик в крае: по его совету и предложению избраны были настоящие четыре хана-правителя; он же, непосредственно, вел и последние переговоры с Абдул Хасан-ханом и с посланцем шаха персидского, бывшем недавно в Ахале для проверки заявления Абдул Хасан-хана относительно желания текинцев подчиниться власти шаха.

Этот посланец шаха прибыл в Кучан из Тегерана с месяц тому назад с теми 40 текинцами, которых Абдул Хасан-хан возил туда для представления шаху в качестве кетхудов депутатов. С ними, как утверждает Ханмамед-Аталык, прибыл в Кучан и буджнурдский (курдский) ильхани Ермамбет-хан[1] с английским капитаном Непиром[2].

Они приглашали в Кучан всех ахал-текинских ханов и старшин на большое совещание и чтоб передать им волю шаха; но никто на это приглашение не поехал, а послали сказать, что если посланец шаха имеет к ним дело, то может сам приехать в Ахал, вследствие чего тот и прибыл вскоре в Карыз, в аул Нурберды-хана.

Переговоры с ним текинцы поручили вести Ханмамед-Аталыку. На вопрос посланца—действительно ли текинцы намерены, как заявил Абдул Хасан-хан, подчиниться шаху, Ханмамед-Аталык, сам просил его: а исполнил ли он то, что обещал? Освободил ли текинских пленных, прислал ли жалованье и обещанные деньги кетхудам, феррашам и конным? Посланец вместо ответа вывернул свои пустые карманы, чтоб показать что у него у самого нет ни крана. На этом переговоры и кончились.

Слухи, что будто бы с этим посланцем поехали в Тегеран четыре текинских хана, оказались ложными. Это подтвердил и приехавший с Ханмамед-Аталыком Софи-хан*.

При этом Ханмамед-Аталык сообщил чрезвычайно интересные сведения о капитане Непире, который из Кучана хотел проехать в Ахал-Теке и предлагал большие деньги тем, кто его проведет туда, но никто из курдов не решился. После этого Ермамбет-хан взялся было доставить его в Карра-Кала (что подле Кизыл-Арвата) и они доехали уже до Гермаба, где встретили несколько карра-калинских гёкленов, которые сообщили, что подле Карра-Кала бродят большие партии иомудов и что их могут там убить, поэтому капитан Непир должен был возвратиться в Кучан. Оттуда он пригласил к себе

[1] Так в тексте; видимо, речь идет о Яр Мухаммед-хане.
[2] Слова «английским... Непиром» подчеркнуты.
* Правители курдов: ханы буджнурский, кучанский и дерегезский, хотя официально и убеждают текинцев подчиниться шаху, по секрету подговаривают их по-прежнему грабить и разорять персов, будучи сами тем заинтересованы.

одного из четырех ахал-текинских ханов-правителей, Ораз Мамед-хана, с которым он познакомился в Кучане еще в 1874 г. Ораз Мамед-хан не решился ехать в Кучан, и капитан Непир виделся с ним в Тавризе (пограничная курдская крепость). Там он сделал Ораз Мамед-хану богатые подарки, в числе коих несколько дорогих ружей, причем убеждал его склонить свой народ подчиниться шаху.

Таким образом, по этим сведениям, оказывается, что капитан Непир за эту последнюю свою поездку объехал почти весь Дагестан[1] (горная страна севернее Атрека, в наших пределах населенная курдами), причем везде производил съемки. Но до Карра-Кала, как сообщено было Астрабадскому консулу, капитану Непиру доехать не удалось.

Сверх сего прибывшие текинские ханы сообщили еще мне, что за последнее время в Ахале снова возгорелась прежняя кровопролитная вражда между Курбан Мурад-ишаном и Нурберды-ханом; было уже несколько стычек, а также несколько убитых и раненых с обеих сторон.

По поводу предстоящего нашего похода в Кизыл-Арват в Теке вообще большой переполох. Ханмамед-Аталык, Тыкма-сардар и другие преданные нам ханы стараются успокоить народ, но поручиться могут только за свои аулы, что те останутся на месте. Ханмамед-Аталык и прочие текинские ханы советуют мне объявить, что кто из текинцев при этом убежит, тот лишится земли; но, в видах успокоения народа считаю это совершенно излишним: если некоторые и уйдут, то не надолго.

Между тем, из дальнего Ахал-Теке, как я доносил уже Вашему превосходительству, действительно собирался в Красноводск недавно большой торговый караван, который вернулся вследствие разнесшихся перед тем слухов (оказавшихся ложными) о намерении иомудов захватить этот караван*.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1439.
лл. 152—156. Подлинник.

№ 146

Донесение российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о разведывательной деятельности английского военного агента среди туркмен

17 марта 1877 г.

28 минувшего февраля мною было получено известие о прибытии из Тегерана в Хамган великобританского военного

[1] Видимо, Дахистан.

* Прибывшие же сюда текинские купцы из Беурмы с караваном из 30 верблюдах (рапорт мой № 394) отправились отсюда за товарами в Баку.

агента капитана Непира и выезде его в долину Чамени-Савар, находящуюся между гор на ю-з от Астрабада.

Через несколько дней капитан Непир прислал в Астрабад своих людей афган за разными покупками, сам, по причине сильных холодов и снега в горах, спустился из долины Чамени-Савар, расположившись со своими палатками на небольшой возвышенности Челерз, ближайшей к деревне Кяфш-Рири, всего в трех с небольшим фарсахах от Астрабада. Упомянутая деревня, лежащая на юго-запад от города, расположена в самом незначительном расстоянии от степи и места нахождения кочевьев туркмен племени Атабай.

Наем на продолжительное время проводника из астрабадских милиционеров, от которого требовалось знание горных проходов и указание местностей, наиболее пригодных для охоты, а также распоряжение г. Непира о присылке к нему корреспонденции из Тегерана с пешим нарочным в Джеган-Нума, в горах также на юго-западе от Астрабада доказывают, что он намерен остаться в этой местности известное время, посвятив его будто бы охоте, не заезжая, однако, в город, на что, по словам находящегося здесь английского агента, г. Непир не имеет разрешения от великобританского посланника. Неизвестно также, отправится ли г. Непир отсюда на Шахруд и далее в Хорасан, как то первоначально предполагалось, или же возвратится в Тегеран.

Если предшествовавшая поездка г. Непира на с.-в окраины Хорасана могла иметь целью установление сношений с туркменами-теке, то выбор настоящей местности, ближайшей на Астрабад и кочевьям туркмен—теке и атабаев, с расчетом на продолжительное в ней пребывание даст ему, конечно, возможность следить за приготовлениями к предстоящему движению наших войск в Теке, сбором и наймом верблюдов от туркмен, а также иметь сведения о нашем движении.

О вышеизложенном я счел долгом почтительнейше довести до сведения вашего пра-ва.

Консул в Астрабаде надворный советник Бакулин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440,
лл. 39—40. Копия рукописная, заверенная.

№ 147

Из донесения русского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику о происках каджарских властей в отношении Мерва

17 марта 1877 г.

В Мешхеде, судя по известиям, полученным оттуда от 6-го минувшего февраля, от приезжих из Кабула имеются

сведения о прибытии в Афганистан из Бухары русского уполномоченного и выезде английских агентов, которым будто бы эмир Ширали-хан предложил удалиться, но они, не оставляя Афганистана, расположились в расстоянии трех переходов от Кабула.

По тем же сведениям, находящиеся в Мешхеде туркменские старшины, о прибытии и намерениях коих я имел честь доводить до сведения вашего пр-ва донесением от 8-го минувшего февраля с. г. за № 22, одарены халатами и должны были выехать в сопровождении или Насрулла-хана Джами или же Мир Маасум-хана Ишик Агаси Баши, имевших отправиться с ними в Мерв для переговоров с туркменами, в случае успеха у коих, желающие переселиться будут водворены в Старом Серахсе, правителем коего предположено назначить одного из вышеупомянутых лиц[1]...

Консул в Астрабаде надворный советник Бакулин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440.
лл. 37—38.

№ 148

Донесение российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о ввозе иностранного оружия и товаров в Туркмению

17 марта 1877 г.

В большинстве прежних отчетностей, представляемых из вверенного мне консульства в Императорскую миссию о числе транзитных товаров, доставляемых из Баку в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции, показаны привозимыми на Гязский берег Астрабадского залива разного рода огнестрельное оружие и пистоны иностранной выделки[2]. В последнее же время замечен вывоз с Гязского берега в Туркестанскую степь доставленных транзитом европейских мануфактурных товаров.

Оба вышеизложенных обстоятельства заслуживают внимания в том отношении, что в первом случае огнестрельное оружие иностранного изделия, по общему отзыву самих туземных торговцев, если не все, то в значительной части распродается туркменам, приобретающим его или через посредство лиц, имеющих с ними торговые сношения, или же от местных жителей, гулямов и милиционеров, для которых подобная перепродажа представляет значительные выгоды.

Что же касается до европейских товаров, доставляемых транзитом и следующих в Туркменскую степь, то таковое их назначение доказывается именами туркмен-товарополучателей и, наконец, самим вывозом означенных товаров на Серебряный Бугор (Гемюш-Тепе).

Таким образом, если 2237 статьей VI т. Св. Зак. (Уставы таможенные) запрещен вывоз в Персию огнестрельного оружия, то при возможности для туркмен приобретать таковое же, доставляемое из Баку транзитом, означенное запрещение не достигает цели, а между тем, дешевизна оружия иностранной выделки делает его для всех доступным.

Торговые караваны, следующие с ю. в. Каспийского прибрежья в Хиву, отправляются все с Серебряного Бугра. С ними, астрабадскими торговцами, высылаются иностранные мануфактурные товары, доставляемые с Гязского берега на Серебряный Бугор сухим путем. Допуская же туркмен-товаровладельцев к вывозу на лодках на Серебряный Бугор иностранных мануфактурных товаров, предназначаемых, конечно, не для скромных потребностей кочевников, тем самым облегчается подвоз их к месту отправки в Хиву, где они своей дешевизной могут соперничать с нашими изделиями в ущерб сим последним.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрение Вашего пр-ва, я счел необходимым присовокупить к сему выписку из книги актов вверенного мне консульства за текущий год как о количестве огнестрельного оружия, доставленного транзитом, так равно и об иностранных товарах, привезенных в Астрабадский залив на имя туркмен[1].

Консул в Астрабаде надвор. совет. Бакулин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440,
лл. 11—13.

[1] Далее следуют не представляющие интереса сведения о событиях в Хорасане, в частности в Мешхеде.

[2] Касаясь назначения этого оружия, генерал Ломакин не без основания считал, что оно доставляется в Туркмению «для действий со временем против нас». ЦГВИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440. л. 8.

[1] Эти выписки из книги Актов; см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1437, л. 12.

№ 149

Из письма российского консула в Астрабаде начальнику Закаспийского военного отдела о происках английской агентуры в Туркменской степи

20 марта 1878 г.

Благосклонное письмо Вашего превосходительства, от 16 минувшего февраля, я имел честь получить 18 текущего и если бы не спешное отправление отношения моего за № 125, то я выслал бы к Вам копию со всех моих донесений, отправление которых приходится отложить до парохода.

Сообщая Вашему превосходительству о поездке капитана Непира, я считаю долгом заметить, что офицер этот, посетивший уже однажды туркменские кочевья, известен за человека весьма искусного и способного, а потому надо предполагать, что поездка его не останется без результатов. Насколько возможно я установил надзор за его действиями, но Вам скорее и удобнее можно узнать собственно те предложения, с которыми г. Непир стал бы обращаться к туркменам...[1]

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154,
лл. 183—184.

№ 150

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о взаимоотношениях с туркменами-текинцами Ахала[2]

1 апреля 1877 г.

...Хотя я и не придавал сначала особого значения приведенным выше слухам о намерении текинцев напасть на наших верблюдов, но только что прибывшие последние наши хивинские нарочные сообщили, что они видели у Туфа следы большой партии конной и на верблюдах, направлявшейся из Теке к северной части Карабугазского залива.

Разбойники из заатрекских туркмен-чомуров недавно

[1] Далее следует не относящееся к теме сборника описание положения в Астрабадской провинции: документ без подписи.

[2] Начало документа, посвященное описанию передвижения войск, особого интереса не представляет.

напали на следовавшего ко мне брата Тыкма-сардара Текинского Рахт-сардара, опасно его ранили и ограбили.

Уведомляя меня об этом, Тыкма-сардар присовокупляет, что к нашему приходу в Кизыл-Арват, его аулы так же, как и аулы ближайших к нам крепостей Беш-Кала, намерены оставаться спокойно на своих местах. Из прочих же дальних крепостей одни хотят бежать в пески, другие же— встретить нас с оружием.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438,
лл. 7—8.

№ 151

Донесение российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о неудаче каджарских властей подчинить Мерв

4 апреля 1877 г.

В дополнение к донесению моему от 17 минувшего марта с. г. за № 76 о туркменских старшинах, приезжавших в Мешхед, имею честь почтительнейше довести до сведения вашего пр-ва, что означенные туркмены, как сообщает от 9-го минувшего марта наш торговый агент в Мешхеде, богато одаренные шахзаде Руки уд-Довле, отправились в сопровождении Насрулла-хана Джами в Мерв для окончания переговоров о переселении их к Старому Серахсу, которые, однако, по-видимому, не привели ни к каким результатам.

В Мерве туркмены отказались признать своими уполномоченными старшин, бывших в Мешхеде, а каждодневные народные сборища в присутствии одного из влиятельных текинских ханов Коушут-хана проходят в бесполезных рассуждениях. Насрулла-хан, как говорят, сообщил шахзаде[1] Рукн уд-Довле, что орудий, захваченных во время неудачного похода персидских войск против Мерва, которые туркмены обещали возвратить, не оказывается[2], и что он поставлен в крайне затруднительное положение уклончивостью с проволочками туркмен.

По другим известиям из Хорасана, в Мешхеде возобнов-

[1] «Шахзаде», точнее: «шах-заде»—принц.

[2] Речь идет о захваченных во время разгрома каджарских войск мервскими туркменами под Мервом иранских орудий.

ляются толки о военных приготовлениях эмира Шир Али-хана, направленных будто бы против Мерва, и недавно получены сведения из Афганистана о намерении Англии подчинить себе племена белуджей в Келате-Насир, соседнем с Сеистаном.

Консул в Астрабаде надворный советник Бакулин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, л. 30.

№ 152

Донесение российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о разведывательной деятельности английских агентов в Туркмении

4 апреля 1877 г.

Капитан великобританской службы г. Непир, после кратковременной остановки на возвышенности Джехан-Нума, отправился в округ Хезарджериб на запад от Астрабада, более близкий к морю. За время нахождения своего в Челерзе и Джехан-Нума г. Непир неоднократно присылал своих людей к находящемуся здесь английскому агенту, и, несомненно, получил от него сведения о найме у туркмен верблюдов для предстоящего движения наших войск к Кизыл-Арвату.

По наведенным мною справкам и расспросам объяснилось, что здешний английский агент получает сведения о положении дел в степи от одного из туркмен племени атабай, рода дугунчи, Бек Мурада, который, сколько можно предполагать, пользуется вознаграждением за свои сообщения. От названного туркмена, не имеющего в среде своих однокочевников какого-либо особого выдающегося положения, английский агент получил известия о найме верблюдов у племени джафарбаев и атабаев, а также и о том, что движение в Кизыл-Арват предпринимается с целью постоянного занятия этой местности.

В Астрабаде в среде населения приготовления к движению наших войск не возбуждают прежнего интереса, как то было при начале наших рекогносцировок. К найму верблюдов, сколько известно, не встретилось препятствий со стороны туркмен и только лишь один Муса-хан ак-атабай, служивший в 1874—75 гг. генерал-майору Ломакину, а ныне находящийся на службе у шахзаде Джансуза-Мирзы, заявлял несогласие дать в наймы верблюдов для отряда, ссылаясь на то, что владельцы их теряют много этих животных, поручая их в походе надзору погонщиков. Кроме того, Муса-хан находил необходимым иметь разрешение от шахзаде для отдачи верблюдов в наймы, желая тем, конечно, высказать особую свою преданность губернатору.

Обо всем вышеизложенном я счел долгом почтительнейше довести до сведения Вашего пр-ва.

Консул в Астрабаде надворный советник Бакулин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 24—25. Копия рукописная, заверенная.

№ 153

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о ходе подготовки Кизыл-Арватской экспедиции и отношении туркмен к ней

8 апреля 1877 г.

Передовая колонна вверенного мне отряда, о выступлении которой из Красноводска я доносил Вашему превосходительству в рапорте от 1 апреля за № 905, благополучно высадилась в Михайловском заливе 2 апреля, хотя по пути была и задержана около суток в этом заливе вследствие сильного противного ветра. Затем 3-го числа Дагестанский батальон прошел в Молла-Кара. Состояние здоровья людей превосходно; больных ни одного. Перед выступлением все люди были тщательно освидетельствованы и слабые оставлены в Красноводске.

В Молла-Кара колонна эта застала уже высланную вперед из Красноводска сухим путем 1/2 сотню казаков с ракетным взводом и до 550 верблюдов, нанятых у чарвы наших джафарбаевцев[1]. Ак-атабаевцы же, кочующие в наших пределах, с одной стороны, подстрекаемые, как говорят, персидскими пограничными чиновниками, а с другой стороны, угрожаемые текинцами, духовные лица коих за последнее время постоянно посещали нашу чарву, уговаривая туркмен не давать нам для предстоящего перехода в Теке верблюдов и на этот раз, как в прошлом году, обманули нас, прислав вместо 500 всего 30 верблюдов. По устройству дел в Теке

[1] В тексте везде неправильно: «чорва».

их необходимо будет наказать в пример другим за их постоянное ослушание и вероломство против нас в течение семи лет, о чем из Кизыл-Арвата я донесу Вашему превосходительству подробно и буду просить разрешения его высочества.

При сборе верблюдов в чарве, кроме ханов и старшин джафарбаевских, нам особенно много содействовал переводчик Астрабадской морской станции Рафаил Езнаев (произведенный за отличие при рекогносцировках 1875 г. в чин коллежского регистратора). По моему распоряжению он более двух месяцев пробыл в чарве и, переезжая из аула в аул, из кибитки в кибитку, старался всеми мерами склонить туркмен к найму у них верблюдов. При нем атабаевцы дали клятву старшинам дать нам верблюдов, но изменили.

Между прочим, Езнаев мне пишет, что прибывшие из Теке в чарву духовные лица рассказывали иомудам, что в Теке собирается против нашего отряда большое скопище, но я не имею об этом прямых сведений и склонен полагать, что этот слух распущен был единственно с целью запугать туркмен и отклонить их от дачи нам верблюдов*, в чем по отношению к атабаевцам они и успели[1].

Генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 11—14.

№ 154

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о ходе подготовки к Кизыл-Арватской экспедиции и действиях текинцев[2]

21 апреля 1877 г.

...В рапорте от 1 апреля № 905[3] я доносил Вашему превосходительству, что наши хивинские нарочные видели следы большой текинской партии, пробиравшейся к северной части Карабугаза. Партия эта в числе 200 человек конных и на верблюдах действительно обогнула с севера Карабугаз и около Кара-Сингира, как надо полагать, поджидала мангышлакских верблюдов, рассчитывая, вероятно, что они следуют с недостаточным прикрытием. Посланные мною люди зорко следили за нею и она едва не попала в западню, в узком проходе между Карабугазом и морем, но, к сожалению, в то время, когда подполковник Навроцкий шел от Бузата, а сотник Ловшаков навстречу ему от Карабугаза, причем между ними необходимо было поддерживать частые сношения, текинцам удалось перехватить двух наших нарочных; одного, посланного от подполковника Навроцкого, а другого—к нему; узнав же от этих нарочных о движении наших войск и о числе их, текинцы обратились в самое поспешное бегство, оставив на месте четырех лошадей, несколько верблюдов, коров, посланные в погоню за ними казаки и всадники не могли настичь их. Вчера же мне сообщили в виде слуха, что этой же партией на обратном пути захвачены и два нарочных, ехавших ко мне с почтой от начальника Аму-Дарьинского отдела[1].

Генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 17—20.

№ 155

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о ходе Кизыл-Арватской экспедиции и антирусской деятельности каджарских властей и английской разведки[2]

29 апреля 1877 г.

...Недели три не имею никаких сведений из Теке. Последние текинские лазутчики, выехав оттуда тайком, боятся возвратиться одни домой и следуют при отряде. Они, между прочим, сообщили, что дальние текинцы грозили огра-

---

* Между прочими слухами текинские хаджи, прибывшие недавно из Константинополя, распустили в народе, что турки перебили уже всех русских, осталась лишь горсть их в Красноводске.

[1] Далее следуют не представляющие интереса данные о ходе движения колонны подполковника Навроцкого и другие сведения того же характера.

[2] Начало документа, посвященное описанию движения Мангышлакской колонны к Красноводску, особого интереса не представляет.

[3] Документ полностью в ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 7—8.

[1] Далее следуют не представляющие интереса данные о ходе движения отряда, его снабжении и т. д.

[2] Начало документа, посвященное описанию перехода отряда из Красноводска в Айлын, интереса не представляет.

бить и разорить преданных нам, по-видимому, ближних текинцев, если эти последние при нашем приближении не удалятся в пески за Беурму, чем и объясняется, что от них никто не выезжает к нам до сих пор навстречу. Все это в связи с намерением дальних текинцев (из Геок-Тепе) захватить наших мангышлакских верблюдов и с задержанием ими наших нарочных (рапорт мой № 1118) может служить указанием, что едва ли мы можем ожидать в Кизыл-Арвате особенно радушный прием,

Мы со своей стороны сделали все, чтоб дело это приняло желательный оборот, мы не щадили для сего никаких усилий, не жалели никаких средств, и; если только не вполне успеем в этом, то единственно вследствие этой крайней подозрительности и этого обычного общего в здешних среднеазиатских степях недоверия к самым благим намерениям и видам нашего правительства, а с другой стороны, вследствие этих постоянных интриг и происков наших добрых соседей через их усердных агентов (персидские пограничные чиновники и капитан Непир), о чем я доносил уже Вашему превосходительству прежде...[1].

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 26—28. Подлинник.

№ 156

Письмо Тыкма-сардара начальнику Закаспийского военного отдела об установлении регулярных отношений с командованием русских войск

30 апреля 1877 г.

Прежде я посылал к Вашему превосходительству Рахт-сардара, с которым по дороге случилось то, что и Вам уже известно, потом опять я послал к Вам Бабу и от него никакого известия нет. Караван мой возвратился, с ним я получил самовар, который служит мне памятью. Вы говорили, чтобы иметь частное сношение, но от посланных мною людей долго не имею сведений. Хал Назара и Дурды Мурада посылаю к Вам и прошу Вас вскоре возвратить их. Ожидаем Вашего совета и дальнейших приказаний. Посылаю караванбаши Хал Назаром один ковер.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, л. 38.

[1] Далее следует не представляющее интереса ходатайство об усилении отряда войсками. Якобы для обеспечения работ экспедиции полковника Петрусевича.

№ 157

Письмо Ших Кули-хана начальнику Закаспийского военного отдела о положении в Ахале, признания им русского влияния в деятельности английской агентуры в Туркмении

30 апреля 1877 г.

Текинцы, пожелав быть в союзе с Персией, отправили туда 24 человека старшин. По дошедшим до нас слухам, отец Абдул Хасан-хана их задержал и до сих пор не имеем от них точного сведения. Яр Мамед-хан прибыл в Аркадж, но текинцы отказали ему в дружбе, объявили ему полную вражду. Яр Мамед-хан назначил Ата Назар гёклена для сопровождения английского агента по имени Саф, который приехал с целью производить съемки. Я в это время был в крепости Кара-Кала и объявил ему, что места эти принадлежат великому ак-падишаху, и от местности, называемой Ак-Кая, возвратил его обратно, сказав ему, что съемки этих местностей до него были произведены генералом Ломакиным.

В честь Вашу, в местности Бендесене хотели устроить крепость, но жители Бами в этом помешали нам и мы в настоящее время находимся там. Письмо Ваше мы получили. За других текинцев положительно не ручаемся, но мы, с своим народом, не убегая от Вас, будем располагаться на своих местах. Какие будете иметь до нас приказания, мы их исполним. С этим посылаю к Вам Кара-Батыра.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, л. 35.

№ 158

Письма Софи-хана начальнику Закаспийского военного отдела об отношении «ближних текинцев» к движению русских войск в Ахал

30 апреля 1877 г.

Наши люди, увидав отряд в Молла-Кара, дали нам знать о движении войск к нам в Теке. В крепостях: Кизыл-Арват, Бами и Беурма, жители, надеясь на Вас, расположены на

своих местах: посоветовавшись с Тыкма-сардаром, отправили при сем к Вам караванбаши Халназара и Дурды Батыра для получения от Вас приказаний, которые будут исполнены мною с большой радостью.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, л. 36.

№ 159

Письма текинских ханов: Софи-хана, Ших Кули-хана, Тыкма-сардара и Караджа-хана начальнику Закаспийского военного отдела об их готовности встретить русские войска и служить русским

5 мая 1877 г.

Посланные нами нарочные к Вашему превосходительству, возвратились скоро к нам благополучно, за что премного благодарны. Наши крепости* считайте вполне Вам покорными и их жителей всегда готовыми исполнять все Ваши приказания.

Хотя наши люди, будучи дики и запуганы, отошли в Коджу, но мы, надеясь на Вас, остаемся во главе народа к Вашим услугам; конечно, не будь нас там, народ стал бы бояться еще более, — вследствие чего мы остались здесь. Прикажите приехать — мы готовы, жители наших крепостей, посоветовавшись, уполномочили Худай Берды-хана, которого и посылаем к Вам с просьбой дать нам совет: от крепости Бами посылается к Вам Матлы-хан, а из Беурма-Караджа — Ак-сакал; покорнейше просим Ваше превосходительство и надеемся, что наших посланных старшин вскоре возвратите обратно, чтобы успокоить наших детей и семейства. К сему приложены печати: Овез Мурад-сардара, Софи-хана, Ших Кули-хана и Караджа-хана.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, л. 33.

№ 160

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о занятии царскими войсками Кизыл-Арвата

8 мая 1877 г.

Вчерашнее число благополучно занят нами Кизыл-Арват, во всем согласно данных мне его высочеством указаний, из-

* Кизыл-Арват, Кодж, Зау, Бами и Беурма.

ложенных в секретном предписании Вашего превосходительства 6 ноября прошлого года № 28, т. е. не прибегая к оружию и удержав на своих местах население ближайших текинских крепостей.

Из представляемых при сем писем ханов и старшин этих крепостей*, Ваше превосходительство изволите усмотреть, что жители этих крепостей изъявляют нам полную покорность, готовы всегда служить нам и ожидают наших приказаний, что подтвердили и явившиеся ко мне вчера от них ханы и старшины. Но при всем том жители Кизыл-Арвата под впечатлением, вероятно, паники 1872 г. отошли отсюда верст за 30 к Коджу, и мы застали здесь одних лишь караульщиков полей. Старшины, впрочем, уверяют, что через несколько дней ко времени жатвы все их люди вернутся сюда. Говорят, дня за два до нашего прихода мимо Кизыл-Арвата пронеслось громадное стадо в несколько тысяч куланов; народу показалось, что обскакивает его наша кавалерия, и все пустились бежать, бросая и зарывая в песок пожитки.

От Айдына к Кизыл-Арвату я провел теперь отряд не по прежней маловодной дороге на Казанджик, а несколько севернее по окраине песков: на Ахча-Куйма (26 вер.), Шигак (26 вер.), Капланлы (18 вер.), Кутун-Куйма (17 вер.) и затем на юго-восток к Аджину (34 вер.), откуда до Кизыл-Арвата 20 верст. По этой дороге воды, корма и топлива везде имеется в большом изобилии.

Самый же Кизыл-Арват, к сожалению, далеко не оправдал наших ожиданий — когда-то это, может быть, и была крепость, были и стены, и даже цитадель, но теперь это скорее загон для скота. Стены большей частью размыты, разрушены и так тонки, что при малейшем напряжении валятся; тут невозможно поместить людей, и я расположился лагерем ближе к горам, отправив сего дня же в рекогносцировку кавалерию подполковника Навроцкого для осмотра и выбора по окрестным высотам другого более соответствующего и удобного лагерного места. При этом, одно из самых главных и существенных неудобств здесь — совершенный недостаток топлива и корма верст на 20—30 кругом.

Со стороны дальних текинцев, сидящих между Арчманом и Геок-Тепе, мы не имеем еще никаких положительных сведений; говорят, что некоторые духовные лица там возбуждают народ к вражде против нас, собирают будто бы партии с целью отбить у нас верблюдов, отвести воду и пр., но пока еще ничего точного и определенного нет, как о том сообщили мне наши ближние текинцы.

* Кизыл-Арвата, Кодж, Зау, Джанги, Кизыл-Чешме, Бами, Беурма.

С одной из последующих почт, при ближайшем и более тщательном ознакомлении с местными здешними условиями и обстоятельствами края, я не замедлю представить Вашему превосходительству на основании означенного выше предписания № 28 для доклада его высочеству подробные соображения мои, вытекающие из занятия нами теперь Кизыл-Арвата.

Сейчас вернулся с рекогносцировки подполковник Навроцкий и привез самые неутешительные сведения: топлива кругом верст на 30 нет нигде, а также и более удобного лагерного места. Между тем жара стоит ужасная и несколько дней уже нас преследует удушливый восточный ветер, вроде самума.

Впрочем, общее состояние здоровья людей пока хорошо: больных 30, трудного ни одного.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 30—32.

№ 161

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о помощи царских войск в укреплении власти хивинского хана над туркменами

9 мая 1877 г.

Хан в письмах ко мне и через своих людей не перестает благодарить за то участие, которое Ваше высокопревосходительство принимаете в его делах к водворению порядка и спокойствия между туркменами, что в особенности, как он заявляет, удачно достигнуто в эту зиму мирным движением отряда в туркменские кочевья.

В письмах ко мне хан говорит: «по милости всемогущего бога и помощи могущественных русских войск, некоторые туркмены, занимавшиеся воровством, схвачены и преданы смертной казни; другие и, между прочим, известный Аймаккель бежали в Теке. Иомуды сами представили головы известных воров Ораз-Казы и брата Мат-Ораз Комека, човдуры Бекджан и Мухаммед Рахим, виновные в грабеже жителей правого берега у переправы Ирназар*, также казнены. Никогда, со времени существования Хивы, не было видано и слыхано, чтобы иомуды выдавали своих родичей, но все это совершилось вследствие прихода войск под начальством бывшего начальника Отдела». В письме на имя генерал-майора Иванова, отправленном, по просьбе хана его превосходительству в Самарканд, хан просит не отказать засви-

* Первый из грабежей, вызвавший движение отряда на левый берег.

детельствовать Вашему высокопревосходительству свою благодарность за разрешение отряду перейти для усмирения туркмен.

Со времени отправления последнего рапорта о положении дел в Отделе и ханстве о грабежах со стороны Мерва и Ахала не слышно; оттуда и с Гургана недавно приезжало в Хиву много купцов для продажи верблюдов и баранов.

В Шураханском участке временно вверенного мне Отдела, вследствие предписания Вашего высокопревосходительства от 6 апреля за № 2990, только что приступлено к устройству организации волостей и поземельной и податной реформ, выработанных организационной комиссией.

О ходе введения нового положения буду иметь честь доносить Вашему высокопревосходительству.

Полковник Гротенгельм

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 2—3.

№ 162

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о нападении текинцев на Красноводский отряд и их разгроме

14 мая 1877 г.

В последнем донесении № 8 я докладывал Вашему превосходительству о тревожных, хотя и не выясненных еще тогда сведениях из дальнего Ахал-Теке.

После этого донесения в течение четырех дней никто не являлся из ближних текинцев, между тем ханы их должны были быть у меня еще 10-го числа, что невольно возбуждало подозрения.

Перед вечером 11 числа за дальними Кизыл-Арватскими горами показалось густое облако пыли по направлению к ущелью Ялчи-Ата, выходящему на плоскость к юго-западу от лагеря, верстах в пяти.

Поэтому я приказал подполковнику Навроцкому с рассветом 12 числа с двумя сотнями казаков и двумя сотнями милиции осмотреть предварительно это ущелье и затем уже выпустить из лагеря табун под прикрытием 9-й Дагестанской роты, которая должна была следовать за кавалерией и остановиться против названного ущелья, пройдя от лагеря версты четыре; в случае же встречи с неприятелем, подполковник Навроцкий должен был отступить к лагерю.

В 4 1/2 часа утра войска эти выступили из лагеря, а в 5 1/2 часов со стороны Ялчи-Ата раздались первые выстрелы, вследствие чего я немедленно двинул туда бегом 3-ю Самурскую роту и взвод горных орудий.

Подполковник Навроцкий, подойдя к ущелью Ялчи-Ата и пройдя по оному около версты, стал выбирать место для конного пикета и в то же время послал вперед по ущелью шесть туркмен и шесть киргизов для осмотра дальнейшей местности, предложив с этой же целью подняться на соседнюю гору и войсковому старшине Арнольди.

Лишь только названный штаб-офицер поднялся на гору, как заметил за ней, по всем соседним оврагам и буграм громадное скопище текинцев при 2-х значках, простирающееся (по удостоверению впоследствии пленных) от 5 до 6 тысяч. Тут были пешие и конные со всех текинских крепостей, дальних и ближних, все их ханы ишаны и аксакалы*.

Возбуждаемые своими духовными лицами, из коих некоторые недавно вернулись из Мекки и Константинополя, все дальние текинцы поклялись умереть или уничтожить наш небольшой отряд; без боя же, как того требует коран не отдавать нам и клочка своей земли. Силою они заставили следовать с собой и текинцев ближних крепостей со всеми их ханами и старшинами.

Как оказалось после, план их был следующий: пробравшись скрытно в ущелье Ялчи-Ата, они полагали броситься оттуда с частью конных на наш табун верблюдов и погнать его в пески, а когда наша кавалерия начнет преследовать угнавших табун, броситься на нее всем скопищем и задавить массой, так как их при этом было бы раз в 20 более. Отбив же таким образом всех наших верблюдов и истребив кавалерию, они полагали занять Кизыл-Арватское ущелье и, пользуясь малой доступностью оного и тем, что туда нельзя проникать с артиллерией, запрудить в оном речку и отнять воду, которой пользуется отряд; между тем сотни две должны были отрезать нам всякое сообщение с Красноводском. План был составлен хорошо, и удайся он, мог поставить нас в крайне и безвыходное положение. Но господь спас нас!

Они полагали приступить к этому делу совершенно скрытно и потому были сильно озадачены появлением наших войск в ущелье, чего они никак не ожидали.

Но, во всяком случае, положение нашей кавалерии в начале боя было самое критическое: текинцы, пользуясь громадным превосходством сил (20 на 1-го), с пронзительным визгом неистово бросались на казаков, пытаясь несколько раз охватить их со всех сторон; но каждый раз убийственный

* При этом скопище за горой было, говорят, до 3 тыс. верблюдов.

огонь берданок, хладнокровие, энергия, мужество и распорядительность подполковника Навроцкого сдерживали эти отчаянные натиски текинцев и тем спасли эту горсть храбрецов, пока подбежала пехота: сначала 9-я Дагестанская рота, а потом третья Самурская с горной артиллерией.

Как только показалась пехота, по всему скопищу пронеслось пиада, пиада! Непрерывные страшные залпы нашей пехоты поразили и озадачили текинцев, но, несмотря на это, они все еще продолжали отчаянно наседать и на пехоту, хотя после каждого залпа и бросались назад, теряя много людей.

С первыми залпами пехоты я двинулся из лагеря к месту боя бегом же, еще две роты: 11-ю Дагестанскую и 8-ю Апшеронскую и взвод полевых орудий. Затем надобно было и в самом лагере опасаться нападения как со стороны гор, так и по прямой Текинской дороге.

С прибытием на место боя новых двух рот, и главное, полевых орудий, текинцы стали наседать уже слабее. Артиллерия действовала превосходно. Первую же (карточную) гранату разорвало с дистанции 3-х верст как раз над головами огромной массы текинцев, где стояли большей частью их ханы, и перебило, говорят, при этом значок предводителя их Нурберды-хана. Редко на практике можно видеть такое превосходное и удачное действие артиллерии: после каждого выстрела массы текинцев так и бросались во все стороны. Но все же почти четыре часа длился этот упорный и ожесточенный бой и в течение этих четырех часов почти непрерывно раздавались самые учащенные залпы пехоты и огонь артиллерии. Я никогда еще не видел и не слышал такого частого убийственного огня.

Наконец, текинцы убедились, что они не могут стоять против нашего орудия и обратились в самое поспешное бегство. «Наши пули, — говорили потом их пленные, — и на половину не доносило до вас, а ваши еще перелетали, как же мы могли устоять».

Когда неприятель начал отступать, значительная часть его направилась было мимо лагеря в Кизыл-Арватское ущелье, но тут мы их встретили столь же метким огнем артиллерии из лагеря.

В 9 1/2 часов утра бой окончился; неприятель отступал столь поспешно, что оставил на месте, вопреки священного своего адата, более 60 трупов, много лошадей, оружия и съестных припасов.

Подполковник Навроцкий преследовал его сколько можно по этой местности, покрытой глубокими, непроходимыми для артиллерии, оврагами.

По показаниям четырех захваченных нами пленных, а также приехавших ко мне после текинцев и кара-калинских бек-

ленов неприятель в этом деле одними убитыми потерял до 200 человек. Из этого можно судить сколько раненых.

Благодаря дальности и действительности нашего огня, мы имели при этом всего 11 раненых* и одного убитого**.

Неприятель так боялся, что мы будем его преследовать, что в тот же день бежал уже в Зау, где остановился только на час, а к утру 13-го был в Беурме (60 верст), откуда это скопище, говорят, тогда же и разбрелось по своим крепостям.

Дело это, убедившее текинцев (самое воинственное племя в здешних степях), что они не могут стоять против нашего орудия, произвело, говорят, на них потрясающее впечатление.

С прибытием испрашиваемого мною (1-м и 4-м) усиления отряда, их нужно будет еще примерно наказать, о чем вслед за сим войду к Вашему превосходительству с особым представлением. Теперь же это было бы совершенно бесполезно, так как они разбежались бы по пескам.

Сего дня прибыли ко мне ханы и старшины карры-калинских гёкленов, не принимавших участия в этом деле; сегодня же или завтра обещали прибыть и ханы ближних текинских крепостей, увлеченные, как пишут, насильно в это дело.

Заканчивая это донесение, имею честь доложить Вашему превосходительству, что вся честь этого славного для Красноводского отряда дела принадлежит подполковнику Навроцкому и капитану Третьякову, а также и всем вообще нашим славным молодецким войскам, для коих как особой милости прошу ходатайство Вашего превосходительства перед его высочеством о высылке в каждую часть, участвовавшую в этом жарком деле, знаков отличия военного ордена, насколько его высочество изволит признать достойным каждую из этих частей этой высокой военной награды.

Генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 43—48.

№ 163

Донесение российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о попытках каджарских властей установить свое влияние над туркменами-текинцами Мерва

18 мая 1877 г.

Сколько известно, переговоры с туркменами Ахал-Теке, начатые Абуль Хасан-ханом на основаниях, изложенных им в

* В том числе один офицер подпоручик Дагестанского полка Мактеев
** Юнкер милиции Мулла Дундур-хан.

донесении, за отсутствием его, остались без всяких последствий. Ныне переговоры происходят с туркменами-теке, населяющими Мерв, куда, как я имел честь сообщить в предшествовавших моих донесениях командирован Насрулла-хан Джами. В основание нового соглашения положено было возвращение туркменами прежде захваченных от персиян орудий[1], предоставление им для заселения Старого Серахса, выдача ими заложников и сформирование конной милиции, обязанной охранять северо-восточную границу Хорасана.

Из последних сообщений нашего торгового агента в Мешхеде видно, что туркмены не соглашаются выдать Насрулла-хану всех находящихся у них орудий. Ограничиваясь выдачей пяти или шести пушек, они желают удержать остальные, как необходимые будто бы им для укрепления места нового их поселения, Серахса. Туркмены соглашаются выставить 1000 всадников для службы в Тегеране, под условием назначения им содержания и, кроме того, выдать 10 семейств в виде заложников, которые должны находиться в Мешхеде.

По другим известиям, полученным мною также из Мешхеда, соглашение между Насрулла-ханом и мервскими туркменами состоялось на условиях предоставления им Старого Серахса, который будет занят тысячью всадников, умеющих охранять хорасанскую границу за ежегодное вознаграждение в 20 тыс. туманов. По слухам, теке, проживающие в Мерве, разделились на четыре партии, выдают Насрулла-хану от каждой из них по одному орудию и десяти лошадей в виде подарка.

Сколько известно, на подарки и вознаграждения туркменских старшин при переговорах Насрулла-ханом издержано до 2 тыс. туманов, частью взятых им с собой, частью же высланных к нему из Мешхеда. С Насрулла-ханом ожидается прибытие в Мешхед до ста аксакалов, которые, говорят, будут отправлены в Тегеран для представления е. в. шаху.

В Мешхеде, по-видимому, мало верят в прочность настоящего соглашения с туркменами, потому что оно обусловливается такой значительной ежегодной денежной выдачей, как 20 тыс. туманов, потребных на содержание туркменских всадников. При известной неаккуратности и постоянных задержках в денежных выдачах, подобное предположение о непрочности соглашения не лишено основания, так как весьма трудно предположить, чтобы туркмены, не получая содержания, остались благонадежными защитниками Хорасанской провинции.

[1] Речь идет об орудиях, захваченных туркменами у каджарских войск во время известного их разгрома под Мервом в 1861 г.

Обо всем вышеизложенном я счёл долгом почтительнейше довести до сведения вашего пр-ва.

Консул в Астрабаде надворный советник Бакулин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 33—34

№ 164

Донесение российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о происках турецкой агентуры в туркменских районах

18 мая 1877 г.

Несколько времени тому назад возвратились из Мекки туркмены, отправившиеся туда в минувшем году на богомолье. Они привезли известия о военных приготовлениях Турции и одержанных ею победах в Сербии. Рассказы возвратившихся хаджи передавались в степи и с любопытством слушались туркменами, причём необходимо заметить, что подробности о войне между Сербией и Турцией в общих чертах были довольно верны и отнюдь не походили на те ложные толки, которые упорно держались в Астрабаде между персидскими торговцами, принимавшими войну с Сербией и ее неудачи за поражение наших войск.

Сколько можно судить, в среде ближайших туркмен-джафарбаев и атабаев, рассказы хаджи не пробудили никакого сочувственного отношения к единоверной Турции. Туркмены охотно передавали друг другу эти рассказы как новость, некоторые даже с сожалением относились к бедствиям пострадавших христиан, но за собственными несогласиями и обыденной деятельностью быстро забылось услышанное от хаджи.

Большую возможность пропаганды в пользу Турции в среде туркмен представляют постоянно находящиеся в кочевках, в значительном числе, разные дервиши, приходящие из Афганистана, Бухары и других местностей.

В настоящее время проживает в Астрабаде один из дервишей секты Бекдаши, по имени Хаджи Али, имеющий, как говорят, турецкий паспорт. Дервиш этот прибыл из Тегерана с двумя товарищами, но один из них с дороги не заезжал в Астрабад, отправившись в Хорасан. Шахзаде губернатор оказывает особенное уважение названному Хаджи Али и весьма часто приглашает его к себе. Российскому подданному Осипу Цатурову, встретившему этих дервишей на дороге из Ашрефа, они говорили, что из Астрабада намерены пробраться в Хиву и Бухару, куда, по слухам, существующим между туркменами, приехали будто путем через Хорасан турецкие эмиссары[1].

О вышеизложенном я счел долгом почтительнейше довести до сведения вашего пр-ва.

Консул в Астрабаде надворный советник Бакулин

ЦГИА Груз. ССР, т. 545, д. 1440, лл. 22—23. Копия рукописная, заверенная.

№ 165

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о положении в Ахал-Теке

21 мая 1877 г.

За последние десять дней после дела 12 мая, здесь все было спокойно.

14 числа явились с изъявлением покорности и предложением услуг ханы и аксакалы гёкленов, кочующих в Кары-Кала; 15-го прибыли ханы ближайших к нам крепостей: Кизыл-Арвата, Коджа, Зау, Дженги, Кизыл-Чешме, Бами и Безурме. Все они заявляют одно: «считайте наши крепости Вашими, мы Вам совершенно покорны и готовы подчиняться всем Вашим распоряжениям». Конечно, в видах скорейшего успокоения и умиротворения края, — главной нашей задачей теперь здесь, весьма желательно бы было, чтобы эти заявления были вполне искренни; но все дело в том, какое положение примут теперь дальние—верхние текинцы. Если они будут спокойны, — будут спокойны и ближние, так как первых слишком в шесть раз более последних.

По всем сведениям, сообщенным этими ханами, оказывается, что скопище, бывшее против нас в деле 12 мая, простиралось даже до 10 тысяч пеших и конных и что никогда

[1] Эти данные о деятельности турецкой агентуры в Туркмении — не единственны. Не останавливаясь на сообщаемых в предыдущих документах фактах деятельности турецкой агентуры в рассматриваемый период, в том числе и «обработке» брата хивинского хана Атаджана, отметим, что генерал Иванов в своем рапорте от 5 октября 1877 г. туркестанскому генерал-губернатору писал, что из Мары и Бухары поступили достоверные слухи о прибытии туда «константинопольского посланника (не в смысле дипломатического представителя, а агента — Г. А.), но цель его миссии неизвестна» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, лл. 125—128). Изучение аналогичных данных представляет тем больший интерес, что вопрос деятельности турецкой агентуры в Туркмении рассматриваемого периода не нашел ещё достаточного освещения в научной литературе.

еще в Ахал-Теке не собиралось так много людей; потери неприятеля убитыми и ранеными весьма велики. Но это скопище теперь разошлось и занялось жатвой. Что намерены затем предпринять текинцы—неизвестно, но говорят, что они хотят просить помощи у Коушут-хана Мервского, который их будто бы и подстрекал прежде на вооруженное сопротивление нам, обещая помочь в случае неустойки.

16-го и 19-го числа кизыл-арватцы со всеми своими ханами, аксакалами, ишанами и муллами возвратились на свои пахотные поля, расположенные у самой крепости Кизыл-Арват и занялись жатвой.

Чтобы быть ближе к пастьбе наших верблюдов, я передвинулся с отрядом тоже к этой крепости. Но вообще трудно встретить неудобнее этой местности во всех отношениях: чтобы сварить пищу люди должны ходить верст за пять, собирать верблюжий помет и коренья трав; корм для верблюдов самый скудный, и я вынужден был потому половину их спустить, пользуясь временным, быть может, затишьем; для лошадей (кроме взятого с собой из Красноводска ячменя) никакого другого корма нет вовсе, довольствие же все должно подвозиться из Красноводска верст за 200—300. Только дело 12 мая заставляет нас возможно дольше оставаться здесь, чтоб выждать пока не уляжется волнение, возбужденное этой бурей.

Сегодня прибыли сюда с большой толпой конных 11 ханов, старшин и аксакалов и от дальних верхних крепостей Арчмана с сопредельными крепостями: Нухур, Сюнче, Мурче[1], Бахарден, находящимися под управлением Нурмамед-сардара и от одной из самых дальних крепостей Безмеина (что за Асхабадом)[2]. От последней крепости прибыл Овез Кули-сардар; от прочих же — кетхуды их и брат Нурмамед-сардара. Они так же, как и ханы ближних крепостей, стараются заверить нас, что все их люди вполне покорны нам, чтоб мы считали все их крепости нашими и что они готовы всегда служить нам. Пока до времени нам ничего не остается, как выслушивать их, хотя и убеждены вполне, что для окончательного водворения порядка и спокойствия в этом разбойничьем гнезде необходимо в самом центре его занять достаточно сильным гарнизоном какое-либо более удобнее Кизыл-Арвата укрепление и ввести наше управление.

Кизыл-Арват же для сего совершенно не пригоден и вовсе не удовлетворяет цели.

---

[1] В тексте: «Сюнджа, Мургджа».
[2] Так в тексте.

Состояние здоровья войск вообще хорошее. Из числа раненых все выздоровели, за исключением трех, но и эти подают надежду на выздоровление.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 59—61.

№ 166

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о приготовлениях ахал-текинцев и тяжести положения Красноводского отряда в Кизыл-Арвате

28 мая 1877 г.

В положении дел здесь за последнюю неделю ничего особенного не произошло.

Ханы и старшины как из ближних, так и из некоторых дальних крепостей продолжали являться во множестве все с теми же заявлениями покорности и преданности, коим нельзя придавать никакого значения.

Слухи носятся самые тревожные: говорят, Нурберды-хан, желая отомстить нам поражение, нанесенное его скопищам 12 мая, собирает против нас снова огромные партии, нанял 14 феррашей, чтоб прервать всякое сношение Геок-Тепе с ближними текинцами, дабы до нас не могли дойти слухи о его замыслах: забить все родники в Кизыл-Арватском ущелье и засыпать все колодцы по Красноводской дороге с тем, чтоб заморить нас без воды, причем подтверждается и слух, что Коушут-хан Мервский шлет к нему значительное подкрепление даже с артиллерией, которое на днях должно прибыть в Геок-Тепе. Но пока все эти слухи нуждаются еще в подтверждении.

Между тем, как я уже докладывал Вашему превосходительству никакого топлива для варки пищи и корма для верблюдов и лошадей здесь нет вовсе. Запасы, взятого из Красноводска продовольствия, по имевшимся у нас в начале похода перевозочным средствам (сухарей, крупы и баранов с 20 апреля по 20 июня и ячменя с 20 апреля по 20 мая) истощаются. Приобретать здесь что-либо из продовольствия покупкой, как прежде рассчитывали при настоящем положении дел, невозможно; посылать для сего оказии в Красноводск, ослабляя тем наш и без того небольшой отряд (1100 штыков) также невозможно. Поэтому мы остаем-

ся здесь до последней возможности, до последнего зерна фуража и затем для обеспечения заблаговременно отряда довольствием на дальнее еще время нам ничего не остается как перейти к морю, хотя и на самый короткий срок.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 56—57.

№ 167

Телеграмма штаба Кавказской армии начальнику Закаспийского военного отдела о разрешении возвращения отряда в Красноводск

9 июня 1877 г.

Командующий армией представляет Вашему усмотрению избрание пункта стоянки отряда, не стесняясь возвращением в Красноводск. Люди, назначенные укомплектованию, прибудут в Красноводск 10, 15 июня.

Полковник Аракин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, л. 58.

№ 168

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о тяжести положения отряда в Кизыл-Арвате и отходе его в Молла-Кара

9 июня 1877 г.

После донесения моего 28 мая № 102, вследствие совершенной невозможности оставлять далее отряд в Кизыл-Арвате, я предпринял рекогносцировку вдоль Кюрен-Дага для выбора более удобного пункта.

Как я уже докладывал в предыдущих рапортах, в Кизыл-Арвате войска были крайне обременяемы сбором топлива для варки пищи: коренья трав, бурьян и кизяк приходилось собирать и таскать верст за шесть и с каждым днем все далее и далее; для верблюдов корм был самый скудный и то в верстах в пяти от лагеря, вследствие чего для прикрытия табуна приходилось назначать ежедневно две роты с орудием и полсотни казаков. От бескормицы последнее время начался между верблюдами значительный падеж. Фуража

для лошадей тоже не было вовсе; при этом и климат Кизыл-Арвата, вследствие разливов по полям речек, оказался весьма нездоровым: люди стали сильно болеть лихорадками, много оказалось и глазных больных, вследствие постоянной пыли с 15 число больных быстро возросло до 100. Но к числу самых главных и важных неудобств Кизыл-Арвата нужно еще отнести необходимость получать все довольствие из Красноводска, за недостатком местных продуктов, и возможность для неприятеля во всякое время отвести от лагеря Кизыл-Арвата речку и лишить отряд воды. Словом, Кизыл-Арват оказался совершенно невозможным для занятия нашими войсками; на что при двух первых рекогносцировках этой местности (1870—1872) не могло быть обращено должного внимания, так как тогда имелось в виду лишь кратковременное пребывание войск, а не постоянное занятие на более или менее продолжительное время.

Рекогносцировка Кюрен-Дага указала только один пункт, представляющий некоторые местные удобства, — это Хаджам-Кала — старая крепость между Кизыл-Арватом и Кары-Кала; но там кругом так много болот, что летом, говорят, свирепствует сильная лихорадка. Прочие же пункты: Ушак, Арват, Иджара и Казанджик вообще маловодны. К расположению отряда севернее Кизыл-Арвата, в песках, и тем более не представляется никакой возможности.

Во время этой последней рекогносцировки, ко мне прибыли двое почетных текинских старшин, которые заявили, что они были перед тем у всех текинских ханов дальних и ближних, которые просили их передать мне, что хотя их люди, опасаясь нашего движения в глубь Ахал-Теке, и находятся еще в сборе, но что все они искренне желают окончить дело миром и вступить с нами в переговоры о том в Беурме, для чего просят прислать туда кого-либо из доверенных людей, причем для успеха этого дела просили также возвратить и всех их пленных. Я ответил, что ни в какие переговоры с ними об этом вступать не буду, требую от них безусловной покорности великому ак-падишаху и полного подчинения поставленным от него начальникам; пленных же возвращу, когда текинцы будут себя лучше вести, чем до сих пор и бросят грабежи.

По-видимому, текинцы сильно рассчитывают на помощь со стороны Мерва и всячески стараются лишь протянуть время. На мой ответ прибывшие старшины просили дать им двухнедельный срок, чтоб они могли успеть посоветоваться с своими ханами и аксакалами.

Окончив рекогносцировку Кюрен-Дага, отряд находился всего в 120 верстах от Молла-Кара, откуда только и мог быть

вполне удобно и безопасно обеспечен довольствием на дальнейшее время.

Принимая во внимание:

1. Невозможность занятия нами Кизыл-Арвата.

2. Необходимость обеспечить заблаговременно отряд довольствием на дальнейшее время из Красноводска, так как при настоящих обстоятельствах приобретать для сего что-либо из местных продуктов было немыслимо и посылать для сего оказии к морю, дробя и ослабляя и без того небольшой отряд, причем всегда можно было рассчитывать, что текинцы будут стараться отбить это довольствие. Имеющимся же по тем перевозочным средствам, коими мы располагали, продовольствием отряд был обеспечен, провиантом по 20 июня, а фуражом по 20 мая*.

3. Необходимость перейти теперь же к морю для присоединения к отряду, с нетерпением ожидаемого усиления пехоты, ввиду разных новых весьма возможных случайностей, так как иначе это подкрепление не могло быть отправлено из Красноводска к отряду как по неимению там верблюдов, посуды для воды и других перевозочных средств, которые могли бы быть даны только от отряда, так, главное и потому еще, что при этом укомплектованию этому пришлось бы следовать почти без офицеров.

4. Необходимость обеспечить и устроить продолжение работы Урум-Дарьинской комиссии на основании представленных...[1] вместе особо при рапорте № 116 последних распоряжений по этому предмету туркменского начальства.

5. Необходимость возможно скорее получить из Тифлиса новые указания и инструкции как по этому предмету, так и вообще для дальнейших действий наших в этом крае, о чем с сим вместе представляются мною подробные соображения при рапорте № 115 и о чем, находясь вдали в степях я мог получить распоряжения лишь через несколько месяцев; поэтому я счел необходимым, ввиду всех вышеизложенных обстоятельств перейти с отрядом на время в Молла-Кара, где и приступить уже к подвозке довольствия на состоящих в моем распоряжении военных судах.

При этом имею честь присовокупить, что отпуская означенных выше текинских старшин, я объявил им, что отряд переходит на короткое время к морю, чтобы пополнить запасы продовольствия и присоединить следующие с Кавказа войска на усиление вверенного мне отряда.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 69—73.

* Фураж мы растянули при этом дней на 17 лишних.

[1] Слово не разборчиво.

№ 169

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о тяжелом положении отряда в Кизыл-Арвате и о необходимости экспедиции в центр Ахала

9 июня 1877 г.

Предписанием Вашего превосходительства от 6 ноября прошлого года № 28 о воспоследовавшем тогда высочайшем соизволении на предположенное движение вверенного мне отряда к Кизыл-Арвату и временное занятие этого пункта впредь до выяснения вопроса о дальнейших мерах к удержанию в спокойствии и покорности ахал-текинского племени[1] требовалось от меня между прочим, — по исполнении означенных предположений представления для доклада государю великому князю «соображения о ближайших условиях достижения имеющейся в виду цели».

При этом в депеше его высочества, последовавшей по этому поводу 26 октября было выражено: «Временное занятие Кизыл-Арвата высочайше разрешено с тем, чтобы дальше не заходить».

В приложенной же при означенном предписании № 28 копии с письма военного министра к его высочеству присовокуплялось, что «при настоящем положении политических дел, государь император изволит находить необходимым ограничить одним означенным предметом действие и не увлекаться дальнейшими целями».

На основании данных мне инструкций занятие Кизыл-Арвата состоялось 7 числа минувшего мая, после чего 12 числа того же месяца текинцы в огромном скопище до 10 тысяч пеших и конных напали на вверенный мне отряд, были разбиты и обращены в самое поспешное бегство, понеся большой урон.

Никогда еще в Ахал-Теке не было таких громадных сборищ, никогда еще не проявлялся там с такой силой народный фанатизм, как в настоящее время, вследствие усиленной агитации со стороны Турции, влияния значительной партии в Ахал-Теке, желавшей во главе Нурберды-хана подчинения Персии, и подстрекательство Коушут-хана Мервского*.

[1] Слова: «впредь... племени» подчеркнуто.

* Вамбери еще месяца за два перед сим писал об ожидаемом общем взрыве фанатизма среди наших мусульман, в случае войны с Турцией и в том числе между закаспийских туркмен. По последним сведениям эмиссары Турции деятельно начинают пропагандировать их между атрек-гурганскими туркменами.

Во всяком случае, это обстоятельство было совершенно для нас неожиданно и не могло быть предвидимо при составлении первоначальных предположений о движении нашем к Кизыл-Арвату. С другой стороны, и этот последний пункт, как я доношу вместе с сим в рапорте № 114, оказался столь же неожиданно (судя по отчетам о прежних рекогносцировках) совершенно невозможным для занятий нашими войсками.

Все это значительно усложняет решение нашего текинского вопроса. Оставаться в Кизыл-Арвате или в прилежащих местностях нет никакой возможности, уже одна доставка всего, необходимого для войск из Красноводска за 300 верст, будет стоить громадных издержек, да это и не удовлетворяет уже теперь, при настоящем обороте дел, данной цели. Двигаться далее впредь не имеем права, да и не имели для сего до сих пор необходимых средств. Тут первое дело обеспечить и прикрыть прежде всего вагенбург, а для прикрытия огромного транспорта, до 2 тыс. верблюдов, необходимы довольно солидные военные средства; и затем, что же бы у нас осталось от 1000 штыков для свободных активных действий.

Между тем, этого дела нельзя так оставить: текинцев необходимо наказать примерно: необходимо раз навсегда отбить у них всякую охоту тревожить не только наши войска, но и нашу военно-торговую дорогу с Хивой и наших иомудов.

Поэтому я полагал бы необходимым и единственно для сего возможным теперь — если только это будет соответствовать настоящим видам высшего правительства — с прибытием ожидаемого укомплектования пехотных частей вверенного мне отряда и обеспечением оного необходимым довольствием,—перейти с отрядом в Топиатан или Джемалу, как в пункты, представляющие наиболее удобство для обеспечения и устройства вагенбурга, и затем пройти оттуда налегках весь Ахал-Текинский оазис, рассылая при том в сторону в горы и пески туркменскую и киргизскую милиции для того, чтобы разорять и истреблять текинские аулы — через что, с одной стороны, текинцы понесут должное возмездие и едва ли скоро опомнятся и оправятся, чтоб продолжать прежние грабежи и разбои, а с другой стороны, мы этим фактически покажем им принадлежность нам этой территории.

Затем постоянное занятие нами какого-либо пункта на этой территории, какими бы местными удобствами пункт этот ни обладал, я считаю во всяком случае бесполезным и крайне для нас затруднительным, так как тут пришлось бы доставлять все из Красноводска и поддерживать постоянные с ним сообщения, оказиями, уже не за 200 — 300, а за 400 — 500 верст, что почти немыслимо, да при этом пришлось бы неминуемо оставить там довольно значительный гарнизон, не имея никакой возможности обеспечить его от всевозможных случайностей.

Конечно, тех военных средств, коими мы будем располагать теперь с укомплектованием здешней пехоты, я полагаю, будет достаточно, чтоб справиться с одними ахал-текинцами; но если осуществятся надежды их на помощь со стороны Мерва, то независимо от того, что тогда неминуемо должно ускориться и решение этого столь тщательно отклоняемого до сих пор нашей высшей администрацией вопроса о Мерве, — надобно иметь еще в виду, что во время нашей рекогносцировки 1875 г., когда текинцы тоже ожидали нас к себе, у Коушут-хана Мервского было собрано для действий против нас, как сообщала тогда наша Тегеранская миссия (предписание Кавказского горского управления от 9 октября 1875 г. № 3395), до 30 тыс. войска; а на такой случай, вверенного мне отряда и в усиленном составе его, будет уже далеко недостаточно.

Донося об этом Вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить не оставить уведомить меня по телеграфу для своевременных распоряжений, если последует соизволение его сиятельства командующего округом на испрашиваемое мной движение отряда в Ахал-Теке. Возвращение же отряда в Кизыл-Арват для дальнейшего оставления оного там, ввиду доложенных мною выше и в рапорте № 114 обстоятельств, положительно невозможно, равно как и неудобно возвращение отряда в Красноводск, не достигнув желаемых результатов.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 74—78.

№ 170

Из донесения российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о последствиях занятия царским отрядом Кизыл-Арвата[1]

14 июня 1877 г.

...Известия о движении наших войск в Ахал-Теке и занятии Кизыл-Арвата получены также и в Мешхеде. Согласно

[1] Начало документа, посвященное описанию боя под Кизыл-Арватом 12 мая и отношении населения Астрабада и Хорасана к этому, интереса не представляет; интересны лишь данные об убитом в этом бою Молла Дундуре (о нем см. выше), что в 1868 г. он состоял в звании хана при Астрабадской станции, служил в Красноводске и затем, после возвращения в 1875 г. из Хивы, в войсках Закаспийского отдела.

сообщениям от нашего там торгового агента от 27-го минувшего мая, до 90 туркменских семейств бежали из Кизыл-Арвата в пограничный с Ахал-Теке Дерегезский округ к начальнику его Аллах Яр-хану и, заявив о своем желании подчиниться персидскому правительству, немедленно получили участки для поселения.

С такой же просьбой об отводе земли явились к тому же Аллах Яр-хану несколько человек ахал-текинских старшин, просьба которых будет исполнена под условием признания турьмен себя в зависимости от Персии. Сведения эти подтверждаются и другими сведениями из Мешхеда.

Консул в Астрабаде надворный советник Бакулин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 26 — 27.

№ 171

Отношение начальника Главного штаба товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу о целях движения на Кизыл-Арват

18 июня 1877 г.

В отзывах от 4 ноября минувшего года за № 35 и от 18 января сего года за № 16, я имею честь сообщить Вашему превосходительству о причинах, побудивших кавказское начальство выдвинуть небольшой наблюдательный отряд от Красноводска в Кизыл-Арват и состоявших в том, что в ближайшем к нам туркменском племени теке обнаружились внутренние волнения и беспорядки, одновременно с которыми участилось появление в степях Закаспийского края грабительских шаек, угрожавших нашим торговым караванам, направляющимся из Красноводска в Хиву. Охранение пути из Аму-Дарьи и наблюдение за текинцами и составило единственную цель выдвижения отряда к Кизыл-Арвату.

При сообщении высочайшего разрешения на эту меру было подтверждено местному начальству, что государю императору угодно, чтобы отряд строго ограничился одной этой целью и не увлекался никакими другими целями[1].

Такая инструкция не изменена и до настоящего времени. Следовательно, ни о каком дальнейшем движении отряда по направлению к Мерву не может быть и речи. Предпринятое же ныне движение, обусловленное, как выше означено, местными причинами, есть не что иное, как один из небольших походов, какие совершаются по Закаспийскому краю ежегодно. Отряд имеет в виду наблюдение лишь за ближайшими к нам туркменами-теке, составляющими отдельную ветвь от мервских туркмен, центр которых (Мерв) удален от Красноводска не менее 1000 верст.

Таким образом, опасения великобританского правительства о том, чтобы отряд наш не выдвинулся к Мерву или границам Афганистана, не имеют основания[1].

Возвращая при сем копию с ноты великобританского посла, имею честь сообщить, что содержание настоящей переписки вместе с сим сообщается кавказскому начальству и доводится до сведения военного министра.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Граф Гейден

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 143—144. Копия заверенная.

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, л. 142.

№ 172

Из рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о деятельности турецких агентов в Хивинском ханстве и отношении населения к русским[2]

12 июля 1877 г.

...В соседнем ханстве[3] и отделе все спокойно, если не считать мелких грабежей у туркмен на левом берегу друг у друга. Несколько раз до меня доходили слухи, что в ханстве разъезжают эмиссары из Турции, что там находятся софты, которые подстрекают народ на войну против нас, что хан будто бы, сочувствует туркменам, что в народе распространено мнение, что русские войска должны выступить отсюда, чтобы идти на войну с Турцией и т. п., но по расследовании эти слухи не подтверждались, а если и можно допустить, что

[1] Эти опасения были выражены в ноте английского посла в России министру иностранных дел от 9 июня 1877; интересно, что, раздувая шумиху вокруг движения русских войск на Мерв, ущемляющего, якобы, интересы афганского эмира, на самом деле, английское правительство имело ту цель, чтобы обосновать свою «свободу действий» в Афганистане и в отношении Бухары. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 145—148).

[2] Начало документа, посвященное описанию грабежей мервских туркмен в Бухарском эмирате и рубке хивинскими туркменами леса в Бухарских владениях, интереса не представляет.

[3] Речь идет о Хивинском ханстве.

в народе ходят неблагоприятные для нас сведения о нашей войне с Турцией, то трудно допустить, чтобы они могли взволновать население; начальник Урун-Дарьинской экспедиции полковник Петрусевич тоже постоянно до настоящего времени меня уведомлял, что на левом берегу все спокойно и никакого неприязненного отношения туземцев к русским не заметно.

Полковник Гротенгельм

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 53 — 54. Копия рукописная, заверенная.

№ 173

Распоряжение начальника Кавказского горского управления начальнику Закаспийского военного отдела о воспрещении движения в Ахал и возвращении отряда в Красноводск

12 июля 1877 г.

Его императорское величество главнокомандующий Кавказской армией ввиду настоящего положения дел в Теке не разрешил исполнения Вашего предположения о новом движении по Кизыл-Арвату и далее по Текинскому оазису, приказал возвращаться с вверенным Вам отрядом в Красноводск.

О таковой воле госуд. в. князя имею честь довести до сведения В. превос.[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, л. 86.

№ 174

Из донесения российского консула в Астрабаде чрезвычайному посланнику в Иране о провале попыток каджарских властей установить свое влияние над туркменами-текинцами Мерва

24 июля 1877 г.

Долгом считаю почтительнейше донести до сведения Вашего превосходительства, что по известиям, полученным мною из Хорасана 13-го сего июля, командированный в Мерв для переговоров с туркменами-теке Насрулла-хан Джами 24 минувшего июня возвратился в Мешхед.

Поездка его окончилась полной неудачей. Торговый агент наш в Мешхеде сообщает, со слов бывших при Насрулла-хане, что туркмены держали их в Мерве под надзором более

[1] Документ без подписи.

трех месяцев и, считая их уже своими пленниками, оценивали как самого Насрулла-хана, так и людей его. Только лишь благодаря участию трех наиболее влиятельных туркменских старшин Насрулла-хан был отпущен, но ни пленных, ни общественных четырех орудий туркмены ему не выдали[1]. Говорят даже, что Насрулла-хан своим освобождением обязан лишь тому впечатлению, которое произвели в Мерве известия о наступательном движении наших войск [к] Кизыл-Арвату и одержанной ими победе над скопищем теке.

Вместе с Насрулла-ханом прибыли в Мешхед туркменские старшины в числе более 20 человек, изъявившие готовность ехать в Тегеран для окончания там переговоров об уступке им Старого Серахса и установлении размера вознаграждения конной из них милиции. Судя по тому, что сообщают из Хорасана, главная цель туркмен состояла в том, чтобы склонить персидское правительство на уступку из Серахса. Переговоры велись крайне медленно, — то с самим Насрулла-ханом, которого туркмены обнадеживали обещаниями выдать пленных и орудия, то через туркменских старшин, приезжающих из Мерва в Мешхед. Первоначально туркмены изъявили готовность выдать все находившиеся у них орудия, затем соглашались лишь на выдачу четырех из них и, наконец только двух. Окончательный отказ свой они объяснили неимением средств для доставки орудий в Мешхед, так как перевозка их на верблюдах, будто бы, невозможна.

Более тяжелая участь, говорят, постигла другого, посланного из Хорасана, некоего Мамед Эмин-хана, который, как сообщают, должен был отправиться через Дерегез в Хиву для вывода оттуда оставшихся там пленных персиян. Встретив препятствия к проезду в Хиву через Дерегез, Мамед Эмин-хан отправился на Мерв, где туркмены по выезде Насрулла-хана отобрали у него все бумаги и задержали его.

От 12 июня из Мешхеда сообщают весьма важное известие о полученном там того же числа из Тегерана распоряжении прервать переговоры с туркменскими старшинами и отослать их обратно, вследствие чего прибывшие в Мешхед старшины должны выехать оттуда на днях...[2].

Консул в Астрабаде, надворный советник Бакулин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 50—51. Копия, рукопись заверенная.

[1] Данные о ходе переговоров см. также в донесении Бакулина чрезвычайному посланнику в Иране от 14 июня 1877 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл 9—10).

[2] Далее повторение данных предшествующих документов и не представляющее интереса описание аламанов ахал-текинцев на границах Хорасана.

№ 175

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о недовольстве туркмен ханскими властями, готовящимся ими восстании и турецких происках

24 августа 1877 г.

Несколько дней тому назад лазутчики дали знать, что ата-туркмены, возбужденные проповедями ишанов, волнуются, по ночам собираются у могилы Султан Вейса, в числе до трех-сот человек, молятся там и выбрали своим ханом и предво-дителем Хазавата, бывшего ата-туркменского старшину (сме-ненного генерал-майором Ивановым) Гогуля Сафанкулиева, при этом лазутчики доносили, что к ата-туркменам присоеди-нились разные личности, недовольные податной реформой, т. е. мушрипы, зякетчики и владельцы бывших вакуфных зе-мель, так как они единственные личности, которые потерпе-ли ущерб от реформы и прибавляли, что все туркмены левого берега обещали свою помощь, что в народе распространен слух, что турки завладели уже Тифлисом и Астраханью, а также, что восстание должно вспыхнуть с началом уразы, т. е. 26 августа. Хотя я и не придавал особенной важности этим показаниям трусливых узбеков, но, не желая допустить и ма-лейших беспорядков, я 22 августа в шесть часов вечера взял две сотни казаков и направился на Султан Вейс; но по дороге в Шаббас Вали я узнал, что в эту ночь они не будут соби-раться у Султан Вейса, а что зачинщики собрались у выше-упомянутого выбранного ими хана Гогуля, будто бы проис-ходит военный совет; вследствие этого я тотчас направился туда, но как я ни старался скрыть свое движение, собравший-ся народ разбежался; оценив возможно большое пространст-во, я предложил участковому начальнику подполковнику Че-ботареву взять полсотни казаков и обыскать сакли и джуга-ру; поиски эти были отчасти удачны: пойманы предводитель предполагавшегося восстания Гогуль, другой бывший старши-на ата-туркмен Халманбет[1] Ураз Мухаммедов, также сме-ненный генерал-майором Ивановым за разные беспорядки и подозрительная личность, называющая себя ахал-текинцем Атанефес Халманбетовым, в котором я подозреваю туренкого эмиссара, и еще человек тридцать других; к сожалению, дол-жен донести Вашему высокопревосходительству, что при этих арестах убит ата-туркмен Муллатурсун Муллабулатов, кото-рый кинулся с криком «газават» на казаков и ранил шашкой одну казачью лошадь.

[1] Так в тексте; видимо Халмамед.

Отправив, кроме названных трех лиц, еще шесть человек из пойманных под конвоем в Петро-Александровске, я поручил участковому начальнику подполковнику Чеботареву с другой сотней объехать ата-туркменские кочевья и объявить всем жителям, что если они будут не только участвовать в загово-ре против нас, но и вообще собираться большими массами, то их ожидает жестокое наказание. Этим, как я предполагаю, и кончилось готовившееся будто бы восстание; они, видя, что мы предупреждены, не осмелятся ничего делать; но, во вся-ком случае, я принял все меры предосторожности и если бы это случилось, то буду иметь честь донести Вашему высоко-превосходительству по эстафете[1].

Вместе с этим я назначил следственную комиссию для оп-ределения степени виновности арестованных.

К этому долгом считаю присовокупить, что осенью в ханст-ве, вероятно, будут беспорядки: у иомудов неурожай, в ко-тором они обвиняют хана, не давшего им будто бы достаточно воды; салгыт они наотрез отказались платить.

Полковник Гротенгельм

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 60 — 66. Копия рукописная, заверенная.

№ 176

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления об антирусских действиях ахал-текинцев

6 октября 1877 г.

В дополнение прежних моих донесений о беспорядках и насилиях, производимых текинцами в здешних степях за по-следнее время, — докладываю Вашему превосходительству, что большая текинская партия, вышедшая из Ахала еще в августе (о которой я доносил в рапорте № 2433, что она от ок-рестностей Красноводска, где приняты были против нее над-лежащие меры, повернула к Хивинским пределам), сверх 70 верблюдов из каравана атрек-гурганских туркмен, захватила еще впоследствии значительное число верблюдов (говорят до 1000), принадлежащих хивинским иомудам, кочующим подле Куня-Ургенча.

[1] Для предупреждения восстания туркестанский генерал-губернатор распорядился «в землях, занятых ата-туркменами, делать по возможно-сти частые разъезды и поддерживать сношения с хивинским ханом, обязывая ему необходимость держать иомудов под бдительным над-зором» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 372, лл. 9—12).

На этих днях другая текинская партия захватила на полуострове Дарджа, против о-ва Челекен, до 600 баранов, которых атрек-гурганские туркмены гнали для продажи в Красноводск.

Кроме того, я получил недавно сведения из Ахал-Теке, что, по получении известия об уменьшении здесь войск, — там снова собирается огромная партия конных и пеших людей с целью истребить аулы, кочующие в окрестностях Красноводска, и захватить при этом несколько человек почетных и преданных нам туркменских старшин и ханов, а если представится возможность то кого-нибудь и из русских, — иметь потом возможность требовать вымена на них своих пленных, захваченных нами в деле 12 мая и высланных уже в Россию.

Всевозможные меры предосторожности приняты: везде выставлены пикеты и постоянно производятся местной милицией сильные разъезды кругом, верст на 50.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1440, лл. 70—71.

№ 177

Доклад военного министра царю о мерах давления на Англию в случае разрыва с ней и месте Туркмении в намечаемых антианглийских демонстрациях

8 апреля 1878 г.

В особом совещании, в присутствии Вашего императорского величества, рассмотрен был вопрос: следует ли одновременно с военными мерами, принимаемыми в Европейской России на случай разрыва с Англией, принять какие-либо меры на среднеазиатских наших границах и какого именно рода[1].

По этому вопросу представлены были в общих чертах следующие соображения:

Среднеазиатские наши области, хотя и не примыкают к ост-индийским английским границам и отделены от них полосой независимых владений, но так как некоторые из этих владений могут подпасть английскому влиянию, то при известных обстоятельствах и в случае нашего бездействия Англия в состоянии будет сделать прямое или косвенное покушение на эти области с целью отвлечь наши силы из Европы и поколебать положение наше в Средней Азии. С другой стороны, и

[1] Слова «следует... рода» подчеркнуты.

мы с среднеазиатских наших позиций в состоянии угрожать английскому владычеству в Ост-Индии.

При таком взаимном положении обоих государств и ввиду настоящего образа действий Англии, оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно неудобно, напротив, для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии следует нам принять ныне же надлежащие меры как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря.

Относительно сущности этих мер возникло несколько предположений.

Тайный советник барон Торнау в представленной им записке полагает полезным еще до наступления разрыва с Англией и в видах отклонения ее от объявления нам войны озаботиться приобретением Астрабадского округа от Персии в обмен на округа Кербела и Неджеф, которые полагалось бы приобрести от Турции за надлежащую часть контрибуции, и в то же время вступить с Персией в союз и получить от неё право прохода наших войск через Хорасан по направлению к Герату; дабы иметь этот путь в своем распоряжении на случай предприятия решительного похода в Индию.

Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант фон-Кауфман I полагает достаточным, чтоб угрожать интересам Англии в Азии выдвинуть два самостоятельных отряда: один из войск Туркестанского военного округа по Бухарским владениям к Аму-Дарье, близ гор. Шир-Абада, и другой — из войск Кавказского округа, от Аму-Дарьинского отдела к Мерву и так как успех этой демонстрации более всего зависит от положения, в которое станет относительно нас афганский владетель Шир-али-хан, то вступить с ним в соглашение на случай совместного действия против англичан в Индии.

Оренбургский генерал-губернатор, генерал-адъютант Крыжановский находит, что все демонстративные меры наши в малых размерах едва ли произведут на Англию должное впечатление и останутся, по всей вероятности, без результата, и что только решительное движение большой массы войск (до 150 тыс. человек) по главному пути, ведущему в Индию от Астрабада к Герату, могло бы действительно угрожать английскому владычеству в Индии и побудить английское правительство изменить свой образ действий против России; но для совершения такого движения необходимы будут громадные средства военные и финансовые и много других условий (союз с Персией, Афганистаном и пр.).

С своей стороны товарищ министра иностранных дел, тайный советник Гирс, обратил внимание на затруднительность приведения в исполнение комбинации, предложенной бароном

Торнау относительно Астрабада и на неудобство соглашения с Персией по отношению к Англии, так как эта последняя держава немедленно предпримет против Персии решительные меры, что усложнит все дело и лишит нас тех выгод, которые может нам доставить нейтралитет Персии.

По всестороннем обсуждении всех этих предположений и мнений и по общим соображениям вопроса о действиях наших со стороны Средней Азии с настоящим политическим и военным положением государства, признаю, что предпринимать большое военное движение в сторону Индии с целью решительно поколебать английское владычество в этой стране в настоящее время было бы неудобно и нежелательно, с одной стороны, потому что большинство военных сил империи необходимо иметь в готовности для других, еще более настоятельных потребностей, обусловленных настоящим политическим положением дел в Европе, а с другой, потому что оно повело бы к такому напряжению военных и финансовых средств государства, которое, после принесенных громадных жертв только что оконченной победоносной войны, было бы крайне тяжело для народа. При том предпринятие великого похода в Индию, кроме многих других причин, не представляется еще неизбежной необходимостью за неистощением других более подходящих к обстоятельствам минуты и более дешевых средств воздействия на Англию.

К таковым средствам могут относиться некоторые военные меры, служащие как для лучшего обеспечения спокойствия в наших среднеазиатских областях и предохранения их от внешнего покушения, так и для того, чтобы военными приготовлениями нашими и высылкой отрядов к неизвестным пунктам сделать такое впечатление на Англию, чтобы она могла опасаться за спокойствие своих владений в Индии и тем парализовать военные силы её в этой стране.

Непременным условием принимаемых мер должна быть независимость их от соглашения с Персией, которую полагалось бы, согласно мнению тайного советника Гирса, оставить совершенно в стороне от наших планов в Азии, не прибегая к её содействию и заботясь лишь о продолжении дружественного отношения персидского правительства к России. Таким образом, если бы представилась необходимость произвести военное движение со стороны Каспийского моря, то путь для него должен быть избран помимо персидских пределов[1].

[1] Об этом подробно см. соображения начальника Закаспийского военного отдела Ломакина, изложенные в докладе начальнику Кавказского горского управления от 17 марта 1878 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 167—169) и его же записки начальнику штаба Кавказского военного округа от 20 марта 1878 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 115, лл. 170—171).

Переходя за сим к указанию самих мер, наиболее соответствующих предположенному демонстративному характеру действий наших относительно Англии в Средней Азии, предполагается исполнить ныне следующее:[1]

1. Ввиду ограниченности военных средств Туркестанского военного округа немедленно усилить войска этого округа, сформировать такое число резервных частей, какое только представится возможным, по имеющемуся на месте и в Западно-Сибирском округе запасу отпускных нижних чинов, а равно наличному сверхкомплексному в войсках обоих этих округов. Образование резервных частей дает возможность вывести большинство туркестанских полевых войск за пределы края.

Усиление же штатного состава постоянных местных войск Туркестанского округа, о чем ходатайствовал генерал-адъютант фон-Кауфман 1-й, отложить ввиду значительных ежегодных издержек, которые на это потребовались бы.

2. Оставив внутри Туркестанского края необходимое для охранения внутреннего спокойствия населения число войск, выдвинуть в удобное время отряд, возможно большой силы, к Аму-Дарье, к Шир-Абаду или другому пункту, как окажется выгоднее, с целью лучше обеспечить безопасность наших пределов от возможных внешних покушений, и в то же время подготовить почву для дальнейших действий, если в том встретится надобность.

3. Со стороны Кавказского военного округа усилить войска Закаспийского военного отдела и выдвинуть отряд надлежащей силы в землю теке и далее по направлению к Мерву, в видах ближайшего ознакомления с этой неисследованной еще местностью и упрочения там нашего влияния, а равно и в видах охранения пространства между Каспийским морем и Аму-Дарьей от вторжений туркестанских шаек.

4. На соединение с Кавказскими войсками в Мерв или Теке может быть выдвинут из Аму-Дарьинского отдела, если позволят местные средства и обстоятельства, отряд туркестанских войск. Вообще желательно было бы, что оба главные отряда, выдвигаемые из Туркестана и Кавказа, постарались открыть между собой связь летучими отрядами или другим способом.

5. Для предупреждения недоразумения относительно движения наших войск в среде населения местностей, по которым войскам придется идти впервые (в Бухарском ханстве и Турк-

[1] Организация этой «демонстрации» намечалась, как писал генерал Ломакин в рапорте начальнику Кавказского горского управления от 17 марта 1877 г., «на случай ожидаемого разрыва с Англией при общем несомненном убеждении, что только со стороны Закаспийского края и вообще Средней Азии мы можем наиболее угрожать английским интересам и что только в этом направлении Англия может быть уязвима...» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, л. 24).

мении), обязать начальства Туркестанского и Кавказского военных округов принять все меры к установлению дружественных отношений между войсками и населением, побудив сие последнее оказывать даже возможное содействие походу наших войск.

6. Особое внимание надо обратить на то, чтобы предпринимаемые военные движения не сделали неблагоприятного впечатления на Афганистан, враждебное отношение которого к нам было бы крайне невыгодно и, напротив, союз с которым был бы весьма желательным. В этих видах полагалось бы предоставить туркестанскому генерал-губернатору заблаговременно войти в сношение с владетелем Афганистана через отправление к нему доверенных лиц или даже официального посольства, которое и должно объяснить, что выдвижение наших отрядов отнюдь не имеет ничего враждебного против Афганистана, а, напротив, может быть даже полезно ему как поддержка его независимости против англичан, а при известных обстоятельствах даже как помощь против них.

7. Вообще было бы полезно командировать в земли, лежащие по путям в Индию и в соседство с этой страной, особых эмиссаров для ознакомления с положением сих земель и с отношением жителей и их правительств к Англии для завязки наших сношений с ними и подготовления благоприятного нам настроения их на случай разрыва с Англией.

Благоугодно ли Вашему императорскому величеству утвердить изложенные предположения и высочайше повелеть привести их в исполнение[1].

Генерал-адъютант Милютин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 174—180.

№ 178

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику Кавказского горского управления о происках английской агентуры в Туркменской степи

16 апреля 1878 г.

Представляя при сем полученные мною 9 числа сего месяца секретный отзыв ко мне Астрабадского консула от 20 марта № 125 и копию с частного его письма ко мне от того же числа, имею честь доложить Вашему превосходительству в дополнение к сообщаемым им сведениям о капитане Непире, что, как мне известно, он недавно был в Кучане и Буджнурде, где, кажется, находится и теперь; буджнурдский ильхани ему заметно покровительствует, содействуя сношению с ахал-текинцами. При настоящих натянутых отношениях России с Англией не может быть никакого сомнения, что он всячески старается теперь возбудить и вооружить против нас еще более текинцев, — что подтверждается и тем, что уже несколько времени как текинцы совершенно прекратили с нами всякие сношения; повсюду содержат строгие караулы; никого не пропускают ни от себя, ни к нам, ни от нас к себе; говорят у них большие сборы, говорят, что они раздобыли даже откуда-то две-три пушки, словом, по-видимому, они что-то затевают, и здешние туркмены, не без основания, конечно, приписывают все это влиянию и происками находящегося в столь близком соседстве с ахал-текинцами «инглистюря», английского офицера[1].

Во всяком случае, чтоб узнать наверное, что теперь делается в Ахал-Текинском оазисе за прекращением с оным прямых сношений, я счел необходимым послать туда надежных людей: одного со стороны Хивы, а другого через земли курдов.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, лл. 187—188. Подлинник.

№ 179

Письмо Караджа-хана Текинского начальнику Закаспийского военного отдела о происках английской агентуры в Ахал-Теке

1 июня 1878 г.[2]

После душевного поклона Вашему превосходительству имею честь уведомить, что часть текинских пленных, нахо-

[1] На подлиннике резолюция: «Высочайше повелено изложенные предположения привести в исполнение». Генерал-адъютант Милютин.

[1] Касаясь деятельности Непира в Туркмении, Ломакин в рапорте начальнику Кавказского горского управления от того же 16 апреля 1878 г. доносил, что Непир, имея цель предупредить «дальнейшую диверсию к стороне Мерва», из Мешхеда пробрался в Кучан и Буджнурд, и, «войдя в ближайшие сношения с текинцами, но не замедлит бессомнения при теперешнем положении дел вооружить их еще более против нас, постарается согласовать и соединить интересы текинцев здешних и мервских, и даже, быть может, успеет снабдить их и орудием. Уже и теперь ходят здесь настойчивые слухи, что у ахал-текинцев появилась будто бы теперь, откуда неизвестно, даже три небольшие пушки» (ЦГИА Груз ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, лл. 34—41).

[2] Документ датируется по дате поступления в штаб Отдела и по дате препроводительной (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, л. 208).

дившаяся в Персии, по просьбе нескольких англичан освобождена и прибыла с ними в Аркач (Ахал-Теке). Абдул Хасан-хана* в Аркаче нет; но, по слухам, он в будущем месяце прибудет сюда. По приезде к нам англичан, они, вероятно, вскоре объявят нам цель своей поездки, о чем подробно напишу Вам; затем они полагают для того же поехать в Мерв.

Нурберды-хан в настоящее время находится в Мерве в ожидании англичан.

Некоторые текинцы ездили к Вам за получением денег и халатов. Вы были сами в Теке и теперь убедились: кто — друг душевный и кто приезжал лишь из-за денег.

Постарайтесь вникнуть и узнаете.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1154, л. 209.

№ 180

Телеграмма военного министра главнокомандующему Кавказской армией об отмене движения на Мерв[1]

18 июля 1878 г.

При настоящем положении дел государь император соизволил признать нужным вовсе отметить предполагавшиеся с целью демонстрации наступательные движения со стороны Туркестанского[2] округа и Красноводска. По всему высочайше повелено остановить наступление Красноводского отряда и ограничить его действия целями местными для упрочения спокойствия края и затем по вашему усмотрению распустить[3].

Милютин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 194, лл. 261 об.—262.

---

* Который в прошлом и позапрошлом годах так хлопотал о подчинении текинцев Персии.

[1] Изложение соображений Ломакина о движении его отряда к Мерву см. его рапорт начальнику Кавказского горского управления от 16 апреля 1878 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, лл. 34—41).

[2] В тексте, видимо, ошибочно: «Туркменского».

[3] Распоряжение начальника штаба Кавказского военного округа начальнику Закаспийского отдела от 10 июля 1878 г. об отмене движения на Мерв см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 194, л. 222.

№ 181

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа об экспедиции на Атрек и отношение туркмен к русским войскам[1]

8 августа 1878 г.

...Настоящее, более чем двухмесячное пребывание наших войск на Атреке, было весьма благотворно в смысле восстановления и утверждения здесь нашего влияния, сближения с здешними кочевниками, приручения к нам этих дикарей и возбуждения в них доверия к нам. Занятые другими делами в крае, мы около трех лет, с 1875 г., не были на Атреке и это обстоятельство независимо от того, что породило между здешними племенами ту прискорбную вражду и розни, о которой я докладывал Вашему превосходительству в прошлом рапорте, подало повод персидским пограничным властям заявлять не раз, что туркмены, кочующие большую часть года в наших пределах севернее Атрека,—подданные Персии. Заведующий иностранными делами в Астрабадской провинции (больюз) не стеснялся даже в письме ко мне (полученном в Чекишляре) просить, чтоб я сносился с этими туркменами (даже в то время, когда они кочуют в наших пределах) не иначе как через астрабадского губернатора. Я ответил, что ни к кому из туркмен, кочующих южнее Атрека, я никогда не обращался, обращался же к туркменам, кочующим в наших пределах.

Теперь в то время, как астрабадский губернатор шахзаде Джансуз Мирза, вышедший в Ак-Кала с значительным регулярным войском для наказания этих туркмен за грабежи, не решился, по обыкновению, перейти даже за Гурган—одно присутствие наших войск на Атреке удержало их вполне от грабежей и бесчинств, так что несчастная Астрабадская провинция за это время отдохнула. По всему пути наших войск: в Шаирдах, Бугдайлях, Мешхед-Месриане (древн. гор.), Таган-Клыче и по Атреку расположены были массы (в несколько тысяч) кибиток, но ни одна из них при нашем приближении не тронулась с места; все ханы, стар-

---

[1] Начало документа, посвященное топографическому описанию местности и другим данным военного характера, интереса не представляет. Соображения Ломакина о необходимости занятия опорного пункта на Атреке для обеспечения спокойствия в Туркменских степях изложены в его рапорте начальнику штаба Кавказского военного округа от 21 июля 1878 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 19, лл. 53—56).

шины, кетхуды выехали навстречу с приветствием и предложением услуг, ни одной жалобы ни от кого на наши войска не было, все наши приказания исполнялись в точности, выставлялись верблюды, лошади, кибитки; везде открывались базары, завязывалась торговля, многие обращались с просьбами о разборах между ними разных дел, обращались даже с жалобами на угон у них баранов и скота заатрекскими туркменами, и те немедленно возвращали ограбленное.

В одном переходе от Чата, у переправы Текенджик-Олум ко мне выехали навстречу с изъявлением покорности и предложением услуг кетхуды кочующих подле Ахал-Теке кара-калинских гёкленов.

В Чате я застал прибывших от Ермамбет-хана[1] (наследственного ильхана персидских буджнурдских курдов) двух посланных им ко мне с письмом курдов. Приветствует прибытие в Чат наших войск, предлагает всевозможное содействие, просит освободить 8 пленных, находящихся у коджуков — заатрекских туркмен — персидских же подданных. Словесно, между прочим, просил заявить, что он непрочь одновременно с нами двинуться и против текинцев. Я отправил к нему с письмом своего переводчика Мешади Рагим-бека (из Хорасана) и одного из самых главных здешних ханов Клыч-Капана. Прошу оказать содействие в продаже нам продовольствия и фуража; что же касается до словесного его предложения, если только он сам о том заговорит, просил таковое отклонить, ввиду воли великого ак-падишаха — стараться прежде всего, по возможности, установить добрые, приязненные отношения с текинцами.

От прибывших ко мне гёкленов, а также и с других сторон слышно, что ханы, старшины и кетхуды всех крепостей Ахал-Теке от Кизыл-Арвата и до Карыза намереваются выйти к нам с покорностью; прочне же дальние текинцы покориться пока не думают.

Это же подтвердил и прибывший ко мне вчера из Текинской крепости Нохур (подле Арчмана) Молла Али Ахунд[2], весьма уважаемая в Ахале личность.

Местность у Чата, при впадении Сумбара в Атрек, оказывается чрезвычайно сильная, почти неприступная природная крепость, будучи со всех сторон окружена весьма глубокими обрывистыми оврагами; а как пункт этот имеет для этого края и весьма важное стратегическое значение и

[1] Должно быть Ярмамед-хан.
[2] Так в тексте, должно быть Ахун.

находится всего в 7 верстах от того места, где переброшена была через Сумбар древняя местдовранская[1] водоросительная канава, то лучшего места под наше укрепление здесь и желать невозможно; две-три роты тут при двух орудиях могут быть вполне гарантированы от всех случайностей.

Воспользовавшись пребыванием у Чата, частью произведены уже, а частью производятся еще следующие важные работы: снято на план течение Атрека от Байрам-Олума до Чата (показанное пунктиром на нашей подробной карте), снят специальный план местности у Чата; производится съемка Атрека вверх от Чата, насколько будет возможно, до курдских кочевок; на обратном пути инженер капитан Козлов исследует выход от Атрека древней местдовранской канавы, спуститься по оной до Сумбара, по возможности проневелирует оную и составит проект акведука через Сумбар[2]. Им же уже составлен проект пристани в Чекишляре. Прежде же, как я уже доносил, при движении колонны подполковника Навроцкого, снята на план местность от Кара-Дашлы до Шаирдов и Бугдалей, откуда через Мешхед-Месриан (Местдовран, Таш-Верды) до Чата.

Для обеспечения сообщения в тылу отряда с Атреком и морем заняты нами следующие наиболее важные пункты: Чекишляр местной милицией из 22 кибиток, в коих до 40 человек пеших милиционеров и 4 всадника. Баят Хаджи, где исправлено прежнее наше укрепление, занят милицией из 62-х кибиток, т. е. до 200 пеших и 6 конных милиционеров и таким же числом пеших и конных милиционеров тоже в 50 кибиток занят Чат.

Все эти милиционеры поручены заведыванию главного здешнего хана Нургельды-Хаджи. Под прикрытием этих милиционеров и будет поддерживаться сообщение с отрядом и между названными пунктами, пока не представится возможным и не последует разрешение устроить это дело более прочным и солидным образом.

С последней почтой получил донесение полковника Клугена, что им устроен также под прикрытием милиционеров

[1] Так в тексте, должно быть Машед-и-Месрианская.
[2] Об этом см. рапорт капитана Козлова от 6 августа 1878 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, л. 305). Об общих результатах исследований капитана Козлова см. рапорт генерала Ломакина начальнику штаба Кавказского военного округа от 14 августа 1878 г. (Там же, лл. 303—304).

пост и в Михайловском заливе, куда уже подвезен для отряда месячный запас довольствия, который будет перевезен к оному по первому востребованию.

Начальник Красноводского отряда генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 194, лл. 286—291.

№ 182

Телеграмма начальника штаба Кавказского военного округа Гейдену об устройстве русского укрепления на Атреке для изучения возможности движения в Ахал

12 августа 1878 г.

Соображаясь со смыслом телеграммы военного министра № 3744 от 18 июля, его высочество одобрил предположение о необходимости для прочного установления влияния нашего на пограничные племена туркмен Закаспийского края и в видах обеспечения степи и Красноводско-Хивинского пути утвердиться на Атреке; для сего теперь же устроить постоянный укрепленный пункт на Атреке[1], в Чате, откуда и производить малыми отрядами движение к Текинскому оазису с целью ближайшего исследования местности для выбора пункта под передовой пост в ближайших окрестностях Кизыл-Арвата. Его высочеству угодно знать — согласуется ли эта мера с общим положением политических дел.

Павлов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 194, л. 261 об.

№ 183

Распоряжение штаба Кавказской армии начальнику Закаспийского военного отдела о дальнейших действиях войск отряда

14/15 августа 1878 г.

С отменой предполагавшегося движения Красноводского отряда к Мерву действия наши в Закаспийском крае должны ограничиваться, согласно последовавшего в минув-

[1] Одновременно с этим того же 12 августа Павловым была направлена Ломакину телеграмма с приказанием основать укрепление в Чате и «без особого разрешения не предпринимать действий далее Кизыл-Арвата». (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, л. 261)

шем июле высочайшего повеления, достижением местных целей, направленных к упрочению спокойствия в крае.

На этом основании, по докладе изложенных в представлениях Вашего превосходительства от 14 и 21 июля сего года за №№ 118, 170 и 172 соображений, его императорское высочество главнокомандующий приказать изволил: для обеспечения влияния нашего на приатрекских туркмен и развития дальнейших мер по обеспечению спокойствия степи и безопасности Хивинско-Красноводского пути основать предстоящие Вам отныне действия на нижеследующих указаниях:

А. Исключительное внимание Ваше должно быть направлено ныне на утверждении на р. Атрек.

Для сего, избрав новой базой действий для Красноводского отряда линию Атрека, предлагается Вам: 1) приступить ныне же к сооружению постоянного укрепления у места «Чат», которому и предназначается служить твердым опорным пунктом для могущих предстоять в будущем действий к стороне Текинского оазиса. В Чатском укреплении предполагается иметь постоянный отряд не менее 6—8 рот пехоты, при 3—4 сотнях кавалерии и 6—8 орудиях с ракетными станками, обеспечив оный как всеми необходимыми помещениями, так и устройством складов продовольствия и снаряжения. 2) Соединить это укрепление прочно обеспеченными сообщениями с одной стороны — с Чекишляром, где иметь постоянный же пост, с другой — с Михайловским заливом.

На приведение в исполнение изложенного назначается весь период времени от настоящей осени до осени будущего года.

Б. Что касается до предположений Вашего превосходительства о передвижении к Кизыл-Арвату или окрестностям его и далее, к восточной оконечности Текинского оазиса, для устройства крайнего нашего опорного пункта, то ввиду преждевременности этого предприятия, пока мы не станем прочной ногой на Атреке, и при недостаточно еще выясненных данных по отношению к условиям действий в том крае и даже по отношению к самой местности, не говоря уже о сложности такого предприятия в смысле политическом, его высочество изволит признать удобо исполнимым в этом отношении лишь следующее: с весной будущего года, а если дело устройства на Атреке будет идти вполне успешно, то и ранее разрешается Вашему превосходительству производство исследования края от Чата к стороне Текинского оазиса, по берегам рек Сумбара и Чандыра и до ближай-

ших окрестностей Кизыл-Арвата с целью как ознакомления с местностью и путями, ведущими от Атрека по разным направлениям в глубь Текинского оазиса, так и определения у западной его оконечности в окрестностях Кизыл-Арвата будущего авангардного пункта нашего. Названные исследования местности должны носить характер лишь рекогносцировок, а потому должны производиться или посылкой отдельных лиц, или же при возможности и разведочных небольших колонн или партий. В случае же только особенно благоприятных условий водворения нашего на Атреке может быть допущено с весной же и выдвижение части отряда к Кизыл-Арвату[1] или избранному авангардному посту...[2]

Генерал-лейтенант Павлов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 194, лл. 266—268 об.

№ 184

Телеграмма российского посланника в Иране о действиях войск Закаспийского отдела

24 августа 1878 г.

По известиям из Хорасана, генерал Ломакин приступил к постройке небольшого укрепления в Ходжа-Калесе[3], между Кара-Кала и Ахалом и намерен будто бы затем выстроить укрепление в Геок-Тепе, в центре Ахала.

Персияне выражают желание, чтобы Ломакин не занимал Кара-Кала.

Зиновьев

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 19, л. 71. Перевод шифра заверенный.

---

[1] Необходимо, впрочем, отметить, что распоряжением начальником штаба Кавказского военного округа от 10 сентября 1878 г. предписывалось: «Красноводский отряд неотлагательно возвратить в Чат и ныне же приступить к сооружению там укрепления... и одновременно с сим устройству обеспеченного сообщения Чатского укрепления с Чекишляром и Михайловским заливом, где и иметь постоянные посты» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 194, оп. 1, лл. 298—300).

[2] Далее следуют не представляющие интереса распоряжения о передвижении войск.

[3] Так в тексте. Должно быть Ходжам-Каласы или просто Ходжам-Кала.

№ 185

Телеграмма начальника штаба Кавказского военного округа российскому посланнику в Иране о задачах войск Закаспийского отдела

27 августа 1878 г.

Генералу Ломакину не приказано занимать Кара-Кала. Назначение его отряда построить укрепление около Чата или Баят Хаджи для упрочения на Атреке. До осени будущего года он имеет право посылать к стороне Ахала только рекогносцировочные колонны. Почтою сообщаю инструкцию, данную Ломакину.

Павлов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 19, л. 75.

№ 186

Телеграмма российского посланника в Иране начальнику штаба Кавказского военного округа об отношении каджарских властей к действиям войск Закавказского военного отдела и подстрекательствах англичан[1]

28 августа 1878 г.

От посланника нашего в Тегеране получен следующий ответ на вчерашнюю депешу его высочества. Я объяснился с сипахсаларом относительно его заявления по предмету Кара-Кала. По-видимому, объяснения мои его удовлетворили и персияне будут спокойно смотреть на дальнейшее движение генерала Ломакина. Заявление о Кара-Кала, видимо, вызвано внушениями англичан. Доношу о сем по приказанию его высочества[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 19, л. 84

---

[1] Телеграмма получена в штабе Кавказского военного округа и за подписью Астафьева переправлена в Каджары начальнику штаба генералу Павлову.

[2] Документ без подписи.

№ 187

Из рапорта начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа о ходе рекогносцировки в направлении Ахала и взаимоотношениях с туркменами[1]

16 сентября 1878 г.

...В Ходжам-Калинской долине мы оставались теперь около 3-х недель, с 21 августа по 8 сентября, не переходя Кюрен-Дагского хребта, и далее не касаясь Текинских пределов. Текинцы и кара-калинские гёклены за все это время ежедневно во множестве посещали нас; между ними и нами завязывались постепенно мирные сношения; у лагеря каждый день устраивались базары; наши нарочные разъезжали везде свободно; ханы и старшины от всех текинских крепостей, с Кизыл-Арвата и до Карыза, явились с изъявлением покорности и предложением услуг. Известный Тыкма-сардар Беурминский сильно хлопотал склонить к тому же и дальних текинцев. Те хотя и собирались в Беурму вместе со всеми своими главными ишанами и муллами, и после нескольких совещаний у Тыкма-сардара, видимо, стали склоняться на его и нашу сторону, о чем их ханы-правители прислали мне и письма, но колебались явиться ко мне, с одной стороны, опасаясь, что я их захвачу за прошлогоднее нападение на отряд, а с другой, поджидая возвращения из Мерва главного своего хана Нурберды.

В таком положении было дело наше с текинцами, когда 31 августа получено было предписание от 14 августа № 220 и вместе шифрованная депеша от 12 числа, коими предлагалось мне заняться исключительно устройством укрепления на Атреке в Чате, ограничившись в этом году одной рекогносцировкой к текинским пределам, что нами и было уже исполнено. Поэтому и так как переговоры с дальними текинцами затягивались,—приказанием по отряду на 5 сентября (в Бенд-Есене) объявлено было о выступлении отряда к Чату для постройки там укрепления.

Между тем, еще 30-го числа Тыкма-сардар и некоторые другие преданные нам ханы и старшины известили меня письмами, что от них отделилось без их ведома и по наущению Анан Онбеги Асхабадского несколько сот беспокойных людей, искателей приключений, фанатиков и разного голодного сброда с враждебными нам намерениями;

[1] Начало документа, посвященное описанию движения отрядов, его обеспечения и др. вопросам военного характера, интереса не представляет

что они удержать их не могли и потому предупреждали меня, чтоб мы были осторожны особенно ночью и с пастьбою верблюдов, причем они извещали также, что эта партия полагает напасть и на наш транспорт с продовольствием, следующий из Красноводска.

Транспорт этот, ввиду предстоящего движения отряда к Чату, был направлен туда, и означенная партия, прождав его дня три в ущелье Аджиб, вернулась ни с чем.

5 сентября перед выступлением отряда из Бенд-Есена, я послал под начальством подполковника Навроцкого колонну из двух рот и двух сотен снять джугару (употребляемую здесь вместо ячменя) с откупленного у жителей поля, верстах в 7 от лагеря. Едва только следовавшие впереди этой колонны наши туркменские всадники с подпоручиком Нуровым подошли к этому полю, как из башни, посреди джугары, сделан был по ним залп. Подпоручик Нуров стал уговаривать стрелявших положить оружие, предупреждая, что за ним идет отряд, те не слушали; новым выстрелом ранен был легко один наш всадник; после чего текинцы бросились в шашки; в это время подошла колонна; из 11 текинцев, бывших в башне, 4 убито, 1 ранен, 3 взяты в плен; остальные бросились в крутые обрывистые овраги и скрылись. У нас легко ранены один солдат и один казак.

В ночь с 7 на 8, около 12 часов, текинцы бросились в Ходжам-Кала, с трех сторон на наш лагерь с гиком и стрельбой; но люди быстро выскочили по тревоге, и молодцами отразили нападение залпами на всех фасах; при взошедшей затем луне, по пыли могла действовать и артиллерия. Текинцы потеряли несколько человек; у нас не было ни одного убитого и раненого.

8 числа отряд выступил от Ходжам-Кала к Тер-Сакану. Сначала пришлось перейти через два глубоких, скалистых, обрывистых оврага по весьма плохой дороге, чрезвычайно затруднявший наш верблюжий транспорт в 2500 верблюдов, растянувшихся на несколько верст; после того пришлось несколько раз перевалиться через высокие и крутые горы, между множеством других таких же крутых и обрывистых гор, простирающихся на несколько верст по обе стороны дороги. Текинцы воспользовались этой скрытной и изрытой местностью, и там их партия в 800—700 конных и пеших охотников при одном красном значке несколько раз бросились на наш обоз с целью захватить верблюдов. Самурцы, действовавшие в ариергарде в ротных колоннах в одну линию, рассыпав цепь стрелков по ближайшим высотам, метким огнем сдерживали все натиски неприятеля;

когда же он, во втором овраге, бросился на нас с обеих сторон, артиллерия полевого дивизиона нанесла ему большой урон; несколько метких выстрелов наших орудий навели такую панику на текинцев, что как только артиллеристы подходили к орудиям снимать с передков, те бросались уже в разные стороны; после того, укрываясь за горами, они еще несколько раз выскакивали то справа, то слева колонны, и уже врассыпную провожали нас бесцельными выстрелами; но везде встречали нашу стрелковую цепь: справа от 3 Ширванского батальона и двух Дагестанских рот при двух же горных орудиях. Перед одним из таких натисков спешенные охотники от 6 Лабинской сотни спрятались за горой, и когда текинцы выскочили из-за горы, нанесли им большое поражение. Перестрелка в этот день продолжалась почти до вечера, т. е. до тех пор, пока мы не вышли из гор; после чего текинцы уже скрылись. К сожалению, чрезвычайно изрытая местность не представляла никакой возможности ни для атаки непрнятеля кавалерией, ни для действия артиллерии; тем не менее, он в этот день понес большой урон. По словам самих текинцев, они потеряли в этот день до 70 человек, значит гораздо более.

На следующий день, 9 числа от этой партии в тылу отряда показалось уже не более 100 человек. Подполковник Навроцкий устроил залог из охотников 5 Лабинской сотни, оставив подле двух присталых верблюдов; когда же текинцы подошли их захватить, казаки бросились на них из засады и уложили несколько человек на месте. После чего они уже не показывались.

У нас за все это время, слава богу, не было ни одного убитого и раненого.

Масса текинского народа, все их почетные и влиятельные люди и ханы, хотя и были перед тем в сборе в Беурме из опасения, что мы пойдем в глубь их оазиса, не принимали теперь никакого участия в деле этой горсти сумасбродных бродяг; напротив, как сказано выше, даже предупреждали нас заблаговременно обо всех их замыслах. В этот день к нам следовало из Красноводска несколько наших нарочных; Софи-хан выслал к нам навстречу людей, чтобы предупредить их и дать возможность укрыться от этой партии. Это было уже далеко не то, что в прошлом году, когда против нас восстали почти все текинцы поголовно.

Донося об этом Вашему превосходительству, считаю долгом доложить Вам и просить представить на благосклонное и милостивое воззрение его высочества об особых подвигах и отличии как за время всего похода и рекогносцировки, так и в делах 7, 8 и 9 сентября, следующих чинов отряда[1].

Начальник Красноводского отряда генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, лл. 329—338.

№ 188

Телеграмма военного министра главнокомандующему Кавказской армией о запрещении императором дальнейшего движения Красноводского отряда к верховьям Атрека

20 сентября 1878 г.

Вследствие донесений посланника нашего в Тегеран государь император повелеть соизволил подтвердить, чтоб генерал Ломакин не предпринимал дальнего движения к верховьям Атрека.

Милютин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, л. 312.

№ 189

Из инструкции начальнику Чатского укрепления

10 октября 1878 г.

1. Начальник Чатского укрепления заведует всеми находящимися в Чате войсками; на него же возлагается и непосредственное сношение с окрестными кочевниками.

2. В помощь ему для наблюдения за этими кочевниками и для сношения с ними назначается особый офицер.

3. С занятием нами Чатского укрепления и утверждением по Атреку, мы должны здесь преследовать исключительно мирные цели: сближение с туземцами, приручение к нам этих дикарей, ознакомление с внутренним их бытом, с местностью; заботиться о развитии торговли и проч., поэтому, все действия наши здесь должны иметь исключительно охранительный характер; всякие наступательные движения из Чата, без особого приказания, строжайше воспрещаются.

---

[1] Далее следует не представляющее интереса перечисление представляемых к награде офицеров и солдат отряда.

4. Но, при этом необходимо иметь в виду, что мы теперь, с занятием Чатского укрепления, вошли в ближайшее соприкосновение с дикими, своевольными племенами: текинцев, гёкленов, курдов, атабаевцев, большинство коих до сих пор жило только грабежами и разбоем, страсть по коим, так сказать, унаследована ими, и мелкие разбойничьи шайки, кои и теперь, как прежде, рыскают повсюду в окрестностях нового нашего укрепления. Поэтому нам необходимо быть здесь в высшей степени бдительным и осторожным и, согласно моего приказа № 501[1], отнюдь не дозволять нижним чинам выходить на укрепления поодиночке или мелкими командами, а на фуражировки, за топливом, для пастьбы верблюдов и проч. посылать людей под прикрытием особой колонны из роты пехоты и команды казаков. На охоту ходить вовсе не дозволять, так как охотники сами не заметно для себя могут увлечься и удалиться далее, чем следует. На левый персидский берег Атрека ни под каким предлогом никому переходить не дозволять...[2].

Начальник Закаспийского военного отдела генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, лл. 357—360. Подлинник.

№ 190

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа о сооружении укрепления в Чате и его роли в укреплении влияния на туркмен

16 октября 1878 г.

В дополнение рапорта от 24 минувшего сентября за № 1912[3] имею честь донести Вашему превосходительству, что новое наше Чатское укрепление окончательно устроено и сооружено. Прибыв в это укрепление 7 числа сего месяца, я застал все верки укрепления законченными вполне; батареи вооружены назначенным числом орудий; внутренний плац укрепления спланирован; устроены хлебопекарные печи, приступлено к постройке бань; для помещения же нижних чинов на зиму отправлены в это укрепление новые туркменские кибитки.

8-го числа, после молебствия, при возглашении многолетия государю императору и всему царствующему дому, при салюте из всех крепостных орудий и народном гимне, на главной батарее нового укрепления поднят кейзер-флаг. Это, как и следовало ожидать, произвело на народ сильное впечатление.

Туркмены, начавшие уже в новом укреплении заводить с нашими войсками и торговцами довольно деятельные торговые сношения (причем гёклены, курды и иомуды, ежедневно десятками посещающие Чат, устроили уже там базар), увидели теперь ясно, что мы прочно и твердой ногой стали на Атреке и не оставим его...[1].

Одновременно с возведением чатского укрепления окончено сооружение и редута при Чекишлярском приморском посте; и тут, как в Чате, развевается теперь ежедневно наш национальный флаг, и завязываются постепенно довольно оживленные торговые сношения с туземцами...[2].

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, лл. 354—356.

---

[1] Документ не обнаружен.

[2] Далее следуют не представляющие интереса пункты о мерах организации на случай тревоги, связи, обеспечения прикрытия транспортов, продовольственного снабжения, обязанностей начальника укрепления в наблюдении за оборонительными сооружениями, санитарным состоянием и дисциплины. В числе этих пунктов внимания заслуживают п. 8 о содержании в Чате и Чекишляре 12 всадников туркменской милиции «для немедленной посылки их куда-либо по востребованию, и каждый раз не менее как по два всадника...».

[3] Деревянный, складной барак для чатской церкви, с иконостасом, приготовляется здесь и будет скоро отправлен в Чат.

[1] Далее следуют не представляющие интереса данные о связи укрепления с Красноводском и Чекишляром, войск укрепления, их вооружения и т. д.

[2] Далее сообщение о снятии плана Чатского укрепления и окружающей местности и его высылке по назначению.

ГЛАВА III

ТУРКМЕНИЯ В ПЕРИОД АХАЛ-ТЕКИНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ. ЗАНЯТИЕ ЦАРСКИМИ ВОЙСКАМИ АХАЛА И ОБРАЗОВАНИЕ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (1878—1881 гг.)

№ 191

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа о нападении ахал-текинцев на укрепление Чат

7 ноября 1878 г.

Заведывавший в отсутствие мое отделом, подполковник Скоров, при надписи от 27 октября за № 2224, представил на благоусмотрение Вашего превосходительства, полученный в мое отсутствие, рапорт Чатского всинского начальника от 19 октября за № 6 о нападении, произведенном того числа партией текинцев, на табун верблюдов Чатского гарнизона.

По собранным мною сведениям, дело это происходило таким образом:

19 числа утром были посланы из Чатского укрепления: 14 рота 84 пехотного Ширванского полка под командой капитана Красовича вниз по Атреку к оврагу верстах в 6 от укрепления на фуражировку и за топливом; особая команда в числе 60 человек — к кургану Дада-Гумбет; в 5 верстах на запад от укрепления, где находятся развалины древней кирпичной крепости, откуда подвозился к укреплению кирпич на устройство бани; и 1 рота 83 пехотного Самурского полка под командой поручика Булгакова — вверх по Сумбару для прикрытия табуна верблюдов.

Когда следовавшие впереди роты капитана Красовича казаки приблизились к оврагу, оттуда выскочила скрывавшаяся там партия текинцев в числе до 400 человек, которые, заметив сзади казаков роту, бросились к кургану Дада-Гумбет, где находилась означенная команда в 60 человек. Команда эта встретила текинцев дружным залпом, после чего они бросились к той стороне, где пасся табун верблюдов, в числе до 220. По скудности подножного корма верблюды паслись на довольно значительном пространстве; так что рота не могла быстро собрать их всех и крайних из них около 30 текинцы успели спуг-

путь и помчались с ними вверх по Сумбару; при этом был убит один рядовой Самурского полка, а другой легко ранен. При быстроте текинских скакунов ни рота поручика Булгакова, ни выбежавшие по тревоге из укрепления роты и выскочившие казаки не могли их долго преследовать; причем и верблюды с перепуга обыкновенно так несутся, что их не всегда и на лошади можно догнать.

Во всяком же случае, кавалерии в Чате, как я уже доносил Вашему превосходительству (рапорт № 1912), вообще мало: из двух сотен казаков одна сопровождает по очереди оказии между Чекишляром и Чатом и потому в Чате находится постоянно только одна сотня, часть казаков коей посылается с ротой на фуражировку, часть с другой ротой — в прикрытие табуна, и затем на случай тревоги остается весьма немного.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 194, лл. 361—362.

№ 192

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа о нападении ахал-текинцев на Чекишляр и Гасан-Гули

2 января 1879 г.

Рапортом от 15 ноября за № 2444, я доносил Вашему превосходительству о намерении текинцев снова вторгнуться в наши пределы. 24 декабря значительные скопища текинцев действительно произвели нападение на Чекишлярский приморский пост и прилежащие к оному аулы: Чекишляр и Гасан-Гули.

Дней за 10—12 перед сим мне сообщали, что в Теке собирается огромная партия пеших и конных людей, простирающаяся будто бы даже до 8—10 тысяч человек, но куда именно они полагали направиться, — держалось в секрете. Кроме того, лазутчики сообщили, что на бывшем в Кизыл-Арвате совещании решено было сначала напасть на Чат, но наш перебежчик Нуров указал на сильную, почти неприступную местность в Чате, и советовал напасть на Чекишляр, когда оттуда уйдет в Чат оказия, войск останется мало (три роты) и когда наступят наши праздники.

Хотя к этому слуху и следовало относиться с большой осторожностью потому, что, когда текинцы распускают слух о

намерении напасть на какой-нибудь пункт, их надо ожидать всегда совсем в другом направлении, но во всяком случае, я приказал как в Чекишляре и Чате, так и в Красноводске, принять всевозможные меры предосторожности, движение оказий между Чекишляром и Чатом прекратить, кочующим подле Красноводска шихским аулам перекочевать на косу Бековича, Чекишлярскому аулу, расположенному в двух верстах от укрепления, перейти поближе к оному, а Гасан-Гулинскому аулу, в котором до тысячи кибиток, окопаться валом и рвом.

24 декабря, после обеда, прибыл из Чата мой нарочный Ак-Берды и сообщил, что он видел в Шаирдах следы огромной партии конных, направлявшихся к Бугдайлям.

К этому числу в Чекишляре находился 3 Дагестанский его высочества батальон, 3 Ширванский батальон, 3 орудия красноводской артиллерии и 1 $^1/_2$ сотни казаков, считая и прибывших из Чата следующих на льготу.

Получив это известие, я немедленно отправился в Чекишляр на военной шхуне персиян. По пути туда, 25 декабря встретил канонирскую лодку «Тюлень», доставившую мне первое известие о произведенном накануне текинцами нападении на Чекишляр[1].

Дело происходило таким образом:

В 2 часа ночи на наших аванпостах заметили приближение большой партии текинцев, скрывавшихся до того за Белым Бугром. По первым же выстрелам люди в лагере и укреплении быстро выскочили из кибиток и стали в ружье, так что, когда текинцы подскакали к укреплению и начали по оному стрелять, по ним немедленно был открыт по всему переднему фасу сильный ружейный и артиллерийский огонь. Несколько гранат разорвало над самой толпой, тогда текинцы бросились к месту, где перед тем, вблизи лагеря, расположен был за буграми Чекишлярский аул, но там уже не было ни одной кибитки; с вечера чекишлярцы перебрались на лодки и ушли в море. Наши артиллеристы продолжали громить текинцев и там; тогда они, собравшись за буграми, бросились снова на правый фас укрепления, но и отсюда были вскоре отражены дружным огнем пехоты и артиллерии.

Одновременно с этим, часть этой партии бросилась и на Гасан-Гулинский аул; но заметив, что аул окружен валом, занятым жителями, готовыми открыть по текинцам огонь, они поспешно удалились.

С рассветом, 24 числа, начальник Чекишлярского приморского поста майор Жуковский послал казаков разведать о не-

[1] Об этом нападении подробно см. рапорт заведующего Чекишлярским морским портом начальнику Закаспийского военного отдела от 27 декабря 1879 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 210, лл. 5—6).

приятеле. Пройдя верст 10 от лагеря, казаки встретили значительную партию текинцев; между ними снова завязалась перестрелка; по первым выстрелам из лагеря на помощь казакам высланы были две роты при одном орудии. Как только текинцы заметили приближение пехоты, они обратились в бегство.

Между тем, как происходила эта последняя перестрелка, показалась канонирская лодка «Тюлень», обязательно высланная начальником Астрабадской морской станции, капитаном 1-го ранга Зайкиным, по первому же известию о тревоге. Затем также была выслана им и другая канонирская лодка «Секира», так что на станции не осталось уже ни одного парового военного судна. Быстрое появление этих военных судов, а также прибытие на другой день военной шхуны «Персиянин» не могло не произвести на текинцев сильного нравственного влияния и много содействовало столь быстрому удалению их от Чекишляра.

А между тем замысел у них был довольно обширный: условившись заранее с атабаевцами, которые, как я доносил уже прежде, всегда держали себя в отношении нас довольно двусмысленно, — они ожидали от них больших подкреплений и при помощи их надеялись истребить как наш гарнизон в Чекишляре, так и жителей соседних аулов в Чекишляре и Гасан-Гули. Атабаевцы действительно послали к ним 24 числа продовольствие и несколько сот конных, но текинцы уже отступили. Говорят, атабаевцы же нападали и на Гасан-Гули. Во всяком случае, несомненное участие в этом деле атабаевцев до того напугало более преданных нам джафарбаевцев, что эти последние не только не преследовали текинцев, но и удалились далеко за Атрек.

Сколько именно было текинцев при этом нападении положительно неизвестно: ночью нельзя было рассмотреть, а по песку следы мало были заметны; во всяком случае, их было далеко менее чем ожидали; мои нарочные, видевшие следы их в Шаирдах и Бугдайлях, полагают, что эта партия была в числе не более тысячи.

Решимость этой партии напасть на наш лагерь и укрепление объясняется тем, что текинцы рассчитывали застать в нем не более трех рот, полагая, что остальные пять рот пошли по заведенному порядку с оказией в Чат, при этом они сильно рассчитывали и на содействие атабаевцев, никак не ожидая, что Чекишляр, как и Чат, тоже укреплен довольно сильно.

План Чекишлярского приморского поста при этом имею честь представить на благоусмотрение Вашего превосходительства. Первоначально заложен был редут только на две роты, но потом, когда по обстоятельствам края пришлось оставить там два батальона, укрепление это было постепенно увеличиваемо, чем и объясняется смешанная форма оного.

В этом деле, в котором мы, благодаря бога, не имели никаких потерь, войска держали себя молодцами, несмотря на быстроту и внезапность ночного нападения, при этом за это последнее время служба их вообще была весьма нелегкая, они должны были довольно часто сопровождать в Чат оказии, чтоб обеспечить тамошний гарнизон продовольствием до весны, причем пришлось соорудить, кроме Чекишлярского, еще два промежуточных редута на ночлежных пунктах: в Караджа-батыре и Яглы-Олуме, а поэтому имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства о пожаловании нижним чинам бравого Чекишлярского гарнизона знаков отличия военного ордена, по числу 8 рот, полубатареи и артиллерии, взвода ракетной команды и 1 1/3 сотни казаков, а также и о разрешении мне представить отличившихся офицеров и медиков к наградам.

По 29 число, когда я возвратился из Чекишляра в Красноводск (получив точные сведения, что означенная партия текинцев через Бугдайлы и Шаирды направилась обратно в Теке) как в Чекишляре, так и в Чате все было затем спокойно и благополучно[1].

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210, лл. 1—4[2].

№ 193

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа об антирусских действиях ахал-текинцев, роли английских агентов в этом и необходимости военной экспедиции в Ахал.

2 января 1879 г.

Шифрованной депешей от 10 июля прошлого года[3] Ваше превосходительство изволили, между прочим, сообщить мне, что «назначение здешнего отряда — достижение исключитель-

---

[1] На документе резолюция: «Не понимаю, почему майор Жуковский, имея в своем распоряжении два батальона, не выступил решительно против текинцев на рассвете 24 декабря и не преследовал их с помощью казаков и верных нам туркмен. Такой образ действий дал бы нам в результате, по крайней мере, нравственное преимущество. Резолюцию эту сообщить генералу Ломакину. Вместе с тем ввиду поощрения тяжкой службы наших войск в Закаспийском крае разрешаю выслать 20 знаков отличия военного ордена нижним чинам Чекишлярского гарнизона и сделать представление о награждении офицеров. Кн. Мирский 7/1—79».

[2] Дубликат документа см. ЦГИА СССР, ф. 1, д. 210, лл. 1—4.

[3] Документ не публикуется.

но местных целей: обеспечить спокойствие степей и путь Красноводско-Хивинский».

Имею честь донести Вашему превосходительству, что до тех пор, пока не будут приняты решительные меры против текинцев, никаких правительственных целей в этом крае мы достигнуть не можем.

За последнее время текинцы произвели против нас следующие враждебные покушения.

1) Выслали значительную партию для нападения на наш транспорт, следовавший из Красноводска в Ходжам-Кала.

2) В Бенд-Есене 4 сентября открыли огонь по нашим фуражам на откупленном у них же поле.

3) В Ходжам-Кала напали ночью 7 сентября на наш лагерь.

4) На другой день хотели отбить у нас верблюдов; но не успев в этом, преследовали два дня отряд, пользуясь крайне пересеченной местностью и недостатком у нас кавалерии.

5) Подле Чата захватили врасп наших безоружных кавалеристов.

6) Приняли к себе нашего перебежчика, изменника Нурова.

7) Напали на табун Чатского укрепления и, наконец,

8) произвели нападение на Чекишлярский приморский пост, склонив при этом на свою сторону и атабаевцев.

В Чате и Чекишляре без сильного прикрытия в 4—5 рот мы не можем сделать и шагу — они держат нас как бы в осадном положении.

Все эти столь дерзкие покушения против нас текинцев за последнее время объясняются, с одной стороны, занятием нами Чата, который у них как бельмо на глазу, а с другой стороны, подстрекательством английских агентов.

В последнем деле у Чекишляра, 24 декабря, казаки рассказывают, что будто бы они видели среди текинцев двух англичан (как они полагают), руководивших ими.

Что же касается до Чата, то текинцы сами говорят, что лучше не было, если бы мы заняли какое-либо их укрепление, чем Чат, настолько они сами сознают всю стратегическую важность этого пункта к воспрепятствованию их диким инстинктам, грабежам и разбоям, которыми они только и живут.

Наша осторожная, сдержанная до сих пор система действий против них, внушенная разными политическими соображениями, объясняется ими не иначе как нашей слабостью. Они говорят: русские никогда не решатся придти к нам — англичане не позволят.

Все меры кротости и убеждения, первоначально предложенные мне для сношения с ними, все средства для постепенного

сближения с ними и приручения к нам этих дикарей, все экстраординарные суммы за последние четыре года, перешедшие к ним, все это было напрасно; с каждым днем дерзость их растет больше и больше.

Остается одно—истребить вконец это разбойничье гнездо, этот позор и пятно для нашего времени. Нельзя без ужаса было слушать теперь рассказов полковника Гродекова, проехавшего по окраинам их земель: все кругом их истреблено, выжжено, разорено, один только непрерывный ряд могильных холмов остается в местах, некогда цветущих, досягаемых для их набегов, целые огромные села выжжены и обращены в могилы.

Вся Средняя Азия, Хорасан, Афганистан, Бухара, Хива смотрят на нас и ждут, когда мы покончим с этими дикими варварами, с этими дерзкими разбойниками.

Какие же могут быть тут политические соображения? Тут чисто внутренний, домашний наш вопрос; никому вокруг их нет житья от них.

Я уже прежде докладывал*, что в интересах собственно здешнего края Мерв не представляет никакого особого значения, он слишком удален от здешнего края, мервские текинцы никогда сюда не проникают, они разобщены с здешними ахал-текинцами огромным степным маловодным пространством и землями персидских дерегезских курдов, нам собственно до Мерва нет никакого дела.

Нам необходимо только раз навсегда покончить с здешними текинцами, иначе порядок и спокойствие в здешних степях, благоустройство края вообще, установление правильного беспрепятственного караванного торгового сообщения с Хивой, возбуждение торговли, решение узбойского вопроса, возобновление древних городов Мешхед-Мерриян и другие жизненные вопросы края совершенно немыслимы при настоящем положении дел.

Поэтому, обращаюсь к Вашему превосходительству со всепокорнейшей просьбой, не изволите ли признать возможным войти с ходатайством о принятии в нынешнем же году решительных мер против ахал-текинцев, и если на это воспоследует соизволение его сиятельства, командующего армией, то не откажите приказать сообщить мне о том по телеграфу, дабы я мог немедленно представить Вашему превосходительству свои соображения о способе и средствах для осуществления сего предприятия, и с тем вместе принять безотлагательно всевозможные меры к приобретению на Мангышлаке заблаговре-

* В письме к начальнику Кавказского горского управления 1876 г. № 14

менно необходимых перевозочных средств, пока еще тамошние киргизы не успели откочевать на обычные летовки в пределы Уральской области[1].

Генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210, лл. 15—18.

№ 194

Отношение начальника штаба Кавказского военного округа начальнику Закаспийского военного отдела об экспедиции в Ахал

11 января 1879 г.

Высочайше повелено предпринять летом экспедицию против текинцев. Командующий армией предполагает Вам при первой возможности прибыть в Тифлис для соглашения о подготовительных мерах и с данными о местных средствах[2]. Сообщите, когда полагаете прибыть.

Павлов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210, л. 22[3].

№ 195

Из военно-статистического описания полковником Петрусевичем[4] Хорасана, о месте Ахала в политике России на Среднем Востоке и необходимости его скорейшего занятия[5]

1879 г.

...Из сделанного описания видно настоящее положение Хорасана на севере и востоке, характер местности в северных его провинциях, пределы этих провинций и свойство местности,

[1] На документе резолюция: «По телеграфу предложить генералу Ломакину теперь же войти в соображение и донести, какие могут быть приняты меры на месте и посредством подвоза для продовольствия наибольшего по возможности числа кавалерии и лошадей, вообще в Чате и Чекишляре. Ки. Мирский».

[2] В телеграмме начальнику Дагестанской области от того же 11 января 1879 г. Павлов требовал сообщить об условиях выделения для этой экспедиции трех сотен кавалерии (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210, л. 22 об). Тогда же из Петровска в Красноводск был отправлен 1 батальон 81 полка и для укомплектования 1 батальона 83 полка — 102 человека (см. рапорт начальника штаба 21 дивизии полковника Пожарова от 13 января 1879 г.) ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 210, л. 24.

[3] Дубликат документа см. в ЦГВИА, ф. 1, д. 2, л. 22.

[4] Артиллерии полковник Петрусевич был направлен в Хорасан для изучения его границ для последующего русско-иранского разграничения.

[5] Начало документа, посвященное описанию Хорасана, несмотря на наличие в нем интересных данных о туркменах и их взаимоотношениях с каджарскими властями, ввиду специального, выходящего за рамки настоящего сборника, интереса, — не публикуется.

лежащей далее на север от них. Теперь можно перейти к вопросу, представляют ли все местности, лежащие вне пределов Хорасана, для нас какую-либо важность и должны ли они быть заняты?

Для этого приходится начать издалека. После того как мы, приняв в подданство киргизов, кочевавших на восток от Урала, перешли в соседство Аральского моря, нам поневоле пришлось идти все вперед и вперед, перенося нашу пограничную линию все далее на юг и юго-восток. Еще не так отдаленно то время, когда наша граница проходила по р. Эмбе, северному берегу Аральского моря и низовьям р. Сыр-Дарьи. Но разве можно было остановиться на этом? На наши пограничные поселения производились постоянно набеги и киргизами, и туркменами, кочевавшими на юге от этой линии, а по Каспийскому морю захватывали наших русских, жителей Оренбургской и Уральской областей, и немало попалось в плен русских, томившихся и в Хиве, и в Бухаре, и в Кокане. Все это вызвало опять поступательное движение вперед нашей границы, и, начиная с начала 60 годов, мы все двигались и двигались вперед, и в 1876 г. у нас была уже в одном месте границей Аму-Дарья, потом обрывок границы около бухарской территории и еще меньший клочок границы по Атреку. От Хивы до устьев Атрека все степи остались свободными, а между тем на юге их были текинцы, заставлявшие уже в 1873 г. видеть необходимость их полного покорения. С покорением Хивы и с утверждением в Красноводске мы вошли в непосредственную близость с текинцами. Нам пришлось защищать интересы вновь приобретенных подданных близ Красноводска и на юг от него, у нас явились вопросы о соединении границы между Хивой и Атреком, оставшейся разорванной, об устройстве постоянного, если не пути, то хотя [бы] безопасного сообщения между Красноводском и Аму-Дарьинским отделом; о направлении на Красноводск из Средней Азии торгового движения, так как к Красноводску от Хивы, от Мерва и других мест Средней Азии ближе, чем на Казалинск и Оренбург; наконец, все эти вопросы вызвали необходимость обводнения Красноводско-Хивинской степи, вследствие чего начались точные научные исследования старого русла Аму-Дарьи, прерванные на половине исключительно по враждебности текинцев, — так как для защиты от них мелких рабочих партий, которыми производятся исследования различного рода[1], нужна значительная военная сила, поставленная во все время работ (около года) в самые не-

[1] В изучении этого вопроса особого интереса заслуживает докладная Глуховского о необходимости исследования Сары-Камыша для его обводнения и основания там опорного пункта для обеспечения безопасности Красноводско-Хивинского пути и давления на ахал-текинцев от 8 октября 1878 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 761, лл. 1—6).

выгодные климатические условия в безводных степях. До 1877 г. дела наши в Средней Азии шли своим порядком, отдельно от западно-европейской политики. Были мнения, что в будущем нам придется отсюда, может быть, двинуться в Афганистан и на границы английских владений в Индии; но возможность такого движения была как сомнительна, так отдаленна, что надеялись покончить потихоньку с среднеазиатскими делами. Между тем в настоящем году едва не дошло до войны с Англией. Территориальная обособленность Англии в Европе и распространение ее владений в Индии и до Пешавера указывали, что нам для произведения давления на Англию остается только действовать в Средней Азии. В апреле совершенно неожиданно мы должны были сформировать три более или менее сильных отряда и двинуть их к Афганистану совершенно наугад, так как мы не знали ни местности, по которой придется двигаться отрядам, ни народов, которые ее населяют.

Указав на те цели, которые открылись для нас в Средней Азии после занятия Красноводска, правого берега Аму-Дарьи и урочища Чекишляр, близ устья Атрека, я не намерен входить в подробное рассмотрение каждого вопроса отдельно, а только остановлюсь на двух из них, по-моему главных.

Всякое благоустроенное правительство считает одной из самых священных обязанностей защищать жизнь и имущество своих подданных от всякого насилия и чужестранного захвата. Ни одно из государств не в состоянии выносить, чтобы границы его прорывались хищническими набегами и чтобы жители подвергались захвату, личному уводу в плен и ограблению имущества. Если некоторые государства бывали в таких положениях, то выходили из них наказанием хищнических племен, производящих набеги. Это мы видим и теперь в Америке и Индии. Это было когда-то в Китае и это же происходит на наших среднеазиатских окраинах. Принятие в подданство киргизов повлекло за собой все остальное движение; мы в настоящее время доходим до крайних пределов этого движения и перед нами альтернатива: или отказаться от покорения текинцев и занятия их земель, или, напротив, уничтожить и это последнее разбойничье (гнездо). Предположим, что мы изберем первое; тогда, не говоря уже о невозможности связать хоть сколько-нибудь наши окраины, Красноводск и Аму-Дарьинский отдел, между собою, мы должны будем отказаться и от возможности защищать наших подданных киргизов и туркмен, кочующих близ Красноводска. Будучи последовательным, необходимо отказаться от всего того, что не по нашим силам. Оставаясь в Красноводске, не могущем прикрывать несколько кочующих около него племен от набегов текинцев, мы будем иметь только постоянные жалобы на этих кочевников наших подданных, то о грабеже, то об уничтожении кочевья, то об уводе в

плен большего или меньшего числа из наших кочевьев. Для того, чтобы не терять нашего достоинства в глазах других, мы, не желая заходить далее в степь, по необходимости должны отказаться и от Красноводска, и от Мангышлака, так как гораздо более честно и достойно великой державы не принимать на себя обязательств, которые почему бы то ни было неудобны. Граница наша между Каспийским и Аральским морями отойдет опять к р. Эмбе. Но разве эта граница представляет все данные для охранения? Нисколько; напротив, там, за неимением воды, негде поставить даже одного, двух укреплений, т. к. и р. Эмба появляется только весной. Предоставленные самим себе кочевники на Мангышлаке и севернее Атрека займутся тем же, чем они занимались издревле, т. е. грабежами, и, конечно, не остановятся перед границей, которую должна изображать р. Эмба. Начнутся опять грабежи в тех местах, которые не слышали ничего подобного уже чуть ли не полстолетия. Тогда мы должны будем опять начать обуздывание кочевников, производящих грабежи, а т. к. они, т. е. кочевники, сделав капитальный грабеж, имеют обыкновение откочевывать и оставаться в отдалении до того времени, покуда грабеж забудется, то нам поневоле придется отказаться от наказания грабителей, а искать средства прекратить такой порядок прочным устройством нашей границы. По р. Эмбе граница не может быть сделана недоступной. Является вопрос о ее перенесении на юг, так как отступление на север немыслимо. Значит, нужно двигаться на юг, опять занимать постепенно и Мангышлак, и Красноводск, и Чекишляр, т. е. все те пункты, которыми мы владеем теперь, а затем опять представляется тот же вопрос о текинцах, с которыми мы сталкиваемся лицом к лицу. Стало быть, со стороны обеспечения наших подданных мы поставлены в необходимость покончить с текинцами так или иначе и едва ли может быть другой конец, кроме окончательного занятия всего пространства, населенного текинцами....[1].

Необходимость оставить Персию вне наших военных операций вынудили нас избрать для Красноводского отряда путь по Ахал-Текинскому оазису на север от персидских границ. Но здесь с первых же шагов мы встретились с сопротивлением текинцев. При направлении отряда из Чекишляра предполагалось избегать столкновений с племенами туркмен так же, как это предполагалось и для туркестанских отрядов. Но разве исполнение подобных предположений зависит от начальников отрядов? Разве можно быть уверенным, что туркмены и другие племена, среди которых отрядам придется двигаться, отнесутся к такому движению дружелюбно? Неизвестно еще,

[1] Далее следуют не относящиеся к теме сборника рассуждения о трудности давления на Англию со стороны Туркестана и нежелательности вовлекать Иран в русско-английскую войну.

как были бы встречены наши туркестанские отряды, но относительно Красноводского отряда мы уже имеем факты. В прошлом году отряд выдержал нападение текинцев у Кизыл-Арвата, а в настоящем году, во время движения от верховьев Сумбара и Чандыра к Чату, отряд шел отбиваясь от текинцев. Эти факты говорят против возможности мирного движения по Текинскому оазису.

Едва ли в наших интересах занимать Бухару и Хиву и все мелкие владения по левую сторону верховьев р. Аму-Дарьи. Может быть со временем это и случится; но, по крайней мере, в настоящее время слишком преждевременно об этом думать, а между тем, мы должны позаботиться, чтобы нас не застигнули в Средней Азии врасплох вторично, как это случилось в настоящем году, когда явилась неотложная потребность скорого движения к пределам Афганистана, а у нас даже не было путей, по которым можно было исполнить такое движение. Все земли на юг от Туркестана для нас не могут считаться доступными всегда, да если бы даже владетели их были с нами дружны, то не можем мы устраивать через их владения военные дороги, разные склады и всякие другие помещения, потому что это было бы равносильно их покорению. Стало быть нужно устроить другой путь, который был бы в наших руках всегда и которым мы могли бы воспользоваться в каждую минуту, не затрагивая ничьих интересов и не возбуждая никаких дипломатических затруднений. Таким путем для нас остается один путь по Текинскому оазису до крайних его пределов на Востоке.

В нынешнем году занято урочище Чат в 110 верстах от берега Каспийского моря. От этого урочища до Гяурса, последнего поселения на востоке Ахала, по прямой линии 240 верст, а следуя течению р. Сумбара до Кизыл-Арвата, а оттуда по линии текинских поселений около 300 верст. Если мы займем эту линию, то нам от Гяурса уже открыт путь свободно к Афганистану. Мы можем потом занять все течение р. Герри-руда по правую его сторону от развалин укр. Теджен, находящегося в 80 верстах прямо на восток от Гяурса до самого Серахса, и при этом не затрагивать ни персидской территории, ни Мерва, лежащего на 200 в[ерст] в стороне от Теджена и Серахса...[1].

Таким образом, разобрав подробно вопросы, во-первых, относительно обеспечения нашим подданным в степях полной безопасности — личной и имущественной, во-вторых, относительно приготовления для будущего операционного базиса и удобного пути к Герату, нельзя не придти к заключению о необходимости занятия Ахал-Текинского оазиса. Если мы даже отказались бы от такого занятия в настоящем, то нас обстоятельства заставят сделать такой шаг в будущем, и может быть весьма недалеком, и, конечно, выгоднее заранее сделать то, что мы все-таки вынуждены будем сделать. Если же неизбежность занятия Ахал-Текинского оазиса для нас не отразима, то чем менее мы будем откладывать это дело, тем лучше.

[1] Далее следует не представляющее интереса описание путей движения войск на юг и их снабжение.

С занятия Красноводска прошло уже восемь лет. Ежегодно производились потом движения по степи на восток и юг от Красноводска, и почти ни одно движение не проходило без вооруженных столкновений с туркменами, которые каждое такое столкновение истолковывают в свою пользу, как бы поражением наших войск. Прежде, до 1877 года, крупных столкновений не было; но в прошлом и настоящем годах текинцы нападали на отряд в больших скопищах и обратное движение отряда объясняют победой над нами. Конечно, те, которые знают все дело, могут смеяться над таким самообольщением текинцев. Но здесь на востоке другого объяснения ни от кого не услышите, и я, проведя прошлый и настоящий года на востоке, знаю, что наше влияние между восточными народами сильно страдает от таких нерешительных действий. До сих пор здесь с именем русских соединялось какое-то особое представление о непобедимости, о неотразимом превосходстве, заставляющем всякого отступать, и вдруг совершенно наоборот. Текинцы не только не отступают, но заставляют отступать русских. Но не будем обращать внимания на то, что страдает наше значение на востоке, так как рано или поздно оно может быть восстановлено. Занятие Ахал-Теке, и по возможности скорее, вынуждается другими соображениями и более вескими. В первых столкновениях европейцев с каждым народом, диким или кочевым, если столкновения бывают решительны, кочевники поражаются раз и навсегда, но если эти столкновения незначительны, то мало по малу кочевники свыкаются и с действием оружия, и с способами войны, и приучаются сами действовать на слабые стороны. За последние 15 лет мы на востоке действовали неотразимо. Один удар решал дело раз и навсегда, сопротивлявшиеся уничтожались и всякая мысль о сопротивлении представлялась невозможной. Но последние два года действия наши не таковы, и текинцы теперь уже не боятся нас. Они уже привыкли к нашим ружьям и пушкам и не только не обходят отряд, но преследуют его целыми днями; они даже берут у нас пленных, сравнивая нас в этом отношении с персиянами[1].

[1] Далее следуют не представляющие интереса, ввиду их явно ложного характера, слухи о «варварском» обращении с пленными.

Если нерешительность действий Красноводского отряда продолжится, то нет сомнения, что текинцы привыкнут к нашему способу войны, при каждом движении отряда будут более и более смелы и победа над ними будет обходиться нам дороже и дороже. Кроме того, медленность в занятии Ахал-Текинского оазиса вредна и в финансовом отношении. Если нам неизбежно приходится завладеть Ахалом, то, несомненно, выгоднее сделать это сразу, а не постепенно, как это предполагается. Занятие Ахала сразу в один год может потребовать увеличения состава Красноводского отряда вдвое и усиленных расходов на устройство транспорта. Но раз занятие совершилось, все излишнее может быть сокращено, а разные транспорты уничтожены, так как, заняв Ашхабад и Гяурс, мы становимся в самое близкое соседство с Кучаном и Дерегезом, откуда может покупаться продовольствие; да, наконец, и сами текинцы будут в состоянии снабжать нас пшеницей и ячменем, которых им теперь некуда сбывать. Между тем, медленное, постепенное движение вперед по Ахалу до его крайнего востока потребует только ежегодно содержания громадного транспорта для перевозки всего необходимого, так как до тех пор, покуда мы не приблизимся к Асхабаду, на средства персидских провинций рассчитывать нельзя, потому что до полного покорения текинцев к отряду без сильного прикрытия они не пропустят ни одного каравана. Силы же отряда и при медленном движении вперед должны быть увеличены потому, что все равно, с каждым годом мы будем занимать прочно все новые и новые пункты. Текинцы, встретившие нас уже два года сряду неприязненно, и в будущих движениях, несомненно, также не пропустят случая повредить отряду и вступить с ним в бой, но только с тою разницей, что они будут делаться все опытнее и опытнее, и каждый шаг вперед будет сопровождаться большими и большими потерями прогрессивно с увеличением у текинцев знаний и опытности, как удобнее действовать против нас.

Может быть существует мнение, что медленность занятия Ахала может доставить нам возможность завладеть оазисом без столкновения с текинцами и без серьезного с их стороны сопротивления. Такое мнение ошибочно. Народ, не знавший над собой никого, чтобы им управлял, не признававший власти ни в каком виде, считающий произвол единственным правилом и силу единственным правом, находящий невозможным жить без грабежа и воровства во всех его видах,— такой народ не отдаст своей свободы, не имеющий ни в каком отношении границ, добровольно. Он попробует сопротив-

ляться самым отчаянным образом и дорого возьмет за свое подчинение. Текинцы, несмотря на свои отрицательные качества, народ неглупый. Нельзя себе представить, чтобы они не понимали, что с подчинением русским они должны будут зажить другой жизнью и что все их набеги и проявления удали уже будут неуместны. Они хорошо это знают и потому не сдадутся ранее двух-трех серьезных столкновений с нашими войсками и чем эти столкновения будут сильнее, тем лучше. Довольно даже одного погрома, потому что такой погром покажет им невозможность сопротивления, но, не испробовав сил в борьбе, Ахал не сдастся.

Медленность с нашей стороны поведет только к большему числу столкновений, а следовательно и жертв и с их, и с нашей стороны. Она же, несомненно, повлечет и к большим расходам на ежегодное движение отрядов.

Рельефный пример, каких пожертвований может стоить медленность, представляет Кавказская война, тянувшаяся 60 лет и конченная только тогда, когда отстали от прежнего взгляда*. Восемь лет мы уже владеем Красноводском, а в степи мы далеко не были. Мы даже на юг от Красноводска знаем ее только до Кизыл-Арвата и Чата и что есть за этими урочищами,—нам решительно неизвестно. Если бы в эти восемь лет был занят Ахал, то в нынешнем году нас не застали бы врасплох. Мы только в июле могли подвинуться к Чату, а если бы наш крайний пост был в Гяурсе, то в июле мы были бы у Герата, не сделав ни одного выстрела.

Могут представить еще одно возражение, что, зачем нам занимать степи никуда негодные и увеличивать и без того громадную русскую территорию такими непроизводительны-

* Кроме того, каждый степной поход расстраивает здоровье многих не только солдат, но и офицеров, поставленных в условия несравненно лучшие. В этих походах руководствуются не количеством верст, а расстоянием между колодцами, а колодцы нарыты в степи для караванов и 25-верстный переход считается очень маленьким. Большинство переходов приходится делать в 35 и 40 верст, а пройти даже 25 верст по страшной жаре, неся на себе ранец, ружье и сумку с патронами, и в большинстве песками изнурительно даже для сильного организма, тем более, что встречаются переходы в сыпучих громадных песчаных барханах. Поэтому каждый степной поход ведет за собою много неизлечимо больных. Нужно вспомнить только движение 1877 года к Кизыл-Арвату и назад. Движение самое небольшое, всего 200 или немногим больше верст туда и обратно, а после этого движения пятая часть всего отряда легла в лазареты. Большинство вернулось в строй, конечно, с надломленными организмами, но много солдат умерло. Занятие Текинского оазиса дает нам возможность производить разведки в степи кавалерийскими мелкими частями, не подвергая изнурительным походам драгоценных наших солдат.

ми пространствами, как пустыня к северу от Ахал-Текинского оазиса и к востоку от Каспийского моря. Но в принципе эти степи и без того уже наши, мы только не имеем на их границы и устанавливаем ее; занимая Ахал-Текинский оазис и все пространство между ним и крайними персидскими поселениями. Это именно пространство составит наиболее ценное приобретение из всех сотен тысяч десятин, которые лежат между Аральским и Каспийским морями и персидскими поселениями. Есть еще одно соображение, что, дойдя до пределов Персии, мы поглотим и ее. Подобное соображение в настоящее время не имеет места. Доходя до северных окраин Персии, мы имеем перед собою дружественную державу, которая не захочет, да и не в состоянии причинить нам каких-нибудь беспокойств. Мы могли бы желать приобретения какой-нибудь персидской провинции, если бы она преграждала нам путь к Афганистану, но с занятием всего Ахал-Текинского оазиса мы будем иметь свой особый путь к Герату, не касаясь персидской территории. Необходимо только следить, чтобы хорасанские власти не утверждались на правом берегу Герри-руда в Старом Серахсе, так как тогда путь наш по правому берегу Герри-руда через развалины Теджена и Старый Серахс будет прерван*. Скорее можно было бы желать, чтобы и Новый Серахс персидское правительство уничтожило; по крайней мере, тогда мы были бы полными хозяевами всего течения Герри-руда до самой афганской границы. Для этого нет необходимости нам и занимать ее прочно, а только наблюдать, чтобы по его течению, в особенности с правой стороны, не было персидских поселений.

Резюмируя все вышесказанное:

Ахал-текинцы, оставаясь непокорными, будут постоянно производить набеги и грабежи наших подданных не только

* В последние три года туркмены племени сарык несколько раз являлись в лице выборных к хорасанским властям с просьбой разрешить им поселиться в Серахсе Старом, на правом берегу Герри-руда. Старый Серахс в 6 верстах от укр. Серахса или Нового Серахса, лежащего на левом берегу реки и занятого персидскими войсками. Если заселение Старого Серахса состоится, то тогда придется признать право владения персиян и на правом берегу реки, так, поселившись в Старом Серахсе, туркмены должны поневоле признавать над собою власть персиян. До сих пор все эти переговоры не привели ни к чему. Хорасанские власти не соглашаются на поселение сарыков у Старого Серахса, но они предлагают им занять развалины Зур-Абада на левом берегу Герри-руда, на 120 верст выше Серахса по течению реки, но сарыки этого не хотят. Старый же Серахс персияне прочат под поселение текинцев Мерва, которым там уже тесно, но покуда дело не сладилось.

киргизов и туркмен, но и укреплений, воздвигнутых в последнее время. В случае столкновения с Англией и необходимости движения к английской Индии, мы должны будем идти через Ахал-Текинский оазис, и текинцы никогда нас не пропустят без боя; следовательно, сначала придется заняться ими, а потом уже двинуться далее. Это потребует значительного усиления корпуса войск, назначенного действовать в Афганистане[1], так как часть его должна быть оставлена для покорения Ахала и поддержания сообщения. Нам невозможно оставаться без приготовлений для себя удобного пути к Афганистану, и, если не касаться персидской территории, то наиудобнейший путь один, через Ахал, а не заняв Ахала, у нас не будет дороги. Занятие Ахал-Текинского оазиса прибавляет к нашим владениям не бесплодные только степи, которые, по существу, и без того уже наши, но значительные пространства удобных к заселению и земледелию земель между Ахал-Текинским оазисом и северными окраинами Персии, не говоря уже о самом оазисе. Поэтому нам необходимо занять Ахал-Теке, и чем скорее это занятие совершится, тем лучше, потому что избавит нас от значительных затрат на ежегодные, не приносящие пользы военные рекогносцировки степи, и от многих жертв, вследствие болезней, развивающихся от трудностей степных походов, помимо тех потерь, которые неминуемо произойдут при столкновениях с текинцами. Заняв Ахал, мы вступим в непосредственное соприкосновение с северными провинциями Хорасана: Келатом, Дерегезом, Кучаном и Буджнурдом, причем за границу может быть принято настоящее распространение поселений в этих провинциях. Поселения Кара-Кала и Нохур, на которые ильхани буджнурдский заявляет свои права, как на платящие ему подать[2], можно по всей справедливости считать не персидскими, а туркменскими, так как они слишком удалены от Буджнурдской провинции, и, если они и дают какие-нибудь подарки, то это скорее дань, а не подать, и дань, вносимая как придется. Наконец, относительно урочища Чахча, Мэгна, Чаардах и Хаджи-Мамед (Али-Абад), лежащих у подножия Келатских гор, едва ли следует их признавать персидской территорией, вследствие только того, что на них занимаются пахотой туркмены с позволения правителя Келата, уплачивая ему известный процент сбора. Нам необходимо

[1] Речь идет о действиях не против Афганистана, а о давлении на Англию через Афганистан.

[2] Об этих податях интересные сведения имеются в неопубликуемом нами начале документа.

иметь между Гяурсом и Серахсом воду, а она есть только у окончания ручьев, идущих с Келатских возвышенностей, т. е. как раз в местах, где лежат названные урочища, за которыми невдалеке ручьи иссякают.

Окончив рассмотрение вопроса о занятии Ахал-Текинского оазиса в смысле необходимости сделать это как можно скорее, нельзя не остановиться еще на одном, весьма важном для нас деле. Востока, т. е. того Востока, который близок к нам и может не сегодня-завтра быть ареной наших действий, мы решительно не знаем. Наши путешественники и исследователи направляются вовсе не туда, где для нас скрывается наибольший интерес, и потому в минуту необходимости мы прибегаем за сведениями к источникам старым, ошибочным или таким, которые составлены иностранными путешественниками с особыми целями и потому нам мало пригодны. Доказательство налицо. Уже издавна Персия служит местом столкновения влияния нашего с английскими, но есть ли у нас знания о Персии такие, которые дозволили бы составить подробный план военных действий в случае, если бы нам пришлось стать для защиты ее от Англии? Мы снарядили 20 лет тому назад экспедицию Ханыкова, весьма широко обставив ее; она дала весьма богатые результаты научные, но не дала нам того, что нужно. Мы без английских путешественников не знали бы ни о Серахсе, ни о Келате, ни о Дерегезе, а о пределах распространения на север персидских поселений у нас нет решительно никакого представления. Что же оказалось? Когда появился на сцену жгучий вопрос о давлении на Англию в ее Индии, мы не могли решительно составить ничего определенного о том, как лучше туда пройти и каковы местные условия, с которыми придется встречаться нашим войскам. Пришлось посылать, одновременно с направлением войск, комиссии для исследования путей и собрания самых разносторонних сведений о странах, лежащих на этих путях. Что такой порядок более чем неудобен — ясно и без комментарий. Не так действуют англичане, наши естественные противники на Востоке. Они издавна занялись Персией, а в последнее время исключительное их внимание было обращено на север Персии. Казалось бы, чего им там нужно? Север Персии от Пешавера далеко, но тем не менее с 1874 г. они хорошо через Беккера, Батлера и, в особенности через Непира, с ним познакомились. Они знали, что путь к Индии от нас лежит по Персии и что у северных окраин нам идти невыгодно, и потому они постарались познакомиться, где границы Персии; и если бы мы в своем движении тронули персидскую территорию, англичане обвинили бы персиян в союзе с нами и обрушились бы на них, зная, что на юге мы бессильны подать персиянам помощь. Наоборот, у нас не было никаких

сведений о севере Персии, а о Герате и Кабуле говорить нечего, тогда как английские агенты живут в разных местах Афганистана и изучили его с военной стороны весьма хорошо. Кроме того, содержа постоянных агентов, англичане везде завели связи, у них есть в разных местах люди, которые им доставят и доставляют всякие сведения. В Мешхеде, например, в Кучане, в Буджнурде, в Келате, в Серахсе и даже между туркменами Мерва и Ахала много людей, относящихся дружественно к англичанам. До последнего времени на севере Персии и в особенности между туркменами не было известно, что такое англичане, но их агенты сделали более сведущими текинцев и самые глухие уголки Персии. Если до последнего времени возможность вооруженного столкновения нашего с англичанами была более чем призрачна, то настоящий год показал, что призраку легко перейти в действительность; следовательно, нам необходимо приготовиться к этому, т. е. познакомиться не только со странами, прилегающими к северу и востоку Хорасана, но и с теми, которые прилегают к западной англо-индийской границе, потому что там-то и может произойти самое решительное столкновение*. Нам необходимо познакомить с русским именем племена, населяющие эти страны, и завязать там связи, потому что иначе мы, если бы пришлось действовать в местности между Гератом и Кабулом и границей Индии, не найдем даже проводников. До сих пор в Персии мы не имели агентов, кроме дипломатической миссии в Тегеране и трех консульств: в Тавризе, Реште и Астрабаде. О военных агентах в Персии мы и не думали до прошлого года, а теперь опять военного агента нет, а между тем в Персии-то и нужны военные агенты, которые бы не сидели в Тегеране, а разъезжали бы по всем окраинам и изучали бы Персию во всех отношениях, составив и карты местностей ими посещенных. Нам необходимы также и военные агенты в Афганистане. Англичане, например, постоянно в последние годы имели в Персии военных агентов: точно так же у них были агенты и в Кабуле, и в Белуджистане, а иногда и в Кандагаре. Агенты их, исполняя дипломатические поручения, отлично изучили страны, в которых они действовали. Они не сидят на месте, а разъезжают под предлогом охоты или под другим каким-нибудь, а поэтому-то англичане в данную минуту всегда обладают знаниями, позволяющими им руководить другими и защищать свои интересы. События текущего года показали, что и нам нужно последовать

---

* Как на наиболее важный для нас путь, я могу указать на течение р. Мургаб, двигаясь по которой, можно подойти к самому Кабулу. Главное, что река эта проходит по северному склону Парапамизского хребта, могущего прикрыть с юга движение наших войск.

примеру англичан, если мы захотим соблюдать, конечно, свои интересы*, а не креститься тогда, когда грянет гром...[1]

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 35, лл. 31—85.

№ 196

Из соображений начальника штаба Кавказского военного округа об ожидаемом сопротивлении ахал-текинцев царским войскам и планах их окончательного покорения

январь 1879 г.

Исключительные условия политического значения предпринимаемого движения и данные о свойствах страны и населения, куда неотложная необходимость заставляет нас ныне предпринять наступление со стороны восточного берега Каспийского моря, настолько обусловливают все соображения о порядке и способах выполнения этого предприятия, не только в главных расчетах сил и средств, для сего потребных, но и во многих второстепенных подробностях, что не только не излишне, но и совершенно уместно уяснить здесь общие выводы о значении самого предприятия и положения страны, до коей оно касается из данных в наших руках находящихся.

Овладение Текинским оазисом и прочное там водворение есть первый и, можно сказать, главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве, о замкнутии границы нашей пространством между фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары. Провести резкую грань между этим шагом и дальнейшим предприятием на Мерв нам не удается. Связь племенная, связь родственная, связь интересов, наконец, в последнее время даже связь единоначалия в лице Нурбердыхана не дозволят нам отделить дело ахал-текинцев от туркмен мервских. При первом же движении нашем к центру текинских поселений мервцы явятся на помощь соплеменникам, как делали это постоянно при наших движениях в степь, и более чем вероятно, что пройдя даже до крайних пределов Ахал-Теке, к Гяурсу, мы убедимся, что прочное владение текинским оазисом, нами пройденным, немыслимо без владения Мервом. Можно предполагать не без основания, что тогда именно и наступит период наибольшего сопротивления обоих племен нашему водворению в этой территории. Такой ход дела является не только возможным, но почти неизбежным. Он должен быть принят в расчет при настоящих наших соображениях и в отношении того военного сопротивления, какое мы можем встретить, и в отношении продолжительности известного напряжения наших сил.

Сведения наши о численности населения Ахал-Текинского и Мервского оазисов можно назвать совершенно неопределенными. Они, в силу существовавших до сего отношений наших к этим племенам, могли ограничиваться лишь данными из расспросов туркмен, данными противоречивыми и для них самих по большей части гадательными. В этом отношении наибольшего вероятия могли бы заслуживать цифры, доставленные полковником Петрусевичем за его последнюю поездку в северо-восточные провинции Персии. Но принимая их даже несколько преувеличенными и останавливаясь на средних выводах, мы должны определить население Ахал-Теке до 30 тыс. кибиток и Мерва до 45 тыс. или всего до 375 тыс. душ обоего пола. Наступательное движение наше в их территории заставит текинцев выставить по крайней мере по одному человеку с кибитки, а допуская даже половинную помощь мервцев, мы будем иметь противу себя до 50 тыс. человек вооруженных, спокойных за свои стада и семейства, которые, конечно, на время движения нашего и до завладения нами главнейшим районом их оседлости укроются возможно глубже в степи.

Несмотря на все недостатки вооружения, на всякое отсутствие какой-либо военной организации, текинцы и мервцы и по своему прошлому, и по недавним примерам в Закаспийском отделе показали себя настолько смелыми и предприимчивыми противниками, а условия местности и быта, их веками выработанная система разбойничьих нападений, делают их подвижными в своих набегах и способными уклоняться от удара, что нельзя относиться с пренебрежением к их вооруженному сопротивлению в особенности во всем, что касается обеспечения тыла и сообщений.

Из приведенного выше числа пятидесяти тысяч можно считать конными от 18—20 тыс. человек, остальные за неимением лошадей составляют особый род пешего войска, следующего обыкновенно за кавалерией на верблюдах и держащегося в пешем строе, открывая огонь и смело бросаясь в сабли врукопашную, когда кавалерия успела охватить неприятельские фланги и тыл. Эту систему применяли они всюду, и с персиянами, и с хивинцами и даже в 1873 г. под Чандыром против наших войск.

Занимая кочевьями своими и распространяя набеги свои до пределов оседлых персидских, бухарских и хивинских поселений, ахал-текинцы имеют, однако, определенную и сравнительно ограниченную территорию, на которой группируются

---

* Прискорбный пример незнакомства с местностью представляет Батум, оставшийся за турками в 1829 году вследствие незнания, что речки Чурук и Чорок не одно и то же.

[1] Далее следует не представляющее интереса предположение об инструкциях этим военным агентом.

главнейшие их интересы, с коей связано нераздельно их материальное существование.

С северного склона гребня Копет-Даг текут многочисленные ручьи, давшие возможность сгруппироваться около них всей оседлости ахал-текинцев. Большая возвышенность хребта Копет-Даг, на юго-восточном его конце, и близость его здесь к отрогам Эльбурского хребта, достигающим в узле Хазар-Маджид до 10 тыс. фут., обусловливает значительное обилие водой всей восточной оконечности Копет-Дага. Затем, чем далее на запад, тем ручьи северного склона становятся меньше.

Вследствие этого, у западной оконечности Копет-Дага встречаются сравнительно редкие и тянущиеся в одну линию, по самому подножию хребта, поселения, тогда как на меридиане Буджнурда, где орошаемая полоса степи значительно расширяется, оседлости сгущаются уже в две и несколько линий, образуя в пространстве между Геок-Тепе и Асхабадом, так сказать ядро всех текинских поселений. К востоку от Асхабада расположены только два ахал-текинских поселения: Анау и Гяурс.

Район геок-тепинских и асхабадских поселений, где сосредоточено 40—50 тысяч душ населения и составляет тот стратегический пункт, на который главнейшим образом должны быть направлены наши действия. Среди него лежит главная крепость ахал-текинцев Геок-Тепе, которая считается и административным их центром, вследствие пребывания в ней четырех главных ханов и главного ишана, тут сосредоточены самые обширные и богатые их пашни, тут происходят постоянно народные собрания, отсюда исходят, обыкновенно, все крупные предприятия текинцев. Завладение этим районом и утверждение в нем подчиняет нашей власти весь Ахал-Текинский оазис...[1].

Принятие мер противу такой случайности не только отразит и предупредит ее[2], но, несомненно, произведет должное впечатление на самый образ действий ахал-текинцев. В этом отношении казалось было бы совершенно достаточным выставление близ границ названных ханств на время движения нашего в Ахал туземных милиций в том размере, какой окажется удобным по местным условиям. Эта мера охраны одной известностью своей уничтожит могущие возникнуть у ахал-текинцев уклонения от признания подчиненности нам и не останется без впечатления и на Мерв. Если же допустить при этом передвижение нескольких рот из Петро-Александровского укрепления

[1] Далее следует не представляющее интереса описание путей движения в центр Ахал-Текинского оазиса.

[2] Речь идет о возможности принятия ахал-текинцами хивинского или бухарского подданства

к Чарджую, то одной этой угрозой можно избежать и излишней траты времени на полное подчинение нам ахал-текинцев и осложнений, могущих явиться внезапно от более или менее широкого участия, которое примут в деле текинцы-мервцы.

Начальник штаба генерал-лейтенант Павлов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, д. 210, лл. 64—75.

№ 197

Отношение главнокомандующего Кавказской армией военному министру для представления царю о решении особого совещания вопросов положения в Туркменской степи и необходимости занятия Ахал-Текинского оазиса

22 января 1879 г.

Наш посланник в Тегеране представил в Министерство иностранных дел от 5 декабря 1878 г. донесение о положении дел на реке Атреке и о результатах движения нашего отряда в Текинскую степь, причем возбудил вопросы касательно будущего образа наших действий в Закаспийском крае.

Посланник полагал, что экспедиция прошедшего года, по примеру экспедиции 1877 г., не привела к достижению главной цели: подчинению влиянию нашему текинских населений и прекращению их нападений, что подтверждается дерзким преследованием текинцами отряда во время обратного движения его от Ходжам-Кала к Чату и нападением как на нижних чинов, отправляемых на фуражировку и за дровами, так и на верблюдов отряда, пасшихся близ Чата, причем несколько наших людей было убито и уведено в плен.

Все эти происшествия произвели в Персии весьма невыгодное для нас впечатление; они толкуются в смысле наших неудач, и английские агенты упорно стараются уверять в этом персиян.

В интересах русского влияния нельзя допускать подобным убеждениям укореняться в Персии и потому для восстановления нашего престижа необходимо строго наказать текинцев и предупредить возобновление их дерзких покушений. Опыт последних лет доказал, что этих результатов нельзя достигнуть без полного подчинения текинцев и занятия обитаемой ими страны. При этом вопрос может состоять только в том, стремиться ли к цели этой постепенно, периодически посылая в степь сравнительно небольшие отряды, или же принять более действительные меры, т. е. разом занять весь текинский оазис?

Действительный статский советник Зиновьев полагает, что последний способ представляется более выгодным с точки зрения нашего политического влияния в Азии. Он разом положит конец как невыгодным толкам, так и дерзким происка англичан в войне против афганцев произвели в Персии весьма сильное впечатление и содействуют возрастанию там влияния Англии. Прочное занятие Текинского оазиса, приближая нас к границам Хорасана, будет служить противовесом английскому влиянию в этих краях, и, наконец, чем скорее мы займем Текинский оазис, тем скорее будем обладать передовым пунктом, могущим послужить базисом для наших дальнейших предприятий в Средней Азии.

Для обсуждения настоящего положения дел в Закаспийском крае, я пригласил 21 сего января на совещание г-на военного министра, г-на товарища министра иностранных дел и г-на начальника Главного штаба. На совещании было высказано, что до тех пор, пока на Туркменских степях будут бродить кочевые племена, никому не подчиненные и не признающие над собою никакой власти, спокойствие в степях не может быть водворено, и граница наша не может быть установлена. Беспрестанные грабежи и набеги хищников на наши пределы принудят нас постоянно подвигать более и более вперед передовые линии, пока перестанет существовать район независимых кочевых племен. Южная граница в Закаспийском крае может быть прочно установлена только тогда, когда она дойдет до пределов стран, признающих международные трактаты [и], с которыми можно иметь международные отношения; текинцы никогда не признавали над собой никакой власти, и Текинский оазис всегда был гнездом хищников, опустошающих туркменские степи по всем направлениям. Десятилетний опыт обладания нами Закаспийским краем указывает, что беспрестанное снаряжение малых экспедиций в степи стоят весьма дорого и не приносят положительных результатов в достижении раз предназначенной цели — водворить в них спокойствие. По последним донесениям из Закаспийского края, наши укрепления на Атреке почти в блокадном положении, и из них нельзя выходить иначе, как под сильным прикрытием; недавно Чекишляр подвергся нападению значительного скопища. Текинцы всюду бродят; они свободно прорываются в Атрекский район как со стороны реки Сумбара, так и со сторо-

ны...[1] окраинов по свободному пространству правого берега среднего течения реки Атрека, находящегося между Чатом и курдскими поселениями. Чтобы прекратить такое положение дел на Атреке, настоятельно необходимо подчинить русской власти Текинский оазис, по географическому положению представляющий все средства и данные для обуздания набегов текинцев. Состоя из узкой полосы земли, тянущейся вдоль подошвы гор Кюрен-Даг и удобной для поселений, он есть исключительное средство для существования текинцев; удаление оттуда равносильно гибели как их самих, так и многочисленных стад, им принадлежащих, вследствие чего они по необходимости должны будут признавать ту власть, которая фактически обладает оазисом. Исторический ход дел в наших Киргизских степях доказывает, что вековые волнения и грабежи там прекращались только тогда, когда мы занимали зимовки киргизов; то же самое должно произойти и с текинцами, для которых зимовками служит Текинский оазис, откуда им нет никакой возможности навсегда удалиться. На севере оазиса лежат пустынные степи, где можно только временно укрываться. на западе степи уже заняты туркменами-джафарбаевцами и атабаевцами, которые не дозволят текинцам взять их земли; на востоке курдские поселения и Мервские степи, в плодородных частях коих уже расположены другие роды туркмен, не могущие в свою очередь принять ахал-текинцев; наконец, на юге прилегают персидские владения. Таким образом, по занятии нами оазиса, текинцы будут поставлены в безвыходную необходимость подчиниться русской власти и прекратить свои набеги. Отложить на будущее время приведение этой меры в исполнение представляется невозможным, так как теперь еще легко покорить текинцев вследствие дикости и неразвитости их, отсутствия денежных средств, недостатка оружия, разрозненности и даже враждебности разных родов между собою и отсутствия единства власти. Но когда они будут снабжены деньгами, оружием и хорошими военачальниками, тогда покорение их будет сопряжено с необычайными затруднениями, огромными денежными расходами и большим напряжением военных сил.

Принимая во внимание все вышеизложенные данные, я, по соглашению с г-м военным министром, г-м товарищем министра иностранных дел и г-м начальником Главного штаба, полагаю необходимым: 1) сформировать весной текущего года в Чате отряд, достаточный для подчинения нашей власти Ахал-Текинского оазиса, для чего должен быть занят в оазисе стратегический пункт, удобный как для прочного обладания нами оазисом, так и для устройства безопасного сообщения с операционным базисом на Атреке и 2) с

[1] Слово не разборчиво.

подчинением Текинского оазиса приступить к занятию линии по Узбою, устроив укрепление или в Игды, или в другом каком-либо пункте на старом русле Аму-Дарьи, где окажется наиболее выгодным и удобным для обеспечения безопасности Красноводско-Хивинских путей.

Если эти заключения, принятые на совещании, удостоятся высочайшего одобрения, то будет немедленно приступлено к разработке подробного плана предполагаемых действий в Закаспийском крае.

Главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдмаршал Михаил

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210.
лл. 40—45

№ 198

Обращение Баба-хана к хивинскому хану с просьбой о посредничестве в принятии русскими властями мервских текинцев в подданство

не ранее 24 января 1879 г.

В настоящее время наступили такие времена: подданные не согласны выполнять службу своего владетеля, а владетель не в состоянии охранять своих подданных; смотря на это, с искренним желанием изъявляя покорность русскому царю, мы решили вступить в подданство. Изъявляя искреннее желание покорности, обращаемся к Вашему величеству за советом и какой Вами будет дан совет, будем поступать согласно оного, потому, собственно, как мы убеждены, что в улучшении нашего положения Вы, как высший наш, примите милостивое участие; народ теке считает себя как Вашим и во всех случаях не разнит себя от Вас. Чистосердечная служба всякому послужит в пользу. Войти в подданство великого царя следует. Власти, поставленные от русского царя, находятся там; почему обращаемся к Вам с просьбою составить совет, принимая во внимание пользу обеих сторон и принять участие Ваше — обстановить это дело решительно, написав его императорскому величеству с ожиданием скорого ответа. Вашему величеству небезызвестно, если Вами будут постановлены положительные условия, то в народ нужно послать уполномоченных лиц и кто будет сопротивляться, того подвергнуть наказанию[1]. Какие Вами будут поставлены условия, то сообщить оные мне. Для этой цели мною посланы почтительные: Ораз Мухаммед-хан, Куды-ишан, Анна Дурды-бек и Анна-батыр, которым передав последовавшее оттуда распоряжение скорее благоволите возвратить; если пожелаете от них узнать что-либо о здешнем народе, то они сообщат на словах.

Баба-хан Коушутханов приложил печать.

[1] Интересно отметить, что Туркестанский генерал-губенартор, как он сам отмечал в своем рапорте от 28 февраля 1879 г. начальнику Главного штаба, не придавал «такому заявлению никакого значения» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 437, л. 6).

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 437,
лл. 3—4[1].

№ 199

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору о происках каджарских властей и англичан в Мерве и желании мервцев перейти в русское подданство

24 января 1879 г.

Посланный мною на рекогносцировку подполковник Кавалевский вернулся и, как я и ожидал, не только не встретил никакой текинской шайки, но и по собранным сведениям в последнее время никакой шайки и не было.

После уже отправления последнего рапорта моего к Вашему высокопревосходительству от 17 января за № 164, хивинский хан препроводил ко мне 4-х мервских текинцев, присланных к нему от Баба-хана, сына Коушут-хана, с письмом (приложение № 1), в котором Баба-хан сообщает о желании всего текинского народа вступить в русское подданство; посланные и мне передали просьбу (приложение № 2)[2]. Я их принял, обещал их просьбу представить Вашему высокопревосходительству, но при этом приказал передать Баба-хану, что нам трудно поверить в искренность заявлений текинского народа, когда они не перестают заниматься грабежами, а главное задерживают в плену Кидяева[3]. На это посланные ответили, что грабежом занимаются только дурные люди, а Кидяев находится у туркмена Аннагельды, который не слушается Баба-хана. На дальнейшие расспросы посланные рассказали, что в настоящем году в Мерв приезжал персидский

[1] Копию документа см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1892, л. 12.
[2] Документ не печатается ввиду того, что его содержание идентично содержанию документа № 3.
[3] Речь идет о русском солдате, взятом текинцами в плен и находившегося в Мерве до присоединения его к России.

посланник Насрулла-хан для заключения договора, который и состоялся на следующих основаниях: текинцы обязуются не грабить персиян; 1000 всадников поступают на службу шаха; за это персидское правительство обязуется платить жалованье не только всадникам, но и всем текинским старшинам; но вслед за этим Насрулла-хан потребовал, чтобы текинцы дали заложников и выдали бы 32 пушки, отнятые у персиян в прежние годы. На эти требования текинцы не согласились и договор не состоялся. После отъезда персидского посланника приехал в Серахс сын английского консула в Тегеране, который обещал текинцам от своего правительства и деньги, и оружие с тем, чтобы они были бы на стороне англичан и сделались бы врагами русских. Вместе с тем английский посланник изъявил желание проехать в Мерв, но что будто бы текинцы его туда не пустили и никакие из его условий не приняли, потому что не хотели ссориться с русскими.

Донося о всем вышеизложенном на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства, имею честь почтительнейше присовокупить, что, по частным сведениям, Баба-хан не пользуется большим влиянием среди текинцев, гораздо менее, чем отец его Коушут-хан, который считался важнейшим из текинских старшин.

Начальник отдела полковник Гротенгельм.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 437.
лл. 1—2[1].

№ 200

Из доклада начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа с планом военной экспедиции в Ахал-Теке

28 января 1879 г.

Цель экспедиции—направление и пункты действий, численность и состав отряда.

Цель экспедиции, предпринимаемой против текинцев, заключается в занятии Ахал-Текинского оазиса и окончательном подчинении нашей власти населения этого оазиса. Для этой цели нам необходимо пройти из конца в конец весь этот оазис до крайних восточных крепостей оного: Гяурса и Анау, примыкающих к землям персидских

[1] Копию документа см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 515, д. 1892, лл. 17—18.

курдов Дерегезского и Кучанского округов, и затем, заняв в этом оазисе главный стратегический пункт, ввести там наше управление по образу Мангышлакского приставства.

Главным стратегическим пунктом в этом оазисе, главной в оном крепостью, главным так сказать административным центром в оном считается кр. Геок-Тепе, в 60 верстах на с.-з. от Асхабада. Тут скучено самое густое население текинцев (до 8 тыс. кибиток); тут находятся самые обширные и богатые их пашни, самые большие и обильные речки, тут же проживают постоянно четыре главных хана правителя текинцев, от племени утемиш: Хозрет Кули-хан и Овез Дурды-хан; и от племени тохтамыш: Ораз Мамед-хан и Нурберды-хан*, а также там находится и главный текинский ишан Курбан Мурад. Поэтому, Геок-Тепе считается как бы столицей Ахал-Текинского оазиса; там же происходят постоянно народные собрания и оттуда исходят, обыкновенно, все особенно крупные предприятия текинцев. Вследствие сего занятие этого пункта, устройство там нашего укрепления, и введение в оном нашего управления и должно быть главной целью экспедиции.

Для успешнейшего достижения этой цели необходимо собранный для сего в Чате отряд направить в Ахал-Теке двумя колоннами: первая колонна направится вверх по Сумбару до Тер-Сакана, оттуда перейдет в Ходжам-Кала, устроит там промежуточное укрепление для склада продовольствия, которое будет доставляться из Чекишляра и Чата, и затем через Бенд-Есен перейдет в Текинскую крепость Беурму, откуда по Текинскому оазису направится к Геок-Тепе. Цель движения этой колонны—обеспечить подвоз продовольствия, и вообще сообщение от Чата в Ахал-Теке, разобщить текинцев от атабаевцев и не дать возможности первым из них броситься в Прикаспийские степи. Вторая колонна направится вверх по Атреку до Буджнурда, откуда перейдет через горы по довольно удобной, впрочем, караванной дороге в Геок-Тепе. Цель движения этой колонны—обеспечить на дальнейшее время ближайший и удобнейший подвоз довольствия к отряду из Буджнурдского и Кучанского округов, и подтвердить фактически принадлежность нам приатрекской местности; причем движением этой колонны мы заходим текинцам как бы в тыл.

Без сомнения, движение обоих колонн должно быть рассчитано так, чтобы они одновременно могли сойтись в Геок-Тепе.

* Последний по смерти Коушут-хана Мервского отправился в Мерв, добивается там главенства, а вместо себя оставил в Ахале своего сына.

При соображении о численности отряда, необходимого для выполнения этого предприятия так, чтобы несомненный успех оного мог быть вполне гарантирован от всяких случайностей, следует иметь в виду:

1) что текинцы всегда были народ свободный, независимый, что свою свободу они будут отстаивать теперь до последней крайности, на жизнь и смерть;

2) что по самому умеренному исчислению их считается в Ахале не менее как 15—20 тыс. кибиток;

3) что мервские текинцы, коих считается гораздо более, несомненно, окажут им в этой их последней борьбе за независимость все возможное содействие тем более, что оба эти оазиса находятся теперь под одним и тем же главенством Нурберды-хана, друга известного английского агента капитана Непира, выдающего ему субсидии и находящегося с ним в постоянной переписке;

4) что последнее нападение текинцев на Чекишляр показало, что атабаевцы готовы оказать им посильную помощь;

5) что по этому расчету нам придется, быть может, иметь дело с неприятелем приблизительно тысяч в 30—40 человек*;

6) что неприятель этот, как показал прошлогодний год, едва ли где доставит нам случай нанести ему поражение в большой массе, а откроет против нас самую неудобную для нас малую партизанскую войну, будет везде нас тревожить, нападать на наши сообщения, транспорты**, а как на первое время, пока не будет обеспечен подвоз довольствия из Буджнурда и Кучана, мы можем получать таковое только с моря, то потому, вероятно, и вынуждены будем постоянно разобщать и дробить отряд[1]...

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210, лл. 31—33, бо. Подлинник[2]

* Вооруженных.

** Чем мы, несомненно, обязаны нашим приятелям англичанам, текинцы сами едва ли бы до этого додумались.

[1] Далее следует не представляющее интереса перечисление необходимых для этой экспедиции войск, боеприпасов и т. д.

[2] Копию документа см. ЦГИА СССР, ф. 1, д. 210, лл. 31—36.

№ 201

Доклад начальника Главного штаба Александру II «об экспедиции в Текинский оазис»[1]

февраль 1879 г.

Положение наше в Закаспийском отделе, несмотря на десятилетнее занятие края, не только с течением времени не становилось все более прочным и определенным, но даже сравнительно ухудшилось.

Для водворения спокойствия в занятой нами территории был произведен, по представлению местного начальства, ряд экспедиций, но общий результат их неблагоприятен для нашего влияния в Закаспийском крае. Туркмены принимали обратное движение наших войск за отступление, видели в нем признак нашей слабости, преследовали наши отряды и постепенно становились все более и более дерзкими. Укрепление Чат было почти блокировано, несколько человек русских солдат уведено в плен, наконец, в конце декабря прошлого года текинцы произвели нападение на Чекишлярский пост.

Независимо от неудобств подобного хода дел для нас в самом крае, все эти происшествия произвели в Персии весьма невыгодное для нас впечатление и толкуются в смысле наших неудач.

Для обсуждения положения нашего в Закаспийском крае и определения образа будущих действий, 21 января настоящего года состоялось под председательством его императорского высочества Главнокомандующего Кавказской армией совещание.

На совещании этом было предположено необходимым:

1) сформировать весной текущего года в Чате отряд, достаточный для подчинения нашей власти Ахал-Текинского оазиса, для чего должен быть занят в оазисе стратегический пункт, удобный как для прочного обладания нами оазисом, так и для устройства безопасного сообщения с операционным базисом на Атреке и 2) с подчинением Текинского оазиса приступить к занятию линии по Узбою, устроив укрепление или в Игды, или в другом каком-либо пункте на старом русле Аму-Дарьи, где окажется наиболее выгодным и удобным для обеспечения безопасности Красноводско-Хивинских путей.

[1] Заголовок документа; датируется на основании других документов.

Предположения эти 23 января сего года удостоились высочайшего утверждения, вслед за чем в штабе Кавказского округа приступлено было к разработке подробного плана предполагаемых действий.

Ныне в Главный штаб доставлены соображения штаба Кавказского военного округа по выполнению высочайшего повеления о движении в Текинский оазис.

Три главных вопроса, определяющих экспедицию, а именно: 1) вопрос о цели экспедиции и предмете для действий; 2) вопрос о базе и выборе операционного направления; 3) вопрос о средствах для выполнения поставленной цели — разрешены в вышеупомянутом представлении штаба Кавказского округа следующим образом:

А. По первому вопросу

Овладение Текинским оазисом и прочное там водворение не есть цель операции, а только главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве и замкнутии границы нашей фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары.

Для подчинения нашей власти всего Ахал-Текинского оазиса необходимо овладение районом геок-тепинских и асхабадских поселений, где сосредоточено от 40 до 50 тысяч душ населения. Район этот составляет тот стратегический пункт, на который главнейшим образом должны быть направлены наши действия. Среди него лежит главная крепость ахал-текинцев—Геок-Тепе, которая считается и административным их пунктом, вследствие пребывания в ней четырех главных ханов и главного ишана.

Б. По второму вопросу

Базой для действий и главными нашими опорными пунктами будут служить укрепления Чат и Чекишляр.

Для направления наших войск от этих пунктов к средоточию текинских поселений (району Геок-Тепинскому и Асхабадскому) представляются два рода путей. Одни, пролегающие в пределах нашего несомненного владения и ведения или такой территории, по которой войска наши уже совершали передвижения; другие захватывающие отчасти несомненные, отчасти спорные и неопределенные пределы персидского владения и влияния.

В первом случае главнейшим путем для движения будет уже известный, но отчасти маловодный путь по доли-

не р. Сумбара через Ходжам-Кала на Беурме. От этого последнего до района Геок-Тепе приходится сделать еще 8—10 переходов по неизвестной и недоступной пока для нас песчаной степи, где долговременная стоянка отряда может оказаться немыслимой, вследствие недостаточности воды.

Во втором случае можно выбрать два пути: 1. По Атреку на персидские города Буджнурд, Ширван, Кучан и далее через хребет Копет-Даг к Асхабаду. 2. По Атреку, долине Мана (по курдским поселениям) и далее через хребет Копет-Даг к текинским поселениям Янги-Кала и Баб-Араб.

Направлению, обеспеченному этими двумя последними путями, следует, по мнению Кавказского штаба, отдать решительное предпочтение, как главному пути наступления наших войск перед вышесказанным направлением на Ходжам-Кала и Беурма.

С. По третьему вопросу

Состав экспедиционного отряда, по соображению штаба Кавказского округа, приблизительно должен быть следующий:

Пехоты: 16 батальонов по 450 человек в каждом	7200 ч.
Кавалерии: 10 сотен казаков, 6 сотен Дагестанского конно-иррегулярного полка, 6 сотен туземной милиции, 1 дивизион-драгун, итого 22 сотни, 2 эскадрона	3200 ч.
Артиллерии: 30 орудий	400 ч.
Всего	10800 ч.

Сила главного отряда исчислена в 4000 пехоты, 2000 кавалерии и 16 орудий.

Расход по заготовлению провианта, продовольственных продуктов и фуража в 6-месячной пропорции, по найму перевозочных средств, по перевозке в Чекишляр войск, назначенных в экспедицию, и другим расходам исчислен приблизительно в два миллиона рублей.

Ассигнование этих денежных средств требуется неотлагательно. Только с принятием теперь же энергичных мер к подготовлению всего необходимого можно рассчитывать быть вполне готовыми начать наступательное движение к началу мая, а закончить весь поход и прочно водвориться в Ахал-Теке до наступления зимы.

По обсуждении соображений, Главный штаб пришел по поставленным выше трем главным вопросам, опреде-

ляющим экспедицию в Ахал-Теке, к следующим заключениям.

А. По вопросу о цели экспедиции и предмете для действий

Согласно высочайшего утверждения, целью экспедиции должно быть поставлено подчинение нашей власти Ахал-Текинского оазиса, через занятие в нем важного стратегического пункта, удобного как для прочного обладания нами оазисом, так и для устройства безопасного сообщения с операционным базисом на Атреке.

Занятие Мерва, хотя бы и признавалось предприятием удобоисполнимым особенно после разгрома текинцев, было бы однако ж для нас не выгодно в политическом и особенно в экономическом отношении. Поэтому движение из Ахал-Текинского оазиса далее к Мерву должно быть строго воспрещено, даже необходимо поставить в число главнейших обязанностей начальника экспедиции, чтобы всеми зависящими от него мерами старался устранять поводы ко всякому дальнейшему движению в глубь Туркменских степей.

Что касается выбора предмета для действий, то, на основании имеющихся весьма неполных сведений, следует признать таковым район Геок-Тепе, предоставив, однако, начальнику экспедиции ограничиться овладением теми или другими пунктами, не столь отдаленными, если бы с занятием их вполне достигалась поставленная для экспедиции цель.

В. По вопросу о базе для действий и выборе операционного направления

Предлагаемые штабом Кавказского военного округа главные пути для движения от базы на Атреке к Геок-Тепе—Асхабад, проходят частью по персидской территории и потому не должны быть выбраны. Даже согласие Персии на предоставление нам этих путей, если бы таковое было дано, не может быть признано для нас выгодным, так как оно создало бы нежелательные по отношению к Персии обязательства, которые при известных политических осложнениях весьма трудно нам выполнить.

Поэтому необходимо избрать для действий не касающиеся ни одного из поселений курдских или персидских.

Таков путь по р. Сумбару на Ходжам-Кала к Беурме, таким может быть путь по Атреку до курдских поселений и затем через Копет-Даг к одному из текинских поселений.

Этот последний во избежание недоразумений следовало бы принять не иначе, как по соглашению с нашим посланником в Тегеране.

Насколько нежелательно нарушать неприкосновенность персидской территории, настолько не может считаться выгодным доставление нашему отряду из Персии коммерческим путем фуража, муки и перевозочных средств.

С. Вопрос о средствах для овладения Текинским оазисом

Принимая численность главного отряда, согласно определению Штаба Кавказского округа, в 4000 пехоты, 2000 кавалерии и 16 орудий, казалось бы более выгодным составить этот отряд из меньшего числа батальонов, но укомплектованных по военному времени (или по крайней мере до 42-рядного состава), чем из девяти батальонов в 450 человек каждый.

Относительно назначения в состав отряда кавалерии можно полагать, что с выбором операционного направления не по персидской территории, численность придется уменьшить сообразно фуражным средствам и количеству воды, которые могут быть найдены на выбранном пути действий.

Точно так же в зависимости от выбранного пути должен измениться и расчет перевозочных средств для отряда, составленный частью в предположении движения по колесным путям, проходящим через персидскую территорию.

Наконец, в зависимости от тех изменений, которые будут приняты в вопросах о цели экспедиции, выбор операционного направления, численности отряда и его состава, должны произойти некоторые изменения как в расчете денежных средств, необходимых для экспедиции, так и в назначении времени для ее начала и окончания.

Что касается отпуска суммы на расходы по экспедиции, то отпуск этот должен быть произведен немедленно, хотя бы в примерном размере.

Изложенные выше соображения Главного штаба сводятся к следующим основаниям, на которых может быть произведена экспедиция в Текинском оазисе:

1. Цель предполагаемой экспедиции необходимо ограничить занятием Текинского оазиса с положительным воспрещением движения на Мерв.

2. Пути для движения наших войск не должны касаться персидской территории.

3. Отряд, назначенный для движения, должен состоять из меньшего числа частей, но более сильного состава.

4. На расходы по экспедиции необходимо ныне ассигновать экстраординарным кредитом примерно до одного миллиона рублей с причислением его к смете Главного интендантского управления.

Испрашивается. Благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству всемилостивейше соизволить на производство экспедиции в Текинский оазис на изложенных основаниях и на ассигнование испрашиваемого кредита[1].

Граф Гейден

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210, лл. 81—90. Копия заверенная.

№ 202

Докладная главнокомандующему Кавказской армией помощника его о значении Ахала в англо-русском соперничестве на Среднем Востоке и необходимости его немедленного занятия

7 февраля 1879 г.

По приказанию Ва[illegible]его высочества, князь Трубецкой прислал мне копию с депеши графа Шувалова государственному канцлеру от 21 января № 6.

Содержание этой депеши касается вопросов, имеющих прямую связь с предположениями о движении отряда наших войск в Ахал-Текинскую территорию. Поэтому позволяю себе с моей стороны изложить Вашему высочеству некоторые соображения, касающиеся содержания депеши графа Шувалова.

Факты показывают и будут продолжать доказывать, что никакие дипломатические ноты, никакие внешние и внутренние протесты, никакие решения на бумагах не могут изменить того, что является неизбежным последствием естественного положения и силы вещей и законов тяготения политических тел,—и что русскому и английскому государству неминуемо суждено встретиться в Средней Азии непосредственным образом.

[1] На документе надпись: «Высочайше повелено исполнить согласно изложенным соображениям. Ген. ад. гр. Милютин. 20 февраля 1879 г.».

Поэтому никакие переговоры отрицательного свойства по предмету Средней Азии между Россией и Англией не могут дать прямых результатов. Для получения таких результатов нужно идти с течением, а не против течения, — нужно стараться достигнуть соглашения не о том, чего англичане не займут и чего мы не займем в Средней Азии, а о том, что они займут и что мы займем, и где должна быть граница между ними и нами в этой части света.

Таким только путем разумной предусмотрительности может быть подготовлена и обеспечена миролюбивая встреча Англии и России в Средней Азии, — вместо угрожающего столкновения страшного для обеих этих держав и противного интересам цивилизации и всего человечества.

Избежать этого столкновения трудная, но великая и благородная задача, достойная высокого внимания тех, которым вручены судьбы народов и искреннего сочувствия всех честных благонамеренных людей. Задача тем легче выполнимая, чем больше будет откровенности и правды в сношениях между Англией и Россией.

На основании этих общих соображений, я вполне разделяю мнение графа Шувалова о том, что на действия англичан в Афганистане нам нужно отвечать не переговорами, а действиями такого же рода и что действия эти должны быть направлены от Атрека.

Но относительно времени, характера и цели наших действий со стороны Атрека считаю долгом представить несколько объяснений и замечаний.

Из заявления военного министра, что занятие нами Мерва ныне невозможно, граф Шувалов выводит заключение о нашем бессилии предпринять со стороны Закаспийского края те действия, которые он справедливо признает единственной мерой, способной противодействовать положению, принимаемому англичанами в Афганистане.

Мне неизвестен точный смысл заявления, сделанного государственному канцлеру графом Милютиным. Но смею думать, что тут вкралось недоразумение. Заявление военного министра, вероятно, относилось лишь к тактической стороне дела, т. е. указывало на невозможность наших войск совершить постоянное занятие Мерва ныне же, одним разом. Такая невозможность действительно существует. Но, к счастью, дело не в Мерве.

Сведения, добытые поездкой полковника Петрусевича, показывают, что самый удобный и ближайший путь от Атрека к Герату идет, оставляя Мерв в стороне, по Ахал-Текинскому оазису и далее до границы Афганистана по местности никем не занятой, вследствие взаимной враж-

дебности соседних населений и фактически никому не принадлежащей. Путь этот может быть обращен в удобную операционную линию для весьма значительного количества войск.

Устроить такую линию и приблизиться к Герату составляет сущность того действия, на которое указывает граф Шувалов. Для этого нужно занятие не Мерва, а ахал-текинской территории, которое и полагается совершить.

Граф Шувалов полагает, что, приготовляясь к действиям со стороны Атрека, нам не следует их начинать до заключения мира между Англией и Афганистаном и что приготовления наши должны совершаться негласно, дабы преждевременным открытием предприятия по направлению к Герату не побудить англичан к более радикальному разрешению афганского вопроса.

Мы можем не оглашать цели нашего движения в Ахал-Текинский оазис, т. е. нашего намерения окончательно там водвориться, но скрыть наших приготовлений положительно не можем. Приготовления эти состоят в таких мерах, исполнение коих требует времени и не может остаться тайным, как например, заготовление и подвоз продовольствия для войск и в особенности сбор перевозочных средств, нужных для движения отряда в этой местности. К тому же как на Кавказе, так и в Персии, вряд ли кто-нибудь сомневается после дерзских нападений текинцев на наши войска, даже у берегов Каспийского моря, что против них будут приняты строгие меры наказания. Как скрыть то, чего все ожидают. Одни только текинцы, как уверяет генерал Ломакин, думают, что русские к ним не придут потому, что англичане им этого не позволят.

Поведение в отношении нас текинцев, и невозможность каких бы то ни было переговоров и соглашений с народом, у которого нет установленной власти, оправдывает вполне употребление против них силы оружия. Такая мера не может никого удивить и сама Англия вынуждена признать ее основательность и необходимость.

Движение наших войск против текинцев нужно и по причинам совершенно посторонним событиям, совершающимся в Афганистане, и вопросу о взаимном положении Англии и России в Средней Азии,—оно вызывается надобностью охраны наших непосредственных интересов в Закаспийском отделе, законом самохранения и соблюдением достоинства России.

Наконец, никому неизвестно, когда восстановится мир в Афганистане,—ждать этого мира в бездействии и неизвестности чем кончится настоящая война, между тем как сила

английского оружия производит свое действие, слишком для нас невыгодно и опасно. События без всякого повода с нашей стороны могут завлечь англичан в Афганистан далее, чем они ныне это предполагают. Если их влияние упрочится в Герате, то оно не замедлит распространиться и на текинцев, и тогда исполнение наших предположений против всех последних может стать в условия, весьма неблагоприятные и гораздо более для нас трудные.

Впрочем, по моему личному убеждению, более радикальное разрешение афганского вопроса, т. е. занятие англичанами более обширной части Афганистана, не должно признаваться для нас невыгодным, но с тем, разумеется, условием, чтобы и с нашей стороны были приняты по времени и значению соответствующие меры.

Если суждено быть вооруженному столкновению в Средней Азии между Англией и Россией,—если мудрость правительств не успеет отклонить этих столкновений, то условия его будут тем выгоднее для нас и тем труднее для англичан, чем более эти последние удалятся на запад от теперешних границ Индии с Афганистаном.

Мне кажется очевидным и не требующим подробных доказательств, что защита Индии против покушения России будет для англичан делом гораздо более трудным, когда они будут иметь Афганистан сзади себя, а не впереди.

Держать такой край, как Афганистан, в послушании и порядке, и обеспечить свои сообщения через такую страну, а равно снабжение значительного числа войск,—это может быть не по силам даже для англичан, в особенности, в случае войны с Россией, когда наши войска подступили бы к Афганистану в качестве избавителей.

По моему мнению, пусть англичане делают в Афганистане что им угодно, лишь бы мы делали и делали во время то, что нам следует делать. А следует нам прежде всего обеспечить себе доступ к Афганистану, для этого нужно подготовление в этом направлении удобной операционной линии, исходящей от выгодной для нас базы. Таким условиям удовлетворяет предполагаемая линия от устья Атрека через Ахал-Текинский оазис.

Поэтому занятие ахал-текинской территории, составляющей первый и главный шаг в этом деле, имеет для нас столь спешное значение. Откладывать исполнение этого предприятия не выгодно ни в каком отношении, и даже в отношении финансов, потому что всякое замедление сделает его более трудным и дорогим.

Текинцы, снабженные в достаточном количестве усовершенствованным оружием, сделались бы для нас серьезным

и опасным неприятелем. Нужно принять своевременные меры, чтобы этого не допустить.

Записка Окружного штаба с соображениями относительно предполагаемой экспедиции составлена в главных чертах, согласно моим указаниям. Подробности выяснятся лучше всего впоследствии и преимущественно на месте. Главное—дать достаточные средства и поручить дело надежным деятелям. Генерал Лазарев будет нуждаться в инструкции только в отношении политической стороны дела.

Нет сомнения, что при движении к ахал-текинской территории войскам нашим придется иметь дело и с мервскими текинцами, но тем не менее нельзя предвидеть степени сопротивления этих племен, которые нам так мало известны, как и местности, ими занимаемые. Нельзя ничего предрешать и нужно будет действовать, смотря по обстоятельствам, которые окажутся.

Я лично полагаю, что персидское правительство не согласится на пропуск наших войск через персидскую территорию,—и мне кажется, что было бы лучше без этого обойтись.

Князь Святополк-Мирский

ЦГВИА, ф. ВУА/с, оп. 1, д. 28, лл. 50—58.

№ 203

Из доклада[1] Главного штаба о дислокации войск в Закаспии и неумелом руководстве их действиями

16 февраля 1879 г.

...Силы эти[3] расположены гарнизонами в укреплениях Александровском, Красноводске, Михайловском, Чекишляре и Чате, причем в двух последних сосредоточено было в последнее время 14 рот. Положение наше в Закаспийском отделе, несмотря на значительные силы в нем собранные и на значительные ежегодные денежные затраты, постоянно к тому же вырастающие,—неопределенное.

В Закаспийском отделе мы фактически владеем только ничтожной полосой земли на пушечный выстрел от каждого

[1] Документ обнаружен в виде приложения к отношению военного министра главнокомандующему Кавказской армией от 20 февраля 1879 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 210, лл. 91—92).

[2] Начало документа, посвященное описанию состава войск Закаспийского военного отдела, интереса не представляет.

[3] Речь идет о войсках Закаспийского военного отдела, насчитывавших к этому времени 21 роту, местную команду, две сотни и 12 орудий.

из наших укреплений, т. е. занимаем в отделе вполне оборонительное положение[1].

Оборонительная система в этом крае имеет свои выгоды и свои недостатки. Можно думать, что до настоящего времени выгоды этой системы могли перевешивать невыгодные[2].

К выгодам оборонительной системы в Закаспийском отделе относится:

1) Возможность избежать присоединения к нашим владениям огромных пустынных пространств с редким враждебным нам населением. Присоединение этих пустынь не было бы затруднительно, но поддержания в них спокойствия стоило бы весьма дорого людьми и деньгами. Причем траты эти легко могут быть вполне непроизводительными.

К выгодам наступательной системы в Закаспийском отделе относятся:

1) Возможность связать округа Кавказский и Туркестанский для поддержания в случае необходимости войск второго из них войсками Кавказской армии.

2) Возможность обеспечения и, может быть, обводнения Красноводско-Хивинских путей, имеющих для нас некоторое как стратегическое, так и торговое значение.

3) Возможность занятия на север от персидских границ такого пункта, который мог бы служить нам передовой базой для действия против Герата и далее к стороне Индии, в случае разрыва с Англией.

Достижение этих трех целей имеет тесное между собой отношение.

Установление связи между округами Туркестанским и Кавказским может быть достигнуто только занятием и обеспечением Красноводско-Хивинских путей.

Обеспечение Красноводско-Хивинских путей возможно только с занятием Ахал-Текинского оазиса.

Наконец, занятие этого последнего приведет в соприкосновение с мервскими туркменами, что в конце концов повлечет занятие Мерва и распространение наших границ до Афганистана.

В общем, при наступательной политике мы расширим наши владения в Азии еще на несколько сот тысяч квадратных верст, вынуждены будем усилить наши войска в

[1] «Вполне... положение» подчеркнуто.

[2] Касаясь вопроса изменения численности и состава войск Закаспийского военного отдела, военный министр в своем отношении главнокомандующему Кавказской армией от 20 февраля 1879 г. отмечал, что они «рассчитаны на оборонительную с нашей стороны систему действий в этом крае» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 210, л. 91).

Азии 8—10 батальонами и прибавим к нашему бюджету новое бремя в несколько лишних миллионов.

Эти соображения, далеко не новые, удерживали нас до сих пор в оборонительной политике в Закаспийском отделе.

Но, приняв для этого края в принципе только оборону, мы на практике часто отступали от этого принципа. Со времени занятия Красноводска, почти ежегодно, по представлению местного начальства, производились на сотни верст в глубь степей экспедиции.

За время этих экспедиций войска наши никогда не встречали сколько-нибудь серьезного сопротивления, тем не менее состав войск, назначенных в экспедицию, постепенно возрастал, и с двух-трех рот, с которыми полковники Столетов и Маркозов доходили в 1870 и 71 годах, первый—до Кизыл-Арвата, а второй—почти до Хивинского оазиса (оз. Сары-Камыш), дошло до 1500—2000 чел., с которыми действовал в прошлом году генерал Ломакин.

Результат всех этих экспедиций был неблагоприятен для нашего влияния в Закаспийском крае. Туркмены принимали обратное движение наших войск за отступление, видели в нем признак нашей слабости и постепенно становились все более и более дерзкими. Наконец, в конце декабря прошлого года текинцы, собравшись в числе нескольких сот человек, произвели нападение на Чекишлярский пост, гарнизон которого состоял в то время из двух батальонов пехоты.

В настоящее время начальник Закаспийского отдела сделал представление о необходимости усиления войск Закаспийского отдела еще батальоном пехоты в 1200 чел. и двумя полевыми батальонами.

Вопрос о необходимости этого усиления решается различно, в зависимости от того способа действий, который мы намерены принять в настоящее время по отношению к Закаспийскому отделу.

Если мы, по-прежнему, решимся держаться оборонительного способа, то войск, находящихся в Закаспийском отделе, слишком много и часть из них вполне возможно вывести обратно на Кавказ.

Ограничиваясь только занятыми нами уже пунктами, для защиты их против туркменского населения при настоящем его вооружении и для действий в поле в районе наших укреплений достаточно двух пятиротных батальонов пехоты.

Эти 10 рот могут быть расположены следующим образом:

В укреплении Александровском рота пехоты, [в] Красноводске две, [в] Чате три, Чекишляре подвижной резерв в четыре роты пехоты.

По мнению Кавказского начальства, в Закаспийском крае необходимо иметь: четыре 4-х ротных батальона пехоты и местную команду в 400 человек, из коих два батальона и местная команда составляют постоянные войска для занятия укреплений и два батальона составляют подвижной резерв и берутся из полков 21 дивизии. Сил этих слишком много для выполнения назначенной им цели.

Опыт войны в Туркестане показывает, что если наступательная сила наших войск против туземного населения весьма велика, то при обороне самый ничтожный отряд наш почти непобедим. Стоит вспомнить следующие подвиги наших войск: город Ташкент с 60 тыс. населения был взят штурмом 1000 русских штыков; ханства Бухарское и Кокандское завоеваны после ряда полевых дел и штурмов силою около 20 рот пехоты*.

В Самарканде слабый батальон выдержал в продолжение 7 дней ряд штурмов в несколько десятков раз превосходящего числом неприятеля.

Под Иканом сотня уральских казаков отстоялась от скопища в несколько тысяч человек.

Под Чандыром отчаянная ночная атака нескольких тысяч конных и пеших туркмен была остановлена залпами двух рот из отряда генерала Головачева.

Наконец, припомним, что два батальона, расположенные в Аму-Дарьинском отделе, поддерживают спокойствие во всем Хивинском оазисе. Батальоны эти предоставлены собственной силе в течение нескольких месяцев до подхода первых подкреплений, между тем как два батальона, оставленные в Закаспийском отделе, могут быть поддержаны с Кавказа через несколько дней.

Военные действия в Закаспийском отделе не прибавили блестящей страницы в истории подвигов наших войск в Азии.

Кавказские войска, прекрасные по своему духу и достоинствам, но руководимые в Закаспийском крае лицами, не понимающими характера туркмен, в военных действиях в Закаспийском крае не только не находят для себя прекрасную боевую школу, как наши войска в Туркестане, но, можно думать, воспитывают в себе превратное и вредное представление как о наших противниках в Азии, так и о собственной силе.

---

* В походах 66, 67 и 68 роты наши были весьма слабого состава, иногда менее 100 чел. в каждой.

Для примера укажем на следующий факт:

В конце декабря прошлого года на Чекишлярское укрепление было произведено нападение партии текинцев*.

Гарнизон укрепления состоял из восьми рот пехоты, трех орудий и сотни казаков.

Укрепление Чекишляр имеет солидную профиль.

По донесениям начальника гарнизона майора Жуковского, командира сотни и сообщению нашего посланника в Тегеране, дело происходило так: туркмены (на конях) бросились на исходящий угол укрепления, но, встреченные артиллерийским огнем, отступили, отогнав 100 верблюдов от кочевья мирных туркмен, находившегося в 1000 шагах от укрепления.

Туркмены затем отступили на 8 верст от укрепления и оставались там никем не тревожимые на пути нашего сообщения с укреплением Чат.

Восемь рот пехоты, отбив нападение туркмен, оставались за валами укрепления, а не преследовали неприятеля.

Мы потерь в этот день не имели (и не могли иметь), у туркмен потеря неизвестна, по донесению, перед укреплением туркмены оставили две убитых лошади.

Это странное дело не могло не обратить внимания кавказского начальства и на донесения начальника Закаспийского военного отдела начальнику штаба Кавказского военного округа от 2 января за № 14 была положена следующая резолюция командующего войсками Кавказской армии: «Не понимаю, почему майор Жуковский, имея в своем распоряжении два батальона, не выступил решительно против текинцев с рассветом 24 декабря и не преследовал их с помощью казаков и верных нам туркмен. Такой образ действий дал бы нам в результате по крайней мере нравственное преимущество. Резолюцию эту сообщить генералу Ломакину.

Вместе с тем, ввиду поощрения тяжкой службы наших войск в Закаспийском крае, разрешаю выслать двенадцать знаков отличия военного ордена нижним чинам Чекишлярского гарнизона и сделать представление о награждении офицеров».

---

* Сила этой партии определялась весьма различно. По первому донесению генерала Ломакина она исчислялась в несколько тысяч человек. По донесению начальника Чекишлярского гарнизона — в 5000 конных и 3000 пеших, по подробному донесению генерала Ломакина—в тысячу человек. По донесению командира казачьей сотни, высланной на другой день проследить неприятеля,—в 500 человек. Наконец, по донесению нашего посланника в Тегеране—всего в сто человек.

Можно утверждать, что полурота пехоты под командою молодца офицера,—и не за валами укрепления, а даже в чистом поле могла бы с не меньшим успехом, чем 8 рот под командою майора Жуковского отбить туркмен, нападавших на Чекишлярский пост, и нанести им значительно большие потери, чем две убитых лошади.

Два батальона, предполагаемые настоящей запиской достаточными для удержания за ними Закаспийского отдела*, из коих один уже сформирован, а другой надлежит сформировать, должны быть бессменны в крае. При этом люди свыкаются с местными условиями службы, привыкают к климату и учатся ценить неприятеля по его достоинству.

Поэтому нельзя не согласиться с правильностью предположения переименовать эти батальоны в Кавказские линейные.

Затем, продолжая оборонительную систему действий в Закаспийском отделе, 17 рот от полков 21 пехотной дивизии могут быть возвращены в свои полки на Кавказе.

При принятии наступательного образа действий в отделе, 17 рот 21 дивизии, находящихся в Закаспийском отделе, составят отряд, достаточный для завоевания и удержания за нами всего Ахал-Текинского оазиса. Частным резервом ему и для обеспечения тыла будет служить 10 рот 2 линейных батальонов. Наконец, главным резервом могут считаться остальные 47 рот 21 пехотной дивизии, расположенные на Кавказе.

Большие отряды, чем в 15—20 рот, в Закаспийском отделе почти невозможны по недостатку перевозочных средств**, по затруднительности их продовольствия и по незначительному местами количеству воды.

Что касается вопроса об артиллерии в Закаспийском отделе, то предположение главнокомандующего Кавказской армией выделить в отдел из состава 20 и 21 артиллерийских бригад две батареи (одну горную, а другую 4- фунтовую) совершенно разрешает этот вопрос.

Изложенные в настоящей записке мысли по вопросу об усилении войск в Закаспийском отделе сводятся к следующим заключениям:

1. Оборона Закаспийского отдела должна быть поручена постоянным войскам, а не привозимым временно с Кавказа.

---

* При этом Александровская местная команда может поступить на сформирование пятых рот в батальонах.

** В походах в Закаспийском отделе на каждого солдата приходится в обозе один верблюд.

2. Для обороны занятых в Закаспийском крае пунктов и для полевых действий в районе наших укреплений достаточно десяти рот пехоты, из них 6 рот расположены гарнизонами, а 4 составляют подвижной резерв.

3. Роты эти могут составить два линейных батальона.

4. Находящиеся в отделе 17 рот 21 дивизии могут быть возвращены к своим полкам.

Верно: полковник Куропаткин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 210, лл. 93—101. Копия заверенная.

№ 204

Ходатайство туркмен-эрсаринцев туркестанскому генерал-губернатору об их принятии в русское подданство

3 марта 1879 г.[1]

С полным доверием и совершенной искренностью докладываем Туркестанскому генерал-губернатору фон-Кауфману следующее:

Для выкупа Вашего человека, находящегося в плену у туркмен-теке[2], мы послали 4-х человек с 12 тыс. тенег. Ваш человек заявил прибывшим, что он состоит должным сто туманов (каждый туман по переводе на бухарские деньги составляет 60 тенег) евреям и индийцам, занимающимся торговлей в среде теке-туркмен. Вследствие этого, наш доверенный Гельды-бай занял на проценты эти деньги и отправил их туда.

Все наши желания поручили передать Вам нашему Гельды-баю: мы жители рода эрсари, единогласно считая себя подданными белого царя, помолились богу, прося о дарований ему всяких побед...[3].

После засвидетельствования бесчисленных приветствий генерал-губернатору адъютанту фон-Кауфману заявляем, что все поименованные лица собрались в дом Гельды-бая и после зрелых совещаний единогласно с твердым намерением дали обещание быть подданными белого царя и

[1] Документ не датирован; известно лишь, что в канцелярию туркестанского генерал-губернатора поступил 11 апреля 1879 г. в день прибытия эрсаринского представителя в Ташкент; датируется по дате совещания старшин и принятия ими решения о переходе в русское подданство.

[2] Речь идет о солдате Кидяеве.

[3] Далее следуют печати 103 эрсаринских старшин.

молили бога о даровании ему долгоденствия. Это совершилось 22 раби-эль-авеля[1].

Так как мы спешим довести об этом до сведения Вашего, то нашего доверенного Гельды-бая отправили не дожидаясь возвращения от туркмен-теке посланных наших людей за выкупом пленного.

При этом заявляем, что недавно прибыл к нам Кара-Есаул-баши с 200 всадниками и расположившись между Кара и Бакаулом требует с нас удовлетворения за угнанный скот у теке-туркмен.[2]

Приложено 8 печатей.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 29, д. 378, лл. 5—6 об.

№ 205

Рапорт начальника Главного штаба военному министру о положении в Мерве и отношении к ходатайству туркмен о принятии в русское подданство

19 марта 1879 г.[3]

Из копии с рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела от 24 января сего года, при сем прилагаемый, видно:

К начальнику Аму-Дарьинского отдела в январе настоящего года явились четыре туркмена-текинца с письмом от текинского хана Баба-хана, с которым Баба-хан сообщает о желании всех мервских текинцев вступить в русское подданство.

Этими посланцами, кроме того, показано:

1) Что в настоящем году приезжал в Мерв персидский посланник Насрулла-хан для заключения договора, который не состоялся вследствие требования этого посланника заложников и возвращения 32 пушек, отнятых некогда у персиян.

2) Что перед отъездом персидского посланника приехал в Серахс сын английского консула в Тегеране, который стремился привлечь деньгами и обещанием оружия мервских туркмен на сторону англичан против русских, на что будто бы туркмены не согласились, не желая ссориться с русскими.

[1] 3 марта 1879 г.

[2] Надо полагать, настоящий документ состоит фактически из двух документов—писем эрсаринцев, поступивших в канцелярию одновременно и переведенных как один документ.

[3] Датируется по дате поступления к военному министру.

Несмотря на недоверие, высказанное начальником Аму-Дарьинского отдела к личности Баба-хана и его предложению, позволительно думать, что нам весьма выгодно воспользоваться представившимся благоприятным случаем завязать с мервскими туркменами сношения с целью парализовать происки англичан.

Весьма вероятно, что среди мервских туркмен существуют три партии: персидская, английская и русская. Отказываться от влияния на расположенных к подданству нашему туркмен равносильно усилению английской партии. Добавим, что персидская партия считает себя тоже противной русским, так как предположения о подданстве, делаемые этой партией персидскому правительству, совпадали несколько раз с движением наших войск к Ахал-Текинскому оазису и прекращались с отступлением наших отрядов обратно. Предполагаемое занятие Ахал-Текинского оазиса в конце концов должно усилить русскую партию среди мервских туркмен, уважающих только силу и, быть может, поддерживая сношения с представителями этой партии сперва письменно, а затем через посольство, в недалеком будущем возможно мирное окончание мервского вопроса без военного движения и денежных затрат,

Если бы мирное подчинение нам мервских туркмен, пока еще мало вероятное, состоялось, то это событие произвело бы на Среднюю Азию, в особенности на Афганистан и Персию, огромное впечатление в нашу пользу и доставило бы нам значительные выгоды как политические, так в особенности торговые[1].

Ввиду интереса рапорта начальника Аму-Дарьинского отдела к туркестанскому генерал-губернатору от 24 января 1879 г. за № 231, не прикажете ли Ваше сиятельство копию с этого рапорта препроводить Кавказскому начальнику и в Министерство иностранных дел для сообщения нашему посланнику в Тегеране[2].

Граф Гейден

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 137, лл. 8—9 об.

[1] На документе резолюция военного министра: «Доложено его величеству. Генерал-адъютант Милютин 19 марта 1879 г.»

[2] На документе резолюция: «Сообщите эти сведения Гирсу», кроме того, документ при отзыве от 3 мая направлен был Кауфману.

№ 206

Телеграмма генерала Ломакина вр. командующему войском Закаспийского отдела об отражении нападения текинцев на части Красноводского отряда[1]

10 апреля 1879 г.

Утром седьмого числа у колодцев Акча-Куй обнаружена была большая партия текинцев; захватив здесь стада баранов и несколько туркменских женщин, они бросились к нашим верблюдам. По первой тревоге наперерез текинцам двинулись из Бурнака Тергазаров с двумя ротами, и из Красноводска я с двумя другими ротами, одним орудием, а также вся милиция, какую успели набрать. Этим верблюды наши были прикрыты. Текинцы стали отступать к Кабилу; тут вечером настигнул их Тергазаров. произошло довольно жаркое дело; текинцев было чуть не вдесятеро больше, несколько раз они кидались в шашки на наше каре, но каждый раз были отбиваемы залпами чуть не в упор. Потеря у них большая. Зато Тергазаров перешел уже в наступление, а текинцы заняли почти неприступную позицию в горах Кизылай. Десятки тысяч баранов у них отбиты обратно. Ночью они бежали на Сюйли. Прибыв после того в Кизылай, я немедленно послал всю нашу милицию преследовать текинцев далее. В Сюльмене наши всадники порубили еще несколько присталых текинцев. Дальнейшее преследование неприятеля в этот день пехотой было невозможно: люди делали 60 верст в жару, по пескам без воды. Потеря наша—убитых четыре, раненых двенадцать.

Ломакин

ЦГИА Груз. ССР. ф. 521, оп. 1, д. 213, л. 3. Копия.

№ 207

Донесение российского посланника в Иране Министерству иностранных дел об отношении иранского шаха к походу русских войск в Ахал-Теке

17 апреля 1879 г.

На днях при свидании со мной сепахсалар Азам сообщил мне, по поручению его величества шаха, содержание

[1] К этому времени генерал Ломакин был отстранен от должности командующего войсками Закаспийского военного отдела, на его место назначен был генерал-адъютант Лазарев, командир 2 армейского корпуса.

телеграммы, полученной им из Астрабада, в которой говорится о приезде генерала Лазарева в Чекишляр и о распоряжениях, сделанных им относительно заатрекских туркмен. Перевод с телеграммы этой имею честь представить при сем на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства. Мирза Гусейн-хан сказал мне при этом, что шах просит меня довести до сведения императорского правительства, что его величество еще раз повторяет данные уже им уверения в своей готовности оказывать нам всякое со своей стороны содействие относительно продовольствия и перевозочных средств для нашей экспедиции в Ахал-Текинскую степь, но что он в то же время не может допустить, чтобы заатрекские туркмены, которых он считает своими подданными, поступали бы на нашу службу по приказанию русского военного начальства.

Так как вообще при переговорах наших с персидским правительством мы всегда старались избежать затрагивать вопрос о подданстве туркмен, а в настоящее время возбуждение этого вопроса представлялось бы еще менее желательным ввиду услуг, которых мы ожидаем от Персии, то я счел необходимым уклониться от выражения какого-либо мнения относительно распоряжений генерал-адъютанта Лазарева набрать тысячу всадников из туркмен джафарбаев и атабаев. Я просил Мирзу Гусейн-хана доложить шаху, что, не имея никаких сведений об этом как от управляющего нашим консульством в Астрабаде, так и из Чекишляра, я могу считать известия, заключающиеся в сообщенной мне телеграмме, по меньшей мере преувеличенными. При этом я указал Мирзе Гусейн-хану на единственный способ сообщения, который существует между Астрабадом и Чекишляром, а именно через тех же туркмен. Таким же образом известия, полученные этим путем, едва ли заслуживают какого-либо доверия. Мирза Гусейн-хан вполне согласился с моими доводами и обещал доложить о них шаху.

С глубочайшим уважением и пр.

Шимановский

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 60, 60а. Копия, рукопись.

№ 208

Рапорт генерала Ломакина командующему войсками Закаспийского военного отдела о столкновении отряда русских войск с текинцами

17 апреля 1879 г.

При выезде из Чата 26-го числа минувшего марта Ваше превосходительство изволили получить донесение чатского пристава, что кара-калинский наш лазутчик дал знать о выступлении значительной текинской партии, более 1000 человек, на хивинскую дорогу с целью отбить верблюдов, которых ведут для нашего отряда.

Вследствие сего, по прибытии в Красноводск я немедленно, с разрешения Вашего превосходительства, отправил на Бурнак, куда доставлены уже были назначенные для отряда киргизские и хивинские верблюды, 2 роты пехоты: 13 Апшеронского полка и 3 Красноводского местного батальона под начальством капитана этого батальона Тергазарова, в распоряжении коего находилось и около сотни туземной милиции в ведении юнкера Нефес-Мергена.

7 апреля в 11 часу утра наши разъезды дали знать капитану Тергазарову, что текинцы, собравшись скрытно между Карабугазским заливом и горами Демордждан, Чагыл и Кизылай, появились у колодца Иссен-Кули и Акча-Кую, в 26 верстах севернее Бурнака, захватили там несколько туркменских женщин, несколько тысяч туркменской баранты и до сотни верблюдов, и что они затем бросились к нашим хивинским и киргизским верблюдам, сосредоточенным у Бурнака.

По этому известию, капитан Тергазаров, согласно данного ему мною при выступлении из Красноводска приказания, немедленно бросился с двумя ротами наперерез текинцам к колодцу Кабил с одними патронными[1] ящиками и несколькими боченками водки, оставив на месте лагерь, кухни и все тяжести. Милиция с Нефес-Мергеном послана была вперед.

В Красноводске это известие получено было в час, а через 1/4 часа я уже выступил отсюда с 1-й и 2-й ротами Красноводского местного батальона и одним полевым орудием, успев набрать из местных жителей, а также из туркмен и киргизов еще около сотни милиции.

День был чрезвычайно жаркий (30°), дорога до Бурнака 30 верст, сначала гористая, а потом песчаная: пески

[1] Документ поврежден.

простираются на 30 верст и за Бурнаком, оканчиваясь отрогами Кизылая.

Прибыв на Бурнак к 5 часам, я немедленно отправил вперед, вслед за капитаном Тергазаровым, всех присоединившихся ко мне в Красноводске и по дороге всадников, пехота же, которой при этом пришлось с час тащить артиллерию на руках на крутую скалистую гору Ак-Ел, подошла к Бурнаку только к 7 часам вечера. Люди были утомлены, часа полтора они потом еще подтягивались к Бурнаку.

В это время получено было известие, что главная текинская партия пробирается к Бурнаку из-за песчаных барханов со стороны моря.

Приказав гнать наших верблюдов по направлению к Красноводской косе, я послал остальных бывших при мне всадников проверить только что полученное известие. В 11 часу наши всадники вернулись и сообщили, что еще перед вечером подле Бурнака действительно бродили текинские партии, но, заметив следовавшую из Красноводска колонну, поспешно удалились берегом моря по направлению к Кабилу.

В 11 часов ночи получено было известие от капитана Тергазарова, что он настиг текинцев подле Кабила вечером и что у него завязалось с ними довольно жаркое дело, вследствие чего я немедленно двинулся туда с двумя ротами и артиллерией, захватив сколько возможно было боченков с водой.

Посланная вперед от колонны капитана Тергазарова милиция прибыла к колодцу Кабил, когда еще текинцев там не было. Предполагая, что они пробрались к колодцу Сюльмен севернее, Нефес Мерген бросился с милицией к этим колодцам, и, когда уже подходил к ним, услыхал перестрелку, на которую и поскакал обратно к Кизылаю. Таким образом, колонна капитана Тергазарова, в которой в обеих ротах не более 177 человек*, начала дело с текинцами у Кизылая часу в 6-м вечера, одна без конницы.

Текинцев было почти вдесятеро более: до 1500 отборных всадников и пеших охотников (мерген), стрелков; последние были на верблюдах-иноходцах.

Пользуясь значительным численным превосходством, текинцы сначала раза три кидались в шашки на наше каре, но каждый раз были отбиваемы залпами чуть не в упор с большим уроном, после чего они стали отступать по направлению к глубокому, крутому и обрывистому ущелью

* В Красноводском местном батальоне не достает до штата до 500 человек.

Кизылай, за которым и заняли весьма крупную позицию, окруженную с трех сторон на большом протяжении этим ущельем.

Позицию эту они быстро укрепили еще живым завалом из верблюдов.

Чтоб обойти эту позицию, колонне капитана Тергазарова пришлось бы сделать еще верст 10—15 под огнем неприятеля, закрытого оврагами и балками, и потому он предпочел атаковать оную прямо через ущелье, причем, пользуясь крайне изрытой и пересеченной местностью, мог иметь менее потери. Для этого он сам с местной ротой двинулся в это ущелье правым оврагом, а Апшеронскую роту, под начальством прапорщика Левицкого*, направил по левому параллельному оврагу. Текинские охотники между тем засели в этих оврагах за каждой балкой, за каждым бугром, откуда их приходилось выбивать силой.

В это время со стороны Сюльмена подскакал с милицией и Нефес-Мерген. Отбив у текинцев захваченных ими до 10 тыс. баранов, наши всадники завязали с ними довольно жаркую перестрелку; несколько раз Нефес-Мерген при этом пытался атаковать текинцев, чем значительно облегчал движение колонны капитана Тергазарова, который продолжал брать с боя балку за балкой, овраг за оврагом, причем текинцы два раза кидались и тут в шашки на наши роты, чтобы не дать им занять их позицию. При этих последних атаках они выдерживали даже первый залп и только по второму обращались в бегство. Потеря у них большая: вышедшая из плена женщина показала, что почти на каждом верблюде у них были убитые и раненые.

Между тем наступила уже ночь, было совершенно темно; люди выбивались из сил: они сделали в этот день от Бурнака до 30 верст, в жару, по пескам; весь запас воды вышел, затем пришлось выдержать еще двухчасовой жаркий бой, переходя из балки в балку, от одного бугра на другой, и потому капитан Тергазаров, выйдя на более ровную поляну, счел необходимым дать людям отдых. Милиция поставлена была влево, чтобы следить за текинцами.

Часов в 10 ночи текинцы обратились в самое поспешное бегство. Милиция наша пустилась их преследовать, но она тоже в этот (день) сделала от Бурнака до Кабила и от Кабила до Сюльмена и обратно почти до 90 верст, а главное расстреляла все свои патроны, и потому ночное преследование неприятеля ею не могло быть особенно деятельно тем более, что когда отбиты были у текинцев захваченные ими несколько тысяч шихских баранов, то всадники из

* За болезнью поручика Малиновского.

шихцев отделены были для прикрытия их, а другие посланы были с баклагами в Кабил, чтоб привезти оттуда воды для людей.

Подойдя перед рассветом, около 4-х часов утра, к Кизылаю, я немедленно вновь послал всю милицию преследовать текинцев далее. Около Сюльмена они настигли еше несколько присталых текинцев и порубили их. По всему пути от Кизылая до Сюльмена и далее брошено было текинцами до 50 раненых и присталых верблюдов; на Кизылайской же их позиции осталось таковых до 40 штук убитых.

Дальнейшее преследование в этот день неприятеля пехотой было невозможно и бесполезно: люди, сделав в этот день до 60 верст, в жару, по пескам, без воды, едва двигались: неприятель же мог быть теперь уже верстах в 40 за Кизылаем.

Результаты этого молодецкого дела горсти нашей пехоты и милиции против неприятеля, значительно превышающего своей численностью и состоящего из отборных всадников и стрелков, были следующие: сосредоточенные у Бурнака наши верблюды были прикрыты, отбиты обратно до 10 000 баранов, а главное, нанесен текинцам весьма чувствительный урон.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не оставить Вашим благосклонным вниманием участвовавших в этом деле офицеров и нижних чинов, по мере оказанных ими отличий.

Потеря наша в этом деле: убитых нижних чинов 4, раненых 1 офицер (капитан Тергазаров—легко), нижних чинов 12, из них двое тяжело, всадников 3.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 213, лл. 8—11. Подлинник.

№ 209

Телеграмма иранскому премьер-министру сепахсалару азаму из Астрабада о приготовлениях русских войск к походу и их отношении к туркменам[1]

Судя по полученным известиям, генерал Лазарев с 4 офицерами прибыл в Чекишляр. Он подарил всем старшинам (начальникам) племен джафарбай и атабай часы, почетные платья и деньги. При этом генерал поручил им заготовить для продажи верблюдов, буйволов, лошадей, баранов, продовольственные запасы и потребовал, чтобы они поставили 1000 всадников на службу, которым будет платиться в виде жалованья 26 рублей в месяц. Захваченные текинцами русские солдаты были отпущены на свободу ахальским сардаром Джир-Тухмэ. Лазарев же отпустил всех захваченных в плен текинцев. Вообще он старается собирать всадников и приготовлять все необходимое[1].

[1] Документ без даты.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, л. 61. Копия, рукопись без подписи.

№ 210

Отношение Азиатской части Главного штаба туркестанскому генерал-губернатору о движении русских войск на Ахал-Теке и нападении текинцев на прибрежные аулы

26 апреля 1879 г.

Генерал-адъютант Лазарев, по прибытии в Закаспийский край и по ознакомлении в нем с положением дел, составил следующее предположение о движении в Ахал-Теке, одобренное его высочеством главнокомандующим Кавказской армией. Движение главного отряда начнется в середине мая с целью занятия опорного пункта к стороне Беурмы и Кизыл-Арвата. Затем движение главных сил для занятия Ахал-Теке начнется не ранее второй половины лета.

По донесению нашего посланника в Тегеране, население Текинского оазиса уже предупреждено о готовящейся против них экспедиции. Один из текинских старшин Тыкма-сардар прислал к генералу Лазареву своего сына для изъявления покорности и готовности служить нам. Приняв посланного с надлежащею благосклонностью и одарив его, генерал-адъютант Лазарев отправил вместе с ним письмо к отцу его, каковое должно служить как бы прокламацией ко всем текинцам. В письме этом он предупреждал Тыкма-сардара о своем намерении двинуться в оазис и присовокуплял, что для него решительно все равно, как отнесутся к этому туркмены.

Почти одновременно с приездом помянутого выше посланца с мирными предложениями текинцы произвели нападение 7 апреля на мирных туркмен в ближайших окрестностях Красноводска, угнали у них большие стада баранов и захватили несколько туркменских женщин. Не довольствуясь этим, туркмены бросились на стадо наших вер-

[1] Документ без подписи.

блюдов. Две роты местного батальона под начальством майора Тергазарова, двинутые из Красноводска по тревоге наперерез туркменам, не только воспрепятствовали им отогнать верблюдов, но заставили отступить. Преследуя туркмен, майор Тергазаров настиг их вечером того же 7 апреля: произошло довольно жаркое дело. Текинцы бросались несколько раз в штыки на наше каре, но были отбиваемы залпами чуть не в упор. К утру туркмены бежали. Несколько десятков тысяч баранов отбиты обратно. Мы потеряли убитыми четыре, ранеными двенадцать человек.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант граф Гейден

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 1—2. Копия, рукопись.

№ 211

Распоряжение командующего Кавказской армией начальнику Закаспийского военного отдела о формах административного управления населения отдела в связи со скорым занятием Ахал-Текинского оазиса и о будущих отношениях отдела с Ираном, Мервом и Хивинским ханством

28 апреля 1879 г.

Рапортом от 15 сего апреля за № 45 Ваше превосходительство, между прочим, доносите мне об учреждении Вами приставств в Чате и Чекишляре, и вместе с тем высказываете мнение о неудовлетворительности наших настоящих отношений к туркменам-иомудам, кочующим в пределах нашего расположения.

Утверждая распоряжения Вашего превосходительства об учреждении приставств в Чате и Чекишляре в виде временной меры, предлагаю Вам принять подобные же временные меры и в отношении туркмен, на которых впредь должна распространиться наша власть и затем, по соображении всех местных обстоятельств и условий, составить и представить на утверждение главнокомандующего армией проект положения об управлении туркменами Закаспийского военного отдела, приняв при этом во внимание положения: военно-народных управлений на Кавказе и об управлении киргизами на Мангышлаке, не стесняясь, однако же, всеми правилами и подробностями сих положений.

Расходы на приставства как уже временно учрежденные, так и имеющие быть учрежденными до времени поступления доходов с местного населения, предлагаю Вашему

превосходительству относить на экстраординарную сумму, назначенную в Ваше распоряжение.

Неопределенность нашего положения и наших намерений в Закаспийском крае была причиной, что тамошние туркмены не сделались до сих пор русскоподданными и не были подчинены нашему управлению.

Ныне, когда высочайше повелено занять нашими войсками ахал-текинскую территорию и прочно в ней водвориться, такое неопределенное положение дела должно естественно прекратиться. Все туркмены, живущие в пределах Закаспийского военного отдела до границы Персии, Мерва и Хивы, делаются подданными государя императора и на нашей обязанности лежит установление порядка управления ими.

Устройство такого управления как временного по мере надобности, так и постоянного, когда будут иметься все нужные для этого данные, составляют весьма важную часть задачи, возложенной на Ваше превосходительство доверием государя императора и августейшего главнокомандующего. Знание и опыт, неоднократно доказанные Вами в деле народного управления, служат ручательством, что и эта часть задачи будет выполнена с успехом.

В заключение считаю со своей стороны нужным предложить Вам для руководства лишь следующие общие указания:

1. Управление туркменами должно быть приноровлено к их быту, нравам и обычаям.
2. Оно должно быть как можно проще и дешевле.
3. Расходы по управлению должны быть непременно покрываемы доходами с управляемых.
4. Как для достижения этой последней цели, так и для фактического выражения поступления туркмен в наше подданство они должны быть обложены умеренной кибиточной податью.
5. После водворения нашего в Ахал-Текинском оазисе будет приступлено к окончательному установлению нашей границы с Персией и тогда же выяснится вопрос о наших отношениях к туркменам, кочующим известное время года между Атреком и Гурганом.
6. Вопрос о границе с Мервом выяснится лишь после занятия Ахал-Теке.
7. Тогда же должны быть приняты меры к определению нашей границы с Хивой.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1892, лл. 21—28. Отпуск рукописный, заверенный.

№ 212

Отношение командующего войсками Ахал-Текинской экспедиции начальнику Аму-Дарьинского отдела о необходимости воспрепятствовать заготовке туркменами Ахала продовольствия в Хивинском ханстве

13 июля 1879 г.

В последнее время враждебные отношения к нам текинцев почти вполне выяснились, и есть сведения, что они уходят с семьями в пески и, для обеспечения семей хлебом намерены сделать закупки хлеба в Хиве, выменяв таковой на овец, которых они погнали уже в ханство в весьма значительном числе. Поэтому необходимо помешать текинцам запастись хлебом, так как тогда у них отнимется возможность сопротивляться, и им поневоле придется изъявить покорность. Ввиду этого, я прошу вместе с сим хана хивинского на случай, если бы сведения о предложениях текинцев насчет закупки хлеба в Хиве оказались справедливы, не только воспретить в ханстве всякую продажу и промен хлеба текинцам, но даже, если представится возможность, захватить пригнанные текинцами для промена на хлеб к пределам ханства стада овец и всех их караваны, пришедшие для взятия закупленного или выменянного хлеба.

Хотя я вполне убежден, что хан хивинский, в видах собственной пользы, не упустит из вида помешать текинцам запастись хлебом в ханстве, но, тем не менее, я считаю своим долгом просить Вас милостивый государь оказать со своей стороны влияние на хана к тому, чтобы просьба моя была исполнена им в действительности, если только Вы сами не встретите к тому каких-либо препятствий. О последующем буду ожидать от Вас уведомления.

С истинным почтением и глубокой преданностью имею честь быть

Н. Лазарев

ЦГИА Уз. ССР, ф. I, оп. 34, д. 458, лл. 27—28. Копия.

№ 213

Докладная генерала Ломакина начальнику Кавказского горского управления о политике царского правительства в Туркмении и действиях Красноводского отряда в 1873—1879 годах[1]

15 июля 1879 г.

В начале текущего года, особенно при составлении в Петербурге соображений о настоящей экспедиции в Ахал-Текинский оазис, было высказано несколько воззрений в смысле довольно неблагоприятном для настоящего управления Закаспийским краем. Говорили и писали, что положение наше в этом крае за последние 10 лет, с течением времени не только не сделалось более прочным, определенным, но даже значительно ухудшилось; что меры, принимаемые для водворения порядка и спокойствия в этом крае, были вообще не практичны; что произведенный для сего целый ряд экспедиций был вообще весьма неблагоприятен для нашего влияния в крае: туркмены принимали обратное движение наших войск за отступление, видели в нем признак нашей слабости, преследовали наши отряды и постепенно становились более и более дерзкими. При этом указывалось на то, что будто бы укрепление Чат было блокировано; что несколько наших солдат уведено было в плен; что текинцы произвели нападение на Чекишляр; и что все это не могло не произвести в Персии весьма невыгодного для нас впечатления.

Все зависит от того, с какой точки зрения рассматривается известный вопрос. Раз мы приняли неверную и неточную постановку этого вопроса, — и все истекающие из таковой постановки положения будут, без сомнения, также неверны и неточны. Дело в том, что, кроме хивинского похода 1873 года и настоящей экспедиции в Ахал-Текинский оазис, никаких положительных и решительных экспедиций в этом крае предпринимаемо не было. Напротив того, высочайше повелено было ограничиться одними рекогносцировками, производя таковые лишь небольшими легкими колоннами, с крайней осторожностью и осмотрительностью избегая всяких столкновений с кочевниками, преследуя исключительно мирные цели: изучение края, сближение с кочевниками, развитие торговли и пр.

---

[1] Документ написан, видимо, под влиянием отстранения Ломакина от командования отрядом.

Сообразно с этим мы и действовали, хотя с самого начала управления краем в 1874 году и потом неоднократно в последующие годы официально заявляли, что до тех пор, пока не будет окончательно покорен Ахал-Текинский оазис, прочного порядка и спокойствия в этом крае не может быть. В 1876 году, когда вместо предположенного его высочеством движения в Ахал-Текинский оазис до Асхабада и оттуда вниз по Атреку предложено было заняться устройством Красноводско-Хивинского пути, я докладывал начальнику горского управления, в ответ на его конфиденциальное письмо, что «это значит начать строить дом с крыши».

До 1874 г., когда мы при самых неблагоприятных обстоятельствах вступили в управление этим краем,—здешние туркмены-иомуды, не говоря уже про текинцев, относились к нам вообще неприязненно и враждебно, удалялись при приближении наших войск, нападали на наши отряды, отгоняли верблюдов.

В конце 1873 года его высочеству благоугодно было командировать меня в Красноводск для предварительного ознакомления с краем; причем относительно будущих действий в Закаспийском крае преподаны были мне следующие указания: «держаться самого миролюбивого образа действий по отношению к туземцам края; преследовать в нем лишь исключительно торговые цели; избегать всяких военных действий, а напротив, стараться всеми мерами заинтересовать туркмен в участии в торговом нашем движении между Каспийским морем и Хивой, привлечением их к доставке нашим караванам перевозочных средств и к охране караванов от нападения мелких шаек; ибо таким образом действий мы лучше всего способствуем открытию и установлению торгового движения по означенному направлению и усилению, вообще, торговых сношений России с Средней Азией,—что составляло всегда главнейшую цель водворения нашего на восточном берегу Каспийского моря».

Результаты подобного образа действий не замедлили выразиться в следующем году, когда при посещении его высочеством Баку, удостоившиеся чести быть представленными его высочеству депутаты туркмен-иомудов джафарбаевцев и ак-атабаевцев, подали прошения о принятии их народа в подданство великого ак-падишаха.

В этом же году по высочайшему повелению происходило под председательством его высочества генерал-адмирала совещание по делам Закаспийского края*. Высочайше

* В комитете присутствовали; его высочество главнокомандующий Кавказской армией военный министр, управляющие министерствами иностранных дел и морским, директор Азиатского департамента и начальник Кавказского горского управления.

утвержденным протоколом этого совещания (13 августа 1874 г.), между прочим, было определено:

«Осторожный образ действий в Закаспийском крае особенно необходим относительно тех туркменских племен, которые, имея свои зимовые стойбища и отчасти даже полуоседлости в пространстве между Атреком и Гурганом, т. е. в персидской территории, прикочевывают в летнее время на северную сторону Атрека и затем в течение 8 месяцев в году держатся в наших пределах.

«...Присутствовавшие на совещании полагали бы необходимым вменить и местной администрации Закаспийского края в обязанность действовать в отношении этих туркмен с крайней осторожностью, избегая всяких насильственных мер к введению у них наших порядков и не делая попыток к введению податей и сборов».

«Равным образом, несмотря на то, что заатрекские туркмены кочуют большую часть года в наших пределах,—осторожнее было бы (выражено в том протоколе) не возбуждать ныне вопроса о том, чьими подданными должны считать эти кочевники в видах предупреждения возможных усложнений».

Высочайше утвержденные постановления этого протокола должны были служить для нас по сие время главным основанием и руководством,—так сказать, нашим катехизисом.

Самые намерения и виды нашего правительства по отношению этого края до сего времени, т. е. до 1879 г., когда разрешена текинская экспедиция, не могли быть еще достаточно выяснены и определены*, причем только такой, указанный нам выше образ действий,—крайне осторожный, осмотрительный и умеренный,—и мог быть принят в этом крае; и потому, едва ли можно нам ставить в упрек, что положение наше в Закаспийском отделе за это время не сделалось более прочным и определенным.

О том, как нами были выполнены все преподанные нам указания и инструкции по управлению здешним краем, приведу следующие официальные документы, заключающие с тем вместе и краткий обзор нашей деятельности в крае за 1874, 1875 и 1876 г.:

1) В приказе по Кавказскому военному округу, 16 янва-

* В предписании командующего Кавказской армией генерал-адъютанту Лазареву от 28 апреля 1879 года № 2329, между прочим, выражено: «неопределенность нашего положения и наших намерений в Закаспийском крае были причиной, что тамошние туркмены до сих пор не были подчинены нашему управлению».

ря 1875 года № 13, объявлена была мне благодарность в следующих милостивых и лестных выражениях:

«Для ближайшего ознакомления как с характером местности, так и с различными племенами, кочующими по южной окраине Закаспийского военного отдела, осенью минувшего года по приказанию моему начальником сего отдела была произведена под прикрытием небольшой колонны войск рекогносцировка правого берега Атрека.

Усматривая ныне из поступившего от генерал-майора Ломакина донесения, что при обзоре страны, еще недавно нам враждебной, не только никаких столкновений не происходило, но что кочевники, вникая в истинное значение наших мероприятий, относились к русской власти с полным доверием и сочувствием, чем и осуществляются благодетельные виды государя императора, клонящиеся к умиротворению и устройству края преимущественно мирными путями,—я убежден в точности и добросовестности исполнения преподанных мною указаний управлением Закаспийского военного отдела...»

2) В предписании ко мне начальника Горского управления от 6 октября 1875 г. № 3338 выражено:

«Государь император соизволил одобрить все распоряжения и весь характер действий в Закаспийском крае, выразив при этом свое удовольствие за исполнительность, благоразумие и осторожное ведение военных рекогносцировок, а в особенности за то, что, не увлекаясь военными действиями и успехами, преследовались преимущественно мирные цели и виды правительства, которые так блистательно выполнены произведенной рекогносцировкой».

3) Выписка из письма военного министра его высочеству 3 апреля 1876 г. № 57:

«В Закаспийском крае еще более, чем в других частях нашей азиатской окраины местным начальникам необходимо соблюдать крайнюю осторожность в своих предприятиях и избегать, сколь возможно, всяких наступательных действий, которые могли бы завлечь нас далее того, чего сами желали. В этом смысле уже неоднократно была выражаема высочайшая воля, и согласно сему давались инструкции местным начальникам. Донесения генерал-майора Ломакина за последнее время показывают, что он вполне усвоил себе этот взгляд высшего правительства на образ действий наших в тех краях и его величеству было весьма приятно видеть старания его завести мирные торговые сношения с туркменами. Остается лишь желать, чтобы он и впредь продолжал неотступно следовать той же системе

действий, стараясь, сколько возможно, не прибегать к оружию...»

«Его величество не воспрещает предпринимать по временам рекогносцировки подобные той, которую совершил в недавнее время генерал-майор Ломакин. Но движения эти следует производить с крайней осмотрительностью и так, чтобы они отнюдь не могли вовлечь нас, без крайней необходимости, в открытое столкновение с туркменами...».

4) Выписка из официального письма начальника Горского управления от 22 апреля того же года:

«Его императорскому высочеству весьма приятно было видеть, что распоряжения и действия наши в Закаспийском отделе удостоились высочайшего одобрения. Государь великий князь остается в полной уверенности, что Вы и впредь будете заслуживать подобного похвального отзыва, и что разрешенное Вам в нынешнем году движение, благодаря Вашей умеренности и опытности, будет исполнено столь же удачно и покойно, как и в минувшем году».

5) Собственноручная резолюция его высочества на донесении моем о рекогносцировке и хивинском походе 1876 г. (отзыв Кавказского горского управления 27 сентября 1876 г. № 2998):

«Молодецкий отряд! Спасибо генералу Ломакину, спасибо его молодым, но неутомимым войскам».

Все это полагаю, достаточно обрисовывает тот умеренный осторожный и сдержанный образ действий наших в здешнем крае, который внушен был нам указаниями свыше, за который мы удостоились столь лестных отзывов и который трактуется теперь в смысле нашей нерешительности.

Нам ставят теперь в укор именно то, что еще так недавно удостоивалось столь лестного одобрения. Не мог же я так быстро перемениться.

Обращаюсь теперь к краткому очерку нашей деятельности в крае за последние два года.

Летом 1876 г. текинцы, подстрекаемые Абдул Хасан-ханом (сыном кучанского ильхани), клевретом известного английского агента капитана Непира, возымели намерение принять подданство Персии с целью устранить от себя наше влияние. Дело это стало принимать весьма серьезный оборот; шах готов был уж принять новых своих подданных; потребовалось, кроме дипломатического вмешательства, настояний нашей тегеранской миссии и временное занятие Кизыл-Арвата, чтобы показать Персии и текинцам, что мы ни в коем случае допустить этого не можем.

В депеше его высочества, 26 октября 1876 г., выражено было: «Временное занятие Кизыл-Арвата высочайше разрешено с тем, чтобы далее не заходить», а в предписании начальника Горского управления 6 ноября № 28, что «государь император соизволил разрешить движение Красноводского отряда к Кизыл-Арвату и временное занятие этого пункта впредь до выяснения вопроса о дальнейших мерах к удержанию в спокойствии и покорности ахал-текинское племя. Причем его высочество соизволил приказать, чтобы это движение подготовлено было таким образом, чтобы население Кизыл-Арвата и ближайших обществ оставалось на месте и не удалялось при приближении наших войск, и вообще чтобы пребывание в Кизыл-Арвате послужило бы к выяснению и упрочению нашего нравственного влияния над текинским народом, не прибегая к оружию, что может вовлечь в затруднения, которых необходимо избегнуть в настоящую минуту».

При соображении о численности отряда, необходимо для приведения в исполнение этого предприятия так, как мне было предписано: «не прибегать к оружию», я имел в виду (рапорт мой от 21 ноября № 2387), что предназначаемый для сего отряд должен быть достаточно силен, дабы мог быть вполне самостоятелен и обеспечен от всяких случайностей, дабы возможно было часть войск оставить в тылу для обеспечения сообщения с Красноводском и подвоза оттуда довольствия на случай, если бы надежды на приобретение такового на месте в Кизыл-Арвате не осуществилось, а, главное, чтобы не вводить текинцев в искушение, потому что они только тогда будут сидеть смирно, когда будут знать, что мы достаточно сильны. А как у меня в Красноводске было всего два батальона мирного кадрового состава (за исключением больных и слабых всего до 700 штыков), то я находил крайне необходимым и убедительно просил выслать мне для сего к имеющимся двум батальонам еще два батальона пехоты.

Между тем началась турецкая кампания. Испрашиваемое усиление войск Красноводского отряда не могло воспоследовать: пришлось ограничиться наличными средствами, с которыми в апреле 1877 г. мы и выступили в поход, имея двухмесячный запас довольствия.

Занятие Кизыл-Арвата состоялось 7 мая, а через пять дней, 12 числа, огромное скопище текинцев пеших и конных со всех крепостей от Кизыл-Арвата до Астрабада произвело нападение на наш отряд. Случилось именно то, что мы предвидели: текинцы решились напасть на нас потому только, что знали о малочисленности нашего отряда.

Им нанесено было самое решительное поражение и с большой потерей они обратились в самое поспешное бегство, что произвело в Персии, и особенно в Хорасане (как свидетельствовали потом донесения нашего консула в Астрабаде и посланника в Тегеране), довольно сильное впечатление.

После того мы оставались в Кизыл-Арвате еще около месяца. Продовольствие, взятое для отряда по имеющимся у нас перевозочным средствам (1800 верблюдов) на два месяца (апрель и май) приходило к концу. На месте и от курдов ничего из довольствия приобрести было невозможно. Вследствие страшной жары люди стали болеть: с 12 человек число больных возросло до 200. Отделять от небольшого нашего отряда особую колонну для посылки за довольствием в Красноводск при том положении, которое приняли против нас текинцы, и при той численности отряда было немыслимо; мы рисковали потерять весь транспорт*. При этом корма для лошадей и верблюдов, а также и топлива подле Кизыл-Арвата не было вовсе. Дача зернового фуража лошадям уменьшена была наполовину. Оставаться далее в Кизыл-Арвате было невозможно: необходимо было избрать другой пункт.

Поэтому я просил (рапорт 9 июня № 115), пополнив довольствие из Молла-Кара и присоединив там имеющее прибыть на днях укомплектование двух батальонов Красноводского отряда по военному времени, разрешить мне произвести движение вдоль Ахал-Текинского оазиса, чтобы наказать текинцев за их нападение на отряд; но к тогдашнему положению дел в этом было отказано (депеши 9 и 30 июня, предписание 30 июня) и предложено было отряду вернуться в Красноводск.

Цель движения к Кизыл-Арвату, впрочем была достигнута: подданство текинцев Персии не состоялось; причем с временным занятием Кизыл-Арвата выяснились вполне дальнейшие меры и средства, необходимые для окончательного водворения порядка и спокойствия в Текинском оазисе (ныне приводимые в исполнение).

В половине июня отряд, согласно указанных выше распоряжений, вернулся в Красноводск.

Говорят, движение наше от Кизыл-Арвата к Молла-Кара было слишком поспешно; говорят, что об этом были даже какие-то корреспонденции; что мы побросали провиант; бросили даже одного солдата. Но это совершенная ложь и клевета. Это был наш обыкновенный степной

---

* Какая бы огромная разница была, если бы вместо двух, мы располагали четырьмя батальонами, как просили.

безводный переход, обусловленный расстоянием между колодцами...[1]

Путь от Кизыл-Арвата до Айдына на протяжении около 120 верст можно считать почти безводным; тут хотя и есть колодцы Ушак и родники: Арват, Иджара, Казанджик и Карсанджик, но столь скудные водой, что ее едва достаточно для батальона. Делать тут дневки невозможно. Довольствие же и провиант бросать мы не могли уже потому, что его у нас почти не было. Мы оставались в Кизыл-Арвате, как я и доносил рапортом от 28 мая № 102, до последней возможности, до последнего сухаря, до последнего зерна фуража, растянув таковой на 17 дней лишних. Это известно каждому. Известно также всем, что по прибытии в Молла-Кара отряд оставался там более месяца в ожидании разрешения из Тифлиса испрашиваемого движения в глубь Ахал-Текинского оазиса, и уже после месячного отдыха в Молла-Кара при возвращении отряда в Красноводск на первом легком переходе к колодцу Ягман пропал солдат. Ротный командир уверял, что его видели подле Ягмана, потому там его и искали, а между тем он впоследствии найден (умершим, вероятно, от солнечного удара) между песчаных барханов в 4-х верстах от Молла-Кара. Это и послужило основанием сказке о брошенном солдате на пути из Кизыл-Арвата.

В прошлом 1878 году, в ожидании разрыва с Англией, предложено было «предпринять со стороны Закаспийского военного отдела демонстративное рекогносцировочное движение к Мерву, употребляя на это не более четырех батальонов» (предписание 8 апреля № 40).

Рапортом от 20 марта № 606 я доносил начальнику Окружного штаба, что предварительно диверсии к Мерву, необходимо устроить операционный наш базис на Атреке и занять Ахал-Текинский оазис; что на это, по представленному мной расчету, потребуется не менее 6 батальонов, и что только по занятии Ахал-Теке могут окончательно выясниться и определиться те военные средства, с коими, по местным условиям, по положению дел в крае вообще и по настроению текинцев, возможно будет предпринять дальнейшую диверсию к стороне Мерва.

В начале июня собранный для указанной выше цели Красноводский рекогносцировочный отряд высадился в

[1] Далее следует не представляющее интереса описание движения отряда по переходам; весь путь от Кизыл-Арвата до Молла-Кара расстоянием в 182 версты отрядом сделан был с 28 мая до 4 июня включительно в 8 переходов.

Чекишляре в составе 4 батальонов, 2 сотен казаков, 4 полевых и 4 горных орудий, обеспеченный вполне перевозочными средствами и довольствием на четыре месяца, и затем совершенно был готов к выступлению в поход в начале июля; войска сосредоточены были в Баят-Хаджи и Чате, имея приморский пост в Чекишляре.

В это время получена была депеша начальника Штаба армии от 12 июня: «его высочеству угодно, чтобы по прибытии на Атрек и окончательном устройстве там отряда, Вы не выступали далее без особого на то приказания».

15 июля получена другая депеша от 15 числа того же месяца: «мирный договор подписан. Назначение Вашего отряда достижение исключительно местных целей: занятие твердого пункта в верховьях Атрека или близ Текинского оазиса, обеспечить спокойствие степей и путь Красноводско-Хивинский».

Но так как верховья Атрека почти верст на сто с нашей стороны заняты землями персидских курдов, то указанная нам цель могла быть лишь вблизи Текинского оазиса; причем с Атрека, где у Чата сосредоточен был тогда отряд, удобнее всего было предпринять движение к текинским пределам вверх по Сумбару, о чем мною и было донесено.

До 15 августа отряд оставался в Чате в ожидании окончательных распоряжений. Но, к несчастью, единственная военная паровая шхуна «Персиянин», поддерживавшая тогда сообщение отряда с морем, поломалась («Урал» же и «Хивинец» были на элинге). На скорое получение этих распоряжений рассчитывать было невозможно, и таковые могли быть получаемы только из Красноводска сухим путем, верст за 500—600. Из четырехмесячного продовольствия, заготовленного на поход (на июнь, июль, август и сентябрь), оставался только полуторамесячный запас довольствия. Верблюды (до 3000), столь долгое время остававшиеся на Атреке, вытравили весь корм и от бескормицы стали дохнуть ежедневно десятками; с другой стороны, приближалась осень—дождливое время года, когда переходы по отрогам Кюрен-Дага делаются почти невозможными. По всем этим соображениям необходимо было немедленно же оставить Чат и выдвинуться вперед, чтобы быть ближе к указанной уже цели: пределам Текинского оазиса и вместе ближе к Красноводску, где было заготовлено довольствие на дальнейшее время и через который мы теперь (с поломкой «Персиянина») только и могли иметь сообщение с западным берегом.

Поэтому 15 августа отряд выступил из Чата и 21 числа остановился в Ходжам-Кала, между Кара-Кала и Кизыл-Арватом, в 40 верстах от этого последнего пункта.

Все текинские ханы, старшины и аксакалы от 20 текинских крепостей, начиная с Кизыл-Арвата и до Кяриза, явились с изъявлением покорности и преданности. Прочие были в сборе и продолжали вести совещания—явиться или им к нам или нет. В Красноводск послана была легкая колонна из двух рот за довольствием, которая и прошла благополучно до Молла-Кара через Аджаиб и Арват на Айдын, не касаясь текинских пределов. Текинцы и кара-калинцы стали доставлять нам баранов, рогатый скот, джугару, ячмень, фрукты, чуреки; подле лагеря открылся базар.

30 августа получена была следующая депеша начальника Окружного штаба от 12 августа: «его высочество предлагает Вам исключительно заняться устройством постоянного твердого пункта на Атреке и Чате или окрестностях, и без особого разрешения не предпринимать движения далее Кизыл-Арвата».

В полученном того же числа предписании от 14 августа № 220, между прочим, выражено было:

«Исключительное внимание должно быть направлено ныне на Атрек. Для сего, избрав новой базой действий для Красноводского отряда линию Атрека, предлагается: 1) приступить ныне же к сооружению постоянного укрепления у Чата, которому и предназначается служить твердым опорным пунктом для могущих предстоять в будущем действий к стороне Текинского оазиса и 2) соединить это укрепление прочно обеспеченными сообщениями, с одной стороны, с Чекишляром, где иметь постоянный же пост, с другой— с Михайловским заливом. Затем, по утверждении и устройстве на Атреке, разрешалось произвести рекогносцировку к стороне Кизыл-Арвата и текинским пределам, по берегам рек Сумбара и Чандыра, с целью ознакомления с местностью и путями, ведущими от Атрека в глубь Текинского оазиса, так и определения у западной его оконечности будущего авангардного пункта нашего».

На Атреке мы утвердились довольно прочно еще прежде; разрешаемая рекогносцировка только что произведена была нами и выполнена в точности; оставалось заняться устройством постоянных укреплений в Чате и Чекишляре.

Через неделю после того получена была новая депеша начальника штаба от 29 августа: «его высочество приказывает Вам возвратиться из движения к Кизыл-Арвату и Кара-Кала и заняться утверждением на Атреке, как указано Вам инструкцией, посланной почтой — предлагается исполнить неотлагательно и донести».

Затем предписанием от 10 сентября № 5016, посланным с особым курьером, состоящим при его высочестве, лейб-гвардии драгунского полка штабс-капитаном Денелем, подтверждались вновь прежде полученные распоряжения, изложенные в депешах от 12 и 29 августа и в предписании от 14 числа № 220.

Отряд выступил из Ходжам-Кала 8 числа, вернулся в Чат 14-го. По пути было несколько пустых стычек с незначительной партией текинских разбойников, которые, пользуясь чрезвычайно изрытой и крайне пересеченной местностью между Ходжам-Кала и Тер-Саканом, пытались захватить наших верблюдов, но были отброшены.

В том же месяце укрепления в Чате и Чекишляре были окончательно сооружены, люди обеспечены довольствием и помещением на зиму; в Чекишляре сооружена пристань, избавившая людей от выгрузки лодок по пояс в воде; между Чатом и Чекишляром восстановлено правильное еженедельное сообщение, и мы таким образом прочно, твердой ногою стали на Атреке.

Но, без сомнения, текинцы, сознавая хорошо цель занятия нами постоянного укрепления в Чате, всего в 100 верстах от их пределов, зная при том, что у нас мало кавалерии (всего в 2-х сотнях до 180 казаков), не давали нам покоя. Иначе это и быть не могло, это надо было предвидеть, и потому войскам все это время пришлось быть крайне бдительными и осторожными, особенно при сопровождении оказии; и только благодаря этой примерной, неусыпной бдительности и деятельности наших войск, энергии и распорядительности офицеров все попытки неприятеля против Чата, Чекишляра и отдельных оказий за все это время не имели ни малейшего успеха. Если же был несчастный случай с 6 артиллеристами, которые, вопреки неоднократных приказаний и внушений, удалившись от колонны в сторону, верст на десять, были захвачены текинскими разбойниками,—то это может быть со всяким и везде*. А что Чат никогда не был в блокаде, это доказывается постоянным правильным еженедельным сообщением оного с морем.

В заключение укажем на общие результаты почти де-

---

*Эти артиллеристы, за исключением одного, возвращены уже; за последнего текинцы просят возвращения своих трех пленных, взятых в деле под Кизыл-Арватом 12 мая 1877 г. и сосланных в Россию.

вятилетнего* управления нами краем, результаты того образа действий, который теперь ставится нам в укор.

Мангышлак сделался за это время как бы внутренним нашим уездом: адаевцы, считавшиеся до того официально лишь номинально нам подвластными, теперь вполне покорны нам; волостные управления, заменив здесь прежнее патриархальное родовое начало прежних сардарей, действуют превосходно; все приказания Управления приставством исполняются беспрекословно; подати вносятся полностью, своевременно и с значительным приращением податных кибиток.

Туркмены, кочующие вокруг Красноводска, на Челекене, Дардже и Огурчинске (до 2-х тыс. кибиток), также вполне подчиняются теперь нашему влиянию и власти; благосостояние этих кочевников значительно улучшилось: шихцы и другие, кочующие у Красноводска, прежде не имели ни одного барана, теперь насчитывают их десятками тысяч; челекенцы, благодаря развитию соленого, рыбного и нефтяного промыслов, стали самыми зажиточными из всех туркменских родов. Вследствие этого, и шихцы, и челекенцы в поданном ими письменном заявлении, благословляя русское укрепление, сами просят обложить их податью.

Красноводск, в котором мы в 1874 году застали лишь одни землянки и кибитки, в это короткое время обратился в опрятный, хороший городок. Общий оборот торговли края с Хивой, Россией и Персией за период с 1874—1878 гг. простирается, как видно из представленных мною ведомостей, основанных на торговых и привозных свидетельствах, на сумму до 9 миллионов рублей, несмотря еще на сильный тормоз для здешней караванной торговли—грабежи и разбои текинцев. При этом много сделано и для улучшения быта служащих в Красноводске лиц.

Кочующие в течение 8—9 месяцев в наших пределах приатрекские туркмены-иомуды племени джафарбай и ак-атабай, еще так недавно относившиеся к нашим войскам столь неприязненно и враждебно, теперь относятся к нам с полным доверием; дают ежегодно добровольно для наших отрядов по несколько тысяч верблюдов, выставляют лодки, кибитки, всадников в милицию: беспрекословно исполняют все наши приказания; недавно выставили до 1500 рабочих для провода в прежнее русло воды р. Атрека, необходимой для прохода наших войск; между их аулами можно ездить теперь с несколькими казаками, а прежде они стреляли по отрядам; встречают они наших начальников с хлебом-солью; старшины их являются с радушием и приветом и вместе со своей конницей сопровождают нас. Многие из них давно уже обращались к нам с вопросом, отчего мы не облагаем их податью; и, надеюсь, что вопрос о введении у них нашего управления и обложения податью может быть теперь же приведен в исполнение без всяких затруднений.

Это ли значит, что положение наше в этом крае с течением времени ухудшилось и действия наши в крае имеют неблагоприятное для нас влияние на туркмен?

Что же касается до заключения, что действия наши в крае произвели неблагоприятное впечатление в Персии, то это также совершенно неверно: дело с текинцами 12 мая 1877 г., когда горсть наших молодцов (до 600 человек) нанесла такое решительное поражение скопищу текинцев,—имело совершенно обратное значение, о чем заявляли в свое время и посланник наш, и консул. Наконец, записки полковника Гродекова, проехавшего недавно по Хорасану и северной границе Персии, явно указывают насколько сильно там обаяние России. Жители же несчастной Астрабадской провинции хорошо знают, что только тогда они и отдыхают от грабежей туркмен и захвата сими последними их людей в плен, когда наши войска переходят на Атрек, и что только с постоянным занятием нами линии Атрека грабежи и разбои туркмен в Астрабадской провинции почти прекратились.

Я служу в Закаспийском крае около 10 лет, участвуя постоянно, из года в год, в десяти здешних тяжелых степных походах*. За все это время все мои усилия, вся энергия, все старания были приложены к делу, порученному мне высоким и милостивым доверием его высочества. Всякому знающему этот край, всякому бывшему в Красноводске или в здешних трудных степных походах известно, насколько добросовестно и честно я трудился в этом деле, не зная устали, не щадя здоровья, никаких усилий, средств, и потому понятно будет с каким глубоким прискорбием я узнал об этих личных воззрениях, этих докладах людей,

---

* Я назначен был сначала на Мангышлак в апреле 1870 г. С 1871 по 1879 г. был начальником отряда и края.

* А всякому известно, каковы эти походы, где на каждом шагу приходится бороться с природой, нуждой, с тяжкими трудами, лишениями, безводьем, песками, страшной подавляющей жарой. Это не то, что другие походы, и даже туркестанские, в странах населенных, культурных, где почти все можно достать.

видимо, заблуждающихся касательно настоящего положения дел в крае.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1893, лл. 1—18. Подлинник рукописный.

№ 214

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела вр. командующему войсками Туркестанского военного округа со сведениями о положении в Ахале

25 июля 1879 г.

По сведениям, полученным от пришедшего на днях в г. Хиву торгового каравана из Ахал-Текинского оазиса, войска отряда генерал-лейтенанта Лазарева продвинулись до Кизыл-Арвата и до Кара-Кала (последний пункт назван на 20-верстной карте Кара-Сингер), дальнейшее движение наших войск туземцы определяют на Серахс. Говорят, что после незначительных стычек около Чата ахал-текинцы не оказывали сопротивления при движении нашего отряда, исполняя в местах, населенных, все требования начальников частных отрядов. В Кизыл-Арвате начальником отряда русских войск было потребовано в контрибуцию по пуду печеного хлеба от каждого двора: говорят, что паника так велика между текинцами, что утром отданное приказание к вечеру было исполнено жителями Кизыл-Арвата. По слухам, ахал-текинский народ по отношению сопротивления русским войскам разделился на три неравных части: богатые кочевники уклонились от удара и удалились со своими стадами в пески и в персидские владения, земледельцы предпочли оставаться на месте, не оказывая сопротивления, и только очень немногие решились, собираясь в скопище, препятствовать движению. По верным слухам, депутация от кочевого населения Ахал-Текинского оазиса обращалась к хивинскому хану, прося у него земли и воды: в ответ на эту просьбу хан обещал исполнить и представить им просимое в местности выше г. Питняка на урочище Саудагере, где незадолго была, по приказанию хана, реставрирована крепость для пришедших с Атрека ата-туркмен. Сведения непосредственно от генерала Лазарева в Петро-Александровске не получены; во вверенном мне отделе пока все благополучно, о чем имею честь довести Вашему высокопревосходительству.

Начальник отдела полковник Гротенгельм

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 17—18. Копия, рукопись.

№ 215

Отношение хивинского диванбеги генералу Иванову[1] со сведениями о действиях русских войск в Западной Туркмении

не ранее 12 августа 1879 г.[2]

Почтенному, уважаемому, милостивому, высокостепенному начальнику Зеравшанского округа генерал-майору Иванову.

Всегда желаю Вам быть здоровым; затем после засвидетельствования Вам моей преданности, довожу до сведения Вашего, что благодаря бога туркмены нашей страны в нынешнем году находятся в спокойствии: цены на хлеб с прошедшего года существуют дешевые; со стороны Ахала, в начале месяца шаабана (июля), прибыл караван иомудов, со стороны Шах-Кадама (Красноводск) некто. Лазарев, сановный человек, с большим отрядом выступил по направлению Теке и через Кизыл-Арват пришел в Кара-Кала, где откочевавшим из Хивы гёкленам приказал доставить с каждого дома по одному батману хлеба, который теперь доставили сполна. Текинцы, находящиеся на Кизыл-Арвате, бежали в пески, лежащие на хивинской стороне, а некоторые из них бежали в горы, расположенные на западе, но до настоящего времени битв не было.

Эти слухи и известия передают иомудские караваны. Вполне и всегда чувствуя себя преданным к Вам, написал это письмо в 20 день месяца шаабана, в пятницу 1296 г.

Приложена печать мирзы Палвана диванбеги хивинского хана.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, л. 4, Копия, рукопись.

№ 216

Рапорт начальника авангарда Ахал-Текинского экспедиционного отряда начальнику экспедиции о действиях вверенного ему отряда

15 августа 1879 г.

Честь имею донести Вашему превосходительству, что, согласно последнего донесения моего за № 193, я выступил 8 августа вечером из Ходжам-Кала в Бенд-Есен с сотней ка-

[1] Документ адресован генералу Иванову, назначенному к этому времени начальником Зеравшанского округа.

[2] На документе дата: 20 шаабане 1296 г. х.

заков и 2-мя горными орудиями с целью настичь остатки партии, действовавшей против нас 6-го числа. Одновременно с тем я послал 3 ротам Куринского полка, расположенным в Кара-Кала, приказание пройти прямой дорогой на присоединение со мной в Бенд-Есен.

Здесь я узнал от двух кара-калинцев, бывших в плену у текинцев и выбежавших во время дела 6-го числа, что в Бенд-Есене находились все влиятельные сардары и ишаны, и что они перевалили обратно через горы и разбрелись мелкими партиями к своим семействам в аулы. Кроме того, я узнал еще, что в партии находился также и пленный солдат Александропольского полка (за несколько дней перед тем взятый в плен в окрестностях Терс-Акана) и что солдата теперь увели в Бами, а оттуда к колодцам Нияз, где находится ныне часть баминского населения.

На другой день я сделал все надлежащие распоряжения для скрытного движения через горы с целью же настичь и наказать хотя бы остатки партии.

По расспросным сведениям, при всяком случае мною собираемым, мне уже примерно известно было как расстояние, так и положение тех колодцев, у которых стоят в песках небольшие сборища. Двигаясь быстро из Терс-Акана к Ходжам-Кала и перейдя с легким авангардом в Бенд-Есен, я мог рассчитывать, двигаясь далее, скрытно пройти незамеченным через горы линию крепости и с рассветом прибыть с кавалерией к колодцам, мне заранее уже известным. Для этой цели надлежало кавалерии совершить в одну ночь перевал в 20 верст через горы и пройти песками расстояние от 30 до 40 верст.

10 числа вечером мною назначено было выступление в следующем порядке: отряд, состоящий из 4 сотни Дагестанского конно-иррегулярного полка, 4 сотни Таманского конного полка Кубанского войска и 4 сотни сборной милиции из кавказских охотников под начальством адъютанта его императорского высочества главнокомандующего Кавказской армией подполковника Васильчикова, и отряд из двух рот Кабардинского полка с двумя горными орудиями под начальством капитана Скорина.

Должны были: первый двинуться из Ходжам-Кала через Коджский перевал, пересекая незамеченным дорогу из Кизыл-Арвата в Кодж, прибыть с рассветом 11 числа к колодцам Кара-Сингер, откуда следовать далее к колодцам Демирджан и Даулет. Второму пехотному отряду, следуя тем же путем, остановиться у Коджи. Предоставляя в

этом случае подполковнику Васильчикову, если окажется необходимым, притянуть пехоту и в Кара-Сингер.

Отряду, состоящему из одной сотни Волжского полка под начальством состоящего при мне поручика Славочинского, приказано, выступив с вечера 10 числа, перевалить ночью через горы, пройти мимо Бами прямо к колодцам Ниаз.

3 сотне Дагестанского конно-иррегулярного полка, под начальством штабс-капитана Ибрагимова; идти тем же путем, но перевалив через горы, направиться к северо-востоку к колодцам Еген-Газах.

Рота Куринского полка с одним горным орудием и мною должна была занять Бами и служить опорным пунктом для кавалерийских частей, высланных в Ниаз и Еген-Газах.

Общим сборным пунктом для ночлега всех перевалившихся частей на 11 число вечером назначен был аул Бами.

Инструкция, данная всем начальникам частей, состояла в следующем: уничтожить все остатки партии и так как жители, находящиеся на вышесказанных колодцах, ушли из места их жительства и не исполнили требований, изложенных в прокламации Вашего превосходительства, то надлежало силой вернуть их к местам жительства. Строжайше приказывалось наблюсти за тем, чтобы безоружные не подвергались никаким обидам и чтобы все усилия были употреблены обезоружить защищающихся без пролития крови, причем отнятое оружие уничтожить там же на месте.

Верблюды и бараны, где оные найдутся, отобрать и считать их военной добычей. Из остального имущества оставить все неприкосновенным.

Кроме того, поручику Славочинскому приказано было непременно разыскать в Ниазе пленного солдата и привести его обратно.

Движение это вполне достигло цели, не говоря уже о нравственном впечатлении, произведенном им на текинцев.

11 числа утром на четырех вышеназванных колодцах явились кавалерийские части и согласно приказания захватили: пленного солдата, находившегося в Ниазе, одну тысячу двести верблюдов и до шести тысяч баранов, причем на разных пунктах происходили более или менее сильные перестрелки.

У нас убыло: один всадник Дагестанского конно-иррегулярного полка без вести пропал и один ранен, а также ранен один туркмен-милиционер, убита 1 лошадь и 1 ранена. К 12 числу все перешедшие части были собраны

мной в Бами и 13 утром я выступил общей колонной и перешел обратно через горы в Бенд-Есен.

Донося о всем вышеизложенном Вашему превосходительству, не могу отозваться с особенной похвалой о поведении вообще всех чиновников, участвовавших в этом движении. В особенности прошу Ваше превосходительство обратить внимание на энергию и боевую распорядительность поручика Славочинского, блистательным образом исполнившего возложенное на него поручение, чем и достигнут главнейший успех всего движения, так как он вывел из плена нашего солдата и отбил около 900 верблюдов у значительно превосходившего его неприятеля, который употреблял все усилия воспрепятствовать обратному его движению, стрелял с возвышенности, куда укрылся.

Начальник авангарда флигель-адъютант полковник кн. Доморецкий

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 213, лл. 110—112, 114.
Подлинник.

№ 217

Телеграфный рапорт временного начальника Закаспийского военного отдела главнокомандующему Кавказской армией о ходе Ахал-Текинской экспедиции

20 августа 1879 г.

Последний эшелон войск передового отряда прибыл в Ходжам-Кала 19 августа. Войска совершили переход благополучно. Больных по пути оставлено немного и преимущественно до Чата, вследствие неблагоприятных климатических условий и дурной воды. С приближением к Ходжам-Кала температура стала понижаться и вода улучшаться. Благодаря заботливости полковника князя Долгорукова, колесный обоз прошел свободно; войсками авангарда сделаны во многих местах капитальные работы, особенно переход [на] Сумбаре в Дуз-Олуме и спуск к Бек-Тепе. На полдороге от Терс-Акана в Ходжам-Кала вырыто жителями Кара-Кала четыре колодца с соленой водой, но годной для лошадей, а два—в трех верстах от дороги с пресной. Дорога от Терс-Акана вперед разработана в видах сбережения войск кара-калинцами за плату. Кавалерия авангарда с подполковником Васильчиковым 6 августа под Ходжам-Кала имела перестрелку с партией текинцев и отбила

до четырех тысяч баранов. В это время в Бенд-Есене было скопище текинцев до 5 [тыс.] с ишанами для возврата захваченных баранов. Партия до 1500 человек бросилась оттуда к Ходжам-Кала, но после непродолжительного дела без успеха возвратилась назад, и все текинцы перевалили на северную сторону Копет-Дага. 11 августа флигель-адъютант полковник князь Долгорукий сделал набег двумя кавалерийскими колоннами, поддержанных ротами пехоты с горными орудиями. Подполковник Васильчиков, пересекая дорогу из Кизыл-Арвата в Кодж, с двумя сотнями дагестанцев направился в пески к колодцам Кара-Сингера, а поручик Славочинский с сотней волжцев в аул Ниаз-Бырым[1]; налетом Славочинский захватил 1200 верблюдов и обе колонны до шести тысяч баранов. После набега авангард сосредоточился в Бенд-Есене. Потеря наша: один дагестанец пропал без вести, один ранен и ранен туркмен-милиционер, пленных взято 30 человек. Волжцами выручен из плена взятый несколько дней назад рядовой Александропольского батальона. Набег этот произвел сильное впечатление на текинцев, не ожидавших такой смелости и быстроты от нас. В этом деле князь Долгоруков выказал большую энергию и большую распорядительность. Дабы воспользоваться замешательством текинцев после набега, выступая к Бек-Тепе 22 августа с тремя батальонами, дивизионом драгун, пятью сотнями, 12 орудий и ракетной сотней тремя колоннами, а 43 кавалерийскую посылаю с полковником Навроцким для наказания атабаевцев за двусмысленное поведение и самовольный уход с верблюдами, работавшими у нас. Чаще стали повторяться случаи отбития почты мелкими партиями разбойников. В настоящее время разрабатывается дорога через перевал от Бенд-Есена до Бола войсками авангарда. Для довольствия передовым войскам оставлены от Чекишляра до Чата однако...[2] далее до Дизвалума[3] сорок полковых фургонов и далее до Бенд-Есена из казенного транспорта около 1500 верблюдов. Выступаю с 2500 верблюдами, остальные верблюды транспортные, слабые и больные на отдыхе. О последующих действиях отряда и моих распоряжениях буду иметь честь донести Вашему императорскому высочеству своевременно.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 27.

[1] Так в тексте.

[2] Документ поврежден, но, судя по тексту отправленного 4 сентября 1879 г. рапорта главнокомандующего Кавказской армии военному министру, речь идет о двуколках (ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 157, л. 28).

[3] Так в тексте; речь идет о Дуз-Олуме.

№ 218

Донесение штаба Кавказского военного округа начальнику Главного штаба о начале наступления на Ахал-Теке

20 августа 1879 г.

По последнему донесению покойного генерал-адъютанта Лазарева от 3 августа, копия коего будет представлена почтой, наступление главных сил Ахал-Текинского отряда началось тридцатого июля от Чекишляра к Дуз-Олуму четырьмя эшелонами, в составе восьми батальонов, роты сапер, двух эскадронов, восьми сотен и шестнадцати орудий. При этом сообщается, что будто бы часть текинцев откочевала к колодцам Туяр, Огламыш, Чагыл и Кум-Себеш, на пути из Хивы в Красноводск.

Его высочество признает необходимым побуждение хивинского хана строго запретить доставление текинцам всяких снабжений от населения ханства, о чем государь великий князь сносится ныне с туркестанским начальством.

На основании означенного же донесения, его высочество просит скорейшего по возможности разрешения изложенного в отзыве военному министру от седьмого августа № 3830 ходатайства о дополнительном кредите на экспедицию, при отпуске ныне же в счет оного, испрашиваемой суммы.

Ген.-м. Гурчин

ЦГИА СССР, ф. 1, д. 210, л. 36.[1]

№ 219

Телеграмма главнокомандующего Кавказской армией начальнику Закаспийского военного отдела о его смещении[2]

23 августа 1879 г.

На должность командующего войсками в Каспийском крае избран мною генерал-лейтенант Тергукасов, который прибудет к месту нового назначения около половины сентября. Возлагаю на Вас, до его приезда, временное командование этими войсками и управление краем, предлагаю при этом руководствоваться во всех действиях предположениями покойного генерал-адъютанта Лазарева[1], делая от них отступления по своему усмотрению в случае, если обстоятельства того требуют. Желаю, чтобы донесения о положении дел представлялись возможно чаще.

Михаил

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, лл. 11—12[2].

№ 220

Телеграмма начальника штаба Кавказского военного округа командующему войсками округа об ассигновании денег на Ахал-Текинскую экспедицию[3]

23 августа 1879 г.

Генерал-адъютант граф Гейден сего числа телеграфирует: Высочайше разрешено ассигновать дополнительный кредит на расходы по Ахал-Текинской экспедиции в количестве 2 100 000 руб. с отпуском в число испрашиваемой суммы пятой части звонкой монетой, о чем сообщено Министерству финансов.

Генерал-майор Гурчин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 213, л. 48.

№ 221

Рапорт капитана Быкова канцелярии туркестанского генерал-губернатора об отношении мервских текинцев к движению русских войск в Ахал[4]

23 августа 1879 г.

Я был в Чарджуе два раза: 1-й с 22 по 24 июня и 2-й с 8 по 14 июля.

Во время первого приезда слухов об отряде генерал-адъютанта Лазарева никаких не было, никто ничего не знал, го-

[1] Документ публикован в сб. «Россия и Туркмения в XIX в.» со ссылкой на ЦГИА СССР, ф. 1, д. 210, лл. 81—90.

[2] Ломакин был смещен еще в марте 1879 г.; на его место назначен был генерал-адъютант Лазарев (см. Приказ по войскам Кавказского военного округа от 4 марта 1879 г. ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 210, л. 106).

[1] В своей телеграмме от 19 августа 1879 г. российский посланник в Иране Зиновьев доносил главнокомандующему Кавказской армией: «Генерал Лазарев скончался 14 августа в Чате от карбанкула. Во временное командование отрядом вступил генерал Ломакин, как старший из генералов». ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154. л. 2).

[2] Копию документа см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 213, л. 73.

[3] Телеграмма направлена в Боржом.

[4] Личность автора выяснить не удалось.

ворили только, что теке Мерва не пошли на помощь к Ахал, опасаясь движения на Мерв проходивших в это время через Бухару 8 и 9 батальона. Кажется, что уже тогда посланцы от Ахал-Теке были на Мургабе.

Во время вторичного моего пребывания в Чарджуе от пришедшего каравана с Мургаба или от нарочного Данияр-хана к Тюря-джану разнесся слух, что Ахал-Теке напали на Атрекский отряд и разбили его; но подробностей никаких не прибавляли, даже не могли сказать, остался ли на месте наш отряд или отступил.

В это время посланцы от Ахал-Теке уже наверное были в Мерве, приглашая этих текинцев к себе на помощь, но последние отказали им в этом на время, услыхав, что русский офицер собирается приехать к ним. Сначала они слышали, что вместе с этим офицером идет сто человек русских, затем, что он идет только с 500 бухарцев и поэтому выслали на ближайшие колодцы партию в 700 конных и пеших с целью захватить этого русского...[1], радость на Мургабе по этому случаю была большая, туркмены резали баранов, устраивали той*, радуясь, что придется драться с русскими. Наконец, в это же время мервцам стало известно о предстоящем проезде его высочества по Бухаре, и слышно было, что с ним идет очень много солдат, часть которых уже пришла в г. Бухару; этот слух также влиял на решение их пока не помогать Ахал-Теке.

Но ко всему этому нужно иметь в виду, что теке Мерва и Ахал-Теке — ближайшие родичи, постоянно действуют заодно так, что при первом удобном случае, при уверенности, что им не грозит опасность с севера, непременно помогут действовать против отряда генерала Лазарева, против русских, которых они положительно ненавидят; в таком случае, судя по рассказам, силы Ахал-Теке увеличатся на весьма значительную цифру конных и пеших туркмен. По словам бывших жителей Мерва, там не менее 40 тысяч кибиток, а Ахал — до 100 или 120 тысяч.

Лица, имеющие постоянные сношения с Мервом, бывающие там ежегодно, говорят, что туркмены Мерва имеют непосредственные сношения с Пешавером[2]; ежегодно человек 30—60 старшин ездят туда, получают там подарки, может быть инструкции; оттуда же получается оружие.

Капитан Быков

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 8—20. Подлинник.

[1] Одно слово неразборчиво.
* Праздник.
[2] Речь идет о городе Пешавере в Индии, одном из крупнейших центров английской администрации.

№ 222

Телеграмма вр. командующего войсками Закаспийского военного отдела главнокомандующему Кавказской армией о движении войск в Ахал

24 августа 1879 г.

Передовой отряд перевалил через хребет Копет-Даг 22 и 23 августа благополучно, хотя с большим трудом, за неоконченностью дороги продолжать разработку коей возложено на нохурцев. В Бами и Беурме населения не нашли, в Арчмане осталось на месте до 50 кибиток, остальные бежали. Оставшихся не обижают и забираемое уплачивают деньгами. 25 августа авангард ночует в Дуруне, а главные силы в Арчмане. Текинцы, по слухам, собрались в Геок-Тепе и собираются встретить отряд [с] оружием в руках. В пройденных крепостях нашли большие запасы...[1] здоровье войск очень хорошее и кавалерия в отличном состоянии, несмотря на продолжительные и почти безостановочные походы.

Генерал-майор Ломакин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 17.

№ 223

Рапорт и. д. туркестанского генерал-губернатора генералу фон-Кауфману о движении Красноводского отряда, о внутренних раздорах среди населения и отношении хана Хивы к туркменам Ахала[2]

В дополнение рапорта моего от 25 сего августа за № 502, имею честь доложить Вашему высокопревосходительству, что 24 сего августа получен рапорт полковника Гротенгельма, в котором он доносит о сведениях, полученных им от пришедшего около 25 июля в Хиву из Ахал-Текинского оазиса торгового каравана.

Из рапорта этого усматривается, что войска отряда покойного генерал-адъютанта Лазарева подвинулись до Кизыл-Арвата и до Кара-Кала (на 40-верстной карте пункт этот

[1] Слово не разборчиво.
[2] Документ не датирован; адресован в Петербург, где в то время находился фон-Кауфман.

назван Кара-Сингер). Дальнейшее движение наших войск туземцы определяли на Серахс. Говорят, что после незначительных стычек около Чата ахал-текинцы не оказывали сопротивления и в населенных местах исполняли все требования начальников отрядов. В Кизыл-Арвате начальником отряда русских войск было потребовано в контрибуцию по пуду печеного хлеба от каждого двора и требование это, вследствие сильнейшей паники между текинцами, было исполнено весьма быстро: утром отдано было приказание, а к вечеру оно уже было исполнено.

По слухам, ахал-текинский народ по отношению сопротивления русским войскам разделился на три неравных части: богатые кочевники уклонились от удара со своими стадами в пески и персидские владения; земледельцы предпочли остаться на месте, не оказывая сопротивления, и только очень немногие решили, собираясь в скопище, препятствовать движению отряда. По верным слухам, депутация от кочевого населения Ахал-Текинского оазиса обращалась к хивинскому хану, прося у него земли и воды; просьбу эту хан обещал исполнить и предоставить им просимое в местности выше Питняка на уроч. Саудагере, где незадолго была, по приказанию хана, реставрирована крепость для пришедших с Атрека ата-туркмен.

Ввиду подобного донесения полковника Гротенгельма я вместе с сим еще раз написал хану хивинскому, чтобы он отнюдь не оказывал никакого содействия кочевникам ахал-текинцам и не пускал их в ханство[1].

При этом считаю необходимым донести Вашему высокопревосходительству, что приказание его императорского высочества наместника Кавказа, о котором я имел честь телеграфировать Вам 22 августа, исполнено мною 23 августа. Причем сообщение хану хивинскому и предписание полковнику Гротенгельму отправлены были по эстафете через Самарканд и, дубликатом, через Казалинск.

Генерал-лейтенант Колпаковский

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 50—51. Подлинник, рукопись.

[1] Это распоряжение последовало в результате телеграфного требования Кауфмана из Петербурга от 23 августа 1879 г. «Воспрещение жителям Хивинского ханства, как желает Кавказский наместник, поторопитесь исполнить, демонстрацию признаю теперь лучше не делать»; речь идет о демонстрации к Сары-Камышу. (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, л. 19).

№ 224

Отношение и. д. туркестанского генерал-губернатора хивинскому хану отказать текинцам в земле и воде и вынудить их покориться русским

27 августа 1879 г.

После дружеских приветствий слова мои следующие. По имеющимся сведениям, известно мне, что кочевое население Ахал-Текинского оазиса обратилось к Вашему высокостепенству в прошлом июле с просьбой дать им земли и воды и что Ваше высокостепенство обещало исполнить эту просьбу туркмен, представив им местность выше г. Питняка на урочище Сайдагере.

Ввиду этих сведений в дополнение письма моего от 23 августа я считаю необходимым просить Ваше высокостепенство отказать кочевому населению Ахал-Теке в земле и воде и предложить им возвратиться в свой оазис[1] и изъявить покорность начальнику отряда русских войск, двигающихся со стороны Чекишляра. Не откажите о распоряжениях Ваших меня уведомить подробно для донесения в Петербург его высокостепенству высокому генерал-губернатору[2].

Генерал-лейтенант Колпаковский

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, л. 20. Отпуск, рукопись.

№ 225

Телеграмма российского посланника в Иране главнокомандующему Кавказской армией об овладении русскими войсками Геок-Тепе[3]

3 сентября 1879 г.

Кучанский ильхани телеграфирует будто войска наши овладели двадцать восьмого августа укреплением, построенным ахал-текинцами между Янги-Кала и Геок-Тепе. Многие

[1] В письме хивинскому хану от 23 августа 1879 г., сообщая о движении Красноводского отряда на Атрек и откочевке части текинцев на колодцы между Хивой и Красноводском, Колпаковский требовал: «воспретить самым строгим образом жителям Хивинского ханства доставлять означенным текинцам продовольствие как людям..., так и животным, которые взяты ими» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 459, л. 18).

[2] Одновременно с этим прошением Колпаковский направил начальнику Аму-Дарьинского военного отдела распоряжение от 27 августа 1879 г. «настоять перед ханом и наблюсти, чтобы кочевому населению Ахал-Текинского оазиса было отказано в воде и земле, и чтобы население это было возвращено обратно в свой оазис» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, л. 21).

[3] Документ дается в переводе с французского.

туркмены погибли, остальные рассеялись. Ильхани полагает, что после этого населению Ахала остается лишь подчиниться нам.

Зиновьев

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 24.

№ 226

Рапорт вр. начальника Закаспийского военного отдела главнокомандующему Кавказской армией о штурме Денгли-Тепе.

4 сентября 1879 г.

С 22 по 29 августа войсками передового отряда произведена была к стороне Геок-Тепе усиленная рекогносцировка Текинского оазиса, о котором, как оказалось, имелись самые скудные сведения. 28 числа у Геок-Тепе нас встретило огромное скопище текинцев, которые несколько раз бросались на наши колонны, но каждый раз были отражаемы с большой потерей. Подле Геок-Тепе текинцы устроили сильное укрепление в Денгли-Тепе, занятое до 15 тысяч вооруженных текинцев, несмотря на отчаянное их сопротивление наши войска утвердились в передовых укреплениях, нанеся неприятелю огромный погром. После этого в течение шести часов производилось обстреливание из 12 орудий сильно укрепленного неприятельского аула, в котором скучилось с женами и детьми почти все население Теке, более 30 тысяч. Пленные определяют потери текинцев в несколько тысяч. Ввиду намерения их ночью бежать необходимо было немедленно же нанести им решительный удар, чем могли сразу закончить экспедицию. В 5 часов началось общее наступление: войска смело бросились в штыки и заняли наружные фасы укрепления, но, встречая далее на каждом шагу непреоборимые препятствия, стали терять много людей и поэтому с наступлением вечера были отозваны. Ночью неприятель большей частью бежал, преследовать его тогда при крайнем утомлении войск, бывших весь день в бою, было невозможно; войска вели себя доблестно. Потери наши: убитых офицеров 7, нижних чинов 178, раненых офицеров 16, нижних чинов 234. Рекогносцировкой этой выяснены вполне дальнейшие условия покорения края. Сегодня занимаю нашим укреплением Беурму, устраиваю здесь провиантский и артиллерийский склады, затем придется занять с той же целью еще промежуточный пункт в Дуруне или Кяризе и тогда одной посылкою легких колонн

с разные стороны можно окончить дело. Сильное нравственное потрясение и чувствительный урон, нанесенный текинцам, полагаю, значительно облегчат нашу задачу.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА СССР, ф. 1, д. 213, лл. 118—121.

№ 227

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела и. д. туркестанскому генерал-губернатору о мерах по прекращению снабжения ахал-текинцев продовольствием населением Хивинского ханства

4 сентября 1879 г.

Полученный по эстафете конверт за № 485 на имя хана хивинского в тот же день мною отправлен с поручиком 8 Туркестанского линейного батальона Алексеевым с обязательством вручить его лично хану хивинскому и дождаться ответа для доклада Вашему превосходительству.

Хотя нет никаких оснований сомневаться в том, что хивинский хан лично постарается по мере сил привести в исполнение предложение Вашего превосходительства, выраженное в письме за № 485[1], но и я должен доложить Вашему превосходительству, что всем обещаниям хана хивинского по поводу воспрещения продавать текинцам хлеб в обмен на баранов нельзя верить, так как все его распоряжения и меры на туркменских хлебных рынках останутся мертвой буквой, и он не в силах, и не рискнет распорядиться принудительно без поддержки русских войск, как бы сам лично не желал исполнить волю Вашего превосходительства, — единственный способ остановить отправку хлеба нуждающимся ахал-текинцам — это выслать отряд русских войск из Аму-Дарьинского отдела и росположить его среди кочевья туркмен Хивинского оазиса, на прямом сообщении между колодцами, занятыми откочевавшими ахал-текинцами и кочевьями туркмен Хивинского ханства[2]; эта мера, по моему мнению,

[1] В ответном письме от 8 сентября 1879 г. хан писал, что он сделает все, «чтобы никто из жителей Хивинского ханства не имел с текинцами никакого сношения и в случае приближения их к границам ханства лишить их возможности пользоваться на базарах каким-либо продовольствием, — одним словом примем все надлежащие меры... (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, л. 41).

[2] Основываясь на сообщении доставившего письмо хану поручика Алексеева, начальник Аму-Дарьинского отдела в рапорте Колпаковскому от 12 сентября 1879 г. писал, что в разговоре хан «высказал намерение обратиться за содействием русской силы, если туркмены выкажут неповиновение его распоряжениям». Исходя из этого, Гротенгельм находил необходимым более активное вмешательство и высылку отряда такой силы, чтобы воспрепятствовать транспортировке хлеба» текинцами (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 39—40).

может послужить если не совершенному прекращению, то, по крайней мере, к уменьшению вывоза хлеба, а без отряда русских войск хлеб, несмотря на запрещение хана, будет вывозиться, если не из узбекских рынков, то от туркменских непременно, вследствие обильного урожая у туркмен и выгодного сбыта.

В ожидании распоряжения Вашего превосходительства о высылке отряда на левый берег я буду следить через лазутчиков, какими мерами хан будет исполнять требования Вашего превосходительства[1].

Начальник отдела полковник Гротенгельм.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 32—33. Подлинник, рукопись.

№ 228

Телеграмма начальника штаба Кавказского военного округа начальнику Главного штаба о действиях войск Ахал-Текинской экспедиции

8 сентября 1879 г.

Генерал-майор Ломакин по телеграфу, через Баку, от двадцать шестого августа из Дуруна сообщает: двадцать пятого августа при движении авангарда вблизи Дуруна показавшиеся в семь часов вечера конные партии текинцев завязали с нашей аванпостной цепью перестрелку, продолжавшуюся до полуночи, когда высланными вперед разъездами текинцы были оттеснены. При перестрелке у нас ранен драгун и убита казачья лошадь.

Двадцать шестого августа авангард имеет дневку в Дуруне, того же числа туда прибывают главные силы.

От Арчмана до Дуруна на протяжении двадцати пяти верст находятся три аула с плодовыми садами и хлопчатником; много посевов джугары, еще не созревшей. Пшеница и ячмень сняты и спрятаны в ямах за невозможностью всего вывезти.

В аулах осталась часть брошенных кибиток и разных вещей домашнего хозяйства.

Вообще оазис оказался лучше, чем можно было предполагать, оседлая жизнь вполне возможна; глинистая почва оазиса при орошении дает обильный урожай.

Павлов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 213, лл. 98—99.

[1] На документе резолюция Колпаковского: «Направлено по телеграфу приказание главного начальника. Отпуск отправленной телеграммы прилагается. 19 сентября 1879 г. г.-л. Колпаковский».

№ 229

Донесение главнокомандующего Кавказской армией Александру II об успешном ходе Ахал-Текинской экспедиции русских войск

15 сентября 1879 г.

Генерал Ломакин доносит от 4 сентября из Беурмы: с 22 по 29 августа войсками передового отряда произведена была к стороне Геок-Тепе усиленная рекогносцировка Текинского оазиса, о котором доселе, как оказалось, имелись самые скудные сведения. 28 числа у Геок-Тепе нас встретило огромное скопище текинцев, которые несколько раз бросались на наши колонны, но каждый раз были отражаемы с большими потерями. Подле Геок-Тепе текинцы устроили сильное укрепление, в Денгли-Тепе, занятое до 15 тысяч вооруженных людей, несмотря на отчаянное сопротивление войска утвердились в передовых укреплениях, нанеся неприятелю страшный погром. После этого в течение шести часов производилось обстреливание из 12 орудий сильно укрепленного неприятельского аула, в котором скопилось с женами и детьми почти все население Теке, более 20 тыс. Действие, произведенное артиллерией, было ужасно, пленные определяют потери текинцев в несколько тысяч. Ввиду намерения их ночью бежать, необходимо было немедленно же нанести им решительный удар, чем могли сразу покончить экспедицию. В 5 часов началось общее наступление, войска смело бросились в штыки и заняли наружные фасы укрепления, но, встречая далее на каждом шагу непреодолимые препятствия, стали терять много людей и потому с наступлением вечера были отозваны. Ночью неприятель большей частью бежал; преследовать его тогда при крайнем утомлении войск, бывших весь день в бою, было невозможно. Войска все время боя вели себя доблестно. Потери наши: семь офицеров, нижних чинов двести тридцать четыре. Рекогносцировкой этой выяснены вполне дальнейшие условия покорения края. Сегодня занимаю главными силами укрепление Беурму, устраиваю здесь провиантский и артиллерийский склад; затем придется занять с той же целью еще промежуточный пункт в Дуруне или Кормене[1] и тогда одной посылкой легких колонн в разные стороны можно окончить дело. Сильное потрясение и чувствительный урон, нанесенный текинцам, полагаю значительно облегчит нашу задачу. Подробное донесение доставит подполковник Васильчиков вслед за сим.

[1] Так в тексте. Видимо Караган.

Кроме того, генерал Ломакин доносит, что полковник Навроцкий, исполнив с успехом данное ему поручение наказать атабаевцев и взяв у них тысячу верблюдов, присоединился к передовому отряду 4 сентября.

Михаил

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп 2, д. 154, л. 43.

№ 230

Телеграмма российского посланника в Иране главнокомандующему Кавказской армией о контратаке текинцев и отступлении Красноводского отряда

14/26 сентября 1879 г.

Кучанский ильхани телеграфирует, на основании донесенных туркменами сведений, будто отряд наш после одержания победы подвергся ночному нападению текинцев и, испытав чувствительные потери, вынужден был отступить к Беурме.

Зиновьев

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 43.

№ 231

Рапорт вр. командующего войсками Закаспийского отдела главнокомандующему Кавказской армией о ходе первой Ахал-Текинской экспедиции

15 сентября 1879 г.

Весть о смерти генерал-адъютанта Лазарева застала передовой отряд в движении к Ахал-Текинскому оазису, когда авангард был уже в Бенд-Есене, на перевале через Копет-Даг, первая колонна — в Ходжам-Кала, а вторая — в Дуз-Олуме.

Вступив 14 августа как старший в командование отрядом, я продолжал только в точности осуществление предположений покойного генерал-адъютанта Лазарева, на что вслед за тем и получены были мною приказания Вашего высочества в депешах 19 и 24 августа.

Проследовав благополучно до Ходжам-Кала и оставив там 1 батальон 81 пехотного Апшеронского Е. И. В. вел. кн. Георгия Михайловича полка, две роты 82 пехотного Дагестанского Е. И. В. вел. кн. Николая Михайловича полка, взвод полевой Закаспийской артиллерии и 24 милиционера с 4 ба-

тальонами, 2 сотнями, дивизионом драгун и 10 орудиями 20 августа прибыл в Бенд-Есен, где стоял авангард передового отряда.

В Бенд-Есене оставлены на позиции 3 батальон 84 пехотного Ширванского полка, 2 орудия 4 батареи 20 артиллерийской бригады и 24 милиционера. По возвращении же полковника Навроцкого из порученного ему движения против атабаев, на этих двух постах должна была остаться и 6 сотня Лабинского казачьего полка. В Бенд-Есене оставлены были все повозки, которые предполагалось первоначально взять с собой (по 2 фургона и по 4 ротных повозки на батальон) за неоконченностью разработки дороги. С целью убавить обоз, столь обременительный для войск, приказано было на этой стороне перевала оставить все излишние вещи и часть довольствия. Назначенный к выступлению в оазис передовой отряд двумя колоннами с 15-дневным довольствием (по 6 сентября) выступил из Бенд-Есена 22 и 23 августа в Бами.

Первая колонна: 4 батальон 79 пехотного Куринского, 4 батальон 80 пехотного Кабардинского полков, сводно-стрелковый батальон, дивизион драгун, Волгская сотня, 3 и 4 сотни Дагестанского конного иррегулярного полка, полубатарея конной казачьей артиллерии и полубатарея горных орудий Закаспийской артиллерии. Колонна эта под начальством флигель-адъютанта полковника кн. Долгорукова, выступив в 5 часов утра, подтянулась к Бами только к 6 часам утра 23 августа.

Неоконченность спуска с перевала и узкое каменистое ущелье, по которому идет дорога от подошвы перевала почти до Бами, задержали колонну так долго в пути. 23-го же авангардная колонна выступила после обеда в Беурму и прибыла в Дурун 25 августа. Здесь была дана дневка с целью соединить обе колонны, так как первоначальное разделение было вызвано удобством движения с меньшим числом верблюдов.

Вторая колонна под начальством свиты его величества генерал-майора графа Борха, выступив из Бенд-Есена 23, прибыла по тому же маршруту, что и первая, в полдень в аул Дурун 26 августа.

По случаю высокоторжественного дня 26 августа отслужено было при сборе войск всего передового отряда благодарственное молебствие.

Подходя к Дуруну, показались первые неприятельские разъезды, которые были отогнаны нашими милиционерами; до тех же пор ни разъездов, ни даже жителей, за исключением нескольких семейств в Арчмане, ни в одном ауле не встретили. В Арчмане жители вели себя сдержанно и продавали войскам хлеб, арбузы, дыни, сено. Сюда же прибыли жители

из Нохура, также с съестными припасами, а на другой день, по требованию нашему, доставили 100 пудов пшеничной муки и 100 пудов ячменя. За все было уплачено по их оценке.

Жителям Нохура было приказано выслать 200 человек в Бенд-Есен на разработку дороги; несколько дней они действительно проработали.

Между Беурмой и Арчманом безводный переход в 26 верст, от Арчмана же начинаются аулы чаще, так в 13 верстах—Сюнче, еще 9 верст несколько вправо—Мурче, затем через 6 ½ верст — Бегерзен и в 1 ½ версте — Дурун.

Отчетная карта при сем прилагается.

Во всех этих аулах, начиная с Арчмана, встречаются посевы дозревающей джугары, обширные бахчи и небольшие садики. Все аулы на хорошей воде, текущей небольшим ручьем с гор.

Видны по всему пути большие поля сжатого хлеба.

По аулам находили запасы самана и енджи, и по ямам—пшеницу. Ячменя немного.

С Бегерзена начались посевы хлопка и виноград.

Вообще заметен большой труд, прилагаемый населением к обработке земли.

Вечером, в день прихода в Дурун, в перестрелке с небольшой партией текинцев, ранен один рядовой Драгунского дивизиона и убито 3 лошади конвоя светлейшего кн. Витгенштейна. Ночью секретом грузинского батальона убит один текинец.

Так как, по заявлению начальника второй колонны, люди не нуждались в дневке, то решено было выступить 27 августа обеими колоннами в двухчасовом расстоянии одна от другой в аул Яринджи.

По всем сведениям от туркмен, как находившихся при нас из Кизыл-Арвата, считавшихся как бы нашими сторонниками, Тыкма-сардара из Беурмы, сопровождавшего нас, и одного из сардаров текинских, пользующегося известным значением, так и показавшихся одиночных жителей по аулам, все население оазиса, за малым исключением, с семействами собралось близ Геок-Тепе во вновь сильно укрепленном ауле Денгли-Тепе.

Несколько семейств в Кизыл-Арвате, близ Беурмы, в колодцах Еген-Газах и в Арчмане, как сказано выше, остались на местах, но из них преимущественно женщины, старики и дети.

27 августа, в три часа пополудни, прибыла вторая колонна в Яринджи и отряд общим каре, имея верблюдов в средине, расположился на ночлег. Ночь прошла покойно, неприятель не показывался.

28 августа отряд выступил тремя эшелонами. Авангард

под начальством флигель-адъютанта полковника кн. Долгорукова в составе двух батальонов 20 пехотной дивизии, сводно-стрелкового батальона и полуроты 2 Кавказского саперного батальона, полубатареи конной артиллерии, взвода горной Закаспийской артиллерии, дивизиона Переяславского драгунского и 3 и 4 сотен Дагестанского конно-иррегулярного полка был выдвинут в 2 часа ночи на четыре версты вперед по дороге на Геок-Тепе, дабы прикрыть остальные войска во время вьючки верблюдов, как самое опасное время для отряда в случае нападения неприятеля. В 4 часа утра выступил второй эшелон под начальством свиты его величества генерал-майора графа Борха, следовали: 2 батальона Кавказской гренадерской дивизии, 4 Ширванский батальон, полубатарея 20 артиллерийской бригады и 4 сотня Волгского полка. В третьем эшелоне следовал в общей колонне вагенбург всего отряда под начальством транспортного офицера капитана Кегамова.

Для придания первым двум эшелонам большей подвижности ими взяты с собой были верблюды только с патронами и с боченками для воды, кроме того, люди имели на себе на два дня сухарей и в кавалерии на один день зернового фуража. Все за сим тяжести шли, как сказано, в общем вагенбурге и для прикрытия их назначено по одной сборной роте от каждого из 6 батальонов пехоты, 4 сотня Таманского полка и взвод горной Закаспийской артиллерии. Этот эшелон следовал вслед за вторым и графу Борху поручено было сообразовать движение своего эшелона с движением вагенбурга.

В 5 часов утра выступил весь отряд, авангард в 5 верстах перед вторым эшелоном, от которого в 1 ½ версте следовал вагенбург. Местность на 5 версте от Яранджи открытая. Слева от дороги в 1 ½ версте высокие барханы песку, а справа в 4-х верстах Копет-Даг и у подошвы его несколько аулов с обыкновенными глиняными крепостями.

Пройдя 12 верст, авангард сделал привал и затем тронулся дальше в прежнем порядке, т. е. имея в голове сотню Дагестанского конно-иррегулярного полка, позади ее 4 конных орудия с сводно-стрелковым батальоном и полуротой сапер, по правому фасу куринцев, по левому кабардинцев, в средине вагенбург и в ариергарде кавалерию со взводом горных орудий. В 8 верстах от укрепл. Денгли-Тепе, на которое направлялся авангард, справа по подошве гор стала показываться неприятельская кавалерия в больших массах. Не предпринимая ничего против колонны, она, держась подошвы гор, стала сосредоточиваться у аула Еген-батыр.

Вскоре за появлением кавалерии справа, стала выезжать масса ея и слева колонны, по песчаным буграм. Колонна продолжала движение.

Полагая, что неприятельская кавалерия имеет намерение атаковать наш вагенбург, я послал к графу Борху сначала казака 2 Полтавской сотни, который по дороге был убит наскакавшими текинцами, а затем Нижегородского драгунского полка поручика Александровского с предупреждением о появлении на фланге неприятельской кавалерии и с приказанием подтянуть вагенбург и следовать вместе.

В 10 часов утра неприятельская кавалерия, выйдя в числе до 1000 человек из аула Егман-батыр, направилась к колонне графа Борха с целью атаковать ее и вагенбург. Свиты его величества генерал-майор гр. Борх немедленно выслал Волгскую сотню навстречу противнику с целью выиграть время, дабы дать своей остановленной колонне подтянуться и принять вагенбург. Полковник Шкуринский назначен был начальником второй колонны, а общее начальство второй колонны взял на себя граф Борх. Неприятель стал смело приближаться к колоннам, стараясь охватить их, а затем, подскакав к волгцам и видя их малочисленность, текинцы бросились в шашки. В свою очередь, казаки, под начальством сотенного командира хорунжего Татонова, поддержанные 16 человеками милиционеров-борчалинцев с прапорщиком Саматом Касумовым, несмотря на численное превосходство неприятеля, смело врезались в их толпы. Уступая, однако, многочисленному противнику, волгцы и милиционеры при помощи артиллерийского огня, открытого из полевых и горных орудий и ружейного огня трех рот эриванцев, после жаркой схватки успели отойти к колонне, а текинцы, преследуемые огнем, отошли обратно к аулу Егман-батыр. Потеря наша в этой схватке оказалась: убитыми 4 казака, 3 милиционера и 11 лошадей.

Потеря неприятеля, по всей вероятности, значительнее. Тела убитых похоронены и колонна продолжала движение.

Почти одновременно с атакой второй колонны, другая масса неприятельской кавалерии завязала перестрелку с левой кавалерийской цепью первой колонны, а затем часть ее бросилась в атаку. После схватки с милицией нашей и дежурством начальника кавалерии отряда, поддержанных 4 эскадроном драгун, лично направленных свиты его величества генерал-майором светл. князем Зейх-Витгенштейн-Берленбург, текинцы, оставив на месте 4 тела, отошли назад и затем часть из них осталась у мельницы, лежащей в 2-х верстах ниже по арыку от Денгли-Тепе, а другая — остановилась севернее означенного укрепленного аула.

Подойдя к аулу, авангарду видно было, что бугор среди аула, наружный фас аула и пространство близ крепости, составлявшей передовой опорный пункт, были покрыты сплошной массой народа.

В 600 саж. от западного фаса авангард был остановлен, людям дан отдых, а из конных орудий сделано несколько выстрелов по толпам текинцев. После часового отдыха авангард был передвинут на другую позицию в 350 саж. от аула. Здесь войска были перестроены в боевой порядок и вся артиллерия авангарда открыла огонь по неприятелю, занимавшему густыми массами водопроводную канаву, идущую перед аулом, и все пространство между им и передовым укреплением. В это же время приказано было мною подполковнику князю Чавчавадзе с двумя сотнями Дагестанского конно-иррегулярного полка, дивизионом драгун, ракетной батареей и двумя горными орудиями очистить от неприятельской кавалерии местность к северу от Денгли-Тепе и затем обойти неприятельскую позицию для действия у него в тылу.

Отогнав большую часть защитников из передовых закрытий, авангард был двинут вперед в боевом порядке.

В это время, поддерживаемые сильным ружейным огнем с вала, толпы пеших текинцев, преимущественно вооруженных холодным оружием, вышли из-за вала и ближайших к нему закрытий и устремились с гиком навстречу колонне. После нескольких дружных залпов пехоты и учащенного огня картечными гранатами конной полубатареи и горного взвода, текинцы, оставив на месте массу трупов, повернули назад и войска вслед за ними бросились с криком ура, а конная полубатарея, вынесшись в карьер, открыла огонь с 200 сажен. Стрелки быстро овладели передовой крепостью и вместе с другими устремились за отступившим неприятелем.

Не признавая тогда возможным овладеть сильно укрепленным аулом, обороняемым многочисленным противником, одними войсками авангарда, в ожидании прихода второй колонны приказано было остановить наступление, залечь в ближайших к валу закрытиях и продолжать огонь по защитникам. Из крепости и из мельницы вблизи ея находящейся пришлось выбивать текинцев штыками. По защитникам мельницы можно было судить, на какое отчаянное сопротивление решились туркмены, когда только смерть заставляла их прекратить отстреливаться.

В занятой крепости был устроен перевязочный пункт.

Командир Дагестанского конно-иррегулярного полка подполковник кн. Чавчавадзе, перейдя с кавалерией арык у второй мельницы, был встречен оттуда сильным огнем. Для того, чтобы выбить неприятеля, он приказал командиру 3 сотни дагестанцев штабс-капитану Ибрагимову с своей сотней и дежурством начальника кавалерии отряда выбить неприятеля из мельницы. Дагестанцы и милиционеры смело бросились на конях через изгороди, джугару, канавы и изрубили засевших

там текинцев, не избежали шашек наших храбрецов и засевшие в мельнице.

В это же время из Денгли-Тепе к нашей кавалерии стала пробираться по оврагам и арыку текинская пехота. Против нея князь Чавчавадзе выдвинул ракетную сотню и спешенных драгун. Удачным действием батареи капитана Пумпфорта и спешенных драгун неприятельская пехота принуждена была возвратиться в укрепление, а кавалерия наша продолжала движение, очищая поле от конных текинцев атаками переяславцев. Приблизясь к аулу и заметив скопление пехоты у неприкрытых бруствером частей северного фаса, князь Чавчавадзе приказал взводу горных орудий, под начальством шт.-капитана Гаитинова, и ракетной батарее капитана Пумпфорта стать на позицию и открыть огонь. В прикрытии к орудиям и ракетам оставлен дивизион Переяславского драгунского полка. Заметив, что неприятель стал собираться у другого выхода из бруствера, правее, и часть текинцев даже вышла из аула, князь Чавчавадзе послал туда 3 эскадрон Переяславского драгунского полка под начальством Северного драгунского полка подполковника Карганова, который, смелой атакой отбросив неприятеля, сдерживал новые его попытки выйти во фланге горной артиллерии, удачно расположенной цепью спешенных драгун. Для действия на сообщения неприятеля кн. Чавчавадзе отправил флигель-адъютанта подполковника князя Голицына сначала с 4 сотнею дагестанцев, а затем вскоре выслал к нему на соединение и 3 сотню под начальством флигель-адъютанта ротмистра Бибикова.

По пути следования, встретив по восточному фасу Денгли-Тепе укрепление, сильно занятое неприятелем, открывшим по дивизиону дагестанцев учащенный огонь, князь Голицын, несмотря на удаленность от отряда и свою малочисленность, не задумался атаковать укрепление спешенными лезгинцами. Благодаря его распорядительности и увлекаемые примером личной его храбрости, дагестанцы стремительным натиском смяли защитников и укрепление было взято. По овладении этим укреплением, князь Голицын произвел блистательную атаку против превосходного неприятеля, вышедшего из аула. После этого, неприятель, отброшенный в аул, более не осмеливался беспокоить этот молодецкий дивизион дагестанцев. Для поддержания флигель-адъютанта подполковника князя Голицына, значительно отдалившегося от остальной кавалерии, князь Чавчавадзе выслал к нему 4-й эскадрон драгун, под начальством майора Нацвалова. Этому эскадрону и высланному вслед за ним дежурству начальника кавалерии под начальством адъютанта Вашего императорского высочества ротмистра Клушина, прежде чем дойти до дивизиона дагестанцев, пришлось иметь несколько стычек с значительными

партиями текинцев, старавшихся воспрепятствовать их движению.

Горный взвод и ракетная сотня, под прикрытием 3 эскадрона драгун, продолжали обстрел неприятеля с северной стороны укрепления.

Для ослабления огня западного фаса 2 стрелковая рота была переведена на северную сторону и метким огнем через выход в брустверe по стоящим на банкете западного фаса стрелкам принудила их на время уменьшить огонь. Вскоре, однако, этот выход был забран войлоками и разным имуществом из ближайших кибиток, и стрелки-текинцы были прикрыты.

К 3 часам пополудни подошла колонна графа Борха. После небольшого отдыха на арыке, эреванцы, грузины, четыре орудия конных и взвод пеших полевых 20 артиллерийской бригады были переведены через арык и расположены против северного фаса укрепленного аула, имея на правом своем фланге 2 стрелковую роту. Против западного фаса остались саперы, куринцы, кабардинцы, три роты сводно-стрелкового батальона, 2 орудия полевых Закаспийской артиллерии и 2 горных.

Вагенбург остановлен в 1/2 версте от передовой крепости под прикрытием 6 сводных рот.

В общем резерве у вагенбурга оставлены 4 батальон 84 пехотного Ширванского полка, 4 Волгская и 4 Таманская казачьи сотни. Имея в виду, что, в случае успеха, неприятель может броситься через восточный фас, относительно слабо занятый, мною послана была с начальником штаба отряда Таманская сотня с двумя конными орудиями и полуэскадроном 3-го эскадрона драгун для усиления действовавшей там кавалерии, а также и узнать о положении дел в той стороне.

Между тем, по овладении войсками авангарда отдельными укреплениями и валами впереди Денгли-Тепе, занятыми массой неприятельских стрелков, отбитых и отброшенных с таким погромом и потерей в главный укрепленный аул, в котором скучилось почти в 10 тыс. плотно стоящих одна подле другой кибитках, с женами и детьми, чуть не все население Ахал-Текинского оазиса более 30 тыс. душ, — я приказал из всех орудий начать обстреливание этого аула. Действие нашей артиллерии сначала из 6-ти, а потом, с приходом колонны графа Борха, из 12-ти орудий, против столь густо сплоченного на таком большом пространстве неприятеля, должно было бы ужасно, и хотя внутри аула, как говорят, устроены были крытые ходы и блиндажи, но несмотря на то, пленные определяют потерю текинцев от этого бомбардирования в несколько тысяч. Жены и дети, по настоянию ишанов, были привлечены в это укрепление для того, чтобы заставить за-

щитников его умереть или победить, чтобы не было возврата бегства, чем и объясняется та изумительная стойкость и ожесточение, какое неприятель выказал в этом деле.

Вскоре после начала бомбардирования из аула выходили к нашей кавалерии, обошедшей аул с тыла, туркмены с просьбой прекратить огонь артиллерии и начать переговоры; я послал штабс-капитана Ягубова объявить им, что требую для сего выхода ишанов и других почетных лиц, ханов и старшин. По всему видно было, неприятель только затягивает время, чтобы ночью оставить аул, несколько караванов уже начали вытягиваться из оного, но кавалерия возвращала их обратно. Кавалерия неприятельская, после нанесенного ей нашими колоннами поражения, уже не возвращалась в Денгли-Тепе, а направилась чрез Куматлы к Асхабаду, где, как слышно, было уже несколько тысяч мервских туркмен. Главные предводители текинцев в деле под Денгли-Тепе: старший сын Нурберды-хана Мервского, Берды Мурад-хан и Кара-батыр, постоянно предводительствовавшие текинцами в их прежних набегах, были убиты.

Ввиду всего этого, признавая необходимым воспользоваться нанесенным уже текинцам поражением, воспользоваться той паникой, какую возбудил в них наш артиллерийский огонь, воспользоваться тем, что тут сосредоточено было почти все население Теке, — я полагал полезным тогда же, не дав неприятелю опомниться и ночью бежать, нанести ему решительный удар: тогда́ можно было сразу окончить экспедицию и, имея в руках главные силы текинцев, предложить им все те условия, какие имел в виду покойный генерал-адъютант Лазарев и при коих можно было быть уверенным, что текинцы будут действительно покорены. Иначе мы и действовать не могли, став лицом к лицу с неприятелем, хотя и превосходящим нас численностью более чем вдесятеро. Нам ничего не оставалось, как атаковать его немедленно и всей энергией, быстротой и стремительностью, иначе, дав возможность неприятелю бежать, мы должны бы были по необходимости оставить дело в прежнем, если еще не в худшем положении.

Поэтому, по совещании с главными военными начальниками, решено было атаковать Денгли-Тепе всеми силами, пока только отдохнут последние, пришедшие со второй колонной войска.

Для сего в 6 часов вечера на тех же местах пехота перестроена была в ротных колоннах в две линии с цепью впереди, участившую огонь вместе с артиллерией по оборонявшимся. В цепи против северного фаса находилась и команда охотников колонны под начальством подпоручика Поповича-Липована.

Взвод горной артиллерии и ракетная сотня, под прикрытием полуэскадрона драгун и Волгской сотни, стояли в линии левее 3 батальона Грузинского полка, правее коих находились 4 полевых орудия и 3 батальон 13 лейб-гренадерского Эриванского его величества полка. В общем резерве атакующих находился 4 Ширванский батальон.

По условленному сигналу — залпу 4 орудий, войска колонной флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова, против западного фаса и свиты его величества генерал-майора гр. Борха, против северного пошли одновременно на штурм. Несмотря на град пуль, осыпавших наших храбрецов, войска шли как на маневрах, стройными колоннами, предшествуемые цепью стрелков. Неприятель, несмотря на свое численное превосходство, не выдержал первого дружного натиска. Гренадеры штыками проложили себе путь во внутрь аула, сбрасывая толпы текинцев с бруствера и выбивая их из-за рядов кибиток. С западной стороны пехота авангарда была остановлена рвом до двух саж. глубиной и шириной с отвесным эскарпом. Многие из храбрецов, влезшие по одиночке с помощью товарищей из рва на бруствер, поплатились жизнью. Здесь пал храбрый командир сводно-стрелкового батальона майор Сафонов. Долго стрелки отстаивали своего раненного командира, но подавленные многочисленным неприятелем, израненные принуждены были отойти. Поручик Нефтанов, взявши майора Сафонова на плечи, раненный шашкой, должен был его оставить.

С первого шага по овладении валом северного фаса, нашей горстке храбрецов пришлось бороться с непреоборимыми искусственными препятствиями, глубокими рвами, наполненными водой, высокими стенками, сплошными рядами кибиток, наполненных землей и песком и все это отбивать у вдесятеро сильнейшего и ожесточенного неприятеля. От людей, находившихся на ногах весь день и столько времени в бою, нельзя было требовать больших усилий и [так] как, чем дальше в глубь аула, число обороняющихся росло и чрез то стали возрастать потери в ослабленных и без того уже наших батальонах, то им ничего не оставалось, как отступать.

Отступление ободрило текинцев, толпа их более 3 тыс. человек сделала отчаянную вылазку с северного фаса и бросилась в шашки вслед за отступавшими гренадерами и стрелками с такой стремительностью, что только у батареи, открывшей огонь картечью, возможно было усилиями графа Борха и командиров устроить отступивших гренадер, которые, несмотря на усталость, предводимые своими храбрыми командирами и офицерами, устроившись, бросились вновь в штыки, опрокинули неприятеля и направились вторично на штурм аула.

Текинцы, при вылазке вооруженные холодным оружием, в своем неудержимом натиске наскочили на конную батарею и только выдержанной картечью, направленной спокойным и храбрым командиром полубатареи есаулом Макухо, и участием прислуги, употребившей в дело шашки и револьверы, текинцы отброшены были от орудий. Колонна князя Долгорукова, как сказано было, встретила ров очень глубокий, так что очень немногим удалось выбраться из него, а за валом второй ров, наполненный водой. Вследствие этого колонна эта даже не в состоянии была проникнуть далеко в аул, потеряла много людей во рву, куда текинцы сосредоточили самый сильный огонь. По отступлении, против колонны князя Долгорукова вылазка текинцев была не так стремительна и произведена меньшим числом неприятеля, почему войска спокойно отошли и заняли позиции, которые они занимали до штурма.

С переходом текинцев в наступление, вслед за гренадерами, дабы удержать их натиск и прикрыть отступление, из резерва был двинут 4 Ширванский батальон под командой майора Шауфуса. Перейдя глубокий овраг, батальон, перестроившись в ротные колонны, предводимый своим командиром батальона с музыкой и с распущенным знаменем, пошел навстречу шедшему из аула неприятелю, превосходному в силах.

Встреченный огнем батальон, продолжая наступать, потерял раненого батальонного командира майора Шауфуса, а в 13 роте всех офицеров, фельдфебеля и до 30-ти нижних чинов. В это время стало уже вечереть и потому, во избежание дальнейших потерь, полковник Шкуринский послан был отвести ширванцев обратно; одновременно отозваны были от аула и прочие войска.

Много задержала вылазку текинцев и атака полуэскадрона драгун под начальством капитана Шанаева, ракетной сотни, действовавшей как кавалерия, и милиционеров прапорщика Самата-ага Касумова. Дружными усилиями их гренадер и картечи полевой, и горной артиллерии туркмены были опрокинуты, немногие из них вернулись обратно в аул; почти все поле тут было покрыто их трупами.

На ночь лагерь был устроен в версте от крепости и войска расположены каре, имея вагенбург в средине. Выставлены усиленные посты и назначены были дежурные части в каждой из частей пехоты, артиллерии и кавалерии. Последняя вернулась двумя эшелонами: первый под начальством начальника кавалерии, выехавшего туда для общего руководства действиями кавалерии, а второй с флигель-адъютантом подполковником кн. Голицыным. Первый имел перестрелку, а второй прошел незамеченным.

Люди были сильно утомлены и потому приходилось сменять часовых в аванпостной цепи чрез каждые полтора часа. Ночью неприятель нас не тревожил, по реву верблюдов слышно было, что он большими массами направляется из аула, но при крайнем утомлении войск, бывших шесть дней в бою, преследовать его было невозможно.

Ввиду этого сильного утомления людей, истощения у нас патронов и снарядов (хотя мы их имели три комплекта), отвода воды из арыка против Денгли-Тепе, значительного числа раненых, которым ночью не смогли сделать перевязки, необходимо было утром отойти к ближайшей воде у аула Кара-Карыз, в 10-ти верстах от Денгли-Тепе. Переход этот не мог утомить людей, а крепкая позиция в ауле и хорошая вода позволяли людям лучше отдохнуть. Главное же — была возможность перевязать всех раненых.

Вся потеря наша:

Убитыми штаб-офицеров 1, обер-офицеров 5, нижних чинов 170; ранеными: штаб-офицеров 1, обер-офицеров 19, нижних чинов 248; без вести пропавших: нижних чинов 8.

По сведениям, собранным от бывших за валом и по наружному осмотру, укрепленный аул имеет фигуру четырехугольника, среди которого возвышается бугор, от которого и получил название Денгли-Тепе. С северной и западной стороны аул обнесен рвом до двух сажен глубины и почти столько же ширины, с отвесным эскарпом и контр-эскарпом при твердом глинистом грунте. Ров с выходами в поле, а в исходящем углу выход был до 6-ти саж. ширины, впоследствии забранный войлоками; позади бруствера — второй ров, во многих местах наполненный водой; где же сухой, то под бруствером устроены ниши для помещения людей. Во многих местах по кроне бруствера устроены продолговатые бойницы. Позади бруствера на северном фасе местами и близ наружного вала установлены до 6-ти рядов сплошные кибитки, наполненные землей. В некоторых кибитках находили склады арбузов, дынь, чуреков и привязанных к кибиткам баранов. Позади кибиток — вновь ров и бруствер. Где возможно, среди кибиток прокопаны еще глубокие ямы. По рассказам туркмен, было не мало блиндажей для укрытия от огня. Вообще можно сказать, что защитники не щадили трудов и действительно создали препятствия, которые при обороне таким энергичным и стойким неприятелем, как текинцы, требуют значительно больших средств, чем те, которыми обладал передовой отряд, слабый численностью, так как принимало участие в штурме 1804 штыка, слабый артиллерией и всякого рода запасами.

Нельзя не обратить внимания, что текинцы отлично владеют огнем — даром выстрелы не пускают, и доказатель-

ством тому служит большой процент убитых, а из раненых большинство имеют в грудь и живот; видно, что стреляли целясь и с большой выдержкой. Численное превосходство, несоразмерное с нашими силами, оказалось на стороне текинцев. Текинских защитников оказалось до 15 тыс. человек, так как собралось туда население всего оазиса. Наэлектризованная своими ишанами, эта масса текинцев оказала действительно невероятное сопротивление, вполне достойное лучших европейских армий. Доказательством же тому, что отряд сделал все возможное, служит процент потери с нашей стороны, превышающий 25%, и только благодаря таким войскам, как участники этого славного дела 28 августа, можно было отойти, не бросая тяжестей, и без потери верблюдов, которых было более 2000 голов. Оставаться более у Денгли-Тепе, рассчитывая на вторичный успех атаки, было невозможно; при этом напротив и снарядов у нас было недостаточно; продовольствия оставалось только на обратный переход до Беурмы; с другой стороны, рекогносцировкой этой выяснено было, какими сравнительно значительными военными средствами и какой энергией обладает неприятель, что против него новую открытую атаку можно предпринять только с гораздо более значительными силами, для чего у нас нет достаточных перевозочных средств, что наше наступательное движение в этом оазисе при данных средствах может быть только постепенное, с занятием в оном одного за другим укрепленных пунктов и с обеспечением их на более продолжительное время довольствием и огнестрельными припасами. Поэтому, по совещании с военными начальниками, решено было первоначально отойти к Беурме, начать устраивать там укрепление и артиллерийские и продовольственные склады и затем постепенно выдвигать таковые вперед.

Движением этим к Геок-Тепе наш передовой отряд сумел настолько внушить страх неприятелю, что несмотря на отступление, за которым у азиатцев всегда следует самое упорное преследование, текинцы не решились нас преследовать, хотя отряд и отступал весьма медленно, делая в день от 10 до 15 верст; но и в других отношениях вполне благоприятные результаты настоящего движения не подлежат сомнению. В настоящее время по крайней мере известно, что за народ текинцы, приблизительная их численность, средства как оазиса, так и вообще края, и на основании добытых, хотя и дорогой ценой данных, есть возможность теперь предпринять экспедицию на более точных данных, чем какие были в настоящем случае.

Необходимо заметить, что замечательная черта у текинцев — это полная невозможность достать верных лазутчиков

ни за какие деньги. Преданность своему народу у них еще настолько сильна, что ни подарки, ни угрозы не могут вынудить никаких показаний и, следовательно, можно знать только то, что добыто самими войсками. Соседние иомуды-гёклены также настолько убеждены в силе и непобедимости текинцев, что и из них никогда нельзя иметь людей, которые бы решились отправиться к ним в качестве лазутчиков.

Считаю долгом свидетельствовать перед Вашим императорским высочеством о беспримерной храбрости и самоотвержении всех участников этого славного дела. Войска честно выполнили свой долг. Пехота, кавалерия и артиллерия не уступали друг другу в геройстве. Каждый род оружия покрыл себя новой славой. Пехота поддержала вполне прежнее высокое мнение о себе текинцев; кавалерия на этот раз сумела показать текинцам, что с нею надо быть осторожным. После первых дел лихие наездники-текинцы ускакивали от наших кавалерийских частей, а артиллерия своим метким огнем произвела настолько чувствительные потери и нравственное потрясение на неприятеля, что, надо полагать, она была одной из главных причин, почему текинцы нас почти не преследовали.

В деле 28 августа старшие и младшие начальники своей распорядительностью и точным исполнением приказаний показали себя достойными возложенных на них обязанностей. Считаю долгом свидетельствовать о неутомимой деятельности, распорядительности и примерной храбрости свиты его велич. генерал-майора графа Борха, свиты его велич. генерала-майора светл. князя Зейн-Витгенштейн-Берлебург, начальника штаба полковника Маламы, начальника авангарда флигель-адъютанта полковника кн. Долгорукова, начальника артиллерии полковника Прозоркевича, полковников Шкуринского и Гродекова.

Испрашиваю разрешения Вашего императорского высочества на представление к наградам участников дела г. г. офицеров и нижних чинов, а равно и всех чинов Ахал-Текинского отряда, содействовавших передовому отряду, а также и о высылке для нижних чинов знаков отличия военного ордена, так как при отряде имеется всего по два знака на роту и сотню.

Временно командующий войсками генерал-майор Ломакин

ЦГИА СССР, ф. 1, д. 213, лл. 160—181[1].

[1] Дубликат документа см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 213, лл. 150—161.

№ 232

Рапорт начальника Закаспийского военного отдела[1] главнокомандующему Кавказской армией о невозможности продолжения наступательных действий в Ахале

24 сентября 1879 г.[2]

Ознакомившись ближе с настоящим положением дел[3], нахожу совершенно невозможным предпринимать вновь наступательные действия в текущем году, вследствие недостатка перевозочных средств и неимения передовых довольствующих магазинов; для облегчения же довольствия на зимнее время полагаю нужным уменьшить состав отряда на пять батальонов, два эскадрона, восемь сотен, три сотни милиции, дивизион конной батареи.

Ген.-лейт. Тергукасов.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 56.

№ 233

Телеграфный рапорт начальника Закаспийского военного отдела главнокомандующему Кавказской армией об отступлении Красноводского отряда

27 сентября 1879 г.[4]

Сегодня выступают [в] Чекишляр александропольцы, у коих особо развита цынга, и дивизион конной батареи, а в Дузлум — дагестанцы. В перевозочных средствах крайний недостаток, верблюды совершенно изнурены, ежедневно падают сотнями, заменять их неоткуда. Казенный верблюжий транспорт в самом жалостном положении. Главная моя забота — привести транспорт в известность и надлежащий порядок.

Генерал-лейтенант Тергукасов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 58.

[1] Назначенный в августе 1879 г. на должность начальника Закаспийского военного отдела генерал-лейтенант Тергукасов к месту назначения прибыл в середине сентября и свою деятельность начал с осмотра крепостей Чат и Терсакан, где, кстати сказать, нашел 191 человек раненых в Ахал-Текинской экспедиции 1879 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, лл. 49—51).

[2] Телеграмма адресатом получена в Баржоми 28 сентября 1879 г.

[3] Найдя помещение для войск и особенно госпиталя непригодными на зиму, Тергукасов возбудил вопрос о необходимости поставки в отряд к 1 октября 400 новых кибиток и рекомендовал приобрести их у калмыков (ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 49). На основе этого допроса Кавказский окружной интендант 27 сентября 1879 г. вошел в ходатайство перед Ставропольским изыскать возможности купить эти кибитки у «кочевых народов губернии» (об этом см. Ставропольский краевой государственный архив, ф. 249, д. 804, оп. 2, вязка 50, л. 2). В свою очередь ставропольский губернатор запросил об этом «трухменского пристола» Ставрополья (там же, лл. 3—4). Заготовка кибиток у туркмен Ставрополья — это едва ль не единственный случай «использования» их в Туркмении.

[4] Документ датирован, видимо, ошибочно, ибо дата отправления 4 сентября 1879 г., а дата получения из Чекишляра 28 сентября 1879 г.

№ 234

Телеграмма главнокомандующего Кавказской армией Александру II по вопросу о причинах отступления Красноводского отряда

28 сентября 1879 г.

Шифрованную телеграмму от 27 сентября получил и понял. Впредь до прибытия ожидающегося со дня на день подполковника Васильчикова никакого объяснения, кроме собственных догадок; обратное движение ахал-текинского отряда я представить не в состоянии. Допускаю лишь то предложение, что отвод передового отряда из Текинского оазиса вызван был недостаточным количеством перевозочных средств, потребных для снабжения сего отряда.

Михаил

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 57.

№ 235

Телеграмма главнокомандующего Кавказской армией Александру II о причинах отступления Красноводского отряда

28 сентября 1879 г.

Подполковник Васильчиков прибыл, привез подробное донесение о деле 28 августа. Результаты и последствия боя не выяснились вследствие отхода отряда уже двадцать девятого на рассвете. К этому обратному движению генерал Ломакин находил себя вынужденным из опасения недостатка в боевых припасах. К дальнейшему же обратному движению от-

тряд принужден был ввиду полного расстройства перевозочных средств, от огромного падежа верблюдов до половины общего их числа.

Михаил

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 154, л. 59.

№ 236

Из записки генерала Ломакина о причинах неудачи первой Ахал-Текинской экспедиции[1]

30 сентября 1879 г.

...Неприятель в значительно превосходных силах встретил сравнительно горсть наших молодцов верстах в 10—12 от Геок-Тепе; несмотря на отчаянное сопротивление и ожесточенные натиски, ему повсюду нанесено поражение и почти на плечах разбитого неприятеля мы ворвались и заняли его передовые окопы и три крепости, довольно солидно укрепленные. Что же нам оставалось после делать? Неужели, ввиду многочисленности неприятеля и встреченных препятствий, ограничиться, как говорят, одним лишь бомбардированием Денгли-Тепе и затем отступить. Нет, это было бы не по-кавказски. Нам необходимо было нанести неприятелю решительный удар; и тогда, имея в руках всех его представителей, мы могли бы сразу окончить экспедицию на тех условиях, какие предполагал покойный генерал-адъютант Лазарев. Часть продовольствия для войск мы могли тогда приобрести на месте, а остальное доставили бы нам в Дуран, недели через две, из Персии, где уже таковое было и заготовлено*. Что же касается до бомбардирования, то во всяком случае мы не имели достаточных артиллерийских средств для того, чтобы можно было рассчитывать нанести неприятелю решительный удар одной артиллерией; известно, насколько слаб навесный огонь наших новых четырехфунтовых орудий; для этого необходимо было иметь при отряде по крайней мере 4 полупудовые мортиры, о чем я и докладывал в своих соображениях об этой экспедиции, представленных при рапорте от 31 минувшего января № 315**. Наконец, предпринимая решительную атаку против неприятеля, хотя и более чем вдесятеро нас сильнейшего и засевшего притом в чрезвычайно сильно укрепленном ауле, укрепленном образцово и весьма искусно по всем правилам новейшей фортификации, мы все-таки имели в виду, что у нас для сего лучшие, отборные кавказские войска, с которыми можно чудеса делать, и которые действительно делали тут чудеса: они показали себя истинными героями, все время этого жестокого боя вели себя доблестно, вполне по-кавказски; и если их последние подвиги при этом не увенчались, вследствие непреоборимых препятствий, желаемых успехом, то, во всяком случае, они и здесь поддержали вполне прежнюю вековую боевую славу своих полков.

Говорят еще, что нам не следовало атаковать Денгли-Тепе в тот же день, т. е. 28 числа, так как войска были утомлены и что следовало вести атаку с противоположной южной стороны от гор и Янги-Калы. Но, во-первых, войска перед атакой имели достаточно времени отдохнуть: первая колонна флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова с 11 час. до 5, а вторая свиты его величества генерал-майора графа Борха с 2 до 5 часов; а, во-вторых, необходимо было довершить удар, нанесенный текинцами под свежим еще подавляющим впечатлением оного в тот же день, потому еще, что часть неприятеля в эту ночь полагала бежать, и действительно все главные ишаны и предводители бежали из первых как только стемнело, и тогда на другой день, в случае даже полного успеха, мы не могли бы уже придти ни к каким результатам, потому что главных представителей и вожаков

[1] Документ адресата не имеет и написан, видимо, с той целью, чтобы оправдаться за неудачу экспедиции. С этой целью Ломакин, во-первых, объявляет экспедицию предприятием, не имевшим значения «более обыкновенной усиленной рекогносцировки» и, что в результате этой экспедиции получены обширные сведения о путях к центру оазиса и составе его населения. Давая пространное описание трудностей обеспечения войск продовольствием и транспортными средствами, автор утверждает, что при их состоянии «осталось только одно: попытаться сделать что-нибудь налегках, с небольшим отрядом, чтобы экспедиция имела хоть какие-нибудь результаты». Силясь доказать, что он предвидел безуспешность экспедиции, Ломакин утверждает, во-вторых, что он «продолжал только осуществление в точности планов Лазарева и высшего начальства; что ему «ничего не оставалось тогда делать, как продолжать это движение немедленно, со всей энергией», и что, приняв командование, когда войска уже вошли в Ахал, им «ничего не оставалось тогда как идти вперед, дабы достигнуть хоть каких-нибудь результатов, дабы сделать все возможное...» и будто, они «должны были идти вперед». Как нам известно, главной целью военной экспедиции 1878 г. было занятие Ахал-Текинского оазиса и неудачный ее исход объясняется более основательными причинами. Героическое сопротивление, оказанное туркменами-текинцами продвижению царских войск, их решимость бороться за свою независимость является одним из важных причин, вынудивших царское командование отвести свои войска к прежним рубежам.

* От Дуруна до Буджнурдского города Мана на Атреке, где имелись запасы довольствия, всего три перехода: Дайна на Сумбаре, Раз и Мана.

** Причем вообще для движения в Ахал-Теке я полагал необходимым иметь в составе предназначенного для сего отряда 10 батальонов военного состава.

народа при нем не было и дело оставалось бы по-прежнему нерешенным. Что же касается до атаки со стороны Янги-Калы, то тут мы встретили бы глубочайшие овраги, рытвины и барханы (почему эта сторона и была сравнительно менее укреплена) и потому здесь мы могли бы потерять еще более людей.

Возобновление атаки на другой день было невозможно: снарядов у нас оставалось, как доложил мне начальник артиллерии, весьма немного, всего от 14 до 35 на орудие, патронов всего один комплект из трех, а главное — потеря у нас и так была весьма велика.

Подводя теперь общие результаты предпринятого нами, по инициативе покойного генерал-адъютанта Лазарева, движения к Геок-Тепе и дела 28 августа, нельзя не придти к следующему конечному заключению: было ли бы предпринято это движение или нет, во всяком случае нам пришлось бы, по нашим перевозочным средствам (так как новых приобрести в этом году невозможно) придти к тому же положению, в каком находимся теперь, именно: отойти к нашим складочным пунктам; но теперь, по крайней мере, этой рекогносцировкой, хотя и дорогой ценой, достигнуты весьма важные результаты в том отношении, что независимо от страшного погрома, нанесенного неприятелю, какового он не запомнит и от которого не может опомниться и до сих пор, независимо ознакомления с краем, его средствами, характером, энергией и силой неприятеля, мы не будем теперь так легко относиться к нему, как прежде, и презирать его, ведь до сих пор о текинцах не было другого выражения как это халатники, дрянь, против них достаточно и роты, чтоб разогнать целые их скопища, а теперь оказалось (как я утверждал и прежде, за что и навлек на себя нарекание в наших высших военных кружках в излишней осторожности), что эти халатники не в пример будут злющее, как говорят солдаты, и турок, и наших кавказских горцев.

По возвращении из Геок-Тепе в Беурму сначала предположено было остаться там, устроить склады продовольствия и артиллерийских запасов, для чего мы и пробыли там около четырех дней, рассчитывая на подвоз довольствия из Бенд-Есена; но в это время оказалось, что наши перевозочные средства в тылу отряда оказались окончательно несостоятельными: за минувший месяц вместо 20 тыс. пуд. груза они могли и то с большим трудом подвести лишь 2 тыс.; вместо 2500 верблюдов, годных для работы, оказалось лишь 500, верблюды же при передовом отряде стали тоже ежедневно падать десятками и сотнями, а на приобретение довольствия на месте или из Персии нечего было и рассчитывать. Вследствие такого вполне безнадежного состояния нашего вер-

блюжьего транспорта у меня был собран в Беурме военный совет, все члены коего высказались за необходимость оставления оазиса и передвижения к нашим складочным продовольственным пунктам, иначе можно было поставить отряд в критическое положение. Протокол этого совета представлен был мною тогда же на благоусмотрение командующего войсками.

Генерал-майор Ломакин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 213, лл. 225—234. Подлинник.

№ 237

Телеграмма заведующего Закаспийским военным отделом штабу Кавказского военного округа о нападении ахал-текинцев на туркменский аул близ Красноводска

12 октября 1879 г.

Партия конных текинцев до 400 человек, проникнув в окрестности Красноводска, на рассвете 11 числа напала на аул шихских туркмен Сингер-ишан [в] 50 кибиток, в 25 верстах от Красноводска на С-З, уничтожила его, в отмщение за службу нам. Из мужчин, защищавших аул, 25 убито, в том числе старшина Худайберды-хан, 5 ранено; женщин 2 убиты, 4 ранены. Взято в плен женщин и детей более 100 душ, имущество разграблено, по пути захвачено несколько стад баранов. Текинцы со своей стороны также понесли значительную потерю, оставив на месте 4 тела, 6 убитых и 2 живых лошади. Хотя по первому известию были высланы на перерез пути отступления партии из Красноводска две роты одна за другою, но текинцы с добычей успели скрыться, не будучи преследуемы за неимением здесь кавалерии. Об этом телеграфировано начальнику окружного штаба.

Заведывающий отделом подполковник Попов.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1892 лл. 42—44.

№ 238

Рапорт начальника Аму-Дарьинского отдела и. д. туркестанского генерал-губернатора о неудаче Ахал-Текинской экспедиции и о положении в Мервском оазисе

17 октября 1879 г.

Базарный слух, доложенный Вашему превосходительству рапортом от 14 августа за № 2242[1], в настоящее время под-

[1] Документ не обнаружен.

твержден официальным известием из отряда генерал-майора Ломакина, небывалая потеря в людях со стороны русских, бывшая в деле под Эюк-Тюя[1] (вблизи Карыза), теперь дает повод туземцам Хивинского ханства обсуждать это дело как неудачное для нас, на левом берегу по-прежнему продолжают быть беспорядки, недавно шайка аламанов из туркменрода теке грабила окрестное население Хазараспа. Хан и его правительство по-прежнему не принимают мер к водворению спокойствия.

По слухам, непосредственно полученным из Мерва, каратекинцы[2] выслали до 2000 всадников в помощь ахал-текинцам, но эта помощь опоздала, вероятно, намеренно, в Мерве ожидают прихода русских и вследствие этого укрепляют надежные пункты.

Сила сопротивления со стороны мервских туркмен группируется около Нурберды-хана, популярность которого растет с каждым днем.

По слухам, Нурберды-хан пожилой и больной человек, большой приятель настоящему хану хивинскому и друг его покойного отца.

Начальник отдела полковник Гротенгельм

ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 66—67. Подлинник, рукопись.

№ 239

Отношение штаба Кавказского военного округа Кавказскому горскому управлению о численности «туземной милиции» в Закаспийском крае

27 ноября 1879 г.

В апреле текущего года по представлению генерал-адъютанта Лазарева, с разрешения главнокомандующего армией, была сформирована в Закаспийском крае туземная милиция в числе 6 сотен. Милиция эта постепенным уменьшением ее состава сначала по распоряжению генерал-майора Ломакина, а затем генерал-лейтенанта Тергукасова доведена была в последнее время до двух сотен.

Ныне, ввиду того, что служба милиции в зимнее время должна ограничиваться почти одной пересылкой простой корреспонденции между Чекишляром и Дуз-Олумом, генерал-лейтенант Тергукасов признал вполне достаточным содержать в настоящее время в Закаспийском крае только одну сотню

[1] Имеется в виду Геок-Тепе.
[2] Видимо, мары-текинцы.

увеличенного состава. Почему в рапорте от 5 сего ноября № 4170 ходатайствует об утверждении проектированного штата сказанной сотни.

Препровождая при сем к Вашему превосходительству копию упомянутого штата, окружной штаб присовокупляет, что все предположения временно командующего войсками Закаспийского края как в отношении личного состава сотни, так и определяемого чинам оной содержания и прочего довольствия, его императорское высочество главнокомандующий армией изволил утвердить.

За начальника штаба помощник его генерал-майор Томилов

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1688, лл. 5, 8.

№ 240

Из записки начальника штаба 21 пехотной дивизии начальнику штаба Кавказского военного округа о месте Ахал-Теке в русско-английской борьбе на Среднем Востоке[1]

21 декабря 1879 г.[2]

Прочное занятие нами Ахал-Теке и Мерва будет иметь почти первенствующее значение в борьбе нашей с Англией, неизбежность которой, по сложившимся политическим стремлениям этого государства, определяется только временем.

Пункты эти дают нам возможность непосредственно войти во внутрь владений Англии и ударить в самое чувствительное ее место.

Если нам удастся с достаточными боевыми силами, хотя коснуться индийских границ Англии, то 200-миллионное туземное население этой страны неминуемо проявит стремление к независимости и совместная с нами борьба этого населения против Англии более чем вероятна. В борьбе этой оазисы

[1] Интересно отметить, что настоящая «Записка» не единственная в своем роде. Так, в фондах ЦГИА Груз. ССР обнаружена «Записка» с изложением соображений о способе занятия Ахал-Текинского оазиса и средствах и времени для этого необходимых», написанная назначенным на место генерала Ломакина командующим войсками в Закаспийском крае генерал-лейтенантом Тергукасовым. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, лл. 6—27), а также две записки полковника Генерального штаба Малама: одна — «Об изменениях операционной линии Ахал-Текинского отряда» (там же, лл. 29—37) и другая — «План будущих действий Ахал-Текинского отряда» (там же, лл. 28—55) ввиду их исключительно военного характера особого исторического интереса эти документы не представляют и не публикуются.

[2] Дата препроводительной.

Мерва и Ахал-Теке должны служить нам базой продвижения в Индию, а потому чем действительнее будут средства, принимаемые нами для сближения обоих оазисов с Россией и для прочного их занятия, тем более будет для нас шансов на успех...[1]

Полковник Пожаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, лл. 66—70.

№ 241

Шифрованная телеграмма военного министра кавказскому наместнику о назначении генерала Скобелева начальником второй Ахал-Текинской экспедиции

6 января 1880 г.

По докладе государю императору телеграммы генерал-лейтенанта Павлова о предположенном назначении генерала Шака[2], его величество, отдавая полную справедливость военным достоинствам этого генерала, изволит находить более осторожным и необходимым поручить ведение дела в Закаспийском крае, при настоящих обстоятельствах, генералу, вполне знакомому с образом действий, и предлагает командировать для сего в распоряжение Вашего высочества генерала Скобелева.

Милютин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, л. 72.

№ 242

Рапорт оренбургского генерал-губернатора военному министру об антирусских происках англичан в Хиве и помощи хана ахал-текинцам в действиях против русских[3]

10 января 1880 г.

И. д. уральского губернского доносит мне, что зауряд-хорунжий из киргизов 2-го аула Темир-Ургенчской волости Рыс-

[1] Далее следует не представляющее особого исторического интереса изложение плана операций по овладению Ахал-Теке.

[2] Вопрос назначения генерала Шака возбужден был Кавказским наместником в телеграмме начальнику Главного штаба от 3 января 1880 г. в связи с «отказом генерала Тергукасова по болезни от дальнейшего командования войсками в Закаспийском крае» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, л. 71).

[3] Документ основан на донесении начальника уезда артиллерии полковника Киряева уральскому губернатору от 25 сентября 1880 г. (ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1880, д. 8577, л. 3) и рапорте последнего князю Голицыну от 4 октября 1880 г. (там же, л. 1).

мухаммед Кутлубулатов заявил начальнику Эмбенского уезда, что в бытность его в хивинских владениях месяца полтора тому назад в третий раз прибыл туда посланный от англичан с предложением, чтобы Хива по возможности в каких бы то ни было делах оказывала свою помощь, а от русских тамошних властей держалась в стороне; на это хивинский хан дал ответ, что так как власти русского царя находятся от него в близком очень расстоянии, то он предпринять что-либо в этом случае не может. Затем прибыли посланники от туркмен-текинцев с просьбой о помощи в военных их действиях с русским отрядом, на это хивинский хан посланным сказал, что он готов оказать им помощь хлебом и джугарой и сделает приглашение, чтобы киргизы-воры и вообще преследуемые русской властью поступали в отряды туркмен, о чем сообщил от себя секретно начальнику г. Кунграда, на это по приглашению последнего до 100 человек воров уже изъявило свою готовность, кроме всего этого, некоторые киргизы-кочевшики тоже не прочь от предложения своих услуг текинцам по соглашению предварительно с хивинским ханом.

О настоящем донесении и. д. губернатора имею честь представить на благоусмотрение Вашего сиятельства.

И. д. генерал-губернатора генерал-майор князь Голицын.

ГАОО[1], ф. 6, оп. 10, 1880, д. 8577, л. 4.

№ 243

Из записки «О предстоящих военных действиях в Закаспийском крае»[2]

22 января 1880 г.[3]

Политические события, преследовавшие по заключении Сан-Стефанского договора, заставили нас обратить особое внимание на Среднюю Азию и приготовить там в будущем такой базис, который давал бы возможность оказывать на Афганистан и Индию[4] давление достаточно сильное, чтобы хотя отчасти парализовать действия Англии в Европе. Вслед-

[1] Государственный Архив Оренбургской области.

[2] Документ адресован военному министру и составлен, как отмечается в препроводительной (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп 1. д. 214, л. 77), по указанию Кавказского наместника.

[3] Дата препровождения в Военное министерство.

[4] Речь идет о давлении на Англию в Афганистане и Иране.

ствие этого в 1878 г. высочайше повелено было направить со стороны Туркестана и от Закаспийского края к Афганистану три отряда, которые были сформированы и уже выступили по назначению, но мирный исход Берлинского конгресса побудил их возвратить. Тем не менее движение отрядов к Афганистану и дипломатические сношения, завязанные нами с афганским эмиром, повели к разрыву между Афганистаном и Англией. Нечего говорить здесь о последующих всем известных событиях, главнейшие из которых заключаются в занятии в конце 1878 г. англичанами Кабула и Кандагара.

Утверждение англичан в Афганистане без соответствующего движения вперед с нашей стороны грозило подрывом значения нашего в Средней Азии, поэтому и на основании соображений, изложенных в записке, переданной в начале прошлого года его императорским высочеством главнокомандующим Кавказской армией военному министру для представления государю императору, высочайше повелено было сформировать отряд, достаточный для подчинения нашей власти Ахал-Текинского оазиса, со всеми последующими мероприятиями, вызываемыми указанной целью. Снаряженная во исполнение высочайшей воли экспедиция, к сожалению, не достигла желаемого результата, а между тем англичане, уже не ограничиваясь Кабулом и Кандагаром, распространяют ныне свои виды на Герат и только колеблются, взять ли его теперь же или первоначально передать Персии. Нет сомнения, что последняя, по бессилию своему в Хорасане и Сеистане, окажется не в состоянии управлять Гератом, и тогда англичане под предлогом, что беспорядки в Герате нарушают спокойствие остальных частей Афганистана, чего они допустить не могут, завладеют Гератом.

Между Гератом и туркменскими землями нет никаких поселений, и для англичан откроется широкое поле снабжения текинцев Ахала и Мерва оружием и указаниями, как действовать против нас. Утвердившись так или иначе в Герате, англичане вслед затем займут и Афганский Туркестан, это будет неизбежным следствием занятия Герата, и тогда нам нелегко будет удержать значение наше даже в Бухаре и Хиве. Ханства эти подчиняются нам только вследствие нашей силы, англичане же будут действовать золотом, и, нет сомнения, что для сохранения за собою первенствующего влияния в Средней Азии нам придется усилить значительно войска в Туркестане, занять окончательно Бухару и Хиву и вступить в серьезную борьбу с туркменами, вооруженными не хуже нас и руководимыми английскими инструкторами.

Если бы даже Англия отказалась от завладения Гератом и передала его Персии, то одновременно с переходом Герата в персидские руки в нем появились бы английские агенты, по-

мешать которым сноситься с туркменами персидское правительство едва ли будет в состоянии*. Поэтому наша задача в Средней Азии стать в такое положение, чтобы сделаться независимыми со стороны англичан и поставить их в положение обороняющихся для этого нужно, чтобы наша граница пролегала по водоразделу Гиндукуша и Паропамизского хребта и по гребню Копет-Дага, то есть чтобы все реки и ручьи, текущие с названных горных хребтов к северу и западу со всеми притоками Аму-Дарьи, принадлежали нам. Такая граница наша будет вместе и научной и стратегической; тогда мы будем географически отделены от английских владений и получим возможность угрожать англичанам в Афганистане, а следовательно и в Индии.

Поставив себе эту цель как конец наших движений в Средней Азии, мы должны идти к ней неуклонно, подвигаясь вперед при первой возможности и первым шагом для этого должно быть занятие всего Ахал-Текинского оазиса, так как этим мы приобретаем уже часть указанной границы по хребтам Кюрен-Даг и Копет-Даг и тем самым преодолеваем главнейшее затруднение к достижению предположенной задачи.

Таким образом, во имя государственных интересов в Средней Азии, мы должны идти на восток от побережья Каспийского моря; ввиду же громадных затрат, которые неминуемы, если бы мы захотели теперь же округлить наши естественные границы в том виде, как выше сказано, приходится сначала ограничиться лишь исполнением высочайшей воли по занятию и полному подчинению Ахал-Текинского оазиса; отложить это невозможно, потому что всякая задержка увеличит в будущем расходы и затруднения, в особенности ввиду того, что англичане приближаются к Герату и не замедлят принять самое активное участие в борьбе туркмен с нами.

С самого занятия Красноводска и до начала 1877 г. правительство старалось воздержаться от всяких территориальных приобретений к востоку от Каспийского моря и поэтому все действия войск, расположенных в Закаспийском крае, за исключением хивинского похода, имели вид рекогносцировок для изучения степени и набегов, предпринимавшихся для наказания текинцев за враждебные против нас действия.

В 1877 г. решено было занять Кизыл-Арват, крайний северо-восточный пункт Ахал-Текинского оазиса, но так как предназначенный для сего отряд был силою в 1200 человек, почему нельзя было отделить никакой части для занятия промежуточных пунктов и устройства складов, то вследствие недоста-

* Уже по последним сведениям, между ахал-текинцами есть англичанин, руководящий укреплением Денгли-Тепинской позиции и доставивший в Ахал 40 вьюков скорострельных винтовок.

точного продовольствия и неимения возможности подвозить его своевременно отряд оставил Кизыл-Арват и возвратился в Красноводск. Таким образом, и это движение, имевшее целью утвердиться в Кизыл-Арвате, по результатам своим приняло, как и предшествовавшие наши действия, характер набега. Оно даже приняло неблагоприятные результаты, потому что текинцы, несмотря на понесенное ими 12 мая 1877 г. поражение, сделались смелее, и хищнические шайки их, незначительные, впрочем, численностью, появлялись перед Красноводском и даже на Мангышлакском полуострове.

События 1878 г., заставившие нас сделать демонстрацию к Афганистану, подвинули и вопрос о занятии Ахал-Текинского оазиса; но на первый раз признано было возможным ограничиться лишь занятием местности Чат. Между тем, ввиду раньше сделанных распоряжений отряд выдвинулся к уроч. Бенд-Есен на 140 верст дальше, к самой границе Текинского оазиса, когда же первоначальные приказания были изменены, войска возвратились к Чату. Этот уход отряда к Чату истолковывался текинцами, три дня его преследовавшими, как победа и поэтому в 1878 г. они сделались уже так смелы, что в ночь с 23 на 24 декабря напали на Чекишляр, а 17 апреля прошлого года угнали 217 верблюдов войскового транспорта в 25 верстах от Красноводска.

В 1879 г. высочайше повелено было занять Ахал-Текинский оазис; для этого был сформирован довольно сильный отряд, но так как никаких соответственных складов в Чате не имелось, то вместе с движением войск приходилось доставлять к ним все необходимое. Нужно было подвезти значительное количество грузов морем одновременно с перевозкой войск, ввиду того, что экспедицию предполагалось начать в мае, а потом подвозить эти грузы к войскам; пришлось сразу завести большие транспорты верблюжьи и лошадиные. Верблюды, работая в самое неудобное время, когда они бывают наиболее изнурены, скоро пришли в совершенную негодность, а лошади, проходя в страшную жару по безводным пространствам, сильно изнурялись, и так как для них в пунктах остановок фуража не успели приготовить, то они везли корм для себя вместе с казенным грузом, почему далеко не выполняли возлагавшихся на них надежд. Вследствие этого, несмотря на то, что в отряде разновременно состояло 12 тыс. верблюдов, не было возможности устроить сколько-нибудь значительные склады по пути, пройденному отрядом, и он двинулся в оазис с самым ограниченным запасом продовольствия, по израсходовании которого должен был возвратиться обратно к уроч. Дуз.-Олум, отстоящему всего на 45 верст от Чата.

Таким образом, цель экспедиции не была достигнута за

невозможностью быстрого устройства запасов и складов в передовых пунктах.

Опыт экспедиций 1877, 1878 и 1879 г. выяснил, что для предварительного вторжения в оазис с целью его занятия необходимо:

1) приготовить в головных пунктах занятой нами теперь линии от Чекишляра к Дуз-Олуму запасы довольствия, по крайней мере, на полгода вперед для того отряда, который будет направлен в оазис, и затем передвинуть эти запасы в самый оазис;

2) обеспечить войска, находящиеся на коммуникационной линии, также на полгода вперед со дня открытия военных действий;

3) снабдить войска, предназначенные для вторжения в оазис, транспортом, совершенно особым от транспорта, подвозящего довольствие в складные магазины, так, чтобы на нем войска поднимали бы с собою восьмидневный провиант и все свои тяжести. Кроме того, в 1878 и прошлом годах мы двигались только по одной линии от Чекишляра на Чат, Дуз-Олум, Ходжам-Кала и Беурму; между тем несомненно, что сообщение по двум линиям представит более удобств как для успешного заготовления запасов, так и для движения войск и в особенности транспортов. Поэтому выгодно воспользоваться и другим путем к Ахал-Текинскому оазису от Красноводска на Кизыл-Арват как вспомогательной коммуникационной линией; на этом пути не занято никаких промежуточных пунктов, почему он может служить только при начале военных действий, когда занятие Коджа ли Бами обеспечит его от нападений текинцев...[1].

...Итак для покорения Ахал-Текинского оазиса может быть избран один из двух планов действий: 1) построить к 1 марта будущего года железную дорогу от Красноводска до Кизыл-Арвата, доставить по оной в последний пункт все запасы для отряда, который по сосредоточении его в Красноводске весной того же года занимает оазис, после чего численность[2] войск, находящихся на операционной линии Чекишляр — Чат — Дуз-Олум может быть значительно уменьшена.

2) Снабдить посредством верблюжьих и других транспортов запасами Чекишляр, Чат и Дуз-Олум, образовать к концу настоящего года в Ходжам-Кала пятимесячное довольствие для отряда, предназначенного для действий в оазисе; за-

[1] Далее следуют не представляющие особого интереса соображения об обеспечении коммуникаций войск, действующих против Ахал-Текинского оазиса, расчёт сил и их состава, обеспечения продовольствием, транспортом, необходимости строительства железной дороги от Красноводска до Кизыл-Арвата, расходов на все это и т. д.

[2] В документе: «числительность».

тем в начале будущего года занять Беурму и к осени свезти туда из Ходжам-Кала и Красноводска шестимесячное довольствие для упомянутого отряда, который, будучи доставлен в Чекишляр к 1 октября 1881 г. сосредоточивается в Беурме и в конце того же года овладевает оазисом.

Более быстрого образа действий, по изложенным выше доводам, в зависимости от перевозочных средств допустить не представляется возможности, если только по специальном обсуждении вопроса железной дороги не изыщется способов скорейшего против выше исчисленного ее сооружения...[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, лл. 77—107.

№ 244

Из донесения российского посланника в Иране государственному канцлеру о впечатлении, произведенном нападением ахал-текинцев на царские войска[2]

23 января 1880 г.

...Материальные потери, понесенные нами, вследствие нападения текинцев на наш транспорт, мало значительны, но нравственное впечатление, произведенное на иомудов, последним набегом Нурберды-хана, не может не повлиять в ущерб нашего обаяния. Мнение, которым угрожал предводитель текинцев мирным туркменам, в случае если они будут продолжать помогать нашим войскам, побудило значительную часть кочевников уйти за Атрек. Следует опасаться, что с возобновлением наступления наших войск мы бы не испытали больших затруднений в доставке и приобретении верблюдов.

Это обстоятельство заслуживает особого внимания наших военных властей...[3].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, л. 63.

[1] Далее следует не представляющий интереса расчёт расходов на транспортировку продовольствия вьючным транспортом и по железной дороге для обоснования выгодности строительства железнодорожной линии от Красноводска до Кизыл-Арвата. Документ без подписи.

[2] Документ обнаружен в виде «выписки», заверенный генерал-майором Зеленым, для доклада начальнику штаба Кавказского военного округа.

[3] Далее следует не представляющее интереса сообщение о сомнительности сведений, доставленных дизертиром в Мешхед и ранее сообщенных российским посланником министерству.

№ 245

Шифрованная телеграмма генерала Гурчина начальнику штаба Кавказского военного округа о результатах совещания по вопросу об Ахал-Текинской экспедиции[1]

7 февраля 1880 г.

На предварительном совещании приняты следующие заключения: 1) устроить ширококолейную дорогу от Красноводска для упрочения нашей власти в крае, поставив начало экспедиции вне зависимости от окончания дороги; 2) избрать Кизыл-Арват промежуточной базой, куда от Михайлова, свозя запасы, и направить особый отряд приблизительно: два усиленных батальона, две усиленных батареи, две сотни; занять оазис возможно скорее и вести экспедицию при помощи верблюдов, лошадей, рутьеров переносной дороги Декувиля; 4) выставить [в] апреле отряд туркестанских войск у Чарджуя или Бурдалыка, что находит полезным генерал Кауфман. Составляется докладная записка, которую в среду предполагается рассмотреть комиссией.

Гурчин.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, л. 126.

№ 246

Телеграмма генерала Гурчина начальнику штаба Кавказского военного округа о разрешении вопроса об Ахал-Текинской экспедиции

6 марта 1880 г.

Возобновление действий в Закаспийском крае высочайше разрешено; официальное извещение еще не получено. На расходы до 1882 г. ассигновано десять миллионов[2], кроме постоянной железной дороги, отложенной постройкой до окон-

[1] Должность генерал-майора Гурчина не установлена; известно лишь, что он находился в распоряжении наместника Кавказского и им был командирован в Петербург для дачи разъяснений по «записке» о предстоящих военных действиях в Закаспийском крае», телеграмма дана им из Петербурга (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, л. 77).

[2] Донося о том, что на совещании 4 марта 1880 г. вопрос об Ахал-Текинской экспедиции не был ещё разрешен, Гурчин в телеграмме от 6 марта 1880 г. отмечал, что дело передано министру финансов для ознакомления и составления заключения (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, л. 130).

чания изысканий[1]. Начальник экспедиции Скобелев, обязанный представить проект образа действий.

Гурчин

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 214, л. 131.

№ 247

Распоряжение начальника штаба войск Закаспийского края С. О. Макарову[2] об исследовании р. Атрек

10 мая 1880 г.

Его превосходительство, временно командующий войсками, поручил Вашему высокоблагородию исследование р. Атрек на паровых катерах[3]. Для прикрытия Вашего и могущих встретиться работ начальнику войск в Чекишляре предложено сформировать отряд из 20 нижних чинов Ширванского батальона, 10 казаков и 10 милиционеров туркмен при одном фельдшере, под общей командой офицера. Отряд этот прибудет в Беум-Баш 12 мая к вечеру и поступит в Ваше распоряжение. Он будет снабжен продовольствием, морской провизией и фуражом на две недели. Отряд будет снабжен 10 лопатами, 5 кирками и 5 мотыгами и всем нужным походным снаряжением. Для продовольствия же состоящих при катерах туркмен 10 пудов рису и 2 с половиной пуда масла будут получены в Чекишляре и приняты на катере капитан-лейтенантом Завалишиным.

Начальнику войск в Чате сообщено об оказании Вам нужного содействия как в Чате, так и со стороны Яглы-Олумского поста.

Начальник штаба полковник Гудим-Левкович.

ЦГАВМФ, ф. 17, оп. 2, д. 10, л. 4. Подлинник.

№ 248

Из отношения вр. командующего войсками Закаспийского военного отдела российскому посланнику в Иране о положении в Ахале и планах его окончательного покорения

13 мая 1880 г.

Государю императору благоугодно было возложить на меня командование войсками Закаспийского края, предначертав в ближайшем будущем занятие Ахал-Текинского оазиса и водворение спокойствия в Ахал-Текинской и вообще Закаспийской степи.

По выработанному плану действия, привлекая к участию в настоящей экспедиции средства частью Туркестанского и Оренбургского округов, я вместе с тем признал полезным воспользоваться и прежней операционной линией Чекишляр, Чат, Ходжам-Кала, проходящей по границе с Персией...

...Ближайшим предметом действий вверенных мне войск является в настоящее время Кизыл-Арват, к прочному и окончательному занятию которого напрягаются в настоящее время усилия отряда...

...Все сведения от жителей и посылаемых за значительное вознаграждение лазутчиков сводятся к тому, что тревожное состояние, в котором этому краю приходится жить в течение последних лет, тяжело ложится на большинство населения, которое будет приветствовать наш успех с неподдельною радостью, как только вероятие его определится либо соответственным хладнокровно исполненным действием. Думаю, что занятие Кизыл-Арвата и как последствие утверждение нашего влияния впереди Дуз-Олума и в Пендж-Кале произведут столь желанный ныне нравственный пе-

---

[1] Начальник штаба Кавказского военного округа в своем отношении начальнику Управления путей сообщения на Кавказе от 24 марта 1880 г. отмечал: «Высочайше повелено безотлагательно приступить к изысканиям по устройству постоянной железной дороги в Закаспийском крае между Красноводском и Кизыл-Арватом» и что необходимо в апреле для этой цели командировать в Чекишляр и Красноводск двух инженеров, каждому из которых будут даны по два топографа, которые поступят в распоряжение генерала Скобелева (ЦГИА Груз. ССР, ф. 324, оп. 2, д. 163, лл. 1—3). Интересно отметить, что, наряду с военными целями, Закаспийская железная дорога, дойдя до Кизыл-Арвата, обнаружила свое важное торговое значение, выразившееся в том, что торговля России с Хивой и Ахалом, стекавшая до того к Красноводску, начала направляться в Кизыл-Арват (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 258, л. 17). В дальнейшем, когда в районе Небит-Дага была обнаружена нефть, в 1881 г. решено было провести сперва конную железную дорогу, а затем — нормальную ширококолейную (ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 229, л. 51). Ход дальнейшего строительства Закаспийской железной дороги и ее роль в завоевании Туркмении освещен в приказе командира Туркестанской железнодорожной бригады от 19 октября 1909 г. (ЦГВИА, ф. 5873-1, д. 21, лл. 218—224), опубликованном в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.».

[2] Речь идет о выдающемся русском флотоводце адмирале Макарове, который в то время в звании капитана 2 ранга был назначен на должность начальника морской части войск Ахал-Текинской экспедиции (ЦГАВМФ, ф. 17, оп. 2, д. 9, л. 22). Документы, касающиеся его деятельности в Туркмении, опубликованы в сборнике архивных документов— «С. О. Макаров», т. 1, изд. Воениздат, М., 1953.

[3] Документ является ответом на записку С. О. Макарова, которую см. в ЦГАВМФ, , ф. 17, оп. 2, д. 10, лл. 5—6.

трелом в убеждениях. Насколько смею высказать свое мнение относительно знакомой мне среднеазиатской войны, бить врага по воображению есть половина успеха...

Все вышеизложенное вполне утверждено его высочеством великим князем главнокомандующим.

1. Военные действия являются для нас отнюдь не целью, а лишь средством окончательно умиротворить туркмен.

2. Опыт политических отношений с Бухарой и Хивой, созданных в Туркестанском крае после войны с Бухарой в 1868 г. и после Хивинской экспедиции, должен по возможности служить указанием для создания будущих отношений к здешним народностям, и в особенности, к текинцам. Следовательно избегать вводить наше управление.

3. Как только военные обстоятельства хоть сколько-нибудь выяснятся в нашу пользу, немедленно приступить к рекогносцировкам и съёмкам по левому берегу Атрека, по Сумбару и Чандыру. Необходимо создать весь тот материал, который крайне необходим для разрешения в будущем столь важного вопроса о разграничении империи с Персией. Отчет о всех означенных работах будет мною доставляться Вам по мере их изготовления. По окончании же Закаспийской экспедиции крайне полезным казалось бы условиться о пункте свидания, дабы я мог изложить Вам результаты как вышеизложенных работ в окончательном их виде, так и личных моих впечатлений.

4. Отношения наших войск к персидским пограничным властям, в особенности же к ханам буджнурдскому и кучанскому, должны быть самые дружественные.

Относительно исполнения последнего пункта я нахожусь на почве мне совершенно незнакомой; я приму с величайшей признательностью все те указания, которые Вы тут найдете возможным мне дать.

Мне казалось бы полезным препроводить прилагаемые при сем три письма к ханам буджнурдскому, кучанскому и дерегезскому, а потому прошу Вас буде Вы признаете нужным, переслать их по назначению.

Известия из Ахал-Текинского оазиса довольно тревожного характера.

Нурберды-хан умер 14 дней тому назад. Избран сардаром Махтумкули-хан, его сын, который объявил себя на время предстоящего русского нашествия падишахом, сие некоторые утверждают, что он соединяет в себе одном власть над текинцами Ахала и Мерва, им двинута на Геок-Тепе конница при 32 персидских орудиях, отбитых текинцами в 1861 г.

Махтумкули-хан отпустил из плена всех мусульман, готовясь к газавату против неверных. Положение же наших пленных в последнее время ухудшилось.

Вчера ночью меня известил граф Гейден, что Петро-Александровский отряд выступил в колодезь Даклы, чтобы прикрыть наших киргизов, кочующих на Мангышлаке и Усть-Урте от набегов текинцев.

Я чувствую, что вверенным мне войскам необходимо действовать и быстро, и решительно, но я связан недостатком как продовольственных, так и перевозочных средств. К тому же здесь в Азии риск в деле военном гораздо менее оправдывается, чем на европейском театре действий. Азия всегда по своему понимала победу и поражение; с победой должен быть непременно связан материальный ущерб для противника; здесь нужно действовать наверняка и окончательно доканать после успеха, а эти два условия исключают торопливость в период подготовительный.

Я вообще не совсем доверяю рассказам даже сравнительно преданных нам людей из азиатцев, но, однако, несомненно, что между туркменами-теке большое возбуждение, что они готовятся сопротивляться и что избрание Махтумкули-хана, т. е. единство боевых распоряжений может только сделать сопротивление еще более ожесточенным.

Интересно, что ахал-текинцы просили помощь у хивинского хана, который им отказал и переписку переслал генерал-адъютанту фон-Кауфману 1-му.

Надеясь, что означенное письмо положит прочное основание во имя пользы дела добрым и доверчивым отношениям между Вашим превосходительством и мною.

Скобелев.

ЦГВИА, ВУА, д. 7/с, лл. 2—5.

№ 249

Телеграмма вр. командующего войсками Закаспийского военного отдела российскому посланнику в Иране о занятии Бами, нападении туркмен на тылы царских войск и положении в Ахал-Теке

12 июня 1880 г.

10 числа наши войска заняли Бами. Авангард стоит в Беурме. Столкновение с текинцами было в нашем тылу около Текенджика, причем с нашей стороны убито и ранено 4 человека. С тыла мне доносят: туркмены всех племен, живущих за Атреком, держат советы на Санчи-Савате; говорят, что в случае столкновения русских с текинцами в

оазисе, заатрекские туркмены пойдут поголовно на помощь последним.

Это решение, если оно состоялось, имело причиной, между прочим, насильственное задержание верблюдов, вызванное крайней необходимостью заарестованием некоторых влиятельных старшин. Туркмены, живущие за Атреком, нас сильно беспокоят.

Достоверно известно, что в последнем нападении на наш транспорт 2 июня у Текенджика участвовали гёклены. Они же принимали участие и в прежних нападениях между Дуз-Олумом и Чекишляром; с их стороны постоянно посылаются разведчики о движении наших транспортов. За Атреком появились текинские эмиссары возмущать туркмен. Вообще все, что доносят с тыла, дает некоторое основание полагать, что за Атреком как будто что-то готовится. Теперь о Нухуре, вблизи которого (т. е. в 32 вер.) стоит наш авангард: при вооружении укреплений Денгли-Тепе, которые предстоит брать с боя вверенным мне войскам, волей или неволей участвовали и нухурцы. Генерал Петрусевич, кроме того, заявил мне, что в прошлом году нухурцы участвовали в военных действиях против нас; в этом году есть сведение, что они готовятся сделать то же самое. В лагере поймано несколько человек шпионов; с ними будет поступлено по закону, но в Нухуре, если это не отвод глаз или какая-нибудь новая азиатская хитрость, есть как будто партия, ищущая нашего покровительства.

Ввиду трудности связать решительные военные действия с требованиями наших политических сношений к Персии, настолько насколько мне известно, я считаю необходимым, предвидя затруднения в близком будущем, просить Ваше превосходительство не отказать советом по вышеизложенному.

Чем скорее последует Ваш ответ, тем лучше.

Здоровье войск и нравственное настроение удовлетворительно. Жатву нашли на корне и ею пользуемся. Подвозим довольствие, патроны и снаряды в Бами, откуда уже не отступим. Работы по устройству линии Красноводск—Бами начались. Катер на Атреке поставлен по зимнему [в] Яглы-Олуме. Надо было перестать тащить по сухому пути. Все средства неприятеля сосредоточиваются в Геок-Тепе. Мервцы обещали после уборки хлебов идти на помощь. Здесь дуют страшные ветры: света не видно. Боюсь за глаза в войсках. Несмотря на невероятно трудную службу, солдатики поют[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф 521, оп. 16, д. 355, лл. 20—21. Копия.

[1] Документ без подписи.

Из докладной начальника морской части при войсках Закаспийского края управляющему Морским министерством о действиях войск Ахал-Текинской экспедиции[1]

14 июня 1880 г.

Перед моим отъездом из Петербурга его превосходительство Алексей Алексеевич[2] передал мне Ваше желание, чтобы от времени до времени я письмами доносил Вашему превосходительству о ходе дел в Закаспийском крае.

Пользуясь этим разрешением, имею честь послать это первое письмо.

Генерал-адъютант Скобелев из Петербурга направился в Тифлис и побыл там около 10 дней, и так как дорога на Баку была испорчена, то из Тифлиса он проехал в Петровск.

В Петровске генерал сел на приготовленный для него пароход и проехал в Александровский форт, оттуда в Красноводск и Чекишляр. В Чекишляре генерал пробыл более двух недель и 23 мая отправился в степь.

По известиям, которые я имел еще в Чекишляре, генерал без сопротивления занял Кизыл-Арват, и в Ходжам-Кала теперь находится его штаб-квартира. Кавалерийские разъезды ходили довольно далеко по дороге к оазисам и сам командующий войсками был всего в двух переходах от Геок-Тепе. Текинцы всюду бежали до прибытия наших войск. Удалось захватить только отсталых верблюдов и несколько человек. Текинцы бросили неубранными свои засеянные поля и, видимо, их пугает имя генерала Скобелева, тем не менее небольшие партии текинцев показываются иногда в тылу наших войск и не допускают никаких движений без достаточного конвоя.

Вообще текинцы очень смелы в своих разъездах, но на днях караван с прикрытием в 15 казаков отбился от партии текинцев в несколько сот человек. Текинцы охотно нападают на невооруженных и избегают стычек с войсками, хотя в случае схваток они, по общему отзыву, дерутся весьма храбро.

Железная дорога. Как известно Вашему превосходительству, существует предположение о постройке железной дороги от Михайловского залива до Кизыл-Арвата. Для производства необходимых предварительных изысканий генерал-

[1] Приказ о назначении С. О. Макарова на эту должность см. ЦГАВМФ, ф. 17, оп. 2, д. 9, л. 22.

[2] Пещуров Алексей Алексеевич (1831—1891) — контрадмирал, управляющий Морским министерством.

адъютант Скобелев направил от Кизыл-Арвата на Михайловский залив партию с инженерами и топографами.

Таким образом, генерал-адъютант Скобелев рассчитывает иметь два опорных пункта: Чекишляр и Красноводск. Если железная дорога будет разрешена, то Чекишляр потеряет большую часть своего значения, но по сие время Чекишляр есть главный опорный пункт.

Описывая всё это Вашему превосходительству, я считаю долгом добавить, что все действия войск в Закаспийском крае держат в секрете от частных лиц...[1].

С. Макаров.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2267, лл. 1—6.

№ 251

Телеграмма вр. командующего войсками Закаспийского военного отдела российскому посланнику в Иране о необходимости провокации набегов курдов на Ахал-Теке для содействия царским войскам в его захвате

20 июня 1880 г.[2]

Приношу благодарность за содействие. Набеги против текинцев из Кучана и Буджнурда теперь и в течение осени крайне желательны, ибо мы заняты почти исключительно устройством тыла. Страна до Геок-Тепе нами разорена. Желательно набеги хорасанских курдов направить тоже для разорения страны между Геок-Тепе и Асхабадом. Существенно: жечь текинские припасы, имущество и забирать скот. Если бы Ваше пр-во нашли возможным регулировать набеги эти, придав им стоющие размеры, то, при случае, с нашей стороны могла бы быть курдам оказана помощь. Если бы Яр Магомед-хан имел для набегов надобность в порохе и свинце, мы, с согласия Вашего, в состоянии ему значительно помочь. Кара-Кала и Нухур ещё не заняты нашими войсками. В случае занятия сообщу. Пишу Вам о положении дел[3].

ЦГИА Груз ССР, ф. 521, оп. 16, д. 355, л. 44.

[1] Далее следуют интересные, но не относящиеся к теме сборника сведения о Михайловском заливе и военных судах, выделенных в распоряжение начальника Ахал-Текинской экспедиции, а также об участии моряков в действиях отряда на суше. О действиях «морской батареи» см. рапорт её командира Шемана от 14 июля 1880 г. С. О. Макарову (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2267, лл. 16—17 об).

[2] На документе две даты: 20 июня и 1 августа 1880; заголовок на французском языке.

[3] Документ без подписи.

№ 252

Из рапорта Макарова управляющему Морским министерством об участии военно-морских частей в Ахал-Текинской экспедиции

5 августа 1880 г.

14 июня я послал мое первое письмо на имя бывшего управляющего Морским министерством адмирала Степана Степановича Лесовского.

Военные события последних дней заставляют меня, не откладывая, писать теперь же.

Генерал-адъютант Скобелев. План, который командующий войсками поставил себе задачей, заключался в том, чтобы ознакомиться с неприятелем. С этой целью неоднократно рассылались небольшие отряды от Бами в разные стороны, и, наконец, в начале прошлого месяца командующий войсками составил небольшой отряд в 800 человек при 6 орудиях и 4 картечницах морской батареи и отправился на рекогносцировку до Геок-Тепе.

Под Геок-Тепе небольшой отряд встречен был громадным числом текинцев, тем не менее удалось подойти на такое расстояние, что можно было снять рисунок укрепления, куда пущена сотня разрывных снарядов.

Когда топографические работы были окончены, то отряд начал отступать, и тут на него насели текинцы, которых, по общим отзывам, было не менее 20 000, в официальном донесении сказано 10 000.

Только благодаря той громадной опытности, которую приобрел командующий войсками в прежних своих азиатских походах и благодаря его военному таланту отряд мог остаться цел.

Командующий войсками отзывается с большой похвалой о действии картечниц морской батареи и о смелости и бравости как её командира лейтенанта Шемана, так и всех нижних чинов. Текинцы несколько раз почти наскакивали на картечницы, но сильный огонь последних останавливал натиск. Из прилагаемой копии с рапорта лейтенанта Шемана[1] Ваше превосходительство увидите все подробности о действии картечниц, о которых все отзываются с большой похвалой. Подлинный рапорт я представляю командиру Бакинского порта. Нижним чинам морской батареи пожаловано 5

[1] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2267, лл. 16—17 об.

георгиевских крестов на 20 человек, бывших в деле. Лейтенант Шеман представлен к следующему чину, а гардемарин Майер — к знаку отличия военного ордена...[1].

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2267, лл. 10—15. Автограф.

№ 253

Донесение коммерческого агента в Мешхеде российскому посланнику в Иране о положении в Ахал-Теке

25 октября 1880 г.

Для доставления сведений о положении дел в Ахале послан был мною туда, по просьбе г. Гродекова, тайный агент, который на днях вернулся с известием, что он не мог пробраться дальше аула Анау вследствие принятых текинцами мер.

От жителей Анау он получил следующие сведения: 1) Вследствие возникшего между ними разногласия, текинцы, кроме Махтумкули-хана, выбрали еще 4 ханов: Байрам Али-хана, Ураз Мамед-хана, Керим Берды-ишана и Музефер-ишана. 2) Из них Байрам Али-хан, Ураз Мамед-хан и Музефер-ишан на стороне мира и покорности нам, а Махтумкули-хан и Керим Берды-ишан противятся этому. Последние пугают народ, внушая ему, что в случае завоевания Ахала, русские обезоружат туркмен, выселят их из Ахала, а жен и детей их раздадут солдатам. По словам агента, жители Анау уверяли его, что явись какой-нибудь посредник, который доказал бы текинцам лживость этих внушений, все они не замедлили бы перейти на сторону мира. 3) В деле 1-го числа месяца Шевваля, т. е. 26 августа, убиты Берк Али-хан, Атеш-батыр и Али-ишан и ранен был Тыкма-сардар. 4) У них в Геок-Тепе от скученности появилась эпидемическая болезнь, от которой умирает в день от 5 до 11, а иногда и больше человек. 5) Голода в Ахале нет; 3 батмана хлеба продаются за 1 кран. 6) В Геок-Тепе, надежно укрепленном, устроены подземные помещения для защиты жен и детей. 7) В разновременных сражениях и стычках до сих пор со стороны текинцев убито около 12 тыс. человек (?). 8) Текинцы желают переселиться в Мерв, но мервцы их не принимают, а потому одна часть текинцев намерена переселиться на Теджен, а другая — в Каахка. Предположение это они не замедлили бы привести в исполнение, если бы не боялись преследования с нашей стороны. Тревожная жизнь в Геок-Тепе и неизбежность борьбы с русскими крайне тяготят их. 9) Полей своих текинцы не засеяли и все крепости к Эшк-Абаду покинуты жителями[1].

[1] Далее следуют относящиеся к теме сборника сведения о судах Ахал-Текинской экспедиции, их состоянии, участии в обеспечении действий войск, а также наметки по организации морской части для обеспечения действий сухопутных войск в ходе Ахал-Текинской экспедиции.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 16, д. 355, л. 24.

№ 254

Из рапорта командующего войсками Туркестанского военного округа военному министру о командировании в состав Ахал-Текинской экспедиции отряда из войск Аму-Дарьинского отдела

31 октября 1880 г.

Ввиду огромности значения всех сношений бассейна Аму-Дарьи с Каспием и Ахал-Текинским оазисом, важности знакомства туркестанских войск, расположенных в Аму-Дарьинском отделе, со степью и путями по направлению к Ахалу, наконец, чтобы дать возможность туркестанцам принять участие в покорении оазиса, начальник Ахал-Текинской экспедиции просил моего согласия на командирование от войск Аму-Дарьинского отдела небольшого отряда в 500 человек и 200 лошадей по направлению от Змукшира через колодцы Чагыл, Кизыл-Такыр, Нефес-Кули и Игдам, — откуда генерал-адъютант Скобелев намеревался направить этот отряд или по прямому пути к Кизыл-Арвату, через колодцы Динар или же по Узбою на Михайловскую коммуникационную линию, обещаясь выслать помощь навстречу отряда при условии, чтобы начальник Туркестанской колонны о движении своем дал ему знать.

Далее генерал-адъютант Скобелев сообщал, что отряд должен прибыть в оазис к концу ноября, что довольствие для него в Бами обеспечено на продолжительное время и что обратное доставление отряда он берет на себя.

Начальником отряда он просил назначить командующего Туркестанской стрелковой бригадой полковника Куропаткина и в заключение просил дать ему ответ для донесения об этом августейшему главнокомандующему.

Разделяя мнение генерала Скобелева о возможности связи отделов Закаспийского и Аму-Дарьинского, особенно в том случае, если не предполагается установить эту связь с

[1] Документ без подписи; российским коммерческим агентом в Мешхеде в то время был Керим-бек Насырбеков.

Аму-Дарьинским бассейном и Туркестаном через Мервский оазис, я ходатайство начальника Ахал-Текинской экспедиции и мои по этому поводу соображения имел честь представить телеграммой № 1176 на благоусмотрение Вашего сиятельства для доклада их на высочайшее государя императора воззрение и одновременно с этим телеграфировать генерал-адъютанту Скобелеву, что я не встречаю препятствий на командирование отряда под начальством полковника Куропаткина, но полагаю, что надежнее направить отряд, хотя и кружным, но водным путем на Кум-Себшен и что вообще отряд не может прибыть на место ранее середины декабря, а потому я прошу его превосходительство испросить согласия его высочества главнокомандующего только в том случае, если по расчетам генерала Скобелева Туркестанская колонна не опоздает принять участие в военных действиях. Кроме того, принимая в соображение дальность расстояния до Петро-Александровска и неимение туда телеграфа, счел необходимым тогда же предписать полковнику Гротенгельму предназначить в поход три роты и две сотни и приступить к снаряжению их, для чего и ассигновал ему 20000 рублей из числа 50000, исчисленных по приблизительной смете на снаряжение отряда, о чем и донес Вашему сиятельству в телеграмме № 1176.

В ответной телеграмме от 14 октября из Ливадии Ваше сиятельство изволили меня уведомить, что государь император соизволил разрешить привести в исполнение предположенное мною движение от Аму-Дарьи к Ахал-Текинскому оазису, если только, по мнению генерал-адъютанта Скобелева, может принести существенную пользу столь позднее прибытие Туркестанской колонны...[1].

Командующий войсками округа генерал-адъютант фон-Кауфман

ЦГВИА, ф. 1392, Походн. канц. команд. войсками ТуркВО, оп. 1, д. 34, лл. 83—86 об.

№ 255

Обращение текинских старшин к хивинскому хану за советом по вопросу об отношении к русским войскам[2]

Со времен наших дедов и прадедов народ здешний принадлежал Вам, и мы теперь принадлежим Вам. Теперь настало такое время, что русский отряд пришел и стоит в ме-

[1] Далее следует не представляющее интереса описание работ научной экспедиции Глуховского и подробности намеченного движения Аму-Дарьинского отряда к Ахал-Текинскому оазису.

[2] Документ не датирован, о дате его поступления в Хиву хан хивинский сообщал 3 ноября 1880 г. (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 489, л. 2).

стности Бами, а мы находимся в Ак-Тепе и с русскими состоим во вражде.

Благодаря бога живем благополучно и сыты (имеют достаточно продовольствия). От хорасанских (персидских) старших людей к нам приходят письма о том, что они желают помирить нас с русскими, от номудов, гуклянов[1] приходят такие же известия, но мы не желаем принять эти предложения, а надеемся на бога и на Вас, какой Вы дадите нам совет и приказание, мы примем чистосердечно и поднимем на свои головы, какое Вам угодно будет дать нам приказание — воля Ваша. С настоящим письмом посылаем к Вам Ниязгомед-бая, Иофкимурат[2] Кочака, Аймухаммед-палвана и Овез Мухаммед-султана и что они Вам скажут, то этому просим верить[3].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 489, л. 33 об.

№ 256

Рапорт туркестанского генерал-губернатора военному министру об обращении текинцев к хивинскому хану и совете начальника Аму-Дарьинского отдела покориться русским

15 декабря 1880 г.

Начальник Аму-Дарьинского отдела, представляя ко мне копии, доставленные хивинским ханом тождественного содержания письма, адресованные ахал-текинскими старшинами к хану и Мат Мурад-беги, докладывает, что он, полковник Гротенгельм, в ответ на письмо хана посоветовал ему предложить ахал-текинцам безусловно покориться на милость государя императора, не доводя его до гнева сопротивлением войскам генерала Скобелева[4].

Сообщая об этом Вашему сиятельству, имею честь препроводить при этом копии с письма хивинского хана к начальнику Аму-Дарьинского отдела[5] и с письма ахал-текинских старшин к хану.

Генерал-адъютант фон-Кауфман I.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 489, л. 4. Копия рукописная.

[1] Так в тексте; видимо, речь идет о гёкленах.

[2] Так в тексте; установить настоящее его имя не удалось.

[3] Далее следуют печати 10 текинских старшин, впрочем, среди них нет ни одного более или менее известного.

[4] ЦГИА Уз ССР, ф. 1, оп. 34, д. 489, л. 1.

[5] Там же, л. 2.

№ 257

Из доклада начальника Главного штаба военному министру о расходах на Ахал-Текинскую экспедицию и политике России в Туркмении[1]

6 февраля 1881 г.

Блестящая победа под Геок-Тепе сломила упорное сопротивление текинцев и привела к покорению так называемого Ахал-Текинского оазиса. Победа над текинцами, среди которых мы появились в первый раз осенью 1870 г., когда было произведено движение небольшого отряда к Кизыл-Арвату, стоила нам значительных жертв людьми и 9 775 000 рублей.

Справка 1. На производство экспедиции в Закавказском крае с 1869 по 1879 гг., содержание войск и военного управления по интендантским сметам, за исключением провианта и срочного довольствия, израсходовано свыше 4 800 000 руб.

2. На экспедицию 1879—1880 гг. отпущено было сверхсметных кредитов 5 525 000 рублей.

3. На экспедицию 1880—1881 гг. назначено сверхсметным кредитом 11 000 000 рублей.

4. На устройство железной дороги назначено 4 429 991 руб. и сверх сего употреблено материалов на сумму до 3 518 000 рублей. Всего с 1869 по 1 июля 1881 г. 29 274 991 руб.

В настоящее время наш отряд владеет всеми населенными пунктами оазиса. Военный поход можно считать оконченным и нам предстоит разрешить несколько политических задач государственной важности. К числу главных задач принадлежит следующее:

1. Разграничение с Персией со стороны Атрека и Ахал-Текинского оазиса совместно с разрешением вопроса о подданстве...[2]

2. Устройство военно-народного управления вновь покоренного края.

3. Устройство военной силы в Закаспийском крае.

Вопрос о проведении границы с Персией уже поднят нашим посланником в Тегеране, и все данные, кои укажут, в каком направлении выгоднее его разрешить, будут, без сомнения, сделаны генерал-адъютантом Скобелевым по соглашению с тайным советником Зиновьевым.

Устройство военно-народного управления представлено власти временно командующего войсками, действующими в

[1] Документ дается в тех же сокращениях, в которых он опубликован в сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 178—180.

[2] Слово не разборчиво.

Закаспийском крае, который своевременно представит на утверждение главные меры, касающиеся этого вопроса.

Разрешение вопроса об устройстве военной силы в Закаспийском крае будет зависеть от тех соображений, которые, согласно высочайших указаний, изложенных в телеграмме Вашего сиятельства от 26 прошлого января за № 98, доставит по этому делу генерал-адъютант Скобелев.

В этих высочайших указаниях между прочим сказано: «стараться занять в Закаспийском крае такое положение, чтобы с наименьшими по возможности силами и денежными средствами держать Текинский оазис под нашей постоянной угрозой для упрочения того порядка, который удастся там водворить»....

...Разграничение с Персией, по всей вероятности, успокоит южные пределы оазиса. Вполне мирное положение, занятое относительно нас Хивинским ханством, обеспечивает, по-видимому, спокойствие степи, простирающейся от оазиса на север до хивинских пределов. И хотя, с одной стороны, пустынное пространство между Ахал-Текинским оазисом и Мервским затрудняет сношения мервцев с этим оазисом, с другой — разгромом скопищ под Геок-Тепе, где присутствовало 4000 мервцев, нанесено этим последним серьезное поражение, тем не менее, нельзя не предвидеть в будущем попыток со стороны мервцев произвести волнение среди населения, занятого нами оазиса. Волнения эти могут снова отразиться на общем спокойствии нашей Закаспийской окраины, и мы будем вынуждены вести новую дорогостоящую экспедицию. Поэтому казалось бы при решении вопроса об устройстве военной силы в Закаспийском отделе необходимо серьезно обсудить: не следует ли перенести центр управления отделом из Красноводска в самый оазис, в Кизыл-Арват или в один из ближайших к нему оседлых пунктов...

...В деле управления Закаспийским краем наибольшее внимание, следовательно, должно быть обращено на утверждение спокойствия Ахал-Текинского оазиса, отчего будет зависеть общее спокойствие на обширном пространстве между Аму-Дарьей и северной границей Персии. Ввиду этого, соображение о возможности перенесения центрального управления Закаспийским краем из Красноводска в Кизыл-Арват, до которого к осени мы будем иметь железную дорогу, заслуживает, по-видимому, серьезного внимания. Присутствие начальника края в Кизыл-Арвате или в одном из ближайших к нему пунктов важно еще и потому, что в этом районе сталкиваются на летовках текинцы с номудами, ввиду же заявления генерал-адъютанта Скобелева о том, что за последнее время эти два туркменские рода, всегда бывшие в дурных между собою отношениях, начали сближаться и помирились,

придется зорко следить за взаимным положением этих туркменских родов. Сверх сего в Ахал-Текинском оазисе предположено держать наибольшую силу войск края, а потому и в военно-командном отношении начальнику края соответственнее быть при главном отряде, а не в 400—500 верстах от него.

Самый главный военный вопрос, который предстоит разрешить для Закаспийского края, заключается в определении силы того отряда, который должен быть оставлен для занятия завоеванного края и коммуникационных к нему линий. Высочайше повелено стараться занять в Закаспийском крае такое положение, чтобы с наименьшими по возможности силами и денежными средствами держать Текинский оазис под нашей постоянной угрозой.

...Текинская экспедиция во многом тождественна с бывшей Хивинской: в лице текинцев мы встретили врагов, которые не поняли нашей военной силы и чтобы создать ее, вынудили нас употребить ее непосредственно против них, причем они оказали сопротивление гораздо упорнее, чем хивинцы. Как против Хивы, так и против текинцев действующий отряд был силой до 12,5 тысяч. Занятие Хивы и погром 15 июля 1878 г. привел к покорности население Хивинского ханства; погром Геок-Тепинский и занятие оазиса вынудит текинцев к изъявлению полной покорности. Более упорное сопротивление, проявленное текинцами, повлекло за собою удар, значительно сильнейший испытанного хивинцами. Поэтому можно с уверенностью сказать, что Текинский оазис на продолжительное время вполне успокоится, а следовательно нет никакого основания к оставлению в оазисе значительной военной силы. Там должен быть оставлен небольшой отряд, но хорошо организованный. Можно полагать, что в самом оазисе достаточно будет расположить 4 линейных батальона, каждый в 4-ротном составе и по 48 рядов в полуроте, 4 сотни казаков и 2 батареи. Всего 16 рот, 4 сотни и 16 орудий. Это составит приблизительно силу в 5000 человек, т. е. вдвое большую оставленной в Аму-Дарьинском отделе. Общая численность войск, которые расположатся от Красноводска по линии Михайловской, Кизыл-Арват и Бами, будет (присоединяя сотню Чекишлярскую) 24 роты, 7 сотен, 16 полевых и горных орудий, всего 7400 человек.

Генерал-майор Соболев

ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1881 г., лл. 1—23.

№ 258

Рапорт заведывающего поселением Ахал-Текинского оазиса командующему войсками Закаспийского края об устройстве возвращающихся ахал-текинцев

14 апреля 1881 г.

Окончив возложенное на меня Вашим высокопревосходительством поручение по водворению покорившегося населения Ахал-Текинского оазиса, имею честь доложить о количестве поселившихся и тех мерах, какие были приняты по водворению. Все набежавшие из оазиса жители были собраны в Геок-Тепе. Они снабжались пожалованным Вашим высокопревосходительством хлебом из отобранного при штурме крепости Геок-Тепе, кибитками, домашней утварью, беднейшим раздавались одеяла и одежда. Представители каждого аула получали свидетельства и население отправлялось к местам своего жительства. Для возвращения жителей, ушедших в Теджен, Мерв, Персию и Хиву, мною были посланы почетные лица с прокламацией Вашего высокопревосходительства и с моими письмами о праве возвращаться и селиться на своих прежних местах, эта мера и слухи о помощи хлебом привлекли ушедших жителей в Геок-Тепе и снабжались хлебом. Всего роздано жителям 18 500 пудов пшеницы, 10 600 пудов джугары, 2000 пудов муки и до 8000 кибиток. Я объехал все селения оазиса от Кизыл-Арвата до Гяурса. В селениях собирались общества, которые в присутствии моем избрали себе старшин, их помощников аксакалов, мирабов и казиев. Списки избранных старшин и казиев представлены мною на утверждение командующего войсками Закаспийского края. Всех селений 35 с водворенным оседлым населением; чомур 7 000 кибиток, от 23 до 25 тысяч душ обоего пола; возвращение и теперь продолжается. Кочевое население чарва, в числе 1800 кибиток находится в песках с огромным количеством верблюдов и скота. Большая часть кочевых чарвы ушли в пески к Хиве и Мерву, куда мною также посланы почетные лица с приглашением возвращаться к кочевьям Ахала.

По полученным мною сведениям, ушедшие кочевники возвращаются. Выселившиеся в прежние годы жители в Персию и получившие там земельные наделы возвратились в оазис в числе 300 кибиток. Захваченные персиянами после штурма крепости текинские женщины и дети, по сношению с ильханиями, возвращены в свои места, в числе 80 женщин и 52 ребенка. О находящихся еще в Персии в качестве пленных, захваченных в прежние времена, мне доставлены жителями

сведения, которые предоставляю командующему войсками для сношения с персидским правительством о возвращении их.

Для исправления разоренных мельниц и водопроводов выбранные от жителей были посланы в Персию закупить жернова и кругляков для водосточных труб, а также для найма из персиян руководителями работ по исправлению водопроводов. Для этой цели мне давалось жителям в небольшом размере помощь из экстраординарных сумм. Все мельницы уже исправлены и производят работы. Хлеб на полях везде засеян, за исключением пока Кизыл-Арвата. Потребное количество джигитов, 200 человек, наняты без всяких затруднений. Желающих служить очень много. Список светских влиятельных лиц с характеристикой их представляю командующему войсками. Влиятельных же духовных лиц в оазисе не имеется, так как духовенство у них не занимает того положения, каким пользуется в остальном магометанском мире; вакуфных земель совсем не существует. Для перевозки из Геок-Тепе и Самурского в Асхабад интендантских складов артиллерийского парка, воинских грузов от Геок-Тепе до Бами, до Айча-Куйма через старшин было предложено жителям поставить верблюдов по ценам, существовавшим в прежнее время. По утверждении Вашим высокопревосходительством цен жители охотно доставили 9073 верблюда, и в течение марта весь груз перевезен. За труд по доставке и нагрузке верблюдов старшинам мною была выдана в небольшом размере награда из находившихся в моем распоряжении экстраординарных сумм. С влиятельными лицами Мерва я имел сношение. Мервцы заявляют готовность исполнить все требования Вашего высокопревосходительства. Переводчик прапорщик Кизыл-Ханов возвращен и прибыл. Долгом считаю доложить Вашему высокопревосходительству, что состоящие при мне 82 пехотного Дагестанского полка поручик Муравьев в должности начальника канцелярии, 84 пехотного Ширванского полка подпоручик Ярченко — делопроизводитель — добросовестно оказывали мне помощь.

Переводчики: письменный — прапорщик Султанов и словесный — Маргани держали себя весьма прилично.

Заведующий населением Ахал-Текинского оазиса
майор Сполатбог

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 1—4.
Заверенная копия.

№ 259

Рапорт заведующего Ахал-Текинского оазиса командующему войсками Закаспийского края о положении в оазисе и общественно-экономических отношениях текинцев

15 апреля 1881 г.

Окончив возложенное на меня его превосходительством временно-командующим войсками в Закаспийском крае генерал-адъютантом Скобелевым поручение по водворению населения Ахал-Текинского оазиса, докладываю Вашему превосходительству, что в оазисе поселилось пока 8496 кибиток в 35 селениях, список которых с количеством кибиток в каждом и с именами избранных старшин при сем представляю.

Население оазиса делится на два колена: а) тохтамыш и б) утамыш; каждое колено делится на два главных племени: колено тохтамыш: племена векил и бек, колено утамыш: сычмаз и бахши-дашаяк. Племена в свою очередь разделяются на несколько родов, но деление на роды так разнообразно, что для администрации не имеет решительно никакого значения; не придают ему значения и сами жители, которые считаются между собою по четырем главным племенам.

Население оазиса делится на оседлое—чомур и кочевые—чарва.

Оседлое население, чомур, живет в селениях, занимается хлебопашеством и шелководством, но производство хлеба и шелка самое ограниченное, лишь для удовлетворения их нужд. Редкие из них производили хлеба настолько, что могли снабдить им кочевников. Причина этому та, что в оазисе оседлое население отличается воинственностью и преимущественно занималось аламаном, в ущерб земледелию. Жители племени бахши-дашаяк принадлежат исключительно к оседлому населению, чарвы не имеют. В остальных трех племенах, кроме оседлых, есть кочевые-чарва. Кочевое население, чарва, живет в песках, имея массу верблюдов и овец. В некоторых селениях живут кочевники, но в ограниченном числе кибиток. Исключение составляют селения: Кизыл-Арват, Ак-Тепе, Яраджи, Корджов и Тильки, где число кибиток, принадлежащих чарве, преобладающее. Цифру кибиток кочевников определить трудно. Большая часть их после взятия Геок-Тепе откочевала в пески Хивы и Мерва. Мною были посланы почетные лица с приглашением возвратиться и, по сведениям, они возвращаются в кочевья Ахала. Полагаю, в настоящее время приводить в ясность число кибиток чарвы не следует, дабы тем не возбудить никаких подозрений у возвращавшихся к пределам оазиса и не приостановить их возвращения. Экономически ко-

чевое население стоит гораздо выше оседлого. Главный источник их богатства составляют верблюды и овцы, которых в оазисе находится в огромном количестве, они шли в продажу преимущественно в Хиву и Персию. Хлеб чарва покупала в Персии, Мерве и в самом незначительном количестве у оседлых чомуров. Население это менее воинственное, потому и были сторонниками мира с нами. Богатство лошадьми принадлежит всем жителям, но преобладающее у чомура, у которого больше и рогатого скота, чем у чарвы. Владельцев больших табунов в оазисе нет.

Владение количеством земли в оазисе не имеет никакого значения, каждый может пользоваться количеством ее, сколько угодно. Суть состояния землевладельца составляет владение водою. Оно существует в трояком виде:

1) Владение естественной водой, т. е. текущей самостоятельно, без искусственных водопроводов. Таковая принадлежит обществам тех селений, через которые проходит. Жители воду эту делят между собою поровну, на каждую кибитку, и, смотря по количеству протекаемой воды, на каждую кибитку приходится ее полдня, день и т. д. Полдня воды, день воды означает время впуска воды на участок при каждой поливке.

2) Владение водой завоеванной, как например, в селениях Кеши и Анау. Партия текинцев нападала на отнятые персами ранее у них земли, расположенные вблизи гор у источников, уничтожала населенных персидских жителей или прогоняла их и селилась на отвоеванных местах. Вода эта делилась только лишь между завоевателями ее, поровну. Предводительствовавшему партией хану или сардару выделялась большая доля воды. Если в населении протекает завоеванная вода, то ею пользуются только те жители, которые сами участвовали в ее завоевании или принадлежат к потомкам завоевателей. Все остальные жители в селении покупают воду у ее владельцев, если не имеют естественной воды. Завоеванная вода могла владельцами продаваться кому угодно. Владение же естественной покупной водой могло передаваться только жителям одного племени с владельцем.

3) Владение водою покупною. Некоторые жители, имевшие большое состояние, рыли на свои средства колодцы, приспособленные к орошению. Жители покупали у владельцев таких колодцев потомственное право пользоваться этой водой. Вода эта покупалась или отдельными личностями или целыми обществами, которые уже потом разделяли эту воду между своими членами.

Есть жители, которые не пользуются правом владения никакой водой — это произошло от разных причин: случалось кому-либо попадать в плен к персам или родные пленника не

имели средства для его выкупа, они продавали свое право владения водой, иногда продавалась вода для приобретения средств на покупку женщины, иногда проигрывалась в кости (игра альчиков, сильно развитая между текинцами). Вода всегда продавалась безусловно в потомственное владение покупателя. При объезде мною оазиса я объявил жителям, что всем таковым, не имеющим воды, она выдавалась бы из частей, оставшихся после убитых, безвести пропавших. Владение водою принадлежит преимущественно оседлому населению. Чарва почти не имеет воды. Но некоторые чарвы покупают в селениях право владения водою и передают ее в аренду, принятую здесь с половины снятого продукта.

Заведывание водою лежит на мирабах, выбранных в каждом селении обществами. Список мирабов при сем представляю. В селениях от Кизыл-Арвата до Геок-Тепе мирабов не существует, вследствие редкого населения воды хватает, достаточно для всех и споров нет из-за нее, как они говорят, не бывает. Потомственное владение водою жителями, указывается преданиями, документальных данных не существует, предание никем не оспаривается.

Население всего оазиса управлялось ханом, популярным в народе и самым крупным землевладельцем Нурберды-ханом, а после недавней его смерти — сыном его Махтумкули-ханом. Хан решал дела жителей более важные. Прежде жители не платили хану никаких податей, но перед началом войны с русскими, года четыре назад, хан наложил на жителей подать для содержания тысячи всадников (фераджиев), имевших назначение сторожевых постов. Размер подати взимался следующий: 1) 10 часть собранного хлеба, $^1/_{40}$ часть с торговли, из 40 овец — 1, из 100 верблюдов — 1. Племенных ханов прежде у жителей не было. Их избрали только после смерти Нурберды-хана перед войною с русскими, когда вышло разногласие между племенами векиль и сычмаз, требовавшими мира с русскими, бахши-дашаяк и бек-войны, или переселение в Мерв, вследствие чего каждое племя избрало себе хана. Все эти ханы естественной и завоеванной водой пользовались одинаково со всеми жителями и лишь в том случае получали большое количество воды, если сами жители дарили хану это право. Требовать же этого хан не имел права. Но некоторые ханы проводили воду посредством колодцев на свои средства, и назначив себе срок пользования водою при всех поливах в течение года, — остальную воду продавали жителям в потомственное владение. Так сделал Нурберды-хан. В Келата и Кярызе вся вода проведена им, а потому сын его Махтумкули-хан есть самый богатый землевладелец в оазисе. Сардары потомственные, отцы, деды и

прадеды коих были предводителями аламанщиков, воды не имеют. Они жили на средства, добываемые аламаном, и, кроме того, жители по своему желанию дарили им известную часть от своих произведений. Но есть сардары личные, отцы которых не были аламанщиками, а землевладельцами. Эти сардары пользуются по наследству водою. Ссоры и споры жителей разбирались казиями по адату. В более важных случаях жители обращались за разрешением к хану. Мною объявлено всем жителям, что порядок разбора их ссор и споров остается тот же у казиев, а в более важных случаях должны заявлять начальнику. Согласно приложенной при сем копии инструкции, выраженной в данной мне его высокопревосходительством временно-командующим войсками Закаспийского края предписании от 5 февраля за № 979, я позволяю себе доложить Вашему превосходительству те соображения, которые мною основаны на ознакомлении с положением населения оазиса и выяснение которых требовалось предписанием. Народонаселение обезоружено и при изъявлении ими покорности всем объявлено как главное условие их жизни прекращение аламана и пленения иноземных жителей. Жители охотно заверяют готовность выполнить это строго. Необходимо выяснить и возможно в скорое время отношения наши с персидскими ильханиями, дабы с их стороны наблюдалось тоже, или принять строгие меры к ограждению жителей оазиса от таких же грабежей со стороны персидских подданных, которые появляются в настоящее время. Все находившиеся в оазисе пленные персы освобождены и отправлены на родину. У персов и до настоящего времени находятся пленные текинцы, женщины и дети, а также несколько скота и имущества, которые отняты персами, при следовании жителей из Мерва, Теджена и Персии на свои места. Именной список находящихся в Персии в плену текинцев с указанием мест их пребывания, а также у кого из персов находится отобранное у жителей скот и имущество, по собранным от жителей сведениям, при сем Вашему превосходительству предоставляю.

Необходимо выставить к Теджену охранительную цепь постов из текинцев под начальством известных лиц, исключительно занимающихся воинственностью, список которым передан заведывающему джигитами. На обязанность постов возложить преимущественно ловить и доставлять живыми аламанщиков из Мерва, которые, по доставленным мне в настоящее время (из Мерва) сведениям, желают сделать набеги на население оазиса и всех пойманных непременно предавать публичной смертной казни. Эта просьба есть всех жителей. В оазисе есть много людей, которые не занимались хлебопашеством, а исключительное занятие их было — пре-

обретение средств аламаном, чем и приобрели в народе уважение. Заняться им в настоящее время земледелием и отстать от прежней профессии трудно. Им необходимо дать службу. Все они люди способные, могут быть верными и полезными, служба для них, как я полагаю, должна быть единственно урядниками в джигитских командах, лазутчиками и почетными джигитами. Простыми же джигитами быть на предложение они согласия не изъявили. Джигитские команды и все джигиты должны быть непременно в ведении народного управления, так как только оно имеет возможность делать строгий выбор людей, желающих и подлежащих найму в джигиты. Заведывание ими должно быть поручено офицеру, могущему обходиться без переводчика. Замечено, что вольнонаемные переводчики иногда позволяют себе принимать начальственно-командный тон, не уполномоченные на то и делают иногда распоряжения именем начальника. Текинцы весьма щепетильны и самолюбивы.

Верблюдов в оазисе много. Для перевозки из Геок-Тепе и Самурского в Асхабад интендантских складов артиллерийского парка, воинских грузов, а также артиллерийских и воинских грузов от Геок-Тепе до Бами и Ахчакуйма через старшин было предложено жителям поставить верблюдов по ценам, существовавшим у них в прежнее время. Верблюды нанимались не по месячной работе, а каждый, нагруженный 12 пудами, оплачивался от Самурского до Геок-Тепе 5 кранов*, от Самурского до Асхабада 10 кранов, от Геок-Тепе до Безмеина 5 кранов, от Геок-Тепе до Асхабада 8 кранов, от Геок-Тепе до Дуруна 15 кранов и от Геок-Тепе до Бами 30 кранов, включая в эту сумму и плату вожакам, которых полагается один на пять верблюдов. Верблюд, не нагруженный 12 пудами, оплачивается половинною ценою, или 2 таких верблюда при счете шли за одного. Жители охотно доставили 9000 верблюдов и в течение марта все грузы были перевезены. При расчете с жителями за поставленных верблюдов был принят следующий способ: по нагрузке верблюдов, перед их отправлением, тотчас же уплачивались сполна все деньги при участии контрольного чиновника. Желательно было бы, чтобы и на будущее время был принят этот способ найма верблюдов, так как жители свыклись с ним и считают его как за принцип русских уплачивать им за верблюдов перед их отправлением. Согласно просьбе жителей при следовании в пути караванов были приняты следующие меры: дабы не стеснять их в выборе мест по дороге для развьючивания верблюдов, для водопоя и отдыха в движении и тем приохотить жителей поставлять верблюдов. Самурский и геок-тепинский склады были перевезены без всякого конвоя и ни один вьюк не был жите-

* 25 коп. банковым серебром.

лями утерян. Жители, приобретшие деньги поставкой нам верблюдов, поправились экономически и слухи об этом распространились по всем кочевьям. Просителей доставить верблюдов обращается много и мервские жители предлагают также доставлять верблюдов. Полагал бы при первой необходимости в верблюдах предложить и мервцам доставить хоть в небольшом количестве для начала с ними прямых сношений. Так как у жителей много верблюдов без работы, то при встретившейся надобности в них цена может быть понижена. Политическое настроение оазиса в настоящее время есть самое благоприятное для нас. Общее уважение и доверие к русским, народонаселение обрадовано прекращением их страданий от войны и несправедливостей[1] сильных из жителей. А погром при штурме Геок-Тепе настолько силен, что паническое состояние в народе, по всей вероятности, будет неизгладимо. Такое же паническое состояние существует повсеместно и далее. Из тех сношений, какие я имел с жителями Мерва, можно судить, что все почетные там лица желают полного мира с русскими, и только незначительная часть аламанщиков, которая верит находящемуся в Мерве английскому агенту. Но во всяком случае любовь к войне и аламану может легко породить желание и поползновение со стороны аламанщиков взяться при удобном случае за оружие, а при каких-либо неблагоприятных обстоятельствах и все население.

По показанию его высокопревосходительства я особенно обращал внимание на характеристику некоторых из влиятельных лиц в Ахале, именной список которым с характеристиками, собранными мною не одними слухами о них, а выведенными из ежедневных с ними обращений, прилагаю. Также прилагаю список выбранных обществами казиев.

Влиятельных же духовных лиц в оазисе не имеется, так как духовенство не занимает здесь того положения, каким пользуются в остальном магометанском мире. Исключение составляет Курбан Мурад-ишан, который приобрел влияние своей воинственностью. Вакуфных земель не существует.

Старшинам мною жалования еще не давалось, за исключением нескольких, доставивших верблюдов, за что им было дано в небольшом размере вознаграждение. Деятельность старшин весьма серьезная; необходимо, по утверждению их Вашим превосходительством, назначить им содержание; полагал бы содержание это соразмерять по количеству кибиток в селении, что даст возможность скорее привести в яс-

[1] Касаясь отношений ахал-текинцев к русским, начальник штаба войск Закаспийского края полковник Аминов в телеграфном рапорте в Петербург доносил: «отношение населения с войсками замечательно хорошее... фуражом по возможности заготовляться прямо у жителей. Жалоб никаких» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 69359, л. 55).

ность и точную цифру кибиток каждого населения. Мирабам же приятно жителям давать вознаграждение от своих сборов хлеба.

Полагаю из числа предполагаемых податей танапная (с площади измерения земли) и зякет (с права торговли) не могут иметь значения в балансе бюджета Ахал-Текинского оазиса. Повинность одна из легко могущей быть принятой жителями — это воинская и даст прекрасную полезную кавалерию[1].

ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 6935, лл. 5—18.
Заверенная копия.

№ 260

Ответное письмо начальника штаба Ахал-Текинской экспедиции Азиз-сардару с призывом к текинцам вернуться в Ахал

15 апреля 1881 г.

Великий сардар белого царя[2] раз навсегда объявил всему народу Ахала аман[3] и пригласил его вернуться на свои земли. Затем переписываться с отдельными личностями, хотя бы то был Махтумкули-хан, он не имеет ни времени, ни нужды.

Слово сардара закон; оно крепко, как сталь, верно, как смерть. Перед смертью все равны; перед богом все равны; все равны и перед словом сардара и Махтумкули-хан перед русским законом равен. Что я говорю истину, поверьте. Вот каков русский закон!

Представителем русской власти в Ахале теперь генерал Рерберг.

Прочтите это письмо и уразумейте его смысл. В нем сказана правда, а я доверенное лицо великого сардара. Впрочем, как сами знаете, а в наших книгах сказано: вольному воля, спасенному рай.

Начальник штаба генерал-майор Гродеков.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 135, л. 5.

[1] Документ без подписи.
[2] Речь идет о генерале Скобелеве.
[3] «Аман» — прощение, милость.

№ 261

Из доклада Главного штаба Александру II о присоединении Ахал-Теке к России и административного устройства Закаспия[1]

23 апреля 1881 г.

С окончанием текинской экспедиции и занятием оазиса Ахала к империи присоединена обширная территория величиною почти 28 000 квадратных верст и с населением в 200 000 душ текинцев. Вследствие этого великий князь главнокомандующий Кавказской армией вошел с представлением о необходимости приступить теперь же к правильному и прочному устройству вновь занятой нами территории и признает необходимым сделать существенные изменения как в организации управления Закаспийским краем, так и в отношении устройства в оном собственно военной части.

Его императорское высочество просит исходатайствовать высочайшее Вашего императорского величества разрешение на:

1) Переименование ныне же Закаспийского военного отдела в Закаспийскую область.

2) Предоставление его высочеству прав устройства временного управления сей областью, а равно и войсками, в ней находящимися, по ближайшему его высочества усмотрению с тем, чтобы к концу года представлены были в установленном порядке на утверждение окончательные по сему штаты и положения.

3) Назначение теперь же начальника Закаспийского военного отдела генерал-лейтенанта Ерберга начальником Закаспийскою областью и командующим в оной войсками, и командира 138 Болховского полка полковника барона Аминова, исправляющим должность начальника областного штаба...[2] Испрашивается разрешение

Благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству высочайше соизволить на учреждение Закаспийской области на изложенных основаниях[3].

Генерал-адъютант граф Гейден

ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1882 г., лл. 117—120.

[1] Эти соображения изложены в отношении Главного штаба военному министру от 22 апреля 1881 г. (ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1881, оп. 260/910, лл. 111—112).

[2] Далее следуют не представляющие интереса добавления о дальнейшей службе начальника Ахал-Текинской экспедиции Скобелева и начальника его штаба генерала Гродекова.

[3] На документе резолюция: «Высочайше повелено исполнить, как и испрашивается. Генерал-адъютант Милютин, 28 апреля».

№ 262

Телеграфное ходатайство начальника Закаспийского военного отдела командующему войсками Ахал-Текинской экспедиции об организации из туркмен стражи для охраны порядка

26 апреля 1881 г.

Вследствие нескольких случаев убийства, которые жители приписывают мервцам, майор Сполатбог предполагает учредить пограничную стражу из ста шестидесяти фераджиев и четырех сардаров, выбранных жителями, и с ручательством старшин. Фераджи займут линию колодцев к стороне песков и к Теджену, жалование фераджам 30 рублей, сардарам 50 рублей, весь расход — пять тысяч в месяц; с принятием этой меры возможно будет за каждое убийство и грабеж в районе земель селения налагать денежную контрибуцию на все население[1]. Перед тем, чтобы решиться на учреждение стражи фераджиев покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство дать мне к сему указание. Майор Сполатбог доложил мне, что он получил сведения, что в Мерве разрешены аламанства в наши пределы.

Ерберг

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 50, л. 1.

№ 263

Из журнала военных действий войск Ахал-Текинской экспедиции под крепостью Геок-Тепе

2 мая 1881 г.

Журнал военных действий за январь 1881 г.[2]

Согласно приказа по войскам за № 1 от 1 января, заведывание осадными работами, а также войсками для охранения их распределено было следующим образом:

1. Полковник Куропаткин заведывал всеми осадными работами центра. Сюда входили: великокняжеская позиция, пло-

[1] Приказ о формировании конной милиции из туркмен и назначении её командиром урядника князя Маргани от 5 мая 1881 г. см. в ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 50, л. 2. Небезынтересно в этой связи отметить факт возбуждения наместником кавказским в его письме начальника Главного штаба от 27 июля 1881 г. вопроса о формировании из текинцев одного или двух кавалерийских полков для службы на западных границах России (ЦГВИА, ф. 400, д. 43, 1881 г., л. 2). О дальнейшем ходе этого вопроса см. отношение начальника Главного штаба от 2 августа 1881 г. (ЦГВИА, ф. 400, 1881 г., оп. 260/911, д. 43, л. 1).

[2] Весь журнал военных действий датирован 3 июля 1881 г.

тина впереди ея, 2-я параллель с мартирною батареей до редута № 2. Для обороны здесь траншей и осадных работ назначены: 3 Туркестанские роты, охотничья команда подпоручика Воропанова, 1 и 3 батальоны 84 пехотного Ширванского полка, 100 спешенных казаков Туркестанского дивизиона, итого 11 рот, 1 команда, 100 спешенных казаков.

Начальство на правом фланге, т. е. над правофланговым редутом № 1, Ольгинской и правофланговой калами, вверено полковнику Есипову и затем, вследствие болезни его, полковнику Навроцкому, в распоряжение его назначен 4 батальон 81 пехотного Апшеронского полка.

На ночь, по распоряжению коменданта главного лагеря подполковника Гайдарова, к нему присылалась полусотня казаков.

Начальство над осадными работами на левом фланге по-прежнему вверено полковнику Козелкову, в распоряжение которого даны: 3 батальон 74 пехотного Ставропольского полка и Закаспийский местный батальон. Всего 8 рот.

Саперная и железнодорожная роты, которые прибыли в лагерь 31 декабря, отданы в распоряжение начальника инженеров.

Резерв в лагере составляли: 3-й батальон 81-го пехотного Апшеронского полка, 1, 2, 13, 14, 15 и 16 роты 82-го Дагестанского полка, 1 батальон 83 пехотного Самурского полка, две роты 3 батальона того же полка, команда охотников есаула Церенжалова, сводный казачий полк (4 сотни), кавалерийский резерв (2 эскадрона, 1 сотня) 3 и 4 батареи 19 артиллерийской бригады, 4 батарея 20 артиллерийской бригады, 1/2 батареи I батареи 21 Артиллерийской бригады и конногорный взвод. Итого 16 рот, 1 команда, 7 эскадронов и сотен, 30 орудий.

В этот день решено оставить занимаемые в тылу калы № 1, 2 и 3 ввиду большого их удаления от лагеря.

Днем велась незначительная перестрелка. Неприятель стрелял по лагерю войск из нарезного оружия и здесь оказались раненые и убитые.

В приказании, отданном в тот же день, коменданту лагеря приказано вести наряд всей кавалерии лагеря, за исключением 100 спешенных казаков. Наряд кавалерии приказано было делать следующий:

1) 1 сотню в правофланговую калу на сутки.

2) Полусотню в распоряжение полковника Навроцкого к редуту № 1.

3) Полусотню в распоряжение полковника Козелкова к Ставропольскому редуту.

Из остальной кавалерии, остающейся в лагере, посылать днем сильные разъезды (взвод с офицером) к стороне Янги-Кала, а ночью—к Опорному и от него мимо калы № 1, 2 и 3 и Кавалерийский — к Ольгинской и правофланговой.

Ночью разъезды должны были ходить через каждые 1 1/2 часа.

Обстоятельства сложились настолько серьезно, что для лучшего охранения лагеря и флангов осадных работ пришлось впервые нарушить основное правило войны в Средней Азии, не посылать небольших кавалерийских частей в район действий неприятеля, в особенности ночью.

В ночь с 1 на 2 января на правом фланге осадных работ усилен редут № 3 (Ставропольский) и от него проведена траншея с двумя рвами к позади лежащему оврагу. В центре начаты сапные работы из охотничьей калы и все произведенные здесь работы усовершенствованы, устроен плацдарм на две роты позади великокняжеской калы и деревья между калою и плотиною вырублены.

Ночью была лишь небольшая перестрелка, и на драгунский разъезд, направляющийся к Ольгинскому, 4 пеших текинца сделали нападение шашками. Два из них на месте были изрублены, двое же успели спастись бегством.

Потеря наша 1 января: убито нижних чинов 4, ранено 12. Лошадей убито 2, ранено 3. Выпущено патронов на пехотное ружье 1/2, на кавалерийскую винтовку 1 1/3. Снарядов 9/17 на орудие.

2 января утром в 7 час. у кавалерийской калы собралась фуражировочная колонна под начальством полковника князя Эристова в следующем составе: 3 батальон 81 пехотного Апшеронского полка, 2 дальнобойных орудия; эскадрон драгун, полтавская сотня. Итого 4 роты, 2 эскадрона и сотни и 2 орудия.

Колонне этой было строго предписано в бой с неприятелем не ввязываться.

Войскам, оставшимся в лагере, а также всем нестроевым, музыкантам и деньщикам, предписано окапывать кибитки, углублять их и устроить поперечные валы.

В изменение приказа № 1, в распоряжение полковника Козелкова назначено вместо Закаспийского местного батальона, который отведен в резерв, 4 батальон 82 пехотного Дагестанского полка и охотничья команда есаула Царенкалова.

2 января приступлено было к минным работам из охотничьей калы.

Под вечер стало заметно, что из крепости выходит масса конных по направлению к Самурскому. Одновремено с этим неприятель стал усиленно стрелять по великокняжеской позиции.

Войска резерва стали в ружье и часть их сосредоточилась у ставки временно командующего войсками во 2-й параллели.

Не более как через 1/2 часа вся эта тревога улеглась и транспорт с казначейством, почтой и контролем прибыл благополучно из Самурского в лагерь.

Ночью около 10 часов в тылу лагеря послышались выстрелы и затем наши залпы; часть резерва стала в ружье и направилась туда, но скоро вернулась обратно. Тревога оказалась фальшивая.

Ночью с 2 на 3 января в центре устроен новый ход сообщения из охотничьей калы в великокняжескую. На левом фланге усилена профиль Ставропольского редута, впереди которого вырыты волчьи ямы.

Потери наши 2 января: ранено 10, контужено 2 нижних чина, лошадей убито 5, ранено 8. Выпущено патронов: пехотных 12400, по 1 1/2 на ружье, кавалерийских 443, по 1/2 на винтовку. Артиллерийских снарядов 103, по 1 1/2 на орудие.

Утром 3 января из лагеря отправлена была фуражировочная колонна в составе Закаспийского местного батальона 2 сотен и 2 дальнобойных орудий. Всего 4 роты, 2 сотни, 2 орудия. Колонна эта, состоявшая под начальством полковника Арцышевского, вернулась в 5 час. вечера обратно в лагерь.

Минные работы, начатые против стены крепости из охотничьей калы, были прекращены, так как по точному измерению, расстояние от охотничьей калы до рва оказалось 50 сажен.

С наступлением темноты впереди охотничьей калы занята ограда с глиняными стенками в расстоянии всего 30 сажен от крепостной стены, ограда в ту же ночь соединена ходами сообщения с охотничьей калою и преобразована в редут, получивший название Ширванского. На левом фланге траншея, ведущая от Ставропольского редута, переделана в горизонтную батарею с амбразурами на 16 орудий.

В ту же ночь у ставки командующего войсками вырыты были позади 2-й параллели резервные ложементы на две роты. Неприятель, благодаря тишине, с которой производились работы, сначала не заметил их, но затем, открывши, стал усиленно обстреливать их ружейным огнем, который продолжался несколько часов. Для ослабления этого огня дальнобойным орудиям на Ставропольском редуте приказано было открыть анфиладный огонь по стене восточного фаса крепости. В то же время небольшие партии текинцев пытались броситься из ворот во фланг работы, но каждый раз были прогоняемы обратно огнем прикрытий. Ночью в великокняжескую калу были доставлены туры, фашины и мантелеты для будущих сапных работ.

В ту же ночь начальникам флангов и центра посланы были следующие предписания: «На случай нападения неприятеля и в ожидании его части становятся позади траншей и стреляют стоя, целясь возможно ниже: пусть неприятель эскаладирует траншею. Лучшие стрелки и часовые вдоль бруствера и траншеи. Разумеется, это пригодно лишь ночью ввиду отсутствия неприятельского огня, в особенности перед и во время нападения. Люди могут спать закрывшись кошмами позади траншей».

Потери наши в этот день состояли: убито нижних чинов 2, ранено: обер-офицеров 1 (ординарец командующего войсками прапорщик Абадзиев), нижних чинов 14 человек.

Выпущено патронов пехотных 34667, на ружье по 5, снарядов 203.

4 января утром для фуражировки и рубки леса отправлена в Емишан колонна в составе 2 рот и 3-го батальона 31 пехотного Апшеронского полка. двух дальнобойных орудий и двух сотен туркестанской кавалерии, итого 2 роты, 2 сотни, 2 орудия.

Колонна эта выступила под начальством подполковника Попова в 7 часов утра. В 9 час. утра в Самурское выступил фургонный транспорт под прикрытием 3 сотен сводного казачьего полка с двумя конно-горными орудиями под начальством полковника Арцышевского.

Под вечер от наблюдательной станции стали прибывать донесения, что неприятель спускается со стен в ров для вылазки. Эти сведения были немедленно сообщены войскам. Около 6 1/2 часов вечера раздались сперва одиночные выстрелы, а затем залпы на левом фланге траншейных работ, которые стали учащаться. Немедленно туда двинут резерв. Неприятель, пользуясь темнотою, в промежуток времени между заходом солнца и восходом луны произвел стремительное нападение на левый фланг осадных работ и находящуюся там мартирную батарею. Главный натиск пришлось выдержать 3 батальону 74 пехотного Ставропольского полка.

Нападение неприятеля было везде блистательно отбито. Неприятель побросал оружие и побежал в крепость, откуда открыл сильную стрельбу по войскам, находящимся в траншеях и открыто стоящим. Совет, встречать неприятеля стоя позади траншей, данный войскам, оказался донельзя полезным. Везде текинцы не в состоянии были дойти до траншей, и лишь самые отчаянные храбрецы легли на штыках ставропольцев.

После этой атаки неприятель побежал обратно в крепость, откуда открыл частый огонь по великокняжеской позиции. Конные шайки неприятеля во время вылазки

появлялись в тылу лагеря, у Опорного и Ольгинской калы, куда подъезжала шайка в 50 человек.

Для усиления здесь гарнизона полковник Навроцкий направил туда в помощь 3 роте 83 пехотного Самурского полка, имеющей всего 65 штыков, еще 14 роту Апшеронского полка.

Немедленно после отбития вылазки с наблюдательной станции пришло известие, что неприятель собирается в больших массах для атаки нашего правого фланга, о чем тотчас сообщено полковнику Навроцкому и коменданту лагеря. Нападение это не состоялось и остальная часть ночи прошла в обыденной перестрелке. Неприятель подползал поодиночке и пытался уносить тела убитых. После вылазки собрано было впереди траншей много оружия, преимущественно холодного, состоящего из шашек, пик и ножей. В ночь с 4 на 5 число в центре работ выведены две тихие сапы с плотины и Ширванского редута, в конце их построена овальная траншея. На левом фланге занялись работами по усилению Ставропольского редута.

Потери 4 января: убито обер-офицеров 1 (прапорщик Ходкевич 74 полка), нижних чинов 10. Ранено обер-офицеров 3 (артиллерии штабс-капитан Ростовцев, Ставропольского полка поручик Руновский (умер от раны) и прапорщик Лопатинский), нижних чинов 54, контужено 11 нижних чинов. Лошадей убито 4, ранено 10. Выпущено патронов пехотных 65156, кавалерийских — 480, снарядов — 625 и 42 ракеты.

Комендант правофланговой калы (капитан) лейтенант Шеман донес, что разъезд джигитов, высланный к садам Петрусевича, нашел там текинцев лишь в небольшом количестве. Движение их по направлению к Асхабаду обыкновенное, в пески же — сравнительно усиленное. В это утро в крепости мулла, впервые после 4 дней, опять звал на молитву.

В полдень из правофланговой калы донесли, что заметно вообще больше выходящих из крепости через северные ворота с значительным количеством верблюдов, половина которых навьючена, они велись пешими. Обратно в крепость возвращалось значительно меньше.

Из Опорного пришло донесение, что на западном фасе Денгли-Тепе заметно скопление неприятеля, по-видимому, для земляных работ.

В полдень в лагерь прибыл транспорт с продовольствием из Самурского под прикрытием 9 роты 78 пехотного Крымского полка, 8 сотен сводного казачьего полка, конно-горного взвода и 4 подвижных орудий, 9 рота Крымского

полка была расположена на правом фланге 1 батальона 84 пехотного Ширванского полка, фронтом к 3 параллели.

Под вечер из Охотничьей и правофланговой калы стали поступать частые донесения о скоплении неприятеля против левого фланга осадных работ, вследствие чего войска, занимавшие здесь траншеи, были предупреждены, и им внушена особенная бдительность в промежуток между заходом солнца и восходом луны.

Для замены полковника Козелкова на левом фланге осадных работ в эту ночь начальником войск левого фланга назначен полковник князь Эристов. С этого дня принято было за правило расставлять войска на ночь еще до начала полной темноты, дабы командиры рот и люди могли засветло осмотреться и познакомиться с расположением соседних частей.

Около 6 час. 30 минут вечера, во время обхода траншей временно командующим войсками и по прибытии на угрожаемый левый фланг осадных работ, раздалась учащенная стрельба с великокняжеской позиции, которая скоро перешла в залпы целыми ротами.

В свою очередь, войска левого фланга, заметив подползающего неприятеля, открыли по нему стрельбу залпами. Неприятель дошел лишь до передовых ложементов на великокняжеских позициях, на всех других пунктах натиск его остановлен был еще на далеком расстоянии. Все дело продолжалось не более 15 мин. Причем резервы не были потребованы в дело.

На правый фланг осадных работ атак неприятеля не было.

Ночью сотник Уральского войска Кунаковский вызвался охотником измерить неприятельский ров, который только что перед тем занят был большими массами неприятеля. Работа эта исполнена была сотником Кунаковским под сильным неприятельским огнем со стен крепости. Окончив измерение рва, офицер этот по возвращении послан был с тесьмою для точного измерения расстояния от передовых ложементов перед Охотничьей калой до рва крепости. Первый раз с сотником Кунаковским отправился охотником унтер-офицер 13-го Туркестанского линейного батальона Наум Константинов, а в другой раз казак Уральского войска Сафрон Тетеков.

Результаты измерения оказались следующие:

Расстояние до рва от передовой траншеи 29 сажен 6 вершков.

Глубина рва 2 аршина, ширина 7 аршин, ров сухой.

Вечером того же дня командир 126 Амурской роты поручик Айрапетов выступил оттуда с 40 нижними чинами для исследования местности впереди калы.

Поручик Айрапетов дошел на 800 шагов до стены крепости, где был открыт неприятелем, который открыл сильный огонь, и тем заставил его отступить. При этом поручик Айрапетов представил кроки исследованной им местности.

В ночь с 5 на 6 января на месте батареи № 3 построен был редут № 3 на 1 роту. Редут занят 3 ротою Закаспийского местного батальона. В центре из овальной траншеи выведены две перекидные сапы, за плотиною у Охотничьей калы вырыто два резервных ложемента, на левом фланге занимались работами по усилению Ставропольского редута. В редут № 3 перенесена ставка командующего войсками и начальника штаба.

Ночью с Охотничьей калы получаемы были частые известия, что неприятель массируется во рвах для атаки левого фланга. Войска на этом фланге стояли все время под ружьем, но нападение неприятеля не состоялось. Выползали лишь одиночные люди для подбирания тел своих убитых, и по ним производилась редкая стрельба.

Потери 5 января: убито нижних чинов 4, ранено обер-офицеров 1 (подпоручик артиллерии Херхеулидзе умер от раны), нижних чинов 17 и контужен 1. Лошадей убито 2, ранено 6. Выпущено патронов пехотных 51203, кавалерийских 400, снарядов 175, ракет 76.

Утром 6 января из лагеря Янги-Кала отправились 3 колонны.

1. Под начальством подполковника Шкурина ахал-текинский конный транспорт под прикрытием одной роты, 2 дальнобойных орудий, 1 эскадрона драгун и 2 Полтавской сотни.

2. На фуражировку по Асхабадской дороге под начальством майора Халыча 2 роты Закаспийского местного батальона и один эскадрон драгун.

3. За хворостом и камышом в Джермабское ущелье под начальством подполковника Попова колонна в составе: 11-й и 12-й роты Апшеронского полка, Оренбургской сотни и ракетного взвода с двумя дальнобойными орудиями. При этой колонне следовали все лошади 6-й горной батареи и вьючные казачьи.

Все эти колонны выступили утром в 9 час. и направились по назначению.

Утром 6 января в ложементе, образованном в центре работ перекидными сапами, вырыт минный спуск и начаты минные работы. Минная галлерея велась без обшивки со

сводчатым потолком и подавалась вперед около 4 футов в час.

Для усиления материала, необходимого для одежды крутостей и устройства закрытий под ближним огнем, взяты из интендантского склада все свободные мешки, рогожи, оченки от спирта, а из артиллерийского склада—пустые ящики, в которых переносились снаряды на вьюках и порожние патронные ящики.

Вечером в 4 часа вернулась фуражировочная колонна обратно в лагерь, что касается отряда, посланного в Джермабское ущелье, то по причине трудности дороги отряд подошел засветло только к южной окраине кишлака Янги-Кала, где по причине частых переездов через арыки ящики дальнобойного взвода настолько затруднили движение, что отряд в ожидании восхода луны остановился, и лишь в 10 ч. вечера прибыл в лагерь.

Около 6 часов вечера начался страшный ураган, который поднял облака пыли и не позволял различать ничего даже на самом близком расстоянии.

Во все это время войска в траншеях и в лагере, ожидая вылазки гарнизона, простояли под ружьем и соблюдали все меры предосторожности. Нападения неприятеля не последовало.

Во весь этот промежуток времени местность на левом фланге освещалась фонарем Шпаковского и бросанием ракет.

Ночью с 6 на 7 января в центре продолжались минные и сапные работы. Впереди Охотничьей калы построена мартирная батарея на 12 мартир и в ту же ночь вооружена, причем мартирная № 5 батарея упразднена. На левом фланге работ в оконечности 2-й параллели построена брешь-батарея на 4 4-фунтовых орудия.

Потери 6 января: убито нижних чинов один; ранено обер-офицеров 1 (Ставропольского полка поручик Зродловский), нижних чинов 4; контужено 3 нижних чина; лошадей убито 4, ранено 3. Выпущено патронов пехотных 11686, кавалерийских 100, снарядов 147 и 15 ракет.

Наблюдательная станция за эту ночь сообщила следующее:

Движение в крепости слабое, только около 3 часов собралась толпа от 300 до 400 человек у холма для совещаний. Сообщения с песками не происходило. Перед вечером часть гарнизона спускалась по одиночке в ров через проходы и пробиралась в сады впереди правофланговой калы. Замечено около 500 человек, пробирающихся туда. Таким образом, можно было заключить, что еще до захода солнца часть гарнизона собирается во рву как для вылазок про-

тив осадочных работ, так и в ожидании нашего штурма. Вечером, несмотря на увещания начальников, гарнизон на вылазку не вышел.

Гарнизон по ночам не спит в ожидании нашего штурма и перенес около 500 кибиток к задней части крепости вследствие действия нашего артиллерийского огня, в особенности мартир.

7 января в 9 час. утра из Янги-Калы выступила колонна в составе: 11-й роты 81-го пехотного Апшеронского полка, 1-й роты Закаспийского местного батальона, 2-го эскадрона драгун, 1-й сотни Таманского конного полка и конно-горного взвода. Назначение колонны было нарубить камышу для фашин в Гермабском ущелье, для чего к колонне было придано 82 вьючные лошади.

7 января, ввиду разложения массы неприятельских трупов, не убранных текинцами после вылазок 28, 30, 4 и 5 числа, было гарнизону предложено перемирие для уборки трупов, войскам дан сигнал «отбой». Из Ширванского редута стали кричать текинцам, чтобы они выходили убирать тела и что наши войска в это время стрелять не будут.

В скором времени неприятель прекратил в свою очередь пальбу и покрыл все валы крепости.

Для переговоров с текинцами отправлены были офицеры с переводчиками, и со стороны текинцев вышло в свою очередь несколько человек. Текинцы отвергли предложение убрать тела и на предложение о пощаде населения и прощении главных предводителей на условиях безусловной сдачи, отвечали отказом, вследствие чего осадные работы были немедленно продолжаемы по-прежнему, и лишь по открытии огня текинцами он был открыт и с нашей стороны.

Около 6 часов вечера в лагерь вернулась колонна, посланная за камышом. В последнее время стало вообще заметно, что текинская колонна как будто отсутствует.

Партии конных появлялись чрезвычайно редко и мало тревожили транспорты, идущие в Самурское и из Самурского в Янги-Кала. Того же дня, для сбережения артиллерийских снарядов командующим войсками разрешено лишь стрелять артиллерии в следующих случаях: 1) при нападении неприятеля; 2) для осмысленной пристрелки; 3) для пробивания бреши. Ночью разрешено было пускать ракеты.

В ночь с 7 на 8 января в центре работ из двойных тихих сап устроен редут, который назван «саперным». Из этого редута к утру выведены две перекидные сапы, в минной галерее устроено два вентиляционных колодца.

На левом фланге брешь-батарея достроена еще на 4 4-фунтовых орудия и против 3-й параллели через великокняжеский ручей устроен мост в 10 шагов ширины для прохода штурмовой колонны к обвалу.

Наблюдательная станция 7 января составила кроки внутренности Денгли-Тепе с расположением кибиток внутри крепостной ограды, по расчетам наблюдательной станции в крепости находится 9280 кибиток, населенных 45000 человек; люди днем помещаются в ямах, над которыми поставлены кибитки. Земля, вынутая из рва, образует кругом кибитки валик. Днем вообще движение в крепости слабое. Начальники не позволяют показываться открыто. Для совещания собираются обыкновенно за холмом Денгли-Тепе. Ночью разбитые кибитки снимаются и гарнизон выходит в наружный ров, боясь нападения. Наши снаряды производят хорошее действие и заставляют неприятеля снимать кибитки и переносить их в другое место. Кроме того, станцией замечено, что ежедневно часть верблюдов нагружается еще с вечера и выводится в ров, откуда ночью их выводят в пески.

Потери 7 января: убито нижних чинов 3, ранено 4, контужен 1. Лошадей убито 13, ранено 8. Выпущено патронов пехотных 14971, снарядов — 212 и 48 ракет.

8 января в 8 часов утра брешь-батарея, построенная во 2-й параллели на левом фланге осадочных работ, открыла стрельбу из 8-ми четырехфунтовых пушек.

Стрельба эта оказалась чрезвычайно действительна и не более как через 2 часа был произведен обвал в стене на протяжении до 10 сажен. Обвалившаяся стена обрушила вершины кибиток.

Пробитую артиллерией брешь неприятель не замедлил починить, исправляя ее землей, взятой из внутреннего рва.

Утром в Самурское выступила колонна под начальством подполковника Мореншильда.

Колонна следовала под прикрытием 4-й роты Закаспийского местного батальона и 2-х сотен сводного казачьего полка.

В 2 часа пополудни командующим войсками совместно с подполковником Гайдаровым, под прикрытием эскадрона драгун и одной сотни, произведена рекогносцировка мельничной калы, которая была назначена объектом атаки для колонны подполковника Гайдарова в день штурма крепости Денгли-Тепе (Геок-Тепе).

Ночью в 10 час. для увеличения артиллерийской бреши отправилась команда охотников под начальством гардемарина Майера и прапорщика Богословского с переводчиком штаба Тер-Вартановым; команда снабжена была пироксилиновыми патронами. Когда вышеозначенные офицеры проползли половинное расстояние от 3-й параллели левого

фланга до бреши, переводчик услышал голоса большой толпы текинцев, сидящих во рву у бреши, вследствие чего все вернулись обратно в 3 параллель.

В ночь с 8 на 9 января в центре работ из саперного редута выведены две перекидные сапы. Минные работы продолжались чрезвычайно успешно. На левом фланге работ, позади 3 параллели, построены 4 резервных ложемента для штурмовой колонны и брешь-батарея увеличена постановкой еще 4-х 9-фунтовых орудий.

Как через I, так и через прочие параллели устроены широкие проезды с траверсами на великокняжескую позицию и к артиллерийской бреши. Потери за 8 января: убито нижних чинов 1, ранено 7 и контужен 1 нижний чин. Лошадей убито 9, ранено 3. Выпущено патронов пехотных 22372, снарядов—538, ракет—46.

9 января утром стало заметно, что, несмотря на стрельбу по бреши шрапнелью и обстреливание ее всю ночь ружейным огнем, текинцы к утру ее исправили и возвысили стенку в этом месте до прежней высоты, так что верхушки кибиток не были уже видны. Немедленно артиллерия брешь-батарен открыла по ней огонь, который, по приказанию командующего войсками, был прекращен, имея в виду открыть огонь для усовершенствования ея лишь перед самым штурмом.

Так как осадные работы в центре были доведены почти до рва крепости, то ее решено было первоначально штурмовать утром 10 января, перед штурмом должны были быть взорваны минные камеры, устроенные под стеною крепости.

В 10 часов утра начальник инженеров заявил, что минные работы не могут быть окончены к 10 января утром, как вследствие порчи вентилятора, так и других непредвиденных обстоятельств.

Заявление это заставило отсрочить штурм на 12 января.

Вечером в лагерь прибыла 10 рота 73 пехотного Крымского полка, две роты 82 пехотного Дагестанского полка и 2 роты 83 пехотного Самурского полка с 45 артиллерийским парком.

Наблюдательный пост на Охотничьей кале доносил по-прежнему о действии нашего артиллерийского огня и о движении и выходе неприятеля из крепости. В особенности часто получались сведения о сборе неприятеля для атаки левого фланга осадных работ.

По донесению наблюдательного поста, на одно требование начальников собраться на вылазку гарнизон ответил отказом и бранью. Вообще стало заметно, что после вылазки 4 января, где текинцы потерпели большой урон, гарнизон упал духом.

Ночью производилась редкая стрельба из мартир, причем из батареи на великокняжеской позиции огонь направлялся по указанию наблюдательной станции.

К вечеру 9 января все надземные осадные работы были окончены, остановка была лишь за минными работами, которые, по исправлении вентилятора, продолжались с прежней энергией и успехом.

Потери 9 января: убит нижний чин 1, ранено обер-офицеров 1 (лейтенант Шеман), нижних чинов 13, контужено нижних чинов 1, лошадей убито 5, ранено 7. Выпущено патронов пехотных 15429, снарядов 224, ракет 50.

Утром 10 января в Самурское укрепление отправилась колонна под начальством подполковника Шкуркина под прикрытием 9 роты 73 пехотного Крымского полка, Оренбургской сотни № 5 полка и 2 горных орудий 6 батареи 21 артиллерийской бригады. С колонной отправлен ахалтекинский действующий конный транспорт; все верблюды, прибывшие накануне, больные и раненые, которые могли выдержать перевозку.

В ночь с 10 на 11 января из магистральной минной галереи выведены 3 боевых рукава.

Потери 10 января: убито нижних чинов 2, ранено 11, лошадей убито 9, ранено 4. Выпущено патронов пехотных 71116, снарядов 362 и 29 ракет.

11 числа в лагерь Геок-Тепе прибыл из Самурского конный транспорт под прикрытием 9 роты Крымского полка, двух сотен сводного казачьего полка и двух горных орудий.

Утром начальник инженеров донес, что минные работы готовы и приступлено будет к их заряжанию 72 пудами пороха.

По получении этого донесения немедленно сделаны распоряжения для штурма 12 января и составлена диспозиция.

На левом фланге работ около Ставропольского редута устроены 2 пешеходных моста ниже моста, построенного для артиллерии.

Тут же позади 1 параллели вырыто было 10 ровиков для артиллерийской прислуги, так как амбразур на большой батарее правее Ставропольского редута оказалось недостаточно.

При обозрении неприятельской позиции этого же числа было заметно, что неприятель разрушил северную и восточную стены мельничной калы и сильно занимает контрапрошный редут и подкову против левого фланга осадных работ.

В полдень части, назначенные в день штурма для занятия Опорного, Ольгинской и правофланговой калы, а так-

же и редутов № 1 и 2 батареи № 6, сменили там находящиеся части, назначенные в состав штурмовых колонн резерва.

Все части войск, назначенные в штурмовые колонны, за исключением колонны подполковника Гайдарова, заняли свои места еще засветло; так как их для охранения всех осадных работ оказалось недостаточно, то из войск общего резерва в траншеи на ночь назначены были: 3 батальон 31 пехотного Апшеронского полка и 2 роты 83 пехотного Самурского полка. Частям этим начальником пехотного резерва полковником Навроцким отдано было приказание прибыть на Ставропольский редут в 6 часов утра 12 января. Неприятель за весь этот день поддерживал довольно слабую стрельбу по лагерю и передовым траншеям.

По лагерю им в этот день пущено было несколько ядер.

С началом темноты 4 9-фунтовых орудия, находящихся на батарее у Ставропольского редута, были перевезены на брешь-батарею во 2 параллель. Ночью предполагалось увеличить артиллерийскую брешь взрывом пироксилина, для чего вызвались охотниками: мичман-майор и поручик 1-го резервного железнодорожного батальона Остолопов. Для прикрытия их отступления назначена была 13 рота Апшеронского полка, которая около 12 часов ночи заняла подкову. Охотники этой роты проползли даже в самый ров и прикрыли там работу минер. Около часу ночи заряды были врыты на бреши и взорваны. После чего охотники и 13 рота отступили.

Из 3 параллели стрелки всю ночь поддерживали редкий огонь по бреши, а батареи стреляли шрапнелью и гранатами.

Ночью приступлено было к забивке заряженных минных камер.

Потери 11 января: убит нижний чин 1, ранено 3, выпущено патронов пехотных 13979, снарядов 114.

Штурм крепости Денгли-Тепе 12 января 1881 г.

Согласно диспозиции, отданной на этот день, к 6 часам утра все войска штурмовых колонн и резерва находились в готовности на своих местах, причем к резерву присоединились войска, занимавшие на ночь траншеи.

В 7 час. утра колонна подполковника Гайдарова построилась в боевой порядок и стала наступать к мельничной кале.

Назначение этой колонны было в начале демонстративное. Подполковник Гайдаров должен был ранним и смелым наступлением притянуть на себя неприятельские мас-

сы для облегчения впоследствии действий штурмовых колонн.

4 батарея 19 бригады выехала на позицию и обстреливала мельничную калу гранатами.

После разбития лицевой стороны калы весь отряд подвинулся на 1/2 версты вперед и с новой позиции стал подготовлять атаку на калу. По надлежащей подготовке, охотники, рассыпанные впереди боевого порядка 2, 3 и 4-ой роты Самурского полка, двигались на штурм.

Батарея осталась на занятой позиции и обстреливала редут, где неприятель сосредоточивался. Для прикрытия батареи осталась 1 рота Самурского полка.

Кавалерия, 1 1/2 сотни с конно-горным взводом наступала на высоте батареи, обеспечив свой левый фланг наездниками.

В 8 1/2 часов плотина и мельничная кала были уже заняты, причем кала немедленно приведена в оборонительное положение.

После занятия калы, командующим войсками из общего резерва выдвинута была 1 рота 82 пехотного Дагестанского полка на правый берег Опорного ручья для фланкирования огнем подступов к позиции подполковника Гайдарова и для связи этой колонны с общим резервом.

Неприятель обстреливал позицию подполковника Гайдарова с редута и со стен, а конные партии его появлялись вдоль западного фронта и анфилировали позицию.

4 батарея 19 артиллерийской бригады осталась на прежней позиции. Она разделилась по полубатарейно: 4 орудия фланкировали подступы к плотине и действовали по рву и южному фасу крепости, 4 же по неприятелю на западном фронте.

Против того же неприятеля действовали 2 конно-горных орудия и наездники от кавалерии. Ракетные станки перенесены были на плотину. В таком положении были дела в колонне подполковника Гайдарова до начала общего штурма.

В 7 час. утра брешь-батарея на левом фланге осадных работ, вооруженная 4-фунтовыми, 9-фунтовыми и 8 4-фунтовыми орудиями, открыла огонь по бреши, пробитой уже 8 числа для усовершенствования ее и чтобы ее сделать удобно-восходимою. При этой стрельбе артиллерия руководилась указаниями, доставленными любезно отряду генерал-майором Зиновьевым.

Для усиления действия артиллерии по той же цели открыли огонь: 1 полубатарея, 1 батарея 21 артиллерийской бригады, 6 орудий 3 батареи 19 артиллерийской бригады и 4 батареи 20 артиллерийской бригады.

В скором времени брешь, несмотря на все усилия неприятеля исправить ее, а также на его усиленную и меткую стрельбу по батареям, была окончательно готова и артиллерия начала обстреливать брешь шрапнелью.

Несмотря, однако же, на жестокий огонь, неприятель продолжал работать упорно на бреши.

В 10 1/2 час. утра начальнику инженеров послано предписание взорвать мины перед великокняжеской позицией и донести заранее о моменте взрыва, вместе с тем всей артиллерии приказано было усиленно обстреливать юго-восточный угол крепости гранатами и шрапнелью в течение получаса.

Директивы, данные начальнику артиллерии о действии артиллерии перед штурмом, разделяли весь период ее действия на 3 части.

1. Действие по бреши для усовершенствования ея.
2. Действие по атакуемому юго-восточному углу крепости перед самым штурмом.
3. Действие по северной части крепости во время штурма.

Несмотря на столь усиленный огонь, неприятель занимал обвалы и усиленно отстреливался. Вместе с тем заметно было, что рабочие его кидают землю на артиллерийскую брешь. В 11 час. на Ставропольском редуте получено донесение, что мины готовы и будут взорваны в 11 час. 20 мин., так как 20 минут необходимо на вывод войск колонны полковника Куропаткина из передовых траншей, дабы глыбы глины от взорванной стены не могли нанести им поражений.

Ровно в 11 час. 20 мин. на восточном фасе крепости высоко поднялся столб земли и дыма с большим гулом.

Мина была взорвана и образовала удобовосходимый обвал в 20 сажен длины.

После взрыва мины, артиллерия переменила цели и стала обстреливать северо-восточный угол и северную часть крепости.

Начался штурм как штурмовыми колоннами, так и колонною подполковника Гайдарова.

Действия отдельных штурмовых колонн

А. Полковника Куропаткина

Согласно диспозиции колонне полковника Куропаткина предписано было овладеть обвалом, произведенным взрывом великокняжеской мины, утвердиться на обвале, войти в связь с колонной полковника Козелкова и укрепиться в юго-восточном углу крепости.

Для предстоящего штурма полковник Куропаткин разделил свою колонну на 3 части.

1. Колонна майора Сивииниса: 9, 10 и 11 роты 84 пехотного Ширванского полка, команда охотников подпоручика Воропанова и полурота сапер.
2. Колонна штабс-капитана Фока: 1 стрелковая рота 13 Туркестанского линейного батальона, 3 горных орудия 6 батареи 21 артиллерийской бригады, морская картечница.
3. Резерв под начальством подполковника Гуляева: 3 рота 5 Туркестанского линейного батальона, 1, 2 и 12 роты 84 пехотного Ширванского полка, сто спешенных казаков Туркестанского дивизиона, 1 горное орудие 6 батареи 21 артиллерийской бригады, 8 мартир.

В частности, каждая из колонн получила следующее назначение: колонна майора Сивииниса по взрыве мины должна была овладеть обвалом, на котором и укрепиться за стеною крепости, левее обвала, где распространиться до встречи с колонной полковника Козелкова, за стеною вправо от обвала и распространиться по ней до первого траверса.

Колонна штабс-капитана Фока служила резервом первой колонне и имела назначение двинуться за обвал для овладения внутренностью крепости, после того как первая колонна прочно утвердится на бреши.

Резерв подполковника Гуляева после взрыва должен был занять Ширванский редут, Туркестанскую калу, передовые траншеи, саперный редут и соединительную траншею на второй параллели.

Занимая вышеозначенные места, он обеспечивал тем и правый фланг штурмовой колонны, служа ей главным резервом.

В 10 час. 40 мин. утра минные камеры были заряжены и забиты.

В 11 час. утра к колонне на плотине прибыл начальник штаба генерал Гродеков и передал приказание взорвать мины.

В 11 час. 30 мин. утра мины были взорваны.

Большие глыбы глины от взрыва стены крепости долетели до передовых траншей и обсыпали лежащие за плотиною передовые части колонны, причем полурота охотников с подпоручиком милиции Магометовым была отчасти завалена землею. Еще дым от взрыва не успел рассеяться, как колонна майора Сивииниса вышла из-за плотины и стремительно направилась к обвалу.

Несмотря на силу и неожиданность взрыва, который уничтожил всех защитников стены, находящихся на данном

участке, неприятель кинулся в воронку, образовавшуюся на месте стены от взрыва и встретил колонну майора Сивиниса сильным и метким огнем, копьями и холодным оружием.

На обвале завязался горячий бой штыками, копьями и шашками.

Для поддержки майора Сивиниса двинута колонна штабс-капитана Фока.

Из Ширванского редута на помощь войскам, сражающимся на обвале, кинулись 50 спешенных уральских казаков по собственной инициативе.

Еще более упорное сопротивление встретила 9 рота Ширванского полка и команда охотников подпоручика Воропанова в овладении стеною вправо и влево от обвала.

Несмотря на страшное сопротивление все вышеозначенные части после горячего боя сбросили неприятеля с обвала.

В 11 ½ час. полуроте 2 роты Ширванского полка приказано было штурмовать траверс № 2, откуда неприятель анфилировал войско, занимающее обвал и подступы к нему. Атаку эту поддержала 2 полурота той же роты и горное орудие из Туркестанской калы.

Полурота ширванцев, имея во главе своего командира подпоручика Булыгина, овладела траверсом и вошла в связь с ротой охотников, направляющихся вдоль по стене восточного фаса.

Дальнейшие действия колонн состояли в следующем: 9 рота Ширванского полка, направляющаяся вдоль стены в связь с колонной полковника Козелкова, усилена была полуротой 1 стрелковой роты 13 батальона.

Пехотные части колонны штабс-капитана Фока спущены были с обвала и передвинуты на площадку внутри крепости. При этом пришлось выбивать неприятеля из многих кибиток и землянок, которые были взяты лишь после упорного сопротивления.

Части, спущенные с обвала, получили назначение прикрывать устройство траверсов впереди обвала. Траверсы эти приказано было построить 10 и 12 ротам Ширванского полка.

В 12 ½ часов войска колонны полковника Куропаткина вошли в связь с колонной полковника Козелкова, которая от артиллерийского обвала наступала внутрь крепости на холме Денгли-Тепе.

В то же самое время на обвал были ввезены 3 горные орудия и картечница.

Неприятель, по-видимому, начал сдавать и отступать к холму Денгли-Тепе, часть его массами направилась к воротам северного фронта и уходила в пески.

Видя колебание противника, всем штурмовым колоннам приказано было наступать на холм Денгли-Тепе. Как видно из диспозиции, в этот день предполагалось лишь овладеть юго-восточным углом крепости и прочно здесь укрепиться.

По всем предшествующим боям можно было ожидать упорного сопротивления неприятеля как на обвалах, так, в особенности, внутри крепости, где по причине густо поставленных кибиток войска должны были ввязаться в горячий и упорный бой. Из этой диспозиции видно, что в случае успешного штурма обвалов, все штурмовые колонны должны были довершить удар взятием тактического ключа крепости холма Денгли-Тепе.

Для этого наступления полковником Куропаткиным назначены: 9, 10 и 11 взводы 11 роты 84 пехотного Ширванского полка, 1 и стрелковая роты 18 Туркестанского линейного батальона, 3 горных орудия и 1 картечница, 50 спешенных уральских казаков, к этим частям были примкнуты из резерва 12 рота 84 пехотного Ширванского полка, 3 рота 5 Туркестанского линейного батальона и 50 спешенных Оренбургских казаков.

Остальные части колонны (I и ½ роты 2 роты 84 Ширванского полка, 1 горное орудие) обеспечивали тыл и правый фланг отряда. Когда вышеозначенные войска отряда перешли в наступление, неприятель сделал последнюю попытку атаки правого фланга и тыла колонны, для чего произвел массами вылазку против великокняжеской позиции, но был отбит огнем картечницы и залпами резерва у Туркестанской и великокняжеской калы.

Штабс-капитан Фок направился со своей колонной к западной стороне крепости, овладел здесь кибитками и построил фронт против холма Денгли-Тепе. За этой колонной направлен был подполковник Гуляев с 100 спешенными казаками Оренбургского и Уральского полков.

Колонна майора Сивиниса направилась на холм по прямому направлению. Окончательная атака эта была подготовлена огнем 3 горных орудий.

Наступление войск колонны происходило в стройном порядке, с музыкой, барабанным боем и распущенными знаменами. Всюду сопротивление неприятеля было без большого труда сломлено. Наибольшее сопротивление встретила колонна штабс-капитана Фока, которой при этом удалось отбить два наших горных орудия, взятых текинцами при нападении 28 и 30 декабря.

В час пополудни знамя 3 батальона Ширванского полка уже развевалось на холме. По приказанию командующего войсками оно впоследствии заменено здесь императорским штандартом. Другие колонны в то же время достигли северного фронта крепости и заняли самую стену. Наступая вдоль восточной стены, охотники подпоручика Воропанова овладели текинским орудием и 4 значками.

Кроме того, охотники совместно с 2 ротой Ширванского полка и частью 4 батальона Апшеронского полка овладели знаменем 4 батальона Апшеронского полка, взятым текинцами во время вылазки 28 декабря 1880 г. Текинцы имели дерзость выставить знамя в передних рядах, сняв чехол, как будто в насмешку.

Полковник Куропаткин, войска колонны которого занимали уже северную стену крепости, решил теперь немедленно преследовать неприятеля, о чем с холма Денгли-Тепе послано донесение.

Преследование бегущего неприятеля произведено было на левом фланге майором Сивинисом с 1 ½ ротами 84 пехотного Ширванского полка, в центре 9 ротой Апшеронского полка, на правом фланге 12 ротой Ширванского полка.

За ними в резерве следовали 3 туркестанские роты с охотниками под начальством штабс-капитана Фока.

Колонна полковника Куропаткина, двигаясь за выдвинутой через крепость кавалерией, преследовала неприятеля еще на протяжении 10 верст, после чего ей приказано было вернуться в лагерь.

В. Действия колонны полковника Козелкова

Порядок наступления частей колонны к бреши, произведенной артиллерией, определен следующий:

В голове колонны: охотники 4 Апшеронского батальона с командой минер, 2 ракетными станками и одной картечницей. За охотниками 4 батальона Апшеронского полка с 4 штурмовыми лестницами. За апшеронцами должна была следовать 11 рота Ставропольского полка с турами и фашинами, а также взвод сапер для венчания взятой бреши.

Остальные 3 роты Ставропольского полка составляли резерв и по выходе апшеронцев из траншей должны были немедленно занять их места.

Ровно в 11 час. 20 мин. утра, после взрыва великокняжеской мины войска штурмовой колонны вышли из траншей и двинулись на брешь через мост, устроенный через

великокняжеский ручей; с криком ура они вмиг бросились с моста к обвалу.

Атакующая колонна встречена была сильным ружейным огнем, и первыми же пулями ранен войсковой старшина граф Орлов-Денисов, командующий 4 батальоном 81 пехотного Апшеронского полка, следующий непосредственно за охотниками своего батальона, который он молодецки вел вперед и, будучи ранен пулей в руку, оставался во фронте до более тяжелой раны. Штурмовая колонна двинулась безостановочно вперед и бросилась на самую брешь с криком «ура».

Встреченная здесь градом пуль и каменьев, а также и густыми массами неприятеля, вследствие трудно восходимой бреши, которая, несмотря на все усилия, не была удобовосходима, колонна залегла у подошвы обвала, завязав с неприятелем перестрелку в упор.

Немедленно ей был двинут на помощь резерв 9, 10 и 11 роты Ставропольского полка со взводом горной батареи 21 артиллерийской бригады.

В то же время из резерва двинут туда же 3 батальон Апшеронского полка с музыкой, развернутым знаменем и барабанным боем.

По прибытии этого последнего батальона к обвалу все находящиеся на нем части поднялись и дружно бросились на вершину бреши.

Так как не все части могли одновременно подняться по обвалу, то фланговые эскаладировали стену посредством штурмовых лестниц.

В этот короткий промежуток времени убит командир 10 роты 74 пехотного Ставропольского полка, георгиевский кавалер поручик Мерхелев, первый бросившийся на вершину бреши, и тяжело ранен командир 3 батальона 81 пехотного Апшеронского полка подполковник Попов. Первым вскочил на вершину бреши подпоручик 81 пехотного Апшеронского полка Попов, где был ранен.

По занятии обвала приступлено было немедленно к укреплению его, но успех колонны подполковника Гайдарова, войска которого уже были на стене западного фаса, а также и войск колонны полковника Куропаткина, устраивающихся внутри крепости для дальнейшего наступления, заставил прекратить эту работу и направить все войска, к которым тотчас из резерва присоединены были 10, 11 и 12 роты 83 пехотного Самурского полка для окончательного овладения крепостью и холмом Денгли-Тепе.

Вызванные из резерва 6 рот 82 пехотного Дагестанского полка и две 84 пехотного Ширванского полка получили приказание составить у обвала резерв сражающихся внут-

ри крепости войск и на самый обвал ввезены 4 орудия 4 батареи 29 артиллерийской бригады. Наступающие далее войска вошли в связь с войсками колонны полковника Куропаткина и подполковника Гайдарова.

Холм Денгли-Тепе занят был одновременно полуротой 12 роты 74 пехотного Ставропольского полка и колонной майора Сивиниса.

По овладении холмом на него введен 3 батальон 81 пехотного Апшеронского полка, а 4 батальон того же полка направлен далее для преследования неприятеля.

Для овладения калой вблизи кургана, где остались еще текинцы, была направлена сводная команда всех частей колонны полковника Козелкова с 1 горным орудием под начальством капитана Мельницкого. После 3 выстрелов из горного орудия, части 10 и 11 роты Апшеронского полка бросились в калу и перекололи всех ее защитников.

В 4 часа пополудни войска колонны полковника Козелкова и прибывшие к нему из резерва были расположены следующим образом:

2 батальон Апшеронского полка с горным взводом на кургане Денгли-Тепе.

3 батальон Ставропольского полка направлен в лагерь. Юго-восточный угол крепости занят 4 батальоном 82 пехотного Дагестанского полка с 4 батареей 20 артиллерийской бригады, которая скоро заменена 3 батареей 19 артиллерийской бригады.

С. Действия колонны подполковника Гайдарова

После занятия мельничной калы она приведена была в оборонительное положение и сюда перевезены оба конно-горные орудия и картечница, которые открыли огонь по неприятелю у нижнего фаса крепости.

Немедленно после взрыва великокняжеской мины подполковник Гайдаров перешел в свою очередь в наступление, причем направил 2 и 3 роты 83 пехотного Самурского полка к западному фасу крепости для эскаладирования стены посредством штурмовых лестниц, 1 и 4 роты того же полка с охотниками и 4 батареей 19 артиллерийской бригады — вдоль рва западного фронта и против крепостных позиций неприятеля между ручьем Опорным и крепостью. Кавалерии с конно-горным взводом приказано было быстро наступать на левом фланге отряда и преследовать отступающего неприятеля, 2 и 3 роты под начальством капитана Лаврова направились прямо к западной стене крепости, где приставили лестницу и вошли на стену.

Дальнейшее наступление отряда происходило вдоль стены западного фронта, причем 2 и 3 роты наступали по стене, охотники 1 и 4 роты — вдоль рва западного фронта, поддержанные сильным артиллерийским огнем.

Кавалерия с конно-горным взводом преследовала неприятеля, бегущего по направлению на север, пехотные части, дойдя до оконечности западного фронта и войдя в связь с частями войск колонны полковника Куропаткина и Козелкова, остановились и вслед за тем были возвращены в лагерь.

Ввиду несомненного успеха всех штурмовых колонн, было послано приказание начальнику кавалерийского резерва полковнику князю Эристову направиться из резерва в лагерь, сесть на коней и прибыть к артиллерийской бреши.

В 4 часа пополудни кавалерия, подошедшая к обвалу, проведена была через крепость и направлена преследовать неприятеля, отступающего в двух больших массах по северному направлению. Преследование бегущего из крепости неприятеля продолжалось пехотой на расстоянии 1 версты, кавалерией еще на 6 верст дальше, и лишь полная темнота и окончательное рассеяние неприятеля заставило прекратить преследование и возвратить войско в лагерь.

При этом преследовании драгунами и казаками, поддержанными конно-горным взводом, убито до 8 тыс. человек обоего пола, масса неприятельской конницы бежала первая и виднелась вдали на горизонте.

Наши потери 12 января. Убито обер-офицеров 4, штабс-капитан 2 Туркестанской артиллерийской бригады Грен, поручик 74 пехотного Ставропольского полка Мерхелов, сотник Туркестанского дивизиона уральской сотни Кунаковский, прапорщик Закаспийского местного батальона Мориц, нижних чинов 55.

Ранено штаб-офицеров 3, командир 3 батальона 74 пехотного Ставропольского полка подполковник Цепринский-Цекава, командир 3 батальона 31 пехотного Апшеронского полка подполковник Попов, командующий 4 батальоном того же полка войсковой старшина флигель-адъютант граф Орлов-Денисов (обер-офицеров 15), саперной роты капитан Гетшель, 4 батареи 19 артиллерийской бригады капитан Миткевич-Волшанский, Апшеронского полка штабс-капитан Харькевич, Дагестанского полка штабс-капитан Давыдов, артиллерии поручик Юренев, Ширванского полка поручик Архаецкий, Апшеронского полка подпоручики Попов и Дехтерев, подпоручик милиции Магометов, Апшеронского полка прапорщики Кашерининов и Усачев, Ставропольского полка Дзердзиевский и князь Андроников, лейб-гвардии конно-гренадерского полка прапорщик Ушаков и гардема-

рин Майер; нижних чинов 236. Контужено офицеров 10, Апшеронского полка поручик Куркмасов и Бениславский, Туркестанского линейного батальона поручик Калитин, Апшеронского полка подпоручики Мизневский и Руднев, прапорщики Лебединский и Богославский, артиллерии прапорщик Иванов, 15 драгунского Тверского полка прапорщик Форстен и Таманского полка хорунжий Чигрин. Нижних чинов 75. Убито лошадей 47, ранено 24.

Выпущено патронов пехотных 273804, кавалерийских 12510, снарядов 5864, боевых ракет 224.

Отбито у неприятеля два горных орудия, взятых во время вылазок 28 и 30 декабря 1880 г., и знамя Апшеронского полка.

Взято 1 орудие, 5 значков и 1500 штук ружей; пистолетов и шашек.

Потеря неприятеля громадная. После взятия крепости внутри ее зарыто 6500 тел. При преследовании тоже убито до 8000 человек.

Положение текинцев в крепости Геок-Тепе во время осады ее

О положении дел в крепости в отряде не имелось положительно никаких сведений.

Можно было лишь предполагать, что после удачных вылазок 28 и 30 декабря 1880 г. гарнизон сильно возвысился духом и меньше всего думал о покорности.

Только после неудачной вылазки 4 января 1881 г. гарнизон упал духом, что стало видно по следующим признакам:

1. Конница текинцев как будто отсутствовала, массы конницы, выезжавшей навстречу транспортов, более не появлялись.

2. После вылазки 4 числа, неприятель не произвел более ни одной вылазки, а ожидал со дня на день штурма крепости.

3. Большие лагери, раскинутые неприятелем у западного фронта и в садах Петрусевича, стали понемногу исчезать.

4. Ежедневно из крепости выводили поодиночке нагруженных верблюдов, которые направились в пески под конвоем нескольких конных, обратно в крепость возвращались уже гораздо меньше и то верблюдов ненавьюченных.

Вообще энергия неприятеля стала падать, со стен крепости производилась редкая стрельба, которую, однако же, нельзя было приписать недостатку патронов, так как в нескольких случаях, как-то по лагерю передвинутому к 1 параллели и войскам, показывающимся открыто, неприятель открывал по временам самую ожесточенную стрельбу.

В последние дни перед штурмом неприятель услышал минные работы и зорко караулил то место, где, по его расчетам, русские устроят отверстие для входа в крепость. Для встречи вошедших назначен был особый отряд из 200 храбрейших человек, вооруженных одними шашками.

Вследствие действия артиллерийского огня, в особенности мортирного, неприятель убрал часть кибиток из южного угла в северный и за холм Денгли-Тепе.

С началом штурма крепости и с занятием колонной подполковника Гайдарова мельничной калы, часть неприятеля бежала. С открытием же артиллерийского огня вся масса неприятеля, которая до сих пор не испытала еще подобной бомбардировки, стала колебаться, причем часть текинцев, бросив имущество, жен и детей, бежала. После взрыва мины паника сделалась общая. Самые храбрые решились умереть на обвалах, все же остальное население с ханами и ишанами бежало. Бегство неприятеля происходило главным образом в северном направлении.

Только после взятия крепости можно было убедиться в тех страшных потерях, которые неприятель понес во время осады от артиллерийского и ружейного огня.

Внутри крепости можно было видеть кибитки, где целая группа убитых находилась в тех положениях, в которых их застала смерть. В некоторых кибитках навалено было до 20 трупов.

Из всего видно было, что последние дни осады неприятель уже не хоронил мертвых, которые просто свалились кучами в некоторых местах крепости.

После взятия крепости Геок-Тепе, она была занята 3 батальоном 81 пехотного Апшеронского полка со взводом 6 горной батареи 21 артиллерийской бригады, причем части эти были расположены на холме, а также 4 батальоном 82 пехотного Дагестанского полка с 3 батареей 19 артиллерийской бригады, которые заняли юго-восточный угол крепости.

Комендантом крепости назначен войсковой старшина Верещагин.

Всю ночь по всей крепости посылались пехотные патрули и кавалерийские разъезды, так как некоторые фанатики-текинцы спрятались по ямам и стреляли оттуда по одиночно проходящим людям.

Каждую землянку приходилось брать отдельно, причем засевшие в них текинцы были перебиты.

13 января было приступлено к постройке укрепления на холме Денгли-Тепе, где устроена гелиографная станция, сообщавшаяся со станцией в Самурском.

Для дальнейшего овладения оазисом предписано было 15 января выступить из лагеря под Денгли-Тепе отряду под начальством полковника Куропаткина. Состав отряда: 4 батальона 82 пехотного Дагестанского полка, 1 и 3 батальоны 84 пехотного Ширванского полка, 1 стрелковая рота 13 Туркестанского линейного батальона, 3 рота 5 Туркестанского линейного батальона, 2 Полтавская сотня, 2 сотни Оренбургского 5 полка, Туркестанский дивизион с ракетным взводом, 4 батарея 20 артиллерийской бригады, Туркестанский горный взвод, конно-горный взвод, ½ роты сапер, гелиографная команда.

Итого 15 ½ рот, одна команда, 4 ½ сотни, 12 орудий.

При этом отряде следовал: дивизионный лазарет 21 пехотной дивизии; летучий лазарет красного креста; часть инженерного парка.

Продовольствие отряд имел на людях и фургонах на 14 дней, кошмы и 4-дневный запас зернового фуража.

Пехота имела по 120 патронов на ружье, артиллерия — полный комплект снарядов.

Отряд этот выступил в 11 час. утра и к вечеру прибыл к кишлаку Каладжар в 13 верстах от Денгли-Тепе и расположился на ночлег.

Следующий день отряд оставался на дневке в Каладжаре и 17 выступил по направлению к кишлаку Безмеин, куда прибыл вечером того же числа.

Здесь к отряду прибыл временно командующий войсками с отделением отрядного штаба и дивизионом драгун.

18 числа отряд полковника Куропаткина занял без боя кишлак Асхабад и расположился лагерем у восточной окраины его.

Немедленно по занятии Асхабада двинута была вся кавалерия отряда в кишлак Анау под начальством полковника князя Эристова.

Для поддержания кавалерии двинут был из лагеря 3 батальон 84 пехотного Ширванского полка.

Вечером все эти войска вернулись в лагерь под Асхабадом.

Все кишлаки, пройденные отрядом, оказались брошенными жителями.

На всем пути от Асхабада отряд не встречал неприятеля.

19 и 20 января весь отряд оставался в лагере под Асхабадом.

Вследствие полученных сведений, что жители оазиса, собранные в крепости Денгли-Тепе, бежали во время штурма на колодцы, лежащие в песках к северу от крепости, решено было двинуть туда особый отряд как с целью принуждения жителей изъявить покорность и возвратиться на прежние свои места, так и для парализования воинственных замыслов собранной здесь массы текинцев.

Отряд под начальством полковника Куропаткина состоял из:

3 батальона 84 пехотного Ширванского полка, трех рот Туркестанского отряда, дивизиона драгун, 2 сотни Оренбургского 5 полка, Туркестанского дивизиона с ракетным взводом, Туркестанского горного взвода, конно-горного взвода, взвода сапер и команды гелиографов. И того 7 ¼ роты, команда, 5 эскадронов и сотен и 4 орудия. Отряд выступил из лагеря в 7 час. утра и направился на колодец Изгент, где он должен был соединиться с отрядом подполковника Гайдарова, которому приказано было направиться туда из лагеря под крепостью Денгли-Тепе.

Отряд подполковника Гайдарова состоял из:

1 и 3 роты 83 пехотного Самурского полка, 12 роты 81 пехотного Апшеронского полка, 9 роты 74 пехотного Ставропольского полка, 2 сотни Таманского полка, 5 сотни Лабинского полка, взвода 6 батареи 21 артиллерийской бригады.

Итого 4 роты, 2 сотни, 2 орудия. Оба отряда соединились вечером на колодцах Изгент, куда, однако же, обоз полковника Куропаткина с арьергардом прибыл лишь к 4 часам утра 21 января.

Вообще переход этот для отряда полковника Куропаткина был чрезвычайно тяжелым, так как путь во второй своей половине пролегал по глубоким пескам.

От Асхабада в Изгент 40 верст. От Денгли-Тепе в Изгент 14 верст. На колодцах Изгент к полковнику Куропаткину явилась депутация от текинцев; часть которых он удержал при отряде, другую же (более знаменитых) направил в Асхабад.

По сведениям, собранным в Изгенте, после разгрома 12 января, часть спаслась на группу колодцев близ Назар-Куль, часть же на колодцы Илех-Салеш и Кизыл-Сакал.

На первых колодцах находился Саха-хан, а на последних Тыкма-сардар, который будто бы собирался уйти на Теджен-Дарью (Герри-Руд).

По рассказам этих же депутатов, часть населения спускалась уже с колодцев к крепости Денгли-Тепе с целью изъявления покорности.

Ввиду разноречивых сведений, получаемых о местности в окрестностях колодцев Изгент, заставили полковника Куро-

паткина направить с колодцев Изгент два кавалерийских отряда на колодцы Назар-Куль и на кишлак Енги Геок-Тепе.

Первая колонна была под начальством подполковника Гуляева и состояла из Туркестанского дивизиона с ракетным взводом и 5 сотни Лабинского полка.

Вторая колонна под начальством подполковника Мореншильда состояла из дивизиона драгун и 2 сотни Оренбургского 5 полка.

Колоннам этим, выступившим из Изгента утром 22 января, предписано было не ввязываться в бой, ободрять население к скорейшему возвращению, обезоруживать его и к вечеру вернуться назад.

Колонна подполковника Мореншильда вернулась в 7 часов вечера и привезла 30 штук ружей, отобранных у населения, изъявившего покорность.

Старая крепость Геок-Тепе оказалась брошенная жителями.

Путь от колодцев Изгент в Куня Геок-Тепе (Енги Геок-Тепе) пролегает по местности отчасти песчаной, отчасти каменистой и длиной 15 верст.

Колонна подполковника Гуляева проследовала через колодцы Кодгас и Хайдарабас, откуда с помощью пойманного текинца, служившего проводником, достигла в 5 часов вечера колодцев Буз-Булат, а в 11½ час. ночи — колодцев Назар-Куль.

На этих колодцах она застала до 300 текинских кибиток, которым раздала прокламации командующего войсками.

Население выдало оружие (130 штук) и изъявило покорность.

На вышеозначенных колодцах колонна подполковника Гуляева расположилась на ночлег, соблюдая все меры предосторожности.

23 января в 10 час. утра полковник Куропаткин выступил с отрядом в составе:

Пехоты Туркестанского отряда, 1 и 3 роты 83 пехотного Самурского полка, 9 роты 74 пехотного Ставропольского полка, 12 роты 81 пехотного Апшеронского полка, 5 сотни Лабинского полка, 2 сотни Оренбургского № 5 полка, Туркестанского горного взвода, взвода 6 батареи 21 артиллерийской бригады, взвода сапер, гелиографной команды. Итого 7½ рот, 1 команда, 2 сотни и 4 орудия; с колодцев Изгент в Куня Геок-Тепе, намереваясь пройти оттуда на колодцы Мерген.

Отряд этот вечером прибыл к вышеозначенному кишлаку.

На колодцах Изгент оставлены были: 3 батальон 84 пехотного Ширванского полка, дивизион драгун, конно-горный взвод.

Частям этим под начальством майора Сивииниса приказано было выступить 25 января в Асхабад.

В 6 час. пополудни в Изгент прибыла кавалерийская колонна подполковника Гуляева, которая 24 января присоединилась к отряду полковника Куропаткина.

В Куня Геок-Тепе к полковнику Куропаткину явились Софи-хан и племянник Нурберды-хана. Оба они отправлены были полковником Куропаткиным в Асхабад.

25 января полковник Куропаткин выступил из Куня Геок-Тепе на колодцы к северу в пески с отрядом следующего состава: стрелковая рота 13 Туркестанского линейного батальона, 3 роты 5 Туркестанского линейного батальона, 1 рота 83 пехотного Самурского полка, 9 рота 74 пехотного Ставропольского полка, сводная Туркестанская сотня с ракетным взводом, 5 сотня Лабинского полка, 2 сотня Оренбургского № 5 полка, Туркестанский горный взвод, взвод 6 батареи 21 артиллерийской бригады, взвод сапер, гелиографная команда. Итого 4½ роты, 1 команда, 3 сотни и 4 орудия.

Отряд этот имел при себе продовольствия на 10 дней и зернового фуража на 5. Водоподъемных средств было в количестве 690 ведер. Обоз отряда состоял из 300 верблюдов.

В Куня Геок-Тепе оставлено: 12 рота 81 пехотного Апшеронского полка, 3 рота 83 пехотного Самурского полка, 1 рота 13 Туркестанского линейного батальона, сводная Туркестанская рота, 2 сотня Таманского полка. Итого 3 роты, 2 сотни.

Отряд этот оставлен был под начальством подполковника Гуляева, которому было предписано по первому приказанию или если бы к нему стали доходить тревожные слухи о критическом положении отряда в песках, выступить на присоединение к нему.

Отряд полковника Куропаткина следовал со всеми мерами предосторожности, высылая головные, боковые и тыльные патрули.

Для правильного расходования воды назначен был особый офицер, которому, для караулов при воде, назначено было по 4 человека от роты и 2 от каждой сотни отряда.

В этот день отряд встретили до 1000 человек возвращающихся текинцев с 2 тыс. верблюдов. Все они изъявили покорность, выдали оружие и направились далее к Денгли-Тепе.

Вечером отряд остановился на ночлег, не доходя 7 верст до колодцев Мерген.

26 января отряд, пройдя колодцы Мерген, достиг к вечеру колодцев Илех-Салеш.

Встречаемое по пути население было уже гораздо богаче прежде встречаемого и имело большие стада.

У Илек-Салеш оказалось 4 колодца глубиной до 18 аршин каждый. Вода пресная только в двух, причем в одном затухла, в остальных двух вода была соленая.

27 января отряд прибыл на колодцы Мамет-Яр, пройдя около 30 верст. Здесь оказалось 4 колодца глубиной до 30 аршин каждый. Вода в них соленая. На этих колодцах отряд расположился на дневку как для корма верблюдов, так и с целью выждать результата посылки к текинцам прокламации.

Для разведки о населении, которое направилось в оазис не только по главному пути, но и по сторонам его, посланы были отсюда 3 колонны.

1. 5 сотня Лабинского полка должна была пройти на колодцы Ишмак и если возможно то и Кайтак.

2. 2 сотня Оренбургского № 5 полка с ракетным взводом должна была проследовать на колодцы Кизыл-Сакал. Сотне этой придан был Оренбургский ракетный взвод.

3. Сводная Туркестанская сотня направлена была на колодцы Караджа, если бы она нашла возможным, то она должна была направиться далее на колодцы Бураджа.

1-й колонне предписано было возвратиться на колодцы Мамет-Яр в тот же день, остальным двум не позже 29 числа вечером.

Вечером 28 числа все три колонны вернулись обратно. Все эти колонны встретили весьма мало населения, но зато с большими стадами. Везде оно изъявляло полную покорность и сдавало оружие.

По собранным этими колоннами сведениям, далее по дорогам на Хиву и в Мерв скопления текинцев не было, а лишь на некоторых колодцах отдельные кибитки.

С Мамет-Яра отправлена была прокламация к Тыкма-сардару, который, по слухам, должен был находиться на колодцах Мурза-Черли.

Считая задачу отряда оконченной, полковник Куропаткин выступил 29 числа и 31 числа января прибыл с отрядом в Куня Геок-Тепе.

Результаты движения отряда в пески были следующие:

1. Многочисленное население, сгруппировавшееся на колодцах, изъявило полную покорность.

2. Оно было обезоружено, причем отобрано до 1000 штук разного рода оружия.

3. По пути следования отряда направлено было в оазис до 16 тыс. душ обоего пола.

Положение населения, сгруппировавшегося на колодцах к северу от Денгли-Тепе, было поистине бедственное.

Не имея продовольствия, кибиток и пользуясь соленой водой из колодцев, среди него открылась дизентерия и другие болезни, от которых много населения погибло в песках.

Тыл

В продолжении января военных действий в тыле не происходило.

На обеих коммуникационных линиях и на линии Бами — Геок-Тепе было совершенно спокойно, за исключением лишь Атрекской линии, где 8 января к секрету у Хаджам-Кала подъехало ночью 6 всадников. После залпа секрета всадники эти скрылись.

В то же время замечены были следы шайки в 50 человек, по всей вероятности гёклен, в окрестностях Хар-Слума.

Для усиления войск осадного корпуса под крепостью Геок-Тепе притянута была в лагерь сначала 9 рота 73 Крымского полка, прибывшая 5 января, и 10 рота того же полка, которая прибыла 11 января (накануне штурма).

Для присоединения этих частей к войскам, осаждающим крепость, упразднен был этапный пункт Келята и 10 рота 73 пехотного Крымского полка заменена в укреплении Самурском 8 января 4 ротой Закаспийского местного батальона.

7 января в лагерь под Геок-Тепе прибыл 45 артиллерийский полк, а 31 декабря рота охотников, сформированная из нижних чинов 1 резервного железнодорожного батальона.

Еще до падения крепости Геок-Тепе демобилизованные батальоны отряда вследствие болезней и потерь пришли в столь малый состав, что рота выходила, имея не более как 25 рядов в строю. Точно так же и мобилизованные части 21 пехотной дивизии, а также 3 батальон 74 пехотного Ставропольского полка понесли довольно значительные потери. Все вышеизложенное заставило просить укомплектовать вышеозначенные части людьми с западного берега.

Укомплектование это сосредоточено было для 21 пехотной дивизии, за исключением 84 пехотного Ширванского полка, 26 января в г. Петровске.

29 января укомплектование в числе 129 человек и 22 офицеров для части 21 пехотной дивизии начало направляться из Петровска в Красноводск. 30 января исправляющему должность дана была телеграмма задержать по окончании военных действий все укомплектование для 21 пехотной дивизии в Красноводске и направить лишь дальше в Бами укомплектование для 74 пехотного Ставропольского полка.

Ввиду окончания военных действий приказом за № 21 от 13 января расформирована была охотничья команда есаула Церенжалова и 21 января также подпоручика Воропанина, причем охотники возвращены в свои части.

В продолжение января до конца осады крепости Геок-Тепе довольствие, сосредоточенное в Самурском укреплении, перевозилось в интендантский склад лагеря осаждающего отряда на фургонах ахал-текинского казенного конного действующего транспорта. По взятии крепости отряд, отправленный для занятия Асхабада, снабжен был из того же склада 14-дневным довольствием.

Отряд полковника Куропаткина перед выступлением своим в поход на колодцы к северу от Геок-Тепе, а также и отряд полковника Гайдарова снабжены были 10-дневным довольствием в Куня Геок-Тепе из геок-тепинского интендантского склада.

Весь остальной отряд, сосредоточенный в лагере под взятой крепостью Геок-Тепе, довольствовался из имеющегося там продовольственного склада, в который перевозилось довольствие, оставшееся еще в Самурском укреплении, а также и довольствие, заготовленное в Персии из джермабского склада.

Для водворения покорившегося населения Ахал-Текинского оазиса 27 января приказом за № 46 назначен был состоящий в распоряжении временного командующего войсками майор Сполатбог.

Вышеозначенный штаб-офицер отправился немедленно в Геок-Тепе, где образовал свое управление.

Деятельность этого учреждения в конце января состояла:

1. В выдаче видов на свободное проживание в избираемых населением местах.

2. В помощи бедным жителям мукой из запасов, взятых в крепости, и выдаче им кибиток.

3. В назначении ак-сакалов в селениях.

Железная дорога в январе не подавалась вперед за неимением шпал.

Военно-походный телеграф дошел до Бами, где была учреждена станция 24 января, хотя до этого времени в Бами уже была станция государственного телеграфа, по доведении телеграфного провода Михайловской линии до Бами получилась возможность сообщения с Кавказом и Россией непосредственно, а не через Персию.

К сожалению, линия военно-походного телеграфа часто портилась и депеши из Бами пришлось направлять неоднократно через Чекишляр и Персию.

Гелиографные станции вплоть до конца осады крепости Геок-Тепе оставались на тех же местах, на которых они были в конце декабря.

В полупараллели на левом фланге осадных работ поставлен был фонарь Шпаковского для ночного освещения местности.

По взятии крепости гелиографная станция перенесена была на холм Денгли-Тепе.

Начальник штаба генерал-майор Гродеков

ЦГИА СССР, ф. 1, д. 230, лл. 2—50.

№ 264

Из журнала военных действий войск Ахал-Текинской экспедиции за февраль 1881 г. о мерах по установлению нормального положения в Ахал-Теке

5 мая 1881 г.

В начале февраля назначенный заведовать водворением на прежние места жительства майор Сполатбог устроил свое управление в Геок-Тепе.

В распоряжение майора Сполатбога назначено было несколько офицеров и переводчиков, а также взвод казаков.

Деятельность этого управления заключалась:

1. В назначении аксакалов в каждое поселение.

2. В выдаче билетов на жительство.

3. В разборе жалоб между населением.

4. В устройстве сношения между войсками и населением для найма перевозочных средств.

5. В найме джигитов из текинцев и устройстве посредством их постового сообщения между Геок-Тепе и Асхабадом.

8 февраля майор Сполатбог донес, что им выдано свидетельство на водворение 1700 кибиток.

Жители оазиса не только возвращались из песков, но даже из Мерва и Теджен-Дарьи.

Некоторые жители при возвращении их просили вспомоществования, для чего из захваченных в Геок-Тепе складов им выдано 400 четвертей пшеницы и 100 джугары.

12 февраля разрешено было выдать им еще 200 чувалов муки, 100 чувалов пшеницы и 100 чувалов джугары.

Войскам отряда дано было строгое приказание обращаться с водворившимися жителями хорошо, причем им строго воспрещалось брать что-либо безденежно у населения.

9 февраля бомбардир 3 подвижной батареи Титов в нетрезвом виде ворвался в кибитки текинцев, причем убил одного текинца и ранил женщину.

Приказом 10 февраля за № 61 собран полевой военный суд, который приговорил вышеозначенного бомбардира к расстрелу. Приказом 11 февраля за № 63 приговор суда приведен в исполнение в крепости Денгли-Тепе.

Во все продолжение месяца происходило возвращение жителей, которые селились на прежних своих местах и немед-

ленно же занялись хлебопашеством. Население охотно давало войскам в наем верблюдов, причем цена за верблюда определена была 15 рублей 20 коп. от Асхабада до Бами.

Оазис принял совершенно мирный вид.

После 12 января в оазисе не раздавалось более ни одного выстрела.

По оазису могли путешествовать безопасно одиночные всадники, и конвои транспортов уменьшены были до 40 и даже до 25 человек.

Для определения будущей границы с Персией чины корпуса военных топографов отряда командированы были произвести съемки пограничного пространства.

Классный топограф титулярный советник Сафонов производил съемку в районе от Асхабада до Лютфабада и Каахка, корпуса военных топографов штабс-капитан Гламаздин — в районе от Асхабада до Геок-Тепе, а майор Мепеляев — от Геок-Тепе до Бами.

Начальник штаба войск, действующих в Закаспийском крае, генерал-майор Гродеков

ЦГИА СССР, ф. 1, д. 230, лл. 60—75.

№ 265

Из журнала военных действий войск Закаспийского военного отдела за март 1881 г.

...Еще в феврале временно командующий войсками вошел в сношение с персидскими властями через посланника о возвращении в оазис всех пленных текинцев и текинок, взятых персиянами и курдами. В марте был командирован в персидские пограничные области офицер для этой цели. Нухурцы долго не выдавали взятых ими в Геок-Тепе текинок, так что в Нухур для понуждения жителей 28 марта был командирован офицер с казачьим конвоем.

25 марта в Лютфабад прибыл из Мерва бывший предводитель текинцев Овез Мурад Тыкма-сардар с изъявлением полной покорности и с просьбой поселиться в бывшем своем владении Беурме. Временно командующий войсками принял благосклонно Тыкма-сардара и разрешил ему поселиться в оазисе.

До прибытия Тыкма-сардара в оазис прибыла лишь часть текинцев; майор Сполатбог по объезде оазиса исчислил возвратившееся текинское население в 8000 кибиток. Но Тыкма-сардар заявил, что за ним идут из Мерва до 3000 кибиток его приверженцев, жителей Беурмы и Бами и что вскоре вернется

еще много текинцев, выжидающих в Мерве и на Теджене выяснения их будущего положения.

С февраля и атрекские иомуды стали переходить на правый берег Атрека между Чатом и Чекишляром. Временно командующий войсками приказал обложить переходящих в наши пределы туркмен кибиточным сбором по 1 рублю в месяц с кибитки...

28 марта, ввиду предстоящего своего отъезда в Петербург по делам службы, временно командующий войсками сдал командование ими генерал-лейтенанту Рербергу, исправляющим должность начальника штаба был назначен генерального штаба подполковник Кузьмин-Караваев, приступивший немедленно к формированию нового штаба.

Штаб временно командующего войсками того же числа был отправлен в Красноводск, где он должен был оставаться некоторое время для ликвидации дел, сам же генерал-адъютант Скобелев к 1 апреля был в Асхабаде, предполагая перед отъездом своим в Петербург лично объехать предполагаемую пограничную линию с Персией. Конвоем его высокопревосходительству был назначен 1 эскадрон Тверского драгунского полка.

Начальник штаба генерал-майор Гродеков

ЦГИА СССР, ф. 1, д. 230, лл. 82—98.

№ 266

Телеграмма заведующего населением Ахал-Текинского оазиса командующему войсками Закаспийского края об английских происках в Южной Туркмении

13 мая 1881 г.

В Серахс прибыли тридцать два англичанина оружейных мастеров, вошли в соглашение с мервцами приготовить им порох, снаряды, исправить оружие, переделать оружие и руководить работами крепостей[1], двое из них теперь в Мерве производят осмотр настоящего оружия, остальные должны

[1] Донося начальнику Главного штаба об этом, туркестанский генерал-губернатор в рапорте от 29 мая 1881 г. отмечает, что возвратившийся через Мерв один катта-курганский житель сообщил, что в Мерве производятся усиленные работы по возведению новой крепости, ежедневно работает до тысячи человек. В работе участвуют роды туркмен: теке, кукча, кунгыр, сакар, сары, эрсары, которые решили обороняться в крепости в случае дальнейшего наступления русских войск. Большая половина крепости уже окончена». (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 50).

прибыть туда же для производства работ[1], в Асхабаде жители спокойны, случаи грабежей не повторялись по постановлении фераджиев[2].

Майор Сполатбог.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 37.

№ 267

Императорский указ начальнику Закаспийского военного отдела «Об образовании из территории туркмен текинского рода и земель Закаспийского военного отдела Закаспийской области» и его административной структуре[3]

15 мая 1881 г.

По именному его императорского величества высочайшему указу, данному правительствующему сенату, в Гатчине в 6-й день мая 1881 г., за собственноручным его величества подписанием, в котором изображено: «В видах упрочения спокойствия и безопасности в Закаспийской степи, признав за благо присоединить к империи занятую нашими войсками территорию туркмен текинского рода, повелеваем: образовать из нее и земель Закаспийского военного отдела область Закаспийскую, со включением в состав Кавказского военного округа. Сообразно сему главное управление новой области возложить на главнокомандующего Кавказской армией, а местное областное управление — на начальника области с подчинением сему последнему и расположенных в области войск. Временное управление Закаспийской областью предоставляется главнокомандующему Кавказской армией ввести, применяясь к настоящим обстоятельствам и местным условиям, в виде временного положения, впредь до утверждения одного в установленном порядке. Правительствующий сенат не оставит сделать надлежащие распоряжения к приведению сего в исполнение». Правительствующий сенат приказал о таковом высочайшем его императорского величества указе уведомить его императорское высочество наместника Кавказского, министров и главноуправляющих отдельными частями,

[1] Докладывая начальству об этом, генерал Соболев в рапорте от 16 мая 1881 г. сообщал, что генерал-адъютант Скобелев не придает этим известиям никакого значения (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 38).

[2] В связи с происками англичан в Серахсе военным министром в отношении от 19 мая 1881 г. министру иностранных дел был возбужден вопрос о необходимости «настоятельного представления перед персидским правительством об удалении этих владений» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 39—40).

[3] Документ адресован военному министру.

одних — указами, а других — через передачу к делам обер-прокурора 1-го департамента правительствующего сената, который с определения сената; равным образом дать знать указами генерал-губернаторам, военным губернаторам, губернаторам, губернаторским войсковым и областным правлениям, в святейший же правительствующий синод, во все департаменты правительствующего сената и общие оных собраний сообщить ведения; в департамент министерства юстиции передать копию с определения и припечатать в установленном порядке.

За обер-секретаря (подпись неразборчива)

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 18, л. 1[1].

№ 268

Отношение начальника Главного штаба о принятии в Петербург депутации от туркмен-текинцев Ахала

16 мая 1881 г.

Депутаты от текинцев присоединяемой к империи территории Ахал-Текинского оазиса прибыли вчера 15 мая в С.-Петербург и остановились в Знаменской гостинице. Депутацию составляют:

1. Овез Мурад Тыкма-сардар с малолетним сыном Оразберды.
2. Текинец Мухаммед Овез Сеид Гельдиев.
3. Мервец Халли Ханбердыев и их слуга Хан Магомед Риза-оглы[2].

Состоящий при Главном штабе Генерального штаба подполковник Мешетич мною назначен состоять при депутации во время пребывания её в Петербурге. Должность переводчика исполняет состоящий в распоряжении временно командующего войсками Закаспийского края ротмистр Байтоков.

Расходы по содержанию депутации в Петербурге на первое время будут покрыты из экстраординарной суммы временно командующего войсками, действующего в Закаспийском крае. Впоследствии придется испросить ассигнование особого на то кредита.

Представляя Вашему сиятельству записку с показанием тех учреждений, которые предполагается показать депутации, имею честь испрашивать:[3] благоугодно ли будет его импера-

[1] Дубликат документа см. в ЦГВИА, ф. 400, д. 23, 1881 г., л. 129.

[2] Данные о личности членов делегации подробно см. в ЦГВИА, ф. 400, д. 20, 1881 г., лл. 20—21.

[3] О посещении текинской делегации различных учреждений см. ЦГВИА, ф. 400, д. 40, 1881 г., лл. 4—7.

торскому величеству принять вышепоименованных представителей текинцев, а также будет ли приказано представить их и прочим членам императорской фамилии[1], или же будет приказано ожидать прибывания двух других представителей текинского населения, назначенных в состав депутации, которые 12-го сего мая уже прибыли в Астрахань и на днях будут в Петербурге.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант (подпись неразборчива).

ЦГВИА, ф. 400, д. 40, лл. 4—6.

№ 269

Из «списка влиятельных лиц между населением Текинского оазиса» с краткой их характеристикой[2]

Тыкма-сардар очень умный, с сильной волей, был главным сардаром (или командующим войсками) во время войны, сумел заставить принимать участие в сражениях с нами и кочевников — чарву из далёких песков, имеющих много скота, потому и невоинственных. Близко знает положение дел всего оазиса. Политикан. В народе почитается как храбрейший. Легенды и были о его подвигах воинственных всеми рассказываются с гордостью, как например: движение его несколько лет назад с 30 всадниками в глубь Персии, где в течение 2-х месяцев прошел аламаном до Мешхеда. Одно присутствие его имени в Персии производило по всему его пути панику, и он собрал подать с мешхедского базара; прожив в Мешхеде 20 дней, и только на обратном пути был окружен со всех сторон, лишился вьюков аламана, но возвратился непобедимым. Подвиги воспеваются в нескольких народных песнях. Подобными подвигами он приобрел огромное влияние, и вера в него настолько велика в народе, что несмотря на полный погром при штурме Геок-Тепе, он уважения не утерял и, по возвращении из Мерва, был встречен жителями с почётом, которые оказать старались незаметно для нас. Влияние свое, полагаю, сумеет не утерять и в будущем.

Лица мирной партии, пользующиеся в ней уважением, об-

[1] На документе резолюция: «относительно представления их государю императору будет испрошено Высочайшее повеление во вторник». Д. Милютин, 16 мая. Этот прием был назначен в начале 22 мая (ЦГВИА, ф. 400, д. 40, 1881 г., л. 19), а затем на 17 июня 1881 г. (там же, л. 41).

[2] Документ не датирован; дается с некоторым изменением в расположении материала и сокращением за счёт изъятия данных о людях, не игравших особой роли в событиях 1880—1885 гг.

виняли Тыкма-сардара в их несчастии и не верили его возвращению; с прибытием же его заметно почувствовали себя как бы сконфуженными. Тыкма-сардар при благоприятных обстоятельствах может быть нам очень полезным и верным; наоборот, при неблагоприятных — таким же вредным. Полагаю, было бы полезно показать ему Великую Россию. Живет в Беурме, старшина.

Куль Батыр-сардар. Не очень умен, слывет за храброго, неустрашимого аламанщика, приобретшего большое состояние этим путем. Отказаться от своей профессии ему, как видно, нелегко, недвижимой собственности не имеет и никогда земледельческим трудом не занимался, имеет большую партию почитателей, желающих его ставить в уровень и с Тыкма-сардаром, указывая, что состояние у него даже больше, чем у первого. Во время войны был помощником Тыкма-сардара, легко могущий от праздности возобновить свою профессию. Полагал бы и ему полезным показать Россию. Живет в Киляджаре.

Овез Кули-сардар. Плут, к измене легко способен, доверять ему никогда ни в чем не следует. Большой почитатель Тыкма-сардара, с которым друзья, занимался аламаном, преимущественно в хивинских пределах, во время войны пользовался хорошей репутацией нападениями на прилепорты и укр. Ходжам-Кала, но особенным уважением не пользовался и имеет много врагов. Живет в Безмеине, старшина.

Софи-хан. Умный, ненадежный в верности, но без всякого влияния и уважения в народе, не выбран даже обществом своего селения старшиной, наоборот, боялись, чтобы не был таковым назначен, указывая на присущую его несправедливость к бедным. Приятель Тыкма-сардара, был во время войны его сподвижником, принуждал всех силой браться за оружие. Руководил пехотой. Живет в Кизыл-Арвате.

Паша-сардар. Очень разумный, легкопонимающий обстоятельства. В преданность его можно верить, способен быть нам всегда полезен, оказал много услуг, без всякого на то уполномочия распространением в Мерве доверия к нам и тем привлек к возвращению многих бежавших туда. В прежние годы имел громкую славу сардара, производившего аламан на людей из персидских селений. Несколько лет назад ему дерегезские жители предложили большой надел земли, чтобы он прекратил аламаны на них. Выселившись туда, он совсем прекратил профессию. После войны переселился вновь в Ахал на

своё прежнее местожительство в Асхабаде. Прекрасно знающий пути по Персии и далее. Пользуется уважением, как обладающий хорошей и разумной речью. Его следует держать ближе к нашим властям...

Худайберды-хан. Человек мирный, честный, правдивый, богат скотом и верблюдами, имеет большое влияние на чарву. Может доставить всегда много верблюдов. Живет в Кизыл-Арвате, старшина.

Шейх Мурад. Самый близкий человек Махтумкули-хану. Очень умный, богатый, воспитанный, самолюбивый и может быть нам всегда полезным. Поручения ему можно доверять, исполнит точно и благонадежно. Живет в Изгенте.

Мурад-хан. Плут, лгун, с коммерческими наклонностями, занимался прежде торговлей с Хивой и Персией, состоянием приобретший влияние, был даже племенным ханом. Никогда не следует ему ничего доверять и поручать, способен обмануть во всем и обвинить других, влияния теперь не имеет. Много им недовольных, в преданности будет всегда сомнительным. Живет в Кипчаке, старшина.

Аман Атала. В племени сычмаз человек мирный, разумный, преданный, первым дал пример к принесению покорности, особенного же влияния в племени не имеет, так как в этом племени состоит Тыкма-сардар. Живет в Геок-Тепе, старшина...

Ещё не возвратившиеся из Мерва в оазис

Махтумкули-хан. Самый богатый землевладелец, сын покойного и очень уважаемого народом Нурберды-хана, а потому имеет очень большое влияние и уважение в Ахале и Мерве. По слухам, очень хороший молодой человек. Ему также необходимо было бы, если вернется, показать Россию.

Курбан-иман[1]. Духовный и вместе с тем воинственный, отличавшийся своею храбростью. Он приобрел громадное влияние в народе. Все духовные дела разбирались им, он имеет влияние и на светские дела. По слухам, не намерен возвращаться из Мерва. Если бы вернулся, необходимо послать в Россию.

Зав. населением Ахал-Текинского оазиса майор Сполатбог

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 19—23. Копия.

[1] Видимо, речь идет о Курбан Мурад-ишане.

№ 270

Копия письма канонира Кидяева заведующему населением Ахал-Текинского оазиса о положении в Мерве и антирусских происках иностранной агентуры в Мервском оазисе

26 мая 1881 г.[1]

Вашему благородию нижайшее почтение, желаю от бога доброго здоровья, я пленник канонир Кидяев[2]. Туркмены почитают меня за большого человека. Ко мне приходят и старые и малые и спрашивают: «как бы нам мириться с русскими». Прикажите, что мне делать? В Мерве находится 30 оружий, снарядов же нет, и припасов тоже нет. В Мерве находится английский посланник*, который говорит туркменам: «миритесь со мною, дам злата и серебра, а если будете драться**, дам орудий». Я говорю туркменам, «что Вам напрасно проливать кровь, миритесь с русскими». Туркмены поверили мне и отняли с ног моих пуд железа и хотели привести к Вашему высокоблагородию. Английский посланник, услыхав об этом, сказал туркменам: «не верьте этому пленнику и продайте его мне, я его отправлю в Герат, Кандагар или Кабул, где находится английский отряд». Туркмены ответили ему: «рады стараться». Персидский посланник говорит: «продайте мне пленника и не верьте ему», а бухарский эмир говорит туркменам: «не отпускайте пленника из Мерва, Вас как свои персты». Ваше высокоблагородие, как пословица говорится: «закон без дела мертв и дело без закона мертво», я присягу принимал служить государю верно и нелицемерно, почитать офицеров за родителей. Будьте отцы родные, я в Мерве в плену завсегда в недостатке, не оставьте погибать и пишите в Мерв, не нужно ли чего из Мерва, если нужно коней или ковров хороших, есть туркменцы рады стараться служить белому царю, имена их Аманд Гельды-хан, Аман Мурад-бай, Хаит Сары-бек, Нур Эсен-Хозо. Когда туркменцы воры выходят в ахал — кому мне давать знать? Ваше высокоблагородие пишите это мне[3].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 62—63.
Заверенная копия.

[1] Дата получения.
[2] В препроводительной этого письма начальнику Главного штаба начальник Кавказского военного округа от 10 июля 1881 г. отмечал, что «Кидяев в Мерве вовсе не находится в дурном положении и не особенно хлопочет о возвращении своем из плена», и добавлял, что генерал-лейтенант Рерберг «нашел через него начать также некоторые сношения с мервцами» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 61).
* Корреспондент газеты «Daily News» О'Донован.
** Надо полагать, с русскими.
[3] Документ без подписи.

№ 271

Отношение кучанского хана Шуджа Уд-Довле начальнику Закаспийской области с отказом возвратить часть пленных текинцев

4 июня 1881 г.

Письмо Ваше, присланное с Вафадар-ханом, Кульмурад-казием и Аманкули-ханом, относительно ахал-текинских пленных получил, и да будет известно, что все мужчины и женщины с детьми, как при взятии Геок-Тепе, было в пограничные селения этого вилаята, по распоряжению персидского правительства и ввиду дружбы обоих государств собраны были и отправлены с Тюфенк-Дарбаши хорасанского вали Абдулкасем-ханом и сданы командующему войсками генералу Скобелеву, также ахальцы и другие, кои взяты до покорения Геок-Тепе, составляют приобретение племенное, и речи об них не должно быть.

Все это оставляя в стороне, по подобным вопросам Ваше превосходительство потрудитесь заявить государству Ирана, дабы разъяснены были права и обязанности мои и мог бы исполнять разрешения своего правительства[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 263, л. 4, об, перевод.

№ 272

Телеграмма начальника штаба Кавказского военного округа начальнику Главного штаба о происках каджарских властей в отношении Мерва

8 июня 1881 г.

Генерал-лейтенант Рерберг телеграфирует из Асхабада от 4 июня о дошедшем до него слухе, будто персидские войска выступают из Мешхеда на Чаушли с целью занятия Мерва. Посланник Зиновьев извещен об этом генералом Рербергом.

Павлов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 43.

[1] Документ без подписи.

[2] Интересно в этой связи отметить попытки каджарскнх властей не дать русским властям занять Нухур. Донося об этом начальнику Главного штаба, начальник штаба Кавказского военного округа 16 июня 1881 г. отмечал, «что права Персии на Нухур весьма шатки», и ходатайствовал о «недопущении её вмешательства в дела нухурцев и отклонять решительно всякие по этому делу заявления ильхания» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 47—48).

№ 273

Распоряжение Азиатской части Главного штаба Закаспийскому военному отделу о возвращении Ахал-Текинской депутации на Родину и награждении ее членов

18 июня 1881 г.

Возвращающаяся в сопровождении ротмистра Байтокова текинская депутация имела счастье представляться государю императору и удостоилась получить следующие высочайшие награды: глава депутации Тыкма-сардар — чин майора милиции и почётную шашку, Магомед Гельдиев, мервец Магомед Берды-хан и Овез Кули-сардар — каждый большую золотую медаль для ношения на шее на Анненской ленте; Магомед Риза-оглы и Куль Батыр — большую серебряную медаль на Станиславской ленте. Кроме того, каждый из них получил золотые часы и почётный бархатный халат.

По высочайшему повелению депутации разрешено возвратиться в свои места, в Ахал-Текинский оазис.

На управление Закаспийским военным отделом возлагается забота по отправлению депутации из Красноводска в места их жительства.

За помощника начальника Главного штаба генерал-лейтенант Скворцов.

ЦГВИА, ф. 400, д. 40, л. 49.

№ 274

Ходатайство атабаевского старшины Кошлы-Казия[1] красноводскому воинскому начальнику разрешить атабаевцам перекочевать в пределы отдела[2]

Дошло до нас сведение, что Вы назначены начальником округа. Мы все, без исключения, обрадовались душевно. Кроме того, Вы привезли с собой Муса-хана; за это объявляем Вам свою почтенную благодарность.

Если последует с Вашей стороны разрешение, то мы желали бы перекочевать на прежние свои пастбищные места с тем, что мы готовы от души исполнять все приказания государя императора, если со стороны русского начальства не последует против нашего общества обид.

[1] Документ адресован полковнику Попову.

[2] Документ не датирован, интересно в этой связи отметить, что ходатайство это имело после ахал-текинской экспедиции, до которой атабаевцы поддерживали текинцев.

Докладываю, что все дела и требования, касающиеся нашего общества, поручаем Муса-хану. Мы ожидаем с нетерпением разрешения с Вашей стороны относительно перекочевки из-за Атрека в пределы приставства.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 135, лл. 31—32.

№ 275

Отношение 8 джафарбаевских старшин чекишлярскому приставу о своей службе русским и просьба об оставлении в их пользовании пастбищ

17 джамади-сани 1298[1]

Как мы, так и старшины нашего общества служили честно при полковнике Маркозове, генералах Ломакине, Лазареве, Тергукасове, Муравьеве и последнее время служили генерал-адъютанту Скобелеву, которому оказали всевозможное содействие и особенно при взятии крепости Геок-Тепе.

На основании вышеуказанных заслуг имеем честь высокопокорнейше просить Ваше высокоблагородие, если возможно, оставить в нашем пользовании и дать полную свободу пасти свой скот на землях в следующих границах: начиная от речки Атрек до границы Хивы, Кара-Богаз, Шах-Кадам, Бами, Кизыл-Арват, персидской территории и весь берег Каспийского моря.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 135, л. 19.

№ 276

Распоряжение заведующего ахал-текинским населением об обложении иомудов податью, отводе им пастбищ и организации вооруженного отряда для охраны от нападений

30 июня 1881 г.

Вследствие надписи от 23 сего июня за № 2842, уведомляю Штаб войск Закаспийской области, что я полагал бы всех джафарбаевцев обложить податью по 6 руб. в год, из коих 2 руб. обращать в земский сбор, за исключением тех только жителей, которые действительно неимущи и список которым старшинам должен быть представлен за их строгой ответственностью. За сим район их кочевок и пастьбы

[1] Датировка по лунному летосчислению хиджры.

скота на нашей территории должны быть в следующих границах: с западной стороны от Атрека до песков Кизыл-Кума, северней г. Буя-Даг до Казанджика, затем по склону Кюрен-Дага на кол. Ушак до Терс-Акана и южной по реке Сумбар до устья Атрека. Ввиду нападения персидских иомудов на вышеозначенных жителей, следует представить им избрать по 100 человек вооруженных людей, списки которым старшины обязаны представить. Причем выбранные должны быть благонадежны, и за действия их ответственны старшины.

Навроцкий

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 135, л. 21.

№ 277

Телеграмма начальника Главного штаба начальнику Закаспийской области о ходатайстве англичан помочь в освобождении из плена их агента в Мерве

7 июля 1881 г.

Наш посол в Константинополе передал ходатайство редактора «Дейли-Ню[cl]»[1] принять участие к кор[респон]денту газеты О'Донавана[2], заплененного в Мерве, [те]леграфируйте, что Вам известно по этому делу, и полагаете ли возможным [посредством] дружественных [отно]шений выручить[ь] ан[гличанина] из плена.

Генерал-адъютант Обручев

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 1.

№ 278

Телеграмма начальника Закаспийской области начальнику Главного штаба о взаимоотношениях с туркменами[3]

13 июля 1881 г.

Со времени вступления моего в должность с 27 апреля не получал от жителей подобных жалоб на войска, кроме единичных случаев отвода воды в Асхабаде. Заведывавший

[1] Документ сильно поврежден.

[2] О провокационной деятельности этого английского агента см. ниже

[3] Документ является ответом на телеграфный запрос Главного штаба от 8 июля 1881 г. о том, будто в аулах Ахала «Нижние чины берут произвольно у жителей скот и разную живость»; что «проходящие команды, не стесняясь топчут засеянные поля», выпасают на них коней, разрушают ирригационную систему, а администрация не удовлетворяет жалобы населения, и всё это может привести к волнениям текинцев» (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 47, л. 4).

населением майор Столатбог не доносил о притеснении жителей войсками. Принявший Ахал-Текинский округ с половины июня полковник Навроцкий не получал таких жалоб. 15 июня беседовал сам с старшинами, собранными в Асхабаде, тоже жалоб не приносили. Барон Аминов, прибывший в Асхабад 9 июля, доложил, что все войска в оазисе по пути в порядке жалоб от жителей нигде не было. Получал единичные жалобы асхабадцев на отводы воды, иногда сам замечал неэкономическое распоряжение водой, каждый раз правильность распределения воды восстанавливалась, сознавая важность орошения для жительского хозяйства; уже целый месяц таких жалоб не поступало. Анауцы были лишены воды кельтечинарцами, пустил воду силой, послав команду казаков.

Общий порядок в отношении прав собственности не нарушался, и никаких поводов к волнению между жителями войска не подают.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 43, л. 5.

№ 279

Телеграмма начальника Закаспийской области начальнику Главного штаба об английском агенте в Мерве, желании текинцев Мерва переселиться на Атек и налоговом гнете каджарских властей над атекскими туркменами[1]

24 июля 1881 г.

Прибывшие из Мерва четыре аксакала племени векил заявили, что О'Донаван находится на свободе и не выезжает из Мерва по своей воле; они же заявили, что мирная партия в Мерве до десяти тысяч кибиток желает выселиться на Атек[2], где они жили около тридцати лет тому назад, бы находиться под нашим близким покровительством с условием, чтобы персы их не грабили и не взымали бы податей; в настоящее время ильхани берут подати с атекских туркмен, пользуясь их малочисленностью.

Рерберг.

ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, оп. 260/910, д. 47, л. 1[3].

[1] Шифром даны подчеркнутые места.

[2] В другой телеграмме начальнику Главного штаба, опубликованной, впрочем, без даты в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.» (стр. 196), тот же Рерберг отмечал, что «переселение племени векил из Мерва на Атек считаю полезным: чем ближе они к нам, тем больше будет зависимость их от нас. По сведениям, сообщенным мервцами, желающими переселиться, свободной земли на Атеке достаточно» (ЦГВИА, ф 400, д. 47, 1881 г., л. 8).

[3] Дубликат документа в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6975, л. 68.

№ 280

Отношение штаба Кавказского военного округа начальнику Закаспийской области об обложении туркмен податьми[1]

31 июля 1881 г.

Его сиятельство, командующий Армией, изволил разрешить[2] обложить податью с 1-го сего июля туркмен, живущих на островах Челекене и Огурчинском, в размере шести руб. с каждой кибитки и установить такую же подать с кочующих туркмен Атрекской линии, а с туркмен, кочующих от Карабугаза до Красноводска и в окрестностях последнего, — по два рубля с кибитки и отчислять из означенной подати в земский сбор по пятидесяти копеек, одинаково от каждой кибитки всех поименованных выше туркмен.

Об изложенном имею честь сообщить Вашему превосходительству на зависящее распоряжение.

Начальник штаба генерал-лейтенант[3]

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 71, л. 5.

№ 281

Рапорт заведующего ахал-текинским населением о возвращении текинцев в Ахал и мерах обеспечения их развития

не ранее июля 1881 г.[4]

По 1 мая в Ахал-Текинском оазисе было возвратившихся из Мерва и поселившихся на прежних своих местах всего 8496 кибиток и преимущественно несостоятельного народонаселения. По изъявлению покорности Тыкма-сардаром в мае возвратились все бывшие его приверженцы, составлявшие кавалерию, исключительно оседлого населения, число их

[1] Документ является ответом на ходатайство Рерберга об обложении туркмен податьми (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 135, л. 21).

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 2430, л. 1.

[3] Видимо, Павлов, на документе разобрать подпись трудно. Дальнейший ход вопроса об обложении туркмен податьми см. распоряжение об этом Главного штаба от 21 августа 1881 г. (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 73—74), а также рапорт начальника Закаспийской области командующего Кавказской армией о распоряжении последнего о введении налогов (там же, л. 72).

[4] Документ не имеет адресата и не датирован.

достигло четырех тысяч кибиток со всеми своими предводителями или сардарами. С прибытием их в оазис появилось большое количество лошадей, ценность которых сразу пала слишком на половину.

Кочевое же население с верблюдами и баранами долго выжидало выяснения прав владения водой и только в конце июня, когда этот вопрос был окончательно разъяснен, прибыли в кочевья Ахала в количестве до 13 тысяч, но цифра эта не есть точная, так как таковая определена может быть только к зиме, когда кочевники придвинутся ближе к долине из глубоких песков.

Оседлое же население, живущее в селениях, точно было мною определено в апреле, как доносил я рапортом за № 185 командующему войсками Закаспийского края, было в 7 000 кибиток, в настоящее время их было к 1 июля перед моим отъездом из оазиса 10 450 кибиток. Всего же в оазисе с кочевниками от Кизыл-Арвата до Гяурса поселившихся от 25 до 30 тысяч кибиток. Не возвратился пока Махтумкули-хан (сын Нурберды-хана), с ним остается в Мерве еще до четырех тысяч кибиток[1]. Текинцы объясняют, что если он возвратится, то это будет знак согласия мервских текинцев на дружественные к нам отношения и аламанов на Ахал-Текинскую долину делать не будут. Махтумкули-хан должен будет возвратиться во всяком случае уже потому, что все его состояние в наших руках[2]. Судя по его ко мне письмам и по тем сведениям, какие я имел о нем, он крайне желает возвратиться, но не торопится в ожидании выяснения предстоящей жизни покорившихся. Также высказывает свои мечтания, не будет ли ему возвращено право управления ахал-текинским народом. Во всяком случае, нам необходимо иметь Махтумкули-хана в оазисе.

[1] В донесении начальника штаба Кавказского военного округа начальнику Главного штаба от 3 августа 1881 г. отмечалось, «что Махтумкули-хан обратился к нашему агенту в Мешхеде с выражением намерения верно служить русским. Имея такое сведение, генерал-лейтенант Рерберг послал в Мерв Тыкма-сардара, поручив ему убедить Махтумкули-хана и оставшихся там ещё ахальцев возвратиться обратно, а также узнать о настроении и предположении мервцев и уговорить их возвратить кононира Кидяева и дать свободу О'Донавану». И далее свидетельство, что Махтумкули-хан ещё в июле дважды с таким же заявлением обращался к Рербергу, но последний не счел нужным сообщать об этом, «покуда Махтум с возвращением в наши пределы не докажет искренность своих заявлений» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 80).

[2] В письме к «любезным друзьям» — Кульмурад-казию, Кошлы-беку и Паша-сардару, объясняя причины того, почему он не возвращается в Ахал, Махтумкули-хан писал: «Судьба нас привела сюда, имея здесь нужное дело, не могу вернуться назад, по окончанию дела своего вернусь назад; слова эти верные»... Но, продолжал он, для возвращения в Ахал «необходимо мне достаточное число верблюдов, лошадей, оружия и средств на путевые издержки». (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6235, л. 28).

В прежние годы, несмотря на вражеские отношения текинцев с персами, торговые их отношения между собою постоянно существовали, и текинцы беспрепятственно отправлялись в пределы Персии для приобретения разных вещей, а иногда и хлеба. В настоящее время персы обложили пошлиной в размере 4-х кранов за каждый вывозимый текинцами вьюк на верблюде, между тем как сами совершенно свободно торгуют в долине и, конечно, берут с текинцев цену гораздо высшую[1], чем он мог бы приобрести на месте и вывезти на своем верблюде. По возвращении из Мерва для посевов текинцам понадобилось много зернового хлеба, который они закупали в Персии. Несколько раз они обращались с просьбами о воспрещении персам брать с них пошлину, так как таковой они прежде с них не брали, но по обращении моем с этим ильханием они мне в этом отказали. Необходимо помочь через посланника.

В последнее время текинцев начали обижать хивинские киргизы и гёклены, увели из песков с оружием в руках слишком 700 верблюдов.

Необходимо разрешить жителям иметь на ответственности старшин по несколько ружей в ауле. Жители заверяют, что доверием не злоупотребят и в состоянии будут защищать свои стада от нападений.

Крайне необходимо, чтобы все предметы, необходимые для войск, как-то: сено, ячмень, дрова и бараны — покупались бы без посредства подрядчиков армян и персиян, а прямо от текинцев[2].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 24—26.

№ 282

Аннотация письма Махтумкули-хана заведующему Ахал-Текинским населением об обстановке в Мерве и своей верности русским властям[3]

Его высокоблагородию майору. После поклона извещаю, что письмо Ваше через почётных я получил, коим Вы советуете мне приехать к Вам, в настоящее время имея здесь

[1] Небезынтересно отметить, что для развития торговли у текинцев русские власти считали необходимым оградить их от грабежа более ловких в коммерции иранских купцов. Одним из средств этого заведующий ахал-текинским населением видел в содержании на ашхабадском базаре дополнительного базарного, владеющего туркменским языком, как отмечалось в его рапорте от 8 сентября 1881 г., «собственно для ограждения текинцев от постоянной эксплуатации персиянами» (ЦГА ТССР. ф. 97. оп. 1. д. 210. л. 5).

[2] Документ без подписи.

[3] Документ не датирован.

важное дело, не мог приехать, но по окончании дела в скором времени приеду. Бытность моя здесь принесет Вам пользу[1]. Уведомляю, что Баба-хан рассчитывает на дружбу Англии, но я даю наставление жителям и говорю, что сильнее русского государства нет и русские ближе к нам, а Англия далека. Большинство народа желает дружбу России, а маленькая часть их желает дружбу Англии. Для поездки мне необходимо перевозочные средства и путевые издержки, потому прошу Вас отобрать у нухурцев мое имущество и прислать мне. С Гельды-сардаром послал Вам хорошую лошадь, остальное он передаст Вам устно[2].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 29.

№ 283

Инструкция Министерства иностранных дел о политике России в отношении Атека и Мерва[3]

Генерал-лейтенант Рерберг сообщил военному министру, что мирная партия в Мерве (до 10 тыс. кибиток) желает переселиться в Атек, чтобы пользоваться нашим покровительством. В то же время агент наш в Мешхеде уведомил, что число приверженцев России в Мерве увеличивается, и обращение наших властей к населению Мерва могло бы иметь самые благоприятные последствия.

Такое положение вещей заставляет Министерство иностранных дел выяснить тот путь, которого нам следует держаться в будущих сношениях с населением Атека и Мерва.

Высочайшей волей был указан предел нашему распространению в Ахал-Теке, и дальнейшее занятие территории за Гяурсом было приостановлено. Отказ наш идти в глубь Туркменской степи ясно указывал, что правительство наше

[1] В своем письме от 20 мая 1881 г. заведующему ахал-текинским населением, имея в виду развитие связей русских с Мервом, Махтумкули-хан отмечал: «я не мало тружусь по этим делам и мои труды принесут Вам пользу» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 27). Касаясь того же, в письме к «любезным друзьям» Кульмурад-казию, Паша-сардару и Кошлы-беку он писал: «бытность моя в этом краю принесет пользу майору и я понапрасну не таскаюсь и готов к услугам майора» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 28). Впрочем, во всех этих заявлениях русские власти видели стремление Махтумкули-хана оттянуть свое возвращение в Ахал до выяснения обстановки. Вдова Нурберды-хана Гульджамал же относила невозвращение Махтумкули-хана в Ахал к его нерешительности и слабохарактерности.

[2] К документу приложена именная печать автора.

[3] Документ не датирован; замечания начальника Главного штаба на эту «инструкцию» см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 86—88.

считает дальнейшие приобретения не соответствующими нашим интересам.

Но, отказываясь от обладания Атеком и Мервом, мы должны сохранить естественно принадлежащее нам влияние на племена, расположенные по соседству с нашими новыми приобретениями и сохраняющие с подвластным нам населением связь племенную и экономическую.

Наши интересы настоятельно требуют сохранения спокойствия в Мерве и поддержаний там партий мира. Партия войны, поддерживаемая внешними интригами, рассчитывает получить для борьбы с нами усовершенствованное оружие. Это представляет для нас весьма серьезную опасность, а потому вся цель наших будущих сношений к Мерву должна состоять в недопущении провоза туда скорострельного оружия и в предупреждении происков тайных агентов Англии.

Для достижения этой цели нам необходимо прежде всего озаботиться об утверждении нашего преобладающего влияния в Атеке и устранить произвольные притязания на этот округ со стороны Персии[1]. Мы не желаем отнимать у Персии бесспорно принадлежащие ей местности, как Люфабад и Шильган, но мы не можем также противиться требованию персидских властей от туркмен за наем земель, принадлежащих персиянам, или за право пользования водой, находящейся в персидских владениях. Но вместе с тем нам не следует допускать произвольных притязаний Персии, основанных на бывшем и давно утраченном ее владении, о каковом уничтоженном праве не может быть и речи. Между тем, пользуясь нанесенным нами текинцам погромом и малочисленностью атекских туркмен, персияне намерены считать их своими подданными и требуют от них уплаты податей. Мы обратили уже на это обстоятельство, нарушающее нами интересы, внимание посланника нашего в Тегеране, и можно надеяться, что персидское правительство согласится представить нам исключительное влияние на Атек. В сем случае генерал-лейтенанту Рербергу будет предстоять забота об утверждении этого влияния путем сношений с старшинами текинских родов и покровительством им в нужных случаях. Такого влияния следует добиваться, не

[1] Донося о начавшемся движении векильцев на Атек, российский посланник в Иране в секретной телеграмме от 21 августа 1881 г. отмечал, что в целях предупреждения усложнений он «поспешил объясниться с шахом. В дружественных отношениях, но весьма твердо я заявил ему о нашем желании, чтобы Персия отказалась от всякого вмешательства в дела текинцев в Мерве и по Теджену и воздержалась распространять свое влияние за пределы действительных владений. Полагаю, что заявление это не останется без действия (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 100).

занимая каких-либо пунктов в Атеке нашими отрядами и не приводя текинцев в русское подданство, что совершенно изменило бы характер того порядка, который мы желаем сохранить в Атеке, оставляя текинцев управляться по их родовым обычаям. Для наблюдения на месте за положением дел в Атеке Министерство иностранных дел полагало бы командировать агентов в Келат, Дерегёз и Кучан, к которым туркмены могли бы обращаться с жалобами и находить у них покровительство и защиту.

При этих условиях Министерство надеется на сохранение спокойствия в Атеке и на устранение вредных для нас происков.

Что же касается Мерва, то кроме зоркого наблюдения за тем, что там происходит со стороны упомянутых выше агентов наших, мы должны ограничиться уверением их в том, что не имеем против этого края никаких замыслов и желаем сохранить с населением его самые дружественные сношения. Взамен этого требуем, чтобы они решительно отказались от секретных сношений с Англией и от военных приготовлений, которые обнаружили бы их враждебные по отношению к нам замыслы. Такой цели нашему правительству не дается достигнуть мирным путем, но в случае, если надежда эта не оправдается, ответственность всецело падет на мервцев.

Вот те основания, которые необходимо иметь в виду генерал-лейтенанту Рербергу в будущих сношениях с Атеком и Мервом. Министерство не сомневается, что ему удастся утвердить прочное влияние наше в этих странах, столь необходимое для сохранения спокойствия в новых приобретениях наших в Закаспийском крае[1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 82—85.

[1] Документ без подписи.

IV ГЛАВА

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В ТУРКМЕНИИ. УСИЛЕНИЕ РУССКОГО ВЛИЯНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУРКМЕНИИ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЕРВА К РОССИИ. (1881—1884 гг.)

№ 284

Отношение наместника Хорасана к мервским старшинам с требованием принятия ими каджарского подданства

Июль 1881 г.[1]

Высокостепенным, храбрым Баба-хану и всем аксакалам Мерва племени тохтамыш.

Когда в великом дворе по воле его величества было поручено мне правление Хорасаном, то должно было, что несколько аксакалов со стороны наших высокостепенств и народа прибыли в Мешхед с изъявлением покорности и услуг, почему телеграммой я приказал, чтобы дождались моего приезда. Ныне я прибыл, и аксакалы, представляясь мне, доложили о покорности вашей и мервского народа.

Имея в виду, что цель начальников нашего правительства всегда стремилась склонению Вас к подданству и услугам Персии, то я нашел нужным обнадеживать Вас и успокаивать мервский народ, почему, оставив здесь четырех из аксакалов, остальных отправил вместе с высокостепенными [старейшинами] и настоящим приказом в опору Вашим высокостепенствам извещаю Вас, что время Ваше весьма стесненное и следует пользоваться стремлением нашим к Вашему спокойствию; дальновидность улучшения и устройства положения племен и народа Мерва должны не упускать.

Если настоящее послание аксакалов и изъявление услуг с Вашей стороны похоже на прежние слова, то для Вас никакой пользы и плода не принесет, и, упуская время и случай, будете каяться тогда, когда раскаяние для Вас будет бесполезно: жизнь Ваша с семействами, имуществом и племенем подвергается истреблению, если же Ваше заявление искреннее, то по прибытии выше помянутого высокостепенства и аксакалов должны несколько почетных аксакалов, доверенных лиц со стороны Вашей и всего народа, прибыть в скорости, и какое условие со стороны правительства мы дадим, и доверенные лица заключат со стороны Вашей и народа, будут без всякого нарушательства,— покровительство для Вас, покорность с Вашей стороны будут обеспечены, и Вы, подобно прочим подданным правительства, будете жить. Должны в скорости с вышеупомянутым высокостепенством прислать условие Вашей покорности.

Печать: «Мушир уд-Довле сепахсалар азам».

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 32[2].

---

[1] Документ датирован месяцем рамазан 1298 г. хиджры.

[2] Дубликат документа см. ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, лл. 2—3.

№ 285

Телеграмма начальника Главного штаба начальнику Закаспийской области о назначении на службу в Закаспийской области административно сосланных[1]

14 августа 1881 г.

По высочайшему указанию нижние чины, административно сосланные, будут назначены на службу в самые отдаленные места Туркестана[2] и Закаспийского края. Телеграфируйте, что признаете больше удобным: формировать ли из них без увеличения расходов особые команды с способными и энергичными офицерами в кадрах или же распределить сосланных в несколько частей, на командиров коих можно было бы вполне положиться, что не допустят сокращения других нижних чинов[3].

Генерал-адъютант Обручев

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 43, л. 14.

№ 286

Отношение Душакского старшины начальнику Закаспийской области о насильственном их подчинении каджарским властям и взыскании налогов

15 августа 1881 г.[4]

После пожеланий Вам всего хорошего, извещаю, что я имею жительство в Душаке на той стороне крепости Алили, выше Калата и, будучи текинцами, семь лет как мы здесь занимаемся хлебопашеством, между нашим Душаком и Серахсом находятся две крепости, именно Мехне и Чаача, все три крепости многие годы подчинялись мне, и я управлял ими, ныне же десятую часть нашего урожая берет себе Бехбуд-хан, наш народ происходит из текинцев, а теперь подчинила нас своей власти Персия, и мы подчиняемся ей по безвыходности

[1] Небезынтересно отметить в этой связи факт ареста в мае 1881 г. переводчика Чекишлярского отделения железной дороги некоего Баграмова за «распространение противоправительственных идей между нижними чинами» (см. ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 43, л. 1).

[2] В тексте расшифровка неверно: «Туркмена».

[3] В ответ Рерберг отмечал, что их нужно распределить по частям на командиров коих можно положиться, что не допустят совращения других нижних чинов (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 4, л. 15).

[4] Дата приблизительная.

нашего положения; если от Вас получим какие-либо приказания, с радостью выполним; при сем посылаем к Вам Джума-батыра, какое приказание последует от Вас. то прошу передать через Джума-батыра[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 2.

№ 287

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области военному начальнику в Дуз-Олуме о разрешении гёкленам переселиться в пределы области

20 августа 1881 г.

Командующий войсками приказал не препятствовать гёкленам поселяться в Дуз-Олуме. Сообщите о числе кибиток гёкленцев, желающих поселиться.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 35, л. 25.

№ 288

Донесение алалинского старшины начальнику Закаспийской области о происках каджарских властей и английской агентуры в Мерве и развитии русской ориентации среди мервцев

21 августа 1881 г.

Сардар (Тыкма-сардар), прибыв к нам, переночевав на другой день, отправился через Теджен в Мерв. Затем, получив приглашение персидского сепахсалара, (мы) отправились к нему, который, не имея с нами никакого дела, сказал нам, что после половины нового месяца пришлет к нам одного человека (начальника). 20—30 человек мервцев доставили в Мешхед англичанина, бывшего в Мерве, но при нем ни одного порядочного человека нет; есть при нем человек по имени Кадмар-Тофис[2], и эти люди приехали без совета общества; этих людей сепахсалар потребовал к себе, которые говорили, что желают принять подданство его, затем 12 человек из этих людей оставил у себя, а остальных, отпустив, поручил им посоветоваться с обществом и с общего согласия вернуться к нему и что он сепахсалар 15-го нового месяца поедет в Серахс и защитит их от русской державы.

Насколько верно не знаю, англичанин, бывший в Кабуле,

[1] К документу приложены две личные печати душакских старшин: Молла Курбана и Аджан-сардара (о них данных не имеется).

[2] Так в тексте; видимо, речь идет о Каджар-хане Топаз.

вернулся назад к себе. Я из Мешхеда вернулся в среду в Каахка, в тот же день ваши люди с Ходжакули-ханом, прибыв в Каахка, на другой день отправились в Серахс через Каахка, в тот же день ваши люди с Ходжакули-ханом, посоветовавшись с племенем (векиль), склонил его к подданству России, о чем он написал и мне и просил меня поговорить с командующим войсками, чтобы он прислал 3-4 хороших русских начальников с десятью почетными текинцами в Мерв или в Теджен для переговоров, и уверению нас, и тогда я успею склонить и мервцев к принятию подданства России. В настоящее время Тыкма-сардар успел склонить к согласию старожилов, за сим он старается установить то же согласие между людьми среднего возраста, я написал Тыкма-сардару, чтобы он сообщил все сведения для представления Вам.

Печать: «Надир сын Халназара»

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, лл. 5—8.

№ 289

Ответное письмо начальника штаба Закаспийской области Сеид Назару-Юзбаши о свободе алилинцев от уплаты налогов

22 августа 1881 г.

Письмо Ваше главный начальник здешнего края получил в добрый час и поручил мне благодарить Вас за выражение дружбы и преданность. Великий начальник приказал Вам сказать: Вы никому не обязаны платить дани и службы от Вас не требует, как обязательство жить мирно с Вашими соседями, вместо аламанства заниматься мирным делом и охранять дороги и проезжающих наших ахал-текинских подданных от грабежа и нападения дурных людей. Мой начальник остался очень недоволен, услыхав, что на Вашей земле беспорядки и что мирным жителям жить там не безопасно.

То же самое требуем и от мервских жителей, с которыми мы также рады жить в дружбе и связать мирные и торговые отношения. И мервцы, если только хотят жить мирно под покровительством нашей дружбы, будут считаться народом свободным, и их никто обижать не будет. Пора наконец всем туркменам как мервцам, так и другим родам, понять, что время аламанства кончено и что только тот будет счастлив и будет находиться в безопасности, кто захочет добывать себе средства к жизни мирным трудом, а не мечом.

Реки туркменской крови, пролитые под Геок-Тепе, ясно доказывали, что аламанство уже невозможно и что лучше

быть с русскими в дружбе, чем во вражде, а всякий, кто нарушает общественный порядок, считается нашим врагом.

В Вашем письме сказано, что сепахсалар обещался защищать Вас от русской державы. Я не верю, чтобы сепахсалар так сказал, ибо он в дружбе с нашим начальником и очень хорошо знает, что мы, русские, обижать туркмен не намерены и что они потому в защите против нас не нуждаются.

Дай бог Вам всего лучшего, может быть, если время позволит, приеду осенью к Вам в гости... За оказанное содействие нашему майору Тыкма-сардару генерал велел благодарить Вас. Что же касается до сыновей Нурберды-хана, то они у нас встретят особый почет, который им по своему рождению подобает.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, лл. 11—12.

№ 290

Отношение русского посланника в Иране начальнику штаба Кавказского военного округа о мерах по воспрепятствованию вмешательства каджарских властей в деле Туркмении

25 августа 1881 г.

Я имел честь получить письмо от 3-го сего месяца за № 2645, коим Ваше превосходительство изволили сообщить мне о намерении мервского племени векиль переселиться вновь в Атек и о согласии, данном на этот предмет командующим войсками Закаспийской области.

Не могу скрыть от Вас, что, ввиду неопределенности будущего положения Атека и притязаний, которые в настоящее время простирает на местность эту персидское правительство, появление в оной названного племени может вызвать затруднения. При всем том я не примину принять все зависящие от меня меры к обеспечению туркмен этих от взимания податей хорасанскими властями. Между прочим, на этих днях я имел случай лично объясниться с Насреддин-шахом и сделал ему весьма настойчивые внушения относительно неудобств, кои могут возникнуть, если хорасанские власти, не ожидая соглашения, которое должно состояться между обоими правительствами относительно пограничной черты, будут позволять себе вмешиваться в дела населения, которое до сих пор не подчинялось Персии, или же занимать местность, ей не принадлежавшую.

Внушения эти, как я надеюсь, не останутся без влияния на образ действий шахского правительства.

Считая почти излишним обращать внимание Вашего превосходительства на пользу своевременного получения вверенного мне миссию точных данных относительно сношений наших с различными туркменскими племенами, сведения о каковых сношениях нередко доходят до меня стороной, через Мешхед, я позволю себе надеяться, что Вы, милостивый государь, не изволите отказать в своем обязательном содействии к возможно безостановочному доставлению мне означенных данных.

С истинным уважением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугой

И. Зиновьев

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 257, лл. 4—5.

№ 291

Телеграмма Главного штаба начальнику Закаспийской области о пресечении вмешательства каджарских властей в дела текинцев Мерва

25 августа 1881 г.

Посланником нашим в Тегеране твердо заявлено шаху, чтобы Персия отнюдь не вмешивалась в дела текинцев в Мерве и по Теджену и ограничила свое влияние пределами действительных ее владений[1]. Телеграфируйте, началось ли переселение мервцев на Атек.

ЦГВИА, ф. 400, д. 47, 1881 г., л. 9.

№ 292

Докладная начальника Закаспийской области о положении в области и прилегающих к нему районах

21 июня прибыли ко мне из Мерва четыре аксакала рода векилов: Чупан Анна Нияз, Мухаммед Анна, Бабиш, Махтум Мурад и Анна Мухаммед Абдурахман. Из них первые двое, жившие около 30-ти лет тому назад в Ахал-Текинском оазисе, просили моего разрешения вновь поселиться в Ахале в числе 1 тысячи кибиток, а последние испрашивали разрешения, в

[1] В телеграмме Министерства иностранных дел Зиновьеву от 23 августа 1881 г. отмечалось: «Вполне одобряем дружественное и твердое заявление шаху о нашем непримиримом желании не допускать Персию до какого-либо вмешательства в дела текинцев в Мерве и по Теджену и тем более до попыток установить влияние за пределами действительных ее владений» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6235, л. 101).

числе до 10 тысяч кибиток, переселиться из Мерва в Атек на свободные места с условием не платить подати персиянам. При этом аксакалы указывали на следующие места окрестности Артыка.

Приняв ласково мервских аксакалов, я обещал им полное содействие. Свое намерение выселяться в Атек, мервские аксакалы мотивировали желанием находиться под непосредственным нашим покровительством или, как они выразились, желанием быть русским подданным. Как я буду иметь честь далее изложить, туркмены решительно не могут понять значения нашей гяурской границы, ибо у них степное пространство от Иджери — недалеко от Казанджика — до Серахса считается одной землей, под названием Атек, т. е. подножья гор.

Дело в том, что племя векиль более других племен склонно к мирным занятиям и участвовало в защите Геок-Тепе лишь по принуждению. Считая нашу остановку в Асхабаде лишь временной, мервские жители рода векиль, дабы снова не подвергнуться бедствиям войны, пожелали принять наше подданство или по крайней мере находиться, по возможности, ближе к нам. Просьбу мервских аксакалов, о чем я тогда же телеграфировал начальнику штаба Кавказского военного округа, я сообщил и нашему посланнику в Тегеран. Ныне я получил от тайного советника Зиновьева ответ, в котором он просит указать, на каких именно местах не смеют поселиться мервцы племени векиль и в каком числе.

По словам векильских аксакалов, только их племя в числе 10 тысяч кибиток нам в Мерве предано, остальные же 30 тысяч относятся к нам враждебно. Поселение 10 тысяч кибиток миролюбивого племени непосредственно у нашей границы я считаю делом для нас в высшей степени выгодным, как потому, что таким образом значительная часть расположенных вне наших пределов туркмен будет находиться под непосредственным нашим влиянием, так и потому, что через векиль, которые войны не желают, мы всегда можем быть во время предупреждены на случай каких-нибудь попыток со стороны Мерва.

Следует ли смотреть на заявление, сделанное мне упомянутыми мервскими аксакалами, как на действительно серьезное намерение с их стороны переселиться в указанную ими местность, и можно ли верить искренности их заявления — покажет будущность.

Быть может, и мервские аксакалы прибыли в Асхабад лишь с целью осмотреться, познакомиться с нашим положением в крае и с положением туземного населения под русским владычеством или просто с намерением заводить с нами разговоры и получать обычные подарки. В этом предложении я не

считаю вопрос о переселении векильцев в Атек делом решенным. Тыкма-сардар, который встретился с ними в дороге, пишет о них, «что у Вас на душе не высказывайте им», но, быть может, и эти слова были диктованы каким-нибудь личным интересом нашего нового майора. Между тем прошло уже более месяца, а о векильцах ничего покуда не слышно.

18 июля прибыли ко мне из Теджена три аксакала с письмом от своего хана Хаджакули-хана, а 2 августа явился сам Хаджакули-хан в сопровождении старшины Овеза-сардара и свиты из 26 человек. Сущность заявлений Хаджакули-хана заключалась в том, что тедженцы отныне считают себя подданными русского царя и что они готовы исполнять все мои приказания. Ввиду сего Хаджакули-хан просит моего заступничества против персидских властей, требующих, чтобы тедженцы им покорились и платили подати, а в случае непослушания угрожающих взыскать эти подати силой оружия. При этом Хаджакули-хан просил у меня денежные средства на вооружение фераджиев для защиты Теджена от персов и аксакалов других туркменских родов. Кроме того, Хаджакули-хан просил моего содействия к освобождению находящихся в Келяте у Бейбут-хана тедженских пленных.

Я объявил Хаджакули-хану, что тедженцы не должны признавать над собою власти персов и платить им подати и, объяснив им их настоящее положение как относительно нас, в сравнении с живущими в наших пределах туркменами, так и в отношении Персии, обещал им свое покровительство. В найме фераджиев я им, конечно, отказал, видя в этом лишь вымогательство денег. О возвращении пленных обещал ходатайствовать.

На сделанные мною по этим вопросам сношения с нашим посланником в Тегеран тайный советник Зиновьев ответил, что он потребовал от персидского правительства, чтобы оно ни под каким видом не тревожило туркмен, поселившихся на Теджене, и не взыскивало с них податей. Что же касается до вопроса о возвращении пленных, то посланник находит такое требование преждевременно. С своей стороны я нахожу, что освобождение находящихся у Бейбут-хана тедженских пленных в значительной степени способствовало бы к укреплению нашего обаяния между туркменами.

Пользуясь возвращением Хаджакули-хана, я разрешил геодезисту капитану Гладышеву под его прикрытием, в чем указал, поехать на Теджен для хронометрических наблюдений. Вместе с ним я командировал одного офицера 74 пехотного Ставропольского полка для производства маршрут-глазомерной съемки пути. Решено было, что офицеры эти поедут сначала на Теджен, а оттуда, если возможно, в Серахс, — хотя от них самих еще не имеется донесений, но по слухам, я узнал, что доехали до Каахка Хаджакули-хан с посредничеством Саид Назара-юзбаши, стал под разными предлогами уговаривать Гладышева отказаться от поездки на Теджен, — вследствие чего наши офицеры под конвоем Хаджакули-хана поехали прямо вдоль Атека к Серахсу, откуда с персидским конвоем отправились в Мешхед.

15 августа прибыл ко мне с письмом, посланным от Аджан-сардара, старшина небольшого числа теке-туркмен, живущих в Атеке в селениях Душак, Мехне и Чаача. В этом письме Аджан-сардар сообщает, что он и его туркмены прежде были свободны, а теперь «по безвыходности своего положения» обязаны подчиниться Бейбут-хану, который берет с них десятую часть урожая. При этом Аджан-сардар просил моего заступничества и обещался слушаться всем моим приказаниям. Я ему ответил тем, что податей персиянам он платить не обязан.

Выше я имею честь упомянуть о старшине туркмен алиэлинского рода Сеид Назар-юзбаши.

Алиэлинцы прежде жили в пределах Хивинского ханства, но из-за притеснения иомудов (байрамшалинского племени) переселились в Атек, где расположились в окрестностях Каахка. Алиэлинцы эти также по необходимости платят в настоящее время подати Бейбут-хану. Сеид Назар-юзбаши два раза посылал ко мне своих сыновей с просьбой избавить их от обязательства платить персиянам подати. Но почти одновременно с посылкой ко мне своих сыновей он сам отправился в Серахс с поклоном к персидским властям, в чем чистосердечно признается в своем письме.

Обвинять его в этом не считаю себя вправе, так как, кроме словесной помощи, я ему другой оказать не могу, между тем как персидские власти во всякое время свободно разъезжают по Атреку и берут с жителей подати.

Сеид Назар в своем последнем письме сообщает также, что из числа 20 или 30 человек мервцев, сопровождавших О'Донавана в Серахс, персидский начальник оставил у себя 12 человек, а 8 послал в Мерв для убеждения мервцев принять подданство Персии. Обстоятельству этому Сеид Назар не придает значения, так как, по его словам, все люди, сопровождающие О'Донавана, были люди мелкие без влияния. Далее Сеид Назар сообщает, что сепахсалар обещает послать в Атек к алиэлинцам особого начальника.

Из вышеизложенного Ваше сиятельство изволите усмотреть, что, несмотря на явное тяготение к нам атекских туркмен, власть персиян в этой степной стране благодаря успехам нашего оружия все более и более упрочивается, несмотря на то, что по установившемуся взгляду о наших пограничных делах, власть Персии не должна распространяться на

Атеке. А между тем распространение персидского влияния в Атеке для нас крайне невыгодно. Туркмены, из которых часто некоторые члены одной и той же семьи живут в нашем оазисе, а другие — в Атеке, на Теджене и Мерве, как я уже выше имел честь доложить, не понимают нашу гяурскую границу и не могут себе объяснить нашу остановку в Асхабаде. Раз, как мы заняли Асхабад, то и все туркмены, случайно живущие в продолжении оазиса по ту сторону Асхабада, считали себя нами покоренными, хотя те из туркмен, которые были у меня в настоящее время, вследствие моих объяснений, и начинают несколько понимать разницу в степени подданства туркмен, кочующих в наших пределах, и их родственников, живущих за Гяурсом, но все же понятие, т. е. искусственное разделение их племени на два, независимые от родового начала, части, туго ими усваивается — это тесное родство между жителями оазиса и населением Атека и Теджена есть главная причина того, что каждый шаг персиян в Атеке должен безусловно вредно влиять на наше обаяние во всей туркменской степи и даже во вновь покоренной нами части оазиса.

Вообще положение Атека самое неопределенное, что часто ставит меня в затруднительное положение относительно удовлетворения просьб, заявляемых мне оттуда, и весьма тяжело для самого населения, которое видит над собой двойную власть. Желательно поэтому, чтобы вопрос об Атеке был положительным образом по возможности скорее решен между нашим и персидским правительством.

Вообще в моих ответах атекским и тедженским жителям я объявлял, что они никому не обязаны платить подати, а что пока русские от них другой службы не требуют, как обязательство жить мирно с соседями вместо прежнего разбоя, заниматься мирным делом и охранять дороги от грабежа и нападения дурных людей, что как они, так и мервцы, если только сами хотят жить мирно под покровительством нашей дружбы, будут считаться народами свободными, и их никто обижать не будет. При этом я обыкновенно напоминаю им об ужасах Геок-Тепинского побоища, вызванного непослушанием текинцев и разбоями их на нашей границе.

Селение вверенной мне области Анау пользуется водой из речки, берущей свое начало на южном склоне хребта А—Сельма, отделяющего наш оазис от верхней части персидской долины. У верховьев этой речки расположено несколько селений, носящих общее название Кельте-Чинар, название, присвоенное и самой речке. В начале этого года небольшое количество персидских персов спустилось ниже по реке, где на местности Маныш самовольно стало обрабатывать поля и выстроило небольшую крепосцу, отводя для первой цели

кельтечинарскую воду. В конце июня жители селения Анау заявили мне, что население Маныша у них отняло всю воду, так что на долю анауцев осталась одна жидкая грязь. Вследствие сего, я немедленно отправил в Кельте-Чинар исполняющего должность начальника Ахал-Текинского округа и с ним 15 человек казаков, который, проверив справедливость заявления анауцев, распорядился пустить воду снова в Анау. Тогда манышские жители явились ко мне с жалобой, уверяя, что генерал Скобелев разрешил нам на этом месте построить крепость. Одновременно с этим я получил письмо от персидского ильхани с просьбой не отнимать воду у манышцев. Так как по разбору дела оказалось, что манышские жители совершенно самовольно поселились на новом месте, а между тем через это анауцам угрожало явное действие, то я отказал Алла Яр-хану в его просьбе, но дабы уже засеянные поля окончательно не погибли, разрешил жителям Маныша на этот год пользоваться 1/3 частью кельтечинарской воды на одни сутки, раз в две недели. Казаки же были мною оставлены в Кельтечинаре, чтобы стеречь анауцкую воду; и из вышеизложенного случая усматривается несколько важно, чтобы при определении нашей будущей границы с Персией начало всех речек, вытекающих из северных склонов гор, были в наших руках.

3 августа 17 человек гёкленцев перешли ночью Атрек в окрестностях Яглы-Олума, ограбили наш аул и угнали у наших кочевников 9 верблюдов. Жители обратились с просьбой о помощи к воинскому начальнику, но последний, имея инструкцию не переходить границу, не мог оказать нашему населению просимого содействия. Таким образом, ввиду бессилия и отдаленности персидских властей от этой малочисленной окраины заатрекские гёклены, зная, что им стоит только перейти обратно Атрек, чтобы быть в безопасности, могут безнаказанно грабить наши аулы, так как предупредить переход мелких шаек на всем протяжении Атрекской степи невозможно. Не разрешая официально нашим разъездам переходить границу, я тем не менее нахожу такой переход на близкое расстояние вполне позволительным, ибо кочевники, которые наших пограничных отношений не понимают, видят только наше бессилие выручить своих.

О выручке отбитых верблюдов и возвращении их жителям я телеграфировал нашему посланнику в Тегеране, который обещал мне в Атеке свое содействие. Переход же наших разъездов на тот берег Атрека тайный советник Зиновьев признает неудобным.

Еще в начале моего здесь прибывания многие из жителей вверенной мне области обратились ко мне с просьбой об

освобождении их родственников, находящихся в плену у ильханиев, преимущественно у кучанского.

На сделанное мною по этому поводу сношение с кучанским ильханием Шуджа уд-Довле ответил мне, что все находящиеся у него пленные туркмены были взяты как до занятия нами Геок-Тепе, составляют поэтому приобретение положенное и не должны быть возвращены.

Принимая во внимание, что находившиеся в плену у текинцев персияне были взяты туркменами также до покорения нами Ахала и ныне все без исключения освобождены, что силою русского оружия в 1873 г. до 40 тысяч пленных персиян были освобождены из Хивинского ханства и возвращены на родину и что вообще во всей Средней Азии рабство нами уничтожено, я полагал бы вполне справедливым возвращение находящихся в настоящее время в плену у персиян текинцев, сделавшихся ныне русскими подданными и имеющих право на наше покровительство.

Собрав точные сведения о всех ахалтекинцах, находящихся в плену у хорасанских ильханиев, с обозначением их имен и у кого находятся, я препроводил этот список тайному советнику Зиновьеву, прося его содействия к их освобождению. Число всех этих пленных, по собранным мною сведениям[1].

Кроме вышеизложенного, не было в продолжении минувших двух месяцев особо выдающихся случаев сношения с пограничными ильханиями.

Еще в конце прошлого месяца разнесся слух, будто новый хорасанский наместник сепахсалар едет в Серахс, где имеет собираться многочисленный персидский отряд и что поэтому вывоз хлеба из Хорасана запрещен персидским правительством.

Некоторые говорили, будто в Серахсе собирается войско для движения в Атек, другие слышали, будто сепахсалар собирает военную силу, дабы положить конец самостоятельности ильханиям, третьи уверяли, будто со стороны Персии предполагается движение на Герат, ввиду настоящего беззащитного положения этого пункта, вследствие выступления Эюб-хана против афганского эмира.

Конечно, я полагаю, что все это не более как простые слухи, весьма обычные в Азии и ежедневно меняющиеся.

Что же касается до запрещения вывоза хлеба из Хорасана, то слух этот опровергается недавно полученным письмом от бурджнурдского ильхания, в котором Яр Мухаммед-хан обещает всякое содействие нашему подданству господину Таирову, которому поручено заготовление в Персии провианта для асхабадского отряда.

[1] Данных в документе нет.

В письме этом Яр Магомет-хан, напротив, выражает свою благодарность за доставление случая сбыта хлеба его подданным. В настоящее время все ильхани вызваны в Мешхед к сепахсалару, который, по полученным сведениям, вскоре собирается объехать границу. О том, что делается в Северном Хорасане со времени прибытия туда нового наместника, я ожидаю ежедневно подробных и точных сведений, о которых не замедлю донести Вашему сиятельству.

На днях я получил телеграмму от тайного советника Зиновьева с известием, что тайные агенты астрабадского губернатора приглашают живущих на правом берегу Атрека номудов объявить себя подданными Персии и послать представителей в Астрабад. С моей стороны по этому поводу принимаются следующие меры.

29 июля красноводский пристав донес мне, что некто Мулла Хаджи Нияз распространяет между жителями гасан-гулийского общества вредные для наших интересов указы персидского правительства, имеющие целью внушить, что их земля принадлежит Персии, и уговаривает этих жителей не принимать нашего подданства.

О принятии мер к прекращению пропаганды и аресту самого агитатора мною уже сделано распоряжение.

Начальник области генерал-лейтенант Рерберг

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. I, д. 66, лл. 20—30.

№ 293

Шифрованная телеграмма начальника Закаспийской области начальнику Главного штаба о незаконных действиях каджарских властей на Атреке

3 сентября 1881 г.

Чекишлярский воинский начальник доносит, что персидские сборщики податей переходят нашу атрекскую границу и требуют подати у наших туркмен[1].

Телеграфировал об этом нашему посланнику в Тегеран и принимаю сам меры к прекращению своеволия персидских властей, приказал, если нужно, арестовать сборщиков.

Рерберг.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 102.

[1] В связи с этими притязаниями каджарских властей заслуживает внимания донесение российского консула в Астрабаде от 2 августа 1881 г. об агитации астрабадским генерал-губернатором «в видах постепенного подчинения туркменских племен и привлечения на сторону Персии тех из них, которые вследствие различных причин были вынуждены перекочевать в Закаспийскую область». Далее следует описание того, как, «сог-

№ 294

Телеграмма российского Посланника в Иране министру иностранных дел о ходатайстве мервских туркмен принять их под покровительство России и обязательстве исполнять распоряжения русских властей

4 сентября 1881 г.

Значительнейшие мервские ханы различных племен прислали агенту нашему в Мешхеде через доверенное лицо прошение, в коем ходатайствуют о принятии мервского населения под покровительство России и обязываются подчиниться нашим распоряжениям. Покорнейше прошу снабдить меня указаниями относительно ответа, который следует дать названному поверенному, ожидающему в Мешхеде[1].

Зиновьев

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 106.

№ 295

Рапорт красноводского пристава начальнику штаба Закаспийской области об использовании царскими властями хивинского хана в установлении дружеских отношений с туркменами-текинцами Мерва

4 сентября 1881 г.

Вернувшийся сего числа из форта Петро-Александровского посылаемый туда нарочным красноводский житель туркмен Ахберды Эль Аман-оглы сообщил, что на обратном пути в Красноводск он встретил хивинский караванбаши племени ушак Аман Дурды и Юзбек Муртуза Хаджи, посланных хивинским ханом в Мерв с целью уговорить мервцев заключить мир с русскими и жить дружно. Если же мервцы на это не согласятся, то посланные ханом тотчас же должны вернуться и передать ему, что мервцы намерены предпринять. О чем доношу для сведения.

За отсутствием пристава подполковник

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 35.

№ 296

Из письма Тыкма-сардара полковнику Мешетичу о прибытии в Асхабад мервской депутации для принятия текинцами российского подданства

5 сентября 1881 г.

Благополучно прибыв в Ахал, по желанию генерала Рерберга и полковника барона Аминова я отправился в Мерв, где, прожив месяца полтора, я уговорил мервских текинцев принять подданство белого царя, и с этой целью вместе со мной прибыла в Асхабад мервская депутация, человек 120, старшины которой получили по почетному дорогому халату...

Я достал Вам хороший текинский ковер, но не знаю, каким образом послать Вам. Прошу уведомить, кому передать, доставить Вам. Если сын мой нуждается в деньгах, то пишите. Желаю Вам и Вашему семейству долголетия, здоровья и всего лучшего на свете.

С истинным почтением имею честь быть покорнейшим Вашим слугой.

Майор Овез Мурад Тыкма-сардар.

ЦГВИА, ф. 400, д. 40, 1881 г., лл. 78—79.

№ 297

Рапорт заведующего Ахал-Текинским округом начальнику Закаспийской области о мерах ограждения туркмен-торговцев от конкуренции опытных купцов

8 сентября 1881 г.

В дополнение рапорта временно заведывавшего Ахал-Текинским округом от 29 августа 1881 года № 371 честь имею донести Вашему превосходительству, что я нахожу крайнюю необходимость иметь на асхабадском базаре еще одного ба-

---

ласно инструкциям Саар уд-Довле, Серханг Клыч-хан вошел в деятельное сношение с чарвой, кочующей в наших пределах, с целью склонить ее к признанию над собой власти Персии»; как агенты этого серханга (полковника) всем среди туркмен «агитацию в пользу Персии, используя недоразумения между туркменами и русскими властями и даже насильственно переселяя туркмен в Иран (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 140). В телеграмме своей начальник области отмечал, что он приказал задерживать каджарских агентов и что «при проезде по Атрекской линии лично убедился, что «отношения войск к жителям вообще хорошее» (там же, л. 146).

[1] В отношении от 7 сентября 1881 г. министр иностранных дел сообщил об этом военному министру, предлагал выяснить намерение мервских ханов, пригласив их и «отправить от себя доверенных лиц к генералу Рербергу и снабдить сего последнего инструкцией для ведения переговоров с этими лицами, а в случае необходимости заключения с ними отдельного соглашения» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 105—107).

зарного, знающего здешний язык, собственно ввиду интересов текинцев для ограждения их от постоянной эксплуатации персиянами. Посему не признаете ли возможным разрешить иметь одного вольнонаемного базарного с платой ему по 15 рублей в месяц из суммы, имеющей быть собранной с торговцев за право торговли.

Заведующий округом майор Навроцкий

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 210, л. 5.

№ 298

Отношение военного министра министру иностранных дел о необходимости скорейшего разрешения вопроса о переселении векильцев на Атек и желании текинцев Мерва добровольно перейти в русское подданство

11 сентября 1881 г.

Имею честь сообщить, что мнение нашего посланника в Тегеране об уместности скорейшего переселения текинцев в Атек вполне совпадает с теми соображениями, которые уже высказывались Военным министерством месяц тому назад. Еще в августе при письме № 407 я имел честь сообщить Вашему высокопревосходительству проект всеподданнейшего по сему предмету доклада, вызванного телеграммой генерал-лейтенанта Рерберга о желании 10 тыс. семейств векильцев занять свои прежние места. Если это дело замедлилось, то только вследствие ожидания заключения самого же тайного советника Зиновьева.

Мне кажется, что ввиду общего движения текинских и мервских депутаций с предложением покорности нашим властям, дальнейшие колебания нашего представителя в Тегеране как по этому, так и по другим связанным с Атеком и Мервом вопросам не должны бы уже более иметь места.

Упустив теперь благоприятную минуту для окончательного и рационального их решения, мы едва ли будем иметь возможность поправить их впоследствии.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности. *Генерал Ванновский*

ЦГВИА, ф. 400, д. 47, лл. 14—15.

№ 299

Рапорт заведующего Ахал-Текинским округом начальнику Закаспийской области о происках каджарских властей в Мерве и среди гёкленов

12 сентября 1881 г.

Имею честь донести Вашему превосходительству, что за время от 1-го по 8-е число настоящего месяца получены следующие сведения и слухи: торговец Павел Абелов, приехав из Мешхеда, рассказывал, что он встретил там много приехавших из Мерва и Герата. Кроме того, в Мешхед идет много гёкленов. Абелов, разговаривая с одним из мервцев, узнал от него, что многие из них не желают быть подданными русских и даже готовы драться до последней крайности в случае нашего движения на Мерв. Часть же из мервцев, выселившаяся на Теджен, желает присоединиться к России.

Выехав из Мешхеда, Абелов спрашивал встречающихся гёкленов причину их поездки, на что они отвечали: «Богу молиться».

В Мешхеде мервцам раздавались каждому по халату, а некоторым из них и другие подарки. Вообще же из всех разговоров, как говорит торговец Абелов, видно, что многие из Мерва сильно восстают против подчинения России ввиду распущенных ложных слухов, что русские берут большие подати, заставляют принимать христианство и отбирают женщин. На вопросы: зачем они в Персии? один молодой мервец высказал, что их еще прежде просили придти. Некоторые приходили (в июле этого года) и получали подарки, поэтому и они теперь (в августе) прибыли, желая получить тоже. При этом высказали, что, получив подарки, они, разумеется, не выполнили своих обещаний относительно подчинения Персии.

Кроме того, по дороге в Мешхед идет много караванов с товарами, как ему, Абелову, говорили из Бухары и Герата.

Заведующий Округом майор Навроцкий

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 33.

№ 300

Телеграфное донесение начальника штаба Закаспийской области начальнику области о происках каджарских властей против туркмен на Атеке

14 сентября 1881 г.

Один из мервцев Чопан Анна Нияз-оглы, изъявивший желание переселиться в Атек, был у меня; говорит, что персы не допускают переселиться туда потому, что мервцы держат

сторону русских. Сам Чопан с десятью кибитками, вследствие разрешения Вашего превосходительства и получения моего письма, переселился в Мухаммед Ораз, но там персы их притесняют и сам он должен был бежать от них. В Баба-Дурмазе — ближайший пункт к Гяурсу, в равнине персы строят крепость, загораживая нам путь в Атек; работу производит Сарухан-ага, племянник Алла Яр-хана; одним словом, персы вполне хозяйничают в Атеке; необходимо послать туда небольшой отряд, так как туркмены безусловно держат нашу сторону; под прикрытием этого отряда туркмены могут свободно водвориться. Даю Чопану бумагу, чтобы его и его кибиток не тревожили, но вряд ли персы обратят на нее внимание. Чобан просит прикрытия, уверяя, что иначе его персы убьют. Даю ему одного фераджия и даю билет для свободного проживания как служащему у нас.

Аминов.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 17.

№ 301

Из рапорта начальника Закаспийской области начальнику штаба Кавказского военного округа о взаимоотношениях русских военных властей с туркменами[1]

18 сентября 1881 г.

...В июле начальник штаба вверенной мне области полковник барон Аминов приезжал из Кизыл-Арвата в Асхабад, осматривал по моему приказанию войска и вооруженные пункты, причём везде беседовал с жителями, которые ему никаких жалоб не заявляли. Напротив, полковник барон Аминов при своём прибытии доложил мне, что он всюду заметил самые лучшие отношения между жителями и войсками и полную готовность последних оказывать населению всякое содействие.

Лично я со своей стороны всегда обращал самое бдительное внимание на то, чтобы войска не обижали жителей, причём ввиду полного порядка в войсках и вполне гуманное отношение как офицеров, так и солдат к вновь покоренным ахал-текинцам мне не пришлось прибегать к строгим мерам.

15 июля я беседовал с текинскими старшинами, собранными в Асхабад, причем никаких жалоб на войска с их стороны не было заявлено.

[1] Начало документа — повторение телеграммы начальника Главного штаба начальнику Закаспийской области и ответ последнего — документ 272.

Особенное внимание я всегда обращал на правильный отвод воды туземцами по оросительным каналам оазиса, ввиду чего мною в начале июля был поставлен пост из 15 казаков в горах у селения Кельте-Чинара в обеспечении водою жителей аула Анау.

Что в Асхабаде с моей стороны было обращено на это должное внимание, Ваше превосходительство изволите усмотреть из прилагаемой при сем копии с приказа по области от 29 июня за № 879, а также из копии с приказа по Асхабадскому гарнизону от 2 июня за № 146, т. е. отданного почти за месяц до вышеозначенного моего приказа за № 79, из текста которого видно, что мною были ещё ранее отданы по этому поводу приказания[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 87, лл. 3—5.

№ 302

Рапорт заведующего Ахал-Текинским округом начальнику Закаспийской области о тяжелом положении текинцев

22 сентября 1881 г.

Имею честь донести Вашему превосходительству, что за время от 15-го по 22-е число настоящего месяца получены следующие слухи и сведения:

Приехавший исправлять должность главного врача Асхабадского военного госпиталя врач Чудовский рассказывал мне, что он по дороге укрепления Дурун много встречал семейств текинцев, выселившихся из Мерва, которые находятся в страшной нищете, и кроме того, между ними развита болезненность в сильной степени. В разговорах с ним текинцы заявили, что нечего есть, и если русские не помогут, то им поневоле придется заняться грабежом.

Заведующий округом майор Навроцкий

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 72.

№ 303

Телеграмма начальника Закаспийской области российскому посланнику в Иране о притеснениях каджарскими властями туркмен и претензиях на туркменской территории

4 октября 1881 г.

Согласно моей телеграмме № 1514, один из векильцев Чопан-Анна-Нияз поселился с десятью кибитками в окрест-

[1] Документ без подписи; документы, на которые ссылается Рерберг, интереса не представляют и не публикуются.

ности Мухаммед-Ораза. Персы не допускают переселения, притесняют векильцев. По этому поводу Алла Яр-хан пишет, что указанные векильцами пункты Коушут, Даргана и Мухаммед-Ораз суть дерегезские владения и персидские земли. Все эти места расположены в Атеке[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 20.

№ 304

Телеграмма военного министра начальнику Закаспийской области о происках каджарских властей в отношении иомудов и необходимости их пресечения

11 октября 1881 г.

Посланник наш в Тегеране сообщает происк Персии склонить иомудов принять персидское подданство и полагает, что для привлечения их на нашу сторону не следует ограничиваться одними строгими мерами, но полезно связать их интересы с нашим устройством ирригационного канала.

Прошу уведомить, приняты ли меры для прекращения происков персидских агентов и имеются ли в виду меры для охранения полей возле Атрека и восстановления канала из Сумбара к Мяст-Добрану.

Генерал Ванновский

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 145.
Копия.

№ 305

Рапорт Красноводского пристава начальнику Закаспийской области о перекочевке туркмен-атабаевцев в русские пределы

14 октября 1881 г.

Представляя при сем Вашему превосходительству на благоусмотрение прошение ко мне Кошлы Качия Атабаевского относительно перекочевания из-за Атрека на нашу сторону туркмен атабаевского племени, имею честь присовокупить, что Кошлы Качию мною послан ответ, что на перекочевку атабаевцев препятствий нет и что племя это по перекочевке может вполне рассчитывать на защиту и покровительство со стороны русских властей.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 258, л. 18.

[1] Документ без подписи.

№ 306

Рапорт начальника Ахал-Текинского округа начальнику Закаспийской области об антирусских действиях каджарских властей

17 октября 1881 г.

В дополнение рапорта моего от 15 сего октября за № 657 имею честь донести Вашему превосходительству, что люфабадский Сеид Али-хан сообщил мне следующее:

1) Дерегезский Аллах Яр-хан получил приказание из Тегерана от персидского правительства принять самые энергичные меры, чтобы не допускать русских приобретать в Дерегезе не только землю, но даже ни одного камня. Замеченные правительством Персии частые приезды русских из Гяурса в Кельте-Чинарское ущелье строго запретить. В случае же нарушения с нашей стороны этих распоряжений персидское правительство готово употребить оружие. Кроме того, приказано уничтожить все знаки, поставленные нашими топографами на Хорасанских горах.

2) Сепахсалар, возвращаясь из Келяты, поручил одному из родственников персидского шаха Мехти-Кули-Мирзе-Сагаш-эль-Мульк переселить алилийцев в разрушенный город Боварт, в 12 верстах от Каахка, под предлогом доставить им более удобства к жизни, и

3) 16 сего октября в Гяурс и Анау приезжал персиянин-инженер, один из родственников шаха, окончивший курс воспитания во Франции, с проводниками от дерегезского хана под предлогом посещения трех персидских семейств, живущих в Анау. По настоящему предмету мною производится подробное расследование.

Заведующий Округом майор (подпись)

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 39.

№ 307

Отношение начальника Закаспийской области председателю Российского общества Красного Креста об оказании помощи возвращающимся в область ахал-текинцам

18 октября 1881 г.

Из Мерва возвратились в область почти все бежавшее после геок-тепинского погрома население. Большинство возвратившихся находится в бедности, и многие из них — даже в нищенстве; нуждаются в хлебе, одежде и в восточных жи-

лищах и неминуемо будет бедствовать в предстоящую зиму. Принимая со своей стороны меры по уменьшению нужд, я вместе с тем обращаюсь к Российскому обществу Красного Креста, неоднократно оказавшему уже помощь в случаях народных бедствий, с просьбой оказать пособие бедствующим новым членам русской семьи. Желательно было бы снабдить нуждающихся денежным пособием на пищу, бельем, теплой одеждой, одеялами и войлоками[1]. Вместе с тем обращаюсь к председателю Кавказского окружного управления и прошу выдавать из складов Красного Креста, в области находящихся, по моим указаниям одежды и белья бедным текинцам[2].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 254, л. 1 об. Рукопись.

---

[1] В своем отношении управляющему Военным министерством председатель Главного управления общества Красного Креста от 30 октября 1881 г. генерал Баумгартен сообщал, что «сделано распоряжение об отправлении генералу Рербергу из своих сумм три тысячи рублей для раздачи в пособие больным и раненым из этих текинцев и вместе с тем предоставляю ему выдать часть вещей Красного Креста из оставшихся на складах Закаспийской области» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 150); об этих деньгах смотри рапорт начальника штаба Закаспийской области от 30 июня 1881 г. (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 254, лл. 9, 18). Далее Баумгартен запрашивал о необходимости организации повсеместного сбора денег в пользу текинцев. В ответ на это генерал Ванновский отмечал, что он считает «неудобным открывать повсеместные подписки для сборов пожертвований в пользу текинцев» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, л. 168), и запросил в свою очередь командующего войсками Кавказского военного округа о необходимости организации такой подписки. В ответ на этот запрос кн. Меликов в письме начальнику Главного штаба от 3 декабря 1881 г. писал, что «военным ведомством были приняты все возможные меры к устройству и обеспечению» текинцев, которым «были без замедления указываемы и отводимы оставшиеся свободными земли и, между прочим, для обсеменения полей и для продовольствия по разрешению моему было выдано 19 тысяч пудов разного хлеба с зерном и мукою». И далее: «При тех средствах, которое оно сохранило в виде скота и другого имущества, оказанной ему помощи было в общем смысле достаточно... за исключением отдельных случаев», которые, якобы и вынудили Рерберга обратиться к Красному Кресту «с просьбой об оказании помощи отдельным людям». Исходя из этого, Меликов считал, что «в настоящее время не может представиться никакой необходимости в каких-либо общих и чрезвычайных мерах... (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 170—171). Вопрос о сборе денег свелся таким образом к организации подписки среди населения Закаспийской области; интересно, что в этой кампании участвовали и русские солдаты (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 254, лл. 9, 24 об. 25 и др.). В связи с этим нельзя не отметить, что некоторые офицеры брали на воспитание оставшихся без родителей после погрома под Геок-Тепе текинских детей. К той же помощи текинцам следует отнести и «особое ходатайство» штаба Кавказского военного округа от 27 января 1882 г. о правах «бесплатного пользования в военно-лечебных заведениях» и «об освобождении туземцев от гербового сбора» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 3111, л. 1).

[2] Документ без подписи.

№ 308

Рапорт начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о положении в Туркмении, взаимоотношениях русских властей с Ираном и Мервом

19 октября 1881 г.

Имею честь при сем донести Вашему сиятельству следующие сведения о положении дел, слухах и событиях в пограничных с вверенной мне областью азиатских странах, а также о наших сношениях с соседними народами в продолжение октября сего года.

В рапорте моем от 31 августа за № 2485 я имею честь донести о посылке мною в Мерв майора милиции Тыкма-сардара, а также о возложенных на него поручениях.

Восьмого числа сего месяца Тыкма-сардар вернулся. С ним прибыли из Мерва в Асхабад в качестве депутатов 24 старшины родов сычмаз и дашаяк в сопровождении 10 человек мервцев с изъявлениями покорности государю императору и чувств дружбы к русскому народу. Слух о посылке в Мерв от хивинского хана людей с подарками и угощениями для побуждения мервских текинцев через него просить русское подданство вполне оправдался, что, кроме показаний Тыкма-сардара, подтвердилось еще полученными из Мерва письмами, о которых я буду иметь честь доложить ниже.

1) По словам Тыкма-сардара, оказывается, что в то время, когда старшины утамышских родов дашаяк и сычмаз, родственные самому Тыкма-сардару, решились следовать с ним в Асхабад для заявления покорности русскому правительству, представители двух других тохтамышских родов мерв — текинских туркмен — векиль, бек приняли решение поехать с посланными от хивинского хана для заявления через его посредничество чувства покорности к России.

Русского пленного канонира Кидяева влиянием Тыкма-сардара мервцы освободили, о чем от него получено собственноручное письмо; но Кидяев, по словам мервских депутатов, пожелал поехать с тохтамышской депутацией через Хиву в Аму-Дарьинский отдел, место прежней его службы. Кидяев последнее время в Мерве находился на свободе, но вследствие прежних страданий и страсти к курению опиума здоровье его сильно расстроено.

Корреспондента «Dayly news» О'Донавана, как я уже имел честь донести, Тыкма-сардар в Мерве не застал.

Услыхав о выезде из Асхабада в Мерв русского офицера (Тыкма-сардар), О'Донаван поспешил оставить эту страну с

угрозами возвратиться врагом, оставив в Мерве долги и незавидную репутацию.

2) Вообще, надо полагать, что в данную эпоху влияние англичан в Мерве кончено, хотя, как я буду иметь честь ниже изложить, агличане продолжают зорко следить за тем, что там делается. Далее Тыкма-сардар сообщил, что наместник Хорасана сепахсалар посылал в Мерв уговаривать жителей принять подданство Персии, упираясь на согласие русского правительства, но мервцы ему не поверили. Вообще, по словам Тыкма-сардара, влияние персов в Мерве ничтожно, несмотря на хорошие подарки, раздаваемые мешхедскими властями прибывающим туда туркменам.

3) Некоторые из мервских туркмен ездят в Мешхед с поклонами сепахсалару для получения подарков, что не помешало этим туркменам в Мешхеде же явиться к нашему там коммерческому агенту с заявлениями покорности России. Находятся и такие туркмены, которые ездят и ко мне в Асхабад и сепахсалару в Мешхед.

Но самая важная заслуга, оказанная Тыкма-сардаром во время его поездки, заключалась в совершенном успокоении им откочевавших после штурма Геок-Тепе наших подданных ахал-текинцев. По уверению Тыкма-сардара, а также возвращающихся туркмен, все ахал-текинцы поголовно решились вернуться на родину и в начале сентября уже тронулись из Мерва. Остались лишь несколько семейств, лишенных по разным причинам возможности подняться, да Махтумкули-хан, о котором подробнее буду иметь честь ниже изложить.

Действительно, с 1-го по... сентябрь через Гяурс возвратились... семейств и ежедневно продолжают прибывать новые семейства. О числе туркмен, возвратившихся в это время другим путем через пески, сведений еще не имеется, но надо полагать, что число их также довольно значительно. Сколько всего в данную минуту возвратилось туркмен, я не могу в точности определить по невозможности в это время, когда еще передвижение продолжает[ся] и туркмены не знали свои зимовые места, приступить к исчислению населения и по неимению для этого свободных лиц, так как в настоящее время Ахал-Текинским округом управляет старший помощник начальника округа, а младший занят другим поручением.

Возвращающиеся ахальцы находятся в крайне бедном и часть их в совершенно нищенском положении, другие раньше возвратившиеся жители также по большей части бедны — и не успели поправиться после погрома в Геок-Тепе, где было собрано все их имущество. Кроме недостатка хлеба, значительная часть их лишена кибиток для укрытия семейств во время предстоящей зимы. По донесению и докладам исправляющего должность начальника Ахал-Текинского округа,

жители откровенно заявляют, что, так как зимою им недостанет средств к жизни, то дабы не умереть с голоду они, если русские им не помогут, будут поставлены в необходимость прибегнуть к грабежам.

Хотя для помощи самым бедным из жителей принимаются и будут приняты меры, но так как для прокормления 50-тысячного населения в продолжение значительной части зимы потребуются слишком большие средства, то все же предвидится в округе голод, который, быть может, и не обойдется без некоторых беспорядков.

Махтумкули-хан и брат его Юсуф-хан до сего времени не явились и остались в Мерве лишь с несколькими кибитками. По словам Тыкма-сардара, Махтумкули-хан отличается крайне слабым и нерешительным характером. Во время бытности Тыкма-сардара в Мерве он несколько раз виделся с Махтумом, который был у него; при этом Махтумкули-хан ежедневно отменял[1] свои решения относительно возвращения в Ахал, несмотря на то, что преданный ему и постоянно при нем находящийся ишан уговаривал его явиться ко мне в Асхабад. Перед отъездом из Мерва Тыкма-сардара Махтумкули-хан объявил, что он поедет в Хиву и там явится русским властям, то Тыкма-сардар сомневается, чтобы он и на это решился.

10 августа независимо от депутации, прибывшей с Тыкма-сардаром, я получил из Мерва три письма: одно письмо от посланного в Мерв начальника хивинской крепости Хаджа-Или Бей Мухтуза-хаджа, в котором он уведомляет меня, что, по приказанию туркестанского генерал-губернатора, хивинский хан послал его в Мерв с добрыми советами и что мервцы после нескольких дней совещания ответили ему, что они с пленным Кидяевым решились отправить 24 почетных жителей к хивинскому хану для мирных переговоров, а затем поступать так, как хан им посоветует.

Другое письмо с 21 подписной печатью было от мервских жителей сообща. В письме этом уведомляется, что в Мерв прибыл по приказанию туркестанского генерал-губернатора посланник от хивинского хана с письмами, предлагающими принять покровительство России и что это предложение мервцы приняли радушно, а потому они решились в скором времени отправить с посланником в Хиву несколько почетных стариков и молодых старшин и отправить туда же пленного Кидяева. Считая долгом об этом сообщить мне, как начальнику Ахала, лица, 4) приложившие печать к этому письму, присовокупили, что жители Мерва постараются прекратить разбои и воровство и просят мое содействие к сохранению мира и развитию благоденствия между мервцами.

---

[1] В тексте: «решал».

Третье письмо получено было от Баба-хана сына Коушут-хана следующего содержания: «Если не будет препятствий с Вашей стороны, то поехал бы к светлому царю; Кидяева освободили из рук разбойников и он волен: остаться здесь или поехать в Ахал, или в Ургенч (Хиву). Англичанина отправили в Мешхед; за сим будем писать друг другу без лжи».

Копии с посланных по моему указанию ответов на последние два письма при сем прилагаю (Приложение1).

В ответ же на эти письма ныне получены три послания из Мерва. Два от мервских жителей с 24 именными печатями и одно от бывшего в Мерве хивинского посланника. Во всех трех письмах уведомляется, что старшины от всех родов как утамышских, так и тохтамышских 30 шавала месяца (9 сентября по нашему календарю) выехали в Хиву в сопровождении пленного Кидяева. По сведениям, собранным в Мешхеде господином Таировым, хивинский посланник прибыл в Мерв с богатыми подарками и между прочим 16 верблюдами, навьюченными халатами, назначенными в подарки народу.

[?] числа получено было письмо из Теджена от Баба-хана, в котором последний уведомляет, что он едет к нам и что Кидяева отправили в Хиву с посланником. В этом же письме Баба-хан сообщает, что сепахалар выехал в Атек и заявил желание переговорить с ним (Баба-ханом), на что без моего ведома он не решился поехать к хорасанскому наместнику. 26 сентября прибыл в Асхабад Баба-хан с 30 человек, из которых 5) двое почетных.

19 сентября получил от товарища министра иностранных дел действительного тайного советника Гирса телеграмму с приказанием заключать письменные договора с прибывающими в Асхабад ханами и старшинами 6/ живущих в Мерве теке туркменских родов, 7/ на коране; просят им дать клятвенное обещание исполнять заключенное условие.

Во исполнение 8/ упомянутого приказания я распорядился посылать письма в Мерв к известным мне влиятельным лицам с предложением 9/ мервцам выбрать и прислать в Асхабад из своей среды уполномоченных лиц для заключения мирных условий. Кроме того, я 10/ немедленно начал с прибывшим в Асхабад Баба-ханом переговоры, согласно указаниям товарища министра иностранных дел, и предложил ему подписать составленные мною условия.

11/ Но Баба-хан решительно отказался подписать эти условия, не чувствуя себя 12/ достаточно сильным и влиятельным, чтобы привести их в исполнение в среде мервского народа, 13/ или, как он сам выразился, дабы при нарушении 14/ условий своими одноплеменниками не быть поставленными в положении изменника перед русским правительством.

Отказ свой Баба-хан мотивировал следующими показаниями о положении 15/ общественного строя в Мерве. По его словам, в Мерве не существует никакой организации, ни общей 16/ по всему народу, ни по родам, ни по племенам и всякий мервец пользуется полной личной свободой, не давая никому отчета в своих действиях. Поэтому в мирное время в Мерве нет ни ханов, ни старшин, которые пользовались бы какой-либо завоеванной властью и которые могли бы давать обещание за других.

17/ Присвоенные некоторым мервцам титулы «хана» или «кетхуда» не имеют никакого практического значения и суть лишь наследственное достояние 18/ сыновей 19/ лиц, исполнявших во время прежних войн должностей ханов. 20/ Даже тяжбы между туркменами разбираются в Мерве по обычаю без всякого суда, причем голос сильнейшего имеет перевес. Только 21/, когда мервцам угрожает общая опасность, а также в случае войны, они выбирают себе хана, который, по минований 22/ в нем надобности, лишается власти и делается простым жителем. В заключение Баба-хан заявил, что если русское правительство даст ему средства для нанятия 1000 человек конных милиционеров и при них 100 сардаров, то он будет в состоянии держать мервский народ в повинности и готов заключить предложенные условия. Перед своим отправлением обратно в Мерв он вручил мне по этому поводу письмо, копия с перевода которой при сем прилагается.

Что же касается до личности самого Баба-хана, то он мне показался развитее других, бывших у меня до сего времени мервцев. Не придавая значения последнему заявлению Баба-хана, считаю, однако, что для нас было бы во всех отношениях удобнее и выгоднее, если бы 23% взамен существующей в Мерве анархии власть была бы сведена в одном лице, только при этом условии можно рассчитывать на вполне безопасное следование 24/ караванов через 25/ прилегающие к нашим владениям среднеазиатские степи.

26/ Считаю при этом долгом доложить Вашему сиятельству, что, как видно из телеграммы товарища министра иностранных дел, приказание о заключении письменных условий с мервцами основано на заявлении одного доверенного от мервских туркмен лица, явившегося в Мешхед, как надо полагать, к нашему коммерческому агенту.

27/ В этом городе, вследствие хода моих сношений с Мервом, который Ваше сиятельство изволите усмотреть как из донесения моего за № ..., так и из настоящего рапорта, а также вследствие показаний Баба-хана, я имею некоторые причины сомневаться в том, чтобы явившийся в Мешхед туркмен был уполномочен доверенностью от мервского народа.

Кроме лиц, явившихся в разное время ко мне с заявлениями покорности, мервцы в настоящее время послали 24 выборных к хивинскому хану, о чем тотчас же донесли мне об освобождении Кидяева и об 30/ отъезде из Мерва английского агента О'Донавана; мне также сообщали письменно и словесно из Мерва, а потому если действительно состоялось решение послать в Мешхед к русскому коммерческому агенту уполномоченного, то я полагал бы, что об этом было бы заявлено мне или письменно или словесно кем-либо [из] прибывших ко мне мервцев. А между тем до меня даже не доходил обыкновенный слух о посылке в Мешхед уполномоченного от мервских туркмен и бывший недавно в Мешхеде наш чиновник Таиров, сообщив множество сведений из названного города, также об этом не упоминает. О своем выраженном в первом письме желании поехать в Петербург Баба-хан здесь ничего не заявил.

В рапорте моем за № .... я имел честь донести Вашему сиятельству о заявлении некоторыми мервцами из рода векиль желания поселиться в Атеке близ нашей границы на свободных местах и о выгодах, представляемых, по моему мнению, для нас этим переселением.

Так как о дальнейшем ходе этого дела долго не было известия, а также вследствие полученных мною по этому делу запросов от начальника Главного штаба и нашего посланника в Тегеране, я приказал написать письмо в Мерв к лицам, заявившим мне желание поселиться в Атеке с целью убедиться, в каком положении находится этот вопрос, тем более, что до меня начали доходить слухи, будто переселение это не состоялось вследствие боязни туркмен попасть под персидское подданство.

14 сентября один из вышеозначенных мервцев Чопан Анна Нияз-оглы прибыл в Асхабад, где меня в то время не было, по случаю предпринятого мною в октябре объезда области. Оставшемуся за моим отъездом в Асхабаде начальнику Областного штаба Чопан Анна Нияз сообщил, что персы не допускают тех мервцев поселяться в Атеке, которые держат сторону русских. Сам Чопан Нияз, вследствие обещания с моей стороны (о котором я имел честь донести и на что получил одобрение Вашего сиятельства, выраженное в телеграмме генерал-лейтенанта Павлова за № 96) и письма моего начальника штаба, решился переселиться с десятью кибитками в окрестность Мухаммедораза, но там персидские власти тотчас же стали притеснять переселенцев и требовать с них податей. Чопан отказался исполнять требование персов, но, боясь серьезных со стороны их преследований, должен был бежать.

Опасаясь, чтобы подобное действие персов в отношении к туркменам, пользовавшимся нашим покровительством, вредно не повлияло на наше влияние в Мерве, полковник барон Аминов снабдил Чопана бумагой за печатью штаба, в которой сказано, что Чопан поселился в Атеке с разрешения русского начальства и чтобы его кибиток там не тревожили; о чем начальник штаба тотчас же донес мне по телеграфу.

Чопан был до того напуган персами, что решительно отказался возвратиться в Мухаммедораз без конвоя и без личного вида как русский подданный. Вследствие сего начальник штаба назначил ему конвой из двух милиционеров и выдал ему билет для свободного жительства в соседних владениях в той форме, как обыкновенно выдаются паспорты туземцам, отправляющимся по своим делам в соседние страны. Ныне, вследствие этого, получено письмо от дерегезского ильхания Аллаяр-хана, в котором последний утверждает, что указанные Чопан Анна Ниязом земли суть земли персидские, и уведомляет, что Чопан ввел нас в заблуждение. Между тем, как уже имел честь донести Вашему сиятельству, земли, указанные Чопаном и другими векильцами, лежат в Атеке на равнине в более или менее значительных расстояниях от выхода дерегезской реки и от Лютфабада и Шильгана. Признать право Персии на владение земель значило бы признать их право над Атеком, и в таком случае между нами и Мервом будет находиться персидская территория. В копии с письма Аллаяр-хана, которую при сем имею честь присовокупить, ясно выражаются нынешние притязания персов на Атек.

Вообще, покуда не решится положительно вопрос об Атеке или покуда какой-нибудь представитель русской власти не объедет эту страну, предстоит еще много осложнений, что Ваше сиятельство изволите усмотреть из дальнейшего изложения в сем рапорте — хода событий в продолжении минувшего месяца.

9 сентября было получено сведение, что в Баба-Дурмасе, ближайшем к нам пункте в Атеке, в 32 верстах от Гяурса (по рекогносцировке, сделанной при отряде генерал-адъютанта Скобелева) на большой Атекской дороге персы начали строить крепость. По ближайшему разузнанию этого дела и по 33/ показаниям посланного в Атек для проверки слуха лазутчика оказалось, что действительно дерегезский ильханий, неизвестно по чьему приказанию, намеревался строить там укрепление. Работу должен был произвести Саруханага, племянник Аллаяр-хана, который уже приступил к заготовлению на месте кирпича и своза строительных материалов. Когда же я в первых числах сентября при объезде обла-

сти посетил Гяурскую нашу границу и из Гяурса сделал переезд через горы в Кельте-Чинар, то Сарухан-ага прекратил работу и поспешно покинул Баба-Дурмас, или испугавшись моего приезда, или же просто желая скрыть от меня начатую работу. Уверяют, будто крепость эта строится с намерением доказать пограничной комиссии правоту персов на владение Атеком. Кирпичу, по словам лазучика, заготовлено было много, что, по его мнению, указывает на намерение построить не простое здание. 34/ В настоящее время получено сведение, будто постройка крепости окончена; сведение это требует еще более точного подтверждения.

В прошлом моем донесении о наших пограничных делах я имею честь доложить о слухе, будто хорасанский наместник обещался послать людей для управления сидящими в Атеке туркменами и что сам сепахсалар имеет намерение проехаться по Атеку.

17 сентября от Сеид Назара-юзбаши, о котором я имел честь доложить Вашему сиятельству в моем рапорте за № 2485, получено письмо, в котором он сообщает, что к алилинским туркменам в Каахка приехал от сепахсалара назначенный им туда человек и что, по сведениям, собранным его братом в Мешхеде, сепахсалар назначил свой выезд в Атек 8 числа или 22 сентября по нашему календарю. Сепахсалар намеревался ехать по Атеку в Чаагу и далее через Атек в Келят. Из Келята, по словам Сеид Назара, наместник Хорасана поедет в Асхабад, а отсюда в Буджнурд; но последний слух, по словам бывшего недавно в Мешхеде господина Таирова, лишен оснований, ибо персидское правительство запретило пограничным властям и ильханиям ехать к нам и осталось недовольно как посещениями ильханиями генерала Скобелева, так и 35/ поведением бывших здесь хорасанских представителей. Сепахсалар держал целый месяц при себе кучанского ильхания Шуджа уд-Довле, который должен сопровождать его во время поездки по Атеку и вдоль границы. Сепахсалара конвоирует отряд из всех трех родов оружия, и, кроме того, вызваны ему навстречу в Келята 600 всадников из Кучана.

Из вышеупомянутого письма Баба-хана, а также из показаний последнего видно, что поездка сепахсалара уже состоялась.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, лл. 40—52.

№ 309

Телеграмма командующего Кавказской армией генерала Меликова начальнику Закаспийской области о выдаче из интендантских запасов ахал-текинцам продовольствия

20 октября 1881 г.

Согласно телеграмме Вашей за № 2855, разрешаю выдавать по мере необходимости из интендантских запасов населению Ахал-Текинского округа взаимообразно[1] пищу и ячмень, возвратом из урожая будущего года[2].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 254, л. 6.
Рукопись.

№ 310

Донесение российского посланника в Иране Азиатскому департаменту МИД об антирусских происках английской агентуры в Мервском оазисе

В дополнение к секретной телеграмме моей от 19-го сего месяца долгом считаю сообщить Вашему высокопревосходительству, что, несмотря на испытанные им в Мерве невзгоды и невыгодное впечатление, которое оставило в нем

---

[1] Документ не публикуется. Интересно отметить, что пшеница выдавалась текинцам как для питания, так и для посева «с возвращением осенью того же года вместо пшеницы ячменем» (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 254, л. 20). В последующем срок возврата был перенесен на 1882 г. Однако пшеница не была возвращена и в 1882 г. ввиду тяжелого положения текинцев; в дальнейшем по ходатайству генерала Комарова, изложенному в его рапорте от 21 апреля 1884 г., этот долг текинцев был отнесен «на счёт казны». Обосновывая свое ходатайство, Комаров писал, что «ни первый, ни последующий всходы от посевов не дали возможности должникам очиститься от долга, так что из всего количества выданной им интендантской пшеницы 9.600 пудов 27 фунтов 30 зол. по сие время возвращено только 20 пудов. Настоящее материальное положение текинцев настолько неудовлетворительно, что требование от них возврата долга будет для них чрезвычайно обременительно...» (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 254, л. 31).

[2] Документ без подписи; на документе резолюция: «Выдать бедным жителям Ахал-Текинского округа 19.000 пуд. пшеницы, распределив это количество на всех бедных по сведениям доставленным майором Дзержинским. Бедных семейств в округе 3238, следовательно, на семью можно выдать по 5 пудов, оставляя около 2810 пудов в запасе. В настоящее время выдать не все 5 пудов на семью, а только 1/2 пуда на душу, что составит, считая в семействе средним числом от 4 до 5 душ 2½ пуда на семью. Выдачу произвести от Асхабадского, Геок-Тепинского, Бамийского и Кизыл-Арватского магазина, — но так как в последних двух магазинах пшеницы не имеется, то направить туда часть пшеницы, доставляемой Таировым.
Генерал-лейтенант Рерберг.

пребывание в этой местности, корреспондент газеты Daily News» г. О'Донаван тотчас же по возвращении в Персию вновь вошел в роль защитника независимости мервских туркмен против честолюбивых замыслов России. Роль эту он не переставал играть и до своей поездки в Мерв, а так как он не принадлежит к числу правительственных агентов, то остается придти к заключению, что он делал это с целью придать личности своей наиболее рельефности и подделаться под господствующие в Англии предубеждения. Может быть, им руководило отчасти и негодование, которое он питает к нам вследствие отказа генерал-адъютанта Скобелева дозволить мне ему сопровождать нашу последнюю экспедицию.

Как бы то ни было, но как в Мешхеде, так и в Тегеране названный иностранец продолжал относиться к нам крайне враждебно. Сам я не имел случая повидать, но об отзывах его мною получаемы были сведения из различных источников.

Проезжая через Решт, г. О'Донаван посетил управляющего нашим консульством, с которым был уже ранее знаком. Из письма, полученного мною на днях от г. Власова, явствует, что г. О'Донаван рассказывал ему много любопытного о Мерве и о своем пребывании между туркменами, причем вымыслы играли, впрочем, не последнюю роль в его рассказах.

Между прочим, он не раз упоминал о тревоге, которую внушают мервцам завоевательные планы России, в существовании коих он, г. О'Донаван, нисколько не сомневается, а присовокупил, что в настоящее время всю надежду свою туркмены возлагают на покровительство и заступничество Англии.

Когда г. Власов усомнился в основательности этого отзыва, г. О'Донаван предъявил ему несколько бумаг, полученных им от мервских старшин. В числе их находилось прошение за печатями 28-ми ханов, и, между прочим, таких, кои пользуются влиянием между своими единоплеменниками. Просители сообщали английскому корреспонденту, что в Мерв имеет в скором времени прибыть русский посланец (вероятно, Тыкма-сардар) с тем, чтобы склонить туркмен поступить под русское покровительство, и что, благодаря страху, внушаемому Россией, большинство мервцев расположено высказаться в пользу подчинения этой державе. Ввиду этого ханы умоляли О'Донавана поспешить с отъездом в Лондон с тем, чтобы передать великобританскому правительству их ходатайство о принятии мервского населения под защиту Англии.

Все это подтверждает основательность уже до сего сообщенных мною императорскому правительству сведений о том, что поездка г. О'Донавана в Мерв имела исключительно целью агитацию против России.

Судя по последним сведениям из Мерва, известия о взятии Герата эмиром Абдурахман-ханом подняло дух многочисленных приверженцев соглашения с Англией. До генерала Рерберга дошли даже слухи, что будто бы Махтум-кули-хан вошел с англичанами в сношения, получил от них подарки и отправляется со своими всадниками на службу эмира.

В то же время часть мервского населения вновь принялась за грабежи. В Мешхеде получено было сведение, что значительные шайки готовы ринуться на пограничные округи Хорасана, в особенности на Джамский, и покойный сепахсалар нашел нужным сосредоточить значительный отряд близ Серахса.

Известие это, впрочем, не оправдалось, и мервские шайки вторглись в пределы Гератской области, где произвели страшные опустошения и захватили, между прочим, несколько сот пленных.

Влияние, которое мы начинаем приобретать в Мерве, нам следует направить к предупреждению в будущем подобных враждебных покушений, так как вторжения мервцев в пределы Афганистана могут при случае послужить Англии поводом к вмешательству в туркменский вопрос, который отныне должен сделаться исключительно русским вопросом[1].

С глубочайшим уважением и пр.[2]

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 540, лл. 10—12. Копия, гектограф.

№ 311

Из донесения российского военного атташе в Лондоне военному министру о деятельности английской агентуры в Туркмении[3]

Английская газета «Дейли Ньюз» помещает время от времени письма своего корреспондента г. Донавана, который эксплуатировал довольно долго Туркмению и северную часть

[1] На документе резолюция: «Присланные при этом копии депеш сообщить для сведения начальнику Аму-Дарьинского отдела, поручив ему распорядиться через посредство хивинского хана предварить мервцев, пояснив данные ими обязательства, не предпринимать набегов на афганские и персидские владения.

Г-л. Колпаковский 6.XI.1882 г.»

[2] Документ без подписи.

[3] Документ не датирован.

Персии, а в последнее время проехал в Мерв, попал там в заключение и освободился только на днях.

Письма эти всегда весьма интересные, ибо они относились до такой неизвестной страны, как Туркмения, стали в последнее время в высшей степени замечательными. На счет Мерва и мервских туркмен Донаван сообщает драгоценные сведения. Он описывает шаг за шагом все пройденные им дороги, климат и другие физические особенности страны, дает данные о составе населения, о племенном его делении, сообщает обстоятельно исторические сведения, описывает отношения Мерва к России и Персии, обрисовывает личности наиболее выдающихся деятелей, наконец старательно разбирает вопрос о предстоящем покорении Мерва Россией и сообщает разные данные на случай движения наших войск в Мерве.

Хотя о письмах Донавана и упоминается в нашей прессе, но полного их перевода, сколько мне известно, нигде не сделано. По особой их важности они привлекают на себя в Англии и, конечно, заслуживают от нас особого внимания. При подобном пересмотре их Главный штаб мог бы извлечь из них много полезных сведений, которые могут нам понадобиться как в случае открытия военных действий с мервскими туркменами, так и для работ делимитационной комиссии, на которую будет возложено проведение новой границы между вновь покоренной частью Туркмении и Персией.

Об этой «делимитационной» комиссии в последнее время много говорилось как в английской прессе, так и в парламенте, причем настоятельно требовалось от правительства, чтобы оно добилось права назначить в состав сказанной комиссии также и членов от Англии. Правительство обещало подробно обсудить этот вопрос.

Мне кажется, что для допущения в эту комиссию английских членов не имеется повода. Когда в 70-х годах Англия проводила границу в Сеистане между Афганистаном и Персией, то русские в комиссии не участвовали, и всякое подобное требование со стороны России возбудило бы всеобщее негодование в Англии и было бы с гордостью отвергнуто. Полагая, что Россия должна иметь те же чувства гордости, а также охранять права независимого действия, как и Англия, я считаю долгом прибавить, что всякое участие англичан в комиссии поведет неминуемо к целому ряду затруднений: они будут побуждать персиян к неуступчивости, будут сопротивляться нашим проектам под предлогом опасностей для Индии в будущем, установят на месте тайных агентов, будут агитировать между туркменами и т. д. Примером таких агентов служат в последнее время как сам Донаван, так и полковник Стюарт

(живший в Асхабаде под видом армянского торговца лошадьми, а теперь вновь отправленный правительством в персидский гор. Каф, на западной границе Афганистана...)[1]

Александр Горлов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 94— 95. Копия.

№ 312

Донесение инженера Лессара начальнику штаба Закаспийской области о положении в Атеке, действиях каджарских властей и провокациях англичан в Мерве

26 октября 1881 г.

На четвертый день по выступлении из Асхабада я с рабочими подошел к Баба-Дурмасу. Получаемые Вами сведения о работах в этом пункте верны[2], впрочем, новое укрепление не сооружается, а только возобновляется старое. Возобновленные части резко отличаются от старых и дают полную возможность судить о том, что сделано, так сказать, на днях. Бывшее текинское укрепление такого же вида, как и остальные по оазису: четырехугольник, огражденный глиняными стенами, и четыре круглые башни; ров неправильного следа. Укрепление, должно быть, дельно не исправлялось и представляло собою груду развалин; стены едва возвышались над грунтом; от башен оставались только основания.

Новыми работами стены местами возвышены до полной высоты; три башни возобновлены, и небольшая 4-х угольная башня воздвигнута над воротами. Все это сделано не из глины, как части старого укрепления. а из сырцового кирпича, часть которого заготовленная, но не употребленная, видимо, лежит около укрепления; тут же мы нашли двое деревянных носилок; около 50-ти тонких деревьев разбросаны частью по укреплению, частью в стороне от него; из такого же леса сделаны крыши в трех возобновленных круглых башнях и пол в четырехугольной.

По углам укрепления начаты две пристройки для жилья. Кто производил работы, не могу сказать, так как людей мы не застали; но ушли они не задолго до нашего прихода, так как вода была отведена от укрепления настолько недавно, что

---

[1] Далее следуют не относящиеся к теме настоящего сборника данные о политике Англии в Афганистане.

[2] В своей телеграмме начальнику Закаспийской области от 24 сентября 1881 г начальник штаба отчасти сообщал, что российский посланник в Иране уведомил его, что, по приказанию иранского правительства, хорасанский наместник остановил строительство этой крепости и вывел отсюда занявшее эту территорию иранское население (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 13).

арык не успел еще обсохнуть; около версты от укрепления он был перегорожен камнем, и вода спущена в лощину: мы отвалили камень, и к ночи ручей снова протекал мимо укрепления.

Работа изысканий подвигается удачно, благодаря благоприятной погоде: 25-го числа достигли Лютфабада, откуда и посылаю это письмо: завтра предполагаю сделать дневку и затем, пользуясь хорошими днями, вероятно, последними этою осенью, так как ноябрь здесь один из худших месяцев, пойду вперед в ожидании других приказаний; предполагаю сделать следующую стоянку в Хосроу. Изысканиями определены расстояния от Асхабада до Анау 13 верст, от Анау до Гяурса—20 верст и до Баба-Дурмас—38 верст; от Баба-Дурмаса до Лютфабада 21 верста, итого 92 версты.

Продолжаю письмо, так как тотчас по приезде в Лютфабад его отправить не удалось; проводник, которого я послал отыскать желающего доставить пакет в Асхабад, вернулся со словами, что без разрешения старшины никто не может ехать в Асхабад. Я отправился к старшине (ага), он принял меня крайне сухо: сказал, что не вправе дать курьера в Асхабад, на это нужно разрешение хана в Мамед-абаде; на мою просьбу о содействии, если оно понадобится, обещал свою помощь, насколько это будет возможно, сепахсалар, по его словам, был недавно в Келяте, теперь уже вернулся в Мешхед, где я его, вероятно, увижу. Ага также подтвердил базарный слух, что около 20 числа, 700 (другие говорят 3000) текинцев в Мерве были готовы к выступлению; но куда они направляются—неизвестно. В Лютфабаде этот слух получен из Мамед-абада, как предупреждение жителям, которые страшно перепуганы: сами прячутся и скотину на ночь загоняют в укрепление; вообще по всей линии принимаются всякие предосторожности. Надеюсь из Каахка сообщить дальнейшие сведения. Здесь все толкуют, что теперь положение дел в Атеке совершенно изменилось против того, что было две недели тому назад; будто бы в Мерв на днях прибыл какой-то англичанин; это событие связывается с выступлением текинцев, иные говорят, что текинцы именно на нас, так как до них дошел слух о наших работах и они боятся, что мы идем исследовать путь для движения войск. Наконец, Вы, вероятно, знаете, насколько справедлив слух, что Абдурахман—здесь все говорят: англичане взяли Герат. Эюб-хан будто бы бежал сначала в Мешхед, но потом вернулся в Афганистан и назначен губернатором Герата. Слух о взятии Герата впервые дошел до нас еще в Гяурсе.

Если подтвердится слух о выступлении текинцев, то не признаете ли возможным усилить наше прикрытие еще одним взводом (у нас во взводе только 21 человек)?

Письмо отправляю через поверенного майора Корицкого, который сегодня посылает верблюдов с хлебом в Асхабад.

И. Лессар

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, лл. 16—17.

№ 313

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику области об урегулировании отношений с каджарскими властями в отношении туркмен

28 октября 1881 г.

Зиновьев телеграфирует, что получил телеграмму Вашего превосходительства за № 125. Он просит сообщить, каким числом получено письмо сепахсалара к мервским аксакалам.

На представление Зиновьева о том, что Персии следует совершенно отказаться от вмешательства в дела туркмен, живущих в Мерве и по Теджену, персидское правительство заявило на днях о своей готовности сообразоваться с нашими видами. В этом смысле обещает дать предписание сепахсалару, который, как доносит Насирбеков, уже выслал из Мешхеда мервских делегатов. Ответ на эту телеграмму Зиновьеву мною не послан.

Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 12.

№ 314

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику области о неудаче попыток каджарских властей переселить алилийцев из Каахка

29 октября 1881 г.

По сведениям от Сеид Али-хана, сепахсалар вытребован в Тегеран.

Письмо от Сеид Назара-юзбаши подтверждает взятие Герата Абдурахманом. Далее Сеид Назар сообщает, что попытки Персии переселить алилийцев из Каахка не удались. Алилийцы остались на месте и персидские войска ушли из Келята.

Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 15.

№ 315

Донесение инженера Лессара начальнику штаба Закаспийской области о положении в Атеке и ложности слухов о выступлении мервцев

29 октября 1881 г.

На работе, в поле, встретил двоюродного брата Сенд Назар-юзбаши; он предложил доставить Вам письмо, которое и принужден писать карандашом.

Старшина Лютфабада продолжал нам делать неприятности; наконец, прислал запрещение идти вперед; но не мог же я оставаться в Лютфабаде, когда мне отказывали даже в джигите для доставки письма в Асхабад. Я перешел в Каахка, куда подхожу в настоящее время; здесь переговорю с Сеид Назаром и; вероятно, с Бехбут-ханом и затем поступлю сообразно с обстоятельствами; если персидские власти будут противиться, то донесу Вам об этом и буду в Каахка ждать приказаний; если сопротивления не будет, пойду далее к Серахсу, где, вероятно, буду в непродолжительном времени. Нет ли ответа от сепахсалара, как подходит к Серахсу, не признаете ли возможным снабдить меня к сепахсалару письмом; работа идет успешно; времени будет довольно и для изысканий линии к Мешхеду.

Как кажется, слух о выступлении мервцев—утка, которую выдумал лютфабадский ага, думая нас удержать от дальнейшего движения. Когда он увидел, что это не действует, то именем Аллаяр-хана попробовал нам приказать возвращаться в Гяурс, но увы, мы уже были вблизи Каахка, когда нас догнал посланный и я уже вступил в другое ханство и не счел нужным слушать агу.

В ожидании Ваших приказаний, с совершенным почтением и преданностью, имею честь быть готовым к услугам.

И. Лессар

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 19.

№ 316

Рапорт начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о необходимости назначения содержания Тыкма-сардару, его службе русским властям и возможностях его дальнейшего использования

30 октября 1881 г.

Высочайше пожалованный чином майора милиции, житель Закаспийской области Тыкма-сардар при ограниченных собственных средствах нуждается в содержании как себя, так и своего семейства.

Поставленный производством в майоры в особое общественное положение между своими соплеменниками, он с успехом может быть употребляем для исполнения поручений как в районах области, так и в пограничных туркменских землях. Но при возложении на него поручений следует дать вознаграждение, так как он будет отвлечен от своего хозяйства, доставлявшего ему средства к жизни.

Во внимание этого обстоятельства, а также ввиду оказанной им услуги в последнюю поездку в Мерв, где ему удалось исполнить возложенное мною на него поручение и откуда, по его побуждениям, в настоящее время уже вернулась в область большая часть откочевавших после штурма Геок-Тепе жителей Ахала, я полагал бы вполне справедливым определить ему от казны постоянное содержание.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрение Вашего сиятельства, имею честь ходатайствовать о назначении майору Тыкма-сардару постоянного содержания в размере жалованья по чину, по усиленному окладу, т. е. по шестисот шестидесяти рублей в год[1].

Начальник области генерал-лейтенант Ребрберг

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 253, лл. 1, об. 2.

---

[1] Дальнейший ход этого вопроса см. ЦГВИА, ф. 400, д. 40, 1881 г., лл. 85—86.

№ 317

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику области о происках англичан в Мерве

31 октября 1881 г.

Сеид Али-хан сообщил: в Мерве 6000 всадников; дано от общества разрешение аламанить[1] во все стороны. Махтумкули-хан получил подарки от англичан, вероятно, афганцев[2], из Герата приглашен для свидания Стуним[3] в Серахс. Со взятием Абдурахманом Герата влияние Англии может легко возобновиться, и наше влияние на эту страну изменится к худшему.

Посылаю лазутчиков для проверки всего.

Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 23.

№ 318

Рапорт заведующего Ахал-Текинским округом начальнику Закаспийской области о происках английской агентуры вокруг Махтумкули-хана

1 ноября 1881 г.

Имею честь донести Вашему превосходительству, что за время с 21 октября по 1 ноября доставлены мне следующие сведения:

Проживающему в Асхабаде Сеид Али-хану Лютфабадскому прислано из Каахка письмо, в котором его уведомляют, что до 6 мервцев[4] получили разрешение от своего общества отправиться на грабежи. И что Махтумкули-хан получил от англичан в подарок халат и приглашение приехать в Серахс, куда, будто бы, намерены прибыть и англичане.

Заведующий округом майор (подпись)

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 53.

---

[1] Об этом же в одном из своих донесений сообщал и Лессар; впрочем, в другом донесении он отмечал, что слух этот не подтвердился. Донося об этом начальнику Закаспийской области, барон Аминов в телеграмме от 31 октября 1881 г. отмечал, что, по полученным им сведениям, эти партии туркмен собираются по инициативе Абдурахман-хана и под командованием Махтумкули-хана для содействия Абдурахману (ЦГА ТССР, т. 97, оп. 1, д. 68, л. 12).

[2] В телеграмме начальника Закаспийской области российскому посланнику в Иране от 1 ноября 1881 г. прямо отмечается, что подарки эти «от англичан» (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 25).

[3] Так в тексте; видимо, речь идет о Стивене.

[4] Так в тексте, видимо, 6 тысяч мервцев.

№ 319

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику области о ремонте Ашхабад—Кизыл-Арватской почтовой дороги и готовности туркмен взять эту работу на себя

6 ноября 1881 г.

Жители Ахал-Текинского округа изъявили готовность исправлять безвозмездно дорогу Кизыл-Арват—Асхабад каждый аул [в] своем районе как ввиду облегчения колесной езды, так и для облегчения движения своих караванов. Прошу Ваше разрешение.

Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 124, л 3.

№ 320

Из записки Скобелева и Гродекова на доклад о политике России в отношении Мерва и устройства Закаспийской области в связи с общим положением дел на Востоке[1]

9 ноября 1881 г.

Вопрос о мирном подчинении Мерва нашей власти есть вопрос из области хороших, но праздных мечтаний.

...Мервцы, высказывающиеся за отдание себя под покровительство России, очень хорошо понимают, что это их ни к чему не обязывает. Для того, чтобы заставить их выполнять условия, на основании которых они взяты под наше покровительство, нам пришлось бы снаряжать экспедицию в таких же размерах, как и для самого покорения Мерва, а они уже видели, каких усилий нам стоило, чтобы покорить Ахал-Теке. Или же мы должны издали смотреть молча, как нарушаются условия покровительства. Но это нас только дискредитировало бы в глазах Азии.

Когда в Асхабаде Баба-хану и приехавшим с ним старшинам предложено было приложить к нашим условиям печати, то они наотрез отказались по весьма понятной причине. Мерв есть самая крайняя республика, когда-либо существовавшая. Решения народного собрания обязательны отдельным членам этой республики лишь настолько, насколько это им выгодно,

---

[1] В сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.» этот документ ошибочно назван докладом генерал-адъютанта Скобелева, в то время как из препроводительной военному министру видно, что публикуемый документ— всего лишь «записка» на чей-то доклад (ЦГВИА, ф. 400, д. 13, 1881 г., л. 221); несмотря на подпись лишь Скобелева, документ написан им вместе с Гродековым.

ибо нет власти, которая заставила бы всех повиноваться. Из Геок-Тепе во время осады, во время великой опасности для всего народа Ахала, защитники оставляли крепость, когда хотели. Какое же значение может придавать население постановлениям народного собрания, когда оно непосредственно не видит внешней опасности? Лист бумаги с печатями Баба-хана и старшин не имел бы решительно никакого значения, а самое главное, чтобы мы делали, если бы условия, продиктованные нами, были нарушены.

С Мервом можно вести переговоры только посредством пушек.

Автор доклада, впрочем, и сам сомневается, чтобы мирное подчинение мервцев нам удалось. Вместе с тем он признает, что завоевание Мерва нашими войсками вовлечет нас в большие траты людьми и деньгами и создаст политические осложнения между нашим правительством и Великобританией. Поэтому для покорения Мерва предлагает воспользоваться средствами Бухарского эмира, говоря, что Бухара в самой себе имеет силы не только покорить Мургабский оазис, но и уничтожить его, на что есть указания в истории.

Прежде всего можно заметить, что Маасум, разрушивший Мерв в 1784 году, имел дело не с текинцами, а с персиянами—кизылбашами. Мерв тогда принадлежал Персии. Вследствие затруднений в самом Иране (Хорасан был разделен между многими князьями, стремившимися к независимости и враждовавшими друг с другом, Герат находился во владении внука Надир-шаха) защитникам Мерва, Байрам Али-хану не было оказано никакой помощи. Затем Бухару того времени нельзя сравнивать с Бухарой современной. Если приводить в пример, на что была способна прежняя Бухара, то можно привести пример более резкий: Тамерлан покорил полмира, а упоминаемый Маасум стоял под Мешхедом.

В настоящее время бухарские владения представляют излюбленные места мервских аламанов. Почти на всем протяжении юго-западной границы Бухары мервцы беспрепятственно могут угонять скот, убивать и грабить жителей, уводить их в плен, и они производят это при каждом удобном случае. Партии собираются различной величины: зимою больше, летом меньше, но редко бывают менее 150 человек. Каждая партия всегда состоит наполовину из мергенов* и наполовину из конных, причем мергены едут на верблюдах. Состав мервских партий и вооружение их всегда лучше, чем

* «Мергены»—пешие отборные стрелки.

бухарских воинов. Поэтому мервцам почти всегда дается легкая победа над бухарцами.

По всей юго-западной границе ханства хозяева суть мервцы, а не эмир или его беки, постоянно посылающие в Мерв подарки ханам племен, чтобы они не очень уж нападали на их бекства. Несмотря на огромные убытки, которые несет население Аму и Каракуля от постоянных набегов хищников; несмотря на то, что многие прекрасные места на Аму остаются незаселенными только в силу боязни этих же набегов, бухарское правительство не принимает никаких мер к прекращению их.

Только эрсари дают отпор аламанщикам, делая иногда набеги на Мервский оазис.

Постоянные набеги мервцев на бухарские пределы и ответные набеги эрсари на кочевье Мерва вызвали весьма своеобразную с обеих сторон меру для взаимной обороны, именно: засыпание наиболее известных колодцев и вырывание вместо них других, известных очень немногим. Каждая сторона засыпает все колодцы вблизи своих жилищ, чтобы лишить противника возможности иметь воду и стоять близко от места набега. Так, все туркмены левого берега Аму позасыпали почти все колодцы на богатой водно-песчаной полосе вдоль Аму и взамен старых нарыли новые, которые тщательно скрывают даже от своих соседей. С другой стороны, текинцы позасыпали почти все колодцы на лежащей вдоль Мургаба глинистой равнине и вместо того поделали новые, им только известные.

Между Мервом и Бухарой ходят караваны исключительно текинские под конвоем мервцев и из мервских караван-башей.

Такова сущность отношений между Мервом и Бухарой.

Каким образом эмир сумел бы убедить мервцев подчиниться ему, когда они презирают бухарские войска, когда они грабят бухарцев на виду гарнизона Чарджуя, который заперся в крепости и спокойно смотрел на барантовку (рассказ Громова*).

При свидании с бухарским эмиром в Китабе в 1878 г. генерал Гродеков просил его оказать содействие проникнуть в Мерв. Это содействие должно было состоять в том, что эмир пошлет с генералом Гродековым текинца Кара-Шайтана, находящегося у него на службе в качестве датхи, который, имея связи в Мерве, доставит генерала Гродекова, куда он пожелает. Но эмир мог поручиться за благополучное следование только в пределах туркменских земель, ему под-

* В апреле 1880 года.

чиненных, и самым решительным образом слагал с себя всякую ответственность за безопасность при дальнейшем движении к Мерву. Он говорил, что, пожалуй, дойти до Мерва можно, но там посадят на цепь*.

Если для покорения Ахал-Теке потребовались наши усилия в течение двух лет, то что же может сделать против Мерва слабая Бухара, вооружение которой уступает текинскому, население которой расслаблено физически и нравственно.

Указание, например, Шир Али-хана, который покорил Меймене, не идет к делу. Во-первых, это узбекское ханство всего-то имело 100 тыс. населения, во-вторых, покорению Меймене предшествовало покорение мелких ханств, входящих ныне в состав Чарвиляета (Афганского Туркестана), так что оно очутилось совершенно изолированным и, в-третьих, не потому ли Меймене в докладе названо «непобедимым», что его не мог взять нынешний бухарский эмир. Славу о якобы неприступности Меймене впервые распространил в Европе Вамбери; в особенности его поразила цитадель, построенная на холме. Генерал Гродеков был в Меймене и видел эту цитадель. Она кажется издали и красивою, ибо стены ее покрыты голубою лазурью, и внушительною, ибо она построена на насыпном холме. Говорить о неприступности Меймене то же, что говорить о неприступности Беурмы, Меймене совершенно то же, что Беурма, только в большем виде. Если Сеид Музафар Эт-дин не мог взять Меймене, то он, наверно, возьмет Хан-Геченя (Мерва).

Мы уже так далеко зашли в Азию, что прежде чем думать о включении нашего влияния, нам следует позаботиться об устройстве того, что у нас есть. Говорят о сомкнутии нашей границы от Ахал-Теке на Аму-Дарью, к Керки или к другому пункту, причем она должна идти южнее Мерва. Но южнее Мерва, в горах Парапамиза, живут воинственные народы газаре и джемшиды, с которыми мы неизбежно придем в вооруженное столкновение. Значит, и их придется включить в состав наших владений. Где же этому будет конец? На этот вопрос отвечает Кавказское начальство, которое говорит, что мы можем успокоиться лишь тогда, когда все реки, текущие с Парапамиза к северу, будут находиться в нашей власти. Не упомянуло оно лишь об одном: причислять ли к этим рекам и Герируд, на которой стоит Герат.

* Турк. ген.-губ. после хивинского погрома обращался к эмиру Бухарскому с просьбой выручить Кидяева, но и тогда эмир наотрез отказал. Нанятые Громовым в апреле 80 верблюдов у эрсаринцев эмир отказался проконвоировать по правому берегу Аму до Уза-Учака, боясь мервцев.

Газаре и джемшиды находятся в условной зависимости от Афганистана. Столкновение с ними не приведет ли нас к столкновению с Афганистаном? Вообще это будет очень прискорбно.

Чем дальше мы будем во время мира с Англией от газаре и джемшидов, тем лучше. Поэтому включение Мерва в состав наших владений (мне не понятно выражение «включение его в сферу безусловного нашего влияния») нежелательно ни в каком случае. Казалось бы, в крайности (т. е. когда набеги мервцев на Закаспийскую область сделались бы просто невыносимыми) можно было согласиться на экспедицию против Мерва, но с тем, чтобы по разорении его он был оставлен нами. Но вообще участь всякой передовой линии принимать на себя удары неприятеля.

Как раз удобная минута была упущена, не следовало предлагать мервцам тех условий подчинения, которые им были предложены в последний приезд в Асхабад Баба-хана. Раньше мы им говорили, что ничего от них не желаем, кроме прекращения набегов. Теперь мы прибавили и другие пункты. Они, конечно, раскроют мервцам истинные наши намерения и заставят их принять контрмеры.

Обширные области наши в Туркестане не устроены. С Ташкентом мы сообщаемся через Западную Сибирь. Низовья Сыр-Дарьи получают почту через 3—3 ½ месяца. С Петроалександровском нет ни телеграфного, ни почтового сообщений. К востоку от Маргелана нет телеграфа и т. д. и т. д.

Наконец, не разрешены вопросы поземельный, вакуфный и податный. Прежде чем забираться с своей границей к югу от Мерва, необходимо переварить то, что мы поглотили.

...Вполне соглашаясь с тем, что подчинение Закаспийской области Кавказу неудобно, но совсем по другим причинам чем те, которые выставлены в докладе (Кавказ не знает Средней Азии, он никак не может отрешиться от той мысли, что среднеазиатец не кавказский горец и что кавказские порядки нельзя переносить в Среднюю Азию), тем не менее не могу допустить подчинения ее Туркестану. От Ташкента до Асхабада во время зимы почтовое сообщение увеличивается до 5000 верст. Могут ли быть своевременны при таких расстояниях распоряжения туркестанского генерал-губернатора? Когда он соберется посетить Закаспийскую область? Затем в Закаспийской области первостепенное значение имеют сношения с пограничными округами Персии. Как будет руководить этими отношениями туркестанский генерал-губернатор? Опыт Ахал-Текинской экспедиции показал, насколько мешал делу Петербург, признавший, например, за-

нятие Лютфабада вредным для наших интересов. Если так решил Петербург, все-таки более или менее знакомый с Персией, то как будет решать Ташкент, которому впервые придется иметь дело с Персией. Возразят, что неудобство сношений Ташкента с Асхабадом через Западную Сибирь можно поправить, устроив почтовое и телеграфное сообщение Красноводска с Петроалексадровском и далее с Петровском. Но во что обойдется государству устройство этих сообщений, ежегодное содержание их, а также гарнизонов на пути, потому что нельзя же оставить тракт открытым на 700 верст. Но самое главное, устройству усовершенствованных путей через пустыню должно предшествовать покорение Мерва, что, как выше было сказано, для нас крайне нежелательно.

Ввиду всего этого полагалось бы более удобным выделить Закаспийскую область из подчинения главнокомандующему Кавказской армией и подчинить ее непосредственно военному министру, подобно тому, как каждая губерния (при обыкновенных обстоятельствах) подчиняется непосредственно министру внутренних дел.

При этом необходимо расширить некоторые права начальника Закаспийской области, приближающиеся к правам генерал-губернатора.

Генерал-адъютант Скобелев

ЦГВИА, ф. 400, д. 13, лл. 222—235.

№ 321

Отношение Главного штаба начальнику Закаспийской области о происках англичан в Мерве

11 ноября 1881 г.

Имею честь сообщить Вашему превосходительству для сведения, что наш военный агент в Лондоне сообщил о появлении в газете «Дейли ньюз» телеграммы, извещающей о прибытии в Константинополь известного корреспондента этой газеты О'Донавана будто бы с поручением от народа Мерва принять на себя роль посланника к европейским государствам; при этом в телеграмме сообщается также и о том, что О'Донаван везет с собою новую карту этой страны и другие подробные сведения о ней.

Известие это отчасти подтверждается телеграммой нашего посланника в Тегеране, сообщающего, что О'Донаван

[1] Дубликат в ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. оп. 260/910, 1881 г., д. 13, лл. 224—226 об.

действительно повез с собой прошение за подписью многих мервских старшин об оказании им со стороны Англии содействия против замыслов России.

Управляющий делами военно-учебного комитета свиты его величества генерал-майор (подпись)

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 67, л. 8 об.

№ 322

Ходатайство Сеид Назара-юзбаши о принятии алиэлинцев в русское подданство

14 ноября 1881 г.

Письмо Ваше я получил. За возвращение ваших писем Вы на меня сердитесь, я возвратил оные потому, что некоторые злые люди кляузничали на меня сепахсалару, что я служу русскому правительству; Гапап-онбеги сам видел опасность моего положения. Майор, отправляющийся в Серахс, прибыл в Каахка в четверг и передал мне письмо полковника Аминова; я дал ему в проводники своего брата до Серахса. Мы трясемся от страха персиян, подобно камышу в воде, и просим принять нас в подданство белому царю[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 38.

№ 323

Договор между русским командованием и мервскими туркменами об урегулировании взаимоотношений

16 ноября 1881 г.

Мы, нижеподписавшиеся: и. д. начальника штаба Закаспийской области Генерального штаба полковник барон Амиенов, за отсутствием и по поручению начальника области генерал-лейтенанта Рерберга, и уполномоченные от живущих в Мерве теке-туркмен обществ заключили следующее условие:

Мы: Халлы-хан Коушут-хан-оглы, Анна Мухаммед-хан Беркели-хан-оглы, Чары-хан Котур Мираб-оглы, Ягмур-хан Мерген-бек-оглы, Баба-хан Сувяк-оглы, Карры-хан Кярим Кизыл-оглы, Худай Кули-хан, Бек Мурад-хан-оглы, Софи-хан

[1] На подлиннике именная печать автора.

Ходжа Нефес Пахливан-оглы и Назар-хан Гельды-хан-оглы обязываемся и обещаем от имени своего и вышеназванных обществ:

1-е. Никогда и ни под каким предлогом не поднимать оружие против русских и во всем слушаться приказаний и советов русских начальников, поставленных государем императором Всероссийским над туркменскими народами.

2-е. Прекратить навсегда разбои и грабежи как проходящих через Мерв и другие земли караванов, так и жителей соседних туркменских и других стран, а также персидских земель. В случае же учинения кем-либо из нашего племени разбоев обязываемся подвергать виновных наказаниям по шариату и возвращать потерпевшему все награбленное имущество, а при невозможности этого исполнить—возмещать потерпевшим стоимость ограбленного. В этих случаях обязываемся безусловно выполнять решения русских властей.

3-е. Прекратить навсегда торговлю невольниками.

4-е. Принимать с должным почетом лиц, которые по временам будут посылаться в Мерв от русских властей и посылать от себя по временам особых посланцев к начальнику Закаспийской области.

5-е. Давать охрану русским торговым караванам, а также караванам других соседних народов, проходящих через Мерв и Хиву, Бухару и Персию, за установленную плату, кроме того, допускается взимание существующего по обычаю сбора с караванов. Размер этого сбора, а также плата за охрану караванов определяются по соглашению с начальником Закаспийской области.

6-е. Кроме русских посланцев, не допускать в свои земли агентов от других правительств.

7-е. Давать лошадей с провожатыми за установленную плату для курьеров, которые будут посылаться от русских начальников в Закаспийской области в Хиву, Бухару, Ташкент и другие места.

Все вышеизложенное обязуемся свято исполнять, в чем клянемся на святом ал-коране.

В случае, если Халлы-хан Коушут-хан-оглы, Анна Мухаммед-хан Беркели-хан-оглы, Чары-хан Котур Мираб-оглы, Ягмур-хан Мергян-бек-оглы, Баба-хан Сувяк-оглы, Карры-хан Кярим Кизыл-оглы, Худай Кули-хан Бек Мурад-хан-оглы, Софи-хан Ходжа Непес Пахливан-оглы и Назар-хан Гельды-хан-оглы свято исполнят все вышеизложенное, то я, и. д. начальника штаба Закаспийской области Генерального штаба полковник барон Аминов, по поручению начальника области обещаю от имени русского правительства следующее:

1-е. Не нарушать ни религии, ни обычаев, ни порядка управления, ныне в Мерве существующих.

2-е. Не назначать в Мерве особых русских начальников.

3-е. Не налагать на мервцев никаких податей.

4-е. Оказывать мервским туркменам в русских пределах то же покровительство, которое со стороны русского правительства оказывается подданным бухарского эмира и хивинского хана[1].

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5130, лл. 1—2.

№ 324

Из донесения российского военного атташе в Лондоне об антирусских происках английских колонизаторов в восточных районах России и Туркмении[2]

20 ноября 1881 г.

...Оставляя Афганистан, англичане довольно громко жалуются на то, что правительство нынешнего либерального министерства явно забывает интересы Англии ввиду дружбы с Россией и не требует, чтобы и Россия тоже вывела бы свои войска из Ахал-Текинского края. Особливо бьют в набат и дают ясно почувствовать, что лишь только эта последняя партия войдет в силу, тотчас же начнутся представления России насчет Ахал-Теке, а с другой стороны, возобновятся усилия занять Пишин и довести железную дорогу по крайней мере до Гулистана. Постройка этой дороги была окончательно решена биконсфильдским министерством, вся материальная часть была заказана и была окончательно изготовлена в Англии и доставлена на место, т. е. до длины Пишина включительно; полотно изготовлено было почти до р. Лори близ Чапарских гор* (хотя и не непрерывно). Нынешнее правительство работы остановило, и, начиная от Сибби, дорога брошена, рельсы и прочая принадлежность отвезены на Мид и там распроданы разным компаниям.

---

[1] Аналогичный договор был заключен и с другими отделениями мары-текинцев, в частности с векильцами (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 740а, лл. 101—102). Все эти договоры заключались администрацией Закаспийской области, кроме договора с утамышцами, который был заключен начальником Аму-Дарьинского военного отдела 16 октября 1881 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 29, д. 521, лл. 17—62).

[2] Начало документа, посвященное описанию событий в других районах, к теме сборника отношений не имеет.

* Т. е. до Чапарского пасса.

Но дух вражды не исчез, и тайные подготовления в военно-консервативной партии к войне с Россией не прекращаются. В журнале «Army and Navy Magazine» за ноябрь 1881 г. помещена громовая статья Марвина под названием «Потерян ли Герат для Англии», где доказывается, что России из Ахал-Текинского края легче двинуть войска до Герата, нежели Англии из Сакара, Сиби и Кветты. Полковник Стюарт, наблюдавший за экспедицией генерала Скобелева из Магометабада в Дерегезе, ныне находится в Кафе, недалеко от северной границы Хорасана и, конечно, изучает местность между Мешхедом и Гератом в видах могущего быть столкновения там России и Англии. Майор Бомбейской армии G. C. Sartorius выехал отсюда вначале октября с множеством карт России и намерен осматривать Кавказ, Каспийское море и даже сибирскую границу. Вице-адмирал сэр Эдмунд Комерель (Commerell) в конце октября осматривал Керчь и старался внимательно изучить вопрос о проходе в Азовское море мимо Керчи, через прорытие косы у Ахтанизского лимана. Вообще признаки враждебной деятельности заметны.

Генерал-лейтенант Горлов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 67, лл. 1—4 об. Копия.

№ 325

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику области о прибытии в Асхабад секретаря английского посольства в Тегеране Стивена

25 ноября 1881 г.

Приехал [в] Асхабад совершенно неожиданно новый секретарь английского посольства в Тегеране Стивен туристом и принят мною гостеприимно и радушно, несмотря на то, что я не был предупрежден о его приезде. Он дорогою от начальников постов встретил полное русское радушие. Его молодость и поведение не дают ни малейшего основания предполагать какую-либо специальную цель его поездки, но во всяком случае доношу о сем Вашему превосходительству с просьбой, если найдете нужным, не откажите в соответствующих инструкциях[1]. По случаю повреждения кабеля он, наверно, уже не будет здесь, когда получу Ваш ответ. Запрашиваю Попова, почему не дал мне знать о его приезде в Красноводск и отправления сюда. Телеграфировал Зиновьеву[2].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 57.

№ 326

Рапорт начальника Закаспийской области начальнику штаба Кавказского военного округа об аресте в Ашхабаде английского агента

9 декабря 1881 г.

Начальник штаба Закаспийской области доносит мне шифрованной телеграммой о нижеследующем[3]: проживающий в Асхабаде персиянин Мирза Ибрагим сообщал сведения английскому агенту в Мешхеде Мирзе Аббас-хану; полковник барон Аминов арестовал Мирзу Ибрагима, выслал его через Красноводск и Ашур-Аде в персидские пределы и поставил об этом в известность посланника нашего в Тегеране тайного советника Зиновьева.

Одобрив, телеграммою...[4].

Полковнику барону Аминову его распоряжение, я сообщаю о сем Вашему превосходительству для доклада командующему Армией.

Рерберг

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 55.

---

[1] В донесении от 3 декабря 1881 г. Аминов сообщал, что Стивен «вел себя скромно и с большим тактом, и сколько за ним не следили, никаких политических сведений не собирал, с туземцами сношений не имел» и т. д. (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 47). Несмотря на это дальнейшая роль Стивена в антирусских провокациях англичан в Туркмении показала, что он приехал сюда не для того, чтобы «вечера и обеды» проводить у Аминова.

[2] Российский посланник в Иране Зиновьев, лучше знавший Стивена, в ответе на телеграмму Аминова отмечал, что лучше было бы, если бы Стивен «не приезжал вовсе в Ашхабад», и рекомендовал под каким-либо благовидным предлогом отклонить Стивена от путешествия по атрекской линии» (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 257, лл. 61—62).

[3] ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 48.

[4] Далее текст не расшифрован.

№ 327

Русско-иранская конвенция о разграничении к востоку от Каспийского моря

9 декабря 1881 г.

Во имя бога всемогущего.

Его величество император и самодержец Всероссийский и его величество шах Персидский, признав необходимым в точности определить границы своих обоюдных владений на востоке от Каспийского моря и обеспечить их безопасность и спокойствие, согласились заключить на сей конец конвенцию и назначили своими уполномоченными.

Его величество император и самодержец Всероссийский, с одной стороны, Ивана Зиновьева, своего чрезвычайного посланника и полномочного министра при его величестве шахе и его величество шах Персидский, с другой, Мирза Сеид-хана Мотеменуль Мулька, своего министра иностранных дел, кои, после обмена своих полномочий, найденных в надлежащей и установленной форме, согласились на нижеследующие статьи:

Статья I

Границей между владениями Российской империи и Персии к востоку от Каспийского моря постановляется следующая черта:

Начиная от залива Гасан-Гули, до Чата границей служит течение реки Атрека. От Чата пограничная черта следует на северо-восток по вершинам хребтов Сонгу-Даг и Сагирим и затем, направляясь на север к реке Чандыру, достигает русла этой реки у Чакан-Кала. У Чакан-Кала пограничная черта переходит в северном направлении на вершины гор, отделяющих долину Чандыра от долины Сумбара, по вершинам этих гор следует в восточном направлении и опускается к руслу Сумбара, при впадении в него ручья Аш-Огани. Дальнейшим протяжением границы на восток служит русло Сумбара до развалин мечети Дайну. Отсюда пограничную черту составляет дорога в Дурун до вершин хребта Копет-Дага, по вершинам которого граница продолжается на юго-восток, но, не доходя верховьев ущелья Гермаба, поворачивает к югу, по высотам, отделяющим долину Сумбара от верховьев Гермаба, затем в юго-восточном направлении, через вершины гор Мисинов и Чуббест, достигает дороги из Гермаба в Расад, проходя в расстоянии одной версты на север от последнего пункта. От этого пункта пограничная черта по горным высотам направляется к вершине горы Данга, откуда севернее селения Хейрабад продолжается на северо-восток к урочищу Гек-Кейталь. От урочища Гек-Кейталь пограничная черта переходит к ущелью реки Фирюзе и пересекает это ущелье севернее селения Фирюзы. Отсюда пограничная черта направляется на юго-восток и поднимается на вершины горного хребта, ограничивающего с юга долину, по которой пролегает дорога на Асхабад в Фирюзе. Затем по гребню этого хребта граница продолжается до крайней его восточной оконечности. Отсюда пограничная черта переходит на крайнюю северную вершину хребта Асельма и тянется по вершине этого хребта на юго-восток. Обойдя с севера селение Кельте-Чинар, она направляется на узел хребтов Зири-Ку и Кизыл-Дага. От этого горного узла пограничная черта следует на юго-восток по вершинам хребта Зири-Ку до его выхода в долину ручья Баба-Дурмаса, откуда принимает северное направление и выходит в оазис на дорогу из Гяурса в Лютфабад, огибая Кала-Баба-Дурмас, который остается к востоку от пограничной черты.

Статья II

Так как в статье I настоящей конвенции указаны главные пункты, чрез кои должна направляться граница между владениями России и Персии, то для точного определения пограничной черты на месте и для постановки пограничных знаков обе высокие договаривающиеся стороны назначат специальных комиссаров.

Время и место съезда комиссаров будет определено по взаимному соглашению обеих договаривающихся сторон.

Статья III

Так как форты Гермаб и Кулкулаб, расположенные в ущелье, через которое протекает речка, орошающая земли Каспийской области, находятся на севере от черты, которая, согласно I статьи конвенции, будет служить границей между владениями двух высоких договаривающихся сторон, то Правительство его величества шаха обязуется очистить означенные форты в течение одного года со дня размена ратификации настоящей конвенции и будет иметь право в течение того же срока переселить жителей Гермаба и Кулкулаба в пределы Персии. С своей стороны Правительство его величества императора Всероссийского обязуется не строить в означенных местностях укреплений и не селить там же текинцев.

Статья IV

Так как источники речки Фирюзы, а равно и некоторых других ручьев и речек, орошающих земли Закаспийской области, прилегающей к персидской границе, находятся на персидской территории, то Правительство его величества шаха обязуется ни под каким видом не дозволять, чтобы по течению означенных ручьев и речек, от их источников до выхода их из персидской территории устраивались новые поселения, чтобы расширялись пределы обрабатываемых ныне земель или же чтобы под каким бы то ни было предлогом отводилась вода в количестве, превышающем то, которое необходимо для орошения существующих на персидской территории полей. Для непосредственного наблюдения за точным выполнением настоящего постановления Правительство его величества шаха обязуется назначить в достаточном числе благонадежных агентов, и нарушители оного будут подвергаемы строгим взысканиям.

Статья V

В видах развития торговых сношений между населением Закаспийской области и Хорасана обе высокие договаривающиеся стороны обязуются войти в скорейшем по возможности времени в обоюдовыгодное соглашение относительно устройства между помянутыми областями удобных для товарного движения колесных дорог.

Статья VI

Правительство его величества шаха персидского обязуется строго воспретить вывоз из своих пределов на всем протяжении границ Астрабадской и Хорасанской провинции всякого оружия и военных принадлежностей и вместе с тем принять меры к тому, чтобы оружие не проникало также к туркменам, живущим на персидской территории. Со стороны пограничных персидских властей будет оказываемо самодеятельное содействие агентам императорского Российского правительства, коим поручено будет следить за тем, чтобы оружие не проникало за пределы Персии.

Со своей стороны Правительство его величества императора Всероссийского также обязуется не допускать, чтобы оружие и военные принадлежности вывозились из пределов России к туркменам, живущим на персидской территории.

Статья VII

Для наблюдения за выполнением постановлений настоящей конвенции и за образом действий соседних с Персией туркменских населений Правительство его величества императора Всероссийского будет иметь право назначать агентов в пограничные пункты Персии. По всем вопросам, касающимся поддержания порядка и тишины в странах, сопредельных с владениями высоких договаривающихся сторон, означенные агенты будут служить посредниками в отношениях между Российскими и Персидскими властями.

Статья VIII

Все обязательства и условия, заключающиеся в трактатах и конвенциях, до сего времени заключенных между двумя высокими договаривающимися сторонами, будут и за сим оставаться.

Статья IX

Настоящая конвенция, учиненная в двух одинакового содержания экземплярах, подписанная уполномоченными обеих сторон и утвержденная их печатями, имеет быть утверждена и ратифицирована его величеством императором и самодержцем Всероссийским и его величеством шахом Персидским, и ратификации будут разменены уполномоченными обеих сторон в Тегеране в течение четырехмесячного срока или скорее, буде возможно.

В Тегеране 9 декабря 1881 г. мусульманского же летоисчисления 29-го мохаррема 1299 г.

Иван Зиновьев

ЦГВИА, ВУА, оп. 1, д. 74, лл. 119—123.

№ 328

Телеграмма начальника Закаспийской области начальнику штаба области о выезде из Лондона английского агента для разведывательной деятельности на случай англо-русского столкновения в Средней Азии

11 декабря 1881 г.

Из Лондона выехал в октябре майор Сарторнус на Кавказ и Каспийское море для изучения местности, получающих

значение при столкновении Англии с Россией в Средней Азии. В случае прибытия Сарториуса в пределы области телеграфируйте. Необходимо также разведать, не находится ли он и теперь в области под чужим именем[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 56. *Реберг.*

№ 329

Из доклада генерала Борха Главному штабу об общественной организации текинцев, формах ведения войны в Средней Азии и управления ею после взятия Мервского оазиса

22 декабря 1881 г.[2]

...Самым крупным земле- и водовладельцем ахальцы считали Нурберды, ныне умершего. Наследниками Нурберды-хана остались Махтумкули и его младший брат Юсуф-хан. Нурберды-хан владел тоже большими землями в Мерве, в настоящее время земли эти перешли в руки его сыновей.

До 1878 г. Ахал не управлялся ханами, только опасение войны с русскими и некоторые внутренние раздоры между сардарами партия войны и партия мира побудили народ обратиться к покойному Нурберды-хану, незадолго до этого выбранного ханом мервским, с просьбой стать и над ними ханом. Просьба ахальцев была уважена, но не долго пришлось Нурберды-хану ханствовать над Ахалом, он умер в 1880 г., и ему наследовал с согласия народа старший сын его Махтумкули-хан, бывший главный руководитель текинцев и главнокомандующий во время осады и штурма Геок-Тепе генерал-адъютантом Скобелевым*.

В настоящее время Махтумкули-хан, бежавший после геоктепинского погрома на Теджен во главе всего уцелевшего боевого населения Ахала, кочевал некоторое время в Атреке и между Тедженом и Мервом. Возвращение его в пределы наши становится с каждым днем более сомнительным, так как по имеющимся у нас сведениям он окончательно поселился с братом своим, родней и приближенными людьми в Мерве. У текинцев хан решал только дела более важные, ме-

[1] Основанием к этому сообщению послужило датированное 24 ноября 1881 г. предписание начальника Главного штаба начальнику штаба Кавказского военного округа и распоряжение этого последнего начальнику Закаспийской области от 11 декабря 1881 г. (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, лл. 53—54).

[2] В конце документа имеется вторая дата: 11 января 1882 г.

* Примечание: Тыкма-сардар был только помощником Махтумкули-хана, вроде его начальника штаба.

нее важные дела, споры и ссоры разбирались и решались казиями по шариату и народному обычаю.

До Нурберды-хана племенных ханов не существовало, были только сардары, большей частью потомственные, прадеды, деды и отцы коих приобрели себе славу знаменитых предводителей аламанов. Они по сие время воды не имеют и живут тем, что народ добровольно им уделяет из своих доходов. Прежде, т. е. до покорения нами оазиса, сардары эти специально занимались аламанами. Бывают сардары и личные, они владеют землею и пользуются водою по наследству: храбрый воин, опытный вожак и предприимчивый разбойник попадает в сардары.

Текинцы без исключения все мусульмане сунитского толка, сохраняют некоторую наружную обрядность, но далеко не фанатики. Из духовных лиц или ишанов имеют влияние лишь те, которые славятся лихими предводителями аламанов: как, например, Курбан Мурад-ишан, верный сподвижник и ближайший друг Махтумкули-хана. Муллы совершенно безгласны и на народ влияния не имеют...

...В Средней Азии не следует увлекаться стратегическими соображениями в войнах с населением, не имеющим в сущности военной организации, дело наше сводится не к тому, когда и в каком именно пункте столкнуться с неприятелем и нанести ему удар, а в том, чтобы его победить и крепко побить, где бы то ни было, тогда победа, где бы она ни была одержана, как громовой раскат передается по всему краю, и цель блестящим образом будет достигнута. Надо себе поставить за основное тактическое правило действовать преимущественно в поле, всегда идти навстречу неприятелю, бить его в открытом месте, пользуясь превосходством нашего артиллерийского и ружейного огня, избегая насколько возможно рукопашных схваток, в которых азиатцы в большинстве случаев имели, имеют и будут иметь верх над нашим недостаточно физически развитым и не всегда стойким молодым солдатом.

Надо еще обратить внимание на то, что мы почти всегда действуем против врага в десять, если даже не более раз сильнее своею численностью, следовательно, вся сила наша в порядке, в дисциплине, спокойствии и быстроте хорошо задуманных, верно рассчитанных и во время выполненных движений.

Вообще при занятии нового края не следует в видах обороны и сохранения в нем спокойствия приковывать войска к месту, наоборот, необходимо придать им сколь возможно большую подвижность, опираясь только на некоторые обеспеченные водою и достаточно укрепленные пункты, дабы в случае надобности, прикрыв местные склады и магазины, воз-

можно было защищать их ничтожными силами, предоставив прочим войскам полную свободу действий. Не менее важно избегать дробления войск по разным пунктам на мелкие группы, следует отдать предпочтение более сомкнутому сосредоточению войск, соображая их дислокацию и связь резервов между собою, смотря по политическому или боевому значению занятого урочища, селения, города или холма.

В Средней Азии крепости особого значения не имеют. В Европе совершенно другое дело и другие условия защиты и обороны края. В Азии все крепости могут легко быть обойдены во всякое время неприятелем, не нуждающимся, как в Европе, в хороших путях сообщения и для которого любая тропа делается проходимой дорогой. Они требуют для собственной обороны большее число войск в ущерб желаемой подвижности сих последних, чем именно становятся невыгодными в экономическом отношении, так как приходится усиливать общую цифру всех войск, назначенных оборонять край.

В заключение скажу, что с неминуемым падением Бухары, Хивы и Мерва наши среднеазиатские владения расширятся до таких необозримых пределов, что управление ими централизованное, как в настоящее время в руках одного туркестанского генерал-губернатора, управляющего этим миром из Ташкента станет безусловно немыслимо; тогда появится настоятельная необходимость учреждения среднеазиатского наместничества с разделением его на три генерал-губернаторства...

Свиты его величества генерал граф Борх.

ЦГВИА, ф. 400, д. 13, лл. 244—267.

№ 330

Рапорт заведующего Ахал-Текинским округом начальнику Закаспийской области об антирусских происках на границах Туркмении

29 декабря 1881 г.

Имею честь донести Вашему превосходительству, что хивинец Фейзулла-бек, проживающий в Асхабаде, сообщил мне, будто он имеет сведения, что из Герата прибыло в Кафир-Кала (что между Мешхедом и Гератом) 5 тысяч афганцев с одним инженером англичанином, в числе которых находится 2 [тысячи] рабочих[1].

Заведующий округом майор (подпись)

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 62.

[1] В тексте, видимо, ошибочно: «2 рабочих».

№ 331

Рапорт начальника штаба Закаспийской области начальнику штаба Кавказского военного округа со сведениями о событиях в Афганистане

29 декабря 1881 г.

Через Сеид Назар-юзбаши получил следующие сведения. В Герат вступили три отряда войск. Сам Абдурахман вступил туда с конвоем [из] шестидесяти всадников. В Кафир-Кала отправлен пятитысячный афганский отряд, в составе которого три тысячи с лопатами, очевидно, для постройки укрепления. Абдурахман послал в Мерв три человека для разузнавания положения дел в этой стороне, но посланные эти убиты разбойниками из племени векиль, близ Мерва, на местности Акри-Кузар[1]. Так как известие об убийстве дошло до Герата, то мервцы собираются возвратить оружие и лошадей убитых. Жители Меймане, Чар-велната уклоняются от подчинения Абдурахману, как говорят, вследствие совета русских властей в Туркестане, действующих через эмира бухарского. Для покорения Меймане отправлен отряд из Герата[2].

Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 4, д. 68, л. 48, об.

№ 332

Донесение тайного советника Зиновьева директору Азиатского департамента о влиянии иностранных агентов на Махтумкули-хана, о полезности привлечь его к поездке в Асхабад, о новом набеге мервцев на Гератскую область

Копия с донесения тайного советника Зиновьева к статс-секретарю Гирсу — Тегеран, 31 декабря 1881 года, № 121.

Согласно донесению коллежского ассесора Насирбекова, Махтумкули-хан мервский продолжает бороться между желанием отправиться в Асхабад с тем, чтобы вступить в непосредственные сношения с начальником Закаспийской области, и опасениями за последствия этого шага. Колебания эти, как сообщают г. Насирбекову, зависят от внушений недоброжелателей наших, которые успели будто бы уверить Махтумкули-хана, что русское правительство намерено лишить его сво-

[1] Так в тексте, видимо, Эгри-Гузер.

[2] В рапорте того же содержания, направленном Рербергу в Тифлис, добавлено: «О чем вместе с сим послана телеграмма начальнику окружного штаба ввиду слухов о выезде Вашего превосходительства в Петербург» (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 48 об.).

Ин. ОЗ. арх. док. „Присоединение Туркмении к России".

боды и что сын Тыкма-сардара заарестован будто бы в России в качестве заложника, впредь до задержания самого Махтумкули-хана.

Имея в виду, что, согласно мнению начальника Закаспийской области, вступление Махтумкули-хана в непосредственные сношения с нами было бы как нельзя более полезно для поддержания обояния нашего в глазах туркменского населения, я поручил агенту нашему в Мешхеде сообщить названному хану, в ответ на его недавнее обращение, что ему не следует верить внушениям его недругов и что в Асхабаде ему будет сделан самый радушный прием.

Из Мешхеда сообщают о новом набеге мервцев на Герат-скую область...[1].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 540, л. 29. Подлинник, гектограф.

№ 333

Из показаний агента о положении в Мервском оазисе[2]

не ранее конца 1881—начало 1882 г.

1. Из Ташкента по Самаркандской дороге проехал в Бухару далее через Каракуль в Чарджуй. Получив здесь сведения о том, что у туркмен рода арабакеш, подвластного Чарджую, сосредоточен караван для следования в Мерв, я поехал туда, чтобы совершить дальнейшее путешествие с этим караваном, так как путь от Чарджуя до Мерва по своей трудности не представляет удобств и безопасности одинокому путнику. По прибытии в этот караван, в котором считалось около 600 человек пеших, конных и с верблюдами, навьюченными разным товаром, как-то: бязью (бумажная материя туземного изделия), алачей и каламы (род крашеной бязи) и фруктами (урюком, кишмишом и фисташками) — я поступил в работники к караванбаши, родом из туркмен, Мустафакулу и выступил вместе с ним в дорогу. Пройдя 2 таша (16 верст), караван остановился на ночлег у колодца Каракул, вполне удовлетворившего пресной и хорошей водой как людей, так и животных всего каравана...[3].

2. По прибытии в Мерв я в тот же день поехал ночевать к ишану из рода теке Мир-Салиху, человеку благочестивому, у которого все странники (мусафиры) и богомольцы находят

[1] Далее следует не представляющее интереса описание набега и его отражение афганскими войсками, документ без подписи.

[2] Документ представляет собой опросный лист, составленный неким подполковником Бабабековым в результате опроса агента жителя Шахрисабза Джаббар-кула Худайкулова.

[3] Далее следует не представляющее интереса описание пути от Чарджоу в Мервский оазис.

приют, с намерением прожить у него несколько дней, но, к несчастию моему, на другой день утром меня, как человека незнакомого и подозрительного, текинцы заарестовали и, отобрав лошадь мою, одежду и 42 бухарских тиллей, бывших при мне, отправили на толчею при мастерской, где человек около 30 персиян-невольников трудились над приготовлением составов, из которых делается туземный порох. Работа на толчее заключалась в приведении в движение посредством человеческой силы двух молотов, которыми толклись означенные составы. Над подобной толчеей меня заставили проработать 2 месяца и 10 дней в сотовариществе с означенными персиянами-невольниками. Из рассказа последних я узнал, что у каждого значительного текинского сардара имеется мастерская для пороха и толчея, на которых работают преимущественно невольники-персияне.

3. Аул, в котором я находился пленником, принадлежал сардару Баба-хану, сыну Коушут-хана*. В этом ауле, как мне говорили тоже невольники-персияне, находятся три англичанина, занятые изготовлением ружей, и при них около 30 человек рабочих из бухарцев, персиян и туркмен. Все ружья работы этих англичан складываются где-то и не выдаются никому**.

В Мерве имеется около 30 орудий, отбитых текинцами от персиян во время войны этих двух народов. Часть из этих орудий на колесах, большая часть брошена просто на землю и лежат покрытые песком.

4. По рассказу невольников-персиян, текинцы делятся на два рода: утамыш и тохтамыш. В первом из них самым влиятельным лицом считается сардар Баба-хан сын Коушут-хана, за ним Махтумкули-хан сын Нурберды-хана и другие; в роде тохтамыш считается главой сардар Дангатар, за ним Вали-

* Примечания переводчика: Приезд лазутчика Джаппаркула в аул сардара Баба-хана (16 июля 1881 года) совпадает с временем прибытия туда Муртаза-бия, посланца хивинского хана к мервским туркменам. Лазутчик, по его словам, жил в этом ауле ровно три месяца и ничего не знает о прибытии в тот же аул Муртаза-бия, о большой сходке мервских текинцев по случаю миссии последнего. На сходке этой собралось, как видно из письма Муртаза-бия, более 1000 человек, и сходка продолжалась несколько дней.

** Это совершенная выдумка! Иначе об этих англичанах мастеровых что-нибудь сообщил бы в своих показаниях капонир Кидяев или тот же Муртаза-бий. Последний об англичанине (О'Донаване) сообщает следующее: «англичанина они (мервцы) отправили в Мешхед дней за 10 до моего приезда в Мерв с 4 старшинами; два хана получили с него 1000 кран (персид. монета)». Выписка из показания Кидяева: «Весною настоящего года (1881) приехал один англичанин, который склонял текинцев установить с Англией дружественные отношения, но предложение его отвергнуто, а самого его задержали, так что он просидел в Мерве 6 месяцев и, уплатив за себя рублей 500, откупился и уехал в Мешхед».

хан и шесть других сардарей. Из названных двух родов большим значением как в отношении численности, так и воинственности пользуются утамышевцы.

5. Из распросов узнал, что текинцы не имеют крепостей. Старая крепость Мерва остается в том же виде, как она существовала прежде; новых нигде не построено.

Туркмены Мерва живут группами от 500 до 2000 кибиток на одном месте.

Вблизи аулов сардарей производятся боевые учения пеших и конных людей. Учения эти не отличаются ни тактом, ни стройностью, ни порядком; каждый всадник или пеший воин, принимающий участие на таком учении, действует по-своему, не слушая команды.

6. Пешие воины в Мерве вооружены ударными ружьями длиной 1 3/4 аршина с деревянными у конца ствола рогатками, прикрепленными к ложу его; а конные — такими же ружьями 1 1/4 аршина длины без рогаток, двустволками и пистолетами ударными и кремневыми, различного калибра персидской работы. Некоторые воины имеют при себе по два и по три пистолета. Пули у ружей и пистолетов круглые.

7. Мервцы не отличаются вообще богатством: у них бедных несравненно больше, чем зажиточных. Главное занятие бедняков заключается в земледелии посредством системы орошения почвы из реки Мургаба (Мари). У зажиточных текинцев имеются от 10 до 15 кобыл для приплода, которых они постоянно содержат близ кибиток своих на приколах.

Некоторые из бедняков нанимают у богатых коней для предприятия по грабежам в персидских, хивинских и бухарских владениях. Вся добыча, привозимая такими всадниками, после какого-либо предприятия делится между ними и хозяевами коней поровну.

Из породы домашнего скота в значительном количестве держат верблюдов и баранов.

Земледелие в Мерве сопряжено с большой трудностью и развито у каждого хозяина-земледельца в ограниченном количестве. О складе хлеба для общественных или военных целей нет и помину.

Урожай хлебов в прошлом году в Мерве был ниже посредственного, а посевы некоторых из них, например, риса, пшеницы, по всходе своем погибли от знойных ветров (таббат).

Во время моей бытности в Мерве цена на хлеб существовала следующая: батман по бухарскому весу пшеницы 40 тенег; ячменя 20 тенег; риса 50—55 тенег и джугары (кукурузы) 12—13 тенег.

8. Покорение русскими войсками ахал-текинской крепости Геок-Тепе навело в прошлом году уныние и страх на текинцев Мерва, сознавших свое бессилие перед могущественным российским государством и опасавшихся прихода к ним этих войск вслед за покорением означенной выше крепости. Более влиятельные и почетные мервцы под влиянием этого страха пожелали в том же году вести переговоры с русскими относительно мира, но большинство населения Мервского оазиса, состоящее из молодежи, лиц, проводивших свой век в воровстве и грабеже, на общем совете отвергло это предложение, предпочитая за лучшее войну с русскими и откочевание в афганские пределы в случае неуспеха сопротивления, чем добровольное подчинение русскому подданству*.

Этому же большинству приписывают расстройство советов у туркмен рода сарык, расположенных на низовьях реки Мургаба, происходивших между ними вследствие проявления у некоторых из них желания иметь сношение с русскими относительно мира и подчинения.

9. Из рассказа вышеозначенных персиян-невольников я узнал, что текинцы Мерва находятся в беспрерывных сношениях и дружбе с англичанами. Сношение их производится по Гератской и Мургабской дороге; такую же дружбу и переписку ведут с бухарским эмиром, который имеет обыкновение награждать посещающих его туркменских почетных лиц халатами, деньгами и почетными званиями. С ханом же хивинским и афганским, а также персидским правительством они решительно не ведут как сношений, так и дружбы**.

Далее сочинитель вышеизложенных сведений излагает, как он при помощи того же благочестивого ишана из рода теке. Мир-Салиха, освободился из неволи и, предприняв с попутным караваном обратный путь, достиг бухарского города Карши, хотя и пешком, но благополучно. Дорога от Карши до Самарканда уже известна многим и неоднократно описана русскими путешественниками, а потому описание этой дороги не переводится здесь, как не представляющее ничего интересного.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 541, лл. 10—17. Подлинник перевода, рукопись.

---

* Совет действительно происходил, но ни один из туркмен не подал голоса за войну с Россией, а, напротив, все они предпочли добровольное подчинение русскому правительству. См. письмо Муртаза-бия хивинскому хану. Дело дипломатической части № 93, 1881 г.

** Ход событий показывает совершенно противоположное. Если лазутчик, не говоря уже о Мерве, посетил бы хоть бухарский город Чарджуй, то тем, наверно, он что-нибудь узнал бы о таком совершившемся факте, как прибытие в прошлом году в Петро-Александровск депутации мервской из 30 самых почетных лиц ханов и старшин — факте, повсеместно известном в Туркменской степи.

№ 334

Отношение начальника Закаспийской области мервским старшинам об их отношениях к Ирану и Афганистану и необходимости мирной жизни

5 января 1882 г.

Письмо Ваше получил в добрый час и в хорошем здоровье, после чего слова мои следующие:

Бояться Вам афганского эмира не нужно, афганцы Вас не тронут и к Вам не пойдут; но и Вы с своей стороны не должны аламанить на афганских землях. Грабить и воровать дурно и позорно, где бы то ни было. Последнее время Ваши люди позволили себе аламанить на дорогах, где идут караваны наших подданных ахал-текинцев и хивинцев. Подобные грабежи надо поскорее прекратить, иначе дело Мерва может кончиться не хорошо для мервцев. Только если мервцы прекратят всякие аламанства, они могут рассчитывать на защиту русских от афганцев и персов. Советую мервцам подумать о своей будущности и, вместо аламанства, заниматься мирным трудом, от которого все народы богатеют. Потоки туркменской крови, так недавно пролитые под Геок-Тепе, служат лучшими доказательствами, как невыгодно заниматься аламанством и действовать вопреки приказаниям русских. В заключение от души желаю всему мервскому народу всего лучшего.

За начальника области начальник штаба Закаспийской области Генерального штаба

полковник барон Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97. оп. 1, д. 66, л. 73.

№ 335

Рапорт начальника Закаспийской области управляющему делами военно-учетного комитета о провале английских происков в Мерве, росте влияния России на мервских туркмен и их общественно-политических отношениях

19 января 1882 г.

Вследствие отзыва Вашего превосходительства от 27 ноября за № 468, полученного мною 13-го текущего января, имею честь сообщить следующие сведения о пребывании г. О'Донавана в Мерве. О'Донаван прибыл в Мерв в начале минувшего года из Келята после 23-дневного пребывания в этом городе, в гостях у местного ильхания Бейбут-хана. В

Мерве О'Донаван выдавал себя за лицо, уполномоченное английским правительством, обещая мервцам от имени этого правительства поддержку деньгами, оружием и даже войсками против русских. Кроме того, О'Донаван обещал выписать для исправления оружия мерв-текинцев английских оружейных мастеров, вследствие чего в мае распространился неверный слух о прибытии в Мерв тридцати английских и афганских оружейников. В начале своего пребывания в Мерве О'Донаван действительно имел некоторый успех, и ему отчасти там поверили; но вскоре возрастающее наше в то время влияние в этой стране и начавшиеся с июля частые сношения с Мервом окончательно уничтожили там обаяние г. О'Донавана, к чему немало способствовало поведение самого г. О'Донавана, который, по свидетельству всех прибывших из Мерва туземцев, ежедневно в излишестве предавался употреблению спиртных напитков; кроме того, О'Донаван нуждался в Мерве в деньгах и задолжал, что окончательно уронило его в глазах туркмен, влияние на которых достигается главным образом деньгами.

В Мерве О'Донаван не имел постоянного места жительства и разъезжал из аула в аул. Надо полагать, что, живя долгое время в Мерве, О'Донаван действительно вывез подробные сведения об этой стране, но карту, или правильнее кроки Мервского оазиса, составленные О'Донаваном, были в Мешхеде перехвачены нашими агентами и в подлиннике переданы инженеру Лессару нашим там коммерческим агентом г. Насырбековым. Подлинные кроки инженер Лессар взял с собою в Петербург для представления в Главный штаб, копия же находится у меня. При этом, конечно, нельзя не предполагать, что и у О'Донавана осталась копия или сведения для составления новой кроки.

Что О'Донаван, уезжая, повез с собою прошение, скрепленное подписными печатями многих мервских старшин, весьма вероятно; но я полагаю, что действительного значения документ этот не может иметь по следующим причинам:

а) Отъезд О'Донавана из Мерва в конце июля совпал с тем именно временем, когда наше влияние в этой стране в продолжение минувшего года было весьма сильно и когда туда со стороны начальника Закаспийской области был отправлен Тыкма-сардар, а со стороны туркестанского начальника — посланник от хивинского хана. Как та, так и другая из этих миссий увенчались, как уже Вашему превосходительству известно из донесений начальника области командующему Кавказской армией, полным успехом, выразившимся в посылке в Петро-Александровск депутации из 24-х выборных людей от всех племен; в посылке к нам в Асхабад целого ряда многочисленных депутаций; в освобождении пленного

канонира Кидяева (которого до того времени, несмотря даже на сильное впечатление, произведенное Геок-Тепинским погромом, мервцы отказывались выдать) и в возвращении в Ахал-Текинский оазис большинства откочевавших в Мерв после штурма Геок-Тепе жителей.

По сведениям, сообщенным одним из наших агентов в Атеке Сеид Назаром-юзбаши (старшине преданного нам Али-Иллинского селения Каахка), О'Донавана до Мешхеда сопровождали 20 или 30 человек мервцев из людей «мелких без всякого значения», — как выражается Сеид Назар. По другим сведениям, люди эти сопровождали О'Донавана в Мешхед, дабы там от него получить должные им разным мервцам деньги. Очевидцы рассказывают, что в минуту отъезда О'Донаван был в сильно возбужденном состоянии: махал саблею и угрожал возвратиться в Мерв врагом во главе английских войск.

Баба-хан, сын Коушут-хана, в августе писал: «англичанина отправили [в] Мешхед», а пленный канонир Кидяев писал, что «англичанина продали за тысячу кранов» (400 руб.); последнее надо понимать в смысле уплаты долга в означенном размере.

Смело утверждаю, что в эпоху отъезда О'Донавана из Мерва влияние Англии в этой стране было уничтожено и вообще в продолжение июля, августа, сентября и октября не существовало. И в настоящее время я не имею положительных данных утверждать противное; но со взятием Герата афганским эмиром начались слухи о новых происках англичан в Мерве. Слухи эти, впрочем, еще далеко недостаточно проверены, а также покуда не заметно в наших отношениях с Мервом каких-либо явлений, достаточно веско указывающих на существование сношений между мервцами и английскими агентами в Афганистане.

б) Что же касается до вывезенного О'Донаваном прошения за подписью многих старшин, то имею честь донести, что, по сложившемуся мнению, основанному на некотором моем знакомстве с нравами мервцев, подобные документы вообще имеют малое значение, далеко не выражает мнения или желания не только всего мервского народа, но даже отдельного рода, племени или отделения и вообще легко приобретаются. Мы почти еженедельно получаем письма из Мерва с разными подписными печатями, причем в одном письме подписываются одни старшины, в другом — другие и т. д. При выяснении личностей, подписавших письма, через распросы у единопленных им ахал-текинцев обыкновенно оказывается, что лица эти служат представителями лишь своих семейств или ближайших родственников.

Вообще, несмотря на установившееся у многих понятие, что в Мерве живет один сплоченный народ, управляемый старшинами племен на патриархальных началах, я пришел к заключению, что в этой стране не существует никакой постоянной организации и что всякий туркмен находится там в полной независимости от каких-либо законов и общества. Даже «адат» между ничем необузданными мервскими теке — туркменами не имеет той силы, как у других кочевых народов. Только в самых важных случаях туркмены собираются для совещаний, — общего или по племенам — и на время выбирают себе ханов или депутатов*, смотря по обстоятельствам, вызвавшим сходку. Сходки эти происходят, когда мервским туркменам угрожает общая опасность, когда они собираются на «аламанство» (в набег), или вообще, когда дело касается всего народа или целого племени.

Такие сходки были перед отправлением на Аму-Дарью и к нам, в Асхабад, депутатов от всех родов; но какой-либо сходки при выезде О'Донавана, насколько мне известно, не было.

Иногда, когда предпринимаются общие войны или народу угрожает общая опасность, мервцы выбирают общего для всего народа хана, но только на время войны. Если же войны продолжительны или часто повторяются, или угрожающая народу опасность долго не выясняется, или продолжает существовать после войны, то эти ханы могут несколько лет сохранять свою власть. Этим объясняется долгое влияние в народе Коушут-хана, которого, наконец, в других мусульманских странах стали считать настоящим мервским ханом, а также власть в Ахале Нурберды-хана, поддержанная опасностью, угрожавшей ахальцам в продолжение нескольких лет со стороны России. Но и эти ханы имели лишь значение как военачальники.

Кроме того, отдельные племена и даже отделения племен, когда едут на «аламанство», также выбирают себе на это время ханов, которые по окончании предприятия теряют всякое значение, хотя титул хана сохраняется за ними и за их потомством. Вот почему так часто между простыми жителями Мерва встречаются лица с титулами ханов, как-то: Баба-хан, Махтумкули-хан, Хаджакули-хан, Пулат-хан, Карахан, Аллахкули-хан, Анна Мухаммед-хан, Бек Мурад-хан, Ниязкули-хан, Онбеги-хан, Софи-хан, Назар-хан, Мухаммед Ра-

* Надо заметить, что независимо от действительных депутаций, посылаемых по решению обществ, в упомянутых важных случаях многие туркмены из Мерва часто отправляются самовольными депутатами от мервского народа к властям ближайших стран для получения обычных подарков, обыкновенно снабженные при этом письмами за подписью ближайших своих знакомых.

хим-хан, Хаким-хан, Аман Дурды-хан, Узбек-хан и многие другие, с которыми я имел случай познакомиться лично или через переписку и которые по большей части в настоящее время не более как простые туркмены, ничем не отличающиеся от других жителей. Конечно, при всем этом нельзя отвергать, что между жителями Мерва, как и везде, находятся лица, пользующиеся большим или меньшим влиянием в известной среде, но влияние это основано не на каком-либо праве или даже старшинстве в роде, а лишь на личных способностях.

Вот как объясняет Баба-хан (сын Коушут-хана) постоянное положение дел в Мерве*. «В Мерве не существует никакой организации — ни общей по всему народу, ни по родам, ни по племенам, и всякий мервец пользуется полною личною свободою, не давая никому отчета в своих действиях. Поэтому в мирное время в Мерве нет ни ханов, ни старшин, которые пользовались бы какою-либо законною властью.

Присвоенные некоторым мервцам титулы «хана» или «кетхуда» не имеют никакого практического значения и суть лишь наследственное достояние сыновей лиц, исполнявших во время прежних войн должности ханов. Даже тяжбы между туркменами разбираются в Мерве по обычаю, без всякого суда, причем голос сильнейшего имеет перевес. Только когда мервцам угрожает общая опасность, а также в случае войны, они выбирают себе хана, который по миновании в нем надобности лишается власти и делается простым жителем».

Изложенное показание Баба-хана, а также вышеприведенный мой личный взгляд касательно общественного строя в Мерве до некоторой степени оправдывается следующими фактами:

1) После заключения в Петро-Александровске условий с 24 выборными старшинами от всех текинских племен, а также после разных к нам депутаций и заключения условия с Кара-ханом, причем старшины, заключившие условия, под присягою обязались прекращать разбои и аламанства на караванных путях, — произошли два крупных случая нападения на караван. При этом мои требования, выраженные в письмах к лично мне известным ханам и кетхудам о возвращении потерпевшим награбленного имущества или выдаче должного вознаграждения, не были исполнены по недостаточности для этого власти у означенных старшин.

2) Несмотря на заключенные условия, мервцы, по последним, хотя еще не вполне проведенным известиям в настоящее время снова разделились на четыре племенных партии для аламанства, причем племя бахши-дашаяк избрало себе

* Донесения начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией за №№ 2485, 3952.

в ханы Ораз Мухаммед-хана, племя сычмаз — Каджар-хана, племя векиль — Махтумкули-хана и племя бек намеревается выбрать сына Беркели-хана.

3) В минувшем году, в то самое время, когда от всех родов к нам являлись многочисленные депутации с изъявлениями покорности русскому правительству, небольшое число туркмен из Мерва, приняв на себя роль депутации от мервского народа, отправилось в Мешхед для изъявления покорности персидскому правительству; при этом последние откровенно заявили бывшему тогда в Мешхеде нашему купцу Абелову, что цель депутации заключалась в получении обычных подарков и что по получении таковых они вовсе не намерены выполнять обещания, данные персидским властям.

Из вышеизложенной краткой характеристики общественного строя в Мерве и приведенных примеров, Ваше превосходительство, изволите усмотреть, что г. О'Донован в бытность свою в Мерве легко мог добыть себе документы с подписями без того, чтобы документ этот имел серьезное значение в смысле действительного выражения желания со стороны мервского народа искать покровительства Англии. Напротив, если в будущем английскому правительству и удастся при посредстве Афганистана и посредством денежных субсидий и раздачи оружия снова приобрести влияние в Мерве, то достичь этого будет не легко, так как после Геок-Тепинского погрома недоверие к обещаниям английских агентов общее и весьма сильное в среде туркмен.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 67, лл. 9—15.

№ 336

Отношение штаба Закаспийской области русскому посланнику в Иране о попытках каджарских властей переселить алиэлинцев в глубь Ирана

11 января 1882 г.

Старшина Сеид Назар-юзбаши действительно нам преданных алиэлинцев селения Каахка послал ко мне нарочного с известием, что наместник Хорасана хочет его арестовать. Далее сообщает, что в Тегеране решено, что Каахка отойдет к России, а потому персидские власти собираются насильно переселить алиэлинцев из Каахка внутрь Персии. Просит заступничества. Алиэлинцы переселились из Хивы шесть лет тому назад. Потерею алиэлинцев мы потеряем самую надежную и преданную нам часть населения Атека; они отличаются трудолюбием и стоят несравненно выше теке-туркмен.

Кроме того, считаю долгом доложить, что часть решений, сообщенных мне в письме Вашем, хотя и не вполне верном виде, известна в пограничных селениях, что не делает чести скромности персидских чиновников.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 49, об.

№ 337

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику области о положении в приграничных Туркмении районах Афганистана, афгано-туркменских отношениях и английских подстрекательствах

23 января 1882 г.

Сеид Назар-юзбаши письмом сообщает: афганистанские войска Герата находятся под начальством Куддус-хана, говорят, между ними есть англичанин, снабжающий войска деньгами. Из Мерва в Герат поехали продавать лошадей, их там не приняли, а велели передать мервцам, что если мервцы не выдадут убийц афганистанских посланных, об убийстве которых я донес № 49, а также отбитых осенью у афганцев баранов и пленных, о чем мною было донесено Вашему превосходительству [в] Тифлис № 45, то после новруза, то есть девятого марта, афганцы придут [в] Серахс и накажут мервцев. Абдурахман намеревается требовать от Персии выдачи всех военных людей, скрывшихся с Аюб-ханом [в] Мешхеде. Абдурахмана ждут в Герат через месяц. Прежние сведения, будто он уже был там, неверны. Сам Сеид Назар-юзбаши отправился [в] Мешхед, откуда сообщит мне дальнейшие новости.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 70.

№ 338

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику области об антирусских происках английской агентуры в Ахал-Теке

24 января 1882 г.

До моего сведения дошло, что в Дашкале, составляющей часть аула Багир, в восемнадцати верстах от Асхабада, появилась пропаганда в смысле, что вследствие занятия афган-

ским эмиром Герата[1] английские войска скоро придут освободить текинцев от русских, чтоб народ готовился к восстанию; во главе пропаганды два обдаренных О'Донаваном ахал-текинца, переселившихся из Мерва. Вчера ночью пропагандисты арестованы. Причем захвачено в Дашкале небольшое количество ружей и холодного оружия.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 71.

№ 339

Рапорт начальника штаба Закаспийской области начальнику Окружного штаба о выступлении каджарских войск против текинцев

26 января 1882 г.

[В] дополнение телеграммы № 3 доношу: из Мешхеда сообщают: поездка Рукн уд-Довле в Серахс отложена. Вследствие слуха о вторжении тысячи пятисот мервских аламанов в персидскую территорию из Мешхеда выступил двухтысячный отряд иррегулярной кавалерии при двух орудиях.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 54

№ 340

Отношение штаба Закаспийской области русскому посланнику в Иране о нежелании алиэлинцев переселяться в Иран и принятии некоторых из них на русскую службу

31 января 1882 г.

Обещание персидского правительства воздержаться от понудительных мер к переселению алиэлинцев и обещание им с нашей стороны защиты от произвола персидских властей я сего дня сообщил прибывшим сюда депутатам о персах алиэлинцам, которые приняли эти известия, как кажется, с неподдельною радостью и благодарностью; при этом я предупреждаю депутатов, что, вероятно, персы будут стараться склонять алиэлинцев к переселению разными обещаниями, на

[1] В рапорте начальника Закаспийской области командующему кавалерийской армией от 28 января 1882 г. Это место дается так: «в смысле вывода из занятия афганским эмиром Герата...» ЦГИА ТССР, ф. 97, оп.1, д. 859, л. 73.

что депутаты заявили, что никакие обещания или денежные (награды) не могут заставить их выселиться в Персию[1].

Что действительно алиэлинцы, несмотря на соблазн персов, не решатся переселиться, можно вполне верить уже потому, что они слишком для этого скомпрометированы перед хорасанскими властями своими отношениями к нам. Принял десять человек алиэлинцев на службу в состав туземной милиции области.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 60.

№ 341

Отношение начальника штаба Закаспийской области текинским старшинам Мерва о посылке к ним первого русского торгового каравана

2 февраля 1882 г.

После пожелания Вам от бога всего лучшего слова мои следующие: из разных писем, полученных от мервских ханов и кетхудов, а также из разговоров с вашими людьми, часто прибывающими в Асхабад, я с радостью усматриваю, что настало время, когда мервский народ, наподобие всех хороших народов в Азии, понял, что счастье и богатство достаются не разбойничьей и беспорядочной жизнью, а мирным трудом и торговлей.

Ввиду сего, постоянно озаботясь о благосостоянии подданных русского царя, живущих на земле, которых по приказанию начальника области генерала Ревберга я временно управляю, а также жителей соседних с нами земель, я разрешил нашему купцу Саверьяну Косиху отправиться в Мерв с караваном русских товаров для торговли с нашими мервскими соседями.

Да послужит этот первый караван твердым началом будущих торговых отношений между нами и Мервом для блага мервского народа.

Прошу мервских ханов и кетхудов оказывать купцу Саверьяну всякое содействие и гостеприимство и, где нужно будет, снабдить его конвоем для ограждения его каравана от

[1] В телеграмме начальнику Закаспийской области от 1 февраля 1882 г. Аминов доносил, что, по уверению Зиновьева, «персидское правительство обещает воздержаться от всяких понудительных мер к переселению алиэлинцев внутрь Персии». (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 78).

других людей, которых, к сожалению, в Мерве еще много, но которые рано или поздно будут жестоко наказаны.

Уважающий Вас помощник начальника Закаспийской области и начальник штаба полковник барон Аминов

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5130, л. 3

№ 342

Донесения начальнику штаба Закаспийской области о движении русского торгового каравана в Мерв

8 февраля 1882 г.

Вчера около 4-х часов пополудни мы благополучно прибыли в Каахка. Полагая, что топографическая сторона пути до этого пункта Вам хорошо известна еще из поездки г. Лессара, переходим прямо к краткому сообщению некоторых мелочных фактов нашего путешествия, характеризующих условия, в которых оно производится.

В Гяурсе мы догнали караван и были крайне огорчены категорическим заявлением верблюдовожатых, что на Теджен они ни за что не поедут. «Это, говорили они, и далеко, да и переправа через Теджен немыслима в эту пору года». Начали урезонивать, но ничего не помогало, несмотря даже на надбавку цены по их собственному желанию. Пришлось прибегнуть к мерам энергическим: прописав маленькую лупку зачинщику всего дела, мы объявили, что отправим их связанными в Асхабад, а сами отправимся далее с их верблюдами. Вожаки сделались шелковыми, и мы тронулись далее... Около Лютфабада нас встретил персидский чиновник из Магомед-Абада с конными. На его вопросы мы ответили следующее: караван русский; купец Северин-бек из Москвы, приказчики Платонага из Тифлиса и Максуд из Казани, идем в Мешхед. Записав все это и предложив нам остановиться в Магомед-Абаде у него, чиновник уехал для доклада всего этого Аллаяр-хану, находившемуся в это время в 3-х верстах от нас с огромной конницей для сбора податей: это здесь производится только при помощи военной силы. Мы переночевали около Лютфабада и на рассвете пошли своей дорогой, но узнали здесь следующее: проживающий в Магомед-абаде ахал-текинец Кара-Сём из Кипчака, служивший одно время у нас джигитом, обратился к Аллаяр-хану с просьбой разрешить ему предпринять набег. Хан не только согласился, но даже выделил ему 30 своих всадников. На другой день, когда мы пошли к Меин-Кала, из ворот его выехали около 40 всадников и направились на север: это был Кара-Сём со своими аламана-

ми. Приготовившись ко всевозможным случайностям, мы тронулись далее и из Пештак-Баверта отправили вперед джигита с Вашим письмом на имя Сеид Назара и Онбеги в Каахка, не прошло часа, как из Каахка примчались к нам навстречу до 30 всадников, лиц наиболее почетных и влиятельных среди алиэлинцев. Наперебой друг перед другом они выражали свои поздравления и радость по случаю нашего прибытия. Все остальное население высыпало за калу и на улицы. Мы остановились в сакле самого Сеид Назара, который на ночь выставил даже к нам караул из 4-х своих родственников.

Каахка — это грязный разбойничий вертеп, состоящий почти из 1100 сакель, обнесенных общей глиняной оградой. В нем есть две-три персидские лавчонки, торгующие изюмом и т. п. Вонь, грязь и всякие нечистоты страшные на прямолинейных, но узких улицах.

Вечер 7-го числа мы провели в обществе Сеид Назара и до 15 других почетных алиэлинцев. Разговоры были всякие, не исключая и относящихся к местной политике. Алиэлинцы иначе не называют себя как верными слугами и новыми подданными «ак-падишаха». Они и знать не хотят о персах. Узнав о сношениях алиэлинцев с Асхабадом, персидские власти потребовали Сеид Назара, Анна Дурды-Кетхуда и еще 8 представителей племени в Мешхед и предложили им 12 тысяч туманов с тем, чтобы все население Каахка переселилось внутрь Персии, поблизости к священному городу. Депутация не согласилась под разными предлогами, и поэтому все население Каахка находится под сильным опасением, что не сегодня-завтра персы прибегнут к силе. Однако они решили сопротивляться и в этом почти убедили нас, так искренни были их слова. Также искренно они обрадовались, когда от Вашего имени мы уверили их, что могут не опасаться персов, что русские не допустят их до поступков, не согласных с желаниями русского начальства. Преданность их видна, между прочим, и из обстоятельства, случившегося за несколько часов до нашего прибытия: получив Ваш приказ о возвращении всего имущества Тыкма-сардара, ограбленного 9 алиэлинцами дней 10 тому назад, старшина Сеид Назар объявил об этом народу и немедленно приступил к его исполнению. При этом тяжело ранен саблей один из ослушников... Мы видели самого беурминца, у которого отобрали имущество Тыкма-сардара, и он вполне доволен всеми мерами Сеид Назара. Прибавим со своей стороны, что этот старшина человек положительно светлого ума и хорошо умеет ориентироваться среди окружающих его обстоятельств... Он с радостью дает нам конвой и со своей стороны напишет о том же старшинам на Теджен.

Выступаем завтра утром. Все здоровы, и дух у всех не оставляет желать ничего лучшего. Комедию разыгрываем пока почти талантливо. Сделали массу заметок и столько же набросков.

Относительно маршрута дальнейшего следования мы узнали пока одно: переправа через Теджен, говорят, действительно немыслима, почему, выйдя на эту речку, мы принуждены будем сделать целый переход вдоль по берегу до Бента, где имеется мост. Не жалеем об этом, так как это дает возможность лучше ознакомиться с самой речкой. Следующее письмо намерены писать с берегов Теджена. Затем позвольте пожелать Вам, г. полковник, всего хорошего и примите уверение в том, что мы посвятим все наши силы порученному нам делу.

Покорные слуги Ваши А. Алиханов, С. Косых, П. Соколов.

P. S. Вследствие настойчивого желания Сеид Назара и других передаем их убедительную и в то же время серьезную просьбу о том, чтобы Вы поставили в Каахка хотя небольшой русский гарнизон. Глава наших джигитов Ак Мурад-сардар—человек услужливый и преданный, без всякого сомнения, но... вполне бездарный, приниженный и забитый, совершенно неспособный приказывать даже одному джигиту. Жаль очень, что с нами нет Куль-батыра, пользующегося громадным влиянием среди всех мервцев.

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5159, лл. 23—26.

№ 343

Из донесения начальнику штаба Закаспийской области об отношении мервцев к русскому каравану

19 февраля 1882 г.

В дополнение к № 3 считаю нужным прибавить несколько слов о пребывании нашем в Мерве. Вскоре по прибытии сюда мы узнали и были неприятно поражены тем, что люди, высланные Комек-баем, провели нас ночью не вследствие особенного настроения утамышцев, а единственно из личного опасения, чтобы народ и ханы не проведали об услугах, оказанных ими русским. На следующий день или в ту же ночь все эти люди скрылись вместе с Овез-сардаром. Между тем письма Ваши были доставлены по адресам, и вскоре до нас начали доходить более или менее достоверные известия о том, как они были приняты. Утамышцы, на которых так несправедливо клеветали, прочли свое письмо при собрании более 200 представителей народа и, несмотря на свою отдален-

ность, первые прислали выразить нам по этому поводу свои дружелюбные чувства: «Мы очень рады Вашему приезду. Обрадуемся еще более, если оба народа сольются. Вы наши гости. Живите у нас сколько угодно и свободно располагайте собою и т. п.». То же самое было тайно передано от Махтумкули-хана, который, кстати будь сказано, собирается приехать к нам в Асхабад, но таким образом, чтобы выезд был не одновременный во избежание дурного впечатления...

Иначе отнесся к нашему приезду недавно избранный бекским родом Каракули-хан. Он угрожал своему двоюродному брату Комек-баю, что разрушит его дом, в котором русские нашли приют и гостеприимство. Он же запретил местным торговцам и евреям вступать с нами в сношения даже коммерческие под страхом клоповника и т. п. Это даже известно достоверно, и люди, сблизившиеся с нами в первые дни, перестали теперь даже показываться. Говорят, что недовольство этого человека основано главным образом на том, что мы не остановились у него и тем самым лишили огромных выгод, якобы ожидающих теперь его двоюродного брата. Словом, Каракули-хан сделал то, что до сего времени мы не могли отправить даже письма, написанного 15 числа.

Дня через два после нашего приезда мы узнали, что хан и старшины всего мервского народа намерены собраться для того, чтобы обсудить вопрос: как отнестись к прибытию русских торговцев. Сборище это состоялось наконец вчера, в полдень, в доме Комек-бая, человека весьма разумного, имеющего вес и искренно расположенного к нам. Состояло оно из 15 старшин, представителей всех четырех отделов народа. Между ними были: 1) молодой человек, лет 25, умный и симпатичный, напоминающий наружностью и манерами хивинского Мадраши-хана, — это Махтумкули-хан, глава векильского рода. Он сидел на почетном месте. 2) Энергичный мужчина лет за 30, ...Каракули-хан, вновь избранный глава бекского рода и 3) Рябой ...парень лет 18, не проронивший за все время ни одного слова, — Майли-хан, недавно выбранный в ханы родами бахши и сичмаз, т. е. всеми утамышцами (отец и дед его в свое время были также ханами утамышцев)*. Остальная публика не заслуживает внимания, исключая кетхуда — Сары-батыра, руководящего всеми действиями безличного пока Майли-хана. Сары-батыр, умный и энергичный человек, лет 45, смело говоривший за пользу торговых сношений и ловко срезавший во время пре-

---

* Ввиду изложенного в начале настоящего доклада о безначалии в Мерве, считаю долгом заметить то, что все эти выборы глав разных племен, случились недавно.

ний алчного и двуличного Каракули-хана. В это собрание явились и мы, т. е. Косых и я в качестве его переводчика, и нужно отдать справедливость, были приняты почти как подсудимые: никто не пошевельнулся, никто не прервал гробового молчания. Было бы очень долго рассказывать о ходе этого совещания, продолжавшегося 1,5 часа; поэтому передам только суть дела. Ханы точно и не собирались прервать своего молчания. Поэтому, выждав некоторое время, я обратился к ним от имени Косыха приблизительно так: «Из писем, полученных Вами, вероятно, Вы уже знаете о цели нашего приезда. Мой хозяин, Северин-бек, богатый коммерсант. Он пользуется большим уважением у русских властей и потому был перед своим выездом у «штаба» (так они Вас здесь называют), который поручил ему передать его салам мервскому народу и его представителям. Северин-бек решился завязать с Вами торговые сношения и прибыл сюда, чтобы определить на месте, что можно сбыть и приобрести на ваших рынках.

Штаб со своей стороны сочувствует этому делу, так как ожидает от него обоюдную пользу, желательную при мирных и дружественных отношениях соседей. Итак, единственная цель нашего приезда с караваном — торговля, и мы желали бы узнать, какие у Вас мысли на этот счет, как Вы отнесетесь к нему?»

Последовало продолжительное молчание, после которого заговорил один старик: «Торговля вещь хорошая. Но мы опасаемся навлечь на себя ответственность в случае покушения дурных людей, которые есть везде и у нас. Поэтому мы отправим с Вами наших выборных. Поезжайте в Асхабад, сговоритесь с ними и соедините прежде два народа. Вопрос о торговле решится тогда сам собою» и так далее — уклончиво и неположительно. Мы торговцы, был ответ, не наше дело соединять или разъединять народ и вмешиваться в это дело. За этим Вы обратитесь к русским властям, а нам дайте ответ: «раскрывать товары и начать торговлю или уезжать обратно?». Но предупреждаю Вас, что дело будет понято в Асхабаде генералом Рербергом в надлежащем смысле, если Вы закроете для нас тот путь, которым свободно пользуются персы, бухарцы, афганцы и т. п. Над последним обстоятельством сильно призадумались все ханы и кетхуды. Тут возвысил решающий голос Махтумкули-хан. Он объяснил собранию смысл моего предупреждения и от имени всех объявил, что не видит препятствия к (некоторому) нашему пребыванию в Мерве. Удовлетворившись пока этим ответом, мы вышли, посоветовав еще раз подумать над окончательным ответом. (Вот в двух словах суть дела; подробности когда-нибудь при удобном случае). Собрание разошлось. Через два часа после того Каракули-хан прислал к Комек-баю своего при-

ближенного с просьбою, чтобы тот расхвалил его перед нами; а немного погодя явилась к нам целая депутация бекского рода, с Аллахкули-ханом во главе, заявить, что они свергнут Каракули-хана, если тот будет продолжать свои враждебные действия против нас.

До окончательного ответа торговля не начата. Два раза в неделю здесь бывают базары, на которые собирается весь народ. Если обстоятельства не изменятся, думаем выйти на следующий базар. Все остальное идет хорошо.

Покорнейшие Ваши слуги купец и приказчики.

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5159, лл. 33—36.

№ 344

Донесение начальника штаба Закаспийской области начальнику области об отношении мервских туркмен к русскому торговому каравану

19 февраля 1882 г.

Из Мерва прибыли посланцы с письмом от племени бек, в котором извещают, что племя это выбрало себе в ханы некого Каракули-хана, который сообщает мне, что первое его действие будет заключаться в возвращении имущества ограбленных осенью хивинских караванов, что, как усматривается из моей телеграммы за № 45 в ноябре, не было исполнено, но чего я настойчиво продолжал требовать. Далее сообщается, что племя бек решило более не заниматься аламанством и что вообще мервский народ будет слушаться наших приказаний, как бухарский эмир и хивинский хан. В искренности заявления я на сей раз решаюсь верить по следующим причинам: в письме подробно перечислены некоторые предметы, которые не могут быть возвращены по случаю выбытия из Мерва их нового владельца. Перехватил письмо, адресованное от Каракули-хана к одному из жителей Ахала, в котором, между прочим, сообщается то же самое; один из торгующих в Асхабаде получил от своего поверенного в Мерве письмо с известием, что все тохтамышцы решили не допускать грабежей. О прибытии нашего каравана в Мерв еще сведений не имею; посланцы ехали другой дорогой, но твердо уверяют, что дойдет благополучно. Задерживаю на всякий случай посланцев до получения письма от каравана из Мерва. Вследствие частых и установившихся наших отношений с Мервом не найдете, Ваше превосходительство, уже возможным

разрешить не шифровать телеграммы, до сего касающейся, за исключением случаев, серьезно требующих секрета.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 90.

№ 345

Донесение начальника штаба Закаспийской области начальнику области об обстановке в Мерве

23 февраля 1882 г.

Доношу: в Мерве род бек выбрал себе ханом Каракули-хана, [у] которого стража [в] 150 кибиток нукеров. Утамышцы, то-есть сычмаз и дашаяк, выбрали сообща Майлы-хана, который тоже собирает себе стражу. Векильцы выбрали Махтумкули-хана, который считается в Мерве главным лицом и который во всех собраниях занимает почетное место. Наши офицеры говорят, он, чувствуя себя виновным перед нами, до сего времени не решался приехать; кроме того, его заинтересованные лица пугали, но теперь после больших услуг, оказанных им каравану, намерен явиться просить прощения. Его мать Гюльджамал, вдова Нурберды-хана, по своему влиянию играющая в Мерве видную роль, объявила, что если Махтумкули-хан до того малодушен, что боится, то пошлет своего младшего сына Юсуф-хана. Все упомянутые отряды собираются [для] уничтожения разбоев.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 95.

№ 346

Отношение начальника штаба Закаспийской области Каракули-хану и другим старшинам рода бек о необходимости обеспечить спокойствие в Мервском оазисе

27 февраля 1882 г.

Письмо Ваше, посланное с Анна Мухаммед-ханом, получил, что, наконец, беки решили выбрать себе единого правителя, через что, надеюсь, будет, наконец, порядок между Вами, — меня радует. Я убежден, что, выбрав Вас, народ выбрал достойное лицо, и что Вы будете заботиться о благе Вашего племени, а благо это только может состоять в мирной жизни, при которой развивается торговля, земледелие и богатеет народ. Что Вы решились слушаться приказания русского правительства, как делают бухарский эмир и хивинский хан, то в этом Вы поступили умно, так как нет счастливее тех народов,

которые родятся под покровительством великого сильного всемилостивейшего нашего царя. Кроме добрых советов, Вы от нас не услышите. О том, что первым Вашим долгом по получении власти было возвращение владельцам караванов ограбленного имущества, а также о дружеском приеме нашего каравана я уже написал в Петербург генералу Рербергу, так что теперь —там уже все знают о Ваших честных и мирных намерениях, а русский привык верить слову туркмена. Кроме того, будет с Вашей стороны рискованно изменить этому слову, которое известно всем высокопоставленным русского народа. Желаю Вам от бога полного успеха в Ваших хороших начинаниях, и если Вам действительно удастся навсегда осчастливить Ваш народ введением мирной жизни, то имя Ваше будет навеки благословляемо потомством и Вы будете стоять высоко в глазах русских.

Еще слова мои следующие: если к тому времени, когда окончится торговля купца Сибирьяна, еще на дорогах будут гулять дурные люди, то Вы обязаны дать ему конвой до Теджена, откуда Хаджакули-хан его будет сопровождать до Асхабада.

Если Вы услышите, что из Гяурса в Атек выехал асхабадский майор и при нем конница, то пусть это Вас не смущает. Майор посылается потому, что между Тедженом и Атеком последнее время было много воров как туркменских, так и персидских и что жители просят нашей защиты. Некоторые туркмены воруют баранов у атекских жителей, а, с другой стороны, персидские аламанщики воруют баранов у туркмен. Так как русские не могут терпеть, чтобы столь близко от них было воровство, то я, по приказанию генерала Рерберга, посылаю асхабадского майора смотреть, чтобы все было благополучно, мирные жители, кроме ласки, от него [ничего] не встретят. Дальше реки Теджена он не поедет и, если все спокойно, то, не останавливаясь, вернется домой. Надо, чтобы и Вы кругом Мерва по временам посылали конных людей смотреть за спокойствием на караванных дорогах. Таким образом, мы будем друг другу помогать уничтожать воровство. Был бы рад, если бы Вы к асхабадскому майору, когда он будет в Атеке, послали с поклоном почетных людей, чем докажете Вашу дружбу.

Полковник барон Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, лл. 77—78.

№ 347

Обращение эрсаринцев к туркестанскому генерал-губернатору с ходатайством признать их подданство России

1 марта 1882 г.[1].

Мы, эрсаринские туркмены, около семи лет, как приняли подданство белого царя, и с того времени ежегодно отправляем к Вам своего человека, если изволите посетить наши места, то мы с готовностью будем Вам служить.

Четыре месяца, как бухарцы стали нас беспокоить, а афганцы прислали десять человек, требуют, чтобы мы подати свои платили шибирганскому правителю и сами пришли на их территорию. На такое предложение афганцев мы ответили, что мы подданные белого царя и молимся за него. В настоящее же время наша просьба к Вам, господину туркестанскому генерал-губернатору Черняеву, заключается в том, чтобы Вы обратили внимание на наше положение и осведомлялись о делах молящихся за Вас эрсаринцев.

В удостоверение нашего подданства прикладываем свои руки и тамги[2].

При этом присовокупляем, что Гельди Кока мы отправляем вместе с сим к Вашим услугам для доклада о постоянной нашей молитве о здравии и долгоденствии белого царя и, кроме того, верить всему, что Гельди Кок доложит Вам на словах Джумадил авваля 2-го дня 1299 г.[3]

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 596, лл. 6—7.

№ 348

Отношение начальника Главного штаба начальнику Закаспийской области о намерении Марвина пробраться в Закаспийскую область в разведывательных целях.

5 марта 1882 г.

В настоящее время в Петербурге находится автор известного сочинения о Мерве и сотрудник газеты «Дюве» Чарьс Марвин, который прибыл в Россию с целью собрать сведения о новой русско-персидской границе в Средней Азии и в особенности о секретных статьях, касающихся Атека. Ввиду того, что г. Марвин, по сообщению нашего лондонского посла,

[1] Документ датирован по хиджре: 2 джемад аль-авваля 1299 г.
[2] Далее следуют имена 26 эрсаринских старшин.
[3] К документу приложено 6 печатей.

является представителем партии, враждебной настоящему либеральному министерству, и придерживающийся в среднеазиатской политике взглядов Биконсфильда, что самое путешествие его вызвано интригами этой партии и что сущность условий об Атеке вызывает настоятельную необходимость сохранения их в тайне, государь император высочайше повелеть соизволил присматривать за Марвином и не допускать этого англичанина пробраться в Красноводск, что, по-видимому, входит в его намерение.

Сообщая о вышеизложенном Вашему превосходительству для зависящего исполнения, имею честь присовокупить, что вместе с тем мною посылается шифрованная телеграмма полковнику Аминову и отзыв по сему предмету командующему войсками Кавказского военного округа.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, лл. 96—97.

№ 349

Донесение начальника штаба Закаспийской области начальнику области о тяжелом положении населения приграничных районов Ирана и их намерении переселиться в Закаспийскую область

8 марта 1882 г.

Явилась депутация из Лютфабада и Шильгана с письмом с 30 именными печатями, в котором говорится, что от страшных угнетений и сборов Аллаяр-хана Дерегезского жители нуждаются в дневном пропитании и на конце в отчаянии осмелились сборщика Аллаяр-хана, при этом просит бога ради не отказать в защите и избавлении от тиранства ильхания, — слова, подлинные из письма. Кроме того, депутация на словах заявила, что жителей этих селений хотят переселить внутрь Персии, но что они решились во что бы то ни стало избавиться от персидского подданства и намерены переселиться в ту часть Атека, которая отойдет к русским, и решились в крайности даже пройти на Теджен. Вообще пограничные хорасанцы, которые надеялись сделаться русскими подданными, но по предлагаемой границе остаются персидскими, в отчаянии. При этом докладываю, что в то время, когда в Асхабаде никто, кроме меня, не знает подробностей границы, они известны всем пограничным персам. Около месяца тому назад гёклены Нургельды-хана перешли к нам из Карнова в персидских пределах и поселились около Кары-

Кала. Есть заявление со стороны других двухсот кибиток гёкленов, что они намерены из Карнова перейти Кала-Чандыр. Производящийся в настоящее время сбор податей в Атрекском районе идет успешно без всяких принудительных мер.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 98.

№ 350

Донесение российского посланника в Иране министру иностранных дел об антирусских происках английской агентуры в Туркмении и Афганистане

10 марта 1882 г.

Предписанием от 5-го минувшего февраля за № 519 Ваше высокопревосходительство изволили поручить мне проверить точность сообщенных начальником штаба Закаспийской области сведений о сношениях, установившихся между Афганистаном и мервскими туркменами.

Слухи об этих сношениях уже давно доходят до меня, и в донесении от 28 февраля за № 15 я имел честь представить сущность полученных мною по тому же предмету сведений, каковые заслуживают серьезного внимания ввиду настойчивости, с коей они повторяются.

Говорят, что для упрочения своего влияния в Мерве гератские власти, руководствуясь указаниями английских агентов и, в особенности полковника Стюарта, проживающего в Хафе, действуют двояким образом. С одной стороны, они стараются запугивать мервцев, распространяя слухи о том, что будто бы эмир намерен в непродолжительном времени предпринять экспедицию против Мерва для наказания населения оного за набеги, совершенные минувшею осенью на гератскую территорию, а, с другой стороны, через тайных эмиссаров стараются внушить мервцам, что, вступив в соглашение с эмиром, они обеспечат себя от честолюбия России и приобретут право на нравственное и материальное содействие Англии.

Может быть, офицерам нашим, отправившимся с торговым караваном в Мерв, удастся собрать более обстоятельные сведения по этому предмету; но, повторяю, факт существования сношений между правителем Герата и некоторыми из мервских ханов едва ли может подлежать сомнению ввиду того, что оный подтверждается сведениями, полученными как из той, так и из другой местности.

При том не только наши агенты и корреспонденты, но и сами персияне убеждены, что командировка полковника Стю-

арта имела отношение не к одним событиям в Афганистане, но что она состоялась вследствие признанной английским правительством необходимости зорко следить за нашею деятельностью в Туркменских степях и по возможности противодействовать нашим планам. В этом смысле высказался, между прочим, в разговоре со мной недавно прибывший из Хорасана чиновник шахского Министерства иностранных дел Мирза Юсуф-хан.

Последние донесения агента нашего в Мешхеде заставляют предполагать, что план действий англичан несколько изменился в последнее время, так как полковник Стюарт, вместо предположенной поездки в Бирджанд и Сеистан, намерен предпринять поездку в Серахс и далее на восток, вследствие чего английский агент в Мешхеде Мирза Аббас-хан выслал к нему в качестве проводника мешхедского жителя Абдуллу Абдурезак-оглы, хорошо знакомого со Средней Азией. Этот последний согласился вступить в службу к г. Стюарту за 20 туманов в месяц.

К этому г. Насирбеков присовокупляет, что образ действий названного Мирза Аббас-хана с некоторого времени вновь отличается особой враждебностью относительно России. Как агент этот, так и многочисленные эмиссары ведут против нас деятельную пропаганду, стараясь внушать как высшим сословиям Хорасана, так и простому народу, что Россия намерена отнять эту провинцию у Персии и что русский флаг в скором времени разовьется над мечетью Имама Ризы. Происки эти не имеют, однако, большого успеха, как ввиду того, что хорасанское население не могло еще забыть, что оно обязано исключительно нам своим избавлением от исконных врагов Персии, текинцев, так и потому, что наш агент в Мешхеде г. Насирбеков сумел заслужить всеобщее доверие и уважение, о чем свидетельствуют многочисленные факты.

Согласно известиям из Герата, местные власти обнаруживают большую деятельность.

Полковник Стюарт, как говорили там, предложил эмиру Абдурахман-хану через Куддус-хана укрепить местечко Кафир-Кала, расположенное близ персидской границы. Эмир отвечал на это, что, предполагая в непродолжительном времени лично посетить Герат, он отлагает до своего приезда обсуждение предположения названного офицера, но в то же время предписал Куддус-хану немедленно приступить к заготовлению как инструментов, так и материалов, необходимых как для постройки укреплений в Кафир-Кале, так и для возобновления и усиления укреплений Герата. К этому присовокупляют, что в Герат прибыл из Кветты английский агент из мусульман, некто Мирза Мухаммед-Таги, с целью ознакомиться с военными средствами края. Агенту этому сделан

был местными властями весьма приветливый прием, ему отвели помещение близ главной городской мечети, и в распоряжение его предоставлено несколько всадников.

С глубочайшим уважением и такой же преданностью имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугой.

И. Зиновьев

ЦГВИА, ф. ВУА/с, оп. 1, д. 70, лл. 30—33 об.

№ 351

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области начальнику штаба Кавказского военного округа о прекращении происков каджарских властей в отношении алиэлинцев Атека

23 марта 1882 г.

Благодаря посланнику Зиновьеву все происки персиян относительно живущих в Атеке туркмен прекращены. В Асхабад прибыл из Каахка старшина алиэлинских туркмен Сеид Назар-юзбаши со свитою для заявления благодарности за заступничество.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 72

№ 352

Отношение туркмен-алиэлинцев начальнику штаба Закаспийской области о происках каджарских властей в отношении алиэлинцев

25 марта 1882 г.

После возвращения майора разнесся слух в Келяте, что войска взяли в Асхабаде алиэлинских кетхудов, а потому келятское начальство назначило военную стражу над 18 семействами нашими и из них прислало к нам двух человек с требованием десятой части, урожая или же предъявить бумагу о том, что алиэлинское общество принадлежит русским. Почему просим защищать нас от притязаний Персии[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 75.

[1] К документу приложено 14 печатей.

№ 353

Телеграмма начальника штаба Закаспийской области российскому посланнику в Иране о бесчинствах каджарских властей в отношении алиэлинцев

25 марта 1882 г.

Сеид Назар-юзбаши [в] Асхабаде, сего дня прискакал к нему курьер с известием, что Бейбут-хан, узнав о его поездке сюда, заковал мужчин, задержанных в Келяте, двадцати семейств, а женщин начал мучить. О чем имею честь донести Вашему превосходительству.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 74.

№ 354

Отношение начальника штаба Закаспийской области иранскому правителю Келята Бейбут-хану о его незаконных действиях в отношении алиэлинцев

10 апреля 1882 г.

До сведения моего дошло, что Вы, высокоуважаемый сосед, по приказанию его величества решили освободить находящихся у Вас 20 пленных семейств. Между тем, мне заявили, будто Вы отпустили только четыре из них, а остальные задержали под предлогом, что алиэлинцы обязаны платить Вам 1/10 часть урожая[1]. Так как Вам хорошо известно, что в настоящее время алиэлинцы Вам ничего платить не обязаны, то, конечно, этому слуху не верю и полагаю, что тут есть простое недоразумение, точно также не верю слуху, будто Ваши солдаты ограбили освобожденные Вами четыре семейства. Но во всяком случае сообщите и о том, и о другом в Тегеран.

Прошу принять уверение в совершенном моем расположении.

Полковник Аминов

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 77

[1] Об этом см. письмо Сеид Назара-юзбаши начальнику штаба области от 8 апреля 1882 г. (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, л. 66), а также донесение Аминова российскому посланнику в Тегеране от 9 апреля 1882 г. (Там же, л. 78).

№ 355

Телеграмма начальника Главного штаба начальнику Закаспийской области о желании населения приграничных районов Ирана пройти в русское подданство и отрицательном к этому отношении царских властей

11 апреля 1882 г.

Посланник наш в Тегеране телеграфирует, что в Лютфабаде, Шильгане, Арчинчане и Лаине возникли большие беспорядки и жители заявляют открыто о намерении сделаться русскими подданными. Для успокоения умов напишите письмо Аллаяр-хану Дерегезскому, что русское правительство не одобряет беспорядок и желало бы видеть границу спокойною; за сим постарайтесь внушить жителям селений, навсегда остающихся в подданстве Персии, что они обязаны слушаться персидских властей и в случае притеснений местных властей должны обращаться к высшим властям Персии.

Тайный советник Зиновьев сообщает также, что шах убедительно просит выслать из Асхабада в Хорасан Сеид Али-хана и обещает ему свою милость и положение, что в искренности этого обещания он не сомневается и разделяет мнение шаха о том, что возвращение Сеид Али-хана окажет содействие к прекращению беспорядков среди пограничного населения Хорасана.

Сообщите Ваше заключение, а между тем примите строгие меры, чтобы Сеид Али-хан не имел возможности интриговать в Лютфабаде и прочих пунктах Хорасана.

Обручев

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 261, л. 19.

№ 356

Аннотация письма душакца Хаджа Мухаммед-сердара начальнику штаба Закаспийской области о признании населением Душака, Мехне и Чаача русскоподданными

27 апреля 1882 г.

Изъявляя свою преданность русскому правительству, сообщает, что он инженера проводил далее Душака и что жители Мехне и Чаача суть преданные слуги белого царя. Просит об освобождении людей, арестованных персидскими властями[1].

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 69, л. 31.

[1] К подлиннику приложена именная печать Хаджи Мухаммед-сердара.

№ 357

Из протокола «особого совещания» о мерах по дальнейшему укреплению русского влияния на текинцев Мерва

24 июня 1882 г.

...Покорение Ахал-Текинского оазиса не осталось без влияния на туркменское население Мерва. Некоторые из мервских старшин, хотя и не из наиболее влиятельных, поспешили войти в сношения с начальником Закаспийской области, посетили и продолжают посещать Асхабад и изъявили готовность пойти с ними в соглашение, в силу чего обязываются подчиниться указаниям властей наших, прекратить разбои и охранять торговые караваны, следующие в Мерв.

Пользуясь этим положением дел, закаспийские власти решили в текущем году сделать опыт посылки в Мерв торгового каравана, с коим отправились два переодетых русских офицера и приказчик московского купца Коншина с партией товаров.

Караван этот, направившись на Каахку и Карры-Бенд, встретил на пути своем следования некоторые затруднения, преимущественно вследствие неблагонадежности и недоверчивости мервцев, а появление его в Мерве вызвало там тревогу и пререкания между старшинами, некоторые из которых требовали немедленного удаления русских, подозревая в них агентов, прибывших для разведок, с целью подготовления движения наших войск. Прибывшим с караваном русским были неоднократно делаемы угрозы с тем, чтобы побудить их к выезду.

Затруднения эти были, наконец, устранены благодаря вмешательству наиболее влиятельных ханов, находивших неблагоразумным раздражать русское правительство, но при всем этом пребывание каравана в Мерве, оказавшееся весьма полезным в смысле рекогносцировки, не принесло существенных результатов в коммерческом отношении, так как приказчиком Коншина было продано лишь небольшое количество товаров, притом в кредит, и еще менее приобретено туземных произведений за крайне высокую цену.

Несмотря на неудовлетворительность результата этого, министерства как иностранных дел, так и военное полагали бы полезным не ограничиваться первым опытом, а продолжать посылку караванов в Мерв с тем, чтобы доказать населению страны этой, что его противодействие не может заставить нас отказаться от нашего твердого намерения завести с ним торговые сношения, а также и для того, чтобы постепенно развивать в этом населении наклонность к мирным занятиям и вызвать среди него спрос на наши произведения. Начальник Закаспийской области высказался в том же смысле.

Хотя мервцы и продолжают являться в Асхабад, между прочим для сбыта скота, но довольствоваться этим мы не можем ни в каком случае. Нам самим необходимо добиться доступа в Мерв с тем, чтобы иметь возможность поддерживать постоянные сношения с наиболее влиятельными ханами, которые до сих пор уклоняются от поездок в Асхабад, и дабы наблюдать в то же время за всем, что делается в стране этой. Нам известно, между прочим, что гератские власти недавно пытались завести с названными ханами сношения и делали им внушения с тем, чтобы отвлечь их от нас. Попытки эти могут возобновиться, в особенности если эмиру Абдурахман-хану удастся упрочить свое положение в Афганистане, и нам следует всеми зависящими от нас средствами противодействовать подобным происками. Глубокое впечатление, произведенное на всех туркмен блистательным успехом Ахал-Текинской экспедиции, позволяет нам надеяться, что наши усилия не останутся тщетными и что мервцы не так легко решатся на какое-либо действие, способное вызвать наше негодование. Впечатлением этим необходимо однако спешить воспользоваться, так как со временем оно может изгладиться.

Для нас тем менее позволительно пренебрегать возможностью завязать сношения с Мервом, что в настоящее время только при помощи этих сношений мы можем приискать средства для мирного разрешения весьма серьезной и сложной задачи: связать Туркестанский край наш с Закаспийскою областью. От удачного разрешения этой задачи зависит будущее преуспеяние помянутого края. В настоящее время Мерв представляет единственную серьезную преграду на пути между среднеазиатскими владениями нашими и Каспийским морем, и упрочение в стране этой нашего влияния мирными средствами, если не навсегда, то во всяком случае надолго отстранит необходимость военной экспедиции в Мургабский оазис экспедиции, которая потребует от нас громадных жертв.

Так как при всем том посылка торговых караванов в Мерв сопряжена пока с известным риском и едва ли может на первых порах обещать выгоды, способные пробудить частную предприимчивость без особенной поддержки пра-

вительства, то для осуществления вышеизложенных предположений было бы необходимо, чтобы правительство приняло на себя некоторые пожертвования в видах оказания материального поощрения попыткам воспользоваться новым торговым путем, каковой впоследствии, с устранением встречаемых ныне препятствий и затруднений, без сомнения, обратит на себя внимание торгового сословия.

На случай, если бы при следующих попытках выяснилось, что появление русских в Мерве сопряжено для них с действительной опасностью, благоусмотрению начальника Закаспийской области можно было бы предоставить приискивать между ахал-текинцами лиц, кои могли бы принять на себя роль посредников по сбыту товаров наших в Мерве.

Вопрос этот представляется до того важным во всех отношениях, что нам ни в каком случае не следует отступать перед умеренными сравнительно затратами, которые потребуются на первое время для оказания поддержки по снаряжению торговых караванов.

Согласившись в принципе с основательностью вышеизложенных соображений, министр финансов не нашел удобным включать ежегодно в бюджет Закаспийского края новую статью расходов на означенный предмет и полагал возможным ограничиться открытием начальнику Закаспийской области единовременного кредита в количестве десяти тысяч рублей с тем, чтобы из этой суммы производились в умеренных по возможности размерах взаимообразные ссуды в видах поощрения частной предприимчивости по снаряжению караванов. По мнению министра финансов, только при занятии частных лиц этим делом может быть обеспечено постепенное установление торговых сношений с Мервом, так как частные предприниматели всегда с большим знанием дела могут вести торговые операции и, будучи прямо заинтересованными в успехе сих операций, будут стремиться к развитию на правильных торговых основаниях. Подобные ссуды могли бы быть выдаваемы за весьма умеренные проценты по правилам, для сего особо установленным. При этом в случае надобности могло бы быть предоставлено начальнику Закаспийской области из упомянутой суммы (10 тыс. рублей) употреблять некоторую часть на такого рода потребности, которые могут вызываться самим характером означенных выше операций, как-то: на подарки и тому подобное.

Члены совещания не преминули присоединиться к такому заключению министра финансов, причем выражено было желание, чтобы начальник Главного штаба вошел с начальником Закаспийской области в сношения в видах обеспечения целесообразного употребления средств, кои отпущены будут на означенный предмет[1].

Н. Гирс, Н. Брунче, Н. Обручев и И. Зиновьев.

ЦГВИА ф. ВУА/С, оп. 1, д. 73, лл. 2—19.

№ 358

Рапорт начальника Закаспийской области начальнику Главного штаба о результатах посылки в Мерв русского торгового каравана и мерах по дальнейшему укреплению русского влияния на текинцев Мерва

6/7 июля 1881 г.

В дополнение к телеграмме моей от 2 июля за № 126* имею честь донести Вашему превосходительству следующие сведения о ближайших результатах посылки в Мерв в феврале сего года каравана г. Коншина.

1) Подробное ознакомление с главнейшими путями, ведущими из Ахал-Текинского округа и Атека в Мерв, а также сбор военных и статистических данных об этой до сего времени мало известной стране. Сведения эти, собранные сопровождавшими караван двумя офицерами: прапорщиком Алихановым и хорунжим Соколовым—будут представлены в непродолжительном времени.

2) В политическом отношении главные результаты посылки каравана заключаются в открытии доступа для частных русских караванов в Мерв и в разубеждении мервцев в недоступности их страны. Сами мервцы, по свидетельству участников каравана, выразились, что «теперь, когда русские люди были в Мерве, можно считать Мерв наполовину покоренным».

Кроме того, с возвращением каравана мне сделалось известным, кто из жителей в Мерве пользуется наибольшим влиянием, а также получились более точные сведения о существующих там порядках, что, в свою очередь, дает возможность тщательнее следить за событиями в этой стране. Одновременно с караваном прибыла от вновь выбранных ханов депутация старших людей, а в мае явились лично оба хана: утамышский Майлы-хан и тохтамышский Каракули-хан, с которыми я 22 мая заключил мирные условия.

---

[1] На документе резолюция Александра II: «Читал. Петергоф, 17 июля 1882 г.».

* Телеграмма от 2 июля № 126 приобщена к секретному делу 1882 г. под № 21 «О торговле с соседями».

3) В торговом отношении небольшой пробный караван сам по себе, конечно, не мог иметь серьезного торгового значения, и на него следует смотреть лишь, как на испытание возможности для русских купцов проникнуть в Мерв и как на способ сбора торговых сведений. Действительно, ездившим с караваном купца Коншина г. Косыхом собраны весьма полезные сведения о том, какие из наших товаров и в каком количестве могут иметь сбыт в Мерве, о производительности страны и торговле Мерва с другими странами, о ценах, там существующих, на разные предметы; а главное— собраны точные данные о степени возможности, а также о выгодах и невыгодах направления бухарской торговли с Россией через Мерв и Асхабад. Одновременно и непосредственно за караваном прибыло в Асхабад несколько мервских торговцев, из которых один прежде никогда не бывший в Ахале Комек-бай караванбаши выстроил в Асхабаде дом с лавками, с целью начать торговлю бухарскими товарами; он же посетил и осмотрел в торговых видах нашу железную дорогу. В настоящее время названный караванбаши отправился в Бухару с небольшим караваном железа и нефти, снабженный рекомендательными письмами к бухарскому кушбеги и к торговой фирме братьев Каменских. Комек предлагает провести в больших размерах караваны из Бухары через Мерв в Асхабад.

Со времени возвращения каравана по 1 июля десятью мервскими торговцами в разное время пригнано в Асхабад на продажу до 4 750 голов крупного скота и до 10 000 баранов и коз. Кроме того, на мервском базаре было объявлено народу о том, чтобы мервцы по возможности более сеяли хлопка, который в Асхабаде будет иметь верный сбыт.

Вообще в Мерве в настоящее время все спокойно, и уже с февраля не слышно о каких-либо грабежах. Каждый хан содержит около 100 кибиток нукеров специально для уничтожения грабежей. Ввиду сего я полагаю, что в настоящее время караваны, особенно если будут снабжены соответствующими письмами к известным мне мервским влиятельным лицам, могут следовать безопасно.

Посылка в Мерв русских караванов, бесспорно, может служить значительным подспорьем в деле умиротворения страны, так как мервские туркмены через это постепенно будут привыкать видеть у себя русских людей и мало помалу убедятся о возможности приобрести благосостояние другим путем, чем грабежом, а потому повторение сделан-

ного весною опыта посылки каравана я считаю вполне полезным, причем, однако, считаю неудобным посылать с караванами офицеров. Но ввиду отдаленности Мерва от занятых нашими войсками пунктов, нельзя ручаться за прочность в будущее время настоящего спокойного состояния в Мерве и нельзя надеяться на достижение полного умиротворения мервского народа одними торговыми сношениями, особенно в случае вмешательства в дела Мерва враждебной нам власти, поддерживающей во вред нашим интересам природные наклонности мервцев к разбойничьей жизни, тем более, что туркменские народы, а в особенности текинцы, никогда не отличались склонностью к торговле. Действительною мерою как для фактического надзора за тем, что делается в Мерве, так и для противодействия иностранному влиянию в этой стране, а также для большего обеспечения на будущее время безопасности торгового движения может служить расположение небольшого отряда в каком-либо пункте на границе мервских земель. Самым выгодным в этом отношении пунктом является урочище Карры-Бенд на Теджене, центральное положение которого позволит наблюдать за тем, что делается в Мерве, а также и между мервскими туркменами, кочующими как в Тедженском оазисе, так и в окрестностях Серахса. Расположением отряда в Карры-Бенд мы владеем водою всего Тедженского оазиса, так как пункт этот расположен выше выхода из реки всех канав, орошающих названный оазис.

Карры-Бенд находится на берегу самой реки на кратчайшей и лучшей дороге между Атеком и Мервом в 200 верстах от Асхабада, в 80 верстах от сел. Каахка и в 90 верстах от начала Мервского оазиса. От Карры-Бенда до такого места на р. Мургабе, откуда мы можем владеть мервской водой, до 140 верст. В Карры-Бенде имеется старое небольшое укрепление, которое легко можно приспособить для обороны. Подвоз провианта из Атека вполне обеспечен. Весною в окрестностях хорошие пастбища.

Ввиду сего казалось бы полезным в более или менее непродолжительном будущем занять Карры-Бенд.

ЦГА ТССР. ф. 1, оп. 2, д. 5159, лл. 54—57.

№ 359

Из протокола «Особого совещания» о дальнейшей политике России в среднеазиатских ханствах

17 июля 1882 г.[1]

Наши политические отношения к независимым азиатским ханствам

По рассмотрении нижеизложенных вопросов присутствовавшим на совещании туркестанским генерал-губернатором генерал-лейтенантом Черняевым было изложено содержание переданной им перед тем г. министру иностранных дел записки относительно будущего направления нашей политики в Средней Азии.

Сущность означенной записки заключалась в следующем: «Многолетний опыт ясно доказал, что движение наше в глубь Средней Азии далеко не обусловливалось личными причинами и воззрениями, а что оно вытекло из самой сущности нашего положения и вызывалось по большей части необходимостью защищать наших подданных от хищнических посягательств. При этом, благодаря отсутствию руководящего плана, у нас образовалась в Средней Азии крайне неудобная граница. Между главным нашим пунктом, Ташкентом и Закаспийской областью лежат независимые владения: Бухара, Мерв и Хива. При таком положении дел опорою Туркестанского края служит, главным образом, Оренбург, сообщения с которым в течение 5-ти месяцев в году невозможны, почему означенный край как бы отрезан от России, постоянно требует от нее значительных материальных пожертвований и остается мало полезным даже в стратегическом отношении.

Для устранения неудобств этих и для поднятия экономического и торгового значения Туркестанского края необходимо связать его с Каспийским морем и для этого требуется изменить границу нашу и провести таковую, начиная от Кашгара по снеговому хребту, окаймляющему с юга Аму-Дарью, до границы бухарских владений с Бадахшаном и далее по течению Аму-Дарьи, правый берег которой будет принадлежать нам, от упомянутой бухарской границы до Чарджуя, где граница перейдет Аму и направится на юго-запад по караванному пути в Мерв и далее до Серахса на соединение с нынешней закаспийско-персидской границей. При таком очертании границы ханства Бухарское и Хивинское должны будут сполна войти в район наших владений.

[1] Документ не датирован; датируется по резолюции (см. ниже).

Помимо ощущаемых нами ныне неудобств как в стратегическом, так и торговом отношении, самое положение дел внутри Бухары побуждает нас изменить условия существования этого ханства.

Нынешний бухарский эмир не долговечен, а с его кончиною владения его не преминут сделаться ареною междоусобной борьбы между его сыновьями, старший из которых Катта-тюря, еще в конце шестидесятых годов возмутившийся против власти отца, проживает ныне в Пешавере, который притом питает против нас личную злобу за вооруженное содействие, оказанное нами отцу его в борьбе против него.

Нам предстоит ныне же выяснить наш будущий образ действий ввиду неизбежных в Бухаре смут и решиться на одно из двух: или оказать поддержку тому из претендентов, на стороне коего окажется большинство населения и, таким образом, сохранить в Бухаре наши нынешние отношения, или же водворять в ханстве нашу постоянную власть. Последнее кажется тем более удобовыполнимым, что мы можем рассчитывать на сочувствие и поддержание так называемой «русской» партии, которая, состоя из земледельцев и торговцев, видит в русском владычестве надежный залог личной и имущественной безопасности, уже давно желает присоединения ханства к России и в случае внутренних замешательств не преминет обратиться к нам с просьбой о водворении в Бухаре русской власти.

Присоединение Бухары к нашим владениям не вызовет ни малейшей необходимости увеличивать численность Туркестанских войск, ибо, имея своим базисом Каспийское море, мы во всякое время будем в состоянии двинуть с Кавказа столько войск, сколько потребуется. А между тем мы приобретем существенные стратегические преимущества, овладев течением Аму-Дарьи, и в то же время займем край, густо населенный и превосходящий плодородием и богатствами все остальные приобретения наши в Средней Азии. Край этот приносит ныне эмиру около шести миллионов рублей золотом; и этой суммы хватит не только на покрытие ежегодного дефицита по Туркестанскому краю, но и на уплату расходов, которые потребуются на устройство улучшенных сообщений с Россией, в коих нуждается наша торговля, и на водворение русского населения.

Вследствие всего вышеизложенного, представляется безотлагательно необходимым, определив раз навсегда дальнейший план наших политических действий в Средней Азии, теперь же принять соответствующие меры по отношению к соседним с русским Туркестаном независимым владениям.

Между прочим, было бы необходимо теперь же назначить в Бухару русского правительственного резидента, на обязанности коего лежало бы наблюдение за ходом политических событий, с целью своевременного принятия с нашей стороны мер на случай беспорядков, а также и для постепенного подготовления бухарского населения к мирному переходу под русское владычество.

Что касается хивинского хана, то он считает себя не более как нашим уездным начальником. Сами мы относимся к нему не иначе, и потому было бы нелогичным с нашей стороны оставлять безраздельно в пользу его все доходы страны, простирающиеся до трех сот тысяч металлических рублей в год, тем более, что содержание Аму-Дарьинского отдела стоит нам немалых расходов. Хивинский хан мог бы гораздо удобнее и спокойнее проживать на приличном иждивении в Казани или Калуге».

После выслушивания соображений и предложений генерал-лейтенанта Черняева со стороны некоторых членов совещания последовали замечания и возражения, сущность которых заключалась в следующем:

Как давно уже признано, настоящие политические отношения наши к независимым среднеазиатским ханствам представляют для нас многочисленные и далеко не маловажные выгоды и преимущества. Будучи совершенно избавлены от необходимости жертвовать материальными средствами нашими на обеспечение в краях этих спокойствия и на поддержание обаяния нашего в глазах как местного населения, так и его правителей, мы тем не менее в течение уже многих лет пользуемся в Бухарском и Хивинском ханствах бесспорным авторитетом, благодаря которому мы имели возможность направлять деятельность среднеазиатских властителей сообразно с интересами нашими, несмотря на возникновение в Азии осложнений.

Положение это представляется безусловно выгодным, и оно обязывает нас в точности придерживаться однажды усвоенной нами программы и ни в коем случае не отступать от нее без особых побудительных причин, значение коих было бы вполне оценено императорским правительством. Притом, нам тем старательнее следует воздержаться от всякого шага, который мог бы впоследствии повести к изменению настоящих отношений, что существующий в среднеазиатских странах порядок вещей отличается вообще непрочностью, что самая своеобразность этих стран исключает по большой части возможность их переустройства и что поэтому почти неизбежным последствием всякого изменения условий их существования является далеко не всегда желательное при-

соединение независимых владений к России, территория которой в Средней Азии и без того уже весьма обширна и требует от нее значительных и по большей части непроизводительных затрат.

При настоящих отношениях наших к Бухаре, совершенно исключающих необходимость непосредственного вмешательства нашего во внутренние дела страны этой, междоусобные распри, которые не преминут возникнуть в ханстве в случае кончины эмира, нисколько не затронут существенных интересов наших. Без малейшего ущерба как этим интересам, так и достоинству России мы можем выжидать исхода означенных распрей. Который бы из сыновей эмира не одержал верх над остальными соискателями, хотя бы то был и Катта-тюря, но, очутившись во главе Бухарского ханства, он не замедлит ощутить потребность заручиться благоволением и хотя бы нравственной поддержкой России, без чего ему никогда не удастся упрочить своего положения в стране.

...В видах же охранения наших теперешних отношений к ханству для нас особенно важно, чтобы власть эмира перешла в руки лица, наиболее способного привлечь на свою сторону большинство местного населения, как только при этом условии может водвориться в стране сколько-нибудь прочный порядок вещей, который избавит нас от необходимости принять ханство под непосредственную опеку нашу.

Экономические выгоды, которые, по мнению генерал-лейтенанта Черняева, обещают нам непосредственное водворение власти нашей в Бухаре, могут легко не оправдаться на деле, как не оправдывались многие другие подобные расчеты, сопровождавшие предшествовавшие предприятия наши в Средней Азии. Мы едва ли будем в состоянии извлекать из бухарской территории те значительные финансовые средства, которые в настоящее время извлекает из нея эмир при помощи деспотических мер и приемов, благодаря которым никто в Бухаре, по словам генерал-лейтенанта Черняева, не уверен ни в целости собственной головы, ни в завтрашнем дне. Вслед за присоединением ханства мы очутимся, прежде всего, в необходимости положить конец господствующим там произволу и насилиям. Дабы привлечь к себе местное население, нам придется значительно облегчить тяготеющие над ним гнет и поборы, а затем нам предстоять будет ввести в крае правильную и благонадежную администрацию, которая, как доказал многолетний опыт, весьма дорого обходится в Средней Азии и не легко создается.

Вышеизложенные соображения, побуждающие нас делать поддержания настоящего порядка вещей по отношению

к Бухарскому ханству, едва ли не в большей степени применяются и к Хиве. Успев поставить настоящего владетеля этой области в положение нашего уездного начальника, с каковым он вполне примирился, мы тем более обязаны дорожить этим положением, что доходов с ханства, не превышающих и в настоящее время трехсот тысяч рублей, едва ли достанет на поддержание нашей собственной власти как в ханстве, так и среди зависящих от него многочисленных кочевых племен, населяющих степи по левому берегу Аму-Дарьи. Как еще недавно сообщил начальник Аму-Дарьинского отдела, некоторыми из более влиятельных мервских ханов выражено было желание, чтобы из Хивы в Мерв для управления тамошними текинцами было прислано доверенное лицо, и это обстоятельство ясно доказывает, что в глазах кочевых населений хивинский хан сохранил еще известное значение, вследствие исторического хода вещей. Значением этим нам следует воспользоваться для упрочения порядка безопасности на пространстве степей, отделяющих Аму-Дарью от Закаспийской области, и далеко нельзя быть уверенным в том, что замена власти хивинского хана нашей собственной облегчит нам разрешение этой сложной задачи.

Со своей стороны, генерал-лейтенант Черняев признает, что устройство пути между низовьями Аму-Дарьи и Каспийским морем принадлежит к первостепенным потребностям нашим, так как от этого зависит прекращение того изолированного положения, в коем находится ныне наш Туркестанский край и его будущее преуспеяние. С основательностью замечания этого нельзя не согласиться, но за невозможностью жертвовать средствами России на устройство усовершенствованных и дорогостоящих путей сообщения между Туркестанским краем и Каспийским морем, средств к достижению этой цели следует искать не в коренном изменении оснований, на которых держится наше теперешнее положение с Средней Азии, а в усилиях, направленных к развитию наших мирных торговых сношений с среднеазиатскими населениями и в особенности с Мервом, как уже выше изложено. Последние военные и дипломатические успехи наши в Средней Азии значительно расширили сферу нашего нравственного влияния, и этим влиянием нам следует воспользоваться ныне для достижения указанных целей.

Все эти соображения привели большинство членов совещания к нижеследующим заключениям:

1. В настоящее время не представляется достаточных доводов в пользу изменения как политических отношений наших к независимым среднеазиатским ханствам, так и нашей

границы в Средней Азии, так как всякое изменение может повлечь за собой нежелательные последствия.

2. Даже в случае смерти бухарского эмира и возникновения междоусобной войны между его сыновьями для нас лучше по возможности воздерживаться от непосредственного вмешательства во внутренние дела ханства и ограничиваться зорким наблюдением за ходом событий с тем, чтобы признать в звании эмира того из бухарских принцев, на стороне коего окажется большинство населения и который обяжется стать по отношению к России в положении, в котором находился его отец.

3. На случай непредвиденных обстоятельств, могущих воздействовать на наши существенные интересы в Средней Азии, нам следует при всем том быть всегда готовыми перейти к более активному участию в делах бухарского ханства, каковое участие должно быть обусловлено самим ходом событий и положением дел в Бухаре, о чем туркестанскому генерал-губернатору предстоит доставлять Министерствам иностранных дел и военному по возможности частые и обстоятельные отчеты. На основании этих отчетов и соображений, кои сообщены будут генерал-лейтенантом Черняевым, может, между прочим, быть впоследствии подвергнут к обсуждению вопрос о том, в какой степени было бы удобным для нас побудить эмира еще при жизни избрать себе наследника с тем, чтобы по возможности предупредить внутренние замешательства при помощи оказания наследнику этому своевременного содействия.

И, наконец, 4. Для упрочения связи Туркестанского края с Россией усилия наши должны быть преимущественно направлены к развитию мирных торговых отношений с населениями, обитающими между Аму-Дарьей и Каспийским морем, вследствие чего было бы весьма желательно, чтобы туркестанский генерал-губернатор воспользовался влиянием нашим в Хиве и Бухаре для воздействия на означенные населения в изложенном смысле.

Ввиду вышеизложенных заключений совещание не признало своевременным осуществление преположенной генерал-лейтенантом Черняевым по отношению к Бухаре меры[1].

Н. Гирс, Н. Бунче, Н. Обручев, И. Зиновьев

ЦГВИА ВУА/С, оп. 1, д. 73, лл. 20—32.

---

[1] На документе резолюция Александра II: «Читал. Петергоф, 17 июля 1882 г.»

№ 360

Копия письма начальника Закаспийской области текинцам утамыш и тохтамыш Мерва о признании ими своим ханом хивинского чиновника

2 августа 1882 г.

Письмо Ваше об избрании Вами мервским ханом Юсуф-бая, назначенного хивинским ханом по приказанию великого русского императора, я получил и остался очень доволен. Вы хорошо сделали, что выбрали Юсуф-бая ханом, и должны во всем его слушаться. Мне также очень приятно слышать, что Вы живете покойно, потому что покойная жизнь и мирные занятия приносят благосостояние народам. Советую Вам продолжать так жить и на будущее время.

Начальник закаспийской области и командующий в оной войсками генерал-лейтенант Рерберг

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5130, л. 9.

№ 361

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа об отношении туркмен Мерва к русским представителям

14 сентября 1882 г.

В настоящее время я получил более подробные, чем прежде, сведения о пребывании инженера Лессара в Мерве, именно: он сам прислал мне письмо оттуда и, кроме того, сообщил мне о том мервский Сары-хан, из племени утамыш. Из письма Сары-хана видно, что Лессар прежде прибытия в Мерв спрашивал Сары-хана через двух нарочно посланных людей: может ли он приехать или нет; на что вместо ответа Сары-хан тотчас же отправил несколько человек мервцев навстречу Лессару с приглашением прибыть; затем принял его в своем доме, старался все время его пребывания угодить во всем и, наконец, когда Лессар пожелал продолжать путешествие на Чарджуй, то он, Сары-хан, снабдил его лошадьми и всем необходимым в дороге. Все это, по заверению Сары-хана, сделано в доказательство приверженности мервцев русскому правительству и даже готовности их жертвовать своею жизнью, так что и все другие приказания им будут в точности исполнены.

Со своей стороны Лессар, подтверждая слова Сары-хана о гостеприимности, объяснил, что другие ханы предлагали ему свои услуги и что остановка его у Сары-хана возбудила зависть прочих, стремление всех ханов быть ему полезными, поставил его даже в затруднительное положение и вынудил продлить свое пребывание в Мерве, чтобы посетить всех ханов. К этому Лессар присовокупил, что путешествие в Мерв вообще не опасно, исключая местности, занимаемой племенем сарыков, по соседству с мервцами, ведущих с ними ожесточенную войну.

Воспользовавшись получением письма от Сары-хана, я в ответ ему просил об оказании также гостеприимства и содействия поехавшему недавно в Мерв капитану Гладышеву.

Об изложенном доношу Вашему сиятельству

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 69, лл. 47—48.

№ 362

Из рапорта начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о претензиях каджарских властей на туркменские территории и засылке английского агента в Закаспийскую область

16 сентября 1882 г.

Российский коммерческий агент в Мешхеде коллежский ассесор Насирбеков сообщил мне нижеследующее[1]:

1) Хорасанский вали принц Рукн уд-Довле, преследуя мысль доказать в будущем принадлежность Старого и Нового Серахса Персии, принимает в настоящее время меры к тому, чтобы очистить Серахс от давно поселившихся там текинцев из Мерва, для чего некоторых из них распоряжается выселить сам внутрь Мешхеда, а другим предлагает: или перейти на жительство в Персию или переехать обратно в Мерв. Кроме того, в бытность лично в Новом Серахсе принц Рукн уд-Довле приказал нескольким человекам отправиться в разоренную деревню Фазек, находящуюся на ....-вом[2] берегу Теджена, примерно в 10 верстах от Старого Серахса и зарыто в пяти местах у подошвы бугра: угли с обломком кирпичей, чтобы в случае возникновения вопроса о Теджене доказать это знаками или ямами следы владычества Персии. Наконец, он же принц Рукн уд-Довле приказал

[1] Донесение Насирбекова см. ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, лл. 177—178.

[2] Слово не разборчиво.

Исмаил-хану Газоре отправиться со 100 всадниками в Келята для выселения оттуда текинцев во внутрь Мешхедского округа.

2) Продолжение работ предполагавшейся крепости около Калеи Коушута, вблизи Серахса, пошло затраты на это 2 700 туманов (10 800 руб.), приостановлено, а всадники, предназначенные для несения строевой службы в этой крепости, распределены по другим крепостям провинции...[1].

4) Из Герата же по распоряжению помощника Кудус-хана Наиб Султан-хана имеет прибыть в ближайший аул к Асхабаду или в самый Асхабад шпион, под именем Исмал-беке, для собрания политических сведений, ознакомления с местностью и численностью войска, припасов, снарядов и других военных предметов...[2]

Об изложенном доношу Вашему сиятельству для сведения, присовокупляя, что по поводу шпиона мною приняты меры, чтобы выследить его.

Начальник области генерал-лейтенант Рерберг

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, лл. 179—180.

№ 363

Из донесения российского торгового агента в Мешхеде начальнику Закаспийской области о засылке в область шпионов[3]

6 октября 1882 г.

...В скором времени имеют прибыть в Мары и в Ахал четыре фанатика — возмутителей в платье афгана, по словам доносчика, для подготовления народа к противодействию против России. Они двинулись из Шикарпура в Багдад и оттуда направились в эту сторону; жалею, что о приметах их ничего не сообщено.

Донося об этом Вашему превосходительству, с истинным высокопочтением и глубочайшей преданностью имею счастье быть Вашего превосходительства всепреданнейшим слугою

Керим-Бек Насирбеков.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 184.

[1] Далее следуют не относящиеся к теме сборника сведения о событиях в Афганском Туркестане.

[2] Далее следуют не относящиеся к теме сборника сведения о событиях в Иране и Афганском Туркестане

[3] Начало документа, посвященное описанию событий в Афганистане, к теме сборника отношений не имеет.

№ 364

Отношение министра иностранных дел поверенному в делах России в Тегеране об урегулировании отношений с Ираном по русско-иранскому разграничению в Туркмении

25 октября 1882 г.

Неоднократно возникавшие между Вами и персидским правительством пререкания по поводу произвольного образа действий последнего по отношению к местностям и населению сопредельных с Хорасаном побуждают нас еще раз высказать взгляд наш на положение, созданное конвенцией 9 декабря 1881 г.

Считаем почти излишним повторять, что условия этой конвенции были внушены нам не своекорыстными видами. Мы были далеко от мысли расширять пределы владений наших на Востоке от Каспийского моря и руководствовались единственно желанием прекратить беспорядки и хищничество, служившие препятствием к развитию мирных торговых сношений, от которых наиболее страдало благосостояние персидского пограничного населения.

Продолжительный опыт ясно доказал, что шахское правительство не в силах было положить конец этому порядку вещей и что неоднократно принимавшиеся им к обузданию хищничества туркмен меры постоянно оставались без действия, и потому достижение означенной выше цели оказывалось возможным лишь под условием подчинения нравственному влиянию России независимых туркменских племен. Совокупность условий конвенции отвечает этой последней потребности, и само собой разумеется, что самая сложность задачи, предстоящей императорскому правительству и значительность требующихся от него пожертвований лишают его возможности допускать какие бы то ни было нарушения означенных условий.

Не сомневаясь в том, что шахское правительство далеко от намерения уклоняться от обязательств, принятых им на себя в силу той же конвенции, императорский кабинет не мог, однако, не обратить самого серьезного внимания на неоднократно обнаруженные хорасанскими властями попытки нарушить условия конвенции, — попытки, выразившиеся в отнятии у жителей Атека воды, коей они издавна пользовались для орошения своих полей, вследствие чего в нынешнем году погибли посевы нескольких туркменских селений, в насильственном переселении во внутрь Хорасана туркмен салоров и в некоторых других случаях.

Не, менее того императорский кабинет был неприятно поражен известием, что правитель Хорасана приступил было к постройке укреплений на правом берегу реки Теджена, хотя не настояло в том никакой надобности и хотя конвенция ограничивает права вмешательства персидского правительства в дела населений, живущих по берегам означенной реки, почему к осуществлению означенного предположения принца Рукн уд-Довле ни в каком случае не следовало приступать без предварительного соглашения с императорской миссией в Тегеране.

Мы вполне одобряем все представления, с коими Вы сочли нужным обратиться к шахскому правительству по поводу означенных выше случаев, ввиду неблагоприятных последствий, к которым могли бы повлечь дальнейшие попытки хорасанских властей в том же смысле, поручаем Вам исходотайствовать от шахского правительства на имя означенных властей новые приказания, положительно воспрещающие им всякие произвольные распоряжения по делам, разрешение коих может последовать только на основании соглашения между обеими правительствами, и вменяющие им в то же время в обязанность немедленно возвратить на прежние места жительства насильно переселенных салоров. Мы надеемся, что в видах обеспечения личной ответственности за нарушение постановлений конвенции персидское правительство поспешит выполнить наше желание и принять действительные меры к предупреждению дальнейших поводов к жалобам.

При этом мы считаем долгом обратить внимание Вашего на вновь заявленное шахским представителем при высочайшем дворе намерение персидского правительства возвести на левом берегу Теджена, близ Коушут-Кала и Старого Серахса, постройки, которые служили бы местным поселенцам убежищем от хищников.

При настоящем положении дел, когда не проведена еще пограничная черта, с одной стороны, между нашими владениями и персидскими и, с другой стороны, между Хорасаном и Атеком, когда еще не вполне выяснились отношения наши к туркменам, живущим по границам Хорасана и по берегам Теджена, и когда, наконец, сами мы, в угоду шахскому правительству, согласились отсрочить применение некоторых из существеннейших постановлений конвенции, мы ни в каком случае не можем одобрить вышеизложенного предположения и считаем, напротив того, необходимым настоятельно пригласить тегеранский кабинет отказаться пока от его осуществления.

Будучи совершенно чужды намерению расширить пределы наших собственных владений, мы не откажемся приступить к рассмотрению притязаний Персии на Коушут-Кале и Старый Серахс впоследствии, когда проведена будет помянутая выше пограничная черта и когда вполне выяснится способ применения секретных условий конвенции, в силу коей шахское правительство отказалось, между прочим, от вмешательства в дела туркмен, населяющих берега Теджена. Но до этой поры мы не можем согласиться на какое бы то ни было изменение в этих местностях и в случае новых попыток к его нарушению будем вынуждены принять непосредственные меры к обеспечению прав наших, основанных на точном смысле конвенции 9 декабря 1881 г.

Шахское правительство не раз имело случай убедиться в доброжелательстве к нему императорского кабинета и в его заботливости об интересах Персии. При этом, во всех вопросах, касающихся упрочения порядка и спокойствия на востоке Каспийского моря, мы сами желали бы действовать в духе согласия с персидским правительством. Доверяя, с другой стороны, искренности и благоразумию этого правительства, мы питаем надежду, что оно оценит как следует наши настоящие советы и навсегда положит конец неуместным замыслам и попыткам хорасанских властей, способных повредить как успеху мер, принимаемых нами в видах упрочения безопасности на границах владений двух держав, так и доброму согласию, существующему между ними державами.

Предлагая Вам передать содержание настоящего сообщения шахскому министру иностранных дел, мы вполне надеемся, что при Вашей опытности Вы сумеете убедить как Мирза Сеид-хана, так и самого шаха в необходимости старательно воздерживаться на будущее время от каких бы то ни было неудобных при настоящем положении дел, замыслов, нисколько ни оправдываемых при том действительными потребностями Персии. Само собой разумеется, что результата этого было бы желательно достигнуть без всякого ущерба доверию к нам шаха, каковое, как Вам известно, принесло нам существенную пользу при разрешении вопросов, составляющих предмет конвенции 9 декабря 1881 г.

Примите и пр. Гирс

ЦГВИА, ф. ВУА/с, оп. 1, д.72, лл. 37—41 об.

№ 365

Из «всеподданнейшей» записки кавказского наместника о политическом значении завоевания Ахала и положении в Закаспийской области

29 октября 1882 г[1].

...В заключение считаю своею обязанностью упомянуть в общих чертах и о настоящем положении дел в Закаспийской области, как входящей в состав управляемого мною края.

Блестящий исход ахал-текинского похода прошлого года, присоединив к империи Вашего величества новую территорию в Средней Азии, поставил вопрос о том: что делать с приобретенным краем и какое значение может он иметь для России? Посетив весною нынешнего года Закаспийскую область от Михайловского залива до Асхабада и осмотрев часть нагорной, пограничной с Персией, полосы по долине р. Сумбара и Атрекскую линию, я вынес убеждение, что, несмотря на некоторые удобные места для заселения и на возможное еще увеличение производительности Текинского оазиса, завоеванный край не может обещать серьезных материальных выгод. Но обладание им представляет уже теперь, а в будущем представит еще более важное для России значение в политическом отношении, не только ввиду могущих быть частных усложнений в Средней Азии или с Персией, но и при столкновении наших политических интересов на европейском Востоке. Каким несбыточным и рискованным при настоящих условиях представляется военный поход с берегов Каспия к берегам Инда, болезненный страх Англии за свою Ост-Индскую колонию, когда мы стоим в 200 верстах, а через 4 года станем у самых ворот Серахса, будет служить лучшим залогом уступчивости ее в существенных вопросах нашей политики. Уже ради одной этой цели следует, по моему разумению, мириться с теми пожертвованиями, которые будет требовать от государства обладание Закаспийским краем.

Население новой области, обезоруженное и, по-видимому, с покорностью подчинившееся новому порядку вещей, мирно и не безуспешно занимается восстановлением пострадавшего от войны своего хозяйства; аламанство в крае почти прекратилось, и безопасность на дорогах и в селениях охраняется конною стражею, сформированною из самих же туркмен. Другим результатом водворения русского господства в Текинском оазисе явилось уже направление некоторых

[1] Датируется по дате представления царю.

караванов и партий богомольцев, следующих из Закавказья в Мешхед, не на Астрабад, а на Геок-Тепе и на Асхабад. Необходимо всеми мерами поддерживать это направление и стараться повернуть всю Хорасанскую торговлю с Гязского берега [на] ахал-текинскую линию, чему особенно могло бы содействовать продолжение существующего рельсового пути от Кизыл-Арвата до Геок-Тепе, от которого могут быть разработаны дороги на главные торговые пункты Хорасана. В бытность мою в Закаспийской области мною даны начальнику оной указания для предварительных изысканий по некоторым из этих путей, на что и отпущены ему небольшие средства.

Отношения наши к Персии в Закаспийском крае не могут быть названы удовлетворительными: постоянное стеснение наших туркмен в пользовании необходимой для орошения водой, имеющей свои истоки в персидских пределах; поборы, делаемые ильханиями с наших подданных, являющихся по торговым делам на хорасанские рынки; наконец, вмешательство персиян в дела атекских жителей, считающих уже себя под нашим покровительством и ищущих у нас защиты,— все это указывает, что заключенная нами с Персией конвенция 9 декабря 1881 г. далеко не обеспечила точное исполнение шахским правительством принятых им на себя обязательств и что переходный период до вступления России в исключительное владение Атеком доставляет нам еще не мало затруднений, в ущерб нашему влиянию в этой области.

Что касается до сношений наших с Мервом, то хотя они довольно деятельно поддерживаются с обеих сторон, однако, существенных результатов пока не достигнуто. Нисколько не отвергая пользы установления возможно частых торговых и иных сношений с Мургабским оазисом, я позволяю себе думать, что влияние наше там может утвердиться не заискиванием у мервцев, не навязыванием им непременно наших взглядов на необходимость торгового и политического сближения с ними, а, наоборот, принятием относительно Мерва благонамеренного, но более сдержанного положения, которое убедило бы его, что мы в нем не нуждаемся, будем рады войти с ним, если пожелает, в более близкие сношения, но в то же время, всегда сумеем заставить его, когда признаем нужным, подчиниться нашим требованиям. Мне кажется, что такой образ действий более соответствовал бы понятиям азиатских народов о нашем могуществе и вполне согласовался бы с достоинством правительства русского царя[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 2, д. 890, лл. 22 об.—23.

[1] Документ без подписи.

№ 366

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа об отмене произвольно установленных правителем Кучана сборов с товаров, ввозимых из Закаспийской области в Иран и обратно

10 декабря 1882 г.

Кучанский хан Шуджа уд-Довле в октябре сего года произвольно установил налоги: а) с предметов, ввозимых из Закаспийской области в Персию и вывозимых оттуда к нам, — под именем «бадж» и б) с лиц, занимающихся перевозкою, так называемый «дах-ек», причем на трех путях оазиса, ведущих в Персию: через Гермабский перевал, Хейрабад и Говдан устроил посты для взимания этих сборов. Налог бадж составляет с каждого верблюжьего вьюка 2 крана, лошадиного или катырного—1½ крана, ослиного один кран и с прогоняемого скота или баранов по одному из двадцати натурою; а дах-ек платится в количестве: за вьючного осла ½ крана, за вьючный катыр или лошадь — 1 кран и за вьючного верблюда — 1½ крана.

Имея в виду, что означенные распоряжения стеснили торговлю и повлекли за собою недостаток в перевозочных средствах, я вместе с сим обратился к российскому поверенному в делах при персидском дворе Аргиропуло с просьбой настоять перед шахским правительством о снятии упомянутых, не установленных никаким актом налогов и об этом доношу вашему сиятельству для сведения.

Начальник области генерал-лейтенант Рерберг

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 3152, л. 1.

№ 367

Из доклада инженера Лессара о происках английской агентуры в Мерве, положении в Атеке и необходимости усиления там русского влияния[1]

18 декабря 1882 г.

...Когда слухи о нападении на русский лагерь[2] дошли до Мерва, то совет старшин и ханов сначала остановился на мысли о необходимости выдать разбойников, то эта мера

[1] Начало документа, посвященное описанию аламанов, интереса не представляет

[2] Речь идет о нападении на военных топографов.

оказалась слишком непопулярною, и многие советовали лучше Берды-ябу убуть в Мерве и ограбленное имущество возвратить[1]. Но, к несчастью, приверженцев у нас в Мерве мало, да и те не имеют никакого интереса себя компрометировать, заступаясь за русских; приверженцы же и родственники разбойников хлопотали и агитировали весьма энергично и потому, хотя до настоящего времени не принято никакого решения и мервцы все еще выжидают и поступят сообразно с обстоятельствами, но пока общее мнение разбойников не выдавать и не казнить, а лишь выслать из Мерва (в Пенде или Афганистан).

Но если испугались мервцы, то понятно впечатление, которое нападение на русских казаков произвело в Серахсе: действительно, этот пункт стал источником самых нелепых слухов, вроде известия о выступлении из Мерва 2000 человек, о движении мервцев к Асхабаду и т. п., хотя в действительности: 1) выслать 2000 всадников мервцы едва ли могут даже при самом сильном напряжении и то разве во время войны и на близкое расстояние от оазиса и 2) текинцы никогда не нападали на укрепленные пункты. Рядом дерзких грабежей мервцы могут заставить Россию покорить Мерв, но нельзя себе представить нападение мервской армии на русское укрепление такой силы, как Асхабад. Возникновению тревожных слухов в Серахсе способствовало следующее обстоятельство: текинская милиция здесь весьма неисправно получает от Персии условленное жалованье; большую часть его берет себе серахский комендант; чем тревожнее положение, тем более он нуждается в милиции и тем ей больше дает денег; понятно, текинцы пользуются каждым случаем, чтобы запугивать своего начальника самыми несообразными выдумками, которые перс принимает за чистую монету.

Мервцы со своей стороны стараются поддерживать эти толки, воображая, что этим путем можно запугать и русских; таким образом... пределы разные угрожающие слухи, главнейшие из которых — вооружение Мерва англичанами и движение афганских войск против России. Чем были до сих пор вооружены мервцы, видели все бывшие у них в оазисе: огнестрельного оружия вообще мало; есть берданки, но преимущественно плохие, старые азиатские ружья, которые, конечно, идут не из Англии, и потому только в последнее время могла начаться доставка из этой страны (по слухам, 4 английские агента находятся в настоящее время в Мерве); но мервцы слишком бедны для покупки оружья, а даром едва

[1] Руководивший нападением на военных топографов.

ли англичане много дадут. Слухи о снабжении ими жителей оазиса оружием возникали много раз, но до сих пор еще никто не видел в Мерве английского ружья. Еще наивнее второе известие: Абдурахман-хан, конечно, проводит свое царствование, как и все его предшественники на афганском престоле, т. е. занимаясь покорением одной за другой непризнающих его власти провинций Афганистана; с падением Герата стали говорить, что на Маймене идут войска эмира; но власть его не только в Герате, но и в Кабуле так непрочна, что отдаленный поход не мог быть начат так быстро, и весною говорили, что движение отложено до зимы; судя по слухам, в настоящее время для этого сосредоточиваются войска в Гератской долине; пройдя же через Мерв, слухи эти обратились в положительное известие, что двухтысячная афганская армия идет к Мерву для совместного движения против России.

Нельзя не упомянуть еще об одном слухе, который наравне с первыми двумя передается как угроза России: по поводу грабежа 16 ноября один богатый мервец (бай) заявил, что ни выдавать, ни наказывать разбойников не следует, а надо исправить пушки, вооружить народ и ждать русских; пусть половину денег на войну соберет народ, а половину даст он (говоривший). Известно, что самые большие богатства в Мерве считаются никак не десятками тысяч, а даже редко тысячами рублей.

Неосновательность этих слухов ясна само собою, и в действительности все случившееся сводится к возобновлению зимних текинских разбоев в несколько сильнейшей степени, чем было в прошлом году. Бывшее до осени неестественное мирное среди привыкших к разбою племен настроение, последствие страшного погрома, нанесенного текинцам в 1881 г., конечно, не могло длиться совершенно так же, как не наступило умиротворение Средней Азии и после поражения туркменских племен в 1873 г.; разбои постепенно возобновились, поддерживаемые Ахалом и Мервом; теперь все еще остается Мерв, возбуждаемый против России английскими агентами. Грабежи, вероятно, будут каждую зиму усиливаться, каждое восстание в Мерве будет иметь отражение в тесно связанных с ним Ахале и Атеке; только после полного подчинения тем или другим способом Мерва Россией в степи может водвориться порядок. Вера лишь в близости развязки, которая, конечно, зависит от отношений наших к Мерву особенно к промежуточным странам именно Атеку и Теджену, мирное настроение которых в весьма сильной степени задержит развитие разбоев. Положение Атека в этом отношении крайне неудовлетворительное и требует

безотлагательного улучшения: прекрасным указанием на это служит факт, что первый серьезный грабеж произошел, конечно, не без участия того поселения, где сосредоточены люди, наиболее пострадавшие от невыясненного положения этой полосы земли.

В Атек и на Теджен переходят из Мерва люди бедные, примирившиеся с идеею о необходимости труда, все благосостояние которых зависит от спокойного состояния края и водворения в нем порядка и законности. Такое положение жители с своей стороны будут поддерживать всеми силами; от разбоев они могут только потерять. До покорения Геок-Тепе атекцы были лучшими союзниками Бейбут-хана в борьбе с разбойниками, и хан очень дорожил этим союзом и всеми силами старался угодить поселенцам. Настоящее же невыясненное положение дел, отсутствие всякого порядка и притеснения персов весьма дурно подействовали на население, которое в своем раздражении легко поддается влиянию темных неспокойных личностей, являющихся из Мерва и возбуждающих жителей к разбоям.

Первый и самый насущный вопрос, который необходимо разрешить в Атеке,—это вопрос о воде. Отнятие воды у жителей сильно подорвало их благосостояние и, конечно, не осталось без влияния на возобновление разбоев. Если атекцы не получат возможности поправить свои дела в 1883 г., то, вероятно, они решатся бросить свои поселения, вернутся они в Мерв совершенно разоренные и будут принуждены вознаградить себя грабежом; самая мирная часть всего текинского народа будет обращена к прежней разбойничьей жизни, и притом не по своей вине; понятию, какое это впечатление производит на Мерв и Ахал.

С вопросом о воде тесно связан вопрос о необходимости какой бы то ни было власти в крае: текинцы вследствие постоянных ссор, интриг и зависти не только племен между собою, но и в каждом племени и даже роде, непременно нуждаются для поддержания порядка в какой-нибудь власти извне, которая бы решала их счеты между собою и которой они хитро подчинятся, только бы не уступить кому-либо из своих. Персидской власти они ни за что не признают: персияне будут их всегда притеснять и обирать*; персияне

* Уже теперь пограничный комиссар Шах Магомет-хан ввиду освобождения жителей от податей придумал другой способ брать с них деньги: воспользовавшись раздорами между племенами, он подарками и подкупами получил по одной, две подписи из поселения на обязательство всего Дерегезского Атека подчиниться в распределении воды лотфабадским мирабам... Аллаяр-хану; за самое пустое нарушение положен штраф в 100 туманов (400 руб.). Если в Атеке будет персидская власть, то штраф этот будет взыскиваться весьма часто и заменит бывшие прежде подати, несмотря на то, что условие совершенно незаконное.

они слишком презирают; существующее уже теперь раздражение против них делает немыслимым дальнейшее подчинение Атека не только пограничным ханам, но даже и человеку, специально назначенному для этого от персидского правительства.

Жители всех поселений настоятельно просят о назначении русского начальника, который бы их защищал от персов и водворил бы у них порядок. Если почему-либо это неудобно сделать официально, то Атек может быть подчинен не юридически, а фактически какому бы то ни было русскому агенту, ни персы, ни текинцы этой разницы не поймут, а одно назначение агента упростит все вопросы, возникающие по отношению Атека к России и Персии.

Отнятие воды у атекцев делается прямо против воли шаха пограничными ханами, которые потом отрицают справедливость жалоб текинцев; когда в Атеке будет русский агент, подобное отрицание станет невозможным, и тогда отнятие воды у жителей только для притеснения их, как делалось в этом году, уже немыслимо; вопрос сведется лишь к ограничению посевов на верховьях рек и вообще к распределению воды между двумя равноправными соучастниками — персами вверху и текинцами внизу по течению; такая постановка дела уже гораздо проще, и, конечно, не может иметь столь раздражающего влияния на народ, как разорения его пусканием воды на необработанные поля.

В присутствии русского агента персы вообще не осмелятся притеснять атекцев; они слишком трусливы для этого и теперь делали беззакония в виду трудности сношений в Азии и возможности отказаться от сделанного; прекращение же беззаконий безусловно необходимо для поддержания как спокойствия в крае, так и русского авторитета среди новопокоренного народа и его соплеменников; текинцы никак не могут понять, отчего мы против беззаконий какого-нибудь деспота принимаем строго законные меры, а приписывают это нашей слабости. Уже теперь после одного года трудно убедить атекцев не расправляться самим с персами и подождать результатов нашего заступничества: вера в действительность нашего покровительства сильно поколеблена, хотя атекцы сознаются, что в этом году жалобы их сильно запаздывали и что отчасти от этого зависит позднее удовлетворение их*.

* Значительная часть вины во всем этом падает на русских, находившихся в этом году в Атеке: вместо того, чтобы объяснить жаловавшимся атекцам порядок принесения жалоб и направить их в Асхабад, эти господа принимали на себя решение дня и сами ходили для объяснений с персидскими начальниками, которые из вежливости обещали исполнить прошлое. Заступники уезжали, довольные благодеяниями, оказанными текинцами, и часто даже забывали доложить о жалобах в Асхабаде; конечно, по отъезде русского персы только усиливали притеснения, и текинцы, которые не могли знать, что имели дело с самозванцами, приходили к убеждению в недействительности русского покровительства.

При водворении порядка необходимо оказать поддержку мирной части населения Атека против бродяг, являющихся сюда из разных мест. До сих пор в поселениях жили 1) постоянные жители, которые перешли сюда с семействами и в некоторых местах построили себе даже глиняные домики, и 2) саллах — дайхане, бессемейные земледельцы, являющиеся из Мерва ежегодно только для обработки полей и к зиме возвращающиеся домой...

Эти последние ничем не заинтересованы в поддержании порядка в крае и составляют беспокойный элемент населения Атека: выгодно им — они обрабатывают землю; представляют прибыльный грабеж — пойдут на грабеж, семейства их в безопасности, бояться им нечего. Старшины в настоящее время не имеют довольно авторитета, чтобы прекратить своею властью наплыв посторонних людей, явившихся на основании мусульманских законов, по которым пока воды довольно, отказать в ней никому нельзя. Но так как все признают, что Атек — русская земля и разрешение селиться в нем зависит от русских властей, то мирная часть населения, не желающая отвечать за преступления всякого случайного пришельца, просит об установлении правила, что в Атеке имеют право обрабатывать землю только люди, которые поселятся здесь со своими семействами, таким людям никогда не будет отказа в воде. Старшины просят прислать им письменное приказание соблюдать это правило, так как это значительно облегчит поддержание спокойствия в крае.

Наконец, из совещаний со старшинами атекских поселений выяснилось, что если в крае будет русская власть, которая возьмется за организацию для этой цели милиции, то таковая может быть устроена при самой незначительной или даже вовсе без всякой денежной помощи со стороны России; необходима только инициатива и направление дела, которых от текинцев при вражде и недоверии их друг к другу ждать нельзя.

Инженер Лессар

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 69, лл. 53—61.

№ 368

Из доклада генерала Гродекова в Главный штаб о месте Туркмении в планах царского правительства на Среднем Востоке и антирусских действиях английских колонизаторов 1882 г[1]

Когда в 1878 г. явилась необходимость оказать давление на Англию со стороны Индии, то нами были сформированы два отряда и двинуты к стороне Афганистана совершенно наугад: мы не знали ни местности, по которой придется идти, ни населения, с которым должны встретиться. Туркестанский отряд должен был выйти к Кабулу, а кавказский—к Мерву. В Мерве же должен был присоединиться к кавказским войскам и отряд из Аму-Дарьинского отдела. Но генерал Кауфман, имея много данных, что генерал Ломакин туда не дойдет, приказал Аму-Дарьинскому отряду выйти к Чарджую, откуда предполагал впоследствии двинуть его к Ширабаду.

Хорошо, что из Петербурга посланы были приказания Туркестанскому отряду, собравшемуся тогда между Самаркандом и Джамом, не переходить бухарской границы, а Кавказскому—ограничиться занятием Чата. В каком виде явился бы под Кабулом Туркестанский отряд, состоявший всего из 12 000 человек и 46* орудий и долженствовавший сделать поход в 900 верст, причем преодолеть величайший в мире хребет Гиндукуш, одни названия перевалов которого («Денан-шикен» — зуболом) показывают, с какими трудностями нам пришлось бы бороться? Что сталось бы с ним, когда он, отрезанный от всякого сообщения с Аму-Дарьей, в течение 5 месяцев очутился бы лицом к лицу с английскими войсками, сравнительно свежими и могущими выставить могущественную артиллерию?

О том, что сталось бы с отрядом, направленным на Мерв, можно судить по событиям 1879, 80 и 81 годов.

Героический период Туркестана, по-видимому, кончился. Но Туркестан не может служить нам и в качестве плацдарма, ибо из него выхода нет, и давления на Англию оттуда сделать нельзя. Вместо него таким плацдармом сделали Закаспийскую область. Завоевание Ахал-Текинского оазиса предпринято было с целью создать из него педаль, с помощью которой мы будем в состоянии видоизменять камертон нашей политики как относительно Великобритании, так

[1] Документ не датирован, но, судя по его содержанию, написан не ранее конца 1882 г.

* Кроме того 4 полупудовые мортиры.

Персии и Афганистана. И чтобы это не было звуком пустым, построили железную дорогу, затратив на нее до 12.000.000 рублей (считая здесь и подвижной состав). Предполагается, что с помощью ея, мы в самое короткое время с значительными военными силами можем появиться на Герируде.

Завоевывая Туркестан, мы мечтали угрожать оттуда Индии. Но когда пришлось угрозу приводить в исполнение, то оказалось, что мы стоим перед пропастью, которую перескочить не сможем. Завоевав Ахал-Теке, мы тоже думаем угрожать Индии. Но как бы и здесь нам, когда настанет время угрозы, не очутиться в таком же положении, в каком мы очутились в Туркестане в 1878 г.

По всей вероятности, наше правительство рассчитывает встретить в Герате и вообще в Афганистане друзей...[1]

Афганцы, храбрый, воинственный народ, всегда были того мнения, что им никаких союзников не надо, что они сами справятся со всяким врагом. События в 1841—42—79—80 и 71 годов как бы подтверждают это. Нет сомнения, что очищение англичанами позиции в Афганистане еще более утвердят их в этом убеждении. А если это верно, то не примут ли они наше движение к Герату, направленное против англичан, за враждебное себе?[2]. Если примут, то надо знать, что даже текинцы избегают нападать на афганцев, которые, это им хорошо известно, в плен не сдаются. Если текинцы нападают на Гератскую область, то они аламанят персиян, а не афганцев.

Утверждать положительным образом, что в Афганистане мы найдем врагов, нельзя; но и отрицать этого тоже нельзя, ибо *за* есть указания, а *против* — нет никаких.

Казалось бы, следовало на этот предмет обратить вни-

[1] Далее следует не относящееся к теме сборника описание общественно-политических отношений в Афганистане.

[2] Небезынтересно отметить, что русские власти делали все, чтобы не нарушать нормальных отношений с Афганистаном и не вмешиваться в его внутренние дела. Касаясь возможности перехода в Закаспийскую область претендента на афганский престол Эюб-хана, выступавшего против Абдурахман-хана, который недавно пользовался убежищем в русских владениях, но, достигнув трона, под давлением английских подстрекательств, обнаруживал антирусские устремления в Средней Азии,— командующий войсками Кавказского военного округа в распоряжении начальнику Закаспийской области в феврале 1882 года предписывал отклонить Эюб-хана «от прибытия в наши пределы», объясняя это тем, что, «придерживаясь принципа строгого невмешательства в междуусобные распри Афганистана, правительство наше намерено устранить всякие поводы, могущие повести к предположению о противном с нашей стороны образе действий в этом отношении» (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 80).

мание, прежде чем создавать себе, может быть, иллюзии, что стоит только надавить педаль в Петербурге, как из Асхабада выйдет сила, которая даст нам возможность обделать наши дела в Европе...[1].

Опыт Ахал-Текинской экспедиции показал, как ревниво англичане смотрели за каждым нашим шагом. Они заставляли персидское правительство смотреть даже на такие пустяки, как пожалование каракалинцу Нургельды-хану шашки и часов, как на посягательство на верховные права шаха. Сколько было шуму из-за арестования 11 туркменских старшин в Чекишляре. Сколько было пролито чернил из-за неприкосновенности пресловутой Кара-Кала. Ведь Томсон[2] угрожал шаху, что если он уступит нам эту местность, то англичане займут один из островов на Персидском заливе. А сколько было шуму из-за посылки русских офицеров для заготовления довольствия в Персии? Шах до того был подавлен Томсоном, что должен был вступить в разговор с нашим посланником против представителя Великобритании и советовать, чтобы наши офицеры выдавали себя за коммерческих агентов. Все это до того приучило персиян смотреть, как к тому или другому нашему действию отнесется Англия, что последний чиновник знает об этом. В подтверждение сказанного приведу следующий факт. Когда генерал Скобелев, окруженный ореолом великой победы 12 января, прибыл во главе большого кавалерийского отряда с артиллерией в Лютфабад, то, казалось, в этой глухой провинции Ирана все должно было пасть ниц. Но правитель Дергеза после свидания со Скобелевым обратился ко мне со следующими словами: «Я ничего не имею против того, что сюда прибыл генерал, но ведь и англичане потребуют себе дорогу».

Если англичане протестовали против закупки нами довольствия в Ахал-Текинскую экспедицию, непосредственно не угрожавшую Герату, если они устраивали бунты в Мешхеде из-за вывоза нашей муки, то можно себе представить, как они будут следить за нами, когда при движении к Герату мы захотели бы пользоваться перпендикулярными подвозами из Персии. Если во время Ахал-Текинской экспедиции, кроме О'Донавана, в Хорасане находились три английских офицера—полковник Стюарт и капитаны Батлер и Гилль, то во время экспедиции к Герату число их будет увеличено в десятеро, чтобы следить за нейтралитетом Персии, и Персия будет нейтральна, ибо железная дорога от Исмида в Багдад на днях начнется постройкою,[1] а река Карун дозволит им подойти к Щустору, откуда до Тегерана 650 верст.[2].

Генерал-майор Гродеков

[1] Далее следуют не относящиеся к теме сборника описания путей из Ахал-Теке в Афганистан и вывод об их труднодоступности для движения войск.

[2] Английский посол в Иране Томсон.

ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 68, лл. 80—93.

№ 369

Из «инструкции русским агентам в Кучане, Буджнурде и Мухаммед-Абаде» о регулировании отношений туркмен и каджарских властей

февраль 1883 г.

Агенту вменяется в обязанность наблюдать, чтобы со стороны ильхания Буджнурда были постоянно применяемы меры к удержанию подвластных ему туркмен от набегов и других враждебных проступков против Закаспийской области и чтобы в то же время названным ильханиям не было чинимо притеснений и насилий туркменам, попеременно кочующим то на русской, то на персидской территории, которых поэтому нельзя признавать персидскими подданными, хотя, с другой стороны, не представляется возможным объявить их и русскими подданными.

Агент должен равным образом наблюдать и за тем, чтобы персидские власти не селили туркмен на персидской территории, сопредельной с Закаспийской областью, как это условлено было между русским и шахским правительствами.

Необходимость упрочить безопасность и спокойствие близ границ Закаспийской области побудили императорское Российское правительство войти с шахским правительством в соглашение относительно установления нового порядка вещей в Атеке и, в этих видах, признано было, между прочим, полезным заключить вмешательство пограничных персидских начальников в дела атекского населения в известные границы, кои начальники эти ни в коем случае не должны переступать. Означенные ограничения заключаются в следующем:

[1] Речь идет о Багдадской железной дороге из Европы к Персидскому заливу.

[2] Далее следует не представляющее интереса описание путей из Ахал-Текинского оазиса в направление Герата.

1. В видах предоставления туркменам, как населяющим ныне Атек, так и тем, кои поселятся впоследствии в области этой, возможности заниматься земледелием, не должна быть отводима из речек и ручьев, текущих с горы в Атек, вода в количестве, превышающем потребности персидского населения. Агенту в Мухаммед-Абаде поручается употребить все старания к тому, чтобы войти с персидскими пограничными начальниками в соглашение относительно равномерного и безобидного для обеих сторон распределения воды между персидскими и атекскими населениями.

2. Пограничные персидские начальники ни под каким видом и предлогом не должны дозволять себе подвергать живущих в Атеке туркмен насилиям и притеснениям и не производить с них никаких сборов под каким бы то ни было наименованием.

3. Никаким сборам и стеснениям не должны быть подвергаемы караваны, следующие через Атек.

4. Персидские пограничные начальники не должны чинить никаких препятствий населению в незанятых местах Атека переходящих в эту область туркмен. Все дела, возникающие по этому предмету, разрешаются на основании непосредственного соглашения между императорской миссией в Тегеране и персидским правительством.

5. В случае встреченной необходимости посещать Атек персидские пограничные начальники будут иметь при себе лишь небольшую свиту, для них необходимую.

6. Во всех случаях, могущих иметь прямое или косвенное отношение к поддержинию в Атеке порядка и безопасности, персидские пограничные начальники должны старательно воздерживаться от каких бы то ни было произвольных распоряжений, так как во всех случаях требуется предварительное соглашение между русским и персидским правительствами.

Русский агент в Мухаммед-Абаде умеет зорко наблюдать за точным выполнением всех вышеизложенных правил персидскими местными властями и, в случае нарушения оных, обязан обращаться с представлениями к означенным властям и доводить о том до сведения императорской миссии в Тегеране. О всех важных случаях, где нарушение правил этих сопряжено с непосредственным ущербом русским пограничным интересам, агент сообщает также и начальнику Закаспийской области.

В случае обращения к нему проживающих в Атеке туркмен с жалобами на персидские власти агент обязан, если таковые жалобы будут найдены основательными, обнадежить туркмен ходатайством в их пользу перед персидскими

властями. При этом агенту вменяется в обязанность внушать туркменам, чтобы они тщательно воздерживались от каких бы то ни было враждебных и самовольных поступков по отношению к персидскому населению и терпеливо выжидали последствий ходатайства в их пользу.

ЦГВИА, ф. ВУА/с, оп. 1, д. 72, лл. 122. об.—126. Копия.

№ 370

Телеграмма генерал-майора Зеленого генерал-адъютанту Дондукову-Корсакову об антирусской агитации англичан среди туркмен

4 марта 1883 г.

Генерал Рерберг доносит Вашему сиятельству телеграммой в Тифлис следующее:

Стивен из Келята приехал в Каахка и Лютфабад, откуда должен был возвратиться в Мешхед. По слухам, Стивен продолжает вести среди туркмен вредную нам агитацию. Сделал распоряжение о собрании по сему сведений.

Стивен—секретарь английского посольства [в] *Тегеране*

ЦГВИА, ф. ВУА/с, оп. 1, д. 70, л. 62.

№ 371

Из записки купца Косых о результатах отправки торгового каравана в Ашхабад и Мерв

март 1883 г.

Вслед за окончанием Ахал-Текинской экспедиции начальник Азиатской части Главного штаба генерал Соболев высказывал свой взгляд Н. Н. Коншину относительно того, что необходимо послать караван в Ахал-Теке для занятия рынка, дабы не отдать его англичанам, что было бы весьма важно, если бы за это взялись крупные московские фирмы. Г-н Коншин, обсудив этот взгляд, пришел к заключению, что посылка каравана действительно может быть делом весьма полезным, если, оставив всякие коммерческие расчеты, иметь в виду цель занятия рынков и уничтожения кулачества мелких торговцев—армян и евреев, которые, не имея конкуренции, снабжали войска необходимыми продуктами по баснословно дорогой цене. В силу этих соображений, г-н

Коншин предложил некоторым московским крупным фирмам снарядить караван; но ввиду разоренности завоеванного края, а следовательно, и отсутствия коммерческой цены каравана предложение его было отвергнуто, и г-н Коншин решился отправить караван за свой счет.

Караван был составлен из мануфактурных товаров и необходимых продуктов для войска и местных жителей. Товар был сдан для транспортирования до Красноводска Обществу «Кавказ и Меркурий», и я выехал из Москвы 18 июля 1881 г.; 6 августа караван прибыл в Красноводск.[1] 6 сентября караван благополучно прибыл в Асхабад, но торговлю открыть пришлось только 15 числа того же месяца, так как нужно было предварительно устроить помещение. В конце сентября прибыла депутация из Мерва в Асхабад во главе с Баба-ханом; с ним я имел предварительные переговоры относительно посылки каравана в Мерв и, благодаря гостеприимному приему и хорошим подаркам, заручился в то же время от депутации нужными сведениями и обещаниями оградить караван от могущих встретиться опасностей. Подарки им, по-видимому, пришлись по вкусу, так что при отъезде мервцы заявили, что приемом моим они очень довольны; прием же генерала Рерберга им показался негостеприимным. После этого мервцы стали приезжать в Асхабад довольно часто; посещали и персы из Хорасана, с которыми мне тогда удалось завязать торговые сношения. Персы впоследствии оказались самыми важными покупателями, так как текинцы разорены, а мервцы, за исключением некоторых влиятельных лиц, относятся к русским все еще очень недоверчиво. Когда я достаточно ознакомился с положением дел в Асхабаде, то, заручившись согласием своего доверителя, решился отправиться в Мерв, о чем и заявил начальнику штаба барону Аминову; барон принял это решение весьма сочувственно и оказал большое содействие в деле отправки и сопутствия каравана. Под прикрытием конвоя и в сопровождении 2-х переодетых приказчиков офицеров[2], командированных с целью собрать военные и статистические сведения, караван выступил из Асхабада 3 февраля и после некоторых небольших сравнительно

[1] Далее следуют не представляющие интереса подробности движения каравана из Красноводска в Ашхабад.

[2] Речь идет о прапорщиках Соколове и Алиханове; о цели их прикомандирования к каравану см. телеграмму начальника штаба Закаспийской области начальнику области от 7 февраля 1882 г. (ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 259, л. 82).

препятствий в пути 15 числа благополучно прибыл в Мерв. Сюда караван вступил ночью, так как Комек-бай* боялся, что первое поселение русских в Мерве днем произведет возмущение черни. На другой день Комек-бай собрал совет ханов [и] кетхудов и после долгих прений склонил их разрешить каравану торговать на базаре. Тотчас после этой резолюции было приступлено к развязке товара; затем, когда мы выехали на базар, то масса народа встретила нас с криками «урус» и даже «ур» (бей); но, к счастью, в это время подоспели люди, посланные для усмирения толпы, и народ разбежался. Вскоре после этого я открыл торговлю, которая, кстати сказать, шла очень вяло. Часть товара была продана на деньги, а большая часть оставлена в кредит; так что, пробыв 18 дней, я решил покинуть Мерв. К тому же и оставаться там было вообще небезопасно, потому что в Мерве царит полная анархия; администрации не существует никакой, ханы признаются начальниками только во время войны или аламана; в других случаях они хотя и составляют собой совет, являются как бы представителями народа, в сущности же ничего не значит, народ их редко слушается; да и между самими членами совета господствует страшная рознь. Помимо этой причины, следовало ускорить отъезд еще и потому, что народ стал высказывать свое недовольствие по поводу того, что «русские, пробывав в Мерве, все видели и знают»; по их мнению, это равносильно взятию Мерва. Подобные разговоры могли настолько возбудить чернь, что повели бы к столкновению. В силу этих соображений, мы, пользуясь тем временем, пока еще мервцы были под обоянием выгодной торговли, 5 марта из Мерва выехали и 16 числа благополучно прибыли в Асхабад. Затем, оставив в Асхабаде при непроданном товаре приказчика, 25 мая текущего года я вернулся в Москву.

Таким образом караванная экспедиция была окончена...[1]

Североан Косых

ЦГВИА Груз. ССР, ф. 545, д. 3151, лл. 7—10[2].

* Один из влиятельных лиц в Мерве и покровитель каравана.

[1] Далее следуют не представляющие интереса рассуждения о мерах обеспечения русской торговли с Туркменией, которые генерал Меер в своих замечаниях эту записку равно как и введение к ней охарактеризовал «как бессодержательную патриотическую болтовню в расчете на правительственную поддержку». Касаясь заключения Косых о «незначительности мервского рынка для русских», Меер добавлял и «для каких бы то ни было европейских товаров» и высказывал опасение, что при направлении русско-иранской торговли через Туркмению каджарские пограничные власти «выучатся... обирать торговцев», взыскивая с них

№ 372

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о положении в Мерве и происках английской агентуры в этом районе

13 апреля 1883 г.

В течение истекшего марта от разных лиц получены следующие сведения:

1) В Мерве происходит покупка и продажа игольчатых ружей берданковского образца и патронов к ним, и все отзывы о происхождении их сходятся к тому, что мервские торговцы приобретают их из Хивы.

В виду положительных указаний на Хиву, как на рынок торговли ружьями, я вместе с сим вошел в сношение с начальником Аму-Дарьинского отдела о принятии мер к прекращению этой торговли.

2) В некоторых аулах Мерва чеканятся поддельные монеты на манер нашей разменной серебряной и персидских кранов. Хотя между прочими чеканщиками указывают на некоего Уста-Хаки из племени утамыш, рода солмаз[2], но пока верных сведений о нем и прочих чеканщиках не имеется.

По этому поводу предписано ахал-текинскому уездному начальнику иметь наблюдение, чтобы фальшивые монеты не пущены были в область из Мерва в Ахал.

3) Каракули-хан, из племени утамыш, рода бек, помышляющий о первенстве в Мерве и недружелюбно относящийся к влияниям нашим на мервский народ, после отправления в Мерв Махтумкули-хана сблизился с серахским ханом Сарыханом и отправился вместе с Абдурахим-баем в Хиву, чтобы у хивинского хана и у туркестанских властей выхлопотать назначение его, Каракули-хана, ханом всего Мерва.

4) Из Ташкента через Бухару приехали в Чарджуй два высокопоставленных англичанина, привезшие будто бы с собою письмо на имя бухарского эмира, на которое через сына его получили ответ, потом отправились в Хиву.

5) Жители Мервского общества Дурфэ, Иман и Байча, состоящие под влиянием вышеназванного Каракули-хана, на-

---

«хотя нелегальные, но весьма крупные подати». Не возражая против строительства дороги из Асхабада в Иран, но, считая, что русские торговцы не смогут «конкурировать с привычными к местным условиям торговцами Закавказья, Меер считал, что они «будут иметь больше шансов на успех, направляясь из Астрахани в дельту Аму-Дарьи, через форт Александровский» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 3151, лл. 4—6).

[1] Дубликат документа см. ЦГВИА, ф. 400, д. 27, 1883 г., лл. 5—8.

[2] Так в тексте: видимо, речь идет о рдое солтаниз.

няты английским агентом в Мешхеде Мирза Абас-ханом в тайные агенты и ведут с англичанами переписку.

О вышеизложенном доношу Вашему сиятельству для сведения

за начальника области, Генерального штаба генерал-майор Мейер.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34 д. 583, лл. 10—11. Копия, рукопись.

№ 373

Из «Журнала Особого совещания» по вопросу о дальнейшем укреплении русского влияния на туркменское население Средней Азии

25 августа 1883 г.[1].

...Основанием совещания послужила составленная в Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел записка, рассматривающая невыгоды настоящего двойственного отношения нашего к Мерву (из Туркестана и Асхабада) и указывающая на необходимость в видах упрочения нашей власти на пространстве между Каспийским морем и Аму-Дарьей присоединить к Закаспийской области Аму-Дарьинский отдел и сосредоточить в руках начальника области влияние на Хиву и Мерв с изъятием его в то же время из ведения Кавказской администрации.

В 1881 г. Россия вынуждена была подчинить себе силою оружия Ахал-Текинский оазис и благодаря завоеванию этому приблизилась к Мерву.

Погром под Геок-Тепе тяжело поразил туркмен-теке, произвел потрясающее впечатление и на родственных им мервцев, которые, убедившись в невозможности борьбы с Россией, обратились в 1881 г. через своих выборных к ее правительству.

С высочайшего соизволения представители различных отделений Мерва были приняты в Асхабаде и заключили с нами договор, в силу коего им обещаны были покровительство России, сохранение самостоятельного внутреннего их управления и свобода от каких бы то ни было налогов, а сами они обязывались прекратить грабежи, давать почте и караванам охрану за установленную плату и принимать с почетом тех лиц, коих правительство наше будет временно посылать в Мерв.

---

[1] Документ датируется по дате Особого совещания; полностью, но с некоторыми ошибками опубликован в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 214—222.

Но в Мерве не имеется прочной организованной власти, и ханы каждого из 4-х главных отделений, составляющих население оазиса, не могут быть ответственными за своих своевольных единоплеменников.

Поэтому и по вопросу о признании покровительства России между мервскими племенами не было полного единства и в то время, как одни из их представителей договаривались с нами через начальника Закаспийской области в Асхабаде, другие отправились в Хиву и изъявили готовность подчиниться русскому правительству через посредство назначенного хивинским ханом управителя. Эта форма влияния на Мерв через вполне подвластного нам хана хивинского представлялась туркестанскому начальству выгодной и возможной под условием исполнения мервцами тех же самых обязательств, которые представлялись им в Асхабаде. С своей стороны и Кавказское начальство за недостатком имевшихся в распоряжении его способов действия на население это, не видело к тому препятствий.

На сих основаниях хивинскому хану разрешено было удовлетворить желание искавших его посредства некоторых мервских племен, и он послал к ним ставленником Юсуф-бея.

Но очень скоро обозначились неудобства такого двойственного влияния на население Мерва. К начальнику Закаспийской области стали поступать жалобы на Юсуф-бея, бравшего поборы с населения, и наши власти в г. Асхабаде подверглись справедливому упреку в нарушении только что заключенного договора.

По обсуждении возникших недоразумений выяснилось, что одновременное влияние на мервские дела из Асхабада и из Хивы может только ослабить наше значение среди туркмен Мерва, вследствие чего было решено предоставить сношения с Мервом и упрочение нашего там влияния исключительно начальнику Закаспийской области; вместе с тем через туркестанского генерал-губернатора предложено было хану хивинскому отозвать Юсуф-бея.

Неожиданная смерть Юсуф-бея, казалось, самым благоприятным образом решала возникшие затруднения, но, к сожалению, ранее получения приказания об отозвании своего первого посланца хан уже назначил на его место другого - Абдурахман-бея. Этому последнему пришлось, едва прибыв на место, возвратиться обратно, причем приверженцам в Мерве хана хивинского дан был совет обращаться впредь по их нуждам не в Хиву, а в Асхабад. Несмотря на это, часть населения Мерва снова послала в Хиву многочисленную депутацию, до 60 человек, просить о назначении им правителя от хана.

Приезд этой депутации в Хиву совпал с приездом в Пет-

ро-Александровск в апреле настоящего года туркестанского генерал-губернатора.

Убедившись в искренности выраженного туркменами желания покориться хивинскому хану, генерал-лейтенант Черняев разрешил хивинскому хану послать для управления Мервом хивинца Бабаджан-бека, предоставив этому последнему права сбора податей для содержания джигитов.

Запрошенный о положении в Мерве Бабаджан-бека начальник Закаспийской области донес, что большинство мервского населения не хочет подчиниться новому ставленнику Хивы и платить объявленные им налоги, что из 4-х главных мервских племен отделение векиль 15000 кибиток и отделение бахши 12000 крепко держатся Асхабада. Намерение отделения сычмаз еще достаточно не выяснилось, и только хан самого малочисленного отделения бек ездил в Хиву и, по-видимому, признает Бабаджана.

Генерал-лейтенант Комаров присовокупил, что нарушенный нами договор (в статьях 1-й и 2-й) ставит его в невозможность вести с достоинством дальнейшие сношения с Мервом и, в заключение своего донесения, высказал убеждение, что успех наших мирных сношений с Мервом может быть достигнут только при единоличном ведении дела.

Ввиду серьезных последствий, к коим могли бы повлечь возникшие между представителями власти в Туркестанском крае и Закаспийской области разногласия по вопросу о влиянии на Мерв, Министерства иностранных дел и военное приступили с высочайшего государя императора соизволения к рассмотрению означенного положения дел в Особом совещании. Совещание собиралось 4-го и 11-го минувшего июня, но, за отсутствием начальника Закаспийской области, вызванного по распоряжению Военного министерства, отложило окончательное заключение по предложенным рассмотрению вопросам впредь до прибытия в С.-Петербург генерал-лейтенанта Комарова.

В заседании 25 августа рассмотренные вопросы предложены были министром иностранных дел в том самом порядке, в коем они предъявлены были на предыдущих, и по всем им выслушаны объяснения начальника Закаспийской области.

I

Не представляется ли выгодным для объединения и упрочения нашего влияния на Мерв присоединить Аму- Дарьинский отдел к Закаспийской области, подчинив ей и хана хивинского?

Подобное присоединение, как это признано было на предыдущих совещаниях, имеет за собой серьезные основания, вследствие однородности страны между Персией и Аму-Дарьей в географическом и этнографическом отношениях, а так-

же вследствие возможности объединить в одних руках влияние наше на Мерв, где в настоящее время находится присланный хивинским ханом с согласия туркестанского генерал-губернатора ставленник Бабаджан-бек. Но, с другой стороны, как равным образом заявлено было на предыдущих совещаниях, выделение Аму-Дарьинского отдела из Туркестанского генерал-губернаторства неизбежно ослабит представительство и значение нашей власти в Туркестане, каковое обстоятельство может повлечь за собой неблагоприятные для положения нашего в Средней Азии последствия. Вместе с тем рассматриваемое увеличение Закаспийской области, полезное в смысле объединения мервского вопроса, не послужит к объединению всего туркменского вопроса, так как некоторые туркменские племена, как, например, эрсари, останутся по-прежнему вне пределов области.

С своей стороны генерал-лейтенант Комаров объяснил, что присоединение к Закаспийской области Аму-Дарьинского отдела принесло бы несомненную пользу, так как отдел этот естественно тяготеет к Каспийскому морю, с которым необходимо связать его удобным путем. Доказательством этого тяготения служит, между прочим, то, что торговля Хивы уже и ныне направляется к Каспийскому морю и, в особенности, к главному приморскому пункту Закаспийской области — Красноводску. Путь на Красноводск хивинские купцы предпочитают ныне прежнему пути на Мангышлак, где торговля встречает чувствительное неудобство в крайней ограниченности морских перевозочных средств, каковое неудобство не существует в Красноводске, куда, помимо срочных пароходов обществ «Кавказ и Меркурий», заходят и другие суда. Торговля между Хивой и Красноводском, которая в прошлом году выразилась прибытием в последний пункт приблизительно 2000 верблюдов, могла бы еще более развиться, если бы этому не препятствовал хивинский хан, разоривший главного хивинского караванбаши Худай Мергена в наказание за выраженное сим последним желание перейти в русское подданство.

К этому генерал-лейтенант Комаров присовокупил, что вообще торговое значение Закаспийской области заметно развивается. В настоящее время в Асхабаде существует склад московского торгового дома братьев Коншиных, где имеется товар приблизительно на 400 тыс. рублей. Торговые сношения с Асхабадом и Бухарой через Мерв равным образом открылись, хотя бухарские купцы и не посещают еще Асхабада, почему товары их доставляются в этот пункт мервскими купцами.

Выслушав объяснения эти, Совещание не сочло возможным упустить из виду изложенные выше неудобства, кои повлекли бы за собой выделение Аму-Дарьинского отдела из Туркестанского генерал-губернаторства, и потому положило: оставить в настоящее время Закаспийскую область в ее настоящих границах.

При этом совещание высказалось за необходимость привести в ясность положение путей через степи, отделяющие Хиву от Закаспийской области, в видах возможного улучшения оных и подготовления связи между ханством и областью.

II

Не представляется ли своевременным отделить Закаспийскую область от Кавказского военного округа?

Зависимость Закаспийской области от Кавказа обусловливается лишь тем обстоятельством, что покорение Ахал-Текинского оазиса совершено было Кавказскими войсками, но иной связи между ними не существует. Поэтому на предшествовавших совещаниях признано было полезным для обеспечения самостоятельного развития области или вовсе выделить ее из ведения Кавказа, или, по крайней мере, предоставить начальнику оной более самостоятельности, поставив его по некоторым вопросам в прямую зависимость от министерств военного и иностранных дел.

С своей стороны генерал-лейтенант Комаров объяснил, что хотя в будущем, вероятно, и потребуется отделить Закаспийскую область от Кавказа, но что в настоящее время в этом не представляется надобности тем более, что зависимое положение области во многих отношениях для нее полезно.

В военном отношении область подчиняется Кавказскому военному округу лишь по инспекторской части и пользуется полной самостоятельностью по части хозяйственной. Что же касается других отраслей управления, то отпускаемые от казны на Закаспийский край средства до такой степени ограничены и местные источники доходов так незначительны, что потребности края не представляется возможным удовлетворять без содействия со стороны администрации.

Признав, несмотря на это, что сохранение промежуточной инстанции между начальником Закаспийской области и подлежащими министерствами влечет за собой замедление в движении дел, совещание признало полезным, чтобы было обращено внимание на изыскание средств с целью обеспечения за начальником области большей самостоятельности, и в этих видах пересмотрены были штаты области и ее общее положение.

Со своей стороны управляющий Морским министерством заявил, что пока область будет находиться в зависимости от

Кавказского военного округа, Морское министерство обязано будет содержать особый пароход на случай переезда командующего войсками округа, на что с выделением Закаспийского края из ведения округа в этом не будет представляться надобности, вследствие чего окажется возможным сократить расход на содержание Каспийской флотилии, существование которой в настоящем составе лишено всякого значения с тех пор, как прочно занят нами восточный берег Каспийского моря.

С своей стороны совещание полагало, что сохранение административных связей между Кавказом и Закаспийской областью не должно служить препятствием к сокращению расходов на Каспийскую флотилию и что существование срочных пароходных рейсов между каспийскими портами избавляет Морское министерство от необходимости содержать особый пароход для переездов начальника Кавказского края.

За сим совещание, соглашаясь с мнением министра иностранных дел, признало необходимым, чтобы обо всех делах, касающихся сношений как с пограничными персидскими властями, так и с туркменскими племенами, населяющими прилегающие к области степи, начальник Закаспийской области одновременно сообщал как командующему войсками Кавказского военного округа, так и Министерству иностранных дел.

III

Каким образом поступить с новым ставленником хивинского хана в Мерве Бабаджан-беком?

Принимая во внимание, что немедленное отозвание Бабаджан-бека из Мерва могло бы умалить значение туркестанского генерал-губернатора в глазах среднеазиатских населений, предшествовавшее совещание признало возможным оставить пока Бабаджан-бека в Мерве, хотя с целесообразностью этого заключения и не согласились некоторые из членов совещания.

На сделанный ему по этому предмету запрос начальник Закаспийской области объяснил, что присутствие в Мерве хивинского ставленника, присланного туда с согласия Туркестанского генерал-губернатора, поставило его в невозможность вести прежним порядком сношения с Мервом, что, согласно полученным им сведениям, мервское население не признает над собой власти ставленника, вследствие чего сей последний решился уже было вернуться в Хиву, но не был допущен к этому привезшим его старшиной рода бек Каракули-ханом, и что, без всякого сомнения, Бабаджан-бек или вынужден будет покинуть Мургабский оазис, или же будет убит текинцами.

Вследствие сделанного со стороны совещания заявления, что присутствие хивинского ставленника ни в каком случае не должно изменить прежний порядок сношения начальника Закаспийской области с мервским населением, и вследствие выраженной Туркестанским генерал-губернатором готовности немедленно, по прибытии в Ташкент, сделать распоряжение об отозвании Бабаджан-бека из Мерва, генерал-лейтенант Комаров изложил свой взгляд на способ устройства положения дела в Мургабском оазисе с целью упрочения в нем русского влияния. Согласно его мнению, через местных, наиболее влиятельных ханов, приняв за основание существующее разделение населения на утамышей, населяющих левый берег Мургаба, и тохтамышей, живущих на правом берегу, главою первых можно было бы признать Махтумкули-хана из племени векиль, который пользуется большим влиянием, как сын известного Нурберды-хана, присутствовал на торжестве коронования и был по этому случаю всемилостивейше удостоен государем императором чина майора милиции; во главе тохтамышей можно было бы поставить Каракули-хана, который, хотя и был почему-то враждебно расположен к прежнему начальнику Закаспийской области генералу Рербергу, но, без всякого сомнения, будет польщен признанием его главою части мервского населения. Хотя генерал Рерберг и находил полезным, чтобы в распоряжение утверждаемых русским правительством мервских ханов была ежегодно отпускаема сумма в 45 тыс. рублей на содержание местной милиции, при помощи коей ханы имели бы возможность поддерживать свою власть и порядок в Мерве, но генерал-лейтенант Комаров не разделяет мнения этого и полагает, что если и придется русскому правительству назначить какое-либо денежное пособие избранным им ханам, то пособие это будет во всяком случае весьма ограничено.

К этому начальник Закаспийской области присовокупил, что вследствие сделанного мервцами в ноябре 1882 г. нападения на топографа Парфенова, причем убиты трое казаков, посланы были в Мерв люди, которые, захватив двух главных виновников нападения, доставили их в Асхабад, где по приговору военного суда один из разбойников был казнен через повешение, а другой сослан на каторжные работы. Этот пример строгости подействовал весьма внушительно на мервцев, и с тех пор разбои их не возобновлялись.

По поводу вышеизложенных объяснений генерал-лейтенанта Комарова относительно устройства дел в Мерве туркестанский генерал-губернатор заметил, что он находит положительно вредным производство правительством нашим постоянных выдач мервским ханам и полагает, что расходы по

содержанию как ханов, так и милиции, должны быть обращаемы на местные сборы.

Совещание выразило желание, чтобы по возвращении в Асхабад начальник Закаспийской области подробно разработал свой проект будущего устройства дел в Мерве и представил бы таковой в Военное министерство на обсуждение.

IV.

Какими фактическими мерами надлежит установить наше влияние на Мерв более прочно, чем в настоящее время?

На предшествовавшем совещании высказано было мнение, что наиболее благонадежным средством к упрочению влияния нашего на Мерв могло бы служить занятие постоянным гарнизоном Карры-Бенда на р. Теджене, отстоящего от первых поселений Мервского оазиса на 80—90 верст и от средоточия оазиса Кале-Кошут-хан на 120 верст, и другого пункта на пути из Бухары к Мерву. Так как выбор последнего пункта должен находиться в связи с предполагаемым открытием пароходства на Аму-Дарье, то согласно мнению, высказанному на предшествовавшем совещании туркестанским генерал-губернатором, означенной цели всего лучшего соответствовало бы занятие урочища Осты, находящегося на бухарской территории, по соседству с г. Чарджуем. В пункте этом следовало бы устроить торговую факторию, расположив в оной для охраны торговых интересов со стороны Туркменских степей небольшой гарнизон примерно в 2 роты...

Отношения к нам мервцев не таковы, чтобы ощущалась потребность в безотлагательном принятии мер к их обузданию, почему необходимо соблюдать осторожность и известную постепенность в изменении нашего образа действий относительно населения этого и, между прочим, выждать обещанных начальником Закаспийской области соображений по предмету устройства дел в Мерве. Что же касается присутствия нашего гарнизона на бухарской территории, то не подлежит сомнению, что он вызовет неудовольствие в местном населении и повлечет за собой ухудшение положения эмира, которого и без того подданные его обвиняют в излишней угодливости России. Как то, так и другое обстоятельство могут послужить источником замешательств в ханстве, вследствие чего мы очутимся в необходимости решиться на новые военные предприятия с целью поддержания власти эмира или обеспечения безопасности гарнизона нашего, и, таким образом, придется изменить наши теперешние отношения к Бухаре.

Основываясь на этом, министр иностранных дел полагал, что в настоящее время казалось бы лучшим не занимать

окончательно Карры-Бенда и ограничиться периодической посылкою туда обходных колонн. В случае же осуществления проекта открытия пароходства по Аму-Дарье было бы достаточно на первый раз учредить на бухарском берегу пристани и помещения для товаров в количестве по возможности ограниченном, дабы постепенно приучить бухарцев к нашим новым торговым учреждениям, и охранение учреждений этих возложить на эмира. Результаты, которые добыты будут опытом, послужат лучшим указанием того, что нам предстоять будет предпринять для дальнейшего упрочения влияния нашего в Средней Азии.

Со своей стороны начальник Закаспийской области заявил, что для постоянного занятия Карры-Бенда, которое не преминуло бы выгодно отозваться на отношениях наших к мервцам, потребовалось бы сосредоточение в означенном пункте до двух рот и одной сотни при двух орудиях. Продовольствие войск этих в Карры-Бенде может быть обеспечено местными средствами, и на этот предмет не потребуется никаких излишних расходов. Весной будущего года начальник области предполагает лично посетить Карры-Бенд.

Несмотря на это, ввиду неудобств, кои повлекли бы за собою, по мнению министра иностранных дел, постоянное занятие Карры-Бенда, генерал-лейтенант Комаров не считает нужным на этом настаивать, но при этом сомневается в действительности периодического появления наших обходных колонн на Теджене. Как доказано опытом, уход войск из пунктов, даже временно занятых, всегда действует на азиатцев ободряющим образом, почему посылать колонны на Теджен следует лишь тогда, когда этого потребуют обстоятельства, как, например, в случае возобновления мервцами их разбоев.

При всем том начальник Закаспийской области полагает, что даже предполагаемое в будущем году сосредоточение в Асхабаде всей стрелковой бригады произведет на мервцев известное впечатление и будет содействовать усилению нашего влияния на это население. С другой стороны, и Туркестанский генерал-губернатор признал возможным не посылать гарнизона в Устых и предоставить эмиру Бухарскому охранение факторий, которые устроены будут на его территории.

Приняв в соображение вышеизложенные данные, совещание пришло к заключению, что ввиду последовавшего высочайшего соизволения на постройку нового укрепления в Питняке на правом берегу Аму-Дарьи следовало бы отсрочить как постоянное занятие Карры-Бенда, так и постройку укрепления по соседству с Чарджуем, а в случае открытия пароходства на Аму-Дарье ограничиться приведением в исполнение предположения министра иностранных дел об устройст-

ве на бухарском берегу реки этой товарных пристаней с возложением охраны их на эмира бухарского.

Вышеизложенные заключения совещание полагало подвергнуть на высочайшее государя императора усмотрение через министра иностранных дел.

Н. Гирс, Н. Обручев, Г. Колпаковский, И. Зиновьев, Н. Шестаков, А. Комаров, А. Куропаткин.

ЦГВИА, ф. 400, д. № 64, 1884 г., лл. 36—47.

№ 374

Выписка из письма утамышца Сары-батыра начальнику Закаспийской области о необходимости русской помощи в прекращении грабежей

4 сентября 1883 г.

...Если пожелаете узнать об этой стороне, то отсюда отправились в окрестности за аламанством; ежедневно доставляются ограбленные имущества и пленники. Если от Вас не будет нам помощи, то нет возможности остановить аламанщиков от их действий, и если желаете, чтобы жители Мерва были в мире с Вами, то необходимо поскорее прислать ответ, или должен прибыть кто-либо от Вас. Сарыки каждый день грабят Мерв, не дают нам покоя и угоняют скот бедняков, а мы ничего не можем делать без ответа от Вас. Майлы-хана остановили уговорами, чтобы он не отправлялся к персидскому правительству и не обращал внимания на разговоры жителей... Затем, что бы ни было, в самой скорости пришлите помощь в Мерв, иначе нельзя усмирить мервцев. Мне необходимо поскорее прислать письмо с моими людьми, и если желаете, чтобы мервцы были мирные Вам люди, то скорее нужен Ваш ответ.

Приложена печать Сары-батыра.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 2677, л. 21.

№ 375

Выписка из письма российского агента в Мешхеде о деятельности английской агентуры в Мерве и средствах его мирного овладения[1]

не позже 19 сентября 1883 г.

По вопросу о Мерве дела те же самые, какие были при Вас. Недавно текинцы забросали камнями г-на Гладышева,

[1] Документ обнаружен в виде «выписки» и без адресата.

который, находясь в Мерве с научной целью, захотел в день базара пойти на тамашу. Осведомившись об этом из письма землемера Лессара, адресованного к нам по поручению генерала Рерберга, я послал ханам и старшинам Мерва грозительный выговор за их дерзость и неумение держать себя прилично, по которому получил общее прошение с выражением полного чувства преданности и испрошением извинения, что случившееся дело было по невежеству уличных мальчиков.

С тех пор они ведут себя хорошо. Много между ними противников наших и сторонников той образованной и щедрой стороны...

Пока бродяжничают ихние в переодетом виде путешествующие терпеливые эмиссары с большими подарками и отчетливо отлитыми монетами, коих они градом сыпят...

В Средней Азии, в Мерве желанного порядка не может быть, наши права всегда будут колебаться. Исповедуемое текинцами божество есть деньги, а кто их дает им больше, при том с умением, того они и слушаются, а в даче их противной стороною недостатка нет, следовательно, они, т. е. мервцы, и с нами будут играть такую же роль, какую они 30 лет играют с Персией, все обещаясь быть подданными Персии.

Но чтобы завлечь их в дело мирного присоединения к нам, надобно иметь нам между ними хорошего искусного представителя из мусульман, который, следя внутренно за появлением в Мерве эмиссаров противной стороны с вредными внушениями, силою своего умения воплощался бы в набожного мусульманина, желающего добра своим собратам, и под такою личиною организовывал бы из них истинных приверженцев нашей пользы, внушая им последние в плоды и будущее благо для целого населения текинцев от подданства России.

Для достижения этой цели не надобно жалеть денег на подарки по усмотрению данного лица. Вы сами были свидетелями, что с помощью дачи от себя при моем ничтожном средстве частых писем, адресованных мною в лице одной знати к целому населению, какое влияние приобретено мною в Мерве и с каким повиновением относятся они к требованиям нашей власти. Об этом знает и лучше всех расскажет г-н землемер Лессар.

Данное лицо, помимо изложенной стороны, должно иметь себе задачей — подготовить из текинцев людей и направить их на то, чтобы они сами напрашивались на поставление к ним приличного числа военной силы для охраны их от враждебных замыслов сопредельных с ними народов, и таким образом по собственной же просьбе текинцев послать к ним приличную силу с хорошим стратегом для занятия стратегического пункта в стороне от густоты населения.

При подобном способе, если повести его как следует, в течение короткого времени можно завладеть Мервом, зашив при том рот сторонникам противной стороны, не дозволить шпионам их появляться между ними для распространения вредных внушений против нас и, как бельмо на глазу, подержав их в страхе, напомнить им историю с Геок-Тепе, которую они слышали, а видеть вторично не пожелают.

Махтумкули-хан, Баба-хан, сын Коушут-хана с некоторыми другими представителями текинцев отправились на священную коронацию, разумеется, и удостоятся высочайшей награды и чинов, но Вы знаете, что для того, чтобы действовать на текинцев мирными путями, этого мало потому, что, как знаете и видели Вы сами, между ними нет единицы, они каждый себе единица — сегодня изберут одного ханом, а завтра безо всякого низвергнут его.

Предпринимать на них наступательное действие не выгодно потому, что они, увидев последствие укрепленной борьбы ахал-текинцев, может быть, догадаются прибегнуть к партизанской войне, и вожди их аламанов, которые притворяются такими баранами, очень способны на это потому, что родились воинами и выросли ведением аламанской войны с соседними племенами.

К 20 рамазана сего года ожидали приезда его величества шаха в г. Мешхед, делаются большие приготовления к приему[1].

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 583,
лл. 12—15. Подлинник, рукопись.

№ 376

Донесение хивинского ставленника в Мерве хану о положении в нем и мерах укрепления влияния хивинского хана на мары-текинцев

11 октября 1883 г.[2]

Содержание письма Вашего высокостепенства по отъезде дивана мною объявлено почетным ходжам и ишанам, имеющим влияние на народ, с приглашением их на угощение, где я просил их уговорить народ для того, чтобы они покорились Вашему высочеству. Ходжи и ишаны, приняв мою просьбу, основательно ходили по каждому двору утамышцев и тохтамышцев, которые на уговор ходжей и ишанов согласились, а векильцы на предложение ишанов не согласились, потому что последние подговорены с Махтумкули, прочие народы поджидают покорения векильцев. Вследствие, сего, я прошу

[1] Документ не подписан; автор Яхья Насырбеков.
[2] Дата отсылки копии этого письма начальником Аму-Дарьинского отдела в Ташкент; на документе дата: 1300 г. г. хиджры.

Ваше высокостепенство о командовании отряда в возможно скором времени на векильцев и Махтумкули[1] с тем, чтобы в числе отряда были бы русские 5 человек для указания примера к усмирению; по исполнении этого, я полагаю, что прочие будут покоряться добровольно, при этом присовокупляю, что Махтумкули ежедневно присылает письма мервцам в таких содержаниях, чтобы не послушаться чиновника, присланного от Вашего высокостепенства. О вышеизложенном имею честь донести Вашему высокостепенству.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 583,
л. 17, рукопись перевода[2].

№ 377

Из донесения начальника Закаспийской области об антирусских происках английской агентуры в Мервском оазисе[3]

ноябрь 1883 г.

...Против русских возбуждают мервцев появившиеся между ними в последнее время так называемые сияхпуши. В Мешхеде этих сияхпушей считают за англичан. Между тем один из них вошел в переписку с областным начальством, в коей старается убедить, что он ведет между мервскими текинцами чисто религиозную пропаганду и советами своими, по возможности, удерживает их от грабежей[4]. В числе сведений из Мерва Сиях-Гуш в последнем письме извещает в приглашении мервцами Магомед Рагим-хана с отрядом войск от русского правительства для усмирения возмущающих людей.

Миссия наша в Тегеране во 1-х предложила обмен сведений о положении дел в Мерве, так как это «может во многом содействовать к установлению правильного и верного взгляда» на эти дела, что «особенно необходимо в настоящее вре-

[1] Донося о прибытии к нему хивинского диванбеги Мат-Мурада, начальник Аму-Дарьинского отдела полковник Гротенгельм в рапорте туркестанскому генерал-губернатору от 11 октября 1883 г. отмечал, что цель этой поездки «заключалась в том, чтобы довести до сведения Вашего превосходительства, что хан не в состоянии выслать отряд в Мерв для успокоения векильцев» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 583, л. 16).
[2] Документ без подписи; к подлиннику на узбекском языке (там же, л. 18) приложена личная печать Бабахан-бека.
[3] Документ обнаружен в виде выписки для доклада командующему войсками Кавказского военного округа; в начале документа — не представляющие интереса данные об аламанах.
[4] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 2677, лл. 15—19.

мя, когда пребывание в Хафе английского агента Стюарта дает повод думать, что он интригует в Мерве против нас и что самый Сеид Сиях-Пуш есть ни что иное, как подосланный им фанатик...»

Генерал-майор Комаров

ЦГИА Узб. ССР, ф. 299, оп. 1, д. 142, лл. 34—38.

№ 378

Отношение министра иностранных дел военному министру об отозвании хивинского ставленника в Мерве и обязательства англичан не посягать на Мервский оазис

декабрь 1883 г.

При письме своем от 30 минувшего ноября за № 728 военный министр доставил Министерству иностранных дел копию с секретной телеграммы туркестанского генерал-губернатора от 29 ноября.

В телеграмме этой генерал-лейтенант Черняев возвращается к вопросу об отношениях мервских туркмен к Хиве. По мнению его, обещанный им вывоз хивинского ставленника из Мерва не принесет пользы и не заставит мервцев подчиниться Асхабаду, каковое подчинение может быть достигнуто лишь силою оружия. При этом генерал-лейтенант Черняев опасается, что, оттолкнув мервцев от Хивы, мы заставим их обратиться к Афганистану.

Настаивая на необходимости вывоза из Мерва хивинского ставленника, присутствовавшие на особом совещании 25 минувшего августа представители Министерства иностранных дел имели в виду объединить в одних руках влияние на Мерв, с существенной важностью каковой меры согласилось большинство членов совещания.

При этом означенными представителями были представлены весьма веские доводы в доказательство бессилия хивинского хана водворить в Мерве порядок и утвердить там свое влияние. Доставленная начальником Главного штаба копия с отношения к нему туркестанского генерал-губернатора от 10 октября за № 460 служит, по-видимому, еще более веским тому подтверждением. Из отношения этого сказывается, что хивинский хан не в силах водворить порядок среди кочевого населения, даже в пределах своих собственных владений, и что он не может добиться повиновения со стороны зависящих от него беков Кунградского и Куня-Ургенческого. Ввиду столь знаменательного заявления туркестанского генерал-губернатора о политическом ничтожестве хивинского хана разве возможно допустить, чтобы влияние сего последнего могло спо-

собствовать водворению порядка среди своевольного населения мервского оазиса, изолированного от Хивы обширными неудобопроходимыми пустынями, и которое постоянно обнаруживало враждебное настроение по отношению к узбекам? Не вправе ли Министерство иностранных дел с большей чем когда-либо настойчивостью заявить, что присылка в Мерв хивинского ставленника составляла меру нецелесообразную, которую поэтому следует как можно скорее отменить.

Высказанное генерал-лейтенантом Черняевым в телеграмме от 28 ноября опасение, что, оттолкнув мервцев от Хивы, мы заставим их обратиться к афганцам, могло бы иметь некоторое основание лишь при одном условии, а именно, если бы мервское население тяготилось своей зависимостью и желало подчиниться иноземному владычеству. Между тем хорошо известно, что означенное население как нельзя более дорожит своей вольностью, и что к афганцам оно относится не менее враждебно, чем к другим своим соседям. До последнего времени шайки мервских хищников не переставали делать набеги на северные окраины Герата.

Независимо от этого, не следует упускать из виду, что в 1873 году, в видах обеспечения порядка и мира в Средней Азии, между Россией и Англией установилось соглашение, в силу коего определено было с известной точностью пространство владений эмира афганского, и великобританское правительство обязалось удерживать эмира от наступательных действий за пределами признанных за ним земель. Мерв лежит за этими пределами, а так как не подлежит сомнению, что английское правительство весьма дорожит сохранением в силе упомянутого соглашения, то следует предполагать, что оно не допустит со стороны афганцев явных попыток к вмешательству в дела Мерва, вследствие каковых попыток и мы избавились бы от принятого нами на себя обязательства, не вмешиваться в дела областей, входящих в состав Афганистана. Существование международного соглашения 1873 г. не устраняет, конечно, возможности тайных происков, но таковые происки не устраняются и присутствием в Мерве бессильного хивинского наместника.

ЦГВИА, ВУА/С, оп. 1, д. 79, лл. 104—106.

№ 379

Телеграмма начальника Закаспийской области наместнику на Кавказе о нахождении Атекского отряда в Теджене и его отношениях с Мервом

31 декабря 1883 г.

Генерал Комаров телеграфирует от 30 дек[абря] за № 183 Вашему сиятельству следующее: отряд благополучно прошел к Карры-Бенду, где и расположился. Я потребовал от мервцев выполнения второго пункта заключенного ими условия. Для переговоров в Мерв послан Алиханов, присутствие Бабаджан-бека [два слова не разобраны], хотя он не имеет особого значения. Не получаю решительно никакого ответа на мои представления о нем, крайне затрудняюсь. Мервцы начали строить на Теджене новую плотину, по окончании ее оросится площадь, достаточная для поселения нескольких тысяч семейств. Необходимо немедленно устроить наше управление Тедженским оазисом. Полагал бы назначить управляющим Махтумкули-хана; помощником ему назначить русского офицера и для охраны тридцать фераджиев. Ежегодный расход на это потребуется четырнадцать тысяч. Прошу испросить разрешения теперь же приступить к выполнению этой меры как первого и самого главного шага к занятию Мерва мирным путем. До разрешения этого вопроса я приостановил окончание плотины. Отряд полагаю продержать в Теджене до марта, иначе нельзя рассчитывать на успешные результаты.

Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 3—4.

№ 380

«Всеподданнейшее прошение» мервских туркмен к Александру III об их принятии в русское подданство

1 января 1884 г.

Уже несколько времени тому назад мы желали подчиниться воле Вашей, но при всех стараниях наших не могли склонить к тому своих воров.

По прибытии же к нам штабс-ротмистра Алиханова и майора Махтумкули-хана, согласно приказанию начальника Закаспийской области генерала Комарова, мы жители Теке сего 14 числа месяца раби-уль эввеля 1301 года хиджры (1 января 1884 г.) собрались в отделение Нурберды-хана, где выслушали слова штабс-ротмистра Алиханова и приняли таковые. После этого мы посоветовались между собою, пришли к одному заключению, и просьбы наши заключаются в следующем:

Первое. Все улемы, эмиры и бедняки обращаемся в твое подданство и с сего числа отдали себя под твою высокую власть и надеемся: на нас будут распространены твое благоволение и милость. Мы умоляем господа бога о даровании тебе благоденствия, а нам помощи, чтобы мы были бы верными поддашными твоими.

Второе. Просим о назначении в Мерве начальника с властью наказывать преступников и содействовать добрым людям. Всех посылаемых от Вас людей и передаваемые через них приказания и слова мы примем с истиною готовностью, предлагая для службы и своих всадников и прислугу, сколько таких понадобится.

Третье. Просим помилования нашим ворам и калтаманам за грехи их, совершенные до настоящего дня; повторять их после этого они не будут.

И четвертое. Настоящее наше прошение для вручения начальнику Закаспийской области генералу Комарову посылаем через штабс-ротмистра Алиханова с четырьмя ханами со всех отделений, по одному из каждого, а именно: векиль Магомет Юсуф-хан Нурберды-хан оглы; бек Мурад-хана Арбаб-бай оглы; сычмаз Ораз Майлы-хана Берды Нияз-хан оглы и бахши Сары-хана Чапи-бай оглы и при них двадцать четыре кетхуда по расчету распределения канав, т. е. по одному кетхуду от каждой большой канавы.

Эти лица наши уполномоченные, мы их благоволили на выше изъясненное дело. В удостоверение сего приложили на прошении наши печати. За тем да будет над Вами благоволение божие.

ЦГИА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5087, л. 18[1].

№ 381

Распоряжение Туркестанского генерал-губернатора начальнику Ами-Дарьинского отдела об отозвании из Мерва наместника хивинского хана

5 января 1884 г.

Министерство иностранных дел по соглашению с Военным министерством пришло к заключению, что пребывание в Мер-

[1] Дубликат документа в ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 60—63.

ве хивинского ставленника Бабаджан-бека препятствует умиротворению этого края, ввиду чего военный министр просит сделать распоряжение[1] о немедленном отозвании его из Мерва.

Уведомляя об этом Ваше превосходительство, предлагаю Вам войти по этому делу в соответствующее сношение с хивинским ханом и об исполнении мне донести[2].

Генерального штаба генерал-лейтенант Черняев.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 583, л. 43, Отпуск, рукопись.

№ 382

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о присоединении Мерва к России и аресте английских агентов

7 января 1884 г.[3]

Алиханов сообщает: первого января в общем собрании состоялось постановление четырех мервских ханов и большинства народа, коим Мерв повергает себя к стопам государя императора, безусловно, окончательно принимать русское подданство и просить о присылке русского начальника. Просьбу об этом ведут четыре хана и шестнадцать[4]. Все дело совершилось совершенно мирным путем. За Теджен перешли только штаб-ротмистр Алиханов, двадцать пять казаков и десять текинских фераджиев. Мервцы просят государя императора о прощении им прежних заблуждений и об амнистии бывшим аламанам. Донося об этом, прошу приказаний Алиханову арестовать в самом Мерве трех афганцев, возбуждавших народ против русских, он полагает, что это английские агенты. Вчера они доставлены сюда.

Комаров.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 299, оп. 1, д. 142, л. 5. Копия заверенная.

№ 383

Телеграмма военного министра командующему войсками Кавказского военного округа о принятии царем Мерва русского подданства

8 января 1884 г.

Видел сегодня вечером А. Е. Влангали, искренне уважаемый князь Александр Михайлович. От него узнал, что государь император изъявил соизволение на принятие мервцев в свое подданство, а потому Ваше сиятельство можете теперь же телеграфировать господину Комарову. Его величеству угодно, чтобы извещение о подробностях принятия в подданство мервцев и об Атеке было назначено по прибытии Н. К. Гирса. Г. Влангали полагает, что в воскресенье или понедельник мы соберемся для этой цели.

Искренне Вам преданный Петр Ванновский.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 10.

№ 384

Из докладной наместника Кавказского военному министру о вступлении мервцев в русское подданство и формах дальнейшего управления ими

9 января 1884 г.

Сообщив вчера Вашему высокопревосходительству копии двух телеграмм, полученных мною от генерал-лейтенанта Комарова, относительно заявленного мервским народом желания принять русское подданство, считаю долгом высказать теперь же, хотя вкратце, взгляд мой на предстоящий нам образ действий, ввиду этого важного известия.

Судя по содержанию телеграммы г.-л. Комарова, решение мервцев вступить в подданство России, по-видимому, вполне искренне и принято большинством народа. Заподозревать в этом случае какую-нибудь заднюю мысль, уловку едва ли есть основание, тем более, что с принятием русского подданства

---

[1] Донося военному министру об этом своем распоряжении, генерал Черняев в телеграмме от 5 января отмечал, что он потребовал «войти в сношение с хивинским ханом» по вопросу об отозвании хивинского наместника Бабаджан-хана из Мерва (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 583, л. 44).

[2] Отвечая на это распоряжение, 3 марта 1884 г. начальник Аму-Дарьинского отдела доносил, что 28 января он написал хану «о немедленном отозвании Бабаджан-бека, что уже исполнено» (ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 583, л. 49), как однако видно из других документов, Бабаджан-бек хивинским ханом из Мерва не был отозван. Так военный министр еще в телеграмме от 30 декабря 1884 г. туркестанскому генерал-губернатору требовал «распоряжения [о] немедленном отозвании Бабаджан-бека» и отмечал, что он предписал генералу Комарову «игнорировать присутствие в Мерве хивинского ставленника», чтобы таким путем «сосредоточить в руках начальника Закаспийской области мервские дела» (там же, л. 49).

[3] Документ не датирован; датируется на основании других документов.

[4] Так в тексте.

ства Мерв должен будет постепенно отказаться от главного своего занятия, доставляющего ему известные выгоды, — аламанства, и нести перед нами добровольно возложенную на себя ответственность за нарушение сопряженных с русским подданством обязанностей.

Поэтому, если желание Мерва признать совершенно искренним, то отклонять с нашей стороны удовлетворение его было бы, по моему мнению, не только неудобным, но и невыгодным для нас в будущем, так как своим отказом от принятия мервцев в русское подданство, мы лишимся, так сказать, нравственного права вмешиваться в их дела, которые они теперь всецело отдают в наши руки.

Вопрос этот должен быть серьезно взвешен теперь уже и решен как можно скорее, но, раз согласившись на признание мервцев нашими подданными, необходимо, безусловно, теперь же устранить всякое вмешательство в дела Мерва со стороны Хивы и туркестанского начальства, чему уже, впрочем, положено начало данным генералу Черняеву категорическим приказанием отозвать Бабаджан-бека[1]. Это необходимо тем более, что вся ответственность за ведение переговоров с Мервом и за организацию нового порядка вещей в этом оазисе должна лежать исключительно на начальнике Закаспийской области.

С присоединением Мерва к русским владениям должны будут измениться, до некоторой степени, и отношения наши к Персии, так как мы уже явимся ответственными перед нею за поведение наших новых подданных. Для того же, чтобы мы могли фактически принять на себя такую ответственность, мне казалось бы весьма важным теперь же покончить с неопределенным положением нашим в Атеке, дабы оттуда легче наблюдать за Тедженом и по возможности удерживать мервцев от набегов на персиян, которые, конечно, прекратятся не сразу.

...Что касается управления Мервом по принятии им нашего подданства, то я полагал бы, согласно просьбе мервцев, назначить к ним русского начальника, офицера, с небольшим конвоем из туземных же фераджиев, наподобие английских резидентов в вассальных государствах Индии, но отнюдь не посылать в Мерв никакой русской военной команды, так как это могло бы увлечь нас слишком далеко, и всякое оскорбление нашей военной там силы или нападение на нее заставило бы нас занять Мерв регулярными войсками, т. е. вызвало бы новые значительные расходы.

Впрочем, устройство управления нами Мервом должно подлежать еще ближайшему обсуждению после принципиального решения главного вопроса о принятии мервцев в наше подданство.

Генерал-адъютант кн. Дондуков-Корсаков.

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 6—7.

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142. л. 8.

№ 385

Отношение Азиатского департамента министерства иностранных дел военному министру о приеме туркмен Мерва в русское подданство[1]

11 января 1884 г.

Вследствие выраженного Вашим высокопревосходительством в письме от 8 сего месяца за № 4[2] желания, я не преминул вчерашнего числа повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора приложенные в копиях к означенному письму две телеграммы, коими начальник Закаспийской области сообщил генерал-адъютанту князю Дондукову-Корсакову о решимости мервского населения принять русское подданство и об отправлении из Мерва с этою целью депутации. По распоряжению генерал-лейтенанта Комарова депутация эта задержана начальником выставленного на Теджене отряда нашего впредь до получения указаний по этому предмету[3].

По соображении вышеизложенных данных, его величеству благоугодно было изъявить соизволение на принятие высланной из Мерва депутации. Что же касается мер, кои нам предстоит принять вследствие желания мервского населения вступить в подданство России, то государь император изволил повелеть подвергнуть вопрос этот рассмотрению в Особом совещании представителей Министерства иностранных дел и военного с участием командующего войсками Кавказского военного округа, и затем результаты совещания представить на высочайшее его величества воззрение.

Сообщая о вышеизложенном, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вашему высокопревосходительству

[1] Об этом решении военный министр 11 января 1884 г. немедленно сообщил наместнику кавказского (ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 13).

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 6.

[3] Интересно отметить, что, объясняя причины обращения мервцев к русским властям о принятии их в русское подданство, Комаров в другом документе ссылается на их заявления о том, что «мы убедились, что своими средствами не в состоянии искоренить зло и водворить у себя порядок». (ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д 142, л. 20).

уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

А. Влангали.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 299, оп. 1, д. 142, лл. 14—15.

№ 386

Телеграфное распоряжение наместника Кавказского начальнику Закаспийской области об условиях принятия туркмен Мерва в русское подданство

11 января 1884 г.

Государь император изъявил соизволение на принятие мервцев в свое подданство. При свидании Вашем с ханами и депутацией [в] Асхабаде установите с ними главные условия подданства с обязательством охранять движение наших караванов [в] Хиву и содержать [в] исправности колодцы на путях движения. Обсудите и телеграфируйте, какие полагаете установить для Мерва повинности, истекающие из принятия им подданства. Желательно, чтобы содержание русского начальника [в] Мерве и туземных там фераджиев покрывалось сборами с новых подданных. Подробности организации управления Мервом полагаю установить окончательно с Вами при личном посещении Асхабада в апреле.

кн. Дондуков.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 299. оп. 1, д. 142, л. 12.

№ 387

Отношение начальника Закаспийской области начальнику Аму-Дарьинского отдела о принятии мервских туркмен в русское подданство и последствиях этого акта в развитии торговли

16 января 1884 г.

Туркмен Хош Назар Ата Назар-оглы, проводивший сюда путешественника Мозера, возвращается в Петро-Александровское, и я пользуюсь случаем, чтобы сообщить Вам сведения о последних событиях у нас, которые, может быть, дойдут иначе, в виде неясных слухов.

1 января весь мервский народ постановил в общем собрании просить государя императора о принятии его в подданство и о назначении русского начальника. На это уже последовало предварительное согласие, и мервская депутация из 4-х

ханов и 24-х старшин везет прошение в Асхабад. Мервцы вы дали мне всех бывших у них пленных персиян и с точностью выполняют все мои приказания. Надеюсь, теперь путь из Хивы сюда будет совершенно обеспечен, что не останется без хорошего влияния на развитие торговли. Я же принимаю меры к расчистке колодцев на этом пути и на пути через Ортакую в Кизыл-Арват, с этой целью в конце этого месяца поедет отсюда в Петро-Александровск хорунжий Киашко, который явится к Вам и подробно обо всем доложит.

Пользуясь сим случаем, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности Вашего покорного слуги.

А. Комаров.

ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 39, д. 732, л. 2 об. Копия, рукопись.

№ 388

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о ликвидации рабства в Мерве

18 января 1884 г.

Вчера под конвоем двух текинцев прибыли сюда семнадцать персиян, освобожденных мервцами. Двенадцать человек отправлены (отпущены) домой прямо с Теджена. Не разыскано только три человека. Рабство в Мерве кончило свое существование.

Комаров.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 299, оп. 1, д. 142. л. 21.

№ 389

Телеграмма командующего войсками Кавказского военного округа начальнику Закаспийской области об условиях приема туркмен Мерва в русское подданство и административном устройстве Теджена и Мерва

18 января 1884 г.

Устройство управления Теджеком поставлено [в] зависимость от соображений Ваших по управлению Мервом[1]. Признавалось бы удобнее присоединить Теджен к управлению

[1] Речь идет о том, что когда Атекский отряд занял Теджен, Комаров запросил наместника Кавказского телеграммой от 28 декабря 1883 г. разрешение на введение в Теджене русского управления. Не получив ответа, он поднял этот вопрос повторно в телеграмме от 12 января 1884 г., в которой отмечал, что «к открытию нашего управления тедженским округ

Текинским округом, уменьшив по возможности оклады, Вами проектированные. Для Мерва полезно было бы сохранить нынешнее внутреннее его устройство и народный суд под руководством назначаемого русского начальника. Необходимо поставить непременным условием подданства исправное содержание колодцев на путях [в] Бухару и бесплатную охрану наших караванов и проезжающих. Желательно также расходы управления Мервом отнести на средства населения. Если мервцы безусловно подчинятся таким требованиям, можете объявить депутации государя амнистию аламанщикам. Приезд депутации [в] Петербург отклоните пока. Арестованных трех афганцев вышлите на жительство [в] Кизляр. Представьте по телеграфу скорее [в] общих чертах соображения об управлении Мервом и Тедженом, возможно, ограничив расходы казны. Сообщите также, полагаете ли при назначении Махтума в Теджен оставить его в числе четырех мервских ханов и нужно ли назначить содержание последним[1].

кн. Дондуков.

ЦГИА Груз. ССР, 229, оп. 1, д. 142, л. 22.

№ 390

Рапорт начальника Закаспийской области наместнику Кавказскому об административном управлении туркменами Мервского округа

20 января 1884 г.

1) Управление Мервским округом образуется по штату Ахал-Текинского — вместо акушерки назначается два фельдшера.

2) Округ делится на четыре участка, которыми управляют нынешние ханы. Порядок замены бывших ханов определяется впоследствии; теперь же объявляется населению, что впредь ханы будут назначаться по представлению начальника области.

3) Все ханы получают содержание от имени государя императора по две тысячи рублей в год каждый.

4) Округ управляется на основании «Положения Закаспийской области» §§ 30—31.

5) Имеющее быть утвержденным «Положение о судебной части в Закаспийской области» распространяется на Мервский округ; до того же соблюдаются правила и порядок, установленные временно для Ахал-Теке.

гом полагаю необходимым приступить немедленно» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142 л,. 16).

[1] На документе пометка военного министра Ванновского и министра иностранных дел Гирса: «Ничего изменить или добавить не имею».

6) Население округа обязывается содержать на свой счет фераджиев по двадцати пяти человек при начальнике округа от каждого участка — при ханах по сколько будет назначено по мере действительной надобности, но не более пятидесяти человек при каждом.

Комаров.

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, л. 15.

№ 391

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о принятии туркменами Мерва русского подданства безусловно

20 января 1884 г.

Мервцы принимают подданство безусловно. Полагаю по принятии от депутации прошения тотчас же привесть ее к присяге и затем объявить об обязанностях, которые возлагаются на мервцев государем императором. Надеюсь, что все будет принято беспрекословно.

Убедительно прошу немедленно ответить об устройстве управления Тедженом и Мервом. Без окончательных указаний я не могу говорить [с] депутацией Мерва.

Комаров.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 47.

№ 392

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о расквартировании войск в Мерве и содержании администрации

21 января 1884 г.

По моим соображениям, следовало бы Мерв занять полком казаков, но за неимением в настоящее время придется ограничиться двумя сотнями Таманского полка. Не признаете ли возможным ходатайствовать о командировании сюда казаков из Аму-Дарьинского отдела. Ставить стрелков в Мерве без занятия Атека невозможно, и на это потребуются большие расходы. В Карры-Бенде с конца апреля до ноября держать войска немыслимо по дурным климатическим условиям. Облагать мервцев прежними налогами, кроме содержания фераджиев, признано преждевременным и рискованным —можно погубить все дело. Вероятно, будет можно обратить в пользу казны обычные сборы с караванов за торговлю; полагаю, что они покроют издержки и по управлению, но размера их теперь не могу определить даже приблизительно. На

устройство и образование управления, покупку кибиток и проч. потребуется до 15 тысяч рублей. Из сумм моего распоряжения могу выполнить не более 5 тысяч, об отпуске остальных прошу ходатайства Вашего.

Сделаю все возможное к сокращению расходов.

Комаров.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 39[1].

№ 393

Телеграмма начальника Закаспийской области наместнику кавказскому о прибытии депутации из Мерва

26 января 1884 г.

Вчера прибыла сюда депутация: ханы Сары-батыр, Ораз Нияз Майли и Магомед Юсуф. Отделение бек разделилось на две части: одна избрала ханом Мурада Арбаб-бек-оглы, который и прибыл сюда; в другой части ханом считается Каракули, не подписавшийся под прошением; он остался дома с Бабаджаном, выборные старшины от всех племен, по одному от каждых двух тысяч кибиток, всего двадцать пять. Полагаю принять их дня через два по получении от Вас необходимых указаний[2].

Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 49[3].

№ 394

Отношение наместника Кавказского военному министру о формах административного управления Мервом

27 января 1884 г.

Предположенное наименование мервской территории округом с применением к нему штата уездного управления, действующего в Закаспийской области, не изменяет нисколько первоначального моего предположения о назначении в Мерв русского начальника в качестве резидента, так как начальник Мервского округа, управляя населением через посредство ханов, будет, в сущности, лишь главным их руководителем и, следовательно, в глазах иностранной дипломатии может считаться не более как нашим резидентом. Само собою разумеется, что до поры до времени не предстояло бы никакой надобности в обнародовании вводимого в Мерве управления, и даже назначение в состав оного чинов могло бы не объявляться в высочайших приказах.

Что касается соображений генерала Комарова о необходимости занятия Мерва теперь же нашими войсками, то я остаюсь при прежнем своем мнении не назначать пока туда частей войск для постоянного расположения, но не могу не признать, что для престижа нашего влияния было бы полезно, чтобы назначаемый в Мерв начальник прибыл туда в сопровождении двух или трех сотен казаков, которые могли бы там и остаться на некоторое время впредь до организации туземных фераджиев. Движение этого конного отряда, которому мог бы быть придан характер почетного конвоя русского начальника, вызовет, конечно, некоторые, хотя и незначительные, расходы, так как казачьи сотни можно будет взять из расположенного на Теджене отряда.

Позволю себе обратить внимание Вашего высокопревосходительства еще на то, что с расширением наших владений в Закаспийском крае придется, во всяком случае, усилить состав расположенных там войск конницей. Поэтому мне кажется, что лучшим средством исполнить это было бы передвинуть, если окажется возможным, один казачий полк из Аму-Дарьинского отдела в Закаспийскую область и возвратить оттуда на Кавказ Таманский полк и две сотни лабинцев, командировав на их место дивизион Астраханского казачьего войска и один Уральский полк из состава Харьковского военного округа, взамен которого может быть назначен один из полков Кубанского казачьего войска.

Сообщая вместе с сим копию шифрованной телеграммы генерала Комарова от 21 января министру иностранных дел, я прошу его уведомить, признает ли он необходимым подвергнуть представленные начальником области предположения новому обсуждению и, в утвердительном случае, когда именно состоится у него совещание по сему предмету.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Князь Дондуков-Корсаков.

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 26—29.

---

[1] Дубликат документа ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1884—1890 гг., л. 30.
[2] На документе пометы: «Перешлите копии Ванновскому и Гирсу» и «копии посланы при № 09 и 70 от 27 января 1884 г.».
[3] Дубликат документа ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1884—1893 гг., л. 32.

№ 395

Отношение министра иностранных дел военному министру о решении мирного присоединения Мерва к России и занятии его отрядом войск

28 января 1884 г.

На происходившем вчера в Министерстве иностранных дел совещании решено было предоставить начальнику Закаспийской области отправить отряд для занятия Мерва в случае, если бы мера эта, по мнению его, оказалась безусловно необходимою для обеспечения полной покорности нам населения долины Мургаба и для создания там прочного порядка.

Так как означенное решение обусловлено было соображением, что сами мервцы добровольно выразили готовность признать себя подданными государя императора, то необходимо, чтобы вступление наше в означенную область, к возможности коего Англия всегда относилась с крайним предубеждением, являлось не как предприятие, вызванное честолюбивыми замыслами, кои приписывают нам англичане, а как естественное и неизбежное последствие того могучего обаяния, коим пользуется в глазах населения Средней Азии император Всероссийский. Появление войск наших на Мургабе должно сохранить за собою вполне мирный характер, а для этого необходимо, чтобы оно совершилось без серьезных столкновений и без кровопролития.

Хотя сообщенные генерал-лейтенантом Комаровым сведения и дают полное основание предполагать, что именно в этих условиях должно произойти занятие Мерва, при всем том, ввиду особой важности шага этого, мне казалось бы не лишним в дополнение к переданным уже начальнику Закаспийской области указаниям поставить ему на вид необходимость принять все зависящие от него предосторожности к предупреждению кровопролития, а в случае, если бы выяснилось, что мервцы, вопреки уверениям их старшин и ханов, непрочь попытаться оказать сопротивление войскам нашим, то обождать движением сих последних и употребить предварительно нравственное давление с целью устранения возможности вооруженного столкновения.

В надежде, что Ваше высокопревосходительство не оставите признать существенную важность вышеизложенных соображений, непосредственно вытекающих из тех, кои высказаны были на вчерашнем совещании, я обращаюсь к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою благоволить сообщить мне Ваше заключение.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Н. Гирс.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 57—58[1].

№ 396

Телеграмма командующего войсками Кавказского военного округа начальнику Закаспийской области о мирном характере движения отряда на Мургаб

29 января 1884 г.

Движение отряда на Мургаб должно иметь вполне мирный характер как последствие добровольного подданства мервцев. Примите все меры к предупреждению серьезных столкновений или кровопролития, и если, вопреки уверениям мервцев, часть их склонна оказать сопротивление войскам нашим, употребив прежде движения нравственное влияние для устранения столкновений. Содержание ханам уменьшите, как предполагаете. Полагаю на Вашу ответственность, предоставляя действовать по обстоятельствам.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1. д. 142, л. 59.

№ 397

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о принятии депутацией мервских туркмен русского подданства

31 января 1884 г.

Сегодня в Асхабаде ханы четырех племен мервских туркмен и двадцать четыре уполномоченных, избранных по одному от каждых двух тысяч кибиток, приняли безусловно подданство его императорского величества, подтвердив сие торжественною присягою за себя и весь народ мервский; к этому решению, по заявлению ханов и уполномоченных, туркмены Мерва пришли вследствие сознания, что сами собой они управлять не могут и что только сильное русское правительство может водворить и упрочить в Мерве порядок и благоденствие. Вместе с сим об этом мною донесено государю императору и военному министру.

Генерал-лейтенант Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 62[2].

[1] Дубликат документа в ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1884—1893 гг. лл. 33—34.
[2] Дубликат документа в ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1884—1893 гг., л. 41.

№ 398

Объявление начальника Закаспийской области «ханам, старшинам и всему народу мервскому» о принятии его в русское подданство

31 января 1884 г.

1) Великий государь император русский, снисходя к прошению Вашему, поданному четырьмя ханами и 24 избранными народом старшинами по одному от каждой большой канавы, всемилостивейше соизволил принять в свое подданство всех туркмен утамыш и тохтамыш, живущих в Мерве и на Теджене.

2) Вероисповедание Ваше остается неприкосновенным. По этому вопросу не требуется никаких разъяснений. Всему свету известно, что миллионы мусульман подданных великого государя никогда еще не были стеснены в свободном отправлении обрядов своей веры.

3) Для устройства порядка и утверждения управления в Мерве переходит русский отряд войск и располагается на месте, которое будет мною избрано.

4) Для общего управления народом назначается русский офицер. Ближайшее заведывание каждым из 4-х племен Мерва остается за настоящими ханами, которые поступают на службу государю императору, за что назначается им приличное жалованье от его величества.

Порядок замены настоящих ханов определится впоследствии, но никто больше не будет назначен вновь ханом, иначе как по представлении начальника области.

5) По всем делам уголовным и гражданским между собой и с туркменами Ахала и Теджена оставляется суд по вере и обычаям народным под руководством начальника Мервского округа через посредство судей, выбранных народом.

6) Виновные в измене, возмущении, разбое, грабеже и других уголовных преступлениях против русских и казенного имущества судятся и наказываются по русским законам.

7) Захват в плен кого бы то ни было и продажа людей на будущее время строго воспрещается.

8) Во всем остальном туркмены Мерва и Теджена пользуются правами русских подданных и несут обязанности к правительству наравне с ними.

9) Теперь же возлагается на население Мерва обязанность, как только настанет удобное время, очистить все колодцы на главных караванных дорогах в Хиву и Бухару до пределов этих ханств, и ответственность за будущее следование караванов как по этим дорогам, так и в Персию и Афганистан, до границы Мерва.

10) О числе фераджиев, какое жители Мерва должны будут дать для службы при начальнике и ханах, будет приказано впоследствии, когда определится действительная в них надобность.

Генерал-лейтенант Комаров.

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 68—69.

№ 399

«Клятвенное обещание» мервской депутации в верности Российской империи

30 января 1884 г.

Мы, жители Мерва, родов утамыш, отделения бахши: Сары-батыр Чары-батыр-оглы, Мамед Дурды-бек-Эмир-бек-оглы; Аман Сахат Мурад-оглы, Берды Керим-оглы, Ораз Магомед Анна-оглы, Бурун Мерген Полат Мериля-оглы, Сопи Мерген Кули Мерген-оглы; сычмаз: Ораз Нияз Майлы-хан Берды Нияз-хан-оглы, Мухтар-бек Фазыл-бек-оглы, Абдал-сардар Мамед Назар-бек-оглы, Миадан Кара-оглы, Нур-Сахат Еган-оглы, Уста Нияз Мурад Ак Магомед-оглы, Мир Магомед Ханлук Мерген-оглы; тохтамыш отделения векиль: Магомед Юсуф-хан Нурберды-хан-оглы, Аллах Назар Аксакал Хал Мурад-оглы, Чары-сардар Анна Сеид-оглы, Бекелдок-батыр Тагир-оглы, Баба-сардар Союн-оглы, Карягды-сардар Нур Сахат-оглы, Ораз Берды Кел-оглы; и бек: Мурад-хан Арбаб-бек-оглы, Иомуд, бек, Вели-ага-оглы, Караджа Нур Магомед-оглы, Сопи Аман Назар-оглы, Султан Мурад Кара-бек-оглы, Улуз Нияз-батыр Ходжа Кули-оглы, Дурды Мурад Анна Дурды-оглы и Анна Кули Анна Гельды-оглы, — за себя и по уполномочию за народа мервского обещаемся и клянемся всемогущему богу, что мы всепресветлейшему, державнейшему великому государю императору Александру Александровичу, самодержцу всероссийскому и прочая, и прочая, и прочая и его императорского величества Всероссийского престола наследнику, его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу хотим верными, добрыми, послушными и вечно подданными с нашими фамилиями быть и никогда без высочайшего его императорского величества соизволения и указа за границу не отъезжать и в чужестранную службу не вступать; а также с неприятелями его императорского величества вредительской откровенности не иметь, ни за какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российского государства [не] содержать, и никаким образом противу должности верного подданного его императорского величества не поступать, и все к высокому его им-

ператорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить, и при том, по крайней мере, стараться споспешествовать все, что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаем не только благовременно объявить, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися будем; когда же к службе и пользе его величества какое тайное дело или какое бы оно ни было, которое приказано нам будет тайно содержать, и то содержать в совершенственной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет повелено объявлять. Сие должны и хотим мы верно содержать, если нам всемогущий господь бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей нашей клятвы целуем слова Алкорана...[1].

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 64—67.

№ 400

Отношение начальника Главного штаба командующему войсками Кавказского военного округа о награждении мервских ханов и старшин[2]

4 февраля 1884 г

Государь император, по всеподданнейшему докладу ходатайства Вашего сиятельства, всемилостивейше соизволил пожаловать:

1. Четырем мервским ханам[3], присягнувшим ныне на подданство его императорскому величеству, — чин капитана милиции.

2. Прибывшим с ханами 25-ти депутатам народа — серебряные медали с надписью «За усердие» для ношения на шее с тем, чтобы медали эти были же выданы по распоряжению Вашего сиятельства от высочайшего имени, и

[1] Далее следуют подписи и печати названных выше ханов.

[2] Ходатайство об их награждении было возбуждено генералом Комаровым, который в своей телеграмме наместнику Кавказскому от 30 января 1884 г. это мотивировал тем, что «награды эти не останутся без полезных последствий». Кстати он ходатайствовал о награждении также и главного духовного лица в Мерве Кара-ишана золотыми часами (ЦГИА Груз. ССР. ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 61).

[3] О них см. ЦГИА Груз. ССР, д. 229, оп. 1, д. 142, л. 49.

3. Вдове известного Нурберды-хана Ахал-Текинского Гюль-Джамал — подарок ценностью в 1500 руб. из кабинета его величества.

Сообщая об этом Вашему сиятельству для зависящего распоряжения, имею честь покорнейше просить уведомить, по возможности в непродолжительном времени, об именах и фамилиях упомянутых 4 мервских ханов для внесения затем в высочайший приказ о производстве их в чин капитана милиции. Вместе с тем прошу приказать доставить в Главный штаб и именной список 25-ти мервских депутатов, коим будут розданы пожалованные серебряные медали с надписью «За усердие».

Что касается подарка, всемилостивейше пожалованного вдове Нурберды-хана Ахал-Текинского Гюль-Джамал, то об этом пожаловании вместе с сим сообщено министру императорского двора, и, по получении сего подарка в Главном штабе, таковой будет доставлен Вашему сиятельству[1].

Начальник Главного штаба, генерал-адъютант Обручев

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 69—70.

№ 401

Донесение начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о плохой организации управления областью и невнимательности высших инстанций к ее нуждам

7 февраля 1884 г.

Полковник Муратов доложит Вам все подробности мервского дела, которых нет в моем донесении, поэтому я и не буду Вас утруждать своим рассказом, будучи вполне уверен, что всю суть Вы знаете лучше всех. Долгом считаю выразить мою глубокую признательность за Ваше участие к скорейшему разрешению всех моих представлений и просьб; без этого трудно было бы ожидать успеха. Все обещанное мне в Главном штабе еще в августе прошлого го-

[1] Возбуждая в 1909 г., в связи с 25-летием присоединения Мерва к России, вопрос о повторном награждении указанных лиц или их наследников и лиц, обойденных в наградах, начальник Мервского уезда полковник фон-Фале отмечал, что «награждены мервцы были не особенно щедро, а заслуги их перед русским правительством несомненно велики. Оставив мервцев независимыми, равнодушно смотреть на их разбои нельзя было; медлить завоеванием было опасно, англичане могли бы нас опередить, следовательно, оставалось одно — поспешить присоединением Мерва хотя был вооруженной силой, но, принимая во внимание храбрость мервцев и их привычку к военным действиям, можно быть уверенным, что военная экспедиция против Мерва стоила бы

де лежит под спудом: нет ни бригадного командира, ни топографов, ни дипломатического чиновника, ни усиления отпуска денег на содержание штаба; пока разрешена только постройка церкви в Асхабаде. При настоящей организации управления Закаспийской области я положительно не в состоянии выполнить всех лежащих на мне обязанностей; пользуясь Вашим пребыванием в Петербурге, прошу участия Вашего в скорейшем разрешении этих весьма существенных для края, мне вверенного, вопросов. С нетерпением ожидаю посещения Вашего Закаспийской области; полагаю, что Вы лично убедитесь в невозможности дальнейшего существования порядков, установленных генералом Рербергом, исправить которые я не в состоянии за недостатком средств и за хроническим отказом в отпуске их.

О предположениях своих дальнейших действий не пишу ничего, полагая все, что будет нужно, довести до Вашего сведения телеграммами.

С искренним уважением и преданностью имею честь оставаться Вашего сиятельства покорный слуга А. Комаров.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 72.

№ 402

Из рапорта начальника Закаспийской области наместнику Кавказскому о принятии туркменами Мервского оазиса русского подданства[1]

7 февраля 1884 г.

В дополнение телеграмм моих о принятии мервскими туркменами подданства государю императору доношу, что это совершилось следующим образом:

России дорого как в смысле жертв людьми, так и деньгами». И далее: «Честь ислама присоединения Мерва принадлежит, бесспорно, генералу Комарову и тем доблестным русским людям, которые, исполняя приказание своего начальника, сумели довести дело до блестящего успеха. Но достигнуть цели мирным путем возможно было лишь благодаря сочувствию, или вернее содействию лучших и влиятельных людей из мервских туркмен. При этом содействие их для нас тем более ценно и тем более делает честь этим лучшим людям, что оно куплено не золотом, которым по своему обыкновению так щедро сыпал наш вековой соперник в Азии—Англия, а явилось результатом глубокого убеждения, что только под покровительством белого царя мервцы будут жить мирно и счастливо». Объясняя роль мервцев в мирном их присоединении к России, фон-Фале заключал: «Таким образом, без войны, без многочисленных затрат на военную экспедицию, почти даже без кровопролития был присоединен к империи и вновь приобщен к культуре древний Мерв, когда-то славившийся своей высокой культурой, обширной торговлей, цветущим земледелием...» (ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5087, лл. 9—11).

[1] Документ с некоторыми сокращениями и ошибками опубликован в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 241—244.

Нравственное влияние наше на мервских туркмен, произведенное Геок-Тепинским погромом, первым последствием коего было заключение с ними условий генералом Рербергом, к концу прошедшего года стало ослабевать. Причина этого крылась не столько в привычке мервцев жить аламаном и в трудности для них перейти к заработку средств для жизни иным способом, сколько в сторонних интригах для уменьшения нашего влияния, понятных по отношению к народу, не имеющему прочной власти.

Считаю излишним перечислять хорошо известные Вашему сиятельству действия в этом смысле со стороны Англии и Афганистана. Приезд в мае прошлого года в Мерв правителя из Хивы Бабаджан-бека, с согласия туркестанского генерал-губернатора, породил в части населения Мерва сомнения в том, что заключенное с высочайшего разрешения условие в Асхабаде будет нами соблюдаться, потому что Бабаджан-бек немедленно по приезде пытался обложить население тяжелыми податями и налогами по примеру Хивинского ханства. Действительно этими распоряжениями вполне были нарушены 1-й и 2-й пункты обязательств с нашей стороны по означенному условию.

Это повело к разъединению четырех племен Мерва и к ослаблению ханской власти[1]. По получении сведения о сборе партий их был выслан в октябре прошлого года из Асхабада отряд (2 роты и сотня казаков) на Атек, причем пехота дошла только до Баба-Дурмаса, а сотня сделала лишь рекогносцировку до селения Чаача; такие действия отряда не могли дать положительных результатов; немедленно после возвращения его в Асхабад большая пратия аламанщиков отбила близ селения верхнее Чаача, в Келятском ханстве, несколько тысяч баранов, убив двух пастухов. Это было начало многих грабежей и увода в плен не только к Персии, но и к стороне Бухары; один аламан перешел даже на правый берег реки Аму-Дарьи.

По возвращении в Асхабад из Петербурга в половине ноября прошлого года, по указаниям Вашего сиятельства и вследствие заявления нашего посланника в Тегеране о том, что шахское правительство надеется при посредстве нашего влияния на возврат мервскими туркменами захваченных ими пленных и ограбленного имущества, я признал нужным и своевременным посылку в Атек самостоятельного отряда

---

[1] Далее следуют личные соображения автора о невозможности в дальнейшем использовать Бабаджан-бека в качестве наместника хивинского хана в Мерве и последствиях аламанов; не публикуются, как не представляющее интереса.

для прекращения разбоев и грабежей и для нравственного давления к понуждению мервцев освободить пленных и возвратить ограбленное.

По получении надлежащих разрешений был сформирован в Асхабаде отряд из 2-х рот 3-го Закаспийского стрелкового батальона, 2-х рот 6-го стрелкового батальона, 4-х горных орудий 6-й батареи 21-й артиллерийской ея императорского высочества великой княгини Ольги Федоровны бригады, 2-х сотен Таманского конного казачьего полка и 20 человек Ахал-Текинской милиции. Начальником отряда избран мною командир Таманского казачьего полка полковник Муратов, известный мне своею энергею и точным исполнением даваемых ему указаний.

В видах достижения положительных результатов я, снарядив отряд на продолжительное время, направил его на Теджен и [к] Карры-Бенду, где возможна стоянка для войск только в зимнее время, когда бывает вода в русле реки. Особой инструкцией начальнику отряда было предложено твердо и настойчиво требовать от мервцев исполнения обязательств их, изложенных во 2 пункте условия, т. е. выдать пленных персиян, ограбленное имущество и наказать аламанщиков.

Переход войск за Теджен строжайше запрещен без особого на то разрешения. Лично и непосредственно свой взгляд на дело мне удалось передать мервцам совершенно случайно, но в самую важную пору: при формировании отряда в Асхабаде одновременно съехались доверенные лица с поручениями ко мне: от хорасанского наместника и от мервцев с просьбою дозволить им постройку новой плотины на Теджене и поселиться там безземельным туркменам из рода бахши. Старшина их, зная о переговорах, которые я вел с персидским ханом, и о том, что близ Мешхеда собраны персидские войска, подумал, что составляется союз для наказания мервцев за их аламаны, и высказал мне свой страх от последствий такого соглашения; я не стал его разуверять в противном, а сказал только, что единственное спасение их заключается в точном и скором исполнении требований русского правительства. В этом же смысле я дал ответ и ханам родов векиль и бахши, обратившимся ко мне с вопросом, что им делать в случае, если персияне двинутся в Мерв. По прибытии отряда на Карры-Бенд полковник Муратов донес мне, что надежнейшим способом к передаче мервцам моих требований он избрал посылку туда штабс-ротмистра Алиханова, которого добровольно вызвался сопровождать майор Махтумкули-хан; им внушено убедиться в настроении мервцев к нам и поступать сообразно с сим. Оба они с конвоем из 25 казаков Таманского конного полка

и 12 всадниками Ахал-Текинской милиции выехали из Карры-Бенда 22 декабря. На пути в Мерв они встретили ханов: в 1-й день родов векиль Магомед Юсуфа и Бахши Сарыбатыра и главу племени аманшей (1/3 часть рода бек) Мурад-бая. Род бек, недовольный Каракули-ханом за привод в Мерв Бабаджан-бека, разделился на две части, из них аманши избрали себе ханом Мурад-бая, которого теперь признают в этом звании почти все остальные части этого рода. При Каракули-хане остались только его родственники; и во 2-й день Майлы-хана, рода сычмаз, с несколькими десятками всадников при каждом. Ханы ехали в наш отряд тотчас, как послышали о нем, чтобы засвидетельствовать о своей преданности.

Всех их Алиханов уговорил присоединиться к нему, чтобы облегчить через них исполнение своей задачи. Через два дня путешествия Алиханов и его свита ночевали в доме Майлы-хана. По этому случаю стеклись туда окрестные мервцы, чтобы скорее узнать цель стоянки отряда на Теджене и приезда Алиханова в Мерв. Алиханов, видя сбориша, решился поставить прямо вопрос: хотят ли мервцы предложения покровительства России или не прочь от разрыва с нею.

Для этого как перед Майлы-ханом, так и перед прочими мервскими ханами: Сары, Каракули, Мурад-баем и Магомед Юсуфом, которых он последовательно объехал одного за другим,—Алиханов развил следующие положения: «Русское правительство не может более равнодушно смотреть на разбои мервцев и нарушение ими условий, утвержденных присягою; теперь прошел и для Мерва предварительный период увещаний и доброго слова, неуспех которых привел Хиву и Ахал к падению; тоже, вероятно, будет и с Мервом, но прежде чем приступить к окончательной расправе, русское начальство решило послать его с последним словом; передать это слово, по мнению его, всего удобнее одновременно всем представителям, созвав их в одно место, причем он обратится к их благоразумию и потребует категорического ответа: открытая вражда или исполнение русских требований, ограничивающихся на первый раз выдачей пленных и баранов, захваченных в Персии после того уже, как ханы приняли присягу о прекращении аламанства. Русские требуют лишь спокойствия и мира, государь император не может терпеть в своем соседстве разбойничьего гнезда с такими безобразиями, как аламанство и торговля людьми. Никакие заявления о добрых чувствах, с оговоркою о бессилии искоренить зло, не будут приняты, пусть лучше просят русского правителя, не подобного хивинцу Бабаджан-беку, а человека, окруженного силой и с правом

наказывать вредных, поощрять и награждать послушных и благонамеренных.

Прежде созыва представителей Алиханов советовал ханам поговорить с кетхудами и подготовить их сделать полезное для мервского народа.

Из ответов ханов замечателен данный Майлы-ханом, в коем он, указав на местные интриги и на притязания владеть Мервом со стороны Хивы, Англии и Афганистана, волнующих народ и враждебно настраивающих его к русским посредством Сиях-Пуша и его агентов, сравнил Мерв с девушкой, которой с 5—6-ти сторон заявлены искательства; за кого выйдет невеста, не известно; я убежден, что наше спасение в согласии с русскими.

В пребывание у Майлы-хана же к Алиханову является еще с поклоном весьма чтивый среди колена Кара-Ахмет Молла Кары-ишан, которому Алиханов, выяснив значение его в народе, внушил заглядывать в будущее и направлять людей к добру. Из остальных ханов Сары настаивал на удалении из Мерва Каракули-хана: «Возьмите его, и Мерв как один человек падет к ногам русских; агентов Сиях-Пуша после того переловить нетрудно».

Следующий день, назначенный Алихановым для выезда из аула Сары-хана, оказался базарный в местности Коушут-хан-Кала, которую приходилось проехать и где в базарные дни собирается от 8 до 10 тысяч народа. Избегая враждебного порыва черни, могущего быть подготовленным Каракули-ханом, живущим близко, Сары и Махтум убедили проследовать через базарную площадь ранее, чем сгустятся массы народа; но это не удалось сделать, и Алиханову с казаками пришлось проезжать среди значительного сборища; проезд этот совершился вполне благополучно. Прием у Каракули-хана бывшие при Алиханове ханы старались показать обидным, так как он и Бабаджан встретили их только у входа в кибитку. Здесь в беседе с хозяевами Алиханову пришлось объяснить Каракули последствия его отступничества от других, а Бабаджану дать совет покинуть Мерв добровольно, но успеха Алиханов не достиг. Каракули отнесся саркастически к ожиданию хороших результатов от созыва представителей народа, а Бабаджан ссылался на утверждение его в должности русским ярым падишахом генералом Черняевым. Действительно, при нем была бумага от последнего, выданная в Петро-Александровске 22 апреля 1883 г. за № 28.

При дальнейшем объезде Алиханова характерен был отзыв Мурад-хана за себя и за управляемых им аманшей. «Русские меня не знают,—сказал Мурад,—я не ездил к ним за халатом, но я от души желаю прихода их сюда в интересах

народа, которому нужны порядок и спокойствие; мне нечего подготовлять свой народ, он давно готов; скажи, и мы в точности исполним твои приказания; только скорее идите и сотрите с лица земли врага Вашего Каракули с его несчастным Бабаджаном; Каракули присягал русским, но получает жалованье от англичан и вместе с тем проедает и хивинское содержание, отпускаемое Бабаджану (по 400 руб. в месяц). Про тебя, едва ты его оставил, он распустил слух, что ты самозванец и никем не прислан; к счастью, Каракули оставлен народом, иначе старый аламанщик был бы причиною войны среди самих мервцев».

Последнее посещение в Мерве Алиханов сделал к матери Магомет Юсуф-хана Гульджамал, вдове Нурберды-хана, к которой пришлось ему особенно спешить, так как она дала ему знать, что к ней явилось 3 английских агента с прокламациями и уверили ее, что 60 000 англичан, направляющихся к Мерву, уже подошли к Герату. При обыске, однако, означенных лиц прокламаций при них не найдено; сами они оказались афганцами, сторонниками Эйюб-хана; все трое немедленно были арестованы и отосланы в Асхабад, где с них снято подробное показание. При Гюльджамал, живущей в племени векиль, находился и брат ее мужа Кази-хан. На общем совете с этой семьей решено было для рассуждения о мервских делах созвать генгеш, т. е. всех родовых старшин и при том на счет Гюльджамал. Три дня, пока ездили гонцы и начали съезжаться приглашенные, Гюльджамал посвятила себя на приготовление к приему, так что 1 января 1884 г. не встретилось никаких препятствий открыть народное собрание. Не прибыли Каракули и Бабаджан. Остальным представителям Алиханов повторил то, что говорил ханам с прибавлением только для их вразумения двух подробностей: одно о том, почему они везде не генералом Черняевым, а мною, и другой—относительно неприкосновенности в будущем их религии: «Одна пятая часть подданных белого царя мусульмане, и они встречают тем больше уважения к себе, чем крепче держатся своей религии; мой отец служил русским 40 лет, я служу уже 20, и мы, слава богу, мусульмане и таких, как мы, тысячи на службе русской. Обсудите сейчас же предположение, и да поможет Вам бог придти к единогласному соглашению и отвлечь от народа Вашего грозу, готовую разразиться над его головой тысячами несчастий». После этих слов Алиханов оставил собрание, а выслушать ответ его позвали через ¾ часа. Уполномочен был говорить Махтумкули-хан, и вот его слова: «Мервский народ безусловно принимает русское подданство; обязуется выдать всех пленных, возвратить же ограбленный скот затрудняется, так как он

весь или съеден, или продан, затем просит о прощении всех провинившихся прежде, для управления собой желают иметь русского начальника, о чем всеподданнейшее прошение напишут вслед за сим, а для подачи его пошлют 4 хана и 24 старшины по одному от каждой большой канавы (2000 кибиток)». Действительно, в тот же день было готово прошение и донесено мне начальником отряда. Сделав распоряжение о задержании в отряде депутации в ожидании приказаний высшего начальника, я вместе с тем подтвердил необходимость продолжать настояния на выдаче пленных персиян. После этого выдача их произошла чрезвычайно успешно.

К Алиханову стали являться и аламанщики с повинною. 1 января Алиханов с депутацией и пленными выехал из Мерва, а 11-го благополучно прибыл в Карры-Бенд. По моему особому приглашению ханы и уполномоченные от народа приехали в Асхабад 25 января, переговорив с ними и получив от Вашего сиятельства окончательные указания, я назначил торжественный прием. По прочтении прошения на имя государя императора я объявил, что его величество соизволил на принятие в свое подданство мервских туркмен, объяснил подробно все те требования, которым они должны будут подчиняться, копию с этого объявления при сем представляю. Затем по приглашению моему была ими принята торжественная присяга; по окончании обряда я именем государя императора объявил прощение всем прежним аламанщикам.

Кроме настоящего донесения и прошения к государю императору полковник Муратов представил Вашему сиятельству сведения: 1) о Сиях-Пуше и его агентах, 2) о Карры-Бендской плотине, 3) список ханов-уполномоченных, 4) присяжный лист. Он же может доложить и все подробности дела.

Начальник области генерал-лейтенант Комаров.

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5087, лл. 12—15[1].

[1] Дубликат документа ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1884—1893 гг., лл. 50—59.

№ 403

Рапорт — приложение начальника Закаспийской области наместнику Кавказскому об антирусских происках агентуры Сиях-Пуша

7 февраля 1884 г[1].

Два года тому назад между сарыками на Иолотане появился умный, ловкий и грамотный человек в громадной синей чалме, с постоянно завешанным лицом, носящий все 40 имен мусульманских святых, ставший скоро известным под прозванием «Сиях-Пуш» (носящего черную одежду) и начавший лично и через посредство 4-х прибывших с ним афганцев пропаганду о необходимости укрепить в первоначальной чистоте мусульманскую религию, упадку которой он приписывал силу и успехи христианских государств. Приобретя сторонников частью этими проповедями, а еще более обещаниями крупных вознаграждений со стороны имеющего прибыть за ним мусульманского государя (полагают Эюб-хана), — Сиях-Пуш отделил своих агентов с поручениями в Мерв, где в пользу его тоже составилась партия с Каджар-ханом во главе. Бродя по оазису, агенты всюду старались убедить народ, что для спасения религии и свободы следует отстраниться от русских, не останавливающихся ни перед какой ложью, чтобы в конце концов сделать мусульман своими рабами и обратить их в христианство. Как сообщала Гюльджамал Алиханову, агенты не ограничивались словесною проповедью, а имели при себе и печатные прокламации: или уничтоженные ими, когда они предвидели захват их Алихановым, или увезенные с собой успевшим скрыться одним из них по имени Мансур (помощник Сиях-Пуша); остальные три агента через отряд доставлены в Асхабад, где на допросе показал о себе один, Искандер-хан, что он капитан афганской службы, бежавший сначала в Мешхед на содержание персидского правительства, но, когда оно оказалось недостаточным, перешедший к сарыкам с своим нукером Зариф-ханом. Цель его была пробраться в Бухару, для чего выслеживал туда караван из Мерва, другой Ходжа Яхья выдал себя за сеида и медика, приехавшего в Мерв хлопотать о возвращении ему отбитых с товаром 4-х верблюдов; в Асхабаде его прозывают торговцем; из Мерва Ходжа Яхья намеревался ехать в Чарджуй для выкупа проданного туда аламанщиками его приказчика, и третий, Зариф-хан, бывший регулярный солдат Эюб-хана, встретился с Искандер-

[1] Дата рапорта; в сборнике «Россия и Туркмения в XIX в.» документ ошибочно датирован 2о февраля 1884.

ханом у Сиях-Пуша, которого навестил из любопытства, и согласился с Искандером пробраться через Мерв в Бухару. С Ходжа Яхья познакомился в Мерве; у сарыков все они были с той же целью — найти попутный караван. По словам некоторых туркмен, в Сиях-Пуше подозревается афганский принц, подготовляющий почву для своего родственника Эюб-хана. Есть, впрочем, еще сведение, что всех сиях-пушей более 20 человек, что сначала всего 4 из них появились в Мерве; все они проводят идею независимости и самостоятельности, обещая доставку орудия и ружей для борьбы с русскими. Неудача в Мерве заставила их перебраться к сарыкам, где они наняли для себя 40 всадников, но за неплатеж им жалованья были закованы в цепи, впрочем, в скором времени кто-то прислал за них выкуп Сарыхану в 120 туманов. Оставшись после того на Иолотани для проповеди, проповедники эти в то же время занялись чеканкой фальшивых персидских кранов.

Генерал-лейтенант Комаров

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 73—74.

№ 404

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа об антирусской вылазке английской агентуры в Мерве

13 февраля 1884 г.[1]

Сегодня мервская депутация уехала; в отсутствие ее были две попытки Сиях-Пуша произвести беспорядок в Мерве; обе не удались. Шестнадцатого ему открывать на месте новые управления, которые уже организованы. Муратов явится к Вам девятнадцатого или двадцатого.

Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 71

№ 405

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа об обращениях населения Атека к русским властям за защитой

18 февраля 1884 г.

Делегат по разграничению Закаспийской области с Персией полковник Кузьмин-Караваев сообщил мне, что в Ате-

[1] Дата поступления в штаб Кавказского военного округа.

ке жители обращаются к нему с просьбами о разборе всяких их споров, оставлять которые без рассмотрения не следует, так как местные старшины, никем не контролируемые, злоупотребляют властью, почему население охотно прибегает к защите русских. За неопределением моей власти относительно Атека испрашиваю по изложенному случаю указания Вашего сиятельства[1].

Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 46.

№ 406

Доклад подполковника Назарова о ходе присоединения к России Мерва

февраль, 1884 г.

В 1881 г. Россия вынуждена была подчинить себе силою оружия Ахал-Текинский оазис. Этим завоеванием мы приблизились к Мерву.

Погром под Геок-Тепе, тяжко поразив туркмен-теке, произвел потрясающее впечатление и на родственных им мервцев, которые, убедившись в невозможности борьбы с Россией, обратились в 1881 г. через своих выборных к ее покровительству.

С высочайшего соизволения представители различных отделений Мерва были приняты в Асхабаде и заключили с нами договор, по которому за обещанное Россией покровительство с сохранением самостоятельного внутреннего их управления и необложения никакими налогами обязывались: прекратить грабежи, давать почте и караванам охрану за установленную плату, принимать с почетом тех лиц, коих правительство наше будет временно посылать в Мерв.

Но в Мерве не имелось прочной организованной власти. Даже ханы каждого из 4-х главных отделений, составляющих население оазиса, не могли быть ответственными за своих свободолюбивых и своевольных родичей.

Поэтому и по вопросу о признании покровительства России между мервскими племенами не было полного единства, и в то время, как одни из их представителей договаривались с нами через начальника Закаспийской области в Асхабаде, другие отправились в Хиву и изъявляли готовность подчиниться русскому правительству через посредство назначенного хивинским ханом правителя. Эта форма вли-

[1] На документе помета: «Написано начальнику Азиатского д-та, 17 февраля 1884 г.».

яния на мервские дела через вполне подвластного нам хана хивинского представлялась как Туркестанскому, так и Кавказскому начальствам одинаково для нас выгодною и возможною под условием исполнения мервцами тех же самых обязательств, которые предъявлялись им при договоре в Асхабаде.

На сих основаниях хивинскому хану разрешено было удовлетворить желание искавших его посредничества некоторых мервских племен, и он послал к ним своего ставленника. Но так как в географическом, этнографическом, политическом и экономическом отношениях Мервский оазис более связан с Закаспийским краем, то очень скоро обозначились неудобства такого двойственного влияния на население Мерва.

Вследствие чего было решено предоставить сношения с Мервом и упрочение нашего влияния только начальнику Закаспийской области, вместе с тем через туркестанского генерал-губернатора предложено хану хивинскому отозвать его ставленника.

Таким образом установившиеся наши отношения к населению Мервского оазиса, сознание этого населения о невозможности с утверждением русской власти в Закаспийском крае вести прежний образ жизни, наконец, порядок, водворившийся в Ахал-Текинском оазисе при русском управлении, — все это убедило мервцев в возможности мирного и спокойного существования под управлением и покровительством России. Убеждение это привело к тому, что мервское население решило принять русское подданство.

1 января 1884 г. на общем собрании большинства населения и четырех мервских ханов состоялось постановление, коим решено было просить о высочайшем соизволении государя императора на принятие Мерва безусловно и окончательно в подданство его императорского величества.

Государю императору благоугодно было изъявить высочайшее соизволение на удовлетворение желания мервского народа, и 31 января 1884 г. в Асхабаде ханы четырех племен мервских туркмен и двадцать четыре уполномоченных, избранных по одному от каждых 2000 кибиток, приняли безусловно подданство его императорского величества, подтвердив сие за себя и весь народ торжественною присягою.

Подполковник Генерального штаба Назаров

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 46—47.

V ГЛАВА

ДВИЖЕНИЕ ТУРКМЕН ДОЛИНЫ МУРГАБА ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ. КОЛОНИЗАТОРСКИЕ ПРОИСКИ АНГЛИИ В ТУРКМЕНИИ. ТАШ-КЕПРИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДОЛИНЫ МУРГАБА К РОССИИ

(1884—1886 гг.)

№ 407

Донесение начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о занятии Мерва, подавлении мятежа и желании сарыков добровольно перейти в русское подданство

7 марта 1884 г.

В ночь на третье марта было нападение на отряд толпой, вышедшей из Коушут-хан-Калы, отбито тремя залпами двух рот третьего батальона, мятежники[1] понесли большой урон, у нас убит один рядовой; после дела отряд перешел к месту на Мургабе, четвертого занята Коушут-хан-Кала[2], все успокоилось, открыты действия уездного управления, приступили к возведению укрепления рабочие-мервцы. В ночь на шестое марта мервские ханы в ауле Геок-Тепе арестовали Каджар-хана, Сиях-Пуша и трех афганцев, пытавшихся еще раз возмутить народ. Иолотанские сарыки ищут русского подданства[3]; для выяснения положения этого дела послал туда Лессара и Махтумкули-хана; они приняты хорошо, им выдан помощник Сиях-Пуша Амед-шах; не видя особой пользы в немедленной казни кого-либо из арестованных, я пошлю их в Асхабад до Вашего решения. Афганские войска двигаются на Маймене; брат андхойского хана обратился ко мне с просьбой о покровительстве, оставляю без ответа. Теперь более, чем прежде, необходимо прибытие сюда казачьего полка для охраны границы.

Комаров

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5087, л. 16.

№ 408

Телеграмма чиновника Министерства иностранных дел начальнику Азиатского департамента о занятии Мерва и ходатайстве сарыков о принятии в русское подданство

8 марта 1884 г.

После ночного нападения, при коем три залпа положили конец сопротивлению, отряд занял 3 марта крепость.

Повсеместное спокойствие: жители занимаются полевыми

---

[1] В своей телеграмме военному министру от 18 марта 1884 г. наместник Кавказский оценивал их как аламанщиков и отмечал, что «от аламанов же на первое время всегда возможно было ожидать подобных действий» (ЦГВИА, ф. 400, д. 8, л. 87).

[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5087, л. 16.

[3] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5130, л. 20.

работами, торговлей и постройкой русского укрепления. Отправился туземный караван в Бухару, уездные управления открыты. Сарыки Иолотани просят принять их [в] русское подданство наравне с мервцами. Отдельно не могут существовать, обеспечивать свою безопасность и благосостояние. Для выяснения положения посланы [в] Иолотань Лессар и Махтум-кули-хан.

Чарыков

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, л. 78.

№ 409

Отношение чиновника Министерства иностранных дел начальнику Азиатского департамента о положении в долине Мургаба[1]

13 марта 1884 г.

Вчера вечером вернулся сюда после трехдневной поездки по восточной части Мервского оазиса генерал Комаров, [с] несколькими джигитами и сотней казаков объехал аулы тохтамышского племени, древние города, расположенные по дороге в Бухару, и плотину на р. Мургабе, в 30 верстах к востоку от Коушут-хан-Калы. Всюду жители спокойно занимались полевыми работами и пастьбой скота, а мы собирали монеты и другие древности, в развалинах снимали фотографические виды, осматривали местность и нашли много нового и любопытного.

Прежде всего нельзя было не поразиться той картиной глубокого и обеспеченного мира, которую представляла страна, встретившая тому лишь несколько дней выстрелами приближавшийся русский отряд. Причина теперешнего состояния страны ясна: все увидели, что русское занятие не сопровождается ни материальным, ни экономическим насилием, что, напротив, бедный обеспечен от самовластия богатого и сильного, богатый от нападения своих и чужих разбойников и что все получают возможность безопасно зарабатывать больше, чем когда бы и как бы ни было прежде. Вчера состоялся снова обычный базар у Коушут-хан-Кала. Собралось тысяч пять народу, торговали хорошо, офицеры купили нужные им вещи, цены на все предметы первой необходимости еще понизились и стоят теперь ниже асхабадских. Нет конца желающим участвовать в постройке укрепления, которое вчерне уже окончено, за 40 коп. в день, причем мервцы хлопочут, чтобы от каждого из четырех племен было одинаковое число рабочих. Купцы здешние чрезвычайно обрадовались, узнав, что они как русские подданные имеют теперь право торговать в Хиве беспошлинно (ст. 9-я мирного договора 12 августа 1873 г.), так как там их в особенности притесняли, а в Бухаре — пользоваться преимуществами, предоставленными русскими торговцами. Один караван с баранами и мешхедскими товарами, принадлежащий бухарским купцам, уже отправился на Чарджуй. Караван Коншина находится в пути между Тедженом и Мервом. Мервцев теперь беспокоят только эрсаринцы, которые будто бы увели у них на днях трех человек в плен. Просят написать чарджуйскому правителю, чтобы он обуздал эрсаринцев. Если бы бухарское правительство оказалось бессильным это сделать, вопрос этот, о котором будет сообщено в Петербург официальным путем, может стать довольно серьезным.

Не менее замечательны густота населения, живущего в частых аулах, в кибитках, среди садов и засеянных полей, и производительность почвы. Здесь родятся в изобилии пшеница, джугара, рис, виноград, хлопок, дыни и разные фрукты. Ячменя мало, лошадей больше кормят пшеницей.

Далее оказалось, что в оазисе изобилие, даже вредный излишек воды. Поля, прежде обрабатывавшиеся, теперь покрыты, на протяжении двух часов пути густым камышом, затоплены мургабской водой. Посреди оазиса многочисленные озера и болота, в которых вода непроизводительно застаивается. Правда, что там зато много дичи, фазанов, уток и гусей.

Наконец, осмотр плотины привел к заключениям, которые я имею честь изложить в другом сегодняшнем письме*.

Древние города, коих четыре, представляют обширное поле для археологических изысканий. Серьезных раскопок и исследований еще не было произведено, хотя кое-что сбывалось здешними евреями в Мешхед.

После опроса Сиях-Пуша и его сообщников и рассмотрения найденных бумаг у него сущность деятельности этого загадочного и во всяком случае незаурядного человека выяснилась: он был не английский агент, хотя выдавал себя за такового Сары-хану (хану иолотанских сарыков), но,

[1] В конце документа — приписка, кажется генерала Зеленого о том, что «Приложения, заключающиеся в объяснительной записке штаб-ротмистра Алиханова, и кроки его будут представлены со следующей почтой по снятию с них копий в Окружном штабе, так как оригиналы приложений находятся в делах в Асхабаде».

* Лессар, по возвращении из Пенде, представит подробную съемку как плотины, так и всей пройденной им местности.

соблюдая строгую тайну, служил Эюб-хану, с которым он сносился через влиятельного афганца Магомед Гашим-хана; в Мешхеде Сиях-Пуш хотел достигнуть подчинения туркмен Эюбу и в Иолотани даже добился письменного согласия хана и кетхуд. Но в это время прибыл хивинский ставленник Рахман Бирган (через месяц Рахман Бирган был заменен Муса-ханом, но тот через три месяца был прогнан иолотанцами, так как хотел сразу собирать с них подати). Иолотанцы решили подчиниться Хиве, посадили Сиях-Пуша и его помощников в яму, отобрали бумагу, скрепленную своими печатями, и сожгли ее вместе с другими документами Сиях-Пуша. Те бумаги, которые находятся теперь здесь, писаны после освобождения Сиях-Пуша, совпавшего с отъездом Рахман Биргана, т. е. в течение последних 10-ти месяцев.

Относительно же Мерва Сиях-Пуш, по-видимому, надеялся сделать Каджар-хана снова единственным ханом Мерва, и, так как Каджар-хан, честолюбивый, фанатичный и недалекий человек, был ему рабски предан, то этим путем весь Мерв мог бы служить Эюбу в его дальнейших предприятиях. Но и тут ход русской политики в мервском вопросе неожиданно расстроил планы Сиях-Пуша. Русское правительство признало ханами не Каджар-хана, популярного среди здешней демократии, а четырех других, поддерживаемых состоятельными людьми здешней буржуазии, и затем решило окончательно занять Мерв войском, которое безотлагательно и пришло в оазис.

Видя эти неудачи, Сиях-Пуш пытался бежать из Иолотани, но сарыки, которым он задолжал, несмотря на пожертвованные ему Каджар-ханом 16.000 рублей в два года, его не выпустили.

Так как Сиях-Пуш проповедовал джехад (священную войну) и в этой проповеди заключалась вся его сила и единственное средство добиться содействия Эюбу со стороны туркмен, то, находясь среди их во время неожиданного наступления русских, он не мог не высказаться против нас, не мог отказать Каджар-хану в поддержке в борьбе с нами. Заговори он о примирении, о подчинении русским, туркмены его, несомненно, зарезали бы, как русского шпиона. Они все время подозревали, что под личиной святого, проповедующего возрождение мусульманства, скрывается иностранный агент, но, чем именно, не могли угадать.

Таким путем Сиях-Пуш и Ахмед-шах оказались противниками России и кончили неудачей свою службу Эюб-хану.

Когда будут переведены бумаги Сиях-Пуша, я буду иметь честь представить подробное изложение этого дела, до сих

пор представляющего несколько неясных сторон. Нельзя не дивляться энергии и уму этого человека, который успел составить себе то положение, которое он занимал среди нефанатического, а очень практического народа, с помощью только тех денег, которые он занимал у них же или получал от них в подарок, так как Эюб-хан, кроме обещаний, ничего или почти ничего не давал Сиях-Пушу. Кроме политической сущности, есть немало интересных бытовых черт в этой странной странице здешней истории.

Из Хивы прибыл к одному здешнему туркмену человек, сообщивший следующие известия: русский отряд в Петро-Александровске получил из Петербурга приказание приготовиться к походу, чтобы в случае нужды придти нам на помощь в Мерве. Отряд приготовился, закупил мехи для воды. Потом было получено из Петербурга уведомление, что похода не будет. Бухарский эмир прислал в Хиву посланника, приглашая хана соединиться с ним для борьбы против русских. Хан ответил, что пусть эмир, если хочет, воюет один, а что ему, хану, довольно.

Первое из этих известий, вероятно, справедливо, и, признаюсь, его было приятно услышать. Последнее же кажется мне азиатской сплетней.

Чарыков

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 93—100.

№ 410

Обращение иолотанских сарыков к начальнику Закаспийской области с просьбой об их принятии в русское подданство

29 марта 1884 г.[1]

Мы, улемы и все жители, сарыки, живущие в Иолотани, искренне заявляем Вашему сиятельству, что, надеясь на царские милости и быть в совершенном спокойствии, посылаем к Вашему сиятельству хана и старшего нашего Сары-хана вместе с благонадежными кетхудами, имеющимися среди нашего народа, для изъявления покорности и преданности. При-

ем надеемся, что Ваше сиятельство удостоите означенных

[1] Датирован 14 джамади ас-сани 1301 г.

лиц царскими милостями и благоволите просьбу и желание их.

Приложены печати с надписями (10 сарыкских представителей)[1].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 102.

№ 411

Донесение российского агента в Кучане и Буджнурде российскому посланнику в Иране о туркменах долины Мургаба и ходатайстве сарыков и салоров о принятии их в русское подданство

8 апреля 1884 г.

Не вдаваясь в подробности, тороплюсь донести Вашему превосходительству, что по занятии Мерва 4 марта, на другой день (в ночь с 5-го на 6-е число), схвачены были нами в кочевье Перянк Сиях-Пуш, Ахмед-шах (оба индийцы), Ахмед-Кули (из Хафа), Султан Махмуд маленький (оба афганцы) и Каджар-хан мервский, появившиеся из Иолотани для возмущения народа и начатия серьезного противодействия. Дознание по агитации их производил камер-юнкер двора его величества чиновник Министерства иностранных дел г. Чарыков. Составление их объяснений с найденными при них документами привело к заключению, что Сиях-Пуш в последнее время явно действовал в интересах Эюб-хана, и, как видно, дело должно было разыграться так, чтобы он при проследовании в Бухару, став во главе мервских текинцев и иолотанских сарыков, пошел бы в Маймане, население коего, все время поддерживая сношения с ним, приглашало его править ими, и откуда уже выступил бы против Афганистана. Это резюме всего дознания, которое изложено г. Чарыковым со всей подробностью, и представлено генералу Комарову.

Сиях-Пуш с означенными товарищами, а также мерв-

[1] На документе надпись карандашом: «Просьбу о подданстве принять; объявить, что на первое время, по примеру мервцев, подати на них не налагаются, но должны содержать на свой счет полицейскую стражу. Прежние проступки по аламанству прощаются, обязаны выдать всех пленных. К ним назначен русский правитель, которому должны безусловно повиноваться. Сары-хан остается для ближайшего заведывания ими. Отныне на будущее время аламанство воспрещается навсегда, и всякое нарушение того приказания будет строго наказываться»; резолюция не подписана, но, видимо, ее автор — наместник кавказский, князь Дондуков-Корсаков.

цем Молла Мамед Рахимом (родственник Каджар-хана) и евреем Измаилом, выкупивший за 200 туманов года полтора тому назад Сиях-Пуша, Ахмед-шаха и Ахмед-Кули из плена из темницы, куда их заключил было Сары-хан Иолотанский, приведены были в Асхабад, откуда будут высланы в Россию или на Кавказ.

4-го числа для изучения страны поехал в Иолотань и оттуда дальше в Пенде инженер Лессар, вместе с ним отправился майор Махтумкули-хан для переговоров с иолотанскими сарыками, от которых было получено письмо с просьбою о принятии их в наше подданство. 9 марта приехали в укрепление наше майор Махтумкули-хан и депутаты от сарыков с Сары-ханом во главе для окончания переговоров по делу о подчинении Иолотани нам. После переговоров положили, чтобы сам генерал Комаров поехал в Иолотань среди народа объявить о принятии их в наше подданство и ввел у них управление. Так как поездка генерала туда не состоялась, то решено было потребовать в Асхабад иолотанских старшин с прошением от всего общества о принятии их в наше подданство. Однако ввиду поездки его сиятельства князя Дондукова-Корсакова, по всему, вероятно, дело сарыков окончено будет там с его участием.

Сарыки занимают в числе около 5000 кибиток обширный оазис по Мургабу, Иолотань, находящийся приблизительно в 60 верстах выше теперешнего Мерва (Бенд Нурберды-хана на Мургабе, в 4-х верстах от Порсыкалы составляет половину дороги до сарыков), а в числе около 2000 кибиток занимают узкую долину Мургаба Пенде, как иолотанские сарыки, стесненные аламанами мервцев, не могли обрабатывать своих земель, так и пендинские сарыки, занимающиеся скотоводством в широких размерах, по узкости долины и недостатку земель не имели необходимой распашки и потому до сих пор терпели нужду в хлебе и состояли в экономической зависимости от мервцев, снабжавших их хлебом.

Г. Лессар свободно проехал в Пенде, где тамошние сарыки, отнесясь к нему дружелюбно, изъявили желание подчиниться нам, а на случай надобности переселиться даже к соплеменникам своим в оазис Иолотаня. Однако на пендинских сарыков имеют притязания афганцы, и в городке Меручак стоит гарнизон афганский, чтобы держать их в покорности. С прошлого года гератские власти стали собирать с пендинцев пошлину в виде алефчера за право пастьбы, а до этого они состояли лишь под пассивным вли-

янием афганцев, которые не управляли ими[1] и не собирали с них никаких поборов. Иолотанские же сарыки совершенно самостоятельны.

При обратном следовании из Мерва через Серахс, в 2-х верстах от развалины Коушут-Кала, почти поголовно выехали навстречу все сарыки, кои по уговору с Али-Мурад-ханом занимаются в этом году хлебопашеством. На правом берегу Теджена около Серахса салоры просили генерала Комарова как бы то ни было принять их в подданство России и поселить в Серахсе. Они настоятельно просят об этом. В числе 200 кибиток последние 30 лет жили то в Серахсе, то в Мерве, затем в Иолотане, Пенде, после опять в Серахсе, и, наконец, мервцы; выселив их из Серахса, разместили по аулам, где они остановились до взятия нами Геок-Тепе. Тогда, пользуясь тревожным состоянием мервцев, они перешли постепенно в Серахс, откуда насильственными мерами выселил их в Зурбад принц Рукн уд-Довле. Оставаясь очень недовольные правлением персиян, они сами постепенно перейдут на правый берег Серахса и поступят в наше подданство[2].

Г. Чарыков проехал дальше вверх по Герируду и оттоль или направится в Мешхед, или вернется через Серахс по Атеку в Асхабад.

Освобождены из Мерва более 90 пленных персиян, из коих многие пожелали [остаться] там же в Мерве, а остальные 45 человек сданы под расписку правителя Лютфабада —Бабаджан дерегезского вилаиета.

Полковник Назаров

[1] ЦГВИА, ф. 400, д. 14/1884 г., лл. 44—46.

---

[1] Исходя из этого, а также необходимости, чтобы русско-афганское разграничение основывалось на «географических и этнографических условиях», Министерство иностраных дел России в направленной английскому правительству 16 января 1885 г. «Разъяснительной записке», отмечало, что оно поставлено перед необходимостью не дать афганцам захватить Пенде и «домогаться, чтобы все племя туркмен-сарыков, часть коего уже ранее подчинилась (русским) властям, было в полном составе включено в сферу влияния России...» («Афганское разграничение», 1886 г., изд. МИД, стр. 145—153).

[2] Касаясь подробностей принятия салорами русского подданства, и. д. начальника Тедженского уезда в рапорте от 14 января 1895 г. начальнику Закаспийской области писал, что Мухамед-Текс—«влиятельный хан салор после занятия русскими Асхабада был послан тайно от мервских текинцев к русским для переговоров о принятии салор в русское подданство. По взятии русскими Геок-Тепе Текс-хан с 2000 семейств прибыл из Мерва в Калан-Ноу, но, узнав, что персы не позволяют селиться в этой местности, увел свой народ в Зурабад. По прибытии же генерала Комарова в Рукнабад в 1884 г. он явился

№ 412

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о прибытии в Ашхабад делегации сарыков с просьбой о принятии в русское подданство

8 апреля 1884 г.

Сюда прибыла депутация от сарыков, просящих подданства России. По настоящее время, не имея никакого ответа на мои телеграммы по этому вопросу, затрудняюсь в приеме ее. Прошу указаний.

Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 94.

№ 413

Из отношения начальника Главного штаба командующему войсками Кавказского военного округа о необходимости урегулирования отношений с Ираном относительно правобережья Теджена и переселения туда туркмен-текинцев

13 апреля 1884 г.

Посланник наш в Тегеране доставил министру иностранных дел составленные по поручению генерал-лейтенанта Комарова штабс-ротмистром Алихановым записку и карту окрестностей Серахса, копии с которых министр иностранных дел препроводил военному министру при письме 3 апреля сего года № 45.

Из записки штабс-ротмистра Алиханова видно: 1) что персияне, вопреки обещаниям своим, заняли на правом берегу реки Теджена пункт на запад от Коушут-хан-Кала и построили там укрепление под названием Рукнабад, в котором расположили караул из 17-ти сарбазов; 2) что собранные штабс-ротмистром Алихановым сведения подтверждают крайнюю невыгодность для нас существования этого укреп-

---

предложением о принятии всех семей в подданство России и, когда получил на это разрешение, тогда с июля 1884 г. по август 1885 г. привел к Серахсу до 2000 семейств салоров. С 1885 г. Текс-хан назначен помощником серахского пристава, одновременно, с назначением на эту должность ему был присвоен чин капитана милиции.

ЦГИА Груз. ССР, оп. 1, д. 143, л. 2.

ленного пункта командующего путями в Мерв и в оазисы Иолотань и Пенде, так как, благодаря ему, персидская территория врезывается в район пространства, населенного туркменами, и 3) что окрестности Коушут-хан-Калы и Рукнабада представляют большие удобства для поселения нескольких тысяч кибиток мервцев, в каковом случае уменьшились бы неудобства, проистекающие излишней скученности населения в Мервском оазисе. Мервцы, по словам штабс-ротмистра Алиханова, ждут только разрешения, чтобы занять эти местности, которые еще не так давно были населены ими.

Ввиду изложенного и согласно мнению по сему министра иностранных дел, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство поручить генерал-лейтенанту Комарову исследовать возможно подробнее те условия, при которых могло бы совершиться переселение части Мервского населения в местность на правом берегу Теджена, близ Коушут-хан-Калы, и приступить к осуществлению предположения этого, если к тому не встретится каких-либо препятствий.

В дополнение к сему, препровождая при сем к Вашему сиятельству копии с записки и карты, составленных штабс-ротмистром Алихановым, имею честь присовокупить, что министр иностранных дел в письме своем от 3 сего апреля № 45, между прочим, выразил мнение, что в случае переселения мервцев в местность около Коушут-хан-Калы, на правом берегу Теджена, необходимо будет назначить для надзора за ними русского офицера, присутствие коего будет служить известной гарантией против возможных враждебных столкновений между ними и персиянами. К этому министр иностранных дел добавил, что после неоднократных усилий, сделанных с целью побудить персидское правительство отказаться от попыток утвердиться на правом берегу Теджена, он полагает, что осуществление изложенных соображений о поселении части мервского населения на р. Теджене представляет единственное средство предупредить дальнейшие захваты персиян.

О последующем по сему не откажите, Ваше сиятельство, почтить меня уведомлением с возвращением приложения.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.[1]

Генерал-майор Зеленый

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 86—88.

[1] Документ не датирован; обнаружен в виде приложения к отношению начальника Главного штаба командующему войсками Кавказского военного округа от 13 апреля 1884 г. (ЦГИА, Груз. ССР, Ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 86—88).

№ 414

Из «Объяснительной записки» Алиханова к карте долины Мургаба о населении и укреплениях в этом районе

13 апреля 1884 г.

Земли, прилегающие к Теджену верст на 20 на юг и настолько же на север от пункта, называемого ныне Серахсом, составляли в течение последних двух столетий достояние туркмен, которые со временем Надыр-шаха ни разу не признавали над собою власти Персии. Прибрежные полосы были снабжены на всем этом протяжении ирригационными каналами, начинавшимися от плотины, расположенной у обрывов, называемых Кизыл-Кая. Как возведение плотины, так и проведение каналов было дело первых обитателей этого района туркмен-сарыков, почему произошло и самое название Серахса, как полагают, искаженное от первоначального Сарык-су (вода сарыков). Впоследствии территория Серахса перешла в руки туркмен салоров, крепость которых и до сего времени носит название Салар-Кала. Последними более 40 лет владели страною текинцы, построившие на правом берегу реки огромную крепость Коушут-хана-Кала. В 1857 г. текинцы вместе с Коушут-ханом ушли отсюда и заняли Мерв.

Персы задумали в это время поход на Мерв, окончившийся в 1860 г. совершенным истреблением 40 тыс. армии Камза Мирзы, и на оставленной текинцами земле, на левом берегу реки и на 14 верст южнее Коушут-хан-Калы, построили опорное укрепление[1].

Уступка Персии какого-либо пункта на правом берегу Теджена, и в особенности Старого Серахса или Коушут-хан-Калы, была бы тем более крупною ошибкою со стороны России, что, во-первых, земли эти всегда принадлежали туркменам, если не признавать древних прав Персии; во-вторых, в высшей степени плодородный район Серахса с готовыми оросительными канавами обладает всеми условиями для того, чтобы в непродолжительном времени вид населенной территории; в-третьих, текинцы Мерва сожалеют об оставлении Старого Серахса и для того, чтобы занять его снова в числе нескольких тысяч кибиток, ждут только разрешения, откуда бы оно ни последовало. Наконец, заселение Старого Серахса некоторою частью мервских текинцев бу-

[1] Далее идет не относящееся к теме сборника топографическое описание районов Старого и Нового Серахса.

дет иметь последствие, что поредеет скученное теперь население Мерва (что неудобно и в административном отношении), и все удобные земли на север от Атека заселятся более равномерно. Персия будет окончательно отброшена от туркменского района, и в наши руки перейдет одна из лучших караванных дорог, идущая из Мешхеда на Мерв через Ташрабат: Оазисы сарыков Иолотани и Пенде, охваченные таким образом русскими владениями, немедленно изъявят покорность, и наша граница подойдет к Афганистану.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 89—93.

№ 415

Отношение командующего войсками Кавказского военного округа военному министру о желании туркмен-сарыков принять русское подданство и мерах укрепления русского влияния на это племя

14 апреля 1884 г.

Телеграммой от 21 прошлого марта я сообщил Вашему высокопревосходительству о желании иолотанских сарыков принять русское подданство и просил по этому предмету указаний. Теперь я получил телеграмму генерала Комарова о том, что в Асхабад уже прибыла депутация от сарыков с прошением о вступлении в подданство России и что, не получая приказаний на предшествовавшие его донесения о том, он затрудняется принять депутацию.

Просьба сарыков является совершенно естественным последствием присоединения Мерва, а на неизбежность такого результата было указываемо и в совещаниях, происходивших в Петербурге у министра иностранных дел по поводу принятия мервцев в русское подданство.

Но если присоединение Мервского оазиса без всяких политических осложнений с Англией, то причиною тому, как мне кажется, были не только затруднения, встреченные этою державою в удовлетворительном для нее разрешении египетских дел, но и сознательное убеждение нынешнего английского министерства, что занятие нами Мерва не составляет, в сущности, никакой угрозы Афганистану, а имеет для нас значение преимущественно в смысле упрочения спокойствия в наших закаспийских владениях и установления ближайшей через Мерв связи последних с Бухарой и нашей среднеазиатской территорией.

Другое впечатление может произвести фактическое занятие нами Иолотанского и особенно Пендинского оазисов туркмен-сарыков, так как в этом акте Англия и Персия, несомненно, усмотрят наше стремление продвинуть свои владения вплоть до границы Афганистана и, следовательно, стать в угрожающее положение к Герату, признаваемому некоторыми британскими политиками и стратегами ключом к Индии.

Поэтому в отношении к просьбе сарыков о принятии их в русское подданство следует, по моему мнению, действовать с большей осторожностью. Отвергать их желание—значило бы оттолкнуть от себя племя, владевшее еще 27 лет тому назад нынешним Мервским оазисом, поставить его в недружелюбные к нам отношения и вообще парализовать утверждение нашего влияния на границах Афганистана. Принятие сарыков в русское подданство могло бы удобнее всего выразиться, на первое время, в той форме, какую я предлагал сначала относительно мервских туркмен, т. е. можно было бы ограничиться назначением к ним приставом под видом резидента одного из наших офицеров, придав ему для полицейской службы сотню или две местных фераджиев и несколько человек казаков в качестве личного конвоя. Занимать же оазисы сарыков какою-либо частью наших войск я полагал бы при настоящих условиях неудобным как потому, что это подает повод к нежелательным объяснениям с английским правительством, также ввиду наших расходов, которые потребовались бы на передвижение туда войск за неимением свободных для того частей в Закаспийской области. Общее наблюдение за управлением сарыками и поддержанием у них спокойствия может быть поручено начальнику Мервского округа, которому должен быть подчинен назначенный к сарыкам пристав.

Высказывая эти соображения, я считаю нужным оговорить, что они внушены мне лишь теми далеко недостаточными сведениями, которые я пока имею о положении дел на Мургабе, и поэтому вопрос об окончательном установлении наших отношений к сарыкам я представляю себе решить на месте на совещании с начальником Закаспийской области и выслушании заявлений сарыкской депутации. В этих видах я предложил генералу Комарову посоветовать депутации дождаться моего прибытия в Асхабад, где предполагаю быть 21 апреля.

По возвращении из поездки в Закаспийскую область я не премину, согласно данному обещанию, сообщить Вашему высокопревосходительству подробные соображения мои как по настоящему положению дел в оной, так и о будущем устройстве области в тех пределах, на которые укажут изучение местных обстоятельств в наши задачи этой окраине.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Дондуков-Корсаков

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 98—99.

№ 416

Телеграмма наместника Кавказского министру иностранных дел о незаконных действиях каджарских властей в Атеке

апрель 1884 г.

Дела в Атеке по распределению воды и пашен идут крайне дурно. Персидский комиссар, несмотря на сообщения нашего посланника о данных ему предписаниях, не хочет руководствоваться установленной граничной чертой. По всему видно, что правительство шаха, уверяя посланника в точном исполнении его требований, посылает своему комиссару совершенно противоположные инструкции. Между тем земли атекцев, которым мы запрещаем насилия против персиян, заняты последними, причем вследствие неопределенности нашего положения [в] Атеке и безрезультатности наших настояний, захваты персиянами атекских земель и воды достигли теперь самых широких размеров. В этих захватах участвует дерегезский губернатор, берущий часть посевов [в] свою пользу. Жители некоторых атекских селений должны оставаться без хлеба. Ввиду явного, систематического неисполнения персидским правительством конвенции 1881 г. и ради сохранения нашего значения в Атеке, полагаю не дозволить персиянам снять посевы с незаконно захваченных земель, передав их на продовольствие атекцам, и убедительно прошу настоять у персидского правительства на строгом наказании виновных в захватах пашен. Телеграфирую об этом также посланнику [в] Тегеран. Без решительных с нашей стороны мер дальнейшее пребывание нашего комиссара в Атеке признаю не только бесполезной тратой времени и денег, но даже вредным для достоинства правительства. Завтра выступаю [в] Мерв. О распоряжениях по настоящей телеграмме благоволите сообщить начальнику штаба [в] Асхабад.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229 оп. 1, д. 142, л. 109.

[1] Автор предположительный; документ не датирован.

№ 417

Телеграмма командующего войсками Кавказского военного округа военному министру о ходе присоединения сарыков к России и разграничения с Ираном

22 апреля 1884 г.

Завтра утром выступаю [в] Мерв, куда одновременно следуют сотни Кавказского казачьего полка. Сегодня представилась мне депутация иолотанских сарыков с Сары-ханом во главе, просившая принятия русского подданства. Иолотанцы живут в районе Мервского оазиса, в расстоянии одного дня езды от самого Мерва, почему не встретил никаких затруднений принять их в подданство России на одинаковых с мервцами условиях. Депутаты в моем присутствии приведены к присяге. Желание остальной части сарыков в Пенде вступить [в] наше подданство пока отклонил, хотя гератский правитель объявил пендинцам, что после занятия Мерва они должны считаться русскими подданными. Дела по разграничению в Атеке идут крайне недостаточно вследствие недобросовестности персидского правительства, о чем телеграфирую министру иностранных дел и посланнику [в] Тегеране.

Князь Дондуков

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 108[1].

№ 418

Распоряжение военного министра командующему войсками Кавказского военного округа не принимать новые племена в русское подданство

27 апреля 1884 г.

Принятие сарыков в подданство признавалось нежелательным, но так как оно уже совершилось, то Министерство иностранных дел, не находя возможным изменить Ваше распоряжение, признавало бы необходимым ввиду начатых переговоров с Англией по возможности ослабить внешнее значение самого факта и не посылать к сарыкам русского начальства с военным конвоем, а равно и не принимать в подданство других туркменских племен, хотя бы они о том просили.

Генерал-лейтенант Ванновский

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 117.

[1] Дубликат документа в ЦГВИА, ф. 400, д. 23, 1884—1893 гг., л. 20.

№ 419

Телеграмма командующего войсками Кавказского военного округа военному министру о положении в мервском оазисе

2 мая 1884 г.

Сегодня 2 мая прибыл в Мерв. Полное спокойствие господствует среди населения вновь присоединенной окраины. Жители выражают искреннюю радость по поводу водворившегося у них порядка и безопасности. Мервский гарнизон обеспечен дешево продовольствием. Санитарное состояние войск пока превосходно. Одиннадцатого мая вернусь [в] Асхабад.

Князь Дондуков

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 115.

№ 420

Телеграмма российского посланника в Иране начальнику Закаспийской области о захватнических поползновениях каджарских властей в отношении Старого Серахса

13 мая 1884 г.

Получил известие от Насырбекова, что хорасанскому генерал-губернатору предписано из Тегерана немедленно приступить к заселению Старого Серахса, не щадя издержек на это дело. Сообщив об этом в Петербург, предложил для прекращения всяких попыток со стороны персиян к захвату этой местности распорядиться немедленным заселением ее или мервскими туркменами или сарыками, принявшими наше подданство.

Мельников

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 169.

№ 421

Телеграмма командующего войсками Кавказского военного округа русскому посланнику в Тегеране о попытках каджарских властей овладеть Старым Серахсом

14 мая 1884 г.

Сейчас вернулся из Мервского округа, где полное спокойствие и безопасность. Телеграмму Вашу девятого получил [в] Каахке. Находя, что персияне незаконно засеяли пашни, принадлежащие туркменам Атека, я, согласно мнению Ва-

шему[1], поручил генералу Комарову допустить персиян снять посевы с захваченных ими земель не только близ Артыка, но и в других частях Атека с удержанием с них половины урожая для распределения между нуждающимися туркменами. [В] виду телеграммы Вашей генералу Комарову о намерении персиян утвердиться [в] Старом Серахсе и полученной мною депеши начальника Главного штаба о скорейшем переселении в этот пункт жителей Мервского оазиса, туда направлены из Мерва двести семейств салоров, а для ограждения их от персиян командируются в Старый Серахс две казачьи сотни.

Князь Дондуков

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 165.

№ 422

Телеграмма начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о ликвидации рабства в Иолотани

27 мая 1884 г.

Рабство на Иолотани прекращено, последние пленные возвращаются на родину.

Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 173.

№ 423

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о ходе занятия русскими войсками Мерва и его окрестностей

29 мая 1884 г.

Получив разрешение Вашего сиятельства занять Мервский оазис Тедженским отрядом* и открыть управления Мервским и Тедженским округами, я 16 февраля с небольшим конвоем казаков выехал из Асхабада. Мервские ханы и старшины с штабс-ротмистром Алихановым были отправлены вперед. 21 февраля прибыл к отряду на Карры-Бенд и был встречен всем населением, большая часть которого только что собралась для поселения.

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 169.

* Отряд под начальством Генерального штаба подполковника Забрежевского, принявшего командование по отъезде полковника Муратова в Петербург, состоял из 4 рот, двух сотен, 4 орудий и 20 человек джигитов. Выступив из Асхабада 4 декабря, прибыл в Карры-Бенд 19 декабря.

Новая плотина была окончена, вода возвысилась до уровня оросительных каналов. Объявив старшинам и почетным жителям о введении у них русского управления и назначении начальником округа майора Махтумкули-хана и, объяснив подробно, в чем будут заключаться требования правительства, предложил немедленно приступить к разделу воды и земли, согласно народным обычаям. В течение трех дней, т. е. к 24 февраля, это дело было окончено, оказалось, что на Теджен из Мерва пришло желающих поселиться более 3000 хозяев, что с прежними поселенцами, пользовавшимися водою от Тэзабенда, составило более 7500 дворов. Кроме того, оставлено земли и воды, достаточно еще на 2000 семейств.

Произведя смотр отряду, я нашел его в полной исправности, больных не было. 23 февраля.. Алиханов с конвоем из 20 казаков и ханов поехал в Мерв для приготовления жителей к приему отряда.

24-го я получил первые достоверные сведения о том, что часть населения Мерва, возбуждаемая Каджар-ханом и Сиях-Пушем, а также некоторыми муллами, проповедывавшими, что по корану запрещается мусульманам уступать свою землю без боя, решилась оказать вооруженное сопротивление нашим войскам, хотя большинство населения совершенно спокойно ждет русских и даже выслало своих баранов на пастьбу к стороне отряда. Поэтому, несмотря на малочисленность отряда, я решился немедленно двигаться к центру Мервского оазиса, укреплению Коушут-хана, чтобы не дать времени партии, враждебной нам, усилиться.

25 февраля отряд выступил из Карры-Бенда. Воду для отряда пришлось забрать с собой на верблюдах. Остановился на ночлег в степи в 28 верстах от Карры-Бенда.

26 февраля сделал переход в 18 верст. Остановились на ночлег близ развалин Кулань-Рабата на кале Кум-Яб, где, благодаря весеннему времени и стаявшему снегу, накопилась вода. Высланы были рабочие для устройства просеки в начинающемся в верстах в 5-ти впереди густом и высоком кустарнике.

27 февраля отряд, пройдя 26 верст, расположился бивуаком близ искусственного озера Карыб-Ата, куда, по полученным от... Алиханова сведениям, должны были прибыть утром 28 числа ханы, старшины и лучшие мервские люди.

Дорога шла почти все время по пескам, поросшим густым и высоким кустарником.

28 февраля назначена дневка. Часов в 11 утра прискакал в лагерь... Алиханов с 4-мя ханами; остальные мервцы, прибывшие для нашей встречи, расположились впереди лагеря. В 12 часов я выехал к ним с свитой-сотней казаков и джигитами. Всех почетных мервцев было более 300 человек. Для встречи они выстроились верхами в одну шеренгу по племенам. После приветствия и объезда всего фронта я, удалив конвой, предложил им окружить меня.

Всем прибывшим были розданы печатные экземпляры объявлений о принятии Мерва в подданство его величества государя императора Всероссийского, это же объявление было прочитано и подробно объяснено мною.

В числе прибывших мервцев находились Баба-хан, сын Коушут-хана, который уклонился от приезда с депутацией в Асхабад, и Каджар-хан, единственный из всех приезжих, имевший на себе саблю, пистолеты и ружье: явиться их ко мне уговорил... Алиханов. С этого времени Баба-хан всеми мерами и способами старается загладить свою ошибку и оказал весьма важные услуги при окончательном введении нашего управления. Не так поступил Каджар-хан. В 4 часа пополудни, во время обеда у меня, на который были приглашены самые влиятельные мервцы, я получил сведение, что вооруженная толпа, числом до 4000 человек, появилась верстах в шести от нашего бивуака с намерением атаковать отряд. Все четыре хана, Баба-хан и несколько других по моему приказанию поскакали для узнания в чем дело. Каджар-хан, резко выйдя с обеда, сел на лошадь и ускакал вперед. На рекогносцировку мною были высланы все всадники Ахал-Текинской милиции, бывшие при отряде, и полсотни 1-го казачьего конного Таманского полка.

При заходе солнца возвратились ханы и доложили, что увещания их подействовали не вполне, часть толпы послушалась их и разошлась по домам, но более двух тысяч человек, возбуждаемые каким-то афганцем (Ахмет-шахом), Каджар-ханом и его родственниками, не оставили своего намерения и объявили, что будут стрелять в ханов и старшин, если те не уедут.

Сделав все распоряжения на случай ночного боя, я приказал отнюдь не начинать стрельбы до тех пор, пока толпа не подойдет на близкое расстояние и сама не начнет стрельбы. Около 10 часов ночи возвратился казачий разъезд с донесением, что толпа направляется к левому нашему флангу; в это время всадники милиции начали редкую перестрелку, отвечая на выстрелы из толпы. Около полуночи толпа,

пройдя вдоль фронта, появилась на правом фланге в расстоянии около версты; милиционеры и цепь присоединились к отряду, ставшему в ружье, но толпа не решалась сделать нападение, начала отступать и расходиться. Оставшиеся все время при отряде старшины и почетные мервцы вели себя безукоризненно и не подали ни малейшего повода сомневаться в их верности.

29 февраля утром отряд перешел к аулу Абдал-Топаз, первому на пути. Отсюда начинается густое население. Аулы расположены группами по пяти и более. Жители вышли навстречу, принесли и привезли на продажу хлеб, масло и прот...

Алиханов, выезжая с мервцами навстречу отряда Карыб-Ату, оставил в Абдал-Топазе исправляющего должность делопроизводителя отставного майора Ляшевича и повара. Выступавшая против нас толпа, проходя этот аул, требовала выдачи русских. На это весь аул единогласно ответил: «какое Вам дело, кто находится у нас в гостях, если же Вы непременно хотите взять их, то сначала посчитайтесь с нами». Толпа прошла мимо, отказавшись от своего требования.

Часов около 5 пополудни было получено донесение одновременно от разъездов и мервских ханов о том, что верстах в 2-х от нашего лагеря выкинут значок и собирается шайка для нападения на русских. По донесению мервцев, там находились помощник Сиях-Пуша Ахмед-шах и Каджар-хан.

Немедленно мною было приказано выслать разъезд из 20 джигитов Ахал-Текинской милиции под начальством вахмистра Маргани с приказанием разогнать сборище. В то же время приказано было изготовиться 1,5 сотням казаков. Не прошло 5 минут, как послышались залпы, громкие крики «алла» и усиленная пальба. Тотчас на рысях были двинуты на подкрепление 1,5 сотни казаков, но дело было уже кончено.

По выезде с бивуака милиционеры увидали на пригорке зеленый значок и при нем толпу конных и пеших до 200 человек. Нисколько не задумываясь, вахмистр Маргани лихо бросился в атаку. Неприятель встретил их залпом и бросился с криком и воем. Милиционеры дали по шайке в свою очередь залп из берданок и тотчас же бросились в шашки. Мятежники не выдержали натиска и побежали, оставя значок и убитых. С нашей стороны один всадник легко ранен, противник же оставил на месте 5 человек убитыми. Разбитую партию нельзя было преследовать, ибо бежавшие скрылись в расположенные поблизости аулы с мирным и спокойным населением. Оказалось, что в числе убитых и тяжело раненых она потеряла несколько человек из числа

главнейших вожаков и зачинщиков мятежа; так убит влиятельный Мулла Дурды-хан, фанатик, тяжело ранен сын Каджар-хана, тоже участвовавшего в этом деле, и смертельно ранен его двоюродный брат. За это вполне молодецкое дело все участвовавшие в нем милиционеры уже награждены знаком отличия военного ордена.

1 марта отряд остался при Абдал-Топазе по необходимости дать время на исправление дороги и мостов через многочисленные канавы на пути к Коушут-хан-Кале.

В этот день были получены мною сведения о том, что агенты Сиях-Пуша энергически стараются поднять население против русских, на базаре собралось много народу, большинство не желает принимать участие в враждебных действиях против русских. Перед вечером, когда благонамеренные разошлись по домам, шайка числом более тысячи человек под предводительством Ахмед-шаха и Ораз-Кирижа, известного аламанщика, двинулась к аулу Анна Чепек Мурад требовать выдачи годных для стрельбы орудий, отбитых у персиян. Но получили отказ. Произошла драка, кончившаяся тем, что мятежники захватили два орудия, бывшие на лафетах, и поставили их на валу с целью выстрелами произвести тревогу в оазисе и привлечь на свою сторону всех несочувствовавших общему настроению.

На этой же дневке мною была принята депутация от иолотанских сарыков, заявивших, что сарыки желают во всем последовать примеру мервцев. Им объявлено, что окончательный ответ будет дан по занятии Коушут-хан-Калы. Все довольно влиятельное духовенство, живущее среди отамышей, также явилось ко мне, имея во главе восьмидесятипятилетнего Ходжа Мир-ишана, пользующегося особым уважением и влиянием. Из объяснений моих ишаны и муллы, убедившись, что русское правительство оставляет полную свободу вероисповедания и не нарушит народных обычаев, а только требует прекращения разбоев, грабежей и захвата в плен, заявили, что они становятся самыми преданными слугами государю императору.

2 марта отряд сделал небольшой переход к аулу Сарыхана, близ которого пришлось остановиться на ночлег ввиду необходимости построить четыре моста через главные каналы глубиною более сажени, а также чтобы иметь время окончательно узнать о силах и намерениях толпы, собравшейся на базаре и стрелявшей из орудий холостыми зарядами в течение целого дня. Жители аулов, через которые проходил отряд, выходили навстречу, с вниманием выслушивали мои приказания и объяснения их будущего положения и относились с полным доверием. Перед вечером Баба-хан,

все время бывший на базаре с целью уговорить толпу, возвратился к отряду и доложил, что старания его остались безуспешны. Толпа числом до 2000 человек, дурно вооруженная (у многих были лишь палки с привязанными ножницами для стрижки баранов), решилась ночью сделать нападение на отряд.

Около полуночи с базара прискакал мервец с известием, что толпа идет по направлению к нашему бивуаку. Отряд был вызван в ружье. В сторожевой цепи и разъездах завязалась перестрелка.

Вскоре толпа, зашедшая в тыл отряда, с криком и воем двинулась вперед от аула, бывшего в шестистах шагах от заднего фаса нашего каре. Часть толпы, пользуясь темнотою ночи, валиками и канавами, ползком подкралась к отряду шагов на двести и открыла стрельбу.

По распоряжению командовавшего отрядом Генерального штаба подполковника Закрежевского на атакованный фас, состоявший из 1,5 роты 3 Закаспийского стрелкового батальона, были перевезены с левого фаса каре 2 горных орудия, 6 батареи 21 артиллерийской бригады.

Когда атакующие приблизились настолько, что явилась возможность стрелять в них прицельно, передовые посты и секреты были отозваны, и по команде подполковника Закрежевского открыт огонь залпами, всем фасом. Всего было сделано три залпа, после первого залпа неприятель, видимо, замялся, после второго его гик и вой замолкли совершенно, а третий залп уже сделан по бегущим. Только одиночные смельчаки, подползшие к фронту на несколько шагов, не прекращали огня, против них были посланы спешенные милиционеры, скоро обратившие их в бегство.

Дальнейшее преследование было остановлено мною, чтобы в суматохе в ночное время не нанести вреда кому-либо из мирного населения, окружавшего наш бивуак. Население это вело себя примерно. Хозяева кибиток, вопреки своим вековым священным традициям гостеприимства, отказали раненым в приеме, говоря, что с людьми, подымающими оружие против русских, они не желают иметь ничего общего.

Потеря мятежников была не особенно значительна, по сведениям, полученным на другой день, у них убито до 20 человек и ранено более 40. С нашей стороны смертельно ранен один рядовой и одна казачья лошадь. Во время этого дела так же, как и предшествовавших, отрядом выказаны стойкость и дисциплина, вполне достойные русских войск. В то время, когда я находился на атакованном фасе, один туркмен, подосланный Каджар-ханом, успел пробраться

через цепь под видом милиционера на первый фас и с обнаженной саблей ворвался в мою кибитку, где был тотчас же схвачен людьми Сары-хана. Возмущенные таким ужасным, по их понятиям, нарушением правил гостеприимства, они немедленно застрелили его.

3 марта отряд двинулся дальше. Дорога на протяжении от аула Сары-хана до моста на реке Мургабе представляла самую трудную часть пути. Окаймленная почти на всем протяжении глиняными стенками садов, она перерезывалась массою арыков, что должно было сильно замедлить движение, задерживая наш обоз. Благодаря энергии Сары-хана, в одну ночь успевшего построить на всех канавах мосты и расчистить дорогу, отряд быстро дошел до Мургаба, где расположился бивуаком у самого моста против базара. Хотя, по-видимому, после дела 2 марта в Мервском оазисе все успокоились, но Каджар-хан и Сиях-Пуш с его сообщниками оставались на свободе и могли при первом удобном случае вновь поднять оружие, поэтому я объявил, что дам награду тысячу рублей тому, кто арестует их или будет к тому способствовать.

4 марта я осмотрел оба берега Мургаба и выбрал место для постройки укрепления на левом берегу Мургаба в версте выше базара. По моим соображениям, лучшего места не оказалось. Отряд перешел в тот же день: кавалерия и обоз вброд, а пехота и горная артиллерия по жительскому мосту.

В этот же день мною объявлено об открытии действий Мервского окружного управления.

Депутация от сарыков высказала решительное намерение принять русское подданство. Для выяснения, действительно ли таково желание всех сарыков, я послал в Иолотань майора Махтумкули-хана и состоящего при мне инженера Лессара, которому, кроме того, было разрешено проехать вверх по Мургабу, доколе будет возможно, и собрать сведения о сарыках, живущих в Пенде и об афганской границе.

5 марта приступлено к разбивке укрепления, трассировке и профилированию, и начаты работы по постройке его. Работали под руководством сапер за назначенную мною поденную плату по одному крану мервцы, явившиеся в количестве, превышавшем потребность в них.

В ночь на 6 марта из аула Геок-Тепе, в 25 верстах от укрепления, жители дали знать, что туда приехали Каджар-хан и Сиях-Пуш с сообщниками и пытаются вновь возмутить народ.

Ханы и почетные мервцы, имея в виду получить

обещанную награду, немедленно поскакали в Геок-Тепе и к утру доставили арестованных Каджар-хана и Сиях-Пуша и 3 афганцев. Немедленно были сняты с них допросы дипломатическим чиновником туркестанского генерал-губернатора надворным советником Чарыковым, который случайно находился при отряде.

9 марта вернулся из Иолотани майор Махтумкули-хан, с ним приехала депутация от иолотанских сарыков (5400 кибиток), состоящая из Сары-хана с 12 старшинами, с объявлением о желании всего народа принять русское подданство безусловно и подчиниться всем требованиям беспрекословно.

Махтумкули-хан доставил афганца Ахмет-шаха и всю переписку Сиях-Пуша, выданных сарыками. Не получив еще по этому вопросу положительных указаний, я предложил сарыкской депутации приехать в Асхабад в первых числах апреля.

10 марта я начал объезд тохтамышских аулов, везде мною найдено полное спокойствие и полное подчинение власти ханов и окружного управления. Осмотрена главная плотина и начало каналов, ведущих воду по оазису.

19 марта прибыла из Асхабада на смену 2 рот и 4 горных орудий мервского отряда колонна из 2 полевых легких орудий, так что численность мервского гарнизона не изменилась, а именно: 4 роты, 2 сотни и 2 орудия. С отправляющимися обратно в Асхабад войсками я решил отправить подлежащих увольнению в запас со всего отряда нижних чинов и пожелавших вернуться на родину пленных персов, всего 50 человек. Доверие к восстановлению спокойствия в оазисе настолько уже возросло, что из Мерва двинулись торговые караваны в Бухару, Хиву и Мешхед. Между прочими пошел в Бухару и русский караван с мануфактурой, снаряженный фирмой Коншиных.

20 марта вернулся из Пенде инженер Лессар, ознакомившись с афганской границей.

Установив в округе полный порядок и отправив 22 марта утром обратно в Асхабад через Карры-Бенд колонну, я в тот же день выехал в Асхабад через Таш-Рабад, Шитли и Старую Коушут-Калу на Теджен. Верстах в 10 от реки я был встречен многочисленной толпой салоров, выехавших навстречу с приветствием. Они высказывали свою радость, что теперь могут жить спокойно под скипетром белого царя, и подали прошение о разрешении выселиться 2000 кибиткам салоров в Старый Серахс из Зурабада, где они были водворены персиянами силою.

Находя равновременным дать им положительное разреше-

ние на это, я предложил им строго исполнять свои обязательства относительно персидского правительства и выждать, когда наступят благоприятные обстоятельства для исполнения их желания.

По моему приказанию Генерального штаба полковник Закрежевский осмотрел персидское укрепление Рукнабад, близ Коушут-Калы, и составил подробное описание его.

2 апреля я возвратился в Асхабад, проехав по всему Атеку.

Долгом считаю обратить внимание Вашего сиятельства на доблестную службу Тедженского отряда, перенесшего все тягости зимнего степного похода и еще раз доказавшего в ночном бою 2 марта туркменам безнадежность для них враждебных действий против русских. Позволяю себе также упомянуть об особых заслугах подполковника Закрежевского, Алиханова, надворного советника Чарыкова, коллежского ассесора Лессара, областного интенданта статского советника Степанова и Генерального штаба штабс-капитана Комарова, неутомимая и полезная деятельность которых много способствовала успехам занятия Мерва, совершенному с малыми силами и почти без особых расходов для правительства. Сверх сметы отпущено только 20 000 рублей на содержание новых укреплений Тедженского и Мервского и подъемные деньги в уменьшенном размере мне и чинам отряда, по распоряжению Главного штаба.

Командующий войсками генерал-лейтенант Комаров

ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1884—1893 гг., лл. 116—129.

№ 424

Отношение российского посланника в Иране командующему войсками Кавказского военного округа о попытках каджарских властей овладеть Старым Серахсом

8 июня 1884 г.

Мы предупредили персиян о Старом Серахсе. По известиям из Мешхеда, его занял Алиханов отрядом из трехсот казаков.

Туда перешли семьсот семейств зурабадских салоров. Из Мешхеда послан в Новый Серахс Али Мардан-хан с конным отрядом в шестьсот человек и с приказанием препятствовать переходу зурабадских салоров в Старый Серахс, избегая, однако, столкновения с нашим отрядом. Шах потребовал вывода этого отряда, но я отказал ему в этом. Между

тем желательно было бы знать—останется ли наш отряд в Старом Серахсе навсегда или предполагается его вывести и когда именно.

Мельников

ЦГИА Груз. ССР. ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 181.

№ 425

Отношение командующего войсками Кавказского военного округа российскому посланнику в Иране о целях занятия русскими войсками Серахса

9 июня 1884 г.

Отряд послан [в] Старый Серахс временно до водворения там нашего управления, распределения угодий и воды между переселенцами и вообще устройства этой части нашей территории. Срок пребывания отряда будет также зависеть от образа действий шахского правительства.

Князь Дондуков

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 184.

№ 426

Телеграмма командующего войсками Кавказского военного округа военному министру о занятии русскими войсками Старого Серахса и заселении его туркменами-салорами

10 июня 1884 г.

Салорские поселенцы из Мерва под прикрытием двух казачьих сотен с Алихановым заняли Старый Серахс, куда перешло семьсот семейств зурабадских салоров. На запрос посланника [в] Тегеране отвечал, что наш отряд останется [в] Старом Серахсе до введения управления и устройства этой части нашей территории и что вообще срок пребывания его там будет зависеть от образа действий шахского правительства. Желательно настоять, чтобы Персия не мешала переселению зурабадских салоров к Старому Серахсу. Афганский отряд двинулся для занятия не принадлежащего ему Пенджэ. Сарыки согнали скот с гор и готовятся угодить к Иолотани[1]. Движение афганцев предрешает вопрос о границе.

Князь Дондуков

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 185.

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 178.

№ 427

Из записки командующего войсками Кавказского военного округа военному министру о ходе присоединения долины Мургаба к России и месте Туркмении в англо-русском соперничестве на Среднем Востоке

14 июня 1884 г.

Совершившийся факт добровольного принятия мервскими туркменами русского подданства и присоединения Мургабского оазиса к владениям империи имеет для нас весьма важное значение не только в смысле умиротворения Туркменской степи, входящей в состав Закаспийской области и вытекающих из того последствий, но и в особенности, ввиду непосредственного соприкосновения, в которое мы теперь поставлены с соседними среднеазиатскими странами и племенами.

Прошло каких-нибудь три месяца со времени мирного присоединения Мерва, а между тем результаты этого события уже обнаружились в замечательном спокойствии и безопасности, установившихся в местностях, бывших до того театром аламанских набегов. В этом я имел случай лично убедиться во время моей поездки в Мерв, встречая на пути совершенно безоружных людей, в том числе персиян, и небольшие караваны, шедшие без всякого прикрытия. Большинство населения Мервского оазиса вполне разумно оценивает выгоды нового порядка вещей и сознает, что только мирным трудом оно может достигнуть упрочения и развития своего благосостояния; хотя в среде его и есть незначительная, впрочем, часть людей, с неудовольствием смотрящая на запрещение грабежей и разбоев, но она бессильна, и при настоящем строе администрации должна будет постепенно помириться с новыми условиями жизни.

Если утверждение русской власти на низовьях Мургаба составляет для нас, несомненно, важный политический успех, обеспечивающий дальнейшее внутреннее устройство Закаспийской области и поднятие ее торгового значения, то еще большее влияние приобретает этот факт на отношении к нам соседних туркменских племен и населения пограничных частей Персии и Афганистана.

С этой последней точки зрения положение наше в Закаспийской области усложняется новыми задачами, требующими предварительного обсуждения и установления затем определенной программы действий. Падение самостоятельности Мерва, считавшегося после неудачных походов против него хивинцев и персиян в 1855 и 1860 годах почти неуяз-

вимым оплотом туркменской независимости, произвело слишком глубокое впечатление на ближайшие к нему народности, которое и не замедлило выразиться исканием с их стороны русского подданства или покровительства.

Первое подобное заявление поступило в начале марта сего года от сарыков Иолотанского оазиса, живущих в числе 5400 кибиток, в расстоянии около 60 верст к югу от нынешнего Мерва, т. е. нашего там укрепления. Племя сарыков еще за двадцать семь лет тому назад занимало теперешний Мервский оазис, откуда было вытеснено текинцами в 1857 г; с тех пор оно разбилось на две группы, из коих одна водворилась на Иолотани, вдоль левого берега Мургаба, а другая, числом до 3 тысяч кибиток,—в оазисе Пенде или вернее Пенджэ, близ западной границы Афганистана. Иолотанские сарыки, хотя и бывшие враги мервских туркмен, жили, однако, в последнее время в более или менее сносных с ними отношениях, тогда как пендинские сарыки и мервцы продолжали по временам аламанить друг друга. Весьма естественно, что с присоединением Мерва к России незначительные числом иолотанцы нашли для себя не только выгодным, но и неизбежным подчиниться тому же государству, власть которого добровольно признали над собою 48 тысяч кибиток мервских текинцев. О желании иолотанских сарыков вступить в наше подданство я несколько раз телеграфировал Вашему высокопревосходительству. По прибытии моем в Асхабад я застал там сарыкскую депутацию из главы ее Сары-хана и двенадцати кетхудов, которая представила мне просьбу о принятии иолотанцев в русское подданство. Не получая указаний на мои телеграммы по этому предмету, я взял на свою личную ответственность объявить означенной депутации, что государь император, снисходя к прошению сарыков Иолотани, соизволяет принять их в свое подданство, на которое депутатами и принесена 22 апреля торжественная присяга от имени уполномочившего их населения.

Принимая на себя по необходимости решение этого дела в означенном смысле, я руководился следующими соображениями; сарыки Иолотани, хотя и принадлежат к особому от текинцев туркменскому племени, живут, однако, на территории Мервского оазиса и в слишком близком от Мерва расстоянии, чтобы оставлять их вне административного района последнего. В силу уже этого обстоятельства присоединение иолотанцев к империи почти одновременно с водворением нашим в Мерве не могло иметь, по моему мнению, никакого внешнего политического значения.

Невдалеке от главного поселения этих сарыков находится

разрушенная древняя плотина Бенди-султан, восстановление которой должно составлять одну из главных забот нашего правительства с целью расширить культурную площадь Мервского оазиса. Наконец, через Иолатань пролегает наилучший путь в пределы Афганистана, и чем большим участком этого пути мы владеем, тем, разумеется, больше выгод на нашей стороне в случае могущих возникнуть в будущем обстоятельств.

Иолотанские сарыки приняты в подданство на одинаковых основаниях с мервцами и вошли в состав вновь образованного Мервского округа; ближайшее управление ими оставлено за Сары-ханом на правах участкового начальника. Одновременно с введением у этих сарыков нашей администрации освобождены находившиеся у них рабы, которые уже возвратились на свою родину.

Что касается другой группы сарыков в Пенде, то, как я имел честь сообщить Вашему высокопревосходительству из Асхабада, я уклонился входить с ними в сношения ввиду близкого соседства их с афганской границей. Собственно говоря, оазис Пенде никогда не принадлежал и не принадлежит Афганистану, власть которого не признается живущими там сарыками. Посевы их тянутся по Мургабу и по левому притоку его Кушке. Только вследствие неприязненных отношений, существовавших между мервцами и пендинцами, выражавшихся во взаимных грабежах, последние предпочитали пасти свои стада для большей безопасности от текинцев на землях Герата̀ской области, правителю которой они платили за право пастьбы. По последним известиям, афганский отряд в составе трех батальонов направлен для занятия Пенде, причем афганский хан (какой неизвестно), извещая об этом письмом Кара-батыр-хана Сарыкского, пишет, чтобы сарыки не боялись русских, и если услышат, что последние хотят покорить их или замышляют что-либо против Афганистана, то немедленно дали бы о том знать хану.

Движение это, внушенное, вероятно, афганцам ост-индским правительством, находится, как можно полагать, в связи с начатыми между Россией и Великобританией переговорами о будущей границе нашей с Афганистаном и имеет целью фактическим занятием Сарыкского оазиса доказать права на него афганистанского эмира. Весть о приближении афганского отряда сильно встревожила пендинцев, которые по совету своего хана, согнали свои стада с гор и направили их поближе к Иолотани опасаясь, чтобы афганцы не завладели их скотом. Вместе с тем, сарыки стали готовиться к тому, чтобы в случае появления афганцев бросить свои

места и искать спасения у нас. Воспрепятствовать такому намерению пендинцев я не вижу никакого основания и с приближением их к Иолотани полагаю водворить их, буде возможно, в этом оазисе, допустив, таким образом, фактическое вступление их в русское подданство...[1]

Однородные просьбы с заявлениями сарыков получены мною и от туркмен салоров. Это самое малочисленное и слабое из племен Южной Туркмении, занимавшее еще не так давно окрестности Старого Серахса вдоль по течению реки Теджена, было рассеяно текинцами; лишь два года тому назад, после Геок-Тепинского погрома, часть салоров получила возможность вернуться на прежние свои места, представляющие все удобства для успешной земледельческой культуры. Но персидское правительство, желавшее воспользоваться победами русского оружия, чтобы распространить свое влияние на Мервский оазис, не нашло для себя удобным поселить салоров на правом берегу Теджена, а заставило их водвориться близ Зурабада, в пределах Хорасана. На правом же берегу Теджена решено было устроить линию персидских поселений, и в 1882 г. по приказанию хорасанского наместника начато сооружение крепости Руканабада рядом с бывшим текинским укреплением Коушут-Кала в верстах 15 к северу от Старого Серахса. Впрочем, заселение восточного берега Теджена персиянами в то время не осуществилось, вследствие усилившихся грабежей текинцев, а начатая постройка укрепления остановлена по нашему требованию. Салоры, хотя и переведены на жительство к Зурабаду, сохранили частью свои пашни близ Старого Серахса, уплачивая персидским властям значительную часть урожая..

В таком положении находились дела до подчинения нам Мерва. Событие это, восстановив безопасность в Южной Туркмении, дало новый толчок стремлению персиян к захвату правого берега Теджена. Подобно тому, как занятием Пенде афганцы решились укрепить за собой владение течением Мургаба на плоскости, так и персидское правительство предписало хорасанскому валию приступить к немедленному занятию Старого Серахса, не щадя на то средств. Об этом последнем обстоятельстве я узнал в Асхабаде из телеграммы посланника нашего в Тегеране начальнику Закаспийской области от 13 минувшего мая. Руководствуясь в этом случае взглядом Министерства иностранных дел, сообщенным в секретном письме ко мне начальника штаба от 13 апреля сего года № 15, я предложил генерал-

[1] Далее следует не представляющее интереса описание возможности захвата этого района афганцами.

лейтенанту Комарову впредь до выяснения условий, при которых могло бы быть допущено поселение некоторой части мервских туркмен в окрестностях Старого Серахса, направить туда для водворения на прежних местах остававшихся еще в Мерве салоров в числе духсот душ; для ограждения же их от враждебных столкновений с персиянами в случае, если бы последние решились не допустить поселения этих салоров, я разрешил временно с ними командировать две казачьи сотни. Об этом телеграфировал тогда же Вашему высокопревосходительству и посланнику в Персии.

Пока я не имею еще сведений о ходе заселения окрестностей Старого Серахса мервскими салорами. Нет сомнения, что как только новые поселенцы водворятся, под нашим прикрытием на правом берегу Теджена к ним присоединятся их одноплеменники из-под Зурабада и других мест, по которым они разбрелись после завледения Старым Серахсом текинцами. Земли для посевов и воды в этой местности достаточно вдоволь для всего салорского племени, численность которого, по имеющимся распросным сведениям, не превышает 4 тысяч кибиток. Таким образом, может возникнуть в непродолжительном времени новый оазис на местности, славящейся своей плодородной почвой. Что касается высказанных некоторыми предположений о переводе в окрестности Старого Серахса части текинцев из Мерва или иолотанских сарыков, то, по ближайшим соображениям, мера эта не принесла бы пользы: текинцы и сарыки слишком отъявленные враги с салорами, которые сильно страдали от разбойничьих набегов первых, чтобы мирно ужиться друг с другом при столь близком соприкосновении. К тому же в интересах чисто административного надзора, нам нет никакого расчета разбрасывать текинские поселения по степи; неудобства же, проистекающие от слишком большей скученности населения в Мервском оазисе, устраняются сами собой с расширением культурной его площади в случае устройства новой плотины взамен разрушенной Бенди-султан и с переходом части мервского населения в Нижне-Теджженский оазис, где теперь оставлены свободные земли для новых поселенцев.

С подчинением перечисленных выше туркменских племен нашей власти обеспечилось бы спокойствие обширной территории к югу от Мерва, между границами Персии и Афганистана, представляющей для нас значение и в военно-политическом смысле. Население же этого района приобретает возможность успешно развить свое благосостояние не только земледельческой культурой орошенной полосы, но и скотоводством, для которого имеются богатейшие пастбища между средним течением Мургаба и Теджена.

Не подлежит сомнению, что последствием нашего водворения в Мерве и вероятного с этой стороны усиления сношений наших с Бухарой будет рано или поздно обращение к нам за покровительством или с просьбой о подданстве племени туркмен-эрсари, кочующего в числе 60 тыс. кибиток между Мервским оазисом и Аму-Дарьей. Эти туркмены признают над собой власть бухарского эмира и, подобно остальным своим сородичам, занимались до сих пор нападением на соседей и на проходящие караваны. Они поняли, однако, что продолжать теперь такой промысел нельзя, и по первому требованию начальника Закаспийской области возвратили находившихся у них в плену мервцев и сарыков. Вопрос о непосредственном подчинении эрсаринцев нашей власти, ввиду вассальных отношений к нам бухарского эмира, не представляет пока для нас того решающего значения, какое в политическом смысле имеет утверждение нашего господства над туркменами, соприкасающимися с границами Персии и Афганистана. Тем не менее, нельзя отрицать, что раз силою обстоятельств мы приведены к обладанию Мервским оазисом, соединение под нашей властью всех туркменских племен приобретает неоспоримую важность и составляет лишь вопрос времени...[1]

Эпизод этот[2], равно как и вышеприведенные отношения к нам некоторых туркменских племен, служит наглядным доказательством того значения, какое имеет в этой части Средней Азии появление наше на Мургабе. Чем яснее станут обнаруживаться результаты утверждения русской власти в Туркмении в смысле упрочения спокойствия и безопасности, расширения торговых связей, понятия благосостояния жителей и твердого, но справедливого управления нашими новыми подданными, тем чаще и настойчивее будут заявления со стороны ближайших к нам племен и полунезависимых правителей о принятии их под покровительство России. С неизбежностью такого притягательного влияния сильного, организованного государства на соседние отдельные народности, не связанные между собой идеей политического единства, необходимо считаться, и я нахожу не лишним указать на это обстоятельство ввиду решений, которые могут быть нами приняты в вопросе об установлении границы с Афганистаном.

---

[1] Далее следует не относящееся к теме сборника описание отношений хорасанских ханств к России.

[2] Речь идет о безуспешной попытке правителя Мейхане Делаверхана добиться покровительства России и отказе русских властей ему в этом.

Для полноты картины настоящего политического положения Закаспийской области остается упомянуть об отношении к нам Персии в вопросе о границе. Как известно, назначенная по желанию персидского правительства комиссия для разграничения наших владений в названной области с персидскими не могла до сих пор приступить к выполнению своей задачи вследствие ничем не оправдываемого образа действий тегеранского министерства и персидского пограничного комиссара.

29 ноября прошлого года наш делегат по разграничению получил приказание посланника в Тегеране предварительно проведения на месте граничной черты от Баба-дурмаса к Каспийскому морю, заняться совместно с персидскими комиссарами распределением воды между жителями Атека и соседним населением Хорасана[1]. С тех пор и до прибытия моего в Асхабад, в конце минувшего апреля, между комиссарами обеих правительств состоялось лишь одно соглашение по вопросу о пользовании рудбарской водой двумя персидскими селениями, находящимися в Атеке: Лютфабадом и Шильгяном. Несмотря на настояния нашего делегата продолжать работы в Атеке на основании преподанной обоим комиссарам тождественной инструкции, а также на извещения посланника нашего в Тегеране об отправленных в том же смысле приказаниях персидскому комиссару[2], последний сначала упорно отказывался заниматься делами Атека, а наконец, предъявил полковнику Кузьмину-Караваеву предписание своего правительства, в котором вовсе не упоминалось об обязательном руководстве упомянутой инструкцией при распределении воды и пашен в Атеке[3]. Очевидно, из этого, что персидское Министерство иностранных дел посылало своему делегату совершенно противоположные приказания тому, что было условлено с нашим посланником[4]. Такая недобросовестная уклончивость затягивала дело, вызывая напрасную трату денег и времени, и ставила нашу пограничную комиссию в недостойную роль относительно атекского населения. Между тем, пользуясь достигнутою нашим влиянием безопасностью степи и соблюдением атекцами нашего требования не дозволять себе самовольных расправ с персиянами, последние не только основали новые поселения и расширили свои посевы в верховьях речек, текущих в Атек,

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, по. 1, д. 142, л. 105.

[2] Там же, стр. 106.

[3] Об этом см. там же, л. 107.

[4] Все эти обстоятельства изложены в неопубликуемом нами рапорте Кузьмина-Караваева наместнику кавказскому от 27 апреля 1884 г. (ЦГИА Груз. ССР, л. 229, оп. 1, д. 142, лл. 104—110).

но даже захватили на плоскости никогда не принадлежавшие им земли и засеяли их. Требования нашего комиссара, согласно данной ему инструкции, срыть новые поселения персиян и уничтожить незаконные посевы привели лишь к бесплодной переписке с персидскими пограничными властями, извлекавшими материальные для себя выгоды из земельных захватов в Атеке.

Ознакомившись с положением этого дела, я телеграфировал 22 апреля министру иностранных дел и посланнику в Тегеране, прося заставить персидское правительство немедленно выполнить обязательства конвенции 1881 г. и строго наказать виновных в захвате туркменских земель; засеянный же персиянами на захваченных пашнях хлеб полагал бы передать на удовлетворение нуждающихся атекцев. Таким только способом я находил возможным ослабить впечатление, производимое на жителей Атека бессилием наших агентов добиться от Персии честного исполнения заключенных с нею условий. По получении ответных телеграмм сперва от посланника в Тегеране, а затем и от статс-секретаря Гирса, который известил меня об отправленной с высочайшего одобрения инструкции действительному статскому советнику Мельникову по этому предмету, я, согласно мнению, последнего, предложил начальнику Закаспийской области допустить на этот раз персиян снять посевы с неправильно захваченных ими в Атеке земель, но удержать с них половину урожая в пользу нуждающихся туркмен; при этом объявить также персиянам через подлежащие власти, что если они впредь позволят себе самовольно обрабатывать не принадлежащие им земли в Атеке, то весь засеянный ими хлеб будет конфискован. О таком распоряжении я сообщил телеграммой нашему посланнику в Тегеране.[1]

По этому образчику отношений персидских властей к нашим справедливым требованиям в Атеке можно судить о неудобствах, вытекающих из неопределенного положения, в которое поставлена эта территория пятилетней отсрочкой применения к ней 3-й статьи дополнительного секретного акта 9 декабря 1881 г. Если бы условия, на которых нашим правительством допущена эта отсрочка, в точности соблюдались персиянами, то положение Атека в течение указанного переходного периода могло бы еще быть названо сносным; но, к сожалению, рассчитывать на это невозможно, ввиду того недобросовестного отношения тегеранского правительства к принятым на себя обязательствам и бесконтрольному своеволию пограничных персидских властей.

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 171.

Благодаря, наконец, строгим, решительным настояниям нашего Министерства иностранных дел в Тегеране шахское правительство заставило своего комиссара по разграничению руководствоваться установленной для Атека [по] граничной чертой при распределении воды и обрабатываемых полей между атекцами и персиянами. Но сколько потрачено времени и бесплодных усилий, чтобы достигнуть этого результата, и можно ли еще рассчитывать, что официальное приказание из Тегерана будет в точности исполнено до конца?

В настоящее время жители Атека, считаясь под нашим покровительством, не имеют, однако, среди себя никого из представителей русской власти, к кому могли бы обращаться со своими нуждами и за разбором своих внутренних дел. Для этого они должны адресоваться или непосредственно в Асхабад, или к нашему агенту в Дерегезе, который, в силу данной ему инструкции, не вправе выезжать в Атек без предварительного сношения с нашей миссией в Тегеране и с начальником Закаспийской области. Таким образом, население Атека остается лишенным ближайшего с нашей стороны участия в надзоре за ним и в разбирательстве возникающих в среде его споров и столкновений. Пока на территории Атека находится наш делегат по разграничению, местные жители обращаются во всех своих делах к нему, и он по необходимости должен был принять на себя роль русского начальника в этом крае[1]; но с окончанием его должности там Атек останется в том же неопределенном положении.

Такой порядок вещей должен продлиться еще два с половиной года; между тем ненормальность его и представляемые им неудобства становятся все более ощутительными после занятия нами Теджена и Мургаба[2]. Все наши сношения с новыми административными районами, где уже введено наше управление, происходит через Атек, охваченный теперь с трех сторон нашими владениями, но продолжающий оставаться для нас какой-то запретной страной. Полагаю, что с установлением окончательного соглашения с Персией по вопросу о распределении воды и земли в Атеке тегеранское правительство не стало бы настаивать на продлении переходного положения этой области до конца пятилетнего срока, тем более, что оно ничего не выигрывает, а только создает себе и нам затруднения, влекущие за собой неприятные для обеих сторон препирательства. Как только положение Атека выяснится определенно, т. е. персидское правительство решится признать его русской территорией, то, нет сомнения, прекратятся и своевольные действия погра-

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 46.
[2] Там же, л. 73.

ничных властей Хорасана, которые очень хорошо видят теперь, что мы еще не хозяева в этой стране.

В интересах как нашего политического значения в Закаспийском крае, так и чисто административных требований желательно как можно скорее выйти из ложного положения, в котором мы находимся по отношению к Атеку. Если же какие-либо мне неизвестные, веские соображения не дозволят в настоящее время вступить в полное обладание Атеком наравне с остальными местностями Закаспийской области, то я полагал бы: оставив за нашим агентом в Магомедабаде общий надзор над атекскими делами, поскольку они касаются пограничных отношений к Хорасану, поручить наиболее влиятельному и надежному из почетных лиц Атека ближайшее заведывание населением оного под руководством Закаспийского начальства. Этим, по крайней мере, устранилось бы до известной степени неудобство, ощущаемое ныне атекцами от отсутствия у них какой-либо организованной администрации, могущей служить посредником между ними и русской властью в Асхабаде[1]...

В заключение настоящей записки позволю себе привести некоторые общие мысли о политическом для нас значении Закаспийской области и соображения по вопросу об установлении границы с Афганистаном.

Появление наше пятнадцать лет тому назад на юго-восточном побережье Каспия возбудило уже в то время некоторую тревогу в Англии, преимущественно в среде присяжных ост-индских политиков и стратегов, усматривавших в этом факте первый шаг к осуществлению наших коварных замыслов на великобританскую Индию. С тех пор хотя неоднократно повторялись алармистские возгласы в лондонской печати и запросы в парламенте по поводу наших действий в Закаспийском крае, но они большей частью служили лишь предлогом и средством для политических противников кабинета в борьбе с последними. Да и положение в то время наших дел в названном крае скорее говорило против, чем в пользу приписываемых нам намерений. Но, начиная с 1881 г., когда серьезное направление, приданное нашему движению в Туркмении, обнаружило твердую решимость правительства прочно обеспечить за собою обладание Текинским оазисом, а блестящий исход Геок-Тепинской экспедиции отразился расширением русского влияния далеко за пределы завоеванного края,—опасения Англии возникли с новой силой. Теперь, наконец, после мирного присоединения к России Мерва и занятием нами Старого Серахса британское правительство пытается положить предел распространению нашего престижа в Средней Азии в ущерб его собственному посредством установления границы между нашими владениями и Афганистаном.

[1] Далее следует не относящееся к теме сборника описание экономического развития области и прилегающих к ней ханств Хорасанской провинции.

Насколько этот новый опыт соглашения с Англией в Средней Азии будет удачнее предшествовавших, я судить не могу, так как мне совершенно неизвестны основания предполагаемого соглашения, о котором до меня доходят сведения лишь из английских газет. Однако, несомненно, что теперь более, чем когда-либо, Англия находится под влиянием преувеличенного страха за свою ост-индскую колонию. В этом смысле успешное и неожиданное для Европы разрешение мервского вопроса принесло нам, по моему мнению, неоцененную пользу, и занятое нами теперь положение в Закаспийской области приобретает первостепенную важность. Нам приписывают грандиозные замыслы, о которых безрассудно помышлять при нынешних условиях, и делают из России политическое пугало перед лицом отуманенного общественного мнения Англии. Тем, может быть, лучше для нас; принимая на себя навязываемую ей грозную маску, России выгодно теперь сознательно разыгрывать соответственную в этой маске роль и, искусно пользуясь ею, заставлять Англию быть сговорчивее в других существенных для нас вопросах европейской политики. Сознаваться гласно, что мы вовсе не так предприимчивы и страшны, как нас рисует болезненное воображение известной партии, претендующей на специальное руководство британской политикой в Азии, нет никакого расчета. Мне кажется, напротив: чем более англичане под влиянием тревожных опасений за Индию будут увлекаться в рискованные и дорогостоящие предприятия, вроде занятия Кандагара и Герата и укрепления этих пунктов, тем слабее они станут и тем выгоднее для нас. С другой стороны, близкое теперь соседство наших владений с Афганистаном дает нам всегда возможность в случае надобности иметь известное политическое влияние на эмира и население, в особенности если Англия неосторожно дозволит втянуть себя в глубь этой страны. Отрешаясь от всяких несбыточных пока мечтаний о походе в Индию, мы все-таки находимся теперь несравненно в лучших условиях для того, чтобы создать затруднения англичанам в Средней Азии, чем были до присоединения Мерва и Серахса. Указываю на это не потому, чтобы в том только заключалась наша задача, а лишь как на факт, который следует эксплуатировать для достижения наших политических целей.

Если бы английское общественное мнение, часто влияющее на решения правительства, не страдало бы боязнью русского нашествия на Индию, то, конечно, мы могли бы заботиться об одних лишь мирных задачах в Средней Азии, и тогда соглашение с Англией на этой почве не представило бы затруднений. Быть может, и железная дорога от Инда к Кветте, на продолжении которой к Кандагару и даже к Герату настаивают некоторые голоса в лондонской и ост-индской прессе, вошла бы со временем в связь с нашим рельсовым путем, проложенным навстречу через Серахс, Россия стала бы к явной для себя выгоде, связующим звеном между Европой и Индией. Но пока нет никаких намеков на подобное миролюбивое разрешение среднеазиатского вопроса, до тех пор нам следует все-таки стараться извлечь наибольшую пользу из теперешнего положения нашего в Закаспийском крае на случай возможных с Англией усложнений.

Здесь главное внимание обращает на себя вопрос о будущей границе с Афганистаном...[1]

Генерал-адъютант Дондуков-Корсаков.

ЦГВИА, ф. ВУА/с. оп. 2, д. 31, лл. 3—39[2].

№ 428

Копия письма туркмен-салоров наместнику Хорасана о добровольном принятии ими русского подданства

13 июня 1884 г.[3].

Да быть жертвами у подножной земли Вашей, обсыпанной драгоценностями.

Заявление рабов Ваших, а именно жителей общества салоров, заключается в следующем: что три года тому назад мы переселились в Серахс, который служил нашей землей в продолжение 1000 лет. Между тем, несмотря на это, покойный Сепахсалар, по совету хорасанских ханов, выселил нас силой из Серахса в Зурабад, где мы без земли и воды с большими трудами и мученьями жили в течение 3-х лет. Вследствие этого крайняя нужда заставила нас броситься везде, где только возможно производить распашки хоть с половиной части урожая, что мы сделали и в настоящем году. Бедные жители ведь не могут жить при таком порядке и даже не

[1] Далее следует описание возможной русско-афганской границы.

[2] Дубликат документа см. в ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 196—210 и в ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. 2, д. 710, лл. 3—30.

[3] Документ не датирован: дата определена по другим документам (ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 226—227).

следует оставаться при таком положении. Мы видели добро в Каджарском (персидском) правительстве, против которого неудовольствия не имеем[1]. В прошлом году прибыл шахиншах Наср эд-Дин-шах, [к] которому мы отправились для устройства положения нашего улуса, но, к сожалению, его величеству не могли заявить о своих нуждах, а лишь только ограничились одними поклонами. Когда же мы собрались отправиться к присутствию его величества с заявлением, то заградили нам дорогу к воротам и не допустили нас для исполнения своего желания. Заявления же наши одному Вашему высочеству не повели ни к чему и остались без результата. Но только, вместо этого, Вы поставили над нами начальника, Носрет ул-Мулк Али Мардан-хана, как человека ростом короткого, беспокойного и вооружающего брата против брата и который своим действием возбудил вражду и неудовольствие среди населения улуса. Названный Али Мардан-хан невинных двух кетхуд наших отправил в Мешхед, где их содержали под арестом около 5 месяцев. Хотя мы неоднократно обращались с просьбами к Али Мардан-хану, чтобы он оставил свои выходки, но будучи силен властью, не обращал никакого внимания и делал, что ему хотелось, по своему произволу. Хотя мы жили, как в гостях, пять дней, но зато содержали хорасанские войска и если б не встречали притеснений. то остались бы здесь и продолжали служить по-прежнему. При всем том мы заранее имели предположение такое, что при первом появлении русских войск собрать всех жителей и явиться к ним; слава богу, что мы сегодня достигли ожидаемой нами цели и доставили к ним жителей улуса, с которыми будем жить совместно, подчиняясь воле и власти русских. Правительство русское, снисходя к нашему жалкому положению, сохранит свое великое имя. Так как русские принимают под свое покровительство народ суннитов, то мы, будучи также в ряду суннитов, надеемся, что не устранят нас от себя. Более заявить не имеем. Воля Ваша...[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 228—229.

№ 429

Рапорт начальника Мервского округа начальнику Закаспийской области о положении в Пендинском оазисе

27 июня 1884 г.

В дополнение рапорта моего от 23 сего июня за № 236 имею честь донести Вашему превосходительству, что коллежский советник Регель возвратился из Пенде в Мерв и сего числа

[1] Вероятно, речь идет о тех сравнительно мирных условиях, в которых жила эта часть салоров при прежних правителях.

[2] К документу приложены печати 17 ханов. кетхудов, духовных лиц и старшин салоров.

выехал обратно в Туркестан. Он просидел в Пенде под стражей 7 дней и освобожден под условием возвратиться назад. Распоряжение это получено из Герата, где, по сведениям Регеля, афганцы совещались по сему предмету с английским резидентом. Лично с Аманулла-ханом Регель не виделся, хотя оба жили очень близко: начальствующие лица из афганцев боятся быть заподозренными в сношениях с русскими. Хан занимал Пенде небольшою частью конницы, но во время пребывания там нашего врача туда же спустился с афганских предгорий и расположился в старом Пенде, в двух верстах от нового, сам джарнейль с некоторой частью пехоты. Общая цифра афганских войск в этой стране не превышает 500 человек. Население оазиса враждебно настроено против афганцев. Оно желает прихода русских и, в противном случае, будет просить у нас разрешения перекочевать в Иолотань. Пенде — страна бедная, совершенно непригодная для земледелия, по словам Регеля, и сарыки, преимущественно скотоводы, приютились там единственно из боязни бывших текинских набегов. Весь хлеб идет туда из Мерва.

И. д. начальника Округа подполковник Алиханов

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5204, лл. 14—15.

№ 430

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о положении в районе Серахса

28 июня 1884 г.

В отсутствие мое из области от и. д. начальника Мервского округа получен рапорт за № 304, в коем подполковник Алиханов, между прочим, донес: во-первых, что Старый Серахс, Рукнабад, Коушут-хан-Кала и весь правый берег Теджена занят нами; во-вторых, что туркмены салоры в числе около 3300 семейств или 16000 душ переселены на правый берег Теджена, поселены кругом Старого Серахса, и у них учреждена выборная администрация; в-третьих, что персидскому губернатору Нусрат уль-Мульку сообщено о порядках, установленных в Серахсе, и об условиях, необходимых к соблюдению для согласного существования соседей; в-четвертых, что на случай возникновения дипломатической переписки, к разъяснению обстоятельств дела о переселении салоров могут служить два документа: а) просьбы представителей салоров на мое имя и б) письма тех же лиц к хорасанскому наместнику Рукн уд-Довле.

Об изложенном донося Вашему сиятельству для сведения и представляя на Ваше усмотрение копии с вышеупомянутых документов, присовокупляю, что такие же копии я вместе с сим счел долгом препроводить и посланнику нашему в Тегеран.

Начальник области генерал-лейтенант Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 225.

№ 431

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о желании туркмен района Лютфабада перейти в русское подданство

11 июля 1884 г.

Российский императорский комиссар по разграничению Закаспийской области с Персией полковник Кузьмин-Караваев доносит, что жители персидских селений Мир-Кала и Шор-Кала, лежащих близ Лютфабада, исповедующие все сунитскую веру и родом туркмены, заявляли ему не раз о своем желании перейти в русское подданство; в настоящее же время они через своих старшин заявили просьбу о дозволении им выселиться из своих селений, дабы выйти из-под власти дерегезского хана и поселиться в Атеке, приняв русское подданство[1]; число жителей в обоих названных селениях около 120 дворов.

О вышеизложенном доношу Вашему сиятельству на разрешение, присовокупляя, что, по сообщению же полковника Кузьмина-Караваева, после распределения им воды между туркменскими селениями Атека и пограничными персидскими селениями получилась возможность значительно увеличить народонаселение Атека[2].

Начальник области генерал-лейтенант Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 236.

---

[1] Это ходатайство было отклонено (см. документ от 16 августа 1884 г.).

[2] В конце документа помета: «Отвечать, что по докладу этого рапорта главноначальствующий не признал удобным возбуждать в настоящее время ходатайство о разрешении жителям селений Мир-Кала и Шор-Кала переселиться в пределы Атека, подлежащие в конце 1886 г. присоединению к империи, дабы не усиливать этим вопросом тяжкого впечатления, произведенного на шаха занятием районов Старого Серахса 6/VIII.

№ 432

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о добровольном переселении салоров в русские пределы и занятии русскими войсками Серахса

22 июля 1884 г.

Доношу Вашему сиятельству о результате поездки подполковника Алиханова в Старый Серахс.

Алиханов выехал из Мерва 28 мая сего года с двумя сотнями Кавказского конного полка, с коими и прибыл к правому берегу Теджена 31-го числа против Серахса, причем казаки расположились в Коушут-хан-Кале, а Алиханов с милиционерами—перед воротами Рукнабада; приход русских был столь неожидан, что в Рукнабаде в это время не было даже персидского караула; только на 2-й день из Нового Серахса прибыл в Рукнабад с двумя сарбазами персидский офицер, поставивший часового над воротами, после чего явился к Алиханову с приветствием от новосерахского комендапта Хейдар Кули-хана. Офицеру этому было поручено осведомиться о цели появления русских на персидской земле, на что Алиханов объяснил, что весь правый берег Теджена занят нами, как часть Мервского округа. После этого офицер уехал и забрал с собою часового, попросив, впрочем, снабдить его бумагой к сартибу о цели нашего прихода, но Алиханов отказал; затем Алиханов отправил письмоводителя Молла Саата[1] и нескольких джигитов на левый берег Теджена, чтобы пригласить сарыкских старшин; на следующий день они явились в числе около 20 человек с Мухамед Теке-ханом во главе и высказали, что давно желают быть русскими подданными. Алиханов объявил им, что ему не дано права переходить на левый берег Теджена с целью прикрывать их выселение на правый, но он будет защищать их на нашем берегу, если они сами сумеют выселиться сюда тем или другим путем. Старшины, рискуя подвергнуться преследованию персов, решились во что бы то ни стало перейти к нам и просили указать отводимые им земли, во исполнение чего Алиханов вместе с ними объехал весь орошаемый Серахский район правого берега реки до Кизыл-Кая и разделил эту площадь приблизительно на две равные части: юго-восточную отвел салорам, а северо-западную оставил для будущих переселенцев из Мерва. Каждая из этих половин, по мнению самих туркмен, достаточна для заселения 10.000 кибиток, вследствие чего Алиханов объяснил им, что он столь громадный район отводит им только на первый год и что начальство оставляет за собою право сделать впоследствии другое распределение земель, более правильное и более согласное с действительными нуждами населения. Старшины, оставшись довольными, уехали, чтобы приступить к переселению, а Теке-хан объявил, что он не только переселит сюда всех персидских салоров с Зурабада, но в недалеком будущем доведет численность серахского населения до 10000 кибиток, перетянув к себе всех своих родичей из окрестностей Маймене и Чарджуя. Теке-хан с сотнями кибиток салоров перешел утром 5 июня на правый берег Теджена и расположился с ними около древнего Серахса, но главная масса салоров, около 1500 кибиток, поднялась с Зурабада только 8 числа с громадным количеством овец, верблюдов и рогатого скота и двинулась по направлению к Кизыл-Каю, причем для сокращения пути переправилась вплавь через реку, вследствие слуха, что по пятам их идет из Мешхеда губернатор Нусрат уль-Мульк Али Мардан-хан с сотнями всадников и с двумя орудиями. Узнавший об этом 9-го числа Алиханов выступил из Рукнабада с обеими сотнями казаков и стал между переселенцами и Али Мардан-ханом, ввиду чего последний спокойно проследовал по левому берегу реки в свое укрепление, где прежде всего посадил на цепь трех офицеров, как виновных в передаче русским Рукнабада; а затем Алиханов передвинул казаков к древнему Серахсу с тем, чтобы взвод их, меняющийся через каждые 3 дня, охранял Коушут-хан-Калу и Рукнабад. 12 числа прибыли последние салоры, и численность их простирается в настоящее время до 3250 семейств; 13-го числа Нусрат уль-Мульк прислал к Алиханову Сартыба Багир-хана с известием, что его начальник желает видеться с Алихановым, но не знает, как устроить это удобнее для того, чтобы сохранить достоинства обеих сторон: один ли из них поедет к другому, или свидание состоится где-нибудь в средине, в заранее разбитой палатке; на это Алиханов ответил ему, что его достоинство нисколько не пострадает от поездки к персидскому генералу, и в этот же вечер со своими офицерами поехал к Нусрат уль-Мульку в Новый Серахс, где был встречен со всеми знаками персидского этикета. Али Мардан-хан главнейшим образом беспокоился за участь своей пшеницы, которую он посеял в доле с салорами тысяч на десять руб. на левом берегу Теджена и вдвое более на правом. Алиханов обещал ему, что салоры не удержат ни зерна из следуемой ему по условию пшеницы, если и он, с своей стороны, обяжется исполнить следующее:

1. Освободить трех пленных текинцев, содержащихся в Серахсе. 2. Возвратить сто текинских верблюдов, неправильно

[1] Так в тексте; видимо, «Молла Сохата».

задержанных им в январе. 3. Разрешить салорам, переселившимся к нам, забрать все оставшееся имущество в Зурабаде и снять там свою долю посевов. На все эти условия Нусрат уль-Мульк согласился и пленных прислал в тот же день, а старшинам своим отдал приказ о сборе верблюдов и препровождении их в Старый Серахс для передачи хозяевам; при этом хан обязался выдать за каждого павшего верблюда денежное вознаграждение в размере 80 руб., а относительно 3-го пункта дал письменный приказ, с которым Алиханов отправил в Зурабад около 600 салоров, снабдив их как русскоподданных письменным видом. На другой день Али Мардан-хан посетил Алиханова в Старом Серахсе, и этим кончились и личные сношения.

К 15-му числу обе казачьи сотни были расположены у Старого Серахса в просторных шалашах, построенных из тедженского леса, и обеспечены месячным продовольствием. Заведующего 2-мя сотнями Кавказского конного полка сотника Фанчинова подполковник Алиханов ознакомил с его будущим образом действий и снабдил письменной инструкцией, после чего Алиханов вернулся в Мерв.

В настоящее время вокруг Старого Серахса сгруппировалось население до 16000 душ обоего пола; цифра эта будет возрастать вследствие переселения майменских и чарджуйских салоров, ожидающих на это разрешения русского начальства.

Начальник области генерал-лейтенант Комаров.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 234—234а.

№ 433

Отношение командующего войсками Кавказского военного округа министру иностранных дел о принятии туркмен-салоров в русское подданство

3 августа 1884 г.

Среди салоров, водворившихся на правом берегу Теджена, к югу от Старого Серахса, значительное большинство которых переселилось к нам из Зурабадского района, введено и действует наше управление. Благоволите испросить высочайшее соизволение на принятие этих салоров, согласно их просьбе, в русское подданство, что признаю необходимым сделать теперь же, дабы в силу совершившегося факта устранить всякие пререкания при предстоящем разграничении.

Князь Дондуков.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 230.

№ 434

Отношение командующего войсками Кавказского военного округа директору Азиатского департамента министерства иностранных дел о переселении салоров в русские пределы и принятии ими русского подданства

4 августа 1884 г.

Сегодня я отправил министру иностранных дел (для выиграния времени и ввиду пребывания персидского чрезвычайного посла в Петербурге) телеграмму по вопросу о принятии салоров, поселившихся на правом берегу Теджена в окрестностях Старого Серахса, в подданство России[1]. Настоящим письмом считаю нужным выяснить всю важность этого вопроса следующими соображениями: как известно Министерству, вблизи Старого Серахса несколько лет тому назад поселилась часть туркменского племени салор, рассеявшегося по разным местам Туркмении после бывших в ней междуусобиц. По распоряжению хорасанских властей, салоры эти были вслед за тем водворены в персидских пределах близ Зурабада, но сохранили за собой пользование своими пашнями на Теджене. Когда в нынешнем году решено было занять Старый Серахс, туда направлены были для поселения салоры, оставшиеся в Мерве, и для ограждения их от притеснений со стороны персидских властей в прикрытие переселенцев назначено было мною две сотни казаков, и поныне находящиеся у Старого Серахса. Одновременно с этим переселением однопленные салоры, водворенные на левом берегу Теджена, около Зурабада, поспешили возвратиться на прежние места у Старого Серахса, чтобы избавиться от поборов и притеснений персидского правительства.

В настоящее время у Старого Серахса поселено примерно до тысячи семейств, у них учреждено участковое управление с ханом во главе, распределена земля и вода для орошения; и этот оазис, по примеру Мервского, Иолотанского и вновь заселенного нами у Карры-Бенда Тедженского, пользуется полной безопасностью и спокойствием. Весьма естественно, что разбросанные было салоры, сгруппировавшись теперь на местах прежнего их жительства, выражают желание принять подданство России и тем окончательно обеспечить свою будущность.

Разрешение этого вопроса вытекает из силы обстоятельств, и именно в настоящее время, ввиду предстоящего разграничения наших владений в Туркмении, оно приобретает в глазах моих особое практическое значение. Дело водворения салоров на своих землях у Старого Серахса, с учреждением меж-

ду ними нашего управления, требует теперь только принятия ими русского подданства, чтобы получить характер окончательно совершившегося факта и положить предел как англичанам, так и персиянам к какому-либо оспариванию в этой местности нашей новой границы. Что же касается до могущих еще быть южнее Серахса отдельно разбросанных салорских семейств, как равно и туркмен племени сарык, обитающих в оазисе Пенде на границах Афганистана, то весьма естественно, что об этих туркменах не может быть речи до окончательного определения наших новых границ.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы напомнить о высказанном Вами при последнем свидании предложении сообщить мне ответ Министерства на мою записку по делам Закаспийской области. Я считаю крайне необходимым для будущего своего руководства и соображений иметь взгляд Министерства по делу, приобретающему особую, по мнению моему, политическую важность для нашего положения в Средней Азии при той относительной сговорчивости, которую можно ожидать от Англии, ввиду настоящих ее политических затруднений в египетском вопросе.

Позвольте также рассчитывать на скорое доставление мне обещанной дипломатической переписки по разграничению с Афганистаном, которую просил бы сообщить мне и впредь по мере хода переговоров, дабы я мог согласовать с ними свои распоряжения по Закаспийской области.

Прошу принять уверение в истинном к Вам почтении и совершенной преданности.

Князь Дондуков-Корсаков.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 231—232.

№ 435

Рапорт начальника Мервского округа начальнику Закаспийской области о засылке в Мерв афганцев — английских агентов

15 сентября 1884 г.

Проживавший в г. Бухаре у караванбаши Абдул-Хакима афганский лазутчик, торговец Какафиз, в Мерве не был. Он действительно уроженец Кабула и родственник гератского начальника Мухаммед Сервер-хана, но 22 минувшего августа выехал из Бухары и вместе с нашим караванбаши из сарыков Аман Гельды проследовал по степной дороге прямо в Иолотань с товаром на нескольких верблюдах. Так как в Иолотани Какафиз отговаривался от уплаты пошлины с провозимых им товаров, Сары-хан запросил меня как поступить с ним.

Я приказал взыскать пошлину, что и было исполнено. После этого Какафиз объявил, что имеет дело в Пенде к Аманулла-хану и беспрепятственно выехал туда 10 сентября, так как до получения предписания Вашего превосходительства за № 83 я не имел основания заподозрить в нем афганского лазутчика. Иолотанский караванбаши Аман Гельды, человек внушающий доверие и обязанный нам своим освобождением из эрсаринского плена, заявил мне, что как в Бухаре, так и в пути, и в самом Иолотане Какафиз нисколько не обнаружил свои агитаторские цели, если они и существовали.

Одновременно с Какафизом выехал из Бухары уроженец Герата Ходжа Вали, которого я знаю лично, так как он был в Мерве два месяца тому назад и обращался ко мне с просьбой о размене нескольких тысяч кранов на русские кредитные билеты. В просьбе ему было отказано и предложено обратиться для этого на базар. Ходжа Вали, человек лет 50, направился прямо в Мерв и остановился здесь у брата караванбаши Аман Кёра, я узнал, что последний упрекал своего брата за то, что он дал приют такому «темному афганцу», как Ходжа Вали. Сверх того я узнал, что упомянутый афганец привез с собою некоторое количество товара, но ничего не понимает как в его стоимости, так и вообще в деле торговли: он передал весь свой товар брату Аман Кёра, поручив ему продать его «как ему заблагорассудится». Гератские евреи, торгующие в Мерве, называли Ходжа Вали саибом (офицер, господин). Считая на этих основаниях Ходжа Вали личностью несколько подозрительной, я счел нужным арестовать его тем более, что преданные нам мервцы объясняют его появление здесь не иначе как целями агитаторскими.

Донося о вышеупомянутом Вашему превосходительству, имею честь доложить, что буду ожидать предписания Вашего о том, как поступить с афганцем Ходжа Вали.

И. д. начальника Округа подполковник Алиханов

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5208, лл. 3—4.

№ 436

Из письма министра иностранных дел российскому посланнику в Иране о русско-иранских отношениях вокруг Старого Серахса

15 сентября 1884 г.

Как известно Вашему превосходительству, главная цель возложенной шахом на Яхья-хана Мушир уд-Довле миссии заключалась в изыскании способа улажения вопроса о Старом Серахсе.

Из сообщений Яхья-хана мы имели полную возможность убедиться, что благодаря принятой нами твердой решимости не признавать за Персией ее мнимых прав на означенную местность, первоначальный взгляд тегеранского кабинета на вопрос этот существенно изменился. Правда, персидский посол заявил было нам сначала, что шах желал бы, чтобы Старый Серахс или был уступлен Персии или же был бы признан нейтральной местностью; но после отказа нашего войти в рассмотрение этих двух предложений Яхья-хан не решился на них настаивать и ограничился выражением желания, чтобы отряд наш хотя бы на несколько месяцев был удален от правого берега Теджена. Заявление это ясно доказывало, что шах ищет лишь средства покончить дело это с наименьшим ущербом для своего самолюбия, которое не может примириться с мыслью о неудаче, постигшей его честолюбивые замыслы. Как ни мало практической пользы могла представлять предложенная Яхья-ханом мера для Персии, при всем том государю императору, во внимание к услугам, оказанным нам персидским правительством как во время экспедиции против текинцев, так и при разграничении, благоугодно было объявить послу на прощальной аудиенции, что к удовлетворению желания шаха будет приложено надлежащее старание, но лишь тогда, когда наступят благоприятные для этого условия, оценка коих будет всецело зависеть от благоусмотрения правительства его императорского величества.

Независимо от этого, во исполнение высочайше преподанных мне указаний, я при объяснениях моих с Яхья-ханом не преминул поставить ему на вид всю шаткость и несостоятельность притязаний шаха на Старый Серахс. Я напомнил ему, что ранее усмирения нами текинцев и мервцев правый берег Теджена был совершенно недоступен для Персии, что до прихода отряда нашего под начальством полковника Алиханова Старый Серахс представлял лишь пустыню и что более чем сомнительно, чтобы Персия, ввиду ограниченности ее населения, могла извлечь какую-либо пользу из этой местности, тогда как в пределах Хорасана заключаются обширные округи, которые когда-либо были населены, но которые в настоящее время покрыты одними развалинами, свидетельствующими о гибельных последствиях туркменских набегов. Персии, — присовокупил я,—если только она в состоянии уделять средства на развитие благосостояния своих окраин, следовало бы прежде всего обратить внимание на заселение этих округов, а никак не добиваться бесплодного расширения ее территории на счет степей, которые сделались доступны благодаря успехам русского оружия и на которые поэтому императорское правительство имеет неоспоримые права. Я дал при этом понять Яхья-хану, что Старый Серахс по своему географическому положению весьма удобен для наблюдения за степными населениями, которые нам приходится держать в повиновении с весьма ограниченными военными силами, и что обстоятельство это, послужившее главною побудительною причиною высылки туда нашего отряда, вполне отвечает интересам персидского правительства, нуждающегося прежде всего в безопасности своих окраин.

Все эти соображения Яхья-хан обещался представить на благоусмотрение шаха.

Ввиду вышеизложенного я нахожу, что Вашему превосходительству в беседах Ваших с шахом и его министрами нет необходимости затрагивать вопроса о Старом Серахсе и что в случае, если вы будете вызываемы на объяснения по этому предмету, Вам надлежит в точности придерживаться смысла слов, сказанных государем императором Яхья-хану, и затем напоминать персиянам и изъясненные выше соображения, ясно доказывающие полную неосновательность притязаний персидского правительства. Держась этого образа действий, мы скорее побудим правительство это отказаться от означенных притязаний, которые мы не в состоянии удовлетворить, нежели при помощи предложенного Вами в депеше от 12 июня № 50 и в письме от 26 того же месяца способа, заключающегося в предоставлении обоюдным комиссарам по разграничению рассмотрения вопроса о Старом Серахсе. Совместные исследования комиссаров не могут пролить нового света на вопрос этот, и Вы сами предвидите невозможность соглашения между ними, а следовательно, и мера эта не только не может повести к каким-либо благоприятным результатам, но, напротив того, она дает только новую пищу притязаниям шахского правительства.

Толкования, придаваемые персиянами секретным статьям конвенции 9 декабря 1881 г., совершенно не соответствуют ее смыслу и притом толкования эти теряют всякое значение ввиду того неоспоримого и веского факта, что не только Старый Серахс, равно как и остальное степное пространство на восток от Теджена, обеспечен от присутствия хищнических шаек туркмен благодаря лишь успехам нашего оружия, но что даже безопасностью своих собственных фактических границ Персия обязана исключительно тем же самым успехам, без которых окраины ее и до сих пор продолжали бы служить обычной ареной подвигов означенных шаек...[1]

Примите и пр. Гирс.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 249—253.

[1] Далее следует не представляющее интереса добавление о доброжелательности Яхьян-хана Мушир Уд-Довле к России и его роли в регулировании русско-иранских отношений.

№ 437

Из отношения командующего войсками Кавказского военного округа военному министру об административном устройстве и штатах Мервского и Тедженского округов

4 октября 1884 г.

При обсуждении в Петербурге в начале сего года условий присоединения к империи Тедженского и Мервского оазисов решено было на совещании у министра иностранных дел организовать управление в этих местностях применительно к таковому же, действующему в уездах Закаспийской области, образовав из присоединенных территорий два округа: Тедженский и Мервский. Для покрытия же неотлагательных расходов по содержанию сих управлений, впредь до более точного выяснения наших административных потребностей в означенных районах, мною, с согласия Вашего высокопревосходительства, открыт был в распоряжение начальника Закаспийской области кредит в 20 тыс. рублей из § 4, ст. 2 текущей сметы Главного штаба.

На основании вышеизложенного учреждены были приказом по Закаспийской области от 8 февраля сего года за № 27 окружные управления на Теджене и в Мерве, согласно временным в них штатам, в копии при сем прилагаемым.

Последующие события, как известно Вашему высокопревосходительству, привели к распространению нашего господства на юг от Мервского округа, присоединением к империи Иолотанского оазиса и утверждением нашим на среднем Теджене в окрестностях Старого Серахса. Ближайшее управление населением обоих этих районов оставлено пока за туземными ханами под руководством и наблюдением начальника Мервского округа.

Ваше высокопревосходительство, вероятно, изволите согласиться, что такая организация управления могла быть допущена лишь на первых порах как в видах политической осторожности, так и во избежание слишком больших расходов. Но в таком новом для нас крае, как только что присоединенный Мервский округ, административные задачи по устройству оного растут с каждым днем, а политические отношения постепенно усложняются благодаря соприкосновению с Персией и Афганистаном. Личный состав управления Мервского округа, из начальника оного и его помощника, является уже теперь слишком недостаточным, ввиду присоединения к этому округу Иолотанского и Серахского районов, число населения в которых заметно возрастает, вследствие перехода под наше покровительство сарыков отделения пенде и салоров из Персии. При относительной удаленности Мерва от границ Афганистана и от Серахса немыслимо предоставлять далее попечение о наших интересах в Иолотане и на Среднем Теджене исключительно одним туземным ханам, в особенности ввиду могущих возникнуть в этих местностях серьезных обстоятельств в связи с предстоящим разграничением с Афганистаном. Необходимо, чтобы на Иолотане и в Серахсе, кроме туземных ханов, постоянно находились русские начальники, которые были бы в состоянии с большим умением следить за совершающимися событиями, взвешивать значение их для наших политических видов, вести дело устройства местного населения, согласно указаниям высшей администрации, и вообще служить разумными и деятельными помощниками начальнику Мервского округа на южных пограничных окраинах.

Руководствуясь этими соображениями, я признавал бы необходимым, согласно представлению начальника Закаспийской области, учредить теперь же в Мервском округе два приставства: Иолотанское и Серахское с приставами из офицеров немусульманского вероисповедания, оставив за получающими от казны содержание туземными ханами роль помощника и пристава...[1].

Генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков.

ЦГИА Груз ССР, ф. 229, оп. 1, д. 59, лл. 13—14[2].

№ 438

Отношение Туркестанского генерал-губернатора командующему войсками Кавказского военного округа о ходатайстве туркмен-эрсаринцев принять их в русское подданство и отказе им в этом

8 октября 1884 г.

В начале минувшего сентября прибыл в Ташкент туркмен племени эрсари Гельды Кок и заявил, что он привез письмо для г. туркестанского генерал-губернатора от старшин эрсаринского народа, выражающее желание этого племени принять русское подданство.

Туркмены-эрсари уже до сего заявляли косвенными путями о своем желании перейти из бухарского подданства, в

[1] Далее следуют не представляющие интереса рассуждения о штатах этих двух приставств и средствах на их содержание.

[2] Дубликат документа см. ЦГВИА, ф. 400, д. 8, 1884—1893 гг., лл. 197—201.

коем они считаются, в русское подданство. Гельды Кок не раз бывал в Ташкенте и известен как отъявленный враг бухарского правительства, которое, воспользовавшись в минувшем году проездом его через Бухару, подвергло его заключению, из коего он был освобожден благодаря настояниям русской власти.

Имея в виду, что в настоящее время отношения императорского правительства к бухарскому эмиру вполне дружественны и соответствуют нашим интересам и что со времени присоединения Мерва к русским владениям на левом берегу Аму-Дарьи установились спокойствие и безопасность и не произошло каких-либо событий, требующих вмешательства русского правительства, г. туркестанский генерал-губернатор не признал возможным принять ни самого Гельды Кока, ни привезенное им заявление эрсаринцев.

Вследствие вышеизложенного Гельды Кок выехал в начале текущего месяца из Ташкента обратно на Аму-Дарью.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 285.

№ 439

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о засылке английской разведкой своих агентов в Мерв

9 октября 1884 г.

Посланник Мельников из Тегерана сообщил мне телеграммой от 11 минувшего сентября, что некто Джансуз-хан разъезжает под именем Измаила по Мерву и Серахсу и бывает даже в Астрабаде для собрания сведения по поручению английского агента в Мешхеде Мирзы Аббас-хана. Вследствие этого я предписывал и. д. начальника Мервского округа и ахал-текинскому уездному начальнику принять меры предосторожности относительно этого лица. Ныне и. д. начальника Мервского округа подполковник Алиханов доносит, что одновременно с поручением моего предписания он узнал о том, что в Мерв несколько часов перед тем прибыли из Мешхеда и уже побывали на базаре семь человек, по типу и костюму афганцы и персы. При личном их опросе подполковником Алихановым они дали о себе следующие сведения.

Один назвал себя Хаджи Низам ед-Дином Мирза-хан-оглы, родом кабулец, был нукером у Ширали-хана и начальником 20 всадников; в качестве хана управлял провинцией и затем, оставив службу, отправился в Мекку, где прожил 7 лет. Теперь направляется в Бухару для поклонения могиле

Баха ут-Дина, после чего думает возвратиться на родину по берегу Аму-Дарьи через земли эрсаринцев и Балх.

Второй, Мирза Мухаммед Осман Мирза-хан-оглы, называет себя родным братом предыдущего, хотя не имеет с ним ни одной сходной черты. Был нукером у Ширали-хана. Из Кабула выехал 5 лет назад с сардаром Мухаммед Гашим-ханом; ныне следует за братом.

Третий, Хаджи Камиль Яр Мухаммед-хан-оглы, уроженец Кабула. Называет себя торговцем. Год назад выехал в Мекку и Медину. Теперь возвращается на родину кружным путем через Мерв.

Четвертый, Шабан Хасан-оглы, уроженец Кабула, торговец, год тому назад переехал в Мешхед, где занимался мелочной торговлей. Также возвращается на родину.

Пятый, Хаджи Сеид Хусеин-оглы, уроженец Мешхеда. Направляется в Бухару с целью «казы ханлык», т. е. собирания добровольных приношений.

Шестой, Сеид Хусейн Сеид Али Гевхар-оглы. Из Мешхеда, учитель; на Мервском базаре называл себя сначала Исмаил-ханом, а потом просто Исмаилом. В Серахс прибыл с рекомендательным письмом от Машади Мадали, хотя и служащего официально при русском агенте, но состоящего на жалование у английского агента в Мешхеде Мирзы Аббас-хана. Объясняет предпринятое путешествие также собиранием «казы ханлык» среди туркмен; и седьмой, Мухаммед Риза Мухаммед Шариф-оглы. Назвался уроженцем Бухары. Ездил в Мешхед на поклонение и возвращается теперь назад. Два месяца назад проехал через Мерв с человеком Каракули-хана.

По окончании допроса подполковник Алиханов выслал всех означенных лиц под предлогом, что они явились без видов арестованными до Серахса, решившись на эту меру потому, что, во-первых, заподозревал в одном из них, называвшем себя Сеид Гусейном, Исмаила, высланного английским агентом, а во-вторых, считая бесполезным и не находя достаточно оснований для задержания их в Мерве.

О вышеизложенном доношу Вашему сиятельству для сведения.

Начальник области генерал-лейтенант Комаров.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 287—288.

№ 440

Распоряжение командующего войсками Кавказского военного округа начальнику Закаспийской области об обложении населения Ахал-Текинского уезда налогами

19 октября 1884 г.

Начальник Главного штаба отзывом от 24 сентября сего года за № 612 уведомил, что государь император по всеподданнейшему докладу военного министра в 21-й день минувшего сентября высочайше соизволил разрешить: привлечь население Ахал-Текинского уезда к отбыванию государственных и земских денежных повинностей, согласно моих предположений.

Сообщая о таковом высочайшем повелении, предлагаю Вашему превосходительству привести в исполнение следующее:

1) Обложить население Ахал-Текинского уезда кибиточной податью в пользу казны в размере трех руб. пятидесяти коп. и сверх того по пятидесяти коп. с кибитки на общественные нужды, исключив из указанного податного размера: а) жителей сел. Нохур, пользующихся значительными угодьями, с которых кибиточная подать должна поступать в прежнем размере, согласно обложения, произведенного уже в 1882 г., —а именно по 6 руб. с кибитки, в том числе 50 коп. на общественные нужды и б) жителей вновь образовавшихся селений, а также расположенных в горах, с коих размер кибиточной подати определить по 3 руб., из них пятьдесят коп. на общественные потребности.

2) Начальный срок обложения податью населения Ахал-Текинского уезда должен считаться со дня объявления ему о том; сбор же оной начать осенью будущего 1885 г., причем одновременно со взносом податного оклада за сей последний подлежит внесению и причитающегося с населения доля подати со дня обложения оной по 1 января 1885 года, и

3) освободить от кибиточного сбора вдов с малолетними детьми и круглых сирот до достижения ими совершеннолетия.

Генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков.

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 6700, лл. 5—6.

№ 441

Распоряжение командующего войсками Кавказского военного округа начальнику Закаспийской области о введении русской администрации в Иолотани и Серахсе и предупреждении возможности занятия англичанами туркменских территорий

28 октября 1884 г.

Введите немедленно наше управление [в] Иолотанском [и] Серахском приставствах, назначив приставами временно офицеров из строя по Вашему выбору. Прошу телеграфировать, какие пункты считаете крайними южными пределами обоих приставств. Военное министерство полагает признать таковыми Имам и пункт против Доулетабада, но это не должно стеснять Вас, если распределение посевов и пастбищ указывает на другие границы. Английский конвой ни в каком случае не пускать севернее южных пределов района обоих приставств. [В] случае известия [о] занятии афганцами или персиянами пункта спорной территории, выставьте самостоятельные казачьи посты к Зюльфогару и Таш-Кепри у слияния Кушки с Мургабом, снабдив начальников постов инструкцией избегать открытых столкновений.

Прошу как можно чаще телеграфировать о событиях и положении дел на границах.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 282.

№ 442

Из рапорта начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о занятии Серахса и борьбе против иностранной агентуры в Мервском оазисе

29 октября 1884 г.

Буря изменила срок движения парохода, и потому Ваши два письма я получил только вчера. Все указания и приказания Ваши исполню по мере возможности. Пока я сделал следующие распоряжения: в Старый Серахс посылается помощник начальника Мервского округа подполковник Татаринов; ему приказано оставаться там до моего приезда (тогда я увижу, что надо будет делать дальше) и стараться о распространении салорских поселений вверх по Мургабу и сделать все остальное, указанное Вашим сиятельством по этому

вопросу. Две роты 5 Закаспийского батальона выступят из Асхабада 6 октября и прийдут в Серахс 21. К этому времени и я буду там, чтобы лично устроить отряд и дать соответствующие приказания относительно образа их действий на случай прихода английских комиссаров с их конвоем раньше приезда генерала Зеленого...[1].

Алиханов зорко следит за шпионами и лазутчиками, в чем ему помогают сами жители; он уже арестовал и выслал в Мешхед 8 человек подозрительных личностей в первый же день появления их в Мерве. Настроение и поведение мервцев пока такое, лучше которого нельзя желать, и я уверен, что они не будут против нас, пока мы сами не устроим излишними и несвоевременными требованиями введения разных порядков и формальностей, противных духу народа, его привычкам и понятиям...[2].

Покорный слуга А. Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, лл. 279—280.

№ 443

Донесение начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о положении в районе Серахса

28 октября 1884 г.

27 октября в персидский Серахс приехал Лемсден с частью свиты; сегодня он прислал ко мне Стивена с вопросом, по чьему распоряжению и для чего поставлен казачий пост против Пулихатуна. Я ответил, что на это получил Ваше приказание; кроме того, нахожу нужным держать его как аванпост Серахского отряда.

Вечером приехал сюда топограф Клементьев; он встретил в восьми верстах выше Сары-Яза, на Мургабе, афганский разъезд, который не пустил его дальше.

В Пенде 60, в Меручаке тысяча джемшидов, в Баламургабе четыре тысячи афганцев. После отъезда Клементьева афганский разъезд опустился ниже Сары-Яза, пендинские сарыки переходят к нам украдкой. Настроение туркмен пре-

[1] Далее следует не представляющее интереса описание трудностей строительства телеграфной линии для обеспечения работ пограничной комиссии.

[2] Далее следует не представляющее интереса описание положения войск в области.

восходное, порядок и спокойствие полные. Оставляю здесь одну сотню казаков, другую веду с собой и, если окажется возможным, поставлю выше Иолотани.

Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 298.

№ 444

Телеграмма военного министра командующему войсками Кавказского военного округа о необходимости сосредоточения в Серахсе войск на случай каких-либо английских провокаций в этом районе

29 октября 1884 г.

Несговорчивость англичан относительно зоны, подлежащей исследованию разграничительных комиссий, обычная им политическая предприимчивость и прибытие их комиссии с значительным конвоем в Серахс ранее срока, назначенного нами для начала разграничительных работ, указывают на необходимость некоторых предупредительных мер. Предложение в этих видах Вашим сиятельством скорейшее введение нашего управления в Тедженском и Иолотанском округах вполне одобряется, и необходимые на то средства испрашиваются особым докладом. Благоволите, однако, уведомить, в каких именно пределах полагается установить это управление, дабы Министерство иностранных дел не оставалось в безызвестности по вопросу, которого, быть может, ему придется коснуться в переговорах. По всей вероятности, на первое время пределы Серахского приставства едва ли пройдут южнее пункта против Довлетабада и Иолотанского далее Имама; эти пункты и полагалось бы принять за северную черту зоны, выше которых поселение наших туркмен должны быть вовсе закрыты от английского конвоя. Независимо от управления необходимо, чтобы и военное наше положение как в самом Серахсе, так частью и в Иолотане внушало англичанам должное уважение и сдерживало их от всякого рискованного шага; для этого крайне желательно, чтобы ко времени прибытия англичан в Серахс было собрано, кроме батальона пехоты и двух орудий, поболее казаков, буде можно до четырех или пяти сотен; из них две выедут потом в состав конвоя комиссии, а остальные, когда дело наладится, могли бы вернуться к своим местам; кратковременный сбор их в Серахсе не вызовет больших расходов. Столь же важно, чтобы были предупреждены и со стороны афганцев или персиян всякие

попытки преждевременного захвата не принадлежащих им земель; поэтому если бы Закаспийское начальство узнало что-либо о подобных попытках, то ему следовало бы немедленно выдвинуть наши посты по Мургабу и Герируду к Зюльфагару и Таш-Кепри; при этом следует, однако, дать начальникам передовых отрядов инструкцию, чтобы они, пользуясь преимущественно нравственным влиянием нашим на туркмен, избегали всяких вооруженных столкновений и без особого на то приказания не рисковали употреблением оружия. Благоволите подробно телеграфировать о всех распоряжениях, которые сделаете во исполнение сих сообщений.

Генерал-адъютант Ванновский

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 181.

№ 445

Рапорт начальника Закаспийской области командующему войсками Кавказского военного округа о ходе Ташкепринского боя

30 марта 1885 г.

6 марта, по сборе войск Мургабского отряда в Имам-Баба, я принял на себя непосредственное командование этим отрядом. 7 и 8 марта передвинул весь отряд в Аймак-Джар, куда перевезены все продовольственные запасы и устроено там хлебопеченье; в Имам-Баба оставлена команда в 25 человек. 9 марта из Аймак-Джара посланы два офицера Генерального штаба на рекогносцировку расположения афганских войск. Офицеры эти в сопровождении четырех казаков поехали на наш милиционерский пост в Кизылли-Тепе, верстах в 2-х от афганского лагеря, и, обозрев расположение афганцев, доложили обо всем замеченном. Доклад этих офицеров подтверждал прежде полученные сведения от начальника поста и разведчиков; офицеры Генерального штаба, утверждая, что войск в афганском лагере должно быть более 2500—3000 человек, доложил, что позиция очень сильна, но левый фланг ее несколько слаб; на левом берегу Кушки у Таш-Кепри 10 марта видели только сторожевые посты из нескольких всадников и полсотни пеших на бугре рывших траншеи. 12 марта отряд ночевал в Уруш-Думане, откуда выступил на другой день и расположился бивуаком верстах в двух, не доходя до нашего поста на Кизылли-Тепе, т. е. верстах в четырех или пяти от афганцев; место это выбрано мною в видах того, что-

бы не возбуждать в афганцах ложной тревоги и в надежде привести в исполнение данные мне указания о занятии Таш-Кепри мирным соглашением, оставив афганские войска сидеть спокойно в их лагере на правом берегу реки Кушки. Оказалось, что афганцы немедленно после появления русских войск на равнине севернее Таш-Кепри поспешили выслать на левый берег Кушки сильный отряд кавалерии, к которой потом присоединили небольшую часть пехоты и два орудия. Тогда же я должен был принять необходимые меры для охранения своего бивуака и ежедневно до 18 марта наряжал на передовые посты полуроту пехоты и взвод казаков, впрочем, во все это время ни один наш пост не располагался впереди пункта, занятого нашими милиционерами еще с 5 февраля, т. е. впереди Кизылли-Тепе.

14 марта утром было получено письмо от капитана Иэта, назначенного для наблюдения в Пенде начальником английской пограничной комиссии генералом Лемсденом. В письме этом, адресованном на имя русских войск, капитан Иэт сообщает, что Наиб-Салар, т. е. начальник афганских войск, передавал ему, что какой-то русский начальник желает с ним видеться и что свидание необходимо для выяснения взаимного положения. На это письмо, по моему, приказанию, отвечал подполковник Генерального штаба Закржевский, что никто из русских начальников ни о каком свидании не просил, но если угодно, то в 5 часов пополудни он выедет навстречу. Свидание в назначенное время состоялось. Со стороны англичан были капитан Иэт, капитан Лассе, доктор Оуэн и двое индийцев.

Подполковник Закржевский после взаимных представлений и приветствий предложил англичанам закуску и затем повторил, что никто из русских военачальников не просил ни о каком свидании, что, вероятно, они ошиблись по какому-нибудь недоразумению; на это англичане поспешили ответить, что если и произошла ошибка, то они ей очень рады потому, что благодаря этой ошибке они приобрели приятное знакомство. Затем англичане, упомянув, что между российским и британским правительствами состоялось соглашение и что, ввиду этого соглашения, они решаются откровенно высказать, что находятся в очень затруднительном положении, что им поставлена трудная задача поддерживать status quo в сарыкском населении Пенде и что задача эта с минуты на минуту становится труднее, особенно ввиду возможности столкновения русских с афганцами; особенно настойчиво добивались сведения по поводу последнего обстоятельства, т. е. о намерениях русских. На это подполковник Закржевский отвечал, что он не имеет никаких полномочий от своего начальства и о намерениях его ничего не знает, но с готовностью, если им

угодно, выскажет по интересующим их вопросам свое личное мнение, и прибавил, что самая очевидность событий и обстановки данной минуты может служить для них самым лучшим доказательством того, что русские не имеют ни малейшего намерения атаковать афганцев, ибо если бы таковое намерение существовало, то ничто не мешало русским уничтожить афганцев в первую же четверть часа по прибытии своем на долину, на которой они устроили свой бивуак, но что нельзя обойти молчанием, что афганцы без всякого повода начали выдвигать вперед и на фланги свои посты и рыть укрепления. Англичане ответили, что в исходе могущего произойти столкновения они нисколько не сомневаются, что повторяют, что положение очень затруднительно и они были бы весьма обязаны, если бы их предупредили о могущих возникнуть осложнениях; ответом на это было уверение в полной готовности быть к услугам и не оставлять сообщением, насколько это позволит положение русского офицера. На другой день, т. е. 15 марта, капитан Иэт прислал другое письмо на имя подполковника Закржевского с приложением копии телеграммы лорда Гранвилля генералу Лемсдену о соглашении между российским и британским кабинетами. На это письмо я приказал подполковнику Закржевскому отвечать, что я, безусловно, и не думаю ни о каких наступательных действиях против афганцев, но что именно во избежание столкновения необходимо отодвинуть назад слишком выдвинувшиеся в последние дни афганские посты. На это письмо капитан Иэт от 16 марта отвечал просьбой о новом свидании для того, чтобы переговорить об улажении вопроса о передовых постах. Я приказал вышеназванному офицеру Генерального штаба отвечать, что он в условленное время на свидание явится*. Действительно, предстояла настоятельная необходимость разрешить немедленно вопрос о передовых постах.

Афганцы с самого дня прибытия Мургабского отряда в Кизылли-Тепе начали выдвигать свои посты вперед и на фланги русского бивуака, на левый берег р. Кушки, начали на целые дни выдвигать массы кавалерии и усиленно занялись постройкой укреплений, особенно на левом берегу Кушки. Это вынудило меня с своей стороны выслать на рекогносцировки, 14 марта на правый берег реки Мургаба капитана Генерального штаба Прасолова с пятью джигитами, а 15 марта того же офицера, дав ему в прикрытие роту стрелков. На рекогносцировку к левому берегу Кушки, по направлению на Кала-и-Мор, также 15 марта я выслал сотню туркмен Мервской милиции.

В ответ на высылку мною роты на правый берег Мургаба

* Все подлинные письма англичан и копии с ответом, посланных по моему приказанию, при сем представляю.

афганцы выслали в подкрепление находившемуся там их посту в составе 50-ти человек еще две роты и, подойдя к нашей роте шагов на 800, потребовали немедленного удаления, схватили урядника милиции, бывшего при роте в качестве переводчика, продержали его более часа, наносили ему оскорбления и, наконец, отпустили с требованием передать, что они готовы встретить русских с оружием в руках.

По донесению о ходе дел на правом берегу Мургаба 14 марта, я приказал написать офицеру, производившему рекогносцировку, две записки, в обеих с категорическим приказанием вернуться на бивуак; в первой записке еще было добавлено, что никаких постоянных постов на правом берегу Мургаба я ставить не желаю; но записка эта была перехвачена афганцами и до сих пор не возвращена, а джигит, везший записку, на всю ночь был задержан в афганском лагере.

Рота, высланная на правый берег Мургаба 15 марта, вернулась на бивуак в тот же день перед вечером, согласно отданного мною вообще по всему отряду приказания: всячески избегать столкновений с афганцами и даже в случае открытия ими огня не отвечать без моего разрешения. Вдогонку сотне Мервской милиции, выехавшей под начальством подполковника Алиханова на рекогносцировку левого фланга расположения афганцев, выехал с несколькими сотнями кавалерии Джарнейль Гос-эд-Дин-хан[1]; тут встреча прошла благополучно; подполковник Алиханов вступил с Джарнейлем в дружественный разговор и доехал рядом с ним почти до Таш-Кепри, где, однако, Джарнейль просил подполковника Алиханова удалиться, иначе высказывал необходимость прибегнуть к оружию. Затруднительнее всего было положение мелких постов: афганцы, пользуясь многочисленностью своей кавалерии, не скупились нарядом на передовые посты и протягивали свою цепь все дальше и дальше; так что к 16 марта охватывали с обеих сторон не только линию наших передовых постов, но и самый бивуак. Дерзость и нахальство афганцев все возрастали: как только могли через кого-нибудь передать, не упускали случая высказывать: «убирайтесь отсюда, здесь не мервцы, здесь Вам не туркмены, здесь все афганцы, бивали мы не раз и англичан и вас побьем, если не уйдете». 16 марта один афганский разъезд, убедясь в полной безнаказанности, подъехал к самой переправе через Мургаб, которую я распорядился устроить через эту реку в виде ничтожного парома на баклагах, т. е. подъехали на несколько десятков шагов к бивуаку, и на вопрос, что им надо и на предложение удалиться, что они только хотят посмотреть, на чем мы переправляемся, отъехали на несколько сот шагов лишь после

[1] Так в тексте.

неоднократных напоминаний и совсем уехали через несколько часов.

Видя, что дерзость афганцев, оставаясь ненаказанной, все возрастает и что если так будет продолжаться, то через несколько дней придется самому быть атакованным — предположение, которому впоследствии явились подтверждающие обстоятельства; замечая возбужденное состояние всего отряда и, наконец, брожение и даже как бы умаление русского обаяния между окружавшими меня туркменскими ханами, почетными людьми и милиционерами, я нашел, что такое положение продолжаться не может, и потому почел необходимым предпринять крайнюю меру. 17 марта утром я послал с разъездом под командой сотника Копцева письмо к Наиб-салару Тимур-шаху, начальнику афганских войск, с категорическим требованием в течение одного дня убрать все свои посты с левого берега Кушки и с правого берега Мургаба ниже впадения в него Кушки. Хотя со стороны афганцев в ответ на это письмо было заметно только новое усиление войск на левом берегу Кушки и лихорадочная работа по возведению укреплений, я все еще не терял надежды на мирное соглашение и потому приказал полковнику Закржевскому выехать в условленное время на просимое англичанами свидание, но вместе с тем подтвердил этому штабс-офицеру, что требование мое убрать все афганские посты до единого с левого берега Кушки остается неизменным.

Подполковник Закржевский, по моему приказанию, изъявляя согласие явиться на свидание, вместе с тем в своем письме добавил, что, по его мнению, лучше всего было бы пригласить на предполагаемое свидание кого-либо из афганских военачальников. Явившись в назначенное время на свидание, подполковник Закржевский спросил капитана Иэта, передавал ли ему Наиб-салар содержание моего письма, и, получив утвердительный ответ, спросил, передавали ли они его просьбу пригласить на свидание кого-либо из афганских начальствующих лиц; на это капитан Иэт отвечал, что он с полной готовностью исполнить это желание передавал о нем Наиб-салару, но тот ответил, что в настоящий день считает необходимым, чтобы все афганские начальники не отлучались от своих людей. Затем на упоминание подполковника Закржевского о назойливом выдвижении афганских постов, вследствие которого положение русских войск сделалось невыносимым, капитан Иэт отвечал, что расположение некоторых афганских постов изменить можно, но совершенное удаление их за Кушку будет равносильно оставлению позиций, которые афганцы, на основании соглашения между заинтересованными кабинетами, вправе занимать беспрепятственно, при этом просил самого подполковника Закржевского ответить, где

именно находились афганские посты в день соглашения, т. е. 5/17 марта. На это наш офицер отвечал, что он признает, что действительно афганские посты в указанный день находились на левом берегу Кушки, но эти посты были составлены всего из нескольких человек, что русские разъезды тоже доходили до Кушки и моста Таш-Кепри, а теперь раз русские войска подошли к р. Кушка, левого берега этой реки не покинут, а занимать оный вправе на основании того же соглашения, о котором говорится в телеграмме лорда Гранвилля, копия с которой ему прислана; наступательные же действия афганских постов идут совершенно в разрез с условиями, поставленными в той же телеграмме.

На это англичане просили указать, до какого именно пункта русские претендуют на левый берег Кушки; подполковник Закржевский отвечал, что он не имеет никаких полномочий для ответа на такой вопрос, генерал же Комаров требует очищения афганскими постами местности на левом берегу р. Кушки собственно против русских постов, только у Таш-Кепри, именно с целью избежать столкновения, поставив между аванпостами обеих сторон естественную преграду; но даже и этим требованием не желает предрешать могущих состояться впоследствии решений смешанной пограничной комиссии.

Выслушав доклад подполковника Закржевского о результатах переговоров и увидя, что ни переговоры, ни категорические требования не привели ни к чему, я решил, что необходимо привести в исполнение поставленное мною афганцам требование немедленно.

Для этого к 8-ми часам вечера в тот же день, т. е. 17 марта, я собрал начальников всего Мургабского отряда, изложил им сущность нашего положения и отдал необходимые приказания, изложенные в приказе по отряду.

Только после 10 часов вечера был получен ответ на мое требование от Наиб-салара. В этом письме он уведомляет, что, получив приказание от гератского Наиб уль-Гукуме советоваться о своих пограничных делах с капитаном Иэтом, он не преминует это сделать, а затем он прежде всего должен исполнять приказания своего эмира. Желая еще раз сделать попытку к мирному окончанию дела, я дружеским полуофициальным письмом ответил Наиб-салару, что от своего первоначального требования отступить не могу, а ответственность за последствия столкновения, происшедшего от дурных советов, падет на него, так как я всеми возможными мерами старался о сохранении дружественных отношений.

На другой день, 18 марта, в 4 часа утра войска, согласно отданной накануне диспозиции, выступили с бивуака, оста-

вив в лагере только караульных и часть нестроевых, всего до 50 человек.

Первая колонна в составе 3 Туркестанского линейного батальона и полубатареи и 6 горной батареи 21 артиллерийской ея императорского высочества великой княгини Ольги Федоровны бригады (4 роты 4 орудия) под общим начальством командира названного батальона полковника Казанцева пошла, согласно диспозиции, песчаными буграми для того, чтобы сразу войти во фланг и тыл передовому участку неприятельской позиции; кавалерия в составе 1, 2 и 3 сотен 1 Кавказского полка Кубанского казачьего войска и сотни временной Мервской туркменской милиции с присоединением к оной туркменских ханов, почетных старшин с их свитой и семи всадников Ахал-Текинской милиции, составлявших мой личный конвой (4 сотни) под общим начальством начальника Мервского округа подполковника Алиханова пошла несколько левее, чем бы следовало по диспозиции, от этого случилось к началу боя в центре позиции, что мною не было изменено и впоследствии, во время самого боя, так как по ходу оного и по местности оказалось вполне целесообразным. Левая колонна в составе 2 и 3 рот 3 Закаспийского стрелкового батальона и двух рот тех же номеров 6-го Закаспийского стрелкового батальона под общим начальством командира 3-го Закаспийского стрелкового батальона полковника Никшича выступила тоже в 4 часа утра и приостановилась, согласно диспозиции, за бугром Кизылли-Тепе.

Афганцы были расположены следующим образом: так названный Таш-Кепринский бугор на левом берегу Кушки составлял передовой пункт их общей позиции. На этом бугре уже ожидала нас в полной готовности афганская кавалерия в составе около 1200 коней, на фланге их выстроилось около роты пехоты, в окопах находилось 4 орудия; правее и, несколько отступая назад, на левом же берегу Кушки, было выстроено несколько рот регулярной пехоты и 3 орудия, все прикрытые окопами с бойницами для стрелков и амбразурами для пушек.

Остальные афганские войска были выстроены впереди своего лагеря на правом берегу Кушки. На правом берегу Мургаба во все время боя оставалось около 200 афганцев. Всего афганцев против нас было выстроено, как выяснилось впоследствии, около 4000 человек, при 8 орудиях, и, кроме того, как передавали впоследствии пленные, Джемшидский Еланташ-хан с частью кавалерии охранял афганский лагерь с тыла от ожидаемого нападения сарыков. Как сказано выше, кавалерия пошла более прямой дорогой, чем было определено по диспозиции, поэтому опередила туркестанцев и з нача-

ле 6 час. утра поднялась на Таш-Кепринский бугор, подошла шагов на 500 к фронту афганской кавалерии, выстроила против нее фронт и остановилась, выжидая подхода туркестанцев, которые были в расстоянии около версты. Горной полубатареи я приказал покамест пристроиться к кавалерии, сводному Закаспийскому батальону, стоявшему у Кизылли-Тепе, послано было приказание пододвинуться вперед для поддержания кавалерии, но командующий сим батальоном предупредил приказание и в строю по-ротно подошел вперед. Покамест дело обходилось без выстрела; аванпосты обеих сторон к рассвету уже были сняты и отошли к своим частям, с нашей стороны для наблюдения за флангами были высланы в пески на правый фланг разъезд из джигитов, за левым же флангом наблюдал пост из трех казаков на Ярым-Тепе. В исходе шестого часа подошли туркестанцы, к ним я направил горную полубатарею. К передовой кавалерийской массе афганцев подъехал сам Наиб-салар и приветствовал своих людей словами: «Подвизайтесь во славу божию». На это афганцы отвечали троекратным криком, призывая аллаха и крича, что будут сражаться во имя господне.

Подполковник Алиханов, ожидая, что за этими возгласами последует немедленная атака, спешил все три сотни казаков и до 20 человек джигитов, имевших ружья; в сомкнутом конном строю остались только остальные джигиты. Огня все еще не открывали; афганцы, видимо, не решались, нашим же я строго запретил открывать огонь первым. Только несколько минут спустя после объезда Наиб-салара раздались со стороны афганцев выстрелы по нашей кавалерии; когда подполковнику Алиханову доложили, что у нашего казака ранена лошадь, он приказал всем трем смешанным сотням дать залп и затем открыл огонь определенным числом патронов во времени. Афганцы отвечали огнем со всех своих линий артиллерийским и ружейным. Пехота афганцев попряталась в траншеи, кавалерия же колебалась, несколько отхлынула, но, видимо, начала готовиться опять к атаке, а часть их силой коней в 300 спустилась с бугра и заскакала в тыл нашей кавалерии; против сих последних подполковник Алиханов направил в атаку Мервскую сотню милиционеров и открыл огонь с коня коноводами, а полковник Никшич, оставив на время без внимания огонь, направленный на его колонну с фронта, сделал двумя ротами три залпа по кавалерии; в это время по моему приказанию и две роты туркестанцев открыли уже огонь по этой кавалерии.

Такого огня афганцы не выдержали и бросились в полном расстройстве к р. Кушке; бросались с круч вниз и, толпясь густыми массами у брода, начали переправляться на правый берег; тут афганцы понесли весьма большие потери от не-

устанного провожания их огнем с близкого расстояния со стороны туркестанцев. Наши джигиты, пущенные подполковником Алихановым в атаку против афганцев, заскакавших в тыл нашей кавалерии, первую минуту замялись, только несколько храбрецов с командующим сотней прапорщиком Баба-ханом по первой же команде врубились в ряды афганцев, видя это, подполковник Алиханов подскакал к джигитам и крикнул: «умрите тут же или истребите их». Этого напоминания было достаточно, и сотня дружно бросилась в сабли. Туркестанцы в это время для лучшей поддержки коноводцев удлинили свой левый фланг; тогда и последние остатки афганцев бросились бежать с Таш-Кепринского бугра за Кушку, покрыв весь этот бугор трупами и оставляя в наших руках 4 орудия и знамя*.

Полковник Никшич в это время приказал идти в атаку на траншеи левого участка передовой афганской позиции. Афганцы не выдержали удара в штыки и бросились бежать на ту сторону Кушки, оставив на этом участке позиции в наших руках три орудия и знамя** и покрыв свои траншеи во всю длину трупами. Афганцы сделали еще последнюю, хотя и слабую попытку померяться силами с нашими войсками. Поддерживая артиллерийский огонь с Ак-Тепе, на который отвечала наша горная полубатарея, они начали выстраиваться отчасти впереди и большей частью правее (западнее) своего главного лагеря на правом берегу Кушки, силились поддерживать и ружейный огонь, но губительный огонь по ним туркестанцев и затем быстрое наступление всех наших войск и переход на тот берег Кушки отняли у афганцев всякую мысль о возможности дальнейшего продолжения боя. Все бросились бежать в полнейшем расстройстве. Преследовать бегущих я не приказал, желая тем доказать, что единственной моей целью было исполнение моего требования об очистке левого берега Кушки.

В тех же видах я распорядился не только остановить всякое движение войск в Пенде, но даже не остался ночевать в афганском лагере, а через несколько часов после боя перевел войска обратно на левый берег Кушки и там расположил бивуаком; на Ак-Тепе оставил только караул в несколько человек, дабы обезопасить бивуак от возможной неожиданности. Мера эта была тем более необходимой, что, по занятии афганского лагеря, несколько афганских пехотинцев попрятались в ямах, палатках, под арками моста и стреляли по нашим солдатам, упорно отказываясь сдаться.

* Знамя взято с боя урядником временной милиции сарыком Аман Клычем.

** Знамя взято унтер-офицером 6 Закаспийского стрелкового батальона сапером Кобылкиным.

Несмотря на то, что преследования бегущих вовсе не было, поражение афганцев было полное. Вся их позиция — и авангардная, и главная, на несколько квадратных верст, все их окопы, траншеи и батареи покрылись трупами; множество трупов унесено быстрым течением Кушки. По моему соображению, афганцы потеряли убитыми более 500 человек; как передавали потом разведчики, сам Джарнейл считает свою потерю убитыми более 1000 человек, а из числа бежавших более половины раненых. Из начальствующих лиц афганцев убиты один корнейль, два капитана, начальник Гезаринской кавалерии Шир-хан; сам Наиб-салар ранен, как передают, двумя пулями. В наших руках остались весь афганский лагерь, вся их артиллерия в числе 8 орудий с зарядными ящиками и артиллерийскими запасами, огромный бунчук Джарнейля, два знамени пехотных батальонов, множество значков, барабанов, труб, все их продовольственные запасы: мука, ячмень; боевые запасы: большое количество пороха и свинца, и верблюжий транспорт.

В лагере валялось много платья, белья и мелких вещей домашнего обихода. Пленных мы взяли немного, так как не преследовали, а взяли только тех, которые сами отдались: всего нераненых 7 и раненых 17 человек. Один нераненый был закован по ногам и за шею. От пленных получены сведения об их начальствовавших лицах, о времени начатия постройки укреплений, сбивчивые показания о роли, которую играли англичане и положительные уверения о том, что от сарыков была потребована настоятельная помощь не менее, как в 1000 стрелков, и самый день боя 18 марта был назначен последним сроком для категорического ответа.

Такую полную победу я могу приписать доблестному поведению всех чинов отряда. Начальники колонн выказали в превосходной степени дух почина, предупреждая приказания, когда нужно было одной части поддерживать другую, для достижения общей поставленной цели; все гг. офицеры служили прекрасным примером беззаветной храбрости и исполнительности для нижних чинов. Нижние чины исполняли каждую команду без замедления так дружно и стройно, как не всегда и на ученье. Во все время боя ни один человек не ступил ни шагу назад. Джигиты употребляли все усилия стать достойными государевыми слугами и своей кровью заслужили право на братское товарищество с регулярными войсками.

Отбитые орудия я распорядился отправить, впредь до приказания Вашего сиятельства в Асхабад, знамена отправляю к Вашему сиятельству теперь же с подполковником Закржевским, продовольственные запасы, по приведении точного количества оных в известность, приказал обратить в собственность казны, часть верблюжьего транспорта, до 70 го-

лов, также обратил в собственность казны, а несколько верблюдов отдал мервским ханам и милиционерам, бывшим в бою, для подвоза фуража и дров. Порох и свинец приказал затопить. Лагерь передан в войска для употребления.

Мы потеряли всего в сражении одного обер-офицера, прапорщика милиции Сеид Назар-юзбаши, семь человек нижних чинов сводного Закаспийского стрелкового батальона и одного джигита Мервской милиции; ранены два обер-офицера (командир 1 сотни Кавказского казачьего полка сотник Кобцов и подпоручик 6 Закаспийского стрелкового батальона Хабалов); нижних чинов сводного Закаспийского стрелкового батальона 11, 3 Туркестанского двое, казак 1 и туркмен-милиционеров 4; контужены: один штаб-офицер и два обер-офицера (командир 3 Закаспийского стрелкового батальона полковник Никшич, того же батальона подпоручик Космин) и 6 Закаспийского стрелкового батальона штабс-капитан Курочкин; нижних чинов сводного батальона 15, Туркестанского один и казаков двое. По окончании боя, около полудня, капитан Иэт прислал одно за другим два письма на имя подполковника Закржевского. В первом уведомлял, что доктор Оуэн предлагает свои услуги лечить наших раненых, если у нас их много, а во втором уведомляет, что англичане не считают себя в безопасности, и просит покровительства и присылки конвоя. Первое письмо оставлено без ответа, а на второе я приказал подполковнику Закржевскому ехать с тремя офицерами и несколькими джигитами в Пенде и предложить капитану Иэту от моего имени просимую защиту. Когда названный офицер приехал в аул, где жил капитан Иэт, то оказалось, что он уже уехал, предполагая, что посланное им письмо не получено; но так как капитан отъехал недалеко и находился со своими всадниками еще ввиду, то полковник Закржевский послал двух джигитов передать, что он прибыл и готов выслушать капитана и насколько возможно исполнить его просьбу. Посланные нашли капитана Иэта окруженным своим конвоем бенгальских улан и толпою конных бежавших афганцев. Выслушав присланных джигитов, англичане уклонились от всякого ответа.

После боя я послал по разным направлениям разведчиков, которые через несколько дней вернулись и донесли, что главная масса афганцев побежала по направлению на Бала Мургаб и только немногие на Кала-и-Мор, что бегут без оглядки, стараясь миновать сарыкские аулы, что только в Бала Мургабе остановились на первый ночлег, но что, так как там склад запасов ничтожный, то бегство продолжалось без замедления на Кала-и-Ноу к Герату. Донесли, что Джарнейль по дороге получил письмо от Гератского Наиб уль-

Гукуме, в котором тот убеждал держаться против русских крепче, что подкрепления уже отправлены, но что Джарнейль, произнеся несколько народных слов, выражающих негодование и отчаяние, воскликнул: «теперь уже ничего не надо, потому что все пропало!». Об англичанах[1] разведчики донесли, что негодование против них возбуждено не только в сарыках, но даже в самих афганцах, что афганцы сожгли оставленные англичанами кибитки, что сарыки, нанявшиеся перевозить багаж англичан, вместо того, чтобы везти по назначению, увезли оный в свои аулы и присвоили себе. О генерале Лемсдене передавали, что он со всеми чинами комиссии ушел из Гюриема в Кюсан.

21 марта я отправил на рекогносцировку в Кала-и-Мор капитана Прасолова с сотней джигитов, а 22 марта — подполковника Алиханова с сотней казаков на Меручак. Названные офицеры, пробыв на рекогносцировке несколько более суток, привезли известия, подтверждающие донесения разведчиков. Они доложили, что пункты, до которых они доходили, очищены афганцами, и, по слухам, их уже нет нигде на далекое расстояние. Подполковник Алиханов, шедший по пути отступления афганцев, доложил, что действительно путь бежавших обозначается множеством свежих могил, погибших от ран, голода, холода, напряжения сил на отчаянное бегство и других лишений.

Погода все это время, действительно, в Таш-Кепри стоит весьма неблагоприятная: холод, непрерывные дожди, иногда снег. Даже нашим войскам, снабженным всем в изобилии, приходится немало терпеть от непогоды, положение же афганцев, лишившихся всего, должно быть чрезмерно тяжкое. Передают, что в самый день бегства в Меручаке и Бала Мургабе стояли жестокие холода и шел сильный снег.

Сарыкское население Пенде сейчас же по окончании боя поспешило заявить свои симпатии к русским. Немедленно, как только замолкли последние выстрелы, ко мне явились старшины из ближайших аулов заявить о своей преданности.

По первому приказанию, сарыки немедленно выслали 1000 человек рабочих для уборки афганских трупов и погребения

[1] Касаясь действий англичан, министр иностранных дел Гирс в телеграмме российскому послу в Лондоне Стаалю от 20 марта 1885 г. писал, что «английские офицеры руководили действиями афганцев, но не принимали непосредственного участия в бою». Опасаясь за возмездие афганцев за свои действия, они просили русское командование оказать им покровительство, т. е. защитить от афганцев (см. док. 76, в сборнике «Афганское разграничение», стр. 220—221). Руководство английских офицеров действиями афганских войск признавал в палате общин Гладстон (см. опубликованную в сборнике «Афганское разграничение» записку английского посла в России российскому министру иностранных дел, полученную 29 марта 1885 г., док. 80).

их. На другой же день трупы были убраны и, хотя недостаточно тщательно, но все же зарыты.

На другой день после боя, т. е. 19 марта, ко мне явилась депутация из всех почетных пендинских сарыков. От каких-либо категорических заявлений с их стороны в нашу пользу я постарался их отклонить. Для учреждения порядка в Пенде, я приказал выбрать старшин и временное управление возложил на Иолотанского сарыка Овез-бая, человека, известного мне своей преданностью России, честностью и значением, которым пользуется среди своих родичей. Сам я также проехал по пендинским аулам с небольшим конвоем. Везде население старалось выказать самые дружественные чувства к русским.

На другой день после боя, т. е. 19 марта, прибыл ко мне от имени эрсаринских туркмен выбранный ими ханом Гельды-хан с прошением от племени о принятии оного в русское подданство[1]. Гельды-хану я отвечал, что об этом теперь не время думать, прошение же эрсаринцев я представляю на благоусмотрение высшего начальства, а они сами пусть пока только прекратят аламаны и будут жить спокойно.

26 марта отправил письмо к Наиб салару, в котором пишу, что к причинению поражения, понесенного его войскам, я был вынужден неисполнением моего справедливого требования, но отнюдь не желанием открытия враждебных действий против афганцев, никакой вражды и теперь не желаю.

Из Ак-Рабата и Зюльфагара я получил известие 27 марта о современном очищении афганцами и этих пунктов.

Сего числа отправляюсь в Серахс через Кала-и-Мор, Хон-Гоуз, Адам-Элень и Пуль-и-Хатун*.

Командующий войсками генерал-лейтенант Комаров.

Газета «Кавказ» № 113, 30 апреля 1885 г.[2].

[1] Обнаружена препроводительная к документу от 9/10 мая 1885 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 319).

* К рапорту ген. Комарова приложен план местности, на которой произошло столкновение с афганцами, с обозначением положений и движений отрядов. По невозможности отпечатать означенный план в Штабе Кавказского военного округа в такое короткое время он будет разослан как добавление к настоящей статье всем гг. подписчикам «Кавказа» через несколько дней.

[2] Документ опубликован также в сборнике «Афганское разграничение», стр. 287—315. Документы, освещающие ход подготовки английских колонизаторов захватнических провокаций в Туркмении, приведших к Ташкепринскому бою, равно как и его последствий в присоединении долины Мургаба к России на фоне русско-английского соперничества на Среднем Востоке, опубликованы в отмеченном сборнике «Афганское разграничение», изд. МИД, 1886 г.

№ 446

Обращение туркмен-эрсаринцев начальнику Закаспийской области с просьбой о принятии в русское подданство

25 августа 1885 г.[1]

После премногих поклонов слова наши заключаются в том, что мы, эрсаринцы, в надежде быть подданными Вашего правительства сидим здесь в ожидании приказаний Ваших. Мы уже несколько времени с особенным желанием ждем, как бы быть подданными белого царя, и если Вы доведете просьбу нашу до белого царя, то мы будем весьма и весьма довольны Вами. Мы, эрсаринские жители, терпя большие затруднения, вследствие появившихся между нами беспорядков, собрались в дом Гельды-хана, где, по общему совету нашему, мы просили его, Гельды-хана, чтобы он отправился к Вам для заявления нашей просьбы, и который согласился на это. Во время генерал-губернатора Кауфмана мы, поступая согласно приказаниям его, жили спокойно; но теперь опять возобновились у нас беспорядки, и находимся в неспокойном положении. Все слова названного Гельды-хана, о чем бы он ни сказал, мы принимаем; примите также и Вы. Мы сидим в ожидании, что Вы непременно обратите внимание на наше заявление. Затем подписываемся с приложением знаков + на подданство[2].

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, л. 325.

№ 447

Рапорт российского агента начальнику Закаспийской области о засылке английской разведкой агента в Туркмению

19 октября 1885 г.

Сего числа я слышал от многих лиц, что житель Кучана Гулям Риза Рахим-оглы, служивший некогда нукером у английского корреспондента О'Донавана и служащий ныне шпионом у английского агента в Мешхеде Аббас-хана, бывает по временам в Асхабаде и атекском селении Каахка и что на днях он проехал через Дарагяз в Асхабад. Приметы того кучанца следующие: роста высокого, от роду около 30 лет, глаза

[1] На документе дата: 26 зиль-када 1305 г. х.

[2] Далее следуют знаки 23 эрсаринских представителей и печати 6 старшин.

карие, лицо немного рябоватое, усы и небольшая борода рыжего цвета.

Об этом честь имею донести Вашему превосходительству для сведения.

Российский агент в Дарагязе и Келате,
надворный советник Безмюнов

ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5230, л. 1.
Рукопись подлинная.

№ 448

Ходатайство туркмен-эрсаринцев о принятии в русское подданство

6 шеваля 1302 г.

Мы, племя эрсари, питаем надежду служить белому царю, как сыновья своему отцу, единомышленно и по справедливости верой и правдой.

Собравшись вместе, на предварительном совещании мы пришли к соглашению поступить в подданство белого царя, подобно туркменам, живущим в Ургендже, Ахал-Теке, Атреке, иомудам и гёкленам, а также мервским туркменам и сарыкам. Совещание это происходило в доме Гельды-хана, служащего России уже 11 лет, и с ведома генералов Кауфмана и Скобелева, избранного нами ханом нашим, и которого слово в настоящее время мы принимаем с полным доверием. В удостоверение чего подписываемся и знаки прилагаем...[1].

Сию подписку в присутствии всего племени составили 6-го шавваля в 1302 году и вручена Гельды-хану; причем совершена нами сопутственная ему молитва — фатиха[2].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 60, 1885 г., л. 2.

№ 449

Из отношения Туркестанского генерал-губернатора российскому министру иностранных дел о положении эрсаринцев в Бухарском эмирате и перспективах их принятия в русское подданство

24 октября 1885 г.

...Вопрос об отношении русского правительства к туркменскому племени эрсари, обитающему на левом берегу Аму-

[1] Далее следуют знаки 11 эрсаринских старшин, 5 сардаров, 3 баев; ниже 4 печати.

[2] Фатиха—начало корана.

Дарьи, имеет весьма серьезное значение для внутреннего положения Бухарского ханства и для последующих отношений наших к Бухаре.

Несмотря на неполноту сведений, имеющихся об экономическом и политическом положении упомянутого племени, не подлежит сомнению, что в настоящее время туркмены-эрсари, живущие между пределами Афганистана и Чарджуем, состоят юридически и фактически в подданстве бухарского эмира. Хотя от времени до времени от некоторых эрсаринцев, и в особенности от Гельды-Кока, именующегося Гельды-ханом, врага эмира Сеид Музафара, поступили к русским властям просьбы о принятии всего эрсаринского племени в русское подданство, большинство эрсаринцев довольствуется занимаемым ныне положением ввиду тех привелегий, коими они пользуются в сравнении с прочими бухарскими подданными. Привелегии эти заключаются в том, что эрсаринцы, взамен уплаты хараджа (поземельного сбора) натурой, подобно узбекам, в размере $^1/_5$ и до $^1/_3$ урожая платят лишь $1—^1/_2$ теньги с танапа (около 1 р. 50 коп. с десятины) в год деньгами, что они управляются своими аксакалами (старшинами) и для поддержания порядка поставляют по найму конных милиционеров керкинскому и чарджуйскому бекам. Регулярные бухарские войска, в числе 400 пехотинцев в Керки и 1000 в Чарджуе, расположены в упомянутых двух пунктах, служащих административными центрами двух бекств, на которые разделяется территория эрсаринцами. Гарнизон Чарджуя ежегодно сменяется сарбазами из Бухары.

Эмир Сеид Музафар относится с большой заботливостью к своим владениям на левом берегу Аму-Дарьи и ревниво оберегает права свои на эту территорию. Минувшей весной он нарядил строгое следствие, порученное его любимцу Рахматулла-бию, над керкинским беком вследствие жалобы некоторых жителей на излишнее взыскание с них поземельного сбора. Следствие подтвердило справедливость жалобы, излишне взысканный сбор был возмещен беком, и оказавшиеся виновными сыновья его доставлены арестованными к эмиру. В Чарджуе же беком служит один из взрослых и наиболее способных сыновей Сеид Музафара. В экономическом отношении левый берег Аму-Дарьи по обилию воды, плодородию почвы, густоте населения не уступает лучшим областям Бухарского ханства — долинам Зеравшана и Кашка-Дарьи.

При распространении до берегов Аму-Дарьи нравственного умиротворяющего влияния русского соседства страна эрсаринцев пользуется образцовым внутренним и внешним порядком и спокойствием, и нельзя же сказать, что в отношении прочности такового Чарджуйское и Керкинское бекства сто-

ят, может быть, даже выше менее привелегированных внутренних областей Бухарского ханства. Во всяком случае бекства эти составляют такую же неразрывную часть бухарских владений, как Шахризяб или Зиятдин, и изъятие из-под власти эмира имело бы такое же значение, как присоединение к русским владениям упомянутых двух пограничных с Россией областей.

Намерение, выраженное русским правительством, по-прежнему твердо отстаивать как наши собственные права, так и права Бухары, находящиеся в связи с разграничением с Афганистаном, возлагает, несомненно, на императорского комиссара обязанность озаботиться обеспечением для части эрсаринского населения, обитающей на северо-западе от пограничного с Афганистаном пункта, пастбищ и других удобств наравне с русскоподданными туркменами. Но при этом полковник Кульберг, вероятно, не упустит из виду, что упомянутое население, долженствуя, как указано в инструкции от 26 сентября[1], признать над собою власть России, имеет, по крайней мере, в настоящее время подчиниться таковой, непосредственно, а лишь наравне с прочими составными частями покровительственного России Бухарского ханства, так как, согласно вышеупомянутому письму тайного советника Влангали, преподанными императорскому комиссару правилами несколько не предрешается вопрос о будущих отношениях наших к эрсаринскому племени. Я счел долгом несколько подробно коснуться изложенных выше обстоятельств, дабы представилось возможным заблаговременно предотвратить какие-либо недоразумения по вопросу о подданстве эрсаринцев русской части разграничительной комиссии с местным населением и с бухарскими властями недоразумений.

В этих же видах я считаю совершенно необходимым упомянутое в письме моем от 15 минувшего сентября прикомандирование к русской части разграничительной комиссии на время работ у левого берега Аму-Дарьи состоящего при мне дипломатического чиновника или политического агента в Бухаре.

Что же касается до общего вопроса о будущих отношениях наших к эрсаринцам, нельзя не согласиться, что разрешение его будет облегчено сведениями, собрание коих возложено на полковника Кульберга. При этом, однако, едва ли подлежит сомнению, что непосредственное подчинение эрсаринцев русской власти вызвало бы присоединение к русским владениям всей левой береговой полосы Аму-Дарьи от афганской до хивинской границы, занятие русскими войсками

[1] Документ датирован впрочем, 1 мая 1886 г. ЦГИА, Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 79, лл. 19—29.

крепостей Керки и Чарджуя и коренное изменение отношений, ныне существующих, между русским правительством и Бухарой.

Примите и пр.[1]

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 596, лл. 13—17.
Копия.

№ 450

Из «Записки» начальника Закаспийской области наместнику кавказскому о военно-политическом и торговом значении Закаспийской области и ее административного устройства

1886 г.[2]

Шестилетнее существование Закаспийской области выяснило широкое значение ея для выполнения важных общегосударственных задач, именно на долю области выпала первенствующая роль в установлении естественной границы России в Средней Азии, упрочении вдоль нея русской власти, усилении влияния на англо-индийские дела и закреплении за Россией среднеазиатских рынков. Вместе с тем более или менее выяснились средства и способы, которыми это может быть достигнуто.

Что касается до устройства политического положения края, то хотя в этом отношении с 1881 г. и сделано весьма много, но оно еще далеко не заключено: вся южная граница области имеет лишь временный характер. Наша морская станция в Ашур-Аде и единственный хороший порт в юго-восточной части Каспийского моря — Астрабадский залив — находятся в крайне невыгодных для нас условиях. Граница по Атреку и далее на восток по возвышенностям поставила номудов и гёкленов в неопределенное положение: отсутствие пахотных земель в наших пределах и пастбищ — в персидских делает неизбежной ежегодную перекочевку этих туркмен через границу. Отношение их к обоим правительствам таковы, что в настоящее время невозможно даже определить, чьи они подданные. Пользуясь этим, гёклены и номуды продолжают свои грабежи, прекратить которые мы не в состоянии, так как главное препятствие в этом деле мы встречаем со стороны персидских пограничных начальников. Как известно, прежний астрабадский губернатор сменен за то, что он

[1] Документ без подписи.
[2] Документ не датирован, но, судя потому, что речь идет о «шестилетнем существовании Закаспийской области», написал, видимо, не ранее 1886 г.

извлекал выгоды из грабежей туркмен; лишь недавно назначенный на его место Ильхани Буджнурда, желая поддержать свое значение в глазах персидского правительства в качестве защитника границы, даже подослал в наше поселение одного из своих приближенных, который, подговорив несколько молодых туркмен напасть на курдов, завлек их в засаду. В случае же серьезных грабежей со стороны иомудов и гёкленов во время пребывания их в Персии местные власти не осмеливаются наказать их и ждут перекочевки их в наши пределы, чтобы при посредстве наших властей отобрать награбленное. При этих условиях поддержание порядка на границе крайне затруднительно, а окончательное решение вопроса о иомудах и гёкленах вследствие вышесказанного недостатка пахотных земель в наших пределах может быть достигнуто лишь изменением пограничной черты...[1].

Наконец, у крайнего юго-восточного угла Закаспийской области находится еще весьма значительное число не подчиняющихся русской власти туркмен, большей частью эрсари. Бывшие в течение прошлой зимы грабежи указывают, что завершить умиротворение всего края возможно лишь при окончательном подчинении одной сильной власти всех туркменских племен.

Резюмируя вышесказанное, видно, что необходимость установления естественной границы России в Средней Азии возлагает именно на Закаспийскую область совершенно отдельную задачу, которая касается не интересов одной из соседних областей, а интересов общегосударственных и зависит не от местных соображений, а от общей политики империи, так как при решении ея придется сообразоваться не только с положением дел непосредственно заинтересованных Персии и Афганистана, но и с отношениями России к Великобритании и, вероятно, к другим европейским державам.

Административное устройство края должно быть направлено к полному упрочению нашей власти в нем и к полному слиянию его в будущем с остальными частями империи. Но ближайшее ознакомление с Туркменией выяснило, что историческое прошлое, религиозный и хозяйственный строй жизни, а главное дух населения резко отличаются от того, что мы видим у соседних народов, и потому для наиболее успешного достижения только что названной цели весьма важно, не подводя эти племена под чуждые им учреждения, свойственные другим частям Средней Азии, предлагать при управлении ими совершенно особые приемы и меры, соответствующие выясняющимся потребностям и данным.

[1] Далее следует не относящееся к теме настоящего сборника описание экономических отношений Туркмении с Хорасаном и Афганистаном, ее положения и роли в англо-русском соперничестве.

Торговое значение Закаспийской области, оспариваемое в начале ея существования, выяснилось еще до проведения железной дороги. Достаточно было занятием Мерва обеспечить безопасность по главным путям, чтобы направить на них караванное движение прилегающих стран. Теперь же, при проведении железной дороги до Асхабада и Мерва и ожидаемом на днях открытия участка к Аму-Дарье, область ни в каком случае не может быть рассматриваема в торговом отношении как отдел какой-либо другой области. Напротив, благодаря этой железной дороги и своему географическому положению, край имеет совершенно самостоятельное значение посредника между всеми своими соседями, а более всего посредника между ними и главной артерией русской торговой деятельности — Волгой. Через Мерв обмениваются товарами Бухара с Персией и Афганистаном. Наши мануфактуры идут через Асхабад и заполняют Мешхед, вытесняя товары других стран, и оттуда проникают даже в Герат. Торговля развивается с замечательной быстротой, несмотря на то, что железная дорога едва начинает оказывать свое действие и русские торговые дома лишь только открывают свои конторы в Асхабаде. Проведение железной дороги до этого пункта связало с ним Хиву. Путь оттуда по Аму-Дарье и далее через Чарджуй и Мерв не оправдал возлагавшихся на него надежд: по бывшим случаям, от Петро-Александровска до Чарджуя от 20 до 30 дней пути; вследствие переносных мелей и мелководья реки, даже при самой тщательной обстановке вехами фарватера, движение все же было бы очень затруднительно; а так как и стоимость перевозки, включая железнодорожный фрахт, будет весьма значительная, то уже теперь выяснилось, что прямой путь из Хивы в Асхабад возьмет верх. Постоянно возрастающее число хивинских купцов в этом последнем пункте, несомненно, указывает, что весь обмен Хивы с Персией закреплен за Асхабадом.

Все вышесказанное о политическом, административном и торговом значении края ясно указывает на важность его и на необходимость впредь до указанного окончательного исправления границ, зависящего от обстоятельств, теперь же для успешного хода дел включить в сферу действия Закаспийской области Хивинское ханство и сделать северо-западной границей ея Аму-Дарью.

Подготовка же и достижение наибольших результатов во всех трех отношениях могут быть успешнее всего достигнуты при самостоятельном управлении областью, при котором высшая власть в ней могла бы немедленно и быстро воспользоваться политическими и внутренними обстоятельствами по мере того, как они будут представляться.

Поэтому, так как Вашему сиятельству было угодно спро-

сить мое мнение относительно будущего устройства края, то я считая долгом заявить, что полагал бы наиболее целесообразным Закаспийскую область в названных пределах сделать вполне независимой от кавказского начальства и ни в коем случае не подчинять туркестанскому.

Только по решении этого вопроса в принципе возможно будет высказаться положительно о тех правах начальника области и органах управления, которые необходимо для выполнения указанных задач.

Начальник Закаспийской области
генерал-лейтенант Комаров

ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 141,
лл. 109—116. Подлинник, рукопись.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

Аз. часть — Азиатская часть
ВУА — Военно-ученый архив
ВУА/с — Военно-ученый архив (секретно)
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
кол. ас. — коллежский асессор
кол. сов. — коллежский советник
Полев. походн. шт. — Полевой походный штаб
сб. арх. док. — сборник архивных документов
ТФ АН СССР — Туркменский филиал Академии наук СССР
ЦГАВМФ—Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота
ЦГА ТССР — Центральный государственный архив Туркменской ССР
ЦГА Уз. ССР — Центральный государственный архив Узбекской ССР
ЦГВИА — Центральный государственный Военно-Исторический архив
ЦГИА Груз. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИА Уз. ССР — Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР
Шт. Турк. ВО—Штаб Туркестанского Военного Округа

СПИСОК НАЗВАНИЙ ФОНДОВ

1. Центральный государственный архив Военно-Морского флота
   Фонд 17 — Личный фонд А. С. Меньшикова
   Фонд 410 — Канцелярия Морского министерства
2. Центральный государственный архив Туркменской ССР
   Фонд 1 — Канцелярия начальника Закаспийской области
   Фонд 97 — Управление начальника Закаспийского Военного отдела
3. Центральный государственный Военно-исторический архив
   Фонд 400 — Главный штаб, Азиатская часть
   Фонд 1393—Полевой штаб Туркестанского Военного округа
   Фонд 1396 — Управление Туркестанского военного округа
4. Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
   Фонд 5 — Канцелярия начальника Главного управления главноначальствующего гражданской части на Кавказе
   Фонд 15 — Чиновник министерства иностранных дел для пограничных сношений при наместнике на Кавказе
   Фонд 229 — Канцелярия наместника на Кавказе по военно-народному управлению
   Фонд 299 — Контора X участка службы пути Управления Закавказской железной дороги
   Фонд 521 — Главный штаб Кавказской армии
   Фонд 545 — Кавказское военно-народное управление
   Фонд 1087—Военно-исторический отдел Штаба Кавказского Военного округа
5. Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР
   Фонд 1—Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора
   Фонд 715—Подготовительные материалы к составленной полковником Серебрянниковым публикации документов «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания».
6. Государственный архив Оренбургской области
   Фонд 6 — Канцелярия оренбургского военного губернатора

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1869 г. (ноябрь) — Высадка отряда царских войск под начальством полковника Столетова на восточном берегу Каспийского моря. Основание города Красноводска.
1869 г. (ноябрь) — Прибытие торговых караванов из Хивы в лагерь Красноводского отряда.
1869 г. (ноябрь) — Начало установления контакта с предводителями туркменских племен. Прибытие Атамурат-хана в лагерь отряда и его встречи с полковником Столетовым.
1870 г. — Рекогносцировки отряда Столетова в районах Балханских гор, Молла-Кара и Кизыл-Арвата.
1871 г. (сентябрь—декабрь) — Рекогносцировка отряда под начальством полковника Маркозова в районе Узбоя для обследования Красноводско-Хивинского пути. Прибытие отряда на Атрек.
1872 г. (сентябрь—декабрь) — Вторая рекогносцировка отряда Маркозова в районе Узбоя. Занятие отрядом Кизыл-Арвата.
1873 г. (март) — Рекогносцировка Красноводского отряда в районе Карры-Кала.
1873 г. — (март)—Поход царских войск на Хиву. Участие Красноводского отряда в этом походе.
1873 г. (май) — Заключение мирного договора между Россией и Хивой. Занятие царскими войсками хивинского ханства и его туркменских районов.
1873 г. (июль) — Карательная экспедиция царских войск под начальством генерала Головачева против хивинских туркмен.
1874 г. (январь) — Карательная экспедиция под начальством полковника Иванова против хивинских туркмен.
1874 г. (март) — Образование «Управления Закаспийским военным отделом».
1874 г. (апрель) — Обращение представителей приатрекских и челекенских туркмен к генералу Ломакину с просьбой о принятии их в подданство России.
1874 г. (ноябрь) — Рекогносцировка отряда под начальством генерала Ломакина на Атрекской линии.
1875 г. (апрель—июнь) — Рекогносцировка Красноводского отряда в районе Узбоя.

1875 г. (июнь) — Созыв маслахата (собрание старшин) в Ахал-Теке. Депутация текинцев к генералу Ломакину с просьбой о принятии их в русское подданство.
1876 г. (май — август) — Провал попыток Абдул-Хасан-хана (сына Кучанского правителя) склонить ахал-текинцев к принятию персидского подданства.
1877 г. (апрель—май) — Экспедиция Красноводского отряда в Кизыл-Арват, вооруженное столкновение отряда с туркменской конницей в ущелье Ялчи-Ата.
1878 г. — Устройство русских укрепленных постов на Чикишлярско-Чатской линии. Осуществление некоторых мер для начала более широкого наступления в глубь Ахал-Текинского оазиса.
1879 г. (август) — Первая Ахал-Текинская экспедиция; штурм крепости Геок-Тепе; отражение участниками обороны наступления царских войск. Отход Красноводского отряда на прежние позиции.
1879—1883 гг. — Обследование Узбоя экспедицией В. И. Глуховского.
1880 г. (конец мая—июнь) — Начало второй Ахал-Текинской экспедиции. Занятие отрядами царских войск укреплений Ходжа-Кала, Карры-Кала и Бами.
1880 г. (декабрь) — Осада Геок-Тепе и начало штурма крепости.
1881 г. (9 декабря) — Подписание конвенции об установлении границы между Россией и Ираном.
1881 — 1883 гг. — Активизация деятельности британских агентов в Атекском и Мервском оазисах с целью воспрепятствовать дальнейшему продвижению России в Южной Туркмении.
1882 г. (февраль) — Прибытие в Мерв первого русского торгового каравана.
1882 (март) — Ходатайство эрсаринских туркмен с просьбой о принятии их в подданство России.
1882 г. (по июль) — Реорганизация Закаспийского Военного отдела в Закаспийскую область.
1884 г. (1 января) — Решение Маслахата о добровольном присоединении Мерва к России.
1884 г. (31 января)—Подписание депутацией мервских старшин в Асхабаде «Клятвенного обещания».
1884 г. (июнь) — Занятие русскими войсками Старого Серахса и заселение его туркменами-салорами из Зурабада.
1884 г. (сентябрь) — Ходатайство туркмен-эрсаринцев, населявших районы Бухарского эмирата с просьбой о принятии их в русское подданство.
1885 г. (18 марта) — Сражение между русскими и афганскими войсками при Таш-Кепри.
1885 г. (25 августа) — Обращение туркмен-эрсаринцев к начальнику Закаспийской области с просьбой о принятии их в русское подданство.
1885 г. (сентябрь) — Подписание в Петербурге Соглашения об установлении границы между Россией и Афганистаном. Позже, в 1887 г. была установлена окончательная граница между Закаспийской областью и Афганистаном, которая служит по сей день государственной границей Туркменской ССР.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Абадзиев, прапорщик 501
Абдал-сардар 703
Абдул-Хамид, султан Турции 92
Абдул Хасан-хан, правитель Кучана 9, 200, 250, 252, 253, 254, 257, 260, 270, 271, 273, 274, 275, 276, 281, 282, 283, 288, 295, 307, 314, 338, 417
Абдулкасем-хан, правитель Хорасана 538
Абдурахман-бай, ставленник Хивинского хана в Мерве 674
Абдурахман-хан, эмир Афганистана 583, 586, 587, 590, 620, 634, 639, 660, 665
Абелов Павел, торговец 567, 619
Агаев Х. А., историк 4
Агафонова З. И., историк-архивист 4
Аджан-сардар, старшина 553, 559
Адина Батыр 277
Аймангель 213, 214, 310
Айрапетов, поручик 504
Ак-Берди 357
Акберды Мирахур 287
Акберди Эль Аман-оглы 564
Акки 287
Акопов Г. Б., историк 4
Александр II 43, 173, 385, 441, 457, 496, 641, 649
Александр III 688, 703
Александровский, поручик 446
Алексеев, поручик 439
Али-Мурад-хан 726
Али-ишан 480
Алиханов, офицер 625, 641, 670, 688, 689, 690, 690, 707, 708, 710, 711, 712, 720, 727, 728, 729, 736, 737, 738, 739, 744, 745, 758, 760, 761, 766, 770, 774, 779, 782, 783, 784, 787
Аллакули-хан 628
Аллах-Назар Аксакал 703
Аллаяр-хан, дерегезский правитель 326, 561, 568, 570, 571, 579, 588, 623, 632, 637
Альтшуллер Р. Е., историк-архивист 4
Аман Али Карга 272, 281
Аман Гельды 765
Аман Гельды Вани 274, 276, 277, 281
Аман Дурды 565
Аман Кёр 765
Аман Мурад-бай 537
Аманкули-хан 538
Аманулла-хан 765
Аман Сахат 703
Аминов, полковник 494, 496, 541, 553, 568, 587, 590, 597, 598, 609, 620, 621, 622, 623, 629, 630, 632, 633, 635, 636
Амирджанов, офицер-переводчик 273
Анан Онбеги 346
Анна батыр 381
Аннагельды 381
Анна Гельды 287
Анна-Дурды-бек 381
Анна Кули 703

Анна Мухаммед-хан 597, 598
Анна-Назар-бек 281
Анна Таган 67, 68
Андроников, князь 519
Аракин, полковник 320
Арнольди, войсковой старшина 312
Архаецкий, поручик 519
Арцышевский, полковник 500, 501
Арчак Худай Назаров, старшина туркмен-абдалов 71, 72, 73, 74
Астафьев, офицер 345
Атабай 277
Ата Мурад, предводитель хивинских иомудов 30, 68, 251
Ата Блидж-сардар 190
Ата Назар 307
Ата Назар-бай 155, 225, 271, 277
Атавекиль 236, 239, 240, 266
Атаджан-Тюре 181, 198, 250, 294, 317
Атанефес Халманбетов 330
Атеш-батыр 480
Африкян Л. К. — историк-архивист 4
Ахмед-шах 722, 724, 738, 739, 740, 743
Баба 306
Баба-сардар 703
Баба-хан 380, 381, 382, 401, 546, 551, 576, 577, 578, 580, 591, 595, 610, 618, 670, 684, 738, 740, 784
Бабабеков, подполковник 610
Бабаджан-бек, ставленник Хивинского хана в Мерве 675, 676, 678, 679, 685, 688, 690, 692, 707
Бабали 273
Багданов 106
Баграмов, переводчик 552
Байрам Али-хан 480
Байтоков, ротмистр 533, 539
Бакулин, русский консул в Астрабаде 60, 164, 195, 200, 242, 263, 297, 298, 299, 302, 303, 316, 317, 326, 329
Балуиз Неджеф Кули-ага 52
Балям-Аталык 251, 258, 263, 264, 268, 269, 277, 278, 283, 293
Бата-Сардар 535
Батлер, английский офицер 372 666
Батыр-хан 277
Баумгартен, генерал 572
Бегер, русский посланник в Иране 24, 130
Безаки, генерал 30
Безмюнов, русский коммерческий агент в Дерагезе и Келате 790
Бейбуд-хан (Бехбут-хан) — правитель Келяты 552, 558, 559, 588, 636, 661
Бекджан 310
Бекджан-хан 237, 238
Беккер (Вакег), английский офицер 99, 272
Бек Мурад 302
Бекелдок-батыр 703
Бекович-Черкасский 132
Бениславский, поручик 520
Берди Мурад-хан 191, 192, 450
Берды-батыр 274, 281
Беркели-хан 480
Беркели-хан, родовой старшина мервских туркмен 619
Бибиков, ротмистр 448
Блок, полковник 109, 114
Бобринский В. 38, 43
Богословский, прапорщик 520
Борх, генерал 443, 445, 446, 449, 451, 455, 459, 606, 608
Брунче Н. 641, 649
Бсурманов Ахмед 47
Буемский, подполковник 117
Булгаков, поручик 355, 356
Бурун Мерген 703
Быков, капитан 433, 434
Булыгин, подпоручик 514
Богословский, прапорщик 507
Вамбери, путешественник 323, 594
Ванновский, генерал 566, 570, 572, 691, 696, 733, 776
Васильчиков, подполковник 428, 429, 431, 441, 457
Вафадар-хан 538
Вейс Нияз-юзбаши 9, 196, 223
Велибай 213
Вели Курбан 237
Веревкин, генерал 106
Вестман В. 173
Витгенштейн 444
Влангали А. Е., тайный советник 691, 694, 792
Власов 582
Волошина Г. А., историк-архивист 4
Воронин Е. П., историк-архивист 4

Воропанов, подпоручик 498, 513, 514, 516
Гагаджан 59
Гаитинов, штабс-капитан 448
Гайдаров, подполковник 498, 507, 510, 511, 512, 517, 518, 521, 523
Гейден Ф. П., генерал 123, 327, 342, 390, 402, 410, 433, 475, 496
Гейнс, генерал 38
Гельди бай (Гельди Кок, Гельди-хан) 287, 400, 401, 631, 769, 770, 783, 789, 790, 791
Гельды-сардар 546
Гельды-совдагар 270
Гетшель, капитан 519
Гилл, капитан английской службы 666
Гирс Н. К. 326, 333, 334, 402, 576, 641, 649, 655, 682, 691, 696, 767, 787
Гладстон 787
Гладышев, капитан 558, 651, 682
Гламаздин, топограф 530
Гловацкий, подполковник 109
Глуховский А., полковник 100, 103, 106, 125, 193, 262, 363, 482
Гогуль Сафанкулиев 330
Голицын, подполковник 448, 452, 464, 465
Головачев, генерал 8, 107, 110, 114, 117, 118, 179, 397
Горлов 94, 585, 600
Горчаков А. М., министр иностранных дел России 19, 23, 43, 222
Гранвилл, английский лорд 778, 781
Грен, штабс-капитан 519
Гродеков Н. И., полковник 5, 13, 74, 361, 425, 455, 480, 495, 496, 513, 529, 530, 531, 591, 593, 594, 664, 667
Громов, купец 108, 593, 594
Гротенгельм, полковник 285, 311, 328, 331, 382, 426, 435, 436, 439, 440, 462, 482, 483, 685
Гудим-Левкович, офицер 473
Гуз-сардар 237
Гуляев, подполковник 513, 524, 525
Гулям Физа Рахим-оглы 789
Гульджамал-хан, ханша Мерва 546, 629, 705, 711, 713
Гурчин, генерал 432, 433, 471, 472
Давлетов Д. С., историк 4
Давыдов, штабс-капитан 519
Дегтярева Г. Н., историк-архивист 4
Денель, штабс-капитан 423
Дервиш-ишан 190, 231
Дехтерев, подпоручик 519
Джабар Кули 277
Джаббаркули Худайкулов 13, 610
Джагангир-хан 97
Джансуз-мирза, астрабадский губернатор 290, 302, 339
Джансуз-хан (Измаил) 770
Джарнейл Гос-эд-Дин-хан, афганский военоначальник 779, 785, 786, 787
Джир-Тухмэ 409
Джуламанов Джантеке 47
Джума-батыр 553
Джумагельды Караул-беги 287
Дзивилая Я. С., историк-архивист 4
Долгоруков, полковник 430, 431, 443, 445, 451, 452, 455, 459
Долгорецкий, полковник 430
Дондуков-Корсаков, генерал 669, 693, 694, 696, 699, 724, 725, 732, 733, 743, 735, 745, 756, 762, 769, 772
Досан 128
Дрейлеров, офицер 110
Дурдыклыч 85
Дурды Мурад (из Ахала) 306, 308
Дурды Мурад (из Мерва) 703
Езднаев, переводчик 60, 304
Еланташ-хан Джемшидский, афганский военоначальник 782
Ераме-Казы 59, 80
Есипов, полковник 111, 498
Ефремов 180, 255
Жилинский, полковник Генерального штаба 106
Жуков Петр, купец 239
Жуковская Н. П., историк-архивист 4
Жуковский, офицер 357, 359, 398, 399
Завалишин, офицер 473
Зайкин, офицер 165, 167, 239, 242, 358
Закржевский, подполковник 741, 744, 777, 778, 780, 781, 785, 786

Зариф-хан 713, 714
Зейх-Витгенштейн-Берленбург, генерал 446, 455
Зеленый, генерал 669, 728, 774
Зиновьев П. М., русский посланник в Иране 25, 165, 344, 377, 433, 438, 442, 484, 538, 556, 557, 558, 561, 562, 563, 564, 587, 602, 605, 622, 635, 637, 682
Золотарев, полковник 86, 174
Зродловский, поручик 505
Ибрагим-Хаджи 240
Ибрагимов, штабс-капитан 429, 447
Иванин, генерал 34, 35
Иванов, офицер 8, 106, 127, 128, 129, 135, 136, 181, 183, 196, 197, 198, 202, 203, 208, 214, 221, 227, 228, 229, 230, 232, 234, 235, 236, 241, 245, 251, 252, 255, 256, 260, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 277, 280, 284, 285, 286, 292, 294, 310, 317, 330, 427
Иванов, прапорщик 520
Иванов, сотник 111
Игнатьев, русский посланник в Турции 91
Ильгельды-хан 58, 59, 62, 97, 193, 195
Ильин, картограф 94
Ильясов А. И., историк 2, 3, 16
Иовидзе А. Н., историк-архивист 4
Иомуд-бек 703
Иртазали-инак 133
Исмаил-бек 652
Исмаил-хан Газаре 652
Ишбай 251
Иэт, капитан английской службы 777, 778, 780
Кавалевский, подполковник 381
Каджар-хан 619, 713, 719, 722, 724, 725, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 743
Казанцев, полковник 782
Казы Мурад 128, 129, 131, 133
Какафиз 764, 765
Калитин, поручик 520
Каменецкий, прапорщик 108, 109
Кара-Батыр 307, 450
Кара-Есаул-баши 401
Кара-ишан 703, 710
Кара-сардар 190
Кара-Шайтан 593
Караджа, аксакал 273, 277, 281, 308
Караджа-хан 157, 187, 190, 192, 211, 215, 224, 250, 281, 308, 337
Каракули-хан 626, 627, 628, 629, 641, 672, 679, 698, 710
Карганов, подполковник 448
Каррыев А. К., историк 4, 105
Карры-хан 597, 598
Карягды-сардар 703
Касумов Самат, прапорщик 446, 452
Катенин, генерал 30
Катта-тюря 645, 647
Каульбарс, подполковник 106
Кауфман К. П., туркестанский генерал-губернатор 8, 20, 26, 44, 92, 113, 119, 183, 220, 249, 257, 260, 333, 335, 400, 402, 435, 436, 471, 475, 482, 483, 664, 789
Кашеринников, прапорщик 519
Кегамов, капитан 445
Керим-бек Насырбеков, русский коммерческий агент в Мешхеде 481
Керимберди-ишан 243, 480
Керим, хан туркмен-иомудов 62, 95, 96, 241
Кидяев, канонир 13, 265, 381, 400, 537, 544, 573, 575, 576, 578, 594, 611, 615
Кизыл-Ханов, офицер-переводчик 488
Киряев, полковник 464
Кияшко, хорунжий 695
Clayton, английский офицер 99
Клементьев, топограф 774
Клуген, полковник 159, 341
Клушин, ротмистр 448
Клыч-Капан 340
Клыч-хан 81, 232, 237, 238, 340
Кобылкин, унтер-офицер 784
Кобцов, сотник 786
Козелков, полковник 498, 499, 503, 512, 513, 514, 516, 518, 519
Козлов, капитан 341
Колмаков, полковник 127
Колпаковский Г., генерал 135, 136, 436, 437, 439, 440, 583, 682
Комек-бай, торговец 625, 626, 671

Комаров А. В., генерал 581, 675, 676, 677, 679, 681, 682, 686, 688, 689, 690, 691, 693, 695, 696, 698, 699, 700, 701, 703, 704, 706, 712, 714, 719, 720, 724, 726, 727, 728, 731, 735, 744, 749, 759, 762, 771, 774, 775, 788, 796
Константин, великий князь 43, 173
Константинов Наум, унтер-офицер 503
Коншин Н. Н., купец 638, 641, 642, 669, 670
Корицкий, майор 587
Косми, подпоручик 786
Кошкуль, горный инженер 41, 42
Кошлы-бек 544, 546
Коушут-хан, текинский хан 51, 52, 187, 200, 202, 265, 267, 301, 318, 319, 325, 381, 382, 383, 615, 617
Кошлы-Кази, старшина атабаевских иомудов 539
Краббе Н. К. 19, 20, 23, 43
Красович, капитан 355
Краузе, ботаник 106
Крыжановский, генерал 48, 333
Кодцус-хан, афганский военоначальник 620, 634, 652
Кудф-Ишан 381
Кузьмин-Караваев, полковник 531, 714, 752, 759
Куккуз 107
Куль Батыр-сардар 625, 635
Куль-батыр, старшина хивинских иомудов 251
Кульберг, полковник 792
Кульмурад 251
Кульмурад-кази 538, 544, 546
Кун, коллежский асессор 106
Купаховский, сотник 503, 519
Курбан Иланчи Батыр 224
Курбан Мурад-ишан, главное духовное лицо ахальских текинцев 187, 195, 213, 216, 224, 225, 229, 274, 281, 296, 383, 494, 536, 607
Курбан Назар 67, 68
Курбан Суки 95
Курбанов Ь. К., историк 4
Куркмасов, поручик 520
Куропаткин А. Н. 5, 400, 481, 482, 497, 512, 515, 516, 517, 519, 522, 523, 525, 526, 528, 682
Курочкин, штабс-капитан 786
Лавров, капитан 518
Лазарев, генерал 394, 403, 404, 408, 409, 412, 415, 426, 427, 432, 433, 434, 435, 442, 450, 458, 459, 460, 462, 540
Лассе, капитан английской службы 777
Лебединский, прапорщик 520
Левицкий, прапорщик 407
Лейхтенбергский, герцог 109
Лемсден, английский генерал 774, 777, 787
Лесовский С. С., адмирал 173, 479
Лессар, инженер 13, 585, 587, 588, 590, 615, 623, 650, 658, 663, 683, 719, 720, 721, 725, 742, 743, 744
Лобов, сотник 108
Ловшаков, сотник 305
Ломакин А. А., генерал 72, 124, 137, 138, 158, 164, 166, 168, 170, 176, 177, 178, 181, 184, 189, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 199, 202, 203, 204, 207, 208, 211, 212, 215, 223, 225, 226, 228, 230, 231, 234, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 250, 255, 257, 263, 266, 267, 273, 279, 283, 284, 288, 289, 292, 296, 298, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 310, 314, 319, 320, 322, 325, 332, 334, 335, 337, 341, 342, 344, 345, 349, 350, 356, 359, 362, 384, 392, 396, 398, 403, 405, 408, 413, 416, 417, 426, 431, 432, 433, 435, 439, 440, 441, 442, 455, 457, 458, 461, 462, 463, 540, 664
Лопатинский, прапорщик 502
Лящевич, майор 739
Маградит-хан Хивинский (Сеид Мухаммед Рахим-хан) 73
Магомед-Али 73
Магомед Гашим-хан 722
Маев, капитан 111
Майер, гардемарин 480, 507, 519,
Майлы-хан 626, 629, 641, 682, 689, 703, 710
Макаров С. О., адмирал 472, 477, 478, 479
Мактеев, подпоручик 314
Макухо, есаул 452
Малама, полковник 455, 463
Малиновский, поручик 407
Мамед Аман 277
Мамед Дурды-бек 703

Мамед Керим-хан 81
Мамед Мурад 73, 84
Мамед Назар 237
Мамед Нияз-мулла 29, 30
Мамед Софи 30
Мамед Эмин 329
Мамед Яр-хан 60, 62 63
Мансур 713
Марвин Ч., английский буржуазный историк 600, 631, 632
Маргани, офицер-переводчик 488, 739
Маркозов, полковник 59, 63, 64, 65, 66, 67, 70, 74, 75, 77, 80, 81, 88, 89, 90, 91, 95, 103, 124, 125, 262, 396, 540
Мат-Мурад-беги 483, 685
Мат-Ораз Комек 310
Матлы-хан 308
Маха Магомедов (Мулла Мамед) 8, 272, 273, 280, 290, 514, 519,
Махмуд Недим, визирь Турции 92
Махмуд есаул-баши 240
Махмуд-ишан 155
Махмуд-паша, визирь Турции 91
Махтумкули-хан 12, 474, 475, 480, 491, 495, 544, 545, 546, 554, 574, 575, 583, 590, 606, 607, 617, 626, 627, 629, 672, 679, 684, 685, 686, 688, 720, 736, 737
Мейер, полковник 111, 671, 672, 673
Меликов, генерал 84, 124, 125, 572, 581
Мельников, русский посланник в Иране 734, 745, 770
Мельницкий, капитан 518
Мепеляев, офицер-топограф 530
Мерхелев, поручик 517, 519
Мешади Рагим-бек, переводчик 340
Мешетич, подполковник 533
Мещеринов, генерал 142
Мидхат-паша, визирь Турции 91, 92
Мизиевский, подпоручик 520
Милютин Д. А., военный министр 20, 29, 43, 93, 151, 173, 177, 185, 204, 211, 222, 228, 336, 338, 349, 390, 391, 402, 464, 496, 534
Мир Масум-хан Ишик Агаси Баши 298
Мир Мухаммед 703
Мирза Аббас-хан, английский агент в Мешхеде 601, 634, 673, 770, 789
Мирза Гисамеддин Мирахур 91, 92
Мирза Ибрагим 601
Мирза Мухаммед Осман Мирза-хан-оглы 771
Мирза Мухаммед-Таги 634
Мирза Пальван 427
Мирза Сеид-хан Мотеменкуль Мульк, министр иностранных дел Персии 25, 32, 602, 655
Мирза Хусейн-хан, министр иностранных дел Персии 130, 254, 404
Мирза Юсуф-хан 634
Миршбай 49
Миткевич-Волшанский, капитан 519
Михаил, великий князь 27, 173, 208, 261, 380, 433, 442, 457, 458
Мозер, путешественник 694
Молла Али Ахун 340
Молла-Дундар 193, 314, 325
Молла Курбан 553
Молла Мамед Рахим 725
Молла Саат (Сахат), курьер 760
Мореншильд, подполковник 507, 524
Мориц, прапорщик 519
Музафар-ишан 480
Мулла Дурды-хан 740
Мулла Хаджи Нияз 563
Муллатурсун Муллабулатов 330
Муравьев, полковник 540
Муравьев, поручик 488
Мурад-хан 536
Мурад-хан Арба-бай оглы 689, 698, 703, 709
Муратов, полковник 705, 708, 735
Муртазали-бий 126, 610
Муса Мутавайли, посланник Хивинского хана в Ахал-Теке 9, 196, 208, 209, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 235, 244, 250, 294
Муса-хан, номудский старшина 237, 238, 302, 303, 539, 540
Муса-хан, ставленник Хивинского хана в Иолотани 722
Мухаммед Али-кази 190
Мухаммед-батыр 258
Мухаммед Кутлубулатов 465
Мухаммед Овез Сендгельдыев 533, 539

Мухаммед Рахим 310
Мухаммед Риза Мухаммед Шариф-оглы 771
Мухаммед Сервер-хан 764
Мухаммед-Теке-хан 726, 727, 760, 761
Мухсинова К. З., историк-архивист 4
Мухтар-бек 703
Мушир уд-Довле, наместник Хорасана 254, 551
Навроцкий, полковник 304, 305, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 341, 347, 431, 442, 443, 498, 502, 510, 541, 542, 566, 567, 569
Нагдав-хан 277
Надир Хусейн-шах Митани 97, 98
Надир-шах 190, 191, 729
Назар-батыр 213
Назар-бек 188
Назар-хан 597, 598
Назаров, подполковник 715, 716, 726
Наиб-Салар Тимур-шах, афганский военоначальник 777, 780, 781, 783, 785, 788
Наиб Султан-хан 652
Наиб уль-Гукуме 781, 787
Насирбеков Керимбек, русский коммерческий агент в Мешхеде 587, 609, 634, 651, 652, 684, 734
Насреддин, шах Ирана 418
Насрулла-хан Джами 298, 301, 315, 328, 329, 382, 401
Нацвалов, майор 448
Непир, капитан английской службы 10, 288, 289, 290, 295, 296, 297, 300, 302, 306, 337, 372, 384, 417
Нефес-Мерген 405, 406, 407
Нефталов, поручик 451
Николай Михайлович, великий князь 66
Никшич, полковник 782, 783, 784, 786
Нияз Мамед-ага 250
Нияз Мурад 277
Нобель, нефтепромышленник 198
Новомлинский, полковник 107, 108, 109
Норнов В. Н., историк-архивист 4
Нур-Сахат 703
Нурали 237
Нурберды-хан 9, 56, 57, 82, 155, 187, 191, 192, 195, 196, 197, 198, 202, 204, 211, 214, 215, 216, 220, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 243, 244, 245, 246, 250, 254, 260, 270, 271, 274, 276, 281, 295, 296, 313, 323, 346, 374, 383, 384, 450, 462, 470, 474, 491, 544, 546, 555, 606, 679, 689, 705
Нургельды-Хаджи 341
Нургельды-Хан 52, 53, 59, 79, 632, 666
Нурмамед-сардар 274, 318
Нурмухаммед-ишан 72, 86
Нурнепес 231
Нуров, подпоручик 347, 356
Нусрет-ул-Мульк Али Марданхан 744, 757, 758, 762
О'Донаван 537, 541, 542, 544, 559, 573, 578, 582, 583, 584, 596, 611, 615, 619, 621, 666, 789
Обручев, генерал 552, 637, 641, 649, 682, 705
Овез-бай (из Ахала) 224
Овез-бай (из Иолотани) 788
Овез Дурды-хан 190, 208, 271, 274, 281, 383
Овез Кули-сардар 272, 318, 535
Овез Мурад-сардар (он же Тыкма-сардар) 13, 52, 155, 157, 188, 189, 191, 216, 225, 252, 270 271, 272, 273, 274, 281, 282, 288, 290, 301, 306, 308, 346, 409, 444, 480, 523, 530, 533, 534, 535, 538, 543, 544, 553, 554, 555, 558, 573, 574, 575, 582, 589, 606, 615, 624
Овез-сардар 111, 128, 625
Омельянович, подполковник 110, 111, 128
Оменьянович, полковник 108
Ораз Берды 703
Ораз-Казы 310
Ораз Мамед-хан 52, 190, 225, 271, 274, 276, 281, 296, 383, 480
Ораз Мухаммед-хан 381, 703
Оразберды 533 517, 519
Орлов-Денисов, старшина, граф
Осин Цатуров 316
Остен-Сакен Федор 173
Остолопов, поручик 510
Оуэн, английский врач 777, 786
Павлов, генерал 11, 342, 344, 345, 362, 377, 440, 464, 538, 543, 578

Палван-кули 251, 258
Парфенов, топограф 679
Паша-сардар 544, 546
Петр I 218
Петраш В. В., историк-архивист 4
Петриченко К., капитан 49, 55, 58, 76, 77, 82, 91
Петрусевич, полковник 10, 285, 306, 328, 362, 375, 476, 502, 520
Пещуров А. А., контр-адмирал 477
Письменный, нефтепромышленник 199
Платон-ага, приказчик 623
Пожаров, полковник 464
Полван Мирза-баши 227, 231, 234, 235, 267, 284
Попов, полковник 290, 501, 504, 517, 519, 539
Попов, подпоручик 519
Попович-Липован, подпоручик 450
Прасолов, капитан 778, 787
Прозоркевич, полковник 455
Проценко, полковник 123, 126
Пумпфорт, капитан 448
Рахман Бирган 722
Рахматулла-бий 791
Рахт-сардар 192, 215, 216, 252, 273, 300, 306
Регель, коллежский советник 757, 758
Рейтерн 43, 140
Рерберг, генерал 495, 496, 497, 531, 537, 542, 543, 544, 546, 547, 548, 552, 563, 564, 565, 566, 569, 572, 581, 583, 589, 597, 622, 627, 630, 650, 652, 658, 669, 679, 683, 706, 707
Ропп, штабс-капитан 135, 136
Росляков А. А., историк 105
Ростовцев, штабс-капитан 502
Руднев, подпоручик 520
Руновский, поручик 502
Рукн-уд-Довле, шахзада, наместник Хорасана 283, 301, 621, 651, 653, 726, 758
Рыбушкин, поручик 108
Самаров А. А., историк-архивист 4
Саранычев, полковник 106, 112, 119, 120, 122
Саратов, полковник 110
Сарторпус, английский офицер 600, 605
Сарухан-ага 568, 579, 580
Сары Батыр 224
Сары-хан 626, 650, 682, 689, 698, 703, 709, 714
Сары-хан, старшина полотанских сарыков 672, 721, 723, 724, 725, 742, 743, 747, 748
Саф 307.
Сафонов, майор 451
Сафонов, топограф 530
Сафронова А. И., историк-архивист 4
Святополк-Мирский, генерал 71, 79, 80, 99, 183, 245, 359, 362, 394
Северьян Косых, торговец 622, 625, 627, 630, 669, 671
Сеид-Али-хан (Лютфабадский) 571, 587, 590, 637
Сеид-батыр 281
Сеид-Музафар-Эт-дин, бухарский эмир 594, 791
Сеид-Мухаммед Рахим, хан Хивинский 73, 182, 189, 208, 209, 218, 220, 221, 229, 234, 235, 236, 286, 685
Сеид-Мухаммед Ураков 264, 265, 266
Сеид-Назар-Юзбаши 554, 559, 580, 587, 588, 597, 609, 615, 619, 620, 624, 786
Сеид-Хусейн Сеид-Али Гевхар-оглы 771
Сенников А. А. 15
Сервер-паша, министр иностранных дел Турции 91
Сивинис, майор 513, 514, 515, 516, 525
Сидоров, капитан 2-го ранга 98, 99
Сиях-Пуш, английский агент 13, 685, 686, 712, 713, 719, 721, 722, 723, 724, 725, 736, 737, 739, 740, 742, 743
Скворцов, генерал 539
Скобелев М. Д., генерал 464, 472, 475, 477, 478, 479, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 489, 495, 532, 538, 540, 561, 579, 580, 591, 596, 606, 666
Скорин, капитан 428
Скоров, подполковник 355
Славочинский, поручик 429, 430, 431
Соболев, генерал 669
Соколов П., хорунжий 625, 641, 670

Соловьев А. Г., 15
Сопы Мерген 703
Софи-хан (Ахальский) 87, 155, 157, 187, 188, 214, 215, 216, 225, 243, 249, 250, 270, 272, 281, 288, 295, 307, 308, 348, 523, 535
Софи-хан (из Мерва) 597, 598
Сполатбог, майор 488, 497, 528, 529, 530, 532, 536, 542
Стааль, российский посол в Англии 787
Старосельский 99
Стивен, секретарь английского посольства в Тегеране 590, 600, 774
Струве К. В. 61
Столетов Н. Г., полковник 7, 20, 26, 29, 31, 39, 44, 46, 47, 48, 50, 52, 53, 54, 55, 59, 64, 262, 396
Стремоухов, директор Азиатского департамента МИД 32, 43, 46, 141
Стюарт, английский полковник 600, 633, 634, 666, 686
Сулейман-хан Сааб-ихтиар, астрабадский губернатор 46, 50, 56, 57, 58, 61, 62, 63, 81, 97, 98, 99, 232, 237, 241, 247, 248
Султан Махмуд 724
Султан Мурад 703
Султан Мурад Яджима Мирахур 287
Султанов, офицер-переводчик 488
Таиров Я., царский чиновник 576, 578, 580, 581
Тарасов, генерал 105
Татарин, подполковник 773
Татонов, сотник 446
Тер-Вартанов, переводчик 507
Тергазаров, майор 403, 405, 406, 407, 408, 410
Тергукасов, генерал 432, 456, 457, 462, 463, 464, 540
Тетеков Сафрон, казак 503
Тетеревников А. Н. 38, 39
Тимашев А. 43
Титов, бомбардир 529
Томилов, генерал 463
Томсон, английский посол в Иране 666
Торнау, тайный советник 333, 334
Третьяков, капитан 314
Троицкий, генерал 115
Трубецкий, князь 390
Улуз Нияз-батыр 703
Усачев, прапорщик 519
Уста-Нияз 703
Уста-Хаки 672
Ухтомский Л. А., капитан 2-го ранга 23
Ушаков, прапорщик 519
Фанчинов, сотник 762
Федотова Р. К., историк-архивист 4
Фейзулла-хан 608
Филиппов Б. В., историк-архивист 4
Фок, штабс-капитан 513, 514, 515, 516
Фон-Фале, полковник 705
Форстен, прапорщик 520
Франкини В., генерал 42, 164, 173, 177, 186, 203, 221, 222, 261
Фриде, подполковник 107, 108, 109, 111, 112
Хабалов, подпоручик 786
Хаджи-Али, дервиш 316
Хаджи-Захир-уд-Довле, правитель Хорасана 200
Хаджи-Камиль Яр-Мухаммед-хан-оглы 771
Хаджи Маммед 72, 85
Хаджи Мухаммед-Сардар 637
Хаджи-Низам-ед-Дин Мирза-хан-оглы 770
Хаджи Сеид-Хусейн-оглы 771
Хант Сары-бек 537
Хал-Мухаммед-хан 225
Хал-Назар 306, 307, 308
Халлы-хан 597, 598
Халлы Ханбердыев 533
Халмамет Оразмухаммедов 330
Халмухаммед-вакиль 251
Хан-Могамед Риза-оглы 533, 539
Халлы-сардар 188
Халыча, майор 504
Ханмаммед-аталык 208, 215, 216, 218, 219, 274, 275, 281, 294, 295, 296
Ханыков 372
Харькевич, штабс-капитан 519
Хезрет Кули-хан 190, 271, 274, 281, 383
Хейдар Кули-хан, буджнурдский ильхани 52, 58
Херхеулидзе, подпоручик 504
Ходжа Вали, торговец 765
Тюря-Конгур 274
Тяджмухаммед-бек 236, 251

Ходжа Мир-ишан 740
Ходжа Яхья 713, 714
Ходжакули-хан 52, 208, 554, 558, 559, 630
Ходкевич, прапорщик 502
Хош-Назар Ата-Назар-оглы 694.
Худайберды-хан 187, 191, 245, 249, 250, 274, 288, 308, 461, 536
Худай-Кули-хан 597, 598
Худай-Мерген 676
Худояр кушбеги 239
Хумфрейс, американский генерал 94
Чавчавадзе, подполковник, князь 447, 448
Чайковский, полковник 114
Чары-сардар 703
Чары-хан 597, 598
Чарыков, чиновник МИД России 720, 723, 724, 726
Чеботарев, подполковник 330, 331
Черняев М. Г., туркестанский генерал-губератор 631, 644, 646, 647, 648, 649, 675, 686, 687, 690, 692, 710, 711
Черчель, английский консул в Иране 242
Чингис-хан 190, 191
Чигрин, хорунжий 520
Чопан Анна-Нияз 556, 567, 568, 569, 578, 579
Чудовский, врач 569
Чулаков Сары 47
Шабан Хасан-оглы 771
Шак, генерал 464
Шанаев, капитан 452
Шауфус, майор 452
Шейхим-хан 281, 288
Шейх-Мурад 536
Шеман, офицер 478, 479, 480, 502, 509
Шерман, американский генерал 94
Шестаков Н. 682
Шимановский, русский посланник в Иране 404
Шир-хан, афганский военоначальник 785
Ширали-хан, эмир Афганистана 184, 241, 263, 265, 267, 298, 302, 333, 593, 770, 771
Ширков, подполковник 108
Ших-Кули хан 307, 308
Шкурин, подполковник 504, 509
Шкуринский, полковник 446, 452, 455
Шувалов, генерал 183, 290, 391, 392
Шуджа-уд-Довле, правитель Хорасана 200, 253, 289, 290, 538, 562, 580, 658
Царенкалов, есаул 499
Цепринский-Цекава, подполковник 519
Церенжалов, есаул 498, 527
Эдмунд Комерель, английский адмирал 600
Эристов, полковник 499, 503, 519, 522
Эсадзе Б. С. 5
Эсенбай 258
Эюб-хан, политический деятель Афганистана 562, 586, 620, 665, 711, 714, 722, 723
Юзбек Муртуза 565
Юн Г. П., историк-архивист 4
Юренев, поручик 519
Юсуф-бай 650, 674
Юсуф-бей, ставленник Хивинского хана в Мерве 674
Юсуф-хан 575, 606, 629, 689, 698, 703, 709
Ягмур-хан 597, 598
Ягубов, штабс-капитан 450
Яйлым-сардар 270, 272, 273
Якуб-бек 134
Янушев, поручик 108
Яр-Мамед-хан, буджнурдский ильхани 242, 295, 307, 340, 478, 562, 563
Ярченко, подпоручик 488
Яхья-хан Мушир-уд-Довле, иранский посол в России 765, 766, 767

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдал Топаз, аул 739, 740
Аджаб, ущелье 347, 422
Аджин, местность 309
Азия 6, 205, 333, 334, 378, 395, 396, 397, 475, 562, 594, 622, 646, 661
Айбугирский залив 47
Ак-Ел, высота 406
Ак-Кая, местность 307
Айдын 305, 309, 420, 422
Ак-Кала, укрепленне 99, 242, 290, 339
Ак-Рабат, укрепление 788
Ак-Тепе, укрепление 224, 483, 489, 784
Акча-Кую, колодец 403, 405
Александровский форт 42, 138, 144, 145, 159, 394, 477, 672
Аму-Дарья, река 5, 20, 28, 33, 35 36, 37, 38, 47, 65, 78, 101, 102, 116, 125, 131 (Дарья), 134, 135, 138, 139, 180, 197, 198, 201, 202, 206, 211, 218 219, 226, 234, 243, 259, 266, 284, 287, 293, 326, 333, 335, 363, 364, 366, 380, 385, 467, 481, 482, 485, 593, 594, 648, 664, 672, 673, 675, 680, 681, 751, 770, 791, 795
Аму-Дарьинский бассейн 163
Аму-Дарьинский край 108
Анау, укрепление 209, 223, 245, 376, 382, 480, 490, 522, 560, 561, 569, 571, 586
Англия 9, 36, 92, 93, 183, 184, 249, 262, 267, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 364, 365, 371, 372, 391, 392, 393, 395, 420, 463, 465, 466, 546, 547, 548, 582, 583, 585, 590, 591, 595, 597, 600, 606, 615, 619, 656, 659, 664, 687, 700, 706, 717, 730, 754
Андхой, город 263, 279
Анна Мурад-бай, арык 111, 112
Аральское море 33 35, 42, 78, 138, 139, 363, 370
Арбат-Кала, крепость 28
Арват, колодец 188
Арват, родник 420, 422
Аркадж (Аркач) 307, 338
Артык, селение 557
Арчман, селение 188, 191, 272 274, 280, 281, 309, 318, 340, 435, 440, 443, 444
Астрабад, город и область 33, 34, 38, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 69, 81, 87, 88, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 158, 164, 165, 195, 232, 238, 241, 248, 253, 263, 316, 317, 325, 328, 329, 334, 339, 378, 404, 408, 419, 425, 563, 657
Астрабадская морская станция 21, 22, 23, 26, 28 42, 45, 48, 52, 56, 57, 58, 59, 62, 69, 76, 77, 79, 80, 87, 88, 89, 98, 164, 167, 170, 171, 237, 242, 247, 248, 304, 325, 358

Астрабадский залив 21, 22, 23, 24, 33, 43, 53, 238, 299, 793
Астрабадский округ 333
Астрахань, город 29, 41, 53, 194, 245, 246, 330, 534, 672
Астраханская губерния 145
Асхабад, селение 207, 209, 210, 213, 221, 274, 281, 290, 294, 318, 368, 376, 383, 387, 388, 414, 418, 450, 478, 488, 493, 502, 522, 528, 529, 530, 536, 538, 541, 542, 557, 560, 565, 568, 569, 573, 574, 575, 576, 578, 580, 585, 586, 587, 588, 590, 591, 595, 596, 608, 615, 620, 622, 623, 626, 627, 628, 635, 636, 657, 659, 662, 666, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 679, 686, 694, 695, 701, 705, 716, 720, 725, 726, 730, 731, 732, 734, 735, 738, 743, 744, 747, 749, 753, 754, 785, 789, 795
Асхабадский район 386
Атек, оазис 14, 16, 546, 547, 548, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 566, 567, 568, 576, 578, 579, 580, 585, 586, 588, 630, 632, 637, 641, 643, 653, 654, 657, 658, 660, 661, 662, 663, 667, 668, 691, 715, 730, 752, 754
Атрек, аул 99
Атрек, река 25, 31, 32, 46, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 59, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 90, 91, 96, 99, 102, 124, 141, 142, 151, 155, 159, 160, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 184, 185, 186, 188, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 199, 201, 203, 207, 221, 223, 247, 248, 253, 259, 260, 290, 292, 296, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 349, 350, 351, 355, 358, 363, 364, 365, 377, 378, 379, 383, 385, 387, 388, 389, 391, 392, 393, 411, 414, 415, 416, 420, 421, 422, 423, 426, 436, 437, 459, 470, 472, 474, 475, 476, 484, 531, 540, 541, 543, 561, 563, 570, 602, 790, 793
Атрекская степь 561
Атреко-Гурганский район 193, 218
Афганистан 6, 11, 14, 38, 98, 101, 183, 190, 201, 210, 217, 260, 263, 265, 278, 279, 298, 302, 316, 327, 333, 336, 361, 364, 366, 370, 371, 373, 374, 386, 391, 392, 393, 395, 402, 465, 466, 467, 468, 583, 585, 586, 595, 599, 614, 615, 619, 620, 633, 638, 659, 664, 686, 687, 702, 724, 730, 746, 747, 750, 754, 756, 764, 768, 792, 794, 795
Атток, город 37
Афганский Туркестан 466
Ахал (Ахал-Теке), оазис 8, 9, 10, 11, 12, 13, 56, 62, 81, 88, 155, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 216, 218, 219, 221, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 235, 236, 241, 243, 248, 249, 250, 252, 253, 254, 257, 258, 259, 260, 261, 263, 266, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 282, 283, 284, 288, 289, 299, 294, 295, 296, 297, 303, 304, 305, 307, 310, 311, 317, 318, 321, 324, 325, 326, 328, 331, 332, 335, 337, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 353, 359, 362, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 374, 375, 376, 377, 379, 380, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 393, 395, 399, 402, 403, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 420, 421, 422, 426, 427, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 442, 449, 450, 456, 457, 458, 463, 466, 467, 468, 469, 473, 474, 475, 478, 480, 481, 482, 484, 485, 486, 487, 489, 495, 496, 497, 528, 529, 531, 533, 535, 536, 537, 539, 541, 542, 543, 544, 546, 556, 562, 565, 575, 576, 589, 591, 593, 599, 620, 638, 664, 672, 696, 716, 764, 790
Азал-текинских округ 567, 569, 571, 574, 581, 591, 641
Ахча-Куйма 309, 488, 493
Ашир, местность 218

Ашреф, местность 316
Ашур-Ада, остров 22, 23, 38, 43, 47, 58, 59, 62, 69, 83, 96, 98, 99, 100, 164, 173, 238, 793
Ашхабад, город 1, 2, 3, 12, 13, 83, 100, 105, 600, 669
Баба-Араб, укрепление 387
Баба-Дурмаз, селение 568, 579, 580, 585, 586, 603, 752
Багдад, город 652
Багир, укрепление 620
Бадахшан, область 644
Бакаул, селение 401
Бай-Базар, селение 128
Байрам-Олум, переправа 341
Бакинская губерния 148
Бакинский порт 172
Баку, город 105, 159, 176, 191 193, 204, 218, 243, 245, 246, 296, 298, 299, 414, 477
Баламургаб, селение 774, 786, 787
Балх, область 37, 38, 97
Балханский залив 39, 43
Балханы, горы 7, 27, 28, 29, 30, 39, 42, 43, 46, 47, 48, 50, 52, 54, 55, 56, 61, 62, 64, 65, 68, 74, 75, 76, 77, 87, 160, 176, 199, 200, 249
Бами, укрепление 274, 281, 307, 308, 309, 317, 428, 429, 430, 435, 443, 469, 475, 476, 481, 486, 493, 526, 528, 530, 540
Батум, город 374
Бахарден, укрепление 318, 444
Баят-Хаджи, селение (Баят-Хаджи-Олум) 165, 166, 172, 173, 174, 194, 195, 196, 213, 341, 345, 421
Бедиркент, селение 179
Безмеин, укрепление 274, 318
Бек-Тепе, холм 430, 431
Бековича, коса 161
Белый бугор, остров 70, 357
Белуджистан 373
Бенд-Есен (Бендесен), укрепление 346, 347, 360, 383, 427, 428, 430, 431, 442, 443, 444, 445, 460, 468
Беурме, укрепление 188, 191, 199, 260, 274, 296, 306, 307, 308, 309, 314, 317, 321, 348, 383, 387, 389, 409, 435, 438, 441, 442, 443, 444, 454, 460, 461, 469, 470, 475, 530, 535, 594,
Беш-Кала 187, 191, 215, 246, 252, 281, 290, 301
Бомбей, город 37
Боржоми 433, 456
Бугдайлы, озеро 223
Бугдайлы, селение 339, 341, 357, 358, 359
Буджнурд, город и область 51, 337, 371, 373, 376, 383, 384, 387, 478, 580, 667
Бузат, местность 305
Бузачи, полуостров 35, 86, 142, 155
Буз-Булат, колодцы 594
Бураджа, колодцы 526
Бурдалык, селение 471
Бурнак, колодцы 403, 405, 406, 407, 408
Бухара, город 5, 6, 7, 37, 38, 45, 47, 85, 91, 92, 97, 138, 162, 190, 197, 226, 234, 284, 287, 298, 316, 317, 327, 361, 363, 366, 374, 386, 434, 466, 474, 567, 592, 593, 594, 598, 610, 644, 672, 676, 680, 696, 714, 720, 724, 770, 791, 795
Бухарское ханство 7, 19, 36, 335, 397, 646, 791
Бухарский эмират 7, 287
Вашингтон, город 93
Великобритания 210
Волга, река 36, 795
Газават (Хазават), селение 128
Гасан-Кули, селение 49, 55, 59, 70, 82, 166, 247, 356, 357, 358
Гасан-Кулийский залив 173, 602
Гатчина, село 532
Гаудан, селение 658
Гезли-Ата, колодцы 67
Гек-Кейталь, урочище 603
Геок-Тепе, селение в Мервском оазисе 742, 743
Геок-Тепе, крепость 10, 11, 12, 188, 189, 190, 195, 213, 214, 215, 217, 225, 274, 281, 294, 306, 309, 319, 344, 376, 386, 387, 388, 435, 437, 438, 441, 444, 445, 454, 458, 460, 462, 474, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 484, 485, 487, 488, 489, 491, 493, 494, 497, 507, 509, 521, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 534, 536, 538, 540, 554, 557, 562, 572, 574, 589, 591, 606, 612, 657, 715
Геок-Тепинский район 386

Герат город и область 10, 38, 333, 366, 369, 370, 373, 391, 392, 393, 395, 466, 467, 537, 562, 567, 583, 586, 587, 590, 592, 600, 620, 660, 665, 731, 748, 755
Гератская долина 660
Гермаб, речка 295
Гермабское ущелье 602
Гермабский перевал 658
Гери-руд (Теджен), река 366, 370, 726, 776
Гилян, область 46, 98
Гиндукуш, хребет 467, 664
Гиссар, город и область 45
Грузинская ССР 4, 14, 24, 26, 38, 42, 43, 45, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 80, 81, 83, 85, 88, 89, 91, 96, 97, 100, 105, 157, 158, 168, 177, 181, 185, 186, 188, 193, 195, 197, 198, 199, 200, 203, 208, 209, 211, 212, 213, 215, 219, 221, 222, 223, 224, 227, 228, 230, 231, 232, 234, 235, 236, 239, 241, 242, 243, 246, 247, 248 249, 251, 252, 253, 254, 255, 257, 258, 263, 264, 265, 267, 268, 269, 270, 273, 277, 278, 280, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 292, 294, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 310, 311, 314, 316, 317, 319, 320, 322, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 342, 344, 345, 349, 350, 351, 356, 357, 359, 362, 363, 374, 377, 380, 381, 382, 384, 390, 394, 395, 400, 403, 408, 411, 430, 431, 432, 433, 435, 437, 438, 440, 442, 455, 456, 457, 458, 561, 462, 463, 464, 465, 470, 471, 472, 476, 478, 543, 657, 658, 670, 672, 682, 686, 688, 691, 692, 693, 696, 697, 698, 701, 704, 705, 706, 714, 715, 727, 728, 730, 732, 733, 734, 735, 752, 753, 756, 757, 759, 762, 776, 788, 789, 796
Губа-Даг (Куба-Тау), гора 129
Гумбеди-Кабус, селение 95
Гулистан, город 599
Гюмиш-Тепе, селение 51, 53
Гюрген, река 7, 25, 31, 46, 53, 75, 80, 82, 90, 96, 99, 160, 168, 170, 179, 255, 259, 311, 339, 411, 415
Гязский берег 97, 218, 298, 299, 657
Гяурс, укрепление 12, 366, 368, 369, 372, 376, 382, 487, 544, 546, 560, 568, 571, 574, 579, 580, 587, 588, 603, 623, 630
Дагестан 44
Дагестанская область 71, 83, 124, 148, 158, 159
Дада-Гумбет, курган 355
Дайна, селение 459
Даргана, селение 570
Дарджа, полуостров 332, 424
Дау-Кара, местечко 132, 133, 134
Даулет, колодцы 428
Дашли-Кабил, селение 176
Декча, колодцы 67
Демирджан, колодцы 428
Демирджан, горы 405
Денгли-Тепе (Геок-Тепе), крепость 438, 441, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 453, 454, 459, 476, 502, 507, 510, 514, 515, 516, 517, 518, 521, 522, 523, 525, 526, 529
Дерагез, город и область 326, 329, 368, 371, 372, 383, 548, 571, 600, 653, 666, 789
Дехистан (Дахистан), горная местность 296
Дженги (Зенги), селение 309, 317
Джеган-Нума, возвышенность 297, 302
Джемала (Джемал Тогалак), колодцы 87, 88, 189, 190, 262, 324
Джермабское (Гермабское) ущелье 504, 505, 506
Динар, колодцы 481
Долний, остров 142
Дуз-Олум, селение 177, 186, 430, 431, 432, 442, 456, 462, 468, 469, 473, 476, 553
Дурун, укрепление 435, 438, 440, 441, 443, 444, 459, 493, 569, 602
Душак, селение 552, 559, 637
Европа 181, 261, 332, 334, 364, 365, 594, 666, 755
Европейская Россия 332
Еген-батыр, селение 445, 446
Еген-Газах, колодцы 429, 444
Египет 91
Заатрекская степь 237
Закавказье 672
Закаспийский край 78, 124, 125, 138, 140, 141, 142, 148, 150, 151, 158, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 177, 184, 200, 210, 242, 245, 247, 326, 327, 342, 377, 378, 380, 385, 391, 394, 396, 397, 400, 409, 411, 413, 414, 415, 416, 425, 462, 464, 466, 467, 471, 472, 477, 478, 484, 485, 486, 487, 492, 494, 496, 530, 531, 544, 548, 552, 656, 657, 753
Закаспийская область 9, 12, 13, 15, 353, 532, 538, 540, 541, 543, 552, 553, 554, 555, 556, 563, 564, 565, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 581, 585, 587, 588, 589, 590, 591, 595, 596, 598, 603, 604, 605, 608, 614, 620, 621, 622, 625, 628, 629, 631, 632, 633, 635, 636, 637, 639, 641, 648, 650, 651, 652, 656, 657, 658, 665, 672, 673, 674, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 684, 685, 689, 692, 693, 694, 695, 698, 700, 702, 705, 706, 713, 714, 719, 727, 749, 751, 752, 753, 758, 759, 760, 764, 768, 769, 770, 772, 789, 793, 794, 795, 796
Закаспийская степь 76, 77, 199, 201, 206, 210, 473, 532
Закаспийское побережье 70
Зау, укрепление 308, 309, 314, 317
Зеравшан, река 791
Зири-Ку, хребет 603
Зиятдин, город 792
Змукшир, селение 111, 114, 117, 118, 196, 481
Зур-Абад (Зурабад), укрепление 370
Зурабад, селение, 726, 743, 756
Зюльфагар, селение 773, 776, 788
Игды, колодцы 96, 188, 191, 192, 204, 380, 385, 481
Иджара, местность 420
Иезд, область 22
Изгант, селение 523, 524, 525, 536
Илех-Салеш, колодцы 525, 526
Ильялы, селение 111, 115, 118, 119, 121, 123, 128, 179
Имам-Баба, селение 776
Инд, река 36, 37, 656
Индия 9, 36, 38, 88, 91, 93, 333, 334, 336, 364, 371, 372, 373, 393, 395, 434, 465, 467, 584, 665, 692, 731, 754, 756
Иолотань, селение и оазис 14, 713, 714, 722, 723, 726, 728, 730, 735, 742, 747, 748, 749, 758, 769, 773, 775
Ирназар, переправа 310
Исмамут-Ата, селение 182, 279
Иссен-Кули, колодцы 405
Ишмак, колодцы 526
Каахка, селение 480, 530, 554, 559, 580, 586, 587, 588, 590, 597, 615, 619, 622, 624, 625, 643, 669, 734, 789
Кабаклы, местность 234
Кабиль, колодцы, 403, 405, 406, 407, 408
Кавказ 72, 77, 79, 94, 125, 137, 138, 221, 226, 229, 335, 392, 396, 397, 399, 410, 436, 472, 528, 599, 677, 688, 725
Кабул, город 37, 297, 298, 373, 466, 537, 553, 664
Каджары, местность 345
Казалинск, город 44, 363, 436
Казанджик, укрепление 309, 321, 420
Казань, город 646
Кайтак, колодцы 526
Кала-и-Мор, селение 778, 786, 787, 788
Кала-и-Ноу, селение 786
Калуга, город 646
Кандагар, город и область 373, 466, 537, 755
Кама, река 36
Капланлы, селение 309
Карабугаз (Кара-Богаз), залив 30, 96, 223, 262, 270, 271, 277, 300, 305, 405, 540, 543
Караган, селение 441
Кара-Дашлы 291, 341
Караджа, колодцы 526
Караджа-батыр, селение 359
Кара-Кала (Карры-Кала), селение 51, 53, 90, 91, 195, 208, 290, 295, 296, 307, 317, 321, 344, 345, 371, 422, 426, 427, 428, 430, 435, 666
Кара-Карыз, селение 453

Каракуль (Кара-Куль), селение 593, 610
Кара Сенгир, аул 305, 426, 428, 429, 431, 436
Каратау (Кара-Тау), гора 35, 131
Каратегин, область 45
Карры-Бент, селение 13, 554, 643, 680, 681, 708, 735, 736, 737, 743, 763
Карыб-Ата, искусственное озеро 736, 737
Карсанджик, родник 420
Карун, река 667
Карши, город 613
Каспийско-Аральская степь 75
Каспийское море 5, 7, 16, 19, 20, 21, 23, 24, 28, 32, 33, 35, 39, 40, 41, 42, 46, 76, 78, 99, 124, 125, 137, 138, 140, 141, 142, 165, 168, 170, 183, 197, 211, 222, 226, 236, 243, 260, 284, 333, 334, 335, 363, 365, 366, 370, 374, 414, 467, 540, 602, 639, 646, 648, 656, 673, 676, 752
Каспийское побережье 23, 32, 34, 41, 42, 71, 75, 78, 123, 172, 299, 656
Каф, город 585, 600
Кафир-Кала, местечко 634
Кашгар, область 644
Кашка-Дарья, река 791
Кветта, город 634
Кейсесу (Мнхайловский залив) 48, 52
Келат, город 224, 371, 527, 558, 586, 652, 669
Келатские горы 371
Келат-Насир, селение 302
Келеджар, селение 535
Келете, укрепление 224, 371, 527, 558
Кельте-Чинар, селение 560, 561, 569, 580, 603
Кельте-Чинарское ущелье 571
Кербела, округ 333
Керки, город 241, 287, 594, 791
Керчь, город 600
Кетуль, округ 95, 232
Кеши, селение 490
Кизылай, отрог 403, 405, 406, 407
Кизыл-Арват, селение 11, 54, 76, 87, 89, 90, 191, 200, 204, 207, 209, 222, 223, 230, 245, 260, 261, 262, 272, 274, 280, 282, 283, 284, 290, 291, 292, 295, 296, 301, 302, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 317, 318, 319, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 340, 342, 343, 344, 346, 356, 366, 369, 396, 409, 417, 419, 420, 422, 423, 426, 427, 431, 435, 436, 444, 467, 468, 469, 470, 472, 473, 478, 481, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 491, 535, 536, 540, 544, 568, 591, 657
Кизыл-Арватское ущелье 312, 313, 319, 320
Кизыл-Кум, пустыня 541
Кизыл-Сакал, колодцы 526
Кизыл-Чешме, селение 309, 317
Кизыл-Такыр, селение 110, 111, 112, 117, 119, 123, 131, 481
Кизылли-Тепе, селение 776, 777, 778
Киндерлинский залив 35, 49, 96
Кинтак, местность 128
Кипчак, селение 128, 131, 132
Кирел, остров 142
Киргизская степь 20, 29, 32, 36, 38, 379
Китайский Туркестан 36
Клычбай, арык 293
Китай 36, 364
Кодж, укрепление 308, 309, 317, 428, 431, 469
Коджский перевал 428
Кокандское ханство 19, 36, 363, 397
Константинополь, город 31, 218, 243, 312, 541, 596
Копет-Даг, горы 200, 376, 387, 389, 431, 435, 442, 445, 467
Коушут-Каласы (Коушут-хан-кала), крепость 652, 654, 655, 719, 720, 726, 727, 728, 737, 740, 744, 749, 758
Коушут, селение 570
Красноводск, город 8, 9, 23, 24, 25, 26, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 55, 56, 58, 60, 62, 64, 71, 74, 76, 77, 79, 86, 96, 97, 104, 123, 125, 126, 138, 140, 141, 144, 155, 158, 159, 165, 166, 167, 168, 169, 173, 175, 176, 177, 178, 187, 188, 189, 191, 192, 193, 197, 198, 200, 210, 212, 213, 214, 215, 216, 218, 221, 226, 227, 229, 232, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 252, 259, 262, 267, 270, 280, 288, 289, 290, 296, 303, 304 305, 312, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 325, 326, 327, 328, 331, 332, 338, 343, 348, 351, 357, 359, 360, 362, 363, 364, 365, 367, 369, 394, 396, 397, 403, 405, 406, 409, 410, 414, 418, 419, 420, 421, 422, 424, 425, 432, 437, 461, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 476, 477, 478, 485, 486, 531, 543, 670, 676
Красноводская станция 24
Красноводский залив 19, 20, 21, 23, 26, 27, 29, 33, 35, 38, 42, 44, 48, 59, 63
Красноводский порт 43
Красноводский район 148
Красноводское приставство 144, 151
Красноводское укрепление 145
Куба-Тау (Губа-Даг), горы 132
Кукертли, местность 197
Кулали, остров 142
Кулан-Рабат, развалины крепости 736, 737
Кульчар, местность 131, 132, 134
Кулян, местность 112
Кум-Себшен, колодцы 193, 195, 198, 213, 214, 215, 227, 246, 262, 432, 482
Кум-яб, селение 736, 737
Куматлы, селение 450
Кунград, город 65, 102, 121, 279, 465
Кунградская область 102
Куня-Ургенч, город 106, 117, 118, 121, 227, 246, 255, 256, 331
Курган-Махмуд-Кала, укрепление 128
Курдистан 190
Кутун-Куйма, местность 309
Кучан, город и провинция 9, 252, 253, 254, 270, 276, 288, 289, 290, 295, 296, 337, 368, 371, 373, 382, 384, 387, 478, 548, 580, 667.
Кушка, река 773, 776, 777, 778, 780, 781, 782, 784, 785
Кюрен-Даг, хребет 89, 90, 320, 321, 346, 421, 467, 541
Кярыз, укрепление 224, 249, 295, 340, 346, 462, 491
Кяфш-Рири, деревня 297
Лаудан, местность 102, 128, 131, 134, 285
Лебаб, урочище 287
Ленинград, город 6
Ленкорань, город 58, 62
Ливадня, местечко 261, 482
Лондон, город 183, 582, 599, 605, 787
Лорн, река 599
Лютфабад, город 530, 547, 579, 586, 588, 595, 603, 623, 632, 637, 666, 669, 726, 752, 759
Мазандеран, область 46, 97, 98, 298
Маймене (Меймене), город и область 38, 107, 263, 279, 593, 609, 660, 719, 724
Макарьев, город 194, 245, 246
Малые Балханы 174, 175
Мамед-Абад, город 586
Мамет-Яр, колодцы 526
Мамуткуль, курган 136
Мана, город 459
Мана, долина 387
Мангышлак, полуостров 34, 35, 74, 96, 103, 142, 159, 167, 206, 361, 365, 424, 468, 475, 676
Мангышлакский уезд 42, 96, 103, 123, 124, 125, 196, 410, 424
Мангышлакское приставство 8, 126, 143, 148, 205, 383
Мангыт, селение 131
Маныш, селение 560, 561
Медина, город 771
Мекка, город 72, 243, 245, 246, 312, 316, 770
Мерв (Мары), оазис 11, 12, 13, 15, 37, 101, 162, 183, 184, 187, 188, 195, 196, 197, 200, 201, 210, 217, 222, 234, 236, 241, 243, 249, 260, 261, 263, 264, 265, 266, 278, 279, 283, 284, 297, 298, 301, 311, 314, 315, 317, 321, 325, 326, 327, 329, 333, 335, 337, 338, 342, 346, 361, 363, 366, 374, 375, 376, 381, 382, 383, 386, 388, 389, 391, 392, 395, 401, 410, 411, 420, 434, 462, 463, 464, 466, 474, 480, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 494, 497, 526,

529, 530, 531, 534, 535, 537, 538, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 551, 553, 554, 556, 560, 564, 565, 566, 567, 569, 573, 575, 576, 577, 579, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 598, 599, 606, 608, 610, 612, 615, 618, 621, 623, 626, 627, 629, 631, 638, 642, 648, 657, 660, 663, 664, 669, 672, 675, 678, 679, 680, 682, 685, 686, 688, 690, 692, 695, 696, 698, 702, 703, 706, 714, 719, 725, 726, 730, 732, 734, 737, 740, 747, 751, 755, 757, 771, 795

Мервские степи 379

Мерген, колодцы 524, 525 142

Мертвый Култук, залив 42, 124

Меручак, селение 725, 774

Местдовран, местность 341

Мехнє, селение 371, 552, 559, 637

Мешхед, город 37, 283, 288, 297, 298, 301, 325, 326, 328, 329, 337, 470, 480, 534, 538, 544, 551, 553, 554, 556, 559, 562, 564, 567, 574, 577, 578, 580, 582, 583, 586, 588, 592, 600, 615, 619, 651, 657, 666, 669, 673, 682, 684, 708, 721, 726, 730, 743, 744, 757

Мешед-и-Мисриан (городище) 339, 341, 361, 546, 610

Михайловская бухта 54

Михайловский залив 46, 174, 200, 261, 291, 303, 342, 343, 344, 477, 478, 656

Михайловское, укрепление 77, 262, 394, 481

Молла-Кара, селение 64, 65, 66, 68, 77, 192, 303, 307, 320, 321, 322, 419, 420, 422

Москва, город 6, 623, 670, 671

Муравьевский порт 39

Муравьевская бухта 38, 48

Мургаб, река 13, 101, 234, 261, 263, 265, 287, 373, 434, 593, 612, 679, 700, 701, 719, 720, 725, 729, 731, 742, 746, 751, 753, 772, 773, 774, 778, 779

Мургабский оазис 639, 657, 678

Мурза-Черли, колодцы 526

Мурче, укрепление 318, 444

Мухаммед-Абад, город 667, 668

Мэгна (см. Мехна) 571

Назар-Куль, колодцы 524

Небит-Даг 472

Неджеф, округ 333

Нефсе-Кули, колодцы 481

Нижний Новгород 36, 194

Николаевская станица 145

Нияз, колодцы 428, 429

Новруз-Абад, селение 200

Нохур, селение 318, 340, 371, 444, 476, 478, 530, 538, 772

Нукус, город 127

Огламыш, колодцы 432

Огурчинский, остров 42, 142, 424, 543

Оренбург, город 15, 30, 36, 47, 49, 85, 86, 363, 644

Оренбургская степь 44

Оренбургский край 42

Орск, город 136

Орта-кую, колодцы 88, 97

Ост-Индия 36, 333

Паранамиз, хребет 373, 467

Пендинский оазис (Пенде) 14, 16, 659, 727, 728, 742, 745, 748, 757, 774, 777, 784, 787

Перлав, селение 224

Персия (Иран) 6, 9, 22, 24, 25, 26, 28, 32, 40, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 76, 79, 80, 81, 87, 88, 89, 91, 96, 97, 100, 101, 129, 130, 142, 158, 161, 164, 170, 171, 178, 184, 185, 190, 200, 201, 217, 218, 234, 237, 238, 241, 242, 247, 249, 250, 252, 253, 254, 255, 257, 259, 260, 262, 263, 265, 266, 270, 273, 274, 276, 279, 281, 283, 288, 289, 296, 298, 299, 301, 302, 307, 314, 316, 323, 325, 326, 328, 329, 333, 334, 338, 339, 344, 345, 365, 370, 371, 372, 373, 374, 377, 378, 385, 386, 388, 389, 392, 402, 403, 404, 410, 411, 413, 417, 419, 424, 425, 437, 442, 459, 460, 465, 466, 470, 473, 474, 475, 476, 478, 480, 484, 485, 487, 488, 490, 492, 528, 530, 531, 534, 536, 538, 545, 547, 552, 555, 558, 559, 562, 563, 564, 567, 569, 570, 571, 572, 574, 579, 581, 583, 584, 587, 590, 592, 595, 596, 598, 602, 603, 604, 605, 614, 619, 621, 622, 632, 635, 636, 653, 655, 657, 658, 659, 662, 666, 672, 675, 683, 692, 702, 707, 709, 723, 724, 727, 729, 730, 733, 734, 744, 745, 746, 750, 753, 759, 766, 767, 768, 769, 794, 795

Персидский залив 666, 667

Перуаз, укрепление 270

Петербург (Санкт-Петербург), город 12, 14, 25, 29, 43, 79, 130, 136, 151, 261, 413, 435, 436, 471, 494, 531, 534, 578, 595, 630, 664, 696, 706, 723, 735, 768

Петергоф 641, 649

Петро-Александровск, укрепление 35, 128, 135, 180, 219, 228, 229, 259, 331, 376, 426, 482, 564, 615, 618, 675, 694, 695, 723, 795

Петровск (Махач-Кала), город 20, 36, 71, 362, 477

Пешавар, город 37, 364, 372, 434, 645

Питняк, город 197, 426, 436, 437,

Подгорный, остров 142

Полван-Ата, канал 293

Порсу, селение 129, 132

Порсу (Старое), развалины селения 132

Прикаспийская степь 17, 383

Раз, селение 459

Решт, город 573, 582

Россия 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14, 16, 21, 25, 28, 30, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 44, 47, 48, 59, 62, 72, 76, 79, 81, 83, 84, 85, 92, 93, 94, 97, 98, 100, 101, 102, 113, 129, 130, 142, 145, 160, 161, 164, 172, 177, 184, 193, 195, 199, 202, 205, 209, 218, 225, 226, 241, 250, 253, 255, 257, 265, 273, 275, 287, 289, 305, 321, 327, 332, 333, 334, 337, 362, 369, 381, 385, 391, 392, 393, 401, 414, 417, 423, 424, 425, 432, 433, 449, 464, 472, 481, 484, 496, 497, 513, 528, 535, 541, 545, 546, 549, 554, 564, 567, 573, 574, 575, 577, 582, 583, 591, 593, 597, 599, 600, 603, 614, 625, 631, 641, 642, 644, 645, 649, 653, 657, 659, 660, 670, 674, 683, 687, 689, 691, 693, 700, 703, 705, 706, 713, 715, 717, 722, 725, 726, 727, 733, 746, 748, 751, 755, 756, 785, 787, 788, 792, 794

Рукнабад, укрепление 727, 728, 744, 758

Салар-Кала, укрепление 729

Самара, город 36

Самарканд, город 287, 310, 397, 436, 613, 664

Самурское, укрепление 488, 493, 499, 500, 507, 528

Санчи-Сават, селение 475

Сарджали, урочище 240

Сары-Камыш, озеро и впадина 7, 64, 65, 67, 71, 77, 102, 188, 195, 214, 221, 226, 227, 246, 363, 396, 436

Сары-Язы, селение 774

Саудагер, урочище 426, 436, 437,

Святой, остров 142

Северная Карабугазская дорога 198

Сеистан, область 302, 466, 584

Серахс, селение 315, 329, 366, 372, 373, 382, 401, 426, 436, 531, 552, 553, 554, 557, 558, 559, 562, 583, 588, 590, 597, 651, 726, 727, 729, 756, 775, 788,

Серахс Новый, укрепление 370, 651, 729, 740, 744

Серахс Старый, укрепление 298, 301, 315, 329, 370, 654, 729, 735, 744, 762, 763, 766, 767

Сербия, 316

Серебряный бугор 38, 51, 52, 53, 58, 69, 76, 80, 82, 165, 173, 299

Сибирь Западная 595, 596

Соймовская бухта 27

Средняя Азия 5, 9, 20, 32, 33, 36, 37, 38, 40, 44, 47, 48, 75, 79, 91, 92, 93, 94, 100, 101, 103, 125, 138, 153, 168, 170, 172, 183, 218, 249, 259, 332, 334, 335, 361, 363, 364, 366, 390, 391, 392, 393, 402, 404, 465, 466, 467, 499, 562, 595, 605, 606, 644, 645, 647, 648, 649, 660, 673, 683, 687, 700, 755, 793, 794

СССР — Союз Советских Социалистических Республик 5, 16, 83, 359, 384, 432, 439, 455, 530, 531
Ставрополь 456
Султан-Вейс, гора 128, 286, 330
Сумбар, река 90, 195, 208, 222, 230, 340, 341, 343, 355, 356, 366, 378, 383, 387, 389, 421, 422, 430, 459, 474, 541, 570, 602, 656
США — Соединенные Штаты Америки 93, 94, 364
Сыр-Дарья, река 36, 44, 198, 363, 595
Сюйли, колодцы 403
Сюльмен, колодцы 223, 403, 406, 407, 408
Сюнче, селение 318, 444
Тавриз, город 296, 373
Таган-Клыч, селение 339
Талдык, часть старого русла Аму-Дарьи 47
Тамлы, местность 196
Тахта-Мухаммед, селение 241
Таш-Арват-Кала, укрепление 59, 66, 67, 74, 75, 77
Таш-Верды, местность 341
Ташауз, город 292, 293
Ташкент, город 6, 7, 36, 44, 92, 106, 121, 135, 197, 261, 397, 400, 596, 644, 672, 679, 769
Таш-Кепри 773, 776, 777, 779, 781, 783, 787
Тегеран, город 9, 40, 43, 46, 70, 97, 98, 100, 170, 171, 177, 242, 247, 250, 253, 254, 260, 271, 275, 276, 279, 282, 283, 288, 289, 290, 295, 296, 297, 315, 316, 329, 345, 349, 373, 377, 382, 389, 398, 401, 402, 409, 419, 484, 547, 556, 557, 558, 561, 563, 566, 570, 571, 578, 582, 596, 605, 636, 637, 653, 654, 667, 685, 727, 733, 749, 753, 770
Теджен (Теджен-Дарья), река 529, 547, 554, 556, 587, 737
Теджен, селение 13, 253, 254, 366, 370, 480, 487, 492, 497, 523, 531, 547, 554, 558, 560, 567, 587, 624, 643, 654, 660, 680, 681, 688, 693, 697, 699, 702, 727, 743, 749, 750, 753, 758, 761, 762, 763, 766, 769
Теджженский оазис 643, 768
Текенджик-Олум, переправа 340, 475, 476
Текинская степь 377
Терс-Акан, селение 347, 383, 423, 428, 430, 456, 541
Тильки, селение 489
Тифлис, город 48, 49, 70, 75, 79, 90, 99, 129, 243, 288, 322, 330, 362, 420, 477, 609, 669
Топпатан, колодцы 7, 67, 68, 87, 88, 91, 324
Тохлу, родник 67
Троицк, город 36
Туркестан 31, 125, 221, 222, 333, 335, 365, 366, 397, 466, 482, 552, 595, 639, 648, 665
Туркестан Афганский 594, 652
Туркестанская степь 298
Туркмения (Туркменистан) 1, 2, 3, 5, 7, 11, 14, 15, 16, 21, 33, 37, 49, 61, 81, 83, 97, 100, 105, 113, 129, 135, 137, 139, 142, 145, 153, 155, 161, 177, 188, 184, 193, 208, 209, 222, 225, 233, 241, 253, 257, 263, 273, 289, 294, 298, 302, 305, 307, 317, 321, 332, 337, 353, 369, 385, 401, 413, 417, 432, 433, 449, 456, 465, 472, 481, 484, 497, 513, 545, 549, 555, 572, 577, 583, 591, 593, 599, 625, 641, 653, 671, 673, 689, 705, 717, 721, 737, 753, 769, 785, 789, 794
Туркмения Западная 6, 8, 16, 19, 46, 427
Туркмения Юго-Восточная 240
Туркмения Южная 16
Туркменская ССР 1, 2, 3, 4, 6, 14, 30, 37, 42, 174, 495, 497, 533, 540, 541, 542, 543, 545, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 563, 567, 569, 570, 571, 580, 585, 587, 588, 589, 590, 591, 597, 608, 614, 619, 620, 621, 622, 623, 628, 629, 630, 632, 633, 643, 650, 651, 652, 663, 665, 667, 670, 689, 705, 706, 712, 719, 790
Туркменская степь 10, 26, 97, 101, 102, 103, 104, 222, 227, 232, 299, 300, 336, 339, 377, 378, 388, 546
Турция 91, 92, 181, 315, 323, 327, 328, 333
Туф, местность 300

Гуяр, колодцы 432
Тыкма-Каласы, крепость (Беурме) 215
Тюб-Караганский залив 35, 145
Узбекская ССР 1, 2, 3, 4, 26, 27, 32, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 52, 54, 61, 64, 69, 80, 84, 88, 89, 91, 105, 106, 124, 129, 130, 132, 135, 136, 151, 173, 287, 331, 380, 381, 382, 401, 402, 404, 409, 410, 412, 426, 427, 434, 436, 437, 439, 440, 482, 483, 583, 599, 611, 631, 673, 684, 685, 689, 695, 756
Узбой, старое русло Аму-Дарьи 68, 160, 187, 193, 199, 222, 228, 259, 380, 385, 481
Узун-Кую, колодец 246
Узун-Су, залив 174
Украина 5
Урал 363
Уральская область 47, 125, 142, 198, 362, 363
Ургенч, город 98, 110, 195, 790
Уруш-Думан, селение 776
Усть-Урт, плато 42, 47, 86, 167, 475
Уч-Учак, высота 197
Ушак, селение и колодцы 321, 420, 451
Ушак-Бент 266
Фазек, селение 651
Фендереск, округ 232
Фируза, селение 290, 603, 604
Франция 571
Хаджи-Кара (Али Абад), холм 95
Хаджи-Мамед, урочище 371
Хазар Маджид, хребет 376
Хазават (Газават), селение 114, 117, 118, 181, 330
Хазаватский канал 114, 117, 118, 179, 182, 293
Хазарасп, селение 462
Хамган, город 296
Хезарджериб, округ 302
Хейрабад, город 603, 658
Хива, город и область 6, 19, 28, 30, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 43, 44, 47, 48, 49, 51, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 64, 67, 68, 71, 72, 74, 75, 76, 79, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 96, 98, 101, 102, 105, 106, 107, 110, 116, 117, 130, 132, 133, 136, 138, 141, 155, 161, 162, 163, 165, 166, 168, 180, 181, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 206, 208, 212, 213, 214, 215, 217, 218, 225, 226, 227, 228, 229, 233, 234, 235, 236, 240, 241, 244, 246, 249, 250, 255, 256, 257, 258, 259, 261, 262, 263, 264, 265, 267, 269, 271, 272, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 286, 291, 292, 293, 294, 299, 310, 311, 316, 324, 325, 326, 329, 337, 361, 363, 366, 410, 411, 412, 414, 424, 426, 427, 432, 435, 437, 465, 466, 472, 474, 486, 487, 489, 490, 526, 540, 573, 575, 598, 672, 673, 675, 678, 686, 687, 695, 702, 721, 722
Хивинский оазис 115, 116, 117, 197, 233, 248, 396, 397, 439, 485, 536
Хивинский район 249
Хивинское ханство 44, 71, 75, 77, 83, 84, 100, 101, 103, 106, 115, 137, 138, 142, 235, 244, 251, 256, 257, 263, 266, 267, 269, 273, 283, 285, 292, 327, 410, 412, 436, 447, 439, 462, 486
Ходжа-Или (Ходжейли), селение 106, 121, 575
Ходжа-Куль, озеро 127
Ходжам-Кала, укрепление 321 344, 346, 347, 360, 377, 383, 387, 389, 422, 423, 427, 428, 430, 431, 442, 469, 470, 473, 527
Ходжа-Нефес, селение 166, 237
Хорасан, область 10, 22, 63, 194, 200, 232, 242, 254, 257, 258, 270, 275, 276, 289, 290, 297, 298, 301, 315, 316, 317, 325, 328, 329, 333, 344, 361, 362, 363, 371, 373, 419, 425, 466, 551, 562, 563, 580, 583, 592, 600, 619, 634, 653, 670, 752, 754, 756, 766, 794
Чаардах, урочище 371
Чаача, селение 552, 559, 637, 707,
Чагат, озеро 132
Чагыл, колодцы 405, 432, 481
Чамени-Савар, долина

Чандыр, река (приток Сумбара) 90, 110, 115, 117, 195, 208, 343, 366, 375, 397, 422, 474, 602
Чарджуй (Чарджоу), город 20, 241, 265, 266, 272, 273, 280, 284, 287, 347, 433, 434, 471, 593, 650, 672, 680, 681, 791, 795
Чат, укрепление 195, 207, 340, 341, 343, 344, 345, 346, 347, 349, 350, 351, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 362, 366, 369, 377, 379, 383, 385, 386, 394, 397, 398, 405, 410, 415, 421, 422, 423, 426, 431, 436, 456, 468, 469, 531, 602, 664
Чахча, урочище 371
Чикишляр (приморский порт) 11, 64, 68, 69, 70, 71, 77, 79, 80, 82, 83, 87, 89, 90, 91, 95, 96, 157, 158, 166, 172, 173, 339, 341, 343, 344, 351, 356, 357, 359, 360, 362, 364, 365, 378, 383, 384, 385, 386, 394, 396, 397, 398, 399, 404, 405, 408, 410, 413, 421, 422, 423, 431, 432, 437, 456, 462, 468, 469, 472, 473, 476, 477, 478, 528, 531
Чикишлярский аул 356, 357, 358
Челекен, остров (ныне полуостров) 21, 24, 30, 41, 42, 46, 142, 161, 198, 199, 223, 332, 424, 543
Челерз, возвышенность 297, 302
Черкесия 72
Черная речка (Кара-Су) 247
Чорок, речка 374
Чурук, речка 374
Чукур-кую, колодец 87
Шабас-Вали, селение 330
Шанат, арык 293
Шарды, селение 223, 339, 341, 357, 358, 359
Шамурат, стоянка 227
Шамурат, канал 121
Шах-Абадский канал 115
Шах-Кадам (Шагадам) 27, 157, 427
Шахризяб, город 792
Шахруд, город, область 22, 61, 97, 98, 297
Шигак, селение, укрепление 309
Шильган, город 632, 637, 752
Шир-Абад (Ширабад), город 333, 335, 564
Ширван, город и область 387
Эгри-Гузер, селение 609
Эльбрус, хребет 46, 376
Эмба, река 363, 365
Эмбенский уезд 47
Энзели, город
Яглы-Олум, селение 359, 476, 561
Ягман, колодец 420
Ялчи-Ата, ущелье 310, 312
Ян-Кала, укрепление 164, 499
Янги-Кала, укрепление 387, 437, 459, 460, 504, 505, 506
Яраджа, укрепление 191, 444, 489

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I

Упрочение России в Западном Туркменистане (1869—1874 гг.) 17

Глава II

Туркмения в период подготовки первой Ахал-Текинской экспедиции и дальнейшего обострения англо-русского соперничества в Средней Азии (1874—1878 гг.) 153

Глава III

Туркмения в период Ахал-Текинских экспедиций. Занятие царскими войсками Ахала и образование Закаспийской области (1878—1881 гг.) 353

Глава IV

Дальнейшее обострение русско-английского соперничества в Туркмении. Усиление русского влияния в Юго-Восточной Туркмении. Присоединение Мерва к России (1881—1884 гг.) . . . 549

Глава V

Движение туркмен долины Мургаба за присоединение к России. Колонизаторские происки Англии в Туркмении. Таш-Кепринский инцидент. Присоединение долины Мургаба к России (1884—1886 гг.) 717
Список сокращенных слов 797
Список названий фондов 798
Хроника событий 799
Указатель имен собственных 801
Указатель географических названий 811

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИИ
К РОССИИ

(Сборник архивных документов)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Туркменской ССР

ДЕРЖАВНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА
ім. Короленка, Харків
№ А 51666
10.XI-60

Редакторы Издательства *О. А. Абдулова, Н. Н. Колпакова*
Техредактор *А. Н. Мироедова*
Корректор *Г. А. Ивонтьева*

Сдано в набор 1/II-60 г. Подписано к печати 23/VIII-60 г.
Печ. л. 51,5. Уч.-изд. л. 52,62. Бум. 60x92¹/₁₆. Тираж 1000.
Заказ. № 280. Изд. № 17/202. Цена в пер. № 7 13 р. 60 к.
(1 р. 36 к. новая цена). И—04493.

Типография Академии наук ТССР, Энгельса, 90.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	23 сверху	В. С. Эсадзе	Б. С. Эсадзе
5	8 снизу	проверенных	проведенных
15	11 сверху	545, 521, 210, 1087, 5	5, 15, 229, 521, 545, 1087
15	10 снизу	По возвращению этих людей из Мерва русские власти	По возвращению этих людей русские власти
39	1 снизу	Тетерников	Тетеревников
47	3 снизу	УзССР	УзССР
105	12 сверху	разрешения туркменского вопроса в Хиве	разрешения туркменского вопроса в Хиве[3]
195	4 снизу	Бакунии	Бакулии